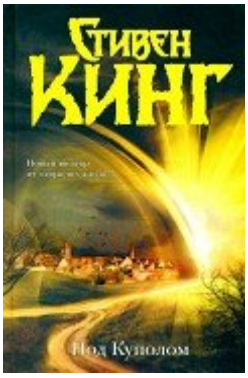
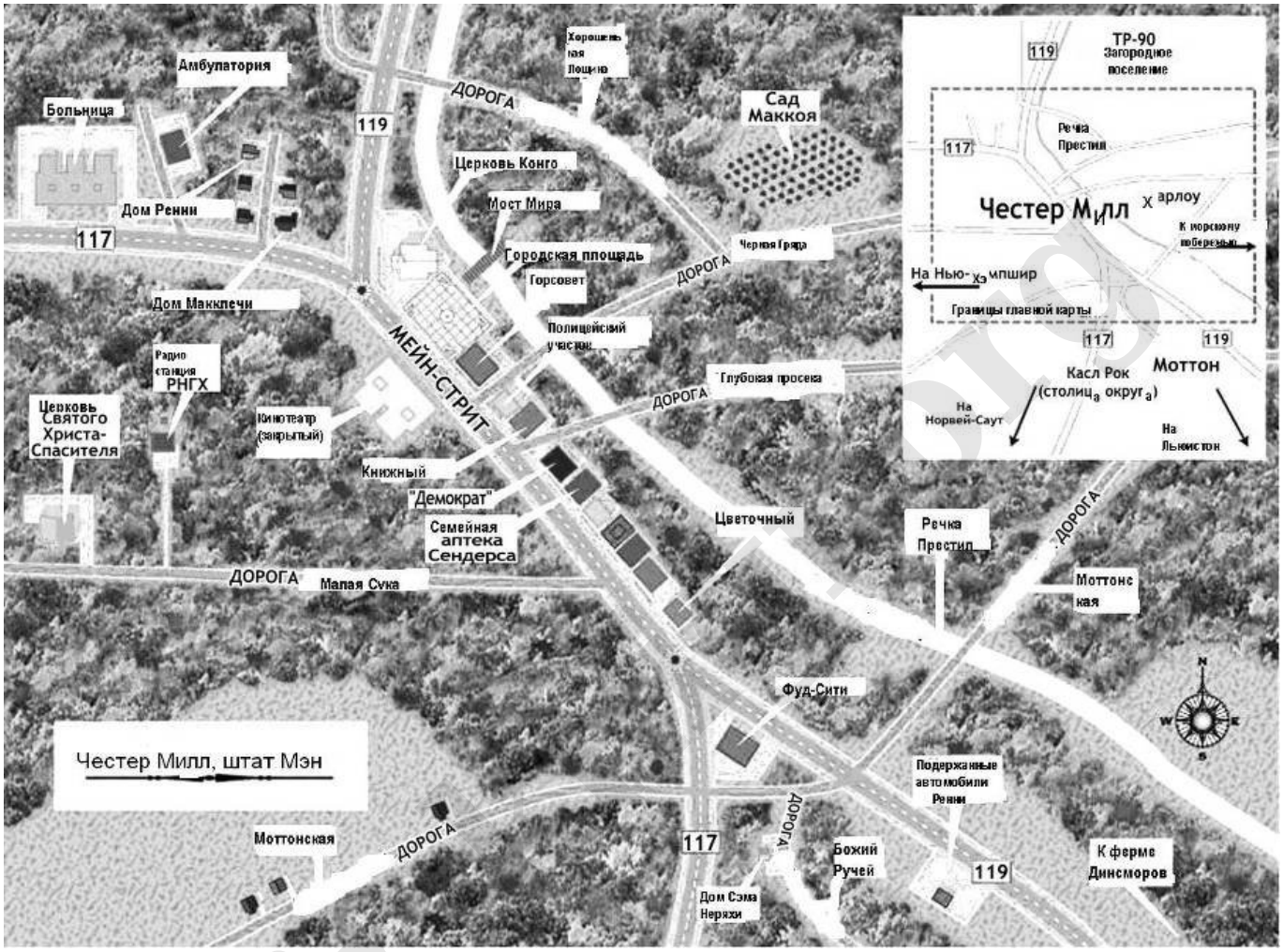


"Под куполом"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

СТИВЕН КИНГ

Под куполом



Памяти Сурендры Дахъябхай Патела

Мы скорбим о тебе, друг

Кого ты ищешь

Как его имя

Мать, на поле найдешь

В команде игра

Это маленький город, сынок

Тебе нужно осмыслить

Мы одна команда

И нам в нем жить

Джеймс Макмертри[1]

КОЕ-КТО (НО НЕ ВСЕ) ИЗ ТЕХ, КТО НАХОДИЛСЯ В ЧЕСТЕР МИЛЛЛЕ В ДЕНЬ КУПОЛА:

ГОРОДСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

Энди Сендерс - первый выборный

Джим Ренни - второй выборный

Эндрия Гриннелл - третья выборная

ПЕРСОНАЛ « РОЗЫ- ШИПОВНИКА»

Рози Твичел - хозяйка

Дейл Барбара - повар

Энсон Вилер - посудомойщик

Энджи Маккейн - официантка

Доди Сендерс - официантка

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ

Говард (Дюк) Перкинс - шеф полиции

Питер Рендольф - заместитель шефа

Марти Арсенолт - офицер[2]

Фрэдди Дентон - офицер

Джордж Фредерик - офицер

Руперт Либби - офицер

Тоби Велан - офицер

Джеки Веттингтон - офицер

Линда Эверетт - офицер

Стэйси Моггин - офицер/диспетчер

Джуниор Ренни - внештатный помощник

Джорджия Руа - внештатный помощник

Фрэнк Делессепс - внештатный помощник

mir-knigi.org

Мэлвин Ширлз - внештатный помощник

Картер Тибодо - внештатный помощник

ПАСТЫРСКАЯ ОПЕКА

Преподобный Лестер Коггинс - Церковь Святого Христа-Спасителя

Преподобная Пайпер Либби - Первая Конгрегационная церковь

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ

Рон Гаскелл - врач

Расти Эверетт - фельдшер

Джинни Томлинсон - медсестра

Даги Твичел - санитар

Джина Буффалино - медсестра-волонтерка

Гарриэт Бигелоу - медсестра-волонтерка

ГОРОДСКИЕ ДЕТИ

Малыш Уолтер Буши

Пугало Джо Макклечи

Норри Келверт

Бэнни Дрэйк

Джуди и Дженнилл Эверетт

Олли и Рори Динсмор

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЖИТЕЛИ ГОРОДА

Томми и Вилла Андерсоны – владельцы / управляющие придорожного ресторана «Диппер»

Стюарт и Ферналд Бови – владельцы / управляющие похоронного салона «Бови»

Джо Боксер - дантист

Ромео Бэрпи – владелец / управляющий универсального магазина Бэрпи

Фил Буши - мастер сомнительной репутации

Саманта Буши - его жена

mir-knigi.org

Джек Кэйл - директор супермаркета

Эрни Келверт - директор супермаркета на пенсии

Джонни Карвер - заведующий магазином самообслуживания

Алден Динсмор - фермер-молочник

Роджер Кильян - фермер-птицевод

Лисса Джеймисон - городская библиотекарша

Клэр Макклечи - мать Пугала Джо

Элва Дрэйк - мать Бэнни

Стабби Норман - антиквар

Бренда Перкинс - жена шефа полиции Перкинса

Джулия Шамвей – хозяйка / редактор местной газеты

Тони Гай - спортивный репортер

Пит Фримэн - фоторепортер

Неряха Сэм Вердро - городской пьяница

НЕМЕСТНЫЕ

Алиса и Эйден Эпплтон - Купольные сиротки («Купротки»)

Терстон Маршалл - писатель с медицинскими навыками

Каролин Стерджес - аспирантка

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОБАКИ

Горес - пес (корги) Джулии Шамвей

Кловер - пес (немецкая овчарка) Пайпер Либби

Одри - сука (золотистый ретривер) семьи Эвереттов

САМОЛЕТ И СУРОК

1

С высоты двух тысяч футов, там, где Клодетт Сендерс училась управлять самолетом, город Честер Милл играл в утреннем свете бликами, словно новенькая монета. Катились, сверкая на солнце, автомобили по магистральной Мэйн-стрит. Сиял, словно вот-вот пронзит безупречно

mir-knigi.org

чистое небо, остроконечный шпиль церкви Конго[3]. Бежали наперегонки с речкой Престил солнечные зайчики, но «Сенека-V»[4] обгонял и их, и саму речушку, пересекая город по диагонали в том же направлении, что и поток.

- Ой, Чак, кажется, я вижу там двоих мальчиков, возле моста Мира! Они рыбачат!

Это была такая искренняя радость, что женщина даже рассмеялась. Уроки пилотирования она брала с любезного согласия своего мужа, первого городского выборного. Хотя тот и придержался мнения, что если бы Бог хотел, чтобы бы человек летал, Он дал бы ему крылья, Энди был сговорчивым парнем, и постепенно Клодетт добилась своего. Она получила удовольствие от первого же урока. И это удовольствие было чем-то большим, чем простое наслаждение, потому что оно пьянило. Сегодня же она впервые по-настоящему поняла, что делает полет таким захватывающим. Почему летать - это так классно.

Чак Томпсон, ее инструктор, деликатно коснувшись штурвала, кивнул на панель.

- Прекрасно, Клоди, но давай не будем рыскать, выровняй авиагоризонт, о'кей?

- Извини, извини.

- Не за что.

Он не первый год учил людей этому делу, и ему нравились такие ученики, как Клодетт, которые искренне стремились научиться чему-то новому. Вскоре ее радость будет стоить Энди Сендерсу серьезных денег; ей понравился самолет, и она выразила желание и себе заиметь такой же, только новый, «Сенеку». Это обойдется примерно в миллион долларов. Не сказать, что очень разбалованная, Клоди Сендерс, безусловно, имела вкус к роскоши, который ее Энди - вот же счастливчик! - удовлетворял без проблем.

Чаку также нравились такие дни, как сегодня: неограниченная видимость, ни ветерка, комфортные условия для тренировочного полета. Однако от того, как она выровняла курс, «Сенеку» все же тряхнуло.

- Ты витаешь в облаках. Перестань. Скорость сто двадцать. Давай держаться направления сто девятнадцатого шоссе. И спустись до девятисот[5].

Она выполнила инструкции. «Сенека» вновь полетел ровно. Чак расслабился.

Они промелькнули над салоном «Подержанные автомобили Джима Ренни», и город остался позади. По обе стороны шоссе 119 поплыли поля, яркими кронами пламенели деревья. Похожая на распятие тень «Сенеки» бежала по асфальтированной трассе, одним темным крылом тень мазнула по муравьиной фигурке мужчины с рюкзаком на спине. Мужчина-муравей взглянул вверх и помахал рукой. Чак махнул ему в ответ, хотя и знал, что пешеход не может его увидеть.

- Какой же, черт побери, сегодня чудесный день! – произнесла Клоди.

Чак рассмеялся.

Жить им оставалось еще сорок секунд.

2

Сурок продвигался не спеша по обочине 119-го шоссе, направляясь в сторону Честер Милла, а впрочем, до города еще оставалось мили полторы и даже «Подержанные автомобили Джима Ренни» - там, где дорога заворачивала левее, - виднелся отсюда лишь собранными в рядки солнечными бликами. Сурок планировал (если вообще можно сказать такое о сурке, будто бы тот может что-то планировать) затеряться среди деревьев раньше, чем он туда доберется. Но пока что эта обочина его полностью устраивала. Он отошел дальше от своей норы, чем задумывал, но солнце грело ему спинку и запахи дразнили нос, формируя какие-то рудиментарные образы - не сказать, чтобы настоящие картины - в его мозге.

Вдруг он остановился и встал на задние лапы. Зрение у него было уже не то, как когда-то, но достаточно хорошее, чтобы сурок успел заметить человека, который двигался ему навстречу по противоположной обочине.

Однако сурок решил все же еще немного продвинуться вперед. Люди часто оставляли за собой хорошие объедки.

Он был старым, опытным, дородным зверьком. В свое время ограбил много мусорных баков и путь к городской мусорной свалке знал не хуже чем все три туннеля собственной норы: на мусорнике всегда найдется что-нибудь вкусненькое. Не усматривая угрозы для себя, он, не торопясь, побрел дальше, посматривая на мужчину, который приближался по другой обочине.

Мужчина остановился. Сурок понял, что его заметили. Немного впереди справа лежала поваленная береза. Он спрячется под ней, переждет, пока человек пройдет, а потом проверит, вкусненького чего-нибудь не…

Вот так далеко зашел в своих мыслях сурок, делая вперевалочку три своих последних шага - как тут его перерезало пополам. Он распался на две половинки рядом с дорогой. Брызнула кровь. Кишки вывалились на землю. Задние лапы дважды дернулись и замерли.

Последняя его мысль, перед тем как наступила окончательная тьма, которая поглощает всех нас, хоть сурков, хоть людей, была: «Что случилось?»

3

Все стрелки на контрольной панели замерли.

- Что за черт? - произнесла Клоди Сендерс. Повернулась лицом к Чаку. Глаза широко раскрыты, но паники в них не было, лишь удивление. Для паники не хватило времени.

Чак так и не увидел контрольной панели. Он увидел, как сплющивается нос «Сенеки». А дальше он увидел, как разлетаются в щепки оба пропеллера.

Увидеть что-то другое, не было времени. Времени не было ни на что. «Сенека» взорвался над шоссе 119, пролившись огненным дождем на соседние поля. С неба также падали остатки тел. Стукнулась рядом с аккуратно перерезанным сурком дымящаяся рука - Клодетт.

Было двадцать первое октября.

БАРБИ

1

Как только он миновал «Фуд-Сити» и город остался позади, у Барби улучшилось настроение. Увидев надпись: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГОРОД ЧЕСТЕР МИЛЛ. ЖДЕМ ВСКОРЕ ВАС НАЗАД!» - Барби почувствовал себя еще лучше. Он радовался, что вновь отправился в дорогу, но не просто из-за того, что получил хорошую взбучку в Милле. Душевный подъем ему дарила обычная старая добрая тяга к перемене мест. Он уже где-то недели две ходил окутанный серой тучей личного дискомфорта, прежде чем потасовка на стоянке около «Диппера», наконец, подтолкнула его в сраку к принятию этого решения.

- В сущности, я обычный бомжара, - произнес он и рассмеялся. - Проходимец направляется в Широкий Мир. А почему бы и нет? В Монтану! Или в Вайоминг. В Южную Дакоту, в сраный Рапид-Сити. Да хоть куда-нибудь, лишь бы подальше отсюда.

Он услышал, как приближается звук двигателя, обернулся - теперь шел задом наперед - и поднял большой палец. Интересная комбинация вынырнула у него перед глазами: старый подержанный «Форд» пикап с освежающе молодой блондинкой за рулем. Пепельной блондинкой, самый любимый его тип. Барби продемонстрировал самую искусительную из своих улыбок. Девушка за рулем пикапа ответила ему тем же и, о Боже, если бы оказалось, что она, хоть на секунду старше девятнадцати, он сожрал бы свой последний, полученный за работу в «Розе-Шиповнике» чек. Весьма юная подружка для джентльмена полных тридцати лет, нет сомнения, но вполне легально пригодная, как говорили во времена его кукурузной юности в Айове.

Пикап притормозил, он тронулся к машине… но она тут же вновь набрала скорость. Девушка еще раз мельком взглянула на Барби, проезжая мимо него. Улыбка не сошла с ее лица, но теперь в ней сквозила печаль. «Помрачилось в голове на минутку, - читалось в той улыбке. - Но здравый смысл ко мне уже вернулся».

А Барби ее лицо показалось как будто знакомым, хотя наверняка он не мог сказать, потому что в воскресные утра в «Шиповнике» всегда стоял гул не хуже чем в дурдоме. Однако ему припомнилось, что он видел эту девушку с каким-то взрослым мужчиной, вероятно, ее отцом, оба погруженные - у каждого перед глазами своя часть - в чтение воскресного «Таймс». Если бы он мог, когда она проезжала мимо него, с ней заговорить, Барби сказал бы: «Если ты доверяла мне жарить для тебя яйца с колбасой, наверняка могла бы доверить также, чтобы я несколько миль потрясся рядом с тобой на пассажирском сидении».

Конечно, такой возможности ему не выпало, и он лишь махнул ей рукой, словно говоря: «Не бери в голову». Зажглись задние фонари, словно она решила передумать. Затем они потухли, и пикап прибавил скорости.

На протяжении последующих дней, когда дела в Милле начали от плохих меняться к худшим, он вновь и вновь прокручивал в голове тот момент теплого октябрьского дня. А именно вспоминал мигание задних фонарей… В конце концов, она могла и узнать его, подумать: «Это же тот повар из «Розы-Шиповника», я почти уверена. Наверное, мне следовало бы…»

Хотя, возможно, между ними была пропасть, в которую падали люди, более лучшие, чем он. Если бы она передумала, все бы в его жизни с того времени пошло по-другому. Потому что ей наверняка удалось проскочить; он больше никогда в жизни не видел вновь ни той блондинки с ее свежим личиком, ни ее грязного старого пикапа «Ф-150»[6]. Наверное, она пересекла границу города Честер Милл за пару минут (а то и секунд) до того, как ее было закрыто. Если бы он сидел рядом с ней, то оказался бы снаружи и спасся.

«Если бы, конечно, - думал он позже, в тот момент, когда сон его игнорировал, - задержка,

чтобы меня подобрать, не оказалась долгой, а, следовательно, фатальной. В таком случае меня бы здесь также не было. И ее тоже. Потому что на том отрезке 119-го шоссе действует ограничение скорости до пятидесяти миль в час. А при пятидесяти милях в час…»

На этом месте он всегда возвращался мыслями к самолету.

2

Самолет пролетел над ним, одновременно с тем, как он миновал салон «Подержанные автомобили Джима Ренни», заведение, к которому Барби не чувствовал любви.

Дело было не в том, что он когда-то приобрел себе там какую-то рухлядь (уже более года он не имел машины, последнюю продал еще в Пунта-Горда[7], во Флориде). Просто Джим Ренни Младший был среди тех ребят в тот вечер на парковке возле «Диппера». Мажористый пацан, которому всё время хотелось кому-то что-то доказать, а когда он не мог чего-то доказать сам, он делал это вместе со своей стаей. Опыт Барби подсказывал, что во всем мире Джими-Младшие именно таким образом и решают все свои дела.

Но все это теперь осталось позади. Джим Ренни, Джим Джуниор, «Роза-Шиповник» (Жареные устрицы[8] - наша специализация! Всегда целые, никогда - порезанные), Энджи Маккейн, Энди Сендерс. Все эти дела, включая то, возле «Диппера». (Обеспечение избиений на парковке - наша специальность!) Все это оставил позади. А что у него впереди? Как это что - настежь распахнутые ворота Америки. Прощай, штат Мэн, привет тебе, Широкий Мир.

А может, черт побери, ему вновь податься на Юг? Ну и что, что сегодня день такой замечательный, уже через пару страниц в здешнем календаре притаилась зима. На юге должно быть хорошо. Он никогда не бывал в Месел Шоулз[9], хотя ему всегда нравилось само название. В нем было что-то такое чертовски поэтическое - «мышцами одолеваешь пороги», эта идея так его окрылила, что, услышав, как приближается гудение маленького самолета, он задрал голову и по-младенчески жизнерадостно ему помахал. Хотелось, чтобы и тот в ответ помахал крыльями, однако не дождался, хотя самолет проплывал невысоко и неспешно. Барби подумал: какие-то любители любуются видами - день сегодня именно для них, роскошное разноцветье деревьев - а может, какой-то юный летчик тренируется ради получения лицензии пилота и, боясь ошибиться, не обращает внимание на наземных насекомых типа Дейла Барбары. Все равно он пожелал им счастья. Пусть там хоть туристы, хоть какой-то подросток, впереди у которого еще целых шесть недель до первого сольного полета, Барби всем им желал удачи. Роскошным был день, и каждый шаг, который отдалял его от Честер Милла, делал этот день еще лучше. Многовато мудаков в этом Милле, а кроме того: путешествия - это хорошо для души.

«И вообще, нам следовало бы принять закон о перемене мест в октябре, - подумалось ему. - Новый национальный лозунг: В ОКТЯБРЕ ВСЕ ПЕРЕЕЗЖАЮТ. Получаешь лицензию на сборы в августе, в середине сентября подаешь стандартное (за неделю) заявление на увольнение с работы, и тогда…»

Он остановился. Заметил сурка впереди, на противоположной обочине дороги. И какой же гладенький, прямо отсвечивает, наглец. И даже не подумывает о том, чтобы шмыгнуть прочь, спрятаться в высокой траве, так и шлепает навстречу. Неподалеку, касаясь верхушкой обочины дороги, лежалая поваленная береза, и Барби готов был поспорить, что сурок спрячется под ней, переждать, пока пройдет это большое опасное двуногое существо. А если нет, тогда они спокойно разминутся, как пара приличных бомжей, которыми они на самом

деле и были, направляясь каждый своим курсом, четырехлапый - на север, двуногий - на юг. Барби хотелось, чтобы произошло именно так. Это было бы круто. Все эти мысли в голове Барби промелькнули за какую-то секунду, тень самолета все еще оставалась между ним и сурком, ее черный крест мчался по дороге. И вдруг, почти одновременно, случились два события.

Первое - с сурком. Вот только что он был цел, и в одно мгновение распался на две половинки. Обе в крови и дергаются. Барби застыл, челюсть у него отвисла, словно на вдруг расслабленных шарнирах. Это выглядело так, словно упал нож какой-то невидимой гильотины. И в тот же миг, прямо над разрубленным пополам сурком, взорвался маленький самолет.

3

Барби задрал голову. Вместо хорошенького самолетика, который пролетел над ним буквально за секунду перед этим, теперь с неба хлынул какой-то расплющенный аналог планеты Химера[10]. Распустившись извилистыми красно-оранжевыми лепестками огня, в воздухе расцвела роза сорта Американская катастрофа. Со стремительно падающего самолета валил дым.

Что-то звякнуло о дорогу слева, прыснув во все стороны асфальтовыми комьями, прежде чем пьяно завертеться в высокой траве. Пропеллер.

«А если бы он отскочил в мою сторону…»

Барби вмиг представил себя разрубленным пополам, как этот несчастный сурок, и развернулся, чтобы убежать. Что-то бухнуло прямо перед ним, он даже вскрикнул. Но это был не второй пропеллер; это была мужская нога в синей джинсовой брючине. Крови он не увидел, но через разодранный боковой шов виднелась белая плоть и кучерявые черные волосы.

Ступни при ноге не было.

Барби побежал с ощущением, сто движется, как в замедленном кино. Увидел свою собственную ступню в старом потрепанном ботинке, она поплыла вперед и опустилась. Потом исчезла позади, а вперед потянулась вторая ступня. И все это очень медленно. Словно смотришь по телевизору повтор какой-то драматической для бейсбольного матча пробежки.

Сзади громко бухнуло что-то большое, а затем прозвучал второй взрыв, обдав его жаром от пяток до затылка. Этот порыв, словно горячей ладонью, еще сильнее подтолкнул его вперед. И тогда уже все его мысли сдуло прочь и не осталось ничего, кроме грубого желания тела - выжить.

Дейл Барбара побежал во весь опор, спасаясь от гибели.

4

Где-то через сотню ярдов большая горячая рука позади его превратилась в призрачную ладонь, хотя запах горящего топлива - плюс сладковатый запах, который, несомненно, образовывала смесь расплавленного пластика и горелой плоти, - оставался сильным, долетая дыханиями легкого бриза. Барби пробежал еще ярдов шестьдесят, потом остановился и обернулся. Запыхавшийся. Вряд ли от бега, подумал он, потому что он не курил и находился в хорошей форме (то есть… по правде, ребра с правой стороны все еще болели после избиения на

mir-knigi.org

парковке возле «Диппера»). Он подумал, что причина в испуге и волнении. Его могло убить падающими кусками самолета - не одним лишь оторванным пропеллером, - или сжечь заживо. Чисто случайно ему повезло.

Тут он увидел такое, от чего оборвалось даже его запыхавшееся дыхание. Он вытянулся в струнку, засмотревшись назад, на место катастрофы. Дорога была усеяна обломками, да, это истинное чудо, что его не убило и даже не ранило. Неподалеку от места, где остановился бешеный пропеллер, с правой стороны лежало погнутое крыло, второе крыло торчало из некошеной тимофеевки слева. В дополнение к ноге в синей джинсовой брючине, он заметил оторванную от плеча руку. Рука словно показывала на голову, утверждая: она моя. Судя по волосам, это была голова женщины. Линия электропередач, которая тянулась рядом с дорогой, была истерзана. Отрубленные, искореженные провода валялись на обочине.

За головой и рукой виднелась помятая труба фюзеляжа. Барби прочитал надпись: N3J. Если там и были когда-то какие-то другие буквы, часть с ними оторвало.

Но совсем не это привлекло его взгляд, забрало у него дыхание. Роза Катастрофы отцвела, но в небе остался огонь. Наверняка, горит топливо. Но…

Но оно тонким слоем стекало вниз по воздуху. Через него Барби видел даль - тот самый беззаботно мирный, однако хрупкий на вид, сельский ландшафт штата Мэн. Воздух витал, как над раскаленной печью или обогревателем. Выглядело это так, словно кто-то плеснул на оконное стекло бензин и поджог его.

Чуть ли не в гипнотическом трансе - во всяком случае, приблизительно так он и чувствовал себя - Барби двинулся назад, к месту катастрофы.

5

Первое его импульсивное желание - накрыть человеческие останки, но их было слишком много. Теперь он увидел и другую ногу (в зеленых слаксах), и женское туловище, которое застряло в можжевеловом кустарнике. Он мог бы снять с себя рубашку и набросить женщине на голову, а что дальше? Хотя у него в рюкзаке лежало еще две запасных рубашки…

Со стороны Моттона, ближайшего города южнее Честер Милла, приближался автомобиль, такой небольшой джип-паркетник, и мчался он довольно быстро. Кто-то услышал взрыв или увидел вспышку. Помощь. Благодарю Бога за помощь. Расставив ноги над осевой линией, Барби встал подальше от все еще стекающего с неба, наподобие воды по оконному стеклу, огня и, задрав руки над головой, начал ими махать крест-накрест.

Водитель дал знать одиночным гудком, что заметил сигнал, и нажал на тормоза, оставив за собой сорок футов резинового следа. Он выскочил из кабины едва ли не раньше, чем успела остановиться его «Тойота», здоровый, жилистый дядька с длинными седыми волосами, которые выпадали из-под бейсбольной кепки с надписью «Морские Псы»[11]. Пустился бегом по обочине с намерением обойти ниспадающий огонь.

- Что случилось? - спросил он. - Что здесь за чертово происше…

Тут он обо что-то ударился. Жестко. Ничего такого там не было, но Барби увидел, как у дядьки свернулся набок сломанный нос. Его рикошетом оттолкнуло от пустоты, а изо рта, носа и лба уже текла кровь. Он упал на спину, но тут же сумел принять сидячую позицию. Он сидел и смотрел на Барби удивленными, ошарашенными глазами, в то время как кровь из разбитого

носа и рта стекала ему на рабочую рубашку, а Барби смотрел на него.

ДЖУНИОР И ЭЙНДЖИ

1

Парочка ребят, которые ловили рыбу около моста Мира, даже не подняли голов, когда над ними пролетал самолет, а вот Джуниор Ренни на него взглянул. Он был за квартал оттуда, на Престил-Стрит, и узнал звук. Это был «Сенека-V» Чака Томпсона. Джуниор посмотрел вверх, увидел самолет, но, получив между деревьев мучительный залп ярких солнечных лучей прямо себе в глаза, резко опустил голову. Снова боль в голове. В последнее время головная боль начала посещать его чаще. Иногда эту боль тормозили лекарства. Иногда, особенно в последние три-четыре месяца, лекарства не действовали.

Доктор Гаскелл говорит - мигрень. Джуниору достаточно было знать, что во время этих припадков ему становится так плохо, что хоть умирай, а яркий свет еще и ухудшал эти ощущения, особенно, когда боль только начинала проклевываться. Иногда он вспоминал, как они с Фрэнком Делессепсом, тогда еще совсем малышня, жгли муравьев. Увеличительным стеклом фокусировали на муравьях солнечный свет, когда те выползали со своего муравейника или залезали в него. В результате получали фрикасе «муравьятина». А теперь, когда у него начинала проклевываться очередная боль, муравейником становилась его собственная голова, а глаза превращались в пару увеличительных линз.

Ему был двадцать один год. Выходит, так и придется все это терпеть, пока ему не исполнится сорок пять, тогда, как сказал доктор Гаскелл, мигрени могут оставить его в покое?

Вероятно. Но этим утром даже боль его не остановила. Увиденные на подъездной аллее «Тойота 4 Раннер» Генри Маккейна или «Приус»[12] Ладонны Маккейн могли бы его остановить; в таком случае он развернулся бы и пошел к себе домой, принял дополнительную порцию имитрекса[13] и лег бы у себя в спальне с опущенными занавесками и мокрой тряпкой на лбу. Может, с ослаблением боли и его мучения начали бы уменьшаться, а может, и нет. Тем черным паукам стоит лишь прицепиться…

Он вновь взглянул вверх, на этот раз, прищурив глаза против ненавистного света, но «Сенеки» уже не было видно, и даже жужжание двигателя (также раздражающее - любые звуки раздражали его в этом чертовом состоянии) затихало. Чак Томпсон, с каким-то навеянным себе пилотом или пилоткой. И хотя Джуниор не имел ничего против Чака - вообще не знал его близко, - ему захотелось с какой-то внезапной, детской злостью, чтобы этот его ученик-летун пересрал себе все удовольствие и разбился вместе с самолетом.

В идеале, еще бы и прямо посреди автосалона его отца.

Дежурный червь боли закрутился в голове, но не помешал ему подняться по лестнице крыльца Маккейнов. Дело должен быть сделано. И так уже просрочил свой долг этой сучке. Он должен преподать урок Энджи.

«Только слишком не увлекайся. Не позволяй потерять контроль над собой».

Словно по вызову выплыл голос его матери. Ее раздражающе самодовольный голос.

«Джуниор всегда был вспыльчивым мальчиком, но теперь он стал сдержаннее. Правда же,

Джуниор?»

Ну. Да. Был когда-то. Помогла игра в футбол. Но сейчас нет футбола. Сейчас и занятий в колледже нет. А вместо этого есть боль. И от нее он становится каким-то мазефакером.

«Не позволяй потерять контроль над собой».

Да уж. Но он должен с ней все равно поболтать, пусть там боль или не боль.

И, как сказано в старой прибаутке, поболтать он с ней должен вручную. Как знать?

Если он сделает плохо Энджи, то ему самому, возможно полегчает.

Джуниор нажал кнопку звонка.

2

Энджи Маккейн только что вышла из душа. Она набросила халат, завязала пояс, после чего обмотала себе полотенцем мокрую голову.

«Иду!» - крикнула, спускаясь неспешно по ступенькам на первый этаж. На лице ее блуждала улыбка. Это Фрэнки, она была уверена, это пришел Фрэнки. Наконец-то все поворачивается в нужную сторону. Этот проклятый повар (симпатичный, но какой же козлище) уже или покинул город, или собирается, а ее родители в отъезде. Прибавь одно к другому - и получишь знак от Бога, что все поворачивается в нужную сторону. Они с Фрэнки смогут оставить все дерьмо позади и вновь воссоединиться.

Она точно знала, как ей нужно все обставить: открыть двери, и тогда распахнуть на себе халат. Просто так, при ясном свете субботнего дня, когда любой прохожий может ее увидеть. Сначала она, конечно, убедится, что там Фрэнки - у нее нет охоты оголиться перед миссис Викер, если та позвонила в дверь, чтобы вручить бандероль или заказное письмо, - но до утренней почты остается еще где-то с полчаса.

Да нет, там Фрэнки. Она была уверена.

Она распахнула двери, едва тронутые улыбкой губы растянулись в призывный оскал - что было не очень хорошо, учитывая то, что у нее по рту размещались зубы размером с огромные чиклетки[14]. Одной рукой она держалась за узел пояса на своем халате. Но так его и не потянула. Потому что в дверях оказался не Фрэнки. Там стоял Джуниор, к тому же на вид дико сердитый…

Она и раньше видела его в таком помутненном состоянии - фактически, много раз видела, - но еще никогда таким злым, с того времени как в восьмом классе Джуниор сломал руку мальчику по фамилии Дюпри. Этот маленький педик с кругленькой попкой отважился припереться на общественную баскетбольную площадку, и попроситься в игру. Она подумала, что точно такое же грозное выражение лица у него было в тот вечер на парковке возле «Диппера», хотя самой ее там, конечно же, тогда не было, она лишь слышала об этом. Все в Милле слышали о том деле. Шеф Перкинс вызывал ее на беседу, и этот чертов Барби тоже там был, а потом узнали уже и все.

- Джуниор? Джуниор, что…

Он дал ей пощечину, и все ее мысли разлетелись прочь.

3

Он не очень сильно вложился в первый удар, потому что стоял в дверном проеме, а там надлежащим образом не размахнуться, только и сумел занести назад руку на пол-локтя. Он, может, вообще бы ее не бил (по крайней мере, не начинал бы с этого), если бы она не оскалила свои зубы - Господи, какие же зубища, от их вида его еще в начальных классах пробивала дрожь - и если бы она не назвала его Джуниором.

Конечно, весь город называл его Джуниором, он сам себя мысленно звал Джуниором, но никогда не представлял себе, как он не любит это имя, как дико-смертельно-невыносимо он его ненавидит, пока не услышал, как оно вылетело между ужасных, словно могильные камни, зубов этой суки, которая придала ему столько хлопот. Произнесенное, оно пронзило ему голову так же, как раньше это сделал блеск солнечных лучей, когда он задрал голову, чтобы увидеть самолет.

Впрочем, как для пощечины без размаха, и этот удар вышел неплохим. Она споткнулась, сделав шаг назад, и ударилась о перила ступенек, полотенце слетело у нее с головы. Влажные каштановые космы змеились у нее по щекам, отчего она стала похожа на Медузу. Улыбка на ее лице уступила место ошарашенному удивлению, и Джуниор заметил каплю крови в уголке ее губ. Уже хорошо. Просто чудесно. За то, что она сделала, эта сука заслужила кровопускания. Столько хлопот принесла, и не только ему, а и Фрэнки, и Мэлу, и Картеру тоже.

Голос матери в его голове: «Не позволяй себе потерять контроль над собой, дорогой. - Даже мертвая, она не утомляется давать ему советы. - Проучи ее, но не так, чтобы слишком».

Он и в самом деле мог бы обойтись малым, но тут на ней распахнулся халат, и под халатом она оказалась голой. Он увидел темный пучек волос над ее племхозом, над ее ненасытно блядским племенным хозяйством, из-за которого и начались все эти хлопоты, а если вникнуть поглубже, то от этих сучек с их хозяйствами все хлопоты во всем мире, а в его голове дергает, бухает, бьет, она гудит, трещит и раскалывается. Словно вот-вот взорвется термоядерная бомба. Милые грибовидные тучки вылетят с обеих ушей, и тогда у него над плечами произойдет взрыв и Джуниор Ренни (который не знал, что у него опухоль мозга - астматический доктор Гаскелл даже мысли не допускал о такой возможности, откуда ей взяться у такого в целом здорового, едва двадцатилетнего юноши) ополоумеет.

Не счастливым это утро было для Клодетт Сендерс и Чака Томпсона; в сущности, это утро было не счастливым для всех в Милле.

Но мало кто оказался таким не счастливым, как бывшая девушка Фрэнка Делессепса.

4

Ее догнали еще две логически связанных мысли, когда она, припертая спиной к поручням, узрела, какие у него выпученные глаза, как он закусил себе язык - так сильно закусил, что зубы глубоко увязли.

«Он сумасшедший. Мне нужно вызвать полицию, пока он меня не убил».

Она обернулась бежать по коридору в кухню, чтобы ухватить там со стены телефонную трубку

и нажать 911, и тогда начать орать. Сделала два шага и перецепилась о полотенце, которым до этого у нее была обмотана голова. Быстро восстановила равновесие - бывшая черлидерша в школе, и привычки ее не оставили, - но все равно было уже слишком поздно. Ее голову отбросило назад, а ступни перед ней взлетели вверх. Это он ухватил ее за волосы.

Рванул на себя. Тело его пылало, словно в горячке. Она ощутила биение его сердца: бух-бух, скакало оно наперегонки само с собой.

- Ты, лживая сука! - крикнул он ей прямо в ухо.

Боль иглой глубоко вонзился ей в голову. Она зашлась криком, но этот звук казался неуместно тихим, по сравнению с его голосом. И тут его руки обхватили ее за талию и потащили по коридору с такой бешеной скоростью, что только пальцы ее ног успевали касаться ковра.

Мелькнул в голове неясный образ себя - фигурки на капоте автомобиля, который несется без тормозов, и тогда они оказались на залитой ярким солнцем кухне.

Джуниор вновь вскрикнул. На этот раз не от злости - от боли.

5

Свет убивал его, поджаривал его вопящий мозг, но он не позволил ему себя остановить. Уже было слишком поздно.

На полной скорости он врезался ею прямо в покрытый пластиком кухонный стол. Тот боднул ее в живот, да и сам сдвинулся, врезавшись в стену. Сахарница с перечницей и солонкой полетели кувырком. Утробно фыркнувши, воздух вырвался из ее легких. Держа ее за талию одной рукой, а второй ухватившись за скользкий змеиный клубок ее волос, Джуниор с разворота швырнул ее на «Колдспот»[15]. Она так тяжело треснулась о холодильник, что с него осыпалось большинство магнитиков. Лицо ее побледнело от неожиданности. Уже кровоточили нос и нижняя губа. Кровь ярко блестела на фоне ее белой кожи. Он уловил ее взгляд, брошенный на полку с химией для кухни, где торчали ножи, и когда она пошевелилась, стараясь встать, он засадил ей коленом прямо между глаз, жестоко ударил. Что-то хрустнуло, словно где-то в соседней комнате кто-то упустил большую фарфоровую посуду - наверное, блюдо.

«Так я должен был бы сделать Дейлу Барбаре», - подумал он и, сжав ладонями ее пульсирующие виски, сделал шаг назад. Слезы из его глаз бежали ему по щекам. Джуниор уже прокусил себе язык - кровь струилась по подбородку и капала на пол, - но сам он этого не замечал. Слишком сильная боль пронзала ему голову.

Энджи лежала вниз лицом среди рассыпанных магнитиков, на самом большом была надпись: ЧТО ПОПАЛО ТЕБЕ В РОТ СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ПРОЯВИТСЯ НА ТВОЕЙ СРАКЕ. Он думал, что она отключилась, но тут она вдруг судорожно затряслась всем телом. Пальцы у нее дрожали так, словно она готовилась сыграть какой-то сложный пассаж на фортепиано. «Вот только единственный инструмент, на котором играла эта сука, это кожаная флейта», - подумал он. У нее начали дергаться ноги, а вслед за ними вступили и руки. Казалось, Энджи старается отплыть подальше от него. Видишь ли, судороги начались у чертовой сучки.

- Прекрати! - крикнул он, а когда она обосралась, гаркнул: - Перестань! Сейчас же перестань мне здесь такое вытворять, сука!

Он упал на колени, между ногами у него оказалась ее голова, которой она теперь билась об

пол, целуя лбом кафель, как делают верблюжьи жокеи, когда салютуют своему Аллаху.

- Прекрати! Сейчас же перестань, сучище!

Она начала рычать. Как ни странно, громко. Боже, а если кто-то ее услышит? Что, если его здесь сцапают? Это совсем не то, как объяснять отцу, почему он бросил учебу (действие, на которое Джуниор все еще не был способен). На этот раз все может обернуться гораздо хуже, чем урезание на семьдесят пять процентов его месячной нормы денег из-за этой чертовой потасовки с поваром - потасовку, на которую его подстрекнула именно эта никчемная сука. На этот раз Большой Джим Ренни не сможет обработать шефа Перкинса и всех местных задрот. На этот раз...

Вдруг в голове его всплыла картина - пасмурные зеленые стены штатной тюрьмы Шоушенк. Ему нельзя туда, у него целая жизнь впереди. Но он может туда попасть. Даже если сейчас он заткнет ей глотку, все равно может. Потому что она раззвонит все со временем. И ее лицо - оно у нее выглядело значительно хуже, чем лицо Барби после потасовки на стоянке - будет говорить само за себя.

Разве что он заткнет ее полностью.

Джуниор ухватил ее за волосы и помог еще приложиться лбом об пол. Надеялся, что так ее полностью отключит, и тогда он сможет завершить... ну, это, как его... но она еще сильнее задергалась в судорогах. Начала бить ногами в «Колдспот», и оттуда градом посыпались остатки магнитиков.

Он отпустил волосы и сдавил ей горло. Произнес: «Мне жаль, Энджи, так не должно было произойти». Но, в действительности, ему не было ее жаль. Ему было лишь страшно, и больно, и брали сомнения, что эта ее агония посреди очень ярко освещенной кухни вообще когда-нибудь прекратится. Даже пальцы у него устали. Кто же мог знать, что это так тяжело - задушить человека.

Откуда-то издали, с юга, долетел грохот. Словно кто-то выстрелил из огромной пушки. Джуниор не обратил внимания. Джуниор сосредоточился на том, чтобы удвоить свои усилия, и, наконец, подергивания Энджи начали слабеть. Где-то намного ближе - в доме, на этом этаже - послышался глухой звон. Он посмотрел вверх, глаза широко раскрыты, сначала подумал, что это звонят в двери. Кто-то услышал возню, и уже прибыли копы. Голова у него разрывалась, кажется, он растянул себе пальцы, и все зря. Ужасная картина вынырнула в его воображении: Джуниора Ренни под конвоем заводят в суд округа Касл для объявления приговора, и какой-то коп накрывает ему голову пиджаком.

И тогда он узнал этот звук. Точно так же названивал его компьютер, когда пропадало электричество, и комп был вынужден переключаться на питание от аккумуляторов.

Динь... Динь... Динь...

«Добросовестностью компьютера и собственным воображением я чуть сам себя не засадил в тюрьму», - подумал он, не переставая душить. Она уже не шевелилась, но он сдавливал ей горло еще не менее минуты, отвернув в сторону свое лицо, стараясь избежать запаха ее дерьма. Как это на нее похоже - оставить на прощание такой мерзкий подарок! Как это на них на всех похоже! Эти бабы! Бабы с их племенными хозяйствами! Не что иное, как поросшие волосами муравейники! И они еще говорят, что все проблемы от мужиков!

6

Он стоял над ее окровавленным, обосранным и, несомненно, мертвым телом, не понимая, что же ему делать дальше, когда с юга отдаленно донесся новый грохот. Не пушечный; но мощный. Что-то взорвалось. Может, наконец-то разбился красавчик-самолетик Чака Томпсона? А что, вполне возможно; в такой день, когда ты собирался кое-кого просто обругать - сделать втык, и не больше, а она довела тебя до того, что ты был вынужден ее убить, - что-нибудь могло случиться.

Завыла полицейская сирена. Джуниор был уверен: это по его душу. Кто-то заглянул через окно и увидел, как он ее душит. Это его побудило к действию. Он бросился через коридор к входным дверям, добрался уже до полотенца, сбитого им с ее головы тем, первым, ударом, и остановился. Они же направляются именно сюда, они так всегда делают. Подъедут прямо под входные двери, яркие вспышки их новых светодиодных мигалок будут лупить стрелами боли по чувствительному мясу его мозга…

Он развернулся и вновь побежал на кухню. Посмотрел вниз, прежде чем переступить тело Энджи, потому что не мог удержаться. В первом классе они с Фрэнком иногда дергали ее за косички, а она показывала им язык и корчила гримасы, скашивая глаза к переносице. Теперь ее глаза вылезли из орбит, словно старинные стеклянные игровые шарики, а рот был заполнен кровью.

«Это сделал я? Неужели на самом деле я?»

Да. Именно он. И даже одного этого беглого взгляда было достаточно, чтобы объяснить почему. Из-за этих ее падлючих зубов. Из-за этих ее страшенных клыков.

К первой, присоединилась вторая сирена, потом третья. Но они отдалялись. Слава Христу, они отдалялись. Они направлялись на юг, туда, откуда долетели звуки бомбовых раскатов.

Не смотря на это, Джуниор не стал медлить. Он, крадучись, преодолел задний двор Маккейнов, сам не осознавая, что тому, кто мог бы его увидеть, он просто в глаза кричит, что в чем-то провинился (никто его не увидел). За рядами помидор Ладонны стоял высокий деревянный забор, а в нем калитка. На ней навесной замок, но он, раскрытый, высев на лутке. За свои детские годы, иногда шатаясь здесь, Джуниор никогда не видел его закрытым.

Он приоткрыл калитку. За ней лежали заросли репейника, через которые проходила тропинка, ведущая к приглушенному бормотанию речушки Престил. Однажды, когда ему было тринадцать, он подсмотрел, как на этой тропинке стояли и целовались Фрэнк и Энджи, она обнимала его за шею, он сжимал рукой ее грудь, и Джуниор понял, что детство почти закончилось.

Он наклонился и рыгнул в стремительный ручей. Солнечные отблески от воды были злыми, ужасными. Потом зрение у него прояснилось достаточно, чтобы рассмотреть по правую руку мост Мира. Ребята-рыбаки уже ушли оттуда, вместо этого он увидел, как две полицейские машины помчали мимо городской площади вниз по холму.

Зашелся воем городской ревун. Как было заведено на случай прекращения электроснабжения, включился генератор горсовета, позволив сирене пронзительным голосом сообщить всем эту новость. Джуниор со стоном закрыл себе уши.

Мост Мира на самом деле был всего лишь крытым пешеходным мостиком, теперь уже трухлявым, провисшим. Он имел официальное название: путепровод им. Элвина Честера, а

мостом Мира стал в 1969 году, когда какие-то подростки (в свое время по городу распространялись слухи, кто именно) нарисовали у него на боку большой голубой знак мира. Этот знак и сейчас было видно, хотя уже выцветший до призрачности. Последние десять лет мост Мира был закрытым. С двух сторон, его пересекали полицейские ленты с надписями: ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН, но по нему, конечно же, ходили. Где-то трижды в неделю там вспыхивали по вечерам фонари членов «Бригады ловли голодранцев» шефа Перкинса, светили они только с одного или другого конца, но никогда с обеих. Им не хотелось задерживать молодежь, которая выпивала и зажималась там, достаточно было просто их всполошить, чтобы те убрались. Каждый год на городском собрании кто-то предлагал демонтировать мост Мира, кто-то другой предлагал его отремонтировать, но оба предложения отвергались. Казалось, город имеет собственную тайну, и эта тайна состояла в том, что они хотели, чтобы бы мост Мира оставался таким, как есть.

Сегодня Джуниор Ренни радовался этому факту.

Он проплелся по северному берегу реки прямо до города - полицейские сирены уже затихали вдали, городской ревун выл громко, как и раньше, - и продрался вверх на Страут-Лейн. Посмотрел в обе стороны, и тогда шмыгнул мимо щита с надписью ХОДА НЕТ. МОСТ ЗАКРЫТ. Поднырнул, оказавшись по ту сторону перекрестья желтых лент, в тени. Солнце заглядывало сквозь дырки в крыше, раскидывая яркие монетки света по затоптанным деревянным доскам под ногами, но после адского пламени в той кухне, здесь стояла благословенная тьма. Под крышей в стропилах ворковали голуби. Вдоль деревянных бортов валялись разбросанные пивные жестянки и бутылки из-под кофейного бренди «Алленс»[16].

«Мне никогда от этого не избавиться. Неизвестно, остались ли какие-нибудь частицы моего тела у нее под ногтями, не помню, хватала ли она меня, или нет, но там осталась моя кровь. И отпечатки пальцев. Есть только два варианта на выбор: убежать или пойти и сдаться».

Нет, был еще и третий. Можно было убить себя.

Ему надо вернуться домой. Задернуть все шторы у себя в комнате, превратить ее в пещеру. Глотнуть еще имитрекса, лечь - может, посчастливится заснуть. И уже потом он, возможно, что-то придумает. А если за ним придут, когда он будет спать? Ну и что, это освободит его от выбора между Выходом № 1, Выходом № 2 или Выходом № 3.

Джуниор пересек городскую площадь-парк - участок земли, которая находилась в собственности общины Честер Милла. Кто-то - какой-то пожилой мужчина, которого он не узнал, - схватил его за руку с вопросом: «Что случилось, Джуниор? Что происходит?», но он только покачал головой, отмахнулся от старика и продолжил свой путь.

Городская сирена за его спиной продолжала реветь, словно на мировую погибель.

ДОРОГИ И ПУТИ

1

Честер Милл имел собственную еженедельную газету, которая называлась «Демократ». Название вводило в заблуждение, поскольку хозяйка и редактор газеты - должности, которые единолично занимала неугомонная Джулия Шамвей, - была республиканкой до глубины своих костей[17]. Логотип газеты выглядел так:

«ДЕМОКРАТ» ЧЕСТЕР МИЛЛА

год основания - 1890

На службе «Маленького города, похожего на сапожок»!

Лозунг также дезинформировал. Честер Милл не был похож на сапожок, потому что напоминал детский спортивный носок, к тому же такой грязный, что мог стоять сам по себе. Хотя и тяготел к намного большему и зажиточнейшему городу Касл Рок[18], который лежал на юго-западе (напротив пятки носка), географически Честер Милл находился в окружении четырех других городков, больших по площади, но менее заполненных людьми: Моттона с юго-востока; Харлоу с северо-востока; с севера ТР-90, населенного пункта без статуса города; а на западе - Таркер Милла. Городки Честер и Таркер называли фабрики-близнецы[19], это было, когда они на пару (в те времена в Центральном и Западном Мэне на всю мощь коптило много бумагоперерабатывающих предприятий) превращали реку Престил в грязную, обезрыбленную сточную канаву, которая почти каждый день меняла свой цвет, к тому же в разных местах по-разному. В те времена можно было отправиться на каноэ из Таркера по зеленой воде, а, достигнув Честер Милла, плыть уже по ярко-желтой Престил прямо до Моттона. К тому же, если вы плыли на деревянном каноэ, с него, ниже ватерлинии облезала краска.

Впрочем, последняя из тех высокодоходных загрязняющих фабрик закрылась еще в 1979 году. Престил освободилась от чудных цветов, и рыба в реку вернулась, хотя споры, годится ли она для употребления людьми, продолжаются и поныне. («Демократ» по данному вопросу придерживался мысли: «Конечно!»)

Количество жителей в городе зависела от сезона. Между Днем памяти и Днем Труда[20] их бывало до пятнадцати тысяч. В другие месяца людей здесь жило немногим более или немногим менее двух тысяч, исходя из баланса рождений и смертей в больнице имени Катрин Рассел, которая считалась наилучшим медицинским заведением на север от Льюистона[21].

Если бы вы спросили у сезонных жителей Милла, сколько дорог ведет к нему и обратно, большинство из них назвали бы вам две: шоссе 117 - на Норвей и Саут-Перис[22], и шоссе 119, которое ведет на Льюистон, проходя перед этим, через центр Касл Рока.

Кто прожил здесь лет десять, мог бы вспомнить, по меньшей мере, штук на восемь больше, двухполосных асфальтированных дорог: начиная с Черной Гряды и Глубокой Просеки, которые тянутся к Харлоу и заканчивая той, которая вьется в направлении ТР-90 и носит название Хорошенькая Лощина (такая же красивая дорога, как и ее название).

Люди с тридцатилетним и более опытом жизни в этой местности, и если бы еще им дать время на раздумья (самое лучшее, в заднем помещении магазина Брауни, где и сейчас топится дровяная печь), припомнили бы, по крайней мере, еще дюжину проселков, чьи названия варьировались от сакральных - Божий Ручей, до бранных - Малая Сука (хотя на местных картах эта дорога обозначалась всего лишь номером).

Старейшим жителем Честер Милла на тот день, который с того времени именовали Днем Купола, был Клейтон Бресси. Он также был самым старым человеком на весь округ Касл, а, следовательно, и обладателем трости «Бостон Пост»[23]. К сожалению, Клейтон уже не соображал, что это такое - трость «Бостон Пост», да и кто он сам такой - не очень помнил. Иногда он принимал собственную прапраправнучку Нелли за свою, уже сорок лет как мертвую, жену, и «Демократ» еще три года назад перестал брать ежегодное интервью у «старейшего гражданина». (Во время последней такой беседы на вопрос о секрете его

долголетия, Клейтон отреагировал восклицанием: «Где к черту мой обед?») Провалы в памяти начали одолевать его вскоре после его сотого дня рождения; двадцать первого октября этого года ему исполнилось сто пять. Когда-то он был высококлассным мастером, столяром, который специализировался на шкафах, балюстрадах, фасонной резьбе. В последнее время к его специальностям добавились безоговорочное поедание пудинга-желе и способность иногда успеть к унитазу раньше, чем из него изрыгнется с полдесятка заляпанных кровью камешков.

Но в свои лучшие времена - когда ему было лет восемьдесят пять - он мог перечислить все пути, которые вели к Честер Миллу и из города, и всех вместе их насчитывалось тридцать четыре. Большинство - грунтовки, многие из них всеми забытые, и множество из этих позабытых проселков вились сквозь чащи дремучих лесов, которые принадлежали компаниям «Даймонд Матч», «Континентал Пейпер» и «Американ Тимбер»[24].

Итак, в День Купола, незадолго до полудня, каждая из них оказалась наглухо заблокированной.

2

На большинстве из тех дорог не случилось ничего и близко такого зрелищного, как взрыв «Сенеки-V» и последующей за тем катастрофы лесовоза, хотя кое-какие происшествия все-таки были. Конечно же были. А как могло обойтись без них, когда вокруг города выросло что-то на подобие невидимой каменной стены.

В тот же миг, когда распался на две половинки сурок, то же самое случилось с пугалом на тыквенном поле Эдди Чалмерса, неподалеку от дороги, которая носила название Хорошенькая Лощина. Пугало стояло точь-в-точь на линии, которая формально отмежевывала город Милл от поселка ТР-90. Промежуточная позиция собственного пугала всегда веселила Эдди, который звал его Пугалом Без Своей Стороны, коротко - мистер ПБСС. Половина мистера ПБСС упала на территорию Милла, половина, как сказали бы местные, «досталась ТР».

В несколько секунд стая ворон, которые пикировали на тыквы Эдди (вороны никогда не боялись мистера ПБСС), столкнулась с чем-то таким, чего раньше никогда не бывало. Большинство из них со сломанными шеями попадали в заросли и на поля по обе стороны Хорошенькой Лощины. С обеих сторон Купола разбивались и падали мертвыми птицы; потом их тушки стали одним из средств, благодаря которым был выяснен контур барьера.

Около Божьего Ручья копал картофель Боб Руа. Он решил сделать перерыв на ланч (который в тех местах по обыкновению называют «обедом») и возвращался домой на своем старом тракторе «Дир»[25], слушая новенький «Ай-Под»[26], подаренный ему женой на его последний, как оказалось, день рождения. Дом Боба стоял всего в полумиле от картофельного поля, но, на его несчастье, поле находилось на территории Моттона, а дом в Честер Милле. Боб ударился о барьер со скоростью пятнадцать миль в час, слушая Джеймса Бланта[27], тот как раз пел «Ты красивая». Он едва касался руля, потому что хорошо видел всю дорогу впереди, вплоть до самого своего дома, и на ней не было никого и ничего. Итак, когда его трактор вдруг во что-то врезался и застыл, а подцепленный сзади картофелекопатель подбросило вверх и резко опустило, Боба бросило через капот прямо на Купол. В широком нагрудном кармане его комбинезона взорвался «Ай-Под», но Боб этого не ощутил. Он уже успел скрутить себе шею и разбить череп об то нечто, на которое натолкнулся, и в скором времени умер на земле возле высокого колеса своего трактора, которое так и не перестало лениво вращаться. Ну, вы же знаете, ничто не вращается лучше чем «Дир».

3

Дорога, которая носила название Моттонской, отнюдь не проходила через город Моттон; она существовала лишь в пределах Честер Милла. На ней стояли новые жилые дома, и этот квартал где-то года с 1975 назывался Восточным Честером. Владели теми домами тридцати-сорокалетние люди, большей частью «белые воротнички», связанные с Льюистоном-Оберном, куда они ездили работать за хорошие зарплаты. Все эти дома находились на территории Милла, однако многие из задних дворов заходили на территорию Моттона. Так было и у Джека и Майры Эванс, которые жили в доме № 379 на Моттон-Роуд. Позади дома Майра держала огород и, хотя большинство урожая давно было собрано, кроме скороспелых тыкв (уже почти сгнивших), еще оставалась грядка с несколькими сочными плодами сорта Блу Габбард[28]. Майра как раз протянула руку к одной из этих тыкв, когда упал Купол, и, хотя на коленях она стояла в Честер Милле, так случилось, что этот Голубой Габбард, за которым она потянулась, рос на фут дальше Моттонской границы.

Она не вскрикнула, потому что не ощутила боли – сначала ее не было. Все случилось слишком быстро, остро, чисто.

Джек Эванс был на кухне, взбивал яйца для обеденной фриттати[29]. «LCD Soundsystem» играли своего «Североамериканского подонка»[30], и Джек им подпевал, как тут у него за спиной чей-то поникший голос произнес его имя. Сначала он не узнал голоса собственной жены, с которой прожил уже четырнадцать лет, сначала ему показалось, что, его зовет какой-то ребенок. Но, обернувшись, он увидел свою Майру. Она стояла в дверях, поддерживая левой рукой правую. Она запачкала грязью пол, что совсем не было на нее похоже.

Обычно она снимала с себя садовые ботинки еще на крыльце. Левой рукой в замазанной рабочей перчатке она нянчила себе правую руку, и что-то красное вытекало сквозь ее грязные пальцы. Сначала у него промелькнула мысль – рябиновый сок, но она не продержалась и секунды. Это была кровь. Джек упустил на пол чашку, которую держал в руках. Она разлетелась вдребезги.

Майра вновь произнесла его имя, тем самым тихим, дрожащим, детским голоском.

- Что случилось, Майра? Что случилось с тобой?

- Со мной произошло что-то нехорошее, - ответила она, показывая ему правую руку. Вот только не было у нее на правой руке грязной садовой перчатки, которая бы составляла пару левой, и самой правой ладони не было. А был там какой-то фонтанирующий обрубок. Майра тихонько улыбнулась своему мужу и произнесла: «Вжик». Глаза у нее закатились. Мотня ее джинсов потемнела от выпущенной мочи. И тогда у ней подломились колени, и она упала. Кровь хлестала из ее обрезанного запястья - идеальная анатомическая ампутация, - смешиваясь с гоголь-моголем на полу.

Джек обмяк рядом с ней, острый осколок от разбитой чаши глубоко впился ему в колено. Он едва обратил на это внимание, хотя будет хромать с того времени весь остаток своей жизни. Схватил ее руку и сжал. Ужасный поток из ее запястья уменьшился, но не прекратился. Он вырвал ремень из тренчиков своих брюк и затянул его петлей на ее предплечье. Это помогло, но он не мог туго зафиксировать петлю, далеко была дырочка от пряжки.

- Господи Иисусе, - произнес он в пустой кухне. - Господи.

Он осознал, что потемнело. Выключилось электричество. Из комнаты послышались колокольчики, сигналы бедствия подавал компьютер. Но с «LCD Soundsystem» все было

хорошо, потому что небольшой бумбокс на столе питался от батареек. Но Джека это уже не интересовало, он потерял вкус к техно.

Так много крови. Так много.

Вопрос, каким образом она потеряла руку, вылетел у него из головы. Сейчас перед ним стояли более срочные вопросы. Он не мог выпустить ременную петлю, чтобы добраться до телефона; вновь откроется кровотечение, а Майра, возможно, уже на границе полной потери крови. Он должен оставаться с ней рядом. Он попробовал потянуть ее за рубашку, но та сначала выскользнула из ее джинсов, а потом Майру начало душить воротом - он услышал ее хрипы. И он схватил ее за волосы и поволок к телефону, словно пещерный любовник.

Телефон был сотовым, и он работал. Джек набрал 911, но 911 был занят.

- Это невозможно! - прокричал он в пустоту кухни, где теперь не было электрического света (хотя музыка из бумбокса продолжала звучать). - 911 не может быть занят!

Нажал перенабор.

Занято.

Он сидел на полу, опершись спиной о кухонный стол, держа ременной жгут затянутым как можно туже, втупившись в лужу крови вперемешку с яичной болтушкой, и периодически бил по кнопке перенабор на телефоне, каждый раз получая в ответ то же самое идиотское пи-пи-пи. Что-то взорвалось не очень далеко, но он едва заметил этот звук среди действительно заводного буханья «LCD Soundsystem» (а взрыва «Сенеки» он не слышал вообще). Ему хотелось бы выключить музыку, но, чтобы достать до бумбокса, надо было подтянуть вверх Майру. Или ее поднять, или на пару секунд отпустить ремень. Он не отважился сделать ни того, ни другого. Так он и сидел, а после «Североамериканского подонка» пошел «Кто-то большой», а потом он уступил место «Всем моим друзьям» и, наконец, еще после нескольких треков компакт-диск «Звук серебра» закончился. Когда музыка замолкла, когда вокруг него осталась только тишина, отдаленные полицейские сирены и бесконечный перезвон компьютера, Джек понял, что его жена больше не дышит.

«Но я же собирался приготовить тебе ланч, - подумал он. - Такой вкусный ланч, на который тебе не стыдно было бы пригласить Марту Стюарт».

Сидя спиной к столу, с потемневшей от его собственной крови правой штаниной брюк, он долго не отпускал ремень (размыкание пальцев оказалось весьма болезненным), потом Джек Эванс прижал голову жены себе к груди, начал ее баюкать и плакать.

4

Неподалеку, возле покинутой лесной просеки, которую, наверняка, не помнил даже старый Клей Бресси, на прибрежной топи возле Престил ощипывала молодые побеги лань. Так случилось, что в то мгновенье, когда опускался Купол, она как раз потянулась губами за моттонскую границу, и у нее отпала голова. Шею ей перерубило так аккуратно, как это могло бы сделать разве что лезвие гильотины.

5

Сделав тур вокруг носка Честер Милла, мы с вами вновь прибыли на шоссе 119. И, благодаря магии рассказа, здесь не прошло и мгновения с того момента, как шестьдесят-с-чем-то летний мужчина из «Тойоты» разбил себе лицо и сломал нос обо что-то невидимое, но очень твердое. Он сидел и смотрел удивленными, ошарашенными глазами на Дейла Барбару. Какая-то чайка, наверное, выполняя свой ежедневный рейс с вкусного фуршета на свалке Моттона к не менее вкусному буфету на мусорнике Честер Милла, камнем рухнула на землю в паре футов от бейсболки с логотипом «Морских Псов», итак, дядя подхватил кепку, отряхнул и вновь водворил её на надлежащее место.

Оба мужчины посмотрели туда, откуда свалилась птица, и увидели очередную непостижимую вещь, которыми этот день оказался так плотно заполненный.

6

Первое, что подумалось Барби: он видит остаточное изображение взрыва самолета, как бывает, когда кто-то сверкнет тебе фотовспышкой прямо в лицо, а потом перед глазами плавает большое синее пятно. Только здесь было не пятно, и не синее, и к тому же вместо того, чтобы плыть в ту сторону, куда он сейчас перевел взгляд - то есть на своего нового знакомого - пятно, которое висело в небе, осталось там же, где и было.

Морской Пес засмотрелся вверх, потом протер глаза. Похоже было, он напрочь забыл о своем сломанном носе, распухших губах и окровавленном лбе. Дядька подхватился с земли и так высоко задрал голову, что едва не потерял равновесие.

- Что это такое? - произнес он. - Что там к черту такое, мистер?

Большая черная подпалина (включив собственное воображение вы, конечно, уже догадались, что формой она напоминала свечное пламя) запачкала синее небо.

- Это… это туча? - спросил Морской Пес. Его неуверенный тон красноречиво выказывал, что он и сам понимает, что никакая это не туча.

Барби начал.

- Я думаю, - ему не хотелось бы продолжать, но… - Я думаю, это то место, куда врезался самолет.

- Что, что? - переспросил Морской Пес, и, прежде чем Барби успел повторить, большой грач упал вниз с высоты пятидесяти футов. Ударился он ни обо что - абсолютно ничего там не было видно - и упал на землю неподалеку от чайки.

Морской Пес спросил:

- Ты это видел?

Барби кивнул, затем показал на полосу горящего сена слева от себя. Оттуда, и еще от нескольких участков сухой травы с правой стороны дороги поднимались столбы густого черного дыма, объединяясь вверху с дымом от разбросанных кусков «Сенеки», но огонь не распространялся; накануне прошел сильный дождь, и трава оставалась еще довольно сырой. Уже удача, потому что иначе, пожар сейчас расползался бы во всех направлениях.

- А это ты видишь? - спросил Барби у Морского Пса.

mir-knigi.org

- Чтоб я всрался! - выдохнул Морской Пес после длительного созерцания. Огонь уже выпалил кусок размером с шестьдесят квадратных футов и, двигаясь вперед, дошел почти до того места, где стояли друг против друга и разговаривали Барби с Морским Псом. Но и уже оттуда огонь начинал расползаться - на запад, к обочине трассы, и на восток, вклиниваясь в небольшое, акра с четыре, пастбище какого-то фермера-молочника - но не отрывисто, не так, как по обыкновению распространяется степной пожар, когда какие-то языки огня вырываются вперед, а другие немного отстают, а ровно, словно по линейке.

Появилась еще одна чайка, она летела в их сторону, только теперь курсом из Милла в Моттон.

- Смотри, - позвал Морской Пес. - Смотри внимательно на птичку.

- Может, с этой все будет хорошо, - задрал голову Барби, прикрывая изгибом ладони себе глаза. - Может, эта штука, неизвестно, что оно такое, не дает прохода только тем, которые летят из юга.

- Что-то мне не верится, судя по вон тому разбитому самолету, - не согласился Морской Пес. Голос у него звучал удивленно, как у человека, взволнованного до глубины души.

Чайка - эмигрантка врезалась в барьер и упала прямехонько на самый большой из догоравших обломков самолета.

- Хода нет в обоих направлениях, - подытожил Морской Пес тоном человека, который получил доказательства в подтверждение своего стойкого, хотя не доказанного фактами убеждения. - Это что-то на подобие силового поля, как в фильме «Стар трюк»[31].

- «Трек», - исправил Барби.

- А?

- Ох, бля, - вскрикнул Барби, втупившись мимо Морского Пса.

- А? - Морской Пес кинул взгляд через плечо. - Ох, ты ж, бля!

Приближался лесовоз. Большой, груженный грубыми колодами, явно более разрешенной нормы. И мчался он со скоростью, тоже выше, чем предусмотренная. Барби хотел было прикинуть, какой же тормозной путь может быть у такого бегемота, но нечего было и стараться.

Морской Пес рванул к своей «Тойоте», которую он оставил стоять на белой разделительной полосе. Его увидел водитель лесовоза - может, он был под колесами, может, обдолбанный метом[32], может, просто молодой, и потому прыткий вплоть до ощущения собственного бессмертия - и надавил на гудок. Скорости при этом нисколько не уменьшил.

- Разтуды меня в поперек! - завопил Морской Пес, прыгая за руль. Завел мотор и задом, с дверцей нараспашку, помчал с дороги. Маленький джип застрял в канаве, задрав к небу свой квадратный нос. Морской Пес мигом выскочил из кабины. Споткнулся, упал на колено, сразу же вскочил и рванул в поле.

Барби, вопреки тому, что помнил о самолете и птицах - несмотря на понимание смысла того черного пятна, которое наверняка было местом летального контакта «Сенеки», - и сам также метнулся на луг через полосу низкого, хлипкого пламени, поднимая тучи серого пепла. Заметил мужскую кроссовку - как для женской, она была великовата, - из которой торчал кусок

ноги.

«Пилот, - мелькнула мысль, а затем другая: - И зачем это я убегаю?»

- ТЫ, ИДИОТ, ТОРМОЗИ! - кричал Морской Пес водителю лесовоза тонким, истерическим голосом, но было уже слишком поздно для любых установок.

Барби показалось - он взглянул через плечо (как здесь удержишься?), - что дровосек-ковбой таки постарался затормозить в последнюю минуту. Наверное, заметил обломки самолета. Но ничего из этого не вышло.

Он врезался с моттонской стороны в Купол на скорости шестьдесят миль в час или немного больше, с грузом бревен весом около сорока тысяч фунтов[33]. Кабину сплющило, и она застыла. Тяжелый прицеп, заложник законов физики, продолжил движение вперед. Топливные баки, которые располагались под бревнами, начали разрываться и искрить. Еще до того, как они взорвались, взлетел в воздух груз и теперь сыпался на то, что вот только что было кабиной - железный аккордеон зеленого цвета. Стволы деревьев стоя ударялись в невидимый барьер и рикошетом разлетались во все стороны. Огонь с густым черным дымом клубился над местом происшествия. Сквозь белый день тяжелой каменной глыбой катился ужасный грохот. С моттонской стороны Купола сыпался дровяной град, бревна прыгали по дороге и гигантскими чучелами застревали на соседних полях. Одно из них раздавила крышу джипа Морского Пса, разбитое лобовое стекло бриллиантовыми зернышками выплеснулось на капот. Другое бревно приземлилась прямо перед самым Морским Псом.

Барби уже никуда не бежал, только стоял и смотрел.

Морской Пес поднялся на ноги, упал, схватился за ствол, который едва не укоротил ему возраст, и вновь поднялся. Стоял, пошатываясь, с выпученными глазами. Барби бросился к нему, но не успел сделать и десяти шагов, как натолкнулся на какую-то твердую, словно каменная стена, преграду. Отшатнулся назад, ощутив, как что-то теплое брызнуло ему из носа, потекло по губам. Он провел рукой себе по лицу, не веря собственным глазам, увидел полную жменю крови и вытер ладонь о рубашку.

Машины теперь прибывали с обоих направлений - и из Моттона, и из Честер Милла. Через луг, от фермерской усадьбы, которая виднелась вдали, бежали три, пока еще крохотные, человеческие фигуры. Некоторые из машин гудели клаксонами, словно таким образом можно решить любые проблемы. Первым подъехал автомобиль со стороны Моттона и, не приближаясь к горящему лесовозу, встал на обочине. Оттуда вылезли две женщины, они стояли и, прикрывая себе ладонями глаза, смотрели на столб дыма.

7

- Бля, - подал голос Морской Пес. Произнес он это подавленно, как-то невыразительно. Он подошел к Барби через поле, обойдя по восточной диагонали горящий лесовоз. Водитель чересчур перегрузил машину и мчался слишком быстро, подумалось Барби. Но погребальный костер, по крайней мере, он получил достойный настоящего викинга. - Ты видел, где встряло то бревно? Меня едва не прибило. Могло раздавить, как какого-то насекомого.

- У тебя есть мобильник? - Барби пришлось прокричать эти слова, чтобы быть услышанным сквозь треск горящего тягача.

- В машине, - ответил Морской Пес. - Могу поискать, если хочешь.

- Нет, подожди, - остановил его Барби. С внезапным облегчением он подумал, что все это может быть сном, иррациональным кошмаром, таким, как езда на велосипеде под водой или треп о собственной сексуальной жизни на языке, который ты никогда не изучал, кажется полностью будничным делом.

Первым, кто прибыл к барьеру с его стороны, оказался приземистый мужчина за рулем старого пикапа «GMC»[34]. Барби знал его по «Розе-Шиповнике»: Эрни Келверт, бывший директор «Фуд-Сити», теперь на пенсии. Эрни смотрел на горящую посреди дороги фуру широко раскрытыми глазами, держа при этом в руке мобильный телефон и что-то в него восторженно комментируя. Барби его едва слышал сквозь рев пожирающего лесовоз огня, хотя разобрал фразу «выглядит весьма скверно» и догадался, что Эрни разговаривает с полицией. Или с пожарными. Если это он с пожарными, то Барби надеялся, что бригада прибудет из Касл Рока. Скромный пожарный участок Честер Милла имел несколько машин, но если они сюда и приедут, думал Барби, то самое большее, что могут сделать, это унять тлеющую траву, которая едва тлела и сама по себе уже почти погасла. Горящий лесовоз был совсем рядом, но Барби не верилось, что им удастся до него добраться.

«Это сон, - уверил он себя. - Если повторять себе, что это сон, еще как-то можно действовать».

К двум женщинам со стороны Моттона добавилось с полдесятка мужчин, которые также смотрели, прикрывая себе глаза ладонями. Машины теперь стояли по обе обочины шоссе. Из них вылезали новые люди и присоединялись к толпе. То же самое начиналось и со стороны Барби. Похоже на то, как будто бы рядом устроили дуэль две конкурирующих, полных заманчиво дешевых товаров толкучки: один базар с моттонской стороны городской границы, другой - со стороны Честер Милла.

Прибыло трио с фермы - отец с двумя сыновьями-подростками. Ребята бежали легко, а отец раскраснелся и закашлялся.

- Святая срака! - воскликнул старший из ребят, тут же получив подзатыльник.

Мальчик не обратил на это никакого внимания. Глаза были выпячены от удивления. Меньший протянул к брату руку, и, когда тот ее взял, он начал плакать.

- Что здесь случилось? - спросил фермер у Барби, сделав паузу на вздох между словами «здесь» и «случилось».

Барби не потрудился ответить. Он медленно двинулся к Морскому Псу, держа перед собой протянутую руку с ладонью, поднятой в жесте «стоп». Морской Пес молча двинулся ему навстречу таким же макаром. Приблизившись к месту, где, как ему казалось, должен был находиться барьер (Барби достаточно было взглянуть себе под ноги на ровную линию выгоревшей земли), он замедлил шаг. Уже один раз, разбив себе лицо, он не желал повторения.

Вдруг его словно искрами обдало. Дрожь побежала вверх по всему телу от щиколоток до затылка, стараясь поставить торчком волосы ему на голове. Словно камертон, у него зазвенели яйца, и во рту на мгновенье появился металлический привкус.

В пяти футах от Барби – в пяти футах и, продолжая приближаться - Морской Пес отреагировал еще более расширенными зрачками.

- Ты это почувствовал?

- Да, - кивнул Барби. - Но уже прошло. А у тебя?

- Прошло, - подтвердил Морской Пес.

Они не коснулись друг друга своими протянутыми ладонями, и Барби вновь подумал о стекле, потому что это было похоже на то, как если бы ты поздоровался с другом, который со двора подошел к твоему окну, вы соединили свои пальцы вместе, но не ощутили живой плоти.

Он оторвал руку, это как раз была та, которой он перед этим вытирал себе кровь из носа, и увидел красные отпечатки собственных пальцев, они повисли прямо посреди воздуха. И кровь на тех пятнах начала сползаться в капли. Как оно и бывает на стекле.

- Святой Боже, что это может означать? - прошептал Морской Пес.

Барби не ответил. Раньше, чем он успел хоть что-то на это ответить, его похлопал по спине Эрни Келверт.

- Я позвонил по телефону копам, - сообщил он. Они уже едут, а вот в пожарной части никто не отвечает. Только запись мне говорит, что надо звонить в Касл Рок.

- О'кей, так и сделай, - согласился Барби. И тут на фермерский луг футов в двадцати от них вновь упала и исчезла среди высокой травы луга очередная птица. Это событие нарисовало в голове Барби мысль, которая, наверное, искрой отрикошетила от того времени, когда он еще смотрел на мир через прицел. - А лучше сначала позвони в штаб ВВС Национальной гвардии[35] в Бангоре[36], - посоветовал он.

Эрни разинул рот:

- Гвардии?

- Только они могут установить над Честер Миллом запрещенную для полетов зону, - объяснил Барби. - И, как мне кажется, это надо сделать как можно скорее.

ПОЛНЫМ-ПОЛНО МЕРТВЫХ ПТИЦ

1

Шеф полиции Милла не слышал взрыва, хотя и находился в то время во дворе, сгребал листву с лужайки перед своим домом на Морин-Стрит. На капоте «Хонды» его жены стоял портативный радиоприемник, из которого звучала религиозная музыка на частоте РНГХ (полное ее название было «Радиостанция Наш Господь Христос», но юные жители города называли ее просто «Радио Иисус»). Слух он, конечно, имел уже не тот, как когда-то. Да и кто бы его имел в шестьдесят семь лет?

Но первую сирену, которая рассекла день, он услышал; уши у него были настроены на этот звук, как уши матери настроены на плач ее детей. Говард Перкинс даже знал, какая едет машина и кто сидит за ее рулем. Только на «тройке» и «четверке» остались старые сирены, но на «тройке» Джонни Трент поехал с пожарными в Касл Рок, на те их чертовы учения. Они их называют «контролируемым горением», хотя на самом деле речь идет о детских развлечениях взрослых дядек. Итак, сирена принадлежала четвертому номеру, одному из тех двух «Доджей»[37], которые у них еще оставались, и, значит, управлять им должен Генри

Моррисон.

Опершись на грабли, он наклонил голову, прислушиваясь. Сирена начала отдаляться, и он вновь занялся листвой. На веранду вышла Бренда. В Милле почти все звали его Дюком - прозвищем, которое пристало к нему, еще, когда он был школьником и не пропускал в кинотеатре «Звезда» ни одного фильма с Джоном Уэйном[38], - но Бренда, как только они поженились, начала звать его иначе. Именем, которое ему не нравилось.

- Гови, почему-то выключилось электричество. И что-то там громыхнуло.

Гови, для нее он всегда Гови. Словно из того: «Трюкач Гови», «А вот и Гови», «Как жизнь, Гови?»[39]

Он старался относиться к этому по-христиански - черт, он вел себя по отношению к этому как истинный христианин! - но иногда у него всплывала мысль, не имеет ли отношения, пусть опосредствованно, эта кличка к тому крохотному устройству, которое он теперь был вынужден носить у себя в груди.

- Что это?

Она подвела глаза под лоб, твердым шагом двинулась к своей машине, ухватила радиоприемник и нажала на нем кнопку, оборвав на полуслове хор Норманна Лубоффа[40], который пел «Имеем в Иисусе друга».

- Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не ставил эту вещь на капот моей машины? Ты поцарапаешь краску, и упадет ее продажная цена.

- Извини, Брэн. Что ты говорила?

- Электричество выключилось! И что-то взорвалось! Наверное, именно туда и погнал Джонни Трент.

- Это Генри поехал, - сказал он. - Джонни с пожарными в Касл Роке.

- Да кто бы там не был…

Завыла вторая сирена, теперь нового типа, эти звуки Дюк Перкинс мысленно называл «птичьим щебетом». Это уже должна быть «двойка» Джеки Веттингтон. Наверняка, это Джеки, потому что Рендольф, наверное, остался присматривать за их конюшней, сидит там, покачивается, откинувшись на спинку кресла, положив ноги на стол, и читает «Демократ». Или в сральнике заседает. Питер Рендольф был исправным копом, и жесткость мог проявить, где надо, но Дюк его не любил. Отчасти из-за того, что тот безоговорочно был человеком Джима Ренни, отчасти потому, что Рендольф иногда проявлял чрезмерную жестокость, но больше всего из-за того, что Рендольф был ленковатым, а Дюк Перкинс не переваривал ленивых полицейских.

Бренда уставилась на него большими глазами. Она сорок три года была замужем за полицейским и понимала, что два взрыва, две сирены и отключение электричества ничего хорошего не предвещают. Если листва будет убрана с лужайки в этот уик-энд - или если Гови усядется слушать репортаж игры его любимых «Уайлдкетс» Близнецов-Миллов против футбольной команды Касл Рока - она очень удивится.

- Наверняка, тебе тоже лучше поехать, - произнесла она. - Что-то там случилось. Я лишь

надеюсь, что никто не погиб.

Он снял у себя с ремня мобильный телефон. Чертова телефонная трубка висела там с утра до вечера, словно какая-то пиявка, но вещь была полезная, это он должен был признать. Сам он не набирал никаких номеров, просто стоял и смотрел на телефон, ожидая звонка.

И тут зашлась «птичьим щебетом» еще одна сирена: экипаж №1. Значит, и сам Рендольф выехал, в конце концов. Видимо, что-то серьезное. Дюк не стал больше ждать звонка и уже собрался подвесить телефон назад на ремень, как тут он и отозвался. Звонила Стэйси Моггин.

- Стэйси? - Он знал, что нет необходимости так кричать в эту чертову телефонную трубку, Бренда сто раз ему об этом напоминала, но все равно не мог удержаться. - Что ты делаешь в конторе в субботний…

- Я не на работе. Я дома. Звонил Питер, сказал, чтобы я позвонила по телефону вам, сообщила, что на сто девятнадцатом случилось происшествие, и очень серьезное. Он сказал… там самолет столкнулся с лесовозом… - в ее голосе послышалось сомнение. - Я не понимаю, как такое могло случиться, но…

Господи Иисусе. Самолет. Минут пять назад или немного больше, когда он еще сгребал листву и пел вместе с радио «Большой Бог»[41]…

- Стэйси, а самолет Чака Томпсона? Я видел, как его новый «Пайпер» пролетал неподалеку. Довольно низко.

- Шеф, я не знаю, я вам пересказала все то, что мне сказал Питер.

Бренда, отнюдь не тупица, уже сидела за рулем своего авто, чтобы освободить выезд и темно-зеленая машина шефа могла сдать задом на улицу. Радиоприемник она поставила возле небольшой кучки уже сгребленной им листвы.

- О'кей, Стэйси. В вашем уголке тоже электричество выбило?

- Да, и проводная телефонная связь пропала. Я по мобильному. Что-то, наверное, плохое случилось, правда?

- Надеюсь, нет. Ты можешь сейчас посидеть в конторе, прикрыть нас? Я уверен, что там сейчас никогошечки и не заперто.

- Я буду там через пять минут. Связывайтесь со мной через базовую систему.

- Тогда Роджер[42].

Бренда пешком вернулась на подъездную аллею, и тут как раз включилась и городская сирена, ее завывание поднималось и спадало волнами и от этого звука, как это бывало всегда, у Дюка Перкинса сжало грудь. Однако он не забыл обнять Бренду. Она никогда потом не забывала, что он нашел на это минутку.

- Пусть тебя это не волнует, Ренни. Эта штука запрограммирована делать так всегда, когда выключается магистральная линия электроснабжения. Через три минуты она замолкнет. Или через четыре. Забыл, сколько точно.

- Я знаю, но все равно ненавижу ее. Этот идиот Энди Сендерс включил эту сирену

одиннадцатого сентября, ты помнишь? Словно те террористы-самоубийцы собирались направить следующий самолет на нас.

Дюк кивнул. Энди Сендерс действительно был идиотом. К сожалению, он был также и первым выборным, жизнерадостным Мортимером Снердом[43] - марионеткой в руках Большого Джима Ренни.

- Мне нужно ехать, дорогая.

- Понимаю, - она пошла вслед за ним к машине. - А что там? Ты уже что-то знаешь?

- Стэйси сказала, что на сто девятнадцатом столкнулись самолет и грузовик.

Бренда нерешительно улыбнулась.

- Это такая шутка, правда?

- Совсем нет, если у самолета что-то случилось с двигателем, и пилот старался экстренно приземлиться на шоссе, - объяснил он.

Улыбка на лице Бренды завяла, а сжатая в кулак правая рука почивала в бозе во впадине между ее грудями, Дюк очень хорошо знал этот жест. Он протиснулся за руль и, хотя начальствующий «крузер» был еще довольно новым, шеф пошевелился, умащивая свой зад, потому что уже успел продавить удобные вмятины на сидении. Дюк Перкинс не был легким.

- Как раз в твой выходной! - всхлипнула она. - Это просто позор! В то время как ты уже мог быть на полноценной пенсии![44]

- От меня им достаются только субботние объедки, - ответил он ей иронически, ирония была деланной, день обещал быть длинным. - Я такой, какой я есть, Господи. Положишь для меня в холодильник пару сэндвичей, хорошо?

- Только один. Ты и так уже слишком погрузнел. Даже доктор Гаскелл об этом говорил, а он никогда никого не упрекает.

- Ну, ладно, один так один…

Он поставил рычаг на задний ход… а потом перевел его назад на нейтралку.

Высунулся из окна, и она поняла, что он хочет поцелуй. И она его поцеловала, смачно, в то время как городская сирена резала тяжелый октябрьский воздух, она припала своими устами к его устам, а он гладил ее сбоку по шее, и это было то, от чего ее всегда пробирала дрожь, то, что теперь он так редко ей дарил.

И это его прикосновенье посреди солнечного дня она тоже запомнила навсегда.

Она еще что-то крикнула ему вслед, пока он выкатывался на улицу. Он не расслышал в точности, что именно. Подумал, что все-таки, действительно ему следует пойти проверить слух. Пусть уж припишут слуховой аппарат, если необходимо. Хотя, вероятно, это станет именно тем поводом, который предоставит возможность Рендольфу с Большим Джимом окончательно выпереть его прочь под старую сраку.

Дюк нажал на тормоза и вновь высунулся из окна.

mir-knigi.org

- Беречься с моим чем?

- Сердечным стимулятором! - буквально прокричала она, смеясь.

Расстроилась. Все еще ощущая его ласковую руку у себя на шее, где кожа была такой упругой и гладенькой - так ей казалось - всего лишь вчера. Ну, пусть позавчера, когда они вместо «Радио Иисуса» еще слушали «КейСи с Оркестром Солнечного Сияния»[45].

- Да, конечно, как скажешь! - крикнул он ей в ответ и поехал прочь. В следующий раз она увидела его уже мертвым.

2

Билли с Вандой никакого двойного взрыва не слышали, потому что находились как раз на шоссе 117 и ругались. Ссора началась довольно просто, Ванда заметила, что день сегодня хороший, а Билли отреагировал фразой о том, что у него болит голова и вообще он не понимает, зачем им переться на эту субботнюю толкучку в Оксфорд-Хилл; все равно там всегда одно и то же запачканное барахло.

Ванда заметила, что голова у него не болела бы, если бы он не вылакал вчера вечером дюжину пива.

Билли спросил у нее, считала ли она банки в контейнере для утилизации мусора (не имело значения, как он набирался, Билли пил дома и всегда клал пустые жестянки только в контейнер для мусора, который подлежал переработке, - всем этим, вместе со своей профессией электрика, он гордился).

Она подтвердила:

- Да, посчитала, можешь быть уверен. А кроме того…

Они доехали уже до магазина Патела[46] в Касл Роке, успев продвинуться от «Билли, ты многовато пьешь» и «Слишком ты уж придирчивая, Ванда» к «Недаром мама была против, чтобы я выходила за тебя» и «Ну, почему тебе всегда надо быть такой сукой». За последние пару лет их четырехлетнего брака весь этот набор вопросов-ответов был уже прилично заезженный, но этим утром Билли вдруг ощутил, что его уже это достало окончательно. Он резко, не просигналив, не сбавив скорости, завернул на широкую асфальтированную стоянку супермаркета и вновь выскочил на шоссе 117, даже не взглянув в зеркало заднего вида, не говоря уже о том, чтобы оглянуться через плечо. На дороге позади его просигналила Нора Робишо. Ее закадычная подруга Эльза Эндрюс даже крякнула в сердцах. Обе женщины, медсестры на пенсии, переглянулись, но не произнесли ни слова. Слишком уж давно они дружили, им не требовались слова в таких ситуациях.

Тем временем Ванда спросила у Билли, куда это ему вдруг захотелось погнать.

Билли ответил, что домой, вздремнуть. На эту говноярмарку она может поехать сама.

Ванда заметила, что он только что едва не врезался в этих двух стареньких леди (упомянутые старенькие леди уже остались далеко позади; Нора Робишо считала, что без очень уважительной причины скорость свыше сорока миль в час - это черти искушают).

Билли добавил, что Ванда выглядит и говорит, точь-в-точь как ее мать.

Ванда потребовала от него объяснений, что именно он имеет в виду.

Билли разъяснил, что у обеих - что у матери, что у дочери - толстые сраки и языки, словно помело, телепаются на все стороны.

Ванда упрекнула Билли, что он и теперь еще не протрезвел.

Билли сообщил Ванде, что она тварюка.

Это был чистосердечный обмен равноценными чувствами и на тот момент, когда они, выехав с Касл Рока, оказались на территории Моттона, направляясь к невидимому барьеру, который установился вскоре после того, как Ванда своим замечанием о хорошем дне начала эту живую дискуссию, Билли разогнался уже до полных шестидесяти миль, что было почти предельной скоростью для Вандиного говномобиля «Шеви».

- Что это там за дым? - вдруг отвлеклась Ванда, заинтересованно показывая на северо-восток, в сторону шоссе 119.

- Откуда мне знать, - отреагировал Билли. - Может, моя теща набздела? – Он не смог удержаться от хохота.

Ванда Дебек поняла, что с нее уже довольно. От этого осознания и мир вокруг, и ее собственное будущее каким-то почти магическим образом приобрели предельную ясность. Она уже начала оборачиваться к нему с фразой «Я хочу развестись» на кончике языка, но как раз в этот миг они достигли границы между Моттоном и Честер Миллом и натолкнулись на барьер. Говномобиль «Шеви» имел подушки безопасности, но та, что была перед Билли, не сработала, а Вандина надулась не полностью. Руль ударил Билли в грудь, рулевая колонка разорвала ему сердце; умер он почти мгновенно.

Ванда ударилась головой о приборную панель, катастрофически резким сдвигом моторного блока «Шеви» ей сломало одну ногу (левую) и одну руку (правую). Никакой боли Ванда не ощутила, только услышала гудения клаксона и еще то, что машина вдруг стала на дыбы посреди дороги с расплющенным едва ли не до основания передком, а зрение ей полностью залило чем-то красным.

Когда Нора Робишо с Эльзой Эндрюс выехали из-за поворота, взяв курс на юг (они живо обсуждали дым, который уже несколько минут как начал подниматься на северо-востоке, и радовались, что сами в этот день выбрали менее оживленное шоссе), Ванда Дебек как раз подползала на локтях к белой раздельной линии. Кровь струилась по ее лицу, делая его почти неузнаваемым. Ее почти что скальпировало обломком разбитого лобового стекла, большой кусок кожи свисал ей на левую щеку, словно какой-то сорванный с надлежащего ему места птичий гребень.

Нора с Эльзой мрачно переглянулись.

- Чтоб мне всраться, - сказала Нора, и на этом всякая болтовня между ними прекратилась.

Эльза выскочила из машины, как только та остановилась, и побежала к беспомощной женщине. Как для пожилой леди (Эльзе недавно исполнилось семьдесят), она была поразительно проворной.

Нора оставила двигатель работать на холостом ходу и присоединилась к подруге. Вместе они подтянули Ванду к старенькому, но безупречно ухоженному «Мерседесу» Нормы. Жакет

Ванды из коричневого превратился d грязно-серебристый; ее руки выглядели так, словно она погрузила их в красную краску.

- Фде Пилли? - спросила она, и Нора увидела, что у бедной женщины выбиты почти все зубы. Три из них прилипли впереди к ее окровавленному жакету. - Фде Пилли, он шифой? Сто проифофло?

- С Билли все хорошо, и с вами тоже, - ответила ей Нора, бросив вопросительный взгляд на Эльзу. Эльза кивнула, и поспешила к «Шеви», теперь уже едва видимому сквозь пар, который поднимался из его разрушенного радиатора. Одного взгляда мимо повисшей на одном навесе дверцы со стороны пассажирского сидения хватило, чтобы Эльза, которая почти сорок лет проработала медсестрой (последний работодатель: Рон Гаскелл, д.м. - в данном случае д.м. надо было понимать как «долбень медицины»), удостоверилась, что с Билли отнюдь не все хорошо. Молодая женщина, чья половина волос телепалась на сорванной коже вокруг ее лица, сейчас стала вдовой.

Вернувшись к «Мерседесу», Эльза села на заднее сидение рядом с женщиной, которая уже впала в бессознательное состояние.

- Он мертв, и она скоро умрет, если ты нас мигом не подбросишь к госпиталю «Кэти Рассел».

- Тогда держитесь, - произнесла Нора и нажала на педаль. У «Мерседеса» мощный двигатель, он буквально прыгнул с места вперед. Нора лихо объехала «Шевроле» Дебеков и с разгона врезалась в невидимый барьер. Впервые за последние двадцать лет Нора пренебрегла ремнем безопасности, не пристегнулась, вследствии чего вылетела через лобовое стекло, и свернула себе шею об этот невидимый барьер так же, как Боб Руа перед этим. Молодую женщину тоже швырнуло между передними сидениями через разбитое переднее окно на капот «Мерседеса», где она и застыла лицом вниз, с раскоряченными, забрызганными кровью ногами. Босыми ногами. Ее мокасины (она купила их во время предыдущего посещения толкучки в Оксфорд-Хилле) слетели с нее еще при первом происшествии.

Эльзу Эндрюс ударило об спинку водительского кресла и отбросило назад, ей немного сбило дыхание, но в целом, она осталась невредимой. Двери сначала не хотели открываться, но она толкнула их плечом и они распахнулись. Она вылезла из машины и посмотрела на месиво на месте аварии. Лужи крови. Все еще потихоньку выходит пар из расплющенного говномобиля «Шеви».

- Что случилось? - спросила она. То же самое перед этим спрашивала Ванда, но Эльза этого не помнила. Она постояла среди россыпи хромированного металла и окровавленного битого стекла, потом приложила тыльную сторону ладони себе ко лбу, словно проверяя, нет ли у нее горячки. - Что случилось? Что это только что случилось? Нора? Нора, сердце моё? Где ты, дорогуша?

Тут она увидела свою подружку и издала крик скорби и ужаса. Ворона, которая наблюдала за событиями с высокой сосны по ту сторону барьера, где начинался Милл, каркнула один раз, и этот ее кар прозвучал, как короткий пренебрежительный хохот.

Ноги у Эльзы стали резиновыми. Она пошла на попятную, пока не уперлась ягодицами в истерзанный передок «Мерседеса».

- Нора, сердце моё, - произнесла она. - Ох, дорогуша.

Что-то щекотнуло ей шею. Она рассеянно подумала, что это, наверно, кудряшка раненной

девушки. Вот только теперь, конечно, и девушка стала мертвой.

Ох, бедная, нежная Нора, с которой они любили иногда втайне хлопнуть немножечко джина или водки в прачечной больницы «Кэти Рассел», хихикая, словно юные школьницы в летнем лагере. Широко раскрытые глаза Норы смотрели на яркое полуденное солнце, а голова ее была вывернута назад под каким-то немыслимым углом, словно она, даже умершая, старалась оглянуться через плечо, удостовериться, что с Эльзой все хорошо.

Эльза, с которой все было хорошо - «всего лишь переволновалась», как говорили когда-то в их госпитале о тех редких счастливчиках, которым выжили при подобных обстоятельствах, - начала плакать. Опираясь на борт автомобиля, она сползла наземь (разодрала плащ о разорванный металл) и села на асфальт шоссе 117. Так она сидела и плакала, когда к ней подошли Барби с его новым приятелем в кепке «Морских Псов».

3

Морской Пес оказался Полем Джендроном, бывшим торговцем автомобилями с севера штата, который два года назад, выйдя на пенсию, поселился на ферме своих покойных родителей в Моттоне. Это и еще многое другое о Джендроне узнал Барби за время, которое прошло с того момента, как они покинули место катастрофы на шоссе 119 и натолкнулись на другую аварию - не такую зрелищную, но все равно ужасную - там, где границу Милла пересекало шоссе 117. Барби охотно пожал бы руку Полю, однако такое добродушие пришлось отложить до той минуты, когда они, наконец-то найдут место, где заканчивается барьер.

Эрни Келверт дозвонился в Военно-воздушные силы Национальной Гвардии в Бангоре, но ему пришлось подождать, прежде чем он получил возможность объяснить причину своего звонка. Тем временем приближение воющих сирен предшествовало неминуемому появлению местных законников.

- Только не рассчитывайте на пожарную бригаду, - предупредил тот фермер, который прибежал через поле со своими двумя сыновьями. Его звали Алден Динсмор, он все еще никак не мог отдышаться. - Они в Касл Роке, жгут там для практики какой-то дом. Тут бы им было на чем потренерова…

Тут он заметил, что его младший сын приближается к тому месту, где, повиснув посреди пронизанного солнцем воздуха, высыхал кровавый отпечаток ладони Барби.

- Рори! Ну-ка, прочь оттуда!

Рори, с горящими от любопытства глазами, проигнорировал отца. Он протянул руку и постучал костяшками пальцев немного правее отпечатка ладони Барби. Но еще за мгновение до этого Барби успел заметить, как повыступали пупырышки на руке у этого мальчика в свитере «Уайлдкетс»[47] с обрезанными рукавами. Что-то было там, что-то такое, что реагировало на приближение к барьеру. Единственное место, где Барби испытал подобное ощущение, был большой электрогенератор в Эйвоне[48], во Флориде, около которого ему как-то случилось обжиматься с девушкой.

Звук, который прозвучал из-под кулака мальчика, более всего напоминал тот, которым откликнулась бы на удары рукой кастрюля из жаропрочного стекла. Это зрелище заставило замолкнуть небольшую толпу зевак, которые сплетничали, засмотревшись на догорающие останки лесовоза (а кое-кто еще и снимал их на свой мобильный телефонам).

mir-knigi.org

- А я бы зассал, - произнес кто-то.

Алден Динсмор схватил сына за рваный ворот свитера, оттащил назад, и тогда влепил ему звонкий подзатыльник, как незадолго перед этим сделал это старшему.

- Не смей! - закричал Динсмор, теребя мальчика за плечи. - Никогда не смей делать что-то подобное, если не знаешь, что это такое!

- Папа, оно словно стеклянная стена! Оно как…

Динсмор вновь встряхнул сына. Одышка у него все еще не прошла, и Барби опасался за его сердце. - Никогда не смей! - повторил он и толкнул мальчика к его старшему брату. - Присматривай за этим дураком, Олли.

- Слушаюсь, сэр, - доложил Олли и оскалился младшему.

Барби посмотрел в сторону Милла. Теперь он увидел проблески полицейского автомобиля, который приближался, но намного впереди него - так, словно какой-то уважаемый чиновник по большой милости позволил себя эскортировать - двигалось что-то черное, похожее на гроб на колесах: «Хаммер» Большого Джима Ренни. На этот вид откликнулись зудением еще не зажившие синяки и ссадины, которые Барби получил в потасовке на парковке возле «Диппера».

Конечно, Ренни-старшего там не было, но главным заводилой выступил его сын, а Большой Джим покрывал Джуниора. Если в результате этого жизнь в Милле стала тяжелой для какого-то странствующего повара - настолько тяжелой, что этот повар встал перед дилеммой, не поднять ли ему сраку и не убраться ли из этого города подальше - тем лучше. Барби не хотелось торчать здесь, когда подъедет Большой Джим. Особенно, когда он прибудет вместе с копами. Дюк Перкинс относился к нему вполне корректно, а вот второй - Рендольф - смотрел на него так, словно Дейл Барбара был куском собачьего дерьма на модельном ботинке.

Барби обратился к Морскому Псу и спросил:

- Как ты относишься к небольшой прогулке? Ты со своей стороны, я - со своей? Посмотрим, далеко ли тянется эта штука?

- И заодно уберемся отсюда раньше, чем сюда подъедет этот болтун? - Джендрон также заметил гламурный «Хаммер». - Друг, выбор за тобой. На восток или на запад?

4

Они отправились на запад, в сторону шоссе 117, и, хотя и не нашли конца барьера, но чудеса, сотворенные им во время своего опускания, увидели. Обрубленные ветви деревьев, благодаря чему образовались просветы в небе, которых ранее там и близко не было. Пни, разрубленные пополам. И повсеместно - трупы пернатых.

- До фига мертвых птиц, - заметил Джендрон, поправляя бейсболку на голове руками, которые, хотя и слегка, но явно дрожали. Вид он имел чрезвычайно бледный. - Никогда не видел их так много.

- С тобой все хорошо? - спросил его Барби.

mir-knigi.org

- Телесно? Конечно, думаю что так. А вот душевно я чувствую себя так, словно потерял рассудок. А ты как?

- Так же, - ответил Барби.

Преодолев две мили на запад от шоссе 119, они подошли к дороге Божий Ручей и увидели труп Боба Руа, который лежал около его, все еще работающего вхолостую, трактора. Барби инстинктивно бросился к телу и вновь ударился о барьер… правда, на этот раз он успел о нем вспомнить в последнюю секунду и своевременно притормозил, вновь не расквасив себе до крови нос.

Джендрон наклонился и потрогал смешно вывернутую шею фермера.

- Мертвый.

- Что это такое, рассыпанное там вокруг него? Эти белые куски?

Джендрон подобрал самый большой кусок.

- Думаю, это что-то из тех компьютерных штуковин с музыкой. Наверное, разбилась, когда он врезался в… - Он махнул рукой перед собой. - Ну, ты понимаешь.

Издалека донеся вой, он звучал более хрипло и громче чем предыдущий звук городской ревуна.

Джендрон бросил в ту сторону короткий взгляд.

- Пожарная сирена, - произнес он. - Очень своевременно они.

- Пожарные едут из Касл Рока, - произнес Барби. - Я их слышу.

- Неужели? Тогда у тебя слух острее моего. Повтори-ка мне вновь свое имя, друг.

- Дейл Барбара. Для друзей - просто Барби.

- Ну, Барби, что теперь?

- Предлагаю идти дальше. Мы уже ничем не поможем этому парню.

- Да уж. Даже позвонить по телефону никому не можем, - мрачно согласился Джендрон. - Мой мобильный остался там. А у тебя, думаю, его нет?

Барби имел мобильный телефон, но оставил его в теперь уже освобожденной квартире, вместе с запасной парой носков, джинсами, рубашками и нижним бельем. Он отправился покорять новые земли только с тем, что было одето на нем, потому что ничего не желал нести с собой из Честер Милла. Кроме пары приятных воспоминаний, но для них ему не нужны были, ни чемоданы, ни даже рюкзак.

Такие вещи тяжело объяснять чужому человеку, и он лишь кивнул головой.

Сидение «Дира» было покрыто старым одеялом. Джендрон заглушил двигатель трактора, вытащил одеяло и накрыл им тело.

- Надеюсь, он слушал что-то, что ему нравилось, когда это случилось, - произнес он.

mir-knigi.org

- Да, - согласился Барби.

- Идем. Давай дойдем до конца этого невесть чего. Я хочу пожать тебе руку. Может, даже получится прорваться и обнять тебя.

5

Вскоре после того, как было найдено тело Руа - сейчас они уже были почти рядом с местом аварии на шоссе 117, хотя сами пока что этого не знали, - им попался маленький ручей. Оба застыли молча, каждый по свою сторону барьера, смотря на это чудо.

Наконец Джендрон произнес:

- Святой Иисус-гимнаст.

- На что это похоже с твоей стороны? - спросил его Барби. Сам он только видел, как поднимается и растекается по рощице вода. На вид это было похоже на то, если бы ручей перегородила какая-то невидимая плотина.

- Даже не знаю, как это описать. Сроду не видел ничего подобного.

Джендрон замолчал, сжав ладонями себе щеки, от чего его и без того длинное лицо стало еще более похожим на персонаж картины Эдварда Мунка[49] «Крик».

- Хотя нет. Видел. Однажды. Немного похоже. Когда принес домой парочку золотых рыбок в подарок моей дочурке на шестилетие. Или, может, ей тогда исполнилось семь. Я принес их из зоомагазина домой в пластиковом пакете, вот и здесь теперь что-то похоже на воду на дне пластикового пакета. Только не обвисшего, а с плоским дном. Вода встает дыбом попадая на эту… штуку, а с твоей стороны растекается по сторонам.

- И совсем не протекает на твою сторону?

Упершись ладонями в колени, Джендрон наклонился и прищурил глаза.

- Да нет, немного протекает. Но немного, так, чуть-чуть струится. И никакого мусора, который вода обычно несет за собой. Ну, там веточки, листочки и все такое.

Они отправились далее, Джендрон со своей стороны, Барби со своей. И никто из них все еще не воспринимал собственное положение как «внутри» и «снаружи». Они не предполагали даже мысли, что этот барьер может не иметь конца.

6

Вот тогда они и подошли к шоссе 117, где произошла другая ужасная авария - два автомобиля и, по меньшей мере, двое погибших, как показалось Барби. А вон и еще один, сгорбленный за рулем старенького, почти дотла разрушенного «Шевроле». Но здесь нашелся и уцелевший человек, она сидела, склонив голову, около «Мерседес-Бенца» с разбитым передком. Поль Джендрон бросился к ней, тогда как Барби ничего не оставалось, кроме как стоять и смотреть. Женщина увидела Джендрона и предприняла попытку встать.

- Нет, мадам, не стоит, не надо вам подниматься, - сказал тот.

mir-knigi.org

- Мне, кажется, не так уже и плохо, - произнесла она. - Просто… понимаете, перенервничала.

По какой-то неизвестной причине она принужденно рассмеялась собственным словам, хотя лицо у нее было опухшим от слез.

В это мгновение появился еще один автомобиль, он едва двигался, за его рулем сидел пожилой мужчина, который возглавлял череду с полдесятка других, безусловно, нетерпеливых, водителей. Увидев аварию, он остановился. Машины позади него тоже встали.

Эльза Эндрюс была уже на ногах и достаточно овладела собой, чтобы произнести слова, которые стали вопросом этого дня.

- На что мы наткнулись? Не на эту же машину, потому что Нора ее объехала.

Джендрон ответил ей абсолютно честно:

- Не знаю, мадам.

- Спроси, есть ли у неё мобильник, - сказал Барби, и тогда обратился к прибывающим зрителям. - Эй! У кого-то есть телефон?

- У меня, мистер, - откликнулась одна женщина, но прежде чем она успела произнести что-либо еще, все они услышали приближение звуков тах-тах-тах. Вертолет.

Барби с Джендроном обменялись тревожными взглядами.

Сине-белый вертолет полетел низко. Курсом на столб дыма, который обозначил место аварии лесовоза на шоссе 119, но воздух был удивительно ясен, с тем едва ли не увеличивающим эффектом, каким бывает в наилучшие дни на севере Новой Англии, и Барби легко прочитал большую цифру 13 на борту вертолета. А также увидел глаз - логотип компании Си-Би-Эс[50]. Это был вертолет их службы новостей, из Портленда. Он, несомненно, уже находился где-то в этом районе, подумал Барби. А тут вдруг случилась возможность отснять несколько сочных кадров с места аварии для шестичасового выпуска новостей.

- Ох, нет, - простонал Джендрон, прикрыв ладонью глаза от солнца. И тогда закричал: - Прочь отсюда, глупцы! Заворачивайте назад!

Конечно, без толку. Одновременно также он начал широко размахивать руками, словно кого-то отгоняя.

Из-за спин Барби и Джендрона удивленно смотрела Эльза.

Вертолет снизился на высоту деревьев и повис на месте.

- Мне кажется, все будет хорошо, - выдохнул Джендрон. - Люди, которые остались на той дороге, наверное, ему тоже махали, чтобы не подлетал. Пилот должен был бы понять…

Но тут вертолет качнулся в северную сторону, чтобы повиснуть над лугом Алдена Динсмора для выбора другого угла съемки и наткнулся на барьер. Барби увидел, как разнесло один из роторов. Вертолет одновременно швырнуло вниз и в сторону. И тут же он взорвался, заливая свежим огнем дорогу и поля по ту сторону барьера.

По сторону Джендрона.

Снаружи.

7

Джуниор Ренни украдкой, как вор, пробрался в дом, в котором он вырос. Или как призрак. В доме, конечно, было пусто; его отец должен был сейчас находиться на своей гигантской площадке, где стояли подержанные автомобили, около шоссе 119 (Джуниоров приятель Фрэнк иногда называл это место Святым Алтарем Не Надо Наличности), а Френсин Ренни уже четыре года, как постоянно отдыхала на кладбище Утешительные Холмы. Городской ревун замолчал, и звуки полицейских сирен ослабли, отдалившись куда-то в южном направлении. В доме стояла благословенная тишина.

Он принял пару пилюль имитрекса, снял одежду и зашел в душ. А когда вышел, увидел кровь на своих брюках и рубашке. Сейчас он не мог этим заниматься. Закинул одежду под кровать, задернул шторы, заполз в постель и натянул себе на голову одеяло, как делал это когда-то, еще ребенком, прячась от чудовищ, которые живут в шкафу. Так он и лежал, дрожа, а в голове у него гудело, словно там били все колокола ада.

Он уже было задремал, как внезапно проснулся от звуков пожарной сирены. Его вновь начало колотить, но голову слегка отпустило. Он еще немного поспал, и тогда начал думать, что делать дальше. Изо всех вариантов наилучшим пока что казалось самоубийство. Потому что изобличение неминуемо. Он не может даже вернуться туда и убрать; не хватит времени, потому что скоро домой вернутся из своих субботних поездок Генри и Ладонна Маккейн. Он может убежать - возможно, - но не раньше, чем перестанет болеть голова. Ну, и конечно, ему надо одеться. Кто же начинает жизнь беглеца в виде голой наживки?

А, в общем-то, убить себя, наверняка, было бы наилучшим решением. Хотя в таком случае победителем окажется этот педрила-повар. И если все взвесить, именно этот мерзкий повар во всем и виноват.

Потом замолчала и пожарная сирена. Джуниор проспал все время с головой, накрытой одеялом. А когда проснулся, было уже девять вечера. Боль в его голове спала.

В доме было по-прежнему пусто.

ХРЕНОВЕРТЬ

1

Визгливо остановив свой «Хаммер Эйч-3 Альфа»[51] (цвет: черная жемчужина, аксессуары: все включено), Большой Джим Ренни достиг именно того, что ему всегда нравилось - на целых три минуты опередил городскую полицию. Опережай конкурентов - было лозунгом Ренни.

Эрни Келверт все еще говорил по телефону, но руку в небрежном приветственном жесте поднял. Волосы у него были разлохмаченные, а вид вообще ошалевше-возбужденный.

- Эй, Большой Джим, я до них дозвонился!

- До кого? - бросил Ренни небрежно. Он засмотрелся на останки того, что очевидно было когда-то самолетом, и на погребальный костер, в котором догорал лесовоз. Явный беспорядок, да еще

и из тех, что оставляют синяки на лице города, особенно учитывая то, что обе новенькие пожарные машины сейчас находятся в Роке. На учениях, куда он сам их направил… но на бумаге, которой это было утверждено, стоит подпись Энди Сендерса, потому что Энди - первый выборный. Вот и хорошо. Ренни был большим почитателем того, что сам называл «коэффициентом защищенности», и, занимая должность второго выборного, представлял собой как можно лучшее олицетворение этого коэффициента в действии: вся власть в твоих руках (особенно, когда первый выборный такое чмо, как Сендерс), и почти никакой ответственности, если вдруг что-то обернется не тем боком.

А здесь такие дела, которые Ренни, еще в шестнадцатилетнем возрасте отдавший свое сердце Иисусу и никогда не ругавшийся, называл «хреновертью».

Нужно предпринять какие-то шаги. Установить контроль над ситуацией. Потому что на старого ишака Говарда Перкинса в этом деле он полагаться не может. Возможно, Перкинс и был вполне адекватным шефом полиции лет двадцать назад, но теперь у нас новое столетие.

Окинув глазами место происшествия, Ренни насупился еще больше. Многовато зевак. Их, конечно, всегда собирается много во время таких событий, люди любят кровь и разрушения. А некоторые из них словно играются в какую-то безобразную игру: выхваляются один перед другим, или что-то такое.

Мерзкие существа.

- Ну-ка, люди, отойдите-ка оттуда! - воззвал он. Хороший голос он имел для отдачи приказов, громкий и уверенный. - Здесь не что-нибудь, а место катастрофы!

Эрни Келверт - просто идиот, в городе их много, у Ренни было подозрение, что в любом городе их полно, - дернул его за рукав.

- Большой Джим, я дозвонился в ВВСНГ, и они…

- Кому? Куда? О чем это ты лепечешь?

- О Военно-воздушных силах Национальной гвардии!

Чем дальше, тем хуже. Кто-то играется в игры, а этот дурак звонит по телефону в…

- Эрни, зачем ты им звонил, ради Бога?

- Потому что он сказал… тот парень сказал… - А впрочем, Эрни не мог к черту вспомнить, что именно сказал ему Барби, и, продолжил дальше: - Ну, короче, полковник из ВВСНГ выслушал все, что я ему рассказал, и тогда соединил меня с офисом Службы национальной безопасности в Портленде. Так просто напрямую и соединил!

Ренни хлопнул себя по щекам обеими ладонями, как это с ним часто случалось в раздражении. Этот жест делал его похожим на Джека Бэнни[52], только хладнокровного. Как и Бэнни, Большой Джим тоже время от времени рассказывал анекдоты (приличные). Он шутил, потому что торговал автомобилями, а также потому, что знал - от политиков ожидают шуток, особенно, когда приближаются выборы. Поэтому он всегда имел небольшой, понемногу возобновляемый запас того, что он сам называл «приколами» (как вот говорят «Ну что, ребята, хотите услышать прикол?»). Он запоминал их, как турист в чужой стране заучивает полезные фразы типа «Где здесь у вас туалет?» или «Есть ли в этом поселке отель с интернетом?».

Но сейчас он не шутил.

- Служба национальной безопасности! Ради какого такого никчемного черта? - Слово никчемный было любимым эпитетом Ренни.

- Потому что тот парень сказал, что что-то перегородило дорогу. И так оно и есть, Джим! Что-то такое, чего нельзя увидеть! Люди могут на него опереться! Видишь? Вот, они как раз именно это и делают. Или… если бросить туда камень, камень отскочит! Смотри!

Эрни поднял камень и зашпулил. Ренни даже не шелохнулся, чтобы посмотреть, куда тот полетел; он был уверен, что если бы камень попал в кого-то из тех зевак, прозвучал бы вопль.

- Лесовоз врезался в него… в это невесть что… и самолет также! А еще тот парень сказал мне, чтобы я…

- Не гони так. О каком это парне мы говорим?

- Молодой такой, - вмешался Рори Динсмор. - Он еще готовит в «Розе-Шиповнике». Если закажешь непрожаренный гамбургер, именно такой и получишь. Мой отец говорит, что непрожаренные гамбургеры почти нигде не готовят, потому что никто не умеет, но этот парень знает как. - Его лицо расплылось в чрезвычайно сладкой улыбке. - И я знаю его имя.

- Заткни глотку, Рор! - крикнул на него брат. Лицо мистера Ренни помрачнело. Олли Динсмор по собственному опыту знал, что точь-в-точь такое выражение лица принимают учителя, прежде чем оставить тебя после уроков в конце учебной недели.

Но Рори не обращал внимания.

- У него еще такое девчоночье имя! Бааарбара!

«Как раз когда я думал, что больше никогда его не увижу, это ничтожество вновь всплыло здесь, - подумал Ренни. - Это штопанное непутевое ничтожество».

Он обратился к Эрни Келверту. Полиция уже прибыла, но Ренни подумал, что еще успеет положить конец новой бессмыслице, которую и здесь умудрился спровоцировать этот Барбара. Ренни его не заметил где-то поблизости. Да и не ожидал этого, по-правде. Такие, как Барбара, любят замутить воду, организовать бардак, а сами дать деру.

- Эрни, - обратился он к Келверту. - Тебя неправильно проинформировали.

Вперед выступил Алден Динсмор.

- Мистер Ренни, я не пойму, как вы можете такое говорить, когда сами не знаете, в чем состоит информация.

Ренни ему улыбнулся. По крайней мере, растянул губы.

- Я знаю Дейла Барбару, Алден; и одной этой информации мне уже достаточно. - Он вновь обратился к Эрни Келверту. - Итак, если тебе больше…

- Тихо, - поднял руку Келверт. - Кто-то на связи.

Большому Джиму не нравилось, когда кто-то его затыкал, а особенно если этим кто-то был какой-то бакалейщик на пенсии. Он вырвал телефон из рук Эрни так, словно Келверт был его

секретарем, который держит телефонную трубку, только чтобы передать ее босу.

Голос в мобильном произнес:

- С кем я говорю? - Меньше чем полдесятка слов, но их хватило, чтобы Ренни понял, что он имеет дело с каким-то сукиным сыном, чиновником. Знает Бог, он имел дело с достаточным их количеством за свои тридцать лет заседания в городском совете, и федеральные чиновники были изо всех их наихудшими.

- Говорит Джеймс Ренни, второй выборный Честер Милла. А вы кто, сэр?

- Доналд Возняк, Служба национальной безопасности. Как я понял, у вас там возникла какая-то проблема на шоссе № 119. Какого-то рода препятствие.

Препятствие? Препятствие? Что это еще за федеральный жаргон?

- Вас дезинформировали, сэр, - ответил Ренни. - У нас здесь самолет - самолет гражданский, местный самолет - пытался совершить посадку на шоссе и столкнулся с грузовым автомобилем. Ситуация находится под полным контролем. Мы не нуждаемся в помощи Службы национальной безопасности.

- Мистер Ренни, - произнес фермер. - Здесь совсем не то случилось.

Ренни отмахнулся от него и двинулся к первой полицейской машине. Из нее вылезал Хэнк Моррисон. Упитанный, футов шесть роста или около того, но полный лентяюга. А за ним подкатила и девушка с добротными, большими сиськами. Веттингтон ее фамилия, эта еще хуже, чем лентяюга: острый язык при тупой башке. А уже далее, вслед за ней, подъехал Питер Рендольф. Заместитель шефа Рендольф был Ренни по душе. Это человек, который готовый был обо всем позаботиться. Если бы это Рендольф был дежурным в ту ночь, когда случилась передряга возле той идиотской клоаки, типа бара, Большой Джим был почти уверен, что мистер Дейл Барбара едва ли ошивался бы сегодня в городе, да еще и кого-то поучал. Фактически, мистер Барбара сидел бы сейчас за решеткой в Роке. И для Ренни такой вариант был бы самым приятным.

Тем временем мужик из Службы нацбезопасности - и у них хватает наглости называть себя агентами? - все еще что-то верещал.

Ренни перебил его.

- Благодарю за внимание с вашей стороны, мистер Вознер, но мы и сами здесь уже справились. - И, не прощаясь, нажал кнопку «сброс». Отдал телефон Эрни Келверту.

- Джимми, не думаю, что это было разумно.

Ренни его проигнорировал, он смотрел на Рендольфа, который, не выключая мигалки, остановился за машиной этой девки Веттингтон. В голове мелькнуло, не пойти ли с ним поздороваться, но он отлгнал эту идею раньше, чем она успела полностью сформироваться в его голове. Пусть Рендольф сам к нему подойдет. Именно так все должно быть. И так оно и будет, во славу Господа.

2

- Большой Джим, - начал Рендольф. - Что здесь случилось?

- Думаю, тут все ясно, - ответил Джим. - Самолет Чака Томпсона немного не поладил с лесовозом. Похоже на то, что они сыграли вничью.

Тут он услышал приближение сирен со стороны Касл Рока. Почти наверняка сюда направляются несколько спасательных бригад (Ренни надеялся, что их две новых - и ужасно дорогие - пожарные машины тоже в их числе; было бы лучше, если бы никто не понял, что обе их пожарные обновки находились вне города, когда случилась эта катастрофа). Скоро должны появиться и медики «скорой помощи», и тамошняя полиция.

- Тут совсем не то случилось, - упрямо повторил Алден Динсмор. - Я был как раз там, в саду, и видел, что самолет просто…

- Наверное, лучше отодвинуть этих людей подальше, как думаешь? - спросил Ренни у Рендольфа, показывая на зевак. Со стороны лесовоза их стояло много, стараясь держаться подальше от догорающих останков, а еще больше их было со стороны Милла. Это уже начинало напоминать какой-то фестиваль.

Рендольф обратился к Моррисону и Веттингтон.

- Хэнк, - произнес он, показывая на зевак из Милла. Кое-кто из них уже начал исследовать разбросанные вокруг обломки Томпсонского самолета. Звучали испуганные вскрики, когда чьим-то глазам приоткрывались новые части тел.

- Эй, - произнес Моррисон и двинулся вперед.

Рендольф направил Веттингтон на зрителей со стороны лесовоза.

- Джеки, а ты займись… - И тут Рендольф застыл.

Фанаты аварии в южном направлении от места происшествия скучились по обе стороны дороги: одна группа на коровьем пастбище, вторая - по колени в кустарнике. Зеваки стояли с тем выражением идиотского удивления на лицах, которое так хорошо был знакомо Ренни, на отдельных лицах он наблюдал его каждый день, а в толпе - каждый март, во время общего городского собрания. Вот только эти люди смотрели не на горящий лесовоз. А теперь и Рендольф тоже, конечно не дурак (отнюдь не мудрец, но он, по крайней мере, точно знал, с какой стороны намазан маслом его ломоть хлеба), вместе со всеми засмотрелся на то место и также удивленно разинул рот. И Джеки Веттингтон туда смотрела.

На дым смотрели все они. Дым, который доносился от горящего лесовоза.

Темный, жирный дым. Люди, которые стояли против ветра, должны были бы задыхаться и кашлять от него, тем более что с юга как раз веяло легким бризом, но их дым не касался. И Ренни понял причину. В такое трудно было поверить, но он видел это собственными глазами. Дым действительно несло на север, но по дороге он резко менял направление движения - едва ли не под прямым углом - и трубой поднимался вверх, словно сквозь дымовую трубу. А еще он оставлял за собой темно-коричневый осадок. Длинную полосу, которая, казалось, просто зависла в воздухе.

Джим Ренни затряс головой, чтобы прогнать с глаз это зрелище, но, как только перестал, то понял, что никуда оно не делось.

- Что это? - спросил Рендольф кротким от удивления голосом.

Перед Рендольфом возник фермер Динсмор.

- Тот парень, - показал он на Эрни Келверта, - связался по телефону со Службой нацбезопасности, а этот парень, - показал он на Ренни театральным жестом судебного оратора, который Ренни отнюдь не понравился, - вырвал телефон у него из рук и выключил! Питер, он не должен был этого делать! Потому что это не было обычным столкновением. Самолет никоим образом не приближался к земле. Я сам это видел. Как раз накрывал овощи перед заморозками и сам все видел.

- И я тоже… - начал было Рори, но на этот раз уже его брат Олли дал младшенькому подзатыльник. Рори распустил нюни.

Алден Динсмор продолжил.

- Он врезался во что-то. В то же самое, что и лесовоз. Оно там есть, его можно потрогать. Этот молодой парень - повар - сказал, что тут надо установить запрещенную для полетов зону, и он был прав. Но мистер Ренни, - тут он вновь показал на Ренни, словно сам был, по крайней мере, Пэрри Мейсоном[53], а не каким-то деревенщиной, который зарабатывает себе на жизнь, пристраивая присоски к коровьим дойкам, - даже говорить не захотел. Взял и выключил телефон.

Ренни не опустился до комментариев.

- Ты теряешь время, - напомнил он Рендольфу и, подступив ближе, добавил шепотом: - Дюк едет сюда. Советую тебе не ловить ворон, а как можно скорее взять ситуацию под свой контроль, пока он еще не прибыл, - тут он кинул ледяной взгляд на фермера. - Свидетелей можешь допросить позже.

Однако - вот наглец! - последнее слово произнес Алден Динсмор:

- А этот парень Барбер был-таки прав. Он был прав, а Ренни сейчас не прав.

Ренни записал себе мысленно, что надо будет попозже разобраться с Алденом Динсмором. Все фермеры рано или поздно приходят к выборному с протянутой рукой - просят каких-либо поблажек, скажем, при определении границ, либо еще что-то – итак, когда в следующий раз появится мистер Динсмор, пусть добра не ждет, потому что Ренни ему все припомнит. Ренни никогда не забывает таких вещей.

- Давай, наводи здесь порядок! - приказал он Рендольфу.

- Джеки, убери оттуда людей, - показал заместитель шефа на зевак по обе стороны лесовоза. - Установи периметр.

- Сэр, те люди находятся на территории Моттона, и я думаю…

- Меня это не касается, оттесни их оттуда. - Рендольф бросил взгляд через плечо туда, где тяжело вылезал из зеленой начальствующей машины Дюк Перкинс - машины, которую Рендольф давно мечтал ставить у себя перед домом. И будет ставить, с помощью Большого Джима Ренни. Скорее всего, в ближайшие три года это произойдет точно. - Поверь, когда сюда приедут полицейские из Касл Рока, они тебя только поблагодарят. А что касается… - она показала на грязную полосу дыма, которая продолжала расползаться.

mir-knigi.org

Ярко раскрашенные октябрем деревья виднелись сквозь нее, словно убранные в какую-то темно-серую униформу, а небо приобретало болезненный оттенок пожелтевшей голубизны.

- Держись от нее подальше, - посоветовал Рендольф, и двинулся помогать Хэнку Моррисону устанавливать периметр со стороны Милла. Но сначала он должен был ввести в курс дела Перка.

Джеки приблизилась к людям около лесовоза. Толпа на той стороне все время росла, поскольку те, кто прибыл первыми, не ленились названивать по своим мобильникам. Некоторые из них уже успели позатаптывать небольшие возгорания в кустарнике, и это было хорошо, но сейчас все просто стояли и ловили ворон. Она замахала руками так же, как делал это Хэнк на Милловской стороне, заводя такую же самую мантру.

- Назад, граждане, все кончилось, ничего нового вы больше не увидите, уступите дорогу для проезда пожарных и полиции, отступите назад, освободите территорию, расходитесь по домам, наза…

Она ударилась обо что-то. Ренни не имел понятия, что бы это могло быть, но результат увидел. Сначала на что-то натолкнулись поля шляпы, ее шляпы. Они изогнулись, шляпа взлетела и покатилась ей за спину. Через короткое мгновенье и ее наглые сиськи - эта аспидская пара разрывных снарядов - сплющились. А следом она уже имела расквашенный нос, кровь из которого выплеснулась прямо на что-то… и начала стекать длинными струйками, как бывает, стекает краска по стене. С шокированным лицом она плюхнулась на свою пухленькую задницу.

Вражина-фермер и тут вставил шпильку.

- Видел? А что я говорил?

Рендольф с Моррисоном не видели. И Перкинс не видел; они как раз совещались втроем около капота шефского авто. Ренни едва не позвал на помощь Веттингтон, но к ней уже поспешили другие, а кроме того, она сидела слишком близко к тому что-то, на что наткнулась. Вместо того он поспешил к мужчинам, напустив на себя авторитетный вид, выпятив вперед солидный живот. И не забыл по дороге бросить косой взгляд на фермера Динсмора.

- Шеф, - произнес он, вклинившись между Моррисоном и Рендольфом.

- Привет, Большой Джим, - кивнул ему Перкинс. - Ты, вижу, напрасно времени здесь не терял.

Возможно, со стороны Дюка это была шпилька, но Ренни, старая хитрая лиса, не заглотнул наживку.

- Боюсь, здесь происходит кое-что сложнее того, что видит глаз. Думаю, кому-то надо немедленно связаться со Службой нацбезопасности. - Сделав паузу, он принял еще более серьезный вид. - Я не говорю, что здесь замешан терроризм… однако не могу и сказать, что здесь нет его следа.

3

Дюк Перкинс смотрел мимо Большого Джима. Туда, где Эрни Келверт с Джонни Карвером, заведующим Милловским магазином «Топливо & Бакалея», как раз поднимали на ноги Джеки. Вид она имела немного одурманенный, из носа текла кровь, но вообще-то с ней все вроде бы было хорошо. Однако сама ситуация, в целом, не была нормальной. Конечно, любая авария, где

есть жертвы, определенной мерой порождает такое ощущение, но здесь и сейчас было больше странного, чем обыкновенно.

Во-первых, самолет не делал попытки приземлиться. Дюку не верилось в эту версию, потому что многовато валялось вокруг обломков, к тому же раскидало их по весьма большой площади. А еще и зеваки. Они неправильно стояли. Рендольф этого не замечал, а вот шеф Перкинс сразу обратил на это внимание. Они должны были бы сбиться в одну большую беспорядочную кучу. Так случается всегда, потому, что так люди чувствуют себя комфортнее перед лицом смерти. А тут они стояли двумя отдельными группами и та, которая находилась за пределами его города, на моттонской стороне, держалась ну очень уж близко ко все еще горящему лесовозу. Ведь если ближе к нам нет никакой опасности, удивлялся он… то почему же они не приближаются сюда?

Из-за поворота на юге вынырнули первые пожарные машины. Целых три. Дюк радостно отметил про себя, что вторая в колонне имеет на борту надпись золотыми буквами: ПОЖАРНАЯ ЧАСТЬ ЧЕСТЕР МИЛЛА. ЭКИПАЖ № 2. Толпа сдвинулась по обочинам в низкорослые кусты, давая место для проезда пожарным. Дюк вновь посмотрел на Ренни.

- Что именно здесь произошло? Ты знаешь?

Ренни открыл было рот, но не успел что-либо произнести, как заговорил Эрни Келверт.

- Шеф, поперек дороги установился какой-то барьер. Его не видно, но он там есть. В него и врезался лесовоз. И самолет тоже.

- Истинная правда, - воскликнул Динсмор.

- И офицер Веттингтон тоже в него врезалась. Ей еще повезло, что она двигалась медленно, - добавил Джонни Карвер, не переставая обнимать одной рукой Джеки, которая все еще выглядела ошеломленной. Дюк заметил ее кровь на рукаве куртки Карвера с надписью: В МИЛЛЕ Я ЗАПРАВИЛСЯ ЗА БЕСЦЕНОК.

С моттонской стороны подъехал еще и третий пожарный автомобиль. Два первых, став в позицию V, уже успели заблокировать шоссе. Пожарные из них уже высадились и разматывали свои рукава. Дюк услышал сигналы машины скорой помощи, которая мчалась сюда из Касл Рока. «А где же наши?» - удивился он. Или они тоже к черту поехали на эти идиотские учения? Не хотелось ему в это верить. Разве кто-то в здравом уме посылал бы медиков к подожженному пустому дому?

- Там, кажется, есть какой-то невидимый барьер… - начал Ренни.

- Конечно, я об этом уже слышал, - оборвал его Дюк. - Не знаю, что это означает, но мне это уже известно.

Он покинул Ренни, подойдя к своей окровавленной подчиненной, и не увидел, как на такое пренебрежение покрылись багряным румянцем щеки второго выборного.

- Джеки? - кротко положил ей на плечо руку Дюк. - Ты в порядке?

- Да, - она потрогала свой нос, кровотечение из которого уже уменьшилось. - Как он на вид, не сломанный? По моим ощущениями, вроде бы нет.

- Да нет, не сломан, но распухнет. Впрочем, думаю, еще к Осеннему балу урожая ты вновь

будешь выглядеть хорошенькой.

Она ответила кривой улыбкой.

- Шеф, - напомнил о себе Ренни. - Я считаю, мы должны кому-то позвонить по телефону по этому поводу. Если не в Службу национальной безопасности - на трезвый ум это кажется немного радикальным - то, может, в полицию штата…

Дюк отодвинул его в сторону. Деликатно, однако, недвусмысленно. Чуть ли не оттолкнул. Ренни сжал пальцы в кулаки, потом их разжал. Он построил себе такую жизнь, в которой сам был толкателем, а не тем, кого отталкивают, однако это не противоречило тому факту, что кулаки - средство идиотов. Подтверждением тому является его собственный сын. Однако все факты пренебрежения надо запоминать, чтобы на них ответить. Конечно, когда-нибудь попозже… потому что иногда позже - лучше.

Слаще.

- Питер! - позвал Дюк Рендольфа. - Свяжись-ка с госпиталем и спроси, где к черту наша санитарная машина! Она мне нужна здесь!

- Это и Моррисон может сделать, - ответил Рендольф, доставая из своей машины камеру, и отвернулся, чтобы фотографировать место происшествия.

- Это сделаешь именно ты, и немедленно!

- Шеф, я не думаю, что Джеки так уж пострадала, да и никто не…

- Когда мне нужно будут твоё мнение, Питер, тогда я и буду о нем спрашивать.

Куда и делось нахальство Рендольфа, едва только он заметил, какое выражение приобрело лицо Дюка. Он бросил камеру назад, на переднее сидение своей тачки, и достал мобильный телефон.

- Что это было, Джеки? - спросил Дюк.

- Не знаю. Сначала во мне все затрепетало, так, когда случайно дотронешься до вилки штепселя, когда включаешь его в розетку. Это ощущение исчезло, но я сразу же ударилась об… черт, я и сама не знаю, обо что я ударилась.

- Аааах, - вскрикнула толпа. Пожарные направили свои шланги на горящий лесовоз, но те струи, которые летели мимо него далее, от чего-то отскакивали. Наталкивались на что-то и отбрызгивали назад, создавая в воздухе радугу. Дюк никогда в жизни не видел ничего подобного… разве что, сидя в машине в автомойке, когда мощные насосы лупят тебе прямо в лобовое стекло.

И тогда он увидел еще одну радугу, на их, Милловской стороне: небольшую. Одна из толпы - Лисса Джеймисон, городская библиотекарша - направилась туда.

- Лисса, не приближайся к ней! - позвал ей Дюк.

Женщина не обратила внимания. Двигалась, словно загипнотизированная. И тогда, растопырив руки, она остановилась в нескольких дюймах от того места, куда мощно садили струи воды и, ударяясь об прозрачный воздух, рикошетили назад. Он увидел, как

mir-knigi.org

проблескивают капельки росы на ее, убранных на затылке под сеточку, волосах. Маленькая радуга рассыпалась, а потом вновь сформировалась позади нее.

- Всего лишь мелкие капельки! - произнесла она восхищено. - Оттуда такой напор воды, а здесь всего лишь мелкие капельки! Словно из увлажнителя воздуха.

Питер Рендольф задрал руку с телефоном:

- Сигнал есть, но я не могу дозвониться. По моему мнению, - он обвел широким жестом окружающую толпа, - все эти люди блокируют связь.

Дюк не знал, возможно ли такое, но действительно, едва не каждый из тех, кого он здесь видел, или что-то бубнил в свой телефон, или делал им снимки. Кроме Лиссы, правда, которая не прекращала играться в лесную нимфу.

- Пойди, забери ее оттуда, - приказал Дюк Рендольфу. - Оттяни ее назад, пока она не начала провозглашать пророчества или еще что-нибудь такое.

Лицо Рендольфа явным образом давало понять, что его возможности выше уровня таких приказов, однако он все-таки пошел. Дюк хохотнул. Коротко, но искренне.

- Что здесь, ради всего святого, ты видишь, достойного смеха? - спросил Ренни.

С моттонской стороны подъехали еще и полицейские округа Касл. Если Перкинс не поспешит, службы из Рока перехватят контроль над всем местом происшествия. И тогда все заслуги, Боже избавь, достанутся им.

Хохотать Дюк перестал, но улыбки не скрывал. Оставаясь, однако, невозмутимым.

- Здесь такая хреноверть, это же твое слово, разве нет, Большой Джим? А мой опыт подсказывает мне, что иногда смех является единственным средством против хреноверти.

- Я не имею ни малейшего представления, о чем это ты говоришь! - уже почти кричал Ренни.

Мальчик Динсмора пошел на попятную от него и встал рядом с отцом.

- Знаю, - мягко произнес Дюк. - Ну, и хорошо. Все, что тебе следует понимать, это то, что главный представитель сил правопорядка на месте происшествия - я. По крайней мере, пока сюда не прибудет шериф округа, а ты – всего лишь городской выборный. Ты не имеешь здесь официального статуса, поэтому советую тебе отойти назад.

Показывая рукой туда, где офицер Генри Моррисон, обходя стороной два самых больших обломка самолета, натягивал желтую ленту, Дюк громко приказал:

- Всем отойти назад, не мешайте нам делать нашу работу! Следуйте за выборным Ренни. Он отведет вас за желтую ленту.

- Дюк, мне это не нравится, - произнес Ренни.

- Пусть благословит тебя Господь, но мне на это насрать, - ответил Дюк. - Прочь с моих глаз, Большой Джим. И не забудь обойти желтую ленту. Не хватало нам еще, чтобы Генри дважды ее натягивал.

- Шеф Перкинс, советую вам не забывать, как вы разговаривали со мной сегодня. Потому что

сам я об этом не забуду.

Ренни отправился к ленте. За ним потянулись и другие зеваки, большинство из них оглядывались назад, на то место, где вода билась в запачканный дизельным дымом барьер и разлеталась брызгами, образовывая на дороге влажную полосу. Иные, самые внимательные (тот же Эрни Келверт) уже обратили внимание на то, что и оказия пролегает точно вдоль межевой линии между Моттоном и Миллом.

Ренни ощутил детский соблазн разорвать грудью аккуратно натянутую Хэнком Моррисоном ленту, но удержался. А впрочем, обходить ее стороной, цепляясь за репейники своими брюками от «Land's End»[54], он все равно не будет. Они ему стоили шестьдесят долларов. Немного приподняв ленту вверх одной рукой, он проскользнул под ней. Серьезно наклоняться ему мешал живот.

Позади него Дюк медленно двинулся к тому месту, где Джеки пережила столкновенье с ничем. Одну руку он протянул впереди себя, словно слепой, который нащупывает путь в незнакомой комнате.

Вот здесь она упала… а здесь…

Он ощутил трепет, о котором она говорила, но вместо того, чтобы пройти, вибрация в нем усилилась до жгучей боли в левой ключице. Времени у него хватило разве на то, чтобы вспомнить последние слова, сказанные ему Брендой: «Берегись со своим сердечным стимулятором» - и тогда тот взорвался у него в груди с такой силой, что прорвал свитер «Уайлдкетс», который Дюк одел этим утром в честь сегодняшней игры. Кровь, лоскуты ткани и куски плоти выплеснулись на барьер.

Толпа ахнула.

Дюк попытался произнести имя жены, но не смог, однако лицо ее ясно проявилось в его воображении. Она улыбалась.

А дальше - тьма.

4

Мальчика звали Бэнни Дрэйк, и он был Рейзором[55]. «Рейзорами» называло себя сообщество, к которому принадлежали немногочисленные, но ярые скейтбордисты, которых не жаловала, но вне закона все-таки не ставила местная полиция, несмотря на принуждение ее к этому со стороны выборных Ренни и Сендерса (на общем городском собрании в прошлом марте этот гармоничный дуэт успешно заблокировал выделение бюджетных средств на создание безопасного скейтодрома на городской площади за сценой).

Взрослого звали Эрик «Расти»[56] Эверетт, он был помощником врача по имени Рон Гаскелл, которого сам Расти мысленно называл Удивительным Чудотворцем Страны Оз. «Потому что, - мог бы объяснить фельдшер Расти (если бы отважился на проявление такой нелояльности перед кем-то другим, кроме собственной жены), - он всегда остается за кулисами, пока я делаю всю работу».

Сейчас он искал в карточке дату, когда Мастеру Дрэйку в последний раз делали прививку против столбняка. Осень 2009-го, очень хорошо. Особенно учитывая то, что юный Мастер Дрэйк, делая вилсон[57], поцеловался с бетоном и хорошенько разодрал себе голень. Не то

чтобы очень серьезная травма, но и не просто царапина.

- Чувак, электричество вновь включили, - ознакомил его с новостью Мастер Дрэйк.

- Это генератор, чувачок, - ответил Расти. - Тянет на себе весь госпиталь вместе с амбулаторией. Круто, да?

- Олдскульно, - согласился Мастер Дрэйк.

Некоторое время взрослый и подросток молча рассматривали шестидюймовую рану на голени Бэнни Дрэйка. Очищенная от грязи и крови, она уже не казалась очень ужасной. Городской ревун замолчал, вместо этого издалека донесся звук автомобильных гудков. И тогда вдруг заревела и городская пожарная сирена, и они оба вздрогнули.

«В скором времени, и наша санитарная карета помчит, - подумал Расти. - Как на срачку. Хватит работы и Твичу, и Эверетту. Надо бы мне здесь поспешить».

Вот только лицо у мальчика сильно побледнело, и еще Расти показалось, что в глазах его заблестели слезы.

- Страшно? - спросил он.

- Немного, - ответил Бэнни Дрэйк. - Мамка меня уроет.

- Так это ты ее боишься? - он догадался, что Бэнни уже неоднократно получал взбучку. Интересно, как часто пацану достается?

- А… очень больно будет?

Расти распечатал шприц. Потом уколол три куба ксилокаина с эпинефрином[58] - смесь обезболивающих, которую он по старинке называл новокаином. Подождал немного, чтобы приступить, наконец, к аккуратной очистке раны, надеясь не причинить мальчику боль, большую, чем та, которой невозможно было избежать.

- Где-то так.

- Вау, бэби! - воскликнул Бэнни. - Сигнал к атаке: три синих свистка.

Расти расхохотался.

- Так это ты крутанул полную трубу[59] прежде чем вилсонуться? - ему это действительно было интересно, как бывшему бордеру, который сам уже давно оставил это дело.

- Только половинку, но ощущение было чумовое! - расцвел Бэнни. - А сколько швов нужно, как ты думаешь? Когда Норри Келверт прошлым летом шлепнулась с парапета в Оксфорде, ей наложили двенадцать.

- Да нет, так много не будет, - заверил Расти. Он знал эту Норри, девочку мини-готку, чьим главным желанием, как казалось, было разбиться на скейтборде раньше, чем она успеет родить от какого-нибудь урода. Расти надавил кончиком иглы возле раны. - Чувствуешь здесь?

- Конечно, чувак, сполна. А ты слышал, как там что-то громыхнуло такое, будто бы стрельнуло?

Сидя в трусах на осмотровом столе, с подложенным под окровавленную ногу бумажным

полотенцем, Бэнни махнул рукой куда-то в южном направлении.

- Да нет, - ответил Расти.

На самом деле он слышал два звука, и не на выстрелы похожие, а на взрывы, к величайшему сожалению. Надо быстрее заканчивать с мальчиком. И где же этот Чудотворец? Делает обход, говорила Джинни. Что, скорее всего, означает - храпит в ординаторской больницы имени Катрин Рассел. Там и таким образом по большей части и происходили теперь обходы Чудотворца.

- А теперь чувствуешь? - Расти вновь уколол иглой. - Не смотри туда, зрение тебя обманывает.

- Нет, дядя, ничего. Ты шутишь со мной.

- Отнюдь. У тебя там уже все занемело. - «И от страха тоже», - подумал про себя Расти. - Хорошо, начнем. Ляг на спину, расслабься и наслаждайся полетом на лайнере авиакомпании «Кэти Рассел». - Он промыл рану стерильным физиологическим раствором, очистил, подровнял своим надежным скальпелем № 10. - Будет шесть швов наилучшей, какая только у меня есть, нейлоновой нитью.

- Супер, - произнес мальчик и тут же добавил: - Меня, кажется, нудит.

Расти подал ему специально рассчитанный на такие случаи лоток, рыгальник, как они его здесь называли.

- Блюй сюда, а если хочешь, можешь и отключиться.

Бэнни не упал в обморок. И не сблевал. Расти уже накладывал на рану стерильную повязку, когда прозвучал короткий стук в двери, и в комнату заглянула Джинни Томлинсон.

- Я могу переговорить с тобой минутку?

- Не волнуйся за меня, - сказал Бэнни. - Мне сейчас хорошо, как после того, когда долго терпел, и помочился. - Такой себе благонравный чувачок.

- Расти, пройдем в холл? - спросила Джинни. На мальчика она и глазом не повела.

- Бэнни, я скоро вернусь. Сиди спокойно, расслабляйся.

- Без проблем. Буду прохлабляться.

Расти вышел вслед за Джинни.

- Ургентная пора? - спросил он. Позади Джинни в пронизанной солнцем приемной сидела, мрачно втупившись в книжку с эффектной красавицей на обложке, мать Бэнни.

Джинни кивнула.

- На сто девятнадцатом, около границы с Таркер Миллом. И еще одна авария, на другой границе - Моттонской, но я слышала, что там все ПВВП. - Погибшие во время происшествия. - Столкновение грузовика с самолетом. Самолет пытался приземлиться.

- Ты глумишься надо мной?

mir-knigi.org

Элва Дрэйк подняла голову, поглядев в их сторону, и вновь погрузилась в чтение книжечки в яркой бумажной обложке. А может, она просто пялилась в нее, сама тем временем думая, будет ли поддерживать финансово ее муж до достижения Бэнни восемнадцатилетия.

- Это гарантировано серьезная ситуация, без дураков, - заверила его Джинни. - Я получила сообщение еще и о других авариях…

- Пидерция.

- … и мужчина на том шоссе, которое пересекает границу с Таркером, еще жив. Водитель фургона, кажется. Говорят разное. А Твич ждет.

- Ты сама закончишь с мальчиком?

- Конечно, а ты езжай.

- А доктор Пейберн?

- Он посещал своих пациентов в мемориальном госпитале Стивенса. - (Это была больница, которая обслуживала Норвей и Саут-Перис.) - Уже по дороге сюда. Отправляйся, Расти.

Он задержался на минутку сказать миссис Дрэйк, что с Бэнни все обстоит благополучно. Элва не очень обрадовалась этой новости, как ему показалось, но поблагодарила. Даги Твичел - Твич - сидел на бампере старенькой машины скорой помощи, замену которой всячески откладывали покупать Джим Ренни с его товарищами-выборными, и, греясь на солнышке, курил. В руке он держал портативную радиостанцию Си-Би[60], из которой звучала бодрая болтовня: голоса, наскакивая один на другой, подпрыгивали, словно кукурузные зерна на сковородке.

- Выбрось эту свою канцерогенную гадость и поехали, - сказал Расти. - Ты же знаешь, куда нам надо?

Твич стрельнул в сторону окурком. Вопреки его прозвищу[61], он был самым спокойным санитаром изо всех, кого знал Расти, а это немало.

- Я знаю, что Джин-Джин тебе сказала - граница между Таркером и Честером, так?

- Так. Какой-то фургон перевернулся.

- Ну, а теперь планы изменились. Нам надо в другую сторону. - Он показал на юг, где поднимался толстый столб дыма. - Ты никогда не мечтал увидеть место авиакатастрофы?

- Я видел. На военной службе. Двое ребят. То, что от них осталось, можно было намазывать на хлеб. Мне этого достаточно, это ты здесь новичок. Джинни говорит, там все погибли, так зачем…

- Может, да, а может, и нет, - ответил Твич. - Но теперь там еще погиб и Перкинс, хотя, возможно, он еще жив.

- Шеф Перкинс?

- Именно он. Думаю, перспективы никудышные, если сердечный стимулятор у него взорвался через груди прямо наружу - так сообщил Питер Рендольф - но он же шеф полиции. Отважный вождь.

- Твич, друг, стимулятор не может взорваться таким образом. Это абсолютно невозможно.

- Тогда, возможно, он еще жив и от нас будет какая-то польза, - сказал Твич. На полдороги к кабине он достал сигареты.

- В машине ты курить не будешь, - предостерег Расти.

Твич грустно взглянул на него.

- Если не поделишься, конечно.

Твич вздохнул и вручил ему пачку.

- О, «Мальборо», - произнес Расти. - Мой самый любимый сорт дури.

- Ты меня убиваешь, - откликнулся Твич.

5

Они проскочили на красный свет в центре города на Y-образном перекрестке, где шоссе 117 вливалось в шоссе 119, под вой сирены, оба с сигаретами в зубах, как те черти (окна настежь, по обычному стандарту), слушая, о чем там люди болтают по радио. Расти мало что из той болтовней понял, одно лишь зная наверняка: работать ему придется допоздна.

- Друг, я не знаю, что там случилось, - произнес Твич. - Хотя мы точно увидим настоящую авиакатастрофу. То есть место катастрофы, но где уж нам кривить рожи возле чужой миски.

- Твич, ты просто какая-то собака бешенная.

Движение было резвое, люди большей частью также ехали в южном направлении. У кого-то там, наверняка, были какие-то дела, но Расти подумал, что большинство из них, что те мухи в человеческом обличии, слетаются на запах крови. Твич без проблем обогнал за раз череду из четырех машин; по встречной полосе шоссе 119, которая вела на север, было на удивление пусто.

- Взгляни-ка! - показал Твич. - Вертолет телевизионщиков! Большой Расти, нас покажут в шестичасовых новостях! Героические санитары борются за…

Но на этом месте полет фантазии Даги Твичела оборвался. Впереди - над местом катастрофы, решил Расти - вертолет содрогнулся. Расти успел увидеть на его борту номер 13 и эмблему-глаз Си-Би-Эс. А уже в следующее мгновенье он взорвался, пролившись огненным дождем с безоблачного полуденного неба.

- Боже-Иисусе, извини! Я этого вовсе не хотел! - вскрикнул Твич, а следом, как-то совсем по-младенчески, от чего даже сердце шокированного Расти вздрогнуло. - Эти свои слова я беру назад!

6

- Должен уже возвращаться, - сказал Джендрон. Сняв с головы бейсболку Морских Псов, он вытер ей своё окровавленное, закопченное, бледное лицо. Нос у него так распух, что стал похожим на фалангу большого пальца какого-то великана. Глаза смотрели из-за двух темных

mir-knigi.org

пятен. - Извини, но у меня бешено болит шнопак… ну, и я уже не такой молодой, как когда-то. А еще…

Он воздел руки вверх, и тут же их и опустил. Они стояли друг против друга, и Барби обнял бы этого дядю, похлопал бы его по спине, если бы была такая возможность.

- Взволнован до глубины души, не так ли? - спросил он Джендрона.

Джендрон заржал.

- Этот вертолет стал последней каплей.

И они вместе посмотрели в сторону нового столба дыма.

Барби с Джендроном ушли от шоссе № 117 после того, как удостоверились, что там уже есть кому оказать помощь Эльзе Эндрюс, единственной, кто выжил в той аварии. Она, по крайней мере, не была похожа на тяжело раненную, хотя была явным образом ошеломлена гибелью своей подруги.

- Тогда возвращайся. Медленно. Не спеша. Отдыхай по дороге, когда почувствуешь усталость.

- А ты дальше?

- Да.

- Все еще думаешь, что сможешь найти конец этой штуки?

Барби минутку помолчал. Сначала у него не было на этот счет сомнений, но теперь…

- Имею такую надежду, - наконец ответил он.

- Ну, тогда пусть тебе повезет. - Джендрон махнул Барби кепкой, прежде чем надеть её на голову. - А я надеюсь пожать тебе руку раньше, чем закончится этот день.

- И я тебе тоже, - сказал Барби и замолчал, призадумался. - Можешь оказать мне услугу, когда доберешься до своего мобильника?

- Конечно.

- Позвони по телефону на армейскую базу в Форт Бэннинг[62]. Вызови офицера связи и скажи ему, что имеешь дело к полковнику Джеймсу О. Коксу. Скажи, что это срочно, что ты звонишь по просьбе капитана Дейла Барбары. Запомнишь?

- Дейл Барбара - это ты. Джеймс Кокс - это он. Запомнил.

- Если ты до него дозвонишься… Я не уверен, что тебе посчастливится, но если… расскажи ему, что здесь происходит. Скажи ему, что, если никто еще не связался со Службой нацбезопасности, он будет первым. Можешь это сделать?

Джендрон кивнул.

- Сделаю, если дозвонюсь. Удачи тебе, солдат.

Барби целиков обошелся бы и без такого обращения, но вместо этого дотронулся пальцами до

своего лба. И тогда тронулся дальше искать то, чего найти уже не надеялся.

7

Он нашел лесную дорогу, которая шла приблизительно вдоль барьера. Забытая, заросшая просека, и всетаки двигаться по ней было легче, чем продираться сквозь сплошные заросли. Время от времени он поворачивал на запад, проверяя, на месте ли стена, которая отделила Честер Милл от внешнего мира. И каждый раз она была на месте.

Добравшись туда, где шоссе 119 прощалось с Честером, переходя на территорию братского Таркера, он остановился. Какой-то добрый самаритянин по ту сторону барьера уже отвез водителя перекинутого фургона, но сам автомобиль так и остался лежать, блокируя дорогу, словно большое мертвое животное. Задние двери от удара распахнулись настежь. Асфальт был усеян сладостями: «Хо-Хо», «Дэвил Догзами», «Ринг Дингами», «Твинки» и арахисовыми крекерами. Юноша в майке с портретом Джорджа Стрэйта[63] сидел на пеньке и ел эти самые крекеры. В одной руке он держал мобильный телефон. Он посмотрел на Барби.

- Эй, ты пришел с… - Он показал рукой куда-то за спину Барби. Выглядел он уставшим, безрадостным, встревоженным.

- С другого конца города, - подтвердил Барби. - Ага.

- Невидимая стена тянется всюду? Граница запечатана?

- Да.

Юноша кивнул и нажал кнопку на своем телефоне.

- Дасти? Ты там? - немного послушав, он произнес. – О'кей. - И выключил телефон. - Мы с моим другом Дасти начали восточнее отсюда. Разделились. Он пошел в южном направлении. Поддерживаем телефонную связь. Ищем проход. Он сейчас там, где упал вертолет. Говорит, там уже полно народа.

Барби и не сомневался.

- Нигде нет щели с твоей стороны?

Юноша покачал головой. Больше не сказал ничего, да и зачем. Они могли и не найти щель, дыры размером с двери или окна возможны, подумал Барби, но все больше в этом сомневался.

Теперь решил, что город изолирован полностью.

МЫ ВСЕ ПОДДЕРЖИВАЕМ НАШУ КОМАНДУ

1

Преодолев расстояние где-то мили с три, Барби вернулся по 119-му шоссе назад к центру города. Добрался дотуда около шести вечера. Мэйн-стрит зияла пустотой, оживляемой только гудением генераторов, которых работало там несколько десятков, судя по звукам. Светофор на перекрестке шоссе 119 и 117 не работал, но ресторан «Роза-Шиповник» сиял светом, и был заполнен до отказа. Через большую фасадную витрину Барби не увидел ни единого свободного

mir-knigi.org

столика. Однако, зайдя вовнутрь, не услышал обычной громкой болтовни: о политике, «Рэд Сокс», местной экономике, «Патриотах», свежеприобретенных легковушках и пикапах, о «Сэлтикс» и ценах на горючее, о «Брунз» и новоприобретенных инструментах и оборудовании, об «Уайлдкетс» городов-близнецов[64]. И, конечно же, никакого смеха там тоже не было слышно.

Все взгляды были прикованы к телевизору над стойкой. С тем чувством недоверия и дезориентации, которое присуще людям, которые лично побывали на месте большой катастрофы, Барби увидел на экране телеведущего Си-Эн-Эн Андерсона Купера[65], тот стоял на шоссе 119, а позади него все еще тлела махина разбитого лесовоза.

Клиентов за столами обслуживала сама Рози, то и дело, бросаясь к стойке за готовыми заказами. Из-под сеточки на голове выбились и телепались вокруг лица ее взлохмаченные волосы. Вид она имела утомленный, обессиленный. Территорию возле стойки с четырех дня и до закрытия должна была бы занимать Энджи Маккейн, но никаких признаков ее присутствия Барби не заметил. Возможно, она находилась вне границ города, когда закрылся барьер. Если причина в этом, за стойку она вернется еще не скоро.

Роль повара выполнял Энсон Вилер (Рози по обыкновению называла его просто «мальчик», хотя этому мальчику было где-то около двадцати пяти), и Барби боялся даже представить себе, что сварганит Энс, если ему придется готовить что-то сложнее, чем фасоль с сосисками, традиционное субботнее блюдо в «Розе-Шиповнике». Горе тому парню или девушке, которым вздумается заказать что-то потруднее яичницы в исполнении Энсона. И уже хорошо, что хотя бы он сейчас здесь есть, потому что, в дополнение к отсутствию Энджи, в заведении также не наблюдалось и Доди Сендерс. Хотя этому чуду, чтобы прогулять работу, не нужна катастрофа. Нет, она не была бездельницей, просто легко соблазнялась. А если вспомнить умственные способности… туды ее мать, что здесь можно сказать? Ее отец - первый городской выборный Энди Сендерс - никогда не смог бы претендовать на членство в Менса[66], но рядом со своей дочерью он выглядел истинным Альбертом Эйнштейном.

В телевизоре позади Андерсона Купера садились вертолеты, раздувая элегантно уложенные белокурые волосы диктора, едва не заглушая его голос. Вертолеты были похожими на «мостильщиков»[67]. Барби на таких откатал свое в Ираке. И вот в кадр вошел армейский офицер, накрыл ладонью в перчатке микрофон телевизионщика и что-то произнес ему на ухо.

Люди в «Розе-Шиповнике» загомонили. Барби понял их тревогу. Он сам ее ощутил. Когда человек в форме без всякого «с вашего разрешения» закрывает микрофон знаменитому телерепортеру, уже ясно, что это конец света.

Вояка - полковник, но не его полковник, если бы Барби увидел там Кокса, чувство ментальной дезориентации у него стало бы абсолютным - договорил свое. Отпуская микрофон, его перчатка издала звук «хрруп». С тем же каменным лицом он вышел из кадра. Барби узнал выражение лица типичного армейского дуболома.

Купер продолжил репортаж.

- Прессе приказано отодвинуться на полмили назад, к месту, которое называется Придорожный магазин Рэймонда.

Услышав такое, клиенты вновь загомонили. Здесь все знали магазин Рэймонда в Моттоне, где в витрине висела надпись: ХОЛОДНОЕ ПИВО ГОРЯЧИЕ СЭНДВИЧИ СВЕЖАЯ НАЖИВКА.

- Эту территорию, на расстоянии немного менее сотни ярдов от того, что мы называем

барьером - пока нет лучшего термина, - объявлено зоной, находящейся под контролем сил национальной безопасности. Мы продолжим наш репортаж сразу, как только сможем, а сейчас я передаю слово Вашингтону, Вульф.

Под картинкой с места событий шла надпись по красной полосе: ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ НОВОСТИ. ЗАБЛОКИРОВАННЫЙ ГОРОД В МЭНЕ. ТАЙНА РАЗРАСТАЕТСЯ. А в правом верхнем углу экрана мигало красное слово-предупреждение для родителей маловозрастных телезрителей: ЖЕСТОКОСТЬ, словно неоновый знак на какой-то таверне. «Глотните жестокого пива», - подумал Барби и чуть не рассмеялся.

В кадре вместо Андерсона Купера появился Вульф Блицер[68]. Рози была фанаткой Блицера и никому не позволяла переключать телевизор на что-то другое, когда в будничном предвечерье начиналось «Ситуативное пространство», она называла его «мой Вульфи». В этот вечер на Вульфи был галстук, но завязанный небрежно, и Барби подумал, что остальная часть его одежды выглядит подозрительно похожей на ту, которую одевают люди, когда работают у себя в огороде.

- Напоминаю о ходе событий, - начал Розин Вулфи. - Сегодня после полудня, приблизительно в первом часу…

- Это случилось совсем не в первом часу, а на довольно значительный кусок времени раньше, - произнес кто-то.

- А это правда, о Майре Эванс? - спросил еще кто-то. - Она на самом деле умерла?

- Да, - подтвердил Ферналд Бови. Старшим братом Ферна был Стюарт Бови, единственный гробовщик в Милле. И Ферн ему изредка помогал, когда бывал трезв, вот и сегодня он выглядел трезвым. Волнующе трезвым. - А сейчас все взяли и замолчали, я хочу послушать.

Барби также хотел послушать, потому что Вульфи говорил именно на ту тему, которая больше всего волновала Барби, и говорил он как раз то, что хотел услышать Барби: воздушное пространство над Честер Миллом объявлено зоной, запрещенной для полетов. Фактически, весь Западный Мэн и восточный Нью-Хэмпшир, от Льюистона-Оберна до Северного Конвея стал такой зоной. Президент был проинформирован. И впервые за последние девять лет цвет Бюллетеня национальной безопасности подскочил выше оранжевого[69].

Проходя мимо столика Джулии Шамвей, хозяйки и редактора «Демократа», Барби заметил, как она стрельнула в его сторону глазами. А следом и скупая, откровенная полуусмешка, которая была ее особым, едва ли не фирменным знаком, промелькнула на ее лице.

- Похоже на то, что Честер Милл не желает вас отпускать, мистер Барбара.

- Похоже, что так, - согласился он. То, что она знала о его отступление отсюда - и по какой именно причине - не удивило Барбару. Он достаточно времени прожил в Милле, чтобы понимать, что Джулия Шамвей знает все, о чем тут следует знать.

Рози заметила его, как раз когда собиралась расставлять на четырехместный столик, вокруг которого взгромоздились шесть клиентов, фасоль с сосисками (плюс зажаренные остатки чего-то, что когда-то, несомненно, было кусками свинины). Держа по две тарелки в каждой руке и еще парочку на сгибах локтей, она оцепенела с выпяченными глазами. И тогда улыбнулась. Эта ее улыбка была преисполнена неподдельного счастья и чувства облегчения, и сердце его обрадовалось.

«Такое это оно, возвращение в милый дом, - подумалось ему. - Пусть меня черти заберут, если это не так».

- Да неужели это ты, Дейл Барбара, я и подумать не могла, что увижу тебя когда-нибудь вновь!

- Мой фартук еще жив? - спросил Барби немного стыдливо.

В конце концов, Рози приняла его, дала ему работу – какому-то приблуде с написанными от руки рекомендациями в рюкзаке. И потом сказала, что полностью понимает его намерение оставить город, папа Джуниора Ренни не тот человек, которого следует иметь своим врагом, но у Барби все равно было ощущение, что он покинул ее в беде.

Рози пристроила на стол тарелки и поспешила к Барби. Ей, невысокой дородной женщине, пришлось встать на цыпочки, чтобы его обнять, но она с этим справилась.

- Я так рада тебя видеть! - прошептала она.

Барби тоже ее обнял и поцеловал в темечко.

- Большой Джим и Джуниор не обрадуются, - произнес он. Но ни одного из Ренни, по крайней мере, сейчас, не было здесь; уже за одно это можно быть признательным. Барби осознал, что на какую-то минуту интерес к его особе здешних завсегдатаев перевесил даже естественное любопытство к показу их города на национальном телеканале.

- Большой Джим Ренни может только отлизать у меня! - ответила она. Барби рассмеялся, польщенный такой злостью, и удовлетворенный ее таинственностью - она все сказала шепотом. - А я думала, ты уехал совсем!

- Я едва не выбрался, но слишком поздно отправился в путь.

- А ты видел… это все?

- Да. Расскажу позже.

Он разомкнул объятия, продолжая держать ее на расстоянии вытянутых рук, и подумал: «Вот если бы ты была лет на десять моложе, Рози… или хотя бы на пять…»

- Могу ли я снова получить свой фартук?

Она вытерла себе уголки глаз и кивнула.

- Пожалуйста, надень его. Убери оттуда Энсона, пока он нас всех здесь не потравил.

Барби отдал ей честь, проскользнул по коридорчику к кухне и послал Энсона Вилера за стойку разбираться там с заказами и убираться, пока Рози не позовет его себе на помощь в главный зал. Отступая от плиты, Энсон вздохнул с облегчением. Прежде чем пойти за стойку, он обеими руками пожал Барби правую ладонь.

- Слава Богу, дружище. Я никогда не видел такой горячки, я просто растерялся.

- Не переживай. Мы готовы накормить пять тысяч.

Энсон, отнюдь не пастор, посмотрел на него непонимающе:

mir-knigi.org

- А?

- Не обращай внимания, это я так.

Прозвенел звонок, который висел в уголке кухонного закутка.

- Выполняйте заказ! - позвала Рози.

Раньше, чем прочитать бумажку, Барби схватил жаровню - на гриле творилось бог знает что, как всегда, когда Энсону приходилось заниматься катастрофическим процессом с привлечением огня, который он почему-то называл поварством, - тут же набросил на шею хлястик фартука, завязал его на себе сзади и заглянул в шкафчик возле мойки. Там было полно бейсбольных кепок, которые служили всем обезьянам, которые работали в «Розе-Шиповнике» возле гриля, за шеф-поварские колпаки. Он выбрал кепку с эмблемой «Морских Псов» в честь Поля Джендрона (который теперь находится в объятиях своих самых родных и самых дорогих, как надеялся Барби), задом наперед водрузил его себе на голову и хрустнул пальцами.

И тогда заглянул в первую бумажку и взялся за работу.

2

В четверть десятого, более чем на час позже обычного для субботы время закрытия, Рози выпроводила последних гостей. Барби запер двери и перевернул табличку с ОТКРЫТО на ЗАКРЫТО. Провел взглядом по тем с полдесятка последним клиентам, которые пересекли улицу в направлении городской площади, где уже стояли, разговаривая между собой, человек пятьдесят. Взгляды их были направлены на юг, где над 119-м шоссе завис большой шар мощного света. Не телевизионного света, подумал Барби; это армейские подразделения создают там охранный периметр. А как иначе охранять периметр ночью? Конечно, выставив дежурных и осветив мертвую зону, конечно. Мертвая зона. Ему не нравилось, как звучит этот термин.

При этом Мэйн-стрит выглядела непривычно темной. Электрические огни светились в некоторых домах - там, где работали генераторы, - а также, подпитанные аккумуляторами, светились аварийные огни в универмаге Бэрпи, в «Топливе & Бакалее», в магазине «Новые & Подержанные книги», в «Фуд-Сити» около подножия городского холма и в полудюжине других заведений, но уличные фонари вдоль Мэйн-стрит стояли темными, а в большинстве окон вторых этажей, где располагались жилые помещения, горели свечки.

Рози села к столу посреди зала и зажгла сигарету (непозволительно в общественных помещениях, но Барби никому не скажет). Сняв с головы сеточку, которой держалась ее прическа, она вымученно улыбнулась Барби, который и сам присел напротив нее. Позади их Энсон драил стойку, так же наконец-то распустив свои длинные волосы, спрятанные до этого под кепкой «Рэд Сокс».

- Я думала, что Четвертого июля[70] - это трудная работа, но сегодня было хуже, - произнесла Рози. - Если бы не ты, я бы скукожилась в уголке и скулила: «Где моя мамочка?»

- Там была какая-то блондинка в «Ф-150», - произнес Барби, улыбаясь собственному воспоминанию. - Она чуть ли не согласилась меня подвезти. Если бы так произошло, я, возможно бы, и выбрался. С другой стороны, со мной могло случиться то же самое, что и с Чаком Томпсоном и той женщиной, которая была с ним в самолете.

Имя Томпсона упоминалось в репортаже Си-Эн-Эн; женщина еще оставалась не идентифицированной.

Но Рози ее знала.

- Это Клодетт Сендерс. Я почти уверена, что она. Доди мне вчера говорила, что у ее матери сегодня тренировочный полет.

Между ними на столе стояла тарелка с чипсами. Барби потянулся к тарелке за следующей порцией. И вдруг замер. Ему расхотелось картофеля. Ему больше ничего не хотелось. И красная лужица по краям тарелки теперь больше была похожа на кровь, чем на кетчуп. Так вот почему Доди не пришла.

Рози пожала плечами.

- Возможно. Точно не могу сказать. Я не получала от нее вестей. Да и не ожидала, телефоны же не работают.

Барби решил, что она имеет в виду проводные линии, но даже из кухни он слышал, как люди жаловались на то, как тяжело куда-либо дозвониться по мобильным. Большинство соглашались с мнением, что это из-за того, что ими пользуются все одновременно, таким образом, блокируя частоты. Кое-кто считал, что нашествие телевизионщиков - наверняка, сотни их сейчас шатаются вокруг города, и все вооружены «Нокиями», «Мотороллами», «Ай-Фонами», «Блек-Берри» - создает эту проблему. Барби имел более пессимистичные подозрения: ситуация уже под контролем служб нацбезопасности, и это в то время, когда вся страна параноидально боится террористов. Кому-то еще удавалось иногда куда-то дозвониться, но чем дальше в ночь, тем реже и реже.

- Конечно, - сказала Рози. - Доди могла, как это на нее похоже, просто забить на работу, а вместо этого завеяться в Оберн[71], прогуляться по тамошним магазинам.

- А мистер Сендерс знает, что в том самолете была Клодетт?

- Не могу сказать наверняка, но я бы очень удивилась, если бы он сейчас об этом еще не знал. - И она пропела тихим, но благозвучным голоском: «Это маленький город, сынок, ты должен понять».

Барби вяло улыбнулся и подхватил: «Мы одна команда, и нам в нем жить».

Это была старая песня Джеймса Макмертри, которая прошлым летом непостижимым образом вновь на два месяца стала модной на парочке радиостанций формата кантри & вестерн. Понятно, что ее не крутили на частоте РНГХ; Джеймс Макмертри не принадлежал к тому типу артистов, которых поддерживало «Радио Иисус».

Рози показала на тарелку.

- Ты еще будешь есть?

- Нет. Аппетит пропал.

Барби не испытывал большой любви ни к все время улыбающемуся Энди Сендерсу, ни к дурочке Доди, которая почти наверняка помогала своей подружке Энджи распространять те сплетни, которые и привели его к неприятностям возле «Диппера», но сама мысль о том, что те

останки тела (ногу в зеленой брючине он увидел внутренним зрением) принадлежали ее матери… жене первого выборного…

- У меня тоже, - сказала Рози и утопила свою сигарету в кетчупе. Та погасла со звуком пфссс, и какое-то мгновение Барби был уверен, что он вот-вот вырыгает. Отвернув голову, он вперился в витрину, хотя отсюда нельзя было увидеть, что делается на Мэйн-стрит. Отсюда улица выглядела совсем темной.

- Президент выступит в полночь, - объявил со стойки Энсон. Позади его начал протяжно, с натугой стонать посудомойный аппарат. У Барби пронеслась в голове мысль, что старый трудяга «Хобарт»[72], наверное, дорабатывает свою последнюю смену, по крайней мере, на какой-то период времени. Он должен убедить в этом Рози. Она может упираться, но, в конце концов, поймет целесообразность этих шагов. Рози целеустремленная, практичная женщина.

«Мать Доди Сендерс. Господи. А были ли другие варианты?»

Он осознал, что варианты могли быть не намного лучшими. Вместо миссис Сендерс, в самолете почти наверно сидел бы кто-то другой из знакомых ему людей. Это маленький город, сынок, тебе нужно понимать.

- Сегодня я обойдусь без Президента, - сказала Рози. - Придется ему благословлять Америку без меня. Пять часов наступает рано.

По воскресным утрам «Роза-Шиповник» открывалась не раньше семи утра, однако надо же было все раньше времени приготовить. Всегда эта готовка. А в воскресенье к ней добавлялся и цинамоновый рулет.

- А вы, ребята, если есть желание, можете оставаться и смотреть. Только не забудьте крепко все здесь запереть, когда будете уходить. И впереди, и сзади, - она начала привставать.

- Рози, нам надо определиться по завтрашнему дню, - задержал ее Барби.

- Ерунда, завтра будет другой день. А сейчас попридержи коней, Барби. Всему свое время. - Однако она, наверняка, заметила что-то в его глазах, потому что вновь села. - Хорошо, почему это ты так мрачно смотришь?

- Когда ты в последний раз заправлялась пропаном?

- На прошлой неделе. У нас почти полный запас. Это все, что тебя беспокоит?

Это было не все, но с этого начались его вопросы. «Роза-Шиповник», подсчитывал Барби, имеет два соединенных между собой бака. Каждый бак вмещает то ли триста пятьдесят, то ли триста двадцать пять галлонов, точно он не помнил сколько. Завтра надо проверить, но если Рози права, она сейчас имеет свыше шестисот галлонов газа. Это хорошо. Хоть какая-то удача на фоне показательно несчастливого дня для всего города в целом. И нам не известно, какие еще несчастья могут ждать впереди. А шесть сотен галлонов пропана не вечные.

- Какая норма сгорания? - спросил он у нее. - Ты себе представляешь?

- А какое это имеет значение?

- Потому что сейчас твое заведение питается от генератора. Освещение, печи, холодильники, насосы. И обогреватель, если сегодня ночью похолодает, тоже включится. А генератор, чтобы

все это поддерживать, не слабо жрет пропан.

Какую-то минутку они молчали, прислушиваясь к ровному гудению почти нового генератора «Хонда» позади ресторана.

Подошел и сел около них Энсон Вилер.

- На шестидесяти процентах мощности генератор высасывает два галлона пропана в час, - сказал он.

- Откуда ты знаешь? - спросил Барби.

- Прочитал на табличке. А когда тянет все на себе, как вот сегодня с полудня, когда выключилось электричество, он, наверное, сжирает и все три галлона. А может, и немного больше.

Реакция Рози была мгновенной.

- Энси, выключи весь свет, только в кухне оставь. Сейчас же. И термостат обогревателя переключи на пятьдесят. - Она подумала. - Нет, выключи его совсем.

Барби улыбнулся, показав ей большой палец. Она поняла. Не каждый в Милле способен был на это. Не каждому в Милле хватило бы ума.

- Хорошо. - Однако Энсон выглядел взволнованным. - Так ты думаешь, что к завтрашнему утру… или, по крайней мере, к полудню?…

- По телевизору собирается выступить лично Президент Соединенных Штатов, - напомнил Барби. - В полночь. На какие мысли тебя это наталкивает, Энси?

- Я думаю, необходимо выключить свет, - ответил он.

- И термостат, не забудь, - напомнила ему Рози. Мальчик ушел, и она обратилась к Барби: - То же самое я сделаю и у себя, после того, как поднимусь наверх. - Вдова уже больше десяти лет, она жила над своим рестораном.

Барби кивнул. Перевернув одну из бумажных салфеток-скатерок («посещали ли вы 20 выдающихся природных мест штата Мэн?»), он что-то высчитывал на ее обратной стороне. С того момента, как появился барьер, сгорело от двадцати семи до тридцати галлонов пропана. Итак, в остатке имеем пятьсот семьдесят. Если Рози сможет уменьшить его потребление до двадцати пяти галлонов на день, теоретически она способна продержаться три недели. Если уменьшить до двадцати галлонов на день - чего она, несомненно, сможет достичь, если будет закрывать заведение между завтраком и ланчем, а потом еще будет делать перерывы между ланчем и ужином - продержаться можно почти месяц.

«И этого достаточно, - подумал он. - Потому что если через месяц этот город все еще будет закрытым, в нем все равно уже не будет из чего готовить».

- О чем ты думаешь? - спросила Рози. - И что это за цифры? Я не понимаю, что они означают.

- Потому что ты смотришь на них кверху ногами, - объяснил Барби, поняв, что большинство людей в Милле склонны именно к такому видению. Это были те цифры, на которые никому не захотелось бы смотреть прямо.

Рози перевернула салфетку с подсчетами Барби к себе. Сама пересчитала цифры. И тогда подняла голову и посмотрела на него, пораженная. Как раз в это мгновение Энсон выключил почти все освещение, и они впялились один в другого в мраке, который - по крайней мере для Барби - выглядел ужасно убедительным. Неприятности моли быть очень серьезными.

- Двадцать восемь дней? - переспросила она. - Ты думаешь, мы должны рассчитывать на четыре недели?

- Я не знаю, случайно или нет, но, когда я был в Ираке, кто-то подарил мне «Маленький красный цитатник» товарища Мао. И я носил его всегда в кармане и прочитал от корки до корки. Во многих его выражениях больше смысла, чем у наших политиков в их звездные моменты. Среди тех его фраз, которые застряли у меня в голове, есть и такая: «Надейся на погожие дни, но строй дамбы». Вот я и думаю, что именно это мы, то есть ты…

- Нет, мы, - возразила она, дотрагиваясь до его запястья. Перевернув руку, он прихлопнул своей ладонью по ее ладони.

- Хорошо, мы. Думаю, именно таким образом нам и надо все распланировать. То есть закрываться на промежуточные часы, экономно использовать печи - никаких цинамоновых рулетов, хотя я, как никто, люблю их - и никакой посудомоечной машины. Она старая и жрет много энергии. Знаю, Доди с Энсоном не понравится идея мыть посуду вручную…

- Не думаю, что нам следует рассчитывать на то, что Доди скоро вернется, да и вообще хоть когда-то. Теперь, когда ее мать мертва, - вздохнула Рози. - Хочется верить, что она действительно поехала в Оберн пошляться по магазинам. Хотя, думаю, об этом будет напечатано в завтрашних газетах.

- Возможно.

Барби не представлял себе, как много информации попадет в Честер Милл или выйдет отсюда, если эта ситуация не решится быстро, и желательно, чтобы еще и с каким-то рациональным объяснением. Наверняка, немного. Он подумал, что их скоро накроют легендарным Конусом Тишины Максвелла Смарта[73], если этого уже не произошло.

К столу Барби и Рози вернулся Энсон. Он уже был в куртке.

- Так я уже пойду, Рози?

- Конечно, - ответила она. – Завтра в шесть?

- Не слишком ли поздно будет? - улыбнулся он и добавил: - Да нет, я не жалуюсь.

- Мы будем открываться позже, - она поколебалась. - И будем делать перерывы между кормлениями.

- Правда? Классно, - он перевел взгляд на Барби. - У тебя есть, где переночевать сегодня? А то пойдем ко мне. Сейда поехала в Дэрри[74] навестить родителей.

Сейдой звали жену Энсона.

Барби было, где приземлиться, это место находилось прямо напротив, только через улицу перейти.

mir-knigi.org

- Благодарю, но я вернусь в свое помещение. У меня уже заплачено за него до конца месяца, так почему бы и нет? Утром, перед тем как уйти из города, я оставил ключ Петре Ширлз в аптеке, но у меня на связке остался дубликат.

- О'кей. Тогда до завтра, Рози. А ты здесь будешь, Барби?

- И не надейся.

- Чудесно! - Энсон улыбался во весь рот.

Когда он ушел, Рози потерла себе глаза, потом мрачно посмотрела на Барби.

- Как долго это будет продолжаться? Твой собственный прогноз.

- Я не могу прогнозировать, потому что не знаю, что именно происходит. И когда оно перестанет происходить.

Рози, очень тихо, произнесла:

- Барби, ты меня пугаешь.

- Я сам себя пугаю. Нам обоим надо уже идти спать. Утром все будет выглядеть лучше.

- После нашей беседы мне, наверняка, только амбьен[75] поможет заснуть, - пожаловалась она. - Несмотря на усталость. Однако я благодарна Богу за то, что ты вернулся.

Барби вспомнил о своих соображениях относительно запасов.

- Вот еще что. Если завтра откроется «Фуд-Сити»...

- Они всегда работают в воскресенье. С десяти до шести.

- Если они будут работать завтра, тебе нужно кое-что купить.

- Та же «Сиско»[76] поставляет... - она заткнулась, хмуро вперившись в него глазами. - Каждый четверг, но мы не можем на это рассчитывать, да? Конечно, нет.

- Нет, - подтвердил он. - Если даже то, что здесь сейчас нас заперло, вдруг исчезнет, военные все равно будут держать этот городок в состоянии карантина какое-то продолжительное время.

- Что мне нужно купить?

- Все, но самое главное - мясо. Мясо, мясо, мясо. Если магазин откроется. А я не уверен в этом. Джим Ренни может убедить того, кто там сейчас руководит...

- Джек Кэйл. Он стал директором, когда Эрни Келверт ушел на пенсию в прошлом году.

- Так вот, Ренни может убедить его не открываться, пока он лично этого не разрешит. Или попросит шефа Перкинса издать такой приказ.

- Так ты не знаешь? - спросила Рози и, увидев его непонимающий взгляд, продолжила: - Конечно. Дюк Перкинс умер, Барби. Он умер прямо там, - махнула она рукой куда-то в южном направлении.

mir-knigi.org

Барби ошеломленно посмотрел на нее. Энсон забыл выключить телевизор, и позади них Розин любимец Вульфи вновь рассказывал миру, что какая-то невыясненная сила огородила маленький городок в Западном Мэне, что этот район изолирован армейскими подразделениями, что Объединенный комитет начальников штабов заседает в Вашингтоне, что Президент обратится к нации в полночь, а сейчас он просит народ Америки присоединить свои молитвы за людей в Честер Милле к его собственной.

3

- Папа? Отец?

Джуниор Ренни стоял на верхней ступеньке, наклонив голову, прислушивался.

Ответа не было, и телевизор молчал. А в такое время его отец всегда уже находился дома после работы, сидел перед телевизором. Вечером в субботу он воздерживался от Си-Эн-Эн и «Фокс-Ньюс», вместо этого позволяя себе «Планету животных» или «Исторический канал». А сегодня почему-то нет. Джуниор приложил запястье к уху, чтобы проверить, тикают ли его часы. Те шли, да и время, очевидно, они показывали правильное, потому что на дворе уже было темно.

Ужасная мысль прострелила ему в голову. Большой Джим может быть сейчас вместе с шефом Перкинсом. В это мгновенье они могут вдвоем обсуждать, как арестовать Джуниора с наименьшей оглаской. Но почему они ждали так долго? Потому что так смогут вывезти его из города под покровом темноты. Направить его в окружную тюрьму в Касл Роке. Потом суд. А дальше?

Дальше Шоушенк[77]. Просидев там несколько лет, он, несомненно, начнет называть тюрьму просто Шенк, как и большинство тамошних убийц, грабителей и содомитов.

- Дурость, - пробормотал он. Или нет? Он проснулся с мыслью, что убийство Энджи ему просто приснилось, это должен был быть сон, потому что он никогда никого не смог бы убить. Хорошенько отлупить - запросто, но убить? Это просто смешно. Он же такой, такой… ну… он такой нормальный чувак!

Потом он заглянул под кровать, увидел на одежде кровь, и все возвратилось вновь.

Полотенце падает у нее с головы. Пучок волос на ее лобке почему-то бесит его. Фантастично хрустящий звук, которым на удар его колена отвечает что-то внутри ее лица. Ливень магнитиков с холодильника и то, как она дергалась.

«Однако это же сделал не я. Это…»

Это головная боль. Да. Правда. Но кто в такое поверит? Ему проще поверили бы, даже если бы он сказал, что это сделал буфетчик[78].

- Папа?

Молчание. Нет его дома. И в полицейском участке его тоже нет, не плетет ли он там заговор против него. Только не его отец. Он этого не будет делать. Его отец всегда говорил, что семья превыше всего.

А действительно ли семья для него превыше всего? Конечно, он так говорит - он же

христианин, наконец, и совладелец РНГХ, - однако Джуниор имел подозрение, что для его папы «Подержанные автомобили Джима Ренни» могут ехать впереди семьи, а должность первого выборного города опережать Святой Алтарь Не Надо Наличности.

Ну, а Джуниор, что вполне вероятно, идет лишь третьим в этом списке.

Он осознал (впервые в жизни; это была истинная вспышка прозрения), что все это только его собственные предположения. Что он на самом деле почти совсем не знает своего отца.

Он вернулся в свою комнату и включил верхний свет. Сначала вверху ярко вспыхнуло, после чего немного померкло, и свет стал приглушенным. В какой-то миг Джуниору показалось, что у него что-то с глазами. Потом он осознал, что слышит гудение их генератора. И не только их. Нет тока в городской электросети. Волна облегчения затопила его. Прекращение подачи электричества все объясняло. Это означало, что его отец, скорее всего, находится сейчас в горсовете, обсуждает эту проблему с другими двумя идиотами - Сендерсом и Гриннел. Наверняка, втыкает булавки в большую карту города, корча из себя Джорджа Паттона[79]. Кричит в телефон на кого-то из Энергокомпании Западного Мэна, обзывая их бандой ленивых никчем.

Джуниор извлек из-под кровати свою одежду, вытряс из джинсов всякое дерьмо - кошелек, мелкие монеты, ключи, расческу, остатки таблеток от головной боли - и распихал все это по карманам чистых джинсов. Потом он быстро спустился вниз, засунул опасную одежду в стиральную машину, выставил на ней «горячий» режим, но тут вспомнил, что когда-то мать говорила ему, тогда не более чем десятилетнему: для кровавых пятен нужна холодная вода. Переключая машину на ХОЛОДНУЮ СТИРКУ/ХОЛОДНОЕ ПОЛОСКАНИЕ, Джуниор безразлично подумал, имел ли его папик уже тогда привычку трахать секретарш, или еще держал свой никчемный пенис в узде.

Он включил машину и задумался, что же ему делать дальше. Как только головная боль прошла, он осознал, что может думать.

В конце концов, решил вернуться в дом Энджи. Не хотелось – Боже Всемогущий, это было последнее, что бы ему хотелось сделать, - но там он, возможно, сумеет оценить ситуацию на месте. Пройтись мимо усадьбы, посмотреть, сколько там полицейских машин. И нет ли среди них фургона криминалистической службы округа Касл. Криминалисты - ключ ко всему. Это он знал из просмотра «Места преступления»[80]. И сам большой сине-белый фургон он тоже видел, когда посещал как-то с отцом окружной суд. Итак, если он стоит возле дома Маккейнов…

«Я убегу».

Да. Как можно быстрее и по возможности дальше. Но сначала надо будет вернуться сюда, заглянуть в сейф в отцовском кабинете. Отец не подозревал, что Джуниор знает контрольную комбинацию цифр, но Джуниор ее знал. Как знал и пароль к отцовскому компьютеру, а таким образом и о его склонности к просмотру того, что Джуниор с Фрэнком Делессепсом называли редис-сексом: две черных лярвы и белый парень. Там было полно денег, в том сейфе. Тысячи долларов.

«А если ты увидишь тот фургон, вернешься сюда, а здесь отец?»

Итак, прежде всего деньги. Деньги сейчас же.

Он вошел в кабинет, и на мгновенье ему показалось, что отец сидит в кресле с высокой

спинкой, где он как обычно и смотрел те свои новости и передачи о природе. Заснул… а если у него инфаркт? В последние три года у Большого Джима случались проблемы с сердцем, в основном аритмия. По обыкновению он обращался в госпиталь «Кэти Рассел» и там док Гаскелл или док Рейберн кололи его чем-то, возвращая в нормальное состояние. Гаскелл с удовольствием делал бы это вечно, но Рейберн (которого отец называл переученным недотепой) в последний раз настоял, чтобы Большой Джим обратился к кардиологу в диагностическом центре в Льюистоне. Тот кардиолог сказал, что нужно пройти какую-то процедуру, которая раз и навсегда ликвидирует перебои в сердце. Большой Джим (который страх как боялся больниц) ответил: ему, дескать, надо чаще советоваться с Богом, можете называть это молитвенными процедурами. Тем временем он продолжал принимать свои пилюли и в последние несколько месяцев чувствовал себя хорошо, но сейчас… возможно…

- Папа?

Молчание. Джуниор щелкнул выключателем. Люстра зажглась тем самым приглушенным светом, однако развеяла тень, которую Джуниор сначала принял за отцовский затылок. Он бы не очень огорчился, если бы его отец действительно врезал дуба, но сейчас обрадовался, что этого не случилось именно теперь. Существовала еще такая вещь, как лишние осложнения.

Успокоившись, он широкими, карикатурно осторожными шагами тронулся к стене, в которой был вмонтирован сейф, все время ожидая вспышки фар в окне, которые предвестят отцовское возвращение. Снял и отставил в сторону картину, которая прикрывала сейф (Иисус проповедует на горе), и набрал комбинацию. Прежде чем рычаг поддался, ему пришлось это сделать дважды, потому что руки у него дрожали.

Сейф был забит денежной наличностью и пачками похожих на пергаменты листов с проштампованными надписями ОБЛИГАЦИИ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ. Джуниор тихонько присвистнул. В последний раз, когда он открывал сейф - стащить полтинник на прошлогоднюю Фрайбургскую ярмарку[81], - тут тоже лежало много денег, но и близко не столько. И никаких ОБЛИГАЦИЙ не было. Он вспомнил табличку на отцовском столе в его автосалоне: ОДОБРИЛ ЛИ БЫ ЭТУ АФЕРУ ИИСУС? Даже в своем настоящем состоянии испуга и замешательства Джуниор не мог не удивиться, одобрил ли бы Иисус все те аферы, которые его отец последними временами прокручивал где-то на стороне.

- Нет мне дела до его бизнеса, надо свои дела уладить, - произнес он тихим голосом. Взял пятьсот баксов полтинниками и двадцатками, и уже едва не закрыл сейф, поколебался и вытянул еще несколько соток. Принимая во внимание непристойно большое количество денег в сейфе, его отец может даже не заметить пропажи. А если и заметит, возможно, поймет, почему Джуниор их взял. И, наверняка, одобрит. Как любил повторять Большой Джим: «Господь помогает тем, кто сам себе помогает».

В таком приподнятом настроении Джуниор легко потянул еще четыре сотни. И только тогда закрыл сейф, смешал комбинацию цифр и повесил Иисуса назад на стену. Взяв из шкафа в приемной куртку, он вышел во двор, оставив генератор реветь, а машину стирать его забрызганную кровью Энджи одежду.

4

Возле дома Маккейнов не было никого. Никогошечки, бля!

Притаившись на противоположной стороне улицы, Джуниор стоял под легеньким дождиком из падающего листвы и удивлялся, действительно ли он видит то, что видит: темный дом и, как и

в первый раз, ни следа ни «Тойоты» Генри Маккейна, ни «Приуса» Ладонны. Все это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой, даже слишком.

Возможно, они на городской площади. Там много народа этим вечером. Наверняка, обсуждают прекращение снабжения электричеством, хотя Джуниор не припоминал, чтобы когда-либо прежде отключения света служило причиной такого собрания; люди преимущественно шли к себе домой и ложились спать, именно так; и, если не случалось действительно страшной бури, еще до того, как они начинали готовить себе завтраки, электричество появлялось вновь.

Может, теперешний перебой с электричеством - результат какого-то зрелищного происшествия того типа, которые регулярно показывают в новостях по телевизору. Джуниор не четко припомнил какого-то старика, который спрашивал у него, что происходит, вскоре после того, как кое-что произошло с Энджи. В любом случае Джуниор, идя сюда, позаботился о том, чтобы с ним никто не заговорил. Мэйн-стрит он преодолел с опущенной головой и поднятым воротом (он едва не столкнулся с Энсоном Вилером, когда тот вышел из «Розы-Шиповника»). Уличные фонари не горели, и это помогло ему сохранить анонимность. Очередной подарок богов.

А теперь это. Третий дар. Огромный! Возможно ли такое, чтобы тело Энджи до сих пор не обнаружили? Не ждет ли его здесь ловушка?

Джуниор представил себе, как шериф округа Касл или детектив из полиции штата говорят: «Ребята, нам лишь надо не лезть на глаза и подождать; убийца всегда возвращается на место своего преступления, это давно известный факт».

Телевизионное дерьмо. И все же, пересекая улицу (словно подталкиваемый какой-то потусторонней силой), Джуниор ожидал, что вот сейчас вспыхнут мощные ручные фонари, приколют его своими лучами, словно мотылька к куску картона; ждал, что кто-то позовет - естественно, в мегафон: «Стой, ни с места, руки вверх!»

Ничего этого не случилось.

Сердце колотилось в его груди, и кровь стучала в висках (но в голове никакой боли, и это очень хороший знак), он вступил на подъездную аллею Маккейнов, и даже тогда дом остался темным и молчаливым. Даже генератора слышно не было, хотя соседский, у госпожи Гриннел, громыхал.

Джуниор осмотрелся через плечо и увидел, что над деревьями восходит огромный шар белого света. Что-то на южной окраине города или, может, дальше, в Моттоне. Не там ли произошло то, что стало причиной перебоя в снабжении электричеством? Возможно.

Он подошел к задним дверям. Передние должны были бы оставаться незапертыми, если никто не возвращался домой после инцидента с Энджи, но ему не хотелось заходить в дом через переднее крыльцо. Зашел бы, конечно, если бы надо было, хотя, возможно, такой потребности не возникнет. Наконец, удача была на его стороне.

Щеколда звякнула.

Джуниор заглянул в кухню и моментально почувствовал запах крови - немного похоже на запах крахмальной присыпки, только несвежей. Произнес: «Эй? Привет? Есть кто дома?» Почти наверняка, никого нет, однако, если кто-то и есть, если по какому-то чуду Генри или Ладонна поставили свои машины около городской площади и пришли домой пешком (почему-то не заметив на кухонном полу собственной мертвой дочери), он закричит. Да! Закричит и

«обнаружит тело». Это не обманет команду криминалистического фургона, но немного времени он выигрывает.

- Хеллоу, мистер Маккейн! Миссис Маккейн! - И тогда, вслед за вспышкой вдохновения: - Энджи, ты дома?

Разве он спрашивал бы такое, если бы сам ее убил? Конечно же, нет! И вдруг ужасная мысль пронзила его: а что, если она ответит? Оттуда, с пола, где она лежит, сейчас ему ответит? Ответит с булькотением крови в горле.

- Возьми себя в руки, - произнес он. Конечно надо, хотя как же это тяжело. Особенно во тьме. А впрочем, в Библии такие вещи то и дело происходят. В Библии люди иногда возвращаются к жизни, как зомби в «Ночи живых мертвецов»[82].

- Есть кто дома?

А черт. Пусто.

Его глаза привыкли к тьме, хотя и не совсем. Нужен свет. Следовало бы прихватить фонарь из дома, но, когда ты привык к тому, что достаточно просто щелкнуть выключателем, о таких вещах легко забыть. Джуниор пересек кухню, переступив через тело Энджи, и приоткрыл первые из двух дверей в дальней стене. Там оказалась кладовка. Он смог рассмотреть только полки, заставленные консервами и бутылками. За другими дверями ему повезло больше. Там была прачечная. И если он не ошибся в отношении той вещи, которая находилась на полке справа от него, значит, удача его еще не покинула.

Он не ошибся. Это был фонарь, замечательный, мощный. Надо осторожней подсвечивать себе на кухне - обязательно не забыть задвинуть шторы, - но в прачечной он мог светить себе вволю. Тут ему было удобно.

Стиральный порошок. Отбеливатель. Освежитель. Ведро и «Свиффер»[83]. Хорошо. Генератор не работает, итак, здесь есть только холодная вода, но ее хватит в кране, чтобы наполнить одно ведро, а там еще есть и всякие туалетные бачки. А холодная - именно то, что ему нужно. Для крови - холодная.

Он будет мыть, как ярая домохозяйка, которой когда-то была его мать, всегда помнящая поучения своего мужа: «Держи чистыми дом, руки и душу». Он смоет кровь. Потом вытрет все, что вспомнит, к чему касался, и все, о чем не помнит, но до чего мог дотронуться. Но сначала…

Тело. Надо что-то сделать с телом.

Джуниор решил, что пока что подойдет и кладовка. Он схватил ее под подмышки, перетянул туда, отпустил - чмяк. И уже тогда принялся за работу. Напевая себе под нос, он сначала прицепил к холодильнику все магниты, потом закрыл шторы. Успел наполнить ведро едва ли не по края, и только тогда кран начал сипеть. Очередной бонус.

Он еще тер, работа шла хорошо, хотя до конца было еще далеко, когда прозвучал стук в передние двери.

Джуниор поднял голову, глаза широко раскрыты, губы вывернуты в далекой от веселья гримасе испуга.

- Энджи? - прозвучал девичий голос сквозь всхлипы. - Энджи, ты дома? - Снова стук, и тогда двери приоткрылись. Удача, похоже, его покинула. - Энджи, прошу, хотя бы ты была здесь. Я видела, твоя машина стоит в гараже…

Сука! Гараж! Он не проверил их блядский гараж!

- Энджи? - вновь хныканье. Знакомый голос. О, Боже, не та ли это идиотка Доди Сендерс? Да она. - Энджи, она мне сказала, что моя мама мертва! Миссис Шамвей сказала, что она погибла!

Джуниор надеялся, что она сначала поднимется на второй этаж, в комнату Энджи. Но вместо этого Доди направилась через холл в кухню, передвигаясь в темноте медленно, неуверенно.

- Энджи? Ты в кухне? Я вроде бы видела свет.

У Джуниора вновь заболела голова, и виновата в этом была эта назойливая, постоянно обкуренная сучка. Что бы не случилось сейчас… это будет только ее вина.

5

Доди Сендерс была все еще немного обкуренная и пьяненькая, ее кумарило; мать ее погибла, а сама она в темноте на ощупь продвигалась по коридору в доме своей наилучшей подруги; и тут наступила на что-то, что скользнуло под ее ступней так, что она едва не бухнулась на сраку, задрав ноги. Доди ухватилась за перила ступенек, вывернула себе пару пальцев, и вскрикнула. Она вроде бы и осознавала, что все это с ней действительно происходит, и в то же время в это невозможно было поверить. Чувствовала себя так, словно заблудилась в каком-то параллельном измерении, как это бывает в фантастическом кино.

Она наклонилась посмотреть, что там попало ей под ноги. Похоже было на полотенце. Какой-то дурак бросил полотенце на полу в коридоре. Тогда она услышала, как что-то шевельнулось в темноте впереди. В кухне.

- Энджи, это ты?

Нет ответа. Однако ей послышалось, что там кто-то есть, хотя, может, только показалось.

- Энджи? - она вновь двинулась вперед, держа вывернутую правую руку (пальцы распухнут, подумала она, да и уже опухают) прижатой к телу. Левую протянула перед собой, нащупывая в темноте. - Энджи, пожалуйста, будь там! Моя мать умерла, я не шучу. Миссис Шамвей мне сказала, а она не шутит, ты мне так нужна!

А день так удачно начался. Она встала рано (ну… в десять часов, это для нее рано) и совсем не собиралась прогуливать работу. И тогда ей позвонила по телефону Саманта Буши, сказала, что прикупила на e-Bay[84] несколько новых куколок «Братц»[85] и спрашивала, не хочет ли Доди прийти, помочь ей их помучить. Подвергать пытке кукол «Братц» они завели себе моду еще в старших классах - покупали их на домашних распродажах, а потом вешали, втыкали булавки им в глуповатые головки, обливали их бензином для зажигалок, и поджигали. Доди понимала, что они уже должны были бы вырасти из этой игры, они уже были взрослыми или почти взрослыми. Это же детские шалости. К тому же какие-то жуткие, если серьезно подумать. Но дело в том, что Сэмми имела собственное жилье на Моттонской дороге - просто трейлер, но он принадлежал только ей, после того как весной куда-то завеялся ее муж, - а ее Малыш Уолтер спал практически целыми днями. Плюс, у Сэмми всегда была бешеная трава. Доди догадывалась, что берет ее она у тех самых ребят, с которыми гуляет. По уик-эндам ее трейлер

был популярным местом. Но дело в том, что Доди зареклась курить траву. Больше никогда никакой травы после тех неприятностей с поваром. Больше никогда у нее продлилось чуть более недели, до этого дня, до звонка Саманты.

- Тебе достанутся Джейд и Ясмин, - заманивала Сэмми. - А еще у меня есть такая крутая, ну, ты сама знаешь что. - Она всегда так говорила, словно тот, кто мог ее подслушивать, не понял бы, о чем речь идет. - А еще мы сможем, сама знаешь что.

Доди и это хорошо знала, о чем именно идет речь, и у нее немного встрепенулось Вот Там, Внизу (сами знаете где), хотя это занятие тоже было детской забавой, которую им следовало бы давно прекратить.

- Да, наверное, нет, Сэмми. Мне на работу в два часа, и…

- Ясмин ждет, - перебила Сэмми. - А ты же так ненавидишь эту сучку.

Да, это было правдой. Ясмин была сукой из сук изо всех «Братцев», по мнению Доди. А до двух еще почти четыре часа. Кроме того, ничего страшного, если она немного и опоздает. Разве Рози ее выгонит? А кто другой станет делать для нее эту сраную работу?

- О'кей. Только ненадолго. И только потому, что я ненавижу эту Ясмин.

Сэмми захохотала.

- И я не буду больше того, ну, сама знаешь чего. Ни того, ни другого.

- Без проблем, - согласилась Сэмми. - Давай быстрее.

И Доди села в машину и поехала и, конечно, поняла, что глумление над «Братцами» не дарит никакого удовольствия, если не зарядиться немного кайфом, и она зарядилась вместе с Сэмми. Вместе же они и организовали Ясмин сеанс пластической хирургии с помощью жидкости для прочищения канализационных стоков, и им было очень весело. Потом Сэмми захотела продемонстрировать ей классную новенькую кофточку, приобретенную ей в «Дэби»[86], и хотя она уже немного потолстела в животике, но на вкус Доди, она все еще выглядела хорошенькой, наверняка, потому, что они обе были немного нетрезвые - по правде говоря, в хлам обдолбанные - и поскольку Малыш Уолтер все еще спал (его отец настоял на этом имени для мальчика в честь какого-то старого блюзмена, и этот его постоянный сон, да-да, у Доди было подозрение, что у Малыша Уолтера задержка в развитии, что и не удивительно, принимая во внимание то количество дури, которую высмолила Сэмми, пока его вынашивала), они с Сэмми оказались в кровати и занялись тем самым, сами знаете чем. После чего заснули, а когда Доди проснулась, потому что Малыш Уолтер вопил - усраться-не-поддаться, быстрей звоним по телефону на Шестой канал[87], - то на часах было уже около пяти. Совсем поздно идти на работу, а тут еще Сэмми достала бутылку черного Джонни Уокера, и они бахнули разок, другой, третий, и Сэмми решила посмотреть, как там идут дела у бэби «Братц» в микроволновке, вот только электричества почему-то не было.

Доди доползла до города со скоростью меньшей шестнадцати миль в час, все еще пьяная и в параноидальном до чертиков состоянии, постоянно кося глазом в зеркало заднего вида, нет ли у нее копов на хвосте, почему-то уверенная, что, если ее остановят, то обязательно это будет эта рыжеволосая сучка Джеки Веттингтон. Или отец появится на перерыв домой и почувствует алкоголь в ее дыхании. Или мать окажется дома, обессиленная после этого идиотского тренировочного полета настолько, что решит остаться дома, вместо игры в бинго со своими в Восточной Звезде[88].

- Пожалуйста, Господи, - молилась она. - Прошу, проведи меня через это, и я никогда больше не буду этого самого. И того тоже, сам знаешь чего. Никогда в жизни.

Бог услышал ее молитвы. Дома никого не было. Электричества не было и здесь тоже, но в своем неуверенном состоянии Доди едва это заметила. Она заползла наверх по ступенькам в свою комнату, сняла с себя джинсы и рубашку и упала на кровать. Только на несколько минут, заверила себя. И тогда она закинет пропахшую драпом одежду в машинку, а сама станет под душ. Она дышала духами Сэмми, которые та, вероятно, покупает галлонами у Бэрпи.

Вот только из-за отсутствия электричества будильник себе выставить она тоже не могла, и когда ее разбудил стук в двери, было уже темно. Она набросила халат и спустилась на первый этаж почему-то уверенная, что появилась та рыжеволосая полицейская с большими сиськами, чтобы сейчас же ее арестовать за езду в нетрезвом состоянии. А может, еще и за употребление дури. Доди подумала, что и за то другое, сами знаете что, хотя это не является противозаконным, хотя и не была в этом полностью уверена.

Там оказалась не Джеки Веттингтон. Там оказалась Джулия Шамвей, редактор-издатель «Демократа». В руке она держала фонарик. Посветила прямо в лицо Доди, которое, наверное, опухло ото сна, глаза, безусловно, все еще красные, и на голове невесть что, - и тогда опустила фонарь. Свет прошелся по лицу самой Джулии, и Доди заметила на нем выражение сожаления, от чего девушка ощутила неуверенность и страх.

- Бедный ты ребенок, - произнесла Джулия. - Ты же еще не знаешь, да?

- Не знаю что? - спросила Доди. Именно тогда у нее появилось ощущение параллельной реальности. - Что я не знаю?

И Джулия Шамвей ей рассказала.

6

- Энджи? Энджи, прошу тебя!

Нащупывает путь сквозь коридор. Рука болит. В голове гудит. Она могла бы поискать отца - миссис Шамвей предложила ей помощь, начать с похоронного салона Бови, - но у нее кровь застыла от самого только упоминания об этом месте. Кроме того, ей больше всего сейчас нужна была Энджи. Энджи, которая обнимет ее крепко, без всякого намека на то, сами знаете что. Энджи, которая была ее лучшей подругой.

Какая-то тень выскользнула из кухни и быстро двинулась к ней.

- Ты здесь, слава тебе, Господи! - всхлипнула она еще громче и бросилась к той фигуре с растопыренными руками. - Ой, как это ужасно! Это мне наказание за то, что я была такой отвратительной, я знаю, знаю!

Темная фигура и сама расставила руки, однако, не для утешительных объятий. Вместо этого пальцы на концах тех рук сомкнулись у Доди на горле.

НА БЛАГО ГОРОДА – НА БЛАГО ЛЮДЯМ

1

Энди Сендерс действительно находился в похоронном салоне Бови. Он пришел туда с тяжелым грузом: волнение, тоска, разбитое сердце.

Сейчас он сидел в Поминальном зале № 1 в компании с телом в гробу, который стоял посреди помещения. Гертруда Эванс, восьмидесятисеми… (или, может, восьмидесятивосьмилетняя) умершая от острой сердечной недостаточности два дня тому назад. Энди еще присылал письмо-соболезнование, хотя неизвестно, кто мог бы его получить; Гертин муж уже лет десять, как умер. Но это не имело значения. Он всегда посылал соболезнование, написанное ручкой на официальном кремовом бланке с заголовком ОФИС ПЕРВОГО ВЫБОРНОГО. Он считал, что это входит в его обязанности.

Большой Джим не мог отвлекаться на такие дела. Большой Джим был весьма занят руководством тем, что он называл «нашим бизнесом», имея в виду Честер Милл. Сказать честно, руководил он им, будто своей частной железной дорогой, но Энди никогда на это не жаловался; он понимал, что Большой Джим прыткий. Энди понимал также и еще кое-что другое: без Эндрю Делоиса Сендерса самого Большого Джима, наверняка, не выбрали бы даже в секретари. Большой Джим умел продавать подержанные машины, обещая колоссальные выгоды, небольшой первый взнос и бонусы типа дешевых корейских пылесосов, но когда он попытался в тот раз стать дилером «Тойоты», компания вместо него выбрала Вилла Фримэна. Принимая во внимание его уровень продаж и расположение бизнеса возле шоссе 119, Большой Джим никак не мог понять, почему «Тойота» сделала такой тупой выбор.

А Энди мог. Пусть он и не принадлежал к самым хитрым медведям в их лесу, но вполне понимал, что Большой Джим не имеет душевного тепла. Он был жестким человеком (кое-кто из тех, кто купились на его крохотный первый взнос, говорили даже: жесткосердечный), он был убедительным, однако также и холодным. А Энди напротив, всегда делился своим душевным теплом. Прохаживаясь по городу перед выборами, Энди рассказывал людям, что они с Большим Джимом словно близнецы Даблминт[89], или Клик и Клак[90], или сэндвич с джемом и арахисовым маслом, и Честер Миллу нужны они оба в одной упряжке (конечно, с кем-то третьим, кто будет готов запрячься - сейчас это была Эндрия Гриннел, сестра Рози Твичел). Энди всегда нравилось его партнерство с Большим Джимом. Особенно финансовые результаты за последние пару-тройку лет, но и еще и в духовном смысле. Большой Джим знал, каким образом что делается и почему оно должен именно так делаться. «Мы впряглись надолго, - любил он говорить. - Мы все делаем для города. Для людей. Для их блага». И это было хорошо. Хорошо делать добро. Однако сегодня… в этот вечер…

- Я с самого начала был против тех уроков пилотирования, - произнес он и вновь начал рыдать. В скором времени он уже рыдал в полный голос, но в этом не было ничего страшного, потому что Бренда Перкинс уже постояла возле тела своего мужа и ушла, беззвучно глотая слезы, а брат Бови находились внизу. Работы на них навалилось много (Энди понимал, хотя только краем сознания, что происходит что-то очень-очень плохое). Ферн Бови сходил перекусить в «Розу-Шиповник», а когда вернулся, Энди подумал, что он прогонит его прочь, но Ферн прошел мимо него по холлу, даже не взглянув на Энди, который сидел здесь, свесив руки между колен, с распущенным галстуком и растрепанным волосами.

Ферн исчез за дверьми того помещения, которое они с братом называли «мастерской». (Ужас! Ужас!) Там лежал Дюк Перкинс. А также этот проклятый летун Чак Томпсон, который, возможно, и не сам подбил его жену к тем урокам, однако же, и не отговорил ее от них. А может, и еще какие-то другие трупы также лежали там, внизу.

Клодетт лежала точно.

Энди выдал похожий на булькотение стон и еще плотнее сцепил руки. Как ему жить без нее? Он же не сможет без нее жить. И не только потому, что он любил ее больше собственной жизни. Это Клодетт (вместе с регулярными, необлагаемыми и все постоянно увеличиваемыми инъекциями денежной наличности со стороны Джима Ренни) поддерживала на плаву их аптеку; сам Энди довел бы ее до банкротства еще на границе столетий. Его специальность - общение с людьми, а не со счетами или бухгалтерскими книгами. Вот его жена - она специалистка по цифрам. То есть была специалисткой.

Эта фраза в прошлом времени прозвучала в его мозге, и он вновь застонал.

Клодетт с Большим Джимом даже как-то вместе исправляли что-то в городских книгах, когда их проверяла аудиторская служба штата. Та проверка не застала их неожиданно, потому что Большого Джима предупредили о ней заранее. Деталей не сообщили, однако сказали достаточно, чтобы они поработали с компьютерной программой, которую Клодетт называла «миссис ЧИСТКА». Так они ее называли, потому что она выдавала чистые цифры. Они из этого аудита вышли кристально чистыми, вместо того, чтобы сесть в тюрьму (что было бы несправедливо, учитывая то, что большинство того, чем они занимались - фактически, едва ли не все - делалось на благо города).

Если сказать правду, вот кем была Клодетт Сендерс: миловидной версией Джима Ренни, добрейшим Джимом Ренни она была, то есть человеком, с которым Энди мог спать и рассказывать ей свои секреты, и жизнь без нее казалась ему немыслимой.

Энди вновь начал рыдать, и тут уже сам Джим Ренни положил ему руку на плечо и сжал. Энди не слышал, как тот зашел, но не подскочил. Он просто ожидал эту руку, потому что ее хозяин всегда появлялся тогда, когда Энди нуждался в нем больше всего.

- Я знал, что найду тебя здесь, - произнес Большой Джим. - Энди, друг, мне очень, очень жаль.

Энди подскочил с места, нащупал руками туловище Джима и продолжил рыдание уже Большому Джиму в пиджак.

- Говорил же я ей, что эти ее летные уроки опасные! Я ей говорил, что этот Чак Томпсон точь-в-точь такой же осел, как и его отец.

Большой Джим успокаивающе гладил его по спине.

- Понимаю, но она сейчас в лучшем месте, Энди: сегодня она ужинает с Иисусом Христом - ростбиф, зеленый горошек, картофельное пюре с подливкой! Разве это не прекрасно? Подумай об этом. Как ты смотришь на то, чтобы нам сейчас помолиться?

- Да! - всхлипнул Энди. - Конечно, Большой Джим! Помолись со мной.

Они опустились на колени, и Большой Джим начал долго и неистово молиться за душу Клодетт Сендерс. (Под ними, в секционном зале, их услышал Стюарт Бови и, подняв голову к потолку, заметил: «Этот мужчина умудряется срать одновременно из двух дырок».)

Минут через пять после «теперь видим мы словно в зеркале» и «когда я ребенком был, то я говорил, как ребенок»[91] (Энди не очень понимал уместность последнего, однако его это совсем не волновало, ему было так утешительно стоять на коленях с Большим Джимом) Ренни завершил: «ВоимяИисусааминь» - и помог Энди встать.

Стоя с ним лицом к лицу, грудью к груди, Большой Джим сжал руками плечи Энди и

посмотрел ему в глаза.

- Итак, партнер, - произнес он. Джим всегда называл Энди партнером, когда ситуация становилась серьезной. – Готов ли ты заниматься работой?

Энди в ответ только безмолвно таращился.

Большой Джим кивнул так, словно Энди высказал свой резонный (согласно обстоятельствам) протест.

- Конечно, я понимаю, как это тяжело. Несправедливо. Несоответствующий момент, чтобы просить тебя об этом. И ты имел бы полное право - Бог знает, что ты его имеешь - съездить мне прямо тут, в мое никчемное рыло. Но иногда мы должны ставить благо других превыше всего - разве не воистину так?

- На благо города, - произнес Энди. Впервые после того, как он получил весть о Клодетт, перед ним проблеснул какой-то свет.

Большой Джим кивнул. Лицо у него оставалось серьезным, но глаза сияли. У Энди промелькнула странная мысль: «Он выглядит на десять лет моложе».

- Конечно, ты прав. Мы хранители, партнер. Хранители общественного блага. Не всегда легкая работа, но всегда необходимая. Я послал эту, Веттингтон, разыскать Эндрию. Приказал ей привезти Эндрию в комнату заседаний. В наручниках, если возникнет необходимость, - рассмеялся Большой Джим. - Она будет там. А Пит Рендольф составляет список всех имеющихся в городе копов. Их мало. Мы должны объединить все наши усилия. Если эта ситуация будет продолжаться, власть должна быть решительной. Ну что скажешь? Будешь делить власть со мной?

Энди кивнул. Подумал, что так ему легче будет отвлечься. А если даже это не поможет, поглощенным заботами, как пчелка, ему будет легче переживать. Кроме того, его уже дрожь начала пробирать от созерцания Гэрти Эванс в гробу. Да и работа не тяжелая. Всего лишь сидеть в комнате заседаний и поднимать руку вслед за Большим Джимом. Эндрия Гриннел, которая всегда имеет несколько сонный вид, будет делать то же самое. Если возникнет потребность принять какие-то чрезвычайные меры, все обеспечит Большой Джим.

- Поехали, - ответил Энди.

Большой Джим хлопнул его по спине, положил руку на сутулые плечи Энди и повел его из поминального зала. Тяжелехонькой была его рука. Мясистой. Но ощущения дарила хорошие.

О своей дочери он ни разу не вспомнил. Погрузившись в собственную скорбь, Энди Сендерс напрочь о ней забыл.

2

Джулия Шамвей медленно шла по Коммонуэлс-Стрит, где жили самые богатые жители города, в сторону Мэйн-стрит. Уже десять лет, как удачно разведенная, она жила над редакцией «Демократа» с Горесом, своим стареньким валлийским корги[92]. Когда-то назвала его в честь большого мистера Грили[93], который запомнился единственной фразой: «На Запад, юноша, отправляйся на Запад», - но действительно его самой главной заслугой, по мнению Джулии, была работа в роли редактора газеты. Если бы сама Джулия могла делать свою работу, хотя бы

наполовину так же эффективно, как делал когда-то свою в «Нью-Йорк Трибьюн» господин Грили, она считала бы себя успешной.

Конечно, ее Горес всегда считал ее успешной, что делало его в табеле о рангах Джулии наилучшей собакой в мире. Она выведет его на прогулку, как только доберется домой, а потом еще выше поднимется в его глазах, прибавив к его корму кусочки вчерашнего бифштекса. И им обоим будет хорошо, а ей хотелось, чтобы стало хорошо - хотя бы от чего-нибудь, хотя бы на чуток, - потому, что чувствовала она себя сейчас плохо.

Это состояние для нее не было новым. Все свои сорок три года она прожила в Милле, и то, что происходило в ее родном городе в течение последних десяти, нравилось ей все меньше и меньше. Ее беспокоила непостижимая разруха канализационной системы и мусороперерабатывающего завода, не смотря на вложенные в них средства; ее беспокоило неминуемое закрытие Заоблачной верхушки, городского лыжного курорта; ее беспокоило то, что Джим Ренни теперь обворовывает город еще сильнее, чем тогда, когда у нее возникли подозрения в отношении этого(а она подозревала, что он хорошенько приворовывает в течение многих десятилетий). И, конечно же, беспокоило это новое явление, которое казалось ей едва ли не слишком большим для постижения ее разумом. Каждый раз, стараясь вернуться к нему мысленно, она концентрировалась на какой-то отдельной детали, небольшой, зато конкретной: например, на том, что ей все реже и реже удается кому-то дозвониться по мобильному. А сама она не получила никаких звонков, что не могло ее не беспокоить, и даже очень. Не говоря о близких друзьях и родственниках из-за города, ей сейчас должны были бы беспрерывно названивать из других газет: Льюистоновской «Сан», Портлендской «Пресс Геральд», возможно, даже из «Нью-Йорк Таймс».

Имеют ли и другие люди в Честер Милле сейчас такие же проблемы?

Ей надо съездить к границе с Моттоном и увидеть все собственными глазами. Если она не сможет вызвонить Пита Фримэна, ее самого лучшего фотографа, снимет сама несколько кадров с помощью аппарата, который прозвала своим «чрезвычайным Никоном». Говорят, что там, вдоль границы с Моттоном и Таркер Миллом, установили какую-то карантинную зону - скорее всего, на границе с другими городами тоже, - но с этой стороны будет удобнее подойти достаточно близко к тому месту. Пусть попробуют ее прогнать, а впрочем, если этот барьер действительно такой непроницаемый, как говорят люди, словами все у них и закончится.

- Желаешь укусить, но трудно добраться, - произнесла она вслух. Действительно так. Если бы ее можно было бы достать словами, Джим Ренни спровадил бы ее в палату интенсивной терапии еще три года назад, когда она написала статью о той смехотворной проверке, которую здесь вела аудиторская служба штата. Он, конечно, многим прибрехивал о том, что подаст в суд на газету, но дальше попугиваний так ничего и не пошло; она даже хотела написать редакторскую колонку на эту тему, большей частью потому, что уже выдумала эффектный заголовок: ОБЕЩАННЫЙ ИСК ИСЧЕЗ ИЗ ПОЛЯ ЗРЕНИЯ.

О, да, она беспокоилась. Это было естественно, взирая на ее специальность. Непривычным было то, что ее беспокоило ее собственное поведение, и теперь, остановившись на углу Мэйн-стрит и Коммон, она задумалась. Вместо того чтобы повернуть налево, на Мэйн, она оглянулась в ту сторону, откуда пришла. И потихоньку, тем тоном, которым по обыкновению обращалась к Горесу, пробормотала: «Не следовало бы мне оставлять девушку одну».

Джулия не сделала бы этого, если бы приехала туда на машине. Но она пришла туда пешком, а, кроме того - Доди так настойчиво отказывалась. От нее еще и чем-то пахло. Дурью? Возможно. Не то чтобы Джулия имела какое-то особое предубеждение против травы. Она тоже

выкурила свою немалую часть за долгие годы. Возможно, это поможет девушке приглушить горе. Снимет остроту скорби, когда она наиболее болезненна.

- Не надо за меня переживать, - сказала Доди. - Я поищу отца. Но сначала мне надо одеться, - и показала на свой халат.

- Я подожду, - ответила Джулия… хотя ей не хотелось ждать. Впереди у нее была длинная ночь, начиная с выполнения ее обязанностей перед псом. Горес сейчас, наверняка, уже едва не взрывается, после того как не получил регулярной прогулки в пять часов, да и проголодался он тоже. А вот когда он сделает все свои дела, тогда она уже поедет к тому барьеру, как его уже называют люди. Посмотрит собственными глазами. Сфотографирует, если там есть что фотографировать.

Да и тогда еще не конец. Надо подумать, не издать ли спецвыпуск «Демократа». Газета много значила для нее и, как она думала, для города тоже. Конечно, уже завтра утром все это может кончиться, однако Джулия имела ощущение - отчасти оно содержалось у нее в голове, а отчасти в душе, - что этого не произойдет.

И все-таки. Не следовало бы ей оставлять Доди Сендерс в одиночестве. На удивление, она будто бы держала себя в руках, хотя, может, она так спокойно отказалась из-за шока. И из-за дури, конечно. Однако же, на вид она была в полном порядке.

- Не надо меня ждать. Я не хочу, чтобы вы меня ждали.

- Не знаю, разумно ли тебе сейчас оставаться в одиночестве, дорогая.

- Я пойду к Энджи, - сказала Доди и, показалось, даже немного расцвела при этих словах, хотя слезы непрерывно котились ей по щекам. - Она пойдет со мной искать моего отца, - кивнула она. - Энджи мне нужна сейчас более всего.

По мнению Джулии, дочь Маккейнов имела разума только на чуть-чуть большие той девушки, которая унаследовала физические данные своей матери, но, к сожалению, мозг своего отца. Впрочем, Энджи была ее подругой, а при таких обстоятельствах задушевная подруга для Доди Сендерс значила намного больше, чем какая-то чужая тетка.

- Я могла бы пойти с тобой… - произнесла она нехотя, понимая, что даже в своем теперешнем тяжелом состоянии от свежей потери девушка, наверняка, заметит это ее нежелание.

- Не надо. Здесь всего лишь несколько кварталов.

- Ну, тогда…

- Мисс Шамвей,… а вы уверены? Вы уверены, что моя мама…

Очень неохотно Джулия кивнула. Она получила подтверждение от Эрни Келверта: бортовой номер самолета. От него она также получила и кое-что другое, вещь, которая должна была бы попасть в полицию. Джулия могла настоять, чтобы Эрни передал ее туда, если бы не ужасная весть о том, что Дюк Перкинс мертв, а его место теперь занимает этот некомпетентный лентяюга Рендольф.

Вещью, которую ей принес Эрни, были залитые кровью водительские права Клодетт. Они лежали у Джулии в кармане, в то время как она стояла на крыльце Сендерсов, там они и остались. Она отдаст их или Энди, или этой бледной, с растрепанным волосами девушке, когда

случится другая, более подходящая возможность… но не сейчас.

- Благодарю вас, - сказала Доди печальным формальным тоном. - А теперь уходите, пожалуйста. Мне не хотелось бы выглядеть невежливой, но…

Она так и не закончила свою мысль, просто закрыла двери посреди этой фразы.

И что сделала Джулия Шамвей? Выполнила приказ убитой горем двадцатилетней девушки, которая, возможно, была такой обдолбанной, что не могла даже отвечать за свои действия. Но самой Джулии было за что отвечать в этот вечер, в первую очередь она несла ответственность за Гореса. И за газету. Пусть люди и подсмеиваются с зернистых черно-белых снимков Пита Фримэна и витиеватых репортажей в ее «Демократе» о таких местных событиях, как бал «Очаровывающая ночь» в Милловской средней школе; пусть говорят, что польза от газеты состоит только в том, что она годится на подстилку в кошачий туалет - они в ней нуждаются и, особенно, когда случается что-то плохое. Джулия хотела, чтобы завтра утром они получили газету, даже если ей придется не спать целую ночь. А благодаря тому, что оба ее репортера уехали на уик-энд из города, так оно наверняка и будет.

Джулия сосредоточилась на мысли, как ей справиться с таким вызовом, и скорбное лицо Доди Сендерс начало уплывать из ее памяти.

3

Зайдя в дом, она встретилась с укоризненным взглядом Гореса, но мокрых следов на ковре не увидела и коричневой кучки под стулом в коридоре тоже - магическое место, которое пес считал невидимым для человеческих глаз. Она пристегнула поводок, вывела Гореса и терпеливо ждала, пока он, при этом пошатываясь, обссыкал свои любимые водосточные трубы. Ему было уже пятнадцать лет - староват как для корги. Тем временем она засмотрелась на белое сияние, которое отсвечивалось на южном небосклоне. Ей это напомнило кадр из какого-то фантастического фильма Стивена Спилберга. Сияние нарастало, до нее доносили звуки чуп-чуп-чуп, вертолеты лопотали чуть слышно, однако непрерывно. И сколько же это они там понаставили прожекторов? Такое впечатление, словно Северный Моттон превратился в аэродром где-то в Ираке.

Теперь Горес уже лениво кружил, вынюхивая себе удобное место для завершения вечернего ритуала испражнения, исполняя вечно модный собачий вальс «Какашечка». Джулия воспользовалась паузой, чтобы вновь подвергнуть испытанию свой мобильный. Как почти во всех случаях в этот вечер, телефон сначала выдал несколько нормальных гудков… и тогда окончательно замолчал.

«Мне придется печатать газету на ксероксе. Это означает - максимум семьсот пятьдесят экземпляров».

«Демократ» уже двадцать лет, как не печатался автономно. С 2002-го Джулия каждую неделю отвозила макет в типографию «Вью Принтинг» в Касл Роке, а теперь она даже этого не должна была делать. Каждый вторник вечером она просто отсылала гранки по электронной почте, и уже на следующий день, еще до семи утра, из «Вью Принтинг» привозили готовые, аккуратно запакованные в пластик, экземпляры газеты. Для Джулии, выросшей с корректорским карандашом при машинописных листах, которые, после завершения работы с ними, назывались «пригвожденными», такой процесс выглядел магией. И, как всякая магия, казался немного ненадежным.

Сегодня ее недоверие получило подтверждение. Компьютерную верстку она еще, наверняка, способна переслать в «Вью Принтинг», но никто не в силах привезти сюда утром готовые газеты. Она подумала, что утром никто не сможет подойти к границам Милла ближе, чем на пять миль. По всему периметру. На ее счастье, в бывшей комнате для печати стоял большой мощный генератор, фотокопировальная машина была - зверь, Джулия также имела запас бумаги, свыше пятисот пачек. Если удастся привлечь на помощь Пита Фримэна… или Тони Гая, который пишет о спорте…

Тем временем Горес наконец-то принял позу. Когда он закончил свое дело, за дело принялась она с маленьким зеленым пакетиком, помеченным надписью «Собачий помет», гадая, что подумал бы Горес Грили об этом мире, в котором сбор из водосточных труб собачьего дерьма является не просто социально ответственным действием, а прописанным законом обязанностью. Он бы, наверняка, застрелился, подумалось ей.

Заполнив и завязав пакет, она вновь попробовала позвонить.

Безрезультатно.

Джулия отвела Гореса домой и накормила.

4

Мобильный зазвонил, когда она застегивала плащ, собираясь ехать к барьеру. Поковырявшись в кармане, она едва не упустила на землю камеру, которую перед тем повесила себе на плечо. Надыбала телефон, взглянула на входящий номер и увидела надпись АНОНИМНЫЙ.

- Алло? - произнесла она, и что-то такое, вероятно, было в ее голосе, потому что Горес в ожидании под дверями теперь, когда его выгуляли и накормили, более чем готовый к ночной экспедиции, насторожил уши и взглянул на неё.

- Миссис Шамвей? - мужской голос, отрывистый, официальный тон.

- Мисс Шамвей. С кем я говорю?

- Говорит полковник Джеймс Кокс, мисс Шамвей. Армия США.

- И чем удостоилась я такого почета, как этот ваш звонок? - она ощутила сарказм в собственном голосе, и ей это не понравилось - это непрофессионально. Но ей было страшно, а сарказм у нее всегда проявлялся как реакция на страх.

- Мне нужно связаться с человеком по имени Дейл Барбара. Вы знаете такого человека?

Конечно, она знала Барбару. И была удивлена, увидев его в этот вечер в «Розе-Шиповнике». Не ополоумел ли он, оставшись в городе, и разве сама Рози не говорила ей вчера, что он предупредил ее о своем увольнении? Случай с Дейлом Барбарой был лишь одной из сотен известных Джулии похожих историй, о которых она так и не написала. Издателю газеты в маленьком городе приходится оставлять не откупоренными много банок с червями. Тебе нужно выбирать свое поле боя. Так же, как - она была в этом уверена - его избрали для себя Джуниор Ренни с его друзьями. Вместе с тем, она имела большие сомнения в отношении истинности сплетен о связи между Барбарой и Энджи, наилучшей подругой Доди. Прежде всего, потому, что Барбара, по ее мнению, имел более изысканный вкус.

mir-knigi.org

- Мисс Шамвей? - Холодно, официально. Голос снаружи. Еще и поэтому ее должен был бы раздражать этот голос. - Вы здесь?

- Я здесь. Да, я знаю Дейла Барбару. Он готовит в ресторанчике на Мэйн-стрит. И что?

- Похоже, он не имеет мобильного телефона, а ресторан не отвечает…

- Там закрыто…

- …а проводная связь, конечно же, не работает.

- Кажется, в нашем городе сегодня ничто не работает надлежащим образом, господин полковник Кокс. Включая мобильные телефоны. Хотя я заметила, что вы без каких-либо проблем до меня дозвонились, что наводит на мысли, что именно на вас лежит ответственность за все это. - Эта ее гневная тирада - как и сарказм, порождение страха - саму ее удивил. - Что вы наделали? Люди, что это вы там наделали?

- Ничего. Насколько мне известно, ничего.

Ее это так удивило, что она растерялась, не зная, что сказать дальше. Это было так не похоже на ту Джулию Шамвей, которую хорошо и давно знали жители Милла.

- Что касается мобильных, да, - произнес он. - Входящие и исходящие звонки из Честер Милла сейчас заблокированы. В интересах национальной безопасности. И, со всем моим уважением, мэм, на нашем месте вы поступили бы так же.

- Сомневаюсь.

- На самом деле? - произнес он заинтересованно, но не гневно. - В беспрецедентной для всего мира ситуации, где задействована технология настолько далекая от понимания нами и кем-либо ещё?

И вновь она промолчала, промедлив с ответом.

- Мне сейчас важно поговорить с капитаном Барбарой, - произнес он, возвратившись к оригинальному сценарию. Собственно, Джулия была удивлена, что он вообще так далеко отошел от своего первого вопроса.

- Капитаном?

- В отставке. Вы можете его найти? Возьмите с собой мобильный телефон. Я дам вам номер, по которому звонить. Этот канал проходной.

- Почему я, господин полковнику? Почему бы вам не позвонить по телефону в нашу полицию? Или кому-то из городских выборных? Я уверена, что все трое в городе.

- Даже не буду стараться. Я сам вырос в маленьком городке, мисс Шамвей…

- Счастливчик.

- … и опыт мне подсказывает, что городские политики знают мало, городские копы много, а издатель городской газеты знает все.

Против воли она расхохоталась на эту его фразу.

- Зачем вам канителиться с телефонным звонком, если вы можете встретиться с ним с глазу на глаз? В моем сопровождении, конечно. Кстати, я как раз выходила из дома, чтобы поехать к своей стороне барьера, когда вы позвонили. Найду Барби, и мы…

- Он так себя по-старому и называет, неужели? - изумленно переспросил Кокс.

- Я его разыщу и привезу с собой. Устроим мини-пресс-конференцию.

- Я не в Мэне. Я в округе Колумбия. На Объединенном комитете начальников штабов.

- Я должна быть впечатлена? - И так оно и было, честно говоря.

- Мисс Шамвей, у меня нет лишнего времени, думаю, у вас тоже. Итак, в интересах успешного решения этой проблемы…

- А это возможно, как вы считаете?

- Перестаньте, - оборвал он ее. - Не имею сомнений, прежде чем возглавить газету, вы были репортером, я уверен, задавать вопросы для вас вполне естественно, но сейчас фактор времени - главный. Вы можете выполнить мою просьбу?

- Могу. Но если вам нужен он, вы получаете и меня. Мы выедем на шоссе 119 и оттуда позвоним по телефону вам.

- Нет, - произнес он.

- Чудесно, - ласково откликнулась она. - Весьма приятно было посплетничать с вами, господин полковни…

- Дайте мне договорить. С вашей стороны шоссе № 119 полностью ФУБАР[94]. Это означает…

- Мне известно это выражение, полковник, я читала книжки Тома Кленси[95]. Что именно вы имели в виду по отношению к шоссе 119?

- Я хотел сказать, что сейчас там, извините за вульгарность, как в ночь открытых дверей в бесплатном борделе. Половина населения вашего города заставили своими легковушками и пикапами обе обочины дороги и часть какого-то пастбища.

Она положила фотоаппарат на пол, достала из кармана плаща блокнот и записала: пол. Джеймс Кокс и Ночь откр. дверей в беспл. борделе. Потом добавила: ферма Динсмора? Конечно же, наверняка, он имеет в виду луг Алдена Динсмора.

- Хорошо, - согласилась она. - Что вы предлагаете?

- Ну, я не могу вам помешать с ним приехать, здесь вы правы, - вздохнул он, словно жалуясь на несправедливость мира. - Не могу также запретить вам напечатать что-либо в вашей газете, хотя, думаю, это не имеет значения, все равно никто за пределами Честер Милла ее не увидит.

Ее улыбка увяла.

- Вы не хотели бы это прояснить?

- Охотно, в скором времени, а выводы вы потом сделаете сами. Мое предложение таково: если вы желаете увидеть барьер - хотя на самом деле его увидеть невозможно, я уверен, вам об этом

уже рассказывали, - привозите капитана Барбару туда, где барьер перерезает дорогу номер три. Вы знаете, где проходит дорога номер три?

Какое-то мгновение она не могла припомнить. И вдруг поняла, что он имеет в виду, и расхохоталась.

- Что вас так развеселило, мисс Шамвей?

- У нас, в Милле, люди называют эту дорогу Малая Сука. Потому что в дождливый сезон она действительно превращается в суку.

- Весьма колоритное название.

- Я так поняла, что на Малой Суке сейчас нет никакой толпы?

- Именно сейчас ни единой души.

- Хорошо, - она положила блокнот в карман и подобрала фотоаппарат. Горес терпеливо ждал, сидя под дверяи.

- Хорошо, когда мне ждать вашего звонка? То есть звонка Барби с вашего мобильного?

Она кинула взгляд себе на запястье, увидев, что сейчас уже около десяти часов. Как это, ради Бога, так быстро минуло время?

- Мы будем там где-то в десять тридцать, конечно же, если я смогу его найти. А я думаю, что смогу.

- Очень хорошо. Передайте ему привет от Кена. Это…

- Шутка, конечно, понимаю. Кто-то нас встретит?

Зависла пауза. Когда он заговорил вновь, в его голосе слышалось сомнение.

- Там прожектора, и дежурные возле шлагбаума, но им приказано не разговаривать с жителями.

- Почему это, зачем? Боже прости, почему?

- Если эта ситуация не разрешится, мисс Шамвей, для вас все со временем станет понятно. Вы и сейчас можете почти все высчитать сами - мне вы кажетесь довольно умной женщиной.

- Ёб же вашу мать, полковник! - вскрикнула она, потому что достало. Горес возле дверей насторожил уши.

Кокс засмеялся, искренне, не оскорбленно.

- Да, мэм, слышу вас четко, ясно. Итак, в десять тридцать?

Ей хотелось сказать ему «нет», но, конечно, она себе этого позволить не могла.

- Десять тридцать. Если я его разыщу. Мне вам позвонить?

- Либо вы, либо он, но поговорить я хочу именно с ним. Буду ждать, держа руку на телефоне.

mir-knigi.org

- Тогда говорите мне ваш магический номер.

Она зажала телефон между ухом и плечом и вновь добыла из кармана блокнот. Всегда так: только спрячешь блокнот, как он тебе вновь нужен; этот факт ей доказала жизнь, когда она еще работала репортером, и вот теперь она вновь в этой роли. Произнесенный им номер почему-то напугал ее больше всего из того, что он ей наговорил перед тем. Код начинался с трех нулей: 000.

- Вот что еще, мисс Шамвей: у вас нет имплантатов, типа сердечного стимулятора или вживленного слухового аппарата? Ничего такого нет?

- Нет. А в чем дело?

Она подумала, что он вновь не захочет объяснять, но ошиблась.

- При приближении к Куполу проявляется какое-то излучение. Для большинства людей оно безопасное, они ощущают разве что слабенький электрический ток, и это ощущение проходит через пару секунд, но на электронные устройства оно действует ужасно. Некоторые перестают работать - большинство мобильных телефонов при приближении ближе, чем на пять футов, - а другие взрываются. Если вы привезете с собой обычный магнитофон, он просто заглохнет. Если у вас «Ай-Под» или другое сложное устройство, типа «Блэк-Берри»[96], они взорвутся.

- Значит, у Дюка Перкинса взорвался стимулятор? Он из-за этого погиб?

- Десять тридцать. Привозите Барби и не забудьте передать ему привет от Кена.

Он дал отбой, оставив Джулию стоять в коридоре рядом с ее псом. Она попробовала позвонить своей сестре в Льюистон. Пропикало несколько гудков… а потом тишина. Сплошная тишина, как и перед этим.

«Купол, - припомнила она. - Под конец он уже не говорил «барьер»; он назвал это Куполом».

5

Барби, уже без рубашки, сидел на кровати и расшнуровывал кеды, когда послышался стук в двери, к которым со двора вел один лестничный пролет вдоль боковой стены семейной аптеки Сендерса. Этот стук был уже лишним. Он проходил пешком почти весь день, потом, нацепив фартук, почти весь вечер работал на кухне. И сейчас чувствовал себя напрочь разбитым.

А если там Джуниор с несколькими приятелями, готов устроить пышную вечеринку в честь его возвращения? Можете считать это маловероятным, даже параноидальным предположением, но весь этот день был напрочь заполненный невероятностями. Кроме того, ни Джуниора, ни Фрэнка Делессепса, ни остальных членов их ватаги он не видел сегодня в «Розе-Шиповнике». Возможно, они ошивались где-то на 119-м или на 117-м шоссе, подумал он, ловили ворон, однако кто-то мог им сообщить, что он вернулся в город, и они договорились заявиться к нему попозже. Скажем, сейчас.

Вновь прозвучал стук. Барби встал и положил руку на портативный телевизор. Не очень удобное оружие, но тому, кто первый отважится вломиться через двери, вреда наделает. Есть еще деревянная перекладина в стенном шкафу, но все три комнатушки здесь маленькие, а эта палка слишком длинная, чтобы эффективно ей вымахивать. У него был также швейцарский армейский нож, но ему не хотелось кого-то порезать. По крайней мере, пока не будет вынужд…

- Мистер Барбара? - голос был женский. - Барби? Вы здесь?

Он убрал руку с телевизора и пересек кухню.

- Кто там? - спросил, за мгновение до этого уже узнав голос за дверьми.

- Джулия Шамвей. У меня для вас сообщение от кое-кого, кто желает с вами поболтать. Он просил меня передать вам привет от Кена.

Барби открыл двери, впустив ее в дом.

6

В обшитый сосной зал заседаний, который находился в цокольном помещении городского совета Честер Милла, тарахтение старого генератора «Келвинейтор»[97] долетало со двора едва слышным жужжанием. Хороший, двенадцатифутовой длины стол посредине комнаты был сделан из отполированного до блеска красного клена. Большинство стульев, расставленных вокруг стола, в этот вечер стояли свободными. Четверо участников мероприятия, которое Большой Джим окрестил Чрезвычайным стратегическим заседанием, скучились около одного торца. Сам Большой Джим, хотя всего лишь второй выборный, занимал центральное место. Карта позади его демонстрировала город в форме спортивного носка.

За столом сидели выборные и Питер Рендольф, действующий шеф полиции. Единственным, кто полностью держал здесь себя в руках, был сам Ренни. Рендольф имел вид ошарашенный и напуганный. Энди Сендерс, конечно, был подавлен горем. А Эндрия Гриннел - полная, седеющая версия своей младшей сестры Рози - только казалась взволнованной. Обычное дело.

Лет пять назад, в январе, Эндрия, идя утром к почтовому ящику, поскользнулась у себя на обледеневшей подъездной аллее. Упала она достаточно сильно, чтобы у нее треснули два позвоночных диска (этому не могли не поспособствовать фунтов девяносто лишнего веса). Для уменьшения ее, безусловно, сильной боли доктор Гаскелл приписал ей новое чудо-лекарство оксиконтин[98]. И с того времени не переставал их для нее выписывать. Благодаря своему доброму другу Энди, Большой Джим знал, что Эндрия, начав когда-то с сорока миллиграммов в день, дошла теперь до головокружительных четырехсот. Весьма полезная информация.

Начал Большой Джим.

- Поскольку Энди испытал тяжелую утрату, эту нашу встречу, если никто не имеет ничего против, собираюсь возглавить я. Нам всем очень жаль, Энди.

- Ваша правда, сэр, - поддакнул Рендольф.

- Благодарю вас, - ответил Энди и, как только Эндрия на мгновение накрыла его ладонь своей, слезы вновь начали течь у него из уголков глаз.

- Итак, все мы имеем какое-то представление о том, что именно у нас случилось, - произнес Джим. - Хотя пока что никто в городе этого не понял…

- Я уверена, что никто и за городом, - вмешалась Эндрия.

Большой Джим ее проигнорировал.

- …а военные, хотя и прибыли, не считают нужным установить связь с легитимно избранными

руководителями города.

- Проблемы с телефонами, сэр, - сообщил Рендольф.

Со всеми присутствующими здесь людьми Рендольф по обыкновению был на «ты», они звали друг друга по имени (а Большого Джима он вообще считал своим другом), однако в этой комнате, думал он, умнее будет обращаться к каждому соответственно «сэр» или «мэм». Перкинс вел себя только так, и, по крайней мере, в этом старик был прав.

Большой Джим отмахнулся рукой, словно прогнал какую-то назойливую муху.

- Кто-то из них мог бы подойти со стороны Моттона или Таркера и послать за мной – за нами, - однако никто не соизволил этого сделать.

- Сэр, ситуация все еще очень… гм, переменчивая.

- Конечно, конечно. И вполне возможно, именно поэтому никто нас до сих пор не ввел в курс дела. Это вполне возможно, о да, и я молюсь, чтобы причина состояла именно в этом. Надеюсь, вы все молитесь.

Все покорно кивнули.

- Но сейчас… сейчас, - Большой Джим окинул присутствующих серьезным взглядом. Он чувствовал себя серьезным. Но вместе с тем и торжественным. Настроенным. Ничего невозможного нет, подумал он, в вероятности того, что его портрет еще до конца текущего года окажется на обложке журнала «Тайм». Катастрофа - особенно та, где замешаны террористы - не такая уже и плохая штука. Достаточно вспомнить, что она принесла Рыжему Джулиани[99]. - Именно сейчас, леди и джентльмены, я думаю, мы столкнулись с абсолютно реальной вероятностью того, что нас бросили на произвол судьбы.

Эндрия прикрыла себе рот рукой. Глаза ее горели то ли от ужаса, то ли от излишка наркотика. Вероятно, от того и другого вместе.

- Этого не может быть, Джим!

- Надеемся на лучшее, готовимся к худшему, так любит говорить Клодетт, - заговорил глубоко отсутствующим тоном Энди. - Любила, то есть. Сегодня утром она приготовила мне замечательный завтрак. Яичницу с остатками сыра тако[100]. Боже!

Слезы, который чуть было попритихли, вновь начали струиться из его глаз. Эндрия вновь положила руку на его ладонь. На этот раз Энди ответил ей рукопожатием. «Энди и Эндрия, - подумал Большой Джим, и нижняя половина его лица скривилась в едва заметной ухмылке. - Близнецы Долбодятлы».

- Надеемся на лучшее, готовимся к худшему, - повторил он. Какое мудрое выражение. Худшее в данном случае - это несколько дней прожить отрезанными от внешнего мира. Или неделю. Хотя, возможно, и месяц.

Сам он в такое развитие событий не верил, но, если их напугать, они быстрее согласятся на его предложение.

Откликнулась Эндрия:

- Да не может быть!

- Нам просто ничего доподлинно неизвестно, - сказал Большой Джим, и это была истинная правда. - Откуда нам знать?

- Может, нам следует закрыть «Фуд-Сити», - произнес Рендольф. - Хотя бы на время. Если мы этого не сделаем, туда может рвануть такая толпа, как перед метелью.

Ренни ощутил раздражение. Он приготовил план, и этот вопрос был в его списке, но он стоял далеко не первым.

- Хотя это, вероятно, не очень удачная идея, - поспешил Рендольф, заметив выражение лица второго выборного.

- Именно так, Пит. Мне эта идея кажется неуместной, - сказал Большой Джим. - Тут надо действовать по тому же принципу, когда банк нельзя закрывать на выходной, если у него туго с денежной наличностью. Так лишь спровоцируешь панику.

- Мы также будем обсуждать и закрытие банков? - переспросил Энди. - А что делать с банкоматами? Например, у Брауни… в «Топливе & Бакалее»… и в моей аптеке тоже… - На лице у него застыло сомнение, и вдруг оно, просияло. - Кажется, я видел банкомат даже в поликлинике, хотя не совсем уверен в этом…

В какое-то мгновение Ренни удивился, не угощает ли порой этого человечка своими пилюлями Эндрия.

- Энди, я сказал о банке в переносном смысле, - ласково, по-доброму объяснил он. Вот так оно всегда и бывает, когда люди начинают блуждать в мыслях вне плана. - В подобных ситуациях еда - это те самые деньги, в некотором смысле. Повторяю, бизнес должен работать как обычно. Это будет успокаивать народ.

- Ага, - бросил Рендольф, это ему было понятно. – До меня дошло.

- Однако тебе нужно поболтать с директором этого супермаркета, как его фамилия, Кэйд?

- Кэйл, - доложил Рендольф. - Джек Кэйл.

- А также с Джонни Карвером из «Топлива & Бакалеи» и еще из… кто там, на хрен, руководит магазином «Брауни» после смерти Дил Браун?

- Велма Винтер, - произнесла Эндрия. - Она нездешняя, из другого штата, но впрочем, очень деликатная.

Ренни удовлетворенно отметил, что Рендольф все имена записывает себе в блокнот.

- Расскажите им всем троим, что продажа пива и алкоголя прекращается до особого распоряжения, - его лицо скривилось в довольной улыбке, достаточно трусливой. - А «Диппер» закрываем.

- Многим людям не понравится запрет на выпивку, - заметил Рендольф. - Таким, как Сэм Вердро.

Вердро был самым прославленным городским пьяницей, показательным доказательством того - по мнению Большого Джима, - что акт Уолстеда[101] отнюдь не следовало бы отменять.

- Пусть Сэм и все ему подобные немножечко помучаются, когда с продажи на некоторое время исчезнет пиво и кофейный бренди. Мы не можем позволить, чтобы половина жителей нашего города понапивались, как на новогодние праздники.

- А почему бы и нет? - удивилась Эндрия. - Выпьют все свои запасы, да и все.

- А если начнут бунтовать?

Эндрия промолчала. Она не понимала, зачем людям поднимать бучу, если они будут иметь достаточно еды, но спор с Джимом Ренни, как ей было известно по опыту, как правило, оказывался непродуктивным, и всегда утомительным.

- Я пошлю парочку ребят, чтобы с ними поболтали, - пообещал Рендольф.

- С Томми и Виллой Андерсонами поговори лично. - Андерсонам принадлежал «Диппер». - Они неблагонадежные, - едва ли не прошептал он. - Экстремисты.

Рендольф кивнул.

- Левые. У них над стойкой бара висит портрет дядюшки Барака.

- Именно так. - «К тому же, - этого он не имел намерения высказывать вслух, - Дюк Перкинс позволил этим двум никчемным хиппи встать на ноги с их танцами, громким рок-н-роллом и попойками до часа ночи. Прикрывал их. Стоит только вспомнить, к каким неприятностям все это привело моего сына с его друзьями». Он обратился к Энди Сендерсу: - И тебе тоже нужно спрятать под замок все лекарства, которые продаются только по рецепту. Конечно, не назонекс, и не лирику[102], ничего такого. Сам знаешь, какие я имею в виду.

- Все, что можно использовать как наркотики, - пролепетал Энди, - у меня и так всегда под замком. - Ему явным образом стало не по себе от темы, в которую перешла их беседа. Ренни знал почему, но сейчас он не обращал внимание на прибыли их предприятий, его ждали более неотложные дела.

- Все равно, лучше дополнительные меры безопасности.

На лице Эндрии отразилась паника. Энди похлопал ее по руке.

- Не волнуйся, у нас всегда хватит, чтобы помочь тем, кому действительно нужна помощь.

Эндрия ответила ему улыбкой.

- Итак, подведем черту, наш город должен оставаться в трезвости, пока не завершится этот кризис, - произнес Большой Джим. - Все согласны? Прошу проголосовать.

Руки поднялись вверх.

- А теперь позвольте мне вернуться к тому, с чего я хотел бы начать, - сказал Ренни и посмотрел на Рендольфа, который растопырил руки в жесте, который мог одновременно означать и «милости прошу», и «извиняюсь».

- Мы должны признать, что люди испугаются. А когда люди напуганы, они склонны к хулиганским проявлениям, пьяные они, или нет.

Эндрия посмотрела на консоль справа от Большого Джима, на ней были установлены тумблеры

и регуляторы телевизора и радиоприемника, а также и магнитофона - инновации, которую ненавидел Большой Джим.

- Может, надо включить запись?

- Не вижу надобности.

Проклятая звукозаписывающая система (тень Ричарда Никсона[103]) была идеей назойливого медика по имени Эрик Эверетт, тридцати-с-чем-то летней занозы в сраке, которого весь город называл Расти. Эверетт подбил народ на магнитофон во время общего городского собрания два года назад, представляя эту идею как большой шаг вперед. Тогда это предложение стало неприятным сюрпризом для Ренни, которого редко чем можно было удивить, особенно если это старался сделать какой-то политический аутсайдер.

Большой Джим заметил тогда, что это неразумные расходы. Такая тактика обычно прекрасно действовала с этими экономными янки, но не в тот раз; Эверетт представил цифры, наверняка, предоставленные ему Дюком Перкинсом, и сообщил, что восемьдесят процентов оплатит федеральное правительство. Какой-то там фонд помощи пострадавшим от стихийных бедствий или что-то такое; крохи, оставшиеся после расточительных лет правления Клинтона. И Ренни ощутил себя в глухом углу.

Такое случалось нечасто, и это ему очень не нравилось, но он подвизался на ниве политики намного больше лет, чем Эрик Эверетт дрочил свою простату, и потому знал, что между поражением в битве и проигранной войной очень большое различие.

- Не нужно ли, чтобы кто-то вел протокол? - растерянно спросила Эндрия.

- Думаю, лучше нам все обсудить неформально, по крайней мере, сейчас, - заметил Большой Джим. - Просто между нами четырьмя.

- Ну… если ты так считаешь…

- Двое могут сохранить тайну, только если один из них мертвый, - задумчиво произнес Энди.

- Твоя правда, друг, - согласился Ренни, словно в этом был какой-либо смысл, и обратился вновь к Рендольфу. - Хочу подчеркнуть, что основной нашей задачей, нашей главной обязанностью перед городом является поддержание порядка на протяжении всего этого кризиса, для чего нужно приложить максимум усилий полиции.

- К черту, да! - поддакнул умник Рендольф.

- И сейчас, когда, я уверен, что шеф Перкинс смотрит на нас с неб… - С моей женой, с Клоди, - вставил Энди и трубно высморкался, без чего Большой Джим вполне мог бы обойтись. Однако он похлопал Энди по свободной руке.

- Правду говоришь, Энди, они оба сейчас вместе купаются в лучах Иисусовой славы. Но нам здесь, на земле… Пит, какими силами ты располагаешь?

Большой Джим знал ответ. Он знал ответы на большинство своих вопросов. Это очень облегчало ему жизнь. В полицейском участке Честер Милла зарплату получало восемнадцать офицеров, двенадцать по полной ставке и шесть занятых частично (все последние старшие шестидесяти, благодаря чему их услуги стоили чарующе дешево). Из этих восемнадцати, он был уверен, пятеро полноценных полицейских находились за пределами города; кое-кто в этот

день поехал с женами и семьями на матч школьных футбольных команд, а кто-то на учения пожарных в Касл Рок. Шестой, Дюк Перкинс, умер. И, хотя Ренни никогда в жизни плохого слова не сказал о мертвых, он был уверен, что городу будет лучше с Перкинсом на небесах, чем когда он находился здесь, на земле, и старался мутить всякую хренотень, хотя и без толку, с этими его ограниченными возможностями.

- Вот что должен вам сказать, господа, - произнес Рендольф. - Здесь не все обстоит благополучно. Сейчас в наличии Генри Моррисон и Джеки Веттингтон, оба вместе со мной первыми отреагировали на Код Три (ревун). В наличии также Руп Либби, Фрэд Дентон и Джордж Фредерик - хотя с его астмой не знаю, какая от него польза. Он уже в конце этого году планировал уйти на досрочную пенсию.

- Бедный старый Джордж, - произнес Энди. - Он только и живет, потому что употребляет адвер[104].

- А Марти Арсенолт и Тоби Велан, как вам известно, тоже не очень на что-то способны. Линда Эверетт единственная из частично занятых полицейских, которую я мог бы назвать вполне адекватной. Ну, не могло это случиться в еще худшее время, как между футбольным матчем и учениями пожарных.

- Линда Эверетт? - переспросила Эндрия, на удивление заинтересованно. - Жена Расти?

- Тьфу! - Большой Джим часто позволял себе тьфу, когда его что-то раздражало. - Она же всего-навсего высокомерная регулировщица пешеходных переходов около школы.

- Да, сэр, - подтвердил Рендольф. - Но в прошлом году она прошла спецподготовку на окружном стрельбище в Касл Роке и имеет право носить оружие. Нет причин ей не выходить на дежурство вооруженной. Возможно, не на полный график, у Эвереттов пара детей, однако она вполне способна тянуть наше общее дело. Сейчас же кризис, в конце концов.

- Конечно, вне всяких сомнений.

Впрочем, самому Ренни такая перспектива казалась весьма неприятной, чтобы эти Эверетты выскакивали, словно те черти из коробки, всюду, где будет появляться он. Короче: он не хотел иметь в своей команде жену этого никчемы. Во-первых, она еще слишком молода, ей лет тридцать, не больше, да еще и красива, как дьяволица. Поэтому, бесспорно, отрицательно будет влиять на других. Красивые женщины всегда оказывают плохое влияние. Достаточно ему и одной Веттингтон с ее огромными сиськами.

Итак, - продолжил Рендольф. - Имеем только восемь человек из восемнадцати.

- Ты забыл посчитать себя, - заметила Эндрия.

Рендольф хлопнул себя по лбу тыльной стороной ладони, словно переключил в голове трансмиссию.

- Конечно же, точно, девять.

- Мало, - сказал Ренни. - Нам надо увеличить силы. Только временно, вы же понимаете, пока эта ситуация не рассосется.

- Кого вы предлагаете, сэр? - спросил Рендольф.

mir-knigi.org

- Прежде всего, моего мальчика.

- Джуниора? - свела брови Эндрия. - Он же по возрасту еще даже голосовать не может… не так ли?

Большой Джим на мгновение представил себе мозг Эндрии: пятнадцать процентов в нем занимают сайты ее любимых интернет-магазинов, восемьдесят процентов наркозависимые рецепторы, два процента память и три процента - процесс рационального мышления. Ничего не поделаешь, с этим ему приходится работать. А впрочем, напомнил он себе, кто имеет глуповатых коллег, у того и жизнь проще.

- Ему уже двадцать один год. В ноябре исполнится двадцать два. И также, к счастью или по Божьей милости, он на этот уик-энд прибыл домой, он не в колледже.

Питер Рендольф знал, что Джуниор Ренни сейчас не в колледже, и не только на уик-энд, а насовсем - он прочитал об этом в блокноте, который лежал около телефона в кабинете его покойного шефа, хотя не имел понятия, которым образом Дюк получил эту информацию, и почему он считал ее настолько важной, чтобы записать. Там также было написано еще кое-что: расстройство личности?

Однако сейчас, наверняка, не то время, чтобы делиться этой информацией с Большим Джимом.

Ренни продолжал, теперь уже зажигательным тоном ведущего игрового шоу, который объявляет приз в дополнительном туре.

- Кроме того, у Джуниора есть трое друзей, которые тоже могут пригодиться, это Фрэнк Делессепс, Мэлвин Ширлз и Картер Тибодо.

И вновь на лице Эндрии отразилось волнение.

- Хм… а разве это не те ребята… юноши… причастные к стычке около «Диппера»?…

Большой Джим подарил ей такую злую улыбку, что Эндрия вжалась вглубь кресла.

- Это дело слишком раздули. К тому же оно было вызвано алкоголем, как и большинство таких недоразумений. Плюс, зачинщиком всего там выступил этот Барбара. Вот поэтому никакого протокола не было составлено. Одни слухи, и ни чего более. Или я не прав, Питер?

- Абсолютно прав, - подтвердил Рендольф, хотя и сам выглядел взволнованным.

- Все эти ребята старше двадцати одного года, а Картеру Тибодо, кажется, уже двадцать три.

Тибодо действительно было двадцать три года, и в последнее время он работал на полставки автомехаником в «Топливе & Бакалее». Из двух предыдущих мест работы его выгнали – из-за вспыльчивости, как слышал Рендольф, - но в «Топливе & Бакалее» он, как казалось, стал смирнее. Джонни говорил, что у него никогда не было лучшего специалиста по выхлопным системам и электрооборудованию.

- Они все вместе охотятся, не плохие стрелки…

- Господи, помилуй, чтобы не появилось необходимости нам в этом убедиться, - проговорилась Эндрия.

- Никто ни в кого не будет стрелять, Эндрия, никто не предлагает сделать этих ребят

полноправными офицерами полиции. Я лишь подчеркиваю, что мы должны заполнить большой пробел в численности, и сделать это быстро. Что насчет этого, шеф? Они могут послужить, пока не завершится кризис, а мы им заплатим из чрезвычайного фонда.

Рендольфу не нравилась сама мысль о том, что по улицам Честер Милла будет прогуливаться вооруженный Джуниор - Джуниор, с его возможным расстройством личности, - но ему также и не нравилась мысль, что он может перечить Большому Джиму. Да и вообще это неплохая идея - иметь под рукой несколько дополнительных верзил. Пусть даже таких молодых. Он не ожидал проблем в городе, но этих ребят можно направить присматривать за толпой на главных дорогах, которые упираются в барьер. Если этот барьер еще будет существовать. А если нет? Тогда и проблема решится сама собой.

Он нацепил на лицо улыбку командного игрока.

- Знаете, мне кажется прекрасная идея. Пришлите их в участок завтра утром, где-то к десяти…

- Лучше к девяти, Пит.

- Девять утра, это хорошо, - замечтавшись, подал голос Энди.

- Есть какие-то замечания? - спросил Ренни.

Замечаний не было. Лишь Эндрия словно бы хотела что-то сказать, и не смогла припомнить, что именно.

- Тогда я ставлю на голосование, - произнес Ренни. - соглашается ли совет с предложением к действующему шефу Рендольфу принять Джуниора, Фрэнка Делессепса, Мэлвина Ширлза и Картера Тибодо помощниками на ставку? Срок их службы будет продолжаться, пока не разрешится эта проклятая бессмысленная ситуация. Кто за, голосуйте, как обычно.

Все подняли руки.

- Вопрос приня…

Окончание фразы перебили два взрыва, которые прозвучали, как пушечные залпы. Все подскочили. А потом и третий выстрел, и тут уже Ренни, который проработал едва ли не всю жизнь с двигателями, понял, что это такое.

- Расслабьтесь, друзья. Это просто выхлопы. Прокашлялся генера…

Старенький генератор стрельнул в четвертый раз и заглох. Потух свет, оставив их на мгновение в кромешной темноте. Эндрия вскрикнула.

Слева от Ренни подал голос Энди Сендерс.

- О Господи, Джим, пропан…

Ренни быстро нащупал плечо Энди и сдавил. Энди заткнулся. Едва Ренни ослабил свою хватку, как в длинный, обшитый сосновыми панелями зал, вновь вполз свет. Не яркий верхний, а тусклый свет аварийных светильников, вмонтированных по всем углам помещения. В этом тусклом свете, собранные около северного торца стола лица приобрели желтизну и постарели. Они выглядели испуганными. Даже Большой Джим Ренни имел испуганный вид.

- Без проблем, - провозгласил бодро Рендольф, однако прозвучало это у него скорее

искусственно, чем естественно. - Просто бак опустел, вот и все. На городском складе полно горючего.

Энди украдкой взглянул на Большого Джима. Он едва повел глазом, но Ренни показалось, что Эндрия заметила. Какие она может сделать из этого выводы, это другое дело.

«Она забудет обо всем уже после следующей дозы оксиконтина, - успокоил он себя. - Уже завтра утром ничего не будет помнить».

Сейчас он не очень беспокоился о городских запасах пропана - или, лучше, их отсутствии. Это дело он решит, когда возникнет насущная необходимость.

- О'кей, друзья, я понимаю, вам не меньше, чем мне не терпится убраться отсюда, поэтому давайте перейдем к следующему вопросу. Я считаю, мы должны официально утвердить Пита нашим шефом полиции, пока что временно.

- Конечно, а почему бы и нет? - произнес Энди, утомлено так произнес.

- Если возражений нет, - продолжил Большой Джим. - Объявляю голосование.

Они проголосовали так, как ему хотелось.

Проголосовали как всегда.

7

Джуниор сидел на крыльце большого дома Ренни на Милл-Стрит, когда на подъездной аллее вспыхнули фары отцовского «Хаммера». Джуниор был впеолне спокоен. Боль в голову не возвращалась. Энджи и Доди лежали спрятанными в кладовке Маккейнов, там с ними все будет хорошо - по крайней мере, какое-то время. Украденные им деньги вновь вернулись в отцовский сейф. В кармане у него грелся подаренный ему отцом на восемнадцатилетие пистолет 38-го калибра с инкрустированной перламутровой рукояткой. Теперь он может и поболтать со своим отцом. Джуниор внимательно выслушает, что ему скажет Король Не Надо Наличности. Если он ощутит, что отец знает, что наделал его сын, - ему это не казалось возможным, а впрочем, отец всегда знает так много - Джуниор его застрелит. А потом развернет револьвер против себя. Потому что ему некуда убегать, сейчас некуда. А может, и завтра тоже. На обратной дороге домой он немного задержался на городской площади, послушал, о чем там говорят люди. То, о чем там говорилось, звучало безумно, но большое зарево на южном горизонте - и чуть меньшее на юго-западном, где 117-то шоссе вело в Касл Рок - подтверждало, что в эту ночь безумие обращалось правдой.

Дверца джипа приоткрылась и захлопнулась. Отец подошел к нему, размахивая портфелем. На вид он не казался подозрительным, сердитым или осмотрительным. Не произнеся ни слова, он сел на ступеньку рядом с Джуниором. И тогда, захватив сына этим жестом неожиданно, положил юноше ладонь на шею и ласково похлопал.

- Ты слышал? - спросил.

- Кое-что, - ответил Джуниор. - Правда, я не понимаю.

- Никто не понимает. Думаю, впереди у нас несколько трудных дней, пока все не разрешится. И мне нужно тебя кое о чем попросить.

- О чем? - пальцы Джуниора сжали рукоятку пистолета.

- Ты сможешь принять участие? Ты со своими друзьями? С Фрэнки? С Картером и тем парнем, Ширлзом?

Джуниор молчал, ожидая. Что еще там за херня?

- Теперь шефом стал Питер Рендольф. Ему нужны несколько человек для пополнения штата полиции. Надежных людей. Ты не против послужить помощником, пока не закончится эта хреноверть?

Джуниор едва удержался, чтобы не разразиться хохотом. Триумфальным хохотом. Или, скорее, сразу и радостным и победным. Рука Большого Джима все еще лежала у него на затылке. Не давила. Не угнетала. Чуть ли не… гладила.

Джуниор отпустил рукоятку пистолета в кармане. Он осознал, что ему все еще пруха - ему везет так, как никогда не везло.

Сегодня он убил двух девушек, которых знал с самого детства.

А завтра он станет городским полицейским.

- Конечно, отец, - сказал он. - Если мы тебе нужны, мы готовы.

И впервые за последние четыре года (а, вероятно, и больше) он поцеловал отца в щеку.

МОЛИТВЫ

1

Барби и Джулия Шамвей недолго говорили - не было о чем. Барби мысленно заметил, что, кроме их, машин на дороге больше нет, но за городом в большинстве окон фермерских домов горит свет. Здесь, на выселках, где хозяева всегда должны делать какую-то спешную работу, никто не возлагал больших надежд на Энергокомпанию Западного Мэна, и поэтому генераторы имели почти все. Проезжая мимо радиобашни РНГХ, они увидели пару красных огоньков, которые, как всегда, проблескивали на ее верхушке. Электрифицированный крест на фасаде небольшого здания студии горел также - белый лучезарный маяк посреди тьмы. А выше него по небу, также как и обычно, с экстравагантной щедростью были рассыпаны звезды, бесконечное сияние энергии, которое не нуждалось в генераторе.

- Я иногда выбираюсь сюда на рыбалку, - произнес Барби. - Здесь спокойно.

- Ну и как, успешно?

- Рыбы полно, но в воздухе иногда так смердит, словно грязным бельем, что не доведи Господи. То ли удобрениями, то ли еще чем-то, но я так ни разу и не отважился отведать выловленной рыбы.

- Это не удобрения - это чистое дерьмо. Известное также как запах лицемерия.

- Извините?

mir-knigi.org

Она показала на темный силуэт, который врезался шпилем в звездное небо.

- Церковь Святого Христа-Спасителя. Они владеют этой станцией РНГХ, которую мы проехали. Ее еще называют «Радио Иисус», слышали?

- Конечно, я обратил внимание на этот шпиль, - пожал он плечами. - И станцию эту знаю. На нее тяжело не натолкнуться, если живешь здесь и имеешь радиоприемник. Фундаменталисты?

- По сравнению с ними, консервативные баптисты просто пушистики. Сама я хожу в Конго. Потому что не перевариваю Лестера Коггинса, все эти «ха-ха-ха, вот вы попадете в ад, а мы нет», и всякое тому подобное. Кому шелком, а кому волком, вот так. Хотя мне всегда было интересно, откуда у них есть возможность содержать такую мощную, пятидесятикиловаттную радиостанцию.

- Благотворительные пожертвования.

- Мне, наверняка, следовало бы порасспрашивать Джима Ренни, - хмыкнула она. - Он у них дьякон.

Джулии принадлежал чистенький «Приус-Гибрид», автомобиль, который, по мнению Барби, не был к лицу хозяйке чисто республиканской газеты (впрочем, полностью достойный прихожанки Первой Конгрегационной церкви). Но машина ехала почти бесшумно, и радио работало. Единственное что здесь, на западной окраине города, сигнал «Радио Иисуса» был таким мощным, что глушил почти все другое на Fm-частотах. В эту ночь они передавали какую-то ханжескую говно-музыку, от которой Барби ломило голову. Звучало это так, словно польку с сольным аккордеоном чешет какой-то оркестр страдающих от бубонной чумы.

- Почему бы вам не поискать что-то на средних волнах? - попросила она.

Он начал крутить настройку, натыкаясь лишь на пустословное ночное краснобайство, пока в конце шкалы не натолкнулся на какую-то спортивную станцию. Здесь он услышал, что перед плейофф-матчем «Маринерз»[105] и «Рэд Сокс» на их стадионе Фэнвей-Парк в Бостоне была объявлена минута молчания в память о жертвах того, что диктор назвал «коллизией в Западном Мэне».

- Коллизия, - произнесла Джулия. - Термин, вероятно, характерный именно для спортивного комментатора, хотя не так уже и много я их слышала. Можете его выключить.

Где-то через милю после того, как они проехали церковь, сквозь деревья начал проблескивать свет. За очередным поворотом дороги они въехали прямо в ослепительное сияние прожекторов, которые размером были похожи на премьерные «солнца» в Голливуде. Два были нацелены в их сторону, еще пара - прямо вверх. Рельефно выступала каждая колдобина на шоссе. Худыми призраками казались стволы берез. Барби охватило чувство, будто они въезжают прямехонько в какой-то фильм-нуар конца 1940-х.

- Стоп, стоп, стоп, - вскрикнул он. - Ближе не надо. Выглядит так, словно там ничего нет, но поверьте мне, оно там есть. И оно может моментально уничтожить всю электронику вашего автомобильчика, если еще чего-нибудь худшего не наделает.

Остановившись, они вышли из машины. Немного постояли перед ее капотом, жмурясь от ослепительного света. Джулия подняла руку, прикрывая глаза.

Сразу позади прожекторов стояли нос к носу два военного фургона с коричневыми тентами. В

дополнение к этому, по дороге были расставлены козлы, их лапы были закреплены мешками с песком. В темноте равномерно гудели двигатели - не один генератор, а несколько. Барби заметил толстые электрокабели, которые змеями ползли от прожекторов в лес, где за деревьями тлели другие огоньки.

- Они хотят осветить весь периметр, - сказал он и покрутил поднятым вверх пальцем, как бейсбольный судья, который сигнализирует чью-то победу. - Прожектора вокруг всего города, осветить здесь все насквозь и вверху!

- А зачем вверху?

- Чтобы предупредить об угрозе для воздушного движения. Если кого-то вдруг сюда занесет. Думаю, сейчас они больше всего переживают за это. Но завтра воздушное пространство над Миллом будет запечатано не хуже, чем денежный мешок Дяди Скруджа.

В полосах тьмы по бокам прожекторов, однако, видимые в их отражениях, стояли с полдесятка вооруженных солдат в парадной стойке «вольно», спинами к периметру. Наверняка они услышали приближение автомобиля, как тихо бы он не гудел, однако никто не оглянулся в их сторону.

- Эй, ребята! - позвала Джулия.

Никто не обернулся. Барби от них этого и не ожидал (перед выездом, Джулия рассказала ему, что услышала от полковника Кокса), но должен был попробовать. А поскольку он знал толк в знаках различия, то и знал, как именно это сделать. Здешним шоу руководят сухопутные войска - участие Кокса подсказывало ему такое умозаключение, - однако эти ребята не принадлежали к ним.

- Эй, морпехи![106] - позвал он.

Безрезультатно. Барби подошел поближе. Он уже заметил темную горизонтальную полосу, которая повисла в воздухе над дорогой, но пока что игнорировал ее. Его больше интересовали люди, которые охраняли барьер. Или Купол. Шамвей рассказала ему, что Кокс называл эту штуку Куполом.

- Как-то удивительно видеть разведчиков из Корпуса морской пехоты дома, в Штатах, - произнес он, подходя ближе. - Все спецоперации в Афганистане уже завершены, так надо понимать?

Безрезультатно. Он подошел еще ближе. Ему казалось, гравий под его подошвами так громко скрипит, что даже эхо идет.

- Я слышал, в вашей бригаде очень много кошечек. Уже легче. Если бы здешняя ситуация выглядела бы на самом деле плохо, сюда бы наверняка прислали рейнджеров[107].

- Дрочило, - пробурчал кто-то из них.

Не очень значительный успех, но Барби повеселел.

- Бросьте, ребята, бросьте и давайте покалякаем.

Опять безрезультатно. А он уже стоял, чуть ли не вплотную к барьеру (или Куполу). Кожа у него не покрылась пупырышками и волосы не встали торчком на затылке, но он знал, что эта

mir-knigi.org

штука совсем рядом. Он ощущал ее.

И даже видел: полоса висела в воздухе. Ему не ясно было, какого цвета она окажется при дневном свете, хотя он и догадывался, что красного, цвета опасности. Нарисована она была аэрозольной краской, и он мог поспорить на все содержимое своего банковского счета (сейчас там лежало где-то чуть больше пяти тысяч долларов), что идет она вокруг всего барьера.

«Как петля на мешке», - промелькнула мысль.

Сжав кулак, он постучал со своей стороны по полосе, вновь услышав тот самый звук, словно по стеклу. Один из дежурных-морпехов аж подскочил.

- Не думаю, что следует… - начала Джулия.

Барби ее проигнорировал. Его уже начало это бесить. Злость, которая весь день скапливалась в глубине души, получила, наконец, свой шанс. Он понимал, что не следует задрачивать этих ребят, они всего лишь пешки, но удержаться было не под силу.

- Эй, морпехи! Выручайте братана.

- Кончай, чувак.

Хоть тот, кто это сказал, даже не оглянулся, Барби понял, что именно он начальник этой веселой кампании. Знакомая интонация, он сам когда-то такой пользовался. Неоднократно.

- У нас приказ, и лучше ты нас выручи. В другом месте, в другое время я радушно угостил бы тебя пивом или надрал сраку. Но не здесь и не в эту ночь. Что на это скажешь?

- Скажу: хорошо, - ответил Барби. - Однако, поскольку мы по разные стороны общей проблемы, мне от этого не очень радостно. - Он обратился к Джулии. - Где ваш телефон?

- Вам бы и собственный не помешал, - продемонстрировала она ему телефон. - За ними будущее.

- У меня был, - ответил Барби. - Купил дешевку на распродаже. Почти не пользовался. Оставил в ящике, когда пытался удрать из этого городка. Он там и сейчас должен лежать.

Она вручила ему телефонную трубку.

- Номер набирайте сами. Мне надо работать. - Повысив голос, чтобы ее услышали застывшие в тени прожекторного сияния солдаты, она сказала: - Я издатель местной газеты, и хочу снять несколько кадров. - И дальше продолжила еще громче: - Особенно мне пригодятся снимки, где солдаты стоят, повернувшись спинами к городу, находящемуся в затруднительном положении.

- Мэм, я вам не рекомендовал бы этого делать, - откликнулся их командир, коренастый парень с широкими плечами.

- Остановите меня, - предложила она.

- Думаю, вы и сами знаете, что мы не можем этого сделать, - ответил он. - А стоим мы к вам спинами, потому что таков приказ.

- Господин командир, - крикнула она. - Скрутите в трубочку ваши приказы, нагнитесь и засуньте их себе туда, где очень скверное качество воздуха.

В ослепительном свете Барби увидел дивное зрелище: губы ее превратились в сплошную жесткую, безжалостную черточку, а из глаз брызнули слезы.

Пока Барби набирал номер с загадочным кодом, она начала снимать.

Вспышки фотокамеры выглядели тускловато, по сравнению с запитанными от генераторов прожекторами, но Барби заметил, что солдаты вздрагивают с каждым ее кликом. «Наверняка им хотелось бы, чтобы на снимках не было видно их знаков различия», - подумал он.

2

Полковник Армии США Джеймс О. Кокс говорил, что в десять тридцать будет сидеть, держа руку на телефоне. Джулия с Барби приехали чуть позже, и Барби набрал номер где-то в двадцать минут одиннадцатого, однако Кокс, наверное, действительно не убирал руку с аппарата, потому что не успел телефон выдать и половину первого гудка, как бывший командир Барби отозвался.

- Алло, Кен слушает.

Хотя раздражение не покинуло Барби, он все равно рассмеялся.

- Конечно, сэр. А я тот самый сученок, который продолжает встревать во всякие веселые аферы.

Кокс тоже засмеялся, думая, вне всяких сомнений, что начало у них выходит хорошее.

- Как вы там, капитан Барбара?

- Я в порядке, сэр. Но, со всем моим уважением, сейчас я просто Дейл Барбара. Единственное, над чем я теперь могу капитанствовать, это гриль и глубокие сковородки в местном ресторане, к тому же у меня нет сейчас настроения болтать. Я взволнован, сэр, а поскольку вижу перед собой спины целой стаи дрочил-морпехов, которые всячески избегают того, чтобы повернуться и посмотреть мне прямо в глаза, я также еще и весьма возмущен.

- Понимаю. Однако и вы должны кое-что понять, взглянув на это с моей стороны. Если бы те вояки могли чем-то помочь или же положить конец этой ситуации, вы видели бы их лица, а не сраки. Верите мне?

- Я слышу вас, сэр.

На ответ это было мало похоже.

Джулия все еще снимала. Барби отодвинулся на край дороги. Отсюда он рассмотрел за фургонами большую палатку и еще одну, поменьше - наверно, там была столовая, а также заполненную машинами стоянку. Спецподразделения расположились здесь лагерем, а еще более многочисленные лагеря, наверняка, расположены там, где из города ведут 119-е и 117-е шоссе. Итак, это надолго. Его сердце заныло.

- Та газетчица рядом? - спросил Кокс.

- Она здесь. Снимает. И еще, сэр, полная открытость: все, что вы мне скажете, я перескажу ей. Сейчас я на этой стороне.

mir-knigi.org

Джулия прекратила свое занятие и послала Барби улыбку.

- Понятно, капитан.

- Сэр, обращаясь ко мне таким образом, вы не заработаете себе никаких очков.

- Хорошо, пусть будет просто Барби. Так лучше?

- Да, сэр.

- А что касается того, что именно леди захочет опубликовать… ради блага жителей вашего городка, я надеюсь, у нее хватит чувства меры.

- Думаю, да.

- Но если она будет высылать свои снимки по электронной почте на эту сторону - в какие-нибудь новостные службы или, скажем, в «Нью-Йорк Таймс» - с интернетом у вас может случиться то же самое, что и с телефонными кабелями.

- Сэр, это довольно говенная игра…

- Решения принимаются людьми выше моего уровня зарплаты. Я лишь ретранслятор.

Барби вздохнул.

- Я ей скажу.

- Что вы мне скажете? - спросила Джулия.

- Если вы будете стараться передать куда-то ваши снимки, они могут целый город лишить доступа к интернету.

Джулия показала рукой жест, который у Барби слабо ассоциировался с симпатичными леди республиканских убеждений. Он вновь вернулся к телефонному разговору.

- Как много вы мне расскажете?

- Все, что сам знаю, - ответил Кокс.

- Благодарю, сэр.

Хотя у Барби были большие сомнения в отношении искренности Кокса по всем вопросам. Вояки никогда не рассказывают всего, что знают. Или, как им кажется, что знают.

- Мы называем эту вещь Куполом, - сказал Кокс. - Но это не Купол. Во всяком случае, оно нам таким не кажется. Мы считаем, что это такая капсула, стенки которой точно совпадают с границами города. Говоря точно, я именно это имею в виду.

- А вам известно, насколько эта вещь высока?

- Похоже, что поднимается она на сорок семь тысяч футов с небольшим[108]. Нам не известно, верхушка у нее круглая или плоская. Пока что, по крайней мере.

Барби промолчал. От удивления.

mir-knigi.org

- А что касается размеров вглубь… неизвестно. Сейчас нам лишь известно, что глубже сотни футов. Это та глубина, до которой уже дорылись на границе между Честер Миллом и тем поселением, которое лежит на север от вашего города.

- ТР-90, - собственный голос показался Барби каким-то бесцветным, апатическим.

- Между прочим, мы начали в гравийном карьере, который уже имел футов сорок глубины или около того. Я видел спектрограммы, от которых разум закипает. Длинные пласты метаморфической породы разрезаны прямо насквозь. Пропасти нет, но можно заметить сдвиг там, где немного опустилась северная часть геологического пласта. Мы проверили сейсмографические записи метеостанции в Портленде, и вот что. В одиннадцать сорок четыре утра был зафиксирован толчок, 2,1 балла по шкале Рихтера. И вот тогда-то это и случилось.

- Чудесно, - заметил Барби, надеясь, что прозвучало это саркастически, но чувство шока, ошеломления не позволяли ему быть в этом уверенным.

- Все это еще не окончательные данные, но убедительные. Конечно, изучение проблемы только началось, но уже сейчас похоже на то, что вглубь эта штука идет на столько же, насколько и вверх. И, если высота у нее пять миль…

- Как вы это узнали? Радаром?

- Отнюдь. Эту вещь не видно на радаре. Нет способа ее опознать, пока на нее не натолкнешься, или пока не приблизишься вплотную. Человеческие жертвы, когда она устанавливалась, оказались удивительно скромными, но мертвых птиц вдоль контура до черта. И внутри, и снаружи.

- Я знаю. Я их видел. - Джулия уже закончила свои съемки и стояла рядом, слушая, что говорит Барби. - И как вы узнали о высоте. Лазеры?

- Нет, они тоже проходят насквозь. Мы использовали ракеты с холостыми боеголовками. С четырех дня из Бангора начали совершать регулярные вылеты «Ф-15А»[109]. Удивительно, что вы их не слышали.

- Я, может, и слышал что-то такое, - произнес Барби, - но мой мозг был занят другим… Самолетом. Лесовозом. Людьми, которые погибли на шоссе 117. Теми удивительно скромными человеческими жертвами.

- Они рикошетили и рикошетили… и тогда, выше сорока семи тысяч футов - вжик-вжик! - начали пролететь. Между нами говоря, я даже удивлен, что мы не потеряли никого из наших акробатов-летчиков.

- А они уже пролетали над этой штукой?

- Менее двух часов назад. Миссия прошла успешно.

- Кто это сделал, полковник?

- Мы не знаем.

- Это наши? Это какой-то научный эксперимент вышел не тем боком? Или это, Господи спаси, какое-то испытание? Вы обещали мне правду. Вы задолжали правду этому городу. Люди здесь уже очень напуганы.

- Понимаю. Но мы здесь ни при чем.

- А разве вы сказали бы, если бы это было не так?

Кокс поколебался. Когда он заговорил снова, голос его звучал тише.

- У меня есть надежные источники в моем департаменте. Кто-то только перданёт в Службе безопасности, а нам уже слышно. То же самое в отношении Девятой Группы в Ленгли[110] и пары других контор, о которых вы никогда даже и не слышали.

Вполне вероятно, что Кокс говорил правду. Однако не менее возможным было и противоположное. Он полностью отвечал собственному призванию, наконец; если бы его поставили дежурным здесь, среди холодной осенней тьмы в строю этих дрочил-морпехов, Кокс точно так же стоял бы спиной к городу. Ему бы это не нравилось, но приказ есть приказ.

- Есть ли надежда, что это какой-то природный феномен? - спросил Барби.

- Такой, который полностью повторяет контуры города? Каждый поворот и каждую сраную щелку? Как вы думаете?

- Мое дело спрашивать. Эта штука проницаема? Вы знаете?

- Вода проникает, - сказал Кокс, - хотя и понемногу.

- Как такое может быть?

Впрочем, он сам видел, как удивительно ведет себя вода; вместе с Джендроном они это видели.

- Откуда нам знать? - в голосе Кокса послышалось раздражение. - Мы работаем с этим всего лишь каких-то двенадцать часов, даже меньше. Здесь так радовались, так хлопали друг друга по плечам, когда только вычислили, на какую высоту эта вещь поднимается. Со временем и что-то новое прояснится, но пока что мы просто не знаем.

- А воздух?

- Воздух проникает лучше. Мы установили пункт мониторинга там, где ваш город граничит… ммм… - Барби расслышал шелест бумаг, - с Харлоу. Там уже провели, как они это называют, «продувочные тесты». Думаю, так измеряется соотношения между количеством того воздуха, который проникает, и того, что отскакивает. В любом случае, воздух проходит, и намного лучше воды, хотя научные работники говорят, что все равно не полностью. Это очень сильно повлияет на вашу погоду, друг, хотя пока что никто не в состоянии сказать, в какую сторону. Черт, возможно, Честер Милл превратится в Палм Спрингс[111], - рассмеялся он, однако довольно натянуто.

- А твердые частички? - Барби подумал, что ответ на этот вопрос ему известен.

- Вообще никак, - возразил Кокс. - Твердые частички не проникают. По крайней мере, нам так кажется. И, несомненно, вам следует знать, что так происходит в обоих направлениях. Если твердые частички не проходят внутрь, не выходят они и наружу. Это означает, что автомобильные выхлопы…

- Тут некуда далеко ездить. От края до края Честер Милл разрастается разве что на четверть мили. А по диагонали… - он глянул на Джулию.

- Семь. Не больше, - подсказала она.

Кокс продолжал.

- А еще у нас не думают, что выбросы мазутных обогревателей будут представлять большую проблему. Думаю, в городе каждый имеет хорошую и дорогую отопительную систему такого типа - в Саудовской Аравии в эти дни все машины ездят с наклейками на бамперах, где написано «Сердцем я с Новой Англией», - но современные мазутные обогреватели нуждаются в электричестве для обеспечения регулярной искры зажигания. С запасами горючего у вас должно все обстоять благополучно, поскольку отопительный сезон еще не начинался, хотя у нас считают, что много пользы оно вам не принесет. В продолжительном измерении, то есть, принимая во внимание загрязнение воздуха.

- Вы так думаете? Приезжайте сюда, когда здесь около тридцати ниже нуля и ветер дует так, что… - на мгновение он замолчал. - А ветер будет дуть?

- Нам это неизвестно, - сказал Кокс. - Спросите у меня завтра, и тогда, возможно, у меня появятся, по крайней мере, хоть какие-то теоретические соображения.

- Мы можем палить дрова, - сказала Джулия. - Передайте ему.

- Мисс Шамвей говорит, что мы можем палить дрова.

- Там у вас люди должны быть осторожными с этим, капитан Барбара… Барби. Конечно, деревьев у вас более чем достаточно и никакого электричества не нужно для ее зажигания и поддержания горения, но горение дров производит сажу. Черт пробери, производит канцерогены.

- Отопительный сезон здесь начинается… - Барби посмотрел на Джулию.

- Пятнадцатого ноября, - подсказала она. - Около этого.

- Мисс Шамвей говорит, что в середине ноября. Итак, пообещайте мне, что вы еще до того времени решите эту проблему.

- Я могу сказать только, что мы будем работать над этим, как бешеные. Сейчас мне нужно завершать наш разговор. Ученые - по крайней мере, те, которых мы уже успели подключить - все соглашаются с мнением, что мы имеем дело с каким-то силовым полем…

- Прямо тебе «Стар Трюк», - произнес Барби. - Телепортируй меня, Снотти[112].

- Извиняюсь?

- Да ерунда. Продолжайте, сэр.

- Они все соглашаются с тем, что силовое поле возникло не само по себе. Его должно генерировать что-то рядом или в его центре. Наши ребята думают, что центр - это самое вероятное. «Это как рукоятка зонтика» - так один из них высказался.

- Вы считаете, что это работа кого-то внутри?

- Мы не исключаем такую возможность. Но, на наше счастье, в городе мы имеем отмеченного наградами офицера…

«Бывшего, - подумал Барби. - А награды ушли на дно Мексиканского залива полтора года назад». Однако, похоже, что срок его службы продлен, нравится это ему самому, или нет. Гастроли продлены по требованию публики, как это говорят.

- …чьей специализацией в Ираке была охота на фабрики по производству взрывчатки Аль-Каиды. Их обнаружение и ликвидация.

Итак, просто какой-то генератор. Ему припомнились все эти генераторы, мимо которых они проехали, добираясь сюда с Джулией Шамвей, те, что гудели в темноте, вырабатывая тепло и свет. Пожирая ради этого пропан. Он осознал, что теперь пропан и аккумуляторы, даже больше чем еда, становятся в Честер Милле золотым стандартом. Однако он понимал: люди однозначно будут жечь дрова. Когда похолодает и закончится пропан, они будут сжигать много дров. Стволы, веточки и сучья. И им будут до сраки все эти канцерогены.

- Этот генератор едва ли похож на те, которые работают этой ночью в вашем закоулке нашего мира, - произнес Кокс. - Машина, которая способна создавать такое… мы не знаем, на что она может быть похожа или кто ее мог построить.

- Но наш Дядюшка Сэм желает такую машинку себе, - подхватил Барби. Телефон в его руке мог вот-вот треснуть, так крепко он его сжимал. - И это является приоритетной задачей, не так ли? Сэр? Потому что такая машинка способна изменить мир. Жители этого города - вопрос абсолютно второстепенный. Фактически, второстепенные потери.

- Ох, только не надо мелодраматизма, - отрезал Кокс. - В данном случае наши интересы совпадают. Найдите генератор, если он там находится. Отыщите его, как вы разыскивали фабрики по производству взрывчатки, и заставьте его перестать работать. Вот и конец проблеме.

- Если он здесь есть.

- Если он там, значит все о'кей. Вы попробуете?

- А разве у меня есть выбор?

- Мне так не кажется, но я кадровый военный. Для нас свободы выбора не существует.

- Кен, это реально какие-то сраные противопожарные учения.

Кокс не спешил с ответом. Хотя на той стороне линии застыла тишина (не считая едва слышного гудения, которое могло указывать на то, что разговор записывается), Барби почти физически ощущал, как тот размышляет. Наконец он произнес:

- Так и есть, но тебе же, сученок, всегда достается самое пахучее дерьмо.

Барби рассмеялся. Не было сил удержаться.

3

На обратном пути, когда они уже проезжали мимо Церкви Святого Христа-Спасителя, Барби обернулся к Джулии. В свете огоньков приборной панели его лицо имело вид усталый и серьезный.

- Я вас не буду убеждать, что надо молчать обо всем, - произнес он. - Но надеюсь, что об одной

вещи вы информацию попридержите.

- О генераторе, который якобы есть, а может, его и нет в городе.

Она убрала одну руку с руля, потянулась позади себя и погладила по голове Гореса, лаская, утешая пса для собственного успокоения.

- Да.

- Потому что если существует машинка, которая генерирует поле - создает Купол вашего полковника - значит, кто-то её и охраняет. Кто-то здесь.

- Кокс этого не говорил, но я уверен, он имел это в виду.

- Я об этом не буду распространяться. И не буду рассылать майлы с какими-то ни было фото.

- Хорошо.

- Да и в любом случае они должны сначала появиться в «Демократе», черт меня побери. - Джулия продолжала гладить собаку. Водители, которые управляют одной рукой, всегда заставляли нервничать Барби, но не в этот вечер. На всю Малую Суку и шоссе 119 они были одинешеньки. - А еще я понимаю, что иногда общественное благо важнее классного газетного материала. В отличие от «Нью-Йорк Таймс».

- Да уж, - откликнулся Барби.

- И если вы найдете этот генератор, мне не придется слишком долго ходить на закупки в «Фуд-Сити». Терпеть не могу это место. - А дальше как-то взволнованно: - Как вы думаете, там будет открыто завтра утром?

- Мне кажется, да. Люди по обыкновению медленно осознают новые реалии, когда старые заканчиваются внезапно.

- Думаю, мне надо будет все-таки туда пойти и скупиться, - произнесла она задумчиво.

- Если встретите там Рози Твичел, передайте ей привет. Она наверняка будет там со своим верным Энсоном Вилером, - припомнив свои недавние советы Рози, он произнес: - Мясо, мясо, мясо.

- Извините?

- Имеете ли вы у себя дома генератор…

- Конечно, имею, я живу над редакцией. Не какие-то там апартаменты, просто уютная квартира. Этот генератор подарил мне снижение налогов[113], - гордо объяснила она.

- Тогда покупайте мясо. Мясо и консервы, рыбу и мясо.

Она призадумалась. Центр города был уже рядом. Там теперь горело намного меньше огней, чем обыкновенно, но все равно много. «Долго ли это будет продолжаться?» - загадывал мысленно Барби. И тогда Джулия спросила:

- А ваш полковник не предложил никаких подсказок, каким образом найти этот генератор?

mir-knigi.org

- Ничегошеньки, - ответил Барби. - Искать подобное дерьмо, такой была когда-то моя работа. Ему это хорошо известно. - Он помолчал, и тогда сам спросил: - Как вы думаете, не завалялся ли где-то в городе счетчик Гейгера?

- Я даже знаю, где именно. В цокольном помещении горсовета. Точнее, под ним. Там находится старое противоатомное бомбоубежище.

- Вы надо мной смеетесь!

- Черта с два, Шерлок, - расхохоталась она. - Я делала статью об этом три года назад. Снимал Пит Фримэн. В цоколе, там большая комната заседаний и маленькая кухня. А из кухни к хранилищу ведет несколько ступенек. Довольно большое помещение. Построено оно было впятидесятых, когда огромные средства закапывались в землю, что едва не загнало нас к чертям в ад.

- «На берегу»[114], - произнес Барби.

- Эй, принимаю вашу ставку и повышаю ее: «Горе тебе, Вавилон»[115]. Весьма депрессивная местность. На снимках Пита напоминает фюрербункер перед самым концом. Там есть что-то наподобие кладовки - полки и полки консервов - и с полдюжины топчанов. И какое-то оборудование, поставленное правительством. Включая счетчик Гейгера.

- Пища в жестянках, наверняка, прибавила во вкусе за пятьдесят лет.

- На самом деле они заменяют консервы время от времени. Там даже есть маленький генератор, который приобрели после одиннадцатого августа. Просмотрите городские отчеты и увидите, что каждые четыре года или около того выделяются средства на приобретение чего-то для хранилища. Когда-то было по триста долларов. Теперь шестьсот. Итак, счетчик Гейгера вы уже себе нашли. - Она кинула на него взгляд. - Конечно, Джеймс Ренни рассматривает все вещи, которые находятся в городском совете, как свои собственные, от чердака до бомбоубежища, и потому он захочет знать, зачем вам вдруг понадобился счетчик.

- Большой Джим Ренни ничего об этом не будет знать, - ответил Барби.

Она оставила это замечание без комментариев.

- Хотите со мной в редакцию? Посмотреть выступление Президента, пока я буду верстать газету? Работа, могу вас уверить, будет быстрая и грязная. Одна статья, полдесятка фотографий для местного употребления, и никакой рекламы осенней распродажи в Бэрпи.

Барби взвесил предложение. Завтра у него много дел, и не только стряпня, а и много других вопросов. С другой стороны, если он сейчас вернется в свое помещение над аптекой, разве он сможет заснуть?

- Хорошо. К тому же, возможно, мне не следовало было бы об этом говорить, но у меня незаурядный талант офис-боя. И еще я могу варить бешеный кофе.

- Мистер, вы приняты, - она подняла с руля правую руку, и Барби хлопнул ей по ладони.

- Можно мне задать вам еще один вопрос? Абсолютно не для публикации.

- Конечно, - сказал он.

- Этот фантастический генератор. Вы верите, что найдете его?

Пока она припарковывалась перед фасадом редакции «Демократа», Барби взвешивал шансы.

- Нет, - наконец ответил он. - Это было бы очень легко.

Она вздохнула и кивнула. И тогда схватила его за пальцы.

- Как вы думаете, вам поможет, если я буду молиться за ваш успех?

- Не помешает, - согласился Барби.

4

В День Купола в Честер Милле существовало только две церкви; и обе поставляли протестантский набор товаров (хотя и в очень разных упаковках). Здешние католики посещали храм Пресвятой Девы в Чистых Источниках в Моттоне, а около десятка городских евреев, когда испытывали потребность в духовном утешении, ездили в синагогу Бет Шалом в Касл Роке. Когда-то в городе была также Унитарианская церковь[116], но пришла в упадок за неимением прихожан в конце восьмидесятых. Да и еще к тому же все сходились во мнении, что это было не церковь, а какой-то хипповый сумасшедший дом, теперь в ее здании находился магазин «Новые & Подержанные книги».

Оба действующих в Честер Милле пастора в тот вечер находились, как любил выражаться Большой Джим Ренни, в «смиренном состоянии», но тональности их молитв, ход мыслей и желания очень отличались.

Преподобная Пайпер Либби, которая проповедовала своей пастве с кафедры Первой Конгрегационной церкви, больше не верила в Бога, хотя не делилась этим фактом со своими собратьями. Напротив, вера Лестера Коггинса достигла уровня святого мученичества или безумия (впрочем, это те два слова, которые, наверняка, означают одно явление).

Преподобная Либби, все в той же субботней одежде, в которой она работала у себя во дворе - и все еще беспримерно красивая в свои сорок пять, чтобы симпатично в ней выглядеть, - стояла перед алтарем на коленях почти в сплошной тьме (в Конго не было генератора), а позади нее расположился Кловер, ее немецкая овчарка, пес лежал с понурыми глазами, воткнув нос себе в лапы.

- Эй, Неотмирасего, - воззвала Пайпер. Неотмирасегодняшним она начала называть Бога с недавних пор. В начале осени она имела для него другое имя - Большой Возможный. А летом он был Всемогущим Возможным. Ей нравилось это имя, в нем чувствовалось что-то звонкое. - Ты знаешь, что со мной творилось… Конечно, должно быть, я Тебе уже этим полные уши натолкала, но сегодня я здесь не для того, чтобы вновь толочь о том же сам. Наверняка, Тебе от этого только легче.

Она вздохнула.

- У нас тут творится такой беспорядок, Друг. Надеюсь, хоть Ты понимаешь, что здесь творится, потому что сама я отнюдь. Но мы оба знаем, что завтра в этом помещении будет полно людей, которые будут искать, как заведено, небесной поддержки в катастрофическом несчастье.

Тишина стояла в церкви, тишина во дворе. «Волшебная тишина», как говорили в старых

фильмах. И разве она хоть когда-нибудь слышала такую странную тишину в Милле, да еще и в субботний вечер? Ни машин на улицах, ни звука басов какого-либо очередного бэнда, который прибыл поиграть в «Диппере» (ПРЯМО ИЗ БОСТОНА! - как всегда писалось в рекламе).

- Я не буду просить Тебя проявить Твою волю, потому что не верю больше, что у Тебя на самом деле есть воля. Но на всякий случай, если Ты, наконец, где-то там действительно существуешь - вероятность такая есть, и я более чем рада это признавать, - прошу Тебя, помоги мне сказать им что-то поддерживающее. Надежда не на небесах, надежда здесь, на земле. Потому что…

Ее не удивили собственные слезы. В последнее время она частенько рыдала вслух, хотя всегда делала это в одиночестве. Жители Новой Англии весьма неодобрительно относятся к слезам у проповедников и политиков.

Кловер, чувствуя ее отчаяние, и сам заскулил. Пайпер на него шикнула и вновь обернулась к алтарю. Крест на нем часто направлял ее мысли к бантику-логотипу «Шевроле», товарному знаку, который родился сто лет тому назад, потому что один парень случайно заметил его в узоре обоев какого-то парижского отеля, и он ему понравился. Чтобы считать такие символы божественными, наверняка, надо быть безумным.

Тем временем она упрямо продолжала:

- Потому что я уверена, Ты сам знаешь, земля - единственное, что мы имеем. Это то, в чем мы уверены. Я хочу помочь моим людям. Это моя работа, и я все еще желаю ее делать. Надеясь, что Ты там все-таки есть и Тебе это не безразлично - сомнительные надежды, должна признать, - прошу, помоги мне, пожалуйста. Аминь.

Она встала. Фонарика у нее не было, но ей не составляло проблемы выйти отсюда во двор, ни на что, не натолкнувшись, не ударив обо что-нибудь колено. Она знала это помещение от ступеньки до ступеньки, от первой дощечки до последней. И любила его. Она не обманывала себя в отношении отсутствия в ней веры и присутствия упрямой любви к самой идее Бога.

- Идем, Клов. Через полчаса будет Президент. Еще один Большой Неотмирасегодняшний. Мы его послушаем в машине по радио.

Кловер, не проникаясь вопросами веры, послушно последовал вслед за ней.

5

Вдалеке, на Малой Суке (которую прихожане Святого Спасителя всегда называли дорогой номер три), происходило действие намного более динамичное, и при ярком свете. Дом богослужения Лестера Коггинса обслуживал генератор, к тому же почти новенький, даже транспортные ярлыки еще не отклеились с его ярко оранжевого бока. Генератор стоял в собственном сарайчике, тоже выкрашенном оранжевым, рядом со складом позади церкви.

Пятидесятилетний Лестер находился в такой прекрасной форме - благодаря фамильным генам и собственным напряженным усилиям по поддержанию порядка в храме собственного тела, - что выглядел лет на тридцать пять (этому также способствовали рассудительно применяемые средства «Только для мужнин»[117]). В этот вечер на нем были только спортивные шорты, по правой брючине которых шла надпись прописными буквами «Oral Roberts Golden Eagles»[118], и почти каждая мышца на его теле была рельефной.

Во время служб (они происходили пять раз в неделю) Лестер не чуждался стиля

телепроповедников, провозглашая молитвы таким экстатически вибрирующим голосом, что титул Главнокомандующего в его исполнении звучал, словно пропущенный сквозь форсированную педаль вау-вау[119]: не Бог, а в-в-огх! В своих частных молитвах он иногда, сам того не замечая, также скатывался на эти модуляции. Но, когда бывал глубоко встревоженным, когда имел срочную потребность посоветоваться с Богом Моисея и Авраама, с тем Им, который ходил в столбе дыма днем и в столбе огня ночью, Лестер свою часть разговора вел низким рыком, который напоминал голос собаки за секунду до нападения на непрошеного гостя. Сам он этого не замечал, потому что не было в его жизни никогошечки, кто мог бы услышать, как он молится. Пайпер Либби была вдовой, ее муж и оба сына погибли в аварии три года назад; Лестер Коггинс всю жизнь оставался мальчиком, который еще подростком страдал от кошмаров, в которых он, мастурбируя, поднимал голову и видел, что в дверях его спальни стоит Мария Магдалина.

Построенная из дорогого красного клена церковь была почти такой же новенькой, как и ее генератор. Ее интерьер буквально поражал скромностью. Позади голой спины Лестера под сводами потолка тянулся тройной ряд скамеек. Перед его глазами была кафедра, она определялась лишь пюпитром, на котором лежала Библия, с большим, вырезанным из красного дерева крестом, который висел на портьере цвета «королевский пурпур». По правую сторону возвышались хоры с музыкальными инструментами, был там и «Стратокастер»[120], на котором иногда играл сам Лестер.

- Бог, услышь мою молитву, - произнес он тем своим особенным молитвенным голосом. В руке он держал длинный тяжелый кнут с двенадцатью узлами, каждый из которых символизировал одного из апостолов. Девятый узел, посвященный Иуде, был выкрашен в черный цвет. - Бог, услышь мою молитву, во имя распятого и воскресшего Иисуса прошу Тебя.

Коггинс начал хлестать себя кнутом по спине, сначала через левое плечо, потом - через правое, ритмично поднимая и сгибая руку. Вскоре пот начал брызгать с его накачанных бицепсов и дельтаподобных мышц. Весь в узлах, кнут хлестал по коже, сплошь покрытой шрамами, издавая звуки выбивалки для ковров. Он неоднократно проделывал это и раньше, но еще никогда - с таким усердием.

- Боже, услышь мою молитву! Боже, услышь мою молитву! Боже, услышь мою молитву! Боже, услышь мою молитву!

Хрясь, и хрясь, и хрясь, и хрясь. Печет, как огненной крапивой. Гонит по магистралям и проселкам жалких нервов его человеческого тела. Какой это ужас, и какое наслаждение.

- Бог, мы согрешили в нашем городе, и я самый большой среди всех грешник. Я слушал Джима Ренни и верил его вранью. Да, я верил, и вот она, расплата, неминуемая, как это бывает всегда. И не один платит за грехи свои, а многие. Твой гнев не тороплив, но когда время наступает, Твой гнев, как буря, которая налетает на пшеничное поле, сгибая книзу не один колос или несколько, а все колосья. Я посеял ветер и пожал бурю, не только на себя самого, а и на всех.

Были и другие грехи и грешники в Милле - он это хорошо знал, потому что не был наивным, они ругались, и танцевали, и занимались сексом, и употребляли наркотики, он многое обо всем знал - и они, безусловно, заслужили наказание, бичевание, однако этим Милл отнюдь не отличался от любого другого города, но именно его выбрал для такого ужасного наказания Господь.

И все же… все-таки… Возможно ли, чтобы к такому странному проклятью привел не его грех? Да. Возможно. Хотя и едва ли.

- Господи, я хочу понять, что мне делать. Я на распутье. Если такова Твоя воля, чтобы я стоял на этой кафедре завтра утром и признался в том, на что подбил меня этот человек - в грехах, которые мы совершали с ним вместе, в тех грехах, которые я совершал в одиночестве, - тогда я так и сделаю. Но это будет означать конец моего пастырства, а мне тяжело поверить в то, что это есть Твоя воля в это тяжелое время. Если Твоя воля будет в том, чтобы я подождал… подождал, увидел, что случится дальше… ждал и молился с моей паствой за то, чтобы снято было это бремя… тогда я так и буду делать. Все в воле Твоей, Господи. Сейчас и навсегда.

Он прекратил себя бить (ощутил, как по его спине стекают теплые, утешительные ручейки; несколько узлов на биче уже покраснели) и поднял заплаканное лицо к потолку.

- Но я же нужен этим людям, Бог. Ты знаешь, как они нуждаются во мне, а сейчас даже больше, чем всегда. Поэтому… если воля Твоя, чтобы эта чаша была убрана от уст моих… молю, дай мне знамение.

Он ждал. И Господь Бог заговорил с Лестером Коггинсом.

- Я дам тебе знамение. Иди туда, где лежит твоя Библия, хотя и были деяния твои, как когда-то в детстве после тех твоих безобразных сновидений.

- Сию же минуту, - откликнулся Лестер. - Сию же минуту.

Он повесил бич на шею, отпечатав кровавую подкову у себя на плечах и груди, и взгромоздился на кафедру, а кровь так и стекала ему по спине, увлажняя эластичный пояс шорт. Он стал перед пюпитром, словно готовясь к проповеди (хотя и в самых худших кошмарах не мог себе представить проповедование в такой одежде), закрыл Библию, которая всегда там лежала открытой, и закрыл глаза.

- Господи, пусть осуществится воля Твоя - прошу во имя Сына, распятого с позором и воскресшего во славе.

И Господь рек:

- Открой Мою Книгу и зри, что узришь.

Лестер выполнил инструкцию (стараясь не открыть большую Библию посредине - если и полагаться на что-то в таком деле, то только на Ветхий Завет). Ткнул пальцем в невидимую страницу, потом раскрыл глаза и наклонился. Попал на двадцать восьмую главу Второзакония, двадцать восьмой стих. И прочитал: «Поразит тебя Господь сумасшествием, слепотой, и оцепенением сердца».

Оцепенением сердца - это, может, и хорошо, но все это вообще-то не выглядит весьма обнадеживающим. И очень ясным. И тогда Господь вновь заговорил:

- Не останавливайся, Лестер.

Он прочитал двадцать девятый стих.

«И будешь ты ощупью ходить в полдень…»

- Да, Господи, да, - выдохнул он и поспешил читать дальше.

«… как слепой ощупью ходит впотьмах, и не будешь иметь успеха в путях своих, и будут

теснить и обижать тебя всякий день, и никто не защитит тебя.

- Неужели я ослепну? - спросил Лестер, немного возвышенным от своего молитвенного рычания тоном. - О Господи, не делай этого… хотя, если на то воля Твоя…

Бог вновь заговорил с ним, спросив:

- Ты что, не с той ноги встал сегодня, Лестер?

Он вытаращился. Голос Бога, а прибаутка - его родной матери. Истинное чудо.

- Нет, Господи, нет!

- Тогда еще раз прочитай. Что я тебе растолковываю?

- Здесь что-то о сумасшествии. Или об ослеплении.

- Какое из этих действий более возможно, как ты думаешь?

Лестер сравнил стихи. В них повторялось единственное слово - слепота.

- Бог, это… это мне знамение?

Господь ответил ему «да».

- Да, воистину, но не твоя слепота, потому что сейчас глаза твои видят яснее. Ищи ослепленного, который сошел с ума. Когда ты его увидишь, тебе нужно поведать своей пастве, что Ренни проделывал здесь, и о своем участии в этом. Вы оба должны поведать. Мы еще поговорим об этом, а сейчас Лестер, иди спать. С тебя капает на пол.

Лестер так и сделал, но сначала вытер небольшие лужицы крови возле пюпитра.

Проделывал это на коленях. Пока вытирал, не молился, однако повторял прочитанные из Библии стихи. Ему значительно полегчало.

Пока что он может проповедовать в общем о грехах, которые могли послужить причиной появления этого непонятного барьера между Миллом и внешним миром; а тем временем будет искать свое знамение. Слепого мужчину или женщину, которые сошли с ума, воистину, аминь.

6

Бренда Перкинс слушала РНГХ, потому что эта станция нравится (нравилась) ее мужу, но никогда ее нога не ступала в церковь Святого Спасителя. Ее душа целиком принадлежала церкви Конго, она же уговорила пойти туда и своего мужа.

Один раз уговорила. Теперь Гови вновь там побывает. Сам того не зная, будет лежать в церкви Конго, а Пайпер Либби будет провозглашать надгробное слово.

Эта картина - такая очевидная и безвозвратная - поразила ее в самое сердце. Впервые с того момента, как ей сообщили, Бренда дала слабину и завыла. Вероятно, потому, что теперь она уже могла это делать. Теперь она была сама.

С серьезным и ужасно постаревшим лицом Президент говорил из телевизора:

mir-knigi.org

- Соотечественники, американцы, вы нуждаетесь в ответах, и я обещаю предоставить их вам сразу, как только сам их получу. В этом деле не будет секретности. Все доступное мне будет становиться доступным и вам. Я уверяю вас вполне ответственно…

- Конечно, были такие дураки, которые старались нас обманывать, - произнесла Бренда и зарыдала еще сильнее, потому что это была одна из любимых поговорок Говарда. Выключив телевизор, бросила пульт на пол, ей захотелось наступить на него, раздавить с треском, но она удержалась только потому, что представила, как Гови, покачивая головой, смотрит на нее и говорит: «Не делай глупостей».

Вместо этого она пошла в его кабинет с желанием дотронуться до чего-либо, пока его недавнее присутствие оттуда еще не выветрилось. Как же ей не хватало его прикосновений. Во дворе урчал их генератор. «Сыто и счастливо», - сказал бы Гови. Ей страх как не понравилось это расточительство, когда после одиннадцатого сентября Гови заказал эту штуку (просто ради безопасности, объяснял ей он), и сейчас ей стыдно было за каждое из тех злых слов, которые она тогда достаточно ему наговорила. В темноте тосковать по нему было бы еще страшнее, потому что было бы совсем одиноко.

Его стол зиял пустотой, если только не считать ноутбука, который так и оставался открытым. Экранной заставкой ему служило старое фото, сделанное после давнего матча Малой Лиги[121]. На нем Гови и Чип, которому тогда исполнилось одиннадцать или двенадцать, оба в зеленых форменных свитерах «Аптечных Монархов Сендерса»; снимок было сделан в тот год, когда Гови с Расти Эвереттом вывели команду Сендерса в финал штата. Чип обнимает отца, а Бренда их обоих. Хороший был день. Но непрочный. Хрупкий, как бокал из тонкого хрусталя. Кто мог об этом думать тогда, когда еще можно было немножечко подольше подержаться друг за друга?

У нее пока что не было возможности связаться с Чипом, и мысль о необходимости позвонить ему (предположим, ей это даже удастся) совсем ее расстроила. Всхлипывая, она опустилась на колени рядом с письменным столом своего мужа. Не сцепила руки, а поставила их ладонь к ладони, как когда-то делала это ребенком, утопая во фланелевой пижаме возле кровати, и повторяла: «Бог, благослови маму, Бог, благослови отца, Бог, благослови мою золотую рыбку, у которой пока что нет имени».

- Господи, это я, Бренда. Я не прошу вернуть его назад… то есть я хочу, но я понимаю, что Ты этого не можешь сделать. Лишь дай мне силы пережить это, хорошо? И еще, возможно… я не знаю, не богохульство ли это, может, и так, но я спрашиваю, не мог бы Ты сделать так, чтобы он поговорил со мной еще раз? Может, сделаешь так, чтобы он мог дотронуться до меня еще раз, как сегодня утром…

От этого воспоминания - его пальцы на ее коже в ярком свете солнца - она заплакала еще горше.

- Я понимаю, Ты не имеешь дела с духами - конечно, кроме Духа Святого, - но хотя бы во сне? Я знаю, что прошу многовато, но… о Боже, во мне словно дыру сегодня прорубили. Я не представляла, что в человеке может быть такая дыра, и я боюсь туда провалиться. Если Ты сделаешь это для меня, я тоже что-то для Тебя сделаю. Тебе следует только попросить. Пожалуйста, Боже, всего лишь прикосновенье. Или слово. Хотя бы во сне, - она набрала полную грудь воздуха и выдохнула. - Благодарю тебя, Господи. Пусть будет по-твоему. Понравится мне это или нет, - улыбнулась она утомлено. - Аминь.

Раскрыла глаза и, держась за край стола, встала с колен. Зацепила локтем компьютер, и его

экран моментально засветился. Он всегда забывал его выключить, но, по крайней мере, не выключал из розетки, и хотя бы аккумуляторы не разряжались. А «рабочий стол» на своем компьютере он содержал в лучшем порядке, чем она на своем; у нее экран всегда был захламлен загруженными файлами и электронными напоминаниями. А на его «рабочем столе», аккуратно расположенные под иконкой жесткого диска, всегда висели только три папки: ТЕКУЩЕЕ, где он хранил информацию о текущих расследованиях; СУД, где он хранил список тех (включая себя), кто сейчас является свидетелем - где именно и по какому делу. Третья папка называлась УСАДЬБА МОРИН-СТРИТ, где он хранил все, что касалось домашних дел. До неё дошло, что, открыв эту папку, она сможет найти там что-нибудь о генераторе, а ей нужно это знать, чтобы поддерживать его в рабочем состоянии как можно дольше. Генри Моррисон из полицейского участка, наверняка, охотно подключит ей новый баллон с пропаном, однако есть ли у нее запасной баллон? Если нет, надо приобрести у Бэрпи или в «Топливе & Бакалее», пока их не раскупили.

Она уже положила пальцы на мышку, но что-то ее удержало. Заметила на экране еще и четвертую папку, притаившуюся в левом нижнем углу. Никогда прежде ее не видела. Бренда старалась припомнить, когда в последний раз смотрела на экран этого компьютера, и не смогла.

ВЕЙДЕР, было написано там.

Конечно, в Милле живет один-единственный человек, которого Гови именовал Вейдером, как того Дарта из «Звездных войн», - это Большой Джим Ренни.

Заинтригованная, она передвинула туда курсор и дважды щелкнула, опасаясь, не защищена ли эта папка паролем.

Так и оказалось. Она попробовала набрать слово WILDCATS, которым открывалась папка ТЕКУЩЕЕ (Гови не защищал паролем СУД), и угадала. Внутри находилось два документа. Один назывался ТЕКУЩЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ. Второй файл, в формате PDF, назывался ПИСЬМО ОТ ГПШМ. Языком Гови это означало Генерального прокурора штата Мэн. Она щелкнула этот файл.

Бренда читала письмо с нарастающим удивлением, и слезы высыхали на ее щеках. Первое, на что она обратила внимание, было обращение: не Уважаемый шеф Перкинс, а Дорогой Дюк.

Хотя письмо было составлено не языком Гови, а на юридическом жаргоне, некоторые фразы просто бросались в глаза, словно были напечатаны жирным шрифтом. Первая - неправомерное присвоение городских средств и ресурсов. Следующая - более чем вероятное участие выборного Сендерса. Дальше - совокупность должностных преступлений оказалась более глубокой и широкой, чем нам представлялось три месяца назад.

А в конце, уже, словно не только жирным шрифтом, но и прописными буквами: ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕЛЕГАЛЬНЫХ НАРКОТИКОВ.

Выглядело так, что молитва ее была услышана и ответ она получила, хотя абсолютно неожидаемым образом. Бренда села на стул Гови, щелкнула на файле ТЕКУЩЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ в папке ВЕЙДЕР и продолжила общение со своим покойным мужчиной.

7

Речь Президента - длинное подбадривание, мало информации - закончилась в 24:21. Расти

Эверетт посмотрел выступление по телевизору в комнате для отдыха на третьем этаже больницы, в последний раз просмотрел бумаги с клиническими данными и отправился домой. В его медицинской карьере случались и более хлопотные дни, но никогда еще он не чувствовал такого беспокойства, такого уныния в отношении будущего.

Дом был темным. Они с Линдой говорили на тему приобретения генератора в прошлом году (и позапрошлого тоже), потому что Честер Милл каждую зиму оставался без электричества, бывало, и на четыре-пять дней, то же самое случалось раза по два каждое лето; Энергокомпания Западного Мэна не принадлежала к самым надежным поставщикам услуг. Все те рассуждения заканчивались одинаково: они не могут его себе позволить. Возможно, если бы Линда работала в полиции на полную ставку, но ни она, ни он этого не желали, пока их девочки еще так малы. «По крайней мере, у нас хорошая печка и до черта дров. Если до этого дойдет».

В бардачке лежал фонарик, но, когда он его включил, тот выдал блеклый луч и уже через пять секунд умер. Расти пробормотал плохое слово, и напомнил себе, что завтра надо бы прикупить батарейки - то есть сегодня днем. Конечно, если будут работать магазины.

- Если после двенадцати лет жизни в этом доме я не найду дорогу, я обезьяна.

Конечно, так оно и есть. В этот вечер он действительно чувствовал себя обезьяной - той, которую только что поймали, привезли в зверинец и заперли в клетке. И дышал он, бесспорно, как обезьяна. Наверное, надо встать под душ, прежде чем ложиться…

Однако. Нет электричества - нет душа.

Ночь была безлунная, но ясная, с неба на дом смотрели миллиарды звезд, и выглядели они такими же, как всегда. Может, там, наверху, барьера нет? Президент на эту тему не высказался, и, возможно, те, кто изучает это дело, еще и сами не знают. Если Милл оказался на дне чего-то наподобие колодца, а не накрытым каким-то идиотским стеклянным колпаком, то дела не такие уже и плохи. Правительство сможет подавать сюда все необходимое по воздуху. Бесспорно, если страна может тратить сотни миллиардов на обеспечение корпоративных долгов, то и сюда закинуть на парашютах немного лишней еды и несколько паршивых генераторов она может себе позволить.

Преодолев крыльцо, он уже извлек ключ, и тут заметил, что что-то висит на дверной щеколде. Наклонился поближе, рассмотрел и улыбнулся. Это был мини-фонарик. На распродаже Последний День Лета в Бэрпи Линда купила таких шесть штук за пять баксов. Тогда это показалось ему глупым расточительством, он даже вспомнил, что подумал тогда: «Женщины скупаются на распродажах по тем же мотивам, что и мужчины восходят на вершины гор - только потому, что они туда попали».

На заднем торце фонарика торчала маленькая металлическая петелька. Сквозь нее был протянут шнурок от одного из его старых кед. К шнурку была приклеена записка. Он оторвал бумажку и нацелил на нее лучик фонарика.

Привет, любимый. Надеюсь, ты в порядке. Обе Джей наконец-то угомонились. Обе были расстроены и беспокойны на протяжении ночи, но, в конце концов, вырубились. Завтра я с утра на службе целый день и я именно это имею в виду - целый день, с 7:00 до 19:00, приказал Питер Рендольф (наш новый шеф - УЖАС). Марта Эдмандс пообещала взять к себе девочек, благослови Господи Марту. Постарайся не разбудить меня. (Хоть я могу и не заснуть.) Боюсь, впереди у нас трудные дни, но мы их переживем. В кладовке полно пищи, слава Богу.

Любимый, я знаю, ты устал, но не выгуляешь ли Одри? У нее так и не прошел тот ее странный скулеж. Может, ощущала приближение этой штуки? Говорят, собаки предчувствуют землетрясение, и возможно…

Джуди и Дженни просили передать, что любят папу. И я тоже.

Мы успеем поболтать завтра, правда же? Поболтать и скупиться.

Мне немножечко страшно.

Лин

Ему тоже было страшно и не очень радостно от того, что его жене завтра придется работать двенадцать часов в то время, как ему самому - шестнадцать, а то и дольше. Не рад он был и потому, что Джуди и Дженнилл целый день пробудут с Мартой в то время, как им, надо полагать, тоже страшно.

Но меньше всего радости он ощущал от того, что должен вести на прогулку собаку, в то время как на дворе уже был почти час ночи. Он подумал, что она действительно могла ощущать приближение барьера; он знал, что у собак развито предчувствие многих явлений, не только землетрясений. Однако, если тот ее странный скулеж действительно был связан с этим, Одри уже должна была бы успокоиться, не так ли? По дороге домой он не слышал городских собак, все они хранили гробовое молчание. Никто не лаял, не выл. Не слышал он также и разговоров о том, чтобы какая-нибудь скулила перед этим.

«А может, она сейчас спит себе спокойно на своем лежаке около печи?» - подумал он, открывая двери.

Одри не спала. Она сразу подошла к нему, не прыгая радостно, как это бывало по обыкновению: «Ты дома! Ты дома! О, слава Богу, ты дома!» - а подволочилась, чуть ли не украдкой, с виновато поджатым хвостом, словно вместо ласкового поглаживания по голове ожидала удар (которых ни разу не получала). И на самом деле, она вновь скулила. То есть продолжала делать то же самое, что начала еще до появления барьера. На пару недель она вроде бы перестала, и, Расти тогда подумал, что это у нее прошло совсем, а потом завывания начались вновь, иногда тихо, иногда громко. Сейчас она делала это громко - или, может, так только казалось в темной кухне, где не горели цифровые табло на печке и микроволновке и свет над мойкой, который по обыкновению оставляла включенным для него Линда, также не горел.

- Перестань, девочка, - попросил он. - Ты перебудишь всех в доме.

Но Одри не послушалась. Она ласково ткнулась головой в его колено и подняла глаза от узкого яркого луча фонарика, который он держал в правой руке. Он готов был поклясться, что у нее умоляющий взгляд.

- Хорошо, - произнес он. - Хорошо, хорошо. На прогулку.

Ее поводок висел на гвоздике около дверей кладовки. Он сделал шаг в том направлении (перед этим перекинув через голову шнурок, повесив себе на шею фонарик), но Одри стремительно забежала вперед его, словно не собака, а кошка. Если бы не фонарик, он бы об нее точно перецепился и упал. Логичное было бы завершение для такого похабного дня.

- Подожди всего лишь минутку, подожди.

Но она гавкнула на него и пошла на попятную.

- Тише! Одри, тихо!

Вместо того, что бы замолчать, она вновь залаяла, в спящем доме это прозвучало шокирующе звонко. Он даже вздрогнул от удивления. Одри метнулась вперед, ухватила зубами его за штанину и начала идти на попятную по коридору, стараясь потащить его за собой.

Заинтригованный, Расти позволил ей себя вести. Увидев, что он идет, Одри отпустила его брюки и побежала к ступенькам. Преодолела пару ступенек, осмотрелась и гавкнула вновь.

Наверху, в их спальне, включился свет.

- Расти? - голос Лин звучал мрачно.

- Да, это я, - откликнулся он, стараясь говорить как можно тише. - Хотя на самом деле это Одри.

Он двинулся вслед за собакой вверх по ступенькам. Одри не промчала их на одном дыхании, как по обыкновению она это делала, а то и дело останавливалась, оглядываясь на него. Для собаководов мимика их животных всегда была полностью понятной, и сейчас Расти увидел в этом большую тревогу. Одри прижала уши к голове, хвост так и оставался поджатым. С тихого скулежа она перешла на высокий уровень. Вдруг Расти подумал, а не прячется ли где-то в доме вор. Кухонные двери были заперты, Лин по обыкновению всегда замыкала все двери, когда оставалась дома сама с девочками, однако…

Линда вышла на лестничную площадку, подпоясывая белый махровый халат. Увидев ее, Одри вновь гавкнула. Прозвучало это, как «прочь-с-моего-пути».

- А ну-ка перестань, Одри! - прикрикнула женщина, но Одри промчала мимо нее, толкнув ее в ногу так сильно, что Линда даже откинулась на стену.

А собака побежала по коридору в сторону детской спальни, где все еще было тихо.

Линда также добыла из кармана халата фонарик.

- Что это здесь такое творится, ради всего святого…

- Думаю, лучше тебе вернуться в спальню, - ответил ей Расти.

- Черта с два!

Она побежала по коридору, опережая его, тонкий яркий луч прыгал перед ней.

Девочкам было семь и пять годков, они недавно вошли в тот период, который Линда называла «фазой женской секретности». Одри уже встала на задние лапы перед их дверями и начала шкрябать их когтями.

Расти догнал Линду в то мгновение, когда она приоткрывала двери. Линда влетела вглубь, даже не кинув взгляд на кровать Джуди. А их пятилетняя дочка спала.

Не спала Дженнилл. Но и не просыпалась. В то мгновение, как два луча сошлись на ней, Расти

все понял, и обругал себя за то, что не осознал раньше того, что происходит - того, что, наверное, длится уже с августа, а может, и с июля. Потому что то, чем удивляла их Одри - тот скулеж, - было хорошо задокументировано. Он просто не замечал правды, хотя она смотрела ему прямо в глаза.

Дженнилл, с раскрытыми глазами, в которых виднелись только белки, не билась в конвульсиях (слава Богу, и за это), но дрожала всем телом. Она скинула с себя одеяло ногами, наверное, в начале приступа, и в двойном свете фонариков он увидел влажное пятно на ее пижамных штанишках. Пальцы у нее шевелились так, словно она разминалась, перед тем как начать играть на рояле.

Одри села возле кровати, восхищено-внимательно смотря на свою маленькую хозяюшку.

- Что это с ней? - вскрикнула Линда.

- На другой кровати зашевелилась Джуди.

- Мамочка? Уже завтрак? Я опоздала на автобус?

- У нее эпилептический припадок, - произнес Расти.

- Так помоги ей! - заплакала Линда. - Сделай что-нибудь! Она умирает?

- Нет, - ответил Расти, и часть его мозга, которая сохранила способность к анализу, подсказала, что это почти наверняка только незначительный эпилептический припадок - как и все, что могли быть у нее раньше, иначе бы они об этом уже знали. Но все воспринимается по-другому, когда такое происходит с твоим родным ребенком.

Джуди села в кровати, раскинув во все стороны свои мягкие игрушки. Глаза у нее были широко раскрыты от испуга, ребенок не очень обрадовался, когда Линда выхватила ее из постели и прижала себе к груди.

- Пусть она перестанет! Сделай что-нибудь, чтобы она перестала, Расти!

Если это незначительный припадок, он прекратится сам собой.

«Прошу Тебя, Господи, пусть он прекратится сам собой», - подумал он.

Он обхватил ладонями мелко дрожащую голову Джен, и попробовал легонько ее поднять и покрутить, чтобы проверить, чисто ли в ее дыхательных путях. Сначала у него это не получилось - мешала чертова поролоновая подушка. Он скинул ее на пол. Та, падая, ударила Одри, но собака, не отводя от ребенка влюбленного взгляда, только вздрогнула.

Теперь у Расти получилось немного отклонить назад дочкину головку и он услышал ее дыхание.

Не учащенное, и не слышно порывистое, как при недостатке кислорода.

- Мамочка, что случилось с Джен-Джен? - спросила Джуди сквозь слезы. - Она сошла с ума? Она заболела?

- Не сошла с ума, только немножечко заболела, - Расти сам удивился, как спокойно он говорит. - Почему бы тебе не попросить маму отнести тебя вниз в нашу…

- Нет! - вскрикнули обе вместе абсолютно гармоничным двуголосьем.

- Хорошо, - согласился он. - Тогда ведите себя тихонько. Не напугайте ее, когда она проснется, потому что ей и так будет страшно.

- Немного страшно, - исправился он. - Одри, наша дорогая девочка. Ты наша очень-очень хорошая девочка.

По обыкновению такие комплименты вызывали у Одри пароксизм радости, но не в эту ночь. Она даже хвостом не вильнула. Вдруг собака выдала короткий рык и легла, опустив морду на лапы. Буквально через несколько секунд, Джен прекратила дрожать и глаза у нее закрылись.

- Черт меня побери, - произнес Расти.

- Что? - переспросила Линда с кровати Джуди, на краешке которой она сидела с меньшенькой на руках. - Что?

- Прошло, - ответил Расти.

Но нет. Не совсем. Дженни вновь раскрыла глаза, и они выглядели нормальными, но никого и ничего не видели.

- Большая Тыква! - вскрикнула Дженнилл. - Это Большая Тыква во всем виновата! Надо остановить Большую Тыкву!

Расти ее легонько встряхнул.

- Дженни, тебе что-то померещилось. Наверное, плохой сон приснился. Но все прошло, и с тобой теперь все обстоит благополучно.

Какое-то мгновение она еще не приходила в сознание, хотя глаза шевелились, и потому он понял, что дочь его видит и слышит.

- Прекрати Хэллоуин, папа! Тебе нужно прекратить Хэллоуин!

- Хорошо, доченька, сейчас же. Хэллоуин отменяется. Полностью.

Она моргнула, подняла руку, чтобы убрать со лба клок промокших потом волос.

- Что? Почему? Я же хотела одеться в костюм принцессы Леи![122] Так все пошло прахом в моей жизни? - заплакала она.

Подошла Линда (следом семенила Джуди, держась за край маминой юбки) и, приговаривая: «Ты обязательно выступишь принцессой Леей, дорогуша, я тебе обещаю», взяла Дженнилл на руки.

Джен смотрела на своих родителей изумленно, подозрительно, как-то перепугано.

- Что вы тут делаете? А она, почему не спит? - показала девочка на Джуди.

- Ты описалась в постели, - радостно сообщила Джуди, а когда Джен поняла, что так оно и есть, зарыдала еще сильнее.

Расти едва удержался, чтобы не дать меньшей хорошенького тумака.

Он всегда считал себя довольно цивилизованным отцом (особенно по сравнению с теми, которые иногда украдкой приводили в больницу своих детей - кого с поломанной рукой, кого с подбитым глазом), но сегодня он себя таким не чувствовал.

- Это не имеет значения, - объявил Расти, крепче обнимая Дженнилл. - Это не твоя вина. Ты немного приболела, но теперь все уже прошло.

- Ее надо везти в больницу? - спросила Линда.

- Только в амбулаторию, и то не сейчас. Завтра утром. Там я подберу для нее необходимое лекарство.

- НЕ ХОЧУ НИКАКИХ УКОЛОВ! - заверещала Дженни, рыдания ее еще больше усилились. Расти это понравилось. Здоровая реакция с ее стороны. И мощная.

- Уколов не будет, милая, только таблетки.

- Ты уверен в этом? - спросила Линда.

Расти посмотрел на собаку, которая теперь мирно лежала мордой на лапах, не обращая внимания на все эти драматические перипетии.

- Одри уверена, - ответил он. – И с этой ночи она будет спать здесь, с девочками.

- Вау! - вскрикнула Джуди. Она стала на колени и театрально обняла собаку.

Расти положил руку на плечо жене. А она склонила голову ему на плечо так, словно у нее уже закончились силы держать ее прямо. – К чему это? - спросила она. - Зачем?

- Сам не знаю. Просто в знак благодарности за то, что это был лишь незначительный припадок.

Сейчас его молитва была услышана.

СУМАСШЕСТВИЕ, СЛЕПОТА, ОЦЕПЕНЕНИЕ СЕРДЦА

1

Джо Пугало проснулся поздно, потому, что поздно лег. Фактически, он не спал всю ночь.

Этот тринадцатилетний Джо Макклечи имел также и другие прозвища - Король штукарей и Скелетик - и жил он на Милл-Стрит в доме №19. Ростом под метр восемьдесят, он весил всего лишь немногим более шестидесяти восьми кило, и, действительно, был похожим на скелет. Но имел он безупречный ум. В восьмом классе Джо учился только потому, что его родители были решительно против «перескакивания вперед».

Самому Джо это было по барабану. Его друзьям (а имел он их на удивление много, как для сухореброго тринадцатилетнего гения) также. Уроки ему давались, как собаке бега, а вокруг было полно компьютеров - их в Мэне каждый школьник имеет. Кое-какие из самых лучших сайтов, конечно, были заблокированы, но Джо легко решал такие проблемы. И радушно делился информацией с ближайшими друзьями, к которым принадлежали Норри Келверт и Бэнни Дрэйк (Бэнни, в частности, был большим почитателем сайта «Блондинки в белых трусиках», на котором он регулярно пасся во время ежедневных занятий в библиотеке).

mir-knigi.org

Безусловно, такая щедрость в какой-то мере объясняла популярность Джо, но не полностью; его просто считали классным парнем. Неклейка на его рюкзаке содержала надпись, которая давала лучшее объяснение: БОРИСЬ С СИСТЕМОЙ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.[123]

Джо имел отличные оценки, был надежным, а иногда и ярким центральным форвардом в школьной баскетбольной команде (уже в седьмом классе принимал участие в межшкольных турнирах!), а также витиеватым игроком в европейский футбол. Умел бренчать на пианино и два года назад получил второй приз на ежегодном городском конкурсе талантов за невыразимо смешной, расслабленный танец под убойный хит Гретхен Уилсон «Белая сельская труженица».[124] Взрослые в зале аплодировали, покатываясь со смеху. А Лисса Джеймисон, главная городская библиотекарша, сказала, что, если бы он захотел, то мог бы этим зарабатывать себе на жизнь, однако амбиции Джо не простирались так далеко, чтобы наследовать судьбу Наполеона Динамита[125].

- Чистый заговор, - мрачно сказал Сэм Макклечи, вертя в руках медаль, которую его сын получил за второе место. Наверное, это было правдой: победителем того года объявили Даги Твичела, который, ну чисто случайно, оказался братом третьей выборной. Напевая «Лунную реку»[126], Твич еще и жонглировал полдесятком цирковых булав.

Джо не волновало, был там заговор или нет. Он потерял интерес к танцам точно так же, как раньше терял его к другим делам, в которых достигал какого-то уровня мастерства. Даже его любовь к баскетболу, о которой еще в пятом классе он думал, что она будет вечной, начала блекнуть.

Похоже, только страсть к интернету, этой электронной галактике безграничных возможностей, не угасала в нём.

Его заветной мечтой и целью, о которой он даже своим родителям не говорил ни слова, было стать Президентом Соединенных Штатов. «Может так произойти, - думал он, - что я врежу танец Наполеона Динамита на своей инаугурации. Это шоу пожизненно будет висеть на Ютубе [127]».

Всю первую ночь Купола Джо просидел в интернете. Семья Макклечи не имела генератора, но ноутбук Джо был полностью заряжен и готов к работе. Кроме того, он имел еще десяток запасных аккумуляторов. Когда-то он подговорил человек восемь друзей, которые принадлежали к его неформальному компьютерному клубу, тоже делать запасы, - и, знал, где сможет достать еще аккумуляторов, если они ему понадобятся. А может, и не понадобятся: в школе работал крутой генератор, и он думал, что без проблем сможет подзарядиться там. Если даже Милловскую среднюю школу на некоторое время закроют, мистер Оллнат, школьный сторож, беспрекословно его пустит; мистер Оллнат также был фанатом сайта blondesinwhitepanties.com. Не говоря уже о сайтах, с которых можно было качать кантри музыку, бесплатный доступ к которым ему тоже обеспечивал Пугало Джо.

В ту, первую ночь, Джо едва не убил свою Wi-Fi-Карту[128], сумасбродно - возбуждено, словно жаба по горячим камням, перепрыгивая с блога на блог. Каждый новый блоггер[129] выдавал информацию, более страшную, чем его предшественник. Фактов было маловато, при этом, теории заговора изобиловали пышным цветом. Джо полностью соглашался со своими мамой и отцом, которые тех сумасбродов, что жили в интернете (и ради него), называли «людьми под жестяными колпаками», но он и сам верил в правильность поговорки: если видишь много лошадиного дерьма, значит, где-то поблизости обнаружится и лошадка.

К тому времени, как первая Ночь Купола перешла в его второй день, на всех блогах воцарилась

общая версия: лошадку сейчас играли не террористы, не пришельцы из космоса и не Большой Ктулху, а наш старый добрый военно-промышленный комплекс. Детали на разных сайтах отличались, но три базовых версии были тождественными. По одной, Купол - это жестокий эксперимент, в котором жители Честер Милла выступают всего лишь лабораторными мышами. По другой, это эксперимент, который вышел из-под контроля (точь-в-точь, как в фильме «Туман»[130], написал какой-то блоггер). По третьей, это совсем не эксперимент, а хладнокровно спланированный и продуманный повод для объявления войны определенным врагам Америки. «И мы победим! - писал блоггер под ником Toldjaso87 - Потому что с таким новым оружием КТО СМОЖЕТ УСТОЯТЬ ПРОТИВ НАС? Друзья, МЫ В НОВОЙ АНГЛИИ ПАТРИОТЫ НАЦИИ!!!»[131].

Джо не знал, какая из этих теорий лучше, если вообще, хоть одна из них приемлема. Но его это и не волновало. Его интересовало другое: интернет соглашался с тем, что за этим стоит правительство.

Настало время для проведения демонстрации, которую, конечно, возглавит он. И не в городе, а на шоссе 119, где они смогут высказать свой протест напрямую системе. Сначала участие возьмут, наверняка, только его друзья, но со временем, присоединятся и другие. Он в этом не сомневался. Наверняка, система все еще не допускает сюда прессу, но даже в свои тринадцать лет Джо уже хватало ума, что бы осознавать, что это не так уже и важно. Потому что там, одетые в военную форму, стоят люди, и у кого-нибудь из них, по крайней мере, за безэмоциональным выражением лица скрывается работа мозга. Пусть присутствие военных, в целом, демонстрирует силу системы, однако среди этого целого скрываются личности, кое-кто из которых может оказаться тайным блоггером. Они выложат в интернет свои свидетельства, а кто-то и проиллюстрирует их сделанными телефоном снимками: Джо Макклечи и его друзья несут плакаты с надписями: ПРОЧЬ СЕКРЕТНОСТЬ. СТОП ЭКСПЕРИМЕНТ. СВОБОДУ ЧЕСТЕР МИЛЛУ и т.д., и т.д.…

Плакаты следует развесить и по городу, пробормотал он. Ну, это не проблема. Все его друзья имеют принтеры. И велосипеды.

Только начало светать, как Пугало Джо уже разослал майлы. Потом он сядет на велосипед, заедет за Бэнни Дрэйком и они начнут действовать. А может, и Норри Келверт заодно привлекут. В выходные, коллеги Джо по обыкновению вставали поздно, но Джо считал, что этим утром в городе никто долго не будет спать. Ясно, что система скоро прикроет интернет, как сделала уже это с телефонной связью, но пока что интернет - оружие Джо, оружие народа.

Настало время бороться с системой.

2

- Ребята, поднимите руки, - произнес Питер Рендольф. Перед новобранцами он стоял утомленный, с не выспавшимися глазами, но чувствовал себя одновременно мрачно и радостно. Зеленый автомобиль шефа на полицейском паркинге стоял заправленный, готовый возить его.

Новобранцы (Рендольф в своих официальных рапортах городским выборным предпочитал бы называть их внештатными помощниками) послушно подняли руки. Их стояло пятеро, и не только парни, была среди них и приземистая молодая девушка по имени Джорджия Руа. Безработная парикмахерша, подружка Картера Тибодо. Это Джуниор подсказал своему отцу, что хорошо было бы включить в их компанию также женщину, чтобы таким образом всех

успокоить. И Большой Джим сразу с этим согласился. Рендольф сначала был против, но едва Большой Джим продемонстрировал новому шефу одну из своих самых злобных улыбок, как тот сразу же сдался.

И, должен был признать он, принимая у новичков присягу (с выражением блюстителя порядка на лице), на вид все они были довольно крепкими. Джуниор немного похудел за лето и совсем потерял свою былую форму взрывного форварда школьной футбольной команды, однако все равно, явно весил около девяноста кило, да и другие, даже девушка, выглядели натуральными бычками.

Они повторяли вслед за ним, фразу за фразой, текст присяги: Джуниор стоял крайним слева около своего друга Фрэнки Делессепса; далее стояли Тибодо и Руа, а последним Мэлвин Ширлз. У Ширлза на лице блуждала отстраненная улыбка деревенского идиота. Рендольф стер бы это идиотское выражение с его лица за три недели тренировки (да что там, за неделю), но он не имел на это времени.

Единственное, в чем он не уступил Большому Джиму, было право на оружие. Ренни настаивал на разрешении, делая ударение на том, что «они уравновешенные, богобоязненные ребята», говорил, что сам готов их обеспечить, если необходимо.

Рендольф мотал головой.

- Ситуация слишком нестабильна. Сначала посмотрим, как они себя покажут.

- Если кто-то из них пострадает, пока себя будет показывать...

- Никто не пострадает, Большой Джим, - заверил Рендольф, искренне на это надеясь. - Это Честер Милл. Если бы тут был Нью-Йорк, все могло бы быть иначе.

3

Наконец Рендольф произнес:

- Также я буду преданно служить жителям этого города, и буду защищать их.

Эту фразу они повторили кротко, словно ученики воскресной школы в родительский день.

Даже Ширлз, вопреки своей идиотской улыбке, сумел. И выглядели они хорошо. Оружия не будет пока что, но рации они будут иметь. Резиновые дубинки с вмонтированными фонариками тоже. Стэйси Моггин, которая и сама теперь приобщится к патрулированию, нашла форменные рубашки для всех, кроме Картера Тибодо. Со склада ему ничего не подошло - слишком широк в плечах, но простая голубая рабочая рубашка, которую он нашел у себя дома, в целом, годилась. Хоть не уставная, но чистая. И серебристый значок, приколотый над левым карманом, будет извещать каждому именно то, что должен извещать.

Этого уже должен хватить.

- И помоги мне Господи, - произнес Рендольф.

- И помоги мне Господи, - повторили они.

Боковым зрением Рендольф заметил, как открылись двери. Зашел Большой Джим. Присоединился к Генри Моррисону, астматику Джорджу Фредерику, Фрэду Дентону и

недоверчиво улыбающейся Джеки Веттингтон в дальнем конце помещения. Ренни появился, чтобы увидеть, как его сын принимает присягу, понял Рендольф. И, поскольку он все еще чувствовал себя неуютно после того, как отказал новичкам в оружии (отказ Большому Джиму в чем-то противоречил политически приспосабливаемой натуре Рендольфа), новый шеф симпровизировал, в основном, чтобы утешить второго выборного.

- И не буду позволять никому меня обсирать.

- И не буду позволять никому меня обсирать! - повторили они. Приподнято. С усмешкой. Нетерпеливо. Готовые контролировать город.

Большой Джим кивнул и показал ему большой палец, не смотря на услышанное бранное слово. У Рендольфа упал камень с сердца. Разве мог он себе представить, каким боком ему обернутся эти слова: «И не буду позволять никому меня обсирать»?

4

Когда Джулия Шамвей этим утром пришла в «Розу-Шиповник», большинство завсегдатаев уже позавтракали и разошлись, кто в церковь, кто на импровизированные форумы на городской площади. Было девять часов. Барби работал сам, ни Доди Сендерс, ни Энджи Маккейн на работу не появились, что никого не удивило. Рози отбыла в «Фуд-Сити». И Энсон вместе с ней. Оставалось надеяться, что они вернутся нагруженные продуктами, однако Барби не тешил себя надеждами на это, пока не увидит покупок собственными глазами.

- У нас закрыто до обеда, - сказал он. - Но кофе есть.

- А цинамоновый рулет? - спросила с надеждой Джулия.

Барби покачал головой.

- Рози их не готовила. Старается сэкономить горючее для генератора, чтобы работать как можно дольше.

- В этом есть смысл, - согласилась Джулия. - Тогда просто кофе.

Он принес кофейник и заметил, наливая кофе:

- У вас уставший вид.

- Барби, этим утром каждый имеет утомленный вид. Все ужасно напуганы.

- Как дела с газетой?

- Я думала, выпущу ее до десяти, но похоже на то, что выйдет она только около трех дня. Это будет первый чрезвычайный выпуск «Демократа» с того времени, как наша Престил как-то разлилась втрое в ширину.

- Проблемы с печатью?

- Да нет, пока жив мой генератор. Просто я хочу сходить в бакалею, посмотреть, не собралась ли там толпа. Если да, то добавить об этом в репортаже. Пит Фримэн уже должен там снимать.

Барби не понравилось это слово - толпа.

mir-knigi.org

- Господи, я надеюсь, люди будут вести себя пристойно.

- Будут. Это же, в конце концов, Милл, а не Нью-Йорк.

Барби не был уверен, что есть существенное различие между загнанными в угол полевыми и городскими мышами, но промолчал. Она лучше его знала местный люд.

И Джулия, словно прочитав его мысли, произнесла:

- Конечно, я могу ошибаться. Вот потому и послала Пита. - Она оглянулась вокруг. За стойкой сидело ещё несколько мужчин, доедая свою яичницу, допивали кофе, и, конечно, за столом в уголке - «лясоточильнике» на жаргоне янки - ярые старики пережевывали события, которые случились, и дискутировали о том, что может случиться в дальнейшем. Впрочем, в центре ресторана остались только она и Барби.

- Должна сказать вам пару слов, - произнесла она шепотом. - Перестаньте нависать, как Кельнер Уилли[132], и сядьте.

Барби послушно сел, налив кофе и себе. Ему достались остатки с донышка кофейника, и на вкус они были, как солярка… однако же, конечно, именно на донышке и сосредотачиваются главные силы кофеинового воинства.

Джулия засунула руку в карман платья, вытянула мобильный и толкнула телефон по столешнице в его сторону.

- Ваш полковник Кокс вновь звонил в семь часов утра. Думаю, он тоже не очень выспался в эту ночь. Попросил меня передать вам это. Он не знает, что у вас есть собственный.

Барби не пошевелился, чтобы взять телефон.

- Если он уже ждет доклада, то серьезно ошибается в моих возможностях.

- Он этого не говорил. Сказал, что ему надо с вами поговорить, и что он хочет иметь с вами постоянную связь.

Это склонило Барби к принятию решения. Он оттолкнул от себя телефон в ее сторону. Она отнюдь не удивилась.

- Еще он сказал, что, если вы не получите его звонка сегодня до пяти вечера, должны ему позвонить по телефону сами. У него будет новости. Сказать вам этот его забавный код?

- Давайте, - вздохнул он.

Она написала код на салфетке - крохотные аккуратные циферки.

- Мне кажется, они хотят что-то попробовать сделать.

- Что именно?

- Он не сказал, у меня просто было ощущение, что у них есть какие-то варианты.

- Конечно, они должны их иметь. Что вы еще задумали?

- А кто вам сказал, что я еще что-то задумала?

- Просто у меня такое чувство, - произнес он, улыбнувшись.

- Хорошо, счетчик Гейгера.

- Я собирался поболтать об этом с Элом Тиммонсом.

Эл Тиммонс был завсегдатаем «Розы- Шиповника» и сторожем при горсовете. У Барби с ним были хорошие отношения.

Джулия покачала головой.

- Нет? А почему?

- Угадайте, кто предоставил Элу персональный беспроцентный кредит, чтобы он послал своего младшего сына в университет «Христианское Наследие» в Алабаме?

- Хотите сказать, Джим Ренни?

- Правильно. А теперь давайте перейдем к риску двойной уголовной ответственности за одно и то же преступление. Угадайте, кто держит вексель на Элов снегоочиститель.

- Догадываюсь, что вновь-таки Джим Ренни.

- Точно. А поскольку вы - то собачье дерьмо, которое выборный Ренни не в состоянии напрочь счистить со своей подошвы, обращаться к зависимым от него людям вам не стоит, - она наклонилась ближе. - Однако так случилось, что я знаю, у кого полный набор ключей от всего этого королевства: городской совет, больница, амбулатория, школа… короче, от всего.

- Кто?

- Наш покойный шеф полиции. И, так случилось, что я в хороших отношениях с его женой - вдовой. Она не пылает любовью к Джиму Ренни. К тому же она умеет хранить тайну, если кто-то убедит ее в том, что та этого достойна.

- Джулия, ее муж еще даже не остыл.

Джулия с отвращением вспомнила атмосферу похоронного салона Бови и скривила лицо в печальной и отталкивающей гримасе.

- Возможно, и так, но комнатной температуры он уже достиг. Однако я принимаю ваше замечание и аплодирую вашей способности к сочувствию. Но… - она ухватила его за руку. Барби удивился, но не почувствовал отвращения. - Это не обычные обстоятельства. И здесь не важно, как сильно у нее болит душа, Бренда Перкинс все поймет. Вы должны сделать свою работу. Я смогу ее убедить в этом. Вы секретный агент.

- Секретный агент, - повторил Барби, и вдруг его накрыло парочкой дерьмовых воспоминаний: спортивный зал в Фаллудже и заплаканный иракец, почти голый, лишь в заштопаном хиджабе[133]. С того дня, после того спортзала, он уже не желал быть секретным агентом. И вот, вновь тоже самое.

- Итак, я…

Утро было теплым, как для октября, и хотя ресторан уже закрылся (клиенты могли выходить, но не заходить), окна были приоткрыты. Через окно, которое выходило на Мэйн-стрит, долетел

звонкий металлический скрежет и вопль боли. Следом послышались протестующие вопли.

Над кофейными чашками, с одинаковыми выражениями на лицах - удивление и опасение - Барби и Джулия обменялись взглядами.

«Вот оно и начинается», - подумал Барби. Он понимал, что это не так - все началось еще вчера, когда установился Купол, - но вместе с тем он знал, что все начинается именно сейчас.

Люди, которые сидели за стойкой, бросились к дверям. Барби встал и тоже присоединился к ним, за ним и Джулия.

Чуть дальше по улице, за северным краем городской площади, созывая прихожан к службе, начал бухать колокол на верхушке Первой Конгрегационной церкви.

5

Джуниор Ренни чувствовал себя классно. В это утро лишь тень боли присутствовала в его голове, и завтрак легко осел в его желудке. Он думал, что, наверняка, даже сможет съесть обед. Это было хорошо. В последнее время пища вызывала у него отвращение, часто только от самого ее вида ему хотелось рыгать. А вот в это утро - нет. Овсяные блины с беконом, бэби.

«Если это апокалипсис, - подумал он, - пусть он наступит быстрее».

Каждый внештатный помощник действовал в паре с полноценным офицером. Джуниору достался Фрэдди Дентон, и это тоже было хорошо. Дентон, лысый, но все еще стройный в свои пятьдесят, имел репутацию серьезного авторитета... но случались исключения. Когда Джуниор еще играл в школьной команде, Фрэдди был президентом Клуба обеспечения «Уайлдкетс» и люди рассказывали, что якобы он наказывал одинаково всех футболистов, всех без исключения. За всех Джуниор отвечать не мог, но знал, что однажды Фрэдди простил Фрэнки Делессепсу, а самого Джуниора наедине дважды уговаривал этим стандартным: «На этот раз я тебя штрафовать не буду, но в дальнейшем веди себя более рассудительно». Джуниору в партнеры могла достаться Веттингтон, которая, наверняка, мечтала уже под конец первой смены запустить кого-нибудь из ребят себе в трусы. Станок у нее - что надо, но во всем другом неудачница. Его не выбил из колеи тот прохладный взгляд, которым она его одарила после принятия присяги, когда он с Фрэдди проходил мимо нее, отправляясь на дежурство.

«Там, в кладовке, хватит места и для тебя, Джеки, если потрахаешься со мной», - подумал он и рассмеялся. Господи, как это чудесно, чувствовать теплый свет у себя на лице! Хрен знает, когда он чувствовал себя так хорошо.

Фрэдди спросил, не понимая:

- Что-то смешное, Джуниор?

- Да ничего особенного, - ответил он. - Просто у меня все классно, вот и все.

Их задача, по крайней мере, на это утро, состояла в патрулировании Мэйн-стрит («Чтобы показать наше присутствие», - объяснил Рендольф), сначала пройти по одной ее стороне, а потом назад по другой. Приятная служба под теплым октябрьским солнышком.

Они проходили мимо «Топливо & Бакалея», когда услышали изнутри громкий спор. Один голос принадлежал Джонни Карверу, завмагу и совладельцу магазина. Второй бубнил что-то, словно

глину жевал, и Джуниор не смог его узнать, но Фрэдди Дентон подкатил глаза.

- Неряха Сэм Вердро, чтобы я так жил, - произнес он. - Блядство! А еще же даже и полдесятого нет!

- Кто это, Сэм Вердро? - переспросил Джуниор.

Губы Фрэдди превратились в сплошную белую линию, которую Джуниор помнил еще с его футбольных времен. Это было то самое выражение лица Фрэдди: вот, сука, нарвались. И вместе с тем: да бля, заткнись.

- Ты еще не знаком со сливками высшего общества нашего города, Джуниор. Сейчас будешь иметь возможность наверстать упущенное.

Голос Карвера произнес:

- Сэмми, я и сам знаю, что уже десять часов, и вижу, что деньги у тебя есть, но все равно не могу продать тебе вино. Ни сейчас утром, ни сегодня днем, ни позже вечером. Может, и завтра тоже не смогу, пока не закончится эта дьявольщина. Это приказ самого Рендольфа. Он у нас новый шеф.

- Хер с бугра он! - откликнулся другой голос, но так неразборчиво, что Джуниор услышал это, как хевбуаон. - Пит Рендольф - это кусок говна около дырки в очке Дюка Перкинса.

- Дюк умер, а Рендольф запретил продажу выпивки. Извини, Сэм.

- Только одну бутылочку «Громовицы»[134], - проскулил Сэм. - Мне очень надо. Ну же, я могу заплатить. Давай же. Сколько же мне нужно здесь еще торговаться?

- Ну, черт с тобой.

Сердясь на самого себя, Джонни отвернулся к заставленной пивными и винными бутылками предлинной, на всю стену, полке, как раз в тот миг, когда по пандусу к магазину поднялись Джуниор и Фрэдди. Вероятно, он решил, что одна бутылка «Грома» не будет большой ценой за то, чтобы спровадить прочь старого пьянчужку, тем более несколько покупателей заинтересованно ждали продолжения шоу.

Написанное вручную печатными буквами объявление на полке гласило однозначно: АЛКОГОЛЬ НЕ ПРОДАЕТСЯ ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ, но это чудовище все равно потянулось за бутылкой, которые стояли посреди полки. Именно там выстроилось наиболее дешевое пойло. Джуниор служил в полиции меньше двух часов, но понял, что видит очень нехороший пример. Если Карвер поддастся этому растрепанному алконавту, другие, более порядочные клиенты будут требовать и себе таких же привилегий.

Очевидно, такой же мысли придерживался и Фрэдди Дентон.

- Не делай этого, - предупредил он Джонни Карвера, и к Вердро, который смотрел на него красными глазищами обожженного полевым огнем крота: - Не знаю, достаточно ли сохранилось живых клеток в твоем мозгу, чтобы прочитать, что там написано, но знаю, что ты слышал, что тебе было сказано этим человеком: никакого алкоголя сегодня. Давай-ка катись на свежий воздух. Завонял здесь все.

- Не имеешь права, офицер, - произнес Сэм, вытягиваясь во весь свой рост - пять с половиной

футов[135]. На нем были грязные холщовые штаны, майка «Led Zeppelin»[136] и старые тапки с затоптанными задниками. Подстригался он последний раз, вероятно, когда еще Буш II высоко стоял в соцопросах. - Имею право. Свободная страна. Так написано в Конституции Независимости.

- В Милле действие Конституции отменено, - сказал Джуниор, сам не представляя того, что проговаривает сейчас чистое пророчество. - Вот и давай, убирайся отсюда прочь.

Боже, как хорошо он чувствовал себя! За какой-то день он перешел от мрака безнадеги до лучезарного озарения.

- Но…

У Сэма задрожали губы, он старался сформулировать какие-то аргументы.

Джуниор с отвращением и удовольствием заметил, что на глазах старого пердуна выступили слезы. Сэм протянул вперед руки, которые дрожали еще хуже, чем его раскрытые губы. У него был только один аргумент, хотя как же тяжело ему было пользоваться им на глазах у публики. Но ничего другого не оставалось.

- Джонни, мне очень надо. Серьезно. Хоть немножечко, чтобы унять тремор. Последнюю, и все. Я не во что не буду встревать. Клянусь именем моей матери. Сразу же пойду домой.

Домом Неряхе Сэму служила лачуга посреди омерзительного, утыканного старыми автозапчастями, двора.

- Ну, может бы, я… - начал Джонни Карвер.

Фрэдди его проигнорировал.

- Неряха, у тебя в жизни не может быть последней бутылки.

- Не называй меня так, - вскрикнул Сэм Вердро. Слезы полились у него из глаз и поползли по щекам.

- Старикан, у тебя мотня расстегнута, - произнес Джуниор и в то мгновенье, как Сэм наклонил голову, чтобы взглянуть на свои мятые штаны, Джуниор ткнул пальцем ему под отвислый подбородок и тут же ущипнул за шнобель. Конечно, старый школьный трюк, но неизменно действенный. Джуниор даже прибаутку, популярную в начальных классах, вспомнил: - Грязная одежка, получи-ка носа!

Фрэдди Дентон хохотнул. Засмеялись и кое-кто из посетителей заведения. Улыбнулся даже Джонни Карвер, хотя и нехотя.

- Убирайся отсюда, Неряха, - подчеркнул Фрэдди. - День стоит хороший. Ты же не хочешь его провести в камере.

Однако что-то - то ли кличка Неряха, то ли то, что его ущипнули за нос, а может и то, и другое вместе - высвободило остатки той злости, которая нагоняла ужас на коллег Сэма, когда он сорок лет тому назад работал лесорубом на канадском берегу реки Мэримачи. Его губы и руки прекратили дрожать, по крайней мере, на некоторое время. Глаза, которыми он впился в Джуниора, вспыхнули, он хило, однако явным образом пренебрежительно прокашлялся. Когда Сэм заговорил, в его голосе не было слышно и следа бывшей плаксивости.

- Пошел ты на хер, пацан. Из тебя коп-то никакой, и футболиста из тебя никогда настоящего не было. Тебя в колледже даже в запасную команду не взяли, как я слышал.

Он перевел взгляд на офицера Дентона.

- А ты, Псюра Депутатский[137]. В воскресенье после девяти утра продажа разрешена законом, принятым еще в семидесятых. И не надо здесь никому мозги парить.

Теперь он уже смотрел на Джонни Карвера. Улыбка исчезла у того с лица, и покупатели в магазине притихли. Одна женщина обхватила себе горло руками.

- У меня есть деньги, настоящего веса монеты, и я покупаю то, что хочу.

Он двинулся в проход за стойку. Джуниор схватил Сэма сзади за штаны и рубашку, крутанул и толкнул его к дверям магазина.

- Эй! - отозвался Сэм, скользя подошвами по старым, замасленным досках пола. – А ну-ка, убери от меня руки! Убери на хер руки, говорю…

Джуниор, держа старика перед собой, погнал его через двери на улицу. Тот был легенький, словно сумка с перьями. Боже, он еще и пердел! Пук-пук-пук, словно какой-то игрушечный автомат!

Возле бордюра стоял фургончик Стабби Нормана с надписями на бортах: ПОКУПАЕМ & ПРОДАЕМ МЕБЕЛЬ и САМЫЕ ВЫСОКИЕ ЦЕНЫ ЗА АНТИКВАРИАТ. И сам Стабби стоял рядом с разинутым ртом. Джуниор не колебался. Он вогнал старого пьяницу, который что-то лепетал, головой прямо в борт фургона. Тонкий металл податливо звякнул БОНЬГ!

Джуниор подумал, что он мог убить вонючего засранца, только когда Неряха Сэм упал, как сноп, половина тела на тротуаре, половина в сточной канаве. Но Сэма Вердро нелегко было убить каким-то одним ударом о борт старого фургона. И заставить замолчать тоже. Он сначала вскрикнул, а потом начал рыдать. Упал на колени. Кровь текла ему по лицу из рассеченной брови. Он утерся, не веря собственным глазам, посмотрел себе на руку и растопырил пальцы, с которых капала кровь.

Движение на тротуаре моментально прекратилось, словно там кто-то вдруг затеял детскую игру «море волнуется». Пешеходы, выпучив глаза, смотрели на упавшего мужчину с протянутой окровавленной ладонью.

- Я засужу весь этот ёбаный город за полицейский беспредел! - завопил Сэм. - И ВЫИГРАЮ СУД!

По ступенькам магазина спустился Фрэдди и встал возле Джуниора.

- Ну, давай уже, говори, - сказал ему Джуниор.

- Что говорить?

- Что я превысил полномочия.

- А вот и ни хера. Ты сам слышал, что говорил Пит: не позволяйте никому себя обсирать. Здесь именно тот случай, партнер.

- Партнер!

От такого обращения у Джуниора подпрыгнуло сердце.

- У вас нет права выбрасывать меня на улицу, если я имею деньги! - не утихал Сэм. - Вы не имеете права меня бить! Я американский гражданин! Увидимся в суде!

- Удачи тебе, - сказал Фрэдди. - Суд находится в Касл Роке, а дорогу туда, как я слышал, заблокировано.

Он рывком поднял старика на ноги. Из носа Сэма продолжало течь, от крови его рубашка уже превратилась в красную манишку. Фрэдди потянулся рукой к своему поясу за пластиковыми наручниками. («Надо и себе такие получить», - подумал с восторгом Джуниор.) Через мгновенье они захлопнулись у Сэма на запястьях.

Фрэдди осмотрелся вокруг на свидетелей – кое-кто стоял на улице, несколько человек скучились перед дверями «Топлива & Бакалеи».

- Этот мужчина арестован за нарушение общественного порядка, оказание сопротивления полицейскому офицеру и покушение на нападение! - объявил он тем трубным голосом, который хорошо помнил Джуниор еще с его времен на футбольном поле. Услышанный от боковой линии, он каждый раз его раздражал. Теперь же он звучал просто очаровательно.

«Похоже, я взрослею», - подумал Джуниор.

- А также он арестован за нарушение нового антиалкогольного правила, введенного шефом Рендольфом. Посмотрите внимательно! - Он встряхнул Сэма. Кровь брызнула во все стороны с его лица и грязных волос. - Граждане, у нас сейчас кризисная ситуация, но теперь в городе новый шериф и он ее урегулирует. Приспосабливайтесь, переобувайтесь, научитесь получать удовольствие. Вот вам мой совет. Руководствуйтесь им, и я уверен, мы прекрасно переживем это состояние. А кто будет противодействовать… - он показал на руки Сэма, закованные за его спиной в наручники.

Пара зрителей даже зааплодировали. Для Джуниора Ренни эти аплодисменты были, словно глоток холодной воды в знойный день. Но потом, когда Фрэдди начал пихать окровавленного старика впереди себя по улице, Джуниор почувствовал на себе чей-то взгляд. Ощущение было таким острым, как будто кто-то пальцами толкнул его в затылок. Он обернулся и увидел Дейла Барбару. Тот стоял рядом с редактором газеты и смотрел на него прищуренными глазами. Барбару, который хорошенько помял его тем вечером на паркинге. Который успел накостылять им всем троим, пока они вместе не начали прессовать его толпой.

Положительные ощущения начали покидать Джуниора. Он буквально чувствовал, как они разлетаются прочь, словно птицы, у него из темени. Или как летучие мыши из колокольни.

- А что ты здесь делаешь? - спросил он Барбару.

- У меня есть вопрос получше, - вмешалась Джулия Шамвей со своей напряженной улыбкой. - Что это вы здесь делаете, жестоко издеваясь над человеком, который весит вчетверо меньше вас и втрое вас старше?

Джуниор затормозил с ответом. Он ощутил, как кровь бросилась ему в лицо и расцвела пятнами на щеках. Вдруг он увидел эту газетную суку в кладовой Маккейнов, в компании с Энджи и Доди. И Барбару там же. Вероятно, лежащим сверху на этой газетной суке, словно вправляет ей этот свой шпок-шпок.

На спасение Джуниору пришел Фрэдди. Говорил он спокойно. Со знакомым всему миру флегматичным лицом типичного полицейского.

- Все вопросы о новой политике полиции к новому шефу, мэм. А тем временем, лучше вам запомнить, что сейчас мы здесь сами по себе. Иногда, когда люди оказываются сами по себе, надо демонстрировать примеры.

- Иногда люди, оказавшись сами по себе, делают вещи, о которых потом им приходится очень сожалеть, - ответила Джулия. - Обычно, когда начинается следствие.

Уголки рта Фрэдди опустились. Он подтолкнул Сэма вперед и повел по тротуару.

Джуниор еще чуть-чуть задержался взглядом на Барби, и сказал:

- Не очень-то духарись при мне. И держись подальше, - большим пальцем он, словно ненароком, коснулся своего новенького, блестящего значка. - Перкинс умер, теперь я здесь закон.

- Джуниор, - произнес Барби, - у тебя какой-то скверный вид. Ты часом не болен?

Джуниор на это даже немного выпятился. А потом развернулся и поспешил вслед за своим новым партнером. Сжав кулаки.

6

В кризисные времена люди, чтобы получить какое-то утешение, предпочитают возвращаться к давно знакомому. Это правило действует как в отношении религиозно настроенных, так и в отношении язычников. Утро этого дня не стало сюрпризом для прихожан в Честер Милле; Пайпер Либби в Конго проповедовала о надежде, а Лестер Коггинс в Церкви Христа-Спасителя - об адском огне. Обе церкви были заполнены до отказа.

Пайпер цитировала Евангелие от Иоанна: «Новую заповедь даю Я вам: любите друг друга! Как Я вас люблю, так возлюбите и вы друг друга!»

Тем, кто заполнили скамейки в церкви Конго, она проповедовала, что молитва важна в кризисное время - молитва, которая утешает, молитва, которая дает силу, - но не менее важно помогать друг другу, полагаться один на одного и любить друг друга.

- Бог подвергает испытанию нас непонятными для нас вещами, - говорила она. - Иногда это болезни. Иногда внезапная смерть кого-то, кого мы любим. - Она бросила сочувствующий взгляд на Бренду Перкинс, которая сидела со склоненной головой, положив ладони себе на колени, скрытые под темным платьем. - А теперь это какой-то необъяснимый барьер, который отрезал нас от внешнего мира. Он вне нашего понимания, но также вне нашего понимания болезни и боль, и внезапные смерти хороших людей. Мы спрашиваем у Бога: почему? Но в Ветхом Завете есть ответ, тот, который Он дал Иову: «Или ты родился первым человеком, или раньше, чем горы, ты создан?» А в Новом, в более просветленном, Завете это ответ Иисуса его ученикам: «Любите друг друга, как Я вас любил». Вот именно это мы и должны делать сегодня и ежедневно, пока все не закончится: любить друг друга. Помогать друг другу. И ждать, когда закончится это испытание, потому что испытания Господние заканчиваются всегда.

Цитата Лестера Коггинса была взята из книги Числа (того раздела Библии, который мало вдохновляет на оптимизм).

- Терпите, согрешили вы перед Господом, и знайте, что ваш грех найдет вас!

Как и Пайпер Либби, Лестер так же воспользовался идеей испытания - постоянный проповеднический хит во время всяких хреновертей в продолжении всей человеческой истории, - но главным образом он сосредоточился на заразительности греха и на том, как Бог расправляется с такой заразой, у него это было похоже на то, что Господь выжимает ее Собственными Пальцами, как человек давит себе какой-то досадный прыщ, пока тот не брызнет гноем, как святой Колгейт.

А поскольку даже при ясном свете хорошего октябрьского утра он оставался более чем уверенным, что грех, за который наказан город, это его грех, Лестер был удивительно красноречивым. У многих в глазах стояли слезы, из ближайших рядов часто звучали восклицания: «Господи, помилуй!» В таком вдохновенном состоянии у Лестера даже во время проповедей зачастую рождались новые грандиозные идеи. Одна из таких, вынырнула у него в голове и сегодня, и он тут же ее объявил, не задумавшись ни на минуту. Некоторые вещи слишком яркие, слишком лучезарные, чтобы быть правильными.

- Сегодня же днем я поеду туда, где трасса № 119 упирается в непостижимые Врата Божьи, - произнес он.

- О, Иисус! - всхлипнула какая-то рыдающая женщина.

Остальные захлопали в ладоши или подняли руки в экстазе.

- Думаю, что в два часа. Я встану на колени прямо там, посреди пастбища, вот так! И буду молить Бога убрать эту беду.

На этот раз паства откликнулась еще более громкими восклицаниями: «Господи, помилуй! О, Иисус!» и «Господь благословен».

- Но сначала, - Лестер воздел руку, которой посреди ночи бил себе голую спину. - Сначала я хочу покаяться за тот ГРЕХ, который привел к такой БОЛИ и такой ПЕЧАЛИ и этой БЕДЕ! Если я буду молиться сам, Бог может не услышать меня. Если со мной будут молиться двое или трое, или даже пятеро, Бог все равно может не услышать меня, истинно говорю вам.

Они слушались, они подчинялись. Теперь уже все они воздели вверх руки и качались со стороны в сторону, охваченные той знаменитой Божьей лихорадкой.

- Но если бы ВСЕ ВЫ туда вышли, если бы мы начали молиться, встав в круг, прямо там, на Божьей траве, под синим Божьим небом… на виду у солдат, которые, как говорят, охраняют это творение Рук Божьих… если ВЫ ВСЕ выйдете, если МЫ ВСЕ будем молиться вместе, тогда мы сможем достичь самых глубин этого греха и вытянем его на свет, где он умрет, и тогда сотворится чудо Господа Всемогущего! ВЫЙДЕТЕ ЛИ ВЫ? ВСТАНЕТЕ ЛИ ВЫ ВМЕСТЕ СО МНОЙ НА КОЛЕНИ?

Конечно же, они пойдут. Конечно же, встанут на колени. Люди имеют такую радость от искренних молитвенных собраний во славу Господа и в хорошие, и в плохие времена. И когда бэнд заревел «Все, что делает мой Господь, все справедливо»[138] (тональность соль-мажор, Лестер на соло-гитаре), они запели так, что чуть крышу не снесло.

Конечно, там был и Джим Ренни. Это именно Джим Ренни назначил, кто кого будет подвозить туда на своих машинах.

7

ПРОЧЬ СЕКРЕТНОСТЬ!

СВОБОДУ ЧЕСТЕР МИЛЛУ!

ПРОТЕСТУЕМ!!!

ГДЕ? Молочная ферма Динсмора на 119 шоссе (достаточно увидеть

разбитый лесовоз и военных АГЕНТОВ УГНЕТЕНИЯ)!

КОГДА? 14:00 по восточному времени угнетения!

КТО? ВЫ и каждый, кого вы сможете привести с собой!

Скажите им, что мы желаем рассказать нашу историю масс-медиа!

Скажите им, что МЫ ЖЕЛАЕМ ЗНАТЬ,

КТО ЭТО СДЕЛАЛ! И ЗАЧЕМ!

И главное, скажите им, что МЫ ЖЕЛАЕМ ВЫСКАЗАТЬСЯ!!!

Это наш город! Мы должны за него биться!

МЫ ДОЛЖНЫ ВОЗВРАТИТЬ ЕГО СЕБЕ!!!

У нас можно получить плакаты, но позаботьтесь о том, чтобы

принести и свои (и помните - злословие контрпродуктивно).

БОРИСЬ С СИСТЕМОЙ!

ПРОТИВОДЕЙСТВУЙ ЕЙ ДО КОНЦА!

Комитет за свободу Честер Милла

8

Если в Честер Милле и был человек, который мог бы сделать своим персональным лозунгом старое выражение Ницше «Все, что меня не убивает, делает меня более стойким», то этим человеком был Ромео Бэрпи, шустряк с по-старомодному густым коком под Элвиса на голове и остроносыми казаками с эластичными вставками в голенищах на ногах. Имя он получил от своей романтической мамаши, франко-американки, а фамилию от папаши - ярого янки, практичного до самой глубины своего скупого сердца. В детстве Ромео пришлось выживать под прессом безжалостных насмешек, а иногда и избиений, но, наконец, он стал самым богатым человеком в Честер Милле. (То есть… нет. Самым богатым в городе был Джим Ренни, но большинство своих доходов ему приходилось скрывать.) Ромми владел самым большим и самым прибыльным независимым универмагом на весь штат. Когда-то, в-восьмидесятых, его потенциальные партнеры-кредиторы сказали, что он сошел с ума, если хочет начать бизнес под таким мерзким названием, как «Бэрпи». Ромми им ответил, что если такая же, как и у него, фамилия не мешает компании «Семена Бэрпи»[139], то ему самому и подавно. А теперь

mir-knigi.org

летом у него прекрасно раскупались майки с надписью: ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ СО СЛЕРПИ[140] В БЭРПИ. Вот так, мои дорогие, лишенные воображения банкиры.

Своим успехом он был обязан главным образом тому, что мог угадать большой шанс и немилосердно его эксплуатировал. Около десяти в то воскресное утро - вскоре после того, как он увидел гонимого в сторону полицейского участка Неряху Сэма – к нему подкатил очередной большой шанс. Как это всегда случается, когда сам его неустанно выискиваешь.

Ромео заметил детей, которые вешали плакаты, сделанные на компьютере, и очень профессионально. Подростки - большинство на велосипедах, парочка на скейтбордах - густо залепили ими Мэйн-стрит. Демонстрация протеста на шоссе 119. Ромео задумался, кому же это стукнула в голову такая идея?

Он остановил одного из пареньков и спросил:

- Это моя идея, - ответил Джо Макклечи.

- Не врешь?

- Я никогда не вру, - сказал Джо.

Ромео протянул мальчику пятерку и, не смотря на его протесты, засунул банкноту поглубже ему в задний карман. Информация стоила денег. Ромми думал, что люди должны собраться на эту детскую демонстрацию. Всем безумно хочется высказать свое отчаяние, страх и справедливый гнев.

Вскоре после того, как он отпустил Чучело Джо и тот пошел своей дорогой, Ромео услышал, как люди говорят о послеобеденной общей молитве, которую будет вести пастор Коггинс. Божьей волей в том же самом месте и в то же самое время.

Ясно, что это знамение. И читается оно так: ЕСТЬ ШАНС НА ХОРОШУЮ ВЫРУЧКУ.

Ромео пошел к своему магазину, где торговля сейчас находилась в апатичном состоянии. В это воскресенье покупателей вообще было мало, да и те шли главным образом в «Фуд-Сити» и «Топливо & Бакалею». Большинство людей находились либо в церкви, либо оставались дома, смотрели новости. За кассой сидел Тоби Меннинг и также смотрел телеканал Си-Эн-Эн по маленькому телевизору, который работал от батареек.

- Выключай этот бред и замыкай кассу, - приказал ему Ромео.

- Вы серьезно, мистер Бэрпи?

- Да. Достань со склада большой тент. Скажи Лили, чтобы помогла тебе.

- Тот тент, для нашей летней ярмарки-распродажи?

- Именно тот, бэби. Мы установим его на том коровьем пастбище, где разбился самолет Чака Томпсона.

- На лугу у Алдена Динсмора? А если он захочет за это денег?

- Заплатим.

Ромео считал. В его универмаге продавалось почти все, включая удешевленные бакалейные

товары, и как раз теперь в промышленном холодильнике позади магазина лежало где-то с тысячу паков просроченных сосисок «Счастливчик». Он купил их напрямую с фабрики в Род Айлэнде (компания «Счастливчик» уже закрылась, какие-то небольшие проблемы с микробами, слава Богу, хоть не кишечная палочка), надеясь распродать туристам и тем местным, которые будут скупаться на пикники перед Четвертым июля. Не так произошло, как ему хотелось, благодаря этой чертовой рецессии, но он все равно держался за те сосиски, упрямо держался, как обезьяна за орех. И вот, возможно, теперь…

«Продавать их, насаженными на те тайваньские спицы для садовых украшений, этого добра у меня еще не менее миллиарда, - размышлял он. - Выдумать какое-то остроумное название, типа Соси-За-Бак». Плюс, еще есть лаймовый концентрат, около сотни ящиков лимонада «Ямми-Тамми» и разный другой неликвид, который он уже и не надеялся продать без убытков.

- Думаю, нам придется также использовать всех «Голубых Носорогов»[141], - теперь уже его мозг щелкал быстро, как комптометр, именно так, как это нравилось Ромео.

Тоби проникся его энтузиазмом.

- Есть еще идеи, мистер Бэрпи?

Ромми продолжал выдумывать, каких еще ему, может, посчастливится избавиться товаров, которые он уже было думал провести по бухгалтерии в графе «чистые убытки». Да, эти дешевые флюгерки-крутилки на палочках… остатки бенгальских огней после Четвертого июля… слежавшиеся конфетки, которые он придерживал к Хэллоуину…

- Тоби, - сказал он. - Мы устроим самый большой пикник посреди поля изо всех, которые были в этом городе. Шевелись. У нас много работы.

9

Расти как раз был в больнице на обходе с доктором Гаскеллом, когда у него в кармане зачирикала рация, которую он взял с собой, поддавшись настойчивости Линды.

Голос ее звучал тихо, однако ясно.

- Расти, мне все же придется выйти на работу. Рендольф говорит, что после полудня, похоже, полгорода соберется на шоссе 119 прямо возле барьера – кто-то на общую молитву, а другие на демонстрацию. Ромео Бэрпи собирается растянуть там палатку и продавать хот-доги, значит, жди в этот вечер наплыва пациентов с гастроэнтеритом.

Расти застонал.

- Придется оставить девочек с Мартой, - голос Линды звучал обиженно-обеспокоенно, как у женщины, которой приходится защищаться. - Я ей шепну о проблеме Дженни.

- Хорошо, - он знал, что она останется дома, если он будет настаивать… и добьется этим лишь того, что все ее тревоги, которые начали утихать, только усилятся. А если там соберется такая толпа, она там действительно нужна.

- Благодарю тебя, - произнесла она. - Благодарю за понимание.

- Не забудь и собаку также отправить к Марте, - напомнил ей Расти. - Сама знаешь, что сказал

Гаскелл.

Этим утром доктор Рон Гаскелл - Чудотворец - вырос в глазах семьи Эвереттов.

Вырос, как никогда до начала этого кризиса. Расти даже ожидать такого не мог, но воспринял это с признательностью. По мешкам под глазами, по отвисшим губам, он видел, как тяжело врачу. Чудотворец был уже слишком старым для такого напряжения. Лучше всего, что ему теперь удавалось, это дремать в ординаторской на третьем этаже. Но сейчас, кроме Джинни Томлинсон и Твича, только Расти с Гаскеллом держали оборону. Как назло, Купол накрыл город в такой хороший уик-энд, когда все, кто мог отсюда куда-то уехать, так и сделали.

Чудотворец, хотя и приближался к своему семидесятилетию, весь прошлый вечер провел на ногах в больнице вместе с Расти, пока Расти буквально силой не вытолкнул его за двери, и вновь был здесь в семь часов утра, когда прибыли Расти с Линдой и с дочерями на буксире. И с Одри, которая, попав в госпиталь «Кэти Рассел», чувствовала себя в новой для нее атмосфере довольно спокойно. Джуди и Дженнилл шли по обе стороны большой собаки, для уверенности дотрагиваясь до ее спины. Дженнилл выглядела насмерть перепуганной.

- Что с собакой? - спросил Гаскелл. А когда Расти ему рассказал, тот только кивнул и обратился к Дженнилл: - Давай-ка мы тебя осмотрим, дорогуша.

- Будет больно? - с боязнью спросила девочка.

- Не больше, чем от конфеты, которую ты получишь после того, как я посмотрю твои глазки.

Когда осмотр был закончен, взрослые оставили девочек с собакой в кабинете, а сами вышли в коридор. Доктор Гаскелл ссутулился. Казалось, за прошлую ночь он еще больше поседел.

- Каков твой диагноз, Расти? - спросил Гаскелл.

- Незначительная эпилепсия, короткие приступы. Думаю, из-за беспокойства и перевозбуждения, однако скуление Одри длилось на протяжении нескольких месяцев.

- Правильно. Мы начнем давать ей заронтин[142]. Ты согласен?

- Да, - Расти был растроган тем, что у него спрашивается сам врач. Ему стало стыдно за те прошлые свои слова и мысли о Гаскелле.

- А собака пусть остается рядом с ней, да?

- Конечно.

- Рон, с ней все будет благополучно? - спросила Линда. Тогда она еще не знала, что ей придется выходить на работу; тогда она еще думала, что спокойно проведет весь день вместе со своими девочками.

- С ней и сейчас все хорошо, - ответил Гаскелл. - У многих детей случаются приступы незначительной эпилепсии. У большинства из них все проходит после нескольких раз. У других иногда длится годами, но потом тоже проходит. Очень редко бывают какие-то продолжительные расстройства.

Линда повеселела. У Расти была надежда, что ей никогда не станет известно то, о чем промолчал Гаскелл: вместо того, чтобы найти выход из неврологических дебрей, некоторые

mir-knigi.org

несчастные дети углубляются в них, вырастая во взрослых эпилептиков. А большие эпилептические приступы могут причинить расстройства. Могут и убить.

И вот дождался, едва только закончил утренний обход (всего с полдесятка пациентов, одна из них мамочка-роженица безо всяких проблем), надеялся на чашечку кофе, прежде чем перебежать в амбулаторию, и тут этот звонок от Линды.

- Я уверена, что Марта охотно возьмет и Одри, - ответила она.

- Хорошо. Ты свою полицейскую рацию будешь держать при себе на дежурстве, да?

- Конечно, да.

- Тогда отдай свою домашнюю Марте. Согласуйте с ней канал связи. Если будет что-то не то с Дженнилл, я сразу прилечу.

- Хорошо. Благодарю, мой миленький. Есть какая-то надежда, что ты сможешь наведаться туда днем?

Расти размышлял о своих шансах, когда увидел Даги Твичела, тот приближался по коридору. Обычной своей походкой «все по барабану», с заложенной за ухо сигаретой, но Расти заметил, какое встревоженное у него лицо.

- Возможно, мне получится убежать на часок, но обещать не могу.

- Я понимаю, но так хорошо было бы увидеться с тобой.

- Мне тоже. Берегись там. И говори людям, чтобы не ели тех хот-догов. Бэрпи мог их хранить у себя в холодильнике десять тысяч лет.

- Там у него стэйки из мастодонтов, - подхватила Линда. - Конец связи, дорогой мой. Я буду тебя ждать.

Расти засунул рацию в карман своего белого халата, и обратился к Твичу.

- Что случилось? И убери сигарету у себя из-за уха. Здесь больница.

Твич достал сигарету из укрытия и взглянул на нее.

- Я хотел ее выкурить около склада.

- Плохая перспектива, - заметил Расти, - для того места, где хранится запас пропана.

- Именно об этом я и пришел тебе сказать. Большей части баллонов нет, пропали.

- Бред. Они же огромные. Точно не помню, каждый на три или на пять тысяч галлонов.

- Так что ты хочешь этим сказать? Я забыл заглянуть за веник?

Расти почесал затылок.

- Если они будут - кем бы там они не были - гасить это силовое поле дольше трех- четырёх дней, нам понадобится много газа.

mir-knigi.org

- Расскажи мне что-то, чего я не знаю, - откликнулся Твич. - Согласно учетной карточке на дверях, там должно стоять семь баллонов, а в наличии лишь два. - Он положил сигарету себе в карман белого халата. - Я проверил и другой склад, просто на всякий случай: а что, если кто-то передвинул баллоны туда…

- Кому такое могло прийти в голову?

- А откуда мне знать, Боже правый. Короче, там хранятся самые необходимые в больнице вещи: садовые инструменты и прочее дерьмо. Зато там все указанные в карточке инструменты на месте, только удобрений, сука, почему-то нет.

Расти не волновала пропажа удобрений, он думал о пропане.

- Ну, если очень припечет, мы можем взять из городских запасов.

- Придется биться с Ренни.

- Это когда наша больница - его единственная надежда, если у него вдруг кое-что застопорится в груди? Сомневаюсь. Как ты думаешь, буду я иметь возможность на некоторое время вырваться отсюда после полудня?

- Как Чудотворец решит. Сейчас он выглядит боевым командиром.

- А где он?

- Спит наверху. И храпит, словно бешеный. Хочешь его разбудить?

- Нет, - ответил Расти. - Пусть поспит. И я не буду называть его больше Чудотворцем. После того, как он работал с того момента, когда на нас опустилась эта зараза, он заслуживает лучшего.

- Воля ваша, сенсэй. Ты достиг нового уровня просветления.

- Отсоси у меня, хуйлуша, - ответил Расти.

10

А теперь смотрите; смотрите очень внимательно.

Сейчас в Честер Милле два часа обычного, невероятно хорошего - такого, что аж глаза ломит - осеннего дня. Если бы отсюда не погнали прессу, фотокорреспонденты чувствовали бы себя, как в профессиональном раю. И не только потому, что деревья пылают на полную силу. Жители запертого города массово выдвигаются на пастбище Алдена Динсмора. Алден уже согласовал с Ромео Бэрпи сумму аренды: шестьсот долларов. Оба удовлетворены: фермер тем, что заставил бизнесмена значительно поднять ставку от сначала предложенных двухсот, а Ромео тем, что готов был дать и тысячу, если бы до этого дошло.

От демонстрантов и призывателей Иисуса Алден не получил и ломаного цента. Но это не означает, что он не имеет навара с них; фермер Динсмор родился ночью, однако же не в последнюю ночь создания. Как только появились первые машины, он определил большое место для автостоянки, сразу на северной стороне от того места, куда вчера попадали обломки самолета Чака Томпсона, и поставил там свою жену (Шелли), своего старшего сына (Олли, вы же помните Олли) и своего наемного рабочего по имени Мануэль Ортэга, беспаспортного

янки, который умел поладить со всеми. Алден установил таксу пять долларов с машины - огромная сумма как для мелкого молочника, который в течение последних двух лет спасает свою ферму от загребущих лап банка только потому, что вцепился в нее зубами. Эта такса вызывает недовольство, а впрочем, не очень многочисленное: на ярмарке во Фрайбурге они платят дороже, а поскольку никто не хочет парковаться на обочинах шоссе, где на ближайших уже стоят машины тех, кто прибыл заранее (а с дальних пешком идти не менее чем полмили), выбора у них нет.

И какое же это странное, пестрое зрелище! Самый настоящий большой цирк на три арены, где обычные жители Честер Милла скопом выступают в главных ролях. Когда сюда прибывают Барби с Рози и Энсом Вилером (ресторан закрыт, они откроются вновь уже на ужин - только холодные сэндвичи, никаких блюд с гриля), смотрят они на все, затаив дыхание, разинув рты. Джулия Шамвей и Пит Фримэн фотографируют на пару. Джулия задерживается, чтобы подарить Барби привлекательную, хотя и большей мерой обращенную к самой себе улыбку.

- Охренительное шоу, как думаете?

Барби улыбается.

- Конечно, мэм.

На первой цирковой арене мы видим тех, которые откликнулись на объявления, развешенные Пугалом Джо и его бригадой. Демонстрантов собралось вполне приличное количество, почти двести человек, и шестьдесят сделанных ребятами плакатов (наиболее популярный - ПОЗОР! ВЫПУСТИТЕ НАС НА СВОБОДУ!!!) разобрали мгновенно. К счастью, многие люди принесли с собой собственные плакаты. Джо больше всего понравился тот, где поверх карты Милла начерчена тюремная решетка. Лисса Джеймисон его не просто держит, а еще и агрессивно им размахивает вверх-вниз. Тут же и Джек Эванс, бледный, хмурый. Его плакат - это коллаж из фотографий женщины, которая вчера истекла кровью насмерть.

КТО УБИЛ МОЮ ЖЕНУ? - взывает надпись. Чучелу Джо его очень жаль… но какой же крутой плакат! Если его увидят репортеры, они от радости все вместе обсерутся себе в коллективные штаны.

Джо сгруппировал демонстрантов в большой круг, кружащий прямо перед Куполом, линия которого обозначена мертвыми птицами с их стороны (со стороны Моттона военные их поубирали). Круг предоставляет возможность каждому из людей Джо - ему нравится считать их своими людьми - шанс помахать собственным плакатом в сторону охранников, которые стоят решительно (и до оголтелости оскорбительно) повернувшись к ним спинами. Джо раздал людям также листы с напечатанными «стихами для скандирования». Он их придумал вместе с Норри Келверт, скейтбордисткой и живой иконой верного Бэнни Дрэйка. Кроме того, что Норри умела на своей Блиц-доске отжигать головокружительные пируэты, она также находила простые и достойные рифмы, ничего себе? Одна из речевок звучит так: Ха-Ха-Ха! Хи-хи-хай! Честер Миллу волю дай! Другая: ВИНОВНЫ ВЫ! ВИНОВНЫ ВЫ! В ТОМ, ЧТО МЫ ЗДЕСЬ, КАК В ТЮРЬМЕ! Джо - очень нехотя - забраковал еще один шедевр Норри: Свободу печати! ИНФУ В МАССЫ! ПРОЧЬ СЕКРЕТНОСТЬ, Пидарасы!

- В данном случае мы должны быть политкорректными, - объяснил он ей. Сейчас же его интересовал другой вопрос: не слишком ли юна Норри Келверт для поцелуев? И еще, будет ли она целоваться с языком, если он отважится? Он не целовал еще ни одной девушки, но, если им судилось погибнуть здесь от голода, словно каким-то накрытым пластиковым сосудом жучкам, вероятно, следует попробовать ее поцеловать, пока еще есть время.

На следующей арене расположился молитвенный круг пастора Коггинса. У них истинно творческий подъем. В прекрасном порыве религиозной толерантности к хору Святого Спасителя присоединилось с десяток мужчин и женщин из хора церкви Конго. Они поют «Могущественная твердыня наш Господь»[143], к ним присоединяются также множество горожан, которые не посещают ни одной церкви. Поднимаясь в беззаботное синее небо, их голоса, а также пронзительные восклицания Лестера под одобрительные аминь и аллилуйя членов его молитвенного круга, вместе сплетаются в приемлемый звуковой контрапункт (хотя и не гармоничный - это уже было бы слишком). Молитвенный круг растет, падая на колени, к нему присоединяются и другие горожане, они ложат временно на землю свои плакатики и, сложив набожно руки, тянутся ими к небу. Пусть солдаты повернулись спинами к ним, но Бог же, наверняка, нет.

И самая большая, самая дерзкая арена этого цирка - центральная. Ромео Бэрпи натянул свой ярмарочный тент подальше от Купола, в шестидесяти ярдах на восток от молитвенного круга, выбрав это место после того, как проверил, куда именно дует легкий ветерок. Ему надо было убедиться, что дым от его жаровен достигает как молящихся, так и протестующих. Его единственной уступкой религиозной составляющей в этот день было то, что он приказывает Тоби Меннингу выключить его бубмбокс, из которого ревела песня Джеймса Макмертри о жизни в маленьком городке; потому что она не очень хорошо согласуется с гимнами «Большой Бог» или «Возвратись в дом Иисуса». Торговля идет чудесно, а дальше пойдет еще лучше. Ромео не имеет в отношении этого сомнений. От этих хот-догов - они размораживаются уже во время жаренья - кому-то позже может скрутить живот, но пахнут они посреди хорошего, наполненного солнечным светом дня просто очаровательно. Аромат сельской ярмарки, а не тюремной столовой. Вокруг с бумажными флюгерками-крутилками на тайваньских палочках бегает детвора, сухой траве Динсморовского пастбища угрожает пожар от бенгальских огней, которые оставались у Ромео нераспроданными -после Четвертого июля. Повсюду валяются пустые бумажные стаканчики из-под намешанных из цитрусовых порошков напитков (омерзительных) и наскоряк заваренного кофе (еще более мерзкого). Потом Ромео прикажет Тоби Меннингу заплатить какому-нибудь мальчику, возможно, сыну Динсмора, десять баксов, чтобы тот убрал мусор. Репутация в местном сообществе - это всегда важно. Однако сейчас Ромео полностью сосредоточен на своей импровизированной кассе, картонном ящике из-под туалетной бумаги «Шарман»[144]. Он принимает зелень и отдает сдачу серебристой мелочью: так Америка делает свой бизнес, бэби. Цену он назначил четыре бакса за хот-дог, и чтобы ему пропасть, если люди ее не заплатят. К закату солнца он надеется поднять три тысячи, может, немного больше.

А вон, взгляните! Там Расти Эверетт! Ему таки удалось вырваться! Молодчага! Ему немного жаль, что он не заехал к девочкам - им бы здесь понравилось, это приглушило бы их страхи, увидеть столько радостного народа вокруг, - хотя у Дженни это, наверняка, могло бы послужить причиной лишнего возбуждения.

Они с Линдой одновременно замечают друг друга, и он начинает взволнованно ей махать, буквально подскакивая вверх. С заплетенными в косички волосами - прическа, которую она носит почти всегда на службе - его бескомпромиссная Полицейская выглядит, как какая-то школьница - черлидерша. Линда стоит рядом с сестрой Твича Рози и тем парнягой, который стряпает в ее ресторане. Расти немного удивлен, он думал, что Барбара уехал из города. Какое-то недоразумение с Большим Джимом Ренни. Расти слышал, что вроде бы случилась какая-то потасовка в баре, хотя тогда была не его смена, когда латали ее участников. Вот и хорошо. Расти и без этого достаточно налатался клиентов «Диппера».

Он обнимает свою жену, целует ее в губы, и целует в щеку Рози. Здоровается с поваром, и их вновь знакомят.

- Только взгляните на те хот-доги, - стонет Расти. - О Господи.

- Готовьте кровати, доктор, - говорит Барби, и все смеются. Удивительно, как люди могут смеяться при таких обстоятельствах, и не только они… но, Боже правый, почему бы и нет? Если ты не способен смеяться, когда дела плохи - рассмеяться, пошутить, - значит, ты или мертв, или предпочел бы умереть.

- Забавно тут, - говорит Рози, не зная, когда подойдет к концу эта забава. Мимо них пролетает фрисби. Рози выхватывает тарелку прямо из воздуха и запускает ее назад Бэнни Дрэйку, который прыгает, чтобы ее изловить и с разворота перебрасывает ее Норри Келверт, та ловит ее у себя за спиной - щеголяет! Молитвенный круг молится. Смешанный хор, теперь уже полностью слаженно, в полную грудь выводит самый большой хит всех времен «Вперед, Христовы воины»[145]. Чья-то девочка, возрастом не старше Джуди, бежит мимо них, юбочка телепается вокруг ее пухленьких колен, зажала бенгальский огонек в кулачке, а во второй руке держит стакан с тем ужасным «лимон-адом». Широким кругом кружат и кружат демонстранты, скандируя: Ха-Ха-Ха! Хи-хи-хай! Честер Миллу волю дай! А сверху пушистые тучки с темными брюшками наплывают с южной, Моттонской стороны… но, достигнув солдат, разлетаются, обходя Купол. А тут у них над головами небо - чисто-синее, ни облачка. У Динсмора на поле кое-кто засмотрелся на те тучи, размышляет, будут ли идти дожди в Честер Милле, но никто не говорит об этом вслух.

- Не знаю, будет ли здесь так же весело в следующее воскресенье, - проговаривает Барби.

Линда Эверетт бросает на него взгляд. Это недружеский взгляд.

- Вы бы лучше подумали, прежде чем…

Ее перебивает Рози:

- Смотрите-ка. Зачем тот паренек так гонит, он же перевернется. Ненавижу эти квадроциклы.

Они все смотрят на маленький вездеход на толстых колесах, как тот по диагонали перерезает обозначенное октябрьским заморозком пастбище. Не прямо в их сторону мчится, но точно к Куполу. И очень быстро. Несколько солдат, услышав приближение рева двигателя, все-таки оборачиваются.

- О Боже, хотя бы он не перевернулся, - вскрикивает Линда Эверетт. Рори Динсмор не переворачивается. Лучше бы он перевернулся.

11

Любая идея - как вирус гриппа. Рано или поздно кто-то ее подхватит. Эту идею наконец-то подхватил Объединенный комитет начальников штабов, ее обсасывали на нескольких заседаниях, где также присутствовал бывший командир Барби полковник Джеймс О. Кокс. Рано или поздно кто-то должен был заразиться этой же идеей и в Честер Милле, и ничего странного не было в том, что этим кто-то стал Рори Динсмор, который беспрекословно имел самый острый ум среди своих родственников («Я понятия не имею, в кого он уродился» - сказала Шелли Динсмор, когда Рори принес домой свой первый табель, где стояли только «отлично»… и произнесла она эти слова скорее обеспокоено, чем горделиво). Если бы он жил в самом городе (и еще, если бы имел компьютер, которого у него не было), Рори вне всяких сомнений стал бы членом бригады Чучела Джо Макклечи.

Рори запретили идти на карнавал-молитву-демонстрацию; вместо пожирания подозрительных хот-догов и помощи на временной автостоянке, отец ему приказал остаться дома и подоить коров. После этого он должен был намазать им дойки «Вымячим Бальзамом»[146] - ненавистная Рори процедура.

- А когда сиськи у них будут блестеть, как новенькие, - наставлял его отец, - тогда уберешь в коровнике и подбросишь им немного сена.

Он был наказан за то, что вчера он, вопреки запрету отца, приблизился к Куполу. И даже постучал по нему, Господи помилуй. Апелляция к матери, которая часто его выручала, на этот раз не подействовала.

- Ты мог погибнуть, - сказала Шелли. - К тому же отец говорит, ты встревал в разговоры взрослых.

- Я только подсказал им имя повара! - запротестовал Рори и за это вновь получил подзатыльник от отца, на что с молчаливым удовольствием созерцал Олли.

- Слишком ты умный, это не доведет тебя до добра, - сказал Алден. Прячась за отцовской спиной, Олли показал ему язык. И это заметила Шелли… и тут Олли и сам получил подзатыльник от нее. Но ему она не запретила наслаждаться радостью неожиданной ярмарки.

- И не трогай тот чертов тарантас, - предупредил Алден, показывая на квадроцикл, который стоял под навесом между коровниками №1 и №2. - Носи сено руками. Физическая работа тебя хоть немного укрепит.

После того все бестолковые Динсморы вместе отправились через поле к тенту Ромео, оставив одного сообразительного с вилами и большой, как вазон, банкой Вымячего Бальзама.

Рори взялся за работу мрачно, однако делал все тщательно; прыткий ум не раз заводил его в блудни, но он был хорошим сыном своих родителей, и мысль, чтобы кое-как делать даже то, что было ему предназначено как наказание, никогда не всплывала у него в голове. Сначала у него в голове вообще было пусто. Он находился в том благословенном, бездумном состоянии, которое нередко оказывалось плодотворным; это та почва, на которой вырастают наши ярчайшие мечты и самые большие идеи (как хорошие, так и безнадежно глупые), чтобы неожиданно расцвести, даже вспыхнуть. А впрочем, к ним всегда приводит какая-то ассоциативная цепочка.

Когда Рори начал заметать центральный проход в первом коровнике (ненавистную смазку доек он решил оставить напоследок), оттуда послышалась серия звуков пух-пох-пам, которые могли издавать только петарды. Издалека это было немного похоже на выстрелы. Это навеяло ему в памяти отцовское ружье калибра .30-.30[147], которое хранилось в шкафу. Ребятам дотрагиваться до него было строго запрещено, кроме как под контролем - когда они стреляли по мишеням, или в охотничий сезон, - но шкаф стоял незапертым и патроны также лежали там, на верхней полке.

Вот тут-то и родилась идея. Рори подумал: «Может, у меня получится прострелить дырку в том барьере или хоть трещину сделать?» Перед глазами у него мелькнула картина, яркая и четкая, словно он касается спичкой воздушного шарика.

Он бросил метлу на землю и побежал в дом. Как у многих быстрых людей (особенно у быстрых детей) озарение закрывало ему способность к размышлению. Если бы подобная идея пришла в голову его старшему брату (что навряд ли), Олли подумал бы: «Если самолет не смог пролететь

через барьер и лесовоз на полной скорости его не пробил, то, как сможет пуля?» А еще он мог размышлять так: «Я из-за одного непослушания уже заработал себе наказание, а это возведет мою вину в девятую степень».

Да нет… Олли бы так едва ли подумал. Математические представления Олли не превышали простых арифметических действий.

Напротив, Рори уже знал алгебру на уровне колледжа и был от нее в восторге. Если бы его спросили, каким образом пуля может достичь того, чего не получилось достичь ни самолету, ни лесовозу, он ответил бы, что ударный эффект пули «Винчестер EliteXP3»[148] намного более мощный. Это очевидный факт. Во-первых, удар будет сконцентрирован на кончике одиннадцатиграммовой пули. Он был уверен, что дело выгорит. В запланированном им деле присутствовала безоговорочная элегантность алгебраического уравнения.

Рори представил собственное улыбающееся (но, конечно, скромное) лицо на первой странице газеты «США Сегодня»[149]; как он дает интервью Брайану Вильямсу для «Ежевечерних новостей»[150], как во время парада в его честь он сидит на усыпанной цветами платформе, в окружении девушек того типа, которые становятся королевами выпускного бала (скорее всего, в платьях без бретелек, а возможно, и в купальниках), как он машет рукой толпе, а вокруг волнами взлетают конфетти. Он станет МАЛЬЧИКОМ, КОТОРЫЙ СПАС ЧЕСТЕР МИЛЛ.

Он выхватил ружье из шкафа, встал на стульчик-лесенку и достал с полки коробку патронов для XP3. Зарядил сразу два патрона (один о запасе) и выбежал во двор, держа ружье высоко над головой, словно какой-то повстанец-победитель (однако если быть справедливым - так он еще и соблюдал правила безопасности, даже не задумываясь об этом). Ключ к вездеходу «Ямаха», на котором ему запрещено было выезжать, висел на гвозде в коровнике № 1. Пристраивая ружье на багажник под пружинными стропами, он держал ключ за брелок в зубах. Думал, с каким звуком треснет Купол. Наверное, следовало бы прихватить и стрелковые наушники с верхней полки, но возвращаться за ними было немыслимо; он должен был все сделать сейчас же.

Так оно и бывает с грандиозными идеями.

Он выехал из-за коровника № 2 и остановился, задержавшись лишь для того, чтобы оценить размеры толпы на поле. Вопреки возбуждению, он понял, что не следует ему ехать туда, где Купол перегородил шоссе (там, где на нем, словно на немытом лобовом стекле, все еще прослеживались пятна после вчерашних катастроф). Кто-то может его остановить ранее, чем он успеет расколоть Купол. И тогда вместо того, чтобы стать МАЛЬЧИКОМ, КОТОРЫЙ СПАС ЧЕСТЕР МИЛЛ, он окажется МАЛЬЧИКОМ, КОТОРЫЙ БУДЕТ МАСЛИТЬ КОРОВАМ ДОЙКИ ЦЕЛЫЙ ГОД. К тому же всю первую неделю будет заниматься этим на коленях, потому что на отбитый зад сесть у него не будет сил. Кто-то другой воспользуется его грандиозной идеей.

Итак, он помчал по диагонали, которая должна была вывести его к Куполу где-то за пятьсот ярдов от тента, назначив себе место для остановки там, где посреди травы виднелись вмятины. Он знал, что это места, куда попадали птицы. Он увидел, как солдаты оборачиваются на рев его двигателя. Он слышал тревожные вопли людей, которые собрались кто на молитву, кто на ярмарку. Голоса певцов нескладно смешались, хор замолчал.

А что самое плохое, он увидел отца, который махал ему своей грязной кепкой «Джон Дир» и кричал: «АХ ТЫ Ж, РОРИ, ОСТАНОВИСЬ, ЧЕРТИ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛИ!»

Рори уже очень далеко зашел в этом деле, чтобы останавливаться - нет рода без урода, или как

там, - он на самом деле не желал останавливаться. «Ямаха» подпрыгнула на бугорке, и его подбросило из сидения, удержался он лишь руками и хохотал при этом, словно сумасшедший. Оказалось, что такая же, как и у отца, кепка «Джон Дир» на его голове повернута задом наперед, и он не помнил, каким именно образом он ее надел. Вездеход наклонился набок, но решил выровняться. Вот он уже почти на месте, и один из солдат не выдержал и тоже кричит ему «стой».

Рори остановился, и так резко, что едва не вылетел через руль квадроцикла. Он забыл поставить чертову тележку на нейтралку, и та прыгнула вперед, ударившись об Купол, и только тогда заглохла. Рори услышал скрежет металла и хруст разбитых фар.

Испугавшись, что вездеход на них сейчас наедет (глаз, который не видит ничего между собой и объектом, который резко приближается, включает мощные инстинкты), солдаты бросились врассыпную, оставив свободное пространство и таким образом лишив Рори необходимости призвать их к тому, чтобы они отошли от места возможного пролома с осколками. Ему хотелось стать героем, но ради этого убивать или ранить кого-то ему совсем не хотелось.

Надо было спешить. Ближайшие люди находились на автостоянке и возле ярмарочного тента, и оттуда уже бежали к нему наперегонки. Среди них были его отец и брат, они кричали ему на бегу, чтобы он бы не делал того, что ему там, к черту, вздумало сделать.

Рори выдернул ружье из-под пружинных строп, упер себе в плечо приклад и прицелился в невидимый барьер пятью футами выше тройки мертвых воробьев.

- Не делай этого, парень, это глупая идея! - сказал ему кто-то из солдат.

Рори не обратил на него внимания, потому что идея была хорошая. Люди, которые бежали от стоянки и от тента, были уже почти рядом. Кто-то – это был Лестер Коггинс, который бегал намного лучше, чем играл на гитаре, кричал:

- Во имя Господа, сынок, не делай этого!

Рори нажал на курок. Нет, только попробовал. Предохранитель был включен. Он осмотрелся через плечо и увидел высокого, худого проповедника из церкви святош, который опередил его запыхавшегося, с покрасневшим лицом отца. У Лестера выбилась из брюк и развевалась на бегу рубашка. Глаза выпяченные. Прямо за ним мчался повар из «Розы- Шиповника». Они уже были меньше чем в шестидесяти ярдах, и преподобный, так казалось, включил в себе четвертую скорость.

Рори снял предохранитель.

- Нет, мальчик, нет! - снова закричал по ту сторону Купола какой-то солдат, одновременно приседая с раскинутым руками.

Рори не обращал внимания. Так всегда бывает с грандиозными идеями. Он выстрелил.

На его несчастье, выстрел был точным. Быстро летящая пуля врезалась в Купол под прямым углом, срикошетила и, словно от резины, отскочила назад. Рори не почувствовал резкой боли, только яркий белый свет вспыхнул в его голове, когда меньший из двух фрагментов пули вырвал ему левый глаз и засел в мозге. Фонтаном брызнула кровь, потом, когда мальчик упал на колени, закрыв руками лицо, она потекла ему и сквозь пальцы.

mir-knigi.org

12

- Я ослеп! Я ослеп! - кричал Рори, и Лестер моментально вспомнил те слова, на которых остановился его палец: сумасшествие, слепота, и оцепенение сердца.

- Я ослеп! Я ослеп!

Лестер отодвинул руки мальчика и увидел красную дыру глазницы. Остатки самого глаза прилипли Рори к щеке. Тот поднял голову к Лестеру, и остатки его глаза хлюпнулись в траву.

Лестер успел обнять мальчика на мгновение, но тут подбежал отец Рори и вырвал сына у него из рук. Вот и хорошо. Так и должно быть. Лестер согрешил и умолял наставлений у Бога. Наставление ему было дано, и ответ не замедлил. Теперь он знал, что делать с грехами, к которым его привел Джеймс Ренни.

Слепой мальчик указал ему путь.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

1

Позже, Расти Эверетт мог припомнить разве что переполох. Единственным образом, который очень ярко запечатлелся в его памяти, был голый торс пастора Коггинса: белая, словно рыбий живот, кожа и ступеньки ребер.

Напротив, Барби - возможно, из-за того, что полковник Кокс возложил на него задачу вновь стать дознавателем - видел все. И ему наиболее ярко запомнился не Коггинс без рубашки, а Мэлвин Ширлз, который, нацелившись на него пальцем, слегка качнул набок головой - жест, понятный любому мужчине, который означает: мы еще не разобрались окончательно, красавчик.

А что запомнили остальные люди - и навряд ли, чтобы что-то другое смогло лучше подтолкнуть милловцев к осознанию того, в какой ситуации оказался их город, - это всхлипы отца, который держал на руках своего злосчастного окровавленного сына, и крик матери: «Алден, он живой? ВСЕ ЛИ С НИМ В ПОРЯДКЕ?» в то время как она пробивалась к месту происшествия своим (фунтов на шестьдесят более тяжелым, чем норма) телом.

Барби видел, как через толпу, которая уже теснилась вокруг мальчика, протискивается Расти Эверетт, чтобы присоединиться к двум мужчинам, которые уже стояли там на коленях - Алдену и Лестеру. Алден баюкал сына на руках, а пастор Коггинс смотрел на них, разинув перекошенный, словно ворота с сорванным навесом, рот. От Расти не отставала и его жена. Он упал на колени между Алденом и Лестером, стараясь расцепить руки мальчика, которыми тот заслонял себе лицо. Алден, что, по мнению Барби, было и не удивительно, съездил Расти прямо в нос. Из носа у того хлынула кровь.

- Нет! Позволь ему помочь! - крикнула жена фельдшера.

«Линда, - припомнил Барби. - Ее зовут Линда, и она служит в полиции».

- Нет! Алден! Нет! - ухватила Линда фермера за плечо, и тот развернулся, явно готовый ударить и ее. Ни следа здравого смысла на его лице; он превратился в зверя, который

mir-knigi.org

защищает своего малыша. Барби бросился вперед, готовый в полете перехватить руку фермера, если тот будет бить, но тут ему пришла в голову более здравая мысль.

- Здесь медик, - сказал он, наклонившись к лицу Алдена, заслоняя собой с поля его зрения Линду. - Медик, медик, ме…

Кто-то резко дернул Барби сзади за ворот, того аж развернуло. Он только и успел заметить, что это Мэл Ширлз, один из дружков Джуниора, и что тот в синей форменной рубашке и на груди у него блестит полицейский значок.

«Вот попандос», - подумал Барби, и, как оказалось, не ошибся. Ширлз съездил ему в лицо, точь-в-точь, как в тот вечер на парковке возле «Диппера». Наверняка, целил в нос, но не попал, и вместо этого у Барби губы чвакнулись об зубы.

Ширлз замахнулся вновь, но Джеки Веттингтон - нежелательная партнерша Ширлза в этот день - своевременно перехватила его руку.

- Прекратите! - крикнула она. - Офицер, не делайте этого!

В какое-то мгновение не было ясно, что произойдет дальше. Но тут как раз Олли Динсмор, следом за которым бежала заплаканная, запыхавшаяся мать, шмыгнув между копами, оттолкнув Ширлза в сторону.

Ширлз опустил кулак.

- О'кей, - процедил он. - Но ты находишься на месте уголовного преступления, мудак. Здесь идет полицейское расследование. Вот так.

Барби вытер окровавленный рот тылом ладони, подумав: «Из огня да в полымя; черт бы тебя побрал…»

2

Единственным, что изо всего этого услышал Расти, было слово медик, которое выкрикивал Барби. Наконец он произнес его и сам.

- Я медик, мистер Динсмор. Расти Эверетт. Вы меня знаете. Позвольте мне осмотреть вашего мальчика.

- Пусти его, Алден! - всхлипнула Шелли. - Дай ему осмотреть Рори!

Алден ослабил объятия сына, которого он качал у себя на коленях, где джинсы уже совсем промокли от крови. Рори тут же вновь заслонил себе лицо руками. Расти осторожно, по возможности деликатнее взялся за его руки и опустил их вниз. Он надеялся, что не увидит там того, чего больше всего боялся, однако глазница зияла пустотой, заполненной лишь истекающей кровью. И мозг за глазницей тоже пострадал очень сильно. Неожидаемым стало то, что слепо тупился вникуда подкатанный под лоб уцелевший глаз мальчика.

Расти начал снимать с себя рубашку, но проповедник уже держал в руках свою. С голого торса Коггинса, худого и белого впереди, а на спине покрытого перекрестными красными рубцами, стекал густой пот. Он протянул рубашку Расти.

- Нет, - сказал Расти. - Порвите ее, порвите.

Лестер сначала не понял. А потом разорвал рубашку пополам. Теперь уже прибыли и остальные полицейские помощники и кадровые копы - Генри Моррисон, Джордж Фредерик, Джеки Веттингтон, Фрэдди Дентон - кричали на новичков, чтобы те быстрее шевелились, помогали оттеснять толпу, очищать местность от зевак. Новички взялись за дело с дорогой душою. Кого-то сбили с ног, среди них и знаменитую мучительницу кукол «Братц» Саманту Буши. Малыш Уолтер сидел у Сэмми в рюкзаке-кенгуру, и, когда она плюхнулась на жопу, заверещали они оба. Даже не взглянув, через них переступил Джуниор Ренни, вцепившись за мать раненого Рори, он и ее чуть не повалил наземь, но тут вмешался Фрэдди Дентон.

- Эй, Джуниор, брось! Это мать того мальчика! Отпусти ее!

- Полицейский беспредел! - лежа на траве, голосила Сэмми Буши. – Полицейский бес…

И тут, вместе с Картером Тибодо (конечно же, держа его за руку) подоспела Джорджия Руа, самая новая рекрутша из возглавленного Питером Рендольфом департамента полиции. Джорджия ткнула сапогом Сэмми в одну из сисек - ударом это нельзя было назвать - и произнесла:

- Заткни глотку, ты, лесбийская сука.

Джуниор оставил в покое мать Рори и подошел туда, где стояли Мэл, Картер и Джорджия. Они сверлили глазами Барби. Джуниор присоединил к ним свой взгляд с мыслью, что этот повар все время попадается ему, словно та чертова неразменная монета. Подумал, как Бааарби прекрасно выглядел бы в соседней камере с Неряхой Сэмом. А еще Джуниор подумал, что служить копом - это подарок судьбы; именно это помогло ему, наконец-то, избавиться от головной боли.

Расти взял половинку разорванной рубашки Лестера, и еще раз разорвал пополам. Свернул один кусок и уже чуть ли не приложил его к ране на лице мальчика, но вдруг передумал и отдал тампон отцу ребенка.

- Приложите это к…

Слова выходили непонятными; в горле хлюпала кровь, которая затекла туда из его разбитого носа. Расти отхаркался, отвернувшись, сплюнул сгусток в траву, и тогда попытался вновь.

- Отец, приложите к ране. Слегка нажимайте. Одной рукой придерживайте ему затылок и нажимайте.

Хоть и находившийся вне себя, отец мальчика послушно выполнил приказ. Импровизированный тампон моментально промок от крови, однако Алден Динсмор явно немного успокоился. Занятие конкретным делом помогает. Почти всегда. Куском, который остался, Расти махнул Лестеру.

- Еще! - сказал он, и Лестер начал рвать рубашку на еще более мелкие лоскуты. Подняв руку Динсмора, Расти убрал первый тампон, который уже промок полностью и стал лишним. Увидев пустую глазницу, вскрикнула Шелли Динсмор.

- Ох, мой мальчик! Мой сыночек!

Мелкой рысью подбежал Питер Рендольф, закашлившийся-запыхавшийся. И все равно он намного опередил Джима Ренни, который, помня о своем недоброкачественном моторе, плелся медленно вниз по полю по траве там, где толпа уже успела протоптать широкую тропу. И

mir-knigi.org

думал он о том, что вот какой хреновертью все здесь обернулось. В дальнейшем все подобные мероприятия в городе должны происходить только после получения соответствующего разрешения. И если он будет иметь к этому отношение (а он будет иметь, как всегда), такое разрешение получить будет тяжело.

- Уберите отсюда людей, - гаркнул Рендольф офицеру Моррисону. А когда Генри отвернулся, чтобы выполнять его приказ, сказал: - Граждане, отойдите назад! Очистите территорию!

Моррисон и сам закричал:

- Офицеры, все в шеренгу! Оттесняйте толпу. А кто будет упираться, тех в наручники!

Народ начал понемногу отодвигаться. Барби задержался.

- Мистер Эверетт… Расти… вам не нужна помощь? У вас все нормально?

- Нормально, - откликнулся Расти, и по выражению его лица Барби понял все, что хотел знать: с фельдшером все обстоит благополучно, только нос кровит. А вот с мальчиком отнюдь не все хорошо, и никогда не будет, даже если он останется живым. Расти прислонил свежий тампон к кровоточащей глазнице, и вновь положил туда отцовскую руку.

- Поддерживайте ему затылок, - напомнил он. - Давите сильнее. Сильнее.

Барби уже было сделал шаг назад, и тут мальчик вдруг заговорил.

3

- Это Хэллоуин. Нельзя… мы не можем…

Прекратив скатывать в очередной тампон кусок рубашки, застыл Расти. Он словно вновь оказался в спальне своих дочерей, вслушиваясь в лепет Дженни: «Это Большая Тыква во всем виновата!»

Он кинул взгляд поверх голов на Линду. Она тоже услышала эти слова. Линда вытаращилась, раскрасневшиеся до этого щеки у нее моментально побелели.

- Линда! - позвал ее Расти. - Достань свою рацию! Свяжись с больницей! Скажи Твичу, чтобы пригнал санитарную…

- Огонь! - закричал Рори Динсмор высоким, срывающимся голосом. Лестер вытаращился на него, как, наверное, Моисей когда-то вытаращился на горящий куст. - Огонь! Автобус в огне! Все кричат! Берегитесь Хэллоуина!

Все вокруг притихли, прислушиваясь к крикам мальчика. Его услышал даже Джим Ренни, который именно в это время добрался до дальних спин и начал прокладывать себе локтями путь через толпу.

- Линда! - закричал Расти. - Свяжись с больницей. Нам нужна помощь!

Она моментально пришла в себя, словно кто-то всплеснул ладонями ей перед лицом. И сняла с пояса рацию уоки-токи.

Рори дернулся и скатился вниз на затоптанную траву, у него начались судороги.

- Что с ним такое? - это вскрикнул его отец.

- О Господи Иисусе, он умирает! - это его мать.

Расти перевернул судорожно дрожащего мальчика (стараясь при этом не думать о Дженни, но, конечно же, это было невозможно) и задрал ему подбородок, чтобы обеспечить лучшую вентиляцию легких.

- Давайте, отец, - напомнил он Алдену. - Не перекладывайте на меня всю работу. Беритесь за затылок. Давите на глазницу. Останавливаем кровотечение.

Нажатием можно было загнать еще глубже тот осколок, которым мальчику выбило глаз, но Расти займется этим позже. Если, конечно, мальчик не умрет прямо тут, на траве.

Почти рядом - однако же, так далеко - наконец подал голос один из солдат. Совсем еще юный, он выглядел напуганным и растерянным.

- Мы старались его остановить. Мальчик не слушал. Мы ничего не могли сделать.

Пит Фримэн, с фотоаппаратом, который висел на ремешке у него где-то возле колена, подарил молодому бойцу исключительно горькую улыбку.

- Вы знаете, нам это понятно. Если до этого у нас были хоть какие-то сомнения, то теперь их нет.

4

Не успел Барби раствориться в толпе, как его за локоть ухватил Мэл Ширлз.

- Убери от меня руки, - произнес Барби мягко.

Ширлз продемонстрировал зубы в собственной версии улыбки.

- И не мечтай, хуйло. - И тогда громко: - Шеф! Эй, шеф!

Питер Рендольф обернулся к нему, раздраженно хмурясь.

- Этот человек мне мешал, когда я старался очистить территорию. Я могу его арестовать?

Рендольф открыл, было, рот и, наверное, хотел сказать: «Не говори глупостей». Но сначала оглянулся вокруг. К небольшой компании наконец-то присоединился Джим Ренни и наблюдал, как Эверетт работает с мальчиком. Ригидными глазами закаменелой рептилии Ренни взглянул на Барби, перевел взгляд на Рендольфа и слегка кивнул.

Это заметил Мэл. Его улыбка стала еще шире.

- Джеки? Офицер Веттингтон, я хотел сказать. Можно у вас одолжить наручники.

Скалился и Джуниор с остальной частью своей стаи. Это зрелище было куда более интересным, чем какой-то истекающий кровью пацан, и намного более интересным занятием, чем разгонять толпу святош и тупиц с плакатами.

- Как не вертится, сученок, но расплата его найдет, Баарби, - пропел Джуниор.

На лице Джеки читалось сомнение.

- Питер… шеф, я хотела сказать… думаю, этот человек только хотел помо…

- Закройте его, - перебил ее Рендольф. - Мы выясним, чего он хотел или не хотел позже. Сейчас мне нужно прекратить беспорядок здесь. - Он повысил голос: - Граждане, все закончилось! Все поразвлеклись, и видите, что вышло? А теперь расходитесь по своим домам.

Джеки уже отстегивала пластиковые наручники со своего пояса (она не собиралась отдавать их Мэлу Ширлзу, оденет их сама), но тут заговорила Джулия Шамвей. Она стояла прямо позади Рендольфа и Большого Джима (Большой Джим фактически отодвинул ее в сторону, когда сюда пробирался).

- На вашем месте я бы этого не делала, шеф Рендольф, если вы, конечно, не хотите, чтобы департамент полиции был обесславлен на первой странице «Демократа», - улыбнулась она своей фирменной улыбкой Моны Лизы. - Тем более, вы новичок на этой должности, и тому подобное.

- О чем это вы? - спросил Рендольф. Его взгляд стал еще более пасмурным, превратив лицо в неприятную, подряпанную маску.

Джулия показала ему свою фотокамеру - такую же, как и у Пита Фримэна, только немного более старой модели.

- У меня здесь несколько кадров: как мистер Барбара помогает Расти Эверетту с раненным мальчиком, в то время, как офицер Ширлз оттягивает оттуда мистера Барбару без всякой видимой причины… и кадр, где офицер Ширлз бьет мистера Барбару по губам. Тоже без всякой видимой причины. Я не очень ловкий фотограф, но этот кадр вышел вполне приличного качества. Хотите посмотреть, шеф Рендольф? Это просто, у меня цифровая камера.

Джулия все больше нравилась Барби, но он почему-то подумал, что с ее стороны это чистый блеф. Если она действительно что-то здесь фотографировала, почему тогда держит в левой руке крышку от объектива, словно только-только ее сняла?

- Это неправда, шеф, - заявил Мэл. - Он сам замахнулся на меня, чтобы ударить. Спросите Джуниора.

- Думаю, мои снимки вам покажут, что младший мистер Ренни был занят разгоном толпы и в то мгновение, когда был нанесен удар, стоял, обернувшись к ним спиной, - сказала Джулия.

Рендольф бросил на нее злой взгляд.

- Я могу конфисковать вашу фотокамеру. Как доказательство.

- Конечно, можете, - согласилась она радостно. - И Питер Фримэн снимет, как вы это будете делать. Тогда вы сможете конфисковать и его камеру… но все здесь увидят, как вы это будете делать.

- Джулия, на чьей вы стороне? - спросил Большой Джим. На его лице застыла фирменная улыбка - злая улыбка акулы, которая вот-вот откусит какому-то пухленькому пловцу кусок его сраки.

В ответ Джулия улыбнулась ему по-своему, глаза ее сияли прямо-таки детской

заинтересованной невинностью.

- А что, у нас теперь разные законы, Джеймс? Там один… - показала она на ряд солдат, - а здесь другой?

Большой Джим ее понял, губы его изогнулись на другой манер, в улыбку противоположного сорта. И тогда он нетерпеливо махнул рукой Рендольфу.

- Надеюсь, без претензий, мистер Барбара, - произнес Рендольф. - Горячая ситуация.

- Благодарю, - ответил Барби.

Джеки ухватила за руку своего обозленного партнера.

- Идем, офицер Ширлз. Тут спектакль закончен. Айда отодвигать толпу дальше.

Ширлз двинулся за ней, но лишь после того, как обернулся к Барби с красноречивым жестом: палец торчком, голова преклонена набок: «Мы еще не разобрались окончательно, красавчик».

С импровизированными, сделанными из брезента и стоек от тента носилками появились Джек Эванс и помощник Ромми Тоби Меннинг. Ромми хотел было спросить, что это они такое себе, к черту, позволяют, и уже открыл, было, рот, но сразу и прикрыл. Все равно полевое гуляние закончилось, так какого черта.

5

Посадились в свои машины все, кто приехал на машинах. И тогда все одновременно попробовали оттуда уехать.

«Что и следовало ожидать, - подумал Джо Макклечи. - Абсолютно ожидаемый результат».

Большинство копов старались развести неожиданно возникший дорожный затор, хотя даже детям (Джо стоял вместе с Бэнни Дрэйком и Норри Келверт) было ясно, что ни один из вновь назначенных департаментом офицеров не имеет ни малейшего понятия, каким образом этого достичь. В теплом по-летнему воздухе ясно слышалась их бранные слова: «Ты что, не умеешь сдавать назад своим сучьим пикапом?» Вопреки всему этому беспорядку, никто почему-то не давил на клаксоны. Наверное, люди чувствовали себя слишком подавленными, чтобы еще и гудеть.

Бэнни заметил:

- Взгляните на этих идиотов. Интересно, сколько галлонов бензина вылетает бесцельно сквозь их выхлопные трубы? Они, наверное, думают, что его запасы здесь бесконечны.

- Вот-вот, - откликнулась Норри. Она имела славу крутой, боевой девушки в этом городке, носила теннесийскую версию прически маллет[151], но сейчас Норри побледнела, выглядела печальной и напуганной. Она взяла Бэнни за руку. Сердце Чучела Джо оборвалось, но сразу вернулось на место, как только Норри взяла за руку и его.

- Вон идет тот чувак, которого чуть не арестовали, - произнес Бэнни, показывая свободной рукой.

Барби и леди-газетчица плелись в направлении автостоянки в толпе с полусотней

демонстрантов, которые печально тянули за собой плакать с протестными лозунгами.

- А знаете, - сказал Пугало Джо. - Газетная краля вообще не фотографировала ничего. Я стоял прямо позади ее. Хитрюга.

- Конечно, - поддакнул Бэнни. - Однако не желал бы я оказаться на его месте. Пока это дерьмо не выветрится, копы тут могут творить все, что им взбредет в голову.

«А так оно и есть, - подумал Джо. - И новые копы, в частности, отнюдь не принадлежат к добрым людям. Например, Джуниор Ренни». Слухи о том, каким образом был арестован Неряха Сэм, уже распространились.

- Что ты этим хочешь сказать? - спросила у Бэнни Норри.

- Да сейчас ничего. Сейчас еще классно. - Он решился. - Очень классно. Но если все затянется… помните, как в «Повелителе мух»?[152]

Они были отличниками по литературе, и читали эту книгу.

Бэнни процитировал:

- «Убей свинью. Перережь ей горло. Заколи ее». Копов у нас часто называют свиньями, но я скажу вам, что я сам думаю, и, я думаю, когда дела начинают идти уже совсем говняно, копы кого-то выставляют свиньями. Возможно, потому, что они сами становятся испуганными.

Норри Келверт ударилась в плач. Ее обнял Пугало Джо. Осторожно, словно боялся, что от этого прикосновенья они оба взорвутся, но девушка, обернувшись к нему, зарылась носом ему в рубашку. Она обняла его одной рукой, потому что второй не перестала держать руку Бэнни. Джо подумалось, что он в своей жизни не ощущал ничего прекраснее и волнительнее этих ее слезы, которыми пропиталась его рубашка. Он с укоризной посмотрел поверх ее головы на Бэнни.

- Извини, чувиха, - произнес Бэнни и погладил ее по спине. - Не бойся.

- Он потерял глаз! - вскрикнула она. Слова прозвучали приглушенно, словно шли из груди Джо. Потом она отстранилась. - Это уже никакая не забава. Это больше не игра.

- Конечно, - согласился Джо, словно провозглашал большую истину. - Не игра.

- Взгляните, - показал Бэнни. Они увидели санитарную машину.

По холмистому Динсморовскому полю ехал с красной мигалкой на крыше Твич. Перед ним шла его сестра, хозяйка «Розы- Шиповника», показывая ему путь, обходя самые глубокие ямки. Машина скорой помощи на пастбище под ярким осенним небом октября: это был финальный штрих.

Вдруг Чучелу Джо расхотелось протестовать. Но и домой возвращаться ему не хотелось.

Единственное, чего ему сейчас отчаянно хотелось, - выбраться из этот города.

6

Джулия проскользнула за руль своего автомобиля, но двигатель не включала; им придется еще

какое-то время оставаться на месте, и не было смысла впустую тратить горючее. Она наклонилась мимо Барби, открыла бардачок и извлекла оттуда старую пачку «Амэрикен спирит»[153].

- Резервный запас, - объяснила она извиняющим тоном. - Вы не хотите?

Он покачал головой.

- А если я сама, не против? Потому что я могу и потерпеть.

Он вновь покачал головой. Она закурила, и выпустила дым сквозь свое открытое окошко. На дворе все еще было тепло, в этот день погода полностью отвечала названию «индейское лето», но долго она такой не продержится. Еще неделю или две, и погода изменится на худшую, как говорят старожилы. «А может, и нет, - подумала она. – Кто, к черту, может это теперь знать?» Если этот Купол никуда не денется, несомненно, много метеорологов будут спорить относительно погоды под ним, ну и что? Гуру с канала «Погода» неспособны предсказать, каким боком обернется вьюга, по мнению Джулии, доверять им следует не больше, чем тем гениям политики, которые целыми днями сплетничают за столами в «Розе-Шиповнике».

- Благодарю вас за выступление в мою защиту, - произнес он. - Вы спасли мои окорока.

- Это что-то новенькое, солнышко, ваши окорока все еще висят в коптильне. Что будете делать в следующий раз? Ваш товарищ полковник Кокс позвонит по телефону в Американский Союз защиты гражданских прав? Они могут заинтересоваться, но не думаю, чтобы кто-то из их Портлендского офиса вскоре посетил Честер Милл.

- Не впадайте в пессимизм. Купол может уже сегодня ночью сняться и улететь куда-то в море. Или просто раствориться. Мы ничего не можем знать.

- Жирный шанс. Это дела правительства - то есть какого-то правительства - и, могу поспорить, полковник Кокс это знает.

Барби промолчал. Он поверил Коксу, когда тот уверял его, что американское правительство не виновно в появлении Купола. И не потому, что Кокс был таким уж праведником, просто Барби не верил, что Америка уже имеет такие технологии. И любая другая страна тоже, скажем так. Однако что он знает? В последний раз его служба состояла в запугивании и без того испуганных иракцев. Иногда, приставив кому-то из них дуло к виску.

Друг Джуниора Фрэнки Делессепс стоял на шоссе № 119, помогая регулировать дорожное движение. Он был одет в форменную рубашку и джинсы, наверняка, форменных брюк его размера не существовало в природе. Долговязым был сукин сын. Не веря собственным глазам, Джулия заметила пистолет у него на бедре. Поменьше, чем «Глок»[154], которыми были вооруженные постоянные полицейские в Милле, но все равно это был пистолет.

- Что вы будете делать, если здешний гитлерюгенд нападет на вас? - спросила она, кивнув подбородком в сторону Фрэнки. - Будете орать о полицейском беспределе, если они вас куда-то упекут, чтобы завершить начатое? В городе лишь два адвоката. Один в маразме, а второй ездит на бокстере[155], который ему продал со скидкой Джим Ренни, как я слышала.

- Я могу о себе позаботиться.

- Вау, мачо.

- Что там с вашей газетой? Она была вроде бы полностью готова, когда я ушел от вас прошлой ночью.

- Говоря корректно, вы ушли сегодня утром. И она действительно уже готова. Мы с Питом и еще некоторыми друзьями займемся ее распространением. Я просто не видела смысла начинать, когда город на три четверти опустел. Хотите принять участие волонтером?

- Я бы и рад, но должен приготовить миллион сэндвичей. Этим вечером в ресторане не подают горячего.

- Может, и я загляну, - она выбросила наполовину докуренную сигарету в окно. А потом, минутку подумав, вышла и затоптала ее. Начинать степной пожар сейчас было бы весьма неразумно, особенно когда приобретенные городом новые пожарные машины загуляли в Касл Роке.

- Перед этим я заезжала домой к шефу Перкинсу, - сообщила она, вновь садясь за руль. - Хотя теперь, конечно, этот дом принадлежит самой Бренде.

- И как она чувствует себя?

- Ужасно. Однако когда я ей сказала, что вы бы хотели с ней увидеться, не объясняя зачем, она согласилась. Лучше всего было бы после наступления темноты. Думаю, ваш приятель не очень терпелив…

- Перестаньте называть Кокса моим приятелем. Он мне не друг.

Они молча смотрели, как в санитарную машину грузят раненного мальчика.

Солдаты тоже смотрели. Наверняка, нарушая приказ, и Джулия почувствовала, что начинает лучше думать о них. Машина двинулась по полю в обратном направлении, вспыхивала ее красная мигалка.

- Какой ужас, - произнесла она подавленным голосом.

Барби положил руку ей на плечо. Она на мгновение напряглась, но тутже расслабилась.

Смотря прямо перед собой на санитарный автомобиль, который уже заворачивал на расчищенную середину шоссе 119, она сказала:

- Друг мой, а что, если они меня закроют? Что, если Ренни с его дрессированной полицией решат закрыть мою газету?

- Этого не должно случиться, - ответил Барби. Но сам не был в этом уверен. Если эта ситуация будет продолжаться дальше, каждый день в Честер Милле будет становиться Днем, Когда Может Случиться Что-Угодно.

- У нее что-то свое на уме, - сказала Джулия Шамвей.

- У миссис Перкинс?

- Да. У нас состоялся весьма странный разговор.

- Она в тоске по своему мужу, - заметил Барби. - В тоске люди становятся странными. Вот я поздоровался с Джеком Эвансом (его жена погибла вчера, когда опускался Купол), а он

посмотрел на меня так, словно никогда меня не знал, хотя я, начиная с весны, регулярно, каждую среду, кормлю его моими знаменитыми мясными рулетами.

- Я знаю Бренду Перкинс еще с того времени, когда она была Брендой Морс, - сказала Джулия. - Уже почти сорок лет. Думаю, она могла поведать мне, что ее беспокоит… однако не стала.

Барби показал на дорогу:

- Кажется, мы уже можем отправляться.

Едва только Джулия завела двигатель, как зачирикал ее телефон. Она едва не упустила сумку - так спешила его оттуда достать. Приложила телефонную трубку к уху, а потом передала ее Барби вместе со своей иронической улыбкой.

- Это ваш босс.

Звонил Кокс, и у него были кое-какие новости. Много новостей, точнее. Барби его надолго перебил, повествуя, что случилось с мальчиком, которого уже увезли в больницу «Кэти Рассел», но Кокс то ли действительно не усматривал связи между случаем Рори Динсмора и своими новостями, то ли просто не хотел его замечать. Он вежливо выслушал, а потом продолжил. Закончив, он поставил Барби вопрос, который прозвучал бы приказом, если бы тот все еще находился под командованием у этого полковника.

- Сэр, я понимаю, о чем вы просите, но вы не понимаете… думаю, это можно назвать здешней политической ситуацией. И мою скромную роль в ней. У меня были кое-какие неприятности здесь, прежде чем установился Купол, и…

- Нам об этом все известно, - сказал Кокс. - Стычка с сыном второго выборного и кое с кем из его друзей. Вас едва не арестовали, судя по тому, что содержится в вашем досье.

«Досье. Он уже имеет досье. Господи помилуй».

- Разведка у вас работает хорошо, - начал Барби. - Но я добавлю кое-что к вашей информации. Первое, шеф полиции, который предотвратил мой арест, погиб на шоссе 119 неподалеку от места, откуда я с вами сейчас говорю, поэтому…

Издали, из мира, который был сейчас для него недосягаемым, Барби услышал шелест бумаг. Вдруг он ощутил, что задушил бы полковника Джеймса О. Кокса голыми руками только за то, что полковник Джеймс О. Кокс может в любое время, когда ему захочется, просто пойти в Макдоналдс, а Барби этого сделать не может.

- Об этом нам тоже известно, - сказал Кокс. - Проблема с сердечным стимулятором.

- Второе, - продолжил Барби. - Новый шеф, который чуть ли не вдесна целуется с единственным влиятельным членом местного совета выборных, принял в полицию несколько новобранцев. Это именно те парни, которые старались отбить мне голову на парковке здешнего ночного клуба.

- Вы должны быть выше этого, полковник.

- Почему это вы меня называете полковником, когда это вы - полковник.

- Мои поздравления, - сказал Кокс. - Вас не только вновь приняли на военную службу, вы также

получили головокружительное повышение.

- Нет! - воскликнул Барби, и Джулия посмотрела на него с уважением, хотя он едва ли это заметил. - Нет, я этого не хочу!

- Вероятно, но вы его уже получили, - спокойно заметил Кокс. - Я пришлю по электронной почте копию соответствующих документов вашей знакомой, редактору газеты, еще до того, как мы перекроем доступ из вашего несчастного городка к интернету.

- Перекроете? Вы не должны этого делать.

- Документы подписаны собственноручно Президентом. Или вы хотите заявить ваше «нет» ему? Я думаю, он может раздражаться, когда ему противоречат.

Барби не ответил. Его заклинило.

- Вам надо встретиться с выборными и шефом полиции, - продолжал Кокс. - Надо проинформировать их о том, что Президент объявил в Честер Милле военное положение, и вы назначены ответственным офицером. Я уверен, сначала вы встретите сопротивление, но информация, которую я вам только что предоставил, поможет вам укрепить вашу позицию как посредника между этим городом и внешним миром. Кроме того, я знаю ваш талант убеждать. Сам убедился в нем в Ираке.

- Сэр, - произнес Барбара. - У вас несколько ошибочные представления о здешней ситуации. - Он провел рукой себе по голове. У него уже ухо зудело от этого чертового телефона. - Вы вроде бы и представляете, что такое этот Купол, но в тоже время не можете себе представить, во что уже превратился благодаря нему этот город. А прошло всего лишь тридцать часов.

- В таком случае помогите мне понять.

- Вы говорите, что Президент меня назначил. Предположим, я звоню ему и говорю, что он может поцеловать меня в мою голую розовую сраку?

На него испуганно посмотрела Джулия, и это добавило Барби вдохновения.

- Или предположим, я скажу, что был зашифрованным агентом Аль-Каиды и планировал его убить - бух, прямо в голову. Что из этого?

- Лейтенант Барбара, то есть полковник Барбара, вы уже достаточно сказали…

Барби так не считал.

- Сможет ли он прислать ФБР, чтобы меня схватили? Секретную службу? Бесовскую Красную армию? Нет, сэр. Он ничего не сможет.

- У нас есть планы, как это изменить, я вам уже объяснял, - голос Кокса потерял расслабленные, снисходительные нотки. Теперь просто один старый воин насыпал другому.

- Ну, если это сработает, прошу, присылайте кого-то из любого федерального агентства, пусть меня арестуют. Но пока мы остаемся отрезанными, кто здесь меня захочет слушаться? Вбейте себе это в голову: этот город отрезан. Не только от Америки, а от целого мира. Мы здесь ничего с этим не способны сделать, и вы со своей стороны тоже.

Кокс заговорил успокоительно:

- Дружище, мы стараемся вам помочь.

- Вот вы так говорите, и я вам почти верю. А кто еще поверит? Когда люди видят, какого сорта услуги они получают за свои налоги, видят солдат, которые стоят к ним спинами. Это весьма убедительный довод.

- Что-то многовато вы говорите как для того, кто уже сказал «нет».

- Я не говорю «нет». Но только что я лишь чудом избежал очередного ареста, и объявлять себя комендантом сейчас не даст никакой пользы.

- Да, наверное, мне нужно самому позвонить по телефону первому выборному… так, где здесь его имя… Сендерсу… и сообщить ему…

- Именно это я и имел в виду, говоря, что у вас ошибочные представления. Здесь, сейчас то же самое, что было в Ираке, только и различия, что теперь вы не полевой офицер, а сидите в Вашингтоне и стали таким же бестолковым, как остальные из тех кабинетных солдат. Слушайте сюда: частичные разведданные - это хуже, чем совсем никаких.

- Неполное знание - опасная вещь, - задумчиво произнесла Джулия.

- Если не Сендерс, тогда кто?

- Джеймс Ренни. Второй выборный. Он здесь альфа-хряк.

Наступила пауза. Потом Кокс сказал:

- Возможно, мы оставим вам интернет. Хотя кое-кто из нас здесь считает, что его блокирование - это рефлекторная реакция.

- Почему это вам так мерещится? - спросил Барби. - Разве ваши там не понимают, что, если мы останемся с интернетом, рецепт пирожков с клюквой тетушки Сары рано или поздно обязательно просочится в свет.

Джулия выпрямилась на сидении и беззвучно проартикулировала губами: «Они хотят заблокировать интернет?» Барби показал ей пальцем: «Подождите».

- Послушайте, Барби. А если мы позвоним этому Ренни и скажем ему, что мы должны заблокировать интернет, извините, кризисная ситуация, чрезвычайное положение и тому подобное. А тогда вы докажете ему вашу полезность тем, что уговорите нас передумать?

Барби размышлял. Это могло подействовать. На какое-то время, по крайней мере. Или же совсем наоборот.

- Плюс, - оптимистически продолжал Кокс. - Вы сообщите также ту, другую информацию. Возможно, кому-то даже спасете жизнь, а население спасете от паники точно.

- Не только интернет, телефоны тоже должны работать, - сказал Барби.

- Это уже труднее. Я, наверняка, смогу сохранить для вас и-нет, но… послушайте, приятель. Среди членов комитета, который занимается этим дурдомом, есть не менее пять человек, типа генерала Кертиса Лемея[156], по мнению которых всех в Честер Милле нужно считать террористами, пока они не докажут обратного.

- Какой вред эти гипотетические террористы могут нанести Америке? Подорвать вместе с собой церковь Конго?

- Барби, вы бьетесь в закрытые двери.

Конечно, так оно, вероятно, и было.

- Итак, вы все сделаете?

- Я с вами еще свяжусь по этому поводу. Подождите моего звонка, прежде чем что-то начинать делать. Мне сначала надо поболтать с вдовой покойного шефа полиции.

Кокс предостерег:

- Вы же будете помнить, что детали наших разговоров - дело не для огласки?

И вновь Барби был поражен тем, как скверно даже Кокс - широко мыслящий человек по армейским стандартам - представляет себе те изменения, которые последовали за установлением Купола. Здесь, внутри, обычный для Кокса режим секретности уже не имел никакого значения.

«Мы против них, - подумал Барби. - Теперь мы против них. Так оно и будет продолжаться, пока и если не сработает их сумасшедшая идея».

- Сэр, я обязательно вам перезвоню; у моего телефона уже началась проблема с аккумулятором, - солгал он абсолютно бесстыдно. - И вы должны дождаться моего звонка, прежде чем говорить еще с кем-то.

- Не забывайте, «Большой взрыв» назначен на завтра в тринадцать ноль-ноль. Если вы желаете сохранить нормальную жизнеспособность, держитесь оттуда подальше.

Сохранить жизнеспособность. Еще одна бессмысленная фраза под Куполом. Если она не касается запасов пропана к вашему генератору.

- Мы об этом потом поговорим, - сказал Барби. Он сложил телефон, лишая Кокса возможности еще что-то произнести. Дорога уже почти полностью освободилась, хотя Делессепс, сложив руки на груди, остался на ней стоять, опираясь на свой большой автомобиль с мощным двигателем. Проезжая с Джулией мимо его «Шевроле Нова»[157], Барби заметил наклейку с надписью «СРАКА, ТОПЛИВО ИЛИ ТРАВА - НИКТО НЕ КАТАЕТСЯ БЕСПЛАТНО», а на приборной панели - полицейскую мигалку. Ему подумалось, что эти две контрастные картинки очень точно характеризуют те изменения к худшему, что уже произошли в Милле.

По дороге Барби пересказал ей все, что сказал ему Кокс.

- Запланированное ими ничем не отличается от того, что выкинул этот мальчик, - произнесла она шокировано.

- Ну, все же немного отличается, - сказал Барби. - Мальчик попробовал сделать это из ружья. А они имеют крылатые ракеты. Назвали это теорией «Большого взрыва».

Джулия улыбнулась. Не обычной своей улыбкой; потому что эта, оторопевшая и взволнованная, сделала ее похожей не на сорокатрехлетнюю, а на женщину, старше на двадцать лет.

- Кажется, мне придется выпустить следующий номер газеты раньше, чем я думала.

Барби кивнул.

- «Экстренный выпуск, экстренный выпуск, читайте все»[158].

7

- Привет, Сэмми, - произнес кто-то. - Ты как?

Саманта Буши не узнала голоса и настороженно обернулась в его сторону, одновременно поддергивая на себе рюкзак с Малышом Уолтером. Малыш спал, и весил он тонну. После падения у ней болела жопа, и на душе также было больно – эта шлюха Джорджия Руа обозвала ее лесбиянкой. И это та самая Джорджия Руа, которая столько раз скулила под ее трейлером, выпрашивая треть унции порошка для себя и того перекачанного урода, с которым она якшается.

Спрашивал отец Доди. Сэмми говорила с ним тысячу раз, но сейчас его голоса не узнала. Она и лицо его едва узнала. Он выглядел печальным и состарившимся - каким-то разбитым. И даже не засмотрелся на ее сиськи, чем никогда раньше не гнушался.

- Привет, мистер Сендерс. А я вас даже не заприметила там… - она махнула рукой себе за спину, туда, где лежало вытоптанное поле, и еще торчал полусваленный, жалкий на вид тент. Однако менее жалкий, чем этот мистер Сендерс.

- Я сидел в тени, - тот самый неуверенный голос, который выходит из уст, искривленных в глуповатой улыбке, на которую тяжело смотреть. - Хорошо хоть было что пить. Не слишком ли сегодня тепло, как для октября? Господи, конечно. Я думал, какой замечательный день - настоящий день города - а потом тот мальчик…

«Боже правый, он же плачет».

- Мне очень жаль вашу жену, мистер Сендерс.

- Благодарю, Сэмми. Ты добросердечная. Помочь тебе донести ребенка до твоей машины? Думаю, ты уже можешь ехать - дорога почти свободна.

Это было то предложение, от которого Сэмми не могла отказаться, даже вопреки его плаксивости.

Она достала Малыша Уолтера из рюкзака - все равно, что извлекать кусок теплого хлебного теста - и вручила его Сендерсу. Малыш Уолтер раскрыл глаза, нетрезво улыбнулся, отрыгнул и вновь заснул.

- Мне кажется, у него там сообщение, в подгузнике, - сказал мистер Сендерс.

- Да уж, он сущий сральный автомат. Крошечка Малыш Уолтер.

- Очень хорошее, старинное имя - Уолтер.

- Благодарю.

Едва ли следовало бы ему объяснять, что ее сыночек имеет двойное имя: Малыш Уолтер… к

тому же она была уверена, что уже говорила с ним на эту тему. Просто он не помнит. Идти так, рядом с ним, пусть даже он и нес на руках ее ребенка - это был абсолютно обломный финал абсолютно обломного дня. По крайней мере, в отношении дороги он был прав, автомобильный стоячий партер наконец-то рассосался. У Сэмми мелькнула мысль о том, что немного времени остается до того дня, когда весь город вновь пересядет на велосипеды.

- Мне никогда не нравилось ее увлечения пилотированием, - произнес мистер Сендерс. Казалось, он извлек на свет фрагмент плетения какого-то своего внутреннего диалога. - Иногда я даже задумывался, не спит ли случайно Клоди с тем парнем.

«Чтобы матушка Доди спала с Чаком Томпсоном?» - Сэмми была шокирована и заинтригована одновременно.

- Да нет, наверное, - сказал он и вздохнул. – Как бы там не было, это уже неважно. Ты не видела Доди? Она не ночевала дома.

Сэмми едва не произнесла: «Да, вчера днем». Но если Доди не спала дома, эта фраза только бы еще более обеспокоила ее папочку. И затянула бы саму Сэмми в длинную болтовню с дядей, у которого слезы уже ручьями текли по лицу, а с одной ноздри повисла сопля. Это было бы совсем не кульно.

Они добрались до ее автомобиля, старого «Шевроле», больного раком днища. Сэмми приняла на руки Малыша Уолтера и скривилась от запаха. Там не просто письмо или бандероль у него в подгузнике, там целая посылка Федерал Экспресс.

- Нет, мистер Сендерс, я ее не видела.

Он кивнул и вытер себе нос тыльной стороной ладони. Сопля исчезла или куда-то еще прицепилась. Уже легче.

- Возможно, она поехала к молу с Энджи Маккейн, а потом в Сабаттус[159] к тетке Пэг, поэтому и не смогла вернуться домой вечером.

- Конечно, наверняка, так и есть.

А когда Доди вернется в Милл, она получит приятный сюрприз. Видит Бог, она его заслужила. Сэмми открыла дверцу машины и положила Малыша Уолтера на пассажирское сидение. Детское креслице она перестала использовать еще несколько месяцев назад. Многовато мороки. К тому же она всегда ездит осторожно.

- Приятно было увидеться с тобой, Сэмми, - пауза. - Ты помолишься за мою жену?

- Ага… конечно, мистер Сендерс, без проблем.

Она уже начала садиться в машину, и тут припомнила две вещи: Джорджия Руа боднула ей в сиську своим мотоциклетным сапогом (и так сильно, что наверняка, там уже и синяк есть), а Энди Сендерс, пусть он и в скорби, служит первым выборным их города.

- Мистер Сендерс.

- Что, Сэмми?

- Кое-кто из тех новых копов вели себя довольно грубо здесь. Вы могли бы сделать что-то по

этому поводу. Понимаете, пока они совсем не обнаглели.

Невеселая улыбка не покинула его лица.

- Ну, Сэмми, я понимаю, как вы, молодежь, относитесь к полиции - я и сам был молодым, когда-то - но у нас здесь сейчас довольно некрасивая ситуация. И чем быстрее мы чуточку усилим власть, тем будет лучше для всех. Ты же понимаешь это, правда?

- Конечно, - ответила Сэмми. Она поняла главное: скорбь, неважно, истинная она или нет, не может помешать политику выливать изо рта потоки дерьма. - Ну, до свидания.

- Они хорошая команда, - произнес Энди нерешительно. - Пит Рендольф проконтролирует, чтобы они взяли себя в руки. Будут носить одинаковые шляпы… Тан… будут танцевать под одну дудку. Защищать и служить, ну, ты сама знаешь.

- Конечно.

Саманта представила себе танец «защищай-и-служи» с соответствующим па - «удар по сиське». Машина тронулась, Малыш Уолтер вновь тихонько захрапел на сидении. Невыносимо воняло детским дерьмом. Сэмми опустила стекло обоих окон и посмотрела в зеркальце заднего вида. Мистер Сендерс так и стоял на уже почти совсем пустом временном паркинге. Поднял руку на прощание.

Сэмми тоже махнула ему в ответ, удивляясь, почему Доди не пришла домой, где же это она могла остаться на ночь. И тогда выбросила эту мысль из головы - какое ей дело? - и включила радио. Единственным, что принималось хорошо, было «Радио Иисус», и она выключила радиоприемник.

Подняв голову, она вдруг увидела прямо перед собой Фрэнка Делессепса, тот стоял посреди дороги с поднятой рукой, ну чисто тебе настоящий коп. Пришлось резко нажать на тормоза и придержать рукой ребенка. Малыш Уолтер проснулся и начал вопить.

- Посмотри, что ты наделал, - заорала она Фрэнки (с которым как-то, еще школьницей, имела двухдневный роман, пока Энджи находилась в летнем музыкальном лагере). - Ребенок едва не упал на пол.

- Где она сидела? - наклонился Фрэнки к окошку, играя бицепсами. Крупные мышцы, маленький член, такой он, Фрэнки Дел. Сэмми задумалась, как только Энджи его трахает.

- Не твоего ума дело.

Настоящий коп выписал бы ей штраф за пререкания и нарушение правил перевозки детей, но Фрэнки лишь ощерился:

- Ты видела Энджи?

- Нет, - на этот раз она сказала правду. - Ее, вероятно, застало где-то вне города, - хотя Сэмми сразу же мысленно уточнила себе, что это они здесь, в городе, попали в ловушку.

- А Доди?

Сэмми повторила свое «нет». Просто не имела другого выбора, потому, что Фрэнки мог рассказать мистеру Сендерсу.

mir-knigi.org

- Машина Энджи дома, - сказал Фрэнки. - Я заглядывал в их гараж.

- Большое дело. Может, они поехали вместе с Доди на ее «Киа»[160].

Фрэнки, похоже, призадумался об этом. Они уже были почти одни. Дорожная катавасия осталась в прошлом. Наконец он спросил:

- Джорджия сделала больно твоей сисечке? - И не успела она что-то ответить, как он протянул руку и схватил ее там же. Отнюдь не нежно. - Хочешь, я ее поцелую, чтобы стало легче?

Она хлопнула его по руке. Справа от нее не переставал орать Малыш Уолтер. Иногда у ней всплывала мысль, почему Бог сначала создал мужчину, ей это действительно было удивительно. Они как не орут, то что-то хватают, как не хватают, то орут.

Фрэнки уже не улыбался.

- Ты еще увидишь жареного волка, - произнес он. - Сейчас все изменилось.

- Ну и что ты сделаешь? Арестуешь меня?

- Думаю, сделаю кое-что получше, - ответил он. - Давай, убирайся отсюда. И если встретишь Энджи, передай, что я желаю ее видеть.

Она поехала прочь, распсихованная и, пусть как не хотелось признаваться в этом самой себе, также немного напуганная. Проехав полмили, она свернула на обочину и поменяла Малышу Уолтеру подгузник. На заднем сидении лежал пакет для грязных памперсов, но через нервозность ей было не до этого. Сэмми выбросила засранный памперс прямо на обочину, неподалеку от щита с надписью:

ДЖИМ РЕННИ

ПОДЕРЖАННЫЕ АВТОМОБИЛИ

ИМПОРТНЫЕ & ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

$ОБЕ$ПЕЧИМ ХОРОШИЙ КРЕДИТ!

УПРАВЛЯЙТЕ В ЛУЧШЕМ СТИЛЕ -

БОЛЬШОЙ ДЖИМ В ДЕЛЕ!

Она обогнала нескольких подростков на велосипедах, и вновь у нее промелькнула мысль, скоро все начнут на них ездить. Хотя до этого не дойдет. Кто-то разберется с этой ситуацией, как в тех фильмах-катастрофах, которые она так любила смотреть по телевизору обкуренной: извержение вулкана в Лос-Анджелесе, зомби в Нью-Йорке. А когда дела вернутся к своему нормальному состоянию, Фрэнки и Тибодо также вновь станут теми же, кем они были раньше: городскими лузерами с мелочью или совсем без монет в карманах. Ну а пока что, лучше всего, что она может делать, это держаться в тени.

И вообще, она радовалась, что не рассказала ничего о Доди.

mir-knigi.org

8

Расти услышал пикание монитора кровяного давления и понял, что они теряют мальчика. На самом деле они начали терять его еще в санитарной машине. Может, с того самого мгновения, как пуля отрикошетила и попала в него, но пикание монитора подтвердило эту истину прописными буквами. Рори следовало бы сразу же воздушной санитарной службой направить в Госпиталь Центрального Мэна, прямо с того места, где его так страшно ранило. Вместо этого он лежал в бедной на оборудование операционной, где было слишком жарко (кондиционеры отключены ради экономии пропана), прооперированный врачом, который давно должен был бы выйти на пенсию, которому ассистировали фельдшер абсолютно без опыта в нейрохирургии и изможденная медсестра, которая как раз произнесла:

- Фибрилляция, доктор Гаскелл.

Подал голос кардиомонитор. Теперь они оба пели хором.

- Знаю, Джинни. Я еще не оглупел, - он вздохнул. - Не оглох, я хотел сказать. Боже.

Какой-то миг они с Расти молча смотрели один на другого выше накрытого простыней тела мальчика. Глаза у Гаскелла были, как ни странно, ясными, живыми - это был совсем не тот понурый призрак, который последние пару лет слонялся по коридорам больницы «Кэти Рассел» со стетоскопом на шее, только бы как-то убить время, но вместе с тем выглядел он ужасно состарившимся и хлипким.

- Мы сделали все, что могли, - сказал Расти.

По правде, Гаскелл сделал больше того, на что он, как казалось, был способен.

Он напомнил Расти героя тех бейсбольных романов, которые он так любил читать в детстве, когда на площадку выбегает пожилой питчер и добывает в борьбе славу своей команде в седьмой игре Мировой серии. К сожалению, только Расти и Джинни Томлинсон наблюдали этот высокий класс, хотя на этот раз старый боец и не получил хеппи-энда.

Расти подключил капельницу со смесью физраствора и манита[161], чтобы уменьшить отек мозга. Гаскелл бегом оставил операционную, чтобы сделать клинический анализ крови в лаборатории дальше по коридору. Именно Гаскелл, потому что Расти не имел для этого квалификации, а лаборантов не было. В больнице имени Катрин Рассел теперь ужасно не хватало персонала. Расти подумал, что мальчик Динсморов - это только первый взнос из той суммы, которую вынужден будет заплатить город за недостаток персонала.

Что хуже, у мальчика оказалась вторая группа с отрицательным резусом, именно такой крови не было среди их небольших запасов. Но была кровь первой группы - универсальный донор - и они ввели Рори четыре единицы, таким образом, в запасе осталось всего девять. Тратить кровь на мальчика, вероятно, было все равно, что вылить ее в канализацию, но никто из них этого не произнес. Пока кровь поступала в тело, Гаскелл послал Джинни вниз, в кладовую, размером не большей чем шкафчик, которая служила госпитальной библиотекой. Она вернулась с истрепанным томом «Нейрохирургия. Короткое описание». Гаскелл оперировал, заглядывая в раскрытую книгу, ее страницы, чтобы не перелистывались, прижали отоскопом. Расти думал, что никогда ему не забыть визг пилы, запах пиленой кости в теплом воздухе и густой сгусток крови, который появился, когда Гаскелл убрал выпиленную черепную пластинку.

Несколько минут Расти все еще лелеял в себе надежду. Когда сквозь трепанационное отверстия мозг был освобожден от давления гематомы, жизненные показатели Рори

стабилизировались или, по крайней мере, попробовали это сделать. Но тогда, когда Гаскелл старался выяснить, сможет ли он достать фрагмент пули, все вновь покатилось кувырком, и очень быстро.

Расти подумал о родителях, которые ждут и надеются без надежды. А теперь, вместо того чтобы вывезти Рори из операционной на каталке налево по коридору, в отделение интенсивной терапии, куда можно было бы позволить украдкой заглянуть его родным, выходило так, что его надо везти направо, в морг.

- Если бы это была ординарная ситуация, я бы поддерживал его жизненно важные функции и спросил бы родителей, не согласятся ли они на донорство органов, - сказал Гаскелл. - Однако же, конечно, при ординарной ситуации он к нам и не попал бы. А если бы даже попал, я бы не стал его оперировать, заглядывая… в чертов справочник «Тойота для чайников»[162]. - Он ухватил отоскоп и бросил его через операционную. Ударившись об стену, тот отбил кусочек зеленого кафеля и упал наземь.

- А вы не прикажете вколоть ему адреналин? - спросила Джинни спокойно, невозмутимо и сосредоточено… хотя на вид была крайне изможденной, изнуренной до такого состояния, что вот-вот сама упадет бездыханная.

- Разве я не ясно сказал? Я не желаю продолжать мальчику агонию. - Гаскелл потянулся к красной кнопке, которой выключалась система искусственного дыхания. Какой-то шутник, наверное, Твич, приклеил там маленькую наклейку с надписью «НАЕЛСЯ!» - Или у вас есть другие мысли, Расти?

Расти взвесил, и медленно покачал головой. Тест на рефлекс Бабинского[163] был положительным, что означало обширное повреждение мозга, но основная причина состояла в том, что уже не было никаких шансов. По правде, их с самого начала не было.

Гаскелл щелкнул выключателем. Рори Динсмор самостоятельно сделал один тяжкий вздох, казалось, что сделает еще и второй, но нет, мальчик затих.

- Я сделал это… - Гаскелл взглянул на большие настенные часы. - В семнадцать пятнадцать. Джинни, запишете время в свидетельство о смерти?

- Да, доктор.

Гаскелл сорвал с себя маску, и Расти отметил про себя, что губы у старика совсем синие.

- Давайте пойдем отсюда, - сказал он. - Эта жара меня убьет.

Однако не в жаре было дело, а в его сердце. Он упал, не преодолев и половины коридора, когда шел сообщить Алдену и Шелли Динсморам печальную новость. Теперь уже Расти вколол ему адреналин, но пользы от этого не было. Не помог и непрямой массаж сердца. И дефибрилляция тоже.

Время смерти - семнадцать сорок девять. Рон Гаскелл пережил своего последнего пациента ровно на тридцать четыре минуты. Расти сидел на полу, опершись спиной об стену. Джинни сама все сообщила родителям Рори; Расти, сидя на полу с заслоненным ладонями лицом, услышал преисполненные сожаления и отчаяния причитания матери. В почти пустой больнице звук разносился хорошо. Она рыдала так отчаянно, что, казалось, не перестанет никогда.

mir-knigi.org

9

Барби подумал, что вдова шефа наверняка когда-то была чрезвычайно красивой женщиной. Даже сейчас, с черными кругами под глазами и небрежно одетая (синие джинсы и, он был в этом уверен, пижамная рубашка), Бренда Перкинс оставалась поражающе привлекательной. Он подумал, что, вероятно, умные люди редко теряют внешнюю привлекательность - то есть если они ее когда-то имели, - и заметил в ее глазах ясный блеск интеллекта. И еще чего-то. Хотя она и находилась в скорби, это не убило в ней любопытства. И сейчас объектом ее любопытства был именно он.

Она взглянула мимо него на машину Джулии, которая сдавала задом по подъездной аллее, и махнула ей рукой.

- Куда это вы едете?

Джулия вылезла из окна, сказав:

- Мне надо убедиться, что газета выходит! И еще надо заскочить в «Розу-Шиповник», сообщить плохую новость Энсону Вилеру - сегодня он на сэндвичах! Не волнуйтесь, Брен, Барби вполне безопасен!

И прежде чем Бренда успела что-то ответить или высказать несогласие, Джулия уже была на Морин-Стрит и уехала прочь, целенаправленная женщина. Барби хотелось бы сейчас быть рядом с ней, хотелось, чтобы единственной его целью оставалось приготовление сорока сэндвичей с ветчиной и сыром и сорока с тунцом.

Проводя взглядом Джулию, Бренда вновь вперилась в него. Их разделяли сетчатые двери. Барби чувствовал себя кем-то, кто пришел наниматься на временную работу.

- Так вы, правда? - спросила Бренда.

- Извиняюсь, мэм?

- Безопасный?

Барби поколебался. Два дня тому назад он ответил бы «да», конечно, это так, но сегодня он уже чувствовал себя скорее солдатом в Фаллудже, чем поваром в Честер Милле. Наконец ответил, что он благопристойный, вызвав у нее улыбку.

- Хорошо, я самая это решу, - произнесла она. - Хотя сейчас мое суждение может быть не совсем корректным. Я испытала тяжелую утрату.

- Я знаю, мэм. Мне очень жаль.

- Благодарю. Похороны будет завтра. Из того убогого похоронного салона Бови, который каким-то чудом еще сводит концы с концами, хотя едва ли не все в Честер Милле пользуются услугами Кросмена в Касл Роке. Люди прозвали это заведение Погребальным сараем Бови. Стюарт просто идиот, а его брат Ферналд еще хуже, но сейчас только они доступны нам. Мне, - она вздохнула, словно женщина, которую ожидает какая-то огромная работа.

«А так оно и есть, - подумал Барби. - Смерть любимого человека может обернуться чем-то, но работа обязательно входит в это что-то».

mir-knigi.org

Она удивила его, приотворив двери и присоединившись к нему на веранде.

- Идем за мной в обход, мистер Барбара. Может, я приглашу вас потом вовнутрь, но не раньше, чем буду уверенна в вас. Обычно я принимаю на веру слова Джулии, но сейчас непростое время.

Она повела его мимо дома по аккуратно подстриженной траве, из которой были выграбленны все до последнего осенние листочки. По правую сторону стояла решетка, которая отделяла усадьбу Перкинсов от соседней, налево был хорошо ухоженный цветник.

- Цветы принадлежали к компетенции моего мужа. Думаю, такое хобби у работника органов правопорядка кажется вам странным.

- На самом деле совсем нет.

- Мне тоже. Но мы в меньшинстве. Маленькие города предопределяют слаюое воображение. Грейс Металиос и Шервуд Андерсон[164] были полностью правы в отношении этого. А также, - продолжила Бренда, когда они обогнули дальний угол дома и попали на задний двор, - здесь не так быстро темнеет. У меня есть генератор, но он заглох еще утром. Думаю, закончилось горючее. Есть запасной баллон, но я не знаю, как их менять. Обычно, я упрекала Гови за этот генератор. Он хотел научить меня с ним работать. А я отказалась. Просто на зло. – Из ее глаз выкатилась слезинка и капнула на щеку. Она вытерла ее машинально. - Если бы могла, я бы извинилась перед ним теперь. Признала бы его правоту. Ох, если бы была такая возможность, но где ее взять?

Барби умел угадывать суть риторических вопросов.

- Если дело лишь в баллоне, - предложил он, - я могу его поменять.

- Благодарю, - ответила она, подводя его к садовому столику, возле которого стояла компактная морозилка фирмы «Иглу»[165]. - Я собиралась попросить Генри Моррисона, а еще хотела купить несколько баллонов про запас в Бэрпи, но, когда поехала туда сегодня днем, там было закрыто, а Генри со всеми другими находился на поле Динсмора. Как вы думаете, я смогу купить баллоны завтра?

- Возможно, - кивнул Барби, хотя имел относительно этого большие сомнения.

- Я слышала о том, что там случилось с мальчиком, - сказала она. - Моя соседка, Джина Буффалино, вернувшись оттуда, мне рассказала. Это ужасно, мне так жаль. Он выживет?

- Не знаю. - И поскольку интуиция подсказывала ему, что честность – самый прямой путь к получению доверия этой женщины (вероятно, лишь начало пути), он добавил: - Но мне кажется, что навряд ли.

- Да, - вздохнула она и вновь втерла себе глаза. - Из того, что я услышала, там очень тяжелое ранение. - Она открыла «Иглу». - Здесь есть вода и диетическая кола. Освежающие напитки, которые я только и позволяла пить Гови. Выбирайте, что хотите.

- Воду, мэм.

Она откупорила две бутылки «Источника Поланда»[166], и они выпили. Бренда смотрела на него печальными глазами, но заинтересованно.

- Джулия мне сказала, что вам нужны ключи от городского совета, и я понимаю зачем. И понимаю, почему вы не желаете, чтобы об этом знал Джим Ренни…

- Ему придется. Ситуация изменилась. Понимаете…

Она покачала головой, останавливая его поднятой рукой. Барби замолчал.

- Прежде чем вы расскажете об этом, я хочу, чтобы вы рассказали мне, что там за неприятности были у вас с Джуниором и его друзьями.

- Мэм, разве ваш муж не…

- Гови редко говорил о своей работе, но об этом деле он мне все-таки рассказал. Думаю, оно его беспокоило. Я хочу видеть, будет ли совпадать его рассказ с вашим. Если так, мы будем говорить и обо всем другом. Если нет, я попрошу вас уйти отсюда, но бутылку воды вы сможете прихватить с собой.

Барби показал на небольшой красный сарайчик возле левого угла дома.

- Там ваш генератор?

- Да.

- Вы сможете выслушать мой рассказ, пока я буду менять баллон?

- Да.

- И вы хотите услышать все с начала?

- Конечно. А если вы еще хоть раз обратитесь ко мне «мэм», мне придется разбить вам голову.

Дверца сарайчика, где хранился генератор, были заперты на сияющий начищенной медью крюк. Человек, который до вчерашнего дня жил здесь, проявлял заботу о таких вещах… хотя единственный запасной баллон - это позор. Барби решил, каким бы боком не обернулся их разговор, завтра он все равно попробует достать для нее еще несколько баллонов.

«Между тем, - мысленно произнес он сам себе, - надо рассказать ей все, что она хочет знать о том вечере». А рассказывать о таком легче, отвернувшись к ней спиной; ему неприятно было рассказывать, что к потасовке была причастна Энджи Маккейн, потому что увидела в нем немного состарившегося кобеля.

«Правда - наилучшая тактика», - напомнил себе он и начал повествование.

10

Из прошлого лета ему больше всего запомнилось то, что почему-то едва ли не повсеместно играла старая песня Джеймса Макмертри - «Разговор возле заправки Тексако» носила название она. И лучше всего из нее ему запомнилась строка о том, что в маленьком городе «любой из нас должен знать свое место». Когда Энджи начала прислоняться почти вплотную к нему на кухне ресторана, прижиматься грудью к его рукам, когда он за чем-то тянулся, то в его мозгу всплывала именно эта фраза. Он знал, кто ее бойфрэнд, и знал, что этот Фрэнки Делессепс принадлежит к кругу тех, кто правит бал в этом городке, пусть даже благодаря его дружбе с сыном Большого Джима Ренни. Но Дейл Барбара был здесь всего лишь перекати-

полем. В мире Честер Милла он не имел собственного места.

Как-то вечером она коснулась рукой его мотни и легонько пожала. У него немного встал, и по тому, как игриво она выщерилась, он понял, что она почувствовала его эрекцию.

- А давай-ка еще разок встанет, ты же хочешь, - произнесла она. Они как раз были одни на кухне, и она поддернула вверх свое и без того коротенькое платье, продемонстрировав ажурные розовые трусики. - Все честно.

- Я пас, - сказал он, а она на это показала ему язык.

С этими трюками он сталкивался и в других ресторанных кухнях, иногда даже включался в игру. Это могло быть лишь проходящее желание молодой женщины к старшему и еще неплохому на вид коллеге. Но вскоре между Энджи и Фрэнки произошел разрыв, и как-то вечером, когда после закрытия, Барби на заднем дворе вываливал в бак мусор, она сделала уже более серьезный шаг в его сторону.

Обернувшись, он увидел ее перед собой, она обхватила его за плечи и начала целовать. Сначала он ответил на ее поцелуй. Энджи на миг оторвалась от него рукой и положила его ладонь себе на левую грудь. Это возвратило его к сознанию. Грудь была упругая, молодая, крепкая. И возможные неприятности тоже. Источником неприятностей могла стать сама Энджи. Он попробовал оторваться от нее, а когда она повисла на нем одной рукой, утопив ногти ему в шею под затылком, он ее оттолкнул, хотя сделал это немного сильнее, чем надеялся. Она ударилась о мусорный бак, вытаращилась на него, помацала себе джинсы на заднице и глаза ее вытаращились еще сильнее.

- Благодарю! Теперь у меня все штаны в дерьме!

- Надо было своевременно отпустить, - мягко произнес он.

- Тебе же понравилось.

- Возможно, - ответил он, - но мне не нравишься ты. - Заметив обиду и злость у нее на лице, добавил: - То есть я хотел сказать, что сама ты нравишься, но я не хочу делать этого таким образом.

Но, конечно же, люди высказывают свои истинные мысли именно в первое стрессовое мгновение.

Через четыре дня вечером в «Диппере» кто-то вылил ему сзади за ворот стакан пива. Обернувшись, он увидел Фрэнки Делессепса.

- Тебе понравилось, Бааарби? Скажи да, и я могу повторить, сегодня тот вечер, когда большая кружка стоит всего два бакса. Ну, а если тебе это не по вкусу, мы можем разобраться во дворе.

- Не знаю, что она тебе рассказала, но все неправда, - сказал Барби.

Громко играл музыкальный автомат - нет, не песню Макмертри, - но у Барби в голове крутилась эта фраза: «Любой из нас должен знать свое место».

- Рассказала она мне, что говорила тебе «нет», но ты все равно ее прижал и выебал. На сколько ты более тяжелый, чем она? На сотню фунтов? Как мне кажется, это весьма похоже на изнасилование.

- Я этого не делал, - он замолчал, иногда оправдываться бесполезно.

- Ты выйдешь во двор, засранец, или зассал?

- Зассал, - согласился Барби, и, к его удивлению, Фрэнки ушел. Барби решил, что в этот вечер с него уже хватит музыки и пива, и уже было поднялся, чтобы уйти, но тут вернулся Фрэнки, и не со стаканом, а с кружкой пива.

- Не надо, - попросил Барби, и, конечно же, тот не обратил внимания. Хлюп в лицо. Ливень светлого будвайзера. Несколько пьяных голосов захохотали, послышались аплодисменты.

- Теперь ты можешь выйти, разобраться со мной, - сказал Фрэнки. - Или я подожду. Вскоре здесь уже закрывают, Бааарби.

Барби пошел, понимая, что рано или поздно все равно придется, и, надеясь, что, если он вырубит Фрэнки быстро, раньше, чем это успеет увидеть много народу, на том все и кончится. Он даже сможет извиниться, потом и повторит, что никогда не имел ничего с Энджи. Не будет рассказывать, что это Энджи сама подкатывала к нему, хотя, думал он, об этом знает много людей (Рози и Энсон так точно). Возможно, с окровавленным носом Фрэнки отдуплится и поймет то, что казалось таким очевидным для Барби: это выдумка молодой дурехи, чтобы ему отомстить.

Сначала было похоже на то, что будет все, как он хотел. Фрэнки, расставив ноги, стоял на гравии, в свете натриевых фонарей его фигура отбрасывала две тени в противоположные стороны парковки, сжатые кулаки он держал наподобие Джона Л. Салливана[167]. Горделивый, сильный, и глупый - обычный городской бычок. Привыкший сбивать с ног своих противников одним мощным ударом, чтобы потом их поднять и дубасить еще, пока те не попросят пощады.

Он выступил вперед и рассекретил свое не такое уже и секретное оружие: апперкот, которого Барби избежал, просто слегка наклонив в сторону голову. Барби ответил прямым джебом в солнечное сплетение. Фрэнки с ошарашенным выражением лица рухнул наземь.

- Нам не стоило бы… - начал Барби, и в этот же миг Джуниор Ренни ударил его сзади по почкам, скорее всего, руками, сведенными вместе в один кулак. Барби полетел вперед. Там, вынырнув среди двух припаркованных автомобилей, ударом наотмашь его встретил Картер Тибодо. Вероятно, сломал бы Барби челюсть, если бы попал, но Барби успел отбить его кулак. Так он получил самый большой из своих синяков, который еще был неприятного желтого цвета в День Купола, когда он попытался покинуть этот город.

Поняв, что это спланированная засада, он развернулся, понимая, что надо тикать, пока никто не пострадал серьезно. И не обязательно этим кто-то будет он. Он предпочел бы убежать; был негордый. Успел сделать три шага, и тут ему подставил ногу Мэлвин Ширлз. Барби растянулся животом на гравии, и началось избиение ногами. Он накрыл руками голову, но тяжелые ботинки дубасили его по бедрам, ягодицам и локтям. Получив удар и по ребрам, он наконец-то сумел на коленях продвинуться за фургон, на котором Стабби Норман возил свою старую мебель.

Вот тогда-то его и покинул здравый смысл, он перестал думать о бегстве. Барби встал, повернулся к ним лицом и, протянув руки, начал подзывать к себе, шевеля растопыренными пальцами поднятых ладоней. Проход, где он оказался, был узким. Подходить к нему они могли лишь по одному.

Первым попробовал Джуниор; его энтузиазм было вознагражден ударом ноги в живот. На Барби были кроссовки «Найк», а не тяжелые ботинки, однако удар был хлестким и Джуниор сложился пополам возле фургона, хватая ртом воздух. Через него переступил Фрэнки, и Барби дважды съездил ему по лицу - болезненные удары, но не очень сильные, чтобы что-нибудь не сломать. Здравый смысл уже начал возвращаться.

Заскрипел гравий. Он обернулся своевременно, чтобы принять удар Тибодо, который зашел с тыла. Удар припал в висок, Барби увидел звезды.

«А может, это была комета», - рассказывал он Бренде, откручивая задвижку нового баллона. Тибодо двинулся вперед. Барби резко влепил ему ногой по щиколотке, и улыбка Тибодо превратилась в гримасу. Он упал на одно колено, похожий на футболиста, которому достался мяч и он ждет свистка. Вот только футболисты в таком случае не хватают себя за щиколотки.

Как это не абсурдно прозвучало, Тибодо вскрикнул:

- Сука, это подло!

- Ты смотри, кто это гово… - только и успел начать Барби, как Мэлвин Ширлз перекрыл ему сгибом локтя горло. Барби врезал ему локтем в корпус и услышал, как тот зычно отрыгнул. Завоняло пивом, табаком, «слим джэмами»[168]. Он развернулся, понимая, что Тибодо наверняка нападет на него раньше, чем он успеет вырваться из прохода между двумя автомобилями, куда сам себя и загнал, но это его уже не волновало. Лицо у него болело, ребра болели, и тут он решил - это показалось ему вполне заслуженным, - что отправит их всех четырех в больницу. Там они смогут обсудить, что собой представляет настоящая подлая потасовка, демонстрируя друг другу ее результаты.

Вот тогда-то и появился шеф Перкинс, которого вызвали либо Томми, либо Вилла Андерсон, он въехал на стоянку с работающей мигалкой, рыская из стороны в сторону головным прожектором. Бойцы превратились в актеров на ярко освещенной сцене.

Перкинс разок проревел сиреной, она заглохла, не завершив руладу. И тогда он вылез из машины, подтягивая ремень на своем немалом животе.

- Не рановато ли для этого посреди недели, ребята?

На что ответил Джуниор.

11

Что бы узнать, что было дальше, Бренде не нужен был Барби, все остальное она слышала от Гови, и ее это не удивило. Даже мальцом, сынок Большой Джим был брехлом, особенно, когда это как-то затрагивало его выгоду.

- На что он ответил: «Это повар все начал». Да?

- Йес, - Барби нажал стартер генератора, и тот загудел, возвращаясь к жизни. Улыбнувшись Бренде, Барби почувствовал, как у него раскраснелись щеки. История, которую он только что рассказал, не принадлежала к его любимым. Хотя не сравнить с той, что случилась с ним когда-то в спортивном зале в Фаллудже.

- Вот и все: мотор, камера, поехали.

mir-knigi.org

- Благодарю. Насколько его хватит?

- Всего на пару дней, но эта ситуация к тому времени может уже закончиться.

- Или нет. Я думаю, вы понимаете, что спасло вас в ту ночь от путешествия в окружную тюрьму?

- Конечно. Ваш муж увидел, как это было. Четверо на одного. Этого тяжело было не заметить.

- Любой другой коп мог бы этого не заметить, даже если бы все разворачивалось перед его глазами. К счастью, в тот вечер случился Гови; дежурить должен был Джордж Фредерик, но он позвонил, что у него воспаление желудка, - она сделала паузу. - Можете вместо везения назвать это провидением.

- Наверное, так, - согласился Барби.

- Зайдем в дом, мистер Барбара?

- Почему бы не посидеть здесь? Если вы не против. Здесь хорошо.

- Я не против. Вскоре уже погода ухудшится. Или еще нескоро?

Барби ответил, что не знает.

- Когда Гови отправил вас всех в участок, Делессепс сказал ему, что вы изнасиловали Энджи Маккейн. Да?

- Это была его первая версия. Тогда он сказал, что, возможно, это было не совсем изнасилование, но, когда она испугалась и попросила меня остановиться, я не послушался. Таким образом, кажется, это полагало быть изнасилованием второй степени.

Она слегка улыбнулась.

- Храни Господи, чтобы вы говорили о разных степенях изнасилования при каких-то феминистках.

- Постараюсь этого не делать. Кстати, ваш муж допрашивал меня в комнатушке, которая, похоже, по обыкновению используется как кладовка для швабр…

Теперь уже Бренда по-настоящему рассмеялась.

- …и тогда вызвал Энджи. Посадил ее прямо передо мною, глаза в глаза. Куда там, к черту, мы с ней едва не терлись локтями. Для большого вранья нужно время подготовиться, особенно молодой особе. Я это понял в армии. Ваш муж знал об этом также. Сказал ей, что дело пойдет в суд. Предупредил о наказании за лжесвидетельство. Чтобы не затягивать повествование, она отказалась от показаний. Созналась, что никакого совокупления не было, не говоря уже об изнасиловании.

- У Гови был девиз: «Ум впереди закона». Это было началом начал всех его действий. Совсем не так будет действовать Питер Рендольф, отчасти потому, что у него слабый ум, но главное из-за того, что он неспособен удерживать в рамках Ренни. Мой муж это мог. Гови говорил, что когда новость о вашей… стычке… достигла мистера Ренни, тот настаивал, чтобы вас привлекли хоть за что-то. Он буквально пришел в неистовство. Вы это знали?

- Нет, - но его это не удивило.

- Гови сказал мистеру Ренни, что, если что-то из этого пойдет в суд, он постарается, чтобы в суд пошло все дело полностью, включая нападение четверых на одного на парковке. И уточнил, что хороший адвокат легко может добавить к делу забавы Джуниора и Фрэнки в их школьные годы. А они были замешаны в нескольких нападениях, правда, и рядом не стоявших с тем, что совершили с вами.

Она покачала головой.

- Джуниор Ренни никогда не был милым мальчиком, но был сравнительно безопасным. Он изменился в последние год или два. Гови это заметил, и его это беспокоило. Я выяснила, что Гови многое знал об обоих: о сыне и об отце… - она поколебалась. Барби видел, как ее терзают сомнения, продолжать или нет, и, наконец, она решила, что не следует. Осторожности она научилась как жена начальника полиции маленького городка, а эта привычка не из тех, с которыми легко прощаются.

- Гови посоветовал вам покинуть наш город, прежде чем Ренни не найдет какой-нибудь другой способ вам напакостить, правда? Я догадываюсь, вы не успели этого сделать, потому что вас остановил этот Купол.

- Вы правы в обоих случаях. Можно мне диетической колы теперь, миссис Перкинс?

- Зовите меня Бренда. А я буду называть вас Барби, если вам так нравится. Прошу, берите себе сами, пейте.

Барби так и сделал.

- Вам нужен ключ к противоатомному бомбоубежищу, чтобы взять оттуда счетчик Гейгера. Я могу вам в этом помочь и помогу. Но, кажется, вы говорили, что должны о чем-то сообщить Джиму Ренни, так вот, эта ваша идея меня беспокоит. Возможно, это скорбь туманит мне мозг, но я не понимаю, зачем вам нужно мириться с ним хоть чем-то. Большой Джим сходит с ума, когда кто-нибудь посягает на его авторитет, а вас он вообще на дух не переносит. И ничем вам не обязан. Если бы шефом и сейчас был мой муж, тогда бы, наверняка, вы могли бы поболтать с Ренни втроем. Думаю, мне бы это даже понравилось.

Она наклонилась вперед, внимательно смотря на него глазами в обрамлении темных кругов.

- Впрочем, Гови умер, и вместо того чтобы разыскивать этот мистический генератор, вы, скорее всего, окажетесь в камере.

- Я все это понимаю. Но есть новость. Военно-воздушные силы собираются обстреливать Купол крылатыми ракетами завтра в тринадцать ноль-ноль.

- О Господи.

- Они уже стреляли по нему другими ракетами, но только для того, чтобы определить, на какую высоту поднимается барьер. Радар здесь бездействует. Те ракеты были с холостыми боеголовками. Эти будут с настоящими. Противобункерными.

Она резко побледнела.

- В какую часть нашего города они собрались стрелять?

- Контактной точкой назначено то место, где Купол пересекает дорогу Малая Сука. Мы с Джулией были как раз там прошлой ночью. Ракеты будут взрываться приблизительно на высоте пяти футов от уровня грунта.

Челюсть у Бренды отвисла, рот раскрылся так широко, как не к лицу настоящей леди.

- Невозможно!

- Боюсь, что будет именно так. Ракеты будут запускаться с Б-52[169] и будут лететь запрограммированным курсом. Я имею ввиду, в прямом смысле запрограммированным. Огибая все высоты и впадины, пока не снизятся до высоты цели. Это ужасные штуки. Если такая взорвется, не пробив барьер, люди в городе лишь испугаются - звук будет, словно настал Армагеддон. Но, если она прорвется, тогда…

Рука Бренды оказалась у нее на горле.

- Большие разрушения? Барби, у нас нет пожарных машин.

- Я уверен, они приготовили противопожарную технику где-то рядом. А что касается разрушений? - он пожал плечами. - Из той местности необходимо всех эвакуировать, это обязательно.

- Разве это умно? Разве умно то, что они запланировали?

- Этот вопрос неактуальный, миссис… Бренда. Они уже приняли решение. Но, боюсь, дальше будет еще хуже. - И, заметив ее удивленный взгляд, объяснил: - Мне, не городу. Меня повысили до полковника. Президентским указом.

Она подкатила глаза.

- Поздравляю.

- От меня ожидают, что я объявлю военное положение и буквально возьму Честер Милл в свои руки. Джиму Ренни понравится такая новость?

Она удивила его, зайдясь смехом. Он и себе удивился, потому что и сам присоединился к ней.

- Понимаете мою проблему? Город не должен знать, что я занял у него счетчик Гейгера, но всех жителей надо предупредить, что на них будут лететь протовобункерные ракеты. Если не я, эту новость все равно распространит Джулия Шамвей, однако руководители города должны ее услышать от меня. Потому что…

- Я понимаю почему, - в красном предвечернем солнечном свете лицо Бренды потеряло свою бледность. Теперь она задумчиво потирала руки. - Если вы должны захватить власть в городе… чего от вас хочет ваш начальник…

- Думаю, Кокс теперь мне скорее коллега, - сказал Барби.

Она вздохнула.

- Эндрия Гриннел. Сначала мы скажем об этом ей. Потом вместе пойдем к Ренни и Энди Сендерсу. По крайней мере, нас будет больше: трое против двух.

- Сестра Рози? Но почему она?

- Вы не знаете, что она в нашем городе третья выборная? - Он покачал головой. - Не стыдитесь, многие не помнит, хотя она на этой должности уже несколько лет. По обыкновению она лишь поддакивает двум мужчинам-выборным, то есть - одному Ренни, потому что Сендерс и сам только и делает, что ему поддакивает… у нее есть кое-какие проблемы… но, не смотря на это, она имеет характер. Имела.

- Какие проблемы?

Он думал, что она не будет вникать в детали, но ошибся.

- Зависимость от лекарств. Обезболивающих. Не знаю, насколько это серьезно.

- Догадываюсь, что свои рецепты она отоваривает в аптеке Сендерса.

- Да. Я понимаю, что это не лучшее решение, и вам надо действовать весьма осторожно, но… Джим Ренни просто может увидеть выгоду для себя в вашем вмешательстве, на какое-то время. А что касается вашего руководства? - Она покачала головой. - Он подотрется любой бумажкой об установлении военного положения, подписанной хоть Президентом, хоть кем-нибудь. Я…

Она застыла. Глаза ее вытаращились, она смотрела мимо него.

- Миссис Перкинс? Бренда? Что случилось?

- Ох, - произнесла она. - О, Боже мой.

Барби и сам обернулся и тоже оцепенел от увиденного. Солнце садилось красное, как часто случалось в конце теплых, погожих, не омраченных поздними ливнями, дней. Но никогда за всю свою жизнь он не видел вечерней звезды такой, как эта. У него промелькнула мысль, что что-то подобное могли наблюдать только люди, живущие вблизи действующего вулкана.

«Нет, - решил он. - И там такого не бывает. Это что-то абсолютно новое».

Садящееся солнце не было шаром. Оно имело форму огромного галстука-мотылька с горящим круглым узлом. Небо на западе как будто укрылось тонкой пленкой крови, которая чем выше, то больше бледнела, до оранжевого цвета. Сквозь это мутное сияние почти не просматривался горизонт.

- Господи, помилуй. Это как смотреть через загрязненное лобовое стекло, когда едешь против солнца, - произнесла она.

Действительно, было похоже, только сейчас лобовым стеклом выступал Купол. На нем начали скапливаться пыль и грязь. А также искусственные атмосферные осадки. И дальше будет только хуже.

«Надо бы его помыть», - подумал он и представил себе шеренги волонтеров с ведрами и щетками. Абсурд. Как можно его помыть на высоте сорока футов? Или ста сорока? Или тысячи?

- Этому надо положить конец, - прошептала она. - Позвоните им и скажите, пусть выстрелят самой большой их ракетой, и к черту последствия. Потому что этому надо положить конец.

Барби на это ничего не ответил. Не был уверен, что сможет промолвить хотя бы слово, даже если бы и было, что сказать. Это гигантское, мутное сияние забрало у него все слова. Это было

mir-knigi.org

так, словно через люк смотришь в ад.

И-ГО-ГО

1

Джим Ренни с Энди Сендерсом смотрели на зловещий закат солнца с крыльца похоронного салона Бови. Они собирались в горсовет на очередное «чрезвычайное заседание», назначенное на семь вечера, и Большой Джим хотел прийти туда раньше времени, чтобы подготовиться, но застыли на ступеньках, засмотревшись, какой страшной, жирной смертью догорает день.

- Словно конец мира, - произнес Энди низким, благоговейным голосом.

- Бред сивой кобылы! - возразил Большой Джим, и если его голос и прозвучал грубо даже для него, это потому что и ему самому в голову пришлая такая же мысль. Впервые с того времени, как опустился Купол, он осознал, что урегулирование этой ситуации может быть вне их возможностей - вне его возможностей - и раздраженно прогнал эту мысль прочь. - Разве ты видишь Господа нашего Иисуса Христа, который сходит с небес?

- Нет, - согласился Энди. Он видел только жителей своего города, людей, которых знал всю жизнь, они стояли кучками вдоль Мэйн-стрит, молчаливые, и только смотрели на этот страшный закат солнца, прикрывая себе глаза ладонями.

- А меня ты видишь? - настаивал Большой Джим.

Энди обернулся к нему.

- Конечно, вижу, - ошеломленно кивнул он. - Конечно, я тебя вижу, Большой Джим.

- Итак, меня не взяли живым на небо, - объяснил Большой Джим. - Много лет назад я отдал свое сердце Иисусу, и, если бы сейчас происходил Конец Света, меня бы здесь не было. И тебя тоже, ты согласен?

- Наверное, так, - согласился Энди, хотя в душе чувствовал сомнения. Если бы они были спасенными - омытыми кровью Агнца - зачем бы им было только что говорить со Стюартом Бови о прекращении того, что Большой Джим называл «нашим маленьким бизнесом»? Да как они вообще могли вляпаться в этот бизнес, если честно?

Что общего может быть между спасенностью и метамфетаминовым производством?

Если бы спросить об этом у Большого Джима, Энди знал, что именно тот ответит: иногда цель оправдывает средства. В данном случае результаты выглядели захватывающими, вот такими: новая Церковь Святого Спасителя (старая была лишь немного лучше, чем дощатый сарай с деревянным крестом наверху); радиостанция, которая спасла самому только Богу известно сколько душ; десятина, которую они платили - аккуратно, чеками одного банка на Каймановых островах - Миссионерскому обществу Господа Иисуса, помогая тем, кого пастор Коггинс называл «нашими меньшими черными братьями».

Однако, засмотревшись на этот грандиозный, мутный закат солнца, который намекал на мелочность и маловажность человеческих дел, Энди вынужден был признать, что все эти вещи служили лишь оправданиями. Без притока денежной наличности благодаря мету, его аптека

mir-knigi.org

пошла бы на дно еще лет шесть назад. Тоже самое можно сказать об этой похоронной конторе. Тоже самое - хотя мужчина, который стоял сейчас рядом с ним, этого никогда бы не признал - касалось «Подержанных автомобилей Джима Ренни».

- Я знаю, что ты думаешь, друг, - сказал Большой Джим.

Энди боязливо поднял на него глаза. Большой Джим улыбался… а впрочем, не хищно. Эта его улыбка была кроткой, понимающей. Энди тоже ответил, или попробовал ответить, ему улыбкой. Он много чем был обязан Большому Джиму. Вот только сейчас вещи, такие как аптека или «BMW» Клоди, казались малозначительными. Какая сейчас польза от «BMW», хотя бы и с системой автопарковки и реагирующей на голосовые команды саунд-системой, его мертвой жене?

«Когда все это закончится и Доди вернется домой, я отдам этот бумер ей, - решил Энди. - Клоди бы это понравилось».

Большой Джим протянул свою руку с пальцами-обрубками в направлении закатного солнца, которое, как казалось, расползалось по западному горизонту, словно огромная змеиная яичница.

- Ты думаешь, что в этом есть какая-то наша вина. Что Бог наказывает нас за то, что мы подпитывались от города в трудные времена. Это херня, друг. Это не Божье дело. Если ты скажешь, что в том, что нас побили во Вьетнаме, была рука Бога - таким образом, Бог предупреждал нас, что Америка теряет свою духовность, - я с тобой соглашусь. Если скажешь, что одиннадцатое сентября было ответом Всевышнего на решение Верховного суда, который сообщил малым детям, что они могут больше не начинать свой день с молитвы к Богу, Который их сотворил, я тебя поддержу. Но чтобы Бог подвергнул наказанию Честер Милл за то, что мы не пристроили очередную обгонную полосу к какой-то полузабытой дороге, типа Сиворакши или Мелкорубалки? - Он помотал головой. - Это нет. Выброс это из головы.

- Мы также ложили неплохие барыши себе в карман, - несмело заметил Энди.

Это было правдой. Они хапали больше, чем шло на подкорм своих бизнесов или простирания руки помощи своим меньшим черным братьям. Энди имел собственный счет на Каймановых островах. И против каждого его доллара - или доллара Бови, кстати - он мог бы поспорить, Большой Джим брал себе три. А то и четыре доллара.

- «Потому что достоин рабочий своего заработка», - процитировал Большой Джим поучительным, однако кротким тоном. - Матвея, десятый раздел, стих десятый.

Начало фразы евангелиста он пропустил: «Не берите ни золота, ни серебра, ни медяков в свои карманы…»

Большой Джим бросил взгляд на часы у себя на запястье.

- Если уже упомянули о работе, друг, то надо нам двигаться. Много чего должны решить.

И он выступил вперед. Энди двинулся за ним, не отводя глаз от вечерней звезды, которая все еще оставалась достаточно яркой, чтобы быть похожей на горящую плоть. И тут Большой Джим вновь остановился.

- Кстати, ты слышал, что поведал Стюарт: тут мы все прикрыли. «Завершено и застегнуто», как сказал маленький мальчик, впервые самостоятельно поссав. Он лично сообщил об этом

Мастеру.

- О, это еще тот фрукт, - произнес понуро Энди.

Большой Джим хохотнул:

- Не переживай в отношении Фила. Мы прекратили бизнес, и не будем начинать, пока не пройдет кризис. Фактически, возможно, это нам знак, что лабораторию следует прикрыть навсегда. Знак от Всевышнего.

- Хорошо было бы, - сказал Энди. Хотя имел в душе гнетущее предчувствие: если Купол исчезнет, Большой Джим может передумать, а если так и случится, Энди вновь будет рядом с ним. И Стюарт Бови со своим братом Ферналдом включатся также. Охотно. Отчасти потому, что там баснословные деньги - не говоря уже об отсутствии налогов, - а отчасти из-за того, что все уже слишком глубоко завязли. Он вспомнил слова какой-то древней кинозвезды: «Когда я наконец-то поняла, что не люблю сниматься, я уже была слишком богатой, чтобы бросать это дело».

- Не волнуйся ты так, - произнес Большой Джим. - Через пару недель мы начнем вновь завозить пропан в город, решится эта ситуация с Куполом, или нет. Используем городские песковозы. Ты же сможешь поработать за рулем нормальную смену, не так ли?

- Не вопрос, - грустно ответил Энди.

- А еще! - Большой Джим расцвел от новой идеи, которая пришла ему в голову. - Мы можем использовать катафалк Стюи! Тогда несколько баллонов мы сможем привезти даже раньше!

Энди ничего на это не сказал. Ему страх как не нравилась идея прибрать к рукам (это было выражение Большого Джима) так много пропана из разных городских служб, но это казалось самым безопасным способом. Производство у них было мощное, а значит, много топлива шло как на само варево, так и на вентиляцию токсичных газов. Большой Джим доказывал, что покупка больших объемов пропана может вызвать вопросы. Так же, как и приобретение большого количества разных лекарств, даже тех, которые продаются без рецепта и идут на это дерьмо, может вызвать подозрения и принести неприятности.

Благодаря тому, что он был владельцем аптеки, с этим было легче, хотя, заказывая в таких количествах робитусин и судафед[170], Энди все равно ужасно нервничал. Он боялся, что именно здесь их ждет провал, если провал их ждет. О газовых баллонах позади студийного здания РНГХ он вообще никогда не думал до этого дня.

- Кстати, сегодня вечером мы будем иметь массу электричества в городском совете. - Большой Джим произнес это с радостной интонацией человека, который возвещает о каком-то приятном сюрпризе. - С моей подачи Рендольф послал моего мальчика с его другом Фрэнки в госпиталь, чтобы сперли там один баллон, подключили к нашему генератору.

У Энди на лице отразилась тревога.

- Но мы же уже забирали…

- Знаю, - успокоительно перебил его Ренни. - Знаю, что уже брали. Не волнуйся ты так за «Кэти Рассел», им пока что хватит.

- Ты же мог взять баллон с радиостанции… там же их много…

- Здесь ближе, - возразил Большой Джим. - И безопаснее. Пит Рендольф наш мальчик, но это не значит, что мне хочется, чтобы он узнал о нашем маленьком бизнесе. Ни сейчас, ни когда-то.

Энди еще больше убедился в том, что Большой Джим на самом деле не собирается прощаться с производством.

- Джим, если мы начнем перебрасывать сжиженный пропан назад в город, как мы сможем объяснить, где он был? Будем рассказывать людям, что его забрала Газовая Фея, а теперь передумала и отдает назад?

Ренни нахмурился.

- Ты думаешь, это смешно, друг?

- Нет! Я думаю, это страшно!

- У меня есть план. Мы объявим о создании городского хранилища топлива, и будем распределять оттуда пропан по норме. А также отопительный мазут, если будет найдено средство его использования без электрического зажигания. Мне ненавистна самая идея нормирования - она антиамериканская по своей сути, но ты же понимаешь, это как в басне о муравье и стрекозе. В нашем городе есть такие никчемы, которые сожгут все за месяц, а как только придут холода, будут взывать к нам, чтобы мы их спасали!

- Ты же на самом деле не веришь, что это будет длиться целый месяц, нет же?

- Конечно, нет, но, как старые люди говорят: надейся на лучшее, готовься к худшему.

Энди хотел, было напомнить, что много пропана из городских запасов они уже использовали на изготовление кристаллического мета, но сам знал, что ответит ему Большой Джим: «Откуда мы могли знать заранее?»

Конечно, не могли. Кто в здравом уме мог ожидать такого внезапного недостатка всех ресурсов? Планируешь всегда на более чем достаточно. Сугубо американский стиль. Но совсем не достаточно - это обида для ума и души.

Энди сказал:

- Не только тебе не понравится идея нормирования.

- Для этого мы имеем силы полиции. Я понимаю, всем нам жаль, что от нас ушел Гови Перкинс, но он сейчас рядом с Иисусом, теперь у нас Пит Рендольф. Который в этой ситуации для города лучший. Потому что он слушается, - он наставил на Энди палец. - Люди в таком городе - да, на самом деле люди повсюду, - они, как малые дети, когда речь идет об их собственных интересах. Сколько раз я уже это повторял?

- Много, - вздохнул Энди.

- Так к чему ты должен принуждать детей?

- Чтобы доедали гарнир, иначе не получат десерта.

- Вот так! И иногда не обойтись без ремня.

- Ты мне как раз напомнил, - встрепенулся Энди. - Я говорил с Самантой Буши там, на поле у

Динсмора, это подружка Доди. Она сказала, что кто-то из копов действовал там довольно грубо. Очень грубо. Нам об этом надо поговорить с шефом Рендольфом…

Джим скривился.

- А чего ты ожидал, друг? Реверансов? Там чуть до бунта не дошло. Мы чуть ли не получили хренов бунт тут, у себя, в Честер Милле!

- Я понимаю, ты прав, но просто…

- Я знаю эту девушку Буши. Знал всю ее семью. Наркоманы, угонщики машин, нарушители закона, неплательщики кредитов и налогов. Те, которых мы когда-то называли бедным белым ничтожеством, пока это не стало неполиткорректным. Это как раз те люди, за которыми мы сейчас должны присматривать. Как раз те самые люди. Это те, кто разорвет на тряпки наш город, только дай им волю. Такого ты хочешь?

- Нет, конечно же нет…

Но Большой Джим уже расправил крылья.

- Каждый город имеет своих муравьев, которые делают добро, и своих стрекоз, которые добра не делают, но мы можем жить с ними рядом, потому что понимаем их и умеем принуждать их делать то, что в их же интересах, даже если ради этого их приходится немного принижать. Но в каждом городе присутствует также саранча, как об этом сказано в Библии, и это именно такие люди, как Буши. На них мы должны опускать наш молот. Это может не нравиться тебе, может не нравиться мне, но личная свобода пусть себе пойдет куда-нибудь погуляет, пока все это не закончится. Мы тоже кое-чем жертвуем. Разве не закрываем мы наш маленький бизнес?

Энди не хотелось напоминать о том, что они просто не имеют выбора, поскольку все равно не могут вывозить товар за границы города, и он просто ограничился кивком. Он больше не хотел ничего обсуждать и опасался заседания, куда они направлялись, которое могло затянуться заполночь. Ничего ему не хотелось так сильно, как пойти домой, выпить чего-нибудь крепкого, лечь, и думать о Клодетт, и плакать, пока не провалится в сон.

- Что действительно имеет сейчас значение, друг, так это поддержание баланса. Это означает закон, и порядок, и надзор. Наш надзор, потому что мы не стрекозы. Мы муравьи. Муравьи-солдаты.

Большой Джим задумался. Когда он заговорил вновь, голос его звучал уже сугубо по-деловому:

- Я обдумал и считаю неправильным наше решение разрешить «Фуд-Сити» работать, как обычно. Я не говорю, что мы должны закрыть этот магазин, по крайней мере, сейчас этого делать не следует, но в следующие пару дней нам надо будет за ним внимательно наблюдать. Пристально следить. Тоже самое касается «Топлива & Бакалеи». И я вот что подумал: неплохо было бы нам конфисковать кое-что из тех продуктов, которые быстро портятся, для наших собственных…

Он остановился, прищурено смотря на крыльцо городского совета. Он не мог поверить собственным глазам и потому прикрыл их рукой от вечерней звезды. Но картина осталась: Бренда Перкинс и этот херов баламут Дейл Барбара. Однако не плечом к плечу. Между ними сидела и живо разговаривала с вдовой шефа Перкинса Эндрия Гринелл, третья выборная. Они передавали друг другу из рук в руки какие-то бумаги.

Большому Джиму это не понравилось.

Абсолютно.

2

Он двинулся вперед, предпочитая прекратить эту болтовню, о чем бы там не шло. Не успел он сделать и полдесятка шагов, как к нему подбежал какой-то мальчик. Это был один из сыновей Кильянов. Этих Кильянов жило около дюжины на мерзостной ферме, которая стояла чуть ли не на границе с Таркер Миллом. Никто из этих детей не отмечался умом, что, честно говоря, было естественным, принимая во внимание убогих родителей, которые их породили. Но все они были ревностными прихожанами Святого Спасителя; спасенными, иными словами. Этого звали Ронни… так, по крайней мере, считал Ренни, но не был в этом полностью уверен. Все они были остроголовые, носатые, с выпяченными надбровными дугами.

Одетый в изношенную футболку РНГХ, мальчик принес записку.

- Эй, мистер Ренни! - воскликнул он. - Господи, я ищу вас по всему городу!

- Боюсь, Ронни, у меня сейчас нет времени на болтовню, - сказал Большой Джим. Он не сводил глаз с троицы, которая сидела на ступеньках горсовета. Тройка Херовых Идиотов. - Возможно, завтра…

- Я - Ричи, мистер Ренни, Ронни - это мой брат.

- Ричи. Конечно. А теперь, если ты извинишь…

Большой Джим сделал шаг вперед. Энди взял у мальчика записку и успел задержать Ренни, прежде чем тот подошел к трио, которое расселось на ступеньках.

- Лучше прочитай это.

Первое, что увидел Большой Джим, было лицо Энди, еще больше вытянутое и обеспокоенное, чем обычно. Вот тогда он уже и взял записку.

Джеймс…

Мне нужно увидеться с тобой сегодня вечером. Господь говорил со мной. Теперь мне нужно поговорить с тобой, прежде чем мне обратиться к городу. Жду твоего ответа. Ричи Кильян доставит твою записку мне.

Преподобный Лестер Коггинс

Не Лесс, даже не Лестер. Нет. Преподобный Лестер Коггинс. Не к добру это. Ну почему, почему все это должно случаться одновременно?

Мальчик стоял перед книжным магазином, в своей выцветшей футболке и мешковатых, сползающих джинсах он был похож на какого-то неполноценного сироту. Большой Джим кивнул ему, чтобы подошел. Тот с готовностью подбежал. Большой Джим извлек из кармана ручку (на цилиндрике которой шла надпись золотом ВАМ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ, БУДЬТЕ УВЕРЕНЫ, ПОДАРИТ БИЗНЕС ДЖИМА РЕННИ) и нацарапал ответ из трех слов: Полночь. Мой

дом. Сложил бумажку и вручил мальчику.

- Отнеси ему. И не читай сам.

- Я не буду! Ни за что! Благослови вас Господь, мистер Ренни.

- И тебя тоже, сынок, - провел он глазами мальчика.

- О чем это он? - спросил Энди. И прежде чем Большой Джим успел что-то ответить, предположил: - О лаборатории? О мете…

- Заткни пасть.

Энди даже споткнулся, так его это поразило. Большой Джим никогда раньше не говорил ему таких слов. Не к добру это.

- Всему свое время, - произнес Большой Джим и отправился навстречу более спешной проблеме.

3

Первое, что подумал Барби, увидев приближение Ренни: «Он идет, как очень больной человек, который сам еще этого не знает». В его походке также виделся мужчина, который всю жизнь раздает подсрачники.

Пожав Бренде обе руки, он хранил на лице наиболее хищную со своих светских улыбок. Она восприняла это со спокойной, естественной любезностью.

- Бренда, - сказал он. - Мои глубочайшие соболезнования. Я должен был бы посетить вас раньше… я, конечно, буду на похоронах… но я был кое-чем занят. Мы все были заняты.

- Понимаю, - ответила она.

- Мы очень сожалеем о Дюке, - сказал Большой Джим.

- Именно так, - включился Энди, который подошел вслед за Джимом: катерок на буксире у океанского лайнера. – Очень сожалеем.

- Я так вам обоим признательна.

- И, хотя я радушно обсудил бы ваши проблемы… я же вижу, вы их имеете… - улыбка Большого Джима стала шире, впрочем, даже близко не изменив выражения его глаз. - У нас очень важное заседание. Эндрия, не могла ли бы ты пойти и побыстрее разложить на столе все те бумаги?

В это мгновение Эндрия, которой было уже под пятьдесят, стала похожей на ребенка, которого застали за тем, что она пыталась стибрить с подоконника горячий пирожок. Она уже начала привставать (кривясь от боли в спине), но Бренда удержала ее, крепко сжав руку. Эндрия вновь села.

До Барби дошло, что оба - и Гринелл, и Сендерс - имеют вид насмерть испуганных людей. И это не из-за Купола, не сейчас, по крайней мере, потому что причина их испуга скрывалась в Ренни. И вновь у него промелькнуло: из огня да в полымя.

- Джеймс, я считаю, вам следует уделить нам какое-то время, - произнесла любезно Бренда. - Безусловно, вы понимаете, что если бы вопрос не был важен, и очень… я сидела бы дома, находясь в скорби по моему мужу.

Большого Джима захватила несвойственная для него потеря языка. Люди на улице, которые перед этим созерцали закат солнца, теперь начали смотреть на это импровизированное рандеву. Возможно, поднимая Барбару до важности, на которую его персона не заслуживала, просто благодаря тому, что он сидел тесной кучкой вместе с городской третьей выборной и вдовой покойного шефа полиции. Они рассматривали, передавая друг другу из рук в руки какую-то бумажку так, словно это было письмо от самого Папы Римского. Чья голова родила идею такого публичного спектакля? Конечно же, Перкинсовой жены. У Эндрии не хватило бы ума. Да и храбрости, беспокоить его так, на глазах у публики.

- Хорошо, наверное, мы сможем уделить вам несколько минут. Как ты, Энди?

- Конечно, - подал голос Энди. - Несколько минут для вас миссис Перкинс, обязательно. Мне действительно очень жаль Дюка.

- А мне вашу жену, - серьезно ответила она.

Они встретились глазами. Это был самый настоящий Миг Воссоединения[171], и от этого Большого Джима охватило такое чувство, хоть волосы на себе рви. Он понимал, что не должен позволять такому чувству овладевать им - это плохо для давления, и очень нехорошо для сердца, - но достичь этого было тяжело, иногда. Особенно, когда тебе только что вручили записку от человека, который многовато знает, а теперь еще и поверил в то, что Бог хочет, чтобы он все поведал городу. Если Большой Джим правильно догадывается, что на уме в Коггинса, по сравнению с тем, это дело выглядит просто мизерным.

Вот только оно может оказаться и не мизерным. Потому что Бренда Перкинс всегда его не любила, а Бренда Перкинс вдова человека, которого сейчас в городе воспринимают - абсолютно безосновательно - как героя. Первое, что он должен сделать…

- Идем вовнутрь, - сказал он, - поболтаем в зале для заседаний. - Он кивнул Барби. - Вы тоже берете в этом участие, мистер Барбара? Поскольку мне этого вовеки не понять.

- Вам может помочь это, - ответил Барби, протягивая ему бумаги, которые они перед этим передавали из рук в руки. - Я когда-то служил в армии. Был лейтенантом. Кажется, срок моей службы продлен. Я даже получил повышение.

Ренни взял листы за краешек так, словно они могли быть горячими. Это послание, безусловно, было более солидным, чем кое-как нацарапанная записка, принесенная ему Ричи Кильяном, и было оно от намного более известного респондента. С простым заголовком: ИЗ БЕЛОГО ДОМА. И сегодняшняя дата.

Ренни пощупал бумагу. Глубокая вертикальная морщина пролегла между его бровей.

- Это не настоящий бланк Белого Дома.

«Конечно, настоящий, придурок, - хотелось сказать Барби. - Час назад его было доставлено курьерской службой эльфов Федерал Экспресс. Маленький мифический сученок без проблем телепортировался через Купол».

- Конечно же, это не бланк, - Барби старался говорить деликатно. - Документ прислан через

интернет в виде Pdf-Файла. Его приняла и распечатала мисс Шамвей.

Джулия Шамвей. Еще одна баламутка.

- Прочитайте документ, Джеймс, - спокойно произнесла Бренда. - Он важный.

Большой Джим начал читать.

4

Бэнни Дрэйк, Норри Келверт и Пугало Джо Макклечи стояли перед редакцией городской газеты «Демократ». У каждого из них был фонарик. Бэнни и Джо держали их в руках; Норри засунула свой в широкий передний карман куртки-кенгуру. Они смотрели в сторону городского совета, где, как казалось, о чем-то совещались несколько человек - среди них все трое выборных и повар из «Розы- Шиповника».

- Интересно, о чем там идет речь, - сказала Норри.

- Да о каком-нибудь дерьме, взрослые это любят, - откликнулся Бэнни с пренебрежительной незаинтересованностью и постучал в двери редакции. Когда на стук никто не ответил, мимо него протиснулся Джо и потянул за ручку. Двери отворились. Он сразу понял, почему мисс Шамвей не услышала их стука; здесь на всю мощность работал большой ксерокс, а сама редакторша как раз разговаривала со спортивным репортером и тем дядей, который днем фотографировал события на поле.

Она заметила детей и помахала им. Одинарные листы газеты быстро вылетали из машины в приемный лоток. Пит Фримэн и Тони Гай поочередно их оттуда доставали и складывали.

- А вот и вы, - сказала Джулия. - А я уже испугалась, что вы не придете. У нас все почти готово. Если этот раздолбанный ксерокс не гавкнется, то скоро закончим.

Джо, Бэнни и Норри восприняли новую для себя фразу с молчаливой признательностью, каждый решив и сам применить ее при первой же возможности.

- Вы получили разрешения от старших? - спросила Джулия. - Я не хочу, чтобы стая обозленных родителей вцепилась мне в загривок.

- Йес, мэм, - сказала Норри. - Каждый из нас получил.

Фримэн перевязывал шпагатом пачки газет. И делал это небрежно, как заметила Норри.

Сама она умелая вязать пять разных узлов. А также рыболовецкие сети. Ее отец научил. А она показала ему, как делать «носики»[172] на ее доске, и когда он первый раз завалился, то хохотал так, что слезы катились у него по лицу. У нее самый лучший в мире батя, считала она.

- Хотите, я это сделаю? - спросила Норри.

- Прошу, если ты умеешь получше, - отступил в сторону Пит.

Она подошла ближе, Джо и Бэнни вплотную за ней. Норри увидела набранную большими черными буквами шапку на одностраничном спецвыпуске газеты и застыла.

- Чертово говно!

И только эти слова успели выскочить у нее изо рта, как она заслонила его руками, но Джулия только кивнула:

- Да, это натуральное чертово говно. Надеюсь, вы все приехали на велосипедах и имеете на них корзины. На скейтбордах вы не сможете развезти это по всему городу.

- Мы приехали так, как вы нам сказали, - ответил Джо. - На моем корзины нет, но есть багажник.

- Я могу привязать туда ему несколько пачек, - сказала Норри.

Пит, который с удивлением смотрел на то, как быстро девушка связывает газеты, поддакнул:

- Конечно, ты сможешь. У тебя это здорово выходит.

- Да, мне это привычно, - прозаично ответила Норри.

- Фонари взяли? - спросила Джулия.

- Да, - ответили они хором.

- Хорошо. «Демократ» уже тридцать лет как не пользовался услугами уличных газетчиков, и мне бы не хотелось отметить возвращение традиции тем, что кого-то из вас собьет машина на углу Мэйн или Престил-Стрит.

- Это было бы суперневезение, конечно, - согласился Джо.

- Каждый частный дом и каждый офис на этих улицах должны получить газету, понятно? А также все на Морин-Стрит и авеню Святой Анны. После этого разбегайтесь. Делайте что хотите, но не позже девяти, чтобы все были дома. Если останутся газеты, разложите их на улицах. Прижмите камешками, чтобы куда-нибудь не унесло.

Бэнни вновь посмотрел на заголовок:

ЖИТЕЛИ ЧЕСТЕР МИЛЛА, ВНИМАНИЕ!

БАРЬЕР БУДУТ ПРОБИВАТЬ ВЗРЫВЧАТКОЙ!

ОН БУДЕТ ОБСТРЕЛЯН КРЫЛАТЫМИ РАКЕТАМИ

ВСЕМ РЕКОМЕНДОВАНО ЭВАКУИРОВАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ ОТ

ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ

- Могу поспорить, это не подействует, - мрачно произнес Джо, рассматривая карту, очевидно, начерченную вручную внизу газетного листа. Границу между Честер Миллом и Таркер Миллом на ней было выделено красным цветом. Там, где Малая Сука пересекала границу города, стоял черный знак Х. Этот знак было подписан: КОНТАКТНАЯ ТОЧКА.

- Прикуси себе язык, мальчик, - сказал Тони Гай.

5

ИЗ БЕЛОГО ДОМА

Приветствие и добрые пожелания

СОВЕТУ ВЫБОРНЫХ ЧЕСТЕР МИЛЛА:

Эндрю Сендерсу

Джеймсу П. Ренни

Эндрии Гринелл

Уважаемые джентльмены и леди!

Прежде всего, я передаю вам свой привет, и от лица всей наций хочу выразить вам глубокое сочувствие и добрые пожелания. Завтрашний день я объявил национальным Днем Молитвы; все церкви будут открыты по всей Америке, люди всех вероисповеданий будут молиться за вас и за тех, кто настойчиво работает для понятия и устранения того, что случилось на границах вашего города. Позвольте мне заверить вас, что мы будем работать, не покладая рук, пока жители Честер Милла не будет освобождены, а виновные в вашем заточении не будет наказаны. Эта ситуация будет улажена - и скоро - такое мое обещание вам и всем жителям Честер Милла. Заявляю это со всей ответственностью высокого должностного лица, вашего Главнокомандующего.

Во-вторых, этим письмом рекомендуется полковник Армии США Дейл Барбара. Полковник Барбара служил в Ираке, где был награжден Бронзовой Звездой, Медалью за добросовестную службу и двумя Пурпурными Сердцами. Он был вновь призван на службу и повышен для обеспечения вашей связи с нами и нашей с вами. Я верю, что вы, как настоящие американцы, всячески будете способствовать ему в этом. Как вы будете помогать ему, так и мы будем помогать вам.

Первым моим намерением, согласно советам, полученным мной от Объединенного комитета начальников штабов, Министерства обороны и Службы национальной безопасности было: объявить в Честер Милле военное положение и назначить полковника Барбару временным военным комендантом. Однако полковник Барбара заверил меня, что в этом нет необходимости. Он сообщил, что надеется на эффективное сотрудничество с выборными и городской полицией. Он считает, что в его задачи должны входить «советы и согласования». Я согласился с его суждением, которое, впрочем, подлежит дальнейшему пересмотру.

В-третьих, я знаю, что вы обеспокоены невозможностью звонить по телефону вашим родным и близким. Мы с пониманием относимся к вашей озабоченности, однако этот режим «телефонного затемнения» будет оставаться императивным для уменьшения риска утечки секретной информации, как в Честер Милле, так и за его пределами. Не считайте это чрезмерной предосторожностью; уверяю вас, это не так. Вполне возможно, что в Честер Милле кто-то владеет информацией, касающейся барьера, которым окружен ваш город.

В-четвертых, сейчас мы будем продолжать ограничение допуска средств массовой информации, хотя этот вопрос также подлежит дальнейшему пересмотру. Придет время, когда должностным лицам города и полковнику Барбаре будет полезно провести пресс-конференцию, но в данный период времени, когда все наши усилия направлены на как можно

mir-knigi.org

быстрое преодоление этого кризиса, мы считаем такую встречу с прессой гипотетической.

Пятый пункт моего письма посвящен интернет-коммуникациям. Объединенный комитет начальников штабов жестко настаивает на временном блокировании электронной почтовой связи, и я склонялся к их мнению. Однако полковник Барбара убедительно отстаивал право граждан Честер Милла на сохранение доступа к интернету. Аргументируя это тем, что электронная переписка на законных основаниях может быть перлюстрирована Советом Национальной Безопасности и на практике контроль над этой коммуникацией может быть установлен легче, чем над связью в сотовой сети. Поскольку он является нашим «оперативным представителем на месте», я, отчасти из гуманных соображений, прислушался к его мнению. Однако это решение тоже подлежит дальнейшему пересмотру; в нашей политике могут произойти изменения. Полковник Барбара будет полноценным участником будущих обсуждений, и мы ожидаем четких рабочих отношений между ним и всеми должностными лицами города.

В-шестых, я ответственно заявляю вам о возможности завершения ваших тяжелых испытаний не позже, чем завтра в первом часу по Восточному дневному времени. Полковник Барбара объяснит, какая именно военная операция произойдет в это время, он также заверил меня, что вашими совместными усилиями совместно с мисс Джулией Шамвей, которая является хозяйкой и редактором местной газеты, вы способны проинформировать граждан Честер Милла о том, чего им ожидать.

И последнее: вы граждане Соединенных Штатов Америки, мы никогда не бросим вас на произвол судьбы. Наше обещание вам, основанное на святых для нас идеалах, простое: ни один мужчина, женщина или ребенок не будут оставлены без заботы. Все без исключения ресурсы, необходимые для прекращения вашего заключения, будут задействованы. Каждый доллар, который нужно израсходовать для достижения этой цели, будет израсходован. А от вас мы ожидаем веры и сотрудничества. Прошу вас об этом.

С молитвой и наилучшими пожеланиями, остаюсь искренне ваш.

6

Кто бы из писак на подхвате не составил эту записку, но подписал ее собственноручно этот проходимец, и полным своим именем, включая то, второе, террористическое[173]. Большой Джим за него не голосовал, и если бы тот в это мгновение каким-то чудом телепортировался сюда, появившись перед ним вживую, он задушил бы его собственными руками.

И Барбару.

Большой Джим ощутил щемящее желание свистнуть Питу Рендольфу, чтобы тот упек этого полковника Кухмистера в тюрьму. Сказать ему, пусть вводит это свое херово военное положение в подвале полицейского участка, а Сэм Вердро послужит ему в роли адъютанта. Может, благодаря продолжительной реабилитационной терапии Неряха Сэм даже научится козырять, не тыкая большим пальцем себе в глаз.

Только не сейчас. Пока что нет. Кое-какие фразы из письма Главнокомандующего-Мерзавца были особенно выразительными.

Как вы будете помогать ему, так и мы будем помогать вам.

Четкие рабочие отношения между всеми должностными лицами города.

Это решение подлежит дальнейшему просмотру.

От вас мы ожидаем веры и сотрудничества.

Последняя - наиболее выразительная. Большой Джим был уверен, что этот треклятый защитник абортов не имеет никакого понятия о вере, для него это только прикладное словцо, но, когда он говорит о сотрудничестве, он четко понимает, что имеет в виду, и Джим Ренни также это чудесно понимает: это бархатная перчатка, внутри которой железная рука со стальными пальцами.

Президент обещает сочувствие и поддержку (он видел искренние слезы на глазах замороченной лекарством Эндрии Гринелл, когда она читала это письмо), но, если читать между строк, правда становится очевидной. Это письмо-угроза, неприкрыто откровенная. Сотрудничайте, потому что иначе не будет у вас интернета. Сотрудничайте, потому что мы составляем списки покорных и неслухов, и вам очень не понравится найти себя в списке последних, когда мы к вам прорвемся. Потому что мы все припомним. Сотрудничай, друг. Потому что иначе…

Ренни подумал: «Никогда я не отдам мой город под руководство повара, который отважился тронуть пальцем моего сына, а потом еще и противился моей власти. Никогда этому не бывать, ты, обезьяна. Никогда». А еще он подумал: «Тише, спокойнее».

Пусть полковник Кухмистер изложит их большой военный план. Если по факту тот подействует, хорошо. Если нет, свежеиспеченный полковник Армии США откроет для себя новое значение выражения: в глубине вражеской территории.

Большой Джим улыбнулся и произнес:

- Давайте зайдем вовнутрь, идемте. Похоже, нам многое надо обсудить.

7

Джуниор сидел в темноте со своими подружками.

Это было странным, даже самому ему это казалось странным, однако вместе с тем и успокаивающим.

Когда он вместе с другими внештатными помощниками вернулся в полицейский участок после того колоссального кавардака на Динсморовском поле, Стэйси Моггин (все еще в униформе и уставшая на вид) сказала им, что, если хотят, они могут поработать еще четыре часа. Сверхурочных служебных часов будет предлагаться еще много, по крайней мере, какое-то время, а когда городу наступит время платить им за службу, объяснила Стэйси, она уверена, что будут еще и бонусы… которые, наверняка, обеспечит признательное правительство Соединенных Штатов.

Картер, Мэл, Джорджия Руа и Фрэнк Делессепс согласились отработать дополнительные часы. Дело было даже не в деньгах; они кайфовали от этой работы. Джуниор тоже, но в голове у него начала зарождаться очередная боль. Это так угнетало после целого дня в прекрасном настроении.

Он сказал Стэйси, что пас, если можно. Она заверила его, что все нормально, только напомнила, что он должен быть на службе завтра в семь часов утра.

- Работы хватит, - сказала она.

На крыльце Фрэнки поддернул на себе ремень и сказал:

- Наведаюсь я, наверное, к Энджи домой. Скорее всего, она куда-то поехала с Доди, но мне невыносимо думать, что она могла поскользнуться в душе и лежит там сейчас парализованная, или еще что-нибудь такое.

У Джуниора начало стучать в висках. Перед левым глазом затанцевало какое-то белое пятнышко. Оно порхало в ритме с его сердцем, биение которого тоже ускорилось.

- Хочешь, я зайду, - предложил он Фрэнки. - Мне все равно по дороге.

- Правда? Если не тяжело.

Джуниор помотал головой. Вместе с ней и белое пятнышко перед его глазом бешено, умопомрачительно запрыгало. И потом угомонилось.

Фрэнки понизил голос:

- Сэмми Буши раскрыла рот на меня там, на поле.

- Эта пизда, - фыркнул Джуниор.

- Да. Говорит: «Что ты сделаешь, арестуешь меня?» - пропищал Фрэнки фальцетом, от чего Джуниору аж нервы скрутило. Белое пятнышко превратилось в красное, и какое-то мгновение он боролся с желанием схватить своего старого друга за горло и задушить тут же, на месте, чтобы навсегда лишить себя опасности когда-нибудь вновь услышать этот фальцет.

- Вот что я думаю, - продолжал Фрэнки. - Не съездить ли туда, по окончанию смены. Проучить ее, ну ты понимаешь, научить уважать местную полицию.

- Она шалава. И сучья лесбиянка.

- Так это же еще лучше. - Фрэнки замолчал, засмотревшись на страшное садящееся солнце. - Этот Купол имеет свои плюсы. Мы можем делать едва ли не все, что нам захочется. Во всяком случае, пока что. Ты только подумай об этом, старик. - Фрэнки схватил себя за мотню.

- Конечно, - согласился Джуниор. - Но у меня на них не очень стоит.

Но сейчас он ощущал, что как раз наоборот. Типа того. Не то чтобы он собирался их трахнуть, или что-нибудь такое, хотя…

- Вы все равно остаетесь моими подружками, - произнес Джуниор во тьму кладовки. Сначала он подсвечивал себе фонарем, и потом выключил его. В темноте было лучше. - Разве нет?

Они не отвечали. «А если бы они это сделали, - подумал он, - я бы имел возможность доложить отцу и преподобному Коггинсу о большом чуде».

Он сидел спиной к стене, вдоль которой тянулись полки с консервами. Энджи он положил по правую сторону, а Доди по левую от себя. Menagerie a trois[174], как называют это на форумах

«Пентхауза». В свете фонаря его девушки имели не очень хороший вид, распухшие лица и выпученные глаза, лишь немного притененные их волосами, но стоило только их повернуть… гей-гей! Прямо тебе парочка живых девах!

Правда, смрад, куда же без этого. Смесь старого дерьма и свежего гниения. Но это не так уже и важно, потому что здесь также присутствовали и другие, более приятные запахи: кофе, шоколада, патоки, сушеных фруктов и, наверняка, героина.

А также легкий аромат духов. От Доди или от Энджи? Он не мог понять. Главное, что он понимал, боль у него в голове вновь утихала, и пропадало это раздражающее белое пятнышко. Он выдвинул вперед руку, налапал грудь Энджи.

- Ты же не против этого, Эйндж? Ну, я, конечно, знаю, что ты дружишь с Фрэнки, но вы же, типа того, разбежались, кроме того, это лишь возбуждает чувство. А еще - не хотелось этого тебе говорить, но мне кажется, он сегодня задумал тебе изменить.

Свободной рукой он нащупал руку Доди. Она была холодная, но он все равно положил ее себе на член.

- О, моя Доди, - произнес он. - Это довольно круто. Но делай, как тебе хочется, девочка; не сдерживай себя, будь совсем откровенной.

Конечно, он должен их похоронить. Скоро. Купол в любое мгновение может лопнуть, словно мыльный пузырь, или ученые найдут способ как-то его растворить. И сразу же этот город будет кишеть дознавателями. А если Купол так и будет стоять, наверно будет создано что-то наподобие комитета по поиску продуктов, они будут ходить из дома в дом, будут искать еду.

Скоро. Но не прямо сейчас. Потому что здесь уютно.

И вместе с тем волнующе. Люди этого бы не поняли, но они и не должны что-то понимать. Потому что…

- Это наша тайна, - прошептал Джуниор во тьму. - Правда же, девочки?

Они не ответили (хотя сделают это, в свое время).

Джуниор сидел, обнимая девушек, которых сам же и убил, так он понемногу задремал, и тогда погрузился в сон.

8

Когда Барби с Брендой Перкинс в одиннадцать покинули городской совет, совещание там все еще продолжалось. Сначала они шли по Мэйн в сторону Морин-Стрит молча. На углу Мэйн-стрит и Кленовой улицы все еще лежала небольшая, прижатая камешком пачка одностраничного спецвыпуска «Демократа». Барби выдернул одну газету из-под камня. Бренда достала из сумочки фонарик-карандаш и присветила, чтобы прочитать заголовок.

- Казалось бы, увидев такое напечатанным в газете, тебе легче поверить, но оно совсем не так, - сказала она.

- Да уж, - согласился он.

- Вы с Джулией вместе подготовили этот выпуск, чтобы Джеймс не смог ничего спрятать, -

сказала она. - Разве не так?

Барби покачал головой.

- Нет, он бы и не старался, потому что это невозможно. Когда взрывается ракета, там такой звук, что чертям слышно. Просто Джулия не хотела, чтобы Ренни раскручивал эту новость в свою пользу, какой бы его польза не была. - Он постучал пальцем по газетке. - Грубо говоря, я усматриваю в этом что-то наподобие страховки. Выборный Ренни должен думать: «Если он опередил меня в этом, во владении какой другой информацией он меня опережает?»

- Джеймс Ренни может быть весьма опасным соперником, мой друг.

Они двинулись дальше. Бренда сложила газету и засунула ее себе подмышку.

- Мой муж вел в отношении него следствие.

- По какой причине?

- Не знаю, что именно я могу вам рассказать, - сказала она. - Выбор, как мне кажется, лежит между или все, или ничего. И Гови не собрал бесспорных доказательств - это я знаю наверняка. Хотя он уже почти приблизился к этому.

- Дело не в доказательствах, - объяснил Барби. - Дело в том, чтобы мне не оказаться в тюрьме, если завтра дела пойдут не очень хорошо. Если то, что вам известно, может помочь мне удержаться на свободе…

- Если вас беспокоит прежде всего то, чтобы самому не попасть в тюрьму, вы меня разочаровали…

Это была лишь часть проблемы, и Барби знал, что вдова Перкинс это понимает. Во время совещания он внимательно слушал и, хотя Ренни прилагал сладкоречивые усилия, чтобы выглядеть льстиво здравомыслящим, Барби был шокирован. Он чувствовал под всеми теми набожными приговорами и клятвами притаившегося хищника. Он будет держаться за власть, пока у него ее не вырвут силой; будет брать все, что считает нужным, пока его не остановят. Это делало его опасным для всех, не только для Дейла Барбары.

- Миссис Перкинс…

- Меня зовут Бренда, помните?

- Хорошо, Бренда. Давайте допустим, что Купол устоял; тогда городу должен был бы помогать кто-то другой, не этот торговец подержанными автомобилями с манией величия. Бренда, сидя в тюрьме, я не смогу помочь никому.

- Мой муж считал, что Большой Джим здесь греет себе руки.

- Как? Чем? И насколько?

- Давайте увидим, что сделают ракеты, - ответила она. - Если это не подействует, я расскажу все. Если подействует, когда осядет пыль, я встречусь и поболтаю с окружным прокурором… тогда, говоря словами Рики Рикардо, Джеймсу Ренни «придется давать объяснения»[175].

- Не только вы ждете, что принесет попытка прорыва. Эту ночь Ренни переждет смиренным ягненком. Если крылатые ракеты, вместо того чтобы пробить Купол, срикошетят, думаю, мы

увидим его другое лицо.

Она выключила фонарик и, посмотрев вверх, произнесла:

- Взгляните на звезды. Такие яркие. Вот Малый Ковш… Кассиопея… Большая Медведица. Все как всегда. Меня это успокаивает. А вас?

- Да.

Какое-то время они молчали, засмотревшись на мерцающую бескрайность Млечного пути.

- Но от созерцания звезд я всегда чувствовала себя очень маленькой и очень… эфемерной, - она засмеялась, а потом довольно неловко спросила: - Вы не против, если я возьму вас под руку, Барби?

- Совсем нет.

Она подхватила его под локоть. Он накрыл своей рукой ее ладонь и повел домой.

9

Большой Джим свернул заседание в одиннадцать двадцать. Питер Рендольф пожелал всем доброй ночи и покинул совещание. Он запланировал начать эвакуацию западной окраины города ровно в семь часов утра и надеялся к полудню очистить всю местность вокруг Малой Суки. Вслед за ним встала и Эндрия, ступая медленно, держась руками за поясницу. Всем присутствующим была хорошо знакома эта ее поза.

Хотя из головы у него не шла встреча с Лестером Коггинсом (и сон, он не против был хоть немного, к черту, поспать), Большой Джим спросил у нее, не могла ли она задержаться на несколько минут.

Она вопросительно посмотрела на него. Позади него демонстративно складывал папки и прятал их в серый стальной сейф Энди Сендерс.

- И закрой двери, пожалуйста, - кротко попросил Большой Джим.

Теперь уже с обеспокоенным лицом, она выполнила его просьбу. Энди продолжал убирать после совещания, но плечи у него были напряженно сгорбленные, словно в ожидании удара. Энди уже было известно то, о чем с ней будет говорить Большой Джим. И, судя по его позе, хорошего там было мало.

- Что ты задумал, Джим? - спросила она.

- Ничего особенного, - что означало как раз наоборот. - Мне лишь показалось, что перед совещанием ты подружилась с этим Барбарой. И с Брендой, кстати, тоже.

- С Брендой? Да не… - она уже чуть было не сказала не выставляй себя идиотом, но решила, что это прозвучит слишком сильно. – О чем ты, мы с Брендой знакомы уже тридцать ле…

- А с мистером Барбарой три месяца. Если так, то, значит, поедание изготовленных кем-то вафель и бекона являются достаточным основанием для того, чтобы узнать этого человека.

- Думаю, он теперь полковник Барбара.

Большой Джим улыбнулся:

- Тяжело воспринимать это серьезно, когда вся его униформа состоит из джинсов и майки.

- Ты видел письмо Президента.

- Я видел что-то, что Джулия Шамвей могла своими силами склепать на своем вонючем компьютере. Не так ли, Энди?

- Конечно, - произнес Энди, не поворачивая головы. Он все еще что-то ставил в сейф. А потом в который раз перекладывал уже сложенные папки.

- А если даже предположить, что письмо действительно было от Президента? - спросил Большой Джим, растягивая свое широкое, с несколькими подбородками лицо в той улыбке, которую она так ненавидела. Эндрия, наверное, впервые едва ли не с очарованием заметила на тех его подбородках щетину и поняла, почему Джим всегда старается так тщательно бриться. Щетина представляла его в зловещем никсоновском[176] виде.

- Ну… - ее беспокойство уже граничило со страхом. Она хотела сказать Джиму, что просто старалась быть любезной, но на самом деле не совсем так, там было что-то большее, и она думала, что Джим это заметил. Он очень примечающий. - Ну, понимаешь, он же Главнокомандующий.

Большой Джим пренебрежительно отмахнулся:

- Ты знаешь, кто такой командующий, Эндрия? Я тебе объясню. Тот, кто заслуживает на лояльность и послушание потому, что имеет ресурсы, которыми может помочь нуждающимся. Это должен быть честный обмен.

- Да! - приободрилась она. - Такие ресурсы, как те крылатые ракеты!

- Хорошо, если от них будет какая-нибудь польза.

- А почему бы ей не быть? Он сказал, что каждая имеет боевую головку в тысячу фунтов.

- Принимая во внимание то, как мало мы знаем о Куполе, как можешь ты или кто-нибудь из нас знать что-нибудь наверняка? Откуда нам знать, что ракета не сорвет Купол, оставив кратер глубиною с милю на том месте, где стоял Честер Милл?

Она смущенно смотрела на него. Потирая, разминая руками себе поясницу в том месте, где гнездилась боль.

- Конечно, все в руках Божьих, - сказал он. - И ты права, Эндрия, ракеты могут сработать. Но если нет, мы останемся на произвол судьбы, а Главнокомандующий, который не способен помочь своим гражданам, не достоин и брызга теплой мочи в холодный ночной горшок, как я думаю. Если их обстрел не даст того результата и если они не пошлют всех нас к Славе Господней, кому-то придется заботиться о нашем городе. Кому лучше этим заниматься: какому-то приблуде, которого коснулся своей волшебной палочкой Президент, или выборным, которые уже здесь есть? Понимаешь теперь, куда я веду?

- Мне полковник Барбара показался весьма способным, - прошептала она.

- Перестань так его называть! - закричал Большой Джим.

Энди упустил папку, а Эндрия с испуганным вскриком сделала шаг назад.

Но сразу же встала и выпрямилась, моментально обнаружив в себе тот, присущий янки стальной стержень, благодаря которому когда-то она имела храбрость впервые баллотироваться в выборные.

- Не смей кричать на меня, Джим Ренни. Я тебя знаю еще с того времени, как ты в первом классе вырезал картинки из каталога «Сиерз»[177]и наклеивал их на цветной картон, так что не кричи на меня.

- Ох, черт тебя побери, она обиделась. - Хищная улыбка расползалась теперь от уха до уха, превратив верхнюю часть его лица в какую-то веселую маску. - Как же это никчемно неуместно. Но уже поздно, я устал и выжал из себя весь дневной запас сладенького сиропа. Итак, слушай сюда и не заставляй меня повторять дважды. - Он взглянул себе на часы. - Сейчас одиннадцать тридцать пять, а я еще до двенадцати хочу попасть домой.

- Я не понимаю, чего ты от меня хочешь?

Он подкатил глаза, словно был не в состоянии поверить в такую тупость.

- Коротко? Я хочу знать, будешь ли ты на моей стороне - моей и Энди, - если этот их идиотский план с ракетами ничего не даст. А не рядом с этим выскочкой из посудомоечной машины.

Она расправила плечи и отпустила спину, за которую держалась руками. Она сумела посмотреть ему прямо в глаза, хотя губы у нее дрожали.

- А если я считаю, что полковник Барбара - мистер Барбара, если тебе так больше нравится - более квалифицированный руководитель в кризисной ситуации?

- Что же, обойдусь и без тебя, разтудыть-твою-мать, - ответил Большой Джим. - Пусть тебе поможет твоя высокая мораль. - Голос его упал до бормотания, которое пугало больше, чем предыдущие вопли. - Но ты же принимаешь эти пилюли. Оксиконтин.

Эндрия похолодела:

- А что с ними не так?

- У Энди их немалый запас, специально для тебя, но, если ты в этих гонках ставишь не на того коня, пилюли могут просто раствориться. Правильно я говорю, Энди?

Энди начал мыть кофеварку. Вид у него был несчастный, он избегал взгляда беспокойных глаз Эндрии. Но с ответом не промедлил.

- Да, - подтвердил он. - В таком случае может случиться, что я их просто высыплю в унитаз в аптеке. Опасно держать такие наркотики в полностью отрезанном от мира городе.

- Ты не имеешь права! - вскрикнула она. - У меня есть рецепт!

Большой Джим начал кротко.

- Единственный рецепт, который тебе сейчас нужен, это держаться людей, которые знают этот город лучше всего, Эндрия. Сейчас это единственная разновидность рецепта, от которого тебе будет хоть какая-то польза.

- Джим, мне нужны мои пилюли, - она услышала, как дрожит ее голос, точно, как у ее матери в последние, самые худшие годы, когда она уже не вставала с кровати, и Эндрия ненавидела себя за это. - Я в них очень нуждаюсь!

- Знаю, - сказал Большой Джим. - Бог подвергает испытанию тебя большой болью. («Не говоря уже о гадостной зависимости от наркотика», - подумал он.)

- Просто делай, как нужно, - включился Энди. Глаза его с темных кругами под глазами были печальными и убедительными. - Джим лучше всего знает, что надо нашему городу, и всегда знал. Не нужно, чтобы какой-то чужак рассказывал нам, как делать наше дело.

- Если я так буду делать, буду ли я получать эти таблетки против боли?

Лицо Энди просветилось улыбкой:

- Безусловно! Возможно, я даже под свою ответственность немного увеличу дозу. Скажем, на день на сто миллиграммов больше? Разве тебе не пойдет на пользу? Вид ты имеешь крайне нездоровый.

- Наверное, мне следовало бы немного увеличить дозу, - глухо ответила Эндрия. Голову она наклонила. Она не пила алкоголя, ни бокала вина после выпускного бала, когда ей там стало так плохо, никогда не выкурила ни одного косяка, сроду не видела кокаина, кроме как по телевизору. Она была замечательной женщиной. Очень приятной личностью. И каким образом она попала в такую ловушку? Когда упала, идя за почтой к своему ящику? И одного этого достаточно, чтобы превратить кого-то в зависимое от наркотика существо? Если это так, то как же это несправедливо. Как ужасно. - Но только на сорок миллиграммов. На сорок, и не больше, этого мне будет предостаточно, думаю я.

- Ты уверена? - спросил Большой Джим.

Но она совсем не была в этом уверена. Тут-то и притаился дьявол.

- Ну, может быть, на восемьдесят, - сказала она, вытирая слезы с лица. А потом шепотом: - Вы меня шантажируете.

Это шепот был едва слышен, но Большой Джим расслышал. Пододвинулся на шаг ближе к ней. Эндрия отшатнулась, однако Большой Джим только взял ее за руку. Нежно.

- Нет, - произнес он. - Это был бы грех. Мы тебе помогаем. А взамен хотим только одного: чтобы ты помогала нам.

10

Послышался стук.

И Сэмми сразу проснулась в кровати, хотя, перед тем как упасть в десять часов вечера, выкурила полкосяка и выпила три Филовых пива.

Она всегда держала в холодильнике пару шестибаночных коробок и до сих пор думала о них, как о «Филовом пиве», хотя сам Фил ушел от нее еще в апреле. До нее долетали слухи, что он и сейчас где-то в городе, но она не верила. Наверняка, если бы он крутился неподалеку, она его, вероятно, хотя бы где-то, но и увидела на протяжении последних шести месяцев, так же? Это

маленький город, прямо как поется в той песенке. Бах!

Она села в кровати, прислушиваясь, не скулит ли Малыш Уолтер. Он молчал, и она подумала: «О Господи, наверное, развалился этот чертовый манеж! А он даже не заплакал…»

Она откинула одеяло и поспешила к дверям. И тут же врезалась в стену левее их. Едва не упала. Проклятая тьма! Проклятый Фил, который убежал и оставил ее в таком состоянии, и не кому за нее заступиться, когда такие, как Фрэнк Делессепс ее обижают и пугают и…

Она ощупала руками верх шкафа и нашла фонарик. Включила и поспешила к дверям. Не успела она свернуть налево, к спальне Малыша Уолтера, как вновь послышался бух. Не слева, а прямо впереди, от дальней стены захламленной гостиной. Кто-то бухал во входные двери. Теперь оттуда послышался еще и приглушенный смех. Кто бы там не был, звучало это пьяно.

Она бросилась через комнату, майка, в которой она спала, скомкалась на ее рыхлых бедрах (с той поры, как ушел Фил, она немного потолстела, фунтов на пятьдесят, но когда этот сраный Купол исчезнет, она собиралась сесть на «Нутрисистем»[178], чтобы вернуться к своему школьному весу), и настежь распахнула двери.

Фонари - четыре, и все мощные - вспыхнули ей прямо в лицо. Те, кто прятался за светом фонарей, вновь засмеялись. В одного из хохотунов его и-го-го выходило точь-в-точь, как у Кучерявчика из Трех Комиков[179]. Она узнала, чей это смех, потому что хорошо помнила его еще со школы: это хохотал Мэл Ширлз.

- Не, ну ты прикинь! - воскликнул Мэл. - Наша краля легла спать, потому что не у кого отсосать.

Еще более громкий смех. Сэмми подняла руку, прикрывая ладонью глаза, но без толку, люди с фонарями оставались безликими фигурами. Один из голосов был женским. Это уже к лучшему, как ей показалось.

- Выключите фонари, пока я не ослепла. И заткнитесь, вы разбудите ребенка!

В ответ ей грохнул еще более громкий хохот, однако три из четырех фонарей потухли. Посветив из дверей на гостей своим фонарем, она не обрадовалась увиденному: Фрэнки Делессепс и Мэл Ширлз, а рядом с ними Картер Тибодо и Джорджия Руа. Та самая Джорджия, которая днем наступила ботинком на грудь Сэмми и обозвала ее лесбиянкой. Женщина-то она женщина, но опасная женщина.

Все они были со своими значками. И все, по-видимому, пьяные.

- Чего вам надо? Уже поздно.

- Надо догнаться, - сказала Джорджия. - Ты же продаешь кайф, продай и нам.

- Хочу я добраться до красного неба, как это подобает патриоту города[180], - пропел Мэл и засмеялся: и-го-го-го-го.

- У меня ничего нет, - ответила Сэмми.

- Не говори глупостей, здесь все дурью провоняло, - сказал Картер. - Продай нам немного. Не будь сукой.

- Вот-вот, - добавила Джорджия. Ее глаза серебристо отблескивали в луче фонаря Сэмми. - Не смотри на то, что мы копы.

На это они все вместе взорвались хохотом. Ну, точно, разбудят ребенка.

- Нет! - попробовала закрыть двери Сэмми. Тибодо толчком вновь их приоткрыл.

Толкнул всего лишь тылом ладони, довольно легко, но Сэмми подалась назад. Она перецепилась о чертов игрушечный поезд Малыша Уолтера и второй раз за сегодняшний день села на сраку. Майка на ней вспорхнула вверх.

- Вау, розовые трусы, ждешь какуюто из своих любовниц? - спросила Джорджия, и все вновь зашлись хохотом.

Отключенные фонари вновь вспыхнули, осветив ее, словно на сцене.

Сэмми резко одернула на себе майку, едва не порвав горловину. Лучи фонарей танцевали по ее телу, пока она неуверенно поднималась на ноги.

- Где твоя гостеприимность, приглашай нас в дом, - произнес Фрэнки, вваливаясь в двери. – Премного благодарю, - обвел он лучом фонаря гостиную. - Что за свинарник?

- По свинье и свинарник, - подхватила Джорджия, и вновь все вместе захохотали. - На месте Фила я бы рискнула прийти сюда вновь только для того, чтобы надрать тебе сраку! - подняла она кулак. Картер Тибодо церемонно стукнулся с ней костяшками.

- Он все еще прячется на радиостанции? - спросил Мэл. - Прется по мету? Тот же самый бред на тему Иисуса?

- Я не понимаю, о чем ты… - ее уже это не злило, ей уже было страшно. Так беспорядочно говорят в своих кошмарах люди, накурившись перед этим травы, притрушенной ангельской пылью[181]. - Фил ушел от меня!

Ее незваные гости переглянулись между собой и рассмеялись. Идиотское и-го-го Ширлза перекрывало остальные голоса.

- Ушел! Драпанул! - веселился Фрэнки.

- Типа, съебался! - откликнулся Картер, и они все вместе стукнулись костяшками кулаков.

Джорджия сгребла с верхней полки кучку книжек в мягких обложках и листала их.

- Нора Робертс? Сандра Браун? Стефани Меер?[182] Ты это читаешь? Ты что, бля, не знаешь, правило Гарри Поттера? - протянув руки перед собой, она разжала пальцы, и книжки посыпались на полу.

Ребенок все еще так и не проснулся. Это было просто чудо.

- Вы уйдете прочь, если я продам вам травы? - спросила Сэмми.

- Конечно, - заверил ее Фрэнки.

- И давай быстрей, - сказал Картер. - Нам утром рано на службу. Обеспечивать э-ва-ку-а-цию. Итак, шевели своей жирной сракой.

- Подождите здесь.

Она пошла в кухню и открыла холодильник (теперь уже теплый, скоро все растает, почему-то от этого она всхлипнула) и достала оттуда пластиковый пакет травы. Один из трех галлоновых[183] пакетов, которые она там держала.

Она уже начала поворачиваться, и вдруг кто-то обхватил ее за плечи, а кто-то другой вырвал у нее из рук пакет.

- Я хочу вновь взглянуть на твои розовые трусы, - произнес Мэл ей прямо в ухо. - Посмотреть, есть ли надпись ВОСКРЕСЕНЬЕ у тебя на сраке. - Он задрал ей майку выше талии. - Нет, я так и знал.

- Перестаньте! Прекратите!

Мэл засмеялся: и-го-го-го-го.

Ей прямо в глаза ударил луч света, но она успела узнать узкую голову того, кто держал фонарь: Фрэнки Делессепс.

- Ты огрызалась мне сегодня, - сказал он. - К тому же ты меня ударила, сделала больно моей рученьке. А я всего лишь сделал это. - И он вновь схватил ее за грудь.

Она попробовала отбить руку. Нацеленный ей в лицо луч света моментально уперся в потолок. И тут же резко опустился вновь. Боль взорвалась у ней в голове. Он ударил ее фонарем.

- Ой! Ой, как больно! ЧТО ты делаешь!

- Это, бля, еще не больно. Тебе повезло, что я не арестовал тебя за продажу наркотиков. Стой спокойно, если не хочешь получить еще.

- Как-то эта трава воняет мерзко, - произнес Мэл деловым тоном. Он так и стоял сзади, задрав ее майку.

- Да и сама она тоже, - добавила Джорджия.

- Должны конфисковать эту траву у тебя, сучечка, - сказал Картер. - Извиняй.

Фрэнки вновь ухватил ее за сиську:

- Стой спокойно, - крутил он сосок. - Стой спокойно, говорю. - Голос у него стал хриплым. Дыхание участилось.

Она поняла, к чему идет. Закрыла глаза. «Хоть бы только ребенок не проснулся, - подумала она. - Хоть бы они не сделали чего-нибудь другого. Худшего».

- Давай, - подначила Джорджия. - Покажи ей, чего ей не хватает с тех пор, как смылся Фил.

Фрэнки махнул фонарем в сторону гостиной:

- Давай на диван. И раздвигай ноги.

- А ты не хочешь сначала зачитать ей ее права? - спросил Мэл и засмеялся: и-го-го-го-го. Сэмми подумала, если она вновь услышит этот его смех, у нее лопнет голова. Но двинулась к дивану,

mir-knigi.org

наклонив голову, с опущенными плечами.

Картер перехватил ее на полдороги, развернул к себе, подсветив фонарем снизу свое лицо, превратив его в маску какого-то гоблина.

- Ты кому-то расскажешь об этом, Сэмми?

- Н-Н-Нет.

Гоблин кивнул.

- Умная девушка. А никто тебе и не поверит все равно. Кроме нас, конечно, а мы тогда вернемся сюда, и уже надлежащим образом тебя заебём.

Картер толкнул ее на диван.

- Трахай ее, - вскрикнула Джорджия взволнованным голосом, нацелив фонарь на Сэмми. - Трахайте эту суку.

Трахнули ее все трое молодчиков. Фрэнки был первым, он прошептал:

- Держи лучше рот на замке, пока тебе не прикажут сосать, - и вошел в нее.

Следующим был Картер. Во время его на ней прыганья проснулся и начал плакать Малыш Уолтер.

- Заткни глотку, мальчик, а то мгне придець зачтайт тебе твой пгава! - проревел Мэл Ширлз и засмеялся: и-го-го-го-го-го-го.

11

Уже было около полночи.

На своей половине кровати крепко спала Линда Эверетт; день ей выпал изнурительный, завтра утром вновь на службу (обеспечивать э-ва-ку-а-цию), и даже беспокойные мысли о Дженнилл не помешали ей заснуть. Она не храпела, нет, лишь тихонькое ху-ху-ху звучало с ее половины кровати.

У Расти день был не менее изнурительным, но заснуть он не мог, и мешало ему не беспокойство из-за Джен. С ней все будет хорошо, думал он, по крайней мере, в ближайшее время. Если ее судороги не будут усиливаться, он их сможет сдержать. Если закончатся запасы заронтина в госпитале, он достанет лекарство у Сендерса в аптеке.

А думал он о докторе Гаскелле. И о Рори Динсморе, конечно. У Расти перед глазами стояла окровавленная, пустая дыра, там, где у мальчика раньше был глаз. Он слышал слова, сказанные Гаскеллом Джинни: «Я еще не оглупел, то есть не оглох».

Вот только он умер теперь.

Расти перевернулся на другой бок, стараясь прогнать эти воспоминания, но вместо этого вспомнилось бормотание Рори: «Это Хэллоуин». А вслед за этим голос его собственной дочурки: «Это Большая Тыква виновата! Тебе нужно остановить Большую Тыкву!»

mir-knigi.org

У его дочери были судороги. Рори Динсмору в глаз срикошетила пуля, и ее фрагмент застрял в его мозгу. О чем это говорит?

Ни о чем. Как тот шотландец сказал в «Затерянных»[184]? - «Не принимай ошибочно случайность за судьбу».

Может, и да. Может, и нет. Но «Затерянные» были давно. Тот шотландец мог бы сказать и наоборот: «Не принимай ошибочно судьбу за случайность».

Он перевернулся на другой бок и теперь вспомнил черный заголовок вечернего спецвыпуска «Демократа»: БАРЬЕР БУДУТ ПРОБИВАТЬ ВЗРЫВЧАТКОЙ!

Все напрасно. Сейчас заснуть не удастся, и наихудшее в таком состоянии - силком загонять себя в страну сна.

Внизу лежалая половинка знаменитого пирога Линды, с апельсинами и калиной; когда пришел домой, он видел его там на полке. Расти решил пойти в кухню, посидеть за столом, съесть пирог, а заодно и полистать свежий номер «Американского семейного доктора»[185]. Если какая-нибудь статья о коклюше ему не навеет сон, то ничто другое уже не поможет.

Он встал, упитанный мужчина в голубой куртке и санитарских брюках, обычной для себя ночной одежде, и тихонько вышел из спальни, стараясь не разбудить Линду.

На полдороге к ступенькам он остановился и склонил, прислушиваясь, голову.

Одри подвывала, очень мягко, потихоньку, из спальни его дочек. Расти подошел и деликатно приоткрыл двери. Золотистая ретриверша, ее силуэт едва угадывался между девчачьими кроватями, подняла голову, взглянув на него, и выдала очередной тихий скулеж.

Джуди лежала на боку, подложив себе руку под щечку, дышала она медленно и ровно. Другое дело Дженни. Она безустанно крутилась со стороны в сторону, стараясь снять с себя одеяло, и что-то бормотала. Расти переступил через собаку и присел на кровать Дженни под плакатом ее очередного любимого бой-бэнда.

Ей что-то снилось. И что-то нехорошее, судя по встревоженному выражению ее лица. А бормотание ее похоже было на протесты. Расти постарался разобрать слова, но она уже затихла.

Снова заскулила Одри.

Ночная рубашка Джен вся сбилась. Расти ее поправил, натянул одеяло и убрал волосы у Дженни с лица. Глаза под ее закрытыми веками быстро двигались туда-сюда, но он не заметил у нее ни дрожания конечностей, ни скрюченных пальцев, ни характерного чавканья губами. Скорее фаза быстрого сна, чем эпилептический припадок, это почти наверняка. Из чего следовал интересный вопрос: неужели собаки слышат еще и запах плохих сновидений?

Он наклонился и поцеловал Джен в щечку. Сразу за этим глаза ее раскрылись, но он не был уверен, что она его видит. Это мог быть и симптом незначительной эпилепсии, но Расти почему-то не верилось в это. В таком случае залаяла бы Одри, считал он.

- Спи, сладенькая, - сказал он.

- Папа, у него золотой бейсбольный мяч.

- Я знаю, милая, засыпай.

- Это плохой мяч.

- Нет. Он хороший. Бейсбольные мячи все хорошие, а особенно золотые.

- Ох, - вздохнула она.

- Засыпай, дочурка.

- Хорошо, папочка. - Она перевернулась на бок и закрыла глаза. Немного пошевелилась под одеялом, а потом затихла. Одри, которая лежала на полу, подняв голову, и смотрела на них, вновь положила морду себе на лапы и сама заснула.

Расти немного посидел там, послушал дыхание своих дочерей, уверяя себя, что нет никаких причин для беспокойства, все люди изредка говорят во сне. Он уверял себя, что все обстоит благополучно - достаточно было лишь взглянуть на спящую на полу собаку, чтобы в этом убедиться, - но посреди глупой ночи тяжело быть оптимистом. Когда до рассвета еще оставалось несколько длинных часов, плохие мысли вернулись и начали блуждать. Посреди ночи сны превратились в зомби.

Наконец он решил, что ему не хочется пирога с клюквой и апельсинами. Ему захотелось вернуться в кровать, прижаться к своей теплой спящей жене. Но, прежде чем выйти из спальни, он погладил шелковистую голову Одри.

- Карауль, девочка, - шепнул он ей.

Одри открыла один глаз, взглянула на него.

Он подумал: «Золотистая ретриверша. - И, естественно, следующая ассоциация. - Золотой бейсбольный мяч. Плохой мяч».

В ту ночь, вопреки новоявленной женской приватности, Расти оставил их двери открытыми.

12

Когда Большой Джим вернулся домой, Лестер Коггинс сидел у него на крыльце. Коггинс читал Библию при свете фонарика. Большой Джим не проникся такой ревностностью преподобного, настроение, которое у него и так был плохим, еще больше ухудшилось.

- Пусть благословит тебя Господь, Джим, - поздоровался Лестер, привставая. Он ухватил и пылко сжал протянутую ему Большим Джимом руку.

- И тебе благословения, - смело ответил Большой Джим.

Коггинс еще раз крепко сжал его руку напоследок, и, наконец, отпустил.

- Джим, я здесь потому, что получил откровение. Прошлой ночью я просил его, потому что мне было очень тяжело, а сегодня днем это случилось. Бог вразумил меня и через Писание, и через того мальчика.

- Через сына Динсмора?

Коггинс зычно чмокнул губами свои сложенные ладони и воздел их к небу.

- Именно так. Через Рори Динсмора. Пусть находится он в Божьей благодати во веки веков.

- Именно сейчас он ужинает с Иисусом, - произнес Большой Джим машинально. В свете своего фонаря он изучал преподобного, и ему не нравилось то, что он видел. Хотя на ночь резко похолодало, кожа Коггинса блестела от пота. Глаза были вытаращены. Волосы у него скатались в какие-то дикие кудри и свисали. И вообще он имел вид человека, который сбился с правильного пути и скоро упадет в канаву.

Большой Джим подумал: «Это нехорошо».

- Конечно, - подхватил Коггинс. - Я уверен. Пирует… в объятиях предвечных рук…

У Большого Джима мелькнула мысль, что тяжело делать эти два дела одновременно, но он удержал ее при себе.

- И более того, Джим, смерть его не была напрасной. Вот, чтобы рассказать тебе это, я и пришел.

- Расскажешь в доме, - сказал Большой Джим, и прежде чем проповедник сказал хоть слово, спросил: - Ты видел моего сына?

- Джуниора? Нет.

- Ты долго здесь ждал? - Большой Джим включил в коридоре свет, при этом благословляя генератор.

- Где-то с час. Может, немного меньше. Сидел на ступеньках… читал… молился… размышлял.

Большому Джиму хотелось знать, не видел ли его кто-то, но он удержался от вопроса. Коггинс и так был сам не свой, а такой вопрос мог еще больше выбить его из колеи.

- Идем ко мне в кабинет, - позвал он и пошел впереди, со склоненной головой, плоскостопо переваливаясь медленными широкими шагами. Сзади он был похож на одетого в человеческую одежду медведя, старого, медленного, но все еще опасного.

13

Кроме картины, которая изображала Нагорную проповедь, за которой прятался сейф, на стенах кабинета Большого Джима висело также множество почетных отличий, которые свидетельствовали о его служении на благо города. А также обрамленное фото самого Большого Джима, который пожимает руку Сарре Пейлин, и еще одно, где он ручкается с Дейлом Эрнгардтом[186], когда тот находился в Оксфорд-Плэйнз на шоу Краш-Эй-Рама[187], собирая средства для какого-то благотворительного детского фонда. Там висело также фото Большого Джима с Тайгером Вудсом[188], весьма приятным на вид негром.

На столе у него находился только один памятный сувенир - позолоченный бейсбольный мяч на пластиковой подставке. Под ним (также под прозрачным пластиком) хранился автограф: Джиму Ренни с признательностью за вашу помощь в проведении в Западном Мэне благотворительного турнира по софтболу 2007 года! А ниже подпись: Билл Спэйсмен Ли[189].

Усевшись за столом в своем кресле с высокой спинкой, Большой Джим взял мячик и начал

перебрасывать его из руки в руку. Его приятно была перебрасывать, особенно, когда ты немного не в себе: хорошая, тяжеленькая вещь, золотые швы утешительно целуют тебе ладони. Большой Джим иногда задумывался: а если бы вот иметь такой же мяч, только полностью золотой. Он, наверняка, займется этим вопросом, когда закончится эта проблема с Куполом.

Коггинс примостился на противоположной стороне стола, на стуле для клиентов. Стулья для просителей. Именно там его и хотел видеть Большой Джим. Глаза у преподобного бегали туда-сюда, как у человека, который смотрит на теннисную игру. Или, скажем, на хрустальный шарик гипнотизера.

- Ну, Лестер, рассказывай, что стряслось. Просвети меня. Только давай так, чтобы недолго, хорошо? Завтра у меня много работы.

- Ты помолишься сначала вместе со мной, Джим?

Большой Джим улыбнулся. Хищно улыбнулся, но не на максимальную мощность. По крайней мере, пока что.

- Почему бы тебе сначала не рассказать мне все? Прежде чем становиться на колени, я хотел бы знать, за что мы будем молиться.

Лестер говорил долго, однако Большой Джим не перебивал. Он слушал его с нарастающей тревогой, которая превращалась в ужас. Густо приправленная библейскими цитатами речь преподобного сбивалась на бредни, но суть ее была ясной: он решил, что их маленький бизнес прогневал Бога достаточно для того, чтобы Тот накрыл целый город большой стеклянной чашей. Лестер молился, спрашивая советы, что им делать, при этом, бичуя себя (слово «бичевание», наверное, сейчас было использовано в переносном смысле - всерьез надеялся Большой Джим), и Бог подвел его к одному стиху в Библии, где речь идет о сумасшествии, ослеплении, побиении… и т.д.… и т.д.

- Господь сказал, что передо мною свой признак публично опри… людним…

- Причем здесь Опра[190]? - насупил брови Большой Джим.

Не обращая на это внимания, Лестер продолжал дальше, весь вспотевший, словно больной малярией, не отводя глаз от золотистого мячика. Туда-сюда двигались они…

- Это было похоже на то, как у меня подростком было семяизвержение в кровати.

- Лестер, это наверняка… лишняя информация, - он не прекратил перебрасывать мячик из руки в руку.

- Бог сказал, что оприлюднит передо мною ослепление, но не мое ослепление. И вот, сегодня днем там, на поле, Он это сделал! Разве нет?

- Ну, я считаю, как одна из интерпретаций…

- Нет! - вскочил с места Коггинс. Держа в одной руке Библию, он начал ходить кругами по ковру. Второй рукой он теребил себе волосы. - Бог сказал мне, что, когда я увижу этот знак, мне нужно рассказать моим прихожанам обо всем, чем ты занимаешься…

- Только я? - спросил Большой Джим. Задумчивым тоном. Теперь он перебрасывал мячик из руки в руку уже быстрее. Чмок. Чмок. Чмок. Туда-сюда, из ладони в ладонь, на вид мясистыми

mir-knigi.org

были эти ладони, но все еще твердыми.

- Нет, - едва ли не со стоном возразил Лестер. Теперь он шагал быстрее, больше не смотря на мяч. Широко размахивая Библией в свободной от выдергивания из головы волос руке. Иногда он так же вел себя и на кафедре, когда его особенно несло. В церкви это было вполне нормальным, но здесь выглядело чисто тебе оголтелость. - И ты, и я, и Роджер Кильян, братья Бови, и… - он понизил голос. - И тот, другой. Мастер. Думаю, этот человек сумасшедший. Если весной, когда все начиналось, он еще был в сознании, то сейчас уже полностью сошел с ума.

«Кто бы это говорил», - подумал Большой Джим.

- Все мы связаны, но именно я и ты должны покаяться, Джим. Так поведал мне Господь. Именно это означало ослепление мальчика; именно ради этого он умер. Мы покаемся и сожжем этот Сарай Сатаны, который позади церкви. И тогда Бог нас освободит.

- Конечно, Лестер, освободит, и ты пойдешь. Прямехонько в штатную тюрьму Шоушенк.

- Я восприму отмерянное Богом наказание. И с радостью.

- А я? А Энди Сендерс? Братья Бови? А Роджер Кильян? Кажется, у него еще девять детей, которых надо кормить. А если нам нет от этого никакой радости, Лестер?

- Ничем не могу помочь, - теперь уже Лестер начал лупить себя Библией по плечам. Туда-сюда, сначала по одному, потом по второму. Большой Джим осознал, что перебрасывает свой золотой мяч из руки в руку синхронно с ударами проповедника. Хрясь… и чмок. Хрясь… и чмок. Хрясь… и чмок. - Жаль Кильяновых детей, конечно, однако… «Исход», раздел двадцатый, стих пятый: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого поколения». Мы должны подчиниться. Мы должны вырезать этот шанкр, как бы больно не было; исправить все неправильное, что было сделано нами. Это означает покаяние и очищение. Очищение огнем.

Большой Джим поднял руку, сейчас не занятую мячом.

- Тпру, тпру, тпру-у-у. Подумай, о чем ты говоришь. Этот город полагается на меня - и на тебя, конечно - в нормальное время. Но в кризис он в нас нуждается! - Он встал, оттолкнув назад кресло. День был таким длинным и ужасным, он так устал, а тут еще это. Он наполнялся злостью. - То, чем мы занимались, Лесс, спасло от голода тысячи детей в Африке. Мы даже оплачивали лечение их адских болезней. Также мы выстроили тебе новую церковь и мощнейшую христианскую радиостанцию на всем северо-востоке.

- И набивали собственные карманы, не забудь и об этом! - вскрикнул Коггинс. И заодно хлопнул себе прямо по лицу своей Святой Книгой. С одной ноздри у него потекла струйка крови. - Набивали грязными деньгами от наркотиков! - Он ударил себя вновь. - А радиостанцией Иисуса заправляет сумасшедший, который варит этот яд, который дети колют себе в вены!

- Думаю, на самом деле большинство из них его просто курят.

- Ты считаешь, что это смешно?

Большой Джим обошел вокруг стола. В висках у него стучало, кирпичным румянцем взялись щеки. Однако он вновь попробовал говорить мягко, словно с истеричным ребенком:

- Лестер, я нужен нашему городу как руководитель. Если ты раскроешь свою глотку, я не смогу обеспечить его руководство. И никто тебе и не поверит…

- Все, все поверят! - закричал Коггинс. - Когда увидят дьявольскую лабораторию, которую я позволил тебе создать позади моей церкви, они поверят все! И, Джим, разве ты не понимаешь, как только грех оприлюднится… болячка будет вычищена…

Бог уберет Свой барьер! Кризис закончится! Им не нужно будет твое руководство!

Тут уже Джеймс Ренни сорвался.

- Оно им всегда будет нужно! - проревел он и наотмашь махнул рукой с затиснутым в кулаке бейсбольным мячом.

Лестер как раз разворачивался лицом к Джиму, когда от удара у него треснула кожа на левом виске. Кровь залила ему левую половину лица. Левый глаз блеснул сквозь кровь. Он пошатнулся вперед с растопыренными руками. Библия упала на Большого Джима, как какая-то тряпка. Кровь пачкала ковер. Левое плечо Лестеровского свитера уже промокло ею.

- Нет, не такая воля Госпо…

- Такова моя воля, ты, надоедливая муха. - Большой Джим вновь размахнулся и на этот раз попал преподобному в лоб, точь-в-точь в центр. Отдачей самому Большому Джиму трухнуло руку вплоть до плеча. Но Лестер только покачнулся вперед, взмахнув своей Библией. Похоже на то, что он хочет еще что-то сказать.

Большой Джим опустил руку с мячом вдоль тела. В плече его пульсировала боль. Кровь уже густо струилась на ковер, а этот сукин сын все еще оставался на ногах; все еще двигался вперед и, стараясь заговорить, чвиркал мелкими брызгами крови.

Коггинс натолкнулся на передний край стола - кровь залила нетронутый блокнот, - а потом, его потянуло в сторону. Большой Джим хотел было вновь замахнуться мячом, но не смог.

«Я знал, что мои школьные занятия по толканию ядра мне когда-нибудь аукнутся», - подумал он.

Он перекинул мячик в левую руку и взмахнул ею сбоку и вверх. Она встретилась с челюстью Лестера, разбив ему нижнюю треть лица, кровь всплеснула вверх в неярком свете подвесного потолка. Несколько ее капель пристали к матовому стеклу.

- Хго! - всхлипнул Лестер. Он все еще старался обойти стол. Большой Джим ретировался в промежуток между тумбами.

- Отец?

В двери стоял Джуниор, глаза вытаращенные, рот раскрыт.

- Хго! - всхлипнул Лестер и начал скособочено разворачиваться на звук нового голоса. Протянул вперед свою Библию. - Хго… Хго… Хго… БхгОГ…

- Не стой столбом, помоги мне! - гаркнул Большой Джим на сына.

Лестер начал, спотыкаясь, двигаться к Джуниору, варварски размахивая Библией. Свитер на нем промок, брюки приобрели свекольный цвет, лица не видно, все затоплено кровью.

Джуниор бросился ему навстречу. Лестер начал было заваливаться, но Джуниор его подхватил, поддержал.

- Я понял, преподобный Коггинс, я понял… не волнуйтесь.

Джуниор сцепил руки на липком от крови горле Лестера и начал душить.

14

Через пять бесконечных минут.

Большой Джим сидит в своем рабочем кресле - развалился в своем рабочем кресле - галстук, который он специально надел на совещание, распущен, рубашка расстегнута. Он массирует себе мясистую левую грудь. Под ней все еще скачет галопом его сердце, сбиваясь на аритмию, но без признаков того, что собирается внезапно остановиться.

Джуниор ушел. Ренни сначала подумал, что тот собирается сообщить Рендольфу, что было бы неправильно, но чувствовал себя очень изможденным, чтобы позвать сына назад. Мальчик вернулся сам, принес брезент из багажника их трейлера. Он смотрел, как Джуниор рывком разворачивает его на полу - обыденно-деловито, словно делал это уже раз сто раньше. «Это все те фильмы категории R[191], которые они теперь смотрят», - подумал Большой Джим, потирая дряблую плоть, которая когда-то была плотной, твердой.

- Я… помогу, - прохрипел он, зная, что не сможет.

- Сиди спокойно, отдышись.

Его собственный сын, стоя на коленях, бросил на него темный, недосягаемый для его понимания взгляд. В нем, наверно, могла быть любовь - Большой Джим очень надеялся, что так и есть, - но и кое-что другое тоже.

Понял? В том взгляде также проблеснуло это «я понял»?

Джуниор заворачивал Лестера в брезент. Брезент потрескивал. Джуниор осмотрел тело, еще подкатил его, потом накрыл краем брезента. Большой Джим купил этот брезент в Бэрпи. На распродаже. Он вспомнил, как Тоби Меннинг еще говорил: «Вы сделали офигительно выгодную покупку, мистер Ренни».

- Библия, - произнес Большой Джим. Голос звучал еще хрипло, но чувствовал себя он уже немного лучше. Сердцебиение замедлилось, слава Богу. Кто мог знать, что после пятидесяти, все горы такие крутые. Он подумал: «Надо начать делать упражнения. Вернуть себе форму. Бог дает человеку только одно тело».

- Точно, хорошо, что напомнил, - пробурчал Джуниор. Он схватил святую Библию, засунул ее Коггинсу между бедер и вновь начал заворачивать тело.

- Он ворвался сюда, сынок. Сошел с ума.

- Конечно, - Джуниор не выявил любопытства. Заворачивать тело ему было явно интереснее.

- Вышло так, что или он, или я. Тебе надо… - вновь что-то переполошилось у него в сердце. Джим схватил ртом воздух, закашлял, стукнул себе в грудь. Сердце вновь успокоилось. - Тебе надо отвезти его к Святому Спасителю. Когда его найдут, там есть парень… возможно… - он

имел в виду Мастера, хотя, возможно, это глупая мысль, привлекать Мастера к выполнению грязного дела. Мастер Буши знал толк в главном деле. Конечно, он будет сопротивляться во время ареста. В таком случае его могут и не взять живым.

- Я знаю лучшее место, - ответил Джуниор безоблачным голосом. - А если ты говоришь о том, чтобы повесить его на кого-то другого, у меня есть лучший кандидат.

- Кто?

- Ёбаный Дейл Барбара.

- Ты знаешь, я не одобряю таких выражений…

- Ёбаный… Дейл… Барбара.

- Каким образом?

- Пока что не знаю. Но ты лучше помой этот чертов мяч, если не желаешь с ним расставаться. И день куда-нибудь свой блокнот.

Большой Джим встал в полный рост. Он чувствовал себя теперь получше.

- Ты хороший сын, Джуниор, помогаешь своему старому отцу.

- Как скажешь, - ответил Джуниор. Теперь на ковре лежала большая зеленая сосиска. С одной ее стороны торчали ступни. Джуниор старался накрыть их брезентом, но тот не держался. - Надо было заклеить липкой лентой.

- Если ты не доставишь его в церковь, то куда же…

- Не беспокойся, - откликнулся Джуниор. - Есть безопасное место. Преподобный полежит там, пока мы не придумаем, как заманить в ловушку Барбару.

- Надо еще посмотреть, что случится завтра, прежде чем что-то делать.

Джуниор посмотрел на него с холодным пренебрежением, которого никогда раньше Большой Джим за ним не замечал. До него дошло, что теперь его сын имеет над ним большую власть. Но он же его родной сын…

- Мы должны закопать твой ковер. Слава Богу, у тебя здесь хоть не покрытие от стены до стены. И большинство грязи осталось на верхней стороне.

Он поднял зеленую сосиску и понес ее в коридор. Через несколько минут Ренни услышал, как завелся мотор.

Большой Джим рассмотрел золотой мяч. «Мне нужно от него избавиться», - подумал он, однако понял, что не сможет этого сделать. Этот мяч фактически был фамильной ценностью.

Да и, в общем-то, зачем? Какая беда, если он будет чистый?

Когда через час домой вернулся Джуниор, золотой мяч вновь сиял в своей пластиковой колыбели.

mir-knigi.org

РАКЕТНЫЙ УДАР НЕМИНУЕМ

1

ВНИМАНИЕ! ГОВОРИТ ПОЛИЦИЯ ЧЕСТЕР МИЛЛА! ЭТА МЕСТНОСТЬ ПОДЛЕЖИТ ЭВАКУАЦИИ! ЕСЛИ ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ, ИДИТЕ НА ЗВУК МОЕГО ГОЛОСА! ЭТА МЕСТНОСТЬ ПОДЛЕЖИТ ЭВАКУАЦИИ!

Терстон Маршалл и Каролин Стерджес сели в кровати, слушая тот голос, вытаращив друг на друга глаза. Они работали преподавателями Эмерсон-Колледжа в Бостоне, Терстон - полный профессор английской литературы (и приглашенный редактор очередного выпуска «Лемехов»[192]), Каролин - аспирантка и ассистентка на том же факультете. Любовниками они были последние полгода, и цветы их любви уже потеряли свежесть. Находились они в домике Терстона на Честерском озере, которое пролегало между Малой Сукой и рекой Престил. Приехали на длинный уик-энд ради «наслаждения листопадом», но растительность, которой они наслаждались с прошлой пятницы, большей частью принадлежала к лобковой. В домике не было телевизора; Терстон Маршалл ненавидел телевидения. Радио было, но они его не включали. Это случилось в восемь тридцать утра, в понедельник, двадцать третьего октября. Оба не имели понятия, что рядом происходит что-то, пока их не вырвал испуганными из сна этот трубный глас.

ВНИМАНИЕ! ГОВОРИТ ПОЛИЦИЯ ЧЕСТЕР МИЛЛА! ЭТА МЕСТНОСТЬ… Он приближается. Уже совсем близко.

- Терстон! Трава! Куда ты положил траву?

- Не волнуйся, - произнес он, но дрожь в его голосе наводило на мысль, что сам он воспользоваться собственным советом не способен. Высокий, стройный мужчина с густыми седеющими волосами, которые он собирал на затылке в хвостик. Сейчас его волосы висели свободно, почти достигая плеч. Ему было шестьдесят; Каролин двадцать три. - Все лесные домики здесь пусты в эту пору года, они просто ездят туда-сюда по дороге, по Малой Сук…

Она ухватила его за плечо - блядство.

- Наша машина! Они увидят машину возле дома.

Гримаса типа «ух, бля» промелькнула у него на лице.

…ПОДЛЕЖИТ ЭВАКУАЦИИ! ЕСЛИ ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ, ИДИТЕ НА ЗВУК МОЕГО ГОЛОСА! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Уже совсем близко. Терстон теперь слышал также голоса других людей, усиленные громкоговорителями, голоса копов с громкоговорителями - но этот звучал уже едва ли не рядом. МЕСТНОСТЬ ПОДЛЕЖИТ ЭВАКУ… тишина на мгновение, а потом: ЭЙ, В ДОМЕ! ВЫХОДИТЕ СЮДА! НЕ МЕДЛИТЕ!

Какой кошмар.

- Куда ты девал траву? - тряхнула она его вновь.

Трава осталась в другой комнате. В пластиковом пакете, который, теперь уже полупустой, стоял рядом с тарелкой, на которой со вчерашнего вечера лежал недоеденный сыр и крекеры. Если кто-то зайдет, это будет первым, что он, черт побери, увидит.

mir-knigi.org

ЭТО ПОЛИЦИЯ! МЫ ЗДЕСЬ НЕ ДУРАКА ВАЛЯЕМ! ЭТА МЕСТНОСТЬ ПОДЛЕЖИТ ЭВАКУАЦИИ! ЕСЛИ КТО-ТО ЕСТЬ ВНУТРИ, выходите, пока мы вас не вытащили оттуда!

«Свиньи, - подумал он. - Местные свиньи со свиными мозгами».

Терстон выскочил из кровати и бросился через комнату, с растрепанными волосами, виляя худыми ягодицами.

Этот домик после Второй мировой построил его дед, здесь было лишь две комнаты: большая спальня с видом на озеро и гостиная / кухня. Электричество подавал старый генератор «Генске», отключенный Терстоном, прежде чем лечь в кровать; его разболтанное дребезжание отнюдь не добавляло романтики. С прошлого вечера в камине - необходимости жечь его не было, однако это же так романтически - еще тлели угольки.

«А может, я ошибаюсь, может, я положил траву себе в кейс».

К сожалению, нет. Пакет лежал именно там, рядом с объедками сыра бри, которым они лакомились, прежде чем перейти на траходром.

Он бросился к столу, и в то же мгновение послышался стук в двери. Нет, не стук, а натуральное буханье.

- Минуточку! - с истерическим смешком сказал Терстон. В дверях спальни, закутанная в простыню, появилась Каролин, но он ее едва заметил. В голове у Терстона - все еще под влиянием паранойи, спровоцированной вчерашними излишествами - мерцали беспорядочные мысли: отмена бессрочного контракта в колледже, полиция нравов из «1984»[193], отмена бессрочного контракта, пренебрежительная реакция его троих детей (от двух бывших жен) и, конечно, отмена бессрочного контракта в колледже. - Одну минуточку, секунду, сейчас оденусь…

Но двери резко отворились, и - нарушая около девяти конституционных прав - в дом ввалилось двое молодых людей. Один из них держал в руке мегафон. Одеты они были в джинсы и синие рубашки. Джинсы вроде бы дарили надежду, однако на рукавах рубашек были нашивки, а на груди значки.

«Не надо нам никаких сраных значков»,[194] - тупо подумал Терстон.

Каролин заверещала:

- Убирайтесь прочь!

- Зацени, Джунс, - хмыкнул Фрэнки Делессепс. - Прямо тебе «Когда Хер встретил Сальце»[195].

Терстон схватил пакет, спрятал его себе за спину и бросил в раковину.

Джуниор засмотрелся на его демаскированное этим движением хозяйство.

- Это самая длинная, и самая плохая биология изо всех, которые я только видел, - произнес он. Вид он имел усталый – и это справедливо, спал он всего два часа, - но чувствовал себя фантастически, абсолютно свежим, как огурец. И в голове ни следа боли.

Ему нравилась эта работа.

- Прочь ОТСЮДА! - закричала Каролин.

mir-knigi.org

Фрэнки произнес:

- Лучше тебе заткнуть глотку, рыбонька, и одеться. Все, кто находится в этом уголке города, подлежат эвакуации.

- Это наш дом! ПРОЧЬ ОТСЮДА НА ХУЙ!

У Фрэнки на лице цвела улыбка. Теперь она убралась прочь. Он двинулся мимо худого голого мужчины, который стоял возле умывальника (дрожал возле умывальника, точнее будет сказать) и ухватил Каролин за плечи. Резко ее встряхнул.

- Не огрызайся со мной, рыбонька. Я хочу, чтобы не поджарились ваши сраки. Твоя и твоего бойфре…

- Убери свои руки от меня! Ты за это в тюрьму сядешь! Мой отец адвокат!

Она замахнулась, чтобы дать ему пощечину. Фрэнки - отнюдь не тормоз, никогда им не был - перехватил ее руку и загнул ей за спину. Не очень резко, но Каролин заверещала. Простыня упала на пол.

- Ого! Серьезный станок, - похвалил Джуниор оцепенелого Терстона Маршалла. - И как ты только с ним управляешься, старикан?

- Одевайтесь, оба, - повторил Фрэнки. - Не знаю, очень ли вы тупые, но, если и сейчас сидите здесь, думаю, вы натуральные психи. Вы что, не знаете… - Он остановился, перевел взгляд с лица женщины на мужчину. Оба одинаково испуганные. Одинаково сбитые с толку.

- Джуниор, - позвал он.

- Что?

- Сисястая мисс и ее старый заморыш не знают, что у нас происходит.

- Не смей называть меня своими сексистскими…

Джуниор поднял руки.

- Мэм, оденьтесь. Вы должны отсюда убраться. Военно-воздушные силы США начнут обстреливать крылатыми ракетами эту часть города, - он взглянул себе на часы, - меньше чем через пять часов.

- ВЫ ЧТО, СУМАСШЕДШИЙ? - завопила Каролин.

Джуниор вздохнул, и уже тогда продолжил. Ему показалось, теперь он лучше понял суть полицейской службы. Это прекрасная работа, но люди часто бывают такими безмозглыми.

- Если ракета отскочит, вы услышите всего лишь взрыв. Возможно, обосретесь в штаны - если они на вас будут, но не более того. А вот если она пробьет барьер, сгорите на хер, потому что ракета большая, а ваш дом всего лишь в каких-то двух милях от того, что они называют контактной точкой.

- Отскочит от чего, ты, кретин? – требовал ответа Терстон. Поскольку трава оказалась в раковине, он теперь мог прикрывать одной рукой свое хозяйство, и худо-бедно старался это делать; любовный инструмент у него действительно был удивительно длинным и худым.

mir-knigi.org

- От Купола, - ответил Фрэнки. - Но мне не нравится твой черный рот.

Он сделал длинный шаг и въехал гостевому редактору «Лемехов» в живот. Терстон хрипло крякнул и преломился пополам, пошатнулся, казалось, что удержится на ногах, но нет, упал на колени и вырыгал где-то с чашку белой редкой кашки, которая все еще пахла бри.

Каролин показала свое распухшее запястье.

- Вы за это сядете в тюрьму, - пообещала она Джуниору тихим, дрожащим голосом. - Буша и Чейни уже давно нет. У нас больше не Соединенные Штаты Северной Кореи.

- Знаю, - ответил Джуниор с удивительным терпением как для того, кто думал, что без проблем способен еще кого-нибудь задушить; в его голове завелся небольшой темный ядозуб[196], который думал, что задушить кого-нибудь - неплохой способ хорошо начать новый день.

Но нет. Нет. Он должен сыграть свою роль в завершении эвакуации. Он принес Торжественную Присягу, или как там ее назвать.

- Я знаю, - повторил Джуниор. - Но что не знаете вы, парочка массачусетских дуралеев, это то, что у нас здесь больше не Соединенные Штаты Америки. Теперь вы находитесь на территории Честерского Королевства. И если не будете вести себя подобающим образом, попадете в Честерскую Темницу. Я вам это обещаю. Никаких телефонных звонков, никаких адвокатов, никаких процессуальных правил. Мы здесь стараемся спасти вам жизни. Неужели вы такие тупые уебки, что неспособны этого понять?

Она ошеломленно смотрела на Джуниора. Терстон попробовал встать, однако не смог и пополз к ней прямо на карачках. Фрэнки помог ему толчком ботинка в жопу. Шокированный Терстон вскрикнул от боли.

- Это тебе, дедушка, за то, что задерживаешь нас здесь, - объяснил Фрэнки. - А у нас еще много работы.

Джуниор посмотрел на молодую женщину. Хороший рот. Губы - как у Анджелины. Он был уверен, что, как это в шутке говорится, она способна отсосать весь хром с тягового штыря любого трейлера.

- Если он не способен сам одеться, помоги ему. Нам надо проверить еще четыре дома, и когда мы вернемся сюда, вы должны уже сидеть в своем «Вольво» и ехать в направлении города.

- Я ничегошеньки из этого не понимаю, - пожаловалась Каролин.

- Оно и не удивительно, - ответил Фрэнки, доставая из мойки пакет с травой. - А то ты не знала, что от этой штуки дуреют?

Она начала плакать.

- Не волнуйся, - утешил ее Фрэнки. - Я это конфискую, и за пару дней, конечно, ты полностью вернешься к своему здравому смыслу.

- Вы не зачитали нам наши права, - всхлипнула она.

Джуниор застыл, пораженный. И тут же расхохотался.

- Вы имеете право уебывать отсюда, и заткнуться на хер, о'кей? В данной ситуации это

единственные права, которые вы имеете. Вам ясно?

Френки изучал конфискованную траву.

- Джуниор, - позвал он. - Здесь почти нет семян. Это же супер.

Терстон уже добрался до Каролин. Он встал в полный рост, при этом довольно громко пернув, и Фрэнки с Джуниором переглянулись. Они старались удержаться - все-таки офицеры сил правопорядка, наконец - но не смогли. И одновременно взорвались хохотом.

- Снова на сцене Чарли со своим тромбоном, - зашелся смехом Фрэнки, и они дали друг другу «высокое пять».

Терстон с Каролин стояли в дверях спальни, пряча общую наготу в объятиях, смотря на хохочущих уродов. Вдалеке, словно голоса из какого-то кошмара, мегафоны продолжали объявлять об эвакуации этой территории. Большинство этих голосов уже отдалились в сторону Малой Суки.

- Когда я вновь сюда вернусь, чтобы вашей машины здесь и духа не было, - напомнил Джуниор. - Иначе я вам серьезно дам просраться.

И они ушли. Каролин оделась, потом помогла Терстону - у него очень сильно болел живот, чтобы наклониться и самому обуть ботинки. На тот момент, когда были готовы, они плакали уже оба. Уже в машине, проезжая просекой, которая выводила на Малую Суку, Каролин попробовала набрать по мобильному номер своего отца. Ничего, кроме тишины, она не услышала.

На выезде с Малой Суки на шоссе № 119 поперек дороги стоял автомобиль городской полиции. Приземистая женщина - полицейская с рыжими волосами махнула им, показывая, чтобы объезжали по грунтовой обочине. Вместо этого Каролин остановилась и вылезла из машины. Показала свое распухшее запястье.

- На нас напали! Двое молодчиков, которые назвались полицейскими! Одного зовут Джуниор, а второго Фрэнки! Они…

- Чеши быстрей отсюда, а то я сама тебе сейчас сраку надеру, пригрозила Джорджия Руа. - Я не шучу, сладенькая.

Каролин ошеломленно вперилась в нее. Весь мир сошел с ума, переместившись в какую-то из серий «Сумеречной зоны» [197], пока она спала. Только так, никакое другое объяснение не имело ни малейшего смысла. В любой миг они могут теперь услышать закадровый голос Рода Серлинга.

Она вновь села в свой «Вольво», (наклейка на бампере выцвела, однако еще распознаваемые буквы на ней читались: ОБАМА'12! ДА, МЫ ВСЕ ЕЩЕ МОЖЕМ) и объехала полицейский автомобиль. Внутри него сидел, просматривая какой-либо положенный на панель список, другой, старший коп. Она подумала, не обратиться ли к нему, но выбросила эту идею из головы.

- Включи радио, - попросила она. - Давай-ка поищем, может, узнаем, что здесь на самом деле происходит.

Терстон включил приемник, но нашел только Элвиса Пресли с «Джорданерами»[198], которые

тянули «Могущественная твердыня наш Господь».

Каролин щелкнула выключателем, едва не произнеся: «Полный комплект к этому кошмару», но передумала. У нее осталось единственное желание - как можно скорее убраться из этого Страхогорода[199].

2

На карте дорога вдоль дачных домиков около озера Честер имела вид тонкой, загнутой, почти незаметной линии. Выйдя из домика Маршалла, Джуниор и Фрэнки немного посидели в машине Фрэнки, рассматривая карту.

- Никого здесь больше нет, - произнес Фрэнки, - Что им здесь делать в эту пору года? Как думаешь? Пошлем все на хер и айда в город? - он показал большим пальцем на домик. - Эти сами выедут, а если и нет, то насрать.

Джуниор на минутку задумался, и покачал головой. Они принесли Торжественную Присягу. Кроме того, он не очень стремился к скорому свиданию с отцом, который начнет его засыпать вопросами, куда он девал тело преподобного. Коггинс присоединился к его подружкам в кладовке Маккейнов, но отцу об этом совсем не нужно было знать. По крайней мере, пока этот великий человек не придумает способ, каким образом пришить к этому делу Барбару. А у Джуниора не было сомнений, что его отец этот способ обязательно найдет. Если существовало искусство, в котором Большой Джим был мастером, то это было умение загонять людей в глухой угол.

«Теперь уже даже неважно, если он узнает, что я бросил колледж, - подумал Джуниор. - Потому что я знаю о нем кое-что похуже. Намного хуже».

Изгнание из колледжа теперь казалось ему чем-то незначительным; это были мелочи по сравнению с тем, что сейчас творилось в Милле. Но он все равно должен быть осторожным. От отца можно ожидать, что он и собственного сына попробует загнать в угол, если этого будет требовать ситуация.

- Джуниор? Прием!

- Я здесь, - откликнулся тот немного раздраженно.

- Назад в город?

- Давай проверим другие домики. Здесь только четверть мили, а если вернемся в город, Рендольф найдет нам какую-нибудь другую работу.

- А как ты, насчет чего-нибудь поесть?

- Где, в «Розе-Шиповнике»? Желаешь вместе с яичницей отведать крысиного яда от любезного Дейла Барбары?

- Он не отважится.

- Ты так в этом уверен?

- О'кей, о'кей, - Фрэнки завел двигатель и сдал назад по короткой подъездной аллее. Яркая листва на деревьях висела неподвижно, в воздухе ощущалась духота. Выглядело похожим

больше на июль, чем на октябрь. - Но этим массачусетским дуралеям лучше убраться отсюда до того, как мы вернемся, потому что иначе я познакомлю сисястую миссис с моим шлемоносным мстителем.

- Буду рад ее для тебя подержать, - сказал Джуниор. - Эй-эй-эй-эй-эй, сучья мама.

3

В первых трех домиках явно никого не было, они даже не собирались выходить из машины. Дальше дорога превращалась просто в пару колей, между которыми поднимался поросший травой холм. По обеим сторонам этого проселка густо росли деревья, их нижние ветви уже царапали им крышу.

- Кажется, последний будет прямо вот за этим вот поворотом, - сказал Фрэнки. - Дорога заканчивается перед этим сраным прича…

- Глянь-ка! - крикнул Джуниор.

Из-за крутого поворота они выехали прямо на двоих детей, которые стояли посреди дороги - мальчик и девочка. Они не сделали ни одного движения, чтобы отскочить. Лица у них были заторможенные, пустые. Если бы Фрэнки не боялся поцарапать выхлопную трубу «Тойоты» о центральный бугорок колеи, если бы он ехал хоть немного быстрее, он бы их точно сбил. А так он вдавил педаль тормоза, и машина остановилась в двух футах от них.

- Ох, Боже мой, как близко, - выдохнул он. - Я думал, у меня уже инфаркт приключился.

- Если не приключился у моего отца, то у тебя и подавно не мог, - сказал Джуниор.

- Чего?

- Да это я так, - уклонился Джуниор. Дети там и продолжали стоять. Девочка была старше и выше. Ей было, где-то, лет девять. Мальчик выглядел на пять. Лица у них были бледными и чумазыми. Она держала младшенького за руку. Она смотрела вверх на Джуниора, но мальчик смотрел прямо перед собой, словно нашел что-то интересное для рассматривания в том месте, где была левая фара «Тойоты».

Джуниор заметил испуг у нее на лице и припал перед ней на колено.

- Дорогуша, с тобой все хорошо?

Однако ответил ему мальчик. Заговорил, не отводя глаз от фары.

- Я хочу к маме. И хочу кушать.

Теперь к Джуниору присоединился и Фрэнки.

- А они настоящие? - произнес он вроде бы ради шутки, но вместе с тем и не совсем. Он дотронулся до руки девочки.

Она вздрогнула и посмотрела на него.

- Мама не вернулась, - произнесла она тихо.

- Как тебя зовут, дорогуша? - спросил Джуниор. - И кто твоя мамочка?

- Я Алиса Рейчел Эпплтон, - ответила она. - А он Эйден Патрик Эпплтон. Наша мама Вера Эпплтон. Наш отец Эдвард Эпплтон, но они с мамой развелись в прошлом году, и теперь он живет в Плейно[200], в Техасе. Мы живем в Вестоне, в Массачусетсе, на Дубовой аллее номер шестьдесят. Наш номер телефона… - Она назвала цифры с безэмоциональной четкостью автоответчика справочной службы.

- Вот черт, новые массачусетские дуралеи. Но кто же еще станет жечь дорогой бензин ради того, чтобы увидеть какие-то сраные деревья с их сраным листопадом.

Теперь и Фрэнки уже стоял на коленях.

- Алиса, - позвал он. - Послушай-ка меня, дорогуша. Где сейчас твоя мама?

- Не знаю, - слезы, огромные прозрачные капли, покатились по ее щекам. - Мы приехали посмотреть на листву. Еще мы хотели поплавать на каяке. Нам нравится на каяке, правда, Эйди?

- Я хочу кушать, - проговорил Эйден скорбно и тоже начал плакать.

От этого их плача Джуниор почувствовал, что и сам вот-вот заплачет. И напомнил себе, что он все-таки коп. Копы не плачут, во всяком случае, не на службе. Он вновь спросил девочку, где ее мать, но вновь ответил мальчик.

- Она поехала за квасолькой.

- Он так называет пирожное вупи[201], - сказала Алиса. - Но она поехала и за другой едой. Потому что мистер Кильян не заботился о нашем домике надлежащим образом. Мама сказала, что я смогу присмотреть за Эйденом, потому что я уже большая девочка, а она скоро вернется, только съездит к Йодеру. Сказала только, чтобы я не позволяла Эйди близко подходить к озеру.

Джуниору все стало ясно. Очевидно, женщина надеялась, что в доме будет запас пищи - по крайней мере, самое необходимое, но если бы она лучше знала Роджера Кильяна, едва ли положилась бы на него. Этот парняга был лентяюгой экстракласса и наградил своим менее чем выдающимся интеллектом все собственное потомство. Йодеру принадлежала небольшая лавка сразу за границей с Таркер Миллом, где в основном, продавались пиво, кофейный бренди и консервированные спагетти. Туда езды каких-то двадцать минут, плюс двадцать назад. Вот только назад она не вернулась, и Джуниор догадывался почему.

- Она уехала утром в субботу? - спросил он. – Не правда ли?

- Я хочу к маме! - заплакал Эйден. - И я хочу кушать! У меня болит животик!

- Да, - ответила девочка. - Утром в субботу. Мы смотрели мультики, только теперь мы ничего не можем смотреть, потому что поломалось электричество.

Джуниор и Фрэнки переглянулись. Две ночи одни во тьме. Девочке лет девять, мальчику где-то пять. Джуниору не нравилось это даже себе представлять.

- А у вас было хоть что-нибудь покушать? - спросил Фрэнки у Алисы Эпплтон. - Дорогуша? Хоть что-нибудь?

- В холодильнике лежалая луковица, - прошептала она. - Мы ее съели по половине. С сахаром.

- Вот сука, - выругался Фрэнки, и тогда: - Я этого не говорил. Ты не слышала этого от меня. Одну секундочку.

Он вернулся в машину, открыл пассажирскую дверцу и начал рыться в бардачке.

- А куда вы шли, Алиса? - спросил Джуниор.

- В город. Искать маму и что-нибудь поесть. Мы хотели пройти мимо следующей усадьбы и срезать путь через лес. - Она махнула рукой приблизительно в северном направлении. - Я думала, что так будет быстрее.

Джуниор улыбнулся, но внутри у него похолодело. Она махнула не в сторону Честер Милла, а в сторону ТР-90. Туда, где не было ничего, а лишь долгие мили лесных зарослей вперемешку с болотными ямами. Там Алиса с Эйденом почти наверняка умерли бы с голоду. Сказка о Гензеле и Гретель, минус хэппи-энд.

«А мы уже едва не решили вернуться назад. Господи».

Вернулся Фрэнки. С батончиком «Милки Вэй». На вид тот был старым и помятым, но все еще в обертке. То, какими глазами эти дети смотрели на него, напомнило Джуниору тех детей, которых иногда показывают в теленовостях. На американских лицах такое выражение было неестественным, ужасным.

- Это все, что я нашел, - сказал Фрэнки, сдирая обертку. - В городе мы найдем вам что-то получше.

Он разломил батончик пополам и дал половинки детям. Батончик исчез за пять секунд. Проглотив свою порцию, мальчик по косточки засунул себе в рот пальцы. Щеки его ритмично западали и надувались, пока он их обсасывал.

«Словно пес, который слизывает с кости жир», - подумал Джуниор.

Он обернулся к Фрэнки.

- Зачем ждать, пока мы доедем до города. Мы остановимся возле того дома, где были старик со своей кралей. И дети могут есть все, что там у них найдется.

Фрэнки кивнул и подхватил на руки мальчика. Джуниор поднял девочку. Он чувствовал запах ее пота, ее страха. Он гладил ее по голове, словно этими движениями мог прогнать прочь этот маслянистый смрад.

- С тобой будет все хорошо, дорогуша. - Сказал он. - С тобой и с твоим братом. С вами будет все в порядке. Вы в безопасности.

- Вы обещаете?

- Да.

Она крепче обняла его за шею. Это было лучшее ощущение из тех, которые Джуниор имел за всю свою жизнь.

mir-knigi.org

4

Западная часть Честер Милла была наименее заселенной территорией города, и, ее очистили почти полностью, когда до девяти утра оставалось еще четверть часа. Единственным полицейским экипажем, который еще находился на Малой Суке, была машина № 2, за рулем ее сидела Джеки Веттингтон, а штурманское место занимала Линда Эверетт. Шеф Перкинс, провинциальный коп старой школы, больше не руководил, и женщины по-своему наслаждались этим непривычным состоянием. Мужчины, особенно мужчины - копы с их бесконечными подначками и ржанием, уже успели осточертеть.

- Возвращаемся, что ли? - спросила Джеки. - «Шиповник» закрыт, но, может, у нас получится выпросить по чашечке кофе.

Линда не ответила. Она думала о том месте, где Купол перерезал Малую Суку. После поездки туда, ей было тревожно, и не только потому, что дежурные там также продолжали стоять к ним спинами и даже не пошевелились, когда она поприветствовала их с добрым утром через установленный на крыше машины мегафон. Тревожно она чувствовала себя из-за того, что на Куполе там красной краской было теперь нарисовано огромное Х, оно висело просто в воздухе, словно какая-то фантастическая голограмма. Это была метка запланированной контактной точки. Казалось невозможным, чтобы выпущенная отсюда за двести или триста миль ракета могла попасть в такое крохотное пятнышко, хотя Расти уверял ее, что это реально.

- Лин?

Она вернулась в «здесь и сейчас»:

- Конечно, едем назад, если ты не против.

Затрещало радио: «Экипаж два, экипаж два, вы слышите, прием?»

Микрофон со штатива взяла Линда.

- База, это экипаж два. Стэйси, мы вас слышим, хотя слышимость здесь не очень, прием?

- Все это говорят, - ответила Стэйси Моггин. - Сигнал возле Купола очень плох, но ближе к городу связь становится лучше. А вы еще на Малой Суке, да?

- Да, - ответила Линда. - Только что проверили Кильянов и Буши. Обе семьи выбрались. Если ракета пробьет барьер, Роджер Кильян будет иметь груду жареных кур.

- Устроим пикник. С тобой хочет поговорить Пит. То есть шеф Рендольф. Прием.

Джеки съехала на обочину и остановила авто. В эфире некоторое время слышалось только потрескивание, потом появился Рендольф. Он не обременил себя тем, чтобы поздороваться, впрочем, как всегда.

- Экипаж два, вы проверили церковь?

- Святого Спасителя? - переспросила Линда.

- Это единственная, которая мне там известна, офицер Эверетт. Разве что индуистская мечеть выросла там за ночь.

Линда имела сомнения относительно того, что индусы молятся в мечетях, но решила, что

сейчас исправлять начальника нет времени. Голос Рендольфа звучал утомленно, раздраженно.

- Церковь Спасителя не входит в наш сектор, - доложила Линда. - Она в секторе какой-то пары новых копов. Кажется, Тибодо и Ширлза. Прием.

- Проверьте ее еще раз вы, - приказал Рендольф еще более раздраженным голосом. - Никто нигде не видел Коггинса, а несколько его прихожан желают заняться с ним псалмопеттингом, или как там у них это называется.

Джеки приставила палец себе к виску, скорчив гримасу, словно стреляется. Линда, которой хотелось быстрее вернуться в город и посетить своих детей у Марты Эдмандс, кивнула.

- Слушаюсь, шеф, - ответила Линда. - Сделаем. Прием.

- Проверьте также пасторскую усадьбу, - дальше пауза. - И еще радиостанцию. Эта чертова станция базарит без умолку, значит там должен кто-то сидеть.

- Сделаем, - она уже чуть ли не произнесла конец связи, но тут ее посетила другая мысль. - Шеф, не передавали ли чего-нибудь новенького по телевизору? Президент ничего не объявлял? Прием.

- У меня нет времени прислушаться к каждому слову, которое этот молодчик выпускает из своего глуповатого рта. Двигайте, найдите падре и скажите ему, чтобы спасал оттуда свою сраку. И собственные сраки возвращайте в город также. Конец.

Линда возвратила микрофон на штатив и посмотрела на Джеки.

- Возвращать наши сраки в город? - повторила Джеки. - Наши сраки?

- Сам он срака, - сказала Линда.

Ей хотелось проговорить это весело, но замечание повисло в тишине. Какую-то минуту они просто молча сидели в машине, только двигатель гудел на холостом ходу. А потом Джеки произнесла голосом тихим, едва слышным:

- Как же это гадко.

- Рендольф вместо Перкинса, имеешь ввиду?

- И он, и эти новые копы, - последнее слово она взяла в воздухе в кавычки пальцами. - Эти пацаны. А знаешь что? Когда я отмечалась в участке, Генри Моррисон сказал мне, что Рендольф принял еще двух сегодня утром. Они пришли прямо с улицы вместе с Картером Тибодо, и Пит просто их записал, не задавая никаких вопросов.

Линда знала, какого сорта приятели ошиваются рядом с Картером, и в «Диппере», и в «Топливе & Бакалее», и в том гараже, где они по обыкновению занимаются тюнингом своих приобретенных в кредит мотоциклов.

- Еще двух? Зачем?

- Пит сказал Генри, что они могут понадобиться, если ракета не пробьет Купол. «Чтобы удержать ситуацию под контролем», - так он сказал. И знаешь, кто вложил эту идею ему в голову?

mir-knigi.org

Линда, конечно же, знала.

- По крайней мере, они не имеют оружия.

- Кое-кто имеет. Не полицейское, собственное. Завтра - конечно, если все не закончится уже сегодня - они его будут иметь уже все. И с сегодняшнего утра Пит позволил им ездить по двое, вместо того, чтобы каждого выделять пару с кем-то из настоящих копов. Это такой срок стажировки? Двадцать четыре часа, а по факту и меньше. Ты понимаешь, что теперь этих пацанов больше, чем нас?

Линда молча себе это представила.

- Гитлерюгенд, - произнесла Джеки. - Вот что приходит мне на ум. Может, это и слишком, но я молю Бога, чтобы все это сегодня уже прекратилось, и мои опасения оказались напрасными.

- Я не совсем могу себе представить Питера Рендольфа в роле Гитлера.

- Я тоже. Мне он кажется больше похожим на Германа Геринга. Это я имею в виду Ренни, когда говорю о Гитлере. - Она нажала на газ, сделала трехходовой разворот и направила машину в сторону Церкви Святого Христа-Спасителя.

5

Церковь стояла незапертая и пустая, генератор отключен. В пасторате было тихо, но «Шевроле» преподобного Коггинса стоял в его маленьком гараже. Заглянув туда, Линда заметила на бампере две наклейки. На той, что справа, была надпись: ЕСЛИ ВОЗНЕСЕНИЕ СЕГОДНЯ, КОЕ-КТО ДРУГОЙ ПЕРЕХВАТИТ МОЙ РУЛЬ! Та, что слева, гласила: МОЯ ВТОРАЯ МАШИНА ИМЕЕТ 10 СКОРОСТЕЙ.

Линда обратила внимание Джеки на вторую надпись.

- У него есть велосипед, я его видела вверху. Но в гараже его не видно, и он, возможно, на нем поехал в город. Экономит бензин.

- Возможно, - согласилась Джеки. - Хотя нам следует проверить в доме, он случайно не поскользнулся в душе, не свернул там себе шею.

- Это означает, что, возможно, нам придется увидеть его голого?

- Никто не говорил, что полицейская работа должна быть сама красота, - ответила Джеки. - Идем.

Дом был заперт, но в городе, где большинство населения представляют сезонные жители, полиция прекрасно знает, как попасть в дом. Они поискали запасной ключ в обычных местах. Нашла его Джеки. Он висел на крючке с внутренней стороны кухонного окна. Им открывались задние двери.

- Преподобный Коггинс? - перед тем как войти в открытые двери, позвала Линда. - Преподобный Коггинс, здесь полиция, вы дома?

Никакого ответа. Они вошли. Нижний этаж сиял чистотой и порядком, но Линда ощущала какой-то дискомфорт здесь. Это просто оттого, что она находится в чужом доме, уверила себя Линда. В доме религиозного человека, и к тому же без его разрешения. Джеки поднялась на

второй этаж.

- Преподобный Коггинс? Полиция. Если вы здесь, отзовитесь, пожалуйста.

Линда стояла около подножия ступенек, смотря вверх. В доме чувствовалось что-то нехорошее. Вдруг она подумала о Дженнилл, вспомнила, как ее трясло и корчило. Тогда тоже было нехорошо. Причудливая уверенность проскользнула ей в мозг: если бы прямо здесь сейчас оказалась Дженнилл, у нее вновь начался бы припадок. И она, конечно же, вновь начала бы проговаривать причудливые вещи. Наверняка, о Хэллоуине и о Большой Тыкве.

Ступеньки были абсолютно обычными, но ей не хотелось подниматься по ним, хотелось просто подождать, пока Джеки не убедится, что в доме никого нет, и тогда они поедут уже к радиостанции. Но когда партнерша ее позвала, Линда пошла вверх.

6

Джеки стояла посреди Коггинсовой спальни. На одной ее стене висел простой деревянный крест, а на противоположной - табличка с надписью: ОКО ЕГО ВЫСЛЕЖУЕТ ВОРОБЬЯ[202]. Покрывало на кровати было откинуто. На простыне под ним заметны были следы крови.

- И вот это, - позвала Джеки. - Иди-ка сюда.

Линда неохотно подошла. Между кроватью и стеной на полированном деревянном полу лежал завязанный узлами кусок бечевы. На узлах тоже была кровь.

- Похоже на то, что его кто-то бил, - мрачно заметила Джеки. - Наверняка, так сильно, что он даже потерял сознание. И тогда они положили его на… - Она перевела взгляд на партнершу. - Нет?

- Вижу, ты росла не в религиозной семье, - сказала Линда.

- Как раз наоборот. Мы верили в святую троицу: Санта-Клауса, пасхального зайца[203] и зубную фею. А ты?

- В простой, как вода из водопровода, баптистской семье, но о таких вещах, что мы здесь видим, я слышала. Думаю, он занимался самобичеванием.

- Эй! Это же когда-то делали люди за свои грехи?

- Да. И, я думаю, это никогда полностью не выходило из моды.

- Тогда картина становится яснее. Типа того. Сходи-ка в туалет, посмотри, что там, на бачке унитаза.

Линда не пошевелилась. Бечева с узлами сама по себе плохая вещь, но общая атмосфера дома, в которой ощущалось запустение - это было еще хуже.

- Двигай. Никто там тебя не укусит, и я ставлю доллар против десяти центов, что ты в жизни видела кое-что похуже.

Линда пошла в туалет. На унитазном бачке лежали два журнала. Один благочестивый - «Горница». Второй назывался «Юные восточные щелки». Линда сомневалась, чтобы такой журнал продавали в каких-нибудь религиозных книжных магазинах.

mir-knigi.org

- Итак, - подытожила Джеки. - Картина ясна? Он сидит на унитазе, взбивает себе маслице…

- Взбивает маслице? - захохотала Линда, вопреки своей нервозности. Или, может, из-за нее.

- Это моя мать так говорила, - объяснила Джеки. - Словом, после того, как покончит с этим делом, он отрывается на полную, лупит себя, замаливая грехи, и тогда уже ложится в кровать и видит сладкие азиатские сны. Сегодня он просыпается отдохнувший, свободный от грехов, делает свои утренние религиозные процедуры, садится на велосипед и едет в город. Нормальная версия?

Версия была нормальной. Вот только не объясняла она, почему атмосфера в этом доме казалась ей такой плохой.

- Пошли, проверим радиостанцию, - произнесла она. - Хочется уже поскорее вернуться в город и выпить кофе. Я угощаю.

- Хорошо, - согласилась Джеки. - Я буду черный. С моей гипотонией…

7

Остроконечное, почти все из стекла, здание студии РНГХ тоже было заперто, однако из смонтированных под карнизом громкоговорителей звучало «Спокойной ночи, дорогой Иисус» в исполнении такого выдающегося соул-певца, как Перри Комо[204]. Позади студии высилась радиобашня, красные проблесковые огни на ее верхушке были едва видимы в ярком утреннем свете. Возле башни стояло длинное, похожее на ригу здание, где, как решила Линда, содержался генератор и всякое другое оборудование, необходимое для ретрансляции чуда Божьей любви на весь Западный Мэн, восточную часть Нью-Хэмпшира и, вероятно, на другие планеты солнечной системы.

Джеки постучала, потом начала грюкать.

- Там, вероятно, нет никого, - предположила Линда… однако же и это место отдавало чем-то нехорошим. К тому же в воздухе здесь висел какой-то странный смрад, затхлый и болезненный. Где-то так всегда пахло в кухне ее матери, как бы она ее не проветривала. Потому что ее мать курила, как паровоз, а приличной пищей считала только то, что сама жарила в глубокой сковороде, хорошенько намащенной свиным салом.

Джеки покачала головой.

- Мы же слышали никого, разве нет?

У Линды не было что возразить, потому что так оно и было. Уезжая от пасторской усадьбы, они слушали радио и слышали голос ди-джея, который вкрадчиво объявил: «Следующая песня - очередное послание Божьей любви».

На этот раз поиски ключа длились дольше, но Джеки наконец-то отыскала его в конверте, прилепленном к дну почтового ящика. Там же лежала бумажка, на которой кем-то были нацарапаны цифры 1693.

Ключ был дубликатом, немного западал, но после серии штрыканий свою работу он сделал. Войдя в середину, они сразу же услышали размеренный писк системы безопасности. Клавиатура обнаружилась на стене. Как только Джеки набрала те цифры, сигнал тревоги тут

же замолчал. Теперь осталась только музыка. Перри Комо уступил какой-то инструментальной композиции. Линда подумала, что как-то она подозрительно ей напоминает органное соло из «ГАДДА-ДА-ВИДА»[205]. Динамики в помещении были в тысячу раз качественней, чем те, которые висели на дворе, и музыка звучала громче, почти как на живом концерте.

«Как люди могут работать в таком ханжеском шуме? - удивлялась Линда - Отвечать на телефонные звонки? Делать какие-то дела? Как им это удается?»

И тут тоже было что-то нехорошее. Линда была уверена в этом. Это место ей казалось более чем зловещим; она ощущала в нем прямую опасность. Увидев, что Джеки расстегнула кобуру своего служебного пистолета, Линда последовала ее примеру. Приятно было ощущать под ладонью рукоять автоматического оружия. «Твое дуло, и твоя рукоять меня утешат»[206], - подумала она.

- Эй! - позвала Джеки. - Преподобный Коггинс? Или кто-нибудь?

Нет ответа. За стойкой администратора было пусто. Левее располагались двое запертых дверей. Прямо впереди, за стеклянной перегородкой на всю длину просматривалось главное помещение. Линда заметила там мерцание огоньков. Эфирная студия, решила она.

Джеки, держась настороже, ногой поочередно распахнула настежь обе запертые двери. За одними оказался кабинет. За другими на удивление шикарный конференц-зал, где властвовал гигантский телевизор с плоским экраном. Он работал, но без звука. На нем, чуть ли не в натуральный рост, Андерсон Купер вел репортаж, похоже, что с центральной улицы Касл Рока. Тамошние дома было украшены флагами и желтыми лентами. Линда увидела на одном магазине плакат с надписью: ОСВОБОДИТЕ ИХ. От его вида ей стало еще хуже. Внизу экрана бежали титры: ИСТОЧНИКИ В МИНИСТЕРСТВЕ ОБОРОНЫ СООБЩАЮТ: РАКЕТНЫЙ УДАР НЕМИНУЕМ.

- Почему включен телевизор? - спросила Джеки.

- Потому что тот кто-то, кто охраняет радиостанцию, оставил его включ…

Ее заглушил громовой голос.

- В исполнении Раймонда Говелла для вас звучала песня «Христос - мой Господь и Проводник».

Женщины подпрыгнули.

- А я, Норман Дрэйк, напоминаю вам три важных факта: первый - вы слушаете программу «Время возрождения» на РНГХ, второй - Бог любит вас, и третий - Он послал Сына Своего на Голгофу умереть за вас на кресте. Сейчас девять двадцать пять утра и, как мы не утомляемся вам напоминать, - время течет. Отдали ли вы уже ваше сердце Господу? Услышимся через несколько минут.

Норман Дрэйк уступил место какому-то сладкоречивому дьяволу, который начал рекламировать полностью записанную на DVD Библию, а главное, что платить за этот товар вы могли ежемесячными взносами, или вернуть его назад с полной компенсацией взносов, если не ощущали себя счастливыми, как свинья в луже. Линда и Джеки пошли к окну в студию и заглянули через него. Никакого Нормана Дрэйка или сладкоголосого дьявола там не было, но, когда после окончания рекламы в эфире вновь появился голос ди-джея, зеленая лампочка вспыхнула красным светом, а красная – зеленым.

mir-knigi.org

- Здесь автоматика, - произнесла Джеки. - Обман какой-то.

Зазвучала музыка, и еще один красный огонек превратился в зеленый.

- Почему же тогда у нас такое ощущение, что здесь кто-то есть? Только не говори мне, что ты этого не чувствуешь.

Джеки не возражала.

- Потому что это как-то чудно. Ди-джей даже время объявляет. Солнышко, эта аппаратура должна стоить немыслимых денег! Тут уместно вспомнить дух из машины, как ты думаешь, сколько это может продолжаться?

- Наверняка, пока не кончится пропан, пока не выключится генератор.

Линда заметила еще одни запертые двери и распахнула их ногой так же, как перед тем это делала Джеки, но… в отличие от Джеки, она вытянула свой пистолет, хотя и держала его возле бедра дулом вниз и с включенным предохранителем.

За дверьми оказался туалет, пустой. На стене в нем висело изображение весьма европеоидного типа Иисуса.

- Я лицо нерелигиозное, - произнесла Джеки. - Поэтому тебе нужно мне объяснить, зачем людям нужно, чтобы на них смотрел Иисус, когда они дуются.

Линда замотала головой.

- Давай уберемся отсюда, пока у меня крыша не поехала, - сказала она. - Вся эта радиостанция словно воплощение на суше «Марии Селесты»[207].

Джеки тревожно посмотрела вокруг.

- Ну, атмосфера здесь действительно причудливая. Твоя правда.

И неожиданно она хрипло завопила в полный голос, так, что Линда подпрыгнула. Ей даже захотелось попросить Джеки не галдеть так, потому что вдруг кто-то услышит и придет. Или что-то.

- Эй! Есть здесь кто? Последний раз спрашиваю!

Ничего. Никого.

Уже на дворе Линда перевела дух.

- Когда я была еще тинэйджеркой, мы с друзьями поехали в Бар Харбор[208]. Остановились на пикник на той живописной скале. Нас было где-то с полдесятка. День стоял ясный, видно было вдаль едва не до Ирландии. Когда мы уже покушали, я захотела пофотографировать. Мои друзья скакали, дурачились, лапали друг друга, а я все отступала и отступала назад, чтобы всех поймать в кадр. И тогда одна девушка, Арабелла, моя лучшая подружка на то время, перестала поддергивать на другой девушке, прям под подмышки, трусы и как закричит: «Стой, Линда! Стой!» Я остановилась и осмотрелась. Знаешь, что я увидела?

Джеки покачала головой.

mir-knigi.org

- Атлантический океан. Я продвинулась задом вплоть до самого краешка площадки для пикников. Там стоял предупредительный знак, но не было никакой изгороди или поручней. Еще один шаг - и я бы полетела вниз. Вот точно такое же, как тогда, ощущение у меня и сейчас.

- Лин, здесь же пусто.

- Я так не думаю. И кажется мне, что и ты так не думаешь.

- Ну, здесь немного жутко, я согласна. Но мы же проверили все помещения…

- Студию - нет. К тому же телевизор работает, и музыка играет слишком громко. Ты же не думаешь, что они ее постоянно включают так громко?

- Откуда мне знать, как делают эти святоши? - пожала плечами Джеки. - Может, они ждут Апокалюпсис.

- Липсис.

- Да пусть, как хотят. Хочешь - проверим ту кладовку?

- Абсолютно нет, - ответила Линда, заставив Джеки поперхнуться смехом.

- О'кей. Доложим, что наличия преподобного не выявлено, правильно?

- Правильно.

- Тогда айда в город. За кофе.

Прежде чем занять место на штурманском сидении экипажа номер два, Линда еще раз окинула глазом всплывающее елейными аудио-радостями здание студии. Вокруг не слышалось ни одного постороннего звука, она поняла, что не слышит пения ни одной птички, и удивилась, не поубивались ли они напрочь все об Купол. Конечно же, это маловероятно. Или нет?

Джеки кивнула на микрофон.

- Хочешь, я напоследок крикну еще через громкоговоритель? Объявлю, если кто-то здесь прячется, пусть берет ноги в руки и драпает в город? Потому что - я это лишь только что подумала - они могли нас испугаться.

- Чего я на самом деле хочу, так это чтобы ты, наконец, перестала здесь зависать и быстрее везла нас отсюда.

Джеки не спорила. Она развернулась на короткой подъездной аллее в сторону Малой Суки и направила машину на Честер Милл.

8

Прошло время. Играла религиозная музыка. Вернулся в эфир Норман Дрэйк и объявил, что сейчас девять тридцать четыре по Восточному дневному времени. Господь любит вас. Следом пошла реклама «Подержанных автомобилей Джима Ренни», которую читал второй выборный лично.

mir-knigi.org

- Наша традиционная осенняя выставка-продажа, и, о Боже, сколько же тут у нас завалялось товара! - ворковал Большой Джим шуточно-покаянным голосом. - У нас есть «Форды», есть «Шеви», есть «Плимуты»! У нас есть редчайший «Додж Рэм» и даже еще более раритетный «Мустанг»! Народ, у меня есть не один, не два, а целых три «Мустанга», все как новенькие, один из них знаменитый кабриолет V6, и каждый из них идет с прославленной христианской гарантией Джима Ренни. Мы обслуживаем то, что продаем, мы кредитуем и делаем все это по очень смехотворным ценами. А именно сейчас, - он захохотал еще громче, - Мы должны просто расчистить нашу территорию! Итак, приезжай, сосед! Кофейник всегда горячий: САМ ВОСПОЛЬЗУЙСЯ И КАЖДОМУ ПЕРЕСКАЖИ - ЛУЧШЕ ВСЕГО ОБСЛУЖИВАЕТ БОЛЬШОЙ ДЖИМ!

В дальнем конце студии отворились потихоньку двери, которых не заметила ни одна из женщин. За ними еще больше перемигивалось огоньков - Целая галактика. Помещение, не больше, чем кладовка, было захламлено проводами, сплиттерами, руттерами и всякими-разными электронными прибамбасами. Вы могли бы сказать, что для человека там просто нет места. Но Мастер был не просто худым, он был полностью отощавшим. Лишь глубоко утопленные в его череп глаза блестели. Кожа у него была бледная, покрытая пятнами. Завернутые вглубь рта губы покоились на почти лишенных зубов деснах. Одет он был в грязные штаны и рубашку, а трусы для его куриных окороков стали далеким прошлым. Сомнительно, чтобы даже Сэмми Буши узнала своего пропавшего мужа. В одной руке он держал сэндвич с желе и арахисовым маслом (теперь он мог есть только мягкое), а во второй «Глок-9».

Он подошел к окну, которое смотрело на стоянку, с намерением выскочить и пострелять шлюх, если они еще здесь; он этого чуть не сделал, когда они находились внутри. Поначалу немного испугался. Потому что на самом деле демонов убить невозможно. Когда их человеческие тела умирают, они просто перелетают в другого носителя. А, находясь между телами, демоны имеют вид черных дроздов. Мастер сам это видел в собственных снах, которые случались в те редчайшие теперь моменты, когда он мог заснуть.

Но шлюхи уехали. Для них здешний атман[209] оказался слишком мощным.

Ренни приказал ему прикрыть дело, Мастер Буши так и сделал, но ему, вероятно, придется вновь поставить вариться несколько кастрюль, потому что большая партия неделю назад была отправлена в Бостон, а у него уже почти закончился продукт. А ему же надо курить. В последнее время его атман только этим и питался.

Однако пока что у него есть. Он завязал с блюзовой музыкой, которая так много значила для него в тот период жизни, когда он был еще Филом Буши - Би Би Кинг, Коко Тейлор и Гончак Тейлор, Мадди и Воющий Волк, даже бессмертный Малыш Уолтер[210] - и трахаться тоже завязал; он даже почти перестал опорожняться, запоры у него длились с июня. А вообще все было хорошо. Что уничтожает тело, то кормит атман.

Он вновь внимательно осмотрел стоянку и дорогу, чтобы удостовериться, не прячутся ли где-то там демоны, и тогда засунул пистолет себе сзади за пояс и отправился к зданию склада, который в последнее время стал больше похожим на фабрику.

9

Расти Эверетт стоял и смотрел на склад позади больницы. Он присвечивал себе фонарем, потому что они с Джинни Томлинсон, которая теперь возглавляла администрацию

медицинской службы Честер Милла, - охренеть можно! - решили отключить электроснабжение всем отделениям, которые в нем экстренно не нуждались. Слева, под отдельным навесом, грохотал большой генератор, доедая остатки пропана из глубин своего прочного баллона.

«Большинство баллонов пропали, - говорил Твич, и, о Господи, так оно и есть. - Согласно карточке на дверях, их должно было быть семь, а имелись только два».

То есть Твич ошибся. Потому что здесь был всего лишь один. Расти провел лучом фонаря по синей надписи БОЛ КР, нанесенной трафаретом на серебристом боку баллона ниже логотипа снабжающей компании «Мертвая Река»[211].

- А я тебе говорил, - произнес голос Твича за спиной у Расти, заставив его вздрогнуть.

- Неправильно говорил. Здесь только один.

- Вранье! - вступил Твич через косяк. Он огляделся, пока Расти присвечивал ему фонариком вдоль больших стеллажей с разным имуществом больницы, которые окружали пустое место в центре амбара, и исправился: - Нет, не вранье.

- Еще бы.

- Отважный вождь, кто-то ворует у нас пропан.

Расти тяжело было в такое поверить, но другого объяснения не существовало.

Твич присел наприсядки.

- Глянь-ка сюда.

Расти припал на колено. Площадку площадью четверть акра позади больницы только летом покрыли свежим асфальтом и, поскольку морозов, от которых он мог бы потрескаться или вздуться (по крайней мере, пока что), не случалось, он выглядел, как гладенькое черное полотно. Легко было заметить следы колес перед раздвижными дверьми склада.

- Похоже на то, что здесь побывал городской фургон, заметил Твич.

- Или какой-то другой большой фургон.

- И все-таки следовало бы проверить кладовую позади горсовета. Моя не имеет веры к Большой Вождь Ренни. Твич считает его плохой колдун.

- Зачем ему надо было забирать наш пропан? У выборных своего полно.

Они пошли в госпитальную прачечную, также теперь отключенную от электричества. Возле дверей там стояла скамейка. На кирпичной стене висела табличка: КУРИТЬ ЗДЕСЬ БУДЕТ ЗАПРЕЩЕНО С 1-го ЯНВАРЯ. НАЧИНАЙТЕ БРОСАТЬ КУРИТЬ СЕЙЧАС, ВО ИЗБЕЖАНИЕ РЕЗКОЙ ЛОМКИ!

Твич достал свои «Мальборо» и предложил Расти. Расти отмахнулся, потом подумал и взял сигарету. Твич дал подкурить ему, потом сам подкурил.

- Откуда ты знаешь? - спросил он.

- Откуда я знаю что?

- Что у них своего полно. Ты проверял?

- Нет, - ответил Расти. - Но, если им вздумалось стибрить, то почему именно у нас? И не только потому, что украсть что-то из местной больницы выглядит неприличным для людей высшего класса, у них же там практически рядом почта. Могли бы поживиться у почтальонов.

- А может, Ренни со своими приятелями поживился там еще раньше. Сколько там могло быть, кстати? Один баллон? Два? Мелочь.

- Я не могу понять, зачем им вообще мог понадобиться газ? В этом нет никакого смысла.

- Здесь ни в чем нет смысла, - сказал Твич и зевнул так вкусно, что Расти услышал, как у него заскрипели челюсти.

- Ты сделал все процедуры, не так ли? - Расти на какой-то миг подивился сюрреалистическому смыслу своего вопроса. После смерти Гаскелла сам он стал главным врачом, а Твич, который был санитаром лишь три дня тому назад, стал тем, кем до этого был Расти: фельдшером.

- Йес, - вздохнул Твич. - Мистеру Карти не пережить следующий день.

Расти еще неделю назад думал также об Эди Карти, который находился на последней стадии рака желудка, а тот все еще держался.

- Кома?

- Яволь, сенсэй.

Оставшихся пациентов Твич мог пересчитать на пальцах одной руки - и это, понимал Расти, было огромное счастье. Он подумал, что и сам мог бы ощутить себя счастливым, если бы не чувствовал себя так утомлено и тревожно.

- Джордж Вернер, по моему мнению, стабилен.

Вернер, житель Восточного Честера, шестидесятилетний и тучный, пережил в День Купола инфаркт миокарда. Расти считал, что он выпутается… на этот раз.

- А что касается Эмили Вайтхаус… - Твич пожал плечами. - С ней не так хорошо, сенсэй.

Сорокалетнюю, без унции лишнего веса Эмми Вайтхаус также сразил инфаркт приблизительно через час после того, как случился инцидент с Рори Динсмором. С ней все было намного хуже, чем с Джорджем Вернером, потому что она была безумной любительницей физических упражнений для здоровья и страдала там, что доктор Гаскелл называл «спортивным шоком».

- Девочка Фримэнов поправляется, Джимми Серойс держится, а Нора Ковленд полностью в порядке. После ланча выпишем. Итак, в целом, не такие уже и плохие дела.

- Да уж, - согласился Расти. - Но дальше будет хуже. Я тебе гарантирую. И… если бы у тебя случилась катастрофическая травма головы, ты захотел бы, чтобы тебя оперировал я?

- Ни за что, - ответил Твич. - Я не теряю надежды, что скоро появится Грегори Хаус.

Расти погасил сигарету в жестянке, и бросил взгляд на их опустошенную кладовку. Может, следует ему заглянуть в кладовую позади городского совета - чем это может повредить?

На этот раз зевнул уже он.

- Долго ли ты сможешь так держаться? - спросил Твич. Из его голоса пропала вся игривость. - Я спрашиваю только потому, что теперь ты единственный, кого сейчас имеет наш город.

- Сколько надо, столько и буду. Меня беспокоит лишь то, что из-за усталости я могу что-то напортачить. Ну, и столкнуться с чем-то, что выходит за рамки набора моих умений, - он вспомнил Рори Динсмора… и Джимми Серойса. О Джимми думать было труднее, потому что Рори был уже недосягаем для возможных медицинских погрешностей. Ну а Джимми…

Расти представил себя в операционной, как он прислушивается к негромкому пиканью аппаратуры. Увидел себя, как он рассматривает голую бледную ногу Джимми с черной линией, проведенной в том месте, где надо сделать разрез. Представил Даги Твичела в роли анестезиолога-дебютанта. Ощутил, словно Джинни Томлинсон вкладывает скальпель ему в обтянутую резиновой перчаткой ладонь, увидел, как она смотрит на него поверх маски своими холодными синими глазами.

«Храни меня, Боже, от этого», - подумал он.

Твич положил свою ладонь на руку Расти.

- Не переживай, - произнес он. - Не забегай лишний раз мыслями в завтрашний день.

- Да где там. Тут и на час заведомо загадывать тяжело, - ответил Расти, привставая с лавочки. – Пойду-ка я в амбулаторию, посмотрю, не стряслось ли там чего. Благодарю Бога, сейчас уже не лето; оказались бы у нас на руках тысячи три туристов и семьсот детей из лагерей отдыха.

- Хочешь, я с тобой?

Расти покачал головой.

- Почему бы тебе вновь не сходить к Эду Карти? Посмотреть, находится ли он еще в мире живых.

Расти бросил еще один взгляд на газовую кладовую, и уже тогда поплелся за угол здания и дальше по диагонали в сторону амбулатории на дальнем конце подъездной аллеи больницы имени Катрин Рассел.

10

Конечно, Джинни была в больнице; прежде чем выписать домой миссис Ковленд, она делала последнее взвешивание ее новорожденному младенцу. В приемной амбулатории дежурила семнадцатилетняя Джина Буффалино, за плечами у которой было ровно шесть недель медицинской практики, и то в роли санитарки-волонтерки. Она встретила Расти взглядом глаз ослепленной автомобильными фарами дикой козочки, от чего его сердце екнуло, но в приемной было пусто, и это уже хорошо. Очень хорошо.

- Никаких звонков? - спросил Расти.

- Один. От миссис Венциано, что живет неподалеку от Черной Гряды. У нее ребенок застрял головой между рейками манежа. Она хотела, чтобы приехала скорая. Я… я сказала ей, чтобы намазала ребенку голову оливковым маслом и попробовала сама. У нее получилось.

mir-knigi.org

Расти расцвел в улыбке. Возможно, будет толк из этой девушки. Джина, явно с огромным облегчением, улыбнулась ему тоже.

- Здесь пусто в конце концов, - произнес Расти. - И это чудесно.

- Не совсем. Здесь мисс Гринелл, ее, кажется, Эндрия зовут? Я ее оставила в третьем, - Джина поколебалась. - У нее довольно расстроенный вид.

Повеселевшее было сердце Расти вновь оборвалось. Эндрия Гринелл. И расстроенная. Это означает, она хочет новый рецепт на оксиконтин. Которого он, в здравом уме, не имеет права выписывать, даже если у Энди Сендерса этих пилюль вагон.

- Хорошо, - он уже сделал пару шагов по коридору к осмотровому кабинету номер три, но тут же остановился. - Ты не присылала мне сообщений.

Джина вспыхнула.

- Она меня попросила этого не делать.

Расти это удивило, но только на секунду. Пусть Эндрия имеет свои проблемы с лекарствами, но она отнюдь не тупая. Она просто знала, что Расти находится в больнице и, скорее всего, вместе с Твичем. А Даги Твичел не кто-нибудь, а ее младший братец, который даже в свои тридцать девять остается для Эндрии тем, кого она должен защищать от черных фактов реального жизни.

Расти остановился против дверей с табличкой 3, стараясь собраться с духом. Должно быть тяжело. Эндрия не какой-то наглый пьяница из тех, что заявляют, что алкоголь не создает для них никаких проблем, и не похожая она на тех метамфетаминщиков, количество которых явным образом выросло за последний год или больше. То, что Эндрия самая полностью осознает свою зависимость, устраняет возможность напугать ее этим, и потому усложняет сам процесс лечения. Конечно, после падения она невероятно страдала. Оксиконтин тогда сослужил свою службу, приглушив боль, она смогла спать, можно было начать терапию. Не ее вина в том, что лекарство, которое ей так помогло тогда, это то самое лекарство, которое некоторые из врачей называют синтетическим героином.

Он открыл двери и вошел, репетируя мысленно отказ. «Ласково, но непоколебимо, - повторял он себе. - Ласково, но непоколебимо».

Она сидела в уголке на стуле под плакатом о холестериновых ужасах, ноги плотно сомкнуты, голова склонена над сумочкой у нее на коленях. Крупная женщина, которая сейчас выглядела малюсенькой. Какой-то такой, словно уменьшенной. Она подняла голову, и Расти увидел, какое у нее осунувшееся лицо - морщины возле губ углубились, кожа под глазами почти черная, - он передумал и решил, что выпишет ей рецепт на розовом бланке из блокнота доктора Гаскелла. Возможно, когда уже закончится этот кризис с Куполом, ему посчастливится подговорить ее к программе детоксикации; пусть даже через угрозу рассказать обо всем ее брату, если не поможет. Потому что очень редко ему случалось видеть такую насущную необходимость.

- Эрик… Расти… У меня беда.

- Я понимаю. Вижу. Я выпишу…

- Нет! - похоже, она смотрит на него с ужасом в глазах. - Ни в коем случае, даже если я буду умолять! Я наркоманка и должна отказаться от этой зависимости! Я старый хлам, настоящее

чмо!

Лицо ее совсем сморщилось. Она старалась расправить его волевым усилием и не смогла. Вместо этого заслонила руками. Громкие, конвульсивные рыдания, которые так тяжело было слышать, прорывались сквозь ее пальцы. Расти подошел, припал возле нее на колено, обнял ее одной рукой.

- Эндрия, очень хорошо, что ты хочешь это прекратить, это просто чудесно! - но сейчас, возможно, не самое лучшее для этого время…

Она посмотрела на него заплаканными, покрасневшими глазами.

- Ты, наверное, прав, это наиболее неподходящее время, но сделать мне нужно это именно сейчас! И ты ничего не будешь говорить Даги и Рози. Можешь мне помочь? Можно вообще этого добиться? Потому что сама я не смогла, никак. Эти ненавистные розовые пилюли! Я кладу их в ящик и приказываю себе «сегодня больше ни-ни!», а через час вновь их глотаю! Никогда в жизни я не была в таком дерьме, как теперь. - Она понизила голос, словно разглашая большую тайну: - Я боюсь, что это уже совсем не спина, я боюсь, это мой мозг приказывает спине так ужасно болеть, чтобы я не прекращала принимать эти чертовы пилюли.

- А почему именно сейчас, Эндрия?

Она лишь помотала головой.

- Так ты мне можешь помочь или нет?

- Да, но если ты думаешь, что будешь иметь что-то наподобие похмелья, забудь. Во-первых, у тебя будут… - на миг он увидел, как Дженни дергается в кровати, как она бормочет что-то о Большой Тыкве. - У тебя будут судороги.

Она толи не поняла, толи оставила это без внимания.

- Как долго?

- Чтобы пройти физический период? Две недели. Может, три.

«И это было бы очень быстро, если посчастливится», - подумал он, но промолчал.

Она сжала ему руку. Пальцы у нее были совсем холодные.

- Это долго.

Очень неприятная мысль вынырнула в голове Расти. Наверняка, это просто мгновенная паранойя, вызванная стрессом, однако убедительная.

- Эндрия, тебя кто-то шантажирует?

- Ты смеешься? Каждый здесь знает, что я принимаю эти пилюли, это маленький город. - Что, по мнению Расти, отнюдь не было похоже на ответ. – Каков вероятный кратчайший срок?

- С инъекциями B12, плюс тиамин и витамины, вероятно, дней десять. Но тебе будет очень плохо. Ты почти не сможешь спать, появится синдром беспокойных ног. И это не слабенькие симптомы, недаром наркоманы называют очищение спрыгиванием. К тому же кто-то должен уменьшать тебе дозы - кто-то, кто будет хранить таблетки, и не будет давать тебе больше,

mir-knigi.org

сколько бы ты не умоляла. Потому что ты обязательно их будешь просить.

- Десять дней? - переспросила она с надеждой. - И это тоже может закончиться к тому времени, так? Этот Купол?

- Может, даже сегодня днем. Мы все на это надеемся.

- Десять дней, - повторила она.

- Десять дней.

«Но, - подумал Расти, - тебе будет хотеться этих проклятых пилюль до конца жизни». Однако этого он вслух не произнес.

11

Как для понедельника, утром в «Розе-Шиповнике» было на удивление много люда… конечно же, в истории города еще никогда не случалось такого понедельника. Однако клиенты довольно послушно разошлись, когда Рози объявила, что гриль прекращает работать и откроются они вновь не раньше пяти вечера.

- А тогда вы, возможно, поедете все в Касл Рок, чтобы поесть в «Моксе»! - подытожила она, вызвав шквал аплодисментов, потому что все знали, что «Мокси» - это еще та грязная забегаловка.

- Ланча не будет? - спросил Эрни Келверт.

Рози взглянула на Барби, но тот поднял руки на уровень плеч. Не спрашивай меня.

- Сэндвичи, - ответила Рози, - пока еще не закончились.

На это вновь прозвучали аплодисменты. Люди вели себя удивительно оптимистично этим утром: слышались шутки, звучал смех. Наверное, наилучшим свидетельством улучшения ментального здоровья в городе служил тот уголок ресторана, где стоял полностью обсаженный сплетниками их стол.

Телевизор в уголке, теперь включенный на Си-Эн-Эн, помог в этом тоже. У говорящих голов не было что рассказывать, кроме повторения неопределенных слухов, но большинство из них звучали обнадеживающе. Несколько научных работников, у которых успели взять интервью, сказали, что ракеты имеют шанс пробить Купол и наконец-то покончить с этим кризисом. Один из них сообщил, что шансы на успех превышают восемьдесят процентов.

«Конечно, сам он сидит в Массачусетском технологическом институте в Кембридже. - Подумал Барби. - Он себе может позволить оптимизм».

Уже чистя гриль, Барби услышал стук в двери. Осмотрелся и увидел Джулию Шамвей, к которой прислонялись трое юных подростков. Рядом с ними она была похожа на учительницу средней школы во время полевых занятий. Барби, вытирая руки о фартук, пошел открывать.

- Если мы будем пускать каждого, кому вдруг захотелось поесть, у нас никаких запасов не хватит, - раздраженно бросил Энсон, натирая тряпкой опустевшие столы. Рози поехала в «Фуд-Сити», надеясь купить там еще мяса.

mir-knigi.org

- Не думаю, что она хочет есть, - сказал Барби и оказался прав.

- Доброе утро, полковник Барбара, - поздоровалась Джулия со своей фирменной улыбкой Моны Лизы. - Мне хотелось бы называть вас майор Барбара, как…

- Как в пьесе[212], я знаю. - Барбара не раз уже слышал такое раньше. Тысячи раз слышал, точнее. - Это ваша команда?

Один из детей был чрезвычайно худым, высоким мальчиком с копной темно-русых волос; второй - приземистый, в мешковатых шортах и майке рэпера 50 Центов[213]; третьей была хорошенькая девушка с молнией на щеке. Скорее нарисованной, чем вытатуированной, но все равно это прибавляло ей шарма уверенной в себе красотки. Барби подумал: если он скажет ей, что она напоминает Джоан Джетт[214] в школьном возрасте, девочка не поймет, о ком говорится.

- Норри Келверт, - отрекомендовала Джулия, дотрагиваясь до локтя девчонки-бунтарки. - Это Бэнни Дрэйк. А эта долговязая фигура принадлежит Джозефу Макклечи. Вчерашняя демонстрация протеста это была его идея.

- Хотя я и не задумывался даже, что кто-то может пострадать, - сказал Джо.

- В том, что случилось, нет твоей вины, - успокоил его Барбара. – Поэтому не переживай.

- А вы, в самом деле, такой крутой гусь, что вдруг так высоко взлетели? - спросила Норри.

- Ну, - рассмеялся Барби. - У меня и в мечтах не было стать крылатым гусем, и я и не смог бы, если бы даже очень этого захотел[215].

- Но вы же знаете тех солдат, дежурных, так же? - настаивала Норри.

- Ну, не лично. Во-первых, они морская пехота. А я служил в сухопутной армии.

- Вы и сейчас служите в армии, как говорит полковник Кокс, - уточнила Джулия. Фирменная отстраненная полуулыбка оставалась у нее на лице, но глаза танцевали от возбуждения. - Мы можем поболтать с вами? Юный мистер Макклечи имеет одну идею, по мне, просто блестящую. Лишь бы она сработала.

- Сработает, - заверил Джо. - Когда речь идет о компьютерной херн… штуке, в этом деле - я крутой гусь.

- Идем в мой кабинет, - кивнул Барбара и повел их за стойку.

12

Да, идея выглядела блестящей, но уже было около половины одиннадцатого, и если действительно речь шла о том, чтобы она сработала, шевелиться надо было быстро. Барби обратился к Джулии.

- Телефон у вас с со…

Раньше, чем он закончил фразу, Джулия положила телефон ему на ладонь.

- Номер Кокса в памяти.

- Чудесно. Если бы я знал, как до этой памяти добраться.

Телефон взял Джо.

- Вы что, из средневековья появились?

- Конечно! - согласился Барби. - Тогда все были благородные рыцари, а леди шлялись без трусов.

Норри на это искренне расхохоталась, подняв вверх сжатую в кулак руку, и Барби ритуально пристукнул по ее маленькому кулачку своим большим.

Джо нажал пару кнопок на крохотной панели. Послушал, и тогда вручил телефонную трубку Барби.

Наверное, Кокс так и сидел, держа руку на своем телефоне, потому что, когда Барби поднял телефон Джулии себе к уху, тот уже говорил.

- Как там у вас, полковник? - спрашивал Кокс.

- Вообще-то все хорошо.

- И это только начало.

«Легко тебе говорить», - подумал Барби.

- Думаю, все будет хорошо, пока ракета не отскочит, или не пробьет Купол и наделает большого вреда в лесу и на фермах на нашем стороне. Этому, впрочем, обрадуются жители Честер Милла. А что говорят ваши спецы?

- Немного, никто не делает никаких прогнозов.

- По телевизору мы слышим кое-что другое.

- Я не имею времени отслеживать версии говорящих голов. - Барби ощутил по голосу Кокса, что тот пожал плечами. - Мы преисполнены надежды. Мы верим, что имеем шансы. Если так можно выразиться.

Джулия складывала вместе и разводила ладони, спрашивая этим жестом: «Что там нового?»

- Полковник Кокс, я здесь сижу с четырьмя друзьями. Один из них юноша по имени Джо Макклечи, и у него родилась весьма интересная идея. Хочу передать ему сейчас телефонную трубку… - Джо так резко замотал головой, что волосы зателепались. - …чтобы он вам сам объяснил. - И он вручил телефон Джо. - Рассказывай.

Джо заговорил, сначала неуверенно, спотыкаясь на всяческих ну, гм, понимаете, но только идея вновь захватила его воображение, он разогнался и стал красноречивым. Потом он слушал. Вскоре начал улыбаться. А через некоторое время произнес:

- Эй, сэр! Благодарю, сэр! - и вернул телефон Барби. - Зацени, прежде чем запустить ракету, они попробуют увеличить мощность нашего Вай-Фай[216]! Господи-искуситель, это так круто! - Джулия схватила его за руку, и Джо исправился: - Извините, мисс Шамвей, я хотел сказать Иисус.

mir-knigi.org

- Не переживай, ты действительно сможешь это сделать?

- Вы шутите? Без проблем.

- Полковник Кокс? - спросил Барби. – Что касается Вай-Фай это правда?

- Мы не в состоянии помешать вам делать что-нибудь, чего бы вам не захотелось, - ответил Кокс. - Вы, кажется, сами мне это недавно доказывали. Но вместо того мы можем помогать. У вас будет быстрейший в мире интернет, по крайней мере, сегодня. Кстати, этот ваш мальчик весьма башковитый.

- Да, сэр, у меня тоже сложилось такое впечатление, - сказал Барби и показал Джо большой палец. Мальчик сиял.

Кокс произнес:

- Если идея этого мальчика сработает, и вы все запишете, не забудьте сделать копию для нас. Мы со своей стороны, конечно, тоже будем снимать, но соответствующие специалисты захотят увидеть, как удар выглядит с вашей стороны Купола.

- Думаю, мы сможем сделать еще лучше, - сказал Барби. - Если Джо успеет все наладить, весь город сможет увидеть это вживую.

На этот раз кулак подняла Джулия. И Барби, широко улыбаясь, пристукнул по нему.

13

- Черт его побери, - произнес Джо.

Из-за учтивого страха на лице тринадцатилетний мальчик казался на вид восьмилетним. Куда и делось из его голоса самоуверенное превосходство. Вместе с Барби он стоял ярдах в тридцати от того места, где в Купол упиралась дорога Малая Сука. Не на солдат он смотрел, хотя они как раз обернулись к ним - это предупредительная лента и большое красное Х на Куполе так его поразили.

- Они убирают отсюда свой бивак, или как вы это называете, - произнесла Джулия. - Палаток уже нет.

- Конечно. Где-то через… - Барби взглянул на часы, - девяносто минут здесь будет довольно жарко. Сынок, тебе лучше спешить.

Но теперь, когда они, наконец-то, оказались на пустой дороге, Барби начал сомневаться, действительно ли Джо сможет сделать то, что пообещал.

- Эй, но… вы видите деревья?.

Сначала Барби не понял. Бросил взгляд на Джулию, и пожал плечами. Тогда Джо показал рукой, и он увидел. Деревья по ту сторону Купола приплясывали под средней силы осенним ветром, снимая цветными вспышками с себя листву, которая кружилась между одиноких морских пехотинцев. На стороне Милла ветви едва покачивались, и большинство деревьев стояли еще в полной одежде. Барби был уверен, что воздух проникает сквозь барьер, но немного. Купол гасил ветер. Он вспомнил, как они с Полем Джендроном, мужчиной в кепке «Морских Псов», подошли к ручью и увидели, как пенится вода.

- Листья здесь выглядят, - произнесла Джулия, - ну, не знаю… каким-то апатичными. Безвольными.

- Потому что на их стороне ветер, а у нас лишь дыхание вялого бриза, - сказал Барби, сам сомневаясь, в том ли причина. Или хоть приблизительно в том ли причина. Но какой смысл было рассуждать о качестве воздуха в Честер Милле, если они никак не могли на это повлиять? - Давай, Джо. Делай свое дело.

По дороге сюда они заехали на «Приусе» Джулии к Джо домой, чтобы он взял свой Powerbook. (Миссис Макклечи заставила Барби присягнуть, что он возвратит ей сына живым и невредимым, и Барби ничего не оставалось, как дать клятву.) Теперь Джо показывал на дорогу.

- Здесь?

Барби прикрыл ладонями себе лицо по бокам, оценивая направление на красное Х.

- Немного левее. Ты можешь прорепетировать, посмотреть, как это будет?

- Йес, - Джо открыл и включил Powerbook. Как всегда, миленько прозвучала стартовая мелодия фирмы «Макинтош», но Барби подумал, что никогда в жизни перед его глазами не возникало более сюрреалистического зрелища, чем этот серебристый компьютер с теплящимся экраном посреди дороги Малая Сука с ее латаным асфальтом. Это ему показалось заключительным апофеозом трех предыдущих дней.

- Аккумулятор свежий, и, он должен работать, по меньшей мере, шесть часов, - сказал Джо.

- А не переключится ли он в спящий режим? - спросила Джулия.

Джо подарил ей фирменный взгляд типа «мама, я вас умоляю» и обратился к Барби.

- Если ракета зажарит мой комп, вы обещаете купить мне новый?

- Тебе купит Дядя Сэм, - пообещал Барби. - Я собственноручно представлю требование.

- Сладко звучит.

Джо наклонился к ноутбуку. Выше экрана у него был установлен небольшой серебристый цилиндр. Это, как объяснил ему Джо, новое компьютерное чудо, которое носит название айсайт[217]. Он положил пальцы на клавиатуру и нажал ENTER, на экране моментально высветилось яркое изображение Малой Суки. С уровня земли каждая крохотная колдобина, каждая неровность дороги выглядела горой. На среднем плане Барби увидел фигуры морпехов выше колен.

- Есть у него картинка, сэр? - спросил один из них.

Барби поднял голову.

- Скажем так, морской пехотинец, если бы я был инспектором, вы бы сейчас выполняли отжимания с помощью подошвы моего ботинка, установленного на вашей сраке. У вас царапина на носке левого сапога. Это недопустимо на не боевом дежурстве.

Морпех потупил взгляд вниз, себе на сапоги, где действительно была царапина. Джулия рассмеялась. А Джо нет. Он не отвлекался.

- Очень низко. Мисс Шамвей, а нет ли у вас чего-то в машине, что мы могли бы использовать как… - Он показал рукой где-то на три фута от уровня дороги.

- ЕСТЬ, - ответила она.

- И принесите, пожалуйста, мой рюкзачок, - попросил Джо. Он еще немного поколдовал с компьютером и протянул руку. - Мобильник?

Барби вручил ему телефон. Джо набрал номер с молниеносной скоростью. И тогда:

- Бэнни? О, Норри, о'кей. Вы там, друзья? Хорошо. Я уверен, вы никогда не бывали в пивнухе раньше. Готовы? Чудесно. Так и держите. - Он послушал, что ему оттуда говорили, и оскалился. - Да вы что? Чуваки, у меня здесь такой сигнал, это просто супер. Вай-фай они разогнали так, что аж гудит. Пока. - Он сложил телефон и вновь отдал его Барби.

Вернулась Джулия с рюкзаком Джо и картонкой, в которой лежали остатки чрезвычайного воскресного выпуска «Демократа». Джо поднял Пауэрбук на картонную коробку (внезапное поднятие изображение от уровня земли вызвало у Барби легкое умопомрачение), проверил его и объявил, что все в абсолютном порядке. Порылся в своем рюкзаке, достал оттуда черную коробочку с антенной и подключил ее к компьютеру. Солдаты по ту сторону Купола сбились в толпу, заинтересованно наблюдая эти манипуляции. «Теперь я знаю, как чувствуют себя рыбки в аквариуме», - подумал Барби.

- На вид нормально, - пробурчал Джо. - Зеленый свет.

- А не надо позвонить по телефону твоим…

- Если все работает, они сами позвонят, - перебил Джо и тут же добавил: - Ого, а здесь могут быть проблемы.

Барби подумал было, что он имеет в виду что-то компьютерное, однако мальчик туда даже не смотрел. Барби проследил за его взглядом и увидел зеленый автомобиль шефа полиции. Тот двигался не быстро, но мигалка на его крыше пульсировала. Из-за руля вылез Пит Рендольф. С пассажирского сидения (машина немного колыхнулась) выбрался Большой Джим Ренни.

- А что это вам такое, исчадия ада, вздумалось здесь делать? - спросил он.

В куртке у Барби запищал телефон. Он ткнул его в руку Джо, при этом сам не отводя глаз от выборного и шефа полиции, которые приближались к ним.

14

Вывеска над дверями «Диппера» гласила: ПРОСИМ В САМЫЙ БОЛЬШОЙ ТАНЦЗАЛ В МЭНЕ! И впервые за всю историю это придорожного заведения на его танцевальной площадке было не протолкнуться в одиннадцать сорок пять утра. Томми и Вилла Андерсоны сами встречали гостей возле дверей, точь-в-точь, словно какие-то проповедники, которые приглашают прихожан в церковь. В данном случае Первой церкви рок-групп прямо из Бостона.

Сначала аудитория вела себя сдержанно, потому что на экране не было ничего, кроме единственного слова: ОЖИДАНИЕ. Бэнни и Норри подключили аппаратуру и включили телевизионный кабель в гнездо 4. И вдруг на экране в полный рост появилась дорога Малая Сука, с листвой всех ярких цветов, которая осыпалась вокруг дежурных морских пехотинцев.

Толпа взорвалась аплодисментами и одобрительными восклицаниями.

Бэнни дал пять Норри, но Норри этого было мало; она поцеловала его прямо в губы, и крепко. Это было самое счастливое мгновение в его жизни, это ощущение было даже лучшим чем то, когда он сумел остаться в вертикальном положении, делая на полном ходу ерша.

- Звони! - напомнила ему Норри.

- Сейчас, - ответил Бен. Он ощущал, что лицо у него пылает, словно огнем обожженное, но улыбался. Он нажал ПЕРЕНАБОР и приложил телефон к уху. - Чувак, мы получили! Изображение такое крутое, что…

- Хьюстон, у нас проблема, - перебил его Джо.

15

- Не знаю, что вам, люди, здесь вздумалось сделать, - произнес шеф Рендольф, - но требую объяснений, а эту вещь выключите, пока я их не получил, - показал он на Пауэрбук.

- Сэр, извиняюсь, - сказал один из морских пехотинцев с нашивками младшего лейтенанта. - Это полковник Барбара, и он получил официальную санкцию правительства на проведение данной операции.

Большой Джим ответил на это самой саркастичной из своих улыбок. На шее у него пульсировала вена.

- Этот человек полковник разве что над бездельниками. Он стряпает в местном ресторане.

- Сэр, согласно полученному мной приказу…

Большой Джим погрозил пальцем младшему лейтенанту.

- Служба, в Честер Милле единственным правительством, которое мы признаем, есть наше собственное, и я его официальный представитель, - он обернулся к Рендольфу.

- Питер, если этот мальчик не желает выключать сам эту вещь, выдерни шнур.

- Я не вижу здесь шнура, - ответил Рендольф, переводя взгляд то на Барби, то на лейтенанта морской пехоты, то на Большого Джима. Он начал потеть.

- Тогда наступи сапогом на этот чертов экран! Просто растопчи его!

Рендольф сделал шаг. Джо, на вид испуганный, но решительный, заслонил собой ящик, на котором стоял его Пауэрбук. Телефон он продолжал держать в руке.

- Не смейте! Это моя частная собственность, и я не нарушаю никаких законов!

- Мистер Рендольф, отойдите, - произнес Барби. - Это приказ. Если вы все еще признаете правительство страны, в которой живете, вы должны его выполнять.

Рендольф осмотрелся назад.

- Джим, может…

- Никаких может, - оборвал его Большой Джим. - Сейчас только здесь страна, в которой ты живешь. Вырубай этот проклятый компьютер.

Джулия подошла к Пауэрбуку, ухватила компьютер и повернула его так, что камера теперь нацелилась на вновь пришедших. Кудряшки, выбившись из растрепанной консервативной деловой прически «узелком», прилипли ей к раскрасневшимся щекам. У Барби мелькнула мысль: какой чрезвычайно красивой она сейчас выглядит.

- Спроси Норри, видно ли, - позвала она Джо.

Улыбка Большого Джима застыла гримасой.

- Женщина, а ну-ка перестань!

- Спроси, видно ли им!

Джо заговорил в телефон. Послушал. И тогда сообщил:

- Видно. Они видят мистера Ренни и офицера Рендольфа. Норри говорит, там хотят знать, что здесь у нас случилось.

Лицо Рендольфа стало тревожным; у Ренни - обозленным.

- Кто хочет знать? - спросил Рендольф.

Джулия начала.

- Мы наладили прямую трансляцию в «Диппер»…

- В этот греховный вертеп! - фыркнул Большой Джим. Руки его сжались в кулаки. Барби прикинул, что в Ренни где-то фунтов сто лишнего веса и лицо он так кривит, когда шевелит правой рукой, словно она потянута, но выражение лица у него, словно вот-вот замахнется. Готов ударить… хотя кого: его, Джулию или мальчика, неизвестно. Да и самому Ренни едва ли это было известно.

- Еще без пятнадцати одиннадцать там начали собираться люди, - продолжала Джулия. - Новости распространяются быстро, - улыбнулась она, склонив набок голову. - Не желаете помахать своим избирателям, Большой Джим?

- Это блеф, - заявил Большой Джим.

- Зачем мне блефовать тем, что так легко проверить? - она обернулась к Рендольфу. - Позвоните по телефону кому-то из ваших копов и спросите, где этим утром собрались жители города? - И тогда вновь к Ренни. - Если вы сейчас прервете трансляцию, сотни людей запомнят, как вы не дали им увидеть событие, которое непосредственно их касается. Фактически событие, от которого могут зависеть их жизни.

- У вас нет разрешения.

Барби, по обыкновению сдержанный, ощутил, что терпение его на пределе. И если бы этот мужчина был дураком, но он им абсолютно не был. И именно это более всего бесило Барби.

- А в чем именно состоит ваша проблема? Вы усматриваете здесь какую-то опасность? Например, я - нет. Идея здесь простая - установить эту штуку, оставить ее в режиме прямой

трансляции, и уехать отсюда.

- Если ракета ударит без результата, это может спровоцировать панику. Знать, когда что-то не подействовало, это одно, а видеть неудачу собственными глазами - это совсем другое. Они способны наделать любой дьявольщины.

- Вы очень невысокого мнения о людях, которыми руководите, господин выборный.

Большой Джим уже открыл, было, рот, чтобы парировать чем-то на подобие: и они именно этого часто и заслуживают, как подумал Барби, но тут же понял, что значительная часть общины сейчас наблюдает этот спор на большом экране. К тому же с чрезвычайной четкостью изображения.

- Я посоветовал бы вам убрать эту саркастическую улыбку с вашего лица, Барбара.

- А у нас теперь полиция следит за выражением лиц? - спросила Джулия.

Пугало Джо прикрыл себе рот, но не так быстро, чтобы Рендольф с Большим Джимом не успели заметить, как мальчик оскалился в улыбке. И услышать хихиканье, которое прорывалось сквозь его пальцы.

- Граждане, вам лучше очистить территорию, - объявил младший лейтенант. - Время приближается.

- Джулия, поверните камеру на меня, - попросил Барби.

Она так и сделала.

16

В «Диппере» никогда раньше не собиралось столько народа, даже в памятную новогоднюю вечеринку 2009 года, когда выступали «Ватиканские секс-киски»[218]. И никогда здесь не было так тихо. Свыше полутысячи людей стояли бок о бок и бедро к бедру, смотря, как камера Пауэрбука Джо сделала поворот на 180 градусов, нацелившись на Дейла Барбару.

- А вот и мой мальчик, - пробормотала Рози Твичел и улыбнулась.

- Приветствую вас там, друзья, - произнес Барби, и настолько хорошее было изображение, что несколько человек даже сказали ему в ответ «привет». - Мое имя Дейл Барбара, меня вновь зачислили на службу в армию Соединенных Штатов, полковником.

Волна удивленных восклицаний прокатилась по залу.

- Решение о видеотрансляции отсюда, с дороги Малая Сука, полностью лежит на моей ответственности, и, как вы, вероятно, поняли, здесь возник спор между мной и выборным Ренни, который имеет какие-то отличающиеся от моего взгляды относительно того, следует ли продолжать передачу.

На этот раз волна восклицаний была более звучной. И звучали они неодобрительно.

- Мы не имеем сейчас времени на выяснение деталей, кто кем руководит, - продолжал Барби. - Мы хотим направить камеру на то место, куда должна попасть ракета. Будет или нет, продлена эта трансляция - полностью зависит от вашего второго выборного. Если он прервет передачу,

зачтите это на его счет. Благодарю за внимание.

Он вышел из кадра. Какое-то мгновение зрители на танцплощадке не видели ничего, кроме леса, потом камера вновь вернулась, немного опустилась и остановилась на зависшем в воздухе знаке X. За ним дежурные грузили остатки своего имущества в две большие машины.

Вилл Фримэн, хозяин и руководитель местного салона «Тойота» (не товарищ Джима Ренни), заговорил прямо в экран: «Не вмешивайся, Джимми, а то еще и эта неделя не успеет закончиться, как в Милле будет новый выборный».

Послышался одобрительный гам. Люди успокоились и стояли, ожидая: будет ли продолжаться трансляция этой такой скучной и вместе с тем волнительной телепередачи, или она будет прекращена.

17

- Что мне нужно сделать, Большой Джим? - спросил Рендольф, вытирая себе лицо добытым из заднего кармана брюк платочком.

- А что ты сам хотел бы сделать? - откликнулся Большой Джим.

Впервые с того мгновения, как он получил ключи от зеленого автомобиля начальника полиции, у Пита Рендольфа мелькнула мысль, что он радушно отдал бы их кому-нибудь другому.

- Я хотел бы оставить их в покое.

Большой Джим кивнул, словно говоря: «Под твою ответственность». И тогда улыбнулся, если так можно было назвать эту его гримасу.

- Конечно, ты же шеф полиции. - Он обернулся к Барби, Джулии и Пугалу Джо. - Итак, вы нас перехитрили, не так ли, мистер Барбара?

- Могу вас уверить, что никаких ухищрений нет, сэр, - ответил Барби.

- Черт… ерунда. Это натуральное соревнование за власть в чистом виде. Видел я и не таких умников. Видел их взлеты… видел и падения, - он, все еще потирая себе досаждавшую правую руку, подошел к Барби. Так близко, что тот услышал запах его одеколона и пота. Дышал Ренни хрипло. Он понизил голос. Джулия, наверняка, не расслышала, что он произнес дальше. Но Барби все чудесно услышал. - Сынок, ты поставил на банк все, что имеешь. До последнего цента. Если ракета пробьет Купол, ты выиграл. Если нет… берегись меня, - какое-то мгновение его цепкие, почти полностью утопленные в глубоких складках плоти, но сияющие холодным, ясным умом глаза, не отпускали Барби. Потом он отвернулся. - Поехали, шеф Рендольф. Ситуация тут сильно осложнилась, благодаря мистеру Барбаре и его друзьям. Возвращаемся в город. Нам необходимо подготовить твои силы на случай беспорядков.

- Это самое безумное из того, что я имела возможность слышать! - объявила Джулия.

Большой Джим, не оборачиваясь, махнул на нее рукой.

- Хотите поехать в «Диппер», босс? - спросил Рендольф. – У нас еще есть время.

- Ноги моей не будет в этом гнезде разврата, - ответил Большой Джим, открывая дверцы шефского автомобиля. - Что мне следовало бы сделать, так это поспать. Но нет такой

возможности, потому что у меня много работы. Большая ответственность лежит на мне. Я ее не у кого не просил, но имею.

- Есть люди просто великие, а есть те, которые напускают на себя величие, не правда ли, Джим? - спросила Джулия со своей отстраненной улыбкой.

Большой Джим обернулся к ней с таким выражением злой ненависти на лице, что она отступила на шаг. Но Ренни овладел собой.

- Поехали, шеф.

Машина направилась в город, блымая огоньками в прямо-таки по-летнему теплом воздухе.

- Фью, - присвистнул Джо. - Ужасный чувак.

- У меня такие же ощущения, - добавил Барби.

Джулия смотрела на него, ни следа улыбки на ее лице не осталось.

- Вы нажили врага, - сказала она. - Теперь уже смертельного врага.

- Думаю, вы тоже.

Она кивнула:

- Я надеюсь, ракета пробьет барьер, на наше обоюдное счастье.

Позвал младший лейтенант:

- Полковник Барбара, мы уезжаем отсюда. Мне было бы значительно легче, если бы вы, все втроем, сделали так же.

Барби кивнул и впервые после длительного перерыва отсалютовал.

18

Взлетев в тот понедельник утром с базы военно-воздушных сил Карсвелл[219], Б-52 барражировал над Берлингтоном[220] в штате Вермонт уже с 10:40 (в ВВС считают, что на банкет следует появляться как можно раньше). Миссию обозначили кодовым названием ГРАНД-ОСТРОВОК. Пилотом-командиром был майор Джин Рей, участник войн в Персидском заливе и в Ираке, последнюю он в частных разговорах называл не иначе, как «сраное обезьянье шоу Долбобуша». В бомбовом отсеке его корабля располагалось две крылатых ракеты «Фастхок»[221]. Ракеты более надежные и мощные, чем старые «Томагавки», но какое же это тяжелое ощущение - барражировать с ними, на боевом взводе, готовясь запустить их по американской цели.

В 12:53 красный огонек на его контрольной панели стал янтарным. Это компьютер перенял управление от майора Рея и начал выводить самолет на позицию. Город Берлингтон промелькнул под крыльями и остался позади.

Рей произнес в шлемофон:

- Уже время, сэр.

Полковник Кокс откликнулся из Вашингтона:

- Тогда Роджер, майор. Удачи. Выстреливай сучку.

- Пошла, - ответил майор.

В 12:54 янтарный огонек начал пульсировать. В 12:54:55 он стал зеленым. Рей щелкнул тумблером, обозначенным 1. Никакого сотрясения, только шшшвах откуда-то снизу, а на экране он увидел, как «Фастхок» начинает свое путешествие. Ракета моментально разогналась до максимальной скорости, оставляя в небе реактивный след, похожий на сделанную ногтем царапину.

Джин Рей перекрестился, завершив этот жест целованием подушки своего большого пальца.

- С Богом, дочурка, - произнес он.

Максимальная скорость ракеты «Фастхок» 3500 миль в час. За пятьдесят миль от цели - где-то миль за тридцать западнее Конвея в Нью-Хэмпшире и уже на восточной стороне Белых гор[222] - ее компьютер сначала вычислил, и тогда определил финальный курс. В процессе приближения скорость ракеты уменьшилась с 3500 до 1850. Ракета привязалась к трассе №302, которая проходит по центру Восточного Конвея, и, пролетая над пешеходами, заставляла их нервно задирать голову.

- Это часом, не реактивный ли самолет так низко, - прикрывая себе ладонью глаза, спросила какая-то женщина у коллеги по шопингу на парковке около «Зеленой лавки первопоселенцев»[223]. Если бы навигационная система «Фастхок» могла говорить, она бы произнесла: «Золотце, ты пока что не видела меня в настоящей работе».

На высоте три тысячи футов она пролетела над границей между Нью-Хэмпширом и Мэном, оставляя за собой звуковую волну, от которой щелкали зубы и звякали окна. Когда навигационная система зацепила шоссе №119, ракета скользнула вниз до тысячи футов, а дальше опустилась на пятьсот. Теперь ее компьютер работал на всю катушку, проверяя данные навигационной системы, за минуту перематывая в своей электронной голове не менее чем тысячу параметров коррекции курса.

В Вашингтоне полковник Джеймс О. Кокс произнес:

- Народ, финальная траектория. Держите руками вставные челюсти, кто имеет.

«Фастхок» нашла дорогу Малая Сука и резко упала едва ли не до уровня земли, все еще двигаясь почти вдвое быстрее звука, она анализировала каждый бугорок и поворот, хвост ее горел так, что глазам больно, оставляя за собой отравляющий шлейф ракетного выхлопа. Им срывало листву с деревьев, некоторые даже воспламенялись. Им полностью сокрушило придорожную лавку возле Таркер Холлоу, доски и куски тыкв подлетели до неба. А гром, который преследовал ракету, заставлял людей падать ничком на пол, прикрывая себе головы руками.

«Она должен сделать свое дело, - подумал Кокс. - Разве может быть иначе?»

19

В «Диппере» теперь уже теснилось восемьсот человек. Никто не говорил, хотя Лисса

Джеймисон беззвучно шевелила губами, наверняка, молилась какой-то из тех нью-эйджевских мировых душ, которая сейчас привлекла ее внимание; в руке она сжимала хрустальный шар. Преподобная Пайпер Либби прижимала себе к губам крестик, который когда-то принадлежал ее матери.

- Вот оно, - произнес Эрни Келверт.

- Где? - требовательно спросил Марти Арсенолт. - Я ничего не ви…

- Слушайте! - сказала Бренда Перкинс.

Они услышали приближение ракеты; возрастающее потустороннее бормотание с западной окраины города, ммммм, которое за пару секунд превратилось на МММММ. На большом телеэкране они почти ничего не увидели, разве что только через полчаса после того, как ракета потерпела неудачу. Для тех, кто остался в ресторане, Бэнни прокручивал запись едва ли не покадрово. Они смотрели, как ракета возникает из-за поворота, известного под названием Колено Малой Суки. Она висела на высоте четырех футов над землей, едва ли не целуя собственную тусклую тень. В следующем кадре, оснащенная разработанной для контактного взрыва осколочно-фугасной головкой, «Фастхок» застыла посреди воздуха над тем местом, где недавно находился лагерь морских пехотинцев.

На следующих кадрах экран становился таким ярко-белым, что зрители прикрывали себе глаза. А потом, когда та белизна начинала выцветать, они видели фрагменты ракеты - очень много черных черточек на фоне угасающего сияния - и огромную подпалину в том месте, где висел знак Х. Ракета попала абсолютно точно.

После этого люди в «Диппере» увидели, как по ту сторону Купола начинает гореть лес. Видели, как на той стороне сначала вздыбился, а потом начал плавиться асфальт.

20

- Запускайте вторую, - мрачно приказал Кокс, и Джин Рой выстрелил. Эта ракета понаразбивала еще окон и вновь напугала людей в восточной части Нью-Хэмпшира и в Западном Мэне.

Что касается результата, то он был тот же самый.

ВЛИП

1

В доме №19 по Милл-Стрит, где жила семья Макклечи, после окончания записи зависло мгновение тишины. И тогда ударилась в горячие слезы Норри Келверт. Встретившись взглядами над ее склоненной головой, Бэнни Дрэйк и Джо Макклечи с идентичными выражениями лиц «что я могу тут поделать» положили руки на ее дрожащие плечи и сомкнули пальцы один у одного на запястье в своеобразном сердечном рукопожатии.

- И это все? - спросила Клэр Макклечи разочарованным голосом. Мать Джо не плакала, хотя тоже едва сдерживалась, глаза у нее блестели. В руках она держала фотографию своего мужа, она сняла ее со стены вскоре после того, как Джо с друзьями пришел домой, принеся DVD. - И

mir-knigi.org

это все?

Никто не отозвался. Барби примостился на поручне мягкого кресла, в котором сидела Джулия. «Теперь меня здесь ждут большие неприятности», - подумал он. Но не эта мысль вынырнула у него первой; первой была о том, что больших неприятностей нужно ожидать городу.

Миссис Макклечи встала. Продолжая держать в руках портрет своего мужа. Сэм, как и каждую субботу, поехал на базар, который к настоящим холодам регулярно собирался на гоночном треке в Оксфорде. Любитель реставрации мебели, на тамошних лотках он часто находил достойные его страсти вещи. Прошло уже три дня, а он так и оставался в Оксфорде, жил в мотеле «Рейсвэй», где также жило много газетчиков и телевизионщиков; возможности поболтать с Клэр по телефону у него не было, хотя они могли поддерживать связь по электронной почте. По крайней мере, пока что.

- Что случилось с твоим компьютером, Джо? - спросила она. - Он взорвался?

Джо, не переставая обнимать Норри, так и держа за запястья Бэнни, покачал головой.

- Не думаю, наверное, он просто расплавился, - ответил Джо и обратился к Барби. - От такой температуры там мог загореться лес. Кто-то должен был бы это предотвратить.

- Кажется, в городе сейчас совсем нет пожарных машин, - сказал Бэнни. - Разве что парочка старых.

- Позвольте мне заняться этим делом, - произнесла Джулия. Над ней возвышалась Клэр Макклечи; ясно было, в кого таким долговязым уродился Джо. - И еще, Барби, наверное, лучше будет, если буду заниматься этим только я сама.

- Почему? - удивилась Клэр. Одна слезинка все-таки не удержалась у нее в глазу и покатилась по щеке. - Джо мне говорил, что вас, мистер Барбара, руководить здесь назначило правительство, лично Президент!

- У меня был спор с мистером Ренни и шефом Рендольфом относительно видеотрансляции, - объяснил Барби. – Очень напряженный. И, у меня есть сомнения, чтобы кто-то из этих двух воспринял мои советы сейчас. И вашим, Джулия, едва ли они обрадуются тоже. Во всяком случае, не теперь. Если Рендольф хотя бы наполовину компетентен, он пошлет туда отряд подручных полицейских с тем оборудованием, которое осталось в пожарной части. По крайней мере, там должны быть шланги и портативные помпы.

Джулия взвесила его слова, а потом сказала:

- Барби, давайте с вами выйдем на минутку.

Он посмотрел на мать Джо, но Клэр уже не обращала на них никакого внимания. Она отодвинула своего сына в сторону и сидела рядом с Норри, которая спрятала свое лицо в плече у Клэр.

- Чувак, правительство должно мне компьютер, - напомнил Джо Барби, когда тот вслед за Джулией направился к дверям.

- Базару нет, - ответил Барби. - Благодарю тебя, Джо. Ты чудесно сделал свою работу.

- Намного лучше, чем их проклятая ракета, - пробормотал Бэнни.

Барби с Джулией остановились на крыльце Макклечи и молча смотрели в сторону городской площади, реки Престил и моста Мира. И тогда, голосом низким и сердитым, Джулия произнесла:

- Он ничто. Вот в чем вещь. Вот где чертова проблема.

- Кто ничто?

- Питер Рендольф даже не полукомпетентный. И даже не четверть. Я знаю его с детсада, где он был чемпионом мира по мокрым трусам, потом мы перешли в школу и вместе учились до двенадцатого класса, в котором он принадлежал к бригаде хватальщиков за бретельки лифчиков. Его умственные способности всегда находились на тройке с минусом, а знания оценивались на четверку с минусом лишь потому, что его отец заседал в школьном совете, и с тех пор его мозг отнюдь не развивался. Наш мистер Ренни окружил себя тупицами. Единственное исключение - это Эндрия Гриннел, но и она наркотически зависима. От лекарства, которое носит название оксиконтин.

- Проблемы со спиной, - вставил Барби. - Мне рассказывала Рози.

Много деревьев на площади уже сбросили с себя листву, и Барби с Джулией было видно и Мэйн-стрит. Сейчас улица была пустая - большинство людей все еще находились в «Диппере», обсуждали увиденное, - но вскоре, когда они, взволнованные, разочарованные, разойдутся по своим домам, тротуары будут переполнены. Мужчинами и женщинами, которые даже не осмелятся спросить друг друга, чего им ждать дальше.

Джулия вздохнула и запустила руку себе в волосы.

- Джим Ренни считает, что только потому, что он держит все рычаги в свои руках, все, в конце концов, должно само собой оборачиваться к лучшему. По крайней мере, для него и его друзей. Он - наихудший тип политика - самовлюбленный, слишком эгоцентричный, чтобы осознать, что это отнюдь не его весовая категория, к тому же под тем его надутым имиджем «я-все-могу» прячется настоящий трус. Когда здесь станет совсем плохо, он пошлет этот город к черту, если решит, что таким образом сможет спасти самого себя. Лидер-трус – самый опасный тип людей. Именно вы должны были бы руководить этим шоу.

- Благодарю вас за доверие…

- Но этого не будет, чтобы там себе не решили полковник Кокс и Президент Соединенных Штатов Америки. Этого не случится, если даже пятидесятитысячная демонстрация пройдет по Пятой Авеню в Нью-Йорке, размахивая плакатами с вашими портретами. Нет, пока этот сучий Купол висит у нас над головами…

- Каждый раз, когда я вас слушаю, вы становитесь все менее похожей на республиканку, - заметил Барби.

Она ударила его по бицепсу поразительно твердым кулаком.

- Это не шутки.

- Конечно, - согласился Барби. - Это не шутки. Сейчас время объявлять выборы. И я советую вам самой баллотироваться на пост второй выборной.

Она жалостливо взглянула на него:

- И вы думаете, Джим Ренни разрешит выборы, пока существует Купол? В каком мире вы живете, друг мой?

- Не недооценивайте волю города, Джулия.

- А вы перестаньте недооценивать Джеймса Ренни. Он здесь руководит уже целую вечность, и люди к нему привыкли. Кроме того, он демонстрирует большие таланты, когда надо найти козла отпущения. Неместный - и фактически приблуда - идеальный кандидат в нашей ситуации. Знаем мы кого-то такого?

- Я надеялся услышать от вас какие-то идеи, а на политическую аналитику.

Какое-то мгновение он не сомневался, что она его вновь ударит. Потом Джулия втянула в себя воздух, выдохнула и улыбнулась.

- Вы бы с удовольствием послали бы меня к черту, но вам бы потом это откликнулось, разве нет?

Городская сирена начала прорезать короткими свистками теплый, застывший воздух.

- Кто-то подает сигнал о пожаре, - сказала Джулия. - Думаю, мы знаем где.

Они посмотрели на западный горизонт, где небесную синеву уже замазывало дымом. Барби подумал, что основная его масса поднимается с другой стороны Купола, но от жара небольшие возгорания почти наверняка должны были начаться и на Честерской стороне.

- Вам хотелось идей. Хорошо, есть одна. Я поищу Бренду, она может быть или дома, или вместе со всеми в «Диппере», и предложу ей руководить противопожарной операцией.

- А если она скажет« нет»?

- Я уверена, что не скажет. По крайней мере, сейчас, по эту сторону Купола нет серьезного ветра, и там загорелась разве что трава и немного кустов. Она подключит несколько энергичных человек, она знает достойных. Таких, которых выбрал бы сам Гови.

- И ни кого из новых полицейских среди них, как я догадываюсь.

- Пусть решает сама, но я сомневаюсь, чтобы она позвала Картера Тибодо или Мэлвина Ширлза. Или Фрэдди Дентона. Он служит копом уже пять лет, но я знаю от Бренды, что Дюк планировал его уволить. Фрэдди каждый год выступает в роли Санта-Клауса в начальной школе, и дети его любят - у него чудесно выходит «о-го-го». И еще у него в характере есть какая-то подлянка.

- Этим вы вновь насыплете соли на шкуру Ренни.

- Да.

- Месть может быть очень пакостной.

- Когда надо, я и самая умею быть пакостной. И Бренда тоже, если будет чувствовать поддержку.

- Тогда вперед. И пусть она позовет этого парня, Бэрпи. Когда речь идет о пожаре в кустарниках, я бы лучше положился на Бэрпи, чем на любого лентяюгу из городской пожарной

команды. К тому же в своем магазине он имеет все, что надо.

Она кивнула.

- Это действительно, к черту, дельный совет.

- Вы уверены, что не хотите привлечь и меня?

- Вас ждет ловля другой рыбы. Бренда выдала вам ключи от старого бомбоубежища?

- Выдала.

- Итак, этот пожар может послужить удобным для вас отвлекающим фактором. Разыщите этот ваш счетчик Гейгера, - она уже отправилась к своему «Приусу», но вдруг остановилась и вновь обернулась к нему. - Нахождение генератора - если он, конечно, существует - это, наверняка, наилучший шанс для этого города. Возможно, даже единственный. Эй, Барби?

- Я здесь, мэм, - деликатно улыбнулся он.

Она не поддержала его улыбки.

- Вам расхочется недооценивать Ренни после того, как услышите его публичные речи. Не беспричинно он у нас здесь такой долгоиграющий.

- Я понял, не следует его лишний раз раздражать, размахивая кровавой красной тряпкой.

- Да. Тем более, этой тряпкой может оказаться ваша рубашка.

Она поехала искать Бренду и Бэрпи.

2

Насмотревшись на провальную попытку военно-воздушных сил пробить Купол, зрители расходились из «Диппера» именно так, как это представлял себе Барби: медленно, со склоненными головами, почти без болтовни. Многие шли, обнявшись за плечи, кое-кто плакал. Через дорогу от «Диппера» ждали три патрульные машины, и с полдесятка копов стояли, опираясь на них, готовые к беспорядкам. Но никаких беспорядков не было.

Зеленый автомобиль шефа стоял поодаль, на стоянке перед магазином «Брауни» (написанный вручную плакат в витрине сообщал: ЗАКРЫТО, ПОКА «СВОБОДА!» НЕ ПРИНЕСЕТ СВЕЖИХ ПОСТАВОК). В машине сидели шеф Рендольф и Джим Ренни, наблюдали.

- Ну вот, - с откровенным удовлетворением произнес Большой Джим. - Думаю, теперь они счастливы.

Рендольф бросил на него удивленный взгляд.

- Вам не хотелось, чтобы все вышло?

Шевельнув плечом, Большой Джим скривился.

- Хотелось, конечно, но я и на мгновение не верил. А этот человек с девчачьим именем и его новая подружка Джулия сумели убедить всех, что все выйдет, возбудили напрасные надежды,

разве нет? Да-да. А знаешь ли ты, что она в том ее печатном дерьме никогда не поддерживала меня в предвыборных гонках? Ни разу.

Он показал рукой на пешеходов, которые полились назад в город.

- Смотри внимательно, друг: вот к чему приводит отсутствие компетентности, фальшивые ожидания и излишняя информация. Сейчас они просто несчастны и разочарованы, но когда очухаются, они придут в неистовство. Нам надо еще усилить полицейские силы.

- Еще? У нас уже восемнадцать единиц, включая частично занятых и новых помощников.

- Этого недостаточно. Итак, мы должны…

Воздух начали прорезать короткие всхлипы городской сирены. Они посмотрели на запад и увидели там дым.

- Должны за это поблагодарить Барбару и Шамвей, - завершил фразу Большой Джим.

- Может, нам надо что-то делать с этим пожаром.

- Это проблема Таркер Милла. И правительства США, конечно. Это они привели к пожару своей никчемной ракетой, пусть сами с ним управляются.

- Но если пожар зажег что-то и с нашей стороны…

- Перестань орать, как старая баба, и отвези меня назад в город. Мне нужно найти Джуниора. Нам с ним надо кое-что обсудить.

3

Бренда Перкинс и преподобная Пайпер Либби стояли возле «Диппера» рядом с «Субару» госпожи Пайпер.

- Я и не верила, что выйдет, - произнесла Бренда. - Но я бы солгала, если бы сказала, что не разочарована.

- Я тоже, - согласилась Пайпер. - Горько. Я бы предложила подвезти тебя в город, но должна еще заехать к кое-кому из моих прихожан.

- Не на Малой Суке, надеюсь? - спросила Бренда, кивая большим пальцем на задымленное небо.

- Нет, это в другую сторону. Восточный Честер. Джек Эванс. Он потерял жену в День Купола. Дикий инцидент. Хотя сейчас все у нас здесь дикое.

Бренда кивнула.

- Я видела его на Динсморовском поле, он держал плакат с портретом своей жены. Бедный, бедный человек.

Пайпер подошла к открытому окну со стороны водительского сидения, где перед рулем сидел Кловер, рассматривая толпу, которая расходилась из «Диппера». Она порылась в кармане, дала псу какую-то вкуснятину, и тогда сказала:

mir-knigi.org

- Двигайся, Кловер, сам знаешь, ты же вновь провалил экзамен на водителя. - И тогда, конфиденциально, к Бренде: - Он никак, к черту, не научится парковаться задом.

Пес перепрыгнул на пассажирское сидение. Пайпер открыла дверцу машины и взглянула на дым.

- Вероятно, хорошенько горит лес в Таркер Милле, но нас не зацепит, - она невесело улыбнулась Бренде. - Мы под защитой Купола.

- Большое счастье, - произнесла Бренда. - Передавай Джеку мои соболезнования. И мою любовь.

- Конечно, обязательно, - ответила Пайпер и отъехала.

Бренда, засунув руки в кармане джинсов, уже выходила с парковки, думая, чем бы ей себя занять остаток дня, когда подъехала Джулия Шамвей и помогла ей решить эту проблему.

4

Ракеты, которые взрывались против Купола, не разбудили Сэмми Буши, вместо этого это сделал громкий деревянный треск и последующий за этим плач Малыша Уолтера.

Уходя, Картер Тибодо с приятелями забрали всю траву, которая хранилась в холодильнике, но ее жилье они не обыскали, в результате чего обувная коробка, с нарисованными на ней черепом и перекрещенными костями, так и осталась в шкафу. Также и записка, нацарапанная неустойчивым, с наклоном влево почерком Фила Буши: МОЕ ДЕРЬМО! ТОЛЬКО ТРОНЬ - И УМРЕШЬ!

В коробке не было травы (Фил всегда фыркал в сторону марьиванны, называя траву «лекарством для коктейльной вечеринки»), а Сэмми в свою очередь не интересовалась коробкой с «кристаллами». У нее не было сомнений, что «попощники» радушно бы их выкурили, но сама считала, что кристаллы - это бешеное дерьмо для бешеных людей, потому что кто же другой станет вдыхать дым, в котором содержатся растворенные в ацетоне обрезки чиркалок со спичечных коробок? Однако там хранился и другой, маленький пакетик, в котором лежало с полдесятка «Лодочек мечты», и, когда Картер со своей стаей убрался прочь, она проглотила одну таблетку, запив теплым пивом из бутылки, которая стояла спрятанная под кроватью, в которой Сэмми теперь спала сама… то есть кроме тех случаев, когда брала к себе Малыша Уолтера. Или затягивала Доди.

У нее промелькнула мысль, не проглотить ли все вместе «Лодочки мечты» и таким образом раз и навсегда закончить эту ее несчастную говенную жизнь; она, наверное, так бы и сделала, если бы не Малыш Уолтер. Кто будет опекать его, если она умрет? Он даже может умереть с голода в своей колыбели, вот такая ужасная мысль.

Хер с ним, с тем самоубийством, но никогда еще в жизни она не чувствовала себя такой мрачной, подавленной. И запачканной. Ее унижали и раньше, знает Бог, иногда Фил (который любил трахаться втроем под кайфом, пока совсем не потерял интерес к сексу), иногда кто-то другой, время от времени она сама унижалась - Сэмми Буши никогда так и не постигла простой истины, что можно быть самой себе наилучшей подругой.

Конечно, за плечами у нее были всенощные секс-развлечения, а однажды, еще в средней школе, после того как «Уайлдкетс» выиграли чемпионат Малой баскетбольной лиги среди

новичков, она пропустила через себя четверых участников подряд (пятый лежал без сознания в уголке). Это была ее собственная идиотская идея. Она также приторговывала тем, что Картер, Мэл и Фрэнки Делессепс взяли у нее силой. Чаще всего обслуживала Фримэна Брауна, хозяина магазина «Брауни», где она чаще всего делала покупки, потому что Браун предоставлял ей кредит. Фримэн был старый, и пах не очень хорошо, но ебарь был еще тот, и это уже ему плюс. Шесть штрыков на матрасе в задней кладовке - его обычный предел, потом стон и чвирк. Это никогда не принадлежало к ярчайшим событиям ее недели, но утешало сознание того, что ее кредит действует , особенно, когда в конце месяца она впадала в безденежье, а Малышу Уолтеру позарез нужны были свежие памперсы.

И мистер Браун никогда не делал ей больно.

Прошлой ночью случилось совсем другое. Делессепс еще не так, а вот Картер, тот вошел в нее, едва не пробив насквозь, и, начиная с него, у нее кровило снизу. Дальше хуже: когда с себя снял трусы Мэл Ширлз, у него оказался инструмент на подобие тех, что показывают в порнофильмах, которые любил смотреть Фил, пока его интерес к кристаллам окончательно не победил в нем заинтересованность сексом.

Ширлз вошел в нее жестко и, хотя она старалась припомнить то, чем за два дня до этого занимались они с Доди, это не помогло. Она оставалась сухой, как август без дождя. Правда, пока ей там все не изодрал Картер Тибодо. Тогда появилась смазка. Она ощутила, как из нее течет что-то теплое, липкое. На лице у нее тоже было что-то влажное, слезы ринулись по щекам, затекая ей во впадины ушей. Во время бесконечного метания Мэла Ширлза она подумала, что может так и умереть под ним. Если он убьет ее, что будет с Малышом Уолтером?

И через все это проходил трескучий, как у сороки, голос Джорджии Руа: «Трахайте, ебите ее трахайте эту суку! Пусть орет!»

Сэмми действительно орала. Громко и много, тоже самое делал и Малыш Уолтер в колыбели в соседней комнате.

Напоследок они предупредили, чтобы она держала рот на замке, и покинули ее, истекающую кровью на диване, истерзанную, но живую. Она видела, как их фары мазнули по потолку гостиной и исчезли, когда они повернули в сторону города. Наконец Сэмми и Малыш Уолтер остались сами. Она ходила с ним туда-сюда, остановившись лишь раз, чтобы одеть трусики (не розовые, их она никогда больше не будет носить), промокнув перед тем влагалище туалетной бумагой. У нее были тампаксы, но сама мысль о том, чтобы что-то туда пихать, была ей отвратительна.

В конце концов, Малыш Уолтер наклонил головку ей на плечо, и она ощутила его слюну у себя на коже - надежный признак того, что он на самом деле надолго заснул. Она вновь положила его в манеж (с мольбой, чтобы он проспал тихо всю ночь), и тогда уже вытянула из шкафа коробку. «Лодочки мечты» - что-то из рода мощных транквилизаторов, она не знала точно, что именно - сначала притушили ей боль Вот Там Внизу, а потом затуманили все. Сэмми проспала двенадцать часов.

А теперь это.

Вопли Малыша Уолтера казались вспышками ярких лучей среди сплошного тумана. Она встала с кровати и, пошатываясь, побежала в его спальню, понимая, что чертова колыбель, которую Фил когда-то собрал в обдолбанном состоянии, наконец-то развалилась. Малыш Уолтер хорошенько расшатал ее в прошлую ночь, когда «помощники» занимались ею. Колыбель,

ослабла достаточно, чтобы теперь, когда он начал в ней крутиться…

Малыш лежал на полу среди обломков. Он пополз к ней, с разбитого лба у него капала кровь.

- Малыш Уолтер! - вскрикнула она и подхватила его на руки. Обернулась, перецепилась о выломанную планку, повалившись на колено, вскочила и бросилась к ванной с рыдающим ребенком на руках. Открутила кран, но, конечно же, ничего оттуда не потекло: нет электричества, насос не качает воду со скважины. Она ухватила полотенце, промокла ребенку личико, увидела рану - неглубокую, хотя длинную и рваную. Останется шрам. Она вновь прижала полотенце, сильно, насколько отважилась, стараясь не обращать внимания на мучительный скулеж испуганного Малыша Уолтера. Кровь капала ей на босые ступни каплями размером с десятицентовую монету. Бросив взгляд вниз, она увидела, что ее голубые трусики, которые она одела после того, как ушились «помощники», промокли грязно-пурпурным цветом. Сначала она подумала, что это кровь Малыша Уолтера. Но на внутренних поверхностях бедер у нее тоже были потеки.

5

Ей как-то удалось на минутку удержать Малыша Уолтера от барахтанья, чтобы залепить ему рану тремя полосками пластыря с картинками из «Губки-Боба»[224] и натянуть на него свежую сорочку и последний чистый комбинезон (лозунг на нагрудничке гласил: МАМЕНЬКИН ЧЕРТЕНОК). Пока Малыш Уолтер ползал кругами по полу в ее спальне, она одевалась сама, тем временем его плач уменьшился до дряблого хныканья. Начала она с того, что выбросила в мусорную корзину окровавленные трусы и надела свежие. Потом сделала себе прокладку со свернутого бумажного полотенца и взяла еще одно про запас. Из нее все еще кровило. Не ливнем лило, но текло намного сильнее, чем в самый худший из ее менструальных периодов. И так оно лило целую ночь. Вся постель промокла кровью.

Она собрала котомку с вещами Малыша Уолтера и взяла его на руки. Он был тежелехонький, и она вновь ощутила у себя боль Вот Там Внизу: типа того, как дергает, когда съешь что-то нехорошее.

- Мы едем в амбулаторию, - произнесла она. - Ты не волнуйся, Малыш Уолтер, доктор Гаскелл залатает нас обоих. А шрамы - это ничто для ребят. Некоторые девушки даже считают это сексуальным. Я поеду как можно скорее, мы будем там мигом. - Она отворила двери. - Все будет хорошо.

Но ее старая ржавая «Тойота» находилась далеко не в лучшем состоянии. «Помощники» поленились в отношении задних колес, зато прокололи оба передних. Сэмми довольно долго не могла оторвать глаз от машины, ощущая, как ее охватывает отчаяние. Мелькнула мысль, непрочная, однако ясная - поделиться с Малышом Уолтером остатками «Лодочек мечты». Она их может растереть в порошок и засыпать в одну из тех его пластиковых бутылочек, которые он называл «мняки». Вкус можно замаскировать шоколадным молоком. Вместе с этой мыслью ей на память всплыло название одного из любимых альбомов Фила «Ничто не имеет значения, да хоть бы и имело?»[225]

Она откинула прочь эту мысль.

- Не из тех я мамаш, - объяснила она Малышу Уолтеру.

Он вытаращил на нее глаза, напомнив ей Фила, но по-хорошему: выражение, которое делало лицо ее мужа-беглеца скудоумным, добавляло ее сыночку бесхитростной обворожительности.

Она поцеловала его в нос, он улыбнулся. Это была милая, родная улыбка, но пластырь у него на голове уже покраснел. Это нехорошо.

- Маленькая корректировка плана, - произнесла она, вновь возвращаясь в помещение. Сначала она не могла разыскать его рюкзачок, но потом увидела его за тем, что отныне решила называть своим «насильницким диваном». Как-то упаковала Малыша Уолтера в рюкзак, хотя ее вновь пронзила боль, когда она его поднимала. По ощущениям, бумажное полотенце у нее в промежности уже вновь стал зловеще сырым, но, посмотрев, она не увидела пятен в том месте у себя на штанах. Уже хорошо.

- Готов к прогулке, Малыш Уолтер?

Малыш Уолтер только еще крепче прижался щекой к углублению на ее плече. Иногда его молчаливость ее беспокоила - кое-кто из ее подружек имел детей, которые в шестнадцать месяцев уже тарахтели длинными предложениями, а Малыш Уолтер имел в запасе не больше десятка слов, однако не этим утром. Этим утром ей и без того было о чем беспокоиться.

Как для последней недели октября, день выдался очень теплым; небо вверху было того самого бледного из своих лазурных оттенков, и свет был как будто замутненным. Чуть ли не сразу она ощутила, как у нее на лице и шее выступил пот, и в промежности пульсировала боль, казалось, сильнее с каждым шагом, а она же их успела сделать всего лишь несколько. Сэмми подумала: может, ей вернуться за аспирином, а впрочем, не усилится ли у нее от аспирина кровотечение? Кроме того, она не была уверена, есть ли он вообще в доме.

Было также кое-что другое, кое-что, в чем она боялась сознаться сама себе: если она вернется домой, не факт, что у нее хватит силы духа выйти оттуда вновь.

Под левый «дворник» «Тойоты» была заткнута бумажка. С напечатанным сверху заголовком: Записочка от СЭММИ в обрамлении из маргариток. Листочек вырван из ее собственного блокнота. Этот факт возбудил в ней дряблую злость. Под маргаритками было написано: «Скажешь кому-то - и не только колеса тебе будут порезаны. - А ниже, другой рукой: - Наверное, в следующий раз мы тебя перевернем и поиграемся с другой стороны».

- Помечтайте, уроды, - произнесла она бесцветным, уставшим голосом.

Она смяла записку, бросив ее под спущенное колесо - бедная старая «Тойота Королла» выглядела почти такой же утомленной и печальной, как Сэмми чувствовала себя внутри, - и преодолела подъездную аллею, остановившись в ее конце на несколько секунд, чтобы постоять, опираясь на почтовый ящик. Металл отдавал тепло ее коже, солнце жгло ей шею. И ни ветерка. Октябрь должен был бы быть прохладным, бодрящим. «Это, наверное, из-за глобального потепления», - подумала она. Ей первой пришла в голову эта идея, но не последней, и слово, которое, в конце концов, закрепилось, было не глобальное, а локальное.

Перед ней лежала Моттонская дорога, пустая и безрадостная. Где-то на расстоянии мили слева от нее начинались хорошие новые дома Восточного Честера, в которые представители высшего трудящегося класса Милла - работящие папы и мамы - приезжали, заканчивая свои дни в магазинах, офисах и банках округа Льюистон-Оберн. По правую сторону лежал центр Честер Милла. И амбулатория. - Ну что, готов, Малыш Уолтер?

Малыш Уолтер не ответил, готов он или нет. Он спал у нее на плече, пуская слюну на ее майку «Донна Буффало»[226]. Сэмми глубоко вдохнула, стараясь не учитывать вспышки боли, которые транслировались из ее Низовых Окраин, поддернула на себе рюкзак и отправилась в сторону города.

Когда сирена с крыши городского совета начала короткими сигналами извещать о пожаре, она сначала подумала, что это визжит у нее в голове, крайне странное было ощущение. Немного погодя она заметила дым, но тот поднимался где-то далеко на западе. Ее с Малышом Уолтером это никак не касается… разве что, если бы появился кто-то, кому захочется посмотреть на пожар вблизи, тогда другое дело. В таком случае ее бы наверняка по-дружески подбросили к амбулатории, по дороге к зрелищу.

Она начала напевать песню Джеймса Макмертри, которая была популярной прошлым летом, дошла до слов «мы сворачиваемся без четверти восемь, это маленький город, и пива вам продать не можем» и бросила. Очень сухо было во рту, чтобы петь. Она моргнула, увидев, что чуть не упала в канаву, и даже не у той обочины дороги, вдоль которой начала свой путь. Она все время петляла по дороге, прекрасный метод, если хочешь, чтобы тебя сбили, вместо того, чтобы подобрали подвезти.

Она осмотрелась через плечо, надеясь хоть на какую-то машину. Не было ни одной. Дорога на Восточный Честер оставалась пустой, ее асфальт еще не разогрелся достаточно, чтобы мерцать.

Она вернулась на ту обочину, которую считала своей, теперь уже пошатываясь, ощущая ватность в ногах. «Пьяный матрос, - подумала она. - Что хочешь сделать с пьяным матросом с утра?»[227] Но сейчас уже не утро, уже перевалило за полдень, она проспала полдня, а, взглянув вниз, увидела, что ее штаны в промежности стали пурпурными, точно как до этого трусики, которые она с себя сняла. «Это уже не выстираешь, а у меня осталась лишь пара брюк, которые на меня еще налезают».

Потом она вспомнила, что одни брюки из той пары имеют большую дыру на заднице, и начала плакать. Слезы давали прохладу ее раскрасневшимся щекам.

- Все хорошо, Малыш Уолтер, - произнесла она. - Доктор Гаскелл нас подлатает. Все будет чудесно. Как новенькие. Хорошее, как…

И тут у нее перед глазами начала расцветать черная роза, и последние силы покинули ее ноги. Сэмми ощутила, как силы уплывают, вытекают из ее мышц, словно вода. Она опускалась, держась за единственную мысль: «На бок, на бок, не раздави ребенка!»

Лишь только это она и была в состоянии сделать. Она лежала распластанная на обочине Моттонской дороги, недвижимая, под обвитым маревом, словно июльским солнцем. Проснулся и начал плакать Малыш Уолтер. Он старался выбраться из своего рюкзака, но не осилил; Сэмми застегнула рюкзак надежно, и ребенок застрял. Малыш Уолтер заплакал еще сильнее. Муха села ему на лоб, отведать крови, которая сочилась сквозь нарисованные рожицы Губки-Боба и Патрика, потом улетела прочь. Наверное, доложить результаты своих проб в мушиной штаб-квартире и призвать подкрепление.

В траве стрекотали сверчки.

Верещала городская сирена.

Малыш Уолтер, в ловушке при своей сомлевшей матери, долго ревел посреди жары, потом затих и лежал молча, апатично водя глазами, и пот большими ясными каплями скатывался с его хороших, мягких волос.

6

Стоя перед забитой досками кассой кинотеатра «Глобус», под его истрепанным козырьком («Глобус» закрылся пять лет назад), Барби хорошо видел горсовет и полицейский участок. Его добрый приятель Джуниор сидел на крыльце гнезда копов, массируя себе виски так, словно ритмичные завывания сирены резали ему мозг.

Из городского совета вышел и трусцой побежал на улицу Эл Тиммонс. Он был в своей серой дворницкой одежде, но на шее у него висел бинокль, а на спине переносная помпа с пустым, без воды, бачком, судя по тому, как легко он ее нес. Барби догадался, что именно Эл и включил пожарную сирену.

«Иди отсюда, Эл, - думал Барби. - Как тебе такое предложение?»

С полдесятка автомобилей проехали по улице. Два первых пикапа, а третий - панельный фургон. Все три было выкрашены таким желтым цветом, что глаза резало. На дверце пикапов надписи гласили: УНИВЕРМАГ БЭРПИ. На будке панельного фургона сиял легендарный лозунг ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ СО СЛЕРПИ В БЭРПИ. Передней машиной управлял Ромео лично. В своей обычной прическе «Дедди Кул», той спирально наверченной чертовщине. Рядом с ним сидела Бренда Перкинс. В кузове пикапа лежали лопаты, шланги и новенький глубинный насос, на котором еще были прилеплены транспортные наклейки производителя.

Ромео остановил машину возле Эла Тиммонса.

- Прыгай в кузов, партнер, - позвал он, Эл так и сделал.

Барби отступил по возможности поглубже в тень козырька старого кинотеатра. Он не хотел, чтобы его включили в число борцов с пожаром на Малой Суке; у него были дела здесь, в городе.

Джуниор не покинул крыльца полицейского участка, и тереть себе виски не переставал, так и сидел там, обхватив голову. Барби подождал, пока исчезли машины, и тогда поспешно пересек улицу. Джуниор не поднял головы, а через мгновение и совсем исчез с глаз Барби за массивным, обвитым плющом домом горсовета.

Барби поднялся по ступенькам, немного задержавшись, чтобы прочитать сообщение на доске объявлений: ГОРОДСКОЕ СОБРАНИЕ В ЧЕТВЕРГ в 19:00, ЕСЛИ КРИЗИС НЕ ЗАВЕРШИТСЯ. Припомнились слова Джулии: «Вам расхочется недооценивать Ренни после того, как услышите его публичные речи». Итак, имеем шанс вечером в четверг; Ренни будет рекламировать себя как лидера, который контролирует ситуацию. «И будет требовать себе больше власти, - произнес голос Джулии в его голове. - Бесспорно, он этого хочет. На благо города».

Городской совет было построен из бутового камня сто шестьдесят лет тому назад, и в его вестибюле стояли прохладные сумерки. Генератор был отключен; какой смысл ему работать, когда здесь никого нет.

Однако кто-то все - таки там был, в главном зале. Барби услышал голоса, два из них детские. Высокие дубовые двери стояли распахнутые настежь. Он заглянул и увидел за столом президиума какого-то худого мужчину с седой шевелюрой. Напротив него сидела хорошенькая девочка лет десяти. Между ними лежала шахматная доска; седовласый «хиппи» опирался подбородком на кулак, обдумывая следующий ход. Внизу, в проходе между скамейками, молодая женщина игралась в «классики» с мальчиком лет пяти. Игроки в шашки сидели задумчивые; женщина с мальчиком смеялись.

Барби хотел, было, отступить назад, но опоздал. Молодуха подняла глаза.

- Привет! Вам кого? - И, подхватив мальчика на руки, двинулась к нему. Шашисты тоже поподнимали головы. Секретность пошла псу под хвост.

Женщина протянула ему свободную от поддерживания мальчика руку.

- Я Каролин Стерджес. А этот джентльмен мой друг, Терстон Маршалл. Этого маленького мужичка зовут Эйден Эпплтон. Поздоровайся, Эйден.

- Привет, - сказал Эйден тихим голоском и тут же всунул себе в рот большой палец. Он смотрел на Барби круглыми, синими, немного удивленными глазами.

По проходу подбежала девочка и встала рядом с Каролин Стерджес. Вслед за ней неспешно подошел длинноволосый. Выглядел он изможденным и поникшим.

- Меня зовут Алиса Рейчел Эпплтон, - отрекомендовалась она. - Вынь палец изо рта, Эйди.

Эйди проигнорировал установку.

- Приятно с вами познакомиться, - произнес Барби. Себя им он не назвал. Фактически, у него даже мелькнула мысль, как хорошо было бы сейчас иметь под носом фальшивые усы. Но еще не все потеряно. Он был почти уверен, что эти люди не являются жителями города.

- Вы кто-то из официальных лиц? - спросил его Терстон Маршалл. - Если вы официальное лицо в этом городе, я желаю подать жалобу.

- Я здесь всего лишь вахтер, - ответил Барби, тут же вспомнив, что они наверняка видели Эла Тиммонса. Черт, наверняка даже разговаривали с ним. - Вы, наверное, знакомы с Элом, другим.

- Я хочу к маме, - объявил Эйден. - Я очень соскучился за ней.

- Мы с ним знакомы, - сказала Каролин Стерджес. - Он нам рассказал, что по приказу правительства обстреляли ракетами какую-то штуку, которая нас здесь держит, но ракеты ее не пробили, а только зажгли пожар.

- Это правда, - подтвердил Барби, но, прежде чем он успел продолжить, вновь вмешался Маршалл.

- Я хочу подать жалобу. Фактически, я хочу заявить иск. На меня напал один так называемый офицер полиции. Он ударил меня в живот. Мне несколько лет тому назад удалили желчный пузырь, и я боюсь, что теперь имею внутренние повреждения. Каролин также испытала устное унижение. Ее обзывали словами, которые унижают ее пол.

Каролин взяла его за руку.

- Прежде чем подавать какие-то иски, Терси, вспомни, у нас была ТРАВА.

- Трава! - воскликнула Алиса. - Наша мама иногда курит марьиванну, потому, что она помогает ей, когда у нее ПЕРИОД.

- О, - кивнула Каролин. - Правильно, - невыразительно улыбнулась она.

Маршалл выпрямился во весь свой немалый рост.

- Хранение марихуаны - это мелкое нарушение. А то, что они мне сделали, это уже нападение, уголовное преступление! У меня там ужасно болит!

Каролин бросила на него взгляд, в котором смешались сочувствие и раздражение. Барби вдруг понял, какие между ними отношения. Сексуальная госпожа Май встретила эрудированного господина Ноябрь, и теперь они неразлучны, в плену новоанглийского варианта «Безысходности»[228].

- Терси… Я не уверена, что суд согласится с определением мелкое правонарушение, - она извинительно улыбнулась Барби. - У нас ее было довольно много. Они ее забрали.

- Возможно, они сами же и выкурят доказательства, - сказал Барби. Она рассмеялась. Ее сиволобый бойфрэнд - нет. Он продолжал хмурить свои густые брови.

- Все равно я направлю жалобу.

- На вашем месте я бы не спешил, - произнес Барби. - Здесь такая ситуация… ну, скажем, удар в живот не будет рассматриваться как что-то серьезное, пока мы находимся под Куполом.

- Я считаю это серьезным делом, мой юный друг, вахтер. Теперь уже во взгляде молодухи читалось больше раздражения, чем сочувствия к нему.

- Терси…

- С другой стороны, хорошо то, что в этой ситуации никто не будет обращать внимания на какую-то там траву, - добавил Барби. - Может, это в масть, как говорят картежники. А как вы познакомились с этими детками?

- Копы, которые застали нас в домике Терстона, увидели нас в ресторане, - объяснила Каролин. - Хозяйка сказала, что у них закрыто на обед, но смилостивалась, когда услышала, что мы из Массачусетса. Она подала нам сэндвичи и кофе.

- Сэндвичи с желе и арахисовым маслом и кофе, - уточнил Терстон. - Больше ничего не было, даже тунца. Я ей сказал, что арахисовое масло залипает у меня в верхнем мосту, но она ответила, что у них сейчас режим экономии. Вы когда-нибудь слышали что-то более идиотское?

Барби тоже считал это идиотским, но, поскольку идея рационирования принадлежала ему, он промолчал.

- Увидев, что туда заходят копы, я была готова к новым неприятностям, - продолжила Каролин. - Но Эйди с Алисой, похоже, как-то повлияли на их разум.

Терстон фыркнул:

- Разума у них не хватило, чтобы извиниться. Или, может, я пропустил эту часть?

Каролин вздохнула и вновь обратилась к Барби.

- Они сказали, что пастор Конгрегационной церкви, возможно, найдет для нас пустой дом, чтобы мы могли пожить там, пока это не закончится. Я думаю, нам придется стать названными родителями, на некоторое время.

Она погладила мальчика по голове. Терстон Маршалл явно был менее рад оказаться в роли

названного отца, но он все-таки обнял за плечи девочку и этим понравился Барби.

- Одного копа зовут Джууу-Ньер, - произнесла Алиса. - Он добрый. И милый. Фрэнки не такой хороший на вид, но он тоже был добр. Он дал нам батончик «Милки Вэй». Мама говорит, чтобы мы не брали конфет у чужих, но... - Она пожала плечами, показывая, что все теперь изменилось, все теперь иначе, похоже, этот факт они с Каролин понимали лучше Терстона.

- Перед тем они не были такими уж добрыми, - добавил Терстон. - Не были они добрыми, когда били меня в живот, моя дорогая.

- Горькие пилюли надо себе представлять конфетками, - философски заметила Алиса. - Так говорит моя мама.

Каролин рассмеялась. К ней присоединился Барби, а через какое-то мгновение и Маршалл также, хотя, смеясь, держался за живот и на свою подружку посматривал как-то неодобрительно.

- Я сходила в церковь, постучала в двери, - рассказывала Каролин. - Никто не отозвался, и я зашла вовнутрь, двери не были заперты, но внутри никого. Вы не знаете, когда вернется пастор?

Барби покачал головой.

- На вашем месте я бы взял шахматную доску и пошел в пасторат. Это сразу за углом. Пастор - женщина, ее зовут Пайпер Либби.

- Шерше ля фам, - поддакнул Терстон.

Барби пожал плечами, потом кивнул.

- Она добрый человек, и пустых домов в Милле много. У вас даже есть выбор. Наверняка, найдете и запасы в кладовках, там, где остановитесь.

Собственные слова возвратили его к мысли о бомбоубежище.

Тем временем Алиса собрала и распихала по карманам шашки, взяла в руки доску и подошла к ним.

- Мистер Маршалл каждый раз у меня выигрывает, - поведала она Барби. - Он говорит, что позволять выигрывать детям лишь потому, что они дети, это под-давки. Но я с каждым разом играю все лучше и лучше, правда, мистер Маршалл? - улыбнулась она ему. И Терстон Маршалл тоже ответил ей улыбкой. Барби подумал, что с этим разношерстным квартетом все должно быть о'кей.

- Юность имеет свои права, дорогая Алиса, - произнес он. - Но их надо приобретать.

- Я хочу к маме, - пробормотал мрачно Эйден.

- Если бы был какой-то способ с ней связаться, - сказала Каролин. - Алиса, ты уверена, что не помнишь ее электронный адрес? - И к Барби: - Их мама оставила свой мобильный в домике, это плохо.

- Горячий дядька, это все, что я знаю о ее почте, - сказала Алиса. - Иногда мама говорит, что сама была когда-то горячей женщиной, но папа об этом позаботился[229].

Каролин поглядела на своего бой-френда.

- Убираемся из этого ломбарда?

- Да. С тем же успехом мы можем перебазироваться в пасторат и надеяться, что и леди скоро вернется со своей милосердной экспедиции, в которой она, наверняка, находится.

- Там должно быть незаперто, - сказал Барби. - Или поищите под ковриком на крыльце.

- Я не посмею, - сказал Маршалл.

- Я посмею, - хохотнула Каролин. На ее смех откликнулся улыбкой мальчик.

- По-смею! - сказала Алиса и побежала по проходу, расставив руки, в одной из которых мотылялась шахматная доска. - По-смею, по-смею, пошли уже, по-смеем!

Терстон, вздохнув, отправился вслед за ней.

- Алиса, если поломаешь доску, ты никогда не сможешь у меня выиграть.

- А вот и нет! Я смогу, потому что юность имеет свои права! - сказала она в ответ. - Кроме того, мы ее сможем склеить. Идем!

Нетерпеливо зашевелился Эйден на руках у Каролин. Она опустила его наземь, чтобы бежал за сестрой, и протянула руку.

- Благодарю Вас, мистер…

- Рад был помочь, - пожал ее руку Барби и сразу же повернулся к Терстону.

Тот имел ладонь крепкую, как у рыбы живот, именно такую, которая у Барби ассоциировались с людьми, чей интеллект подавлял физическую активность.

Они отправились вслед за детьми. Перед двойными дверями Терстон Маршалл осмотрелся. Сноп притуманенного солнечного света через одно из высоких окон выхватил из полутьмы лицо этого человека, сделав на вид старше его настоящего возраста. Превратив его в восьмидесятилетнего.

- Я редактировал текущий выпуск «Лемехов», - поведал он. Голос его дрожал от негодования и обиды. - Это очень авторитетный литературный журнал, один из самых лучших в стране. Они не имели права бить меня в живот, насмехаться надо мной.

- Не имели, - согласился Барби. - Конечно, не имели. Проявите заботу о детях.

- Конечно, обязательно, - ответила Каролин, беря руку мужчины, сжимая его ладонь. - Идем, Терси.

Барби подождал, услышал, что внешние двери закрылись, и тогда пошел искать ступеньки, которые ведут в зал заседаний и в кухню. Джулия говорила, что вход в бомбоубежище оттуда.

7

Первой мыслью Пайпер было: кто-то выбросил мешок с мусором на обочину дороги. Немного

приблизившись, она увидела, что там лежит тело.

Затормозив, она выскочила из машины так быстро, что свалилась и забила себе колено. Встав, увидела там не одно тело, а два: женщину и грудного ребенка. По крайней мере, ребенок был еще жив, потому что вяло шевелил ручонками.

Она подбежала к ним и перевернула женщину на спину. Молодая, знакомое лицо, но не из паствы Пайпер. Щека и лоб у нее были сильно разбиты. Пайпер высвободила дитя из сумки, и тогда прижала его себе к груди, погладила его вспотевшие волосы, он зашелся хриплым плачем.

Веки женщины отреагировали на плач и раскрылись, и Пайпер заметила, что брюки у нее промокли от крови.

- Мал Вотер, - прохрипела она так, что Пайпер четко не расслышала слов.

- Не волнуйтесь, в машине есть вода. Лежите спокойно. Ребенка я подняла, с ним все будет хорошо, - сама не зная, так ли оно будет. - Я о нем позабочусь.

- Мал Вотер, - вновь прохрипела женщина в окровавленных джинсах и закрыла глаза.

Пайпер побежала назад к машине, сердце у нее билось так сильно, что в глаза отдавало. Язык стал медным на вкус. «Бог, помоги мне, - молилась она и, неспособная больше ничего придумать, вновь повторяла: - Бог, о Боже, помоги мне, помоги этой женщине».

Ее «Субару» имел кондиционер, но она его не включала, несмотря на знойный день, да и вообще редко им пользовалась. В ее понимании это было не экологично. Но сейчас включила, и на полную мощность. Положила дитя на заднее сидение, подняла окна, приоткрыла дверцу, вновь отправилась к женщине, которая лежала в пыли, и тут же ее поразила мысль: а что, если ребенок как-то сумеет перелезть вперед, нажмет какую-нибудь кнопку и заблокируется в машине?

«Господи, я такая тупая, наихудшая в мире проповедников, когда случается настоящий кризис. Помоги мне перестать быть такой тупой».

Она бросилась назад, вновь отворила водительские двери, заглянула на сидение, увидела, что мальчик лежит там же, где она его оставила, только теперь сосет свой большой палец. Он кротко взглянул на нее и тут же перевел взгляд на потолок, словно увидел там что-то интересное. Воображаемые мультики, наверное. Его маечка насквозь промокла потом под комбинезоном. Пайпер крутила брелок электронного ключа в кулаке, пока он не оторвался от общего кольца. И тогда вновь побежала к женщине, которая уже старалась сесть.

- Не надо, - умоляла Пайпер стоя рядом на коленях, обнимая ее одной рукой. - Не следует вам, я думаю.

- Мал Вотер, - прохрипела женщина.

«Черт, я забыла о воде! Боже, почему ты позволил мне забыть воду?»

Женщина уже старалась подняться. Пайпер это не понравилось, потому что это было против того, что она знала о первой помощи, но разве был другой выбор? Дорога пустая, а позволить ей оставаться лежать здесь, под палящим солнцем, будет еще хуже, намного хуже. И, вместо того, чтобы принуждать женщину вновь прилечь, Пайпер помогла ей встать.

- Не спешите, - приговаривала она, поддерживая женщину за талию, стараясь по возможности ровнее направить ее неустойчивую походку. - Неспешно и легко дойдем, неспешность и легкость побеждает в гонках. В машине прохладно. Там есть вода.

- Мал Вотер! - женщина закачалась, выровнялась, тогда попробовала пойти чуточку быстрее.

- Вода, - подтвердила Пайпер. – Конечно. И тогда я отвезу вас в больницу.

- К черту… блатория…

Это слово Пайпер поняла и решительно замотала головой.

- Да нет. Вам надо прямехонько в госпиталь. Обоим, и вам, и вашему ребенку.

- Мал Вотер, - прошептала женщина. Она стояла, пошатываясь, со склоненной головой, волосы свисали ей на лицо, пока Пайпер открывала передние двери и, наконец, усадила ее в машину.

Пайпер взяла бутылку «Поланд Спринг» с передней панели и открутила пробку. Не успела передать воду женщине, как та выхватила бутылку у нее с руки и начала жадно пить, вода, переливаясь, капала у неё с подбородка, расплываясь темными пятнами на майке.

- Как ваше имя? - спросила Пайпер.

- Сэмми Буши.

И тут же от воды Сэмми скрутило желудок, и та самая черная роза вновь начала расцветать перед глазами. Бутылка выпала из ее пальцев на коврик под ногами, булькая, и она вновь отключалась.

Пайпер гнала, как только могла, и это у нее выходило довольно быстро, поскольку Моттонская дорога оставалась пустой, но, добравшись до госпиталя, она узнала, что доктор Гаскелл умер еще вчера, а помощника фельдшера Эверетта сейчас нет на месте.

Сэмми осмотрел и госпитализировал знаменитый медицинский эксперт Даги Твичел.

8

Пока Джинни старалась остановить у Сэмми Буши вагинальное кровотечение, а Твич ставил капельницу весьма обезвоженному Малышу Уолтеру, Расти Эверетт тихонько сидел на парковой скамейке с той стороны площади, где стояло здание горсовета. Скамейка пряталась под развесистыми ветвями высокой голубой канадской ели, и он думал, что ее глубокая тень делает его почти невидимым. Пока он не двигался, так оно и было.

Интересные вещи приоткрывались ему для созерцания.

Он был намерен пойти прямо к складскому помещению за горсоветом (Твич назвал его сараем, но длинное деревянное здание, где также хранились четыре городских снегоочистителя, было гораздо крупнее, чем это определение) и проверить, как там обстоят дела с пропаном, но тут подъехал патрульный автомобиль с Фрэнки Делессепсом за рулем. С пассажирской стороны вылез Джуниор Ренни. Пару минут они о чем-то поболтали и после этого Делессепс вновь куда-то поехал.

Джуниор поднялся по ступенькам полицейского участка, но вместо того чтобы войти вовнутрь,

он сел прямо там же и начал тереть себе виски, словно у него болела голова. Расти решил подождать. Ему не хотелось, чтобы кто-то увидел, как он проверяет городские запасы топлива, особенно, если этот кто-то сын второго выборного.

В какой-то момент Джуниор достал из кармана мобильный телефон, открыл, послушал, что-то сказал, вновь послушал, еще что-то сказал и, наконец, закрыл. Снова принялся тереть себе виски. Что-то такое говорил доктор Гаскелл об этом юнце. Не о том ли, что у него мигрень? А очень было похоже на мигрень. Потому что он не просто тер себе виски, он еще и голову наклонил особым образом.

«Старается избежать света, - подумал Расти. - Наверное, забыл дома свои таблетки имитрекс или зомиг. Если, конечно, Гаскелл их ему выписывал».

Расти уже встал, собираясь, пересекая Коммонвелс-Лэйн, подойти к заднему фасаду городского совета (Джуниор явно был не в том состоянии, чтобы что-то заметить), но тут он заметил кое-кого другого и вновь сел на скамейку. Дейл Барбара, повар, которого, кажется, было возведено в полковники (как кто-то говорил, приказом самого Президента), стоял под козырьком кинотеатра «Глобус», в тени, еще более глубокой чем та, где прятался сам Расти. К тому же Барбара, это было видно, держал в поле зрения Джуниора.

Интересно.

Очевидно, Барбара пришел к тому же выводу, который чуть раньше сделал для себя Расти: Джуниор не наблюдает, а ждет. Возможно, кого-то, кто его заберет. Барбара поспешно перешел улицу и, спрятавшись от потенциального взгляда Джуниора за зданием горсовета, задержался возле его дверей, чтобы прочитать объявление. А потом зашел вовнутрь.

Расти решил еще некоторое время посидеть на том же месте. Под деревом сиделось хорошо, к тому же ему стало интересно, кого это может ждать Джуниор. Люди все еще тянулись из «Диппера» (кое-кто задержался бы там и подольше, если бы сейчас наливали выпивку). У большинства из них, как и у того молодчика, который сидел на ступеньках, головы были склонены. Но не из-за боли, догадывался Расти, а от подавленности. Хотя это почти то же самое. Тема стоящая серьезного обдумывания.

И вот появился черный угловатый пожиратель бензина, хорошо знакомый Расти: «Хаммер» Большого Джима Ренни. Он нетерпеливо посигналил тройке горожан, которые шли посреди улицы, шугнув их в сторону, как овец.

«Хаммер» остановился перед полицейским участком. Джуниор поднял голову, но не встал. Открылись двери. Из-за руля вылез Энди Сендерс, Ренни вылез с пассажирской стороны. Как это он позволил Сендерсу управлять его любимой черной жемчужиной? У сидящего на скамейке Расти брови полезли вверх. Нет, он никогда не видел никого другого, кроме самого Большого Джима, за рулем этого монстра. «Может, он решил повысить Энди от лизуна пяток до ранга своего шофера», - подумал он, но, увидев, как Большой Джим поднимается по ступенькам туда, где так и сидел его сын, Расти поменял мнение.

Как и большинство медиков-ветеранов, Расти был довольно точным внешним диагностом. Он никогда не назначал курс лечения, основываясь на этих наблюдениях, но это же нетрудно - по походке отличить человека, которому полгода назад была сделана имплантация бедра, от такого, который сейчас страдает геморроем; можно легко узнать растяжение шеи по тому, как женщина поворачивается всем корпусом, вместо того, чтобы просто оглянуться через плечо; ты можешь узнать ребенка, который хорошенько нахватался вшей в летнем лагере по тому, как

он чухает себе голову. Большой Джим поднимался по ступенькам, положив одну руку себе на свой немалый живот, классическая позиция для человека, который недавно вывихнул себе плечо, или потянул руку, или и то, и другое вместе.

Итак, не удивительно, почему Сендерсу было доверено пилотировать этого зверя.

Они втроем начали о чем-то говорить. Джуниор не привставал, вместо этого Сендерс присел около него, порылся у себя в кармане и достал оттуда что-то, что блеснуло в блеклом свете дня. У Расти было хорошее зрение, но он сидел по крайней мере в пятидесяти ярдах поодаль, и он не узнал, что это за вещь. Что-то или стеклянное, или металлическое, единственное, что он понял наверняка. Джуниор положил этот предмет себе в карман, потом они втроем еще говорили. Ренни показал на «Хаммер» здоровой рукой, но Джуниор покачал головой. Потом Сендерс показал на «Хаммер». Джуниор вновь возразил, наклонил голову, и в который раз взялся обрабатывать себе виски. Двое мужчин переглянулись, причем Сендерс выгибал шею, потому что так и продолжал сидеть на ступеньках. В тени Большого Джима, что показалось Расти знаменательным. Большой Джим пожал плечами и развел руки в жесте «что здесь поделаешь». И тогда уже Сендерс встал и оба мужчины зашли в полицейский участок, перед тем Большой Джим задержался на довольно продолжительное время, чтобы погладить сына по плечу. Джуниор на это никак не отреагировал. Так и сидел, где сидел, словно решил просидеть там все свои дни. Сендерс для Большого Джима выступил в роли швейцара, придержав ему двери, а потом уже зашел внутрь сам.

Как только двое выборных исчезли в участке, из городского совета появился целый квартет: пожилой джентльмен, молодая женщина, девочка и мальчик. Девочка держала мальчика за руку, а во второй руке несла шахматную доску. Мальчик имел вид почти такой же неутешительный, как и Джуниор, подумалось Расти… и, черт побери, он тоже себе трет висок свободной рукой. Четверка пересекла Комм-Лэйн и приблизилась к скамейке Расти.

- Привет, - весело произнесла девочка. - Я Алиса, а это Эйден.

- Мы будем жить в доме, где живет пассия, - сурово сообщил малыш по имени Эйден. Он не переставал тереть себе висок и выглядел очень бледным.

- Это просто чудесно, - ответил Расти. - Мне тоже хочется оказаться в доме, где моя пассия.

Мужчина с женщиной догнали детей. Они держались за руки. Отец и дочь, решил Расти.

- На самом деле мы просто хотели бы поговорить с пастором Либби, - объяснила женщина. - Вы часом не знаете, она уже вернулась?

- Не имею понятия, - ответил Расти.

- Ну, тогда мы пойдем, подождем ее там. В пасиянате, - на этом слове она улыбнулась пожилому мужчине. Расти решил, что они, наверное, никакие не дочь с отцом. - Так нам посоветовал вахтер.

- Эл Тиммонс? - Расти видел, как Эл залезал в кузов пикапа «Бэрпи».

- Нет, другой, - уточнил пожилой мужчина. - Он сказал, что преподобная может помочь нам с жильем.

Расти кивнул.

- А этого зовут Дейл?

- Мне кажется, он так и не назвал нам своего имени, - сказала женщина.

- Идем! - мальчик отпустил руку сестрички, вместо этого схватившись за молодуху. - Я хочу поиграть в ту другую игру, о которой ты говорила.

Однако голос у него звучал скорее капризно, чем нетерпеливо. Шок средней степени, наверняка. Или какое-то физическое недомогание. Если последнее, Расти надеялся, что там что-то не страшнее усталости. Милл сейчас меньше всего нуждался во вспышке гриппа.

- Они потеряли свою мать, по крайней мере, временно, - объяснила женщина. - Мы их опекаем.

- Очень хорошо с вашей стороны, - сказал Расти искренне. - Сынок, у тебя что-нибудь болит?

- Нет.

- Горло не болит?

- Нет, - ответил мальчик по имени Эйден. Он изучал Расти своими серьезными глазами. - А знаете что? Если мы даже в этом году не пойдем никого пугать и кричать «лакомство или козни» на Хэллоуин, мне это безразлично.

- Эйден Эпплтон! - вскрикнула девочка крайне шокированным тоном.

Расти немного вздрогнул на своей скамейке, просто не мог удержаться. И тогда улыбнулся.

- Неужели? А почему так?

- Потому что нас водит мамочка, а мамочка поехала за купками.

- Он хотел сказать за покупками, - извинительно объяснила девочка по имени Алиса.

- Она поехала за квасольками, - уточнил Эйден. Он был похож на маленького дедушку - маленького, обеспокоенного дедушку. - Мне страшно идти на Хэллоуин без мамочки.

- Идем, Каролин, - позвал мужчина. - Нам надо еще…

Расти встал со скамейки.

- Мэм, могу я с вами поболтать минутку? Только подойдите ко мне.

Каролин бросила на него удивленный, настороженный взгляд, но сделала пару шагов в тень голубой ели.

- У мальчика не было каких-то судорожных проявлений? - спросил ее Расти. - Например, не бросал ли он неожиданно то, чем радостно занимался… ну, знаете, просто стоит неподвижно какое-то время… или застывший взгляд… чавканье губами…

- Ничего подобного не было, - сказал мужчина, присоединяясь к ним.

- Конечно, - согласилась Каролин, но немного перепугано.

Это заметил мужчина и, насупив свои импозантные брови, обратился к Расти.

mir-knigi.org

- Вы врач?

- Помощник доктора, фельдшер, я просто подумал, возможно…

- Конечно, мы вам признательны за ваше неравнодушие, мистер…

- Эрик Эверетт. Зовите меня Расти.

- Мы признательны вам за ваше неравнодушие, мистер Эверетт, но я считаю его неуместным. Помните о том, что эти дети сейчас без своей матери…

- Они двое суток провели сами, без еды, - добавила Каролин. - Они старались сами дойти до города, когда эти двое… офицеров, - она наморщила нос так, словно от этого слова дышало чем-то гадким, - их нашли.

Расти кивнул.

- Это многое объясняет, я думаю так. Хотя у девочки вполне нормальный вид.

- Дети по-разному реагируют. А нам уже пора идти. Они уже далеко забежали, Терси.

Алиса с Эйденом бежали через парк, пиная ногами цветные кучки опавшей листвы. Алиса махала шахматной доской и кричала: «Пасиянат! Пасиянат!» во всю силу своих легких. Мальчик не отставал от нее и тоже что-то кричал.

«У ребенка просто было временное моторное возбуждение, вот и все, - думал Расти. - А остальное - случайное совпадение. И даже не так: какой американский ребенок не думает о Хэллоуине в конце октября?» Единственное что не радовало: если этих людей позже спросят, они припомнят, где и когда видели Эрика Расти Эверетта. Вот тебе и секретность.

Седоволосый мужчина повысил голос:

- Дети! Подождите!

Молодая женщина измерила Расти взглядом, потом протянула руку.

- Благодарю вас за ваше участие, мистер Эверетт, Расти.

- Наверняка, излишнее. Профессиональные комплексы.

- Вас можно полностью простить. Это самый безумный уик-энд в истории мира. Спишем на это.

- Вы правы. А если я вам понадоблюсь, найдете меня в больнице или в амбулатории. Он махнул рукой в сторону «Кэти Рассел», которую будет видно отсюда, когда осыплется остальная листва. Если листва осыплется.

- Или на этой скамейке, - улыбнулась она.

- Или на этой скамейке, да, - тоже улыбнулся он.

- Каролин! - позвал Терстон нетерпеливо. - Идем уже!

Она слегка помахала Расти - не более, чем шевельнула пальцами - и побежала догонять своих. Двигалась легко, грациозно. Расти стало интересно, знает ли Терси ту истину, что девушки,

mir-knigi.org

которые умеют бегать легко и грациозно, почти всегда убегают от своих стареющих любовников, рано или поздно. Вероятно, знает. Вероятно, с ним уже такое случалось раньше.

Расти смотрел, как они через площадь продвигаются в направлении шпиля церкви Конго. Потом деревья спрятали их из вида. Когда он вновь посмотрел на полицейский участок, Джуниора Ренни там уже не было.

Расти посидел еще пару минут, барабаня пальцами себе по коленям. Наконец, принял решение и встал. Проверка городского склада в поисках исчезнувших госпитальных баллонов с пропаном может подождать. Теперь его больше интересовало, что один-единственный в Милле армейский офицер может делать в здании городского совета.

9

Что делал Барби в то мгновение, когда Расти через Комм-Лэйн направлялся к горсовету, так это изумленно свистел сквозь зубы. Бомбоубежище было длинное, как вагон-ресторан, и полки в нем были доверху заставлены консервами. Большей частью рыбными: ящики сардин, ряды лосося и очень много чего-то с названием «Мелкие мальки моллюсков Сноу»[230], которых Барби искренне надеялся никогда не отведать в своей жизни. Стояли там также ящики с сухими продуктами, включая пластиковые контейнеры, на которых были надписи: РИС, ПШЕНО, МОЛОЧНЫЙ ПОРОШОК и САХАР. Высокие штабеля положенных горизонтально бутылок, обозначенных: ПИТЬЕВАЯ ВОДА. Он насчитал десять больших картонных коробок с трафаретом: ПРАВИТЕЛЬСТВО США. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАПАС ПЕЧЕНЬЯ. Еще на двух значилось: ПРАВИТЕЛЬСТВО США. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАПАС ШОКОЛАДНЫХ БАТОНЧИКОВ. На стене висел пожелтевший плакат с лозунгом: «700 калорий в день убивает голод в пень».

- Помечтайте, - пробурчал Барби.

В дальнем конце виднелись какие-то двери. За ними оказалась египетская тьма, он, пощупав стену, нашел выключатель. Еще одна комната, не такая большая, но и не маленькая. На вид старая, покинутая, но не грязная - Эл Тиммонс должен был знать о ее существовании, потому что кто-то же вытирал пыль с полок и заметал пол, - хотя и полузабытая. Запасы воды хранились в стеклянных бутылках, он таких не видел со времен своего короткого пребывания в Саудовской Аравии.

В этой, второй, комнате хранилась где-то дюжина складных кроватей, простые синие одеяла и матрасы в прозрачных пластиковых мешках также ждали своего использования. И несколько десятков коробок с надписями: САНИТАРНЫЕ КОМПЛЕКТЫ и ПРОТИВОГАЗЫ. Тут же стоял генератор небольшой мощности. Он работал - вероятно, завелся, когда Барби включил свет. Сбоку от генератора были две полки. На одной стоял радиоприемник, который, наверное, выглядел новинкой в то время, когда свежим хитом была песня Си Дабл'ю Макколла «Конвой»[231]. На другой полке стояли две газовых плитки и металлический бокс яркого желтого цвета. Логотип на нем был тех времен, когда CD[232] означало что-то другое, чем компакт-диск. Это было как раз то, зачем он сюда пришел.

Барби потянул бокс и чуть его не упустил - тежеленный. Впереди на нем была шкала с надписью ИМП./СЕК. Надо было включить прибор и направить на что-то его сенсор, тогда стрелка могла остаться на зеленом поле, перейти на желтое в центре шкалы… или заскочить на красное. В последнем случае, подытожил Барби, хорошего было мало.

Он включил прибор. Крохотная лампочка питания осталась темной, а стрелка - невозмутимой - на цифре 0.

- Аккумулятор сдох, - произнес голос позади его. Барби чуть из собственной шкуры не выскочил. Обернувшись, он увидел в дверях, которые соединяли две комнаты, высокого, упитанного блондина.

На мгновение имя выскочило у него из головы, хотя этот мужчина почти каждое воскресенье утром посещал ресторан, иногда вместе с женой, и всегда с двумя своими дочурками. Тогда память включилась, и он произнес:

- Расти Эверс, не так ли?

- Близко к цели, то есть Эверетт, - протянул руку вошедший. Барби, немного с опаской, подошел и пожал ее. - Увидел, как вы сюда заходили. А это, - он кивнул на счетчик Гейгера, - вероятно, неплохая идея. Оно должно от чего-то питаться. - Расти не уточнил, что имел в виду под оно, но в этом не было потребности.

- Рад, что мы с вами думаем одинаково. Вы напугали меня едва ли не до инфаркта. Однако в таком случае именно вы бы мне и смогли помочь, как я догадываюсь. Вы же врач, да?

- ПД, - уточнил Расти, - это означает…

- Я понимаю, помощник доктора, фельдшер.

- О'кей, вы выиграли этот кухонный прибор, - Расти показал на счетчик Гейгера. - Он, вероятно, питается от шестивольтовых батареек. Я уверен, что видел такие в Бэрпи. Но не уверен, что там сейчас кто-то есть. Итак… может, разведаем здесь рядом?

- Где именно вы предлагаете разведывать?

- На складе позади горсовета.

- И нам это надо, ради того чтобы…

- Зависит от того, что мы там найдем. Если то, что пропало у нас из больницы, мы с вами сможем обменяться кое-какой информацией.

- Не хотите сначала сообщить, что именно у вас пропало?

- Пропан, браток.

Барби оторопел.

- Что за чертовщина? Идем, посмотрим.

10

Джуниор стоял возле подножия ступенек, которые вели вверх вдоль боковой стены аптеки Сендерса, не зная, способен ли он по ним взобраться, когда у него так болит голова. Возможно. Вероятно. В то же время он боялся, что на полдороги вверх его череп может взорваться, как новогодняя хлопушка. Снова у него перед глазами плавало пятнышко, дергаясь туда-сюда с каждым ударом сердца, но оно не было больше белым. Оно стало ярко-красным.

«В темноте мне станет хорошо, - думал он. - В кладовке, с моими подружками».

mir-knigi.org

Если здесь все пройдет надлежащим образом, он сможет пойти туда. Сейчас кладовка в доме Маккейнов на Престил-Стрит казалась ему самым желанным местом на земле. Конечно, там лежал еще и Коггинс, ну и что? Джуниор запросто может убрать прочь этого сраного гимнослогателя. Но Коггинса надо придержать еще какое-то время. Джуниора меньше всего интересовала судьба его отца (его ни удивило и ни встревожило то, что тот сделал; Джуниор всегда знал, что его отец способен на убийство), но он был очень заинтересован в том, чтобы утопить Дейла Барбару в нужнике.

«Если мы сделаем все надлежащим образом, мы не просто уберем его с нашего пути, - объяснял Большой Джим этим утром. - Мы используем его для объединения нашего города перед лицом кризиса. И эту никчемную газетчицу тоже. В отношении неё у меня тоже есть идея. - Он положил свою рыхлую, мясистую ладонь Джуниору на плечо. - Мы одна команда, сынок».

Возможно, не навсегда, возможно, только теперь, но сейчас они действительно тянули один плуг. Итак, они должны позаботиться о Бааарби. Джуниору взбрело на ум, что это Барби виновен в том, что у него болит голова. Если Барби действительно побывал за океаном - в Ираке, ходили слухи - он мог привезти со Среднего Востока кое-какие чертовы сувениры. Скажем, яд. Джуниор обедал в «Розе-Шиповнике» множество раз. Барбара легко мог подбросить ему кое-что в пищу. Или в кофе. А если Барбара даже не лично это сделал, он мог подговорить Рози. Эта пизда полностью находится под его чарами.

Джуниор медленно побрел вверх, останавливаясь через каждые четыре ступеньки. Голова у него не взорвалась, и, добравшись до верхней площадки, он полез в карман за ключом от помещения, который ему вручил Энди Сендерс. Сначала он никак не мог нащупать ключ, и уже подумал, что потерял, но, наконец, пальцы наткнулись на него под мелкими монетами в глубине кармана.

Он осмотрелся вокруг. Несколько человек шли по улице, возвращаясь с сеанса в «Диппере», но никто не посмотрел вверх, не увидел его на лестничной площадке перед помещением Барбары. Ключ повернулся в замке, и Джуниор проскользнул внутрь.

Он не включал света, хотя генератор Сендерса, наверняка, подпитывал и эту квартиру. Полутьма делала менее видимым пятно, пульсирующее перед его глазами. Он начал заинтересованно осматриваться. Тут были книги: полки и полки книг. Или Бааарби бросил их на произвол судьбы, когда убегал из города, или договорился с кем-то – скорее всего с Петрой Ширлз, которая работает внизу, в аптеке, - чтобы их куда-нибудь ему переслали? Тогда он, вероятно, договорился и об этом ковре, который лежит на полу гостиной - произведение каких-то верблюжьих жокеев, который Барби, несомненно, подцепил на тамошнем базаре в свое свободное от пыток подозреваемых и лишения невинности маленьких мальчиков время.

Нет, он не договаривался о пересылке своего имущества, решил Джуниор. Не было потребности, потому что он и не собирался на самом деле покидать город. Только ему простреляла эта идея, как Джуниор уже удивлялся, почему он не додумался до этого раньше. Бааарби здесь нравится, он никогда не покинет этот город по собственной воле. Ему здесь классно, как червю в собачьей блевотине.

«Найди что-то, от чего он не сможет отбрехаться, - инструктировал его Большой Джим. - Что-то такое, что может принадлежать только ему. Ты понимаешь, о чем я говорю?»

«Отец, я что, по-твоему, глуп? - подумал сейчас Джуниор. - Если я глуп, как это так вышло, что именно я спас твою сраку в прошлую ночь?»

Но у отца была мощная рука, он временами так ужасно замахивался на него, когда бесился, что заедаться не следовало бы. Он ни разу не ударил Джуниора по жопе, не дал ему пощечины, когда тот был маленьким, Джуниор всегда относил это на счет окультуривающего воздействия своей покойной матери. Теперь он подозревал, что причина заключалась в том, что отец глубоко в душе понимал: если начнет, вряд ли сможет остановиться.

- Каков отец, таков и сын, - произнес Джуниор и захохотал. Голова отозвалась болью, но он все равно хохотал. Как там говорится, в старой прибаутке: смех - наилучшее лекарство?

Он вошел в спальню Барби, увидел аккуратно заправленную кровать и подумал, как было бы классно наложить на ней прямо посредине большую кучу. Да еще и подтереться подушкой. «Тебе нравится, Бааарби?»

Вместо этого он открыл комод. В верхнем ящике трое или четверо джинсов и пара шорт хаки. Под шортами нашелся мобильный телефон, и он на мгновение подумал, что телефон - именно то, за чем он сюда пришел. Но нет. Дешевый аппарат с распродажи, типа тех, что дети в колледже называют «разовыми» или «выкидышами». Барби всегда может сказать, что это не его вещь. Во втором ящике лежало с полдесятка трусов и пар пять чисто-белых спортивных носков. Третий ящик был пуст.

Он заглянул под кровать, в голове загудели колокола - кажется, ему совсем не полегчало. Там ничего не было, даже пыли. Вот же Бааарби, такой аккуратист. Джуниор подумал, не достать ли с кармана-пистончика имитрекс, но не стал этого делать. Он уже проглотил пару пилюль, и абсолютно без всякого эффекта, кроме металлического привкуса на задней стенке горла. Он знал, какое лекарство ему нужно: темная каморка на Престил-Стрит. И компания его подружек.

Тем временем он все еще здесь. И должен здесь найти хоть что-то.

- Что-то такое, - прошептал он. - Должен найти что-то такое.

Он уже хотел вернуться в гостиную, как вдруг, смахивая влагу из уголка своего дрожащего левого глаза (не зная, что он налился кровью), застыл, пораженный одной идеей. Он вернулся к комоду, вновь выдвинул ящик с трусами и носками. Носки были скручены в мячики. Джуниор, когда еще учился в школе, иногда прятал траву или таблетки в своих скрученных носках; а однажды даже ажурные трусики Адриетты Недо. Носки - удобная вещь для тайника. Он начал перебирать пару за парой скрученные носки и внимательно прощупывать.

В третьем «мячике» он что-то нащупал, что-то наподобие плоского куска металла. Нет, два куска. Он раскрутил носки и вытряс оттуда наверх комода находку.

Армейские личные жетоны Дейла Барбары. И, несмотря на свою бешеную головную боль, Джуниор улыбнулся.

«Бааарби, ты влип, - подумал он. - Ты, козел, теперь уже точно влип».

11

По ту сторону Купола около дороги Малая Сука еще изобиловали зажженные ракетами «Фастхок» возгорания, но к наступлению тьмы они потухнут; пожарные команды четырех городов, усиленные смешанными подразделениями армейской и морской пехоты, над этим работали, и очень успешно. Все погасили бы даже раньше, размышляла Бренда, если бы

тамошним пожарным не противостоял еще и порывистый ветер. Здесь, со стороны Милла, они не имели такой проблемы. Сегодня это благословение. Позже это может стать проклятьем. Нет смысла заранее что-то знать.

Сегодня Бренда не позволяла себе задумываться над этим вопросом просто потому, что ей было хорошо. Если бы утром кто-то у нее спросил, когда, по ее мнению, она сможет вновь почувствовать себя хорошо, Бренда могла бы ответить: «Наверное, в следующем году, а может, и никогда». Однако она обладала достаточной мудростью для понимания того, что это чувство не будет продолжаться долго. Полтора часа напряженной работы очень поспособствовали; физические упражнения освобождают эндорфины, неважно, какие эти упражнения: хоть бег трусцой, хоть прибивание горящих кустов лопатой. Но здесь было что-то большее, чем эндорфины. Здесь было управление важным делом, таким, с которым управиться могла только она.

На дым прибыли и другие волонтеры. Четырнадцать мужчин и три женщины стояли по обе стороны Малой Суки, кто-то держал в руках лопаты и резиновые коврики, которыми они гасили языки пламени, кто-то с портативными помпами, которые они таскали на спинах, а теперь поскидывали их с себя, и те стояли на твердом грунте немощенных обочин. Эл Тиммонс, Джонни Карвер и Нелл Туми сматывали шланги, запихивая их назад в кузов пикапа «Бэрпи». Томми Андерсон из «Диппера» и Лисса Джеймисон - хотя и крохотная нью-эйджерка, но сильная, словно лошадь, - тащили в другую машину глубинный насос, которым они качали воду из ручья Малая Сука. Вокруг звучал смех, и Бренда понимала, что не только она наслаждается выбросом эндорфинов.

Заросли по обе стороны дороги стояли черными и еще тлели, пропало несколько деревьев, но это и все. Купол задерживал ветер и помог им также в другом смысле, частично заблокировав ручей, он превратил эту местность в разрастающееся болото. Пожар по другую сторону барьера выглядел совсем иначе. Люди, которые боролись с ним там, казались мерцающими призраками, едва видимыми сквозь пламя и сажу, которая скапливалась на поверхности Купола.

Ернической походкой к ней приблизился Ромео Бэрпи. В одной руке он держал мокрую метлу, во второй - резиновый коврик. На нижней стороне коврика так и остался висеть ценник. Надпись на нем была закопчена, но еще читалась: КАЖДЫЙ ДЕНЬ РАСПРОДАЖИ В БЕРПИ! Он бросил коврик на землю и протянул ей измазанную сажей руку.

Бренда удивилась, но ответила. Она крепко пожала протянутую руку.

- За что это, Ромми?

- За вашу замечательную гоботу здесь, - ответил он.

Она рассмеялась неловко, но удовлетворенно.

- Любой бы мог сделать ее в таких условиях. Огонь был лишь поверхностным, а под ногами здесь так плещет, что пожар мог бы, наверняка, еще до ночи потухнуть сам собой.

- Возможно, - сказал он, и тогда показал рукой сквозь деревья на проделанную вырубку, через которую вилась полуразваленная каменная изгородь. - А возможно, огонь добрался бы до той высокой тгави, потом перешел на деревья на другой стороне, а тогда хоть из дома убегай. Гореть могло бы неделю, а то и месяц. Особенно при отсутствии чертовой пожарной бригады. - Он отвернулся и сплюнул. - Даже и без ветра огонь чудесно горит, пока ему есть что жрать. Там, на юге, есть шахты, где пожары длятся уже по двадцать-тридцать лет. Я об этом читал в

«Нешнл Джеографик». А под землей никакого ветра. И откуда нам знать, что ветер вдруг не поднимется? Мы и на волос не знаем, на что способна эта штука.

Они вместе посмотрели на Купол. Копоть и пепел сделали его видимым - до какой-то меры - на высоту почти сотни футов. Из-за этого также неважно стало видно, что делается по ту сторону, и Бренде это не нравилось. Она не хотела об этом глубоко задумываться, особенно когда такие мысли могут свести на нет ее хорошее настроение от сегодняшней работы, однако серьезно - ей почему-то это очень не нравилось. Это возвращало ее к воспоминанию о вчерашнем странном, расплющенном закатном солнце.

- Дейл Барбара должен позвонить по телефону этому своему приятелю в Вашингтон, - произнесла она. - Сказать ему, когда там погасят пожар, они должны помыть из брандспойтов это что-то со своей стороны. А мы сделаем то же самое со своей.

- Хорошая идея, - согласился Ромео. Но было и еще что-то у него в мыслях. - Мадам, вы заприметили что-то в вашей команде? Потому что я да.

Бренда всполошилась:

- Я никому здесь не командир.

- Да нет. Вы отдавали приказы, и поэтому вы командир, а они ваша команда. Вы видите среди них кого-то из копов?

Она пригляделась.

- Никакого, - продолжал Ромео. - Ни Рендольфа, ни Генри Моррисона, ни Фрэдди Дентона или Рупи Либби, ни Джорджа Фредерика… и также никого из новичков. Тех пацанов.

- Возможно, они заняты с… - она не знала, что сказать.

Ромео кивнул.

- О-ля-ля. Заняты чем? Вы не знаете, я тоже не знаю. Но чем бы они там себе не занимались, я не уверен, что мне это нравится. И еще меньше уверен, что оно того стоит. На вечер четверга назначено городское собрание, и если у нас здесь так и будет это продолжаться, думаю, должны произойти какие-то, - он сделал паузу. - Может, я лезу поперед батьки в пекло, но, я считаю, вы должны стать шефом пожарной команды и полиции.

Бренда задумалась об этом. Вспомнила найденную ей папку под названием ВЕЙДЕР, и уже тогда медленно покачала головой.

- Еще очень рано для чего-то подобного.

- А что, если бы пгосто шефом пожарных? Что в отношении только этого? - льюистоновский говор еще сильнее прорезался в его голосе.

Бренда оглянулась вокруг на закопченные кустарники и обожженные деревья. Конечно, отвратительное зрелище, словно фотокарточка с поля битвы времен Первой мировой войны, но больше не опасное. Люди, которые прибыли сюда, получили боевое крещение. Они команда. Ее команда.

Она улыбнулась.

mir-knigi.org

- Над этим я подумаю.

12

Впервые, начиная с того времени, как Джинни Томлинсон начала ходить по госпитальным коридорам, она беспрерывно бегала, бросаясь на громкое визжание вызовов, которые звучали, как плохие новости, и сейчас у Пайпер не было возможности поболтать с ней. Она и не старалась даже. Она просидела в приемной достаточно долго, чтобы представить себе картину: трое людей - двое медиков и одна волонтерка по имени Джина Буффалино - управляют целой больницей. Они справлялись, однако, не полностью. Когда Джинни наконец-то вернулась, шла она медленно. С опущенными плечами. В одной руке у нее мотылялась чья-то медицинская карточка.

- Джинни? - спросила Пайпер. - Все хорошо?

Пайпер подумала, что Джинни сейчас огрызнется, но, вместо ворчания, та подарила ей вымученную улыбку. И села рядом.

- Хорошо. Только устала, - она помолчала. - И еще, Эд Карти только что умер.

Пайпер взяла ее за руку.

- Мне очень жаль это слышать.

Джинни сжала ее пальцы.

- Не надо. Ты знаешь, как женщины говорят о родах? Эта легко рожала, а та тяжело.

Пайпер кивнула.

- Смерть очень похожа на это. Мистер Карти долго тужился, а теперь он разродился.

Пайпер эта идея показалась красивой. Она подумала, что могла бы использовать ее в проповеди… хотя тут же осознала, что людям не захочется слушать проповедь о смерти в это воскресение. То есть если Купол никуда не денется.

Некоторое время они просто сидели. Пайпер старалась придумать, как ей лучше всего спросить о том, о чем она должна была спросить. Но вопросы не понадобились.

- Ее изнасиловали, - произнесла Джинни. - Скорее всего, не один раз. Я боялась, что Твичу придется подвергнуть себя испытанию в наложении швов, но у меня как-то получилось остановить кровотечение вагинальным тампоном, - она помолчала. - Я плакала. По счастью, девушка не была полностью в сознании, чтобы это заметить.

- А дитя?

- В общем-то, здоровое восемнадцатимесячное создание, но оно тоже доставило нам хлопот. Небольшие судороги. Наверное, из-за чрезмерного пребывания на солнце. Плюс обезвоживание… голод… ну, и, собственно, ранение, - Джинни провела рукой наискось себе по лбу.

В коридоре появился Твич и присоединился к ним. Вид он имел такой, словно на световые года отдалился от себя бывшего, бойкого говоруна.

mir-knigi.org

- Люди, которые ее изнасиловали, также ранили дитя? - голос Пайпер звучал ровно, но в ее уме зияла тонкая красная трещина.

- Малыша Уолтера? Думаю, он просто упал, - произнес Твич. - Сэмми что-то говорила, что там развалилась колыбель. Я с ее слов не все разобрал, но почти уверен, что это была просто случайность. То есть эта часть истории.

Пайпер удивленно посмотрела на него:

- Так вот что она приговаривала. А я думала, она водички просит.

- Я уверена, что она хотела пить, - сказала Джинни. - Но у ее мальчика действительно двойное имя - Малыш Уолтер. Они его назвали так в честь блюзмена, кажется, тот играл на губной гармошке. Она с Филом… - Джинни показала жестами, как затягиваются травой и задерживают в легких дым.

- О, Фил, это было что-то большее, чем простое курении марьиванны, - сказал Твич. - Когда речь шла о наркотиках, он был многоцелевой личностью.

- Он умер? - спросила Пайпер.

Твич пожал плечами.

- Я его не видел где-то с весны. Если и так, то, наконец, избавилась.

Пайпер посмотрела на него неодобрительно.

- Извиняюсь, преподобная, - слегка поклонился ей Твич и обернулся к Джинни. - А есть ли вести от Расти?

- Ему надо немного отдохнуть, - ответила она. - Я приказала ему уйти прочь. Он скоро вернется, я уверена.

Пайпер сидела между ними, на вид спокойная. Но внутри нее расширялась красная трещина. Во рту поселился кислый привкус. Она вспомнила тот вечер, когда отец запретил ей пойти на скейт-арену на моле из-за того, что она наговорила грубостей матери (тинэйджеркой, грубости сыпались из Пайпер Либби, как из дырявого мешка). Она пошла наверх, позвонила подружке, с которой договаривалась встретиться, и сообщила той - абсолютно приятным и ровным голосом, - что, дескать, планы изменились, кое-что случилось, и она не сможет с ней увидеться. На следующий уик-энд? Конечно, ага, конечно, счастливо поразвлекаться, нет, со мной все хорошо, бай. А потом устроила погром в своей комнате. Закончила тем, что содрала со стены любимый плакат «Оазиса»[233] и изорвала его в клочья. На тот момент она уже хрипло плакала, не из жалости, а в очередном припадке той злости, которые прокатывались через ее юношеские года, как ураганы пятой категории. Где-то посреди этого безумия наверх поднялся отец и стоял в дверях, внимательно глядя на нее. В конце концов, заметив его, она начала задиристо смотреть ему в глаза, задыхаясь от мысли, как она его ненавидит. Как она ненавидит их обоих. Если бы они умерли, она бы жила со своей теткой Рут в Нью-Йорке. Тетка Рут умела жить весело. Не то, что некоторые. Он протянул к ней руки, протянул с открытыми ладонями. Это был какой-то такой жест, от которого рассосалась ее злость, и едва не распалось на куски ее сердце.

- Если ты не будешь контролировать свой гнев, твой гнев будет контролировать тебя, - произнес он, и тогда ушел, ступая по коридору со склоненной головой. Она не громыхнула за ним

дверьми. Она прикрыла их, очень-очень тихо.

Это был тот год, когда она определила частые вспышки гнева для себя приоритетом номер один. Убить их полностью означало убить часть себя, но она чувствовала, что, если у ней не получится в чем-то фундаментально измениться, она останется пятнадцатилетней надолго, очень-очень надолго. Она начала учиться самоконтролю, и в большинстве случаев это удавалось. Когда чувствовала, что контроль выскальзывает, она вспоминала отцовские слова и те его открытые ладони, и то, как он медленно шел по коридору верхнего этажа в доме, где она выросла. Через девять лет, когда он умер, во время траурной службы она произнесла: «Мой отец сказал мне самую важную в моей жизни вещь». Она не уточнила, что именно он ей когда-то сказал, но мать знала; она сидела на передней скамье в церкви, настоятелем которой теперь была ее дочь.

За последние двадцать лет, когда она чувствовала страшное желание наброситься на кого-то - и часто это желание было на границе контроля, потому что люди умеют быть такими глупыми, такими упрямо тупыми, - она обращалась к отцовским словам: если ты не будешь контролировать своего гнев, твой гнев будет контролировать тебя.

Но сейчас красная трещина распространялась, и она чувствовала старое желание бросаться чем-нибудь. Царапать кожу до кровавого пота.

- Ты не спрашивала ее, кто это сделал?

- Конечно же, спрашивала, - ответила Джинни. - Она не говорит. Потому что напугана.

Пайпер вспомнила, как, увидев мать с ребенком на обочине, она подумала, что там лежит кем-то брошенный мешок с мусором. И именно так их и воспринимали те, кто это сделал. Она встала.

- Я пойду с ней поболтаю.

- Прямо сейчас это не очень удачная идея, - сказала Джинни. - Она на седативах, к тому же…

- Пусть попробует, - произнес Твич. Лицо у него было бледное. Руки сцеплены между колен. Непрерывно потрескивал костяшками пальцев. – И удачи вам, преподобная.

13

Глаза у Сэмми были полузакрыты. Она их медленно открыла, когда Пайпер села рядом с ее кроватью.

- Вы… та, кто…

- Да, - взяла ее за руку Пайпер. - Меня зовут Пайпер Либби.

- Спасибо вам, - сказала Сэмми, и ее глаза вновь затуманились, начали закрываться.

- Отблагодаришь мне тем, что назовешь тех, кто тебя изнасиловал.

В полузатемненной комнате - теплой, потому что госпитальный кондиционер был отключен - Сэмми покачала головой.

- Они сказали, что сделают мне плохо. Если я расскажу. - Она поглядела на Пайпер. Коровьим

взглядом, преисполненным тупой покорности. - Они могут сделать плохо и Малышу Уолтеру тоже.

Пайпер кивнула.

- Я понимаю, тебя напугали. Но скажи мне, кто они были. Назови их имена.

- Вы что, меня не слышите? - Она смотрела теперь мимо Пайпер. - Они сказали, что сделают плохо…

Пайпер не имела на это времени, девушка могла отключиться в любой миг. Она ухватила Сэмми за запястья.

- Мне нужны их имена, и ты мне их назовешь.

- Я не смею, - у Сэмми вновь начали сочиться слезы.

- Тебе нужно, потому что, если бы я тебя не подобрала, ты бы сейчас уже была мертвой, - она помолчала, а потом начала вгонять нож еще глубже. Позже она может пожалеть об этом, но не сейчас. Сейчас эта девушка в кровати была препятствием между Пайпер и тем, что она желала знать. - Не говоря уже о твоем сыне. Он бы тоже умер. Я спасла тебе жизнь, спасла его, я требую их имена.

- Нет, - однако, девушка все более слабела, и какой-то частицей своей души преподобная Пайпер Либби этому радовалась. Позже ей станет противно; позже она будет думать о себе: «Ты ничем не отличаешься от тех мужиков, насилие есть насилие». Но сейчас здесь присутствовало наслаждение, как наслаждение было в том, чтобы сдирать со стены и рвать в клочья драгоценный плакат, конечно же.

«Мне это нравится, потому что от этого больно, - думала она. - Больно в моем сердце».

Она наклонилась над заплаканной девушкой.

- Прочисти себе уши, Сэмми, потому что тебе нужно услышать, что я тебе скажу. Они сделали это раз, они сделают это вновь. И тогда, когда появится другая женщина с кровоточащим влагалищем, а то еще и беременная дитятей кого-то из тех насильников, я приду к тебе, и я скажу…

- Нет! Перестаньте!

- Что ты поспособствовала этому. Это ты была там и подстрекала их.

- Нет! Это не я, это Джорджия! Джорджия их подстрекала, - зарыдала Сэмми.

Пайпер сразу ощутила холод. Женщина. Какая-то женщина была там. В голове ее красная трещина разошлась еще шире. Скоро она начнет изрыгаться лавой.

- Назови мне имена, - повторила она.

И Сэмми назвала.

14

Джеки Веттингтон и Линда Эверетт сидели в машине перед «Фуд-Сити». Магазин, вместо восьми, сегодня должен был закрыться в пять часов. Их сюда послал Рендольф, потому что считал, что раннее закрытие может послужить причиной беспорядков. Неумная идея, потому что в супермаркете было почти пусто. На парковке стояло с десяток машин, а несколько клиентов, которые еще делали покупки, двигались вяло, словно одновременно смотрели какой-то общий глупый сон. Обе полицейские видели только одного кассира, подростка по имени Брюс Ярдли. Вместо кредитных карточек, мальчик принимал только денежную наличность и расписки. Мясной прилавок выглядел убого, однако цыплят там было еще полно, а большинство полок с консервами и сухими продуктами были плотно затарены жестянками и коробками.

Они ждали, пока супермаркет покинут последние покупатели, когда зазвонил телефон Линды. Она взглянула на экран и ощутила укол страха в животе. Звонила Марта Эдмандс, которая присматривала за Дженнилл и Джуди, пока Линда и Расти были на работе - а на работе они находились почти беспрерывно с той поры, как опустился Купол.

- Марта? - спросила она, молясь, чтобы там ничего не случилось, чтобы Марта просто спросила ее, нормально ли, если она сводит девочек на площадь, или еще что-нибудь такое. - Марта, у вас все хорошо?

- Ну… да. В целом, в общем, - Линду поразила тревожность, которую она расслышала в голосе Марты. - Но… ты знаешь о тех судорогах?

- О Господи… У нее был припадок?

- Думаю, да, - сказала Марта, и поспешила добавить: - Они сейчас в полном порядке, разрисовывают картинки в соседней комнате.

- Что случилось? Расскажи мне!

- Они сидели на качелях. Я занималась моими цветами, готовила их к зиме…

- Марта, прошу! - вскрикнула Линда, и Джеки дотронулась до ее руки.

- Извини. Начала лаять Одри, и я обернулась. Я спросила: «Солнышко, с тобой все хорошо?» Она не ответила, просто слезла с качели и села под ней, ну там, знаешь, где ямка, которую вытоптали ногами? Она не падала, ничего такого, просто сама села. И смотрит прямо перед собой и чавкает губами, как вот вы меня предупреждали, что такое может быть. Я подбежала… ну, чуточку ее встряхнула… а она и говорит… сейчас, вспомню…

«Вот оно, - подумала Линда. - Остановите Хэллоуин, вы должны остановить Хэллоуин».

Но нет. Там было кое-что другое.

- Она говорит: «Розовые звезды падают. Розовые звезды падают. За ними остаются полосы». И тогда еще: «Здесь так темно, здесь так плохо дышать». После чего она очухалась и сейчас у нас все в порядке.

- Слава тебе, Господи, - произнесла Линда, и тогда уже переключилась мыслями на пятилетнюю дочурку. – А с Джуди все обстоит благополучно? Это ее не напугало?

В телефоне зависла длинная пауза, а потом Марта сделала выдох:

mir-knigi.org

- Ох.

- Что ох? Что должен означать этот твой ох?

- Так это было с Джуди, Линда. Не с Дженнилл. На этот раз это случилось с Джуди.

15

- Я хочу поиграть в ту другую игру, о которой ты говорила, - говорил Эйден Каролине Стерджес, когда они остановились на площади поболтать с Расти. Другая игра, которую она имела в виду, называлась Красный Свет, хотя Каролин почти не помнила ее правил - не удивительно, если последний раз играла в нее, когда ей самой было лет шесть или семь.

Однако, как только они оказались перед деревом в просторном дворе «пасияната», правила ей тут же припомнились. И, как не удивительно, вспомнил их также Терстон, который не просто готов был поиграть, но, как показалось, к этому стремился.

- Помните, - поучал он детей (которые сами каким-то чудом никогда не были знакомы с наслаждением от игры в красный свет), - она может считать до десяти с любой скоростью, как ей захочется, но если она, обернувшись, поймает кого-то в движении, тот должен вернуться туда, откуда начал.

- Меня она не поймает, - заявила Алиса.

- И меня, - решительно произнес Эйден.

- Вот и увидим, - сказала Каролин и отвернулась лицом к дереву. - Раз, два, три, четыре… пять, шесть, семь… восемь-девять-десять КРАСНЫЙ СВЕТ! - резко обернулась она.

Алиса застыла с улыбкой на лице и одной ногой, задранной для прыжка. Терстон, также с улыбкой, растопырив руки, стоял в позе «Призрака оперы»[234]. Она заметила небольшое движение у Эйдена, но даже не подумала отсылать его на стартовую позицию. Он светился счастьем, а ей отнюдь не хотелось лишать его радости.

- Хорошо, - согласилась она. - Хорошенькие статуи. А теперь второй раунд.

Она вновь отвернулась лицом к дереву и начала считать, наслаждаясь тем полузабытым детским страхом от того, что кто-то движется у тебя за спиной.

- Раздватри, четырепять, шестьсемьвосемьдевятьдесять. КРАСНЫЙ СВЕТ!

Крутнулась. Алиса застыла уже чуть ли не рядом. В десяти шагах позади нее дрожал, стоя на одной ножке, Эйден, четко было видно болячку у него на коленке. Терси стоял позади мальчика, положив одну руку себе на грудь, словно какой-то оратор, и улыбался. Похоже на то, что выиграет Алиса, вот и хорошо; она встанет на это место, и тогда выиграет ее братец. Каролин с Терстоном об этом позаботятся.

Она вновь обернулась к дереву.

- Раздватричеты…

И тут закричала Алиса.

Обернувшись, Каролин увидела, что Эйден Эпплтон лежит на земле. На мгновение ей показалось, что он продолжает игру. Колено - то, на котором была царапина - было задрано вверх так, словно он продолжал бежать, лежа на спине. Широко раскрытые глаза смотрели в небо. Рот его сложился в маленькое, морщинистое О. На шортах у него расплывалось темное пятно. Каролин бросилась к малышу.

- Что с ним? - спросила Алиса. Каролин увидела, как все переживания последних ужасных дней отразилась у девочки на лице. - С ним все хорошо?

- Эйден? - проревел Терстон. - Ты в порядке, мальчик?

Эйден начал дрожать, губы его словно сосали невидимую соломинку. Задранная нога разогнулась и легла на землю… и вдруг дернулась. Плечи ему свело судорогой.

- У него конвульсии, - произнесла Каролин. - Наверное, от перевозбуждения. Думаю, все пройдет, если мы дадим ему полежать несколько мин…

- Розовые звезды падают, - подал голос Эйден. - За ними остаются полосы. Это так красиво. Это так страшно. Все смотрят. Никакого лакомства, только козни. Тяжело дышать. Он называет себя Мастер. Это его вина. Он избранный.

Каролин с Терстоном переглянулись. Алиса упала на колени рядом с братцем, держа его за руку.

- Розовые звезды, - повторил Эйден. - Они падают, они падают, они па…

- Проснись! - закричала Алиса ему прямо в лицо. - Перестань нас пугать!

Терстон Маршалл ласково дотронулся до ее плеча.

- Солнышко, не надо, я не думаю, что это поможет.

Алиса не обратила на него внимания.

- Проснись! Ты… ты ГОВНЮК!

И Эйден пришел в сознание. Он изумленно смотрел на заплаканное лицо сестры. Потом перевел взгляд на Каролин, и улыбнулся… это была, к черту, самая сладкая из улыбок, которые ей пришлось увидеть на протяжении всей ее жизни.

- Я выиграл? - спросил он.

16

Генератор на складе городского совета находился не в наилучшем состоянии (кто-то пододвинул под него старую эмалированную кухонную раковину, чтобы туда капало смазочное масло), а в смысле энергосбережения, подумалось Расти, он был родственником «Хаммера» Большого Джима Ренни. А впрочем, Расти больше интересовал подключенный к нему серебристый баллон.

Барби бросил короткий взгляд на генератор, скривился от запаха, потом подошел к баллону.

- Он не такой большой, как я ожидал, - сказал он… хотя тот был намного большим, чем те

баллоны, которые использовались в «Розе-Шиповнике», или тот, который он менял у Бренды Перкинс.

- Это «муниципальный размер», так их называют, - объяснил Расти. - Я запомнил это с прошлогоднего городского собрания. Сендерс с Ренни тогда много говорили о том, что небольшие баллоны сэкономят нам кучу баксов в эти времена, «когда топливо такое недешевое». В каждом по восемьсот галлонов.

- Это означает, он весит… сколько? Шестьдесят четыре сотни фунтов?

Расти кивнул.

- Плюс вес самого баллона. Его тяжело поднимать - нужен вилочный подъемник или гидравлический домкрат, - но передвигать легко. Пикап «Рэм» рассчитан на шестьдесят восемь сотен фунтов, а на деле способен везти больше. Один такой баллон помещается в кузов. Немного торчит позади, вот и все, - пожал плечами Расти. - Вешай красный флажок и вези куда хочешь.

- И этот здесь единственный? - спросил Барби. – Что же, если топливо в нем закончится, не будет света в горсовете.

- Разве что Ренни с Сендерсом знают, где остальные баллоны, - согласился Расти. - И я уверен, что они это прекрасно знают.

Барби провел рукой по синей трафаретной надписи «БОЛ КР» на боку баллона.

- Это то, что вы потеряли.

- Мы не потеряли; его у нас украли. Такова моя мысль. Только здесь должно быть еще пять наших баллонов, потому что всего их пропало у нас шесть.

Барби окинул глазом длинный склад. Только снегоочистительные плуги и картонные коробки с запчастями, а вообще здесь на вид пусто. Особенно рядом с генератором.

- Если забыть о тех, что стибрили в больнице, где остальные баллоны, которые принадлежат городу?

- Не знаю.

- И для чего их используют?

- Я не знаю, - повторил Расти, - но имею намерение узнать.

ПАДАЮТ РОЗОВЫЕ ЗВЕЗДЫ

1

Барби и Расти вышли во двор, наслаждаясь свежим воздухом. В нем ощущался привкус дыма от недавно погашенного пожара на западной окраине города, но после генераторных выхлопов в сарае дышать им было очень приятно. Дряблый ветерок трогал их щеки мягкими кошачьими лапками. В коричневом пакете для покупок Барби нес найденный им в старом бомбоубежище счетчик Гейгера.

- Это дерьмо нельзя так оставлять, - произнес Расти. Лицо у него было пасмурное и решительное.

- Что ты собираешься с этим делать? - спросил Барби.

- Сейчас? Ничего. Вернусь в госпиталь, сделаю обход. Но позже вечером я хочу постучать в двери Джима Ренни, и потребовать у него объяснений. Лучше бы он их имел, и лучше бы он где-то имел спрятанными остальные наши баллоны, потому что уже послезавтра в больнице пропан закончится, даже при том, что все второстепенные службы отключены.

- Послезавтра может все закончиться.

- Ты в это веришь?

Вместо ответа Барби сказал:

- Выборный Ренни может быть опасен, если ему сейчас резко задать этот вопрос.

- Только сейчас? Эти слова выдают в тебе новичка в нашем городе лучше, чем что-либо другое. Я слышал такое о Джиме Ренни в течение всех тех десяти тысяч с лишним лет, что он руководит нашим городом. Он или говорит людям «мотай отсюда», или призывает к терпению. «На благо города», - говорит он. Это выражение номер один в его хит-параде. В марте городское собрание это было вообще курам на смех. Вопрос об установлении новой канализационной системы? Извините, город не вытянет налогов. Вопрос о коммерциализации участков. Замечательная мысль, городу нужна прибыль, давайте позволим построить «Уолмарт»[235] на шоссе 117.

Лаборатория исследования экологии малых городов из Мэнского университета сообщает, что в озере Честер большой уровень загрязнения воды? Выборные рекомендуют отложить этот вопрос, потому что все же знают, что подобными научными исследованиями руководят радикальные гуманисты, мягкосердечные атеисты. Но больница, она на благо города, как ты считаешь?

- Считаю, да, - Барби немного удивился такой пылкости.

Расти, с руками, засунутыми в задние карманы джинсов, втупился глазами в землю. Потом поднял взгляд.

- Я так понимаю, что Президент подталкивает тебя к захвату всей власти. Думаю, сейчас наилучший момент тебе это сделать.

- Это идея, - улыбнулся Барби. – Разве только… Ренни и Сендерс имеют собственные полицейские силы, а у меня они откуда?

Расти не успел ответить, как зазвонил его мобильный. Он открыл телефонную трубку и посмотрел на маленькое окошко.

- Линда? Что?

Выслушал.

- Хорошо, понимаю. Если ты уверена, что с ними обеими сейчас все хорошо. А ты точно уверена, что именно Джуди? Не Дженнилл? - Он еще немного послушал, и тогда произнес: - Я

считаю, что на самом деле это хорошая новость. Я смотрел двух других детей сегодня утром - у обоих были кратковременные судороги, которые быстро прошли, задолго до того, как я их увидел, и оба чувствуют себя после этого хорошо. Еще по поводу трех нам сегодня звонили по телефону. Джинни Т. осматривала другого ребенка. Это может быть побочный эффект той силы, которая поддерживает этот Купол.

Он вновь начал слушать.

- Потому что у меня не было возможности, - ответил он. Тоном терпеливым, непротиворечивым. Барби представил себе тот вопрос: «Дети целый день в судорогах, а ты мне про это рассказываешь?»

- Ты заберешь детей? - спросил Расти. Снова послушал. - Хорошо. Хорошо. Если почувствуешь, что что-то не так, звони по телефону мне немедленно. Я моментально прилечу. И не забудь, Одри должна быть рядом с ними. Так. Ага. И я тебя люблю. - Он прицепил телефон на пояс и обеими ладонями пригладил себе волосы так сильно, что глаза у него на мгновение сделались совсем китайскими.

- Ради Христа, кто такая Одри?

- Наша собака, породы золотистый ретривер.

- Расскажи-ка мне про эти судороги.

Расти рассказал, не забыв о том, что Дженни говорила о Хэллоуине и что Джуди говорила о розовых звездах.

- Слова о Хэллоуине напоминают то, что проговаривал сквозь рыдания мальчик Динсморов, - заметил Барби.

- Конечно, разве нет?

- А другие дети? Кто-то из них говорил о Хэллоуине? Или о розовых звездах?

- Родители, с которыми я сегодня виделся, говорили, что их дети лопотали что-то, пока продолжались судороги, но они сами были весьма напуганными, чтобы обращать внимание на слова.

- А сами дети не помнят?

- Дети даже не знают, что у них были судороги.

- И это нормально?

- Это не ненормально.

- А не может быть так, что твоя младшая дочь копирует старшую? Может… ну, я не знаю… ревнует к вниманию?

Расти не рассматривал такой возможности, не было на это времени, вообще. Теперь он обдумал этот вариант.

- Возможно, но вряд ли, - он кивнул на желтый старинный счетчик Гейгера в сумке. - Собираешься заняться исследованиями с этой штукой?

- Я? Нет, - возразил Барби. - Эта деточка - собственность города, правителям которого я не очень нравлюсь. Не хотелось бы мне быть пойманным с этой машинкой, - он протянул пакет Расти.

- Я не могу. Именно сейчас я буду очень занят.

- Знаю, - сказал Барби и начал объяснять Расти, что он хочет, чтобы тот сделал. Расти внимательно слушал, слегка улыбаясь.

- О'кей, - согласился он. - Мне это подходит. А сам ты, что собираешься делать, пока я буду выполнять твою задачу?

- Готовить ужин в «Шиповнике». Сегодняшнее фирменное блюдо - цыплята а-ля Барбара. Хочешь, пришлю тебе порцию в больницу?

- Аппетитно звучит, - кивнул Расти.

2

По дороге к госпиталю Расти остановился возле редакции «Демократа» и передал счетчик Гейгера Джулии Шамвей.

Она выслушала инструкции Барбары с кроткой улыбкой.

- Этот мужчина знает, как передавать полномочия, надо отдать ему должное. Я позабочусь об этой вещи с радостью.

Расти хотел было предупредить ее, чтобы счетчик не попал на глаза кому не следует, но нужды в этом не было. Пакет с прибором исчез в промежутке для ног между тумбами ее письменного стола.

Дорогой в госпиталь он набрал Джинни Томлинсон и спросил у нее о том звонке по поводу судорог, на который она отвечала.

- Маленький мальчик по имени Джимм Викер. Звонил его дедушка. Кажется, Билл Викер?

Расти его знал. Билл приносил им почту.

- Мать мальчика оставила его на дедушку, пока сама ездила заправиться. Кстати, в «Топливе & Бакалее» обычный бензин почти закончился, и Джонни Карвер имел наглость задрать цену до одиннадцати долларов за галлон. Одиннадцати!

Расти слушал терпеливо, думая, что лучше бы ему было об этом поговорить с Джинни с глазу на глаз. Он уже был почти рядом с самой больницей. Когда она закончила жаловаться, он спросил, не проговаривал ли что-то Джимми, в то время как у него случились судороги?

- Конечно, говорил. Билл сказал, что он что-то там болтал. Припоминаю, что-то о розовых звездах. Или о Хэллоуине. Или, может, я путаю с тем, что говорил Рори Динсмор после того, как его ранило. Люди потом еще об этом говорили.

«Конечно, говорили, - мрачно подумал Расти. - И еще будут говорить, если соберут в кучу то и другое. А так оно, несомненно, и будет».

mir-knigi.org

- Хорошо, - произнес он. - Благодарю тебя, Джинни.

- А ты когда вернешься, Рэд Райдер[236]?

- Я почти уже на месте.

- Хорошо. Потому что у нас новый пациент. Сэмми Буши. Она была изнасилована.

Расти застонал.

- Ей уже лучше. Ее привезла Пайпер Либби. Я не смогла узнать от нее, кто это сделал, но, думаю, Пайпер узнала. Она от нее вышла такой, словно у нее волосы горят, словно ее кто-то за сраку… - пауза. Джинни так зычно зевнула, что даже Расти услышал. - Укусил.

- Джинни, сердце мое, когда ты спала последний раз?

- Я в порядке.

- Иди домой.

- Ты смеешься? - испуганным голосом.

- Нет. Иди домой. Поспи. И не включай будильник, - вдруг у него всплыла новая мысль. - Но зайди по дороге в «Розу-Шиповник», ты же сможешь? Они сегодня жарят цыплят. Я слышал это из надежных источников.

- Саманта Буши…

- Я осмотрю ее уже через пять минут. А тебе, пчелка, нужно к тому времени отлететь прочь.

Она не успела запротестовать, как он сложил телефон.

3

Большой Джим Ренни чувствовал себя прекрасно, как для человека, который прошлой ночью убил другого человека. Отчасти благодаря тому, что он не считал это убийством, так же, как не считал убийством смерть своей покойной жены. Ее убил рак. Неоперабельный. Да, возможно, в последнюю неделю он давал ей много болеутоляющих таблеток, а в конце еще и помог ей подушкой (впрочем, легонечко, медленно перекрывая ей дыхание, он передал ее в руки Иисуса), но сделал он это из любви и из-за собственной доброты. То, что случилось с преподобным Коггинсом, было немного более грязным, это надо признать, но тот сам на него так наехал. Абсолютно неспособен был поставить благо города впереди собственной выгоды.

- А впрочем, он ужинает с Господом Богом Христом сегодня, - произнес Большой Джим. - Ростбиф, картофельное пюре с подливкой, сочное яблоко на десерт.

Перед ним как раз стояла большая тарелка фетучинни альфредо, благодарность компании «Stouffer's»[237]. Конечно, многовато холестерина, но рядом не было доктора Гаскелла, который бы его этим упрекал.

- Я тебя пережил, старый засранец, - поведал Большой Джим своему пустому кабинету и искренне расхохотался. Тарелка с пастой и стакан с молоком (Большой Джим не употреблял алкоголя) стояли на столике. Он часто ел за письменным столом и не видел потребности в том,

чтобы менять собственные привычки только потому, что в его кабинете встретил свою смерть Лестер Коггинс. Кроме того, в кабинете еще раз было убрано, и вычищено, и все выстирано. О, он подозревал, что какая-нибудь из тех следственных бригад, которые показывают по телевизору, смогла бы найти достаточно кровавых пятен с их люминалом, специальными лампами и всяким таким оборудованием, но никто из них не появится здесь в ближайшем будущем. А что касается Питера Рендольфа в роли детектива… сама мысль об этом отдавала абсурдом. Рендольф просто идиот.

- Однако, - сообщил Большой Джим пустому кабинету лекторским тоном, - он мой идиот.

Он всосал последние макаронины, промокнул свой обширный подбородок салфеткой и вновь начал строчить на разлинованных листах желтого блокнота, который лежал рядом на столике. С субботы он уже понаписывал многое, потому что так много дел надо было сделать. А если Купол будет оставаться на своем месте, их будет еще больше.

Большой Джим имел невысказанную надежду, что тот будет оставаться, по крайней мере, некоторое время. Купол бросал вызов, на который он чувствовал в себе способность достойно ответить (с Божьей помощью, конечно). Первый закон бизнеса - консолидировать всю власть в своих руках. Для этого ему нужен был не просто козел отпущения, ему нужен был монстр. Лучше всего годился на эту роль Барбара, человек, которого объединенные комми[238] начальников штабов демократической партии пропихнули, чтобы он заменил Джеймса Ренни.

Двери кабинета открылись. Большой Джим поднял голову от своих записей, в двери стоял его сын. Лицо у него было бледное, невыразительное. Что-то было не то с Джуниором в последнее время. Даже очень занятый городскими делами (и тем бизнесом, который тоже требовал его контроля) Большой Джим это заметил. Однако он все равно не сомневался в своем сыне. Даже если Джуниор его подведет, Большой Джим был уверен, что как-то это переживет. Он всю жизнь положил на создание собственной удачи; и не должно теперь все перемениться.

Кроме того, мальчик убрал труп. Таким образом, стал соучастником. Что к лучшему - фактически, в этом суть жизни в маленьком городе. В маленьком городе каждый должен быть соучастником всего. Как там поется в той идиотской песенке? Мы одна команда, тебе нужно понимать.

- Сынок? - спросил он. - Все хорошо?

- Со мной - да, - ответил Джуниор. Он чувствовал себя не очень, но все равно лучше, чем до этого, последняя ядовитая головная боль наконец-то ослабла. Помогло пребывание с подружками, как он и думал. В кладовке Маккейнов не очень приятно пахло, но, посидев там некоторое время, подержав их за руки, он привык к тому запаху. Думал, что со временем тот ему даже начнет нравиться.

- Ты что-нибудь нашел в его квартире?

- Да, - Джуниор рассказал отцу, что он нашел.

- Это просто прекрасно, сынок. Действительно прекрасно. А ты уже можешь сказать мне, где ты спрятал тру… где ты положил его?

Джуниор медленно покачал головой туда-сюда, но его глаза при этом не шевелились - они не отрывались от отцовского лица. Это выглядело страшновато.

- Не следует тебе знать. Я тебе уже говорил. Место безопасное, и этого достаточно.

- Итак, теперь это ты мне указываешь, что мне следует знать, - хотя произнес он это без обычного запала.

- В данном случае - да.

Большой Джим внимательно присмотрелся к своему сыну.

- Ты уверен, что с тобой все в порядке? Что-то ты бледный.

- Я в порядке. Просто болела голова. Уже проходит.

- Почему бы тебе не поесть? В холодильнике есть еще фетучинни, а микроволновка чудесно их готовит, - он улыбнулся. - Можем пошиковать, пока есть время.

Внимательный взгляд темных глаз на мгновение переместился на лужицу белого соуса на тарелке Большого Джима, а потом вновь вперился в отцовское лицо.

- Я не голоден. Когда мне нужно обнаружить трупы?

- Трупы? - вытаращился Большой Джим. - Что ты имеешь в виду, под «трупы»?

Джуниор улыбнулся, губы его задрались достаточно, чтобы продемонстрировать острые концы зубов.

- Не переживай. Тебе только доверия больше будет, если удивишься не меньше, чем все другие. Скажем так - едва лишь мы нажмем на курок, весь город будет готов повесить Бааарби на ближайшей кривой яблоне. Когда тебе надо, чтобы я это сделал? Этим вечером? Потому что все готово.

Большой Джим размышлял. Он смотрел вниз, на свой желтый блокнот, усеянный записями (и забрызганный соусом альфредо), но лишь два слова были обведены: газетная сука.

- Не сегодня. Мы сможем использовать его не только с Коггинсом, если правильно все разыграем.

- А если Купол исчезнет, пока ты будешь разыгрывать?

- Все будет хорошо, - произнес Большой Джим, тем временем думая: «А если мистер Барбара каким-то способом сумеет выскользнуть из ловушки - хотя едва ли, однако тараканы умеют находить щели, когда включается свет - в запасе всегда есть ты. Ты и те твои другие трупы». - А сейчас все-таки возьми себе чего-нибудь поесть, хотя бы немного салата.

Но Джуниор не пошевелился.

- Не тяни слишком долго, отец, - произнес он.

- Не буду.

Джуниор взвесил его слова, взвесил его самого этими своими темными глазами, которые сейчас казались такими странными, и наконец, похоже, потерял интерес. Зевнул.

- Я пойду к себе в комнату, немного посплю. Поем позже.

- Только не забудь. Ты очень похудел.

- Худой в масть, - ответил ему сын вместе с фальшивой улыбкой, которая беспокоила еще больше, чем его взгляд. Большому Джиму она показалась улыбкой скелета. Это натолкнуло его на мысль о человеке, который называл себя теперь Мастером и этим словно перечеркивал прошлую собственную жизнь под именем Фил Буши. Когда Джуниор вышел из кабинета, Большой Джим вздохнул с облегчением, сам того не осознав.

Он схватил пальцами ручку: так много всего надо сделать. И он все это сделает, и сделает хорошо. Ничего невероятного нет в том, что, когда все это закончится, его портрет может появиться на обложке журнала «Тайм».

4

Пока ее генератор еще находился на ходу - хотя едва ли он продержится долго, если она не достанет запасных баллонов с пропаном - Бренда имела возможность завести принтер своего мужа и сделать бумажные копии всего, что содержалось в папке ВЕЙДЕР.

Невероятный список нарушений, составленный Гови, которому он, вероятно, уже собирался дать ход, но не успел из-за своей смерти, на бумаге ей казался более реальным, чем на компьютерном экране. И чем дольше она читала этот список, тем более те нарушения, в ее понимании, были к лицу Джиму Ренни, которого она знала большую часть своей жизни. Она всегда знала, что он монстр, только не знала, что он такой большой монстр.

Даже материалы, касающиеся Коггинсовской церкви Иисуса-гимнаста, доказывали… хотя если она правильно все поняла, это и не церковь вовсе, а большая ханжеская химчистка, где вместо белья стирают деньги. Деньги от производства наркотиков, по словам ее мужа - «чуть ли не одного из самых больших за всю историю Соединенных Штатов».

Но существовали проблемы, с которыми столкнулись шеф местной полиции Гови Дюк Перкинс и генеральный прокурор штата. Эти проблемы и послужили причиной того, что операция «Вейдер» так надолго застряла в фазе собирания доказательств. Джим Ренни был не просто большим монстром; он был хитрым монстром. Именно поэтому он всегда предпочитал оставаться вторым выборным. Тропинку для него протаптывал Энди Сендерс.

Он же и исполнял роль подставной фигуры. Длительное время Гови имел твердые доказательства только против одного Энди. Он был главным фигурантом, сам о том едва ли подозревая, этот идиот, всегда готов был радостно поздороваться с кем-нибудь. Энди был первым выборным, первым дьяконом Святого Спасителя, первым в сердцах жителей города, и его подписи стояли первыми на муниципальных документах, которые исчезали в туманных финансовых болотах на Больших Каймановых островах и в Нассо на Багамах. Если бы Гови с генпрокурором штата поспешили, он, несомненно, стал бы и первым, кому бы пришлось сфотографироваться, держа в руках свой номер. Возможно, и единственным, если верил неизменным обещаниям Большого Джима, что все будет хорошо, если Энди будет держать язык за зубами. Вероятно, он бы так и действовал. Кто лучше сможет играть роль дурачка, чем идиот?

Этим летом дело продвинулось к той границе, за которой Гови уже усматривал конец игры.

Тогда имя Ренни начало появляться на кое-каких бумагах, которые попали к прокурору, и наиболее интересные из них были связаны с зарегистрированной в Неваде корпорацией «Таун Венчерз». Деньги этой корпорации исчезали не на востоке, на островах Карибского бассейна, а на западе - в материковом Китае, стране, где лекарства против насморка, антиконгестанты, можно покупать хоть тоннами, и никто тебе не будет задавать неудобных вопросов.

Почему Ренни позволил себе таким образом вынырнуть на поверхность? Гови Перкинс имел на это один единственный ответ: денежные потоки стали слишком большими, слишком быстрыми, с ними уже не могла управиться одна прачечная. Постепенно имя Ренни проявилось на бумагах, которые касались и с полдесятка других фундаменталистских церквей на северо-востоке. «Таун Венчерз» и те церкви (не говоря уже о нескольких религиозных радиостанциях, FM и средневолновых, однако ни одна из которых не достигала мощности РНГХ) были первыми настоящими ошибками Ренни. От них потянулись ниточки.

За ниточки можно было дернуть и рано или поздно - по обыкновению это случается рано - открылась бы вся сцена.

«Ты же не сможешь остановиться, правда? - думала Бренда, сидя за письменным столом своего мужа, читая распечатанные бумаги. - Ты уже нагромоздил миллионы, возможно, десятки миллионов, и риски сильно возросли, но остановиться ты не можешь. Как та обезьяна, которая не способна выбраться с ловушки, потому что не может расцепить пальцы, выпустить добытую пищу. Ты наворотил огромные от черта деньги, но живешь в томже самом старом трехэтажном доме, барыжишь старыми машинами на этом своем торжище на шоссе 119. Почему?»

А впрочем, она знала почему. Не в деньгах дело, дело в городе. В городе, который он считал своим собственным. Сидя где-то на пляже в Коста-Рике, или в роскошном имении с нанятыми охранниками в Намибии, Большой Джим превратился бы в Малого Джима. Потому что человек без хоть какой-то целеустремленности, даже с набитыми деньгами банковскими счетами, всегда мелок.

Если бы она попробовала прищучить его со всем тем, что она на него имеет, получилось бы ей с ним договориться? Заставить его уйти в отставку в обмен на ее молчание? Уверенности не было. И она опасалась такой встречи с глазу на глаз. Кроме того, что хуже всего, это может быть и опасно. Надо взять с собой Джулию Шамвей. И Барби. Вот только на Барби сейчас тоже нарисована мишень.

В ее голове зазвучал голос Гови: «У тебя есть время еще немного подождать - я сам ждал нескольких окончательных доказательств, чтобы иметь полнейшую уверенность, но я бы не ждал слишком долго. Потому что чем дольше длится эта осада, тем более небезопасным он становится».

Она вспомнила, как Гови начал сдавать назад машиной, а потом остановился, чтобы поцеловать ее под ясным солнцем, вспомнила его губы, такие знакомые ей и такие же родные, как ее собственные. И как он гладил в тот миг ей шею. Словно знал, что приближается конец, и одним последним прикосновеньем старался отблагодарить ее за все. Как не безумно романтически и, бесспорно, высокомерно это было, но она почти в это поверила, и глаза ее исполнились слезами.

Вдруг все бумаги, со всеми зафиксированными в них махинациями, перестали казаться ей важными. Даже Купол стал не таким уже и важным. Перевешивала все теперь та дыра, которая так неожиданно появилась в ее жизни, дыра, которая всасывала в себя всю ту радость, которую до этого она воспринимала за будничность. Ей подумалось, чувствует ли сейчас что-то похожее бедный Энди Сендерс. Вероятно, что так, решила она.

«Отложим это на время. Если завтра вечером Купол еще будет стоять, пойду со всем этим к Ренни - с копиями этих материалов - и скажу, что он должен подать в отставку в пользу Дейла Барбары. Скажу ему, если откажется, что тогда он все о своих аферах с наркотиками прочитает в газете».

- Завтра, - прошептала она, закрывая глаза. Через две минуты она уже спала в кресле Гови. В Честер Милле настало время ужина. Некоторые из блюд (включая цыплят а-ля кинг - порций сто), были приготовлены на электрических или газовых конфорках, благодаря тем генераторам, которые еще работали в городе, но были также люди, которые вернулись к использованию своих дровяных печей, кто ради экономии топлива, а кто и из-за того, что, кроме дров, не имел другого выбора. Из сотен каминов в застывший воздух поднимался дым.

И расползался.

5

Передав счетчик Гейгера (адресат принял его радушно, даже приподнято, пообещав начать его использовать уже во вторник утром), Джулия с Горесом на поводке направилась в универсальный магазин Бэрпи. Ромео говорил ей, что имеет на складе пару абсолютно новых ксероксов фирмы «Киосера»[239], оба еще в оригинальной заводской упаковке. Сказал, что они в ее распоряжении.

- У меня есть также немного скрытого пропана, - сознался он, гладя Гореса. - Я обеспечу вас всем, чем надо, во всяком случае, столько времени, сколько смогу. Мы должны заботиться, чтобы газета продолжала выходить, я прав? Сейчас это еще важнее, чем всегда, как вы тумаете?

Именно так Джулия и «тумала», так она ему и ответила. А в дополнение еще и поцеловала его в щеку.

- Я ваша должница, Ромми.

- Я буду ожидать значительных скидок на мою еженедельную рекламную вставку о распродаже, когда это закончится, - постучал он себе сбоку по носу указательным пальцем так, словно они сейчас договаривались о чем-то весьма тайном. А может, так оно и было.

Уже выйдя во двор, она услышала чириканье телефона. Достав телефон из кармана брюк, произнесла:

- Привет, Джулия слушает.

- Добрый вечер, мисс Шамвей.

- О, полковник Кокс, как приятно слышать ваш голос, - игриво сказала она. - Вы даже не представляете себе, как это трогательно для нас, провинциальных мышек, получить звонок из-за черты нашего городка. Как там жизнь вне Купола?

- В целом жизнь, наверняка, идет хорошо, - ответил он. - Хотя сам я сейчас нахожусь на ее хреновой стороне. Вам известно о ракетах?

- Наблюдала, как они ударили. И отскочили. Хороший пожар принялся от них на вашей стороне…

- Это не мой…

- …и немного меньший на нашей.

- Я звоню, потому что мне нужен полковник Барбара, - перебил Кокс. - Который должен был бы

теперь носить с собой собственный телефон, черт его побери.

- Очень справедливо подмечено! - подхватила она еще более веселым тоном. - А люди в чертовом аду должны были бы получать чертовы прохладительные напитки! - Она остановилась перед закрытым уже на все замки магазином «Топливо & Бакалея». Написанное вручную объявление в витрине гласило: «ЗАВТРА РАБОТАЕМ 11:00-14:00 ПРИХОДИТЕ ПОРАНЬШЕ!»

- Мисс Шамвей…

- Мы поговорим о полковнике Барбара через минуту, - ответила Джулия. - А сейчас я хочу узнать о двух вещах. Первая, когда будет разрешено приближаться к Куполу прессе? Потому что американский народ заслуживает на большее, чем правительственные недомолвки на эту тему, как вы думаете?

Она ожидала от Кокса чего-то на подобие: «Я не думаю, чтобы «Нью-Йорк Таймс» или Си-Эн-Эн появились возле Купола в ближайшем будущем». Но он ее удивил.

- Возможно, в пятницу, если наши другие, сейчас пока что секретные, акции не дадут результатов. О чем вы еще хотели бы узнать, мисс Шамвей? Говорите быстро, потому что я не в пресс-службе работаю, у меня другой уровень зарплаты.

- Это вы мне звоните, значит, это я вам нужна. Угождайте мне, полковник.

- Мисс Шамвей, со всем моим уважением, вы не единственная, кто имеет мобильный телефон в Честер Милле, я могу позвонить и кое-кому другому.

- Не имею относительно этого сомнений, но не думаю, что Барби захочет с вами говорить, если вы будете грызться со мной. Он вообще не очень рад своему новому назначению на сомнительную должность начальника концлагеря.

Кокс вздохнул.

- Какой еще у вас вопрос?

- Я хочу знать, какая сейчас температура с южной и восточной стороны Купола - то есть настоящая температура, без учета пожара, который вы там развели.

- Зачем…

- У вас есть такие данные или нет? Думаю, у вас они есть или можете легко получить. Думаю, вы именно сейчас сидите перед компьютером и имеете доступ к чему угодно, наверняка, включая информацию о размере нижнего белья, которое я ношу. - Она помолчала минутку. - Но если вы скажете мне, что там шестнадцать градусов, нашему разговору конец.

- Вы демонстрируете мне ваше чувство юмора или вы всегда такая, мисс Шамвей?

- Я утомлена и испугана. Спишите на это.

Теперь зависла пауза со стороны Кокса. Ей показалось, она слышит клацанье клавиш компьютера. Наконец он заговорил.

- В Касл Роке сорок семь градусов по Фаренгейту. Вам достаточно?

mir-knigi.org

- Да, - различие не было таким уж большим, как она боялась, но все равно значительное. - Я смотрю на термометр в витрине магазина. На нем пятьдесят восемь[240]. Итак, одиннадцать градусов различие между населенными пунктами, которые расположены друг от друга на расстоянии двадцати миль. Если этим вечером по западному Мэну не продвигается какой-то чрезвычайно мощный фронт теплого воздуха, я сказала бы, у нас здесь что-то происходит. Вы согласны?

Полковник не ответил на этот вопрос, но то, что он сказал, заставило ее забыть обо всем другом.

- Мы собираемся подвергнуть испытанию кое-что новое. Около девяти вечера, сегодня. Об этом я и хотел сообщить Барби.

- Остается надеяться, что план Б сработает лучше плана А. А президентский выдвиженец на данный момент времени, как я думаю, кормит огромное количество людей в «Розе-Шиповнике». По слухам, цыплятами а-ля кинг. - Она посмотрела в конец улицы, где маячил свет, и у нее заурчало в желудке.

- Вы можете меня выслушать и передать ему сообщение? - Непроронненное им она тоже услышала: «Придирчивая сука»

- С радостью, - ответила она, улыбаясь. Потому что и на самом деле была придирчивой сукой. Когда было нужно.

- Мы собираемся подвергнуть испытанию экспериментальную кислоту. Фтороводородное химическое соединение. В девять раз более едкое, чем обычная кислота.

- Улучшение жизни уже сегодня через химию.

- Мне сообщили, что теоретически ей можно прожечь дыру глубиной в две мили в геологическом пласте.

- На каких забавных людей вы работаете, господин полковник.

- Мы будем делать это там, где Моттонская дорога… - послышался шелест бумаг. - Где дорога из Моттона подходит к Харлоу. Я тоже собираюсь присутствовать там.

- В таком случае я скажу Барби, чтобы кто-нибудь другой помыл посуду вместо него.

- А будем ли мы иметь радость увидеть и вас в нашей компании, мисс Шамвей?

Она уже было раскрыла рот, чтобы сказать «такого события я пропустить не могу», как именно в это мгновение где-то дальше по улице разгорелся адский скандал.

- Что там происходит? - спросил полковник Кокс.

Джулия не ответила. Закрыв телефон, она кинула его в карман и побежала по улице в направлении возбужденных голосов. И чего-то еще. Чего-то, что звучало, как рычание.

Выстрел прозвучал, когда она уже была за полквартала оттуда.

6

Пайпер вернулась в пасторскую усадьбу, где и увидела Каролин, Терстона и юных Эпплтонов, которые ее ожидали. Она обрадовалась нежданным гостям, потому что они отвлекали ее от мыслей о Сэмми Буши. По крайней мере, на некоторое время.

Пайпер выслушала рассказ Каролин о судорогах Эйдена Эпплтона, хотя сейчас с мальчиком было на вид все хорошо - сейчас он уже доедал коробку инжирных «ньютонов»[241]. Когда Каролин спросила, следует ли показать мальчика врачу, Пайпер ответила:

- Разве что случится рецидив, а так, я думаю, этот случай можно отнести на счет того, что он был голодный и возбужденный игрой.

Терстон сочувственно улыбнулся.

- Мы все были возбуждены. Было так весело.

Когда дошло до вопроса, где бы им пожить, Пайпер сначала подумала о доме Маккейнов, который стоял неподалеку. Вот только она не знала, где они прячут свои запасные ключи.

Алиса Эпплтон сидела на присядках, кормя крошками «ньютонов» Кловера. Между порциями пес отрабатывал традиционный ритуал тыканья носом в ноги: я-твой-наилучший-друг.

- Это самая лучшая собака изо всех, которых я видела в своей жизни, - сказала она Пайпер. - Мне так хочется, чтобы и у нас была собака.

- А у меня есть дракон, - похвастался Эйден, удобно примостившись на коленях у Каролин.

Алиса, извиняясь, улыбнулась.

- Это его невидимый ДРУХ.

- Понимаю, - кивнула Пайпер. Ей подумалось, что можно было бы и окно разбить в доме Маккейнов: в затруднении и черт помощник.

Но, встав посмотреть, как там кофе, она придумала кое-что получше.

- Думагены, мне сразу следовало бы о них вспомнить. Они уехали на конференцию в Бостон. Корали Думаген еще попросила меня поливать ее цветы, пока их не будет.

- Я преподаю в Бостоне. В Эмерсоне. Я редактировал текущий выпуск «Лемехов», - сообщил Терстон и вздохнул.

- Ключ под вазоном слева от дверей, - объяснила Пайпер. - Мне кажется, генератора уних нет, но в кухне есть дровяная печь. - Она поколебалась, подумав: «Это же чисто городские люди». - Вы сможете воспользоваться печью без того, чтобы сжечь дом?

- Я вырос в Вермонте, - заявил Терстон. - Сам топил печи и в доме, и в сарае, пока не уехал из дома учиться в колледж. Все возвращается на круги своя, ведь так? - И он вновь вздохнул.

- В кладовке должны быть продукты, я уверена, - сказала Пайпер.

Каролин кивнула.

- Вахтер в городском совете говорил нам тоже самое.

- И Джууу-Ньер, - вставила Алиса. - Он коп. Тот, который милый.

- Алисин милый коп напал на меня, - скривился Терстон. - Он и еще один. Хотя для меня все они на одно лицо.

Брови Пайпер полезли вверх.

- Ударили Терстона в живот, - тихо объяснила Каролин. - Обзывали нас массачусетскими дуралеями - что, как мне кажется, технически корректно - и смеялись над нами. Для меня это было наихудшим - как они смеялись над нами. Когда мы их встретили уже с детьми, они были другими, но… - она помотала головой. - Они совсем безмозглые.

И Пайпер, словно вновь оказалась возле Сэмми. Ощутила, как сердце забилось у нее в горле, очень медленно и тяжело, но голос она сохранила ровный.

- Как звали другого полисмена?

- Фрэнки, - сказала Каролин. - Джуниор называл его Фрэнки Де. Вы знаете этих ребят? Наверняка, да?

- Я знаю их, - ответила Пайпер.

7

Она объяснила новой импровизированной семье, как добраться до усадьбы Думагенов - их дом был тем удобен, что находился рядом с «Кэти Рассел», если у мальчика вдруг повторятся судороги - а выпроводив гостей, присела за кухонный стол выпить чая. Пила она медленно. Делала глоток и вновь ставила чашку. Потихоньку скулил Кловер. Он всегда чувствовал ее настроение, тем более настоящую злость, подумала она.

«Может, в таком состоянии у меня другой запах? Более резкий, что ли».

Картина прояснялась. Нехорошая картина. Куча новых копов, очень молодых копов, принесли присягу менее сорока восьми часов тому назад и уже вошли в раж. Разнузданное поведение, которое они продемонстрировали с Сэмми Буши и Терстоном Маршаллом не распространится на таких ветеранов полиции, как Генри Моррисон или Джеки Веттингтон, она, по крайней мере, в такое не верила, но что касается Фрэда Дентона? Или Тоби Велана? Здесь все возможно. Вероятно. Когда шефом был Дюк, они были нормальными. Не идеальными, иногда могли и лишнего наговорить, остановив твою машину, но в общем, нормальными. Вероятно, наилучшими из тех, которых мог себе позволить городской бюджет. Но, как любила говорить ее мать: «Задешево покупаешь, дешевое и имеешь». А с Питом Рендольфом в роли шефа…

Что-то надо с этим делать.

Вот только она должен контролировать свой гнев, потому что, если не сможет, тогда он будет контролировать ее.

Она сняла поводок с крюка возле дверей. Моментально рядом оказался Кловер, замолотил хвостом, уши торчком, глаза горят.

- Айда, лодырь мой большой. Мы пойдем подавать жалобу.

Когда она выводила пса во двор, он все еще слизывал по бокам пасти налипшие крошки

«ньютонов».

8

Проходя через городскую площадь-парк с Кловером, который четко держался по правую сторону от неё, Пайпер чувствовала, что она удерживает под контролем свой гнев. Чувствовала она это, пока не услышала смех. Тот прозвучал, когда они с Кловером как раз уже подходили к полицейскому участку. Она увидела тех самых юнцов, чьи имена вытянула из Сэмми Буши: Делессепс, Тибодо, Ширлз. Там же присутствовала и Джорджия Руа, Джорджия, которая их подстрекала, судя со слов Сэмми: «Трахайте эту суку». И Фрэдди Дентон вместе с ними. Они сидели на верхней ступеньке каменного крыльца полицейского участка, пили содовую, точили лясы. Дюк Перкинс такого ни за что не позволил бы, и Пайпер представила себе, что если бы он увидел оттуда, где находится сейчас, что здесь творится, он бы перевернулся в своей могиле так, что его останки вспыхнули бы.

Что-то сказал Мэл Ширлз, и они вновь залились таким хохотом, что начали хлопать, смеясь, друг друга по спинам. Тибодо обнимал рукой девицу Руа, погрузив сбоку пальцы в углубление под ее грудью. Теперь она что-то сказала и все вновь еще веселее рассмеялись.

Пайпер подумалось: это они сейчас смеются, вспоминая изнасилование, как весело, как интересно они там поразвлеклись, - и после этого совет ее отца потерял всякие шансы. Предыдущая Пайпер, которая присматривала за бедными и больными, которая отправляла брачные и похоронные службы, которая призывала в своих воскресных проповедях к благотворительности и терпимости, была бесцеремонно отброшена на задворки ее собственного мозга, откуда она могла разве что наблюдать, словно через искривленное, волнистое оконное стекло. Вперед вырвалась другая Пайпер, та, которая пятнадцатилетней громила собственную комнату, обливаясь слезами не сожаления, а злости.

Между городским советом и более новым, чем он зданием полицейского участка лежала вымощенная сланцевыми плитками площадка, названная в честь павших в войнах - Мемориал-Плаза. В его центре возвышался памятник отцу Эрни Келверта, Люсьену Келверту, посмертно награжденному Серебряной Звездой за героизм во время войны в Корее. На пьедестале были выбиты имена всех жителей Честер Милла, которые погибли в войнах, начиная с Гражданской. Там же торчали два флагштока: один с национальным звездно-полосатым флагом, а второй с флагом штата, на котором по бокам американского лося стоят фермер и моряк. В красном свете заката оба флага безвольно свисали. Пайпер Либби прошла между ними, словно лунатик. Рядом, держась немного позади ее правого колена, следовал с навостренными ушами Кловер.

«Офицеры» на крыльце вновь залились искренним хохотом, и ей припомнились тролли из какой-то сказки из тех, что ей когда-то читал отец. Тролли, которые радуются в пещере кучам где-то награбленного золота. Они увидели ее и затихли.

- Добрый вечер, преподобная, - привставая и с каким-то высокомерием поправляя на себе ремень, поздоровался Мэл Ширлз.

«Вставать в присутствии леди, - подумала Пайпер. - Это его мать научила? Наверняка. Прекрасному искусству изнасилования он научился еще где-то».

Он еще улыбался, когда она приблизилась к ступенькам, но вдруг заткнулся, напрягся, потому что, вероятно, заметил выражение ее лица. Каким было это выражение, сама она не ведала. Изнутри собственное лицо чувствовалось ей неподвижным. Застывшим.

Она заметила, что самый бледный из них, Тибодо, внимательно смотрит на нее. Лицо у него было таким же застывшим, каким она ощущала собственное.

«Он как Кловер, - подумала она. - Он учуял что-то во мне. Злость».

- Преподобная? - спросил Мэл. - Все в порядке? Какие-то проблемы?

Она пошла вверх по ступенькам, не быстро, не медленно. И Кловер тоже, держась ее ноги.

- Ты угадал, есть проблема, - произнесла она, не отводя от него глаз.

- Что…

- Ты! - показала она. - Ты и являешься этой проблемой.

И толкнула его. Он этого не ожидал. В одной руке Мэл держал стаканчик с колой. Столкнувшись с Джорджией Руа, он, стараясь удержать равновесие, беспомощно раскинул руки, и на мгновение, его питье превратилось в темного океанического ската манта рей в покрасневшем небе. Джорджия вскрикнула от неожиданности, когда Мэл сел ей на колени. Она качнулась назад, разлив и свой напиток. Тот выплеснулся на широкую гранитную плиту перед двойными дверями участка. Пайпер услышала запах то ли ирландского виски, то ли бурбона. Вместе с водичкой в их стаканах было то, чего остальные жители города купить себе не могли. Не удивительно, что они так весело хохотали.

Красная трещина в ее голове увеличилась.

- Вы не… - открыв рот, начал привставать, Фрэнки.

Она и его толкнула.

Из какой-то далекой-далекой галактики послышалось рычание Кловера, обычно самой доброй собаки.

Фрэнки упал на спину, с глазами выпяченными, испуганными, на мгновение, превратившись в ученика воскресной школы, которым он когда-то действительно был.

- Изнасилование - вот какая проблема! - закричала Пайпер. - Изнасилование!

- Замолчи, - произнес Картер. Он остался сидеть и, хотя Джорджия настороженно щурилась около него, сам Картер оставался спокойным. Только мышцы под его короткими рукавами голубой рубашки напряглись. - Заткни глотку и сейчас же убирайся отсюда, если не хочешь просидеть целую ночь в камере внизу…

- Это ты сядешь в эту камеру, - сказала Пайпер. - Все вы сядете.

- Заставь ее замолчать, - вскрикнула Джорджия, она еще не плакала, но уже была близка к тому. - Сделай что-нибудь, чтобы она замолчала, Карт.

- Мэм, - отозвался Фрэдди Дентон.

Рубашка расстегнута, дыхание отдает бурбоном. Дюк бы на него только взглянул и тут же выгнал из полиции с носака под сраку. Погнал бы их всех подсрачниками. Теперь и он начал привставать, и пришла и его очередь завалиться навзничь с удивленным выражением лица, которое при других обстоятельствах казалось бы смешным. Хорошо, что они сидели, а она

mir-knigi.org

стояла. Так было легче. Но, ох, как же у ней стучало в висках. Она обратила свое внимание на Тибодо, самого опасного. Он продолжал смотреть на нее невозмутимо, и осатанение ее вдруг исчезло. Словно она была шутом, за право посмотреть на которого в ярмарочной палатке он заплатил четверть доллара. Но он смотрел на нее снизу вверх, и в этом было ее преимущество.

- Только вы будете сидеть не в здешнем подвале, - произнесла она прямо в глаза Тибодо. - Место вам в Шоушенке, где с такими, как вы, провинциальными бычками делают то же самое то, что вы сделали с той девушкой.

- Ты, глупая сука, - произнес Картер таким тоном, словно говорил о погоде. - Мы и рядом не были с ее домом.

- Так и есть, - поддакнула, вновь садясь прямо, Джорджия. Одну щеку ей заляпало колой, там, где у нее отцветала злостная россыпь юношеского акне (однако еще держа несколько арьергардных постов). - А, кроме того, все знают, что Сэмми Буши не кто иная, как лживая лесбийская пизда.

Губы Пайпер растянулись в улыбку. Она повернулась к Джорджии, и та тут же отшатнулась от этой бешеной леди, которая появилась так неожиданно на их крыльце, когда они едва присели, чтобы пропустить по предвечернему стаканчику, а то и по два.

- А откуда тебе известно имя лживой лесбийской суки? Я его не называла.

Челюсть у Джорджии отпала, превратив ее рот в испуганное О. И впервые что-то блеснуло за спокойствием Картера Тибодо. Может, это был страх, а может, просто раздражение, Пайпер не знала.

Раньше всех поднялся Фрэнк Делессепс.

- Лучше бы вам не ходить здесь, не разбрасываться обвинениями, которых не можете доказать, преподобная Либби.

- Не нападать на офицеров полиции, - подключился Фрэдди Дентон. - На этот раз я вам прощаю, все теперь в стрессовом состоянии, но вы должны успокоиться и сейчас же перестать произносить свои байки, - он сделал паузу, а потом не в тему добавил: - И толкаться, тоже.

Взгляд Пайпер оставался прикованным к Джорджии, ее пальцы так крепко сжимали пластиковую рукоятку поводка Кловера, что аж дрожали. Пес стоял с наклоненной головой, широко расставив лапы, не переставая рычать. Это рычание напоминало звук мощного подвесного мотора на холостом ходу. Шерсть у него на шее поднялась так, что и ошейника не стало видно.

- Откуда тебе известно ее имя, Джорджия?

- Я… я… я просто предположила…

Картер схватил ее за плечо, сжал.

- Замолчи, бэби. - И тогда к Пайпер, так и не привставая (потому что не хотел, чтобы она его толкнула, трус). - Я не знаю, что за оса тебя укусила в твою Иисусову башку, но мы все вместе вчера вечером были на ферме Алдена Динсмора. Хотели выведать хоть что-то у солдат, которые базируются там, на шоссе 119, но ничего не узнали. Это на противоположной стороне города от Буши, - он осмотрелся на друзей.

- Да, это правда, - подтвердил Фрэнки.

- Правильно, - эхом откликнулся Мэл, недоверчиво смотря на Пайпер.

- Конечно! - поддакнула Джорджия. Снова ее обнимала рука Картера, и момент неуверенности у нее прошел. Она смотрела на Пайпер победно.

- Моя девушка Джорджи высказала допущение, - заговорил Картер с тем самым вдохновляющим на бешенство спокойствием, - что ты здесь раскричалась о Сэмми, потому что именно Сэмми в нашем городе самая грязная, самая брехливая блядь.

Мэл Ширлз зашелся пискливым смехом.

- Но вы не использовали презервативов, - сказала Пайпер. Ей об этом рассказала Сэмми, а увидев, как напряглось лицо Тибодо, она поняла, что так и было. - Вы не использовали презервативов, и у нее взяли анализы на изнасилование, - она понятие не имела, действительно ли взяли, но и не переживала. По их расширенным глазам она видела, что они ей поверили, и этой их веры ей было достаточно. - Когда сравнят ваши ДНК с тем, что в анализах…

- Все, достаточно, - сказал Картер. - Заткни глотку.

Пайпер со своей злой улыбкой обернулась к нему.

- Нет, мистер Тибодо. Мы только начали, сынок.

Фрэдди Дентон потянулся к ней. Она его оттолкнула, но почувствовала, как кто-то схватил ее за левую руку и выворачивает за спину. Она обернулась и увидела глаза Тибодо. Спокойствие их уже покинуло; теперь они пылали злобой.

«Привет, братец», - подумала она неуместно.

- Сука, долбанная сука, - прохрипел он, и теперь уже она полетела навзничь.

Пайпер повалилась на ступеньки, инстинктивно стараясь перекатиться на бок, боясь удариться головой об какую-то из тех каменных ступенек, понимая, что тогда ей точно гарантирован проломленный череп, что это ее убьет, или еще хуже - превратит в овощ. Вместо этого она упала на левое плечо, и вот тогда-то в ней прозвучал внезапный крик боли. Знакомой боли. Когда-то она вывихнула себе это плечо, когда еще школьницей играла в футбол двадцать лет тому назад, и черт ее побери, если это не повторилось теперь вновь.

Ноги ее взлетели выше головы, она, выкручивая себе шею, сделала заднее сальто и приземлилась на колени, разодрав себе кожу на них. И наконец, распласталась, приземлившись на живот и грудь.

Кувырком она преодолела почти все ступеньки - сверху и до самого низа. Щека у нее кровила, нос кровил, губы кровили, шея болела, но, о Боже, хуже всего было ее плечу, которое криво выпятилось тем, хорошо знакомым ей образом.

В прошлый раз, когда ее плечо было с таким горбом, его обтягивал красный нейлон униформы «Уайлдкетс». И все же она заставила себя встать, у нее, благодарить Господа, еще остались силы, чтобы руководить собственными ногами; а ее же запросто могло парализовать.

mir-knigi.org

Поводок она выпустила из руки еще в падении, и Кловер прыгнул на Тибодо, пес щелкал клыками ему по груди и животу, рвал рубашку, повалив Картера на спину, он старался добраться до его яиц.

- Уберите его с меня! - визжал Тибодо. От его спокойствия и следа не осталось. - Он меня загрызет!

А Кловер именно к этому и стремился. Передними лапами он уперся у бедра молодчика и телепался туда-сюда на покалеченном им Картере. Это было похоже на то, будто немецкая овчарка едет на велосипеде. Пес изменил угол атаки и глубоко вгрызся в плечо Картера, вытянув из парня новый визг. А дальше Кловер почти добрался до его горла. Картеру повезло своевременно упереться ладонями собаке в грудь, так он спас свою глотку.

- Оттяните же его!

Фрэнк потянулся, чтобы подхватить бесхозный поводок. Кловер осмотрелся и хапнул зубами его за пальцы. Фрэнк отскочил назад, и Кловер вновь посвятил свое внимание молодчику, который столкнул со ступенек его хозяйку. Раскрыв пасть с двумя рядами сияюще-белых зубов, он рванулся к горлу Тибодо. Картер поднял руку и тут же закричал, когда Кловер в неё вцепился и начал трясти, словно какую-то из своих любимых тряпичных кукол. Вот только из его тряпичных кукол не лилась кровь, а из руки Картера - охотно.

Пайпер, пошатываясь, побрела вверх по ступенькам, держа левую руку поперек груди. Ее лицо превратилось в окровавленную маску. Где-то в уголке рта у ней прилепился зуб, словно какая-то недожеванная крошка.

«УБЕРИ ЕГО ОТ МЕНЯ, ГОСПОДИ ИИСУСЕ, УБЕРИ С МЕНЯ СВОЕГО ПРОКЛЯТОГО ПСА!»

Пайпер уже было открыла рот, чтобы приказать Кловеру «фу», но увидела, как Фрэд Дентон извлекает пистолет.

- Нет! - закричала она. - Нет! Я его уберу!

Фрэд обернулся к Мэлу Ширлзу и свободной рукой показал на собаку. Мэл сделал шаг и ударил Кловера ногой в заднее бедро. Ударил резко и сильно, как еще совсем недавно бил по футбольному мячу. Кловера развернуло поперек Тибодо, и заодно он выпустил из пасти его окровавленную, покромсанную руку, на которой два пальца уже торчали криво, словно погнутые столбы дорожных знаков.

- Нет! - вновь закричала Пайпер, так громко и сильно, что свет померк перед ее глазами. - НЕ ТРОГАЙ МОЮ СОБАКУ!

Фрэд не обратил внимания. Когда из двойных дверей вылетел Питер Рендольф, с выпущенной из брюк рубашкой, с расстегнутой мотней, держа в руке журнал «Аутдорз»[242], который он читал в сральнике, Фрэд и на него не обратил внимания. Он нацелил свой служебный автоматический пистолет на пса и выстрелил.

На затиснутой между зданиями Мемориал-Плазе выстрел прозвучал оглушительно. Верх головы Кловера разлетелся брызгами из крови и костей. Он сделал один шаг к своей застывшей в крике, окровавленной хозяйке, сделал второй… и упал.

Фрэд, так и держа в руке пистолет, быстро двинулся к Пайпер и схватил ее за истерзанную руку. Ее плечо ойкнуло протестующее. Но она не сводила глаз с трупа своей собаки, которую

вырастила с щенка.

- Ты арестована, бешеная сука, - объявил Фрэд, сам бледный, глаза едва не выскакивают из орбит, он чуть-ли не вплотную наклонился к ее лицу своим, и она ощутила брызги его слюны. - Все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя, говно бешеное.

На противоположной стороне улицы из «Розы- Шиповника» высыпались клиенты, среди них и Барби, все еще в фартуке и бейсбольной кепке. Джулия Шамвей прибыла первой.

Она окинула глазом место происшествия, не вникая в детали, уловила общую картину: мертвая собака; копы сбились в кучу; голосит окровавленная женщина, одно плечо у которой торчит явным образом выше другого; лысый коп – гадостный Фрэдди Дентон - дергает ее за руку, которая растет именно с того истерзанного плеча; кровь на ступеньках подсказывает, что именно с них свалилась Пайпер. Или ее столкнули.

Джулия сделала то, чего не делала никогда раньше в жизни: полезла рукой в свою сумочку, раскрыла кошелек и, раскрыв его и держа перед собой, пошла вверх по лестницам крыльца, объявляя:

- Пресса! Пресса! Пресса!

От этого, по крайней мере, ее перестало трясти.

9

Через десять минут в кабинете, который еще совсем недавно принадлежал Дюку Перкинсу, на диване под сертификатами и обрамленным фото Перкинса сидел со свежей повязкой на плече и обмотанной бумажными полотенцами рукой Картер Тибодо. Рядом с ним сидела Джорджия Руа. На голове Тибодо выступили большие капли крупного пота, но после слов «кажется, ничего не сломано» он замолчал.

Фрэд Дентон сидел на стуле в уголке. Его оружие лежало на столе шефа. Отдал он пистолет почти без возражений, только произнес:

- Я вынужден был это сделать - только взгляните на руку Картера.

Пайпер сидела в казенном кресле, которое теперь принадлежало Питеру Рендольфу. Джулия бумажными полотенцами вытерла большую часть крови с ее лица. Женщина дрожала от шока и сильной боли, но, как и Тибодо, она не стонала. Глаза у нее были ясными.

- Кловер прыгнул на него, - она показала подбородком на Картера, - только после того, как он столкнул меня со ступенек. Падая, я выпустила из руки поводок. Моя собака повела себя надлежащим образом. Он защищал меня от преступного нападения.

- Она сама на нас напала! - заверещала Джорджия. - Эта бешеная сука первой напала на нас. Поднялась на крыльцо, буровя всякую херню…

- Помолчи, - приказал ей Барби. - Все замолчите тут, к черту. - Он посмотрел на Пайпер. - У вас не впервые вывихнуто это плечо, правда?

- Я требую, чтобы вы ушли отсюда, мистер Барбара, - произнес Рендольф… но произнес он это не очень уверенно.

- Я могу им помочь, - ответил Барби. - А вы?

Рендольф не ответил. Мэл Ширлз и Фрэнк Делессепс стояли за приоткрытыми дверьми. Вид они имели неспокойный.

Барби вновь обратился к Пайпер.

- Это смещения, без разрывов. Уже неплохо. Я могу его вправить раньше, чем вас направят в госпиталь…

- Госпиталь? - крякнул Фрэд Дентон. - Она аресто…

- Заткни пасть, Фрэдди, - приказал Рендольф. - Никто здесь не арестован. Пока что, по крайней мере.

Барби смотрел Пайпер прямо в глаза.

- Но мне нужно это сделать прямо сейчас, пока оно не распухло. Если дождетесь госпиталя, чтобы вам вправлял плечо Эверетт, там уже придется применить анестезию. - Он наклонился ей к уху и прошептал: - Пока вы будете в беспамятстве, они смогут рассказать свою версию событий, а вы - нет.

- Что вы там шепчете? - грозно спросил Рендольф.

- Что ей будет больно, - ответил Барби. - Согласны, преподобная?

- Давайте, - кивнула она. - Наша тренерша Громли делала это прямо на боковой линии, а она была полной дурой. Только побыстрее. И, умоляю, не сломайте ее.

Барби позвал:

- Джулия, возьмите жгут в их аптечке и помогите мне положить ее на спину.

Джулия, очень бледная, и сама, чувствуя себя больной, выполнила указание.

Барби сел на пол слева от Пайпер, снял один кед, и тогда схватил преподобную обеими руками за предплечья прямо над запястьем.

- Не знаю метода вашей тренерши Громли, - произнес он, - но вот так делал мой знакомый медик в Ираке. Сосчитайте до трех, и тогда визжите на всю глотку слово «вилка».

- Вилка, - повторила Пайпер, удивленная вопреки боли. - Ну, хорошо, вы здесь доктор.

«Нет, - подумала Джулия. - Теперь единственный, кого наш город имеет наиболее похожего на настоящего врача, это Расти Эверетт». Она успела позвонить по телефону Линде и узнала номер его мобильного, но звонок ему моментально переключился на голосовую почту.

В комнате воцарилась тишина. Даже Картер Тибодо засмотрелся. Барби кивнул Пайпер. На ее лбу выступили бисеринки пота, но лицо осталось маской жесткой футболистки, и Барби почувствовал к ней уважение. Он вставил свою обутую в носок ступню ей под подмышку, удобно и плотно. И тогда, потянув медленно, но неуклонно ее за руку, достиг противодействия со своей ногой.

- О'кей, мы готовы. Теперь слушаем вас.

mir-knigi.org

- Один… два… три… ВИЛКА!

Как только Пайпер закричала, Барби тут же дернул. Все в комнате услышали громкий треск, когда сустав становился на свое место. Горб на блузке Пайпер магическим образом исчез. Она завизжала, но не отключилась. Он набросил ей жгут за шею и пропустил его под рукой, обездвижив последнюю, как только смог.

Спросил:

- Лучше?

- Лучше, - ответила она. - Намного, благодарю Бога. Еще болит, но не так сильно.

- У меня в сумочке есть аспирин, - предложила Джулия.

- Дайте ей аспирин и убирайтесь отсюда, - объявил Рендольф. - Все идут прочь, кроме Картера, Фрэдди, преподобной и меня.

Джулия вперилась в него, не веря собственным ушам.

- Вы шутите? Преподобной надо в больницу. Вы сможете дойти, Пайпер?

Пайпер, пошатываясь, встала.

- Думаю, да. Понемногу.

- Сядьте, преподобная Либби, - приказал Рендольф, но Барби понимал, что тот колеблется. Барби расслышал это в его голосе.

- А вы меня заставьте, - она осторожно подняла левую руку вместе с повязкой. - Я уверена, вы способны ее вывихнуть вновь, очень легко. Ну же. Продемонстрируйте… этим пацанам… что вы ничем не отличаетесь от них.

- А я все опишу в газете! - солнечно улыбнулась Джулия. - Тираж удвоится!

- Предлагаю отложить это дело до завтра, шеф, - вмешался Барби. - Позвольте леди получить более эффективные, чем аспирин обезболивающие и пусть Эверетт осмотрит ее раненное колено. Едва ли у нее есть шанс куда-то убежать, пока Купол на месте.

- Ее собака пыталась загрызть меня насмерть, - отозвался Картер. Несмотря на боль, голос у него вновь звучал спокойно.

- Шеф Рендольф, эти молодчики: Делессепс, Ширлз и Тибодо виновны в изнасиловании. - Пайпер теперь качало, и Джулия обняла ее, чтобы поддержать, но голос преподобной звучал сильно и ясно. - Руа - их соучастница.

- А ни черта подобного! - вскрикнула пронзительно Джорджия.

- Они должны быть срочно отстранены от работы в полиции на время следствия.

- Она врет, - произнес Тибодо.

Шеф Рендольф глазами напоминал человека, который смотрит теннисный матч. Наконец он зацепился взглядом за Барби.

mir-knigi.org

- Вы что, будете мне указывать, что я должен здесь делать?

- Нет, сэр, я лишь высказал предложение, которое основывается на моем опыте внедрения законности в Ираке. Решение вы примете сами.

Рендольф расслабился.

- Тогда о'кей. Хорошо, - он наклонил голову, погрузившись в мысли. Все увидели, как он заметил свою расстегнутую ширинку и решил эту маленькую проблему. После этого он вновь поднял голову и сказал:

- Джулия, отведите преподобную Пайпер в госпиталь. А что касается вас, мистер Барбара, меня не интересует, куда вы пойдете, но я желаю, чтобы вы отсюда убрались. Сегодня я возьму показания у своих офицеров, а завтра у преподобной Либби.

- Подождите, - отозвался Тибодо, протянув свои искривленные пальцы к Барби. - Вы можете с этим что-то сделать?

- Не знаю, - ответил Барби, надеясь, что произнес это деликатно. Первое отвращение прошло, теперь начались политические действия, суть которых он хорошо помнил по контактам с иракскими копами, которые мало чем отличались от этого мужчины на диване и тех, которые скучились в двери. Все сводилось к тому, что надо доброжелательно вести себя с теми, которых хотелось пренебрегать. - Вы сможете произнести «вилка»?

10

Прежде чем постучать в двери Большого Джима, Расти выключил свой мобильный. Теперь Большой Джим сидел за своим письменным столом, а Расти на стуле перед ним - на месте просителей и никчем.

В кабинете (Ренни, наверняка, называл его домашним офисом в своих налоговых декларациях) пахло приятным сосновым духом, словно здесь совсем недавно хорошенько поприбирали, но Расти все равно не нравился этот кабинет. И не только картиной, которая изображала агрессивно-европеоидного Иисуса во время Нагорной проповеди, или эгоистичными фотографиями на стенах или голым деревянным полом, которому подошел бы ковер; конечно, это было неприятно, но также было здесь и что-то другое. Расти Эверетт не верил, не хотел верить в паранормальщину, но все-таки в этой комнате чувствовалось что-то потустороннее.

«Это потому, что ты его немного опасаешься, - подумал он. - Это и все».

Надеясь, что эти чувства не отражаются у него на лице, он рассказал Ренни об исчезновении госпитальных баллонов. О том, как он нашел один из них на складе городского совета, и о том, что к нему сейчас подключен генератор горсовета. И о том, что этот баллон стоит там почему-то один-единственный.

- Итак, у меня два вопроса, - произнес Расти. - Каким образом состоялось путешествие баллона из запасов больницы к центру города? И где остальные баллоны?

Большой Джим сидел, откинувшись назад в кресле, заложив руки себе за затылок, и задумчиво глядел в потолок. Расти поймал себя на том, что смотрит на сувенирный бейсбольный мяч на столе Ренни. Под ним лежал автограф Билла Ли, бывшего игрока бостонских «Рэд Сокс». Прочитать текст было легко, поскольку тот лежал лицом к нему. Конечно, а как же иначе. Его

же специально так положили, чтобы видели и удивлялись посетители. Как и эти фотографии на стене, мяч должен был демонстрировать, что Большой Джим терся рядом со Знаменитостями: «Глядите, рабы, на меня и дрожите!»[243]

Для Расти этот бейсбольный мячик и обращенный лицом к посетителям автограф послужили объяснением причины его нехороших ощущений, касающихся этого кабинета. Это же подарочная витрина, дешевая претензия на местечковый престиж и местечковую власть.

- Я не уверен, что ты получал от кого-то разрешение на обыск в нашем складском помещении, - объявил Большой Джим потолку. Его мясистые пальцы так и оставались переплетенными за головой. - Возможно, ты занимаешь какой-то пост в органах власти нашего города, а мне об этом не известно? Если так, это моя вина - моя неудача, как говорит Джуниор. А я-то думал, ты просто санитар с рецептурным блокнотом.

Расти подумал, что это такой стандартный прием - Ренни старается его разозлить. Чтобы обмануть.

- Я не заседаю в органах власти, - ответил он, - но я работник больницы. И налогоплательщик.

- Ну и?

Расти почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

- И, указанные вещи делают это складское помещение и моим в определенной мере, - он ждал, что мужчина за столом как-то на это отреагирует, однако Большой Джим оставался беззаботным. - Кроме того, там было не заперто. Хотя нашего дела это не касается, как вы считаете? Я увидел то, что увидел, и желаю объяснений. Как работник больницы.

- И налогоплательщик. Не забываем.

Расти не шелохнулся, так и сидел, смотрел на него.

- Я их не имею, - сказал Ренни.

Расти свел брови.

- Правда? А мне казалось, вы держите руку на пульсе нашего города. Разве не так вы говорили в последний раз, когда баллотировались на выборного? А теперь говорите мне, что не имеете объяснений в отношении того, куда делся городской пропан? Я вам не верю.

Тут уже Ренни впервые проявил раздражение:

- Меня не интересует, веришь ты или нет. Для меня это новость, но… - на этих словах он слегка стрельнул глазами в сторону, словно проверяя, не пропала ли со стены фотокарточка с автографом Тайгера Вудса: классический жест лжецов.

- В больнице вот-вот закончится пропан, - сказал Расти. - Без топлива мы, горстка нас, которые еще остались трудоспособными, окажемся в условиях полевого госпиталя в палатке времен Гражданской войны. Если генератор перестанет подавать электричество, наши сегодняшние пациенты - включая одного с пост-коронарным и одним серьезным случаем диабета, где, возможно, встанет вопрос ампутации - окажутся под серьезной угрозой. Потенциальный ампутант Джимми Серойс. На парковке стоит его машина. На ней и сейчас еще есть наклейка: ГОЛОСУЕМ ЗА БОЛЬШОГО ДЖИМА.

mir-knigi.org

- Я проведу расследование, - сказал Большой Джим. Тоном человека, который дарит свою ласку, сказал: - Пропан, который принадлежит городу, вероятно, хранится в каком-то другом из городских складов. А что касается вашего, я уверен, тут мне нечего сказать.

- Какие еще другие городские склады? Есть пожарная часть, и есть груда песка, перемешанного с солью, на дороге Божий Ручей - там даже навеса нет, - но, ни о каких других складах мне не известно.

- Мистер Эверетт, я занятой человек. Вы должны меня сейчас извинить.

Расти встал. Пальцы его хотели сжаться в кулаки, но он им не позволил.

- Я задам вам вновь эти вопросы, - произнес он. - Прямо и недвусмысленно. Вы знаете, где сейчас эти, исчезнувшие, баллоны с пропаном?

- Нет, - на этот раз Ренни отвел глаза в сторону Дейла Эрнгардта. - И сейчас я не собираюсь делать каких-то предположений на эту тему, сынок, потому что в ином случае могу об этом пожалеть. А теперь почему бы тебе не здрыснуть, не взглянуть, в каком состоянии находится сейчас Джимми Серойс? Передай ему наилучшие пожелания от Большого Джима, пусть заходит на минутку, когда вся эта катавасия немного спадет.

Расти едва сдерживался, чтобы не сорваться, но эту битву он проигрывал.

- Здрыснуть? Вы, несомненно, забыли, что находитесь на службе у общины, а не являетесь здесь частным диктатором. На данное время я в этом городе главный медик, и желаю услышать отве…

Зазвонил телефон Большого Джима. Он сразу же за него схватился. Послушал. Морщины вокруг углов его опущенных вниз губ расправились.

- Вот херня! Каждый раз, как только я, к черту, отвернусь… - он вновь послушал, и тогда произнес: - Если имеешь своих людей сейчас в конторе, Пит, закрой ловушку, пока не поздно, и крепко запри. Позвони Энди. Я сейчас же буду у вас, и втроем мы все решим.

Он выключил телефон и встал.

- Мое присутствие сейчас нужно в полицейском участке. Там или чрезвычайная ситуация, или очередная катавасия, пока сам не увижу, не могу сказать. А тебе нужно спешить или в больницу, или в амбулаторию, мне так кажется. Там какие-то проблемы у преподобной Либби.

- Что? Что с ней случилось?

Со своих плотных норок его измерили холодные глаза Большого Джима:

- Я уверен, ты сам обо всем узнаешь. Не знаю, насколько правдивая эта история, но я уверен, ты ее услышишь. Давай, катись, занимайся своей работой, юноша, и позволь мне заниматься моей.

Расти прошел через коридор, и вышел из дома, у него стучало в висках. На западном горизонте передзакатное солнце давало свое помпезное кровавое шоу. Воздух почти полностью застыл, но нес в себе тот самый дымный привкус. Сойдя с крыльца, Расти поднял палец и направил его на общественного служащего, который ждал, пока он покинет границу его частной территории, чтобы уже после этого ему, Ренни, покинуть ее самому. Ренни насупился, увидев

этот жест, но Расти не опустил палец.

- Никто не должен напоминать мне, чтобы я делал свою работу. Но дело с пропаном я тоже не оставлю без внимания. И если найду его в ненадлежащем месте, кому-то придется выполнять вашу работу, выборный Ренни. Обещаю.

Большой Джим пренебрежительно махнул на него рукой.

- Убирайся прочь отсюда. Иди, работай.

11

В первые пятьдесят пять часов существования Купола судороги пережили более двух десятков детей. Некоторые случаи, как это было с дочерьми Эвереттов, были зафиксированы. Но большинство прошли незамеченными, а в следующие дни судорожная активность вообще быстро сошла на нет. Расти сравнивал это со слабым действием электричества, которое люди чувствовали, приближаясь к Куполу. Поначалу они переживали настоящий электрический разряд, от которого волосы на голове становилось дыбом, но потом большинство людей не ощущали вообще ничего. Словно они уже получили прививку.

- Ты хочешь сказать, что Купол - это что-то наподобие ветряной оспы? - переспросила его тогда Линда. - Пережил раз - и получил иммунитет на остаток жизни?

Дженнилл пережила два эпилептических припадка, и маленький мальчик по имени Норман Сойер тоже два, но в обоих случаях вторые судороги были более слабыми, чем первые и не сопровождались болтовней. Большинство детей, которых успел осмотреть Расти, подверглись только одному припадку, никаких последствий у них не прослеживалось.

Только двое взрослых имели судороги в первые пятьдесят пять часов. Оба случая случились вечером в понедельник, около заката солнца, и у обоих легко прослеживались причины.

У Фила Буши, он же Мастер, причина была почти полностью продуктом его собственного творчества. Приблизительно в то время, когда расставались Расти с Большим Джимом, Мастер Буши сидел на дворе перед складским сараем РНГХ, мечтательно глядя на вечернюю звезду (тут, неподалеку от места ракетного обстрела, небо было еще темного пурпурного цвета, благодаря осадкам на Куполе), расслабленно держа в руке свою «кристальную» трубку. Его колбасило, но где-то уже на уровне ионосферы, словно за сотни миль отсюда. В тучах, которые невысоко плыли в этот чертов вечер, он видел лицо своей матери, отца, деда, также он видел Сэмми и Малыша Уолтера.

Все тучи-лица кровоточили.

Когда у него начала дергаться правая ступня, а потом в такт ей вступила и левая, он не обратил на это внимания. Подергивание - неотъемлемая часть кумарей, каждый это знает. Но потом у него начали дрожать руки и трубка выпала в высокую траву (желтую, завядшую вследствие работы фабрики, которая находилась у него за спиной). Через мгновение уже и голова его начала дергаться из стороны в сторону.

«Вот оно, - подумал он спокойно, даже немного облегчено. – Наконец-то и я перебрал. Умираю. Оно, наверное, и к лучшему».

Но он не откинулся и даже не упал в обморок. Он медленно скособочился, продолжая

дергаться, и в то же время смотрел, как в небе вырастает черный шарик. Он разросся до размера теннисного мячика, потом раздулась до волейбольного. Он не останавливался, пока не заполнил собой все красное небо.

«Конец света, - подумал он. - Так оно, вероятно, и к лучшему».

На мгновение ему показалось, что он ошибся, потому что вынырнули звезды. Только они были неправильного цвета. Они были розовыми. И тогда, о Господи, они начали падать вниз, оставляя за собой длинные розовые полосы.

А дальше пришел огонь. Ревущая печь, словно кто-то открыл сокровенную заслонку и впустил ад на Честер Милл.

- Такие нам лакомства, - пробурчал он.

Прижатая к руке трубка прожигала ему кожу, ожог он увидит и почувствует позже. Он судорожно дергался, лежа в сухой траве, с выпученными белками на месте глаз, в которых отражалась ужасная вечерняя звезда.

- Наши хэллоуиновские лакомства. Сначала козни… а потом лакомства.

Из огня сложился лик, оранжевый вариант тех красных лиц, которые он видел в тучах, прежде чем его скорчило. Это был лик Иисуса. Иисус хмурился.

И говорил. Говорил с ним. Говорил ему, что ответственность за огонь лежит на нем. На нем. Огонь и… и…

- Чистоту, - пробормотал он, лежа в траве. - Нет… очищение.

Теперь Иисус уже не выглядел таким сердитым. И Он начал исчезать.

Почему? Потому что Мастер все понял. Сначала появляются розовые звезды, потом очищающий огонь, и тогда уже испытания должны закончиться.

Он замер, когда судороги перешли в сон, первый настоящий сон, которого он не имел уже много недель, а то и месяцев. Когда он проснулся, вокруг стояла сплошная тьма - ни следа чего-то красного в небе. Он промерз до костей, но остался сухим. Под Куполом больше не выпадала роса.

12

В то время как Мастер наблюдал лицо Христа на закате болезненного солнца, третья выборная Эндрия Гриннел сидела у себя на диване, пытаясь читать. Ее генератор молчал, а работал ли он у нее когда-нибудь вообще? Она этого не помнила. Вместо этого у нее был небольшой прибор, который носит название «Майти Брайт»[244], ее сестра положила эту вещь ей в рождественский чулок в прошлом году. До сих пор ей не выпадало возможности им воспользоваться, но оказалось, что работает он чудесно. Просто прикрепляешь его к книжке и включаешь. Легко и удобно. Итак, со светом проблем не было. К сожалению, со словами было иначе. Строки корчились червяками на странице, иногда даже меняясь местами, и проза Нори Робертс[245], по обыкновению хрустально прозрачная, теперь казалась ей абсолютно бессмысленной. Однако Эндрия не оставляла своих стараний, потому что не могла придумать, чем бы ей еще заняться.

mir-knigi.org

В доме воняло даже с настежь открытыми окнами. Она страдала диареей, а унитаз больше не смывался. Она была голодная, но не могла есть. Где-то около пяти вечера она попробовала съесть сэндвич - простой бутерброд с сыром - и уже через пару минут вырвала его в мусорное ведро на кухне. Какой стыд, потому что съесть этот сэндвич стоило ей много сил. Она ужасно потела - уже не раз переодевалась вся полностью, надо ей, наверное, вновь переодеться, если осилит, - а ступни у нее беспрерывно дергались и дрожали.

«Недаром это называют синдромом беспокойных ног, - думала она. - Нет, я не могу появиться на чрезвычайное заседание сегодня, если Джим еще не передумал его проводить».

Принимая во внимание то, как прошел ее последний разговор с Большим Джимом и Энди Сендерсом, это, вероятно, будет даже лучше; потому что, если она туда придет, они вновь начнут ее терроризировать. Заставлять делать то, чего она не хочет делать. Лучше держаться от них подальше, пока она не очистилась от… от…

- От этого дерьма, - произнесла она, отбросив себе с глаз мокрые волосы. - От этого сраного дерьма в моем организме.

Когда она вновь станет сама собой, вот тогда-то она восстанет против Джима Ренни. И так уже промедлила. Она это сделает, вопреки боли в ее бедной спине, которая мучит ее сейчас без оксиконтина (но и близко не так невыносимо, как она боялась - какой приятный сюрприз). Расти хотел, чтобы она глотала метадон. Метадон, Господи помилуй! Героин под псевдонимом!

«Если ты думаешь, что будешь иметь что-то наподобие похмелья, забудь, - говорил он ей. - У тебя будут судороги».

Но он говорил, что это займет десять дней, а она думала, что не может ждать так долго. Не теперь, когда город страдает под этим ужасным Куполом. Надо покончить с этим как можно скорее. Придя к такому выводу, она выбросила в унитаз и смыла все свое лекарство - не только метадон, но и последние несколько пилюль оксиконтина, которые нашла в глубине ящика своего ночного столика. Это случилось за два смыва до того, как унитаз вздохнул в последний раз, и вот теперь она сидела здесь, дрожа и стараясь убедить себя, что сделала правильно.

«Это было единственное действие, - думала она, - которое могло убрать выбор между правильным и неправильным».

Она хотела перелистнуть страницу, но ее глупая рука зацепила лампу «Майти Брайт». Та покатилась на пол. Сноп яркого света брызнул в потолок. Эндрия засмотрелась туда, и вдруг начала подниматься над собой. И очень быстро. Словно на каком-то невидимом скоростном лифте. Времени у нее хватило лишь на то, чтобы бросить мгновенный взгляд вниз, где она увидела собственное тело, которое беспомощно корчилось, оставаясь там же, на диване. Изо рта на подбородок текла пенистая слюна. Она заметила влажное пятно на джинсах у себя между ног и подумала: «Ой-ой-ой, мне придется вновь переодеваться, ну и пусть. Конечно, если я это переживу».

Потом она пролетела сквозь потолок, сквозь спальню над ней, сквозь чердак, заставленный темными ящиками и старыми лампами, а оттуда - прямо в ночь. Над ней раскинулся Млечный Путь, но он был неправильным. Млечный Путь стал розовым.

И тогда начал опадать.

Где-то очень далеко, внизу, Эндрия услышала голос тела, которое она там оставила. Оно кричало.

13

Барби думал, что они с Джулией обсудят то, что случилось с Пайпер Либби, покуда будут ехать за город, но, погруженные в собственные мысли, они большей частью молчали. Никто из них не промолвил и слова о том, как стало легче на душе после того, как наконец-то начала отцветать та неистовая вечерняя звезда, но оба это ощутили.

Джулия попробовала включить радио, ничего не нашла, кроме РНГХ, где крутили «Весь намоленный»[246], и вновь его выключила.

Барби заговорил только раз, когда они свернули с шоссе 119 и поехали на запад по более узкой Моттонской асфальтной дороге, по обе стороны которой тесно нагромоздились деревья.

- Правильно ли я сделал?

По мнению Джулии, он сделал много очень правильных вещей во время конфронтации в кабинете шефа полиции - включая успешное обслуживание двух пациентов с вывихами, но она знала, о чем именно он говорит.

- Да. Это был очень неблагоприятный момент, чтобы попробовать принять на себя командование.

Он был с этим согласен, но чувствовал себя утомленным, подавленным и негодящим для той работы, которая начала перед ним вырисовываться.

- Я уверен, что враги Гитлера говорили почти так же. Они говорили это в тысяча девятьсот тридцать четвертом и были правы. В тридцать шестом, и тоже были правы. И в тридцать восьмом. «Неблагоприятный момент бросать ему вызов», - говорили они. А когда поняли, что благоприятный момент настал, протестовали они уже в Освенциме и Бухенвальде.

- Это не одно и то же, - заметила она.

- Вы так думаете?

Она ему не ответила, но поняла его мысль. Гитлер когда-то был обойщиком, по крайней мере, так о нем пишут; Джим Ренни - торговец подержанными машинами. Один печеный, второй жареный.

Впереди через деревья пробивались яркие пальцы света, прорезая глубокие тени на латаном асфальте Моттонской дороги.

По другую сторону Купола стояло несколько армейских грузовиков - эта окраина города называлась Харлоу - и где-то сорок солдат старательно двигались туда-сюда. У каждого на поясе висел противогаз. Серебристая автоцистерна с длинной надписью - ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСНО, НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ - сдавала задом, пока едва не уперлась в контур (формой и размером где-то как двери), нарисованный аэрозольной краской на поверхности Купола. К штуцеру сзади цистерны прикрепили пластиковый шланг. Два человека упражнялись с этим шлангом, который заканчивался жалом, не большим чем авторучка «Бик». Одеты они были в сияющие скафандры и шлемы. На спинах у них висели баллоны со сжатым воздухом.

Со стороны Честер Милла присутствовал только один зритель. Рядом со старомодным дамским велосипедом «Швинн»[247], над задним крылом которого был прикреплен ящичек-багажник для молока, стояла городская библиотекарша Лисса Джеймисон. На ящичке виднелась

наклейка с надписью: КОГДА ВЛАСТЬ ЛЮБВИ СТАНЕТ БОЛЕЕ СИЛЬНОЙ, ЧЕМ ЛЮБОВЬ К ВЛАСТИ, В МИРЕ НАСТАНЕТ МИР. ДЖИММИ ХЭНДРИКС[248].

- Лисса, что вы здесь делаете? - спросила Джулия, выйдя из машины. Она прикрывала себе ладонью глаза от яркого света прожекторов.

Лисса нервно дергала египетский крест анкх, который висел у нее на шее, на серебряной цепочке. Переводила взгляд то на Джулию, то на Барби.

- Когда мне беспокойно или тревожно, я по обыкновению выезжаю на велосипедную прогулку. Иногда езжу до глубокой ночи. Это успокаивает мою пневму. Я увидела свет, и приехала на свет, - эту длинную фразу она озвучила так, словно проговаривала заклинание, а потом, оставив, наконец, в покое свой крестик, начертила в воздухе какой-то сложный символ. - А что вы здесь делаете?

- Приехали посмотреть на эксперимент, - ответил Барби. - Если он увенчается успехом, вы можете стать первой, кто покинет Честер Милл.

Лисса улыбнулась, похоже, немного с усилием, но Барби понравилось, что она вообще на это была способна.

- Сделав так, я скучала бы по фирменному блюду, которое подают на ужин в «Розе-Шиповнике» каждый вторник. Мясной рулет, как обычно, не так ли?

- Мясной рулет запланирован, - согласился он, не уточняя, что, если Купол будет стоять и в следующий вторник, скорее всего фирменным блюдом будет кабачковый кэш-пирог.

- Они не отвечают, - сказала Лисса. - Я старалась.

Из-за автоцистерны на свет вышел приземистый пожарный гидрант в человеческом подобии. На нем были брюки-хаки, брезентовая куртка и кепка с эмблемой «Черных Медведей Мэна»[249]. Первым, что поразило Барби, было то, что полковник Кокс набрал вес. Вторым - что его толстая куртка была застегнута на молнию прямо до подбородка, который у него находилось в опасной близости от определения «двойной». Никто из них трех - ни Барби, ни Джулия, ни Лисса - не были одеты в куртки. У них не было потребности по эту сторону Купола.

Кокс отдал честь. Барби ответил; он даже ощутил какое-то удовлетворение, делая этот резкий жест.

- Привет, Барби, - позвал Кокс. - Как там Кен?

- Кен в порядке, - сказал Барби. - А я остаюсь тем сученком, которому достается самое крутое дерьмо.

- Не на этот раз, полковник, - заверил Кокс. - На этот раз, кажется, тебя грохнут в авто-фаст-фуде.

14

- Кто это? - прошептала Лисса. Она вновь подергивала свой анкх. Джулия подумала, что так она скоро и цепочку на себе оборвет, если не успокоится. - И что они там делают?

- Хотят нас освободить отсюда, - сказала Джулия. - И после довольно эффектного провала

предыдущей попытки, я бы сказала, что теперь у них хватило ума делать это тихо. - Она выступила вперед. - Привет, полковник Кокс, это я, ваша любимая редакторша газеты. Добрый вечер.

Улыбка у Кокса - это ему плюс, подумала она - вышла лишь слегка кислой.

- Мисс Шамвей, вы даже более красивая, чем я себе представлял.

- И я о вас скажу кое-что, вы большой шутник, во всем, что касается дерьм… Барби догнал ее в трех шагах от того места, где стоял Кокс, и схватил за руку.

- Что такое? - спросила она.

- Камера. - Она совсем забыла, что на шее у нее висит фотокамера, пока он на нее не показал. - Она у вас цифровая?

- Конечно, это запасной аппарат Пита Фримэна, - она раскрыла рот, чтобы спросить, в чем проблема, и тогда поняла. - Вы думаете, Купол ее сожжет?

- Это было бы самое простое, - ответил Барби. - Вспомните, что случилось с сердечным стимулятором шефа Перкинса.

- Черт, - выругалась Джулия. - Черт! Может, достать из багажника мой старый Кодак?

Лисса с Коксом смотрели один на другого, как показалось Барби, с взаимным очарованием.

- Что вы собираетесь делать? - спросила она его. - Снова будут взрывы?

Кокс поколебался. Ему на помощь пришел Барби.

- Да признавайтесь, полковник. Если не вы, я сам это сделаю. Кокс вздохнул.

- Вы настаиваете на полной открытости, так?

- А почему бы и нет? Если эта вещь подействует, жители Честер Милла будут петь вам осанну. Единственное, почему вы стараетесь все делать втайне, это сила привычки.

- Нет. Такой приказ я получил от своей верхушки.

- Они в Вашингтоне, - напомнил Барби. - А пресса в Касл Роке и большинство из них, скорее всего, сейчас смотрят «Девушек, которые взбесились»[250] по платному каналу. Здесь никого больше нет, кроме нас, цыпляток.[251]

Кокс вздохнул, показывая на окрашенный прямоугольник в форме дверей.

- Вот туда люди в защитных костюмах направят наш экспериментальный раствор. Если посчастливится, кислота проест этот контур, и тогда мы сможем выбить его из Купола, как выбивается кусок стекла из оконной рамы после использования стеклореза.

- А если не посчастливится? - спросил Барби. - Если Купол будет растворяться, выделяя какой-то отравляющий газ, который нас здесь всех убьет? Для этого эти люди имеют при себе противогазы?

- На самом деле, - объяснил Кокс, - научные работники более склонны к той мысли, что кислота

может начать химическую реакцию, которая послужит причиной того, что Купол воспламенится. - Заметив, как его слова поразили Лиссу, он добавил: - Обе возможности они считают невероятными.

- Им можно, - произнесла Лисса, теребя свой крестик. - Не их же будут травить газом или будут поджаривать.

- Я понимаю ваше беспокойство, мэм… - начал Кокс.

- Мелисса, - подсказал ему Барби. Ему вдруг стало важным, чтобы Кокс осознал, что под куполом оказались живые люди, а не просто несколько тысяч анонимных налогоплательщиков. - Мелисса Джеймисон, для друзей Лисса. Городская библиотекарша. Также она работает школьным психологом и преподает йогу, кажется.

- С последним мне пришлось распрощаться, - сказала Лисса, кокетливо улыбнувшись. - Многовато других дел.

- Очень приятно с вами познакомиться, госпожа Мелисса, - произнес Кокс. - Смотрите, это редчайший шанс.

- А если у нас другое мнение, это вас может остановить? - спросила она.

На это Кокс не ответил прямо:

- Нет никаких признаков того, чтобы эта штука, чем бы она ни была, слабела или разлагалась. Если мы не сделаем в ней брешь, вы будете страдать под ней еще неизвестно какое продолжительное время.

- У вас есть какие-то предположения относительно ее происхождения? Хоть какие-то идеи?

- Никаких, - ответил Кокс, но его глаза отвернулись таким образом, который был знаком Расти Эверетту по его разговору с Большим Джимом.

Барби подумал: «Зачем ты врешь? Снова тот самый автоматический рефлекс? Гражданские, они как грибы, держи их во тьме и корми дерьмом?» Наверное, нет смысла об этом думать. Но он ощутил отвращение.

- Она сильная? - спросила Лисса. - Ваша кислота сильная?

- Самая едкая из существующих, насколько я знаю, - ответил Кокс, и Лисса отступила на пару шагов назад.

Кокс обратился к мужчинам в космических скафандрах.

- Вы уже готовы, ребята?

Пара показала ему большие пальцы своих рукавиц. Позади их прекратилось всякое движение. Солдаты стояли и смотрели, держа наготове собственные противогазы.

- Ну, начинаем, - произнес Кокс. - Барби, я предлагаю вам отвести обеих леди, по крайней мере, ярдов на пятьдесят подальше от…

- Взгляните на звезды, - позвала Джулия. Голосом тихим, благоговейным. Голову она задрала вверх и в ее лице Барби узнал того ребенка, каким она была тридцать лет тому назад.

Он посмотрел на небо и увидел Малый Ковш, Большую Медведицу, Орион. Все на своих местах… хотя мутноватые, не в фокусе и розового цвета. Млечный Путь превратился в россыпь розовых шариков жвачки на величественном куполе ночи.

- Кокс, - позвал он. - Вы это видите?

Кокс посмотрел вверх.

- Что мне нужно увидеть? Звезды?

- Какими они вам кажутся?

- Ну… очень яркими, конечно; в этой местности не приходится говорить о мировом загрязнении… - Вдруг он присмотрелся, и щелкнул пальцами. - А вам они представляются какими? Не изменился ли у них цвет?

- Они хорошие, - произнесла Лисса. Ее широко раскрытые глаза сияли. - Но вместе с тем, пугающие…

- Они розовые, - сказала Джулия. - Что произошло?

- Ничего, - заметил Кокс, но произнес он это как-то неуверенно.

- Что? Сливайте уже, - настоял Барби и бездумно добавил: - Сэр.

- Мы получили рапорт метеорологов в девятнадцать ноль-ноль, - сказал Кокс. - Особое внимание там уделено ветрам. Просто на случай… ну, просто на всякий случай. Оставим это. Быстрые потоки воздуха сейчас движутся на запад к Небраске и Канзасу, углубляются на юг, и тогда поднимаются вдоль Восточного побережья. Вообще-то обычная картина для конца октября.

- Какое отношение это имеет к звездам?

- Двигаясь на север, воздушные массы проходят над многими городами и промышленными центрами. Все, что они насобирали в тех местах, оседает на Куполе, вместо того, чтобы лететь дальше, в Канаду и в Арктику. Этого уже достаточно, чтобы образовался своего рода оптический фильтр. Я уверен, никакой опасности он не представляет…

- Пока что, - упрекнула его Джулия. - А через неделю, через месяц? Вы будете со шлангов мыть наше воздушное пространство на высоте тридцати тысяч футов[252], когда тут наступит тьма?

Кокс не успел ответить, как вскрикнула Лисса Джеймисон, показывая на небо. А потом заслонила себе рукой лицо.

Розовые звезды падали, оставляя за собой яркие инверсионные полосы.

15

- Еще наркоз, - произнесла сонно Пайпер, пока Расти слушал ей сердце.

Расти похлопал ее по правой руке, левая была серьезно ранена.

- Не будет больше наркоза. Технически вы находитесь в состоянии наркотического опьянения.

- Иисус желает, чтобы я получила еще наркоз, - повторила она тем самым замечтавшимся голосом и замурчала: - В небо хочу я взлетать, и как птичка там парить.

- Мне припоминается, что там другие слова: «Хорошо утром встать»[253], но ваша версия тоже интересная.

Она села. Расти постарался уложить ее вновь, но отважился давить ей только на правое плечо, а этого оказалось недостаточно.

- А я смогу встать завтра утром? Мне нужно увидеться с шефом Рендольфом. Эти ребята изнасиловали Сэмми Буши.

- И могли убить вас, - добавил он. - Вывих вывихом, но упали вы очень удачно. Позвольте мне позаботиться о Сэмми.

- Эти копы опасны, - она положила правую руку ему на запястье. - Им нельзя оставаться полицейскими. Они принесут горе еще кому-нибудь, - она облизнула губы. - У меня так пересохло во рту.

- Это мы поправим, но вам надо лечь.

- Вы взяли образцы спермы у Сэмми? Вы можете сравнить их с коповскими? Если сможете, я не отстану от Рендольфа, пока он не заставит их сдать образцы ДНК. Я буду преследовать его и днем, и ночью.

- У нас нет оборудования для сравнения ДНК, - сказал Расти и мысленно продолжил: «А также образцов спермы. Потому что Джина Буффалино промыла Сэмми, по ее же просьбе». Я принесу вам чего-нибудь попить. Все холодильники, кроме того, что в лаборатории, отключены ради экономии генераторного сока, но в сестринской есть автономный «Иглу».

- Сока, - сказала она, закрывая глаза. - Так, сока выпить было бы хорошо. Апельсинового или яблочного. Только не «V8»[254]. Он очень уж соленый.

- Яблочный, - сказал он. - Сегодня вам нужна только жидкость.

Пайпер прошептала:

- Мне так жаль мою собаку, - и отвернула голову.

Расти подумал, что она, наверное, уже будет спать, когда он вернется к ней с банкой сока.

На полдороги по коридору он увидел, как из-за угла, из сестринской, галопом выскочил Твич. Глаза у него были выпяченные, дикие.

- Идем во двор, Расти.

- Сначала мне нужно принести преподобной Либби…

- Нет, сейчас же. Тебе нужно это увидеть.

Расти поспешил назад к палате №29 и заглянул. Пайпер храпела с не достойным для леди рычанием, что было не удивительно, принимая во внимание ее распухший нос.

Он отправился вслед за Твичем по коридору едва ли не бегом, стараясь приспособиться к его

широким шагам.

- И что там? - спросил он, имея в виду «что там такое?»

- Не могу описать, а если бы даже смог, ты бы мне не поверил. Тебе нужно самому это увидеть, - он толкнул двери вестибюля.

На подъездной аллее, выйдя из-под защитного козырька, куда подвозят пациентов, стояли Джинни Томлинсон, Джина Буффалино и Гарриэт Бигелоу, подружка Джины, которую та и сагитировала помогать в госпитале. Все три стояли, обнявшись, словно утешали друг друга, и смотрели в небо.

Небо было заполнено сиянием розовых звезд, и многие из них якобы падали, оставляя за собой длинные, почти флуоресцентные полосы. Дрожь пробежала у Расти по спине.

«Джуди это предугадала, - подумал он. - Розовые звезды падают полосами». И вот они падают. Падают.

Это было так, словно на их глазах само небо падало им на головы.

16

Когда начали падать розовые звезды, Алиса и Эйден крепко спали, но Терстон Маршалл и Каролин Стерджес - нет. Они стояли на заднем дворе Думагенов и смотрели, как звезды яркими розовыми полосами льются вниз. Некоторые из тех полос пересекались, и тогда, казалось, в небе возникают, чтобы вскоре исчезнуть, розовые руны.

- Это конец света? - спросила Каролин.

- Отнюдь, - ответил он. - Это метеоритный дождь. Довольно обычное явление для осени у нас, в Новой Англии. Думаю, сейчас немного поздно для астероидов, и, это, вероятно, какой-то приблудный метеоритный дождь - возможно, пыль с обломками породы какого-либо астероида, который разбился триллион лет тому назад. Ты только задумайся об этом, Кара!

Ей не хотелось.

- А метеоритные дожди всегда розовые?

- Нет. Думаю, и этот выглядит белым вне Купола, но мы его видим сквозь пленку из пыли и разных мелких частичек. Сквозь атмосферное загрязнение, другими словами. Оно меняет цвет.

Засмотревшись на беззвучную розовую сутолоку в небе, она вспомнила:

- Терси, а малыш… Эйден… когда с ним случилось это… неизвестно, что это было, он говорил…

- Я помню, что он говорил. Розовые звезды падают, за ними остаются полосы.

- Но как же он мог знать об этом?

Терстон лишь покачал головой.

Каролин обняла его покрепче. В такие моменты (хотя еще никогда подобные этому моменты не случались в ее жизни) она радовалась, что Терстону столько лет, что он мог бы быть ее отцом.

Именно в этот миг ей хотелось, чтобы он действительно был ее отцом.

- Как он мог знать, что это будет? Откуда он мог это знать?

17

Эйден говорил еще кое-что в том своем пророческом состоянии: все смотрят. И в половине десятого этого понедельничного вечера, когда метеоритный дождь был в самом разгаре, его пророчество сбылось.

Новости распространяются по мобильным телефонам и по электронной почте, но большей частью традиционным способом: изо рта в уши.

Без пятнадцати десять Мэйн-стрит была переполнена народом, который наблюдает этот беззвучный фейерверк. Большинство людей стоят безмолвными. Кое-кто плачет. Лео Ламойн, верный прихожанин покойного пастора Церкви Святого Спасителя преподобного Лестера Коггинса, кричит, что это Апокалипсис, что он видит Четырех Всадников на небесах, что второе пришествие скоро и всякое такое другое и тому подобное. Неряха Сэм Вердро - вновь на свободе с трех часов дня, трезвый и раздраженный - говорит Лео, что, если тот не заткнется об Апокалипсисе, он сейчас же увидит собственные звезды. Руп Либби, офицер полиции Честер Милла, держа руку на рукоятке своего пистолета, приказывает им обоим немедленно заткнуть глотки, перестать пугать людей. Словно они и так уже не напуганы. Уилла и Томми Андерсоны стоят на парковке возле своего «Диппера», Уилла плачет, спрятав лицо у Томми на плече. Рози Твичел стоит рядом с Энсоном Вилером перед «Розой-Шиповником», оба в фартуках и тоже обнявшись. Норри Келверт и Бэнни Дрэйк смотрят вместе со своими родителями, пальцы Норри проскальзывают в ладонь Бэнни, он принимает их с трепетом, которому не ровня какие-то падающие звезды. Джек Кэйл, теперешний директор «Фуд-Сити», стоит на парковке супермаркета. Джек позвонил Эрни Келверту, бывшему директору, днем, чтобы спросить, не поможет ли тот ему инвентаризировать имеющиеся в магазине продукты. Они как раз занимались этой работой, надеясь к вечеру закончить, когда на Мэйн-стрит началось это сумасшествие. Теперь они стоят рядом, смотрят, как падают розовые звезды. Стоят, задрав головы, перед своим похоронным салоном Стюарт и Ферналд Бови. Генри Моррисон и Джеки Веттингтон стоят через дорогу от похоронного салона, и рядом с ними стоит Чез Бендер, который преподает историю в средних классах школы.

- Это всего лишь метеоритный дождь, видимый сквозь слои грязи, - объясняет Чез полицейским… но в голосе его все равно слышать боязнь.

Тот факт, что цвет звезд на самом деле изменился из-за накопления твердых частичек, доходит до людей, поворачивая ситуацию в новом направлении: постепенно плач распространяется. Звучит он негромко, почти как дождь.

Большого Джима бессмысленные огоньки в небе интересуют меньше того, как люди интерпретируют эти огоньки. В этот вечер они просто разойдутся по своим домам. Однако уже завтра все может выглядеть иначе. И тот страх, который он наблюдает на многих лицах, не такая уже и плохая вещь. Испуганным людям нужен жесткий лидер, а если есть что-то, что, как знает Большой Джим, он может обеспечить, то это как раз жесткое лидерство.

Он стоит на крыльце полицейского участка вместе с шефом Рендольфом и Энди Сендерсом. Ниже них стоят его проблемные детки: Тибодо, Ширлз, эта шлюха Руа и друг Джуниора Фрэнк. Большой Джим спускается по ступенькам, с которых чуть раньше скатилась Либби («Она сделала бы нам большую услугу, если бы свернула себе шею», - думает он), и хлопает по плечу

Фрэнка.

- Нравится зрелище, Фрэнки?

Большие испуганные глаза делают этого мальчика на вид двенадцатилетним, вместо двадцатидвухлетнего, или сколько там ему.

- Что это, мистер Ренни? Вы знаете?

- Метеоритный дождь. Просто Господь передает привет Его народу.

Фрэнк Делессепс немного расслабляется.

- Мы зайдем вовнутрь, - кивает Большой Джим большим пальцем себе за спину, на Энди и Рендольфа, которые стояли, всматриваясь в небо. - Мы там кое-что обсудим, а потом я позову вас четверых. Я хочу, чтобы вы все рассказывали одинаковую чертову историю, когда я вас позову. Ты это понял?

- Да, мистер Ренни, - отвечает Фрэнки.

На Большого Джима смотрит Мэл Ширлз - глазами, как блюдца, с разинутым ртом. Большой Джим думает, что парень имеет такой вид, словно увидел, что уровень его Ай-Кью вырос до семидесяти[255]. Что тоже совсем неплохая вещь.

- Это выглядит, как конец света, мистер Ренни, - говорит он.

- Бессмыслица. Ты же спасен, сынок?

- Думаю, да, - говорит Мэл.

- Тебе не о чем беспокоиться, - Большой Джим инспектирует их одного за другим, заканчивая Картером Тибодо. - А путь к спасению сегодня лежит через то, чтобы вы все рассказали одинаковую историю.

Не все видят падающие звезды. Спят брат и сестра Эпплтоны, и маленькие дочурки Расти Эверетта спят. И Пайпер тоже. И Эндрия Гриннел тоже. И Мастер, раскинувшись на мертвой траве рядом с тем, что, возможно, является мощнейшей в Америке метамфетаминовой фабрикой. Спит и Бренда Перкинс, убаюкав себя плачем на диване, с пачкой листов, распечатанных из папки ВЕЙДЕР, на кофейном столике рядом с ней.

Не видят еще мертвые, разве что смотрят с какого-то более веселого места, чем эта мрачная равнина, где бессмысленные армии сцепились ночью[256]. Майра Эванс, Дюк Перкинс, Чак Томпсон и Клодетт Сендерс лежат в похоронном салоне Бови; доктор Гаскелл, мистер Карти и Рори Динсмор - в морге больницы имени Катрин Рассел; Лестер Коггинс, Доди Сендерс и Энджи Маккейн все еще отдельным сообществом - в кладовке Маккейнов. И Джуниор вместе с ними. Примостился между Доди и Энджи, держа их за руки. У него болит голова, но не очень. Он думает: может, ему проспать здесь всю ночь.

На Моттонской дороге, в Восточном Честере (неподалеку от места, где попытки продырявить купол с помощью экспериментальной кислоты не прекращаются даже под этим странным розовым небом), Джек Эванс, муж покойной Майры, стоит у себя на заднем дворе с бутылкой «Джека Дениэлса» в одной руке и приобретенным когда-то ради безопасности их дома «Ругером SR9» во второй. Он пьет и смотрит, как падают розовые звезды. Он знает, что это

такое, и он приветствует каждую, и он жаждет смерти, потому что без Майры провалилось дно его жизни. Он, несомненно, мог бы жить и без нее, он, несомненно, мог бы жить, как крыса в стеклянном ящике, но оба условия вместе он выдержать не в состоянии. Когда хвосты падающих метеоритов перекрещиваются интенсивнее всего - это около десяти пятнадцати, где-то через сорок пять минут после того, как начался этот звездный дождь, - он глотает остаток виски, отбрасывает бутылку в траву и простреливает себе мозг. Он становится первым официально зарегистрированным самоубийцей в Честер Милле.

И не последним.

18

Барби, Джулия и Лисса Джеймисон безмолвно смотрели, как двое солдат в космических скафандрах снимают тоненький наконечник с пластикового шланга. Кладут его в непрозрачный пластиковый пакет, который закрывают на молнию, а потом этот пакетик в металлический кейс, на котором написано: ОПАСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Кейс они заперли двумя ключами (каждый своим), а уже тогда сняли с себя шлемы. Уставший, распаренный и подавленный имели они вид.

Двое пожилых мужчин - очень старые, чтобы быть солдатами - откатили какое-то сложное на вид оборудование с места кислотного эксперимента, который проводился трижды подряд. Барби подумал, что эти двое, вероятно научные работники из НАСА, делали какие-то спектрографические анализы. Или старались. Противогазы, которые были на их лицах во время аналитических процедур, они сдвинули себе на темя, где те теперь торчали, словно какие-то причудливые шляпки. Барби мог бы спросить у Кокса, что именно должны были показать те тесты, и Кокс даже мог бы дать ему прямой ответ, но Барби тоже чувствовал себя угнетенно.

Вверху горстка последних розовых метеоритов промелькнула в небе.

Лисса показала пальцем в сторону Восточного Честера:

- Я будто-бы слышала что-то похоже на выстрел. А вы?

- Может, автомобильный выхлоп или какой-то парень запустил бутылочную ракету[257], - отозвалась Джулия. Она тоже была утомленной и поблекшей. Когда уже стало ясно, что эксперимент - точнее говоря, испытание кислоты - не дал результатов, Барби заметил, как она вытирает слезы из глаз. Правда, это не помешало ей снимать весь процесс своим «Кодаком».

К ним, отбрасывая в свете верхних прожекторов две противоположные тени, подошел Кокс. Он махнул в ту сторону, где на Куполе недавно были нарисованы двери.

- Кажется, это приключение стоило американским налогоплательщикам три четверти миллиона долларов, и это не учитывая тех расходов, которые пошли на разработку этой жидкости. Которая сожрала краску, но больше ничего на хер не смогла сделать.

- Следите за своими выражениями, полковник, - произнесла Джулия с тенью улыбки на губах.

- Благодарю, мадам редакторша, - кисло поклонился Кокс.

- А вы действительно верили, что эта штука подействует? - спросил Барби.

- Нет, но я также никогда не верил, что доживу, чтобы увидеть человека на Марсе, а вот россияне говорят, что собираются послать туда команду из четырех людей в 2020 году.

- Да, конечно, - подхватила Джулия. - Марсиане услышали об этом и уже нервничают.

- Если так, они нервничают не из-за той страны, - сказал Кокс… и Барби заметил что-то новое в его глазах.

- Откуда такая уверенность, Джим? - спросил он мягко.

- Извиняюсь?

- Что Купол установили космические пришельцы.

Джулия сделала два шага вперед. Лицо у нее было бледным, глаза горели.

- Рассказывайте нам все, что знаете, черт вас побери!

Кокс поднял руку.

- Стоп. Мы не знаем ничего. Хотя есть теория. Да. Марти идите-ка сюда.

Один из тех пожилых джентльменов, которые проводили тесты, подошел к Куполу. В руке за ремешок он держал свой противогаз.

- Как ваши анализы? - спросил Кокс и, увидев, что тот колеблется, добавил: - Говорите свободно.

- Ну… - пожал плечами Марте. - Следы минералов. Загрязняющих почву и воздух. А так - ничего более. По данным спектрального анализа, этой штуки здесь нет.

- А, что касается HY-908? - спросил Кокс, а потом обернулся к Барби и женщинам. - Это кислота.

- Она исчезла, - сказал Марти. - Эта штука, которой здесь нет, ее поглотила.

- А такое возможно, учитывая ваши знания?

- Нет. Но Купол также невозможен, учитывая наши знания.

- И это приводит вас к мнению, что Купол может быть творением какой-то формы жизни, которая обладает лучшими знаниями в области физики, химии, биологии, всего на свете? - Марти вновь поколебался, и Кокс повторил раньше им сказанное: - Говорите свободно.

- Это одна версия. Другая - что его установил какой-то земной супернегодяй. Живой Лекс Лютор[258]. Или это работа каких-то стран-ренегатов, типа Северной Кореи.

- Которая не похвасталась в своей причастности? - скептически спросил Барби.

- Я склоняюсь к пришельцам, - сказал Марти, постучав по Куполу не вздрогнув, он уже раньше получил от него электрический удар. - Так же, как и большинство исследователей, которые сейчас работают по теме. Если это можно так назвать, потому что на самом деле мы не делаем ничегошеньки. Правило Шерлока: если отбросить невозможное, останется ответ, каким бы он не был невероятным.

mir-knigi.org

- А разве кто-то или что-то приземлился в летающей тарелке и требовал, чтобы их провели к здешнему вождю? - спросила Джулия.

- Нет, - ответил Кокс.

- А вы знали бы, если бы такое случилось? - спросил Барби и подумал: «Мы на самом деле дискутируем на эту тему или мне это снится?»

- Эта вещь может быть метеорологического, - начал Марте. - Черт, даже биологического происхождения - может быть живой. Существует еще и такая теория, что это какой-то гибрид кишечной палочки.

- Полковник Кокс, - спросила Джулия тихо. - Мы оказались в центре какого-то эксперимента? Потому что у меня самой такое ощущение.

Тем временем Лисса Джеймисон смотрела назад, на хорошие домики мини-городка Восточный Честер. Большинство из них стояли темными, то ли потому, что люди, которые в них жили, не имели генераторов, то ли они экономили горючее.

- Это был выстрел, - произнесла она. - Я уверена, что это был выстрел.

В ДРАЙВЕ

1

Кроме городской политики, Большой Джим имел только одну слабость, и ей была школьная баскетбольная команда - девчачья: «Леди Уайлдкетс», если быть точным. Сезонные абонементы на их матчи он получал, начиная с 1998 года, и посещал не менее десяти игр за год. В 2004-м, когда «Леди Уайлдкетс» выиграли чемпионат штата в категории Д, он побывал на всех матчах. И хотя люди, которых он приглашал в свой кабинет, неизбежно обращали внимание на автографы Тайгера Вудса, Дейла Эрнгардта и Уилла «Спейсмена» Ли, тот, которым он гордился больше всего, тот, что был его сокровищем, - принадлежал Анне Комптон, маленькой десятикласснице, распасовщице, которая и привела «Леди Уайлдкетс» к их единственному золотому мячу.

Если вы обладатель сезонного абонемента, вы по обыкновению знаете и других обладателей сезонных абонементов вокруг вас, а также те причины, которые побуждают их быть фанатами этой игры. Многие из них - это родственники тех девушек, которые играют (они же часто являются и теми, кто верховодит в клубе фанатов, устраивая продажи домашних пирогов, чтобы собирать средства на выездные игры, которые становятся все более и более дорогими). Другие - это баскетбольные фанаты, которые вам расскажут (и это не далеко от истины), что игры девушек просто лучше. Юные баскетболистки уважают командную этику, которую ребята (что любят бегать, прыгать, финтить, «выстреливать» с дальних позиций) редко соблюдают. Скорости здесь не такие высокие, что позволяет вам видеть внутреннюю логику игры и наслаждаться каждой передачей или комбинацией. Фанов девичьих игр удовлетворяют очень небольшие счета, на которые фукают любители мальчишеского баскетбола, заявляя, что девчачьи матчи отдают дань обороне и мазаным броскам, что является самой сутью старорежимного «корзинничества».

Есть также дяди, которым просто нравится смотреть, как носятся длинноногие девушки в коротких шортиках.

На всех этих причинах основывалось и искреннее любопытство Большого Джима к этому виду спорта, но совсем другим был источник его страсти, который он никогда не озвучивал при обсуждении игр со знакомыми болельщиками. Это было бы не политкорректно.

Девушки переживают игру как личный бой, это делает их лучшими ненавистницами.

Ребята предпочитают выигрывать, это так, и иногда матч становился действительно горячим, когда они играли против непримиримого соперника (в случае Милловских «Уайлдкетс» это были никчемные «Рокетс» из Касл Рока), но большей частью у ребят речь идет об индивидуальных достижениях. Покрасоваться, одним словом. А после окончания игры заканчивается все.

Напротив, девушки не терпят проигрывать. Проигрыш они забирают с собой в раздевалку и там его высиживают. Что еще важнее, они не терпят, ненавидят свой проигрыш единодушно. Большой Джим часто наблюдал, как поднимает голову та ненависть, когда под конец второй половины матча при ничейном счете вспыхивала ссора за свободный «живой» мяч, и он улавливал: «Совсем не твой, ты, сука, это мой мяч!» Он ловил эту вибрацию и питался ей.

К 2004-му «Леди Уайлдкетс» за 20 лет только раз стали чемпионками штата, выиграв матч против Бакфилда[259], и то благодаря кандидатке в Национальную лигу, которая перед переходом туда, по правилам профессионального спорта, вынуждена была лишний год оставаться в их школьной команде. И тогда появилась Анна Комптон. Самая большая ненавистница всех времен, по мнению Большого Джима.

Как дочь Дейла Комптона, сухореброго лесоруба из Таркер Милла, который пьяным бывал часто, а задиристым всегда, Анна имела характер типа прочь-с-моего-пути. Как девятиклассница, она большую часть сезона просидела на скамейке запасных; тренерша поставила ее только на последние две игры, в которых она не только очков набрала больше всех, но и свою соперницу по номеру из ричмондских «Бобкетс» оставила корчиться на деревянном полу после жесткой, но чистой атаки.

По окончанию той игры Большой Джим перехватил их тренершу, госпожу Вудхед.

- Если эта девушка не будет в основном составе в следующем году, вы сумасшедшая, - сказал он.

- Я не сумасшедшая, - ответила она.

Анна дебютировала горячо, а закончила еще круче, выпалив такой след, что фанаты «Уайлдкетс» будут обсуждать его еще годы и годы (средний счет сезона 27,6 очков за игру). Она могла прочувствовать позицию и сделать трехочковый бросок всегда, когда ей этого хотелось, однако, что Большому Джиму нравилось больше всего, так это то, как она прорывает оборону и летит к корзине: мопсячья мордочка перекошена в насмешливой ухмылке, черные глаза прожигают насквозь всех, кто решится оказаться на ее пути, короткий хвостик торчит над затылком, словно задранный средний палец. Второй выборный Честер Милла и прима-торговец подержанными автомобилями влюбился.

Во время игры в чемпионате 2004 года, когда «Леди Уайлдкетс» были на десять очков впереди «Рокетс» из Касл Рока, Анну вывели из игры за нарушения. К счастью для «Кисок», до конца матча оставалось времени только раз пернуть. Завершили они ту встречу выигрышем в одно очко. Из восьмидесяти шести очков, на личном счету Анны были головокружительные шестьдесят три. В ту весну ее задиристый отец нашел свой конец за рулем новенького «Кадиллака», проданного ему Джеймсом Ренни-Старшим за цену, которая была на сорок

процентов меньшей против стартовой. Новые машины не были специальностью Большого Джима, но, когда ему очень требовалась новая, для него ее всегда могли достать «из хвостовой части автовоза».

Сидя в кабинете Пита Рендольфа в то время, как на дворе отцветали последние полосы метеоритного ливня (а его проблемные детки ждали - тревожно ждали, надеялся Большой Джим, - когда их вызовут и определят их судьбу), он вспоминал ту сказочную, ту абсолютно мистическую игру, особенно первые восемь минут второй половины, которая началась с отставания «Кисок» на восемь пунктов.

Анна тогда переломила игру с такой же целенаправленной грубостью, с которой Иосиф Сталин переломил Россию, ее черные глаза искрились (вероятно, засмотревшись в какую-то баскетбольную нирвану вне представления простых смертных), а рот в вечной насмешливой ухмылке словно проговаривал: «Я лучше, чем вы, прочь с моего пути, потому что раздавлю». Все ее броски за те восемь минут закончились попаданиями, включая тот абсурдный бросок с центра, который она сделала, сплетя ноги, когда лишалась мяча, чтобы избежать фола за пробежку.

Для такого типа движений существовали названия, наиболее распространенным из них было: в зоне. Но Большому Джиму нравилась другое: в драйве, а именно: «Она собранная и сейчас в драйве». Так, словно эта игра имела какую-то божественную фактуру, недосягаемую для обычных игроков (хотя изредка даже обычные ощущали, что они в драйве, и на миг превращались в богов и богинь и всякие телесные дефекты, казалось, скрываются в том их кратковременном божественном состоянии); эту фактуру иногда можно было едва ли не пощупать рукой: какая-то такая роскошная, чудесная портьера, наподобие тех, которыми украшены деревянные стены залов Валгаллы.

Анна Комптон так и не сыграла ни одной игры в одиннадцатом классе, тот чемпионский матч стал ее прощальным выступлением. Тем летом, пьяный за рулем, ее отец разбился сам, убил свою жену и всех трех дочерей, когда они возвращались в Таркер Милл из «Брауни», куда ездили за замороженными соками. Тот бонусный «Кадиллак» стал для них гробом.

Эта авария с многочисленными жертвами попала на первые страницы всех газет Западного Мэна – на той неделе Джулия Шамвей выпустила свой «Демократ» с черной каймой, - но Большой Джим не был подавлен тяжелым горем. Анна никогда не смогла бы так же играть в команде колледжа, как он подозревал; девушки там крупнее, и ее отодвинули бы на роль постоянной запасной на подхвате. Она бы этого не пережила. Ее ненависть должна была питаться беспрерывным действием на площадке. Это Большой Джим понимал. И полностью с этим соглашался. Именно в этом состояла главная причина, почему он никогда даже не рассматривал возможности уехать куда-нибудь из Честер Милла. В широком мире он мог бы заработать больше денег, но достаток - это лишь полкружки пива. Власть - это шампанское.

Руководить Миллом было хорошо в обычные дни, но в кризисное время руководить городом было более чем замечательно. В такие дни ты можешь парить на чистых крыльях интуиции, зная, что не ошибешься, абсолютно не можешь ошибиться. Ты высчитываешь оборону противника раньше, чем он ее нагромождает, и зарабатываешь очки каждым своим броском. Ты чувствуешь себя в драйве, и нет лучшего времени для этого, чем игра за чемпионский титул.

Это и была его чемпионская игра, и все ложилось ему в масть. Он имел нюх - тотальную веру - ничто не пойдет наперекосяк во время его магического полета; даже то, что казалось невыгодным, предоставит новые возможности, вместо того, чтобы стать блокирующим

фактором, как тот бесшабашный бросок Анны с центра поля, который заставил толпу в городском центре Дерри вскочить на ноги, когда фанаты Милла ревели от радости, а фанаты «Ракетчиц» от невероятного огорчения.

В драйве. Вот потому-то он не чувствовал себя утомленным, хотя и был изможден. Поэтому и не переживал о Джуниоре, несмотря на его молчаливость и бледную невыспанность. Поэтому он не переживал о Дейле Барбаре и кучке его баламутных друзей, особенно газетная сука отличается этим среди них. Вот потому, когда Питер Рендольф и Энди Сендерс смотрели на него, совсем ошарашенные, Большой Джим только улыбался. Он мог себе позволить улыбаться. Он находился в драйве.

- Закрыть супермаркет? - переспросил Энди. - Не расстроит ли это людей, Большой Джим?

- Супермаркет, а также «Топливо & Бакалею», - уточнил Большой Джим, все еще улыбаясь. - За «Брауни» нечего и думать, он уже закрыт. А что особенно хорошо - это грязное заведение. - «Где продаются грязные журнальчики», - хотя этих слов вслух он не произнес.

- Джим, в «Фуд-Сити» еще полно товара, - сказал Рендольф. - Я только сегодня днем говорил об этом с Джеком Кэйлом. Мяса немного, но всего другого в достатке.

- Я об этом знаю, - ответил Большой Джим. - Я знаю толк в инвентаризации, и Кэйл тоже. Он и должен, он же еврей, наконец.

- Ну… я просто хотел сказать, что все идет ряд-рядом, потому что у людей кладовки забиты харчами, - он просиял. - Ага, теперь я понимаю, надо установить в «Фуд-Сити» сокращенный день. Думаю, Джек на это согласится. Он, наверняка, сам уже об этом думал.

Большой Джим покачал головой, так же улыбаясь. Вот еще один пример того, как все ложится в масть, когда ты в драйве. Дюк Перкинс сказал бы, что это неправильно - подвергать город еще большему давлению, особенно после сегодняшнего тревожного звездного шоу. Но Дюк мертвый, и это более чем удобно, это просто божественно.

- Закрыть, - повторил он. - Оба заведения. Наглухо. А когда они будут открыты вновь, вот тогда мы будем руководить продажами. Запасы протянутся дольше, а распределение их будет более справедливым. План рационирования я объявлю на городском собрании в четверг, - он сделал паузу. - Если к тому времени не исчезнет Купол, конечно.

Энди произнес, мягко:

- Большой Джим, я не уверен, что мы имеем право закрывать бизнес.

- В такое кризисное время, как теперь, мы не просто имеем право, это наша обязанность. - Он весело хлопнул по спине Питера Рендольфа. Новый шеф полиции Честер Милла этого не ожидал и испуганно крякнул.

- А что, если это послужит причиной паники? - сомневался Энди.

- Конечно, есть такая вероятность, - согласился Большой Джим. - Когда ударяешь по мышиному гнезду, они все бросаются врассыпную. Мы должны на несколько единиц увеличить мощность наших сил полиции, если кризис вскоре не прекратится. Да, на несколько единиц.

Рендольф смотрел испуганно.

mir-knigi.org

- У нас уже почти двадцать офицеров. Включая с… - он кивнул головой в направлении дверей.

- Эй, - кивнул Большой Джим. - Раз упомянули о ребятах, то давай, заводи их сюда, шеф, чтобы мы с этим уже покончили и отправили их домой спать. Думаю, у них завтра будет много хлопот.

«А если они там немного наложили себе в штаны, тем лучше. Заслужили, потому что не в состоянии лишний раз удержать в своих трусах свои шила».

2

Фрэнк, Картер, Мэл и Джорджия вошли в кабинет, чапая друг за другом, как подозреваемые в каком-то полицейском сериале. Лица имели демонстративно задиристые, но задиристость их была жиденькой; Анна Комптон посмеялась бы. Опущенные вниз глаза изучали носки ботинок. Большому Джиму было ясно, что они ожидают изгнания или еще чего-то похуже, и это ему было в масть. Страх - это та эмоция, с которой очень легко работать.

- Вот, - произнес он. - Таковы наши бравые офицеры.

Что-то потихоньку буркнула Джорджия Руа.

- Говори громче, солнышко, - приставил Большой Джим ладонь к уху.

- Я сказала, что мы ничего не сделали такого, плохого, - тоном угнетенной учителем школьницы, пробормотала она.

- Тогда что же именно вы сделали? - А когда Джорджия, Фрэнк и Мэл заговорили все вместе, он показал на Фрэнки: - Ты (и расскажи хорошую историю, сукин сын).

- Ну, мы были там, - начал Фрэнк, - но она нас пригласила…

- Точно! - вскрикнула Джорджия, сцепив руки под своими довольно солидными сиськами. - Она…

- Замолчи, - наставил на нее свой мясистый палец Большой Джим. - Один говорит за всех. Так это должно быть, если вы одна команда. Вы команда?

Картер Тибодо понял, куда тот клонит.

- Да, сэр, мистер Ренни.

- Рад это слышать, - Большой Джим кивнул Фрэнку, чтобы продолжал.

- Она сказала, что у неё есть пиво. Только потому мы туда и пошли. В городе же купить пива сейчас нельзя, вы знаете. Ну вот, мы там сидели, пили пиво - всего лишь по баночке, и это уже было почти после смены…

- Совсем после смены, - вставил шеф. - Это ты хотел сказать?

Фрэнк послушно кивнул.

- Да, сэр, именно это я и хотел сказать. Мы выпили пиво и говорим, что, наверное, нам надо уже идти, а она говорит, что очень уважает нашу работу и каждого из нас хочет поблагодарить

лично. Ну, и расставила ноги, типа того.

- Распахнула свою калитку, понимаете, - уточнил Мэл с безумной улыбкой шире ушей.

Большой Джим моргнул, молча поблагодарив, что здесь нет Эндрии Гриннел. Пусть, какая она там наркозависимая, а неполиткорректности в такой ситуации не потерпела бы.

- Она заводила нас в свою спальню, по очереди, - продолжил Фрэнки. - Я понимаю, это некрасиво было с нашей стороны, и нам всем очень жаль, что мы на это повелись, но с ее стороны это было сугубо добровольное решение.

- Я в этом не сомневаюсь, - сказал шеф Рендольф. - У этой девушки соответствующая репутация. И у ее мужа. А наркотиков вы там никаких не видели?

- Нет, сэр, - все четверо в один голос.

- И вы ее не обижали? - спросил Большой Джим. - Насколько я понимаю, она заявляет, что над ней издевались, били, и всякое такое.

- Никто ее пальцем не тронул, - сказал Картер. - Можно, я скажу, что, как я думаю, там произошло?

Большой Джим махнул ему рукой, дескать, продолжай. И подумал, что, похоже, мистер Тибодо один благоразумный.

- Наверняка, она упала после того, как мы ушли. Возможно, пару раз. Она довольно пьяная была. Бюро по защите прав детей должно было бы забрать у нее ребенка, пока она его не убила.

Никто на это не повелся. Для их города в текущей ситуации офис Бюро в Касл Роке - это все равно, что где-то на Луне.

- Итак, по сути, вы чистые, - подытожил Большой Джим.

- Как хрусталь, - кивнул Фрэнк.

- Ну, я думаю, мы удовлетворены этими объяснениями. - Большой Джим окинул глазом присутствующих. - Джентльмены, мы удовлетворены?

Энди с Рендольфом кивнули, явным образом снисходительно.

- Хорошо, - сказал Большой Джим. - Ну, день был длинный, преисполненный разных событий, и, я считаю, нам всем надо выспаться. Вам, молодые офицеры, это особенно необходимо, потому что завтра в семь часов утра вы уже должны заступить на службу. Супермаркет и «Топливо & Бакалею», эти два магазины на время кризиса будут закрыты, и шеф Рендольф считает, что именно вам надо поручить дежурство в «Фуд-Сити» на случай, если люди, которые туда придут, не будут соглашаться с новым порядком. Что скажете, мистер Тибодо, вы готовы к такой работе? С вашими… вашими боевыми ранениями?

Картер пошевелил рукой.

- Со мной все обстоит благополучно. Ее собака сухожилия мне совсем не зацепила.

- Вместе с вами мы пошлем туда Фреда Дентона, - подхватил эту оптимистичную волну шеф

Рендольф. - В «Топливе & Бакалеи» достаточно будет Веттингтон и Моррисона.

- Джим, - подал голос Энди. - Может, лучше поставить в «Фуд-Сити» более опытных офицеров, а новичков в магазин поменьше…

- У меня другое мнение, - прервал его Большой Джим. Он улыбался. Потому что был в драйве. - Эти молодые люди именно те, кто нужен нам в «Фуд-Сити». Именно они. И еще одно. Птички мне принесли на крыльях, что кое-кто из вас возит оружие в патрульных машинах, а кое-кто даже носит при себе во время пешего патрулирования.

Ответом на это была тишина.

- Вы офицеры на испытательном сроке, - продолжил Большой Джим. - Если кто-то из вас имеет личное оружие, это ваше право как американцев. Но если я услышу, что кто-нибудь из вас стоял с оружием перед «Фуд-Сити», вооруженным общался с добропорядочными жителями нашего города, ваши дни в полиции сочтены.

- Абсолютно правильно, - поддержал Рендольф.

Большой Джим обвел глазами Фрэнка, Картера, Мэла и Джорджию.

- Кто-то имеет с этим проблемы? Говорите.

Вид у них был безрадостный. Большой Джим и ожидал, что эта новость так на них подействует, но они еще дешево откупились. Тибодо, проверяя свои пальцы, сгибал их и разгибал.

- А если оружие незаряженное? - спросил Фрэнк. - Если пистолеты будут при нас, ну знаете, просто для осторожности?

Большой Джим по-учительски поднял палец.

- Фрэнки, я скажу вам то, что говорил мне мой отец: нет такой вещи, как незаряженный пистолет или ружье. У нас добропорядочный город. Наши люди будут вести себя пристойно, я в этом убежден. Если они изменятся, тогда изменимся и мы. Понятно?

- Да, сэр, мистер Ренни, - невесело ответил Фрэнк.

Большому Джиму это и было нужно

Он встал. Но вместо того, чтобы отпустить их, он протянул к ним руки. Он видел их нетерпение и кивнул, так же улыбаясь.

- А теперь. Завтра будет новый большой день, а мы желаем, чтобы ни один из наших дней не прошел без молитвы. Итак, беритесь.

Они взялись за его руки. Большой Джим закрыл глаза и наклонил голову.

- Боже правый…

Это заняло непродолжительное время.

3

За несколько минут до полночи Барби поднялся по ступенькам в свое помещение; плечи у него были налиты усталостью, единственное, чего он сейчас хотел в этом мире, это шесть часов забвения, перед тем как вскочить от звонка будильника и вновь идти в «Розу- Шиповник» готовить завтрак.

Усталость покинула его, как только он включил свет - электричество в доме, благодаря генератору Энди Сендерса, еще было.

Здесь кто-то побывал.

Признак был таким мизерным, что сначала он его не осознал. Он закрыл глаза, потом вновь открыл и позволил им свободно блуждать по комбинированной гостиной/кухоньке, стараясь вобрать ими все. Книжки, которые он собирался оставить, не передвигали на полке; стулья стояли, где и стояли; один под торшером, второй возле единственного в комнате окна с импозантным видом на задний переулок; кофейная чашка и тарелка для тостов в сушилке возле крохотной раковины.

И вдруг до него дошло, как это по обыкновению и бывает, если сильно не давить. Ковер. Который он мысленно называл «не Линси»[260].

Приблизительно футов пять длиной и два в ширину. «Не Линси» имел ритмичный рисунок из синих, красных, белых и коричневых ромбов. Он купил его в Багдаде, но иракский полисмен, которому он доверял, заверил его, что ковер этот курдской работы.

«Очень старый, очень красивый, - говорил тот полисмен. Его звали Абд-Аль-Халик Гассан. Хороший служака. - Похожий на турецкие, но нет-нет-нет, - широкая улыбка, белые зубы; через неделю после того дня на базаре мозг из головы Абд-Аль-Халика Гассана выбила пуля какого-то снайпера. - Но нет, это не турецкие курды, это иракцы!»

Продавец ковров был в желтой майке с надписью НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В МЕНЯ, Я ВСЕГО ЛИШЬ ПИАНИСТ[261]. Латиф его слушал, кивал. Они засмеялись вместе. Тогда торговец подергал рукой, даже удивительно стало, в сугубо американском жесте «дрочить» и они расхохотались еще громче.

- О чем это вы? - спросил Барби.

- Он говорит, пять таких ковер купил себе один американский сенатор Линси Греем. Пять ковер за пятьсот доллар. Пятьсот денежная наличность, для пресса. Больше втайне. Но все ковер сенатора фальшивые. Только этот настоящий. Это я, Латиф Гассан, говорю тебе, Барби. Не Линси Греем ковер.

Латиф поднял ладонь, и Барби стукнул по ней своей пятерней. Хороший тогда был день. Знойный, но хороший. Он купил этот ковер за двести американских долларов и DVD-плеер фирмы «Коби»[262] на все форматы. «Не Линси» был его единственным сувениром из Ирака, и он не ступал на него ногой, никогда. Всегда его обходил. Оставляя Милл, он думал его оставить здесь - в глубине души он считал это способом оставить, наконец, позади Ирак со всем своим тамошним опытом. Куда направляешься, там ты и есть. Самая главная во все века дзенская истина.

Он на него не наступал, был суеверен, что касается этого, всегда ходил вокруг, словно, наступив, мог включить какой-то компьютер в Вашингтоне и вновь оказаться в Багдаде или проклятой Фаллудже. Но кто-то наступал на ковер, это было видно. «Не Линси» теперь имел морщинки. И был немного сдвинутым. Он лежал строго прямо, когда Барби ушел из дома

сегодня утром - тысячу лет тому назад.

Барби зашел в спальню. Покрывало смотрелось идеально ровным, как всегда, но чувство, что кто-то здесь побывал, только усилилось. Не застарелым ли потом здесь пахнет? Или это чьи-то психические вибрации? Барби не знал и не переживал за это. Он подошел к комоду, извлек верхний ящик и увидел, что его самые протертые джинсы, которые лежали сверху кучи, теперь оказались внизу. А шорты-хаки, которые он положил молнией вверх, теперь лежат молнией вниз.

Он тут же перешел ко второй ящику, к носкам. Хватило пяти секунд, чтобы удостовериться, что пропали его личные жетоны, и это его не удивило. Нет, он абсолютно не был этому удивлен.

Он схватил свой дешевый телефон, который хотел тоже навсегда оставить здесь, и вернулся в гостиную. Общий телефонный справочник Таркера-Честера лежал на столике рядом с дверями, книжечка такая тоненькая, чуть ли не брошюрка. Поискал нужный ему номер, не очень надеясь на то, что он там найдется. Шефы полиции не имеют привычки делать достоянием гласности свои домашние номера.

А впрочем, кажется, в маленьких городках они это делают. По крайней мере, этот шеф повел себя так, хотя справочник не открывал о нем всей правды: Г. и Б. Перкинс, Морин-Стрит № 28. Хоть уже перевалило за полночь, Барби не колебался и сразу набрал номер. Он не мог позволить себе ожидания. Потому что подозревал, что у него крайне мало времени.

4

Звонил телефон; конечно, это Гови звонит сказать, что будет поздно, чтобы она заперла двери и ложилась спать…

И тогда до неё дошло - словно неприятные дары из отравляющей коробки, на нее вновь просыпалось осознание того, что Гови умер. Она не знала, кто бы это мог ей звонить по телефону в… - она посмотрела на свои ручные часы - в двенадцать двадцать по полуночи, но это уже не Гови.

Садясь, она вздрогнула и потерла шею, проклиная себя за то, что заснула на диванчике, а также проклиная того, кто звонит в такую безбожную пору, и вместе с тем освежила в памяти свое нынешнее странное, особое состояние.

Потом она подумала, что для такого позднего звонка может быть только одна причина: Купол или сам исчез, или его пробили. Она довольно сильно ударилась ногой о кофейный столик так, что листы распечаток встряхнулись, прохромала к телефону рядом с креслом Гови (как же ей больно смотреть на это пустое кресло) и схватила телефонную трубку.

- Что? Что?

- Это Дейл Барбара.

- Барби! Его проломили? Купол пробили?

- Нет. Хотелось бы мне звонить вам с такой новостью, но нет.

- Тогда зачем? Уже почти полпервого!

- Вы говорили, что ваш муж вел следствие в отношении Джима Ренни.

Бренда старалась уловить смысл сказанного им. Она взялась рукой за шею, потрогала то место, которое ей напоследок погладил Гови.

- Он вел, но я вам говорила, он не имел абсолютных…

- Я помню, что вы мне говорили, - заверил ее Барби. - Вы должны выслушать меня, Бренда. Можете? Вы проснулись?

- Конечно, теперь уже да.

- Ваш муж делал какие-то записи?

- Да. В своем ноутбуке. Я их распечатала, - она взглянула на листы ВЕЙДЕР, рассыпанные по всему кофейному столику.

- Хорошо. Завтра утром я хочу, чтобы вы положили эти распечатки в конверт и передали его Джулии Шамвей. Скажите ей, чтобы спрятала их в безопасном месте. В сейфе, если он у нее есть. В кассовом железном ящике или в картотечном шкафу под замок, если сейфа у неё нет. Скажите ей, чтобы она открыла конверт только в том случае, если что-то случится с вами, со мной или с нами двумя.

- Вы меня пугаете.

- В другом случае она не должна его открывать. Если вы ей это скажете, она послушается? Мое чувство мне подсказывает, что да.

- Конечно, да, но почему бы не позволить ей пересмотреть бумаги?

- Потому что если редакторша местной газеты увидит все, что ваш муж собрал на Большого Джима, и Большой Джим об этом будет знать, большая часть наших преимуществ пойдет псу под хвост. Вы слушаете?

- Д-д-да… - она поняла, как ей очень, отчаянно хочется, что бы стало так, что этот ночной разговор вел сейчас Гови.

- Я вам говорил, что, если ракетный удар не подействует, уже сегодня меня могут арестовать. Вы помните, я вам это говорил?

- Конечно.

- Ну вот, я пока что на свободе. Этот жирный сукин сын знает, как тянуть время. Но долго он его не будет тянуть. Я почти уверен, что это случится завтра, то есть - уже сегодня. Если так, вы не сможете этого остановить просто угрозами, сделать достоянием гласности всю ту грязь, которая накопал на него ваш муж.

- А за что, как вы считаете, вас собираются арестовать?

- Не имею понятия, но не за кражу в магазине. А когда я окажусь в камере, думаю, там со мной должен произойти несчастный случай. Я таких случаев много насмотрелся в Ираке.

- Это безумие.

mir-knigi.org

Но во всем этом присутствовало ужасное правдоподобие, которое она иногда переживала в кошмарах.

- Подумайте об этом, Бренда. Ренни имеет что-то, что ему позарез надо прикрыть, ему нужный козел отпущения, а новый шеф полиции у него в кармане. Так расположились звезды на небе.

- Я, так или иначе, хотела пойти к нему и поговорить, - сказала Бренда. - И собиралась взять с собой Джулию, ради безопасности.

- Не берите Джулию, - посоветовал он. - И не идите к нему сами.

- Не думаете же вы на самом деле, словно он способен на…

- Я не знаю, на что именно он способен, как далеко он может зайти. Кому вы еще доверяете, кроме Джулии?

Память закинула ее на несколько часов назад, огонь уже почти погас, она стоит на обочине Малой Суки и чувствует себя так хорошо, несмотря на свое горе, потому, что изнутри ее омыло эндорфинами. Ромео Бэрпи убеждает ее, что она должна баллотироваться, по крайней мере, на шефа пожарных.

- Ромми Бэрпи, - сказала она.

- О'кей, это то, что нужно.

- Мне рассказать ему, что Гови собрал на…

- Нет, - перебил ее Барби. - Он только ваш страховой полис. И пусть будет еще один: спрячьте под замок компьютер своего мужа.

- Хорошо… но если я спрячу компьютер, а распечатки отдам Джулии, что я покажу Джиму? Думаю, мне надо распечатать еще одну копию…

- Нет. Одной, имеющейся где-то, будет достаточно. Пока что, по крайней мере. Вселить страх Господний в него - это одно дело. Раздроченный до отчаяния, он может выкинуть что-то с непредусмотренными последствиями. Бренда, вы сами верите, что он полностью измаран?

Она не промедлила с ответом.

- Всем своим сердцем.

«Потому что Гови в это верил - и мне этого достаточно».

- И вы помните, что в той папке?

- Не точные цифры или названия всех банков, которыми они пользовались, но достаточно.

- Тогда он вам поверит, - сказал Барби. - Хоть с одной распечаткой, хотя с дополнительной копией, но он вам поверит.

5

Бренда положила пачку листов ВЕЙДЕР в коричневый пакет. Печатными буквами написала на

нем имя Джулия. Конверт положила на кухонный стол, а потом пошла в кабинет Гови и заперла его ноутбук в сейфе. Сейф был маленький, и ей пришлось засовывать «Мак» ребром, но тот все равно еле влез. Закончила она тем, что после комбинации цифр прокрутила диск сейфа не один, а два раза, следуя инструкциям своего мужа. И сразу после этого потух свет. На какой-то миг самый примитивный уголок ее мозга уверил ее, что она задула свет именно вторым поворотом диска.

Потом она поняла, что выключился генератор позади дома.

6

Когда Джуниор вошел в дом в шесть ноль пять утром во вторник, со щетиной на бледных щеках, волосы на голове всклокочены паклей, Большой Джим сидел за кухонным столом в белом банном халате, размером приблизительно, как главный парус клипера, и пил колу.

Джуниор кивнул на напиток.

- Хороший день начинается с хорошего завтрака.

Большой Джим поднял жестянку, хлебнул, глотнул, потом поставил.

- Нет кофе. То есть, есть, но нет электричества. Закончился газ в баллоне для генератора. Возьми и себе баночку, хочешь? Они там еще холодные, а у тебя такой вид, что тебе не помешает.

Джуниор открыл холодильник, заглянув в его темные внутренности.

- Ты хочешь, чтобы я тебе поверил, что ты не мог для себя где-то заныкать достаточно газа, чтобы брать его, когда захочется?

Большой Джим на это слегка напрягся, потом расслабился. Вопрос был целесообразным и не означал, что Джуниор что-то на самом деле знает. «Виновный убегает, когда его никто не преследует», - напомнил себе Большой Джим.

- Скажем так, это было бы неполиткорректно в данный момент времени.

- Ага.

Джуниор закрыл холодильник и сел по другую сторону стола. На своего отца он смотрел с каким-то отстраненным интересом (который Большой Джим воспринимал за сыновью любовь).

«Семья, которая вместе убивает, долго себя держит, - подумал Джуниор. - По крайней мере, пока что. Пока…»

- Политика, - произнес он вслух.

Большой Джим кивнул и начал изучать сына, который закусывал свой рассветный напиток тонко нарезанной вяленой телятиной.

Он не спрашивал: «Где ты был?» Он не спрашивался: «Что-то с тобой не так?», хотя это было очевидно в безжалостном утреннем свете, который начал пронизывать кухню. Но у него был к нему вопрос.

mir-knigi.org

- Есть трупы. Их несколько. Правильно?

- Да, - Джуниор отгрыз большой кусок мяса и запил колой. В кухне было непривычно тихо без гудения холодильника и булькотения аппарата «мистер Кофе».

- И все эти трупы можно повесить на мистера Барбару?

- Да. Все, - Джуниор не переставал жевать. Глотнул. Не сводя с отца глаз, он тер себе левый висок.

- Ты сможешь правдоподобным образом обнаружить эти трупы сегодня около полудня?

- Без проблем.

- И доказательства против мистера Барбары, конечно?

- Да, - Джуниор улыбнулся. – Доказательства добротные.

- Не ходи сегодня утром на службу, сынок.

- Лучше пойти, - не согласился Джуниор. - Если я не пойду, это удивительно будет выглядеть. Кроме того, я не чувствую усталости. Я спал с… - он потряс головой. - Я выспался, скажем так.

Большой Джим и тут не спросил его: «С кем ты спал?» Потому что имел более серьезные хлопоты, чем интересоваться тем, кого дрючит его сын; он просто обрадовался, что его не было среди ребят, которые встряли в переплет с той паскудницей в ее трейлере на Моттонской дороге. Якшаться с такими девками - это прямой путь подцепить себе какую-нибудь болезнь.

«Он уже больной, - прошептав голос в голове Большого Джима. Это мог быть затухающий голос его покойной жены. - Только взгляни на него».

Этот голос, возможно, был прав, но сам он имел этим утром более серьезные хлопоты, чем выяснение причин разбалансированного питания или каких-нибудь других проблем Ренни-Младшего.

- Я не говорил, чтобы ты ложился спать. Ты нужен мне в патрульном автомобиле, надо сделать кое-какую работу. Только держись подальше от «Фуд-Сити», когда будешь заниматься ею. Там может случиться передряга, я так думаю.

Глаза Джуниора ожили.

- Какая передряга?

Большой Джим не ответил прямо.

- Ты сможешь найти Сэма Вердро?

- Конечно, он лежит в своей лачуге в Божьем Ручье. Как правило, он должен долго спать, но сегодня, скорее всего, проснется весь в похмельном треморе. - Джуниор потихоньку заржал, представив себе это зрелище, потом скривился и вновь взялся массировать себе висок. - Ты серьезно считаешь, что именно мне нужно с ним поболтать? Сейчас он не принадлежит к числу моих самых больших фанатов. Возможно, он даже вычеркнул меня из списка друзей на своей странице в «Фейсбуке»[263].

- Не понимаю.

- Это шутка, отец. Забудь.

- Как думаешь, он потеплеет к тебе, если ты предложишь ему три кварты[264] виски? А когда хорошо сделает работу, то и еще?

- Этот старый мерзавец потеплеет ко мне, если даже я предложу ему полбутылки Двухбаксового Чака[265].

- Виски ты можешь взять у «Брауни», - объяснил Большой Джим. В дополнение к самой дешевой бакалее и дрочильной литературе, магазин был одним из лицензированных на продажу алкоголя заведений в Милле, и ключи от всех трех были в полицейском участке. Большой Джим толчком двинул ключ по столу.

- Задние двери. И чтобы никто тебя не увидел, как будешь заходить.

- Что Неряха Сэм должен сделать за пойло?

Большой Джим объяснял. Джуниор апатично слушал… и только его налитые кровью глаза танцевали. Задал он только один вопрос:

- Это сработает?

Большой Джим кивнул.

- Должно. Я в драйве.

Джуниор разжевал следующий кусок мяса и запил его колой.

- Я тоже, отец, - произнес он. - Я тоже.

7

Когда Джуниор ушел, Большой Джим в своем грандиозном, вычурном халате направился в кабинет. А там из среднего ящика стола, где он старался держать его едва ли постоянно, достал свой мобильный телефон. Потому что считал его безбожной вещью, предназначенной для побуждения к напрасной болтовне ни о чем - сколько же человеко-часов израсходовано на бесплодную болтовню по ним? И что за мерзостные лучи пронизывают твою голову, пока ты разговариваешь?

И все же эти телефоны могут быть полезными. Он рассчитывал, что Сэм Вердро сделает то, что ему скажет Джуниор, но также понимал, что он был бы дураком, если бы не подстраховался.

Он нашел номер в «скрытой» директории телефона, которая открывалась только после введения цифрового кода. Прозвучало с полдесятка гудков, прежде ему ответили.

- Что? - хрипло гавкнул в телефонной трубке голос родителя многочисленного потомства Кильянов.

Большой Джим вздрогнул, на секунду отставив телефон подальше от уха. Приставив его вновь, услышал кудахтанье.

mir-knigi.org

- Ты в курятнике, Роджер?

- Ага, да, сэр… Большой Джим, я здесь. Кур надо кормить, хоть там война, хоть потоп, - резкий поворот на 180 градусов от раздражения до уважения. А Роджер Кильян задолжал ему уважение. Большой Джим сделал из него миллионера. Если он тратит то, что могло бы быть жизнью без всяких финансовых проблем, на кормление табуна кур, значит, на то воля Божья. Роджер слишком туп, чтобы измениться. Такая ему с неба послана натура, и она должна сегодня хорошо послужить Большому Джиму. «И городу, - подумал он. - Именно ради города я все это делаю. На благо города».

- Роджер, у меня для тебя есть работа, для тебя и твоих троих старших сыновей.

- Только двое из них дома, - сказал Кильян. Его плотный янки-акцент превратил последнее слово на вдома. - Рики и Рэндол здесь, а Роланд был в Оксфорде, когда опустился этот Христом проклятый Купол, - он заткнулся, поняв свою погрешность, какое-то время в телефонной трубке слышалось лишь квохтанье куриц. - Извините за бранное слово.

- Я уверен, Бог тебе простит, - сказал Большой Джим. - Хорошо, тогда ты и твои двое старших. Вы сможете быть в городе где-то… - он считал, это не заняло много времени, когда ты в драйве, все решается само собой. - Скажем, где-то в девять, самое позднее - в девять часов пятнадцать минут?

- Мне нужно еще разбудить их, но, конечно, мы успеем, - ответил Роджер. - А что надо будет делать? Подвезти еще пропана…

- Нет, - перебил его Большой Джим. - И молчи об этом, Бог любит тебя. Просто послушай.

Большой Джим говорил.

Любимец Бога Роджер Кильян слушал.

Им аккомпанировало квохтанье приблизительно восьми сотен кур, которые набивали себе зобы заряженным стероидами кормом.

8

- Что? Что? Почему?

Джек Кэйл сидел за столом в своем крохотном, тесном директорском кабинете. Стол был завален списками, составленными во время инвентаризации, которую они с Эрни Келвертом наконец закончили в час ночи, их надежды на более раннее окончание перечеркнул метеоритный дождь. Сейчас он схватил эти длинные желтые листы, исписанные ручкой, и потряс ими, показывая Питеру Рендольфу, который стоял в дверях кабинета. Для этого визита новый шеф нарядился в полную форму.

- Посмотри на это, Пит, прежде чем совершать безумие.

- Извини, Джек. Супермаркет закрывается. Он откроется в четверг как продуктовая база. Для распределения продуктов. Мы будем вести все счета, корпорация «Фуд-Сити» не потеряет ни цента. Я тебе обещаю…

- Не в том дело, - Джек едва-ли не стонал. Тридцать-с-чем-то-летний, с кукольным личиком и

шапкой пружинистых рыжих волос, которые он сейчас безжалостно теребил той рукой, в которой не держал желтые листы… которые Питер Рендольф явно не собирался у него принимать.

- Вот! Вот! О чем это ты, во имя Иисуса-Гимнаста-Прыгающего, мне говоришь, Питер Рендольф?

Из подвального склада выкатился вверх Эрни Келверт. С пивным животом, краснорожий, с седыми волосами, которые он причесывал всю жизнь на один и тот же манер. На нем был фирменный зеленый халат «Фуд-Сити».

- Он хочет закрыть маркет! - сообщил ему Джек.

- Зачем, Господи помилуй, вы хотите это сделать, когда здесь еще полным-полно продуктов? - сердито спросил Эрни. - Зачем пугать людей? Они и так перепугаются со временем, если это будет продолжаться. Какой идиот это придумал?

- Так проголосовали выборные, - сказал Рендольф. - Если имеете что-то против этого плана, изложите это на городском собрании в четверг. Если к тому времени все это не кончится, конечно.

- Какого еще плана? - закричал Эрни. - Ты хочешь мне сказать, что за это проголосовала Эндрия Гриннел? Не такая она глупая!

- Я так понимаю, у нее простуда, - сказал Рендольф. - Плашмя лежит дома. Так решил Энди. А Большой Джим, как второй выборный, поддержал это решение.

Никто его не учил, каким образом изложить эту информацию, да и не было потребности. Рендольф знал, как предпочитает делать свой бизнес Большой Джим.

- Распределение может иметь смысл на каком-то этапе, - сказал Джек. - Но зачем сейчас? - Он вновь потряс своими бумагами, щеки у него стали уже почти такого же цвета, как волосы. - Зачем, когда у нас пока что всего так много?

- Это самое лучшее время, чтобы начать экономить, - сказал Рендольф.

- Что за бред, и это решил тот, у кого стоит собственный катер на озере Себаго[266] и дом на колесах «Виннебаго Вектра»[267] на заднем дворе, - произнес Джек.

- Не забываем о «Хаммере» Большого Джима, - добавил Эрни.

- Достаточно, - объявил Рендольф. - Выборные решили…

- Но только двое из них, - напомнил Джек.

- Ты имеешь ввиду один, - уточнил Эрни. - И мы знаем этого одного.

- …и я вас об этом официально уведомил, и, конец болтовне. Повесите в витрине объявление. МАРКЕТ ЗАКРЫТ ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ.

- Пит. Послушай. Посуди, - Эрни уже не казался рассерженным, теперь он едва ли не умолял. - Это перепугает людей до смерти. Если ты так настаиваешь, то, что если бы я написал ЗАКРЫТО НА УЧЕТ, СКОРО ОТКРОЕМСЯ? Можно добавить ИЗВИНИТЕ ЗА ВРЕМЕННЫЕ НЕУДОБСТВА, и ВРЕМЕННЫЕ выделить красным или еще каким-то цветом.

Рендольф медленно и почтенно покачал головой.

- Не могу этого позволить, Эрни. Не мог бы, даже если бы ты все еще официально числился здесь, как вот… - он кивнул на Джека Кэйла, который уже бросил на стол бумаги и мог терзать себе волосы обеими руками. - ЗАКРЫТО ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ. Так мне сказали выборные, а я выполняю приказы. Кроме того, вранье всегда возвращается, чтобы укусить тебя за сраку.

- Конечно, Дюк Перкинс на такое ответил бы им, чтобы подтерлись этим самым приказом, - сказал Эрни. - Тебе должен быть стыдно, Пит, что выносишь говно за этим жирным говнометом. Он прикажет тебе танцевать, а ты и вприсядку.

- Лучше тебе заткнуть глотку, если не хочешь себе худшего, - нацелился пальцем на него Рендольф. Палец немного дрожал. - Если не хочешь остаток дня просидеть в камере за неуважение к закону, лучше закрой рот и выполняй приказ. Сейчас кризисная ситуация…

Эрни не поверил собственным ушам.

- Неуважение к закону? И откуда ты такой взялся!

- Откуда надо. Если хочешь меня подвергнуть испытанию, давай, продолжай.

9

Позднее - очень поздно, чтобы это имело какой-то смысл - Джулия Шамвей соберет вместе большинство фактов о том, как начались волнения в «Фуд-Сити», хотя так никогда их и не опубликует. Если бы даже она это сделала, это был бы просто репортаж, который дает ответ на стандартные вопросы: Кто? Что? Где? Когда? Почему? Как? Если бы ее кто-то попросил написать об эмоциональной подоплеке того события, она бы растерялась. Как объяснить, что люди, которых она знала всю свою жизнь, люди, которых она уважала, которых любила, превратились в дикую толпу. Она уверяла себя: «Я бы разобралась лучше во всем, если бы была там с самого начала и видела, как все началось», но то была сугубо рациональная логика, отказ согласиться с существованием неуправляемого, лишенного благоразумия дикого зверя, который возникает, когда на это провоцируют испуганных людей. Она никогда не думала, что этот зверь может вынырнуть в их городе.

Но для этого не было никаких предпосылок. Вот к чему она вновь и вновь возвращалась мысленно. Город прожил отрезанным от мира всего лишь каких-то семьдесят часов; в нем было полно продуктов разного вида; только пропана почему-то странным образом было мало.

Позже она скажет: «Это был момент, когда наш город наконец-то осознал, что с ним происходит». Возможно, в этой мысли был какой-либо смысл, но он ее не удовлетворял. Единственное, что она могла сказать с полнейшей уверенностью (а говорила это она лишь самой себе), ее город съехал с катушек, и никогда потом больше не стал прежним.

10

Первыми, кто замечает объявление, оказываются Джин Буффалино и ее подруга Гарриэт Бигелоу. Обе девушки одеты в белую медсестринскую униформу (это была идея Джинни Томлинсон; она считала, что белый цвет вызывает большее доверие у пациентов, чем карамельные волонтерские фартушки), и выглядят они, безусловно, хорошенькими. А еще

утомленными, вопреки присущей юности способности к быстрому восстановлению сил. Они пришли купить батончиков, - чтобы хватило всем, кроме бедного Джимми Серойса с его диабетом, так они запланировали, - а обсуждают они метеоритный дождь. Разговор прекращается, когда они видят объявление на дверях.

- Маркет не может быть закрытым, - говорит Джина недоверчиво. - Сейчас же утро вторника.

Она наклоняется к оконным стеклам, прикрывая ладонями себе лицо, во избежание отблесков яркого утреннего солнца.

В то время как она занята этим делом, подъезжает Энсон Вилер, рядом с которым сидит на пассажирском сидении Рози Твичел. В «Розе-Шиповнике» остался Барби, он заканчивает подготовку к завтраку. Раньше, чем Энсон успевает выключить двигатель, Рози выскакивает из небольшого фургона, на борту которого нарисована ее тезка. В ее руках длинный список необходимых покупок, она хочет приобрести всего как можно больше и как можно скорее. И здесь она видит прилепленное к дверям объявление: «ЗАКРЫТО ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ».

- Что за черт? Я только вчера вечером видела Джека Кэйла, и он об этом даже словом не обмолвился.

Говорит это она Энсону, который подтянулся за ней в кильватере, но отвечает ей Джина Буффалино:

- Там же полно продуктов. Все полки заставлены.

Подтягиваются другие люди. Маркет должен был бы открыться через пять минут, и Рози не одна такая, кто запланировал начать день с ранних закупок; люди в разных уголках города, проснувшись и поняв, что Купол никуда не делся, решили пополнить свои запасы. На вопрос объяснить такой внезапный наплыв покупателей, Рози могла бы ответить:

- Точно так люди ведут себя каждую зиму, когда метеорологи прогнозируют вместо снегопада вьюгу. Сендерс с Ренни не могли выбрать более худшего дня, чтобы устроить такое дерьмо.

Среди ранних покупателей появляются второй и четвертый экипаж полицейского участка Честер Милла. За ним подъезжает и Фрэнк Делессепс в своей «Нова» (он содрал с машины наклейку «СРАКА, ТОПЛИВО ИЛИ ТРАВА», поняв, что едва ли это к лицу офицеру на службе закона). Картер с Джорджией - в двойке; Мэл Ширлз и Фрэдди Дентон в четверке. Они выжидали, припарковавшись дальше по улице, возле «Maison des Fleurs»[268] Леклерка, по приказу Рендольфа.

- Нет потребности подъезжать туда очень рано, - инструктировал он их. - Подождите, пока там не будет стоять хотя бы с десяток машин. А может, они прочитают объявление и разъедутся по домам.

Такого не случается, конечно, как это заведомо знал Большой Джим. А появление офицеров - особенно таких молодых и неуверенных в себе, в основном, действует как возбуждающее средство, а не успокоительное. Рози первая, кто начинает им выговаривать. Она наседает на Фрэдди, демонстрирует ему свой длинный список покупок, потом показывает на витрину, за которой большинство нужных ей продуктов стоят на полках плотными рядами.

Фрэдди, будем искренни, сначала ведет себя деликатно, понимая, что на него смотрят люди (пока еще не совсем стая, нет), однако тяжело держать себя в рамках, когда эта ротатая

никчема лезет тебе прямо в лицо. Разве ей не ясно, что он только выполняет приказы?

- Кто кормит этот город, как ты думаешь, Фред? - спрашивает Рози. Энсон кладет ей ладонь на плечо. Рози ее снимает. Она понимает, что Фрэдди видит злость, вместо горечи, которую она ощущает, но остановится не в состоянии. - Ты думаешь, полный продуктов грузовик «Сиско» спустится сюда к нам на парашюте с неба?

- Мэм…

- Только не надо! Когда это я для тебя стала мэм? Ты ел блины с черникой и тот надоедливый бекон, который ты так любишь, по четыре-пять раз в неделю в течение последних двадцати лет, и всегда звал меня Рози. Но тебе не достанется блинов уже завтра, если я не куплю муки, и масла, и сиропа, и…

Вдруг она замолкает. Наконец! Опомнились! Слава Тебе Господи!

Джек Кэйл изнутри открывает одну из половинок двойных дверей. Перед ними уже успели занять позицию Мэл и Фрэнки, и ему приходится протискиваться между ними. Потенциальные покупатели - сейчас их уже около двух десятков, хотя до времени, когда должен официально открываться маркет, до девяти утра, еще целая минута - выступают вперед, чтобы остановиться, как только Джек выбирает ключ со связки у себя на поясе и вновь закрывает двери. Коллективный стон.

- Зачем, к черту, ты это делаешь? - гремит негодующе Уилл Викер. - Когда жена послала меня купить яя!

- Спросите об этом у выборных и шефа Рендольфа, - отвечает Джек, волосы у него на голове торчат абсолютно врассыпную. Он косит черным глазом на Фрэнка Делессепса и еще более смурной взгляд дарит Мэлу Ширлзу, который безуспешно старается спрятать улыбку, а может, даже свое знаменитое и-го-го-го-го. - Чтобы я так знал. Но сейчас с меня довольно этого дерьма. Я устал.

Он, спотыкаясь, со склоненной головой, отправляется сквозь толпу и щеки у него горят ярче, чем рыжие волосы. Лисса Джеймисон, которая только что подъехала на велосипеде (все из ее списка уместится в ящичке-багажнике на заднем крыле, нужды у нее, как у букашки), вынуждена вильнуть, объезжая Джека.

Картер, Джорджия и Фрэдди выстроились рядышком перед большой витриной из листового стекла, там, где Джек в обычные дни выставляет тачки и мешки с удобрениями. Пальцы Картера заклеены кусочками пластыря, а под рубашкой у него прилеплен еще более толстый бандаж. В то время, как Рози Твичел не перестает поносить Фрэдди, тот держится за рукоятку своего пистолета, а Картер думает, как бы он мог съездить ей с левой. С пальцами у него все обстоит благополучно, но плечо болит, как бешеное. Сначала небольшой, рой беспомощных покупателей становится большим, на стоянку подъезжают новые автомобили.

Прежде чем офицер Тибодо успевает надлежащим образом рассмотреть толпу, в его персональном пространстве выныривает Алден Динсмор. Вид у Алдена измученный, похоже, что после смерти сына он потерял, по крайней мере, фунтов двадцать веса. На левой руке у него черная траурная повязка, на лице волнение.

- Должен зайти, сынок. Жена послала меня прикупить кое-чего консервированного. - Алден не говорит, чего именно консервированного.

Наверняка, всего, что есть. А может, он мыслями там, возле пустой кровати на втором этаже, в которой никогда больше не будет лежать его сын, не будет смотреть на плакат «Фо Файтерс»[269] на стене, на модель аэроплана на столе, которая никогда не будет закончена и навсегда забыта.

- К сожалению, мистер Димсдейл, вы этого сделать не сможете.

- Моя фамилия Динсмор, - говорит Алден бессмысленным голосом. И делает шаг к дверям. Двери заперты, ему никак не войти, но Картер все равно охотно отпихивает фермера назад. Картер впервые с симпатией вспоминает своих школьных учителей, которые оставляли его после уроков; настоящую раздражительность не сравнить с былой.

А еще как же жарко, и плечо болит, вопреки двум таблеткам перкоцета, которые ему дала мать. Семьдесят пять[270] градусов в девять часов утра непривычно для октября, а выцвевше-голубой цвет неба подсказывает, что в полдень будет еще жарче, а в три часа еще больше.

Алден отступает назад, на Джину Буффалино, они оба завалились бы, если бы не Петра Ширлз, упитанная женщина, которая подперла их собой. Лицо у Алдена не сердитое, только удивленное.

- Жена послала меня за консервами, - объясняет он Петре.

Среди толпы ширится гул. Не злобный, пока еще нет. Люди пришли купить продуктов, и продукты внутри есть, но двери заперты. А тут мужчину толкают, да еще и какой-то школьный недоросль, который только на прошлой неделе был автослесарем.

Джина всматривается в Картера, Мэла и Фрэнка Делессепса. Показывает пальцем.

- Это же именно те ребята, которые ее изнасиловали! - говорит она своей подружке Гарриэт, не понижая голоса. - Это те ребята, которые изнасиловали Сэмми Буши!

С лица Мэла исчезает улыбка, его покинуло желание заржать.

- Заткни глотку, - бросает он.

К толпе подъезжают Рики и Рэндол Кильяны на своем «Шевроле-Каньоне»[271]. Неподалеку появляется Сэм Вердро, он подходит пешком, конечно; право управлять машиной Сэм навсегда потерял еще в 2007-м.

Джина отступает на шаг, не сводя с Мэла своих широко раскрытых глаз. Рядом с ней топчется Алден Динсмор, словно какой-то фермер-робот с полуживым аккумулятором.

- Так вы, ребята, шо, типа полиция? Не мутит?

- Если, об изнасиловании, то это чисто враньё той суки, - говорит Фрэнк. - А ты лучше прекрати распространяться на эту тему, пока не арестовали за нарушения спокойствия.

- Точно, бля, - встряет Джорджия. Она пододвинулась немного поближе к Картеру. Он ее игнорирует. Он наблюдает за толпой. Это уже самое оно. Если объединилось пятьдесят душ, то это уже толпа. А ведь и еще же подходят. Картеру не хватает его пистолета. Ему не нравится эта враждебность в их глазах.

Велма Винтер, которая руководила «Брауни» (пока магазин не закрыли), прибывает вместе с

Томми и Виллой Андерсонами. Велма дородная, сильная женщина, которая причесывает волосы на манер Бобби Дарина[272] и выглядит так, что могла бы стать воинствующей королевой народа Дайков[273], хотя она уже похоронила двух мужей и за тем лясоточильным столом, который стоит в уголке «Шиповника», можно услышать, что она затрахала их насмерть, а теперь ищет себе третью жертву в «Диппере», каждую среду, когда там устраивают караоке в стиле кантри, итак, собирается взрослый народ. Сейчас она встает дыбом перед Картером, вперив себе кулаки в мясистые бедра.

- Закрыто, говорите? - спрашивается она деловым тоном. – Ну-ка, давайте посмотрим ваш документ.

Картер растерян, а собственная растерянность его всегда бесит.

- Отойди назад, сука, мне не нужен никакой документ. Шеф прислал нас сюда. Так приказали выборные. Здесь будет продуктовая база.

- Распределение? Ты это хочешь сказать? - фыркает она. - Не будет карточной системы в моем городе! - Она протискивается между Мэлом и Фрэнком и начинает гатить в двери. - Открывайте! Сейчас же открывайте, вы там!

- Никого нет дома, - говорит Фрэнки. - Лучше тебе прекратить это дело.

Но Эрни Келверт еще не ушел. Он спускается по трапу для загрузки муки-макаронов-сахара. Его видит Велма и начинает еще сильнее гатить в двери.

- Открывай, Эрни! Открывай!

- Открывай! - поддерживают ее голоса из толпы.

Фрэнк бросает взгляд на Мэла и кивает. Вместе они хватают Велму и, напрягая мышцы, тянут все ее двести фунтов веса прочь от дверей. Джорджия Руа отвернулась и машет Эрни, чтобы исчез. Эрни на это не реагирует. Вот тупой, бля, так и стоит, где стоял.

- Открывай! - скандирует Велма. - Открывай! Открывай!

К ней присоединяются Томми с Виллой. А там и Уилл Викер, почтальон. И Лисса тоже, лицо у нее сияет - всю жизнь она мечтала оказаться среди участников спонтанной демонстрации, и вот он, ее последний шанс. Она поднимает свой кулачок и начинает трясти им в такт - два коротких движения на от-кры и один длинный на -вай. Остальные следуют ее примеру. Открывай превращается в От-кры-вай! От-кры-вай! Теперь уже все дергают кулаками в этом двухтактном ритме на две восьмых с четвертью - может, семьдесят человек, а может, и восемьдесят, и новые прибывают непрерывно. Неплотная голубая шеренга перед маркетом кажется еще тоньше. Четверо младших копов просят глазами у Фрэдди Дентона идей, но у Фрэдди нет никаких идей.

Однако у него есть пистолет. «Взял бы ты, да и выстрелил в воздух, и по возможности скорее, лысый, - думает Картер, - потому что эти люди нас вот-вот растопчут».

Еще двое копов - Руперт Либби и Тоби Велан - едут сюда по Мэйн-стрит из участка (где они пили кофе и смотрели Си-Эн-Эн), обгоняя Джулию Шамвей, которая плетется в том же направлении с камерой на плече.

Джеки Веттингтон и Генри Моррисон также отправляются к супермаркету, но тут кряхтит

рация у Генри на поясе. Это шеф Рендольф, он говорит, что Джеки с Генри должны оставаться на своем посту возле «Топлива & Бакалеи».

- Но мы слышали… - начинает Генри.

- Выполняйте, что вам приказано, - перебивает Рендольф, не уточняя, что он только передатчик приказов - от некоторой вышестоящей инстанции.

- Открывай! Открывай! Открывай! - мощно салютует кулаками в теплом воздухе толпа. Еще опасаясь, но также уже понемногу возбуждаясь. Входя в раж. Если бы увидел их Мастер Буши, решил бы, что это группа угоревших начинающих наркош, которым для аккомпанемента и полноты картины не хватает только какой-то из мелодий «Признательных мертвецов»[274].

Сквозь толпу пробираются братья Кильяны и Сэм Вердро. Они тоже скандируют - не ради маскировки, а просто потому, что тяжело сопротивляться непреодолимой вибрации, которая превращает толпу в стаю, - но кулаками не трясут; им еще работу делать. Никто не обращает на них никакого внимания. Позже только несколько человек смогут припомнить, что они их там вообще видели.

Медичка Джинни Томлинсон также пробирается сквозь толпу. Она пришла сюда сказать девушкам, что они нужны в больнице; появились новые пациенты, и у одного из них серьезный случай. Это Ванда Крамли с Восточного Честера. Крамли - соседи Эвансов, их усадьбы неподалеку от границы с Моттоном. Придя сегодня утром проверить, как там Джек, Ванда нашла его мертвым в каких-то двадцати футах от того места, где Купол отрезал руку его жене. Джек лежал распластанный навзничь, рядом с ним бутылка и мозг подсыхает на траве. Ванда с плачем побежала назад к своему дому, зовя по имени мужа, но не успела она туда добраться, как ее свалил инфаркт. Венделу Крамли посчастливилось, что он не разбил свой маленький фургончик «Субару» по дороге к госпиталю - он мчался со скоростью 80 миль едва ли не всю дорогу. Сейчас рядом с Вандой дежурит Расти, но Джинни не очень верит, чтобы Ванде - пятьдесят лет, лишний вес, беспрерывно курит всю жизнь – посчастливилось выкарабкаться.

- Девушки, - зовет она. - Вы нам нужны в больнице.

- Миссис Томлинсон, это они, те самые! - кричит Джина. Она вынуждена кричать, чтобы быть услышанной среди скандирующей толпы. Она показывает пальцем на копов и начинает плакать - отчасти от страха, отчасти от усталости, но главным образом от гнева. - Вот, это они ее изнасиловали!

Тут уже и Джинни обращает внимание на лица копов в форме и понимает, что Джина права. Джинни Томлинсон, в отличие от Пайпер Либби, не страдает приступами дикой злости, но она тоже имеет взрывной характер и тут срабатывает еще один, дополнительный фактор: в отличие от Пайпер, Джинни видела Буши без трусов. Вагина рваная и распухшая. Огромные синяки на бедрах, которых не было видно, пока не смыли кровь. Очень много крови.

Джинни забывает о том, что девушек ждут в госпитале. Она забывает о том, что надо было бы вытянуть их из этой опасной, шаткой ситуации. Она даже забывает о Ванде Крамли с ее инфарктом. Она бросается вперед, локтем отталкивая кого-то со своего пути (это Брюс Ярдли, кассир, который также приторговывает наркотой, он трясет кулаком вместе со всем людом), приближаясь к Мэлу с Фрэнки. Оба засмотрелись на все более и более нависающую толпу и не замечают ее приближения.

Джинни поднимает вверх обе руки, на мгновение, становясь похожей на злодея из вестерна, который сдается шерифу. А тогда сводит их вместе, давая одновременно подзатыльник обоим

копам.

- Сучьи сыны! - кричит она. - Как вы посмели, гребанные падлы? Псы вонючие! Пойдете в тюрьму за это, на хер вся ваша ба…

Мэл не думает, просто реагирует. Он бьет ее прямо в лицо, ломая ей очки и нос. Она оступается назад, вскрикивает, льется кровь. Ее старомодная медсестринская шапочка освобождается от шпилек, которые ее поддерживали, и кувырком летит с ее головы. Брюс Ярдли, юный кассир, хочет ее подхватить, но промазывает. Джинни ударяется о вереницу магазинных тележек. Они катятся поездом. Она падает на ладони и колени, захлебываясь воплем от боли и шока. Капли красной крови из ее носа - не просто поломанного, а разрушенного - начинают падать на большие желтые буквы КО в надписи НЕ ПАРКОВАТЬСЯ.

Толпа на мгновение замирает, ошарашенная, только Джина и Гарриэт бросаются туда, где скорчилась Джинни.

И тогда поднимается голос Лиссы Джеймисон, ясное, чистое сопрано:

- ВЫ СВИНЬИ УБЛЮДОЧНЫЕ!

Тут-то и летит первый камень. Того, кто бросил первый камень, так и не был идентифицирован. Наверное, это было первое преступление, из которого Неряха Сэму Вердро вышел сухим.

Джуниор подбросил его почти до центра города, и Сэм, с видениями танцующего виски в голове, отправился по восточному берегу Престил, чтобы выбрать себе правильный камень. Тот должен был быть большим, но не очень, потому что он тогда не сможет его бросить точно, даже если когда-то - столетие тому назад, как ему казалось иногда, а иногда, словно прошлым вечером - он выступал стартовым питчером «Уайлдкетс» в первом матче турнира штата Мэн. Наконец-то он его нашел, неподалеку от моста Мира: фунт, или полтора весом и гладенький, словно гусиное яйцо.

- И вот еще что, - сказал Джуниор, высаживая из машины Неряху Сэма. Это что-то не было идеей Джуниора, но Джуниор не сообщил Сэму об этом, потому что вел себя не хуже шефа Рендольфа, который приказывал Веттингтон и Моррисону оставаться на своем посту. Иначе было бы неполиткорректно.

- Целься в девку, - такой была последняя установка Джуниора Неряхе Сэму перед расставанием. - Она это заслужила, и не промажь.

Пока Джина с Гарриэт в своих белых униформах наклоняются к обмякшей, плачущей, истекающей кровью старшей медсестре (и внимание всей толпы переключилось тоже туда), Сэм взмывает вверх, как он это делал когда-то давно, в 1970-м, бросает и впервые за последние сорок лет попадает именно туда, куда хотел.

Хотя и в чужую ему цель. Кусок испещренного кварцем гранита весом двадцать унций бьет Джорджию Руа прямехонько в губы, ломая ей челюсть в пяти местах, вместе со всеми зубами, кроме четырех. Она юлой ударяется о витринное стекло, челюсть у нее гротескно отвисает едва ли не до груди, из разинутого рта льется кровь.

Моментально следом летят еще два камня, один бросает Ричи Кильян, второй - Рэндол. Камень Ричи принимает затылок Билла Оллната, и школьный сторож падает наземь, неподалеку от Джинни Томлинсон. «Вот блядь! - думает Рики. - Я ж хотел попасть в какого-нибудь падлючего копа!» Не только потому, что получил такой приказ, такая у него с давних пор была

собственная мечта.

Бросок Рендола окажется более точным. Он кидает свой камень точно в лоб Мэлу Ширлзу. Мэл падает, словно синий почтовый мешок.

Дальше пауза, момент затаенного дыхания. Представьте себе автомобиль, который балансирует на двух колесах, решая - перевернуться ему или нет. Представьте, как оглядывается Рози Твичел, ошарашенная, испуганная, не уверенная в том, что случилось, не говоря уже о том, что ей делать дальше. Смотрите, как Энсон обнял ее за талию. Услышьте, как сквозь свой разбитый рот воет Джорджия Руа, ее причитания дико напоминают тот звук, который выдувает охотник, когда воздух проскальзывает мимо навощенной нити сделанного из жестянки манка на лося. Она голосит, а кровь льется из ее разодранного языка. Смотрите, вот и подспорье. Тоби Велан и Руперт Либби (двоюродный брат Пайпер, хотя она не гордится этим родственником) первыми прибывают на место. Пробегают глазами… и идут на попятную. Следующей появляется Линда Эверетт. Она подходит пешком, вместе с другим копом на полставки Марти Арсенолтом, который пыхтит у нее в кильватере. Она начинает протискиваться сквозь толпу, но Марти - который даже форму не одевал, а просто скатился утром с кровати и залез в старые синие джинсы - хватает ее за плечо. Линда почти вырывается из его руки, но вспоминает о своих дочурках. Стыдясь собственной трусости, она позволяет Марти отвести ее туда, откуда за развитием событий наблюдают Руп и Тоби. Из всей этой четверки только Руперт имеет при себе пистолет, но станет ли он стрелять? Хера с два он станет; среди толпы он замечает свою жену с ее матерью, они держатся за руки (подстрелить тещу Руперт был бы не против). Смотрите, вот и Джулия Шамвей прибывает вслед за Линдой и Марти, она совсем запыхалась, но уже нацеливает камеру, упустив не землю снятый с объектива колпачок, лишь бы скорее начать снимать. Смотрите, как Фрэнк Делессепс опускается на колени возле Мэла, тем самым избежав очередного камня, который свистит мимо его головы и проламывает дыру в дверях супермаркета.

Тогда…

И тогда кто-то кричит. Кто именно - никогда так и не выяснилось, даже относительно пола крикуна не пришли к согласию, хотя большинство думали, что голос был женский, а Рози позже будет говорить Энсону, что она почти уверена, что это была Лисса Джеймисон.

- ХВАТАЙТЕ ИХ!

Кто-то другой ревет:

- ПРОДУКТЫ!

И толпа бросается вперед.

Фрэдди Дентон один раз стреляет со своего пистолета в воздух. И опускает дуло, в панике он уже почти готов стрелять в толпу. Не успевает, потому что кто-то выкручивает ему руку. Он пригибается, кричит от боли. И тогда носок большого старого фермерского сапога - Алдена Динсмора - целуется с его виском. Свет не полностью померк в глазах офицера Дентона, но помутился значительно, а к тому времени, когда ему развиднелось, Большой Супермаркетовый Бунт уже завершился.

Кровь проступает сквозь повязку на плече у Картера Тибодо, и маленькие розочки расцветают на груди его голубой рубашки, однако он - по крайней мере, пока что - не ощущает боли. И не делает попытки убежать. Стоит крепко на ногах и бьет первого, кто попадает в его радиус действия. Им становится Чарльз Стабби Норман, который держит антикварный магазин на

шоссе 117 на краю города. Стабби падает, хватаясь руками за рот, из которого хлынула кровь.

- Назад, выблядки! - кричит Картер. - Назад, сучьи отморозки! Не грабить! Назад!

Марта Эдмандс, бэбиситерша Расти, старается помочь Стабби и получает кулаком от Фрэнка Делессепса себе в скулу, больно. Она качается, держась рукой за лицо, и, не веря собственным глазам, смотрит на юнца, который ее только что ударил… и тогда плашмя падает прямо на Стабби, сбитая с ног волной взбешенных «покупателей».

Картер и Фрэнк начинают сыпать по ним ударами, но успевают раздать разве что штуки три, как тут же их отвлекает дикий, воющий вопль. Это городская библиотекарша, волосы развивается вокруг ее, по обыкновению, умиротворенного лица. Она толкает поезд тележек, и, похоже, кричит «банзай!». Фрэнк отскакивает с ее траектории, зато тележки попадают в Картера, перекидывая его. Он взмахивает руками, стараясь удержаться на ногах, и ему у него наверняка получилось бы, если бы не ноги Джорджии. Он перецепляется об них, приземляется на спину, и толпа бежит прямо по нему. Он перекатывается на живот, сплетая пальцы у себя на голове, и ждет, пока это кончится.

А Джулия Шамвей щелкает и щелкает. Наверно, найдутся кадры с лицами знакомых ей людей, но сейчас она видит сквозь видоискатель лишь чужаков. Орду чужаков.

Руп Либби извлекает свое служебное оружие и четыре раза палит в воздух. Выстрелы скатываются в теплый утренний воздух, плоские, словно озвученные перед аудиторией восклицательные знаки. Тоби Велан ныряет назад в машину, ударяясь головой, сбивая с нее свою кепку (ЧЕСТЕР МИЛЛ ЗАМЕСТИТЕЛЬ написано впереди желтыми буквами). С заднего сидения он хватает мегафон, прикладывает ко рту и кричит:

- НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ! НАЗАД! ПОЛИЦИЯ! СТОП! ЭТО ПРИКАЗ!

Джулия его снимает.

Толпа не обращает внимание ни на выстрелы, ни на мегафон. Она не обращает внимания на Эрни Келверта, когда тот выходит из-за угла здания в своем зеленом халате, который достигает дутых колен его брюк.

- Идите через задние двери. Не надо этого делать. Я открыл магазин сзади.

Толпа предпочитает прорваться, вломиться. Люди бьются в двери с надписями ВХОД и ВЫХОД и ЕЖЕДНЕВНО НИЗКИЕ ЦЕНЫ. Двери сначала держатся, а потом распахиваются под давлением общего веса толпы. Первых посетителей размазывает по дверям, они получают ранения: у двух поломанные ребра, у одного вывихнута шея, двое с поломанными руками.

Тоби Велан хотел было вновь поднять к губам мегафон, но потом просто положил его, чрезвычайно осторожно, на капот автомобиля, в котором он сюда приехал вместе с Рупертом. Поднимает свою кепку ЗАМЕСТИТЕЛЯ, стряхивает с нее пыль, одевает на голову. Они с Рупом отправляются к дверям, потом останавливаются, беспомощные. К ним присоединяются Линда и Марти Арсенолт. Линда видит Марту и подводит ее к маленькой компании полицейских.

- Что случилось? - спрашивает с вытаращенными глазами Марта. - Меня кто-то ударил? У меня так печет лицо, тут, сбоку. А кто присматривает за Джуди и Дженнилл?

- Твоя сестра взяла их сегодня утром, - говорит Линда, обнимая ее. - Не волнуйся.

- Кора?

- Вэнди.

Кора, старшая сестра Марты, уже много лет живет далеко, в Сиэтле. Линда переживает: неужели у Марты сотрясение мозга? Надо, чтобы доктор Гаскелл ее осмотрел, но тут же вспоминает, что Гаскелл сейчас лежит или в госпитальном морге, или в похоронном салоне Бови. Теперь остался один Расти, и сегодня у него будет очень много работы.

Картер волочит Джорджию к машине №2. Она все еще выдает эти жуткие лосячьи вопли. К Мэлу Ширлзу вернулось какое-то мутное подобие сознания. Фрэнки ведет его в сторону Линды, Марты, Тоби и остальных копов. Мэл старается поднять голову, и вновь склоняет ее на грудь. Из разбитого лба у него сочится кровь, уже вся рубашка промокла.

Люди потоком вливаются в маркет. Мчатся вдоль полок, толкая перед собой тележки или хватая корзины со штабеля рядом с витриной с древесным углем (УСТРОЙТЕ СЕБЕ ОСЕННИЙ ПИКНИК! - призывает надпись). Мануэль Ортэга, рабочий Динсмора, и его добрый друг Дэйв Даглас сразу направляются к кассам и начинают лупить по кнопкам АННУЛЯЦИЯ, хватают деньги, запихивают себе в карманы и при этом хохочут, словно идиоты.

В супермаркете уже полно народа; как в Черную Пятницу. В отделе замороженных продуктов две женщины сцепились за последний лимонный торт «Пепперидж Фарм»[275]. В деликатесах один мужчина бьет другого польской колбасой, призывая его оставить и другим людям хоть что-нибудь из мясного товара. Мясолюбивый клиент оборачивается и бьет обладателя колбасы прямо в нос. Вскоре они уже катаются на полу, мелькают кулаки.

Ссоры повсюду, и они распространяются. Ренс Конрой, владелец и единственный работник сервисно - снабжающего бизнеса «Западный Мэн. Электрооборудование» (лозунг: «Улыбка - наша специальность») отпихивает пенсионера Брендана Эллерби, бывшего преподавателя физики Мэнского университета, когда физик едва не успевает раньше него схватить последний большой пакет сахара. Эллерби падает наземь, но десятифунтовый пакет Домино[276] из рук не выпускает, а когда Конрой наклоняется к нему, Эллерби с восклицанием «Вот тебе, сладенького!» бьет ему пакетом в лицо. Пакет трескается, словно от взрыва, укрывая Ренса Конроя белой тучей. Электрик бьется спиной об ряд полок с лицом белым, как у мима, и визжит: «Я ничего не вижу; я ослеп!» Карла Венциано с ребенком, который, сидя в наплечнике, хлопает глазками над маменькиным плечом, отпихивает Генриетту Клевард от витрины с рисом «Тексмати»[277]. Маленький Стивен любит рис, он также любит играться с пустыми пластиковыми баночками, и Карла желает затариться сполна. Генриетта, которой в январе исполнилось восемьдесят четыре, падает на тот костлявый твердый узелок, на месте которого у нее когда-то была жопа. Лисса Джеймисон отпихивает со своего пути владельца салона «Тойота» Уилла Фримэна, чтобы успеть выхватить последнего цыпленка из морозильной витрины. А хера, цыпленка хватает какая-то юная девушка в майке с надписью НЕИСТОВСТВО ПАНКОВ и, весело показав Лиссе пирсингованный язык, вприпрыжку скачет прочь.

Где-то осыпается стекло, на этот звук откликается радостный хор голосов, большей частью мужских (но не только). Это проломили холодильник с пивом. Немало клиентов - наверное, они все-таки надумали УСТРОИТЬ СЕБЕ ОСЕННИЙ ПИКНИК - пускаются в том направлении. Вместо От-кры-вай, звучит новая мантра: Пи-во! Пи-во!

Другие господа делают рейды к кладовке в подвале и назад. В скором времени уже и мужчины, и женщины затарились вином: у кого бутылка, а у кого-то и ящик. Кое-кто двигается, поставив

картонные коробки с винными бутылками себе на голову, словно носители-аборигены в каком-то давнем голливудском кино.

Джулия, в уже посеченных осколками стекла чулках, снимает, и снимает, и снимает.

Во двор подтягиваются остальные городские копы, среди них и Джеки Веттингтон с Генри Моррисоном, которые по взаимному согласию покинули свой пост возле «Топлива & Бакалеи». Они присоединяются к другим полицейским, которые стоят вместе, беспомощно томясь, потому, что могут только все это наблюдать. Джеки видит пораженное лицо Линды Эверетт и прижимает ее к себе. К ним присоединяется Эрни Келверт, он горько всхлипывает: «Такое безобразие! Такой стыд!» - и слезы бегут по его рыхлым щекам.

- Что нам теперь делать? - спрашивает Линда, прижимаясь щекой к плечу Джеки. Вплотную к ней стоит Марти, посматривая на маркет, она прижимает ладонь к своей кровавой щеке, которая распухает просто на глазах. Перед ними в «Фуд-Сити» слышны восклицания, взрывы смеха и случайные вопли боли. Там кидают какие-то вещи; Линда видит рулон туалетной бумаги, который серпантином разворачивается в полете в том крыле, где стоит домашний инвентарь.

- Солнышко, - говорит Джеки. - Я просто не знаю.

11

Энсон выхватывает у Рози список покупок и бежит с ним вовнутрь маркета, прежде чем хозяйка успевает его остановить. Рози в тревоге стоит возле ресторанного фургона, сцепляя-расцепляя пальцы, колеблясь, идти ей вслед за ним или нет. Только она решила остаться здесь, как чья-то рука ложится ей на плечо. Она аж подскакивает, но, осмотревшись, видит позади Барби. Глубокое облегчение на душе ей подкашивает ноги. Рози цепляется за его руку - отчасти от радости, отчасти, чтобы не упасть в обморок.

Барби улыбнулся, впрочем, невесело.

- Людям такая радость, а ты что же, подружка?

- Просто не знаю, что мне делать, - говорит она. - Энсон там, внутри… все там… а копы только стоят и смотрят.

- Наверняка, боятся, чтобы не побили их еще больше, потому что кое-кого из них уже успели побить. И я их не осуждаю. Все хорошо спланировано и хорошо исполнено.

- О чем это ты?

- Не обращай внимания. Хочешь попробовать остановить их, пока не дошло до худшего?

- Как?

Он взял мегафон, который так и остался лежать на капоте соседней машины, там, где его положил Тоби Велан. Но, когда протянул мегафон Рози, она отстранилась, заслоняя себе грудь руками.

- Лучше ты это сделай, Барби.

- Нет, это ты кормила их годами, тебя они знают, только тебя они послушают.

Она взяла мегафон, хотя и колеблясь.

- Я не знаю, что говорить. Ничего не приходит в голову такого, что могло бы их остановить. Тоби Велан уже старался. Но им безразлично.

- Велан старался им приказывать, - сказал Барби. - Приказывать толпе все равно, что стараться руководить муравейником.

- Все равно я не знаю, что мне…

- Я тебе расскажу, - Барби говорил спокойно, таким образом, успокаивая ее. Он сделал довольно длинную паузу, чтобы подозвать жестом Линду Эверетт. Линда приблизилась вместе с Джеки, обнимая друг друга за талии.

- Вы можете связаться с вашим мужем? - спросил Барби.

- Если у него включен мобильный.

- Скажите ему, чтобы прибыл сюда - на санитарной машине, если возможно. Если он не ответит на звонок, садитесь в полицейскую машину и катите прямо в госпиталь.

- У него там пациенты…

- Пациенты у него есть и здесь. Он просто об этом еще не знает. - Барби показал на Джинни Томлинсон, которая теперь сидела, привалившись спиной к шлакоблочной стене маркета, закрывая себе руками окровавленное лицо. Джина и Гарриэт Бигелоу присели наприсядки возле нее, но, когда Джина попробовала сложенным платочком остановить кровотечение из ее радикально истерзанного носа, Джинни вскрикнула от боли и отвернула голову.

- Начиная с одной из тех двух профессиональных медиков, которые у него остались, если я не ошибаюсь.

- А вы что собираетесь делать? - спросила у него Линда, снимая с пояса телефон.

- Мы с Рози собираемся унять толпу. Правда, Рози?

12

Рози застыла в дверях, загипнотизированная хаосом, который открылся ее глазам. В воздухе висел слезоточивый запах уксуса, смешанный с ароматами рассола и пива. Линолеум в проходе секции №3 был забрызган горчицей и кетчупом, словно его кто-то от души заблевал. Туча из сахара и муки повисла над секцией №5. Люди, которые толкали свои тележки через тот проход, кашляли, вытирали себе глаза. Некоторые из тележек буксовали, наезжая на россыпи сухих бобов на полу.

- Постой там секунду, - сказал Барби, хотя Рози и так не подавала признаков движения; она стояла, парализованная зрелищем, прижав мегафон себе между грудей.

Барби заметил Джулию, которая фотографировала разграбленные кассовые аппараты.

- Бросайте это дело и идем со мной, - позвал он.

- Нет. Мне нужно делать свою работу, больше некому. Я не знаю, куда делся Пит Фримэн и

Тони…

- Вы не должны это снимать, а должны остановить. Прежде чем не произошло чего-то худшего, - показывал он на Ферна Бови, который прочимчиковал мимо них с нагруженной корзиной в одной руке и пивом во второй. У него была рассечена бровь и кровь стекала по лицу. Однако вид Ферн имел удовлетворенный.

- Как?

Он подвел ее к Рози.

- Ты готова, Рози? Время начинать.

- Я… ну…

- Не забудь, интонация беззаботная. Не старайся их остановить, только попробуй снизить температуру.

Рози глубоко вздохнула и подняла ко рту мегафон:

- ВСЕМ ПРИВЕТ, ЭТО Я ГОВОРЮ, РОЗИ ТВИЧЕЛ, ИЗ «РОЗЫ- ШИПОВНИКА».

Она заслужила себе вечный почет, потому что действительно говорила беззаботно. Услышав ее голос, люди начали оглядываться - не потому, что он звучал назойливо, как знал его Барби, а как раз потому, что наоборот. Он уже видел такое в Таркете, Фаллудже, Багдаде. Чаще всего после взрывов бомб в заполненных людьми общественных местах, когда прибывала полиция и машины с солдатами.

- ПРОШУ, ЗАКАНЧИВАЙТЕ ПРИОБРЕТАТЬ ПОКУПКИ БЫСТРЕЕ И ПО ВОЗМОЖНОСТИ СПОКОЙНЕЕ.

Кое-кто на это среагировал хихиканьем, но, осмотревшись один на другого, люди словно очухались. В секции №7 Карла Венциано со стыдом, который был просто написан на ее лице, помогала встать Генриетте Клевард. «Здесь полно «Тексмати», хватит нам обеим, - думала Карла. - Что это, Господи прости, на меня нашло?»

Барби кивнул Рози - продолжай, - показав беззвучно губами: кофе. Издалека он услышал сирену санитарной машины, которая приближалась.

- КОГДА ВЫ ЗАКОНЧИТЕ, ПРИХОДИТЕ В «РОЗУ-ШИПОВНИК» ПОПИТЬ КОФЕ, СВЕЖЕЕ И ГОРЯЧЕЕ И ЗА СЧЕТ ЗАВЕДЕНИЯ.

Несколько человек зааплодировали. Кто-то с луженой горлянкой завопил.

- Кому нужно это кофе? У нас есть ПИВО!

Реплику встретили восхищенным хохотом.

Джулия дернула Барби за рукав. Лоб у нее было наморщен - ну сугубо на республиканский манер, как подумалось Барби.

- Они не делают покупки, они грабят.

- Вы желаете заниматься редактурой, или вывести их отсюда раньше, чем кого-то здесь убьют

за пакет «Голубой горы»[278] сухой обжарки? - спросил он.

Она на миг призадумалась, а потом кивнула, серьезность на ее лице уступила местом той присущей ей, обращенной к самой себе улыбке, которая ему все больше нравилась.

- Вы правы, полковник, - согласилась она.

Барби обернулся к Рози, сделал рукой жест, словно рисует круг, и она заговорила вновь. Он повел обеих женщин по проходам, начав с наиболее опустошенных секций деликатесов и молочных продуктов, следя, чтобы им не помешал какой-нибудь очень заводной пропойца из тех, кто уже успел здесь напиться. Таковых они не встретили. Рози чувствовала себя увереннее, а маркет затихал. Люди шли во двор. Многие толкали впереди себя тележки с награбленным, однако Барби все равно считал это хорошим знаком. Чем быстрее они выйдут, тем лучше, все равно, сколько они вынесут отсюда разного хлама… потому, что ключевым в этом действе было то, что они слышали, что к ним обращаются не как к ворам, а как к покупателям. Возвратите человеку, женщине или мужчине, самоуважение и в большинстве случаев - не всем, но большинству личностей - вы вернете способность мыслить, хоть с какой-нибудь ясностью.

К ним, толкая перед собой заполненную продуктами тележку, присоединился Энсон Вилер. Лицо он имел немного пристыженное, рука у него кровоточила.

- Кто-то ударил меня банкой с оливками, - объяснил он. - Я теперь пахну, как какой-то итальянский сэндвич.

Рози передала мегафон Джулии, которая начала повторять почти то же самое обращение, тем самым приятным голосом: «Покупатели, заканчивайте и спокойно, по рядам выходите».

- Мы не можем этого забрать, - произнесла Рози, показывая на Энсонову тележку.

- Но нам же все это нужно, Рози, - не согласился он, хотя и извиняющим голосом, но упрямо. - Нам это действительно нужно.

- Тогда мы оставим здесь деньги, - сказала она. - Если кто-то уже не стибрил мой кошелек из фургона, конечно.

- Однако… не думаю я, чтобы в этом был смысл, - сказал Энсон. - Какие-то дядьки воровали деньги прямо из касс. - Он видел, кто именно это делал, но называть их не хотел. Особенно, когда рядом с ним идет редакторша местной газеты.

Рози ужаснулась:

- Что же здесь случилось? Что здесь, ради Бога, случилось?

- Я не знаю, - сник Энсон.

Во двор уже подъехала санитарная машина, понижая визг сирены до рычания. Через пару минут, когда Барби, Рози и Джулия с мегафоном все еще обходили секции (толпа уже значительно поредела), кто-то позади них произнес:

- Достаточно. Отдайте мне мегафон.

Барби не удивился, увидев действующего шефа Рендольфа, ряженого в полную униформу.

Нарядился, как тот огурец, хотя и не поздно, зато несвоевременно. Точно по графику.

Рози проговаривала, поднимая достоинства бесплатного кофе в «Шиповнике». Рендольф, вырвав мегафон у нее из руки, моментально начал отдавать приказы и сыпать угрозами.

- Немедленно выходите! Говорит шеф Питер Рендольф. Я приказываю вам: немедленно выходите! Бросьте, что держите в руках, и немедленно выходите! Если бросите все и немедленно выйдете, вы можете избежать обвинений!

Рози посмотрела на Барби, смущенно посмотрела. Он пожал плечами. Главное прошло. Дух дикой стаи растворился. Копы, которые остались неповрежденными - и даже Картер Тибодо, пошатываясь, но на ногах - начали теснить народ. Кое-кого из «покупателей», которые не бросили свои нагруженные корзины, повалили на пол, а Фрэнк Делессепс перекинул чью-то тележку. Лицо у него было пасмурное, бледное, злое.

- Вы собираетесь что-то сделать, чтобы эти ребята перестали такое творить? - спросила Джулия Рендольфа.

- Нет, мисс Шамвей, не собираюсь, - ответил Рендольф. - Эти люди грабители, так с ними и ведут себя.

- Кто в этом виноват? Кто закрыл маркет?

- Отойдите прочь, - насупился Рендольф. - Не мешайте мне работать.

- Жаль, что вас не было здесь, когда они ворвались, - заметил Барби.

Рендольф кинул на него взгляд. Взгляд был недружеский, но удовлетворенный. Барби вздохнул. Где-то стучали часы. Он знал это, и Рендольф тоже. Вскоре пробьют тревогу. Если бы не Купол, он мог бы убежать. Правда, если бы не Купол, ничего бы этого и не случилось.

Прямо перед ними Мэл Ширлз старался забрать переполненную товаром тележку у Эла Тиммонса. Эл не отдавал, и тогда Мэл её вырвал… и толкнул ей старика, сбив его с ног. Эл вскрикнул от боли, стыда и гнева. Шеф Рендольф захохотал. Это были короткие, рубленные, неприветливые звуки: ГАВ! ГАВ! ГАВ! - и в них Барби послышалось то, чем скоро станет Честер Милл, если не снимется Купол.

- Идем, леди, - сказал он. - Давайте выйдем отсюда.

13

Расти и Твич перевязывали раненых - всего около дюжины - под шлакоблочной стеной маркета, когда Барби, Рози и Джулия вышли во двор. Энсон стоял возле фургона «Шиповника», прикладывая бумажное полотенце к своей ране на руке.

Лицо у Расти было нахмуренным, но, увидев Барби, он немного просиял.

- Эй, коллега. Ты сегодня со мной. Фактически, ты мой новый медбрат.

- Ты весьма переоцениваешь мои медицинские умения, - ответил Барби, но направился к Расти.

Мимо Барби промчала Линда Эверетт, бросившись в объятия Расти. Он лишь коротко прижал ее к себе.

mir-knigi.org

- Я могу помочь, милый? - спросила она. Смотрела она при этом на Джинни, с ужасом. Джинни уловила ее взгляд и утомлено закрыла глаза.

- Нет, - сказал Расти. – Делай свою работу. Со мной Джина и Гарриэт, а еще я теперь имею медбрата Барбару.

- Буду делать, что смогу, - сказал Барби, едва не добавив: «Пока меня не арестуют, то есть».

- Ты справишься, - кивнул Расти. И добавил замедленным голосом: - Джина и Гарриэт - наилучшие в мире помощницы, но, когда дело заходит дальше кормления пациентов таблетками и наклеивания пластырей, они по большей части теряются.

Линда наклонилась к Джинни.

- Мне так жаль, - сказала она.

- Со мной будет все хорошо, - ответила ей Джинни, при этом, не открывая глаз.

Линда подарила своему мужу поцелуй и чуткий взгляд, и тогда уже пошла туда, где стояла с блокнотом Джеки Веттингтон и брала показания у Эрни Келверта. Говоря, Эрни то и дело вытирал себе глаза.

Где-то час Расти и Барби работали бок о бок, а тем временем копы натянули вдоль фасада маркета желтую полицейскую ленту. Пришел осмотреть разрушения Энди Сендерс, он квохтал и тряс головой. Барби расслышал, как он спрашивал у кого-то, куда катится мир, если жители твоего города, соседи, могут поднять такую бучу. Также он пожал руку Рендольфу, поздравляя его с тем, что тот хорошо сделал огромную работу.

Чертовски хорошую работу.

14

Когда ты в драйве, исчезают мерзкие препятствия. Разногласия становятся друзьями. Несчастья оборачиваются джек-потом. Ты не воспринимаешь эти вещи с признательностью (эта эмоция присуща слизнякам и лузерам, по мнению Большого Джима Ренни), а как надлежащее. В драйве ты словно катаешься на каких-то магических качелях и тебе нужно (вновь таки, по мнению Большого Джима) отталкиваться горделиво.

Если бы он вынырнул со старой большой усадьбы на Милл-Стрит немного позже или немного раньше, то не увидел бы того, что сотворил, и, вероятно, вел бы себя с Брендой Перкинс абсолютно по-другому. Но он вышел точно в нужное время. Так оно и прет, когда ты в драйве; защитные блоки разрушаются, и ты прорываешься сквозь магические отверстия, легко забрасывая мяч в корзину.

Это ритмичное скандирование От-кры-вай! От-кры-вай! позвало его из кабинета, где он делал заметки к проекту, который планировал назвать КРИЗИСНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ… титулованным головой которой будет улыбающийся, сердечный Энди Сендерс, а Большой Джим будет реальным обладателем в тени его трона. Не чини того, что не поломано - было Первым Правилом Большого Джима в его учебнике по политике, а выставление вперед Энди всегда действовало, как чары. Большинство Честер Милла знало, что он идиот, но это не имело значения. В одной и той же игре людей можно разводить снова и снова, потому что девяносто девять процентов из них еще большие идиоты. И хотя Большой Джим никогда еще не

планировал политической кампании такого большого масштаба - речь шла о муниципальной диктатуре - он не имел сомнений, что все сработает, надлежащим образом.

Он не внес Бренду Перкинс в свой список вероятных усложняющих факторов, и это не важно. Когда ты в драйве, усложняющие факторы пропадают сами собой. И это ты также воспринимаешь, как надлежащее.

Он шел по тротуару Милл-Стрит к углу Мэйн-стрит, это не более чем сто шагов, и его живот мерно покачивался впереди его. Впереди лежала городская площадь. Немного дальше по склону холма стоял горсовет и полицейский участок, с военным мемориалом между ними.

Отсюда ему не было видно «Фуд-Сити», но он видел всю деловую часть Мэйн-стрит. И Джулию Шамвей он увидел. Она выскочила из редакции «Демократа» с камерой в руке. И побежала по улице в сторону скандирующих голосов, стараясь на ходу набросить на плечо ремешок фотоаппарата. Большой Джим понаблюдал за ней. Это было действительно забавно, как она собирается успеть на очередное бедствие.

Все более забавнее. Она остановилась, побежала назад, дернула двери газетного офиса, они оказались незапертыми, и редакторша их заперла. И вновь побежала, спеша увидеть, как там нехорошо ведут себя ее друзья и соседи.

«Это она впервые начинает понимать, что выпущенный из клетки на волю, зверь может укусить кого-угодно, - подумал Большой Джим. - И не волнуйся, Джулия, я о тебе позабочусь, как всегда это делал. Вероятно, тебе придется сбавить тон этой твоей надоедливой газетенки, но разве это большая цена за безопасность?»

Конечно, да. А если она будет упираться…

- Иногда кое-что случается, - произнес Большой Джим. Он стоял на углу улицы с руками в карманах и улыбался. А когда услышал первые визги… звук разбитого стекла… выстрелы… его улыбка еще больше расширилась. Иногда кое-что происходит - Джуниор бы высказался не совсем так, но Большой Джим считал, что это довольно близко к…

Улыбка его превратилась в гримасу, когда он заметил Бренду Перкинс.

Большинство людей на Мэйн-стрит спешили в сторону «Фуд-Сити», увидеть, что за чудо там такое творится, но Бренда шла в противоположном направлении, вверх. Возможно, даже направляясь к усадьбе Большого Джима… что не провещало ничего хорошего.

«Что ей может быть нужно от меня в это утро? Что может быть такого важного, чтобы перевешивало бунт в местном супермаркете?»

Вполне вероятно было, что его личность - последнее, что имеет Бренда у себя на уме, но его радар зажужжал, и он внимательно присмотрелся к ней.

С Джулией они разошлись по противоположным сторонам улицы. Одна на заметила другую. Джулия старалась бежать, одновременно настраивая камеру. Бренда засмотрелась на облезлую красную махину универмага Бэрпи. Возле колен у нее колыхалась полотняная сумка, которую она держала в руке.

Подойдя к универмагу, Бренда подергала двери, однако безуспешно. Тогда отступила назад и осмотрелась вокруг, как делают люди, когда что-то нарушает их планы, и они стараются решить, что им делать дальше. Она заметила бы Шамвей, если бы оглянулась назад, но Бренда

этого не сделала. Она посмотрела по правую сторону, налево, потом через улицу, на редакцию «Демократа».

Бросив последний взгляд на универмаг, она перешла улицу и дернула двери «Демократа». Конечно, там тоже было заперто.

Большой Джим сам видел, как Джулия это сделала. Бренда еще хорошенько подергала щеколду. Постучала. Позаглядывала через стекла. Потом отступила назад, руки в боки, сумка повисла. Когда она вновь пошла вверх по Мэйн-стрит - едва плетясь, больше не оглядываясь вокруг, - Большой Джим ретировался домой, и быстро, второпях. Он сам не понимал, почему ему не хотелось, чтобы Бренда увидела, как он лицезреет… но ему и не надо было этого понимать. Тебе нужно действовать на чистых инстинктах, когда ты в драйве. Тут-то и кроется обольстительность этой штуки.

Ему достаточно было понимания того, что, если Бренда постучит в его двери, он будет к этому готов. И неважно, чего она захочет от него.

15

«Завтра утром я хочу, чтобы вы передали эти распечатки Джулии Шамвей», - сказал ей Барбара. Но офис «Демократа» заперт, там темно. Джулия почти наверняка сейчас там, где творится какой-то переполох, возле маркета. Там же, наверняка, и Пит Фримэн с Тони Гаем.

И что ей теперь делать с материалами Гови, которым он дал название ВЕЙДЕР? Если бы ей встретился почтовый ящик, она могла бы вытянуть из сумки коричневый конверт и вбросить его в щель. Но рядом не было щели.

Бренда прикинула, что может или пойти поискать Джулию возле маркета, или вернуться домой, подождать, пока там все успокоится и Джулия сама вернется в редакцию. В ее далеком от благоприятного логического мышления состоянии ни один из вариантов не казался приемлемым. Что касается первого, то, судя по звукам, в «Фуд-Сити» разворачивается полноценный бунт, а Бренде не хотелось быть в него втянутой. Что касается второго…

Этот вариант выглядел получше. Рациональнее. Разве пословица «Все получает тот, кто умеет ждать» не принадлежала к самым любимым у Джима Ренни?

Но ожидание никогда не было сильной стороной Бренды, а ее мать тоже имела свою прибаутку: «Сделал дело, гуляй смело». Так она и решила сейчас. Увидеться с ним, выслушать все его пышные декларации, возражения, оправдания, и тогда предложить ему выбор: уйти в отставку в пользу Дейла Барбары или прочитать обо всех своих грязных аферах в «Демократе». Конфронтация для нее - это горькое лекарство, а горькое лекарство надо как можно скорее проглотить и сполоснуть рот. Она собиралась потом сполоснуть рот двойным бурбоном и сегодня не будет ждать до полудня.

Вот только…

Не идите к нему одна. Барби это тоже говорил. А когда спросил, кому она доверяет, она назвала Ромео Бэрпи. Но у Бэрпи тоже закрыто. Что ей остается?

Вопрос лишь в том, не причинит ли ей какого-либо вреда Большой Джим, и Бренда решила, что нет. Физически, как думала, она от него защищена, поэтому не важно, чего именно остерегается Барби - эта осторожность, безусловно, результат его военного опыта. С ее

стороны это была огромная ошибка, однако также поняла: не одна она цеплялась за представления, что мир остался тем же самым, каким он был до Купола.

16

И все же проблема с папкою ВЕЙДЕР никуда не делась.

Бренда могла опасаться больше языка Большого Джима, чем какой-то физической опасности от него, но она понимала, что было бы сумасшествием появиться на пороге его дома, держа в руках эти бумаги. Он может забрать их у нее, даже если она скажет, что это не единственная копия. На это она считала его способным.

На полдороге к верху городского Холма она дошла до Престил-Стрит, которая обрезала северный край городской площади. Первый дом на этой улице принадлежал Маккейнам. В следующем жила Эндрия Гринелл. И, хотя в совете выборных она всегда находилась в тени двух мужчин, Бренда знала, что Эндрия честная женщина и недолюбливает Большого Джима. Как это ни удивительно, Эндрия склонна была к почитанию Энди Сендерса, хотя вряд ли хоть кто-то может воспринимать его серьезно - это было вне понимания Бренды.

«Возможно, он чем-то на нее давит», - произнес голос Гови в ее голове.

Бренда чуть не расхохоталась. Да это же смешно. Важно то, что до замужества с Томми Гринеллом фамилия Эндрии была Твичел, а Твичелы все упрямые, даже самые смирные из них. Бренда подумала, что она могла бы оставить конверт с бумагами ВЕЙДЕР у Эндрии… если ее дом не запертый и пустой. Впрочем, навряд ли, подумала она. Разве не говорил ей кто-то, что Эндрия лежит, больная гриппом?

Бренда перешла через Мэйн-стрит, репетируя, как она скажет: «Можно, это полежит у тебя? Я вернусь за ним через полчаса. А если не вернусь, отдай этот конверт Джулии, газетчице. А также уведоми Дейла Барбару».

А если ее спросят, к чему такая секретность? Бренда решила, что лучше ответить напрямую. Новость о том, что Бренда решила заставить Большого Джима уйти в отставку, возможно, подействует на Эндрию лучше двойной дозы «Тамифлю».

Вопреки большому желанию по возможности скорее сделать свое неприятное дело, Бренда немного задержалась перед домом Маккейнов. Он выглядел пустым, но в этом не было ничего странного - много семей отсутствовали в городе, когда опустился Купол. Здесь же было кое-что другое. Слабенький запах, словно внутри лежит и портится какая-то пища. В тот же миг день ей показался более жарким, воздух более затхлым, а звуки того, что происходило в «Фуд-Сити» очень далекими. Бренда поняла, в чем дело: она почувствовала, что за ней наблюдают. Стояла и думала, сколько из тех зашторенных окон имеют вид закрытых глаз. Но не полностью закрытых. Глаз, украдкой подсматривающих.

«Гони прочь эти мысли, женщина. У тебя есть спешные дела».

Она отправилась к дому Эндрии, только один раз задержавшись, чтобы осмотреться через плечо. Не увидела ничего другого, кроме дома с зашторенными окнами, который стоял себе мрачно и лишь немного пах гниющими продуктами. Только мясо портится так быстро. Несомненно, много мяса запасли у себя в холодильнике Генри с Ладонной, подумала она.

17

Это Джуниор подсматривал оттуда за Брендой: Джуниор на коленях, Джуниор в одних только трусах, в голове у него громыхало и стучало. Смотрел он из гостиной, из-за краешка шторы. Когда она ушла, он вернулся из кладовки. Он понимал, что вскоре ему придется развестись со своими подружками, но сейчас он в них нуждался. Нуждался во тьме. Он нуждался даже в том смраде, который поднимался от их почерневшей кожи.

18

После того, как она трижды покрутила ручку старомодного дверного звонка, Бренда уже решила, что лучше всего ей будет вернуться домой. Она уже начала разворачиваться, но тут услышала медленное шарканье шагов, которые приближались к дверям. Они придала лицу улыбающееся выражение: «Привет, соседушка». И так и застывшая с ним на лице, увидев Эндрию: щеки бледные, темные круги вокруг глаз, волосы в беспорядке, пояс халата полураспущенный, под халатом пижама. И этот дом также вонял - не сгнившим мясом, правда, а блевотиной.

Улыбка у Эндрии была такой же бледной, как ее щеки и лоб.

- Я знаю, какой у меня сейчас вид, - произнесла она. Не произнесла, проквакала. - Мне не хотелось бы приглашать тебя вовнутрь. Я уже поправляюсь, но еще могу быть заразной.

- Ты была у доктора… - да конечно же нет. Доктор Гаскелл умер. - Ты показывалась Расти Эверетту?

- Да, я была у него, - ответила Эндрия. - Скоро все будет хорошо, он мне так сказал.

- Ты вся в поту.

- Пока что лихорадит слегка, но все уже почти прошло. Я тебе зачем-то нужна, Бренда, чем могу помочь?

Она едва не сказала «нет» - не хотелось нагружать эту женщину, которая очевидно была еще больной, ответственностью за то, что лежало в ее сумке, - но тогда Эндрия сказала кое-что, что изменило мысли Бренды. Большие события часто вращаются на мелких колесиках.

- Мне так жаль, что это случилось с Гови, я любила этого мужчину.

- Благодарю тебя, Эндрия. Не только за соболезнования, а и за то, что назвала его не Дюком, а Гови.

Для Бренды он всегда был Гови, ее дорогим Гови, а папка ВЕЙДЕР была его последней работой. Возможно, самой большой его работой. Вдруг Бренда решила пустить эти документы в действие, больше не откладывая. Она полезла рукой в сумку и вытянула оттуда коричневый конверт с написанным на нем печатными буквами именем Джулия.

- Ты можешь это подержать у себя для меня, милая? Только некоторое время? У меня срочные дела, а я не хочу брать это с собой.

Бренда ответила бы на любой вопрос Эндрии, но та их очевидно не имела. Лишь взяла пухленький конверт с каким-то сбитым с толку, вежливым выражением. И это было хорошо.

mir-knigi.org

Экономило время. Кроме того, таким образом, Эндрия оставалась не в курсе, а, следовательно, могла сохранить свой политический запал до нужного времени.

- С удовольствием, - согласилась Эндрия. - А теперь… извини, мне… мне лучше прилечь. Но я не собираюсь спать! - добавила она так, словно Бренда не согласилась с ее намерениями. - Я услышу, когда ты вернешься.

- Благодарю, - сказала Бренда. - Ты пьешь соки?

- Галлонами. Занимайся своими делами, милая, я сохраню твой конверт.

Бренда хотела было еще раз ее поблагодарить, но третья выборная Честер Милла уже закрыла двери.

19

Под конец ее разговора с Брендой у Эндрии начало бурлить в животе. Она сдерживалась, но это была борьба, которую ей случилось проиграть. Она ляпнула что-то о соках, посоветовала Бренде заниматься ее делами и захлопнула двери перед лицом бедной женщины, а сама бегом бросилась в вонючую ванную комнату с родившимся глубоко в ее горле булькотением урк-урк.

По дороге, в гостиной, рядом с диваном стоял приставной столик, и она, пробегая мимо него, кинула, не глядя туда, конверт. Конверт скользнул по полированной поверхности и за ее краем завалился в темный промежуток между столиком и диваном.

В ванную Эндрия успела, но не к унитазу… что было и неплохо, поскольку тот уже был почти переполнен застоявшимися, вонючими выбросами, которых лишался ее организм в течение прошлой ночи, которая показалась ей бесконечной. Вместо этого она наклонилась над раковиной и блевала, пока ей не начало казаться, что вот-вот у нее оторвется пищевод и вывалится изо рта, ляпнув на забрызганный фарфор, еще живой и пульсирующий.

Этого не случилось, но мир померк, заколыхался перед ней на высоких качелях, стремительно уменьшаясь, теряя материальность, и она покачнулась, стараясь не упасть в обморок. Почувствовав себя лучше, она медленно пошла по коридору на ватных ногах, проводя рукой по деревянной панели для равновесия. Она дрожала и слышала мятущийся стук своих зубов, ужасный звук, который она воспринимала, как ей казалось, не ушами, а зрительными нервами.

Ей даже не мечталось попробовать подняться на второй этаж, в спальню, вместо этого она направилась на заднюю веранду. На веранде должно было быть уже холодно в конце октября, но сегодня в воздухе стояла духота. Она не легла на старый шезлонг, а буквально упала в его затхлые, однако утешительные объятия.

«Через минуту я встану, - сказала она себе. - Достану последнюю бутылку «Поланд Спринг» из холодильника и смою этот гадостный привкус у себя изо рт…»

Но на этом ее мысль ускользнула прочь. Она впала в глубокий, беспробудный сон, из которого даже беспрерывное дерганье собственных ног и рук не могло ее вытащить. Она увидела много сновидений. Один сон о страшном пожаре, из которого, кашляя и рыгая, убегают люди, искать себе любое место, где воздух еще остался чистым и прохладным. Другой был о Бренде Перкинс, которая приходит к ней и отдает какой-то конверт. Эндрия его открывает, и оттуда лезут бесконечной лентой розовые таблетки оксиконтина.

mir-knigi.org

Проснувшись вечером, Эндрия не помнила своих снов.

Не помнила она также и визита в ней Бренды.

20

- Идем в мой кабинет, - приветливо пригласил Большой Джим. - Хотели ли бы вы сначала чего-нибудь выпить? Есть кола, хотя, боюсь, она теплая. Мой генератор заглох вчера вечером. Закончился пропан.

- Но я думаю, вы знаете, где вы могли бы его достать, - сказала она.

Он вопросительно воздел брови.

- Там, где вы вырабатываете метамфетамин, - объяснила она терпеливо. - Как я понимаю, основываясь на записях Гови, вы варите его большими партиями. «Головокружительные количества», как он это определил. Для этого нужно много газа.

Теперь, когда она перешла непосредственно к делу, куда и делся ее нервный испуг. Она даже получала своего рода холодное удовлетворение, глядя, как наливаются краской его щеки и кровь приливает ко лбу.

- Я не имею представления, о чем вы говорите. Я думаю, ваша скорбь… - Он вздохнул, разводя своими толстопалыми руками. - Давайте зайдем. Обсудим все, я помогу вам успокоиться.

Она улыбнулась. То, что она могла улыбаться, стало для нее открытием и помогло ей представить себе, словно сейчас на нее смотрит Гови - откуда-то. И напоминает ей, чтобы была осторожной. Этот его совет она планировала соблюдать.

На передней лужайке Ренни среди опавшей листвы стояли два деревянных кресла «Адирондак»[279].

- Мне будет вполне удобно здесь, - сказала она.

- Дела я предпочитаю обсуждать внутри.

- А не предпочитали ли бы вы увидеть собственное фото на первой странице «Демократа»? Потому что я это могу вам организовать.

Он вздрогнул так, словно она его ударила, и на короткое мгновение она увидела ненависть в тех его маленьких, глубоко утопленных, свинячьих глазенках.

- Дюк меня всегда не любил, и я догадываюсь, что его чувства могли естественным образом передаться…

- Его имя было Гови!

Большой Джим поднял руки, словно говоря, что нет резона спорить с некоторыми женщинами, и повел ее к креслам, которые стояли лицом к Милл-Стрит.

Бренда Перкинс проговорила едва ли не полчаса, с каждым своим словом набираясь все больше прохладного гнева. Метамфетаминовая лаборатория с Энди Сендерсом и, почти наверняка, Лестером Коггинсом в роли молчаливых партнеров. Масштабы

mir-knigi.org

головокружительные. Возможное место ее расположения. Распространители среднего уровня, которым обещана неприкосновенность взамен за информацию. Денежные потоки. Как деятельность разрослась до такого уровня, что местный фармацевт уже не мог безопасно поставлять необходимые ингредиенты и понадобился импорт из-за океана.

- Сырье завозилось в город на машинах с логотипами Библейской компании «Гидеон»[280], - сказала Бренда. - Гови прокомментировал это так: «Умные, даже слишком».

Большой Джим сидел, смотря на молчаливую улицу перед собой. Она ощущала ту злость и ненависть, которой отдавало от него. Словно жаром от сковородки.

- Вы не сможете ничего из этого доказать, - наконец произнес он.

- Не имеет значения, если материалы Гови окажутся в «Демократе». Это не совсем то, как хотелось бы, но если и есть кто-то, кто понимает такой обходной маневр, то это именно вы.

Он махнул рукой.

- О, я уверен, вы имеете кое-какие материалы. Но моей подписи там нет нигде.

- Она есть на документах «Таун Венчерз», - сказала она, и Большой Джим качнулся в своем кресле так, словно она вдруг подскочила и съездила его кулаком в висок. - Компания «Таун Венчерз», зарегистрирована в Карсон-Сити. А оттуда, из Невады, деньги прослеживаются к Чунцину, фармацевтической столице Китайской Народной Республики, - она улыбнулась. - Вы считали себя умным, разве нет? Таким умным.

- Где эти документы?

- Я передала копию всех материалов Джулии сегодня утром.

Впутывать в это Эндрию было последним, чего бы ей хотелось. А понимание того, что папка с документами находится в руках редакторши, может быстрее сделать его посмирнее. Он мог считать, что сам или вдвоем с Энди Сендерсом они смогут прижать Эндрию.

- Другие копии существуют?

- А как вы думаете?

Он минутку подумал, и тогда произнес:

- Я не впутывал в эти дела город.

Она на это промолчала.

- Это делалось на благо города.

- Вы много наделали на благо города, Джим. У нас та же самая система канализации, которая была и в шестидесятом году, озеро Честер загрязнено, деловой квартал агонизирует… - теперь она сидела прямо, вцепившись в поручни кресла. - Вы лицемерный сучий трупный червь.

- Чего вы желаете? - он смотрел прямо перед собой на пустую улицу. На виске у него билась толстая жилка.

- Чтобы вы объявили о своей отставке. Власть перейдет к Барби, согласно президентскому…

- Я никогда не пойду в отставку в пользу этого никчемы, - он обернулся лицом к ней. Он улыбался. Нехорошей улыбкой. - Ничего вы не передавали Джулии, потому что Джулия в маркете, смотрит на потасовку за еду. Возможно, вы держите папку Дюка где-то под замком, но копию вы не передавали никому. Вы попробовали зайти к Ромми, потом попробовали к Джулии, и тогда пришли сюда. Я видел, как вы шли к городской площади.

- Шла, - согласилась она. - И имела папку при себе.

А если сказать ему, где она ее оставила? Это будет означать поставить Эндрию в нехорошую ситуацию. Она начала привставать.

- Вы имели шанс. Теперь я ухожу.

- Вторая ваша ошибка заключается в том, что вы считали себя в безопасности на улице. На пустой улице. - Голос его звучал едва ли не по-доброму, и, когда он дотронулся до ее руки, она обернулась на него посмотреть. Он схватил ее за лицо. И крутанул.

Бренда Перкинс услышала резкий хруст, как вот случайно веточка треснет под весом заледенелого снега, и вслед за этим звуком она погрузилась в бездонную тьму, стараясь успеть позвать по имени своего мужа.

21

Большой Джим зашел в дом и достал со шкафа в коридоре кепку из тех, что дарил посетителям салона «Подержанные автомобили Джима Ренни». А также пару варежек. И тыкву взял из кладовой. Бренда так и сидела в удобном кресле Адирондак, упершись себе подбородком в грудь. Он оглянулся вокруг. Никого. Мир принадлежал ему. Он надел ей на голову кепку (низко натянув козырек), на руки перчатки, а на колени положил тыкву. Сейчас этого вполне хватит, подумал он, пока домой не вернется Джуниор и заберет ее туда, где она может пополнить душегубный счет Дейла Барбары. А до этого побудет обычным напиханным тряпьем Хэллоуиновским чучелом.

Он проверил ее сумку. Там лежал кошелек, гребешок и какой-то роман в бумажной обложке. Итак, с этим все хорошо. Будет покоиться пока в подвале, за бездействующей печью.

Он оставил Бренду в надвинутой на лоб кепке и с тыквой на коленях, а сам зашел в дом, чтобы спрятать ее сумку и ждать своего сына.

В ПОГРЕБЕ

1

Предположение выборного Ренни, что никто не видел, как Бренда в то утра подходила к его дому, было правильным. Однако ее утренние передвижения не остались незамеченными, и видел ее не кто-то один, а целых три человека, включая того, кто также жил на Милл-Стрит. Если бы об этом знал Большой Джим, могло бы это знание его сдержать? Навряд ли: к тому времени он уже полностью определил себе курс, и поздно было поворачивать назад. Однако это могло бы побудить его к размышлению (потому что он был думающим человеком, в своем роде, конечно) о схожести между убийством и картофельными чипсами «Лэйс»[281]: после первого уже тяжело остановиться.

2

Сам Большой Джим не видел никаких соглядатаев, когда спускался постоять на углу Милл-Стрит и Мэйн. И Бренда никого не видела, поднимаясь к городской площади. И это потому, что те не желали быть увиденными. Они прятались внутри моста Мира, сооружении, признанном опасным. Но это не самое худшее. Если бы Клэр Макклечи увидела сигареты, она бы по-настоящему обалдела. Фактически, она могла бы раскудахталась, как целых две курицы. И, конечно же, никогда больше не позволила бы своему Джо водиться с Норри Келверт, даже если бы от их дружбы зависела судьба всего города, потому что именно Норри принесла курево - скомканную, сильно помятую пачку «Уинстона», которую нашла на полке в гараже. Ее отец бросил курить еще год назад, и пачка успела покрыться тонкой вуалью пыли, но сигареты внутри нее, по мнению Норри, выглядели вполне пригодными. Их там лежало только три штуки, но три - это как раз столько, сколько им нужно: каждому по одной. Воспринимайте это как ритуал привлечения удачи, проинструктировала она.

- Мы будем курить, как индейцы, которые молятся своим богам об удачной охоте. Тогда это должно подействовать.

- Звучит хорошо, - сказал Джо. Его всегда интриговало курение. Он не мог понять, в чем его привлекательность, но должно же в нем что-то быть, если столько людей этим все еще занимаются.

- Каких богов? - спросил Бэнни Дрэйк.

- Каких тебе захочется богов, - ответила Норри, взглянув на него так, словно он был самым тупым существом во всей вселенной. - Господа Бога, если тебе нравится именно Он. - Одетая в выцветшие джинсовые шорты и розовый топ без рукавов, с распущенным волосами, которые, вместо того чтобы быть туго, до скрипа, стянутыми на затылке в повседневный хвостик, сейчас обрамляли ее лукавое личико, она нравилась обоим ребятам. Они были от нее в восторге, если по правде. - Я буду молиться Чудо-Женщине[282].

- Чудо-Женщина не богиня, - возразил Джо, аккуратно расправляя выбранную им сигарету. - Чудо-Женщина просто супергероиня. - А подумав, добавил: - Возможно, самая суперская.

- Для меня она богиня, - ответила Норри, вспыхнув глазами с пасмурной искренностью, которой невозможно было противоречить, тем более ее высмеивать. Она тоже аккуратно расправляла свою сигарету. Бэнни свою оставил в том виде, как и досталась; Бэнни считал, что погнутая сигарета прибавляет его образу кульности.

- Я носила браслеты силы Чудо-Женщины до девяти лет, а потом я их потеряла; думаю, у меня их украла та сучка Ивонна Недо.

Она зажгла спичку и сначала подожгла ей сигареты Джо, а потом Бэнни. И когда хотела сама подкурить, Бэнни её задул.

- Зачем ты это сделал? - спросила она.

- Трое от одной спички не подкуривают. Плохая примета.

- Ты веришь в такое?

- Не очень, - ответил Бэнни. - Но сегодня нам понадобится вся удача, которую мы только сможем привлечь. - Он бросил взгляд на свой велосипед, где в проволочном багажнике лежал

пакет, а потом затянулся сигаретой. Вдохнул лишь немножко и сразу же начал кашлять дымом, глаза у него заслезились. - На вкус, как кошачье дерьмо!

- Много курил разного, да? - спросил Джо. И сам затянулся. Не хотелось выглядеть малодушным, но и закашляться, а то и сблевать, ему хотелось еще меньше. Дым был жгучим, но каким-то приятным. Может, в курении что-то такое действительно есть, наконец. Вот только в голове немного дурманится.

«Не надо так глубоко вдыхать, - подумал он. - Потерять сознание будет совсем не кульно, почти как вырыгать». Разве что он потеряет сознание в объятиях Норри. Это было бы действительно классно.

Норри полезла рукой себе в карман шорт и добыла оттуда крышечку от бутылки из-под сока «Верифайн»[283].

- Это у нас будет пепельница. Я хочу сделать индейский ритуал курения постоянным, но совсем не хочу, чтобы мы подожгли мост Мира.

Она закрыла глаза. Шевелились у нее только губы. На ее затиснутой между пальцами сигарете возрастал столбик пепла.

Бэнни посмотрел на Джо, пожал плечами, и тогда сам закрыл глаза.

- Всемогущий Солдат Джо[284], прошу, услышь молитву скромного рядового первого класса Дрэйка…

Норри, не открывая глаз, лягнула его ногой.

Джо вскочил (немного обалдевший, но не так чтобы очень; вторично он затянулся уже на ровных ногах) и пошел мимо их стоячих велосипедов на тот конец крытого моста, который выходил в сторону городской площади.

- Ты куда? - спросила Норри, не раскрывая глаз.

- Мне легче молиться, когда я смотрю на природу, - сказал Джо, хотя на самом деле ему просто захотелось глотнуть свежего воздуха. Нет, не из-за изжоги от табака, ему даже понравился вкус дыма. Из-за других запахов внутри моста - трухлявого дерева, устаревшего алкоголя и кислого химического смрада, который, похоже, поднимался от реки, которая журчала под ними (это был тот запах, о котором Мастер, вероятно, сказал бы ему: «Со временем он начнет тебе нравиться»).

Воздух даже вне моста не было таким уж чудесным, он отдавал какой-то употребленностью и напомнил Джо его поездку с родителями в Нью-Йорк в прошлом году. Похоже пахло в метро, особенно в конце дня, когда там полно людей, которые спешат добраться домой.

Он стряс пепел себе в ладонь. А развеивая его, заметил Бренду Перкинс, она шла вверх по холму.

В тот же миг его плеча коснулась чья-то рука. Весьма легкая и деликатная, чтобы принадлежать Бэнни.

- Кто это? - спросила Норри.

mir-knigi.org

- Лицо знакомое, но имени не помню, - ответил он.

К ним присоединился Бэнни.

- Это миссис Перкинс. Шерифова вдова.

Норри толкнула его локтем.

- Шефа полиции, болван.

Бэнни пожал плечами.

- Какая разница.

Они наблюдали за ней просто потому, что там больше не было на что смотреть. Остальные горожане находились в супермаркете, вероятно, принимая участие в самой большой в мире битве за еду. Трое детей следили, но втайне; их не надо было убеждать держаться незаметно, принимая во внимание то ценное оборудование, которое им доверили охранять.

Бренда пересекла Мэйн-стрит в направлении Престил, немного задержалась перед домом Маккейнов, и пошла к усадьбе миссис Гринелл.

- Давайте уже отправляться, - произнес Бэнни.

- Мы не можем отправляться, пока она там ходит.

Бэнни пожал плечами.

- Большое дело. Если она нас даже увидит, мы просто какие-то дети, мутим себе на городской площади. А знаете что еще? Она может нас не заметить, даже смотря прямо на нас. Взрослые никогда не замечают детей, - он добавил, - разве что только на скейтбордах.

- Или если они курят, - добавила Норри. И каждый посмотрел на свою сигарету.

Джо кивнул большим пальцем себе за спину, на «Швинн-Рейнджер» Бэнни, где в приделанной перед рулем корзине лежал тот самый пакет.

- У них еще есть привычка замечать детей, которые забавляются с ценным городским имуществом.

Норри вонзила себе сигарету в уголок губ. И сразу приобрела очаровательно крутой, очаровательно хороший, очаровательно взрослый вид.

Ребята вернулись к наблюдению. Теперь вдова шефа полиции говорила с миссис Гринелл. Их разговор был недлинным. Поднявшись на крыльцо, миссис Перкинс достала у себя из сумки большой коричневый конверт, а дальше они увидели, как она вручила его миссис Гринелл. И уже через несколько секунд миссис Гринелл буквально захлопнула двери перед лицом своей визитерки.

- Ничего себе, какая грубиянка, - заметил Бэнни. - Будешь оставаться после уроков в течение недели.

Джо с Норри расхохотались.

mir-knigi.org

Миссис Перкинс, похоже, что сбитая с толку, какое-то время постояла на крыльце, и тогда спустилась по ступенькам. Теперь она стояла лицом к площади, и дети инстинктивно отступили в тень мостового прохода. Таким образом они потеряли ее из вида, но Джо заметил удобную щель в деревянной обшивке моста и продолжил наблюдение.

- Поворачивает на Мэйн-стрит, - комментировал он. - Ага, теперь идет дальше по холму… вновь переходит улицу…

Добавил свой голос Бэнни с воображаемым микрофоном в руке:

- Видеорепортаж в одиннадцать.

Джо не обратил на это внимания.

- Теперь она идет на мою улицу. - Он обернулся к Норри с Джо. - Как думаете, может, она хочет увидеться с моей матушкой?

- Милл-Стрит тянется на четыре квартала, чувак, - напомнил ему Бэнни. - Каковы шансы?

Джо почувствовал облегчение, хотя и не мог себе представить, каким образом ему мог повредить визит миссис Перкинс, даже если бы та и действительно шла к его матери. Правда, мать очень переживала из-за того, что отец остался вне города, и Джо невыносима была сама мысль о том, что он может увидеть ее еще более расстроенной. Она уже едва не запретила ему отправляться в эту экспедицию. Благодаря Богу, мисс Шамвей отговорила ее от этого намерения, главным образом делая ударение на том, что Дейл Барбара особенно подчеркнул способность именно Джо с его даром к выполнению этой работы (которую Джо, вместе с Бэнни и Норри, предпочитал называть «миссией»).

- Миссис Макклечи, - говорила Джулия. - Барби сказал, что если кто и может с умом воспользоваться этим прибором, то это, вероятно, только ваш сын. А это очень важно.

Джо стало радостно от этих слов, но, взглянув на лицо матери, обеспокоенное, осунувшееся, он огорчился. Еще и трех дней не прошло, как опустился Купол, а она уже похудела. И от того, что она не выпускала из рук фотографию отца, ему тоже становилось нехорошо. Это выглядело так, словно тот уже умер, а не просто застрял в какой-то мотельной дыре, сидит себе там, пьет пиво и смотрит «Домашний кинозал»[285].

Впрочем, она согласилась с мисс Шамвей.

- Конечно, он талантливый, что касается технологий, мальчик. Всегда этим отличался. - Мать окинула его взглядом от головы до ступней и вздохнула. - И когда это ты успел так вырасти, сынок?

- Не знаю, - честно ответил он.

- Если я тебе позволю этим заняться, обещаешь мне быть осторожным?

- И возьми с собой своих друзей, - напомнила Джулия.

- Бэнни и Норри? Конечно же.

- И еще, - добавила она. - Старайтесь быть осмотрительными. Ты понимаешь, что это означает, Джо?

- Да, мэм, конечно же, понимаю.

Это означало не дать себя поймать.

3

Бренда исчезла за деревьями, которые росли вдоль Милл-Стрит.

- О'кей, - произнес Бэнни. - Идем. - Он аккуратно погасил сигарету в «пепельнице», а потом пошел и вытянул пакет из проволочного багажника своего велосипеда. В пакете лежал старомодный желтый счетчик Гейгера, который прошел путь от Барби до Расти, потом к Джулии… оказавшись наконец у Джо с его командой.

Джо взял крышечку из-под сока и тоже погасил свою сигарету, подумав, что надо попробовать покурить вновь, когда будет больше времени, чтобы лучше сконцентрироваться на этом опыте. А с другой стороны, может, и не следует. Он и так был присажен на компьютеры, графические романы Брайана Вона[286] и скейтборд. Наверняка, ему уже достаточно и этих трех обезьян, которые едут на его шее.

- Будут проходить люди, - напомнил он Норри и Бэнни. - Скорее всего, много людей, когда они устанут от своих игрищ в маркете. Нам остается только надеяться, что на нас они не будут обращать внимания.

В голове у него прозвучал голос мисс Шамвей, как она говорит его матери о том, что это дело может сыграть важную роль в судьбе города.

Ей не было потребности говорить ему об этом, он, несомненно, понимал это лучше их самих.

- А что, если кто-то из копов нарисуется… - произнесла Норри.

Джо кивнул:

- Прячем его в пакет. И вынимаем оттуда фрисби.

- Ты на самом деле думаешь, что там, закопанный под площадью, может работать какой-то внеземной генератор? - спросил Бэнни.

- Я говорил, что это возможно, - повторил Джо, и резче, чем ему бы хотелось. - Все возможно.

По правде, Джо считал это более чем возможным; он считал это наиболее возможным вариантом. Если Купол не порождение каких-то сверхъестественных сил, значит, он - силовое поле. Силовое поле нуждается в энергетической поддержке. Он думал, что это что-то из рода квантовой электродинамики, но не хотел лишний раз поднимать их надежды. И собственные, кстати.

- Давайте начинать исследование, - сказала Норри и поднырнула под желтую полицейскую ленту. - Я только надеюсь, что вы оба хорошо помолились.

Джо не верил в силу молитв, что касается вещей, которые он способный был сделать своими силами, но он послал короткую просьбу относительно другого: если они найдут генератор, пусть Норри вновь подарит ему поцелуй. Длинный и сладкий.

mir-knigi.org

4

Чуть раньше этим же утром в гостиной дома Макклечи во время их консилиума перед исследованиями Джо снял с себя правый кед, а потом и белый спортивный носок.

- Козни или лакомства, понюхайте мое благоухание, дайте чего-нибудь вкусненького пожрать, - пропел Бэнни.

- Заткни пасть, придурок, - ответил Джо.

- Не обзывай своего друга придурком, - пристыдила его Клэр Макклечи, при этом бросив укоризненный взгляд на Бэнни.

Норри не старалась продемонстрировать собственное остроумие, она только заинтересованно смотрела, как Джо кладет носок на ковер и аккуратно разглаживает его ладонью.

- Это Честер Милл, - сказал Джо. - По форме похож, правда?

- Ты фантастически прав, - согласился Бэнни. - Такая наша Судьба, жить в городе, который имеет вид носка Джо Макклечи.

- Или башмачка какой-то старенькой женщины.

- «Жила одна старенькая женщина, и жила она в ботинке»[287], - продекламировала миссис Макклечи. Она сидела на диване, положив себе на колени фото мужа, точно так же, как она сидела и тогда, когда вчера под вечер к ним пришла со счетчиком Гейгера мисс Шамвей. - «Не знала та женщина, чем ей кормить детей, потому что имела их без счета».

- Хорошенькое стихотвореньице, ма, - сказал Джо, едва сдерживаясь, чтобы не оскалиться в улыбке. В средних классах они передавали друг другу отредактированную версию этой строки: «Не знала та женщина своим детям счета тыщу, потому что ненасытную имела пиздищу». Он вновь перевел взгляд на носок. - Итак, имеет ли носок центр?

Бэнни с Норри призадумались. Джо предоставил им возможность подумать. То, что такой вопрос может заинтересовать его друзей, было для него одним из наиболее привлекательных в них факторов.

- Такого, как у круга или квадрата, центра нет, - сказала Норри. - Это геометрические фигуры.

Бэнни ее поправил:

- Думаю, носок тоже геометрический фигура, в техническом смысле слова, но я не знаю, как бы ты ее назвал, носкогон?

Норри рассмеялась. Даже Клэр немножечко улыбнулась.

- На карте Милл более близок к гексагону, - объяснил Джо. - Но не обращайте на это внимания. Лучше воспользуйтесь своим здравым смыслом.

Норри показала на то место на носке, где стопа переходила в вертикальную трубу верхней части… - Здесь. Это центр.

Джо обозначил это место кончиком авторучки.

mir-knigi.org

- Не очень это уместно, мистер, - вздохнула Клэр. - Однако тебе все равно надо приобрести новую пару, я думаю. - И, прежде чем он успел задать следующий вопрос, она добавила: - На карте это место приблизительно там, где наша городская площадь. Это вы именно там будете искать?

- Там мы будем искать в первую очередь, - ответил Джо, немного разочарованный тем, что у него украли триумфальный финал объяснений.

- Потому что если генератор существует, - задумчиво продолжила его мама, - вы думаете, он должен находиться в центре города. Или по возможности ближе к нему.

Джо кивнул.

- Круто, миссис Макклечи, - похвалил Бэнни, подняв руку. Дайте пять, мать моего сердечного друга.

Неловко улыбаясь, не выпуская из левой руки фото своего мужа, Клэр Макклечи хлопнула правой ладонью по ладони Бэнни. И тогда сказала:

- По крайней мере, городская площадь безопасное место, - сделала паузу, обдумывая собственные слова, и немного нахмурилась. - Ну, мне так кажется, но кто это может знать.

- Не волнуйтесь, - произнесла Норри. - Я за ними буду присматривать.

- Только пообещайте мне: если вы действительно что-то найдете, вы оставите это для специалистов разбираться, - напомнила Клэр.

«Мам, - подумал Джо. - Я думаю, мы как раз и есть те специалисты». Но не произнес. Он понимал, что от этого ее волнение только усилится.

- Базару нет, - заверил Бэнни, вновь задрав руку. - Еще пять, о мать моего…

На этот раз она удержала обе руки на фотографии.

- Я люблю тебя, Бэнни, но иногда ты меня утомляешь.

Он улыбнулся печально.

- Точь-в-точь как говорит моя мама.

5

Джо с друзьями шли вниз по холму к сцене, которая стояла в центре площади. Позади их журчала Престил. Задерживаемая Куполом, вода в речушке спала там, где Престил на северо-западе пересекала границу Честер Милла. Если Купол будет стоять и завтра, подумалось Джо, наша река превратится в совсем уже грязный ручеек.

- О'кей, - сказал Бэнни. – Хорош валять дурака. Пора уже чародеям-скейтерам начинать спасать Честер Милл. Давай-ка включим эту штучку.

Осторожно (и с искренним уважением) Джо извлек Гейгера из пластикового пакета. Батареи, которые его когда-то питали, были давно погибшими солдатами, а контакты окислились и поросли грязью, но с помощью кухонной соды коррозию ликвидировали, а Норри в

инструментальном шкафу в отцовском гараже нашла целых три шестивольтовых батарейки.

- Что касается батареек, он у меня чистый маньяк, - созналась она. - А еще он когда-то убьется, стараясь научиться управлять скейтбордом, но я его люблю.

Джо положил большой палец на кнопку, но потом посмотрел на них мрачно:

- Хочу вас предупредить, эта штука может показывать шиш с маком везде, а там где-то все-таки будет генератор, да еще и не тот, который излучает альфа-бета волны…

- Да включай уже, ради Бога! - прервал его Бэнни. - Эта тянучка меня доконает.

- Он прав, - кивнула Норри. - Включай.

Но случилась интересная вещь. Они вволю подвергли испытанию счетчик в доме Джо, и он работал четко: когда подняли его к дряхлым часам с радиолюминесцентным циферблатом, стрелка послушно колыхнулась. А вот теперь, когда они оказались здесь - так сказать, на поле боя - Джо окаменел. Пот выступил у него на лбу. Он ощущал, как тот скапливается и вот-вот начнет стекать ему в глаза.

Он бы мог долго еще так простоять, если бы Норри не положила ему на руку свою ладонь. А сверху и Бэнни положил свою. И они двинули включатель-ползунок вместе, втроем. Стрелка в окошке ИМПУЛЬС/ СЕК моментально прыгнула на +5 и Норри уцепилась в плечо Джо. Но когда стрелка вернулась на +2, девочка ослабила свою хватку. Они не имели опыта со счетчиками радиации, но все догадались, что увидели просто естественный фон.

Джо медленно обошел эстраду, держа в руке трубку Гейгера-Мюллера, которой заканчивался витой шнур, похожий на телефонный. Лампочка питания горелая ярким медовым светом, и стрелка время от времени немного шевелилась, но большей частью оставалась неподвижной, держась около нуля. Увиденные ими маленькие ее прыжки, скорее были вызваны их собственными движениями. Его это не удивило - в глубине души он ожидал, что это дело не будет простым, но в то же время Джо ощутил горькое разочарование. Это было на самом деле удивительно, как хорошо разочарование и отсутствие удивления могут дополнять один одного; словно близняшки Ольсен[288] в области эмоций.

- Дай я попробую, - попросила Норри. - Может, мне больше посчастливится.

Он безропотно отдал ей прибор. Приблизительно час или и больше они прочесывали городскую площадь, поочередно держа аппарат. Они видели, как на Милл-Стрит завернула машина, но не заметили Джуниора Ренни, который вновь чувствовал себя лучше, за ее рулем. И он их не заметил. Санитарная машина промчала по городскому холму в направлении «Фуд-Сити», с включенными мигалкой и сиреной. На нее они посмотрели внимательнее, но вновь были поглощены заботами своим делом, когда вскоре вновь появился Джуниор, на этот раз за рулем отцовского «Хаммера».

Они так ни разу и не воспользовались для камуфляжа бросанием фрисби, которую прихватили с собой: очень уж погрузились у исследования. Да и нужды в этом не возникало. Мало кто из людей, которые возвращались домой, могло интересовать то, что происходило сейчас на площади. Кое-кто из них был ранен. Большинство тянули освобожденную от рабства маркета еду, а иные толкали перед собой доверху загруженные тележки. Почти все имели такой вид, словно им за самих себя было стыдно.

Около полудня Джо и его друзья уже готовы были сдаться. Кроме того, они проголодались.

- Идем ко мне, - сказал Джо. - Моя мама нас чем-то накормит.

- Супер, - согласился Бэнни. - Вот бы китайским рагу! У твоей ма в нем всегда много грибов.

- А может, сначала перейдем мост Мира и поищем на том берегу? - спросила Норри.

Джо пожал плечами:

- Хорошо, но там ничего нет, только лес. И там мы отдалимся от центра.

- Да, но... - она осеклась.

- Что «но»?

- Ничего. Просто мысль. Наверное, глупая.

Джо взглянул на Бэнни. Бэнни пожал плечами и отдал ей счетчик Гейгера.

Они вернулись к мосту Мира и поднырнули под обвисшую полицейскую ленту. В крытом переходе стояли сумерки, однако не такие темные, чтобы, заглянув через плечо Норри, Джо не увидел, как шевельнулась стрелка, когда они пересекали середину моста, лишь на одну черточку шевельнулась, и не было смысла внимательно тестировать трухлявые доски у них под ногами. После выхода с моста их встретила табличка с надписью «СЕЙЧАС ВЫ ПОКИДАЕТЕ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПЛОЩАДЬ ЧЕСТЕР МИЛЛА, основанную в 1808 году». Хорошо протоптанная тропа вела вверх по поросшему дубами, ясенями и буками склону. Осенняя листва свисала безжизненно, даруя деревьям вместо радостного - пасмурный вид.

На момент, когда они достигли подножия этой тропы, стрелка в окошке ИМПУЛЬС/СЕК застыла между +5 и +10. После отметки + 10 шкала прибора резко повышалась до +500, а дальше вплоть до +1000. Верхняя часть шкалы была обозначена красным цветом. Стрелка стояла еще за тысячу миль оттуда, но Джо был почти уверен, что настоящая ее позиция показывает уже кое-что большее, чем естественный фон.

Бэнни смотрел на слегка дрожащую стрелку, но Джо смотрел на Норри.

- О чем ты тогда подумала? - спросил он. - Не бойся, говори, потому что выходит так, что мысль у тебя была совсем не глупая.

- Да уж, - согласился Бэнни, постучав пальцем по окошечку ИМПУЛЬС/СЕК. Стрелка прыгнула, а потом вернулась где-то между +7 и +8.

- Я подумала, что генератор и передатчик - это практически то же самое, - сказала Норри. - А передатчику не обязательно находиться в центре. Ему достаточно стоять на возвышении.

- Башня РНГХ не подходит, - сказал Бэнни. - Она просто на лужайке, потчует слушателей Иисусом. Я видел.

- Ну, да, но передатчик же там, типа, сверхмощный, - ответила Норри. - Мой отец говорил, тысяча ватт или где-то около того. Возможно, то, что мы ищем, покрывает меньший диапазон. И, я и подумала: где в нашем городе самое высокое место?

- Черная Гряда, - сказал Джо.

- Черная Гряда, - согласилась она, задирая свой маленький кулачок.

Джо стукнулся с ней кулаками и показал пальцем:

- Это там. Две мили. Может, три. - Он повернул трубку счетчика в том направлении, и они, словно очарованные, поглядели на стрелку, которая поднялась до +10.

- Ебать меня… - выдохнул Бэнни.

- Когда будет тебе лет сорок, - заметила Норри. Крутая, как всегда… однако она покраснела. Немножко.

- Там, на Черной Гряде, есть какой-то старый сад, - сказал Джо. - Оттуда можно увидеть весь Милл, и даже ТР-90 видно. Так говорит мой отец, по крайней мере. Эта вещь может быть там. Норри, ты гениальна. - Теперь ему не надо было ждать, пока она его поцелует. Он это сделал сам, хотя отважился чмокнуть лишь в уголок губ. Выглядела она удовлетворенной, но упрямая вертикальная морщинка не исчезла с ее лба.

- Это может ничего не означать. Стрелка не так уже и взбесилась. Может, съездим туда на велосипедах?

- Конечно! - поддержал ее Джо.

- После обеда, - уточнил Бэнни. Он считал себя практичным человеком.

6

В то время как Джо, Бэнни и Норри обедали в доме Макклечи (и действительно, ели китайское рагу), в больнице имени Катрин Рассел Расти с помощью Барби и двух девушек обрабатывал раны жертвам маркетовского бунта, Большой Джим Ренни сидел в своем кабинете и просматривал список, отмечая некоторые из позиций в нем галочками.

Увидел, что на подъездную аллею завернул его «Хаммер», и поставил очередную галочку: Бренда присоединилась к остальным. Подумал, что он уже готов - готов полностью, насколько это вообще возможно. И даже если бы Купол исчез прямо сейчас, он подумал, что его срака прикрыта.

Вошел Джуниор, бросил на стол Большому Джиму ключи от «Хаммера». Все еще бледный, и щеки его нуждались в бритве сейчас даже больше, чем обыкновенно, но он уже не был похожим на смерть. Левый глаз у него оставалось красным, но не пылал.

- Все уладил, сынок?

Джуниор кивнул:

- Мы сядем в тюрьму? - этот его вопрос прозвучал с какой-то равнодушной заинтересованностью.

- Нет, - ответил Большой Джим. Сама мысль о том, что он может попасть в тюрьму, никогда не впадала ему в голову, даже когда Перкинсиха сюда заявилась и начала выдвигать ему обвинения. Он улыбнулся. - Зато Дейл Барбара сядет.

- Никто не поверит, что он убил Бренду Перкинс.

Большой Джим не сдержал улыбки.

- Поверят. Они испуганы, и, значит, поверят. Так оно всегда действует.

- Откуда ты знаешь?

- Потому что серьезно изучаю историю. Тебе тоже следует, хотя бы немного.

На языке у него вертелся вопрос: почему сын бросил обучение в Бодоине[289]? Или просто надоело, или его отчислили, или попросили уйти? Но сейчас было не то время и не то место. Вместо этого он спросил Джуниора, может ли он выполнить еще одна задачу.

Джуниор потер себе висок:

- Наверное, да. Запрягся - тяни.

- Тебе нужна будет помощь. Можешь взять Фрэнка, конечно, но мне кажется, лучше того парня, Тибодо, если он сегодня способен шевелиться. Только не Ширлза. Мальчик хороший, но тупой.

Джуниор не произнес ничего. Большой Джим вновь удивился, что же не так с его сыном. Но на самом деле хочется ли ему об этом узнать? Наверное, когда закончится уже этот кризис. А пока что у него на плите кипит много кастрюль и сковородок, а уже вот-вот надо и обед подавать.

- Что ты хочешь, чтобы я сделал?

- Позволь, я кое-что сначала проверю, - Большой Джим взял мобильный телефон.

Каждый раз, делая это, он ожидал, что тот окажется бесполезным, словно дойки на быке, но телефон все еще работал. Он набрал ПУ. В полицейском участке прозвонило три раза, и телефонную трубку взяла Стэйси Моггин. Голос у нее звучал замучено, совсем не по-деловому, что ей было свойственно по обыкновению, но Большой Джим не удивился: еще бы после утренних гуляний; он и сейчас отдаленно слышал в телефонной трубке человеческий рев.

- Полиция, - произнесла она. - Если у вас не срочное дело, пожалуйста, перезвоните нам чуть позже. Мы ужасно заня…

- Это Джим Ренни, милочка, - он знал, что Стэйси ненавидит, когда ее называют милочкой. Именно поэтому так ее и называл. – Дай-ка мне шефа, тип-топ.

- Именно сейчас он старается прекратить кулачный бой прямо у нас в приемной, - сказала она. - Может, вам лучше позвонить по телефону позже…

- Нет. Я не могу звонить по телефону позже, - сказал Большой Джим. - Или ты думаешь, я звонил бы ему, если бы у меня не было важного дела? Давай, катись туда, милочка, и дай по голове дубинкой самому агрессивному. И тогда скажи Питу, чтобы пошел в свой кабинет и…

Она не дала ему закончить, не попросила подождать, а просто бросила на стол телефонную трубку, которая откликнулась ему глухим стуком. Это не повлияло на настроение Большого Джима; когда он дразнил кого-то, ему нравилось знать, что он все-таки его достал. Издалека он слышал, как кто-то обзывал кого-то воровским сукиным сыном. Это вызвало у него улыбку.

Через мгновение его уже соединили, Стэйси даже не обременила себя тем, чтобы его предупредить. Какое-то время ему пришлось слушать Пса Макграфа[290]. Потом телефонную

трубку взяли. Запыхавшийся Рендольф:

- Говорите быстрее, Джим, потому что у нас здесь дурдом. Те, что не попали в госпиталь с поломанными ребрами или еще чем-то, ведут себя, как бешеные шершни. Все обвиняют друг друга. Я стараюсь не заполнять камеры в подвале, но здесь такое, что половина их просто рвутся туда попасть.

- Ну как, шеф, увеличение численного состава полиции кажется тебе сегодня уже хорошей идеей?

- О Господи, да. У нас есть побитые. Я отправил одного из новых офицеров-помощников, то есть девушку, Руа, в госпиталь, у нее вся нижняя часть лица разбита. На вид она, словно та невеста Франкенштейна.

Улыбка Большого Джима еще больше расширилась. Сэм Вердро все сделал, как надо. Да, конечно, тут реализовалось еще одно свойство магического состояния в драйве; случаются нечастые моменты, когда ты не можешь лично забить мяч и тебе нужно его передать, и ты всегда передаешь пас именно той персоне.

- Кто-то попал в нее камнем, и в Мэла Ширлза тоже. Он ненадолго вышел из строя, но сейчас уже, кажется, в порядке. Это так гадко. Я послал его тоже в госпиталь, чтобы залатали.

- Да, это просто стыд, - согласился Большой Джим.

- Кто-то специально целился в моих офицеров. И не один кто-то, я думаю. Большой Джим, мы действительно можем найти еще волонтеров?

- Думаю, ты найдешь достаточно желающих среди добропорядочных юношей нашего города, - сказал Большой Джим. - Фактически, я сам знаю кое-кого из наших прихожан Святого Спасителя. Ребята Кильяна, например.

- Джим, у Кильяна сыны тупые, как дрова.

- Знаю, но они сильные ребята и выполняют приказы, - он сделал паузу. - И они умеют стрелять.

- А разве мы вооружим новых полицейских? - в голосе Рендольфа слышалось сомнение и вместе с тем надежда.

- После того, что случилось сегодня? Обязательно. Я думаю, человек десять дородных, надежных молодых людей, для начала. Фрэнк с Джуниором помогут нам таких подобрать. А если эта штука будет стоять и через неделю, нам понадобятся еще люди. Зарплату будешь выдавать денежными расписками. Выдашь им первым карточки на продукты, когда и если начнется распределение. Им и их семьям.

- Хорошо. Так вы пришлете Джуниора или нет? Фрэнк здесь, и Тибодо также. Его немного зацепили возле маркета, пришлось даже менять повязку, но сейчас он уже, как огурец. - Рендольф понизил голос. - Говорит, это Барбара там ему менял повязку. Хорошо управился.

- Очень мило, но мистеру Барбаре очень долго не придется менять никаких повязок. А для Джуниора у меня есть другая работа. И для офицера Тибодо. Пришли его ко мне.

- Зачем?

- Если бы тебе это надо было знать, я бы сказал. Просто пришли его сюда. Джуниор с Фрэнком составят список возможных новых рекрутов позже.

- Ну… если вы так на…

Рендольфа перебила новая вспышка шума. Там что-то упало или бросили что-то. И, судя по звуку, еще что-то разлетелось.

- Сейчас же прекратите! - завопил Рендольф.

Улыбаясь, Большой Джим отодвинул телефонную трубку подальше от себя. Он и так чудесно все слышал.

- Ну-ка, хватайте тех двух… да не тех, ты, идиот. ДРУГИХ двух… Нет, не надо они у меня под арестом! Мне надо, чтобы они убрались отсюда! Пусть хоть на сраках скачут, если ногами не в состоянии шевелить!

Через минуту он уже вновь говорил с Большим Джимом:

- Напомните мне, зачем я согласился на эту работу, потому что сам я что-то уже забыл.

- Все устроится, все будет хорошо, - успокоил его Большой Джим. - Завтра ты получишь пятерку дополнительных служак - свеженьких молодых бычков - и еще пять новых в четверг, а то и раньше. Пять - это, по крайней мере. А теперь пошли сюда Тибодо. И будь готов упечь в камеру в подвале ее нового жителя. Мистер Барбара поселится в ней еще до конца дня.

- По какому обвинению?

- Четыре убийства, плюс подстрекательство к бунту в местном супермаркете? Годится?

Он выключил телефон раньше, чем Рендольф успел ему что-то ответить.

- Какую работу ты собираешься поручить нам с Картером? - спросил Джуниор.

- Сегодня? Во-первых, небольшая разведка и планирование. С последним я помогу. Потом вы возьмете участие в аресте Барбары. Думаю, тебе это будет приятно.

- Да, приятно.

- А когда Барбара окажется в погребе, вы с Тибодо должны хорошенько поужинать, потому что настоящая работа ждет вас ночью.

- Что?

- Сжечь редакцию «Демократа» - интересно звучит?

Джуниор выпятил глаза:

- Зачем?

То, что его сын такое спрашивает, стало для него разочарованием.

- Потому, что в ближайшем будущем существования газеты не в интересах города. Что-нибудь еще?

mir-knigi.org

- Отец, а тебе никогда не приходило в голову, что ты мог сойти с ума?

- Конечно, - кивнул Большой Джим. - Мне палец в рот не клади.

7

- Сколько времени я провела в этом помещении, но, ни разу не могла себе представить, что сама могу оказаться на этом столе, - произнесла Джинни Томлинсон своим новым, растерянным голосом.

- А если бы даже могла, то наверно не представляла бы, что обрабатывать тебя будет тот, кто утром готовит для тебя стэйк с яичницей. - Барби старался поддерживать шутливый тон, хотя он зашивал и перевязывал здесь беспрерывно с того мгновения, как приехал в больницу имени Катрин Рассел первым рейсом санитарной машины, и уже устал. У него было подозрение, которое в значительной мере было от стресса: он смертельно боялся, чтобы кому-то от его работы не стало хуже вместо улучшения. Такую же тревогу наблюдал он на лицах Джины Буффалино и Гарриэт Бигелоу, но вопреки всему, девушкам было легче, в их головах не тикали часы, запущенные Джимом Ренни.

- Кажется мне, я еще не скоро смогу съесть стэйк, - сказала Джинни.

Расти сначала вправил ей нос, а потом уже взялся за других пациентов. Барби ему ассистировал, держал ее за голову по возможности деликатнее и шептал что-то ободряющее. В ее ноздрю Расти заложил тампоны, пропитанные медицинским кокаином. Подождал десять минут, пока анестезия начнет действовать (за это время он успел наложить повязку на очень растянутое запястье и эластичный бандаж на колено одной толстой женщине), и тогда извлек тампоны и схватил скальпель. Фельдшер действовал со стоящей восторга скоростью. Прежде чем Барби успел посоветовать Джинни произнести «вилка», Расти скользнул рукояткой скальпеля выше расширителя ноздрей, зафиксировал его и, упершись в носовую перегородку, использовал, как рычаг.

«Словно автомобильное колесо монтирует», - подумал Барби, слушая, как, хотя и тихо, но явным образом потрескивает, возвращаясь к более или менее нормальной позиции, нос Джинни. Она не кричала, но ногти ее продырявили бумагу, которой был застелен осмотровый стол, и слезы ручьями бежали по ее щекам.

Теперь она была спокойна - Расти дал ей пару таблеток перкоцета, - но из того ее глаза, который не так распух, не переставали литься слезы. Щеки были на вид, как пурпурные пышки. Барби подумал, что она сейчас похожа на Роки Бальбоа после боя с Аполло Кридом[291].

- Смотри на жизнь с яркой стороны, - посоветовал ей Барби.

- А это где-то есть?

- Несомненно. Похоже на то, что мисс Руа не менее месяца будет сидеть только на супе и молочных коктейлях.

- Джорджия? Я слышала, что ей досталось. Сильно?

- Будет жить, но красоту себе вернет очень нескоро.

- Она никогда не могла претендовать на титул Мисс Яблочный Цветок[292]. - И тогда тише: - Это был ее визг?

Барби кивнул. Казалось, что вся больница заполнена только воплями Джорджии.

- Расти вколол ей морфин, но она долго не могла выключиться. У нее организм, как у лошади.

- А мозг аллигатора, - добавила Джинни своим беспомощным голосом. - Я никому бы не пожелала такого, как случилось с ней, но все равно это к черту хороший пример возврата кармы. Сколько я уже здесь? Мои часы разбились к черту.

Барби взглянул на свои.

- Сейчас четырнадцать тридцать. И я думаю, ты где-то на пять с половиной часов уже приблизилась к выздоровлению.

Резко крутнувшись, он услышал, как у него хрустнуло в спине, а потом немного попустило. Барби решил, что Том Петти был прав: ожидание - это самая тяжелая вещь[293]. Он предполагал, что, оказавшись в камере, будет чувствовать себя легче. Если вообще останется живым. Вдруг мозг ему пронзила мысль, что быть застреленным за сопротивление во время ареста - возможно, самый лучший для него выход.

- О чем ты думаешь, что так улыбаешься? - спросила она.

- Ни о чем, - он уже держал в руке пинцет. - А теперь лежи тихо, пока я буду заниматься деликатным делом. Раньше начнем - раньше закончим.

- Мне нужно встать и включиться в работу.

- Если попробуешь, твое включение моментально завершится падением на пол.

Она обратила внимание на пинцет:

- Ты хорошо знаешь, что собираешься с этим делать?

- Еще бы. Я когда-то завоевал золотую медаль на Олимпиаде по выниманию стекла.

- У тебя коэффициент болтания ерунды еще более высокий, чем у моего бывшего мужа, - она уже потихоньку улыбалась.

Барби догадывался, как ей больно, даже с обезболивающим в крови, и ему нравилась ее выдержка.

- Ты же не собираешься оказаться тем медиком, который, оказавшись в роли пациента, тут же превращается в тирана? - спросил он ее.

- Таким был доктор Гаскелл. Он как-то загнал себе занозу под ноготь большого пальца, а когда Расти предложил ему ее вытянуть, Чудотворец сказал, что доверится только специалисту, - рассмеялась она, но тут же вздрогнула и застонала.

- Если тебя это хоть немного утешит, скажу, что коп, который тебя ударил, получил камнем в голову.

- Снова-таки, карма. А он уже на ногах?

- Да.

Мэл Ширлз еще два часа назад на своих ногах вышел из больницы с перевязанной головой.

Когда Барби наклонился к ней с пинцетом, она инстинктивно отвернула голову. Он возвратил ее на место, нажав рукой - очень деликатно - на нее менее распухшую щеку.

- Я понимаю, тебе нужно, - произнесла она. - Просто я, словно ребенок, когда дело касается глаз.

- Принимая во внимание то, как сильно он тебя ударил, тебе еще повезло, что стекло застряло вокруг глаз, а не попало в них.

- Да, я знаю. Но прошу, не делай мне больно, хорошо?

- Хорошо, - согласился он. - Ты уже вскоре будешь на ногах, Джинни. Я все сделаю быстренько.

Он вытер руки, предпочитая, чтобы они были совсем сухими (перчаток не надевал, сомневался, что сможет в них надлежащим образом удерживать пинцет), и наклонился ближе. В бровях и вокруг глаз застряло с полдесятка заноз от линз ее разбитых очков, но этот крохотный кинжал, который беспокоил ее более всего, торчал в уголке ее левого глаза. Барби был уверен, что Расти сам бы его извлек, если бы заметил, но он сконцентрировался на ее носе.

«Сделай это быстро, - напомнил он себе. - Кто колеблется, тот и обсирается».

Он извлек осколок и бросил его в пластиковый лоток на столе. На том месте, где тот только что торчал, набухло крохотное семя крови. Барби выдохнул:

- О'кей. Остальное - это ничто. Легкий хлеб.

- Твои бы слова и до Бога, - сказала Джинни.

Едва лишь он извлек последний осколок стекла, как отворились двери, из смотровой вышел Расти и сказал Барби, что нуждается в его помощи. Фельдшер держал в руке жестяную коробку.

- Помощи с чем?

- Там один ходячий геморрой, - объяснил Расти. - Этот сракоголовый тип хочет уйти отсюда со своей незаконной добычей. При других условиях я бы радушно спровадил его прочь за двери, но именно теперь я могу его использовать.

- Джинни? - спросил Барби. - Ты в порядке?

Она махнула рукой в сторону дверей. Он отправился вслед за Расти, но тут она его позвала:

- Эй, красавчик...

Он обернулся, и она послала ему воздушный поцелуй. Барби его поймал.

8

В Честер Милле был только один дантист. По имени Джо Боксер. В конце Страут-Лейн

располагался его зубоврачебный офис, где из окон кабинета приоткрывался живописный вид на речушку Престил и мост Мира. Приятный вид, знаете ли, если сидишь прямо. Большинство посетителей вышеуказанного кабинета проводили там время в полулежащем состоянии, и наслаждение их глазам обеспечивали несколько десятков приклеенных к потолку фотографий любимой собачки Джо Боксера породы чихуахуа.

- На одной из тех фоток та чертова собака, похоже, словно опорожняется, - рассказывал после очередного визита к дантисту Даги Твичел своему приятелю Расти. - Может, эта порода просто всегда сидит в такой позе, но я так не думаю. Думаю, я пролежал полчаса, именно созерцая то, как заслюнявленное животное выжимает из себя говно, пока тот еще кобель Боксер выковыривал у меня из челюсти два зуба мудрости. Отверткой, судя по моим ощущениям.

Поперечная вывеска, которая виднелась рядом с дверьми офиса доктора Боксера, имела вид баскетбольных трусов размера достаточного, чтобы налезть на какого-нибудь сказочного великана. Выкрашена она была кричащими золотым и зеленым - цвета местных «Уайлдкетс». Надпись на ней гласила: «ДЖОЗЕФ БОКСЕР, доктор зубоврачебной хирургии». А ниже: «БОКСЕР - ЭТО МГНОВЕННО». Он действительно работал фантастически быстро, с этим соглашались все, но не признавал никаких медицинских страховок и принимал плату только денежной наличностью. Если, скажем, к нему заявлялся какой-нибудь лесоруб с нагноением десен и щекой надутой, как у белки, которая насовала себе полный рот орешков, и начинал что-то говорить о зубоврачебной страховке, Боксер советовал ему сначала получить живые деньги от «Синего Креста» или «Антема»[294], и тогда уже приходить к нему.

Минимальная конкуренция заставила бы его смягчить свою драконовскую политику, но с полдесятка дантистов, которые старались укорениться в Честер Милле с начала девяностых, не выдержали и сдались. Ходили слухи, что это добрый друг Боксера Джим Ренни мог приложить руку и делает невозможной зубоврачебную конкуренцию в городе, но никаких конкретных доказательств не было. Тем временем Боксера можно было каждый день увидеть за рулем «Порше», наклейка на бампере которого гласила: «ВТОРАЯ МАШИНА У МЕНЯ ТОЖЕ ПОРШЕ!»

Когда Расти, а следом и Барби, следуя за ним, появились из коридора, Боксер уже отправился к входным дверям больницы. То есть старался, потому что Твич все еще держал его за руку. На второй руке Боксера висела корзина, заполненная вафлями «Егго»[295]. Одни лишь коробки вафель и больше ничего. У Барби мелькнула мысль (и не впервые): а не лежит ли он сейчас временами в какой-то канаве вне паркинга «Диппера», избитый в говно, и переживает ужасные видения своего поврежденного мозга?

- Я не останусь! - тявкнул Боксер. - Мне нужно отнести это домой и положить в холодильник! Тем более то, что вы предлагаете, почти наверняка не имеет никаких шансов, поэтому уберите прочь от меня свои руки.

Барби отметил пластырь в форме мотылька, который сидел у Боксера на одной из бровей, и большую повязку у него на правой руке. Похоже на то, что дантист захватил эти вафли в серьезной битве.

- Скажите этому держиморде, чтобы убрал от меня свои руки, - обратился он, увидев Расти. - Рану мне обработали, теперь я иду домой.

- Еще не сейчас, - сказал Расти. - Вам предоставили бесплатную медпомощь, и я жду от вас благодарности.

Боксер был небольшим дядечкой, футов пять и четыре дюйма в высоту, но тут уже он вытянулся в полный рост, выпятив грудь:

- Ждите и будьте прокляты. Я не расцениваю оральную хирургию - на которую, кстати, я не получил сертификата от штата Мэн - как равноценную отплату за пару пластырных повязок. Я зарабатываю себе на жизнь работой, Эверетт, и ожидаю, что моя работа будет оплачена.

- Плату вы получите на небесах, - произнес Барби. - Не так ли сказал бы ваш друг Ренни?

- Он не имеет никакого отношения к...

Барби подступил ближе и впялился в сделанную из зеленого пластика продуктовую корзину в руке Боксера. Там, на рукоятке, ясно читались печатные буквы: «СОБСТВЕННОСТЬ "ФУД-СИТИ"». Боксер попробовал, правда, без особого успеха, заслонить от него корзину своим телом.

- Поскольку говорится об оплате, нам интересно, вы заплатили за эти вафли?

- Не смешите меня. Все там брали себе что угодно. А я взял всего лишь это, - он с вызовом взглянул на Барби. - У меня очень большой холодильник, и, так уже случилось, я очень люблю вафли.

- То, что все там брали себе что угодно, не очень поможет вам защититься от обвинений в грабеже, - ласково произнес Барби.

Боксеру просто некуда уже было тянуться выше, однако как-то он это сделал. Лицо у него покраснело почти до пурпурности.

- Тогда ведите меня в суд! Откуда здесь суд? Дело закрыто! Да?

Он уже чуть было не отвернулся, но Барби его схватил, но не за руку, а за корзину.

- В таком случае я это конфискую, вы согласны?

- Не имеете права!

- Нет? Тогда ведите меня в суд, - улыбнулся Барби. - О, я забыл, откуда здесь суд?

Доктор Боксер покосился на него, оскалив свои мелкие, безукоризненные зубки.

- Мы запросто приготовим эти вафельки в тостере в нашем кафетерии, - сказал Расти. - Объедение будет.

- Ага, надо скорее включить тостер, пока у нас еще работает электричество, - пробурчал Твич. - А как выключится, можно насадить их на вилки и поджарить в инсинераторе на заднем дворе.

- Вы не имеете права.

- Позвольте мне полностью прояснить для вас ситуацию, которая сложилась, - начал Барби. - Если вы не сделаете того, что от вас хочет Расти, я не имею намерения отдавать ваши «Егго».

Захохотал Чез Бендер, у которого были залеплены пластырем переносица и щека. Не по-доброму захохотал:

mir-knigi.org

- Платите наличными! Разве не так вы сами постоянно говорите, док?

Боксер перевел свой горящий взгляд сначала на Бендера, потом на Расти.

- То, чего вы желаете, почти не имеет шансов на осуществление. Вы и сами должны это понимать.

Расти открыл жестяную коробку и протянул к нему. Внутри лежало шесть зубов.

- Тори Макдоналд пробирала их возле супермаркета. Ползала на коленях и нащупывала пальцами в лужах крови, которая натекла с Джорджии Руа. Итак, если вы желаете в ближайшее время завтракать вафлями «Егго», доктор, вы должны вставить эти зубы назад в голову Джорджии.

- А если я просто уйду отсюда?

Чез Бендер, учитель истории, сделал шаг вперед. С крепко сжатыми кулаками.

- В таком случае, мой дорогой корыстолюбец, я выбью из вас дерьмо на парковке.

- А я помогу, - добавил Твич.

- Я не буду помогать, но охотно вас потом осмотрю, - заверил Барби.

Послышался смех, кое-кто зааплодировал. Барби одновременно стало и смешно, и гадко.

Плечи у Боксера поникли. Как-то сразу он стал маленьким человечком, который попал в слишком сложную для него ситуацию. Он взял в руки жестяную коробку, посмотрел на Расти:

- Выполненная при оптимальных условиях оральная хирургическая операция по реимплантации этих зубов могла бы увенчаться успехом, они могли бы действительно укорениться, но я бы не отважился гарантировать что-то этой пациентке. Если я сделаю операцию, это будет счастье, если у нее приживется один-два зуба. Более вероятно, что они попадут с вдохом ей в трахею, и она удавится.

Коренастая женщина с копной ярко-рыжих волос толкнула Боксера в плечо.

- Я буду сидеть рядом с ней, и буду следить, чтобы этого не случилось. Я ее мать.

Доктор Боксер вздохнул.

- Она в сознании?

Не успел он сказать еще что-нибудь, как на площадку перед больницей подкатили два полицейских экипажа, один из них был зеленым джипом шефа. Из передней машины вылезли Фрэд Дентон, Джуниор Ренни, Фрэнк Делессепс и Картер Тибодо. Из второй - Рендольф и Джеки Веттингтон. И жена Расти с заднего сидения. Все были вооружены и, приблизившись к дверям госпиталя, вынули пистолеты.

Небольшая толпа, которая наблюдала конфронтацию с дантистом, отхлынула немного назад, кое-кто из этих людей не сомневался, что сейчас их будут арестовывать за кражи.

Барби обернулся к Расти Эверетту.

mir-knigi.org

- Посмотри на меня.

- Что ты имеешь ввид…

- Смотри на меня! - Барби поднял руки, крутя ими во все стороны. И тогда задрал майку, показывая свой плоский живот, потом спину. - Ты видишь какие-то следы? Ушибы?

- Нет…

- Не забудь им об этом сообщить так, чтобы они поняли, - сказал Барби.

Только на это у него и хватило времени. Рендольф завел своих офицеров в двери.

- Дейл Барбара? Выступите вперед.

Не успел Рендольф поднять пистолет, как Барби сделал шаг. Потому что случаются разные происшествия. Иногда запланированные.

Барби увидел удивление на лице Расти, и из-за этой душевной невиновности фельдшера он ощутил к нему еще большую симпатию. Он увидел Гарриэт Бигелоу и Джину Буффалино, они стояли, вытаращив глаза. Но главное внимание он уделял Рендольфу и его помощникам. У всех были каменные лица, но в глазах Тибодо и Делессепса он заметил очевидное удовлетворение. Для них это расплата за ту ночь возле «Диппера». И расплата должна быть полноценной.

Расти выступил перед Барби, словно прикрывая его.

- Не делай этого, - пробормотал Барби.

- Расти, нет! - ойкнула Линда.

- Питер? - спросил Расти. - В чем дело? Барби здесь помогает нам и, к черту, хорошо делает свою работу.

Барби побоялся отодвинуть упитанного фельдшера в сторону или даже дотронуться до него. Вместо этого он поднял руки, очень медленно, с раскрытыми ладонями.

Увидев это, Джуниор и Фрэдди Дентон бросились на Барби, со скоростью ветра. Попутно Джуниор толкнул Рендольфа, и зажатая в кулаке шефа «Беретта» выстрелила. Звук в фойе прозвучал оглушительно. Пуля попал в пол в трех дюймах от носка правого ботинка Рендольфа, пробив на удивление большую дыру. Моментально тревожно запахло порохом.

Джина с Гарриэт вскрикнули и бросились назад в главный коридор, быстро перепрыгнув доктора Боксера, который перемещался на карачках в том же самом направлении со склоненной головой, и по обыкновению аккуратно зачесанные волосы мотылялись у него перед лицом. Брендан Эллерби, которому перед этим вправили немного выбитую челюсть, тыкнул дантиста в предплечье, когда он проползал рядом. Металлическая коробка выкатилась у того из руки, ударилась о стойку рецепции и открылась, зубы Джорджии Руа, которые так тщательно пособирала Тори Макдоналд, рассыпались по полу.

Джуниор с Фрэдди схватились за Расти, который не делал никаких попыток сопротивляться. Он выглядел абсолютно дезориентированным. Они оттолкнули его в сторону. Расти полетел по фойе, стараясь удержаться на ногах. Его подхватила Линда, и на пол они завалились вместе.

- Что за херня? - заревел Твич. - Что это за херня здесь происходит?

Картер Тибодо, немного прихрамывая, приблизился к Барби, который понял, что будет дальше, но рук не опустил. Опустить их означало быть застреленным. И, возможно, не только ему. После того, как прозвучал первый выстрел, шансы на то, что начнут стрелять и другие пистолеты, значительно повысились.

- Привет, хуйло, - произнес Картер. - Говорят, ты здесь такой занятой пацан. – И врезал ему в живот.

Барби напряг мышцы, ожидая этого, но все равно от удара преломился пополам. Силен был этот сукин сын.

- Прекратите! - заревел Расти. Он все еще выглядел растерянным, но теперь еще и злым. - Прекратите это немедленно, черт вас побери!

Он постарался встать, но Линда, обхватив своего мужа обеими руками, удержала его на полу.

- Не надо, - сказала она. - Не надо. Он опасен.

- Что? - обернулся Расти к ней, недоверчиво вытаращившись. - Ты взбесилась?

Барби продолжал держать руки поднятыми, показывая ладони копам. В его согнутом состоянии это было похоже на то, словно он наклонился в приветствии «салам».

- Тибодо, - приказал Рендольф, - отойди. Достаточно.

- Убери свой пистолет, идиот, - закричал Расти на Рендольфа. - Убить здесь кого-то хочешь?

Рендольф бросил на него горделиво-презрительный взгляд, а потом обернулся к Барби.

- Стань прямо, сынок.

Барби разогнулся. Было больно, но он был в состоянии. Он понимал, что, если бы не подготовился к тычку Тибодо, корчился бы сейчас на полу, хватая ртом воздух. Интересно, попробовал бы Рендольф с носака заставить его встать на ноги? Присоединились ли бы к нему другие копы, несмотря на зрителей в фойе, кое-кто с которых уже начали подходить ближе, чтобы лучше видеть? Безусловно, потому что сейчас у них кровь буяет. Как всегда в таких случаях.

Рендольф сказал:

- Я арестовываю вас за убийство Анджелы Маккейн, Дороти Сендерс, Лестера А. Коггинса и Бренды Перкинс.

Каждое из этих имен поражало Барби, но последнее больше всего. Последнее, как кулаком. Эта добрая женщина. Она забыла об осторожности. Барби не мог ее винить - она все еще находилась в глубокой скорби по своему мужу, - а вот себя он должен был винить в том, что позволил ей пойти к Ренни. За то, что ее приободрил.

- Что случилось? - спросил он Рендольфа. - Люди, что это, ради Бога, вы там такого наделали?

- А то сам не знаешь, - сказал Дентон.

- Что ты за психопат такой? - спросила Джеки Веттингтон. Лицо у нее скривилось в ненавистную маску, глаза пылали угольками гнева.

Барби проигнорировал их обоих. Так и держа руки вверх, он не сводил глаз с лица Рендольфа. Достаточно и наименьшего повода - и они все вместе бросятся на него. Даже Джеки, по обыкновению самая приятная из женщин, может принять участие, хотя для нее нужна причина, а не просто повод. А может, и нет. Иногда и добрых людей перемыкает.

- Давайте я уточню вопрос, - сказал он Рендольфу. - Что вы позволили наделать Ренни? Потому что это его мутные дела, вы сами это понимаете. Все в этом замарано его пальцами.

- Заткнись. - Рендольф обернулся к Джуниору. – Забей его в наручники.

Джуниор подступил к Барби, но прежде чем он успел дотронуться до его поднятых запястий, Барби спрятал руки за спиной и обернулся. Расти с Линдой все еще оставались на полу, Линда продолжала обнимать мужа за грудь удерживающим захватом.

- Вспомни, - кивнул Барби фельдшеру, в то время как на нем замыкались пластиковые наручники, затягиваясь все туже и туже, плотнее, пока не врезались в тонкую кожу немного выше ладоней.

Расти встал. Линда старалась его удержать, но он оттолкнул собственную жену, кинув на нее такой взгляд, которого она от него раньше никогда не видела. В нем присутствовала суровость, Укор, однако также и печаль.

- Питер, - произнес он, а когда Рендольф начал отворачиваться, повысил голос до крика. - Я это тебе говорю! Посмотри на меня, когда я это делаю!

Рендольф обернулся. С каменным лицом.

- Он знал, что вы заявитесь сюда за ним.

- Конечно, да, - сказал Джуниор. - Может, он и сумасшедший, но совсем не глупый.

Расти на него даже не взглянул.

- Он показал мне свои руки, лицо, задрал майку и показал свой живот и спину. На нем нет никаких царапин, разве что появится синяк после подлого тычка Тибодо.

Подал голос Картер:

- Три женщины! Три женщины и проповедник! Он заслужил этого.

Расти не отводил взгляда от Рендольфа.

- Это полный бред.

- Со всем моим уважением, Эрик, это не твоя парафия, - засунул в кобуру и застегнул пистолет Рендольф. К всеобщему облегчению.

- Это так, - согласился Расти. - Я просто лепило, не коп, и не законник. И я тебе говорю: если у меня случится оказия осмотреть его вновь, когда он будет находиться у вас в камере, и у него окажутся побои и царапины, пусть тогда тебе помогает Бог.

- И что ты такого сделаешь? Позвонишь в Союз гражданских прав[296]? - спросил Фрэнк Делессепс. Губы у него были белыми от злости. - Этот твой дружок забил насмерть четверых людей. У Бренды Перкинс сломана шея. Одна из девушек была моей невестой, он ее

mir-knigi.org

сексуально домогался. Вероятно, и после смерти, а не только до нее, так оно выглядит.

Толпа, которая полностью рассеялась после выстрела, а потом сдвинулась поближе, чтобы лучше видеть, что происходит, выдала испуганный стон.

- Это его ты защищаешь? Тогда и тебе нужно сидеть в тюрьме!

- Фрэнк, заткни пасть! - крикнула Линда.

Расти посмотрел на Фрэнка Делессепса, мальчика, которого он лечил от ветряной оспы и кори, выводил у него вшей, которых тот насобирал себе полную голову в летнем лагере, лечил ему сломанный во время пробежки на вторую базу запястье, а однажды у него, еще двенадцатилетнего, был довольно тяжелый случай поражения ядовитым плющом. Очень мало находил он общего между тем мальчиком и этим парнем.

- Ну, а если меня закроют? Что тогда, Фрэнки? Что будет, если у твоей матери вновь случится приступ острого холецистита, как в прошлом году? Я буду лечить ее в тюрьме в разрешенное для свиданий время?

Фрэнк выдвинулся вперед, подняв руку, чтобы его то ли схватить, то ли стукнуть. Джуниор ее перехватил.

- Он свое получит, не переживай. Каждый, кто на стороне Барбары, свое получит. Всему свое время.

- Итак, в разные стороны? - Расти говорил искренне удивленным голосом. - О каких это вы сторонах здесь базарите? Это вам не футбольный матч.

Джуниор улыбнулся так, словно знал какую-то тайну.

Расти обратился к Линде:

- Это твои коллеги такое говорят. Тебе это нравится?

Какое-то мгновение она была не в состоянии поднять на него глаза. Потом, через силу, посмотрела.

- Они обезумели, вот и все, и я их не обвиняю. Потому что я тоже едва не обезумела. Четыре человека, Эрик, разве ты не расслышал? Он убил их и почти наверняка изнасиловал, по крайней мере, двух из тех женщин. Я помогала разгружать их с катафалка у Бови. Я видела пятна.

Расти покачал головой.

- Я весь день с утра с ним рядом, я вижу, как он помогает людям, а не мучит их.

- Не спорь, - произнес Барби. - Перестань, парень, ты же большой. Это не тот…

Джуниор ткнул его под ребра. Жестко.

- Ты имеешь право на молчание, говноед.

- Он это сделал, - сказала Линда. Она потянулась к Расти, увидела, что тот не собирается взять ее руку, и безвольно ее опустила. - Они нашли его армейские жетоны в руке Энджи Маккейн.

Расти молчал. Он только смотрел, как Барби тычками ведут к машине шефа и замыкают на заднем сидении с так же закованными за спиной руками. Был только один миг, когда глаза Барби поймали взгляд Расти. Барби покачал головой. Только раз, но резко и твердо.

И тогда его увезли.

В фойе застыла тишина. Джуниор и Фрэнк поехали с Рендольфом. Картер, Джеки и Фрэдди Дентон садились во вторую полицейскую машину.

Линда стояла и смотрела на своего мужа: умоляюще, и вместе с тем сердито. Потом сердитость из ее глаз исчезла. Она пошла к нему, подняв руки, желая, чтобы он ее обнял, хотя бы на несколько секунд.

- Нет, - сказал он.

Она остановилась.

- Что с тобой не так?

- Что с тобой не так? Ты не видела, что здесь только что произошло?

- Расти, она сжимала в руке его армейские жетоны!

Он медленно кивнул.

- Весьма предусмотрительно, тебе не кажется?

Ее лицо, на котором вместе присутствовали обида и надежда, сразу заледенело. Похоже было, она только теперь заметила свои протянутые к нему руки и теперь опустила их.

- Четыре человека, - повторила она. - Трое избиты почти до неузнаваемости. Есть разные стороны, и тебе нужно подумать, на чьей ты стороне.

- Ты тоже, золотце, - ответил Расти.

Со двора позвала Джеки:

- Линда, поехали.

Расти вдруг осознал, что вокруг него публика и что многие из них то и дело голосуют за Джима Ренни.

- Просто хорошенько обдумай все это, Линда. И подумай, на кого работает Пит Рендольф.

- Линда! - позвала Джеки.

Линда Эверетт пошла с низко опущенной головой. Она не оглянулась. Расти оставался невозмутимым, пока она не села в машину. И тогда его начало трясти. Он подумал, что может упасть, если сейчас же не сядет.

Чья-то рука легла ему на плечо. Это был Твич.

- С вами все хорошо, босс?

mir-knigi.org

- Да, - ответил он, словно этим словом можно было что-то поправить. Барби утянули в тюрьму, а у него состоялась первая настоящая ссора с женой за… сколько? Четыре года? Или все-таки шесть? Нет, с ним не все хорошо.

- Встает вопрос, - произнес Твич. - Если те четверо людей были убиты, почему их повезли в похоронный салон Бови, а не на патологоанатомическое исследование? Чья это была идея?

Прежде чем Расти успел что-то сказать, выключился свет. Госпитальный генератор, наконец, доел горючее.

9

Досмотрев, как они подчистили остатки ее китайского рагу (туда же ушли и все остатки телячьего фарша), Клэр махнула троим деткам, чтобы они встали перед ней на кухне. Она смотрела на них серьезно, и они так же смотрели на нее - такие юные и преисполненные такой решительности. Тогда, вздохнув, она вручила Джо его рюкзак. Бэнни заглянул внутрь и увидел три сэндвича с арахисовым маслом и джемом, три фаршированных яйца, три бутылки «Снепла»[297]и полдюжины овсяного печенья с изюмом. Хоть и только что пообедал, он просиял.

- Супер, миссис Маккейн! Вы настоящая…

Она не слушала, все свое внимание сосредоточив на Джо.

- Я понимаю, что это, вероятно, очень важно, поэтому отправляюсь с вами. Я даже подвезу вас туда, если вы…

- Не надо, мама, - перебил ей Джо. - Это приятная прогулка на велосипедах.

- И безопасная, - добавила Норри. - На дорогах почти нет машин.

Глаза Клэр не отрывались от Джо, прожигая его насквозь тем знаменитым Материнским взглядом.

- Тогда пообещай мне две вещи. Первое, что еще до наступления тьмы ты вернешься домой… и я не имею ввиду последний глоток сумерек, я имею ввиду, пока еще будет светить солнце. Второе, если вы что-то там найдете, вы обозначите его местонахождение, и оставите его в полной и целостной неприкосновенности. Я признаю, что вы трое можете быть самыми лучшими искателями того-неизвестно-чего, но разбираться с ним - это дело взрослых. Ты даешь мне слово? Обещай, потому что иначе я поеду с вами за компанию.

Бэнни высказал свое сомнение:

- Я никогда не ездил по Черной Гряде, миссис Макклечи, но неподалеку от этой дороги бывал. Не думаю, чтобы ваш «Шеви», так сказать, годился для такого путешествия.

- Тогда пообещайте мне или останетесь здесь, выбирайте.

Джо пообещал. Остальные двое тоже. Норри даже перекрестилась. Джо начал надевать на плечи рюкзак. Клэр опустила в него свой мобильный телефон.

- Не потеряйте его, мистер.

- Конечно, ма. - Джо переступал с ноги на ногу, ему не терпелось уже уйти.

- Норри? Я могу положиться на тебя, чтобы ты нажала на тормоза, если эти двое вдруг обезумеют?

- Конечно, мэм, - ответила Норри Келверт так, будто тысячу раз за последний год она сама не заглядывала смерти в лицо, или не находилась в мгновении от того, чтобы стать калекой на своей доске. - Конечно, можете.

- Я надеюсь. Я очень надеюсь, - сказала женщина Клэр, держась за висок так, будто у нее разболелась голова.

- Суперовый обед, миссис Макклечи! - сказал Бэнни и поднял руку. - Дайте пять.

- Боже правый, что я делаю! - спросила Клэр. А уже потом хлопнула по его ладони.

10

За передней стойкой, которая достигала груди, в приемной полицейского участка, куда люди по обыкновению приходили пожаловаться на такие вещи, как кража или вандализм, или на соседскую собаку, которая непрерывно лает, находилась дежурная часть. Там стояли столы, индивидуальные шкафчики и кофейный аппарат с упреждающей надписью «КОФЕ И ПОНЧИКИ НЕ БЕСПЛАТНЫЕ». Здесь же был и пункт регистрации. Фрэдди Дентон сфотографировал Барби, а отпечатки пальцев у него брал Генри Моррисон, в то время как Питер Рендольф с Дейтоном стояли рядом с пистолетами в руках.

- Расслабь, расслабь пальцы! - кричал Генри. Куда и делся тот мужчина, который любил поболтать с Барби о соперничестве «Рэд Сокс» и «Янки» во время ланча в «Розе-Шиповнике» (всегда сэндвич с беконом, латуком и помидорами и отдельно соленый огурец на шпажке). Теперь это был коп, который с радостью съездил бы Барби в нос. И сильно. - Не катай пальцы сам, я прокатаю, только расслабь их!

Барби подумал, что можно было бы объяснить Генри, как тяжело расслабить пальцы, когда рядом нависают двое с нацеленными на тебя пистолетами, особенно, когда знаешь, что им ничего не стоит выстрелить. Вместо этого он держал рот на замке и старался расслабить руки, чтобы Генри, в конце концов, смог откатать отпечатки. И ему это удалось, вполне удалось. При других обстоятельствах Барби спросил бы у Генри, зачем они вообще этим занимаются, но и на эту тему он также попридержал язык.

- О'кей, - произнес Генри, когда решил, что отпечатки наконец-то ясно видны. - Ведите его вниз. Я хочу помыть руки. Чувствую себя грязным потому, что до него дотрагивался.

С другой стороны стояли Джеки и Линда. Теперь, когда Рендольф с Дейтоном спрятали пистолеты в кобуру и ухватили Барби под руки, женщины вытянули свое оружие. Они держали пистолеты дулами книзу, но в полной готовности.

- Я хотел бы вырыгать все, чем ты меня кормил, если бы это было возможно, - произнес Моррисон. - Меня от тебя воротит.

- Я этого не делал, - сказал Барби. - Подумай своей головой, Генри.

Моррисон только отвернулся. «Мышление сегодня здесь в дефиците», - подумал сам Барби. Это

как раз то, не сомневался он, что нравится Ренни.

- Линда, - позвал он. - Миссис Эверетт.

- Не говорите со мной. - Лицо у нее было белым, как бумага, если не учитывать темно-пурпурных дуг под глазами.

- Идем-ка, солнышко, - произнес Фрэдди и сильно пиханул его кулаком в поясницу, как раз над почкой. - Апартаменты ждут тебя.

11

Джо, Бэнни и Норри крутили педали на север по шоссе 119. День был по-летнему знойным. В безжизненном, насыщенном влажностью воздухе ни дуновения. Среди высоких сорняков по обе стороны дороги сонно пели сверчки. В небе над горизонтом виднелась какие-то тени, о которых Джо сначала подумал, что это тучи. Потом он понял, что это пыль и грязь на поверхности Купола. В этой местности Престил текла рядом с шоссе, и они должны были бы слышать, как она шумит, спеша на юго-восток к Касл Року, стремясь слиться с мощным Адроскоггином[298], но слышали они только сверчков и несколько ворон, которые апатично каркали где-то среди деревьев.

Проехав Глубокую Просеку, где-то через милю, они наконец-то добрались до дороги, которая носила название Черная Гряда. Это была грунтовка, вся в страшных колдобинах, еще и два наклоненных, искалеченных морозами знака стояли перед выездом на нее. Тот, что слева, предупреждал: «РЕКОМЕНДОВАНО ТОЛЬКО ПОЛНОПРИВОДНЫМ АВТОМОБИЛЯМ». Тот, что справа добавлял: «ПРЕДЕЛ МОСТА 4 ТОННЫ. БОЛЬШИМ ТЯЖЕЛОВОЗАМ ЗАПРЕЩЕНО». Оба знака были испещрены дырками от пуль.

- Нравится мне город, где жители регулярно упражняются в стрельбе по мишеням, - произнес Бэнни. - Здесь я чувствую себя в безопасности в отличие от Эла Клайдера.

- Это та гнида, которая на подхвате у Аль-Каиды, - поддакнул Джо.

Бэнни, пренебрежительно улыбнувшись, покачал головой.

- Я говорю о страшном мексиканском бандите, который перебрался в Западный Мэн, во избежание…

- Давайте включим Гейгера, - перебила его Норри, слезая с велика.

Счетчик ехал там же, в багажнике «Швинна-Рейнджера» Бэнни. Замотанный в несколько старых полотенец, которые Клэр держала у себя в корзине на тряпье. Бэнни его распаковал и подал Джо, желтый корпус счетчика оказался самой яркой вещью среди этого обвитого маревом вида. Бэнни произнес уже без улыбки:

- Лучше ты сам. Я очень нервничаю.

Джо, секунду подумав, передал счетчик Норри.

- Вот же серуны, - произнесла она довольно благодушно и включила аппарат. Стрелка моментально колыхнулась к +50. Джо впился в нее глазами, чувствуя, как сердце у него вдруг начало биться вместо груди в глотке.

- Вау! - воскликнул Бэнни. - Какой стремительный взлет.

Норри перевела взгляд со стрелки, которая замерла там стабильно (но пока что в полшкалы от красного сектора), на Джо.

- Едем дальше?

- Черт побери, конечно, - кивнул он.

12

В полицейском участке электричества хватало, по крайней мере, пока что. Облицованный зелеными кафелем подвальный коридор освещали флуоресцентные лампы с их депресивно-бессменным сиянием. Рассвет ли там или глубокая ночь, а здесь, внизу, всегда полдень. Шеф Рендольф и Фрэдди Дентон эскортировали Барби (если здесь уместное это слово, принимая во внимание его предплечья, зажатые в их руках) вниз по ступенькам. Позади них, все еще с пистолетами наголо, шли две женщины-офицеры.

Налево по коридору располагался архив. По правую сторону - пять камер, по две с каждой стороны и одна в самом конце. Последняя - самая маленькая, с узеньким топчаном, который нависал над стальным нужником без сиденья, и именно к ней они его волочили.

По приказу Питера Рендольфа, который сам получил этот приказ от Большого Джима, даже заводилы, которые принимали участие в магазинной передряге, были освобождены под их честное слово (а куда они могли деться?) ради того, чтобы все камеры оставались пустыми. Сюрпризом для них стал Мэлвин Ширлз, когда тот выскочил из камеры № 4, где прятался. Намотанная у него на голове повязка сползла теперь на лоб, он был в темных очках, которыми маскировал два здоровенных синяка у себя вокруг глаз. В руке он держал длинный спортивный носок, наполненный чем-то тяжелым: самодельная праща. Первое, моментальное впечатление, которое промелькнуло у Барби, - его атакует Человек-Невидимка.

- Падло! - крикнул Мэл, замахнувшись носком.

Барби уклонился нырком. Тяжелый носок просвистел у него над головой, попав в плечо Фрэдди Дентону. Фрэдди взревел и выпустил руку Барби. Позади них закричали женщины.

- Ебаный убийца! Кого ты нанял, чтобы мне разбили череп? А?

Мэл вновь взмахнул своим оружием и на этот раз попал в левый бицепс Барби. Ему сразу отключило руку. Там не песок, в этом гольфе, а что-то наподобие круглобокого пресс-папье. Что-то стеклянное или металлическое, во всяком случае, круглое. Если бы оно было угловатое, рука у него уже бы кровоточила.

- Ах-ты-ж-ебучка-ебаная-переёбаная! - зашелся воплем Мэлвин и вновь взмахнул тяжелым носком. Шеф Рендольф отклонился назад и тоже выпустил руку Барби. Барби перехватил верх носка, вздрогнув, когда под весом шара внутри, остаток его обмотался вокруг его запястья. Он резко дернул и сумел вырвать у Мэла Ширлза его самодельное оружие. В тот же миг повязка со лба Мэла соскользнула ему прямо на очки, ослепив парня, словно на заказ.

- Ни с места! Стоять! - закричала Джеки Веттингтон. - Арестованный, прекратите сейчас же! Последнее предупреждение!

Барби почувствовал, как ему между лопаток уперся маленький кружочек. Видеть он не мог, но и без того понял, что Джеки взяла его на мушку. «Если она в меня выстрелит, именно туда войдет пуля. А она может выстрелить, потому что в маленьком городке, где большое происшествие всегда в диковинку, даже профессионалы становятся любителями».

Он выпустил из руки носок. Он глухо звякнул, ударившись об линолеум тем, что было в него вложено. Он поднял руки.

- Мэм, я уже бросил эту штуку! - позвал он. - Мэм, я безоружен, опустите, пожалуйста, ваш пистолет!

Мэлвин смахнул набок со лба ослабленную повязку. Она размоталась, повиснув у него на спине, словно хвост тюрбана какого-то свами. Он дважды ударил Барби: сначала в солнечное сплетение, а потом «под ложечку». На этот раз Барби не подготовился, и воздух вырвался из его легких с хриплым звуком ПАХ. Он согнулся, а потом и опустился на колени. Мэл ударил кулаком ему по загривку - а может, это был Фрэдди; насколько понимал Барби, это мог быть и сам Бесстрашный Вождь лично - и он распластался на полу, свет утончился чуть ли не до полнейшего исчезновения. Кроме того места, где был отбит кусок линолеума. Его Барби видел очень хорошо. Фактически, с захватывающей дух четкостью, а почему бы и нет? Выбоина была в каком-то дюйме от его глаз.

- Стоп, стоп, прекратите его бить! - голос долетал с огромного расстояния, но у Барби не было сомнений, что принадлежит он жене Расти. - Он же лежит, он уже безопасен, разве вам не ясно?

Вокруг него в каком-то хитроумном танце мелькали подошвы. Кто-то наступил ему на зад, перецепился, вскрикнул: «Ой, бля!», а потом его ударили в бедро. Все это происходило очень далеко. Позже будет больно, но именно сейчас все было не так уж и плохо.

Чьи-то руки вцепились в него, поддернули вверх. Барби старался поднять голову, впрочем, легче было просто позволить ей висеть. Его потащили по коридору к последней камере, зеленый линолеум мелькал у него между ног. Что там Дентон говорил наверху? «Апартаменты ждут?»

«А впрочем, я сомневаюсь, чтобы там подавали мятные подушечки или практиковали регулярную смену постельного белья», - подумал Барби. Но это его не волновало. Он всего лишь желал остаться в одиночестве и начать зализывать свои раны.

Перед самой камерой кто-то уперся ему в зад ботинком, чтобы добавить ускорения. Он полетел вперед, задрав правую руку, чтобы уберечь лицо перед столкновеньем с зеленой шлакоблочной стеной. Старался также поднять и левую, но она так и оставалась безжизненной от локтя и ниже. Голову, однако, он умудрился защитить, что уже неплохо. Его отбросило от стены, он покачнулся и вновь упал на колени, на этот раз возле топчана, словно прежде чем на него завалиться, хотел совершить молитву. За спиной громыхнули, замыкаясь, двери камеры.

Барби сцепил руки на топчане - левая уже понемногу начала действовать - и подтянулся. Обернувшись, он успел увидеть Рендольфа, который отправился прочь бойцовской походкой - кулаки сжаты, голова наклонена. Немного поодаль Дентон сматывал с головы Ширлза остатки повязки, тогда как сам Ширлз дико выглядел (мощность этого обозленного взгляда каким-то образом даже усиливали темные очки, которые теперь криво сидели у него на носу). Поодаль, за мужчинами, возле подножия ступенек стояли женщины-офицеры. Обе имели одинаково встревоженный, ошеломленный вид. Линда Эверетт побледнела в лице больше, чем

обыкновенно, и Барби показалось, что он заметил блеск слез между ее ресниц.

Барби собрал всю свою волю и позвал:

- Офицер Эверетт!

Она вздрогнула, всполошенная. Разве хоть кто-то называл ее когда-нибудь раньше «офицером Эверетт»? Наверное, только школьники, когда она выполняла свои обязанности, контролируя пешеходные переходы, что и было, вероятно, самой серьезной задачей, которая возлагалась на нее, как на копа на полставки. До этой недели, то есть.

- Офицер Эверетт! Мэм! Прошу вас!

- Заткнись! - гаркнул Фрэдди Дентон.

Барби он был безразличен. Он чувствовал, что вот-вот может упасть в обморок или, по крайней мере, у него померкнет в глазах, но пока что он держался.

- Скажите вашему мужу, чтобы осмотрел трупы! Особенно миссис Перкинс! Мэм, он должен провести экспертизу тел! Их не привозили в госпиталь. Ренни этого не позво…

Питер Рендольф стремительно двинулся назад. Барби заметил, какую вещь он отцепил с пояса у Фрэдди Дентона, и хотел было прикрыть руками себе лицо, но руки у него были очень тяжелыми.

- Ты напросился, сынок, - сказал Рендольф, просовывая сквозь решетку газовый баллончик, и нажал кнопку.

13

Норри остановила свой велосипед на Черной Гряде посреди изъеденного ржавчиной моста и стояла, вглядываясь в дальний конец просеки.

- Едем лучше дальше, - сказал Джо. - Надо, пока есть время, воспользоваться дневным светом.

- Да-да, но взгляни-ка, - ответила Норри, показывая пальцем.

На противоположном берегу, под крутым обрывом, распластанные в иле там, где перед появлением Купола, который замедлил Престил, еще недавно бурно текла речная вода, лежали трупы нескольких оленей: самец, две самки и пара годков. Все довольно большого размера; лето в Милле было славным, и им хватало еды. Джо видел тучки мух, которые роились над трупами, слышал даже их сонное гудение. Звук, который в обычный день был бы заглушен шумом стремительной реки.

- Что с ними могло случиться? - спросил Бэнни. - Как думаете, нет ли чего-нибудь общего между ними и тем, что мы ищем?

- Если ты говоришь о радиации, мне кажется, она действует не так быстро, - ответил Джо.

- Если это не очень мощная радиация, - добавила Норри нервно.

Джо показал на стрелку счетчика Гейгера.

mir-knigi.org

- Наверное, так, но сейчас она еще не такая уж и мощная. Даже если бы стрелка зашкалила полностью на красное, я не думаю, чтобы за каких-то три дня она убила бы таких больших животных, как олени.

Бэнни показал рукой:

- У самца поломана нога, даже отсюда видно.

- А я уверена, что у одной из самок поломаны обе, - сказала Норри, которая стояла, прикрывая себе глаза ладонью. - Передние. Видите, как они согнуты?

Джо подумал, что олениха выглядит так, словно перед гибелью она старалась выполнить какое-то головокружительное гимнастическое упражнение.

- Думаю, они прыгали, - сказала Норри. - Прыгали с берега, как крысы, которые бросаются с кручи.

- Лемоны, - подсказал Бэнни.

- Ле-минги, куриный ум, - исправил его Джо.

- Хотели от чего-то убежать? - спросила Норри. - И потому прыгали?

Оба парня промолчали. Оба выглядели младше, чем еще неделю назад, и были похожи на детей, которые вынуждены слушать возле костра какое-то слишком страшное повествование. Они, все трое, застыли возле своих великов, смотрели на мертвых оленей и слушали сонное гудение мух.

- Поехали? - спросил Джо.

- Думаю, мы должны, - сказала Норри. Она перекинула ногу через раму и выпрямилась.

- Правильно, - кивнул Джо и оседлал свою веломашину.

- Господи, - пробурчал Бэнни. - Очередная заморочка, и вновь ты меня в нее втянул.

- А?

- Да все в норме, катись, мой сердечный братец, катись.

На противоположной стороне моста они увидели, что ноги поломаны у всех оленей. У одного из телят-годков был также расколот череп, вероятно, когда падал, ударился о большой валун, который в нормальное время скрывался под поверхностью воды.

- Проверь счетчик, - сказал Джо.

Норри включила аппарат. Стрелка затанцевала, лишь немного не достигая +75.

14

Пит Рендольф докопался в одном из ящиков стола Дюка Перкинса до старого кассетного магнитофона, добыл его на свет и проверил: батарейки оказались все еще пригодными. Когда зашел Джуниор, Рендольф нажал «ЗАПИСЬ» и положил маленький «Sony» на угол стола так,

mir-knigi.org

чтобы юноша мог его видеть.

Недавний приступ мигрени утих, оставив за собой лишь тупое бормотание в левом виске, и Джуниор чувствовал себя довольно спокойно; они с отцом это уже репетировали, и Джуниор знал, что ему говорить.

- Там все будет пучком, - пообещал Большой Джим. - Чистая формальность.

Так оно и вышло.

- Как ты нашел тела, сынок? - спросил из-за стола Рендольф, покачиваясь в своем вращающемся кресле. Все личные вещи Перкинса он убрал, положив в шкаф в другом уголке комнаты. А теперь, когда умерла Бренда, он думал, что может их вообще выбросить на мусорник. Кому нужны личные вещи покойника, если он не имеет близких родственников?

- Ну, - начал Джуниор. - Я возвращался с патрулирования на шоссе 117. Все, что происходило в супермаркете, я пропустил…

- Тебе повезло, - заметил Рендольф. - Там было натуральное говно с кровью, прости мне мой французский. Кофе?

- Нет, благодарю, сэр. Я склонен к мигреням, а кофе их еще больше усиливает.

- Да, это плохая привычка. Не такая, как сигареты, но тоже плохая. А ты знаешь, что я тоже курил, пока не стал спасенным?

- Нет, сэр, я об этом не знал. - Джуниор надеялся, что этот идиот наконец-то прекратит свое глупое краснобайство, позволив ему рассказать заготовленную историю и скорее убраться отсюда прочь.

- Эй, меня крестил Лестер Коггинс, - Рендольф прижал руки к груди, разведя ладони веерами. - Полное погружение в Престил. Вот тогда же, там, я и отдал свое сердце Иисусу. Я не такой уже и ревностный ходок в церковь, как иные, не такой верный я прихожанин, конечно, как твой отец, но преподобный Коггинс был хорошим человеком. - Рендольф покачал головой. - У Дейла Барбары многое на совести. Я всегда это подозревал.

- Да, сэр.

- И на многие вопросы он должен ответить. Я выдал ему порцию слезоточивого газа, но это только аванс перед тем, что он получит позже. Итак, ты возвращался с патрулирования и?…

- И вспомнил, что кто-то мне говорил, что видел машину Энджи в их гараже. Ну, знаете, в гараже Маккейнов.

- Кто тебе это говорил?

- Фрэнк? - Джуниор почесал себе висок. - Думаю, это был Фрэнк.

- Продолжай.

- Ну, и я заглянул в окно гаража и увидел, что ее машина действительно стояла там. Я пошел к передним дверям, позвонил, но никто не ответил. Тогда я обошел дом, пошел к задним дверям, потому что меня это встревожило. Там стоял какой-то странный… запах.

Рендольф сочувственно кивнул.

- Грубо говоря, ты просто доверился своему нюху. Хорошая полицейская работа, сынок.

Джуниор внимательно всмотрелся в Рендольфа, думая, была ли это шутка, или какая-то хитрая ловушка, но в глазах шефа не пряталось ничего, кроме честного восторга. Джуниор понял, что его отец примудрился найти себе помощника (первое слово, которое пришло ему на ум, было соучастник), еще более тупого, чем Энди Сендерс. А он считал это невозможным.

- Продолжай и заканчивай. Я понимаю, тебе больно говорить. Нам всем это больно.

- Да, сэр. Именно так, как вы говорите. Задние двери были не заперты, и я пошел по нюху прямо в кладовую. Я глазам своим не поверил, когда увидел, что там находилось.

- Тогда же ты увидел и жетоны?

- Да. Нет. Типа того. Я увидел, что у Энджи что-то зажато в руке… на цепочке… но не понял, что это, а мне не хотелось ничего там трогать. - Джуниор скромно потупил взор. - Я понимаю, я всего лишь новобранец…

- Хорошая мысль, - подхватил Рендольф. - Умная мысль. Сам знаешь, при обычных обстоятельствах у нас здесь сейчас была бы в полном составе команда криминалистов из офиса генерального прокурора штата - они бы по всем статьям прижали Барбару к стенке - но сейчас чрезвычайные обстоятельства. И, я думаю, мы выяснили уже достаточно. Он все-таки придурок, если забыл о своих жетонах.

- Я позвонил по своему мобильному отцу. Рассудив из всей той болтовни по радио, что вы должны быть очень заняты в то время…

- Занят? - подкатил под лоб глаза Рендольф. - Сынок, ты и половины всего не знаешь. Ты правильно сделал, что позвонил отцу. Он же практически тоже служит в нашем участке.

- Отец мигом взял двух офицеров - Фрэда Дентона и Джеки Веттингтон, - и они приехали к дому Маккейнов. Когда уже Фрэдди фотографировал место преступления, к нам присоединилась также Линда Эверетт. Потом появились со своим похоронным экипажем Стюарт Бови и его брат. Отец решил, что так будет лучше, потому что в госпитале такая горячка после того бунта в супермаркете и все такое.

Рендольф кивнул.

- Очень правильно. Живым помогай, мертвых прячь. Кто именно нашел жетоны?

- Джеки. Она карандашом разогнула пальцы Энджи, и жетоны выпали на пол. Фрэдди все сфотографировал.

- На суде это поможет, - произнес Рендольф. - Который мы проведем сами, если этот Купол не исчезнет. Мы запросто можем это сделать. Знаешь, как сказано в Библии: с верой мы горы можем свернуть. В котором часу ты нашел трупы, сынок?

- Около полудня. - «После того, как в последний раз простился с моими подружками».

- И сразу же позвонил отцу?

- Не сразу. - Джуниор подарил Рендольфу стесняющийся взгляд. - Сначала я вышел на улицу и

поблевал. Они там были такие, такие ужасно побитые. Я сроду не видел ничего подобного. - Он тяжело вздохнул, не забыв добавить в голос чуточку дрожи. Магнитофон едва ли уловит этот трепет, но Рендольф его запомнит. - Когда я уже проблевался, вот тогда и позвонил отцу.

- О'кей, думаю, я получил все, что надо.

Никаких дополнительных вопросов, касающихся хода событий во времени или его «утреннего патрулирования»; даже предложения написать рапорт Джуниору (что было к лучшему, потому что писание сейчас неизбежно откликнулось бы ему болью в голове). Рендольф наклонился вперед выключить магнитофон.

- Благодарю, Джуниор. Почему бы тебе не отдохнуть остаток дня? Пойди домой и отдохни. У тебя измученный вид.

- Я хотел бы присутствовать сэр, когда вы его будете допрашивать. Барбару.

- Не следует тебе беспокоиться, что пропустишь сегодня что-то. Мы дадим ему время повариться в собственном соку. Это идея твоего отца, и она очень правильная. Допрашивать его начнем завтра днем или вечером, и ты тоже будешь присутствовать. Даю тебе слово. И допрашивать мы его будем решительно.

- Да, сэр. Хорошо.

- Никаких тех штучек с «мирандой»[299].

- Ясно, сэр.

- И, благодаря Куполу, никто его не передаст окружному шерифу. - Рендольф взглянул на Джуниора. - Все будет как в той поговорке: «Что случилось в Лас-Вегасе, должно остаться в Лас-Вегасе».

Джуниор не знал, что ему на это ответить: «да, сэр» или «нет, сэр», потому что не имел понятия, о чем этот идиот за столом сейчас болтает.

Рендольф еще мгновение или дольше так же с намеком смотрел на Джуниора, словно желая убедиться, что они поняли друг друга, а потом вдруг всплеснул ладонями и встал.

- Иди домой, Джуниор. Ты немного переволновался.

- Да, сэр, есть такое. Думаю, я пойду. Отдохну, то есть.

- У меня в кармане лежала пачка сигарет, когда меня погружал в воду преподобный Коггинс, - произнес Рендольф тем сердечным тоном, которым делятся любимыми воспоминаниями. Он обнял Джуниора за плечи, провожая его к дверям. Джуниор сохранял на лице почтительное, заинтересованное выражение, хотя готов был, чуть ли не плакать под весом этой упитанной руки. Словно несешь на себе галстук из мяса. - Они испортились, конечно. И я никогда больше не купил себе ни одной пачки. Спасенный от дьявольского зелья Сыном Господним. Разве не благодать Божья?

- Чудеса, - сподобился Джуниор.

- Бренда и Энджи получат самое большое внимание, конечно, и это нормально - выдающаяся жительница города и молодая девушка, у которой вся жизнь была еще впереди, но

преподобный Коггинс тоже имел своих приверженцев. Не говоря уже о большом количестве прихожан, которые любили его.

Уголком левого глаза Джуниор видел пухлую ладонь Рендольфа. Ему подумалось, а как бы повел себя Рендольф, если бы он вдруг укусил его за эту руку. Может, даже отгрыз бы на фиг какой-то из его толстых пальцев и выплюнул на пол.

- Не забываем и о Доди, - он сам представление не имел, зачем это произнес, но оно подействовало. Рука Рендольфа упала с его плеч. Человека словно громом ударило. Джуниор понял, что тот просто забыл о Доди.

- О Господи, - проскулил Рендольф. - Доди. А кто-нибудь звонил Энди, сообщал ему?

- Не знаю, сэр.

- Твой отец должен был бы, точно?

- Он чрезвычайно поглощен заботами.

Это было правдой. Большой Джим сидел дома, в кабинете, и писал план своей речи на городском собрании вечером в четверг. Той, которую он объявит как раз перед голосованием жителей города за предоставления чрезвычайных полномочий совету выборных на время, пока будет длиться кризис.

- Наверное, я сам ему позвоню, - сказал Рендольф. - Хотя, вероятно, лучше мне сначала об этом помолиться. Хочешь стать на колени вместе со мной, сынок?

Джуниор лучше бы сам себе в штаны налил бензина и произвел поджог собственных яиц, но вместо этого произнес:

- Говорите с Богом один на один, и вы яснее услышите Его ответы. Так всегда говорит мой отец.

- Хорошо, сынок. Это дельный совет.

Не ожидая, пока Рендольф успеет еще что-то сказать, Джуниор выпорхнул сначала из кабинета, а потом и из полицейского участка. Он пошел домой, погруженный в мысли, опечаленный потерей своих подружек, думая, не случится ли ему найти кого-нибудь другого. А еще лучше несколько.

Под Куполом все возможно.

15

Пит Рендольф честно старался молиться, но слишком много всякого разного взрывало ему мозг. Кроме того, Господь помогает тем, кто помогает себе сам. В Библии этого нет, думал он, но все-таки так оно и есть. Он позвонил Энди Сендерсу на мобильный, найдя его номер на стене, в списке, пришпиленном к доске объявлений. Надеялся, что ему никто не ответит, но тот откликнулся уже на первый гудок - разве оно не всегда так случайно?

- Привет, Энди. Это шеф Рендольф. У меня довольно неприятные новости для вас, мой друг. Наверное, вам лучше сесть.

mir-knigi.org

Тяжелый это был разговор. Мерзкий, по правде. Когда он, наконец-то, закончился, Рендольф остался сидеть, барабаня пальцами по столу. Он подумал (в который раз), что не очень сожалел бы, если бы за этим столом сейчас сидел Дюк Перкинс. Может, и вообще бы не жалел. Эта работа оказалась намного более тяжелой и грязной, чем он себе представлял. Личный кабинет не достоин был такого напряжения. Даже зеленая машина шефа полиции не стоила этого; каждый раз, садясь за ее руль, когда его зад проваливался в ранее продавленные более тяжелыми ягодицами Дюка вмятины, в голове у него всплывала одна и та же мысль: «Ты не годишься для этого».

Сендерс скоро будет здесь. Хочет посмотреть в глаза Барбаре. Рендольф старался ему отказать, но посреди его тирады о том, что лучше бы Энди сейчас упасть на колени, молиться за души дочери и жены - не говоря уже о силе, чтобы нести свой крест, - Энди прервал связь.

Рендольф вздохнул и набрал другой номер. После двух гудков в ухо ему гаркнул раздраженный голос Большого Джима:

- Что? Что?

- Это я, Джим. Я понимаю, вы работаете, и мне неприятно вас отвлекать, но не могли бы вы приехать сюда? Мне нужна помощь.

16

Трое детей стояли под каким-то лишенным светлой глубины небом, которое теперь имело явный желтоватый оттенок, и смотрели на мертвого медведя возле подножия телефонного столба. Столб торчал криво и был надломлен. На высоте четырех футов от основания его пропитанный креозотом ствол был разрушен и забрызган кровью. И еще кое-чем. Чем-то белым, что, как считал Джо, похоже на фрагменты костей. А также сероватой, мучнистой массой, которая, наверняка, была моз…

Он отвернулся, стараясь сдержать спазм в горле. Ему это почти удалось, но тут первым вырвал Бэнни - с громким звуком юуурп, - а за ним и Норри. Джо сдался и тоже присоединился к клубу рыгателей.

Когда они собой, наконец, овладели, Джо полез в рюкзак и, достав оттуда «Снепл», раздал каждому по бутылке. Первым делом он прополоскал себе рот и выплюнул. Так же совершили Норри и Бэнни. И лишь потом они начали пить. Сладкий чай был теплым, но все равно Джо ощущал райское наслаждение в горле.

Норри сделала два осторожных шага к черному, обсиженному гудящими мухами сугробу возле подножия столба.

- Он - как те олени, - сказала она. - Перед бедным мишкой не было реки, в которую он мог бы броситься, и он разбил себе голову о телефонный столб.

- Может, у него было бешенство, - заметил Бэнни тоненьким голосом.

Джо рассудил, что технически такая вероятность существует, но он в это не верил.

- Я думал о версии самоубийства, - ему ненавистна была дрожь в собственном голосе, но, вопреки всему, он никак не мог ее унять. - Это делают и киты, и дельфины - выбрасываются на берег. Я видел по телевизору. А отец мне говорил, что и восьминоги такое делают.

- Что за речь, - предостерегла его Норри. - Осьминоги.

- Да какая разница. Отец говорил, что, когда их среда становится совсем загрязненной, они отгрызают сами себе щупальца.

- Чувак, ты хочешь, чтобы я вновь вырыгал? - спросил Бэнни. Голос у него звучал жалостливо и утомлено.

- И, именно это сейчас мы видим здесь, загрязнение среды? - спросила Норри. - То есть окружающей среды?

Джо покосился глазом на желтоватое небо. Потом показал на юго-запад, где остался висеть после причиненной ракетным обстрелом пожара черный осадок, лишая небо цвета. Этот мазок выглядел на футов триста в высоту и тянулся где-то на милю в ширину. Может, и больше.

- Конечно, - согласилась она. - Но есть и кое-что другое. Разве нет?

Джо пожал плечами.

- Если нас ожидает внезапный порыв к самоубийству, то, может, нам лучше просто сейчас вернуться назад? - произнес Бэнни. – У меня есть кое-что, ради чего следует еще пожить. Я пока еще не начал побеждать в «Боевом молоте»[300].

- Проверь счетчик на медведе, - сказала Норри.

Джо потянулся сенсорной трубкой к медвежьему трупу. Стрелка не опустилась, но и не поднялась.

Норри показала на восток. Прямо перед ними дорога выходила с густо поросшей черным дубом[301] полосы, от которой она когда-то и получила свое название. Выбравшись из этой дубравы, подумал Джо, они смогут увидеть на верху холма яблоневый сад.

- Давайте проедем дальше, пока, по крайней мере, не выедем из-под деревьев, - сказал он. - Замеряем оттуда, и, если уровень будет возрастать, сразу вернемся в город и расскажем обо всем этом доктору Эверетту, или этому парню, Барби, или им обоим. Пусть решают, что дальше.

Бэнни посмотрел с сомнением в глазах.

- Ну, я не знаю…

- Если почувствуем что-то плохое, сразу же разворачиваемся и назад, - сказал Джо.

- Если мы способны помочь, мы должны это сделать, - сказала Норри. - Я предпочитаю выбраться из Милла раньше, чем ополоумею от клаустрофобии.

Она улыбнулась, показывая, что это только шутка, но голос у нее звучал далеко не шуточно, и Джо отнесся к ее словам серьезно. Многие любили насмехаться с Милла, какой он крохотный - возможно, именно поэтому здесь была такой популярной эта песня Джеймса Макмертри - и городок действительно, в формальном смысле, был маленький. И в демографическом. Он смог припомнить у них лишь одну американку азиатского происхождения - Памелу Чен, которая иногда помогала Лиссе Джеймисон в библиотеке. А черных жителей, после того как семья Леверти переехала в Оберн, у них нет совсем. В городе не было «Макдоналдса», не говоря уже

об «Старбакс»[302], и местный кинотеатр давно закрыт. Но до сих пор Милл всегда казался ему географически большим, богатым еще неизведанными местами. Удивительно, как город вдруг уменьшился в его воображении, только он осознал, что они с мамой и отцом не могут больше сесть в машину и просто уехать в сторону Льюистона, купить у Йодера жареных устриц и мороженого. Конечно, ресурсов у них полно, но они же не вечные.

17

- Правильно, плач!

Голос долетал откуда-то издали, Барби старался пробиться в ту сторону, но тяжело было раскрыть пылающие глаза.

- О многом же ты еще должен поплакать!

Голос, который сделал это заявление, звучал так, словно его хозяин и сам плачет. Знакомый откуда-то голос. Барби старался рассмотреть, но тяжелые, распухшие веки его не слушались. Глаза под ними пульсировали в такт сердцебиению. Носовые пазухи были забиты так, что каждый глоток воздуха отдавался ему выстрелом в ушах.

- Зачем ты ее убил? Зачем ты убил мой ребенка?

«Какой-то сучий потрох прыснул мне в глаза газом. Дентон? Нет, Рендольф».

Барби был в состоянии раскрыть глаза, только приложив ладони себе к бровям и сдвинув их кверху. И увидел Энди Сендерса, тот стоял за решетчатыми дверями, и слезы катились ему по щекам. А что видел Сендерс? Мужчину в камере, а человек в камере всегда выглядит виноватым.

Сендерс вскрикнул:

- Она была для меня всем!

Позади него стоял Рендольф с расстроенным видом, он переминался, словно ученик на двадцатой минуте после того, как не получил разрешения на свою просьбу выйти в туалет. Барби не удивило то, что Рендольф позволил Сендерсу спустись сюда. Это не потому, что Сендерс первый выборный, а потому что Рендольф просто не в состоянии был сказать ему «нет».

- Хорошо, Энди, - произнес Рендольф. - Достаточно уже. Вы хотели его увидеть, и я вам позволил, хотя это абсолютно против правил. Он закрыт крепко и надежно и заплатит сполна за все, что наделал. Итак, идем уже наверх, и я налью вам чашку…

Энди вдруг схватил Рендольфа за грудь форменной рубашки. Рендольф был выше Энди на четыре дюйма, но на его лице отразился испуг. Барби не мог его осуждать. Мир он видел сквозь красную пелену, но насколько сейчас обозлен Энди Сендерс - ему было достаточно ясно видно.

- Дай мне твой пистолет! Суд для него слишком легкий исход! Он все равно выкрутится! Имеет друзей наверху, мне Джим говорил! Я хочу ему отомстить! Я заслуживаю мести! Давай мне свой пистолет!

mir-knigi.org

Барби не верилось, что услужливость Рендольфа зайдет так уж далеко, и он передаст свое оружие Энди, чтобы тот застрелил его прямо здесь, в камере, как какую-то крысу в водостоке, но полной уверенности у него не было; кроме трусливой льстивости, за всем этим могла прятаться и другая причина, которая побуждала Рендольфа привести сюда Сендерса, и привести его одного.

Барби был в состоянии подняться:

- Мистер Сендерс, - немного перечного газа попало ему в рот. Язык и горло распухли, голос неубедительно гундосил. - Я не убивал вашей дочери, сэр. Я никого не убивал. Если вы рассудите здраво, сами поймете, что вашему приятелю Ренни просто нужен козел отпущения, а моя кандидатура годится лучше все…

Но Энди находился не в том состоянии, чтобы хоть что-то осознавать. Он уцепился в кобуру Рендольфа кобуру, стараясь вытянуть пистолет. Рендольф старался ему помешать.

В это мгновение на ступеньках появилась угловатая фигура, вопреки своим габаритам, Большой Джим спускался грациозной походкой.

- Энди! - гаркнул Большой Джим. - Энди, друг мой! Иди-ка сюда!

Он развел руки. Энди перестал бороться за пистолет и бросился скорей к нему, словно заплаканное дитя папочке в объятия. И Большой Джим его приласкал.

- Я хочу пистолет, - канючил Энди, задрав свое зареванное, все в соплях, лицо к лицу Большого Джима. - Дай мне пистолет, Джим! Сейчас! Прямо сейчас! Я хочу его застрелить за то, что он сделал! Это мое право как отца! Он убил мою девочку, мою кровиночку!

- Может, и не только ее, - сказал Большой Джим. - Может, не только Энджи, Лестера и несчастную Бренду.

Словесный поток прекратился. Энди впялился в глыбу лица Большого Джима. Ошарашенный. Привороженный.

- Возможно, также и твою жену. И Дюка. И Майру Эванс. И всех других.

- Но…

- Кто-то же виноват в том, что появился Купол, друг… или я не прав?

- Ко… - на большее Энди был не в состоянии, однако Большой Джим великодушно кивнул.

- И, как мне кажется, люди, которые это организовали, должны были иметь, по крайней мере, одного сообщника внутри. Того, кто будет помешивать заваренную ими кашу. А кто же лучше в помешивании каши, чем ресторанный повар? - Он положил руку на плечо Энди и повел его к Рендольфу. На покрасневшее, распухшее лицо Барби Большой Джим взглянул, словно на какую-то разновидность насекомого. - Мы найдем доказательства. Несомненно. Он уже продемонстрировал, что ума у него недостаточно, чтобы скрывать собственные следы.

Барби привлек внимание Рендольфа.

- Это манипуляции, - произнес он своим гнусавым, трубным голосом. - Это могло начаться потому, что Ренни хотел прикрыть себе сраку. Но сейчас уже речь идет о неприкрытом захвате

им полной власти. Пока что вы нужны, шеф, но вы такой же кандидат на расходный материал.

- Замолчи, - грохнул Большой Джим.

Ренни ласкал волосы Энди. Барби вспомнил свою мать, как она гладила их кокер-спаниеля Мисси, когда Мисси постарела, подурнела и страдала недержанием.

- Он сполна заплатит, Энди. Даю тебе слово. Но сначала мы узнаем обо всех деталях: что, когда, почему и кто еще является его соучастником. Потому что он действует не сам, хоть ты на все свое наследство спорь. У него есть соучастники. Он за все заплатит, но сначала мы выжмем из него всю информацию. Досуха.

- Какую цену? - спросил Энди. Теперь он смотрел вверх, в лицо Большого Джима чуть ли не в экстазе. - Какую цену он заплатит?

- Ну, если он знает, как поднять Купол - а я не исключаю такой возможности, - думаю, мы можем удовлетвориться тем, что его отправят в Шоушенк. На пожизненное, без права на досрочное освобождение.

- Не очень это хорошо, - прошептал Энди. Ренни не переставал гладить Энди по голове. - А если Купол никуда не денется?

Он улыбнулся.

- В таком случае, мы будем судить его сами. И когда выясним, что он виноват, мы его казним. Тебе так больше нравится?

- Больше, - прошептал Энди.

- И мне, друг… - Он гладит, гладит. - И мне.

18

Они вышли из рощи вместе, бок о бок, и остановились, глядя на сад.

- Вон там что-то есть! - сказал Бэнни. - Я вижу! - голос у него был взволнованным, но Джо услышал его как-то удивительно, словно издалека.

- И я, - сказала Норри. - Оно похоже на… на… «Радиомаяк» хотела она сказать, но так и не произнесла этого слова. Была в состоянии только на ppp-ppp-ppp, как вот рычат малыши, играясь в песочнице машинками. А потом она свалилась со своего велосипеда и растянулась на дороге, дрыгая руками и ногами.

- Норри? - посмотрел Джо на нее сверху, скорее изумленно, чем встревожено, а потом поднял глаза на Бэнни. Их взгляды встретились лишь на миг, и Бэнни тоже брыкнулся, потянув велосипед прямо на себя. Он начал дрыгать ногами, словно отбиваясь от своего «Рейнджера». Счетчик Гейгера отлетел, шлепнувшись в канаву шкалой вниз.

Джо рысью побежал и дотронулся до него рукой, которая у него потянулась, словно резиновая, как ему показалось. Перевернул счетчик шкалой кверху. Стрелка подскочила до +200, лишь чуточку не достигая опасной зоны. Он успел это увидеть, а дальше и сам провалился в черную яму, полную оранжевого пламени. Джо подумалось, что это вспышки исполинского погребального костра, составленного из хэллоуиновских тыкв-светильников. Откуда-то гремели

голоса: потерянные и испуганные. Потом его проглотила тьма.

19

Когда Джулия, выйдя из супермаркета, вернулась в редакцию «Демократа», там сидел, набирая что-то на ноутбуке, Тони Гай, бывший спортивный репортер, который теперь олицетворял отдел новостей. Она вручила ему камеру и сказала:

- Прервись и напечатай это.

Сама она села к компьютеру писать статью. Ее начало она держала в голове всю дорогу, пока шла сюда по Мэйн-стрит: «Эрни Келверт, бывший директор «Фуд-Сити», призвал людей заходить с обратной стороны. Сказал, что он открыл задние двери. Но уже было поздно. Стихийный мятеж начался». Это было хорошее вступление. Проблема заключалась в том, что она не могла его написать. Она все время била не по тем клавишам.

- Пойди наверх и полежи, - сказал Тони.

- Нет, мне нужно написать…

- В таком состоянии ты ничего не сможешь написать. Ты дрожишь, как осенний листок. Это шок. Полежи хотя бы часок. Я напечатаю кадры и перешлю на рабочий стол твоего компьютера. Наберу также записи из твоего блокнота. Иди наверх.

Ей не нравилось то, что он говорил, но она вынуждена была признать правильность его совета. Вот только оказалось, что ей понадобилось больше часа. Она ни раза толком не поспала с прошлой пятницы, которая была, как казалось, сто лет тому назад, итак ей стоило только коснуться головой подушки, как она провалилась в глубокий сон.

Проснувшись, Джулия запаниковала, увидев, какие длинные уже тени. День склонялся к вечеру. А Горес! Он, наверняка, уже напрудил где-то в уголке, и будет смотреть на нее беспредельно виноватыми глазами, словно это его вина, а не ее.

Она запрыгнула в кеды, побежала в кухню и увидела, что ее корги не скулит под «прогулочными» дверьми, а мирно спит в своей кровати - на одеяле между холодильником и печкой. На кухонном столе нашлась прислоненная к перечнице и солянке записка.

15:00

Джулия,

Пит Ф. и я вместе потрудились над материалом о супермаркете. Вышло не супер, но станет таким, когда ты пройдешься по нему своей рукой. Кадры, что ты там сняла, неплохие. Приходил Ромми Бэрпи, говорил, что у него полно бумаги, итак с этой стороны у нас все о'кей. Также он сказал, что тебе надо написать редакторскую колонку о том, что произошло. «Абсолютная дрочь, - сказал он. - И абсолютная некомпетентность. Разве что они хотели, чтобы именно это и произошло. От этого кадра всего можно ждать, и я имею в виду не Рендольфа». Мы с Питом согласны, что редакторская колонка нужна, но нам надо быть осторожными, пока не станут известными все факты. Также мы согласились с тем, что, если бы написать колонку так, как она должна быть написана, тебе нужно выспаться. Мисс, у вас настоящие мешки под глазами! Я иду домой, увижусь с женой и детьми. Пит пошел в ПУ.

mir-knigi.org

Сказал что, что-то «крутое» там случилось, и он хочет выяснить, что и как.

Тони Г.

P.S. Я выгулял Гореса. Он сделал все свои дела.

Не желая, что бы Горес забывал, что это она свет его души, Джулия разбудила его еще до того, как наступило время поглощения им «Тугих полосок»[303], а потом спустилась в офис, чтобы причесать репортаж и написать редакторскую колонку, на которой настаивали Тони с Питом. Как только она начала работать, зазвонил мобильный.

- Шамвей слушает.

- Джулия! - голос Питера Фримэна. - Думаю, тебе следует прибыть сюда. За стойкой сидит Марти Арсенолт, и он меня не пускает. Говорит, чтобы я подождал где-то от-черта-в-стороне! Он никакой не коп, обычный тупой лесоруб, который немного подрабатывает летом регулировщиком дорожного движения, но сейчас строит из себя такое цебе большое, как член у Кинг-Конга.

- Пит, у меня здесь куча работы, и пока…

- Бренда Перкинс мертва. А также Энджи Маккейн, и Доди Сендерс…

- Что? - она вскочила так стремительно, что перекинулся стул.

- …и Лестер Коггинс. Они были убиты. И, слушай сюда, за эти убийства арестовали Дейла Барбару. Он сейчас сидит здесь в камере, в подвале.

- Я сейчас же буду там.

- Вот бля, - ругнулся Пит. - Сюда идет Энди Сендерс, весь такой, к черту, заплаканный. Может, мне попробовать взять у него интервью или…

- Ни в коем случае, человек потерял дочь всего через три дня после того, как потерял жену. Мы же не «Нью-Йорк Пост». Я сейчас же буду там.

Не ожидая ответа, она оборвала разговор. Сначала она чувствовала себя довольно спокойной; даже не забыла запереть редакцию. Но только ступила на тротуар, в жару, под небо, словно закопченное табачным дымом, куда и делся ее покой. Джулия побежала.

20

Джо, Норри и Бэнни судорожно дергались, лежа в каком-то очень рассеянном свете солнца на дороге Черная Гряда. Сверху их обдавало горячим жаром. Отнюдь не склонная к самоубийству ворона уселась на телефонном проводе и хлопала на них яркими, умными глазами. Каркнув один раз, она взмахнула крыльями и полетела прочь под этим странным дневным небом.

- Хэллоуин, - бормотал Джо.

- Пусть они перестанут кричать, - стонал Бэнни.

- Солнца нет, - произнесла Норри. Ее руки хватали воздух. Она плакала. - Нет солнца, о, Боже

мой, здесь нет солнца.

На вершине Черной Гряды, в яблоневом саду, из которого было видно весь Честер Милл, ярко вспыхнул розово-лиловый огонек.

Он вспыхивал вновь и вновь, каждые пятнадцать секунд.

21

Джулия бегом поднялась по ступенькам полицейского участка, с лицом, еще опухшим ото сна, с волосами, торчащими на голове. Когда возле нее вынырнул Пит, она помотала головой.

- Лучше побудь здесь. Я тебя могу позвать, когда уже буду брать интервью.

- Люблю тех, кто положительно мыслит, но черта лысого, - сказал Пит. - Вскоре после Энди, угадай, кого принесло? - Он показал на «Хаммер», припаркованный возле пожарного гидранта.

Возле машины стояли Линда Эверетт и Джеки Веттингтон, поглощенные разговором. Обе женщины выглядели серьезно озадаченными.

Первое, что поразило Джулию внутри участка, это духота, кондиционер было отключен, наверняка, ради экономии горючего. Второе - количество юношей, которые там сидели, между ними и двое из неизвестно - скольких братьев Кильянов - этих невозможно было не узнать по шнобелям и коническим головам. Очевидно, все эти молодчики были заняты заполнением официальных форм.

- А если кто-то не имел последнего места работы? - спрашивал один из них у другого.

Из подвала слышались плаксивые вопли Энди Сендерса.

Джулия сразу направилась к дежурной части, куда заходила годами и даже делала добровольные взносы в здешний кофейно-пончиковый фонд (плетеная корзина). Никогда прежде ее не останавливали, но сейчас Марти Арсенолт сказал:

- Вам нельзя туда, мисс Шамвей. Приказ.

Произнес он эти слова к ней примирительным тоном, которого, несомненно, не применял к Питу Фримэну.

Как раз в этот миг по ступенькам из подвала, который офицеры Милловского департамента полиции между собой называли «клетью», поднялись Большой Джим Ренни с Энди Сендерсом. Энди плакал. Большой Джим, приговаривая что-то успокоительное, обнимал его за плечи. Вслед за ними появился Питер Рендольф. Униформа на нем сияла, но лицо у него было человека, который только что едва спасся от взрыва бомбы.

- Джим! Пит! Я хочу поболтать с вами, для «Демократа»! - позвала Джулия.

Большой Джим довольно долго разворачивался, но только ради того, чтобы окинуть ее взглядом типа «жителям ада тоже хотелось бы воды со льдом». А потом повел Энди в кабинет шефа. Говорил он что-то о молитвах.

Джулия направилась мимо стойки. С тем самым виноватым лицом Марти схватил ее за руку.

- Когда в прошлом году вы, Марти, попросили меня не подавать в газете материал о том скандальчике с вашей женой, я вам поспособствовала. Потому что иначе вы бы потеряли работу. Итак, если у вас есть хоть унция признательности, пропустите меня.

Марти отпустил ее, пробурчав:

- Я старался вас удержать, но вы меня не послушались. Не забудьте.

Джулия бросилась бегом через дежурную часть.

- На минуточку, голубчики, - окликнула она Большого Джима. - Вы с Питом Рендольфом чиновники на службе нашего города и поэтому будете говорить со мной.

На этот раз взгляд, подаренный ей Большим Джимом, содержал в себе злость вместе с пренебрежением:

- Нет. Не будем. Вы не имеете на это сейчас права.

- А он имеет? - спросила она, кивнув на Энди Сендерса. - Если то, что я слышала о Доди, правда, то он последнее лицо, которому можно было бы позволить спускаться в подвал.

- Этот сукин сын убил мою драгоценную девочку! - завопил Энди. Большой Джим ткнул в сторону Джулии пальцем.

- Вы получите материал, когда мы будем готовы его предоставить. И не раньше.

- Я хочу увидеть Барбару.

- Он под арестом за совершение четырех убийств. Вы с ума сошли?

- Если отец одной из его предполагаемых жертв смог там побывать, почему я не могу?

- Потому что вы ни жертва, и ни близкая родственница, - ответил Большой Джим. Верхняя губа у него задралась, оголив зубы.

- У него есть адвокат?

- Разговор закончен, жен...

- Ему не нужен адвокат, ему нужна веревка на шею! ОН УБИЛ МОЮ ДРАГОЦЕННУЮ ДЕВОЧКУ!

- Идем, друг мой, - произнес Большой Джим. - Вознесем за это молитву Богу.

- Какие у вас доказательства? Он сознался? Если нет, какое алиби он предложил? Как это согласовывается со временем наступления смерти? И знаете ли вы вообще, когда наступила смерть? Если тела только что были найдены, откуда вы можете это знать? Были ли они застрелены, или зарезаны, или...

- Пит, избавьтесь от этой надоедливой ведьмы, чье имя рифмуется со словом «пядь», - бросил, не оборачиваясь, Большой Джим. - Если не пойдет добровольно, выкиньте ее отсюда. И скажите, кто там у нас сидит на рецепции, что она изгнана отсюда навсегда.

Марти Арсенолт скривился, проведя себе рукой по глазам. Большой Джим подтолкнул Энди

mir-knigi.org

Сендерса в кабинет шефа и прикрыл за собой двери.

- Ему выдвинуто обвинение? - спросила Джулия у Рендольфа. - Вы не можете этого делать без адвоката. Это незаконно.

И тогда, хотя все еще не опасный на вид, а только взволнованный, Рендольф произнес слова, от которых у нее похолодело сердце:

- Пока будет стоять Купол, Джулия, я думаю, законным здесь будет то, что решим мы.

- Когда они были убиты? Скажите мне хоть это, по крайней мере.

- Ну, похоже на то, что две девушки были перв…

Тут настежь распахнулись двери кабинета, она не сомневалась, что Большой Джим стоял за ними, подслушивая. Энди сидел за столом, который теперь принадлежал Рендольфу, спрятав лицо в ладони.

- Убери ее отсюда прочь! - гаркнул Большой Джим. - Я не желаю тебе дважды тоже самое повторять.

- Вы не имеете права запрещать ему общение и лишать информации жителей нашего города! - закричала Джулия.

- Вы не правы по обеим пунктам, - улыбнулся Большой Джим. - Слышали такое выражение: «Если вы не принадлежите к решению проблемы, значит, вы есть часть самой проблемы»? Итак, вы ничего не решаете, оставаясь здесь. Вы надоедливая вошь. И всегда были ею. Если вы сейчас же не уйдете отсюда, будете арестованы. Предупреждаю честно.

- Прекрасно! Арестовывайте меня! Давайте, тяните в подвал! - она протянула руки, сложив запястья вместе, как под наручники.

Какое-то мгновение она была уверена, что Большой Джим сейчас ее ударит. Это желание ясно читалось на его лице. Вместо этого он заговорил с Питом Рендольфом:

- Последний раз говорю: избавься от этой вши. Если будет сопротивляться, выкинь ее на улицу, - и захлопнул двери.

Пряча глаза, со щеками цвета только что обожженного кирпича, Рендольф взял ее за руку. Джулия не сопротивлялась, она пошла сама. Когда проходила мимо стойки дежурного, Марти Арсенолт произнес - скорее скорбно, чем сердито:

- Вот так. Теперь я потерял работу, мое место займет кто-то из этих долбоебов, которые не способны отличить собственной сраки от локтя.

- Ты не потерял работу, Марти, - успокоил его Рендольф. - Я с ним поговорю, и все будет нормально.

В следующий миг она оказалась на улице, моргая от солнечного света.

- Ну, как? - спросил Пит Фримэн. - Как там прошло?

22

Первым очухался Бэнни. Но, кроме распаренности – рубашка прилипла ему к груди, - он чувствовал себя хорошо. Он подполз к Норри и потряс девочку. Она раскрыла глаза, посмотрела на него мутными глазами. Волосы у нее прилипли к вспотевшим щекам.

- Что случилось? - спросила она. - Я, наверное, заснула. Даже видела сон, только не помню, о чем. Только то, что он был плохим. Это помню точно.

Джо Макклечи перевернулся на живот, тяжело поднялся на колени.

- Джо-Джо? - позвал Бэнни. После четвертого класса он ни разу не обращался к своему другу Джо-Джо. - С тобой все обстоит благополучно?

- Эй. Пылал костер из тыкв.

- Каких тыкв?

Джо потряс головой. Не смог вспомнить. Он знал единственное: ему сейчас надо в тень и допить, что там осталось в бутылке «Снепла». Потом он вспомнил о счетчике Гейгера. Извлек его из канавы, увидев с облегчением, что тот все еще работает - похоже, в двадцатом столетии вещи делали очень крепкими.

Джо показал Бэнни на шкалу, где было +200, хотел было показать Норри, но она засмотрелась на холм, где на верхушке Черной Гряды стоял сад.

- Что это? - спросила она, показывая пальцем.

Джо сначала ничего не увидел. Потом вспыхнул яркий пурпурный огонек. Такой яркий, что тяжело было смотреть. Через паузу он вспыхнул вновь. Джо посмотрел на свои часы с намерением высчитать периодичность вспышек, но часы остановились в 16:02.

- Думаю, это то - самое, что мы ищем, - сказал он, вставая в полный рост. Боялся, что ноги будут ватными, но нет. Если не учитывать накаленность организма, чувствовал себя он вполне хорошо. - А теперь давайте убираться отсюда, пока оно нас не стерилизовало или еще что-нибудь.

- Чувак, - сказал Бэнни. - Кому нужны дети? Они же могут родиться похожими на меня. - Однако он уже оседлал свой велосипед.

Назад они катили тем же путем, не останавливаясь на передышку, не затормозив, чтобы попить, пока не переехали мост и пока не выбрались на шоссе 119.

СОЛЬ

1

Женщины-офицеры все еще стояли, разговаривали возле «Х-3» Большого Джима, Джеки теперь нервно курила сигарету, но, увидев Джулию, которая как раз проходила мимо них, дамы прервали свою беседу.

- Джулия? - обратилась нерешительно Линда. - Можно вас…

Джулия не остановилась. Меньше всего, чего ей хотелось сейчас в ее возмущенном состоянии,

это беседы с кем-то из представителей тех органов законности и того порядка, какой, похоже, теперь устанавливается в Милле. Пройдя уже полдороги к «Демократу», Джулия осознала, что злость не единственное из чувств, которые она сейчас переживает. И даже не главное из ее чувств. Она остановилась под тентом с надписью «Новые & Подержанные книги» («ЗАКРЫТО ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ» гласило написанное от руки объявление в витрине), чтобы перевести дух, но также и заглянуть вглубь самой себя. Это не заняло много времени.

- В общем-то, я напугана, - произнесла она, слегка вздрогнув от звука собственного голоса. Она не собиралась ничего говорить вслух.

Ее догнал Пит Фримэн.

- Как ты, в порядке?

- Нормально, - это было вранье, но ответ прозвучал довольно решительно. Конечно, она не могла знать, что написано у нее на лице.

Потянувшись рукой себе за голову, она пригладила волосы, которые так и торчали на затылке после ее дневного сна. Волосы улеглись… и вновь встали торчком. «Еще и прическа идиотская вдобавок ко всему, - подумала она. - Очень хорошо. Финальный штрих».

- Я думал, Ренни на самом деле заставит нашего нового шефа тебя арестовать, - сказал Пит. Глаза у него были широко раскрыты, и в это мгновение он выглядел намного младше своих тридцати с чем-то лет.

- Я надеялась. - Джулия взмахнула руками, взяв в кавычки невидимый заголовок. - РЕПОРТЕР «ДЕМОКРАТА» ПОЛУЧИЛ ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ В ТЮРЬМЕ С ОБВИНЕННЫМ В УБИЙСТВАХ.

- Джулия, что это такое у нас происходит? Не говоря уже о Куполе, что это такое? Ты видела тех ребят, тех, что пишут там заявления? Это уже пугает.

- Видела, - ответила Джулия. - И хочу об этом написать. Я хочу написать обо всем этом. А на городском собрании вечером в четверг, думаю, не только я одна буду иметь серьезные вопросы к Джеймсу Ренни.

Она положила ладонь на предплечье Пита.

- Мне надо узнать детальнее об этих убийствах, и тогда уже я напишу из того, что буду иметь. Плюс редакторская колонка, по возможности более резкая, насколько у меня это получится без лишней демагогии. - Она невесело хохотнула. - Правда, в области демагогии Джеймс Ренни вне конкуренции.

- Я не понимаю, что ты…

- Все нормально, просто уже начала работать. Еще пара минут, и я приду в себя. Тогда, вероятно, и решу, с кем надо поболтать в первую очередь. Потому что времени крайне мало, если мы хотим успеть в типографию уже сегодня.

- Ксерокс, - сказал он.

- А?

mir-knigi.org

- К ксероксу успеть сегодня.

Она ответила ему неуверенной улыбкой и махнула, чтобы шел. Он оглянулся уже от дверей редакции. Жестом она показала, что с ней все нормально, а потом всмотрелась через запыленную витрину книжного магазина. Кинотеатр в центре стоял закрытым уже лет пять, и кинотеатра-паркинга для водителей, который когда-то работал за городом, тоже давно нет (теперь рядом с шоссе 119, где когда-то поднимался большой экран, находилась запасная стоянка бизнеса Ренни), однако Рей Таул как-то умудрялся содержать свою грязную империю печатного слова. Часть выставленного на витрине являла собой пособия типа «помоги себе сам». Остальное - это кучи книжек, бумажные обложки которых украшали обвитые туманом замки, страждущие леди и гологрудые качки - безлошадные и всадники. Кое-кто из вышеупомянутых качков размахивали мечами и были наряжены во что-то наподобие кальсон. «НЕ ЩАДИ МОНЕТЫ НА КРУТЫЕ СЮЖЕТЫ» - гласил рекламный лозунг в этом уголке витрины.

Точно, лихие сюжеты.

«Словно одного Купола нам недостаточно, хватило бы и этого зла, так на тебе - еще и выборный родом из ада».

Что ее больше всего беспокоит, поняла она, что больше всего ее пугает - это скорость, с которой все происходит. Ренни привык быть самым большим, самым нахальным петухом в этом курятнике, и она ожидала, что он будет стараться усилить собственный контроль над городом вскоре - скажем, через неделю или месяц после того дня, как их отрезало от мира. А тут прошло каких-то три дня, и уже таких перемены. А если бы Кокс с его научными работниками пробились к нам уже сегодня вечером? Или Купол сам по себе вдруг исчез? Большой Джим моментально уменьшился бы до своего бывшего размера, и оскандалился бы серьезно.

«А почему бы он оскандалился? - спросила она сама себя, так и тупясь глазами в КРУТЫЕ СЮЖЕТЫ. - Объяснил бы, что старался сделать только лучше, исходя из обстоятельств, которые сложились. И они бы ему поверили».

Вероятно, что так. Но все равно неясно, почему этот парниша не потерпел, не выждал еще какое-то время? «Потому что что-то пошло не так, и он был вынужден прибегнуть к этим шагам. А также…»

- Также, я думаю, он не совсем в здравом уме, - доложила она куче книжек в бумажных обложках. - И не был никогда в здравом уме.

Ну, пусть так, но как объяснить ту передрягу в местном супермаркете, в которую втянулись люди, которые пока что дома имеют полные кладовки еды? Тут не прослеживается никакого смысла, кроме…

- Кроме того смысла, что это было спровоцировано именно им.

Но это же смешно, словно какой-то дешевый путч в кафе «Паранойя». Разве нет? Она подумала, что следует расспросить людей, которые были рядом с «Фуд-Сити» с самого начала, что они видели, однако не самое ли важное сейчас эти убийства? У нее, к сожалению, есть под рукой только одна настоящая журналистка, и это она сама…

- Джулия? Мисс Шамвей?

Джулия так глубоко погрузилась в собственные мысли, что едва не выскочила из туфель. Резко

крутнувшись на месте, она могла бы упасть, если бы ее не поддержала Джеки Веттингтон. Рядом с Джеки стояла Линда Эверетт, это она ее позвала. Обе имели испуганный вид.

- Мы можем с вами поговорить? - спросила Джеки.

- Конечно. Слушать, что люди говорят, это моя специальность. Обратная сторона этой профессии состоит в том, что я пишу о том, что они мне рассказывают. Вам же об этом известно, леди, не так ли?

- Но вы не должны называть наши имена, - предупредила Линда. - Если вы не согласитесь на это, забудем и разойдемся.

- Насколько я понимаю, - произнесла Джулия с улыбкой, - вы обе можете быть просто источником, близким к следствию. Годится?

- Если вы пообещаете также ответить нам на наши вопросы, - сказала Джеки. - Соглашаетесь?

- Хорошо.

- Вы же были в супермаркете, не так ли? - спросила Линда.

Все более и более странно.

- Да. И вы обе тоже. Итак, давайте поговорим. Сравним впечатления.

- Не здесь, - сказала Линда. - Не посреди улицы. Здесь люди. И не в редакции газеты.

- Расслабься, Лин, - сказала Джеки, кладя руку подруге на плечо.

- Сама расслабься, - ответила Линда. - Это не у тебя муж считает, что ты помогла упаковать в тюрьму невиновного человека.

- У меня нет мужа, - ответила ей Джеки, и вполне справедливо, подумала Джулия, это на ее счастье; мужья часто становятся усложняющим фактором.

- Зато я знаю место, куда мы можем пойти. Там уютно и всегда открыто, - она немного посудила, - так, по крайней мере, всегда было. Но с этим Куполом теперь я даже и не знаю.

Джулия, которая как раз перед этим думала, кого бы ей проинтервьюировать первым, не имела намерения выпускать из рук эту парочку.

- Идем, - сказала она. - И мимо полицейского участка мы пройдем по противоположной стороне улицы, правда?

Линда на это была в состоянии улыбнуться.

- Какая замечательная идея, - кивнула она.

2

Пайпер Либби осторожно присела перед алтарем Первой Конгрегационной церкви и упала на колени, морщась даже с молитвенной подушечкой, подставленной под свои разбитые, распухшие колени. Она обхватила себя правой рукой, прижав ей к туловищу недавно

mir-knigi.org

вывихнутую левую. Эта рука чувствовала себя неплохо - фактически, она болела намного меньше, чем колено, - но Пайпер не хотела подвергать ее испытанию. Руку очень легко вновь выбить из сустава; ей это вбили в голову (и очень сурово) еще тогда, в школе, после травмы на футбольном поле. Она сложила руки и закрыла глаза. И моментально ее язык оказался в той дыре, где еще до вчерашнего дня у нее был зуб. Но в ее жизни теперь была худшая дыра.

- Эй, Неотмирасего, - произнесла она. - Это вновь я, и я вновь прошу помощи от Твоего святейшества. - Слеза выкатилась из-под одного, того, что было распухшим, века и побежала вниз по напухшей (не говоря уже о ее цвете) щеке. – Есть ли там где-то рядом моя собака? Я просто спрашиваю, потому что очень по ней скучаю. Если она там, я надеюсь, ты дашь ей духовный эквивалент вкусной косточки. Она этого заслужила.

И вновь, и еще текут ее слезы, медленные и жгучие.

- Наверно, её там нет. Большинство больших религий полагает, что собаки не попадают на небеса, хотя некоторые секты (а также «Ридерз Дайджест»[304], как мне кажется) с этим не соглашаются.

Конечно, если нет никакого рая, этот вопрос был не актуальным, сама идея такого безрайного существования, такая безрайная космология была тем приютом, куда то, что осталось от ее веры, полилось все более и более свободно. Возможно, забвение; возможно, что-то хуже. Бескрайняя пустая равнина под белым небом, например место, где время всегда - никогда, направление всегда - никуда, и рядом с тобой никого. Другим словом, просто большая, безграничная Несусветность: для плохих копов, женщин-проповедниц, детей, которые случайно застрелились, и немецких овчарок, которые погибли, стараясь защитить своих хозяек. Не-Бытие без определения понятий добра и зла. Обращение с молитвой к такой концепции отдавало чем-то театральным (если не откровенно богохульным), однако иногда это помогало.

- Но дело даже не в раю, - подытожила она. - Дело сейчас сводится к тому, чтобы попробовать вычислить, сколько моей вины в том, что случилось с Кловером. Я понимаю, что сама виновата – поддалась своей вспыльчивости. Вновь. Однако же моя религия учит, что эту вспыльчивость в меня вложил Ты, а каким образом я с ней справлюсь, это уже сугубо мое дело, однако мне очень не нравится эта идея. Не то, чтобы я ее полностью отбрасывала, но она мне не нравится. Это мне напоминает то, как, обычно, сдаешь машину в ремонт и механики всегда находят средство возложить на тебя вину за неполадки в ней. Ты много на ней ездила, ты мало на ней ездила, ты забыла отпустить ручной тормоз, ты забыла закрыть окна, и дождем намочило электропроводку. И что самое плохое, знаешь? Если нет Тебя там, Неотмирасего, я даже крохотной частички вины не могу возложить на Тебя. Что тогда мне остается? Проклятая, сука, генетика? - Она вздохнула. - Прости мне мое богохульство; почему бы Тебе не прикинуться, словно ничего не было? Так всегда делала моя мать. Тем временем у меня есть другой вопрос: что мне нужно делать сейчас? В нашем городе происходят ужасные вещи, я хотела бы как-то помочь, но не знаю, не могу решить, каким образом. Я чувствую себя глупой, слабой, взволнованной. Думаю, если бы я была кем-то из тех ветхозаветных анахоретов, сказала бы, что нуждаюсь в знаке. В данном случае даже знаки «УМЕНЬШИТЬ СКОРОСТЬ В ШКОЛЬНОЙ ЗОНЕ» или «ОПАСНЫЙ ПОВОРОТ» подошли бы.

В тот миг, как она проговаривала эти слова, приотворились и с громким треском захлопнулись входные двери. Пайпер оглянулась через плечо, почти веря, что увидит там ангела в полном обмундировании - с крыльями и в лучезарно белом хитоне. «Если он хочет со мной бороться, то должен сначала излечить мне руку»[305], - подумала она.

Пришел не ангел, а Ромми Бэрпи. Перед рубашки выбился у него из брюк и свисал едва ли не до колен, и на лице у него была почти такая же прибитость, которую чувствовала в своей душе Пайпер. Он двинулся по центральному проходу, но заметил Пайпер и остановился, удивленный, что увидел ее здесь, не меньше, чем она его.

- О, да это ты, - произнес он, но с тем его льюистоновским прононсом это прозвучало: та-то-ши. - Извините, я не знал, что вы здесь. Я тогда зайду позже.

- Нет, - остановила его она, тяжело привставая с колен, вновь с помощью одной, правой, руки. - Я здесь уже закончила.

- Вообще-то, я католик, - сообщил он («Не врет», - подумала Пайпер). - Но в Милле нет католической церкви… о чем вам, конечно, известно, как проповеднице… Однако же, знаете, как вот говорят о первом-лучшем порту во время шторма. Я решил зайти, немного помолиться за Бренду. Мне всегда нравилась эта женщина. - Он потер рукой щеку. Среди тишины пустой церкви звук шкрябания ладонью по щетине прозвучал очень громко. Волосы, по обыкновению сбитые в высокий кок а-ля Элвис, сейчас повисли у него на ушах. - Я ее по-настоящему любил. Никогда не говорил ей об этом, и, думаю, она знала.

Пайпер смотрела на него с нарастающим ужасом. Она не покидала церковной усадьбы целый день и, хотя знала о том, что произошло в супермаркете (ей звонили по телефону несколько ее прихожан), о Бренде не слышала ничего.

- Бренда? Что с ней случилось?

- Убили. И еще других. Говорят, что это тот мальчик, Барби, сделал. Он арестован.

Пайпер хлопнула себя ладонью по губам и покачнулась. Ромми поспешил к ней и обнял за талию. Так они и стояли перед алтарем, словно мужчина и женщина, которые решили пожениться, когда вновь приотворились двери из вестибюля и вовнутрь вошли Джеки, Линда и Джулия.

- Хотя, возможно, это и не лучше место, - произнесла Джеки.

Говорила она негромко, но благодаря церковной акустике Пайпер с Ромео чудесно ее услышали.

- Оставайтесь, - произнесла Пайпер. - Не идите, если дело о том, что произошло. Я не могу поверить, что мистер Барбара… по моему мнению, он не способен. Он вправил мне руку после вывиха. Очень деликатно это делал, - она на мгновение задумалась. - Удивительно деликатно, особенно принимая во внимание обстоятельства. Заходите, говорите, не стыдитесь меня.

- Есть люди, которые могут вправить вывихнутую руку и вместе с тем, они вполне способны на убийство, - заметила Линда, вертя при этом на пальце обручальное кольцо и закусив себе губу.

Джеки дотронулась до ее запястья.

- Линда, мы же хотели об этом украдкой, помнишь?

- Поздно, - ответила Линда. - Они нас уже увидели с Джулией. Если она напишет статью, и они будут рассказывать, что видели нас вместе, вину все равно припишут нам.

Пайпер не имела ни малейшего понятия, о чем говорит Линда, но общую суть она уловила. Она

подняла правую руку и повела ей вокруг. - Вы в моей церкви, госпожа Эверетт, все, что здесь сказано, здесь и остается.

- Вы обещаете? - спросила Линда.

- Да. Это почему бы нам не поболтать об этом? Я только что молилась о знаке, а тут вы все появились.

- Я не верю в такие штуки, - бросила Джеки.

- Да и я, если честно, - сказала Пайпер и засмеялась.

- Мне это не нравится, - сказала Джеки, обращаясь на этот раз к Джулии.

- Мало ли что она говорит, здесь много народа. Потерять работу, как Марти, это одно. Это я пережить могу, все равно зарплата, как у зайца под хвостом. А вот если на меня вызверится Джим Ренни… - она покачала головой. - Это весьма неприятная перспектива.

- Нас не много. Нас как раз столько, сколько надо. Мистер Бэрпи, вы умеете хранить тайну?

Ромми Бэрпи, который в свое время прокрутил немало сомнительных афер, кивнул, приложив палец себе к губам.

- Нем, как рыба, - пообещал он. Рыба у него вышла, как рыпа.

- Идем в пасторат, - предложила Пайпер. Заметив, что Джеки все еще колеблется, Пайпер протянула к ней свою левую руку… очень осторожно. - Идем, посудачим вместе. Может, заодно сделаем по глоточку виски?

Этому Джеки поддалась.

3

31 ОГОНЬ ОЧИЩЕНИЯ ОГОНЬ ОЧИЩЕНИЯ

ЗВЕРЬ БУДЕТ ВВЕРГНУТ В ОЗЕРО ОГНЕННОЕ

(АП. 19:20)

«ГДЕ БУДЕТ МУЧИТЬСЯ ДЕНЬ И НОЧЬ ВО ВЕКИ ВЕКОВ»

(АП. 20:10)

СОЖЖЕМ ЗЛО

ОЧИСТИМ ПРАВЕДНОСТЬ

ОГОНЬ ОЧИЩЕНИЯ ОГОНЬ ОЧИЩЕНИЯ 31

31 ИИСУС ОГНЕННЫЙ ПРИХОДИТ 31

Трое мужчин, которые теснились в кабине дребезжащего грузовика «Общественные Работы», довольно удивленно смотрели на эту загадочную надпись. Она была нарисована черной

mir-knigi.org

краской по красному фону на здании, которое стояло позади студии РНГХ, буквами такими большими, что они покрывали почти всю поверхность.

Посредине сидел Роджер Кильян, фермер-птицевод и отец остроголовых потомков. Он обратился к Стюарту Бови, который сидел за рулем.

- Стюи, что это должно означать?

Но ответил ему Ферн Бови:

- Это означает, что чертов Фил Буши пришел в неистовство больше, чем по обыкновению, вот что это означает.

Открыв бардачок, он отодвинул в сторону пару засаленных перчаток и добыл оттуда револьвер 38 калибра. Проверил, заряжен ли тот, щелкнул цилиндром, возвращая его на место порывистым кивком запястья, и засунул револьвер себе за пояс.

- Ты знаешь, Ферни, - заметил Стюарт, - это очень хороший способ отстрелить себе детородные органы.

- Не переживай за меня, переживай за него, - ответил Ферн, качнув головой назад, на студию. Оттуда до них долетало негромкое звучание музыки госпел. - Он беспрерывно трется на собственном продукте уже почти год и теперь стал таким же надежным, как нитроглицерин.

- Филу теперь нравится, когда его называют Мастером, - сказал Роджер Кильян.

Сначала они подъехали к фасаду студии, и Стюарт посигналил в громкий клаксон - и не раз, а несколько. Фил Буши не вышел. Он мог быть там, прятаться; мог блудить где-то в лесу вне радиостанции; возможно даже, подумал Стюарт, он сейчас сидит здесь, в лаборатории. В параноидальном настроении. Опасный. Но, вопреки всему, револьвер здесь лишний. Он наклонился, выдернул его у Ферна из-за пояса и засунул под водительское сидение.

- Да ну! - воскликнул Ферн.

- Нельзя там стрелять, - напомнил Стюарт. - Так ты нас всех отправишь на Луну. - А потом к Роджеру: - Когда ты последний раз видел этого сухореброго мазефакера?

Роджер пожевал губами.

- Четыре недели назад, тогда, когда последняя партия ушла из города. Когда тот большой «Чинук»[306] прилетал. - Он произнес название вертолета как «Шин-Уук». Ромми Бэрпи его бы понял.

Стюарт прикинул. Выглядело не очень хорошо. Если Буши в лесу, то еще ничего. Если забился в какой-то уголок студии, приняв их в своей паранойе за федералов, тоже не большая проблема… если, конечно, не решит внезапно выскочить, стреляя во все стороны.

А вот если он сейчас прячется в помещении склада… тут могут возникнуть проблемы.

Стюарт обратился к брату:

- Там, в кузове, у нас лежат хорошие палки. Выбери себе одну. Если Фил вдруг нарисуется и начнет беситься, шарахнешь его.

- А если он будет с пистолетом? – вполне резонно спросил Роджер.

- Не будет, - возразил Стюарт. И хотя никакой уверенности у него не было, у него был приказ: срочно доставить два баллона пропана в больницу. «Остаток газа мы также должны перевезти оттуда как можно скорее, - сказал ему Большой Джим. - Мы по всей форме выходим из метамфетаминового бизнеса».

Это уже было облегчение; когда город лишится этого Купола, Стюарт был намерен выйти также и из похоронного бизнеса. Переехать куда-нибудь, где тепло, на Ямайку или на Барбадос. Он желал бы никогда больше не видеть новых мертвых тел. Но также он не желал быть тем, кто сообщит Мастеру Буши о том, что производство прекращается, об этом он сказал и Большому Джиму.

«Позволь мне самому позаботиться о нашем Мастере», - ответил ему Большой Джим.

Стюарт объехал на большом оранжевом грузовике здание и задом сдал к его пожарному выходу. Двигатель оставил на холостом ходу, чтобы потом сразу включить лебедку и подъемник.

- Только посмотрите, - удивился Роджер Кильян. Он вытаращился на запад, где тревожным красным пятном собиралось садиться солнце. Чтобы вскоре совсем перепачкаться, утонув в большой черной полосе, которая осталась после лесного пожара. - Правда же, какое-то чудовищное зрелище?

- Не лови ворон! - оборвал его Стюарт. - Я хочу быстро закончить и айда отсюда. Ферни, пойди, возьми палку. Да крепкую выбери.

Ферни перелез через подъемник и выбрал один из дрючков, длиной приблизительно с бейсбольную биту. Схватился за нее обеими руками и резко взмахнул для пробы.

- Годится, - сказал он.

- Баскин-Роббинс[307], - мечтательно произнес Роджер. Прикрывая ладонью глаза, он все еще щурился на запад. Прищуривание ему не очень шло, оно делало его похожим на косоглазого тролля.

Пока открывал пожарный выход - довольно сложный процесс, в котором были задействованы сенсорная панель и два замка, - Стюарт еще молчал, и тогда спросил:

- С чего это ты так прешься?

- Привкус тридцати одного вида, - произнес Роджер. Он улыбался, показывая гарнитуру своих гниловатых зубов, которых никогда не видел ни Джо Боксер, ни другой дантист.

Стюарт понятие не имел, о чем говорит Роджер, однако понял его брат.

- Что-то не очень-то похожа эта надпись на стене на рекламу мороженого, - сказал Ферн. - Разве, только о «Баскин-Роббинс» упоминается где-то в Апокалипсисе.

- Заткнитесь оба, - громыхнул на них Стюарт. - Ферни, приготовь свою дубинку для этого придурка. - Он толкнул двери и заглянул внутрь. - Фил?

- Называй его Мастером, - посоветовал Роджер. - Он любит, чтобы его называли, как того

нигера в «Южном Парке»[308].

- Мастер? - позвал Стюарт. - Ты здесь, Мастер? Ответа не было. Стюарт начал щупать в темноте, ожидая, что в любой момент кто-то схватит его за руку, и, наконец, налапал выключатель. Освещенное помещение тянулось приблизительно на две трети длины здания. Стены деревянные, щели между их не струганными досками залиты розовой монтажной пеной. Помещение почти полностью было заполнено газовыми баллонами и канистрами всех размеров и брендов. Он не представлял, сколько всего здесь этого добра, но на глаз прикинул, что где-то от четырех до шести сотен.

Стюарт медленно пошел вдоль центрального прохода, присматриваясь к маркировке на баллонах. Большой Джим приказал ему, какие точно он должен забрать, сказал, что они должны стоять где-то позади и, слава Богу, там они и нашлись. Он остановился возле пяти баллонов муниципального размера с надписью БОЛЬНИЦА КР на их боках. Они стояли между другими баллонами, сворованными с почтового отделения и теми, на боках которых было написано МИЛЛ - СРЕДНЯЯ ШКОЛА.

- Мы должны забрать парочку этих, - сказал он Роджеру. - Принеси цепь, мы их зацепим. Ферни, а ты пойди, посмотри, закрыты ли двери лаборатории. Если нет, закрой, - протянул он ему связку ключей.

Ферни прекрасно обошелся бы и без этой задачи, но он был послушным братом. Он отправился дальше по проходу между баллонами с пропаном. Баллоны заканчивались в десяти футах от дверей, а двери эти, увидел он с замиранием сердца, стояли полуоткрытыми. Позади себя он услышал лязг цепи, потом визжание лебедки и низкий грохот первого баллона, который потянулся к машине. Эти звуки показались ему очень далекими, особенно, когда он представил себе притаившегося по ту сторону дверей Мастера, красноглазого и совсем одуревшего. Да нет, обдолбанного, еще и с ТЭС-9[309] в руке.

- Мастер, ты здесь, дружище? - позвал он.

Ответа не было. И, хотя он не имел для этого причин - сам, вероятно, был немного ошалевшим, если сделал это, - любопытство пересилило в нем страх, и Ферн толкнул своей палкой двери, открыв их настежь.

В лаборатории сиял флуоресцентный свет, но вообще эта часть склада «Царства Христового» выглядела пустой. Около двадцати варочных аппаратов - больших электрических печек, каждая подключенная к отдельному вытяжному вентилятору и баллону с пропаном - стояли отключенными. Котлы, мензурки и дорогущие колбы аккуратно стояли на полках. Здесь плохо пахло (всегда так было, всегда и будет, подумал Ферн), но пол был заметен, и вообще не виделось никакого беспорядка. На одной стене висел календарь «Подержанных автомобилей Джима Ренни», все еще развернутый на августе. «Наверное, этот уебан именно тогда потеряла связь с реальностью, - решил Ферн. - Просто уплыл». Он сделал несколько шагов вглубь лаборатории. Благодаря ней все они стали богачами, но ему она никогда не нравилась. Тутошний запах слишком напоминал ему препараторскую в подвале их похоронного бизнеса.

Один уголок был отгорожен тяжелой стальной панелью. С дверцей посреди нее. Там, как было известно Ферну, хранился конечный продукт Мастера, достойный головокружительной длинной стеклянной трубки кристаллический метамфетамин, расфасованный не по галлоновым пакетикам, а в большие мешки для мусора «Гефти»[310]. Конечно, очень вставляющие кристаллы, и их много. Никакой торчок из тех, кто шляется по улицам Нью-Йорка или Лос-Анджелеса в поисках раскумарки, не способен был бы профинансировать такой

запас. Когда этот уголок был полным, там хранилось достаточно товара, чтобы обеспечить им все Соединенные Штаты на несколько месяцев, а может, и на целый год.

«Зачем Большой Джим позволил ему вырабатывать так много? – удивлялся Ферн. - А мы зачем в это полезли?» Он не находил ответов на эти вопросы, кроме самого очевидного: потому что имели возможность. На них умопомрачительно подействовал гений Фила Буши в комбинации с дешевыми китайскими ингредиентами. А еще, таким образом, финансировалась корпорация РНГХ, которая занималась Божьим делом по всему Восточному побережью. Если у кого-то возникали какие-то вопросы, Большой Джим всегда указывал на это. Цитируя при этом святое писание: «Достоин работник своей награды» (Лук. 10:7) и «Не вяжи рот волу, который пашет» (1 Тем. 5:18).

Что касается волов, Ферн так никогда и не смог понять смысла этой цитаты.

- Мастер? - продвинулся он еще немного глубже. - Дружище?

Ничего. Он посмотрел вверх, на длинные деревянные антресоли, которые шли по обеим сторонам здания. Там тоже кое-что хранилось, и содержимое этих картонных ящиков, вероятно, очень заинтересовало бы ФБР, вместе с Управлением контроля за лекарствами и питанием и Бюро контроля за табаком, алкоголем, огнестрельным оружием и взрывными веществами. Никто там не прятался, но Ферн заметил там кое-что новое: закрепленный большими скобами белый провод, который тянулся вдоль краев обеих антресолей. Какой-то электрический шнур? А к чему он ведет? Неужели этот упрямец установил дополнительные варочные аппараты? Однако Ферн ничего такого не заметил. Шнур был слишком толстым, чтобы питать какие-то обычные электроприборы, наподобие телевизора или ра…

- Ферн! - позвал Стюарт, заставив его вздрогнуть. - Если его там нет, иди сюда и помоги нам! Я хочу быстрее отсюда убраться! По телевизору говорили, что в выпуске новостей в шесть часов будет какое-то свежее сообщение, я хочу увидеть, что там они придумали!

«Они» - так все чаще в Честер Милле называли все и всех, кто находился в мире за пределами их города.

Ферн отправился назад, не взглянув поверх дверей, и, таким образом, он не увидел того, к чему вел белый шнур: большой кирпичины из белой глинистой массы, которая хранилась на отдельной полочке. Это была взрывчатка.

Изготовленная по собственной рецептуре Мастера.

4

Когда они уже ехали назад, Роджер произнес:

- Хэллоуин. Это тоже тридцать один.

- В тебе просто пропасть бесценной информации, - заметил Стюарт.

Роджер постучал по странной формы черепу.

- Все хранится вот тут. Я не запоминаю ничего умышленно. Просто привычка.

Стюарт подумал: «Ямайка. Или Барбадос. Конечно же, туда, где тепло. Сразу, как только

позволит Купол. Чтобы никогда в жизни не видеть больше никакого Кильяна. Или кого-нибудь другого из этого города».

- А еще в колоде тридцать одна карта, - произнес Роджер.

Ферн выпятился на него.

- Что ты такое к херам…

- Просто шучу. Просто с вами шучу, - ответил Роджер, взорвавшись трусливо визгливым хохотом, от которого у Стюарта голова заболела.

Они уже приближались к госпиталю. Стюарт увидел, что от больницы имени Катрин Рассел отъезжает серый «Форд Таурус».

- Гляньте-ка, это доктор Расти, - воскликнул Ферн. - Я уверен, он обрадуется, что получил назад свой газ. Посигналь ему, Стюи.

Стюарт посигналил.

5

Когда безбожники уехали, Мастер Буши наконец-то выпустил из рук пульт управления воротами гаража. Он наблюдал за братьями Бови и Роджером Кильяном из окна мужского туалета студии. Буши держал большой палец на кнопке все время, пока они находились на складе, рылись среди его вещей. Если бы они появились оттуда с продуктом, он нажал бы кнопку, и вся фабрика взлетела бы в воздух.

- Все в Твоих руках, мой Иисус, - пробурчал он. - Как мы приговаривали в детстве, «я не хочу, но должен».

И Иисус все уладил. Мастер ощутил, что все обойдется, что Он все уладит, когда услышал, как по команде спутниковой программы Джордж Доу и его «Хоспел-Тона» запели «О Боже, как хорошо ты проявляешь заботу обо мне», и это было верное ощущение, правдивый Знак Небес. Они приехали не за долгоиграющими трубочными кристаллами, они приехали всего лишь за двумя газовыми баллонами.

Он проводил их взглядом, а потом поплелся по тропинке между задними дверьми студии и складом-лабораторией. Теперь это было его здание, и все кристаллы принадлежали ему, по крайней мере, пока не придет Иисус, не завладеет всем этим.

Возможно, на Хэллоуин.

Возможно, раньше.

Много о чем надо подумать, а размышлять ему теперь стало намного легче, когда покуришь.

Намного-намного легче.

6

Джулия выпила маленький бокальчик виски, первый и последний, зато женщины-полицейские

хильнули лошадиные порции. Этого было недостаточно, чтобы они понапивались, но языки это им развязало.

- Факт в том, что я напугана, - сказала Джеки Веттингтон, смотря себе под ноги, крутя в руках фужер, но, когда Пайпер предложила ей налить еще виски, она покачала головой. - Никогда бы такого не случилось, если бы был жив Дюк. К этому я всегда возвращаюсь мысленно. Даже если бы у него были основания подозревать, что Барбара убил его жену, он все равно придерживался бы процессуальных правил. Таким уже он был. А позволить отцу жертвы спуститься в клетку, свести его с подозреваемым? Никогда! - Линда, согласно, кивала. – Мне страшно, что может случиться с этим парнем. А также…

- Если это могло случиться с Барби, это может случиться с кем-угодно? - спросила Джулия.

Джеки кивнула. Кусая себе губы. Вертя в руках фужер.

- Если с ним что-то случится, я не имею в виду обязательно что-то худшее, наподобие линчевания, просто какой-нибудь инцидент в камере… Я не уверена, что смогу после того носить эту форму.

У Линды отношение к этому было более простыми и прямолинейными. Ее муж верил в то, что Барби не виновен. В запале гнева (под влиянием того, что они нашли в амбаре Маккейнов) она отвергла его мнение - ведь жетоны Барби обнаружились в серой, закоченевшей руке Энджи. Но чем больше она об этом думала, тем сильнее ее охватывала тревога. Отчасти потому, что она всегда уважала и верила в здравый смысл Расти, но также и из-за тех слов, которые прокричал Барби прежде чем Рендольф заткнул его слезоточивым газом. «Скажите своему мужу, чтобы осмотрел трупы! Он должен провести экспертизу тел!»

- И еще одно, - сказала Джеки, не переставая крутить фужер. - Нельзя прыскать в глаза газом арестованному только за то, что он кричит. У нас по субботам, особенно после больших матчей, бывает, как в зоопарке во время кормления животных. Ты просто даешь им выкричаться. В конце концов, они утомляются и засыпают.

Тем временем Джулия наблюдала за Линдой. Когда Джеки замолчала, Джулия попросила:

- Повторите, пожалуйста, что именно сказал Барби.

- Он хотел, чтобы Расти исследовал трупы, особенно тело Бренды Перкинс. Он сказал, что их не будет в госпитале. Он знал это. Трупы лежат у Бови, а это неправильно.

- Черт меня побери, удивительно это как-то, если они действительно были убиты, - произнес Ромео. - Извините за бранное слово, госпожа преподобная.

Пайпер отмахнулась и спросила:

- Если он их убил, я не понимаю, зачем он настаивает, чтобы трупы исследовали? С другой стороны, если он не убивал, возможно, он думает, что вскрытие снимет с него обвинения?

- Бренда – самая свежая из жертв, это так? - спросила Джулия.

- Да, - кивнула Джеки. - Она уже окоченела, но еще не полностью. Мне так, по крайней мере, показалось.

- Нет, нет, - добавила Линда. - А поскольку трупное окоченение начинается где-то часа через

три после смерти, плюс-минус, то значит, Бренда могла умереть между четырьмя и восьмью часами утра. Я бы сказала, ближе к восьми, но я не врач. - Вздохнув, она провела ладонью себе по голове. - Да и Расти, конечно, тоже, но он определил бы время смерти намного точнее, если бы его вызвали. Никто этого не сделал. И я в том числе. Я там была такая ошеломленная… так много всего навалилось…

Джеки отставила подальше фужер.

- Слушайте, Джулия, вы же были с Барби сегодня утром в супермаркете, так?

- Да.

- Почти сразу после девяти, когда началась эта передряга?

- Да.

- Кто из вас был там первым, вы или он? Потому что я не знаю.

Джулия не могла припомнить, но ей казалось, что первой прибыла туда она, что Барби появился позже, вскоре после Рози Твичел и Энсона Вилера.

- Мы успокаивали людей, и именно он нам объяснил, как это сделать. Наверно, таким образом, мы не одного человека спасли от серьезных травм. Я не могу соединить это с тем, что вы нашли в той кладовке. У вас есть какое-то представление, в каком порядке происходили смерти? Кроме того, что последней была Бренда?

- Первыми были Энджи и Доди, - сказала Джеки. - У Коггинса разложение не зашло еще так далеко, значит, он был убит позже.

- А кто их нашел?

- Джуниор Ренни. У него возникли подозрения, потому что он увидел машину Энджи в гараже. Но это неважно. Здесь самое важное - сам Барбара. Вы уверены, что он прибыл после Рози и Энсона, потому что это уже выглядит некрасиво?

- Уверена, потому что он не приехал в фургоне с Рози. Оттуда вышли только те двое. Итак, если мы предположим, что он не был в это время поглощен заботами об убийстве, где он тогда мог…
- Но это же очевидно! - Пайпер, я могу воспользоваться вашим телефоном?

- Конечно.

Джулия быстро просмотрела тонюсенький местный телефонный справочник, а потом по мобильному Пайпер набрала номер ресторана. Рози отозвалась грубо:

- Мы закрыты на неопределенное время. Стая ублюдков арестовала моего повара.

- Рози? Это Джулия Шамвей.

- Ох, Джулия, - агрессивный тон Рози стал чуть-чуть помягче. - Чего вам надо?

- Я стараюсь вычислить возможный график для алиби Барби. Вы заинтересованы в том, чтобы мне помочь?

- Да чтоб вы всрались. Сама мысль о том, что Барби мог убить тех людей, смехотворна. Что вам

mir-knigi.org

нужно выяснить?

- Я хочу знать, находился ли он в ресторане, когда началась передряга в «Фуд-Сити»?

- Конечно, - в голосе Рози слышалось волнение. - Где же он еще мог быть сразу после завтрака? Когда мы с Энсоном оттуда уходили, он чистил печку.

7

Садилось солнце, и тени становились длинней, и все сильнее и сильнее беспокоилась Клэр Макклечи. Наконец она пошла на кухню, чтобы сделать то, что все время откладывала: воспользоваться мобильным телефоном своего мужа (который он забыл взять с собой утром в субботу; он его частенько забывал). Она с ужасом думала, что телефон может прозвонить четыре раза, и тогда она услышит собственный голос, свое жизнерадостное чириканье, записанное еще до того, как город, в котором она жила, превратился в тюрьму с невидимой решеткой. «Привет, вы переадресованы на голосовую почту Клэр. Прошу, оставьте ваше сообщение после гудка».

И что ей тогда говорить? «Джой, перезвони мне, если ты еще жив?»

Она уже почти коснулась клавиш, но заколебалась. «Помни, если он не ответит с первого раза, это потому, что он как раз едет на велосипеде и не успел достать телефон из рюкзака, прежде чем связь переключится на голосовую почту. Он будет готов ответить на твой второй звонок, потому что будет знать, что это ты».

А если и во второй раз она получит предложение голосовой почты? И в третий? Зачем она вообще позволила ему туда ехать? Разве она сошла с ума?

Клэр закрыла глаза, и перед ней появилась четкая, словно в кошмарном сне, картинка: телефонные столбы и фасады магазинов на Мэйн-стрит заклеены плакатиками с фото Джо, Бэнни и Норри, похожими на кого-то из тех детей, лицо которых смотрят на вас с доски объявлений в зоне отдыха при любой автомагистрали, где в глаза всегда бросаются прописные буквы В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛИ.

Она раскрыла глаза и, не давая себе времени на потерю решительности, быстро набрала номер. Уже приготовила сообщение:

«Я перезвоню через десять секунд, и тогда вам лучше ответить мне, мистер…» и очень удивилась, когда голос сына - ясно, четко - прозвучал уже после первого гудка.

- Мама! Эй, мама! - живой, да куда там, более чем живой: аж кипит от возбуждения, судя по голосу.

«Где вы?» - хотела было она спросить, однако сначала не была в состоянии произнести ни одного слова. Ноги у нее стали ватными, резиновыми; ей пришлось опереться об стену, чтобы не упасть прямо тут на полу.

- Мама? Ты слышишь меня?

Она услышала в телефоне, словно там где-то рядом прошелестела машина, и сразу голос Бэнни, издалека, но ясно, закричал:

- Доктор Расти! Чувак, эй, ура!

Наконец у ней получилось нащупать педаль газа своего голоса.

- Да, слышу. Где вы?

- Уже на городском холме, возле площади. Я тебе как раз собирался звонить, потому что уже темнеет, сказать, чтобы не волновалась, а тут телефон вдруг сам зазвонил у меня в руке. Я даже подскочил от неожиданности.

Ну, вы же понимаете, этими словами была всунута палка в вечное колесо родительской укоризны.

«Возле площади. Минут через десять они уже будут здесь. Бэнни наверное вновь захочет проглотить фунта три какой-нибудь пищи. Слава Тебе, Господи».

К Джо обратилась Норри. Слышалось что-то типа: «Скажи ей, скажи ей». И тогда вновь заговорил ее сын, и так громко и резко, что ей пришлось даже отодвинуть телефонную трубку немного подальше от уха.

- Мама, кажется, мы его нашли! Я почти полностью в этом уверен! Он в саду, на вершине Черной Гряды!

- Что нашли, Джой?

- Я не знаю точно, не хочу делать поспешных выводов, но, похоже, это та вещь, которая генерирует Купол. Почти наверняка это она. Мы видели проблесковый маяк, как те, что стоят на радиобашнях для предупреждения самолетов, только этот был на земле, и не красный, а пурпурный. Ближе, чтобы лучше рассмотреть, мы не подходили. Мы упали в обморок, все трое. А когда очухались, были в полном порядке, но уже начало смерка…

- Упали в обморок!? - Клэр это буквально прокричала. - Что ты имеешь в виду, как это вы упали в обморок? Немедленно домой! Немедленно езжай домой, чтобы я на тебя посмотрела!

- Все обстоит благополучно, мама, - успокоительно произнес Джо. - Я думаю, это было… ну, знаешь, как вот у людей, которые впервые дотрагиваются до Купола и получают электрический удар, а потом уже ничего. Понимаешь? Так и здесь, в первый раз ты теряешь сознание, а потом приобретаешь, ну, вероятно, какой-то иммунитет, так мне кажется. Становишься настроенным. И Норри так считает.

- Меня не интересует, что тебе кажется или что она считает, мистер! Ты немедленно должен быть дома, чтобы я могла тебя увидеть, потому что иначе порцию иммунитета получит твой зад!

- Хорошо, ма, но нам еще надо увидеться с этим чуваком, с Барбарой. Это же именно он придумал использовать счетчик Гейгера и, просто ховайся, как он это угадал. И доктору Расти нам надо рассказать. Он только что проехал мимо нас, Бэнни ему махал, но он не остановился. Мы пригласим его и мистера Барбару прийти к нам домой, хорошо? Должны прикинуть наши следующие шаги.

- Джо… Мистер Барбара сейчас…

Клэр заткнулась. А хватит ли ей духу сказать своему сыну о том, что мистеру Барбаре,

которого много людей в городе уже начали называть «полковник Барбара», предъявлено обвинение в нескольких убийствах и арестовано?

- Что, - переспросил Джо. - Что с ним? - из радостно-триумфального его голос сменился на тревожный.

Она подумала, что сын улавливает ее настроение не хуже, чем она его. И ясно, что он возлагал большие надежды на Барбару, и Бэнни с Норри, наверняка, тоже. Это не та новость, которую она смогла бы от них спрятать (как бы ей этого не хотелось), но и по телефону рассказывать она об этом не будет.

- Двигай домой, - произнесла Клэр. - Здесь уже обо всем поговорим. И еще, Джо, я ужасно тобой горжусь.

8

Джимми Серойс умер в этот день под вечер, в то время, как Пугало Джо с друзьями мчались назад к городу на своих велосипедах.

Расти сидел в коридоре и обнимал одной рукой Джину Буффалино, позволив ей поплакать у себя на груди. Еще недавно он чувствовал бы себя крайне неловко, если бы ему пришлось так сидеть с девушкой, которой неизвестно исполнилось ли семнадцать, но теперь времена изменились. Достаточно было взглянуть на этот коридор, который, вместо флуоресцентных панелей с потолка, теперь освещали шипящие фонари Коулмена[311], чтобы понять, что времена изменились. Его больница превратилась в галерею теней.

- Тут нет твоей вины, - приговаривал он. - Ни твоей, ни моей, и даже его вины нет. Он не просил себе диабета.

Хотя, видит Бог, есть люди, которые сосуществуют с этой болезнью продолжительное время. Люди, которые проявляют заботу о себе. Джимми, который жил нелюдимом вдали от города, возле дороги Божий Ручей, не принадлежал к их числу. Когда, наконец-то, привез сам себя на машине в амбулаторию - в прошлый четверг это было, - он не мог даже своими силами выбраться из машины, просто сигналил, пока Джинни не вышла посмотреть, кто там и что случилось. Стянув со старика штаны, Расти, осмотрел его хлипкую правую ногу, она была холодной, синюшного цвета. Даже если бы Джимми со временем пошел на поправку, сосуды у него, вероятно, были уже поражены неоратимо.

- Доктор, мне там совсем не больно, - заверил его Джимми прежде чем впасть в кому. После того он то приходил в сознание, то вновь терял сознание, а нога выглядела все хуже, Расти откладывал ампутацию, хотя и понимал, что если у Джимми и есть какие-то шансы, то без нее не обойтись.

Когда выключилось электричество, капельницы продолжали подавать антибиотики Джимми и еще двум пациентам, но остановились флоуметры, из-за чего стало невозможным точно регулировать количество вливаемого раствора. Что хуже, у Джимми перестали работать кардиомонитор и аппарат искусственного дыхания. Расти отсоединил респиратор, пристроил к лицу старика маску мешка Амбу и быстро ввел Джину в курс того, как работать с этим ручным прибором искусственной вентиляции легких. Она хорошо поупражнялась, очень пунктуально, но около шести вечера Джимми все равно умер.

Теперь она сидела безутешная.

mir-knigi.org

Подняв от его груди свое испачканное слезами лицо, она спросила у Расти:

- Может, я слишком много подавала ему воздуха? Или мало? Может, это я его так задушила, убила его?

- Нет. Джимми, вероятно, все равно умер бы, а таким образом он избежал очень тяжелой ампутации.

- Мне кажется, я больше не смогу ничего делать, - начала она вновь рыдать. - Это так страшно. Теперь это ужасно.

Расти не знал, что на это ответить, но ему и не пришлось.

- Все будет хорошо с тобой, - прозвучал скрипучий, сдавленный голос. - Ты будешь работать, милая моя. Потому что ты нам нужна.

Это была Джинни Томлинсон, она медленно шла к ним по коридору.

- Не следовало бы тебе подниматься, - сказал Расти.

- Возможно, что и так, - согласилась Джинни и, облегченно вздохнув, села по другой бок Джины. С перевязанным носом и полосками пластыря под глазами она была сейчас похожа на хоккейного голкипера после тяжелой игры. - Но я все равно вышла на дежурство, и так этому и быть.

- Может, лучше завтра... - начал Расти.

- Нет, сейчас, - она взяла Джину за руку. - И ты тоже, дорогуша. Вспоминаю, как в медицинской школе говорила нам старшая сестра, крутая такая: «Свободны вы только после того, как родео закончилось, когда уже сохнет кровь».

- А если я буду делать ошибки? - прошептала Джина.

- Все их делают. Хитрость в том, чтобы делать их по возможности меньше. И я буду тебе помогать. Тебе и Гарриэт. Ну, что скажешь?

Джина с сомнением посмотрела на распухшее лицо Джинни, ранения которой немалой мерой были обусловлены старыми очками, которые Джинни где-то когда-то нашла.

- А вы уверены, что уже сможете работать, мисс Томлинсон?

- Ты будешь помогать мне, я - тебе. Джинни и Джина, боевые женщины, - подняла она кулак. Сподобившись на кривенькую улыбку, Джина стукнула своими костяшками о костяшки кулака Джинни.

- Все это очень круто, по-студенческому легкомысленно звучит, но мы же здесь не дерьмо по трубам гоняем, - сказал Расти. - Поэтому, если только начнешь ощущать приближение слабости, найдешь себе кровать, ляжешь и отлежишься. Это официальный приказ доктора Расти.

Джинни скривилась в невольной улыбке, от которой взялись морщинками крылышки ее носа.

- Зачем кровать? Есть старый диванчик Рона Гаскелла в комнате отдыха.

У Расти зазвонил мобильный. Он махнул женщинам, чтобы шли. Они отправились прочь, о чем-то говоря. Джина обнимала Джинни за талию.

- Алло, Эрик слушает.

- Это жена Эрика, - прозвучал подавленный голос. - Она звонит по телефону, чтобы попросить у Эрика прощения.

Расти зашел в пустой осмотровый кабинет и прикрыл двери.

- Не надо извинений, - произнес он… хотя сам не был уверен, что это так. - Горячка, все такое. Его уже отпустили? - Он считал этот вопрос вполне уместным, учитывая то, насколько он уже успел узнать Барби.

- Я бы не хотела обсуждать это по телефону. Ты можешь приехать домой, дорогой? Пожалуйста. Нам надо поболтать.

Расти подумал, что именно сейчас он сможет. Он имел одного действительно критического пациента, который значительно упростил ему профессиональную жизнь тем, что умер. Однако, ощущая облегчение от того, что его отношения с любимой женщиной вдруг улучшились настолько, что они вновь могут говорить друг с другом, ему в то же время не нравилась эта новоприобретенная осторожность, которую он расслышал в ее голосе.

- Могу, - сказал он. - Но ненадолго. Джинни вновь на ногах, но если я за ней не буду присматривать, она доработается до коллапса. Поужинаем?

- Да, - произнесла она с явным облегчением, и Расти ощутил радость. - Я разморожу куриный суп. Нам надо съесть как можно больше замороженных продуктов, пока есть электричество для холодильника.

- Один вопрос. Ты все еще считаешь, что Барби виновен? Неважно, как считают другие. Как ты сама считаешь?

Длинная пауза. Наконец она заговорила:

- Мы поболтаем, когда ты приедешь домой, - и на этом отключилась.

Расти стоял, опершись ягодицами на смотровой стол. Какое-то мгновение он держал телефон в руке, потом нажал кнопку END. Во многом он не был сейчас уверен - чувствовал себя человеком, который плавает в море вероятностей, - но относительно одного уверенность он имел: его жена думала, что кто-то их может подслушать. Но кто? Армия? Служба национальной безопасности?

Большой Джим Ренни?

- Это просто умора, - произнес Расти в пустую комнату. И тогда пошел искать Твича, чтобы предупредить его, что ненадолго отлучится с госпиталя.

9

Твич согласился присматривать за Джинни, чтобы она не доработалась до переутомления, но попросил о взаимной услуге. Перед тем как уйти, Расти должен был осмотреть Генриетту Клевард, которая также пострадала во время рукопашного боя в супермаркете.

- А что у нее? - спросил Расти, опасаясь худшего. Генриетта была сильной и подтянутой, как для пожилой леди, но восемьдесят четыре есть восемьдесят четыре.

- Она говорит, я цитирую: «Одна из тех беспутных сестер Мерсиер сломала мне на хер сраку». Она думает, это была Карла Мерсиер. Которая теперь носит фамилию Венциано.

- Правильно, - сказал Расти, и тогда пробурчал, словно ни к чему: - Это маленький город, тебе нужно понимать, мы одна команда… Что там?

- Что, сенсэй?

- Сломано?

- Я не знаю. Мне она не показывает. Говорит, я вновь цитирую: «Я свои репетузы покажу только профессионалу».

Оба взорвались смехом, давясь, чтобы не делать это громко. Из-за закрытых дверей послышался надтреснутый, скорбный голос старой леди:

- У меня сломана срака, а не уши. Я все слышала.

Расти с Твичем захохотали во все горло. Твич раскраснелся. Генриетта из-за дверей произнесла:

- Если бы это у вас сраки были сломаны, мои юные друзья, посмотрела бы я, было ли бы вам так же весело.

Расти вошел с улыбкой на губах.

- Извините, миссис Клевард.

Она не сидела, она стояла и, к большому его облегчению, сама улыбнулась.

- Не, - сказала она. - Что-то в этой катавасии должно быть забавное. Пусть сейчас это я. - Она подумала. - Кроме того, я там воровала вместе со всеми. И, наверное, заслужила это.

10

Срака у Генриетты оказалась сильно ушибленной, но не сломанной. И очень хорошо, потому что перелом копчика - не тот случай, с которого следует хохотать. Расти дал ей обезболивающий крем, убедился, что дома у нее есть адвил[312], и отпустил, хромающую, но удовлетворенную. По крайней мере, настолько удовлетворенную, насколько на это способна леди ее возраста и темперамента.

Вторая попытка бегства, где-то через четверть часа после звонка Линды, не получилась, когда уже выйдя за двери, он направлялся на стоянку, его остановила Гарриэт Бигелоу.

- Джинни говорит, вам следует знать, что Сэмми Буши исчезла.

- Куда исчезла? – переспросил Расти, согласно ученическому канону, который полагает, что единственным глупым вопросом является только тот, который ты не задал.

- Никто не знает. Просто исчезла.

- Может, пошла в «Шиповник» посмотреть, не подают ли там ужин. Я надеюсь, что это так, потому что, если она попробует дойти пешком до своего дома, у нее могут разойтись швы.

На лице Гарриэт отразилась тревога.

- Это она… это значит, что она может насмерть истечь кровью? Истечь насмерть кровью после вашей операции на ву-ву… это было бы ужасно.

Расти слышал много разных терминов для определения вагины, но этот был для него новым.

- Едва ли, но может возвратиться вновь к нам на более длинное время. А ее ребенок?

Гарриэт удивленно посмотрела на него. Ревностное создание, которое, нервничая, имело привычку беспомощно хлопать глазами за толстыми стеклышками очков; девушка того типа, подумал Расти, которая может довести себя до умственного истощения через пятнадцать лет после того, как с отличием закончит Смит или Вассар[313].

- Ребенок! Обожемой! Малыш Уолтер! - Если бы и хотел, Расти не успел бы ее остановить, она молнией бросилась по коридору и с облегченным выражением вернулась назад. - Здесь. Он не очень весел, но, похоже, для него это нормально.

- Итак, она наверняка вернется. Какие там не есть у нее проблемы, а ребенка своего она любит. На свой, недалекий манер.

- А? - вновь это самое безумное моргание глазами.

- Не обращай внимания, Гарри. Я скоро вернусь. Крепись.

- То есть? - Теперь ее веки мигали так, что, казалось, вот-вот высекут огонь.

Хорошо, что Расти не сказал по-госпитальному: «Держи член пистолетом». В терминологии Гарриэт пенис, наверное, назывался вау-вау.

- Работай нормально. Гарриэт расслабилась:

- Обязательно, доктор Расти, без проблем.

Расти развернулся, чтобы уйти, но теперь перед ним стоял мужчина - худой, довольно приятный на вид, если не учитывать его крючковатый нос. Он немного напоминал покойного Тимоти Лири[314]. Расти уже стало интересно, получится ли вообще у него когда-нибудь отсюда выбраться.

- Чем я могу вам помочь?

- Вообще-то я думал, что, возможно, это я смогу вам чем-нибудь помочь, - он протянул ему свою костлявую руку. - Терстон Маршалл. Мы с моей партнершей проводили уик-энд на озере Честер и задержались здесь из-за этого неизвестно чего.

- Сочувствую, - кивнул Расти.

- Дело в том, что у меня есть медицинский опыт. Во время вьетнамской эпопеи я был сознательным противником службы в армии. Думал убежать в Канаду, но имел кое-какие планы… впрочем, это неважно. Я записался на контракт и два года прослужил санитаром в госпитале для ветеранов в Массачусетсе.

Это уже звучало интересно.

- Мемориальный имени Эдит Норс Роджерс[315]?

- Тот самый. Мои знания и практические навыки, вероятно, немного устарели, однако…

- Мистер Маршалл, у меня есть для вас работа.

11

Только Расти выехал на шоссе 119, как услышал автомобильный гудок. Он взглянул в зеркальце и увидел на повороте к госпиталю городской грузовик с надписью «Общественные Работы». Нелегко было точно рассмотреть в свете садящегося солнца, но ему показалось, что за рулем машины сидит Стюарт Бови. Присмотревшись внимательнее, Расти увидел такое, от чего у него душа обрадовалась: в кузове находились два газовых баллона. Откуда их привезли, он будет выяснять позднее, возможно, даже поставит несколько вопросов, но сейчас ему стало значительно легче на сердце, потому, что к ним, теперь вернется свет, вновь начнут работать аппараты искусственного дыхания и мониторы. Вероятно, газа надолго не хватит, но сейчас он находился в состоянии «перебиться-день-и-уже-хорошо».

На вершине городского холма он увидел своего знакомого пациента-скейтбордиста Бэнни Дрэйка с парочкой друзей. Один из них был тот мальчик Макклечи, который обеспечил прямую видеотрансляцию ракетного обстрела. Бэнни махал руками и что-то кричал, очевидно, желая, чтобы Расти остановился поговорить. Расти помахал ему в ответ, но не притормозил. Ему не терпелось увидеться с Линдой. Заодно и послушать, что она скажет, конечно, но главное - увидеть ее, обнять ее, окончательно помириться с ней.

12

Барби хотелось отлить, но он терпел. Имел опыт проведения допросов в Ираке и знал, как это делалось там. Неизвестно, дошла ли и сюда тамошняя практика, но это вполне возможно. Такие вещи распространяются очень быстро, а Большой Джим проявлял жестокую способность не отставать от времени. Как и большинство талантливых демагогов, он никогда не преуменьшал готовности своей целевой аудитории поверить в самое абсурдное.

Барби также мучила жажда, и он не очень удивился, когда перед ним вновь появился офицер со стаканом воды в одной руке и листом бумаги с прикрепленной к нему ручкой во второй. Итак, так это и происходит; именно так делается в Фаллудже, Таркете, Мосуле, Хилле и Багдаде. А теперь, значит, и в Честер Милле.

Этим офицером был Джуниор Ренни.

- Ну что, взгляни на себя, - начал он. - Похоже, ты сейчас уже не тот хуй, который был способен кого-нибудь побить с помощью своих армейских трюков. - Он поднял руку, в которой держал лист, и потер себе левый висок. Бумага явным образом дрожала.

- Ты и сам не очень хорошо выглядишь.

Джуниор резко опустил руку.

- Я чувствую себя преотлично, как рыба на дне.

«Что-то здесь не так, - подумал Барби. - Люди по обыкновению говорят «как рыба в воде», а в других случаях кое-кто говорит «как камень на дне». Возможно, это ничего не значит, однако…»

- Ты уверен? Глаза у тебя совсем красные.

- Я чувствую себя офигительно классно. И пришел я сюда не для того, чтобы обсуждать это.

Барби, зная, для чего сюда пришел Джуниор, спросил:

- Это вода?

Джуниор, словно только сейчас вспомнив о стакане в своей руке, взглянул на нее.

- Эй, шеф сказал, что ты, вероятно, хочешь пить. Как говорят, так пить хочется, что едва не уссыкаешься, - заржал он с такой радостью, словно сам только что придумал этот парадокс. - Хочешь?

- Да, пожалуйста.

Джуниор протянул ему стакан. Барби хотел было его взять. Но Джуниор отвел свою руку назад. Ну конечно, все, как запланировано.

- Почему ты их убил? Мне интересно, Бааарби. Разве только Энджи больше не хотела с тобой трахаться? И тогда ты попробовал Доди, но оказалось, что ей более по душе жрать крэк, чем глотать твой хер? А Коггинс случайно увидел что-то, чего ему не следовало бы видеть? А Бренда начала подозревать. А что? Она и сама давно превратилась в копа, ясная вещь. Через впрыскивание!

Джуниор зашелся визгливым смехом, но под его весельем пряталась черная внимательность. И боль. В отношении последнего у Барби не было сомнений.

- Что? Нечего сказать?

- Я уже сказал. Я испытываю жажду. Я хочу пить.

- Ой-ой, да, конечно же, так. Газок в глаза - проклятая штука, не так ли? Понимаю, ты моментально увидел свой Ирак. Как там?

- Жарко.

Джуниор вновь залился смехом. Немного воды со стакана выплеснулось ему на запястье. Похоже, у него чуточку дрожат руки?

И горящий левый глаз понемногу слезится. Мысленно: «Джуниор, что с тобой не в порядке, черт тебя побери? Мигрень, или что-то похуже?»

- Ты кого-нибудь убивал?

- Только своим кашеварством.

Джуниор улыбнулся, словно говоря: «Вот молодец, вот брехло».

- Поваром ты там не был, Бааарби. Ты был офицером по особым поручениям. Так, по крайней

мере, написано в твоей служебной аттестации. Мой отец прогуглил тебя в интернете. Хоть там и немного, но кое-что есть. Он думает, что ты там был дознавателем. Возможно, проводил тайные операции. Ты был чем-то наподобие армейского Джейсона Борна[316]?

Барби молчал.

- Ну, расскажи, ты кого-нибудь убил? Или мне лучше спросить, скольких ты убил? Я имею в виду, кроме тех, которых ты захреначил здесь.

Барби молчал.

- Чувак, а вода такая хорошая. Прямо с холодильника наверху. Чилли Вилли[317]!

Барби молчал.

- Вы так оттуда и возвращаетесь, с кучей разных проблем. Такое впечатление я вынес из того, что видел по телевизору. Правда это или ложь? Истина или сказки?

«Это не мигрень принуждает его к такому поведению. По крайней мере, я с такой мигренью никогда не сталкивался».

- Джуниор, а голова у тебя очень болит?

- Совсем не болит.

- Давно у тебя боли в голове?

Джуниор осторожно поставил стакан на пол. В этот вечер он был вооружен. Он извлек пистолет и нацелился им через решетку на Барби. Дуло слегка дрожало.

- Ты все еще желаешь продолжать играться во врача?

Барби смотрел на пистолет. Пистолета в сценарии не было, в этом он не сомневался - Большой Джим имел на него планы, скорее всего, неприятные, но в них не входила сцена, в которой Дейла Барбару могут застрелить в подвале полицейского участка, притом, что кто-то мигом прибежит сюда сверху на выстрел и увидит, что двери камеры заперты, а жертва безоружная. Однако ему не верилось, что Джуниор будет руководствоваться планом, потому что Джуниор болен.

- Нет, - ответил он. - Я не врач. Искренне извиняюсь.

- Конечно, извиняешься. Одним извинениям не откупишься, казарма. - А впрочем, похоже было, что Джуниор удовлетворен. Он засунул пистолет в кобуру и поднял с пола стакан с водой. - У меня есть своя теория: ты насмотрелся там всякого, сам делал всякое такое, а потом прибитый впечатлениями вернулся сюда. Посттравматическое стрессовое расстройство, неурядицы с сексуальным напряжением, зуд пениса. Моя теория говорит, что ты просто сорвался. Я прав?

Барби молчал.

А впрочем, похоже было, что Джуниора это вообще не касается. Он продвинул стакан через решетку.

- Бери, бери.

Барби потянулся за ним, ожидая, что его вновь обманут, но нет. Попробовал. Ни холодное, ни стоящее питья.

- Пей, пей, - ободрил его Джуниор. - Я натрусил туда только полстакана, для тебя это ничто, разве нет? Хлеб же ты себе солишь, не так ли?

Барби на него только взглянул.

- Ты солишь себе хлеб? Солишь его себе, ты, уёбок? А?

Барби протянул стакан назад сквозь решетку.

- Оставь, оставь себе, - великодушно велел Джуниор. - И это возьми тоже. Он протолкнул через решетку лист и авторучку. Барби взял и пробежал глазами бумагу. Это было как раз то, что он ожидал. Внизу отмечено место, где он должен поставить свою подпись. Он протянул бумагу назад. Джуниор пошел на попятную едва не танцевальными па, улыбаясь, качая головой.

- Оставь и это себе. Отец мне говорил, что сразу ты не подпишешь, но ты хорошенько подумай. Подумай о том, как получить стакан воды без соли. И пищу. Вообрази себе большой чизбургер. Можешь еще и колу получить. В холодильнике наверху стоит холодненькая. Хочется тебе бутылочку?

Барби молчал.

- Ты солишь себе хлеб? Давай, говори, не стыдись. Солишь, нет? Ты, срака с ручкой!

Барби молчал.

- Ты подпишешь. Когда проголодаешься достаточно, и пить серьезно захочется, ты подпишешь. Так мой отец сказал, а он по обыкновению не ошибается относительно таких вещей. Бай-Бай, Бааарби.

Он уже было отправился по коридору, но вновь обернулся.

- Не следовало тебе трогать меня даже пальцем, пойми. Это была твоя главная ошибка.

Когда Джуниор поднимался по ступенькам, Барби заметил, что тот вроде бы немного прихрамывает, скорее, подтягивает ногу. Именно так, волочит левую ступню, хватаясь правой рукой за перила для равновесия. Интересно, подумал он, как оценил бы Расти эти симптомы? А еще подумал, будет ли у него когда-нибудь возможность об этом спросить.

Барби внимательно прочитал признание без подписи. Он радушно порвал бы эту бумагу на мелкие кусочки и выбросил их в коридор. Но это была бы лишняя провокация. Он попал кошке в когти, и лучше всего, что он может сейчас делать, это не делать никаких движений. Лист он положил на топчан, и ручку поверх него. Потом взял стакан с водой. Соль. Отравлено солью. Он слышал ее запах. И ему подумалось, что это похоже на то, чем стал Честер Милл теперь… но разве город не был таким и раньше? Еще до Купола? Разве Большой Джим с его друзьями довольно длительное время не засаливали здешнюю почву? Барби ответил себе: да. И еще подумал, если он выберется из этого полицейского участка живым, то только благодаря какому-нибудь чуду.

Однако в этом деле они были любителями; они забыли о туалете. Вероятно, никто из них не бывал в такой стране, где даже застоявшаяся лужа кажется подарком, когда на тебе девяносто

mir-knigi.org

фунтов экипировки, а температура воздуха сорок шесть градусов по Цельсию. Барби вылил соленую воду в уголок камеры. Потом помочился в стакан и спрятал его под топчан. И тогда, словно какой-то священник, он упал на колени перед унитазом и пил, пил, пока не почувствовал, как у него раздулся желудок.

13

Линда сидела на переднем крыльце, когда подъехал Расти. На заднем дворе Джеки Веттингтон качала качели, на которых сидели маленькие Джей-Джей, прося ее толкать еще сильнее, посылать их еще выше.

Линда пошла ему навстречу, расставив руки. Поцеловала его в губы, отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза, потом вновь, держа ладонями его за щеки, припала раскрытым губами к его устам. Он ощутил короткое влажное прикосновенье ее языка, и в тот же миг у него началась эрекция. Она тоже это ощутила и еще крепче прижалась к нему.

- Эй, - произнес он. - Нам чаще надо ругаться на публике. А если ты не отстранишься, мы сейчас сделаем прилюдно и кое-что другое.

- Мы сделаем это, но не на публике. И сначала… должна ли я еще раз извиниться, сказать, как мне жаль?

- Нет.

Она взяла его за руку и повела к крыльцу.

- Хорошо. Потому что нам надо кое о чем поговорить. О серьезных вещах.

Он положил свою свободную руку поверх ее ладони.

- Я слушаю.

Она рассказала ему о том, что произошло в участке: как выгнали Джулию, тогда как Энди Сендерсу было разрешено спустись вниз, увидеться с арестантом. Рассказала, как она и Джеки пошли с Джулией в церковь, чтобы поболтать там с ней частным образом, и о дальнейшем разговоре в пасторате с Пайпер Либби и с Ромми Бэрпи вдобавок. Когда она рассказала ему о том, что у Бренды Перкинс трупное окоченение было на начальной стадии, Расти навострил уши.

- Джеки, - сказал он. - Насколько ты уверена в том, что касается окоченения?

- Полностью, - откликнулась она.

- Привет, папуля! - позвала его Джуди. - Мы с Дженни хотим на качелях сделать солнце!

- Нет, нельзя, - сказал ответ Расти и послал девочкам воздушные поцелуи с обоих ладоней. Обе дочурки их поймали; когда речь шла о воздушных поцелуях, девочки были ассами.

- В котором часу ты увидела тела, Лин?

- Думаю, около десяти тридцати. Катавасия в супермаркете давно к тому времени завершилась.

- Итак, если Джеки права и окоченение только начиналось… хотя мы не можем уверенно этого

сказать, разве не так?

- Да, но послушай-ка. Я говорила с Рози Твичел. Барбара пришел в «Розу-Шиповник» без десяти минут шесть! С того момента и до того, как были найдены тела, у него алиби. Итак, когда он мог ее убить? В пять часов? В пять тридцать? Разве это вероятно, если окоченение началось только через пять часов?

- Едва ли, но не исключено. На трупное окоченение влияют разные факторы. Температура места, где лежит тело, прежде всего. В той кладовке было жарко?

- Тепло, - уточнила она и, скрестив руки на груди, положила ладони себе на плечо. - Там было тепло и очень пахло.

- Понимаешь, что я имею в виду? В таком случае он мог убить ее где-то в четыре часа утра, а потом доставить ее туда и запаковать в…

- Я думала, ты на его стороне.

- Так и есть, но это едва ли, потому что в четыре часа утра в кладовке намного прохладнее. А вообще, каким образом он мог оказаться возле Бренды в четыре часа утра? Что говорят копы? Он что чпокал ее? Даже если пожилые женщины - намного старше - это его тема… то, как могла она, через три дня после гибели своего мужа, с которым прожила тридцать с гаком лет?

- Они говорят, что там было не по согласию, - произнесла она мрачно. - Они говорят, это изнасилование. Тоже самое они говорят и о тех двух девушках.

- А Коггинс?

- Если Барби шьют дело, что-то выдумают.

- А Джулия хочет об этом у себя напечатать?

- Она хочет написать статью и поднять в ней кое-какие вопросы, но о том, что окоченение было на ранней стадии, она не будет упоминать. Рендольф, тот, возможно, достаточно туп, чтобы вычислить, откуда ей досталась эта информация, однако Ренни догадается.

- Все равно это может быть опасным, - сказал Расти. - Если они будут затыкать ей рот, она же не может обратиться в Союз защиты гражданских прав.

- Не думаю, чтобы ее это волновало. Она разозлилась до крайности. Она даже подозревает, что бунт в супермаркете мог быть подстроенным.

«А может, так оно и есть», - подумал Расти, но произнес.

- Черт, мне бы увидеть эти тела.

- Может, ты еще и успеешь.

- Я знаю, что ты думаешь, дорогуша, но вы с Джеки можете потерять работу. Или что-то похуже, если большой Джим, таким образом, лишается раздражающих проблем.

- Мы просто не можем оставить все, как сейчас…

- А также сейчас это, возможно, ничего и не даст. Возможно. Если у Бренды Перкинс

окоченение только началось где-то между четырьмя и восьмью, то сейчас она, наверняка, уже в полном окоченении и едва ли я что-то узнаю из ее тела. Окружной судебно-медицинский эксперт, вероятно, сумел бы, но он для нас недосягаем, как и Союз гражданских прав.

- Может, там есть что-нибудь другое. Что-то такое в ее трупе или у кого-то из других. Ну, знаешь, какой-то знак, который проявится во время вскрытия? «Когда мертвые говорят с живыми»?

- Мало шансов. А знаешь, что было бы лучше? Если бы кто-то видел Бренду живой после того, как Барби появился на работу в пять пятьдесят этим утром. Это бы пробило у них в пароходе такую дыру, которую тяжело залатать.

Прибежали за объятиями одетые в пижамы Джуди и Дженнилл. Расти честно исполнил свой долг. Джеки Веттингтон, которая шла вслед за девочками, слышала его последние слова, и сказала:

- Я порасспрашиваю людей.

- Только осторожно, - попросил он.

- Конечно. Но должна признаться, я все еще сомневаюсь. Это его жетоны нашлись в руке Энджи.

- И он ни разу не заметил, что они пропали, и узнал об этом, только когда нашли тела?

- Какие тела, папа? - спросила Дженнилл.

- Это очень сложно, дочурка, - вздохнул он. - Особенно для маленьких девочек.

Глазами она показала, что согласна. Тем временем ее меньшая сестричка пошла сорвать себе несколько поздних цветов, но вернулась с пустыми руками.

- Они умирают, - доложила Джуди. - Все коричневые и по краям гадкие.

- Вероятно, жарко им сейчас, - сказала Линда, и Расти показалось, что она вот-вот заплачет. Он бросился в прорыв.

- Девочки, идите в дом и почистите зубы. Воду себе налейте из того кувшина, который стоит на кухонном столе. Дженни, ты назначаешься наливальщицей воды. Ну, двигайте, - он вновь обернулся к женщинам. К Линде, то есть. - Как ты, все хорошо?

- Да. Это просто… просто оно жалит меня с самых неожиданных сторон. Я подумала: не должны были те цветы так умирать, и тогда - ничего этого не должно было случиться, прежде всего.

Они помолчали, обдумывая ее слова. И тогда заговорил Расти:

- Надо подождать, посмотреть, попросит ли Рендольф меня осмотреть трупы. Если так, я сделаю это без всякого риска подставить вас. Если нет, это нам уже о чем-то скажет.

- А тем временем Барби сидит в камере, - напомнила Линда. - Возможно, именно сейчас из него вытягивают признания.

- Предположим, вы со своими значками проведете меня к похоронному салону? - спросил

Расти. - Далее предположим, я найду что-то такое, что оправдывает Барби? Вы думаете, они закричат: «Ой, черт, мы обосрались» и выпустят его? А потом еще и отдадут ему власть? Потому что именно этого хочет правительство; контроля над всем городом. Вы думаете, Ренни может такое позволить…

Вдруг громко отозвался его телефон.

- Самое паскудное из человеческих изобретений, - произнес он, и, благодарить обстоятельства, сейчас его хотя бы не из госпиталя прервали.

- Мистер Эверетт? - женский голос. Знакомый, но он не смог припомнить, кому именно он принадлежит.

- Да, но если у вас что-то не очень срочное, я сейчас немного заня…

- Я не знаю, насколько оно срочное, но это очень, очень важный вопрос. А поскольку мистер Барбара (то ли полковник Барбара, как я понимаю) арестован, единственный человек, кого оно сейчас касается, это вы.

- Миссис Макклечи?

- Да, но вам надо поговорить с Джо. Передаю ему телефонную трубку.

- Доктор Расти? - голосом поднятым, чуть ли не запыхавшимся.

- Привет, Джо. Что там такое?

- Кажется, мы нашли генератор. Что мы должны теперь делать?

Сумерки упали так внезапно, что все трое ахнули, а Линда схватила Расти за руку. Но это была лишь большая полоса копоти на западной стороне Купола. Это просто солнце за нее зашло. - Где?

- Черная Гряда.

- А с радиацией там как, сынок? - понимая, что там должна была быть радиация, конечно, потому что как иначе они могли его найти.

- Последний показатель был плюс двести, - ответил Джо. - Это не совсем опасная зона. Что нам теперь делать?

Расти поскреб себе затылок. Так много всего происходит. Так много и так быстро. Особенно, как для городского лепилы, который никогда не считал себя таким, кто умеет принимать решения, не говоря уже о том, чтобы быть лидером.

- Сегодня ничего. Уже почти ночь. Разберемся с этим завтра утром. А тем временем, Джо, тебе нужно мне пообещать держать это в секрете. Знаешь ты, знают Бэнни и Норри, и твоя мама знает. Пусть так и остается.

- Хорошо, - голос Джо прозвучал угнетенно. - У нас так много есть о чем вам рассказать, но я думаю, это может подождать до завтра. - Он перевел дух. - Немного страшно от всего этого, правда?

- Да, сынок, - согласился Расти. - немного страшно.

mir-knigi.org

14

Тот, под чьим контролем находилось настоящее и будущее города, сидел в своем кабинете и ел сэндвич, отгрызая большие куски солонины с рисовым хлебом, когда в двери зашел Джуниор. Перед этим Большой Джим получил сорок пять минут восстановительного сна. Теперь чувствовал себя свежим, готовым к новым действиям. Поверхность его стола была захламлена желтыми листами линованной бумаги, записями, которые он позже сожжет в инсинераторе на заднем дворе. Лучше предостеречься, чем потом жалеть.

Кабинет освещался ослепительно-белыми газовыми фонарями Коулмена. Знает Бог, пропана в его распоряжении вдоволь - хватило бы освещать весь дом и питать все оборудование в течение пятидесяти лет, но сейчас лучше уже Коулмены. Он хотел, чтобы люди, проходя мимо его дома, видели это белое сияние и знали, что выборный Ренни не имеет никаких особых льгот. Чтобы они понимали: выборный Ренни точно такой же, как они, только более ответственный.

Джуниор хромал. Лицо у него кривилось.

- Он не подписал признания.

Большой Джим и не ожидал, что Барбара сдастся быстро, поэтому проигнорировал эту весть.

- Что с тобой? У тебя совсем изможденный вид.

- Снова разболелась голова, но сейчас уже легче. - Это была правда, хотя ему действительно было неважно во время разговора с Барби. Или, в самом деле, те серо-голубые глаза видели так глубоко, или просто показалось.

«Я знаю, что ты делал с ними в той кладовке, - говорили они. - Я все знаю».

Ему понадобилась вся его воля, чтобы не нажать на курок пистолета, когда он просунул его через решетку, чтобы погасить навсегда тот проклятый любознательный взгляд.

- Ты еще и прихрамываешь.

- Это из-за тех детей, которых мы нашли там, на озере Честер. Я одного малого нес на руках и, кажется, растянул себе связки.

- Ты уверен, что не что-то худшее? Тебя с Тибодо ждет работа через… - Большой Джим взглянул на часы, - через три с половиной часа, и ты должен ее сделать аккуратно. Без погрешностей.

- А почему не сразу, как потемнеет?

- Потому что ведьма еще будет делать газету со своими двумя троллями. С Фримэном и тем, другим. Спортивным репортером, который всегда поносит «Уайлдкетс».

- Тони Гай.

- Да, именно он. Я вообще не против, пусть бы им досталось, особенно ей, - верхняя губа Большого Джима поддернулась вверх в его собачьей имитации улыбки. - Но там не должно быть свидетелей. Никаких очевидцев, я имею в виду. А вот что люди будут слышать… это совсем другая куча навоза.

- А что ты хочешь, чтобы они услышали, отец?

- Ты уверен, что способен это сделать? Потому что вместо тебя я могу послать с Картером Фрэнка.

- Нет! Я помог тебе с Коггинсом, и со старой леди я тебе помог сегодня утром, я заслужил эту работу!

Большой Джим окинул его оценивающим взглядом. И тогда кивнул.

- Хорошо. Но только чтобы тебя не поймали, чтобы даже не увидели.

- Не волнуйся. Так что ты хочешь, чтобы услышали… слушатели?

Большой Джим ему объяснил. Большой Джим рассказал ему все.

Это хорошо, подумал Джуниор. Он должен был признать: его папаша ничего не оставляет без внимания.

15

Когда Джуниор поднялся вверх, чтобы «дать отдых ноге», Большой Джим прикончил свой сэндвич, вытер жир с подбородка, и тогда позвонил по телефону на мобильный Стюарту Бови. Начал он с того вопроса, который понимают все, кто звонит по телефону кому-то на мобильный.

- Где ты?

Стюарт доложил, что они направляются к похоронному салону, немного выпить. Зная отношение Большого Джима к алкоголю, он произнес это с классической интонацией трудяги: «Работу я сделал, теперь имею право и удовольствие получить».

- Хорошо, но не больше, чем по рюмочке. У тебя еще есть дела этим вечером. И у Ферна с Роджером тоже.

Стюарт энергично запротестовал.

Выслушав его аргументацию, Большой Джим продолжил:

- Мне надо, чтобы вы трое в девять тридцать были в средней школе. Там будут новые офицеры (кстати, среди них также и сыновья Роджера) и я хочу, чтобы и вы там были. - Вдруг его посетила Муза. - Фактически, ребята, я хочу сделать вас сержантами Службы внутренней безопасности Честер Милла.

Стюарт напомнил Большому Джиму, что его с Ферном ждут четыре новых трупа, которые им надо обрабатывать. С его крутым янки-акцентом ключевое слово прозвучало как труупа.

- Квартет из маккейновской усадьбы может подождать, - сказал Большой Джим. - Они уже мертвые. А у нас здесь чрезвычайная ситуация, если ты этого еще не знаешь. Пока она не решится, все мы должны тянуть гуж. Напрягаться. Поддерживать команду. В девять часов тридцать минут в школе. Но перед этим тебе нужно выполнить еще кое-какую работу. Времени много не займет. Дай-ка мне Ферна.

Стюарт спросил, зачем Большому Джиму понадобилось поболтать с Ферном, которого он сам считал (не безосновательно) тупым братом.

mir-knigi.org

- Не твоя печаль. Просто передай ему телефонную трубку.

Ферн поздоровался. Большой Джим себя этим не обременил.

- Ты когда-то был в добровольцах, не так ли? Пока их не расформировали?

Ферн подтвердил, что действительно входил в состав вспомогательной бригады пожарной части Честер Милла, не уточняя, что бросил это дело еще за год до того, как волонтерскую службу отменили (после отказа выборных заложить в бюджет 2008-го средства на их содержание). Также он не уточнил, что регулярная занятость волонтеров по уик-эндам в акциях по сбору пожертвований на пожарную службу очень конфликтовала с его пивными привычками.

Большой Джим сказал ему:

- Я хочу, чтобы ты пошел в полицейский участок и взял ключ от пожарной части. Потом посмотри, лежат ли там, в сарае, те портативные помпы, которыми вчера пользовался Бэрпи. Мне говорили, что он с женой Перкинса их именно туда положили, и хорошо, чтобы так оно и было.

Ферн заметил, что, насколько ему известно, те наплечные помпы сначала были взяты со склада Бэрпи, и они являются собственностью Ромми.

У волонтеров было своих несколько штук, но после расформирования этого подразделения они их продали на eBay[318].

- Они были его собственностью, но сейчас уже нет, - произнес Большой Джим. - Пока будет продолжаться кризис, они принадлежат городу. Так же мы поступим с любой вещью, которая нам понадобится. Это всем на благо. А если Ромео Бэрпи думает, что вновь может организовать волонтерскую бригаду, ему придется быстренько передумать.

Ферн осторожно заметил, что, как он слышал, Ромми хорошо управился с тем пожаром, который занялся на Малой Суке после ракетного обстрела.

- Сколько там было того пожара, скорее, похоже на пару сигарет, которые тлеют в пепельнице, - пренебрежительно хмыкнул Большой Джим. На виске у него пульсировала жила, и сердце сильно билось. Он понимал, что - вновь - ел слишком быстро, но ему просто не под силу было сдерживаться. Проголодавшись, он глотал без перерыва все, пока стол перед ним не становился пустым. Такую имел натуру. - Любой его погасил бы. Ты его погасил бы. Наиболее интересно то, что я знаю, кто в последний раз голосовал за меня, а кто нет

Кто был против, не получат и никчемной конфетки.

Ферн спросил Большого Джима, что он, Ферн, должен делать с помпами.

- Только проверь, лежат ли они в сарае. И тогда приходи в среднюю школу. Мы будем в спортивном зале.

Ферн сказал, что что-то хочет спросить Роджер Кильян.

Большой Джим подкатил глаза, но подождал.

Роджер хотел знать, кто именно из его ребят станет копами.

Большой Джим вздохнул, порылся в разбросанных на столе листах и нашел тот, где был список новых офицеров. Большинство из них были старшеклассниками, и все были мужского пола. Самому молодому, Мики Вордло, исполнилось только пятнадцать, но он был качком. Правым полузащитником на футбольном поле, пока не выгнали за пьянство.

- Рики и Рэндол.

Роджер запротестовал, говоря, что это его старшие, единственные, кому можно доверить ежедневную работу на ферме. Кто, спросил он, будет помогать ему теперь с цыплятами?

Большой Джим закрыл глаза и попросил у Бога терпения.

16

Сэмми очень четко ощущала ту дергающую боль, которая перекатывалась у нее в животе - похожую на менструальные спазмы - и намного более острые подергивания, которые поступали из ее подбрюшья. Их тяжело было не ощутить, поскольку каждый ее шаг ими отдавался. Однако она продолжала брести вдоль шоссе 119 в сторону Моттонской дороги. Она будет чапать, не смотря ни на что, какой бы не была боль. Она четко знала, куда идет, но не имела целью свой трейлер. Все необходимое было не в трейлере, и она знала, где его найдет. Она туда будет идти хоть целую ночь. Если боль станет совсем невыносимой, в кармане джинсов у нее лежит пять пилюль перкоцета, она сможет их разжевать. Разжеванные, они действуют быстрее. Ей об этом говорил Фил.

Трахай ее.

А мы тогда вернемся сюда и уже надлежащим образом тебя заебём.

Трахай эту суку.

Держи лучше рот на замке, пока тебе не прикажут сосать.

Трахай ее. Трахай эту суку.

Никто тебе все равно не поверит.

Но преподобная Либби поверила, и что с ней случилось? Выбитое плечо, мертвая собака.

Трахай эту суку.

Сэмми подумала, что этот голос, этот возбужденный свиной визг будет звучать в ее голове до скончания веков.

Так она и шла. Над ее головой затеплились первые розовые звезды, словно искорки, которые проглядывают через грязное оконное стекло.

Автомобильные фары заставили ее тень прыгнуть вдоль дороги далеко впереди ее. Подъехал и остановился расшатанный фермерский пикап.

- Эй, ты, давай, садись, - позвал мужчина за рулем. Хотя прозвучало это как «Ва-вай-саись», потому что за рулем сидел Алден Динсмор, отец покойного Рори, и он был пьян.

И что там, Сэмми все равно полезла в кабину - двигаясь с осторожностью инвалида.

mir-knigi.org

Похоже, что Алден этого не заметил. Между ногами у него стояла полулитровая жестянка «Будвайзера», а рядом с ним полупустой ящик. Жестянки из-под уже выпитого пива накатывались на ноги Сэмми.

- Тебе куда надо? - спросил он. - Порлен? Посмут? - и засмеялся, показывая, что хоть он и пьяный, а пошутить умеет.

- Только до Моттонской дороги, сэр. Вы едете в том направлении?

- В л'бом направ'ии, куда толь'о захочешь, - ответил Алден. - Я просто катаюсь. Катаюсь и думаю о моем мальчике. Он умер ф с'боту.

- Мне так жаль, я сочувствую вам, это такая потеря.

Он кивнул и выпил.

- Мой отец умер прошлой зимой, ты знала? Задохнулся насмерть, бедный старик. Эмфа-зема. Последние годы жизни провел на кислороде. Обычно Рори менял ему баллоны. Он лю'ил старую лису.

- Мне так жаль, - она уже это говорила, но что другое тут можно еще сказать?

Слеза скатилась ему по щеке.

- Я поеду, куда скажешь, мисси Лу. Буду ехать, пока пиво не закончится. Хо пива?

- Да, благодарю. - Пиво было теплым, но она пила жадно. Ее мучила жажда. Выловила из кармана одну пилюлю и запила ее вторым длинным глотком пива. Ощутила, как загудело в голове. Очень приятно. Она добыла еще одну пилюлю перкоцета и предложила Алдену. - Хотите? От этого вам полегчает.

Он взял пилюлю и тоже проглотил, запив пивом, даже не поинтересовавшись, что это такое. Вот и Моттонская дорога. Он поздно заметил перекресток и резко завернул, сбив почтовый ящик Крамли. Сэмми не обратила внимания.

- Бери еще, Мисси Лу.

- Благодарю вас, сэр, - она взяла следующую жестянку и хлопнула лючком открывалки.

- Ты види'а моего мальчика? - В свете приборной панели глаза Алдена влажно отсвечивали желтым. Это были глаза собаки, которая на бегу наткнулась на яму и сломала себе ногу. Ты види'а моего мальчика?

- Да, сэр, - кивнула Сэмми. - Конечно же, я видела. Я тогда тоже там была.

- Там тогда все были. Я сдал в аренду мое поле. Мож't, так помог ему погибнуть. Неизвестно. Нам никогда ничего не узнать, а?

- Конечно, - согласилась Сэмми.

Алден запустил руку в карман своего комбинезона и извлек оттуда истрепанное портмоне. Открыл его обеими руками, бросив руль, и начал искоса заглядывать в целлулоидный карманчик кошелька.

- Это мои ребята подарили мне это по'моне, - сообщил он. - Рори и Олли. Олли еще живой.

- Хороший кошелек, - похвалила Сэмми, наклоняясь, чтобы перехватить руль.

Она так делала, когда они еще жили вместе с Филом. Часто. Пикап мистера Динсмора медленно двигался довольно импозантным курсом, словно имел намерение врезаться в следующий почтовый ящик. И все пока обстояло благополучно; бедный дядечка ехал всего лишь со скоростью двадцать миль, и Моттонская дорога лежала впереди пустая. Потихоньку играло радио, по РНГХ «Слепые Ребята из Алабамы»[319] пели «Сладкую надежду Небес».

Алден вручил кошелек ей.

- Там он есть, мой мальчик. С его де'ушкой.

- Вы поведете машину, пока я посмотрю? - спросила Сэмми.

- Конечно, - вновь взялся за руль Алден. Пикап поехал чуточку быстрее и чуточку ровнее, хотя и гулял относительно осевой линии.

На выцветшем цветном снимке обнимали друг друга мальчик и старый мужчина. На старике была кепка «Рэд Сокс» и кислородная маска. У мальчика на лице сияла широкая улыбка.

- Он был красивый мальчик, сэр, - сказала Сэмми.

- Эй, красивый мальчик. Хороший, умный мальчик, - Алден резко, без слез, болезненно застонал. Словно заревел ишак. С губ у него брызнула слюна. Машина вильнула, потом выпрямилась.

- У меня тоже есть хороший мальчик, - сказала Сэмми. И начала плакать. Когда-то, припомнила она, ей нравилось мучить кукол «Братц». Теперь она сама знала, как это чувствовать себя в микроволновке. Как адски больно мучиться в горящей печи. - Я его поцелую, когда увижу. Всего расцелую.

- Поцелуй, - кивнул Алден.

- Да, поцелую.

- Ты его поцелуй, и обними, и прижми к себе.

- Я так и сделаю, сэр.

- Я бы тоже поцеловал моего мальчика, если бы смог. Я бы расцеловал его в обе щеки.

- Я знаю, вы так бы и сделали, сэр.

- Но я его похоронил. Сегодня утром. Прямо на том месте.

- Мне так жаль, это такая потеря.

- Возьми себе еще пива.

- Благодарю вас. - Она взяла жестянку. Она уже начала пьянеть. Так хорошо пьянеть.

Таким образом, они продвигались дальше, в то время как розовые звезды над ними

mir-knigi.org

разгорались ярче, мерцали, но не падали, никакого метеоритного дождя не было в эту ночь. Так они проехали и трейлер Сэмми, куда она уже никогда больше не вернется, даже не притормозив, проехали.

17

Было где-то четверть восьмого, когда Рози Твичел постучала в стеклянную панель дверей «Демократа». Джулия, Пит и Тони стояли около длинного стола, собирая экземпляры свежей черырехлистовой газеты. Пит и Тони складывали листы в кучу, а Джулия скрепляла их степлером и укладывала в пачки.

Увидев Рози, Джулия энергично ей махнула: дескать, заходи. Рози приоткрыла двери и те немного покачнулись:

- Боже, как здесь у вас жарко.

- Выключили кондиционер для экономии топлива, - объяснил Пит Фримэн. - А ксерокс очень греется, когда долго работает. А сегодня ему пришлось поработать хорошенько. - Но произнес он это с гордым видом. Рози подумала, что у них у всех троих сейчас горделивый вид.

- Я думал, у вас сейчас должна бы быть бешеная толпа в ресторане, - произнес Тони.

- Совсем наоборот. Сегодня вечером там хоть на оленей охоться. Думаю, многие люди не хотят меня видеть, потому что мой повар арестован за убийство. И еще я думаю, они стыдятся смотреть друг другу в глаза после того, что случилось сегодня утром в «Фуд-Сити».

- Иди-ка сюда ближе, возьми, посмотри газету, - позвала ее Джулия. - Ты у нас героиня, девушка с обложки, Рози.

Вверху было напечатано красными буквами БЕСПЛАТНЫЙ ВЫПУСК - КРИЗИС ПОД КУПОЛОМ - БЕСПЛАТНЫЙ ВЫПУСК.

Под этой шапкой шестнадцатым курьером, который Джулия до последних двух выпусков «Демократа» никогда не использовала, шел заголовок:

ПЕРЕДРЯГА И УБИЙСТВА С УГЛУБЛЕНИЕМ КРИЗИСА

На фото была Рози. В профиль. Возле губ она держала мегафон. С кудряшкой, которая упала ей на лоб, выглядела она чрезвычайно красивой. За ней виднелся проход отдела макаронных изделий и соков, где на полу, похоже, валялось несколько разбитых бутылок соусов к спагетти. Подпись гласила: Усмирение толпы: Рози Твичел, учредительница и хозяйка «Розы-Шиповника», усмиряет толпу с помощью Дейла Барбары, который был арестован за убийства (см. репортаж ниже и статью на стр. 4).

- Святой Боже, - выдохнула Рози. - Ну… по крайней мере вы сняли меня с лучшей стороны. Если я ее вообще имею.

- Рози, - торжественно произнес Тони Гай. - Вы выглядите, как Мишель Пфайфер.

Рози фыркнула, показав ему средний палец. Она уже начала читать редакционную статью.

СНАЧАЛА ПАНИКА, ПОТОМ СТЫД

Текст Джулии Шамвей

Не каждый житель Честер Милла знает Дейла Барбару (он не так давно в нашем городе), но много людей пробовали приготовленные им блюда в «Розе-Шиповнике». Те же, кто его знали - до сегодняшнего дня, - могли бы сказать, что он оказался добрым пополнением для нашей общины, если припомнить его судейство матчей по софтболу в июле и августе, участие в сборе книжек для средней школы в сентябре и уборку мусора в День чистого города всего лишь две недели назад.

И вот сегодня «Барби» (так его зовут те, кто знаком с ним) был арестован за четыре шокирующих убийства.

Убийства людей, которых хорошо знали в городе и любили. Людей, которые, в отличие от Барбары, прожили здесь всю жизнь.

При нормальных обстоятельствах «Барби» направили бы в тюрьму округа Касл, ему бы предоставили возможность сделать один телефонный звонок и обеспечили бы адвоката, если бы он не имел возможности нанять его сам. Ему бы выдвинули обвинение, а эксперты, которые хорошо разбираются в своем деле, начали сбор доказательств.

Ничего этого не произошло, и мы все знаем почему: из-за Купола, который запер наш город, отделив нас от остального мира. Но разве здравый смысл и процессуальные правила тоже заперты? Несущественно, насколько шокирующее преступление произошло, недоказанных обвинений недостаточно для оправдания такого обращения с Дейлом Барбарой и объяснения того, что новый шеф полиции отказался отвечать на вопросы, а также дать разрешение вашему корреспонденту убедиться, что Дейл Барбара еще жив, хотя отцу Доди Сендерс - первому выборному Эндрю Сендерсу - было разрешено не только посетить официально не обвиненного арестанта, но и унижать его…

- Фью! - присвистнула Рози, поднимая вверх глаза. - Ты действительно собираешься это напечатать?

Джулия махнула рукой в сторону кучи уже сложенных газет.

- Это уже напечатано. А что? Ты имеешь что-то против?

- Нет, но… - Рози быстро пробежала глазами оставшуюся часть статьи, которая была очень длинной и чем дальше, тем сильнее «пробарбовской». Заканчивалась она обращением к каждому, кто может иметь информацию, касающуюся этих убийств, откликнуться, и предположением, что после окончания кризиса, а он, безусловно, когда-то закончится, поведение жителей города в отношении этих убийств окажется в центре придирчивого внимания не только жителей штата Мэн или граждан Соединенных Штатов, а и всего мира.

- И ты не боишься накликать на себя неприятности?

- Это свобода печати, Рози, - произнес Пит тоном, который даже ему самому показался довольно неуверенным.

- Это то, что сделал бы Горес Грили, - твердо произнесла Джулия, и ее корги, который дремал на своем одеяле в уголке, поднял голову на знакомое имя. Увидев Рози, он подбежал к ней за ласками, и она его, естественно, погладила несколько раз.

- А у тебя есть что-то большее, чем написано здесь? - спросила Рози, положив ладонь на

газетный лист.

- Кое-что, - ответила Джулия. - Это я пока что придерживаю. Хочу еще насобирать информации.

- Барби такого никогда бы не сделал. Но я все равно за него боюсь.

На столе встрепенулся один из мобильных телефонов. Его схватил Тони:

- «Демократ». Гай слушает. - Но, выслушав первые слова, он передал телефон Джулии. - Тебя. Полковник Кокс. И голос у него не праздничный.

Кокс. Джулия о нем напрочь забыла. Она взяла телефонную трубку.

- Мисс Шамвей, мне нужно поговорить с Барби, выяснить, насколько он продвинулся в прибирании к рукам административной власти в городе.

- Не думаю, чтобы вам случилось поговорить с ним в ближайшее время. Он арестован.

- Арестован? По какому обвинению?

- Убийство. Четыре случая, если точнее.

- Вы шутите.

- Мой голос вам кажется шутливым, полковник?

Упала минута тишины. На ее фоне Джулия слышала в телефоне отдаленную болтовню многих людей. Когда Кокс вновь заговорил, голос его звучал уже не так бодро.

- Расскажите мне все.

- Нет, полковник Кокс, не вижу возможности. Последние два часа я занималась как раз тем, что писала об этом, а, как говорила мне маленькой моя мама, не следует дважды пережевывать одну и одну и ту же капусту. Вы все еще в Мэне?

- Касл Рок. Здесь наша передовая база.

- Тогда я предлагаю вам встретиться со мной там, где мы виделись в прошлый раз. На Моттонской дороге. Я не смогу подарить вам завтрашний номер «Демократа», хотя он и бесплатный, но я смогу развернуть газету против Купола, чтобы вы сами прочитали.

- Перешлите мне ее по электронной почте.

- Не перешлю. Я считаю электронную почту неэтичным орудием газетного бизнеса. В этом смысле я весьма старомодная особа.

- Вы, дорогая госпожа, весьма раздражающая особа.

- Возможно, я и раздражающая, но вам я отнюдь не дорогая госпожа.

- Скажите мне одно: это подстроено? Каким-то образом здесь замешанны Сендерс и Ренни?

- А вы как думаете, полковник, медведи срут в лесу?

Тишина. Немного погодя, он наконец-то отозвался:

- Я буду там через час.

- Я приеду в компании. С работодателем Барби. Думаю, вас заинтересует то, что она может рассказать.

- Хорошо.

Джулия выключила телефон.

- Рози, хочешь ненадолго съездить со мной к Куполу?

- Конечно, если это поможет Барби.

- Надеяться можно, но мне кажется, что тут нам самим о себе надо заботиться.

Джулия переключила свое внимание на Тони и Пита.

- Вы сами закончите составлять газеты? Перед тем как идти отсюда, положите пачки газет возле дверей и заприте офис. Хорошенько высыпайтесь, потому что завтра нам всем работать уличными разносчиками. Этот номер придется распространять классическим образом. Чтобы газета попала в каждый дом в городе. В отдаленные фермы. И в Восточный Честер, конечно. Там много новоселов, теоретически они должны быть менее податливыми мистическому влиянию Большого Джима.

Пит поднял вверх брови:

- Наш мистер Ренни со своей командой хороший игрок на своем поле, - объяснила Джулия. - На чрезвычайном городском собрании в четверг он вылезет на трибуну и будет стараться завести город, словно карманные часы. Но первая подача принадлежит гостям, - она показала на газеты. - Это наша первая подача. Если эти материалы прочитает достаточно народа, он вынужден будет ответить на много трудных вопросов, прежде чем провозглашать заготовленную речь. Возможно, нам удастся чуточку сбить ему темп.

- А может, и не чуточку, если узнаем, кто бросал камни в «Фуд-Сити», - сказал Пит. - И знаете, что? Я думаю, мы узнаем. Все это было придумано на ходу. Там должны торчать какие-то нескрываемые концы.

- Я лишь надеюсь, что Барби будет еще жив, когда мы начнем за них тянуть, - сказала Джулия и посмотрела на часы. - Идем, Рози, покатаемся. Горес, хочешь с нами?

Горес хотел.

18

- Можете меня здесь высадить, сэр, - сказала Сэмми. Они остановились возле симпатичной усадьбы в ранчо-стиле. Хотя дом стоял темным, лужайка была освещена, потому что местность эта находились рядом с Куполом, где вдоль границы Честер Милловского Харлоу сияли яркие прожектора.

- Хо щё пива на дорогу, мисси Лу?

- Нет, сэр, моя дорога заканчивается здесь.

Правда, это было не совсем так. Она еще должен вернуться в город. В желтом подкупольном сиянии Алден Динсмор выглядел не сорокапяти, а восемьдесятипятилетним. Никогда в жизни она не видела такого печального лица… кроме, разве, собственного в зеркале в госпитальной палате, прежде чем отправиться в это путешествие. Она наклонилась и поцеловала его в щеку. Укололась губами о щетину. Он приложил ладонь к тому месту и хоть слабенько, но улыбнулся.

- Вам надо возвращаться сейчас домой, сэр. Там ваша жена, вы должны ее утешать. И ваш второй сын, о котором вам надо заботиться.

- Навер'е, ты права.

- Я точно права.

- А ты сама в порядке?

- Да, сэр, - она вылезла из кабины, а вновь обратилась к нему. - Так вы поедете домой?

- Попробую, - ответил он.

Захлопнув двери пикапа, Сэмми задержалась в начале подъездной аллеи, чтобы посмотреть, как он будет разворачиваться. Алден въехал в канаву, однако там было сухо, и он успешно выбрался. Машина тронулась в сторону шоссе 119, сначала виляя, но вскоре задние огни начали держаться более или менее ровной линии. Снова он едет посередине дороги - по этой блядской белой полосе, сказал бы Фил, - но она надеялась, что с ним все будет хорошо. Уже полдевятого, полностью стемнело, едва ли кто ему попадется навстречу, подумала она.

Когда его задние огни, наконец, исчезли вдали, она отправилась к темному зданию ранчо. Этот дом едва ли мог конкурировать с хорошими старыми домами на городском холме, но был более красивым, чем любой из тех, в которых ей приходилось жить. Она была здесь однажды с Филом, еще в те времена, когда он не делал ничего дурного, а только понемногу торговал травкой и для собственных нужд немножечко варил кристаллы в их трейлере. Еще до того, как он стал проникаться своими странными идеями, касающимися Иисуса и посещать эту говняную церковь, где каждый считает, что все пойдут в ад, кроме них. Именно с религии и начались все неприятности Фила. Это привело его к Коггинсу, а Коггинс или кто-то другой превратил его в Мастера.

Люди, которые жили здесь, не были присаженными на метамфетамин торчками; у торчков не получилось бы долго содержать такую усадьбу; они бы ее уже перезаложили сто раз. Но Джек и Майра Эванс любили время от времени потешить себя марьиванной, и Фил Буши радушно поставлял им травку. Они были хорошими людьми, и Фил относился к ним хорошо. В те старые дни он еще мог относиться к людям по-хорошему.

Майра угощала их кофе-глясе. Сэмми тогда ходила, кажется, на седьмом месяце, беременная Малышом Уолтером, ее хорошенько разнесло, и Майра спросила, кого бы она хотела, мальчика или девочку. Совсем не задирала перед Сэмми нос. Джек как раз позвал Фила в свой кабинет-каморку, чтобы рассчитаться, и Фил ее позвал: - Эй, дорогуша, иди-ка сюда, взгляни!

Все это казалось таким теперь далеким.

Она подергала передние двери. Они были заперты. Сэмми подняла один из декоративных камней, которыми Майра когда-то обложила свой цветник, и, взвешивая его в руке, встала

напротив большого фронтального окна. Подумав немного, она, вместо того чтобы бросить камень, пошла вокруг дома. В ее настоящем состоянии залезать через окно будет тяжело. Да и даже если она в состоянии (и осторожно), можно так порезаться, что остаток ее планов на этот вечер пойдут псу под хвост.

Да и сам дом очень хороший. Ей не хотелось его калечить, если без этого можно обойтись.

И ей не пришлось этого делать. Тело Джека вывезли, в этом смысле город еще достаточно исправно функционировал, но никто не подумал запереть задние двери. Сэмми легко вошла вовнутрь. Генератор не работал, и в доме было темнее, чем у енота в жопе, но на печи лежала коробка деревянных спичек и первая же, которую она зажгла, осветила фонарик на кухонном столе. Фонарик работал исправно. В его луче она заметила что-то похоже на кровавое пятно на полу. Поспешно отвела фонарь оттуда и направилась в кабинетик Джека Эванса. Тот находился сразу за гостиной, каморка такая крохотная, что там буквально не было места ни для чего другого, кроме письменного стола и застекленного шкафа.

Она повела лучом фонаря по столу, потом подняла его так, что тот отразился в стеклянных глазах наиболее ценного из Джековых трофеев: это была голова лося, которого он подстрелил в ТР-90 три года назад. На эту голову тогда и позвал ее посмотреть Фил.

- Мне достался последний билет лотереи[320] того года, - рассказывал им Джек. - А добыл я его вот этой штучкой. - Он показал на ружье в шкафу. Грозное на вид, да еще и с оптическим прицелом.

В двери появилась Майра, в ее чашке с кофе постукивали ледышки - такая хорошая, стильная, улыбающаяся женщина; Сэмми понимала, что ей такой никогда не стать.

- Оно стоило немыслимых денег, но я ему позволила купить это ружье после того, как он пообещал, что в декабре повезет меня на неделю на Бермуды.

- Бермуды, - произнесла сейчас вслух Сэмми, смотря на лосячью голову. - Так она туда и не съездила. Как это печально.

Фил тогда, засовывая конверт с деньгами себе в задний карман джинсов, еще произнес:

- Грозное ружье, но не совсем пригодная вещь для домашней защиты.

- Об этом я также позаботился, - ответил Джек, и хотя он не показал Филу, чем именно он позаботился, но со значением похлопал по столешнице. - Пара надежных пистолей.

Фил так же со значением кивнул в ответ. Сэмми с Майрой в полной гармонии обменялись понимающими взглядами: «Парни всегда остаются мальчишками». Она и сейчас помнила, как ей тогда хорошо стало от того взгляда, как она ощутила себя приобщенной, и думала, что, вероятно, именно поэтому она и пришла теперь сюда, вместо того, чтобы поискать что-нибудь, где-то поближе к городу.

Она задержалась, чтобы разжевать очередную пилюлю перкоцета, а уже потом начала открывать ящики стола. Они не были заперты, как и тот деревянный сундучок, который нашелся в третьем из выдвинутых ей ящиков. В нем лежал запасной пистолет покойного Джека Эванса: автоматический «Спрингфилд XD»[321] сорок пятого калибра. Взяв его в руки, она, хотя и как-то топорно дергая, сумела вытянуть обойму. Та была полной, а в ящике лежала еще и запасная. Ее она тоже взяла. Потом она вернулась в кухню поискать пакет, в котором понесет свои находки. И, конечно же, ключи. От того, что найдется в гараже Майры и Джека.

Возвращаться в города пешком она не собиралась.

19

Джулия с Рози как раз обсуждали, какое будущее ожидает их город, когда чуть не завершилось их настоящее. Завершилось бы, если бы на повороте Эсти, приблизительно за милю от пункта своего назначения, они столкнулись со старым фермерским пикапом. Но Джулия выехала из-за поворота достаточно своевременно, чтобы заметить машину, которая несется ей навстречу, по ее полосе, прямо ей в лоб.

Она резко, не думая, крутанула руль своего «Приуса» влево, перескочив на другую полосу, и два автомобиля разминулись на расстоянии пары дюймов. Горес, который сидел на заднем сидении со своим обычным видом полнейшего удовлетворения о-меня-катают-на-машине, изумленно тявкнув, покатился на пол. Это был единственный звук. Женщины не заверещали, даже не ойкнули. Все произошло очень быстро. Смерть или серьезное увечье мельком промелькнули мимо них, да и ладно.

Джулия движением руля вернулась на свою полосу, потом съехала на грунтовую обочину, остановила «Приус» и посмотрела на Рози. Горес позади вновь заскочил на сидение и коротко гавкнул, словно спрашивая, почему это мы встали. На это обе женщины рассмеялись и Рози начала хлопать себе по груди сверх показной полки своих сисек.

- Ох, мое сердце, мое сердце, - приговаривала она.

- Эй, - кивнула Джулия. - У меня тоже. Ты видела? Он пролетел буквально вплотную.

Рози вновь засмеялась, вздрагивая:

- Ты шутишь? Сердечко, если бы я держала руку на окне, он отрезал бы мне локоть, сукин сын.

- Пьяный, наверное, - встряхнула головой Джулия.

- Пьяный, это без всяких сомнений, - фыркнула Рози.

- Ты готова ехать дальше?

- А ты? - переспросила Рози.

- Да, - ответила Джулия. - А ты там как, Горес?

Горес гавкнул, докладывая, что он всегда готов.

- Близкий взрыв неудачу отгоняет, - произнесла Рози. - Так любил говорить дедушка Твичел.

- Будем надеяться, что он был прав, - кивнула Джулия, вновь выезжая на дорогу. Она внимательно смотрела вперед, чтобы не прозевать приближение чужих фар, но следующий увиденный ними свет подавали уже прожектора, нацеленные на Харлоу с той стороны Купола. Сэмми Буши они не увидели. А Сэмми их видела; она стояла перед гаражом Эвансов, держа в руке ключи от их «Малибу». Когда они проехали, она подняла ворота гаража (пришлось делать это вручную, далось ей это очень болезненно) и села за руль.

20

Между универмагом Бэрпи и «Топливом & Бакалеей» пролегал переулок, который связывал Мэйн-стрит и Вест-стрит. Им чаще всего пользовались машины всяких поставщиков. Этим вечером по переулку в четверть десятого шли Джуниор и Картер Тибодо, шли почти в кромешной тьме. Картер нес в руке пятигаллоновую канистру, красную, с желтой диагональной полосой на ее боку. По полосе шла надпись БЕНЗИН. Во второй руке он нес мегафон на батарейках. Мегафон был белого цвета, но Картер его замаскировал, обмотав черной изоляционной лентой, чтобы тот случайно не бросился кому-нибудь в глаза раньше, чем они начнут ретироваться по этому переулку.

Джуниор нес рюкзак. Голова у него больше не болела и хромота его почти пропала. Он был уверен, что его тело наконец-то победило тот недуг, который его так беспокоил. Наверное, какой-то приблудный вирус. В колледже такого дерьма нахвататься можно вдоволь, и то, что его оттуда выперли за избиение того пацана, наверно, было скрытым благословением.

С глубины переулка им хорошо был виден «Демократ». Свет заливал пустой тротуар, и они видели, как внутри суетятся Фримэн и Тони Гай, поднимая и складывая около дверей пачки газет. Старое деревянное здание, в котором содержалась редакция и помещение Джулии, стояло между семейной аптекой Сендерса и книжным магазином, но отделенная от обоих - со стороны книжного магазина мощеным тротуаром, а со стороны аптеки переулком, похожим на тот, из которого сейчас выглядывали они с Картером. Ночь была безветренная, и он подумал, что, если его отец достаточно быстро мобилизует людей, лишнего вреда не случится. Не то, чтобы это его беспокоило. Да пусть хоть вся восточная сторона Мэйн-стрит выгорит, Джуниору это было по барабану. Еще больше неприятностей Дейлу Барбаре. Он все еще ощущал на себе тот его прохладный оценивающий взгляд. Неправильно, когда на тебя, таким образом, смотрит кто-то, особенно если этот кто-то смотрит из-за решетки. Сучий Баарби.

- Надо было его застрелить, - пробурчал Джуниор.

- Что? - переспросил Картер.

- Ничего, - вытер он себе лоб. - Жарко.

- Да уж. Фрэнки говорит, если так будет и дальше, мы здесь все испечемся, как яйца в духовке. Во сколько нам надо это сделать?

Джуниор мрачно пожал плечами. Отец ему говорил, но он не помнил точно. Вероятно, в десять часов. Да какая разница? Пусть те двое там сгорят. А если сучка редакторша у себя наверху - наверное, расслабляется со своим любимым дилдо после трудового дня, - пусть и она сгорит. Еще больше неприятностей для Баарби.

- Давай начинать.

- Ты уверен, братан?

- Ты кого-нибудь видишь на улице?

Картер огляделся. Мэйн-стрит лежалая пустынная и темная. Генераторы позади зданий редакции газеты и аптеки были единственными, которые он слышал. Он пожал плечами:

- Хорошо. А почему бы и нет?

Джуниор расстегнул пряжки рюкзака и раздвинул клапан. Наверху лежало две пары оснащенных светодиодами перчаток. Одну пару он отдал Картеру, другую натянул сам. Ниже

лежало что-то завернутое в банное полотенце. Развернув этот сверток, он выставил на латаный асфальт четыре винных бутылки. На самом дне рюкзака лежалая жестяная воронка. Джуниор вставил ее в горло первой бутылки и потянулся за бензином.

- Давай-ка лучше я, братан, - сказал Картер. - У тебя руки дрожат.

Джуниор изумленно посмотрел на свои пальцы. Он не ощущал дрожи, но действительно они дрожали.

- Я не боюсь, если это то, о чем ты думаешь.

- Я и близко такого не говорил. Это просто какие-то проблемки с головой. Всем это видно. Тебе надо сходить к Эверетту, потому что с тобой происходит что-то нехорошее, а он сейчас единственный, кого наш город имеет наиболее похожего на настоящего врача.

- Я чувствую себя пречуде…

- Замолчи, пока тебя кто-то не услышал. Займись полотенцем, остальное я сам сделаю.

Джуниор выхватил из кобуры пистолет и выстрелил Картеру в глаз. Голова у того треснула, плеснув во все стороны кровью и мозгами. А потом Джуниор встал над ним, стреляя вновь, и вновь, и вновь…

- Джунс?

Джуниор замотал головой, чтобы прогнать видение - такое яркое, чисто галлюцинаторный бред, - и понял, что действительно вцепился в рукоятку пистолета. Может, тот вирус еще не совсем вышел из его организма? А может, это и не вирус совсем.

«А что же тогда? Что?»

Ароматный запах бензина ударил ему в нос, и так сильно, что в глазах запекло. Картер начал наполнять первую бутылку. «Глюк, глюк, глюк», - запела канистра. Джуниор расцепил молнию бокового кармана рюкзака и достал оттуда портняжные ножницы, которые принадлежали его матери. Ими он отрезал от полотенца четыре полосы. Одну из этих тряпок засунул в первую бутылку, потом извлек и вместо того запихал ее в бутылку другим концом, оставив свисать наружу уже пропитанный бензином край. Тоже самое он проделал с остальными бутылками.

В этом деле дрожания рук ему не мешало.

21

А Барбин полковник Кокс изменился с того времени, как Джулия видела его в последний раз. Как для выхода в люди в половине десятого вечера, он был гладко выбрит и волосы у него были аккуратно зачесаны, хотя его униформа хаки потеряла былую идеальную наглаженность и поплиновая куртка теперь висела на нем мешком так, словно он похудел. Он стоял перед теми несколькими пятнами аэрозольной краски, которые остались после неудачного эксперимента с кислотой, и хмурился на эти нарисованные двери, словно думая, сможет ли пройти сквозь них, если достаточно сконцентрируется.

«Закрой глаза и трижды щелкни каблуками, - подумала Джулия. - Потому что нет места, милее, чем Купол»[322].

Она отрекомендовала Рози Кокса и Кокса Рози. Пока они обменивались стандартным «приятно познакомиться», она оглянулась вокруг и увиденное ей не понравилось. Прожектора еще оставались на своих местах, лупили в небо, словно извещая о какой-то гламурной голливудской премьере, и генераторы, которые питали их, также урчали, но куда-то исчезли армейские грузовики и та большая зеленая штабная палатка, которая стояла раньше, напяленная ярдов за пятьдесят дальше по дороге. Лишь примятая трава осталась на том месте, где она была. С полковником Коксом прибыли два солдата, но они имели тот небоеспособный вид, который всегда ассоциировался у нее с советниками и атташе. Дежурных, возможно, и не убрали, но отвели подальше, установив периметр за пределами достижения человеческого голоса, чтобы какой-нибудь слюнтяй, который мог прибрести сюда со стороны Милла, не начал расспрашивать их, что же оно такое к черту творится.

«Сначала вопрос, доклад потом», - подумала Джулия.

- Просветите меня, мисс Шамвей, - начал Кокс.

- Сначала дайте ответ на мой вопрос.

Он подкатил глаза (она подумала, что наверное дала бы ему пощечину за это, если бы могла его достать; нервы у нее еще звенели после того происшествия по дороге сюда). Но он предложил ей спрашивать, о чем она хочет.

- На нас махнули рукой?

- Отнюдь, абсолютно нет, - сразу же ответил он, однако, стараясь при этом не смотреть ей в глаза. Ей подумалось, что это знак еще худший, чем подозрительное запустение, которое она видит сейчас перед собой по его сторону Купола - похоже на цирк, который стоял здесь, а потом вдруг снялся и уехал.

- Прочитайте это, - произнесла она и распластала первую страницу завтрашнего номера газеты по невидимой поверхности Купола, словно женщина, которая лепит к витрине супермаркета объявления о распродаже. Под пальцами она ощутила легонькое, мимолетное дрожание, это было похоже на то, как бывает, когда дотрагиваешься сухим морозным утром до чего-то металлического.

Он прочитал полностью всю газету, сообщая, когда надо перелистывать страницы. Это отняло у него десять минут. Дождавшись, когда он закончил, она произнесла:

- Как вы, возможно, обратили внимание, места для рекламы почти не осталось, но я тешу себя надеждой, что качество письма от этого только выиграло. Похоже, что ссученность идет мне только на пользу.

- Мисс Шамвей…

- О, почему бы вам не обращаться ко мне по имени, просто Джулия? Мы же с вами уже практически давние знакомые.

- Чудесно. Тогда вы для меня становитесь Джулией, а я для вас - Джей К.

- Я буду стараться не путать вас с тем, который ходил по воде[323].

- Вы считаете, что этот парниша, Ренни, устанавливает диктатуру во главе с собой? Наподобие какого-то северо-восточного Мануэля Норьеги?

- Меня больше беспокоит его похожесть на Пол Пота.

- Вы думаете, такое возможно?

- Еще два дня тому назад я бы расхохоталась таким прогнозам - в то время как он не руководит заседаниями выборных, он торгует подержанными автомобилями. Но два дня тому назад у нас еще не было потасовок за еду. Мы также не знали об этих убийствах.

- Это не Барби, - утомлено, но упрямо помотала головой Рози.

Кокс не откликнулся на ее слова, и не потому, что он игнорировал Рози, догадалась Джулия, а потому, что само такое предположение было слишком смехотворным, чтобы обращать на него внимание. Из-за этого она почувствовала к нему теплоту, по крайней мере, немного.

- Джулия, вы думаете, это Ренни виновен в тех убийствах?

- Я думала об этом. Все его действия с того времени, как установился Купол, - от запрета продажи алкоголя до назначения шефом полиции абсолютного болвана - были политическими шагами, направленными на усиление его персонального влияния.

- Вы хотите сказать, что убийство не в его репертуаре?

- Не обязательно. Когда умерла его жена, ходили слухи, что это произошло не без его помощи. Я не говорю, что это чистая правда, но то, что такие слухи имели место, прежде всего, свидетельствует о том, каким данную особу видят люди.

Кокс понимающее хмыкнул.

- Однако, ради всего святого, мне не понятно, какая политическая целесообразность в убийстве и сексуальном надругательстве над двумя несовершеннолетними девушками.

- Барби никогда этого не сделал бы, - вновь повторила Рози.

- Такая же непонятная картина, если рассматривать Коггинса, хотя его пасторат, особенно та их радиостанция, выглядит подозрительно великолепно обеспеченной материально. А что касается Бренды Перкинс? Вот тут уже может прятаться политика.

- Но вы же не можете прислать к нам морских пехотинцев, чтобы его остановить, не так ли? - спросила Рози. - Вы ничего не можете, кроме как созерцать. Как те дети на аквариум, где самые большие рыбы сначала съедают всю пищу, а потом начинают пожирать маленьких рыбок.

- Я могу разрешить мобильную связь, - задумчиво произнес Кокс. - Могу заблокировать интернет. По крайней мере, это я могу сделать.

- У полицейских есть портативные рации, - сказала Джулия. - Он этим воспользуется. А в четверг на собрании, когда люди начнут жаловаться, что потеряли связь с внешним миром, он обвинит в этом вас.

- Мы планировали созвать пресс-конференцию в пятницу. Я мог бы ее отменить.

Джулия похолодела от самой мысли об этом:

- Даже не думайте. Тогда он будет лишен необходимости объяснять свои действия перед

миром.

- Плюс, - включилась Рози. - Если вы выключите телефоны и интернет, никто не сможет рассказать вам или кому-то другому о том, что у нас творится.

Кокс постоял молча, смотря себе под ноги. Потом поднял голову.

- А что касается того гипотетического генератора, который может поддерживать Купол? Никаких новостей?

Джулия не была уверена, следует ли рассказывать Коксу, что поиски генератора они поручили совсем еще юным школьникам. Но произошло так, что потребность отвечать на этот вопрос вдруг отпала, потому что именно в этот миг заревела городская пожарная сирена.

22

Пит Фримэн бросил последнюю пачку газет около дверей. И тогда, упершись руками себе в поясницу, распрямился и потянулся. Тони Гай услышал треск даже из другого конца комнаты.

- Трещит так, словно у тебя спина больная.

- Да нет, я чувствую себя чудесно.

- Моя жена сейчас уже должна храпеть, - сказал Тони. - А в гараже у меня есть спрятанная бутылка. Хочешь, зайдем по дороге домой, трахнем понемножку?

- Нет, я думаю... - начал Пит, и именно в этот миг окно сокрушила первая бутылка. Боковым зрением он заметил горящий фитиль и сделал шаг назад. Только один, но это спасло его от серьезных ожогов, вероятно, даже от сожжения живьем.

На осколки разлетелись и окно, и бутылка. Бензин загорелся в воздухе, ярко вспыхнув, словно какая-то горящая летающая рыба. Пит пригнулся, одновременно крутнувшись на месте. Огненная рыба пролетела мимо него, подпалив ему один рукав рубашки, и приземлилась на ковер перед столом Джулии.

- Что это, бля... - начал Тони, но тут вторая бутылка кувырком пролетела сквозь оконную дыру. Эта разбилась прямо у Джулии на столе, звякнув осколками во все стороны, распространяя огонь на разбросанные на столешнице бумаги, добавляя еще огня. Запах горящего бензина был горячим, густым.

Пит бросился к кулеру, который стоял в уголке, ударяя себя по боку горящим рукавом. Он коряво поднял и прижал бутыль с водой себе к животу, подставляя под струи воды из горлышка бутыли горящую рубашку (рука им чувствовалась сейчас, словно он ее сильно обжег на солнце).

Из ночной тьмы полетел следующий коктейль Молотова. Не долетел, разбился на тротуаре, запалив небольшой костер на бетоне. Струи горящего бензина стекали к водостоку и гасли.

- Лей воду на ковер! - закричал Тони. - Лей, пока весь дом не загорелся!

Ошарашенный Пит, тяжело дыша, лишь взглянул на него. Вода из пластиковой бутыли выливалась на тот край ковра, который не нуждался в увлажнении.

Хотя его репортерская деятельность ограничивалась исключительно темой юниорских спортивных соревнований, в свои школьные года Тони Гай и сам носил свитера с трехбуквенной[324] монограммой. И через десять лет после этого его рефлексы сохранились почти в полном порядке. Он выхватил бутыль у Пита и сначала полил из него сверху на стол Джулии, а потом на горящий ковер. Огонь начал распространяться, но, может… если он успеет… и если есть запасная бутыль, или даже пара в коридоре, который ведет к кладовой в задней части дома…

- Еще! - сказал он Питу, который стоял, вытаращившись на задымленные остатки своего рукава. - В заднем коридоре!

Какое-то мгновение Пит, похоже, еще не мог понять, о чем идет речь. Потом понял и стремглав бросился к коридору. Тони обошел стол и выплеснул последнюю пинту воды на пламя, которое старалось расширить тамошний плацдарм.

И тогда из тьмы прилетела последняя бутылка коктейля Молотова, и вот она-то и наделала самого большого вреда. Это было прямое попадание в груду наложенных ими возле входных дверей пачек газет. Горящий бензин затек под плинтус и вспыхнул вверх. Сквозь языки пламени Мэйн-стрит казалась каким-то неустойчивым миражом. В глубине этого миража, на противоположной стороне улицы, Тони рассмотрел пару невыразительных фигур. Сквозь накаленный воздух они казались такими, которые танцуют.

- ОСВОБОДИТЕ ДЕЙЛА БАРБАРУ, ПОТОМУ ЧТО ИНАЧЕ ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО! - проревел усиленный мегафоном голос. - НАС МНОГО, И МЫ ГОТОВЫ СЖЕЧЬ ВЕСЬ ГОРОД! ОСВОБОДИТЕ ДЕЙЛА БАРБАРУ, ПОТОМУ ЧТО ИНАЧЕ ВЫ ДОРОГО ЗАПЛАТИТЕ!

Тони взглянул вниз и увидел у себя между ступней огненный ручей. Воды, чтобы его погасить, у него больше не было. Скоро огонь сожрет ковер и примется за старое сухое дерево пола. Тем временем пожаром охватило уже всю переднюю часть офиса.

Тони бросил пустую бутыль и отступил назад. Температура повысилась, он ощущал, как от жара ему стягивает кожу. «Если бы не эти чертовы газеты, я мог бы…»

Но для «мог бы» уже было слишком поздно. Он осмотрелся и увидел в двери Пита с бутылью воды «Поланд Спрингс» в руках. Большая часть его обгоревшего рукава уже отпала. Кожа на руке была ярко-красной.

- Поздно! - крикнул Тони. Он оставил стол Джулии, который уже превратился в колонну огня, которая достигала стены, и двинулся по широкой дуге, прикрывая себе рукой лицо от жара. - Слишком поздно! К заднему ходу!

Пит Фримэн не нуждался в поторапливании. Он кинул бутыль прямо в огонь и бросился наутек.

23

Кэрри Карвер редко когда имела какое-то отношение к «Топливу & Бакалеи», хотя лавочка в течение многих лет обеспечивала ей с мужем довольно приятную жизнь, она считала себя Выше Всего Этого. Однако когда Джонни заметил, что неплохо было бы им поехать фургоном и перевезти оттуда остатки консервированных продуктов домой - «на хранение», как деликатно высказался он, - Кэрри сразу согласилась. И хотя по обыкновению работой она не утруждалась (большей частью посвящала себя регулярному просмотру «Судьи Джуди»[325]), тут она согласилась помочь. В «Фуд-Сити» она не была, но позже, когда сходила туда со своей

подругой Ли Андерсон посмотреть на последствия передряги и разбитые витрины супермаркета, кровь на мостовой очень ее напугала. Она испугалась за свое будущее.

Джонни выносил картонные ящики с супом, бобами и соусами; Кэрри складывала их в кузов их «Додж-Рэма». Они уже сделали половину дела, когда дальше по улице вспыхнуло пламя. Оба слышали лозунги, пророненные в мегафон. Кэрри заметила двух или трех людей, которые бежали по переулку мимо универмага Бэрпи, но не была в этом уверена. Позднее она будет уверена и количество тех фигур увеличится до четырех. А может, и пяти.

- Что это означает? - спросила она. - Милый, что это означает?

- Что этот проклятый душегубец здесь не один, - ответил Джон. - Это значит, что у него здесь целая банда.

Ладонь Кэрри лежала в него на руке, и теперь ее ногти впились ему в кожу. Джон вырвал руку и побежал к полицейскому участку, взывая: «Пожар!» во всю силу своих легких. Кэрри не побежала вслед за ним. Кэрри продолжила нагружать фургон. Теперь она боялась за свое будущее еще больше, чем до этого.

24

Кроме братьев Бови и Роджера Кильяна, на трибунах спортивного зала в средней школе сидело еще десять новых офицеров только что родившейся Службы внутренней безопасности Честер Милла, и Большой Джим только начал речь о возложенной на них ответственности, как вдруг завелась пожарная сирена. «Парень поспешил, - подумал он. - Я не могу доверять ему, Господи спаси мою душу. Никогда не мог, но сейчас он становится еще более ненадежным».

- Итак, ребята, - произнес он, смотря прямо на Мики Вордло («Боже! Какой бычок!»). - О многом хотел я вам сказать, но, кажется, нам предстоит какое-то срочное дело. Ферн Бови, ты часом не знаешь, есть ли у нас в пожарном участке переносные помпы?

Ферн ответил, что он заглядывал в пожарный сарай в этот вечер, просто взглянуть, что за оборудование там может быть, и видел там с дюжину заплечных насосов. Все заполненные водой, и им это как раз сейчас пригодится.

Большой Джим, думая, что сарказм следует приберегать для тех, кто имеет достаточно масла в голове, чтобы его уловить, сказал, что это Добрый Господь так проявляет заботу о них. И еще он сказал, что, если сейчас это не ложная тревога, он назначает Ферна главным пожарным, а Стюарта Бови его заместителем.

«Ну что, пронырливая ведьма, - думал он, смотря на новых офицеров, которые с сияющими глазами, желая поработать, привставали со стульев. - Теперь увидим, понравится ли тебе совать нос в мои дела».

25

- Куда ты теперь? - спросил Картер.

Он привел свою машину с выключенными фарами туда, где Вест-стрит растворялась в шоссе 117. Здание, которое стояло здесь, когда-то принадлежало заправке Тексако, которая закрылась в 2007 году. Совсем рядом с городом, но хороший, удобный тайник. В том

направлении, откуда они приехали, эрекция пожарной сирены достигла максимума и первые языки огня, скорее розовые, чем оранжевые, уже лизали небо.

- А? - Джуниор засмотрелся на возрастающее сияние. От этого зрелища он почувствовал возбуждение у себя в штанах. Ему подумалось: как хорошо было бы, если бы у него осталась, хотя бы одна подружка.

- Я спросил, куда ты теперь. Твой отец сказал, что надо найти алиби.

- Я покинул экипаж № 2 за почтой, - произнес Джуниор, неохотно отрываясь глазами от пожара. - Я на патрулировании с Фрэдди Дейтоном. Он и скажет, что мы были вместе. Все время. Отсюда я могу пойти напрямик. А могу вернуться по Вест-стрит. Позырю, как там разгорается. - Он выдал высокое хихиканье, почти девчачье хихиканье, и Картер бросил на него странный взгляд.

- Не смотри очень долго. Поджигателей всегда ловят, когда они возвращаются посмотреть на свои пожары. Я видел это по «Их разыскивает Америка»[326].

- Да на хер кому-то вступаться за эту прошмандовку, кроме Бааарби, - произнес Джуниор. - А ты как? Ты куда собираешься?

- Домой. Ма скажет, что я сидел дома весь вечер. Попрошу ее, чтобы поменяла мне повязку на плече - болит адски там, где эта падлючая собака погрызла. Приму аспирин. А потом пойду, помогу тушить пожар.

- У них в амбулатории и в госпитале есть лекарства, более крутые, чем аспирин. И в аптеке тоже. Неплохо было бы нам порыться в том дерьме.

- Несомненно.

- Или… как ты относишься к кристаллам? Думаю, я мог бы достать.

- Мет? Никогда в жизни. Но я бы не отказался от окси.

- Окси! - воскликнул Джуниор. Почему он сам ни разу не упомянул об оксиконтине? Он, наверняка, помог бы ему с головной болью лучше, чем зомиг или имитрекс. - Эй, братан. Твоя правда!

Он задрал руку. Картер стукнулся с ним кулаками, но закидываться таблетками вместе с Джуниором намерения он не имел. Джуниор стал каким-то странным.

- Лучше тебе уже пойти, Джунс.

- Уже отчаливаю, - Джуниор открыл двери и направился прочь, немного прихрамывая.

Картер сам себе удивился, ощутив непонятное облегчение от того, что Джуниор наконец-то его покинул.

26

Барби проснулся от звука сирены и увидел, что перед камерой стоит Мэлвин Ширлз. Ширинка у парня была расстегнута, в руке он держал свой огромный член. Увидев, что Барби смотрит на него, он начал мочиться. Явно задался целью достать до топчана. У него это не получилось, и

он удовлетворился тем, что набрызгал по бетону мокрую букву S.

- Давай, Барби, пей, - сказал он. - Ты же испытываешь жажду. Она немного соленая, но какая тебе к херам разница.

- Что горит?

- А то ты не знаешь? - произнес Мэл с улыбкой. Он все еще оставался бледным - несомненно, потерял много крови, - но повязку на голове имел свежую, чистенькую.

- Прикинемся, что нет.

- Твои дружки произвели поджог редакции, - сказал Мэл, на этот раз выщерив зубы.

Барби понял, что мальчик обозлен. И напуган тоже.

- Хотят напугать нас, чтобы мы тебя выпустили. Но мы… не… пугливые.

- Зачем я жег бы газету? Почему не городской совет? И кем могут быть те мои дружки?

Мэл заправлял член назад себе в штаны.

- Завтра ты уже напьешься, Барби. Об этом не беспокойся. У нас будет целое ведро воды, и твое имя на нем будет написано, и губка при нем.

Барби молчал.

- Ты видел, как притопляют там у тебя в Ираке? - Мэл кивнул, словно знал, что Барби такое видел. - Теперь ты попробуешь это на себе. - Он продвинул через решетку палец. - Мы узнаем, кто такие твои соучастники, говноед. А сначала узнаем, что ты сделал, чтобы запереть наш город. Притопление? Никто его не выдержит.

Он, было, отправился прочь, но вдруг развернулся.

- И не в пресной воде. В соленой. Это главное. Подумай об этом.

Мэл пошел, тяжело шлепая по коридору, со склоненной головой.

Барби сел на топчан, взглянул на подсыхающие отпечатки Мэловой мочи на полу, прислушиваясь к сирене. Подумал о блондинке в пикапе. Девушке, которая едва не решила его подвезти, а потом передумала. И закрыл глаза.

ПЕПЕЛИЩЕ

1

Расти стоял на разворотной площадке перед госпиталем и смотрел на пламя, которое поднималось где-то на Мэйн-стрит, как вдруг у него на поясе зазвонил телефон. Рядом стояли Твич с Джиной, девушка держала Твича за руку, словно искала защиты. Джинни Томлинсон и Гарриэт Бигелоу спали в госпитальной ординаторской. Обход делал тот пожилой мужчина, который согласился стать волонтером, Терстон Маршалл. Он оказался на чудо опытным. Свет есть, аппаратура вновь работает, на некоторое время топлива хватит, дела улучшились, и все

идет нормально. Пока не заверещала сирена, Расти даже не осмеливался радоваться за себя.

Он увидел на экране телефона «ЛИНДА» и произнес:

- Дорогуша, все хорошо?

- У нас – да. Дети спят.

- Ты не знаешь, что там го…

- Редакция газеты. Помолчи и слушай, потому что через полторы минуты я выключу телефон, чтобы никто мне не мог позвонить, не позвал на тушение пожара. Здесь Джеки. Она побудет с детьми. Тебе нужно встретиться со мной в похоронном салоне. Там также будет Стэйси Моггин. Она уже к нам забегала. Она с нами.

Услышав это имя, хотя оно и было ему знакомое, Расти не сразу припомнил, кому оно принадлежит. А это - она с нами. Действительно началось разбиение на стороны, кто-то становится с нами, а кто-то с ними.

- Лин…

- Увидимся там. Десять минут. Это безопасно, пока они будут заниматься пожаром, потому что оба брата Бови в пожарной бригаде. Так сказала Стэйси.

- Как это они могли так быстро собрать брига…

- Не знаю и знать не хочу. Ты сможешь приехать?

- Да.

- Хорошо. Не оставляй машину на боковой стоянке. Объезжай дом и поставь ее на маленькой площадке. – После этого ее голос пропал.

- Что там горит? - спросила Джин. - Вы знаете?

- Нет. Потому что мне никакого звонка не было, - ответил Расти и посмотрел на них тяжелым взглядом.

Джина не поняла, зато Твич сразу.

- Никто никому не звонил.

- Я просто куда-то отлучился, возможно, поехал на вызов, но вы не знаете, куда именно. Я не говорил. Правильно?

Нисколечко не потеряв своего сбитого с толку вида, Джина все же кивнула. Потому что эти люди теперь ее люди; этот факт не вызывает у нее сомнений. Да и с какой бы радости? Ей всего лишь семнадцать. «Наши и не наши, - подумалось Расти. – Не очень хорошая терапия, конечно. Особенно для семнадцатилетней девушки».

- Возможно, на вызове, - произнесла она. - Где именно, мы не знаем.

- Конечно, - согласился Твич. - Ты конек-горбунок, а мы всего лишь муравьи.

- Не делайте из этого уж такого большого дела, - сказал Расти. Хотя дело было большим, ему это уже было ясно. Угрожало неприятностями. И Джина не единственный ребенок в этой картинке; есть их с Линдой дочки, которые сейчас крепко спят, не зная того, что папаша с мамашей напялили парус и отплывают в бурю, которая может оказаться слишком опасной для их лодочки.

Но все-таки…

- Я вернусь, - произнес Расти, надеясь, что это не пустая фраза.

2

Сэмми Буши завернула «Малибу» Эвансов на аллею, которая вела к больнице имени Катрин Рассел немного позже, чем отсюда, отправляясь к похоронному салону Бови, отъехал Расти; они разминулись по противоположным полосам возле площади на городском холме.

Джина с Твичем уже зашли вовнутрь, и разворотная площадка перед центральным входом лежала пустой, но она не остановилась здесь; заряженная - потому что оружие, которое лежит рядом на сидении, делает тебя осторожным (Фил сказал бы «становишься параноиком»). Вместо того она поехала вокруг здания и поставила машину на служебной стоянке. Схватила пистолет и засунула себе за пояс джинсов, прикрыв его сверху низом майки. Пересекла стоянку, остановилась перед дверьми прачечной и прочитала надпись: КУРИТЬ ЗДЕСЬ БУДЕТ ЗАПРЕЩЕНО С 1-го ЯНВАРЯ. Посмотрела на щеколду, понимая, что, если та не откроется, она отступится от своего намерения. Это будет Божий знак. С другой стороны, если двери незапертые…

Двери были незапертыми. Бледным, тусклым призраком она проскользнула в середину.

3

Терстон Маршалл чувствовал себя утомленным - даже изможденным, - но более счастливым, чем сейчас, он не чувствовал себя уже много лет. Вне всякого сомнения, это патология; он же профессор на пожизненном контракте, печатающийся поэт, редактор престижного литературного альманаха. С ним делит кровать роскошная молодая женщина, самая умная и считает его выдающейся, прекрасной личностью. То, что раздача таблеток, лепка мазевых повязок, опустошение подкладных уток (не говоря уже о вытирании обосранной жопки мальчика Буши час тому назад) дарило ему ощущение счастья, большего, чем все обозначенные выше достижения, просто вынуждено быть патологией, но что греха таить. Госпитальные коридоры с их запахами дезинфектанта и мастики для пола относили его в юность. Этим вечером его воспоминания были очень яркими, от вездесущего аромата пачулевого масла в квартире Девида Перна[327] до банданы с «огуречным» узором, которая была у Терси на голове, когда он ходил на поминальную службу по Бобби Кеннеди[328]. Обходы он делал, хмыкая себе нежно, потихонечку под нос «Ногатую женщину»[329].

Он заглянул в ординаторскую и увидел, что на притянутых туда топчанах спят медсестра со свернутым носом и хорошенькая санитарочка, та, которую зовут Гарриэт. Диван оставался свободным, скоро он и сам или завалится на него, чтобы проспать здесь несколько часов, или вернется на Хайленд-Авеню, где теперь его дом. Наверное, туда. Странные перемены. Странный мир.

Впрочем, сначала надо еще раз взглянуть на тех, кого он уже стал считать своими пациентами.

Это не займет много времени в этом, размером как почтовая марка, госпитале. Тем более, что большая часть палат стоят пустыми. Билл Оллнат, которому из-за полученного им ранения в битве при «Фуд-Сити» не позволяли засыпать до девяти, теперь, положенный на бок, чтобы уберечь от давления длинную рваную рану у него на затылке, уже крепко спал, похрапывая.

Через две палаты от него лежала Ванда Крамли. Сердечный монитор пикал, давление у нее немного стабилизировалось, но она находилась на пяти литрах кислорода, и Терси боялся, что они ее потеряют. Великоватый вес, многовато сигарет. Рядом с ней сидели ее муж и самая младшая дочь. Терси показал Венделу Крамли пальцами V (знак, который в его юные года означал мир), и Вендел, улыбающийся, ответил ему тем же.

Тенси Фримэн, с удаленным аппендиксом, читала журнал.

- Почему ревет пожарная сирена? - спросила она у него.

- Не знаю, милочка. Как там наша боль?

- На троечку, - ответила она безразлично. - Может, и на двойку. Я смогу уже завтра пойти домой?

- Зависит от доктора Расти, хотя мой магический кристалл подсказывает мне, что да. - И от того, как на эти его слова просветилось ее лицо, он, отнюдь сам не понимая причин этого, почувствовал, что вот-вот заплачет.

- Вернулась мама того малыша, - сказала Тенси. - Я видела, как она проходила по коридору.

- Хорошо, - произнес Терси.

Хотя с этим мальчиком каких-то особых проблем не было. Он немного поплакал несколько раз, но большей частью спал, ел или просто лежал в колыбели, апатично вглядываясь в потолок. Его звали Уолтер (Терси не имел понятия, что слово Малыш, указанное на карточке на дверях палаты, это его первое имя), но Терстон Маршалл мысленно называл его Торазиновым[330] Мальчиком.

Наконец он приоткрыл двери палаты №23 (с прилепленной к ним на пластиковой присоске желтой табличкой ИМЕЕТСЯ ГРУДНОЙ РЕБЕНОК) и увидел молодую женщину - жертву изнасилования, как об этом ему шепнула Джина, - которая сидела на стуле возле кровати. Ребенка она держала у себя на коленях и кормила из бутылочки.

- Как вы чувствуете себя… - Терстон взглянул на другое имя на дверях, - мисс Буши?

Произнес он ее фамилию как Бушис, но Сэмми даже не задумалась над тем, чтобы исправить его ошибку или сообщить ему, что приятели зовут ее Буши-Жопа-Туши.

- Хорошо, господин врач, - ответила она.

И Терстон не стал исправить ее ошибку в его статусе. Его неподвластная определению радость - та, что всегда имеет под собой скрытую готовность к слезам - разбухла еще больше. Он вспомнил, как близко находился от того, чтобы передумать идти в волонтеры - это Кара его подтолкнула, - и тогда бы он ничегошеньки такого не имел.

- Доктор Расти обрадуется вашему возвращению. И Уолтер рад. Вам нужно какое-нибудь обезболивающее?

- Нет. - Это было правдой. В ее половых внутренностях все еще болело и подергивало, но чувствовалось это словно где-то вдалеке. Она словно плыла где-то над собой, связанная с землей тончайшими ниточками.

- Хорошо. Это означает, что вы идете на поправку.

- Да, - согласилась Сэмми. - Скоро я совсем выздоровею.

- Когда закончите его кормить, почему бы вам не лечь в кровать? Доктор Расти осмотрит вас завтра утром.

- Хорошо.

- Спокойной ночи, мисс Бушис.

- Спокойной ночи, господин доктор.

Терси деликатно прикрыл двери и отправился по коридору. В конце была палата девушки Руа. Осталось заглянуть к ней, и тогда он уже, можно сказать, пошабашил.

Взгляд у нее был мутный, но она не спала. Напротив юноша, который пришел ее посетить, сидел в уголке на стуле и кунял, вытянув перед собой длинные ноги.

Джорджия поманила Терси, и когда он к ней наклонился, что-то ему прошептала. Из-за ее тихого голоса и разбитого, почти беззубого рта он расслышал всего несколько слов. И наклонился еще ближе.

- Не буите ехо. - Для Терси это звучало так, словно говорил Гомер Симпсон[331]. - Он еинтвенный, кто пвишол меня поофетать.

Терси кивнул. Конечно, время для посещения давно прошло и, судя по его голубой рубашке и пистолету, этот юноша, наверняка, будет наказан за то, что не откликнулся на пожарную сирену, но все же - что за беда?

Одним пожарным больше, одним меньше, разницы большой нет, а если парень так глубоко заснул, что его даже ревун не разбудил, то тем более никакой пользы из него там не было бы. Терси приложил палец себе к губам, выдав тихенькое шшш, показывая девушке, что они заговорщики. Она постаралась улыбнуться, но только скривилась.

Терстон не предложил ей ничего болеутоляющего, потому что, судя по записи в карточке на быльцах ее кровати, максимально допустимая доза в ее организме и так будет сохраняться до двух утра. Вместо этого он вышел, мягко прикрыв за собой двери, и пошел назад по сонному коридору. Не заметив, что двери с табличкой «ИМЕЕТСЯ ГРУДНОЙ РЕБЕНОК» вновь распахнуты настежь.

Когда он мимо них проходил, его мысли полились к обворожительному дивану в ординаторской, но Терстон все же решил пойти на Хайленд-Авеню.

И проверить, как там его дети.

4

Сэмми сидела на кровати с Малышом Уолтером на коленях, пока мимо нее не прошел новый

врач. И тогда поцеловала сыночка в обе щечки и ротик.

- Ты будешь хорошим мальчиком, - сказала она ему. - Мама увидится с тобой на небе, если ее туда пустят. А я думаю, что пустят. В аду свой срок она уже отбыла.

Она положила его в колыбель, а потом отодвинула ящик стола, который стоял возле ее кровати. Перед тем, как в последний раз покормить, подержать на руках Малыша Уолтера, она спрятала туда пистолет, чтобы мальчик не чувствовал его твердости. И теперь она его вытащила.

5

Нижняя часть Мэйн-стрит была заблокирована поставленными нос к носу полицейскими машинами с работающими мигалками. Толпа - молчаливо, без ажиотажа, почти мрачно - стояла рядом с машинами и смотрела.

Горес по обыкновению был, как и подобает корги, спокойным псом, чей вокальный репертуар ограничивался залповым тявканьем, когда он поздравлял Джулию с возвращением домой, и коротким скулежом, когда старался напомнить ей о своем присутствии и потребностях. Но, когда она припарковала машину к бордюру напротив «Maison des Fleurs», Горес на заднем сидении зашелся низким вытьем. Джулия протянула руку назад и вслепую погладила его по голове. Успокаивая одновременно его и себя.

- Бог мой, Джулия! - вскрикнула Рози.

Они вышли. Первым намерением Джулии было оставить Гореса в машине, но, когда он вновь выдал серию тех коротких растерянных вскриков - так, словно понимал, словно он полностью все понимал, - она нащупала под пассажирским сидением его поводок, открыла ему задние двери и защелкнула на ошейнике карабин. А прежде чем закрыть дверцы, она выхватила из кармана на спинке сидения свой персональный фотоаппарат, маленький «Casio». Они пропихивались через толпу зевак на тротуаре, и Горес, натягивая поводок, рвался вперед.

Их старался остановить Руп, полицейский на полставки и кузен Пайпер Либби, который переехал в Милл пять лет тому назад.

- Дальше никому нельзя, леди.

- Это моя собственность, - сказала Джулия. - Здесь все, чем я владею в этом мире: одежда, книжки, другие вещи, все-все. Внизу редакция газеты, которая основана моим прадедом. За сто двадцать лет эта газета всего лишь четыре раза не вышла своевременно. Теперь она развеивается с дымом. Если вы предлагаете помешать мне посмотреть вблизи, как это происходит, лучше застрелите меня.

Руп выглядел неуверенным, однако как только она сделала шаг вперед (Горес теперь держался возле ее ноги, подозрительно смотря вверх на лысеющего мужчину), Руп отступил в сторону. Но лишь на миг.

- А вам туда нельзя, - приказал он Рози.

- А я все-таки туда пройду, - крикнула она. - Если ты не желаешь получить слабительного себе в чашку, когда в следующий раз закажешь у меня шоколадный фрапе.

- Мэм… Рози… У меня есть приказ.

- К чертовой бабушке приказы, - произнесла Джулия скорее утомлено, чем вызывающе. Она взяла Рози под руку и повела по тротуару, остановившись лишь тогда, когда ощутила на лице дыхание, словно из раскаленной печи.

«Демократ» превратился в ад. Дюжина или около этого копов даже не старались укротить огонь, но, имея на себе заплечные помпы (на некоторых так и остались наклейки, надписи на которых она легко смогла прочитать в свете пожара: ОЧЕРЕДНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА В БЭРПИ), они щедро поливали аптеку и книжный магазин. Благодаря отсутствию ветра, думала Джулия, им удастся спасти оба этих заведения… и таким образом, также и оставшиеся здания вдоль восточной стороны Мэйн-стрит.

- Удивительно быстро они снарядились, - произнесла Рози.

Джулия не сказала на это ничего, только смотрела на языки пламени, которые лизали тьму, рассыпая вокруг снопы искр. Она была слишком шокирована, чтобы плакать.

«Все, - думала она. - Полностью все».

Через круг полицейских, которые теперь поливали фасад и северную сторону семейной аптеки Сендерса, протиснулся Пит Фримэн. Единственно чистыми на его лице были те дорожки, где слезы смыли копоть.

- Джулия, мне так жаль! - он едва не голосил. - Мы его почти остановили… мы уже почти погасили огонь… если бы не последняя… последняя бутылка, которую те сучата бросили, она упала прямо на газеты сложенные возле дверей и… - Он вытер себе лицо уцелевшим рукавом, размазав копоть. - Мне так, к черту, жаль!

Она прижала его к себе, словно ребенка, хотя Пит был на шесть дюймов выше ее и весил на сотню фунтов больше. Она обняла его, стараясь не дотрагиваться до его обожженной руки, и спросила:

- Что именно случилось?

- Зажигательные гранаты, - пробурчал он. - Этот сученок Барбара.

- Он в тюрьме, Пит.

- Его друзья! Его чертовы друзья! Они это сделали!

- Что? Ты их видел?

- Слышал, - сказал он, отстраняясь, чтобы посмотреть на нее. - Их тяжело было не услышать. У них был мегафон. Кричали, если Дейл Барбара не будет освобожден, они сожгут весь город. - Он горько улыбнулся. - Освободить его? Мы должны его повесить! Дайте мне веревку, и я собственноручно это сделаю.

Большой Джим приблизился неспешной, легкой походкой. Пожар окрасил ему щеки в оранжевый цвет. Улыбка на его лице была такая широкая, что растянулась, чуть ли не до ушей.

- Ну, и как вам теперь ваш приятель Барби, Джулия?

Джулия сделала к нему шаг и, видно, что-то было такое на ее лице, потому что Большой Джим

на шаг отступил, словно испугавшись, что она сейчас врежет ему наотмашь.

- Это не имеет никакого смысла. Никакого. И вы это хорошо знаете.

- О, я думаю, что имеет. Если вы возьмете за основу ту идею, что именно Дейл Барбара с его друзьями сначала установили Купол, вы увидите в этом вполне ясный смысл. Это террористический акт, простой и однозначный.

- Дерьмо. Я сама на его стороне, что означает: моя газета на его стороне. И он это прекрасно знает.

- Но они кричали… - начал Пит.

- Да, - оборвала она, не смотря на него. Ее глаза не отрывались от освещенного пожаром лица Ренни. - Они кричали, они кричали, но кто такие, к черту, эти они? Спроси у себя, Пит! Спроси у себя: если за этим не стоит Барби, у которого нет никаких мотивов - кто в таком случае имеет такие мотивы? Кто получает выгоду, затыкая придирчивый рот Джулии Шамвей?

Большой Джим отвернулся и махнул двум офицерам-новобранцам, в которых можно было узнать копов только за голубыми платочкам, повязанным у них на бицепсах. Один из них высокий, неповоротливый бычок, лицо которого, несмотря на его габариты, выдавало в нем ребенка. Второй не мог быть никем другим, кроме как Кильяном; эта заостренная конусом голова кричала о его происхождении лучше любого метрического свидетельства.

- Мики, Ричи. Уберите этих женщин с места происшествия.

Горес натянул поводок, зарычав на Большого Джима. Большой Джим презентовал небольшой собаке пренебрежительный взгляд.

- А если они не уйдут отсюда добровольно, даю вам разрешение схватить их и закинуть за капот ближайшего полицейского автомобиля.

- Мы еще не закончили, - произнесла Джулия, наставив на него палец. Теперь уже и она также начала плакать, но слезы у нее текли очень горячие, очень болезненные, чтобы быть слезами грусти. - Мы еще не закончили, ты, сукин сын.

Улыбка Большого Джима возродилась вновь. Блестящая, как лак его «Хаммера». И такая же черная.

- Закончили, - произнес он. - Вопрос решен.

6

Большой Джим отправился назад, к пожару - он хотел досмотреть это зрелище, пока совсем ничего не останется от газеты этой проныры, кроме кучки пепла - и глотнул полное горло дыма. Вдруг сердце остановилось у него в груди, и мир поплыл вокруг него, словно включился какой-то спецэффект. Потом его часики вновь завелись, но нерегулярными тревожными рывками, он задыхался. Он ударил себя кулаком в левую сторону груди и сильно кашлянул - быстрое удобное средство при аритмии, которому его когда-то научил доктор Гаскелл.

Сначала сердце продолжало галопировать с перебоями (бух… пауза… бух-бух… пауза), но вскоре оно вернулось к своему нормальному ритму. Лишь на мгновение он представил его себе

завязшим в тугом шаре из желтого жира, словно пойманное живое существо, которое старается вырваться на волю раньше, чем задохнется. Но быстро отбросил это видение прочь.

«Со мной все хорошо, просто немного перетрудился. Нет лучшего лекарства, чем семичасовой сон».

Подошел шеф Рендольф с портативной помпой на своей широкой спине. С лица у него стекал пот.

- Джим, с тобой все хорошо?

- Все прекрасно, - ответил Большой Джим. И так оно и было. Он чувствовал себя прекрасно. Находился в кульминационном пункте своей жизни, где воплощался шанс достичь того величия, на которое, как сам знал, он был способен. Никакая членососка, никакие сраные часы не лишат его этого шанса. - Я просто устал. Я просто работал почти беспрерывно.

- Поезжай домой, - посоветовал Рендольф. - Никогда не думал, что буду благодарить Бога за Купол, и сейчас не говорю этого, но он, по крайней мере, дает защиту от ветра. Мы здесь управимся. Я послал людей на крыши аптеки и книжного магазина на случай, если искры и туда залетят, давай отправляйся и…

- Каких людей? - Его сердцебиение выравнивалось, выравнивалось. Хорошо.

- Генри Моррисона и Тоби Велана на книжный магазин. Джорджа Фредерика и одного из этих новых ребят на аптеку. Кого-то из Кильянов, я думаю. С ними согласился пойти и Ромми Бэрпи.

- Рация при тебе?

- Конечно.

- А у Фредерика есть?

- Все штатные имеют.

- Скажи Фредерику, чтобы наблюдал за Бэрпи.

- Ромми? Зачем, ради Бога?

- Я ему не доверяю. Он может принадлежать к друзьям Барбары.

Правда, отнюдь не Барбара беспокоил Большого Джима, когда говорилось о Бэрпи. Этот человек был другом Бренды. И он был прытким человеком.

Вспотевшее лицо Рендольфа перекосилось:

- Сколько их всего, как ты думаешь? Сколько их на стороне этого сукиного сына?

Большой Джим покачал головой:

- Трудно сказать, Пит, но это серьезное дело. Планировалось, наверняка, очень серьезно. Тут нельзя просто присмотреться к новичкам в городе, чтобы показать: вот, это они. Кое-кто из задействованных в этом деле могли жить здесь годами. Даже десятилетиями. Это у них называется глубоким погружением.

- Господи Иисусе. Но зачем, Джим? Зачем, ради Бога?

- Не знаю. Возможно, это такое испытание, а мы в роли лабораторных крыс. Возможно, это путь к захвату власти. Всего можно ожидать от того пустопляса, который сидит сейчас в Белом Доме. Важно, чтобы мы увеличивали наши силы безопасности и разоблачали лжецов, которые будут подрывать наши усилия по соблюдения порядка.

- Так ты думаешь, что она… - он кивнул головой в сторону Джулии, которая стояла и смотрела, как отлетает с дымом дело ее жизни, и ее собака сидела рядом с ней и тоже смотрела, тяжело дыша, на огонь.

- Я не знаю наверняка, но как она вела себя сегодня днем? Поднимала бучу в участке, хотела увидеться с ним? О чем тебе это говорит?

- Эй, - воскликнул Рендольф. Он искоса рассматривал Джулию. - И сожгла собственный дом, что еще лучше может служить прикрытием?

Большой Джим наставил на него палец, словно говоря: истинно так.

- Я рву когти. Звякни Джорджу Фредерику. Пусть следит за этим льюистоновским канадцем.

- Сейчас же, - кивнул Рендольф, отцепляя с пояса воки-токи.

Позади их Ферналд Бови завопил:

- Крыша рушится! Эй, кто на улице, отойдите назад! Вы, кто на других зданиях, приготовьтесь, приготовьтесь!

Положив одну ладонь на двери своего «Хаммера», Большой Джим смотрел, как просела крыша «Демократа», послав столб искр прямо в черное небо. Люди на соседних домах проверили помпы один у другого на плечах, и тогда выстроились, стоя, словно по команде «вольно» на параде, с наконечниками шлангов в руках.

Выражение лица Шамвей в момент обрушения крыши ее «Демократа» подействовало на сердце Большого Джима лучше всяких никчемных лекарств в целом свете. Годами он был вынужден мириться с ее еженедельными тирадами и, хотя он никогда не признал бы, что боится ее, она его очень раздражала.

«Но стоит посмотреть на нее теперь, - думал он. - Выглядит так, словно вернулась домой, а ее мать лежит мертвая посреди дома».

- Ты в лице изменился, - сказал Рендольф. - Румянец вернулся.

- Я чувствую себя лучше, - ответил Большой Джим. - Но все равно поеду домой. Завалюсь спать.

- Хорошая идея, - сказал Рендольф. - Ты нам нужен, друг. Сейчас больше, чем всегда. А если этот проклятый Купол не исчезнет… - Он помотал головой, не отводя своих собачьих глаз бассет-хаунда от лица Большого Джима. - Я даже не представляю, как бы мы смогли без тебя в таком случае. Я люблю Энди Сендерса, как брата, но он какой-то убогий, когда речь идет о мозге. И Эндрия Гриннел говна сторож с того времени, как свалившись, повредила себе спину. Ты - тот клей, на котором держится в куче весь Честер Милл.

Большой Джим был растроган. Он схватил руку Рендольфа и сжал:

- Я жизнь готов положить за наш город. Вот как сильно я его люблю.

- Я знаю. Я тоже. И никто его у нас не заберет.

- Именно так, - кивнул Большой Джим.

Он отъехал, обойдя по тротуару полицейские машины, которые блокировали дорогу с северной стороны делового квартала. Сердце в груди вновь билось ровно (ну, почти), но вопреки этому тревожность его не покинула. Он должен увидеться с Эвереттом. Сама эта мысль ему не нравилась, Эверетт тоже придирчивый проныра, способен накликать неприятности в то время, когда город нуждается в единении. А также он никакой не врач. Большой Джим склонялся к мысли, что со своими медицинскими проблемами он скорее доверился бы какому-то ветеринару, но в городе не было таковых. Остается только надеяться на то, что в случае возникновения у него нужды в каких-то медикаментах для упорядочивания сердцебиения, Эверетт знает правильные.

«Конечно, - подумал он, - что бы там он мне не дал, я всегда могу переспросить об этом у Энди».

Но не это беспокоило его больше всего. Было кое-что другое - слова, пророниенные Питом: «Если этот Купол не исчезнет...»

Большой Джим не был опечален Куполом. Как раз наоборот. Если Купол действительно исчезнет - то есть слишком рано, - вот тогда он может оказаться в, на самом деле, неприятной ситуации, если даже не вынырнет ничего об их метовой лаборатории. Конечно, выплывут всякие никчемы, начнут разбирать принятые им решения. Одно из правил политической жизни, за которую он схватился еще в самом начале карьеры, подчеркивает: «Кто может, делает; кто не может, подвергает критике того, кто может». Они не способны понять, что все, что он делает или кому-то приказывает сделать, даже это бросание камней сегодня утром в маркете, имеет в своей основе заботу. Приятели Барбары во внешнем мире будут особенно предрасположены к непониманию, потому что они не захотят его понять. В том, что Барбара имеет во внешнем мире друзей, и влиятельных, Большой Джим не сомневался с того момента, как увидел письмо от Президента. Но сейчас они ничего не могли сделать. И Большому Джиму хотелось, чтобы такое состояние сохранилось еще, по крайней мере, недели с два. Еще лучше, если бы пару месяцев.

По правде говоря, ему нравится Купол.

Не навсегда, конечно, но пока тот пропан, который рядом с радиостанцией, не будет развезен, куда надо. Пока не будет демонтирована лаборатория, а сарай, в котором она располагалась, сожжен дотла (очередное преступление, положенное на счет соучастников заговора, сплетенного Дейлом Барбарой)? Пока не будет завершено следствие по делу Дейла Барбары, и он сам будет казнен полицейской расстрельной командой? Пока вину за все плохое, что делалось здесь во время кризиса, не получится возложить на по возможности большее количество людей, а все хорошее поставить в заслугу одному, то есть ему?

До того времени Купол пусть бы стоял на своем месте.

Большой Джим решил, что на коленях помолится об этом, прежде чем лечь спать.

7

Сэмми ковыляла по госпитальному коридору, присматриваясь к табличкам на дверях и приоткрывая те, на которых не было никаких имен, просто, чтобы убедиться. Она уже начала было беспокоиться, что этой сучки здесь нет, когда, наконец, подошла к последним дверям, на которых увидела пришпиленную открытку с пожеланием скорейшего выздоровления. На ней была нарисована собака из какого-то мультика и надпись: «Я слышал, ты сейчас не очень хорошо себя чувствуешь».

Сэмми вытянула из-за пояса джинсов пистолет Джека Эванса (пояс у нее теперь ослаб, у ней наконец-то получилось немного сбросить вес - лучше поздно, чем никогда) и его дулом приоткрыла первую страницу открытки. Внутри рисованный пес лизал себе яйца, произнося: «Не время ли подлизаться?» Именно такого вкуса в выборе приветственной открытки и могла ожидать Сэмми от тех, чьи подписи шли ниже: Мэл, Джим Дж., Картер, Фрэнк.

Дулом пистолета она толкнула двери, и они приоткрылись. Джорджия была не одна. Это не нарушило того глубокого покоя, который ощущала Сэмми, того почти достигнутого ей чувства умиротворения. Наоборот могло нарушить, если бы мужчина, который спал в уголке, был кем-то невиновным - скажем, отцом или дядей этой сучки, - но это был Фрэнки-Сиськохват. Тот, который насиловал ее первым, который сказал ей, чтобы держала рот на замке, пока не прикажут сосать. То, что он сейчас спал, ничего не меняло. Потому что такие, как он, просыпаются для того, чтобы вновь взяться за одну и ту же херню.

Джорджия не спала, ее мучила сильная боль, а этот длинноволосый, который зашел ее осмотреть, не предложил ей нового наркоза. Она увидела Сэмми, и глаза у нее вытаращились.

- Ты сьо? - прокряхтела она. - Упирайся офсюда.

Сэмми улыбнулась:

- Ты говоришь, как Гомер Симпсон.

Джорджия узрела пистолет и еще больше вытаращилась. Она раскрыла свой теперь почти полностью беззубый рот и заверещала.

Сэмми продолжала улыбаться. Фактически, ее улыбка расширилась. Этот визг был музыкой для ее ушей и бальзамом на ее раны.

- Трахайте эту суку, - напомнила она. - Правильно, Джорджия? Разве не так ты тогда произносила, ты, бессердечная пизда?

Проснулся и очуманело хлопал глазами Фрэнк. Его зад уже почти достиг краешка стула, когда Джорджия выдала новый визг, он соскользнул и шлепнулся на пол. Он имел при себе пистолет - все они теперь ходили вооруженными - и потянулся за ним со словами: «Опусти эту штуку, Сэмми, опусти ее, мы тут друзья, давай станем друзьями тут».

Сэмми процедила:

- Держи лучше рот на замке, откроешь его, стоя на коленях перед своим дружком Джуниором, когда будешь заглатывать его хуй. - И нажала курок «Спрингфилда».

В маленькой палате выстрел прозвучал оглушительно. Первая пуля пролетела у Фрэнки над головой, разбив окно. Снова заверещала Джорджия. Она теперь старалась вылезти из постели. Повисли, оборвавшись, капельница и провода монитора. Сэмми пнула ее, и Джорджия повалилась на спину поперек кровати.

mir-knigi.org

Фрэнки все никак не мог достать собственное оружие. В испуге и замешательстве он, вместо рукояти пистолета, хватался за кобуру, добившись этим лишь того, что поддернул у себя на правом боку ремень вверх. Сэмми сделала два шага к нему, сжала пистолет обеими руками, как, она видела, это делают люди в телевизоре, и пальнула вновь. У Фрэнки исчезла левая часть головы. Кусок скальпа влепился в стену и прилип. Он потрогал себя рукой за рану. Кровь брызгала ему через пальцы. Но тут же его пальцы исчезли, провалившись в клейкую губку на том месте, где у него еще мгновение тому назад был череп.

- Не надо! - закричал он, его полные слез глаза сделались огромными. - Не надо больше! Не делай мне больно! - А потом: - Мама! Мамочка!

- Не убивайся, твоя мамка неважно тебя воспитала, - сказала Сэмми и выстрелила вновь, на этот раз ему в грудь. Его отбросило на стену. Левая рука покинула истерзанную голову и упала на пол, хлопнувшись прямо в кровавую лужу, которая там уже сформировалась. Она выстрелила в него и в третий раз, в то место, которое болело у ней самой. И тогда вернулась к той, которая оставалась на кровати.

Джорджия сжалась в клубок. Монитор над ней пипикал, словно бешеный, вероятно из-за оборванных проводов, которыми она перед тем была к нему присоединена. Волосы свисали ей на глаза. Она визжала и визжала.

- Ну, так как ты тогда говорила? - спросила Сэмми. - Трахайте эту суку, так?

- Мне фаль!

- Что?

Джорджия попробовала вновь:

- Мне фаль, фаль! Фэмми! - И тогда, уже совсем абсурдно: - Я перу сфои сфова фсат!

- Не выйдет у тебя, - Сэмми выстрелила Джорджии в лицо, и второй раз - в шею. Джорджия подпрыгнула, как перед тем Фрэнки, и застыла.

Сэмми услышала приближение криков и топот подошв по коридору. А также встревоженные восклицания разбуженных пациентов из других палат. Ей было жаль, что она натворила такого переполоха, но иногда просто нет другого выбора. Просто иногда дело должно быть сделано. А в дальнейшем уже приходит умиротворение. Она приложила пистолет себе к виску.

- Я люблю тебя, Малыш Уолтер. Мама любит своего мальчика. И нажала на курок.

8

Расти объехал пожар по Вест-стрит, а потом, на перекрестке с шоссе 117, завернул на Нижнюю Мэйн. У Бови было темно, только электрические свечки горели в фасадных окнах. Он объехал здание, как ему советовала жена, и остановился на маленьком паркинге рядом с длинным катафалком «Каддилак». Где-то рядом тарахтел генератор.

Он уже было взялся за ручку дверцы, как тут зазвонил мобильный. Расти выключил его, даже не взглянув, кто звонит, а подняв глаза, увидел возле окна копа. Копа с нацеленным на него пистолетом.

mir-knigi.org

Это была женщина. Она наклонилась, и Расти сначала увидел копну кудрявых белокурых волос, а потом узнал и лицо, которое отвечало тому имени, которое назвала его жена.

Диспетчер и дежурная в утреннюю смену в полицейском участке. Расти сообразил, что в День Купола или сразу за его появлением ее принуждали к службе по полному графику. И еще он догадался, что здешний ее пост является ее собственной инициативой. Она спрятала пистолет в кобуру.

- Эй, доктор Расти. Я Стэйси Моггин. Не помните, как лечили мне ожоги от ядовитого дуба[332]? Вот тут вот, на моей… - она похлопала себя по заду.

- Отчего же, помню. Приятно знать, что вы теперь беспрепятственно можете натягивать на себя трусики, мисс Моггин.

Она рассмеялась, а потом вновь заговорила, потихоньку:

- Надеюсь, я вас не напугала.

- Немного. Я как раз выключал мобильный телефон, а тут вдруг вы.

- Извините. Идем вовнутрь. Линда ждет. У нас немного времени. Я посторожу на дворе перед фасадом. Если кто-то появится, предупрежу Лин двойным клацаньем рации. Если приедут Бови, они припаркуются на боковой стоянке и мы сможем выехать на Ист-Стрит незамеченными, - она склонила голову набок, улыбнувшись. - Ну… это какие-то оптимистичные надежды, но по крайней мере, сбежим неузнанными. Если нам посчастливится.

Расти пошел вслед за ней, ориентируясь на главную тучку ее волос.

- А как вы ворвались сюда, Стэйси?

- Да просто открыли двери. У нас есть ключ от них в полицейской конюшне. Большинство заведений, которые работают на Мэйн-стрит, передают нам свои ключи.

- А почему вы берете в этом участие?

- Потому что все это дерьмо спровоцировано общим переполохом. Дюк Перкинс прекратил бы это сразу. А теперь вперед. И быстро делайте ваше дело.

- Этого я обещать не могу. Фактически, я ничего не могу обещать. Я не патологоанатом.

- Тогда так быстро, как только сможете.

Расти зашел вслед за ней вовнутрь. И в тот же миг на его шее сомкнулись руки Линды.

9

Гарриэт Бигелоу дважды взвизгнула, и уже тогда упала в обморок. Ошеломленная Джина Буффалино просто смотрела стеклянным взглядом.

- Отведите Джину куда-нибудь, - гаркнул Терси. Он уже практически дошел до стоянки, но, услышав выстрелы, прибежал назад. Чтобы увидеть здесь такое. Эту бойню.

Джинни обняла Джину за плечи и повела назад по коридору, где ходячие пациенты - между

ними и Билл Оллнат, и Тенси Фримэн - стояли с испуганно вытаращенными глазами.

- И эту уберите отсюда, - приказал Терси Твичу, кивая на Гарриэт. - И набросьте ей юбку на ноги, будьте милосердны к бедной девочке.

Твич выполнил приказ. Когда он и Джинни вновь зашли в палату, Терси стоял на коленях возле тела Фрэнка Делессепса, который погиб потому, что появился сюда вместо бойфренда Джорджии и пересидел здесь дольше предназначенного для посещения часа. Простыня, накинутая Терси на Джорджию, уже успела расцвести кровавыми маками.

- Мы можем тут что-то сделать, доктор? - спросила Джинни. Она знала, что он не врач, но в ее волнении это слово выскочило автоматически. Прижав ладонь себе ко рту, она смотрела на распростертое тело Фрэнка.

- Да, - ответил Терстон, привставая в полный рост, и его колени затрещали, словно пистолетные выстрелы. - Позвонить по телефону в полицию. Это место уголовного преступления.

- Все дежурные полицейские сейчас, вероятно, тушат тот пожар, - сказал Твич. - А кто не дежурит, те или где-то по своим делам, или спят с отключенными мобильными.

- Так позвоните хоть кому-нибудь, ради Иисуса Милосердного, и узнайте, должны ли мы что-то делать, прежде чем начать убирать здесь. Сфотографировать, или я не знаю что еще. Вообще-то вполне понятно, что здесь произошло. Извините, я на минутку. Надо сблевать.

Джинни отступила в сторону, открыв Терстону путь к маленькой уборной при палате. Двери он прикрыл, но все равно громкие звуки рыганья были хорошо слышны, звуки газующего на холостом ходу двигателя, в котором где-то набилась какая-то грязь.

Джинни ощутила обморочную волну, которая колыхнулась у ней в голове, делая ее легкой, поднимая ее вверх. Волевым усилием она подавила это ощущение. А вновь посмотрев на Твича, увидела, что тот закрывает мобильный.

- Расти не отвечает, - сказал он. - Я оставил ему сообщение. Еще кому-то? Что относительно Ренни?

- Нет! - Ее даже передернуло. - Только не ему.

- Моей сестре? Эндрии, я имею в виду?

Джинни только взглянула на него.

Твич встретил и выдержал ее взгляд, а уже потом потупил взор.

- Наверно, не следует, - пробурчал он.

Джинни дотронулась до его запястья. Кожа у него была холодной от шока. У нее, наверняка, тоже, подумалось ей.

- Если тебя это утешит, - произнесла она. - Мне кажется, она старается завязать со своей наркозависимостью. Она приходила к Расти, и я почти полностью уверена, что именно с этой проблемой.

Твич сверху вниз провел ладонями по щекам, на некоторое мгновение, превратив свое лицо в

печальную маску из оперы-буфф.

- Это кошмар какой-то.

- Да, - просто согласилась Джинни. И тогда достала свой телефон.

- Кому ты собираешься позвонить? - выжал из себя неуверенную улыбку Твич. - Ловцам призраков?

- Нет. Если Эндрия и Ренни отпадают, кто остается?

- Сендерс, но от него пользы, как от собачьего дерьма, да ты и сама это знаешь. Почему бы нам просто не взяться и начать убирать здесь? Терстон прав, и так абсолютно ясно, что здесь произошло.

Терстон вышел из уборной, вытирая рот бумажным полотенцем.

- Потому что существуют правила, молодой человек. И при нынешних обстоятельствах нам следует ими особенно точно руководствоваться. Или, по крайней мере, всячески стараться.

Твич взглянул вверх и высоко на стене увидел подсыхающие остатки мозга Сэмми Буши. То, чем она когда-то думала, теперь походило на ком овсяной каши. Он взорвался плачем.

10

Энди Сендерс сидел в помещении Дейла Барбары на краешке его кровати. В окне виднелись оранжевые отблески огня, который пожирал соседнее здание «Демократа». Над собой он слышал шаги и приглушенные голоса - люди на крыше, понял он.

Поднимаясь сюда по внутренним ступенькам с аптеки, он прихватил с собой коричневый пакет. Теперь он достал из пакета его содержимое: стакан, бутылку воды «Дасани»[333], лепесток с лекарством. Лекарство было таблетками оксиконтина. На лепестке было написано ДЛЯ Э.ГРИННЕЛ. Розовые таблетки, двадцатки. Он вытряхнул себе на ладонь несколько, сосчитал, потом вытряхнул еще. Двадцать. Четыреста миллиграммов. Этого, наверняка не хватило бы, что бы убить Эндрию, у которой за длительное время развилось привыкание к препарату, но ему, считал он, будет вполне достаточно.

Стена пылала жаром от соседнего пожара. На коже у него выступил пот. Здесь уже, вероятно, было градусов сто[334], если не больше. Он вытер себе лицо покрывалом.

«Не следует терпеть этого дольше. Там, на небесах, прохладный ветерок и все мы будем сидеть вместе за обеденным столом Господа».

Верхней стороной лепестка он начал толочь розовые таблетки в пудру, чтобы наркотик оглушил его сразу. Как молотком бычка на скотобойне. Просто лечь в свою кровать, закрыть глаза, а там и спокойной ночи, милый фармацевт, пусть хор ангелов поет тебе заупокойную.

- Я… и Клоди… и Доди. Вместе навечно.

- Не думаю, чтобы так произошло, брат.

Это был голос Коггинса, Коггинса в его наиболее суровой решительности. Энди прекратил толочь таблетки.

- Самоубийцы не ужинают со своими любимыми, друг мой; они направляются в ад и едят раскаленный жар, который пожизненно пылает в их желудках. Произнесем аллилуйя? Произнесем аминь?

- Хуйня, - прошептал Энди и принялся дальше давить таблетки. - Ты со своим рылом по уши был вместе со всеми нами в том корыте. Почему мне нужно тебе верить?

- Потому что я правду говорю. Именно сейчас твои жена и дочь смотрят на тебя, умоляя, чтобы ты этого не делал. Разве ты их не слышишь?

- Отнюдь, - ответил Энди. - И это не ты говоришь со мной. Это лишь трусливая часть меня самого. Она руководила мной всю моя жизнь. Из-за нее и Большой Джим меня опутал. Так я и в этот его метовый бизнес влез. Мне не нужны были деньги, я даже не осмысливал такого количества денег, я просто не знал, как сказать нет. Но я могу это сказать сейчас. Освободиться. У меня не осталось больше ничего, ради чего следует жить, и я ухожу прочь. Есть ли что на это тебе сказать?

Похоже было, что у Лестера Коггинса не было. Энди закончил превращать таблетки в пудру, и налил воды в стакан. Он стряс с ладони туда розовую пыльцу и размешал пальцем. Единственными звуками были гудение пожара за стеной, восклицания людей, которые боролись с ним, и бах-бах-бах свыше, где по его крыше ходили другие люди.

- Одним духом, - произнес он… но не выпил. Рука держала стакан, но та его трусливая часть - та часть, которая не желала умирать даже притом, что пропал всякий смысл жизни - удерживала руку на месте.

- Да нет, на этот раз ты не выиграешь, - сказал он, но вынужден был опустить стакан, чтобы вновь утереться покрывалом. - Не всегда же тебе побеждать, не сейчас.

Он поднял стакан ко рту. Сладкое розовое забвение плескалось в ней. Однако он вновь поставил стакан на столик при кровати.

Снова им правило трусливое начало. Божье проклятье это трусливое начало.

- Господи, пошли мне знак, - прошептал он. - Пошли мне знак, что выпить это - это правильный поступок. Если не по другой причине, то хотя бы только потому, что это единственный способ выбраться из этого города.

За стеной, поднимая сноп искр, завалилась крыша «Демократа». Над ним кто-то - голос как будто Ромео Бэрпи - завопил:

- Готовься, ребята, будьте, к черту, наготове!

«Готовься» - это, конечно, был тот знак. Энди Сендерс вновь поднял смертельный стакан, и на этот раз трусливое начало не задержало его руки. Трусливое начало, похоже, сдалось.

В его кармане мобильный телефон проиграл первые фразы песни «Ты хорошая»[335], этот сентиментальный кусок дерьма для него выбрала Клоди. Еще бы мгновение - и он выпил, но тут чей-то голос ему прошептал, что это тоже может быть какой-то знак. Он не смог наверняка разобрать, был ли это голос его трусливого начала, или голос Коггинса, или истинный голос его души. А поскольку не смог, то и ответил на звонок.

- Мистер Сендерс? - говорила женщина, и была она утомленная, несчастная и напуганная.

Энди умел такое определять. - Это Вирджиния Томлинсон, из госпиталя.

- О, да, конечно, Джинни! - где только и взялся тот его сакраментально радушный усердный тон. Чудо.

- У нас здесь кое-какие проблемы, боюсь, неприятные. Не могли ли бы вы приехать?

Темный сумбур, который роился в голове Энди, пронзило лучом света. Это наполнило его удивлением и признательностью. Кто-то его спрашивает: «Не могли ли бы вы приехать?» Как это он забыл, какое приятное ощущение от таких просьб? Несомненно, забыл, хотя это было главным, ради чего он и пошел в выборные. Не ради власти; это была парафия Большого Джима. Только ради того, чтобы протягивать руку помощи. Именно так он когда-то начинал, возможно, так у него получится и закончить.

- Мистер Сендерс, вы слушаете?

- Да. Ждите, Джинни. Я сейчас же буду у вас. – И после паузы: - И не надо никакого мистера Сендерса. Я - Энди. Мы здесь все варимся в одном котле, понимаете?

Он выключил телефон, отнес стакан в туалет и вылил розовую жидкость в унитаз. Хорошее самочувствие - ощущение легкости и удивления – продолжались в нем, пока он не нажал рычаг смыва. И тогда депрессия вновь охватила его, словно старое вонючее пальто. Он кому-то нужен? Это просто смешно. Он же не что иное, как во веки веков тупенький Энди Сендерс, кукла, которая сидит на коленках у Большого Джима. Просто рупор. Болтун. Человек, который ретранслирует жесты и предложения Большого Джима, так словно они исходят от него. Человек, который становится действительно нужным приблизительно каждые два года, когда надо агитировать перед выборами, навевая простецкий фимиам. То, к чему сам Большой Джим или неспособен, или не имеет охоты.

В лепестке еще остались таблетки. В кулере на первом этаже еще стояли бутылки «Дасани». Но Энди не думал серьезно об этих вещах; он дал обещание Джинни Томлинсон, он тот человек, который держит своё слово. Однако самоубийство не отменяется, под закипевшей кастрюлькой лишь приглушен огонь. Ждет рассмотрения по сути, как говорят в их среде местечковых политиков. Надо убираться отсюда, из этой спальни, которая чуть ли не стала для него камерой смерти.

Спальню заполнял дым.

11

Покойницкая Бови находилась в подвале, и Линда довольно безбоязненно включила свет. Он был нужен Расти для работы.

- Только взгляни на этот кавардак, - показал он рукой на грязный, со следами подошв пол, на жестянки из-под пива и безалкогольных напитков по уголкам и на столах, на открытый мусорный бак в уголке, над которым жужжали мухи. - Если бы это увидел кто-то из Управления похоронных услуг штата или из Департамента здравоохранения, этот бизнес был бы закрыт быстрее, чем в Нью-Йорке с небоскреба падать.

- Мы не в Нью-Йорке, - напомнила ему Линда.

Она смотрела на стол из нержавеющей стали, который стоял посреди комнаты. Его

поверхность была захламлена предметами, которые, наверняка, лучше не называть, а в одной со сточных канавок лежала скомканная обертка от «Сникерса». - Я думаю, мы теперь даже не в Мэне. Спеши, Эрик, здесь очень смердит.

- Во многих смыслах, - уточнил Расти. Эта грязнота его обижала, да даже больше, она его бесила. Он дал бы в зубы Стюарту Бови за один лишь фантик от батончика на столе, где из тел умерших жителей города спускают кровь.

В противоположном конце комнаты находились шесть стальных контейнеров для трупов. Где-то из-за них Расти слышал ровное гудение холодильного оборудования.

- А здесь пропана вдоволь, - пробурчал он. - Братцы Бови живут в полном шоколаде.

В пазы на фасадах контейнеров не были вставлены карточки с именами - очередной пример разгильдяйства, - поэтому Расти извлек всю шестизарядную обойму. Первые два контейнера были пустыми, что его не удивило. Большинство из тех, кто уже успел умереть под Куполом, включая Рона Гаскелла и Эвансов, быстро похоронили. Джимми

Серойс, который не имел близких родственников, все еще лежал в маленьком морге больницы «Кати Рассел».

Следующие четыре контейнера содержали четыре тела, ради которых он и пришел сюда. Как только платформы на своих колесиках выехали наружу, расцвел запах разложения. Он перебил неприятные, но не такие агрессивные запахи консервантов и похоронных мазей. Линда, икая, отступила подальше.

- Постарайся не сблевать, - предупредил ее Расти и пошел к шкафчикам на другом конце комнаты. Первый извлеченный им ящик не содержал ничего, кроме пачки старых номеров «Поля & Ручья»,[336] и он выругался. Однако, в следующем, лежало то, что ему надо. Из-под троакара, который, похоже, никогда не мыли, он достал пару зеленых пластиковых масок в фабричной упаковке. Одну маску он вручил Линде, другую надел на себя. В следующем ящике нашлась пара резиновых перчаток. Ярко-желтых, адски радостного цвета.

- Если ты даже в маске чувствуешь, что можешь сблевать, лучше иди наверх к Стэйси.

- Со мной все будет хорошо. Мне нужно оставаться здесь, свидетелем.

- Не уверен я, что твои свидетельства много будут стоить; ты моя жена, наконец.

Она повторила:

- Я буду свидетельствовать. Только старайся сделать все как можно скорее.

Лежаки под телами были грязными. Он не удивился этому после того, что увидел здесь, но отвращение все равно ощутил. Линда догадалась принести с собой старый кассетный магнитофон, который она нашла в их гараже. Расти нажал ЗАПИСЬ, проверил звук, изумленно отметив, что тот не такой уже и плохой. И положил маленький «Панасоник» на одну из пустых платформ. И тогда натянул перчатки. Это отняло больше времени, чем обыкновенно - у него очень потели руки. Где-то здесь вероятно лежал тальк или Джонсовская детская присыпка, но он не имел намерения терять время на их поиски. Он уже ощущал себя взломщиком в чужом доме. И он, лиха година, и является сейчас взломщиком.

- О'кей, начинаем. Сейчас десять сорок пять, двадцать четвертое октября. Экспертиза

происходит в препараторской комнате похоронного салона Бови. Грязной, между прочим. Позорно. Я вижу четыре тела, три женских и одно мужское. Две из этих женщин молодые, возрастом где-то около двадцати лет. Это Анджела Маккейн и Доди Сендерс.

- Дороти, - исправила его Линда с другого конца препарационного стола. - Ее зовут… звали… Дороти.

- Вношу исправление. Дороти Сендерс. Третья женщина старше среднего возраста. Это Бренда Перкинс. Мужчине приблизительно сорок лет. Это преподобный Лестер Коггинс. Я свидетельствую, что могу идентифицировать всех этих людей.

Он жестом подозвал жену и кивнул на тела. Глаза ее наполнились слезами. Она помедлила, снимая маску, прежде чем смогла заговорить.

- Я Линда Эверетт, служу в полиции Честер Милла. Значок номер семьсот семьдесят пять. Я также узнаю эти четыре тела, - и она вновь прикрыла себе лицо. Умоляющие глаза светились поверх маски.

Расти показал ей, чтобы отошла. Ситуация была своего рода фарсовой. Он понимал это и думал, что Линда тоже понимает. Однако угнетения он не ощущал. Медицинская карьера привлекала его с детства, он, вероятно, стал бы врачом, если бы не был вынужден бросить обучение, чтобы опекать своих родителей, и то, что двигало им в десятом классе, когда он на занятиях по биологии препарировал лягушек и коровьи глаза, давало ему воодушевление и сейчас. Это была потребность знать. И он узнает. Вероятно, не все, но, по крайней мере, что-то.

«Так мертвые помогают живым. Не так ли Линда говорила?»

Неважно. Он был уверен, что они помогут, если есть чем.

- Над телами, которые я вижу, еще не проделаны косметические процедуры, но все четыре уже были бальзамированы. Я не могу знать, доведен ли этот процесс до завершения, но имею подозрение, что скорее всего нет, потому что зажимы из бедренной артерии не удалены.

- Анджела и Доди, извиняюсь, Дороти, были очень избиты и тела их находятся в довольно разложенном состоянии. Коггинс также был избит - и жестоко, судя по его виду, - он тоже в состоянии разложения, но не таком глубоком; мышцы его лица и рук только начали обвисать. Бренда - Бренда Перкинс, имею в виду… - он замолчал, наклонившись над ней.

- Расти? - разнервничалась Линда. - Милый?

Он протянул руку в резиновой перчатке, передумал, убрал ее, и взялся голой рукой за горло Бренды. Потом поднял ее голову и нащупал гротескно большой узел немного ниже затылка. Аккуратно опустил голову и перевернул тело на одно бедро, чтобы осмотреть ее спину и ягодицы.

- Господи, - произнес он.

- Расти? Что?

«Во-первых, она так и осталась обосранной, никто не смыл с нее дерьмо», - подумал он… но это не для записи. Даже если только Рендольф или Ренни услышат пусть первые ее шестьдесят секунд, прежде чем растоптать кассету, а потом еще и сжечь то, что от нее останется. Он не

озвучит такой пикантной подробности.

Но сам об этом не забудет.

- Что?

Облизнув себе губы, он сказал:

- Посмертная синюшность кожи на ягодицах и нижней части бедер Бренды Перкинс указывает, что она умерла более двенадцати часов тому назад, вероятно, четырнадцать. На обеих щеках у нее характерные травмы. Следы ладоней. У меня нет в отношении этого никаких сомнений. Кто-то схватил ее за лицо и рывком повернул ее голову влево, поломав атлас и эпистрофей, первые два шейных позвонка, С1 и С2. Вероятно, также сломав ей и позвоночник.

- О Расти, - простонала Линда.

Расти нажал большим пальцем сначала на одно веко Бренды, потом на другое и увидел то, чего боялся.

- Травмы на щеках и петехии склеры - точечные кровоизлияния в белках глаз этой женщины - указывают на то, что умерла она не мгновенно. Она потеряла способность вдохнуть воздух и погибла от асфиксии. В это время она могла быть как в сознания, так и нет. Хочется надеяться, что нет. К сожалению, это все, что я сейчас могу сказать.

Девушки - Анджела и Дороти - умерли раньше всех. Степень разложения их тел подсказывает, что хранились они в теплом месте.

Он выключил диктофон.

- Другими словами, я не вижу ничего, что могло бы абсолютно реабилитировать Барби, и ничего такого, чего бы мы не знали раньше.

- А если его ладони не отвечают травмам на лице у Бренды?

- Лин, следы весьма расплывчатые, чтобы на них полагаться. Я чувствую себя самым тупым человеком на земле.

Обеих девушек, которые еще так недавно ругали бутики в Оберне, тамошние цены на сережки, покупали себе одежду в магазинах «Деб»[337] и обменивались впечатлениями от ребят, он закатил назад во тьму. А потом вновь вернулся к Бренде.

- Дай-ка мне полотняную салфетку, я их видел там, возле раковины. На вид даже чистые, что уже можно считать чудом в этом свинюшнике.

- Что ты собираешься…

- Просто дай мне тряпку. А еще лучше, две. Увлажни их.

- У нас мало времени…

- Должны использовать наше время.

Линда молча смотрела, как ее муж аккуратно обмывает Бренде Перкинс ягодицы и нижние части бедер. Закончив, он закинул грязные тряпки в угол, подумав, что, если бы здесь сейчас

появились братья Бови, он запихнул бы одну в рот Стюарту, а другую - Ферну.

Поцеловал Бренду в холодный лоб и закатил ее тело назад в охлажденный бокс. Уже было взялся, чтобы закатить и Коггинса, как вдруг остановился. Лицо преподобного было вытерто кое-как; засохшая кровь еще оставалась у него в ушах, в ноздрях и даже на лбу.

- Линда, намочи еще салфетку.

- Милый, мы здесь уже почти десять минут. Я люблю тебя, уважаю за твое почтение к мертвым, но мы о живых должны…

- Возможно, мы найдем кое-что здесь. У него другие следы избиения. Я это уже вижу даже без… намочи салфетку.

Она больше не спорила, а пошла, намочила, выкрутила и подала ему салфетку. И тогда смотрела, как он смывает остатки крови с лица мертвого мужчины, деликатно, но без того почтения, которое выказывал к Бренде.

Он не принадлежал к фанатам Лестера Коггинса (который как-то в своей еженедельной радиопрограмме объявил, что дети, которые поехали смотреть на Майлу Сайрес[338], рискуют попасть в ад), но то, что сейчас открылось глазам Расти, резало ему сердце. «О Боже, он похож на огородное пугало после того как стая пареньков попрактиковалась на нем в бросании в цель камней».

- Я тебе говорил. Совсем не такие побои. Это было сделано не кулаками и даже не ногами.

- А что это на виске? - показала Линда.

Расти не ответил. Его глаза поверх маски выпятились от удивления. И еще от кое-чего: понимания, которое только начало зарождаться.

- Что это, Эрик? Это похоже на… ну, не знаю… на следы шва.

- Да уж, - маска не его рту напряглась от улыбки. Самой безрадостной из улыбок. - И на лбу, видишь? И на челюсти. Ему ее и сломали этой штукой.

- Какое же это оружие оставляет такие следы?

- Бейсбольный мячик, - произнес Расти, закатывая платформу в бокс. - Но не обычный, а покрытый золотом. Да. Думаю, брошенный с достаточной силой, он мог бы это натворить. Я уверен, что именно им это и сделано.

Расти наклонил голову к Линде. Их маски столкнулись. Он заглянул ей в глаза.

- Такой мячик есть у Джима Ренни. Я видел такой у него на столе, когда заходил к нему поболтать об исчезнувшем пропане. О других я ничего не скажу, но, думаю, нам теперь известно, где умер Лестер Коггинс. И кто его убил.

12

После падения крыши Джулия уже не имела силы дальше на это смотреть.

- Идем ко мне домой, - предложила Рози. - Гостевая комната в твоем распоряжении на сколько

захочешь.

- Благодарю, но нет. Мне надо побыть в одиночестве, Рози. Ну… то есть с Горесом, понимаешь. Мне надо подумать.

- А где ты будешь ночевать? С тобой все будет хорошо?

- Да, - сама не зная, как оно на самом деле будет. С разумом, вроде бы все обстоит благополучно, процесс мышления в порядке, но чувствовала она себя так, словно кто-то ей вколол в душу хорошую дозу новокаина. - Я, может, приду позже.

Когда Рози ее оставила, перейдя на другую сторону улицы (там она осмотрелась и невесело махнула ей на прощание), Джулия вернулась к «Приусу» и сначала впустила Гореса на переднее сидение, а тогда уже сама села за руль. Она искала глазами Пита Фримэна и Тони Гая, но не увидела их нигде. Возможно, Тони повел Пита в больницу, чтобы там ему чем-то помазали руку. Это просто чудо, что никто из них не получил более серьезных повреждений. А если бы, выезжая на встречу с Коксом, она не взяла с собой Гореса, ее пес погиб бы вместе со всем другим, что там сгорело.

Вслед за этой мыслью к ней пришло осознание, что эмоции в ней совсем не занемели, лишь где-то спрятались. Звук - близкий к причитанию - начал рождаться изнутри. Горес насторожил уши и тревожно смотрел на нее. Она хотела принудить себя перестать тосковать, но не смогла.

Газета ее отца.

Дедова газета.

Газета ее прадеда.

Пепелище.

Она отправилась по Вест-стрит и, доехав до заброшенного паркинга за «Глобусом», встала там. Выключила двигатель, прижала к себе Гореса и целых пять минут рыдала в его меховое, сильное плечо. Надо отдать псу должное, он это терпеливо выдержал.

Проплакавшись, она почувствовала себя лучше. Спокойнее. Возможно, этот покой был результатом шока, но она, по крайней мере, вновь была способна мыслить. И первое, о чем она подумала, была уцелевшая пачка газет в багажнике. Она наклонилась мимо Гореса, который по-братски лизнул ей шею, и открыла бардачок для перчаток. Он был забит всяким хламом, но Джулия думала, что где-то там… может лежать…

И, словно подарок от Бога, она нашлась. Маленькая пластиковая коробочка с канцелярскими кнопками, булавками и скрепками и резиновыми кольцами. Резиновые кольца и скрепки не годятся для того, что она задумала, зато кнопки с булавками – как раз то…

- Горес, - спросила она. - На прогулку хо?

Горес гавкнул, подтверждая желание выгуляться.

- Хорошо, - сказала она. - Я тоже.

Достав газеты, она пешком вернулась на Мэйн-стрит. Здание «Демократа» теперь уже превратилось в груду горящих руин, которую копы поливали водой («С этих, ну очень уж

удобных, заплечных помп, - подумала она, - и все они были заряжены и готовы к работе»). Это зрелище пронзило Джулии сердце (а как иначе?), но не так, чтобы уж очень теперь, когда она знала, что делать.

Джулия шла по улице, рядом удовлетворенно трусил Горес, и к каждому телефонному столбу она пришпиливала последний номер «Демократа». Заголовок - «ПЕРЕДРЯГА И УБИЙСТВА С УГЛУБЛЕНИЕМ КРИЗИСА» - казалось, полыхает в отблесках пожара. Теперь она думала, что лучше бы там было лишь одно слово: «БЕРЕГИТЕСЬ».

Так она и ходила, пока не закончились газеты.

13

По ту сторону улицы у Питера Рендольфа трижды крякнула рация: хрусь-хрусь-хрусь. Что-то срочное. Страшась того, что сейчас может услышать, он нажал кнопку и произнес:

- Шеф Рендольф. Говорите.

Фрэдди Дентон, который, как старший смены в этот вечер, был сейчас фактически заместителем шефа, сообщил:

- Пит, я только что получил звонок из госпиталя. Двойное убийство…

- ЧТО? - вскрикнул Рендольф. Один из новых офицеров - Мики Вордло - застыл и смотрел на него, разинув рот, словно какой-то сельский пони монгольской породы на первой в его жизни районной ярмарке.

Дентон продолжил, тоном то ли спокойным, то ли самодовольным, если последнее - дай ему Бог помогает.

- … и одно самоубийство. Стреляла та девушка, которая раскричалась, якобы ее изнасиловали. Жертвы наши, шеф. Руа и Делессепс.

- Что… ты мне… за ДЕРЬМО НЕСЕШЬ!

- Я послал туда Рупа с Мэлом Ширлзом, - не переставал Фрэдди. - С другой стороны, хорошо, что все так закончилось, и теперь нам не надо ее паковать в тюрьму к Барб…

- Тебе надо было поехать самому, Фрэд. Ты старший офицер.

- А кто бы сидел на пульте?

На это у Рендольфа не было ответа - так мог сказать или мудрец, или недоумок. Он решил, что теперь придется ему поднимать собственную сраку и отправляться к «Кэти Рассел».

«Не хочу я больше этой должности. Нет. Совсем не хочу».

Но теперь уже было поздно. Как-то, с помощью Большого Джима, он управится. Вот на этом и надо сосредоточиться, положиться на Большого Джима, тот его проведет до конца.

По плечу его похлопал Марти Арсенолт. Рендольф дернулся, едва не съездив ему с разворота. Арсенолт этого не заметил; он смотрел на другую сторону улицы, где Джулия Шамвей выгуливала свою собаку. Выгуливала собаку и… что?

Развешивала газеты, вот что. Пришпиливала их к тем богом проклятым телефонным столбам.

- Эта сука никак не успокоится, - выдохнул он.

- Хотите, чтобы я пошел и успокоил ее? - спросил Арсенолт.

Марти страх как хотелось получить такой приказ, и Рендольф его ему едва не дал. Но вместо этого покачал головой.

- Она просто начнет тебе жужжать в уши о тех проклятых гражданских правах. Словно не понимает, что пугать общину отнюдь не в интересах города. - Он помотал головой. - Наверное, не понимает. Она такая, невероятно… - Было одно словцо для определения того, что с ней не так, французское словцо, он его когда-то знал, еще в школе. И уже не ждал, что оно ему навеется, но слово вдруг выскочило. - Она такая невероятно наивная.

- Я остановлю ее, шеф, я смогу. Что она сделает, позвонит по телефону своему адвокату?

- Да пусть себе забавляется. Таким образом, она хотя бы не морочит нам яйца. Я, наверное, съезжу в госпиталь. Дентон говорит, что та девушка, Буши, убила там Фрэнка Делессепса и Джорджию Руа. А потом и себя.

- Господи Иисусе, - прошептал Марти с посеревшим лицом. - Это тоже на счету Барбары, как вы думаете?

Рендольф уже начал было возражать, но заколебался. Упомянул о заявлении той девушки о ее изнасиловании. Ее самоубийство прибавляло правдивости ее обвинением, и сплетни о том, что офицеры полиции Милла могли организовать такое безобразие, могут дурно повлиять на нравственно-боевой дух всего участка, а затем - и на целый город. До этого он способен был додуматься и без Джима Ренни.

- Не знаю, - произнес он. - Но вполне возможно.

Глаза у Марти слезились, то ли от сожаления, то ли от дыма. Вероятно, от того и другого вместе.

- Следовало бы, чтобы этим занялся лично Большой Джим.

- Я займусь. Пока что. - Рендольф кивнул в сторону Джулии. – Наблюдай за ней, а когда она наконец-то устанет и уйдет прочь, сорви все это дерьмо и выкинь куда надо. - Он показал на костер, на месте которого еще днем стояла редакция газеты. - Положи мусор в надлежащее ему место.

Марти потихоньку заржал.

- Слушаюсь, босс.

Именно это офицер Арсенолт позже и сделал. Но уже после того, как несколько людей сорвали несколько газет, чтобы потом вчитаться в них при более ярком освещении - было их, может, полдюжины, а может, и десяток. В следующие два-три дня те газеты передавали из рук в руки и так зачитали, что они в буквальном смысле рассыпались в порох.

14

Когда Энди прибыл в госпиталь, там уже была Пайпер Либби. Она сидела на скамейке в вестибюле, говорила с двумя девочками в белых нейлоновых брюках и форменных медсестринских блузах… хотя, на взгляд Энди, они казались слишком юными для настоящих медсестер. Обе имели заплаканный вид, и казалось, вот-вот они заплачут вновь, но Энди заметил, какое успокоительное влияние взыскивает на них Либби. С чем он не имел никогда проблем, так это с правильными суждениями относительно человеческих эмоций. Иногда жалея, что вместо этого не имеет подобной способности к правильному мышлению.

Неподалеку стояла Джинни Томлинсон, она тихо разговаривала с каким-то престарелым парнем. Оба имели подавленный, взволнованный вид. Увидев Энди, Джинни направилась к нему. А вслед за ней и тот парень. Она отрекомендовала его как Терстона Маршалла, объяснив, что он им здесь помогает.

Энди подарил ему широкую улыбку и искреннее рукопожатие.

- Приятно с вами познакомиться. Я Энди Сендерс. Первый выборный.

Со скамейки взглянула Пайпер и заметила:

- Если бы вы были настоящим первым выборным, Энди, вы бы укротили второго выборного.

- Я понимаю, пара последних дней были трудными для вас, - ответил Энди, сохраняя улыбку. - Нам всем они нелегко дались.

Пайпер подарила ему чрезвычайно холодный взгляд, и тогда спросила девушек, не пойдут ли они с ней в кафетерий выпить чая. - Я б охотно подкрепилась чашечкой.

- Я ей позвонила по телефону после того, как позвонила вам, - объяснила Джинни как бы извиняясь, после того как Пайпер с обеими юными сестричками ушли. - Также я позвонила в полицейский участок. Там ответил Фрэд Дентон. - Она наморщила нос, как это делают люди, услышав какой-то гадкий запах.

- Вау, Фрэдди хороший чел, - ревностно произнес Энди. Душа его не брала во всем этом участия - душа его так и находилась там, на кровати в спальне Дейла Барбары, собираясь выпить розовый яд, однако старые привычки в нем работали безупречно. Понуждение делать так, чтобы все шло исправно, погашать возмущения, оказалось бессмертным, как умение ездить на велосипеде. - Расскажи мне, что здесь случилось?

Она рассказала. Энди слушал поразительно спокойно, думая о том, что всю жизнь знает семью Делессепсов, а когда сам был еще школьником, как-то пригласил на свидание мать Джорджии Руа (Хелен целовалась открытым ртом, что было приятно, но дыхание ее несло смрад, что приятным не было). Он думал, что его настоящая эмоциональная неуязвимость является следствием понимания того, что, если бы его телефон не зазвонил, он сейчас лежал бы без сознания. Возможно, мертвый. Это знание делало все отчужденным.

- Двое наших офицеров, совсем новички, - произнес он. Самому ему собственный голос казался записью, на подобие той, которую слышишь, позвонив в кинотеатр, чтобы справиться о сеансах. - И одна из них уже была тяжело раненой, стараясь навести порядок во время передряги в супермаркете. О Боже, Боже.

- Возможно, сейчас не время об этом говорить, но я не в восторге от работы вашего полицейского департамента, - произнес Терстон. - Хотя после того, как офицер, который меня ударил, умер, направлять жалобу было бы неактуальным.

- Какой офицер, Фрэнк или девушка Руа?

- Юноша. Я узнал его, несмотря на… на его посмертное уродство.

- Вас ударил Фрэнк Делессепс? - Энди просто не мог поверить в это. Фрэнки четыре года регулярно приносил ему льюистоновскую газету «Сан» и ни одного дня не прогулял. Впрочем, было пару раз, припомнил он сейчас, но это случилось во время серьезных метелей. И еще как-то корь была у него. Или свинка?

- Если это его имя.

- Ну, я думаю… это… «Это что? Стоит ли это чего-то? Вообще имеет ли что-то значение?» Однако Энди храбро бросился вперед. - Это печально, сэр. Мы в Честер Милле считаем за правило жить с ответственностью за свои поступки. При нормальном положении вещей. Вот только сейчас настали тяжелые времена. Обстоятельства вышли из-под нашего контроля, вы же понимаете.

- Я-то понимаю, - сказал Терстон. - Насколько мне понятно, все теперь в прошлом. Но, сэр… эти офицеры недопустимо юные. И очень недисциплинированные. – И после паузы. - Леди, которая приехала со мной, также была подвергнута физическому давлению.

Энди просто не мог поверить, что этот человек говорит правду, копы в Честер Милле не задевали людей, если те их к этому не принуждали (нахально провоцировали); это обычное дело для больших городов, где люди не умеют ладить между собой. Конечно, о девушке, которая лишила жизни двух людей, а потом и себя застрелила, он тоже сказал бы, что такое не могло случиться в Милле.

«Не принимай близко к сердцу, - напомнил себе Энди. - Он не просто не из нашего города, он из другого штата. Спишем на это».

Подала голос Джинни:

- Теперь, когда вы здесь, Энди, я даже не знаю, чем вы можете помочь. Телами занимается Твич, итак…

Не успела Джинни договорить, как открылись двери. Вошла молодая женщина, ведя за руки парочку сонных на вид детей. Ее тут же обнял пожилой парень, Терстон, а дети, мальчик и девочка, задрав головы, смотрели на них. Оба ребенка шли босиком, но одетые в футболки, словно в ночные рубашки. На майке, которая достигала мальчику, чуть ли не до пят, были надписи: УЗНИК 9091 и СОБСТВЕННОСТЬ ШТАТНОЙ ТЮРЬМЫ ШОУШЕНК. Дочь и внуки Терстона, подумал Энди и тут же вновь ощутил скорбь о Клодетт и Доди. Он прогнал прочь мысли о них. Джинни звонила ему за помощью, и он ясно понимал, что в его помощи нуждается именно она. Что, вне всяких сомнений, означает новое выслушивание ее детального рассказа - не в его пользу, а в ее собственную. Таким образом, она сможет лучше понять, что же именно случилось, и начать с этим мириться. Для Энди это легко. Слушать он всегда был мастер, да и это лучше, чем смотреть на три трупа, один из них - покинутая оболочка того, кто когда-то, мальчишкой, носил ему газеты. Выслушивание - такое простое дело, если разобраться, даже идиот на это способен, хотя Большой Джим так и не сумел им овладеть. Большой Джим лучше говорит. И лучше планирует, это точно. Наше счастье, что мы его имеем в такое время, как теперь.

В то время как Джинни разворачивала по второму кругу свое повествование, у Энди мелькнула мысль: «А кто-то…»

Вернулся Терстон с вереницей своих.

- Выборный Сендерс, Энди, это моя партнерша Каролин Стерджес. А это дети, которых мы опекаем. Алиса и Эйден.

- Я хочу соску, - прохныкал Эйден.

- Ты уже великоват для соски, - толкнула его локтем Алиса.

Лицо у ребенка скривилось, однако он не заплакал.

- Алиса, - сказала девочке Каролин Стерджес. - Это недостойно. А что мы говорим о недостойных людях?

Алиса засветилась.

- Негодяям сосать! - воскликнула она и захохотала. Через какой-то миг, посомневавшись, к ней присоединился и Эйден.

- Извините, - обратилась Каролин к Энди. - Мне не на кого их оставить, а у Терси был такой убитый голос, когда он позвонил по телефону…

Как не тяжело было в такое поверить, но похоже на то, что этот старикан во всю прыть топчет эту молодую леди. Догадка промелькнула в голове Энди, не вызвав особого интереса, хотя при других обстоятельствах он мог бы глубже на эту тему порассуждать, выдумав себе разные позиции, представляя, как она обсасывает его своим ртом и тому подобное, и тому подобное. Сейчас же совсем другое крутилось у него в голове.

- А кто-то сообщил мужу Сэмми о ее смерти? - спросил он.

- Филу Буши? - это переспросил Твич, он как раз вышел в вестибюль из коридора. Плечи у него были поникшие, лицо посеревшее. – Этот сукин сын ее бросил и убежал из города. Когда. - Он заметил Алису и Эйдена Эпплтонов. - Извините, детки.

- Да все хорошо, - успокоила его Кара. - У нас в доме полная свобода слова. Так намного честнее.

- Ага, так и есть, - хохотнула Алиса. - Мы сколько угодно можем говорить дерьмо и ссаки, во всяком случае, пока мама не вернется.

- Но не сука, - подчеркнул Эйден. - Сука - это эксизм.

Кара не обращала внимания на эту интерлюдию.

- Терси, что здесь случилось?

- Не перед детьми, - ответил тот. - Нет, не сейчас, какая бы не была у нас свобода слова.

- Родителей Фрэнка нет в городе, - сказал Твич. - Но я сообщил Хелен Руа. Она восприняла это довольно спокойно.

- Пьяная? - спросил Энди.

- Вхлам.

mir-knigi.org

Энди немного прошелся вглубь по коридору. Там, спинами к нему, в госпитальных тапках и кальсонах стояло несколько пациентов. Смотрят на место убийства, решил он. Сам он не имел до этого охоты и был рад, что Даги Твичел сделал то, что вынужден был делать. Он фармацевт и политик. Его работа помогать живым, а не обрабатывать мертвых. А еще он знал кое-что такое, чего не знали все эти люди. Он не мог сказать им, что Фил Буши продолжает жить в городе, отшельником, на радиостанции, но мог рассказать Филу о смерти брошенной им жены. Конечно, невозможно предугадать, какой может быть реакция Фила; Фил стал не похожим сам на себя. Может сорваться с катушек. Даже убить того, кто принес плохую весть. Но так ли уж это было бы ужасно? Самоубийцы попадают в ад и пожизненно ужинают расплавленным железом, а вот жертвы убийства, Энди был в этом уверен, попадают на неба, где едят ростбиф и персиковый пирог у Господа за столом целую вечность.

Вместе со своими возлюбленными.

15

Несмотря на то, что она немного подремала днем, Джулия сейчас была утомленной, как никогда в жизни, то ли ей так просто казалось. И, хотя она отказалась от предложения Рози, идти ей на самом деле было некуда. Разве что к своей машине.

К ней она и пришла, отцепила с поводка Гореса, чтобы тот мог запрыгнуть на пассажирское сидение, а сама села за руль, призадумалась. Ей, безусловно, нравилась Рози Твичел, но Рози захочет вновь обсосать весь этот длинный, адский день. Захочет поспрашивать, что можно было бы, если вообще, хоть что-то можно, сделать для Барбары. Будет ожидать от Джулии каких-то идей, когда у Джулии их нет совсем.

Тем временем Горес не сводил с нее глаз, спрашивая настороженными ушами и яркими глазами, что дальше. Он и подтолкнул ее к мысли о женщине, которая потеряла свою собаку: Пайпер Либби. Пайпер могла бы ее принять и положить спать, не лезть ей в уши своей болтовней. А переспав ночь, Джулия вновь вернет себе способность мыслить. Даже что-то понемногу планировать.

Заведя «Приус», она поехала к церкви Конго. Но пасторский дом стоял темный, а к дверям была пришпилена записка. Джулия вытянула кнопку, понесла бумажку к машине и в кабине, при тусклом свете, прочитала записку.

«Я пошла в госпиталь. Там была стрельба».

Из Джулии вновь вылетело причитание, но как только к ней присоединился Горес, стараясь подпевать, она заставила себя прекратить скулить. Она перевела рычаг на задний ход, потом вновь поставила в нейтральное положение, чтобы возвратить записку туда, где она ее нашла, на случай, если кто-то другой из прихожан, придавленный весом целого мира на его (или ее) плечах, придет искать помощи у последнего в Милле духовного лица.

Итак, куда теперь? К Рози, в конце концов? Но Рози уже, наверняка, спит. В госпиталь? Джулия бы заставила себя пойти туда, несмотря на пережитое потрясение и измученность, если бы это послужило какой-то цели, но теперь, когда нет газеты, в которой она могла бы написать о том, что там случилось, не было никакого смысла натыкаться на какие бы то ни было новые ужасы.

Она сдала задом на улицу, а там повернула вверх по городскому холму, не задумываясь, куда направляется, пока не подъехала к Престил-Стрит. Через три минуты она уже припарковалась

mir-knigi.org

на подъездной аллее усадьбы Эндрии Гриннел. И в этом доме также было темно. Никто не ответил на ее деликатный стук. Не имея возможности знать, что Эндрия сейчас лежит в своей кровати на верхнем этаже, погруженная в глубокий сон впервые с того момента, как отказалась от таблеток, Джулия решила, что она или пошла домой к своему брату Даги, или проводит ночь с кем-то другим.

Тем временем Горес сидел на половом коврике и смотрел вверх, ожидая от нее какого-либо руководящего жеста, как всегда. Но Джулия была слишком опустошенная, чтобы руководить, и очень утомленная, чтобы двигаться еще куда-нибудь. Она была почти уверена, что слетит где-то с дороги и убьет их обоих, если отважится вновь куда-то ехать.

И думала она сейчас не о сгоревшем доме, в котором прошла все ее жизнь, а о выражении лица полковника Кокса, когда она спросила у него, не бросили ли их на произвол судьбы.

«Отнюдь, - ответил он. - Абсолютно нет». Но, проговаривая эти слова, в глаза ей он старался не смотреть.

На крыльце стояла деревянная садовая кушетка. Если надо, она может и на ней подремать. А может…

Она толкнула двери, они оказались незапертыми. Она поколебалась, а Горес нет. Безоговорочно уверенный в том, что его хозяйка всюду свободно вхожа, он моментально направился в дом. А за ним и Джулия на другом конце поводка, с мыслью: «Теперь решение принимает мой пес. Вот как оно стало».

- Эндрия? - негромко позвала она. - Эндрия, ты дома? Это я, Джулия.

Наверху, лежа на спине, храпя, словно какой-то водитель-дальнебойщик после четырехдневного рейса, Эндрия шевелила лишь одной частью тела: левой ступней, которая еще не устала от своего спровоцированного очищением организма, дерганья и дрыганья.

В гостиной было темно, но не так чтобы полностью; Эндрия оставила в кухне включенной питающуюся от батареек лампу. И запах здесь стоял. Окна были настежь, но без сквозняков смрад блевотины не выветрился полностью. Кто-то ей говорил, что Эндрия заболела? Что-то о гриппе?

«Может, это и грипп, но с не меньшим успехом это может быть абстинентный синдром, если у нее закончились те ее пилюли».

В любом случае, болезнь является болезнью, а больные люди не любят быть одинокими. Итак, в доме пусто. А она так утомлена. В конце комнаты стоит хороший длинный диван, он ее манит. Если Эндрия придет домой завтра утром и увидит здесь Джулию, она ее поймет.

- Возможно, даже предложит мне чашечку чая, - произнесла она. - И мы вместе посмеемся с этого приключения. - Хотя возможность смеяться по любому поводу, в любом будущем, казалась ей сейчас нереальной. - Иди сюда, Горес.

Она отцепила поводок и направилась через комнату. Горес не сводил с нее глаз, пока она, примостив себе под голову подушку, не улеглась на диване. И тогда пес и сам лег, положив нос на лапу.

- Хороший мальчик, - произнесла она, закрывая глаза. И сразу увидела перед собой Кокса, как тот избегал ее взгляда. Потому что Кокс считал, что они будут оставаться под Куполом очень

долго.

Но тело имеет понятие о жалости, которое неизвестно мозгу. Джулия заснула с головой меньше чем в четырех футах от того коричневого конверта, который этим утром ей старалась передать Бренда. Где-то позже на диван запрыгнул и Горес, свернулся у нее в ногах. Такими и увидела их Эндрия, когда спустилась вниз утром двадцать пятого октября, определенно чувствуя себя лучше, чем в течение многих последних лет.

16

Их было четверо в гостиной Расти: Линда, Джеки, Стэйси Моггин и сам Расти. Он налил каждому по стакану холодного чая, а потом изложил все, что узнал в подвале похоронного салона Бови. Первый вопрос прозвучал от Стэйси, сугубо практичный.

- Ты не забыла там запереть?

- Нет, - ответила Линда.

- Тогда дай мне ключ, надо положить его назад.

«Наши и не наши, - подумал Расти вновь. - Вот о чем будет идти этот разговор. Уже об этом речь идет. Наши тайны. Их власть. Наши замыслы. Их планы».

Линда отдала ключ, потом спросила у Джеки, не имела ли она каких-нибудь проблем с девочками.

- Никаких судорог, если это тебя беспокоит. Спали, как ягнята, все время, пока тебя не было.

- Что нам теперь со всем этим делать? - спросила Стэйси. Маленькая, но решительная женщина. - Если вы хотите арестовать Ренни, мы должны вчетвером убедить Рендольфа это сделать. Мы, трое женщин-офицеров, и Расти, как действующий патологоанатом.

- Нет! - воскликнули в один голос Джеки и Линда. Джеки решительно, Линда испуганно.

- У нас есть только лишь предположения и никаких доказательств, - объяснила Джеки. - Я не уверена, что Рендольф нам поверил бы, даже если бы мы ему показали сделанные камерой слежения снимки, на которых Ренни ломает шею Бренде. Они с Ренни сейчас в одной лодке, плыви или тони. И большинство копов станут на сторону Пита.

- Особенно новые, - добавила Стэйси, утопив пальцы в копне своих белокурых волос. - Большинство из них не очень смышленные, но довольно нахальные. И им нравится носить оружие. К тому же, - она наклонилась ближе, - сегодня появятся то ли шестеро, то ли восемь новых. Всего лишь старшеклассники. Глупые, и сильные, и преисполненные энтузиазма. Меня они пугают не на шутку. Даже больше, Тибодо, Ширлз и Джуниор Ренни расспрашивают новичков, кого бы они могли посоветовать еще. Пройдет пару дней, и полиция уже перестанет быть полицией, она превратится в армию подростков.

- Значит, никто нас не захочет выслушать? - спросил Расти. На самом деле без иллюзий спросил, просто желая подвести черту. - Совсем никто?

- Генри Моррисон, возможно, - сказала Джеки. - Он понимает, что происходит, и ему это не нравится. А что касается других? Они будут делать, как все. Отчасти потому, что напуганы, а

отчасти потому, что им нравится власть. Такие ребята, как Тоби Велан или Джордж Фредерик, никогда прежде ее не имели; а ребята на подобие Фрэдди Дентона просто падонки.

- И что это должно означать? - спросила Линда.

- Это означает, что мы пока что должны держать рот на замке. Если Ренни убил четырех людей, он очень-очень опасная особа.

- Выжидание сделает его не менее, а более опасным, - заметил Расти.

- Мы, Расти, должны беспокоиться о Джуди и Дженнилл, - напомнила Линда. При этом она грызла себе ногти, чего Расти уже много лет за ней не замечал. - Мы не можем рисковать, не дай Бог, чтобы с ними что-то случилось. Я даже мысли такой не предполагаю и тебе не позволю.

- У меня тоже есть ребенок, - произнесла Стэйси. - Келвин. Ему лишь пять лет. Мне понадобилась вся моя храбрость, только чтобы выстоять сегодня на стреме около похоронного салона. Сама мысль о том, чтобы пойти с этим к идиоту Рендольфу… - Ей не было потребности продолжать; все проговаривала бледность ее щек.

- Никто и не просит тебя это делать, - сказала Джеки.

- Сейчас я лишь могу доказать, что против Коггинса было применен тот бейсбольный мяч, - напомнил Расти. - Кто-нибудь мог им воспользоваться. Черт побери, им мог воспользоваться хотя бы и его сын.

- Такая новость меня бы не шокировала, - заметила Стэйси. - Джуниор в последнее время стал весьма странным. Его вытурили из Бодойна за драку. Не знаю, известно ли об этом его отцу, но к спортзалу, где это случилось, вызывали полицию, я сама видела телефонограмму. А эти две девушки… если эти преступления связаны с сексом…

- Так и есть, - кивнул Расти. - Очень противно. Не следует тебе знать детали.

- Но Бренда не была подвергнута сексуальному насилию, - напомнила Джеки. - Для меня это доказательство того, что Бренду и Коггинса следует рассматривать отдельно от девушек.

- Возможно, Джуниор убил их, а его отец убил Бренду и Коггинса, - сказал Расти, ожидая того, что кто-нибудь засмеется. Никто и звука не произнес. - Но, если это так, то зачем?

Ответом ему стало общее покачивание головами.

- Должен был бы существовать какой-то мотив, - продолжил Расти. - Однако я имею сомнения, чтобы он был сексуальным.

- Вы считаете, таким образом, он хотел что-то спрятать? - высказала догадку Джеки.

- Конечно, именно так я и думаю. И мне кажется, я знаю того, кто может знать, что именно. Но он заперт сейчас в подвале полицейского участка.

- Барбара? - переспросила Джеки. - Откуда Барбаре об этом знать?

- Потому что у него был разговор с Брендой. Они откровенно поговорили у нее в саду на следующий день после того, как установился Купол.

- А вы, каким таким непостижимым чином об этом узнали? - спросила Стэйси.

- Потому что Буффалино живут по соседству, а окно спальни Джины Буффалино смотрит прямо на задний двор Перкинсов. Именно там она их и видела и попутно об этом вспомнила. - Он заметил, каким взглядом на него смотрит Линда, и пожал плечами. - Что здесь сказать? Это маленький город, тебе нужно понимать…

- Надеюсь, ты сказал ей, чтобы она держала рот на замке, - произнесла Линда.

- Нет, потому что когда она мне об этом проговорилась, я не имел никаких причин подозревать Большого Джима в убийстве Бренды. Или что он разбил голову Лестеру Коггинсу сувенирным бейсбольным мячиком. Тогда я даже не знал, что они мертвы.

- Нам так и не известно, знает ли хоть что-то Барби, - сказала Стэйси. - То есть, кроме того, как делать офигительный омлет с грибами и сыром.

- Кто-то должен его спросить, - сказала Джеки. - Я выдвигаю свою кандидатуру.

- Даже если он действительно что-то знает, какая с этого польза? - спросила Линда. - У нас здесь уже установился, чуть ли не диктаторский, режим. Я это лишь сейчас это начинаю понимать. Думаю, от этого я теперь и торможу.

- От этого не тупеешь, а становишься доверчивым, - возразила Джеки. - И в нормальное время доверчивость - хорошая вещь. А что касается полковника Барбары, мы не узнаем, какого добра нам от него можно ждать, пока сами не спросим. - Она помолчала. - Да и не в этом дело, понимаете. Он не виновен. Вот в чем вещь.

- А если они его убьют? - рубанул Расти. - Застрелят во время попытки к бегству?

- Я почти полностью уверена, что этого не произойдет, - возразила Джеки.

- Большой Джим желает провести показательный суд. Так болтают в участке, - кивнула Стэйси. - Они хотят сначала убедить людей, якобы Барбара сплел, словно паук, широкую сеть заговора. А уже потом его казнить. Однако даже при самой большой скорости им на это нужны дни и дни. Недели, если нам посчастливится.

- Нам не посчастливится, - произнесла Линда. - Отнюдь, если Ренни захочет действовать быстро.

- Может, ты и права, но Ренни сначала должен пройти через назначенное на четверг чрезвычайное городское собрание. А еще он захочет допросить Барбару. Если Расти знает, что Барбара был с Брендой, значит, и Ренни об этом знает.

- Конечно, знает, - заметила как-то лихорадочно Стэйси. - Бренда и Барбара были вместе, когда тот показывал Джиму письмо Президента.

Почти на минуту воцарилось молчание, пока они об этом размышляли.

- Если Ренни что-то скрывает, - словно сама к себе произнесла Линда, - ему потребуется время, чтобы этого лишиться.

Джеки рассмеялась. Посреди напряжения, которое повисло в гостиной, этот ее смех прозвучал, как взрыв.

- Удачи ему. Что бы там не было, а у него не получится закинуть Это в кузов грузовика и вывезти куда-нибудь из города.

- Что-то связанное с пропаном? - спросила Линда.

- Возможно, - кивнул Расти. - Джеки, вы, кажется, служили в вооруженных силах?

- В армии. Два срока. Военная полиция. Ни в каких боевых операциях участия не брала, хотя раненных видела достаточно, особенно во время второго срока. Вюрцбург, Германия, Первая пехотная дивизия. Знаете, Большая красная единица[339]? Большей частью я подавляла потасовки в барах или находилась в карауле при госпитале. Я знаю ребят этого типа и много отдала бы за то, чтобы вытянуть Барбару из камеры и перетянуть на нашу сторону. Президент нехотя наделил его полномочиями. То ли старался. - Она какую-то минутку помолчала. - Должен быть способ силой освободить его оттуда. Это следует обдумать.

Две других женщины - офицеры полиции, но одновременно и матери - ничего на это не сказали, но Линда вновь грызла ногти, а Стэйси теребила себя за волосы.

- Я понимаю, - произнесла Джеки.

Линда мотнула головой.

- Пока у тебя не будет собственных детей, которые утром спят наверху, пока ты готовишь им завтрак, которые полностью зависят от тебя, ничего ты не поймешь.

- Возможно, и так, - согласилась Джеки. - Но спроси сама себя: если мы отрезаны от внешнего мира, а так и есть, если нами руководит шизанутый убийца, метатель мячей, а похоже на то, что он им и является, можем ли мы ожидать какого-то улучшения, если просто будем сидеть, сложа руки?

- Если вы его оттуда освободите, - встрял Расти, - что вы с ним будете делать? Вы же не можете применить к нему Программу защиты свидетелей.

- Не знаю, - вздохнула Джеки. - Знаю лишь, что Президент приказал ему взять власть, а Большой Мудак Джим Ренни повесил на него убийства и он, таким образом, не смог выполнить приказ.

- Не надо ничего делать прямо сейчас, - сказал Расти. - Даже стараться с ним поболтать. Здесь, в этой игре, на кону стоит кое-что другое, и оно может изменить напрочь все.

Он рассказал им о счетчике Гейгера - как тот попал к нему, кому он его передал и что, по словам Джо Макклечи, тот с его помощью нашел.

- Ну, не знаю, - с сомнением произнесла Стэйси. - Слишком хорошо это выглядит, чтобы быть правдой. Мальчику Макклечи… сколько? Четырнадцать?

- Думаю, тринадцать. Но он смышленый мальчик, и если говорит, что они зафиксировали резкое повышение радиации на дороге Черная Гряда, я ему верю. Если они действительно нашли ту штуку, которая генерирует Купол, и мы сможем ее заглушить…

- Тогда все кончится! - воскликнула Линда, просияв. - И Джим Ренни завалится, как… как продырявленный воздушный шар «Мейси»[340] на День благодарения.

- Миленько, - заметила Джеки Веттингтон. - Если бы такое показывали по телевизору, я, возможно, в это даже поверила бы.

17

- Фил? - позвал Энди. - Фил!

Ему пришлось повысить голос, чтобы быть услышанным. Бонни Нанделла с «Искуплением» на максимальной громкости как раз пели «Моя душа - свидетель». От всех тех их всхлипов «ву-ву» и «вуа-е» у него немного дурманилось в голове. Сбивало с толка даже яркое освещение внутри радиостанции РНГХ; пока он не оказался под здешними люминесцентными светильниками, Энди не представлял себе, в какой полумгле находится теперь весь Милл. И как сильно он успел к нему привыкнуть.

- Мастер?

Нет ответа. Он взглянул на телеэкран (канал Си-Эн-Эн с отключенным звуком), потом через длинное окно посмотрел в помещение студии. Там тоже горели лампы, и работало все оборудование (от этого ему стало немного жутко, хотя Лестер Коггинс как-то объяснял ему с огромной гордостью, как всем здесь руководит компьютер), но не было видно никаких признаков Фила.

Вдруг Энди ощутил резкий запах пота, застарелого, прокисшего. Обернулся - а вот и Фил, стоит за ним вплотную, словно только что вынырнул из какой-то дыры в полу. В одной руке он держал что-то похоже на пульт управления гаражными воротами. Во второй - пистолет. И пистолет этот было нацелен Энди в грудь. Костяшка того пальца, который обнимал спусковой крючок, побелела, а дуло слегка дрожало.

- Привет, Фил, - поздоровался Энди. - То есть Мастер.

- А что ты здесь забыл? - спросил Мастер Буши. От него сильно несло дрожжевым запахом пота. Джинсы и майка с логотипом РНГХ на нем были невыразимо грязными. Ноги босые (спишем на это его бесшумное прибытие) и заляпанные грязью. Волосы в последний раз он мыл, наверняка, год назад. Или еще раньше. Хуже всего выглядели его глаза, налитые кровью, беспокойные. - Давай, говори мне быстро, ты, старый хер, потому что иначе больше никому, ничего и никогда не сможешь рассказать.

Энди, который только недавно чудом избежал смерти от розовой водички, воспринял угрозу Фила спокойно, даже чуть ли не благодушно.

- Делай все, что тебе захочется, Фил. То есть Мастер.

Мастер изумленно поднял вверх брови. Глаза его смотрели осовело, но заинтересованно.

- Чего?

- Абсолютно.

- Зачем ты здесь?

- Я принес плохую весть. Мне очень жаль.

Мастер подумал над этими словами, потом улыбнулся, показав остатки зубов:

- Нет плохих вестей. Христос скоро возвращается, это такая хорошая весть, которая пожирает все плохие. Это Хорошая Весть - Бонус Трек. Ты согласен?

- Согласен, и скажу на это аллилуйя. На беду (или к счастью, сам не знаю; ты можешь сказать, что скорее к счастью), твоя жена уже находится рядом с Ним.

- Чего?

Протянув руку к пистолету, Энди опустил его ствол вниз. Мастер не пошевелился, чтобы ему помешать.

- Саманта умерла, Мастер. Мне грустно об этом говорить, но она укоротила себе жизнь этим вечером.

- Сэмми? Мертва?

Мастер бросил пистолет в корзину «ИСХОДЯЩИЕ ДОКУМЕНТЫ» на ближайшем столе. Однако гаражный пульт он продолжал держать в руке, которую все же опустил; пульт не покидал его руки в течение последних двух дней, даже во время его невероятно нечастых периодов сна.

- Мне так жаль, Фил. То есть, Мастер.

Энди пересказал обстоятельства гибели Саманты, как он их сам понял, завершив утешительным сообщением о том, что с «дитем» все хорошо. (Даже в отчаянии Энди Сендерс оставался личностью, для которой переполовиненный стакан является полуполным.)

Мастер отмахнулся от благополучия Малыша Уолтера гаражным пультом.

- Она завалила двух свиней?

Энди замер.

- Фил, они были офицерами полиции. Замечательными людьми. Я уверен, она обезумела, но все равно некрасиво было так делать. Тебе нужно взять свои слова обратно.

- Что ты сказал?

- Я не позволю тебе называть наших офицеров свиньями.

Мастер подумал.

- Ой-ой-ой, лес-сад, я свои слова беру назад.

- Благодарю тебя.

Мастер наклонился с высоты своего довольно значительного роста (это было похожим на то, как делает поклон скелет) и заглянул в лицо Энди.

- Скромный бравый мазефакер, да?

- Нет, - честно сознался Энди. - Мне просто все равно.

Кажется, Мастер заметил что-то, что его убедило. Он схватил Энди за плечо.

mir-knigi.org

- Браток, ты в порядке?

Энди взорвался плачем и упал жопой на офисный стул прямо под плакатом, который предупреждал: ХРИСТОС СМОТРИТ КАЖДЫЙ КАНАЛ. ХРИСТОС СЛУШАЕТ КАЖДУЮ ЧАСТОТУ. Опершись головой о стену под этим довольно зловещим лозунгом, он рыдал, словно наказанный, за безразрешения съеденное варенье, ребенок. К этому привело всего лишь одно слово - браток; это вообще не ожидаемое обращение - браток.

Из-под менеджерского стола Мастер извлек и себе стул и теперь рассматривал Энди с любопытством натуралиста, которому повезло среди дикой природы наблюдать какое-то весьма редкое животное. Через некоторое время он произнес:

- Сендерс! Ты пришел сюда для того, чтобы я тебя убил?

- Нет, - ответил Энди сквозь всхлипы. - Возможно. Да. Не могу сказать. Но все в моей жизни пошло прахом. Погибли мои жена и дочь. Я думаю, так Господь наказывает меня за продажу того дерьма…

Мастер кивнул.

- Да уж, может, и так.

- …и я ищу ответ. Или избавление. Или еще что-то. Конечно, я также хотел сообщить о твоей жене, это важно - делать правильные поступки…

Мастер похлопал его по плечу.

- Все хорошо, браток, ты правильно сделал. Я тебе признателен. С нее не было много толка на кухне, и по дому она управлялась не лучше, чем свинья в куче навоза, но она умела потрясающе трахаться, когда была обдолбанной. Что она имела против тех двух синяков?

Даже в своей глубокой скорби Энди не имел намерения озвучивать тему обвинений в изнасиловании.

- Наверное, это из-за ее волнения от Купола. Ты знаешь о Куполе, Фил? Мастер?

Мастер вновь взмахнул рукой, очевидно, утвердительно.

- О мете ты сказал вполне справедливо. Торговать им - это неправильно. Позорно. И напротив, производить его - это воля Божья.

Энди опустил руки и вперился в Мастера припухшими глазами.

- Ты так считаешь? Потому что я не уверен, что это тоже правильно.

- А ты когда-нибудь пробовал?

- Нет! - вскрикнул Энди. Для него это прозвучало так, словно Мастер вдруг спросил его, не имел ли он когда-нибудь сексуальных отношений с кокер-спаниелем.

- Ты принимаешь лекарства, прописанные тебе доктором?

- Ну…да, обычно… но…

mir-knigi.org

- Мет - это лекарство, - Мастер торжественно посмотрел на него, и тогда еще и ткнул Энди в грудь пальцем ради дополнительной аргументации. Ноготь на пальце у него был обгрызен до кровавой мозоли. - Мет - это лекарство. Повтори.

- Мет - это лекарство, - произнес Энди довольно примирительно.

- Это правильно, - Мастер встал. - Лекарство от меланхолии. Это из Рея Брэдбери. Ты когда-нибудь читал Рея Брэдбери[341]?

- Нет.

- Вот он, сука, это голова. Он все понимал. Он написал такую охуительную книгу, аллилуйя. Идем за мной. Я изменю твою жизнь.

18

Первый выборный Честер Милла посмотрел на мет, как жаба на насекомых.

Позади шеренги варочных аппаратов стоял обшарпанный старый диван, там-то и сидели Энди с Мастером Буши под картиной, которая изображала Христа на мотоцикле (название: «Твой невидимый попутчик»), передавая друг другу трубку. Во время горения мет смердел, как трехдневная моча из незакрытого ночного горшка, но после первой, пробной, затяжки Энди убедился, что Мастер был прав: торговля этим, возможно, дело Сатаны, но сам продукт - от Бога. Мир перед ним прыжком сфокусировался в изысканную, деликатно трепетную картинку, которой он никогда раньше не наблюдал. Мощным всплеском повысилась частота сердцебиения, кровеносные сосуды на шее набухли, превратившись в пульсирующие кабели, у него зачесались десна и яйца зашевелились как когда-то в юности. А что еще лучше всего перечисленного - бремя, которое давило своим весом ему на плечи и дурманило мозг, исчезло. Он чувствовал себя способным горы свернуть и вывезти на тачке.

- В Эдемском саду росло дерево, - произнес Мастер, передавая ему трубку. Кудряшки зеленого дыма вились с обеих ее концов. - Дерево Бога и Зла. Ты сечешь тему?

- Да. Это из Библии.

- Спорим на твой дикий шланг. И на том Дереве росло Яблоко.

- Точно. Точно. - Энди вдохнул дыма лишь немного, чисто хлебнул. Ему хотелось больше - хотелось заглотнуть его весь, - но он боялся, что, если даст себе волю, его голова взорвется, сорвется с шеи и начнет летать по лаборатории, как ракета, выбрасывая бешеный огонь из обрубка.

- Плотью того Яблока есть Истина, а кожурой того Яблока есть Метамфетамин, - объявил Мастер.

Энди посмотрел на него.

- Удивительно.

Мастер кивнул.

- Да, Сендерс. Так и есть, - он забрал трубку. - Хорошая штука, не так ли?

- Удивительная штука.

- Христос возвращается на Хэллоуин, - сказал Мастер. - А может, несколькими днями раньше; не могу точно сказать. Хэллоуиновский сезон уже начался, ты же понимаешь. Ведьмин, сука, сезон. - Он передал Энди трубку, и показал рукой, в которой держал гаражный пульт. - Ты это видишь? Вверху, в конце галереи? Выше дверей складской части?

Энди присмотрелся.

- Что? Тот белый оковалок? Глина, что ли?

- Это не глина, Сендерс, - улыбнулся Мастер. - Это Тело Христово.

- А что это за провода оттуда тянутся?

- Сосуды, через которые течет Кровь Христова.

Энди подумал над этой концепцией и пришел к выводу, что она просто блестящая.

- Хорошо, - он еще немного подумал. - Я люблю тебя, Фил. То есть Мастер. Я рад, что пришел сюда.

- Я тоже, - ответил Мастер. - Слушай, хочешь, покатаемся? У меня здесь где-то есть машина, кажется, но самого меня немного кумарит.

- Конечно, - кивнул Энди и встал. Мир на какой-то миг - пару секунд, поплыл, но потом стабилизировался. - Куда ты хочешь поехать?

Мастер ему рассказал.

19

Джинни Томлинсон спала за стойкой рецепции, положив голову на журнал «Люди»[342] - Бред Питт и Анджелина Джоли возятся среди волн в прибое на каком-то сексапильном островке, где официанты подают тебе напитки с воткнутыми в них зонтиками. Когда что-то разбудило ее без четверти два утром среды, подняв голову, она увидела, что перед ней стоит призрак: высокий сухоребрый мужчина с ввалленными глазами и волосами, которые торчат во все стороны. На нем была майка с логотипом РНГХ и джинсы, которые едва не сползали с его постных бедер. Сначала она подумала, что ей снится кошмар о ходячих мертвецах, но потом ощутила его дух. Никакой сон не мог так гадко смердеть.

- Я Фил Буши, - произнесло явление. - Я прибыл за телом моей жены. Я хочу ее похоронить. Покажите мне, где она.

Джинни не спорила. Она отдала бы ему все тела, только бы от него избавиться. Она провела его мимо бледной Джины Буффалино, которая застыла возле госпитальной тележки, тревожно смотря на Мастера. Когда тот обернулся, чтобы взглянуть на нее, она отшатнулась.

- У тебя есть хэллоуиновский костюм, детка? - поинтересовался Мастер.

- Д-да…

- И кем ты будешь?

mir-knigi.org

- Глиндой[343], - ответила девушка. - Хотя, думаю, едва ли я поеду на вечеринку. Она будет в Моттоне.

- Я наряжусь, как Иисус, - произнес Мастер. Он пошел вслед за Джиной, грязный призрак в полусгнивших кедах «Конверс»[344] с высокими голенищами. А потом он обернулся. Улыбающийся. – И я такой обдолбанный.

20

Мастер Буши вышел из больницы через десять минут с замотанным в простыню телом Сэмми на руках. Одна ее босая нога - розовый лак потрескался на ногтях - кивала и подмахивала. Джинни придержала для него двери. Она не посмотрела, кто сидит за рулем автомобиля, который урчал на холостых оборотах на разворотной площадке, и Энди этим вяло утешился. Он подождал, пока она зайдет назад в больницу, и только тогда вылез и открыл заднюю дверцу машины для Мастера, который, как для человека, который выглядел, натянутой на арматуру из костей, кожей, на диво легко управлялся со своей ношей. «Вероятно, - думал Энди, - мет также дарит силу». Если так, то его собственная уплывала. Снова на него наползала депрессия. И усталость тоже.

- Все хорошо, - сказал Мастер. - Поезжай. Но сначала дай мне это.

Он отдавал на хранение Энди гаражный пульт. Теперь Энди отдал его назад.

- В похоронный салон?

Мастер посмотрел на него, как на сумасшедшего.

- Назад на радиостанцию. Туда Христос придет в первую очередь, когда Он вернется.

- На Хэллоуин.

- Правильно, - кивнул Мастер. - А может, и раньше. Между прочим, ты поможешь мне похоронить это Божье дитя?

- Конечно, - ответил Энди, и тогда испуганно: - Может, нам можно немного покурить перед этим?

Мастер засмеялся и хлопнул Энди по плечу.

- Понравилось, не так ли? Я знал, что тебе понравится.

- Лекарство против меланхолии, - произнес Энди.

- Твоя правда, браток. Твоя правда.

21

Барби на топчане в ожидании рассвета и того, что тот принесет. В Ираке он приучал себя не волноваться о том, что впереди и, хотя не овладел полностью этой технологией, все-таки к какой-то степени в ней продвинулся. Наконец, существовали только два правила для жизни в страхе (он приходил к выводу, что полное преодоление страха - это миф), и повторял их мысленно, лежа, ожидая.

«Мне нужно принимать те вещи, которые не могу контролировать.

Мне нужно превращать недостатки в преимущества».

Второе правило означало экономию всех имеющихся ресурсов и тщательное планирование их использования.

Один ресурс он спрятал в матрас: его швейцарский армейский нож. Нож был маленьким, всего два лезвия, но даже менее длинного хватит, чтобы перерезать человеческое горло. Ему чрезвычайно повезло, что он сумел его сохранить, и Барби это понимал.

Какие бы ни были здесь прежде правила оформления новых визитеров, поддерживаемые Говардом Перкинсом, все пошло кувырком после его гибели и повышения Питера Рендольфа. Потрясения, которые переживал город в течение последних четырех дней, любой полицейский участок могли сорвать с катушек, думал Барби, но не только в этом было дело. Дело было в Рендольфе, который был и глуповатым, и недалеким, а всякая бюрократическая структура, которая основывается на субординации, имеет тенденцию равняться на того, кто ее возглавляет.

Они его сфотографировали, и пальцы ему они откатали, но прошло целых пять часов, прежде чем Генри Моррисон (с выражением усталости и отвращения на лице) сошел вниз и остановился в пяти футах от клетки Барби. Намного дальше от безопасного расстояния.

- Что-то забыли, не так ли? - спросил Барби.

- Выверни карманы и выкинь все в коридор, - сказал Генри. - Потом сними штаны и продвинь их через решетку.

- Если я это сделаю, получу ли я что-то попить, не хлебать же мне из унитаза?

- О чем это ты говоришь? Джуниор относил тебе воду. Я сам видел.

- Он подмешал туда соли.

- Конечно. Точно, - однако Генри произнес это как-то сникший. Возможно, где-то там, в глубине, еще сохранился мыслящий человек. - Делай, как тебе приказано, Барби. То есть Барбара.

Барби извлек все, что было у него в карманах: кошелек, ключи, монеты, небольшую пачку купюр, медальон Св. Христофора, который он носил с собой, как амулет счастья. К тому времени швейцарский нож уже давно был спрятан в матрасе.

- Вы можете продолжать называть меня Барби, когда будете набрасывать мне на шею петлю перед повешением, если хотите. Не это ли задумал Ренни? Повешение? Или расстрел?

- Не разглагольствуй, а давай-ка сюда штаны через решетку. Рубашку тоже.

Он это произнес тоном городского крутого парня, но Барби подумал, что вид Генри имеет еще более неуверенный, чем всегда. Это было хорошо. Это было начало.

В подвал спустилось двое новых копов-ребятишек. Один держал в руке газовый баллончик, второй - электрошокер.

- Не помочь ли вам, офицер Моррисон? - спросил один из них.

- Нет, но вы можете постоять там, возле подножия ступенек, понаблюдать, пока я здесь управлюсь, - ответил Моррисон.

- Я никого не убивал, - произнес Барби спокойно, но со всей искренностью, на которую только был способный. - И, кажется мне, вы это понимаете.

- Я понимаю, что лучше тебе заткнуться, если не хочешь попробовать электроклизму.

Генри порылся в одежде, но не приказал Барби опустить трусы и раздвинуть ягодицы. Обыск запоздалый и неполноценный, но Барби добавил ему несколько очков за то, что он вообще это сделал - потому, что никто больше об этом не вспомнил.

Закончив, Генри закинул джинсы - с опустошенными карманами и конфискованным ремнем - назад через решетку.

- Могу ли я получить назад мой медальон?

- Нет.

- Генри, ну подумайте сами. Зачем мне…

- Заткнись.

Генри отправился прочь, едва не оттолкнув с дороги двух копов-ребятишек, со склоненной головой и личными вещами Барби в руках. Юноши пошли следом, правда, один перед тем задержался и, оскалился на Барби, провел себе пальцем по горлу.

С того времени он оставался сам, делать было нечего, только лежать на топчане, смотря на щель окошка вверху (матовое, рифленое стекло, армированное проволочной прошивкой), ждать рассвета и думать, на самом ли деле они будут его притапливать[345], или Ширлз это просто от себя навыдумывал. Если отважатся, то, судя по тому, насколько они ловки в оформлении постояльцев, они его действительно могут утопить.

И еще он думал, не посетит ли его кто-нибудь до рассвета. Кто-то с ключом. Кто-то, кто подойдет достаточно близко к решетке его камеры. Имея нож, он не считал бегство полностью невероятным, но после наступления рассвета оно таким станет. Вероятно, ему следовало бы попробовать это сделать, когда Джуниор передавал ему сквозь решетку стакан соленой воды… вот только Джуниор мог бы выстрелить в любое мгновение. Следующего шанса можно ждать долго, но Барби не впадал в отчаяние. Пока еще нет.

«А кроме того… куда мне убегать?»

Даже если бы у него получилось убежать и исчезнуть, он вывалил бы на своих друзей кучу бед. После «энергичного опрашивания», проведенного такими копами, как Мэлвин и Джуниор, Купол может показаться самой меньшей из проблем. Большой Джим теперь на коне, а когда такие ребята в седле, они имеют привычку гнать в галоп. Иногда - пока конь под ними не упадет.

Он впал в неглубокий, беспокойный сон. Снилась ему блондинка в «Форде». Ему снилось, что она остановилась, подобрала его, и они как раз своевременно выехали за границу Милла. Она расстегивала пуговицы у себя на блузе, демонстрируя ему ажурные чашечки своего лифчика цвета лаванды, когда прозвучал чей-то голос:

mir-knigi.org

- Эй, ты там, мудило. Вставай-Просыпайся.

22

Джеки Веттингтон осталась на ночь у Эвереттов, и, хотя дети тихо спали, и кровать в гостевой комнате была удобной, она лежала без сна. В четыре утра она, наконец, решила, что должно было быть сделано. Она понимала риск; также она понимала, что не успокоится, пока Барби остается в камере под полицейским участком. Если бы она была способна сама организовать, хоть какое-то сопротивление или, по крайней мере, просто серьезное расследование тех убийств, думала Джеки, она бы уже начала этим заниматься. Однако она знала себя слишком хорошо, чтобы даже не радоваться таким мечтам. Она достаточно хорошо справлялась с тем, что ей приходилось делать на острове Гуам и в Германии: вытягивание из баров пьяных бойцов, вылавливание самоходчиков или наведение порядка после автоаварий на базе, все это принадлежало к ее рутинным задачам, - но то, что случилось в Честер Милле, находилось вне уровня зарплаты мастер-сержанта. Или штатной патрульной, которая работает в маленьком городке, где коллеги-полисмены называют ее за глаза «Офицер Сиськи». Они думали, она этого не знает, но она-то знала. И сейчас этот сексизм на уровне средней школы был наименьшей из ее забот. Этому должен быть положен конец, и Дейл Барбара - тот человек, которого Президент Соединенных Штатов выбрал для помощи этому краю. Даже исполнение воли Главнокомандующего не было здесь главным. Первое правило - не бросать товарищей в беде. Священное, мифологизированное до автоматизма правило.

Начать надо с того, чтобы дать знать Барби, что он не один. Тогда он сможет согласно этому факту строить свои планы.

Когда в пять часов утра вниз в ночной рубашке спустилась Линда, сквозь окна только начал вползать первый свет и проявляться неподвижно застывшие деревья и кусты. Ни дуновения ветерка во дворе.

- Мне нужен какой-то сосуд типа «Таппервер»[346], - произнесла Джеки. - Миска, такая, чтобы была небольшая и непрозрачная. У тебя есть что-то наподобие?

- Конечно, есть. А зачем тебе?

- Мы понесем Дейлу Барбаре завтрак, - сказала Джеки. - Кашу. А на дно положим записку.

- О чем это ты говоришь, Джеки? Я не могу. У меня дети.

- Знаю. Но сама я этого сделать тоже не могу, потому что меня не пропустят туда саму. Если бы я была мужчиной, тогда бы возможно, но с этим оснащением… - она показала на свою грудь. - Короче, мне нужна ты.

- Какую записку?

- Я хочу освободить его завтра ночью, - сказала Джеки голосом, более спокойным, чем свои истинные ощущения. - Во время общее городского собрания. В этой части операции ты мне не будешь нужна…

- Ты не втянешь меня в ту часть!

Линда трепала ворот своей ночной рубашки.

- Не кричи так. Я думаю, возможно, Ромео Бэрпи… если мне получится его убедить, что Барби не убивал Бренды. Мы наденем маски или что-нибудь такое, чтобы нас не узнали. Никто и не удивится, весь город и так уже уверен, что у него есть соучастники.

- Ты сошла с ума!

- Нет. На время собрания там останется горстка людей - три-четыре человека может, и всего два. Я уверена.

- А я - нет.

- Но до завтрашней ночи еще далеко. Он должен подпускать им туман все это время. Все, давай мне миску.

- Джеки, я не могу.

- Можешь, - это произнес Расти, он стоял в дверях, почти грандиозный в своих спортивных трусах и майке «Патриоты Новой Англии». - Настало время рисковать, дети там или не дети. Мы здесь теперь брошены на произвол судьбы, и именно мы должны это остановить.

Линда какое-то мгновение смотрела на него, кусая губы. Наконец она наклонилась к одному из нижних ящиков.

- «Таппервары» у меня здесь.

23

Прибыв в полицейский участок, они увидели, что стойка рецепции пуста - Фрэдди Дентон пошел домой немного поспать, - однако в помещении находилось с полдесятка юных офицеров, они сидели без дела, пили кофе и вели разговор по-утреннему возбужденно, потому что большинство из них давно уже не поднимались с кровати в такое раннее время в сознательном возрасте. Джеки увидела двух из многочисленных братьев Кильянов, местную подружку заезжих байкеров и завсегдатая «Диппера» по имени Лорен Конри и Картера Тибодо. Имен других она не знала, но узнала среди них двух хронических прогульщиков школы, которые также привлекались за мелкие правонарушения, связанные с наркотиками и управлением автомобилем. Новые «офицеры» - самые новые из новых - не были одеты в униформу, вместо этого, у каждого на руке выше локтя был повязан кусок голубой ткани.

Все, кроме одного, были при оружии.

- А вы, девушки, чего пришли сюда так рано? - спросил, прохаживаясь по помещению, Тибодо. - У меня хоть причина есть: кончились болеутоляющие пилюли.

Остальные зевали, словно тролли.

- Принесли завтрак для Барбары, - сказала Джеки. Она боялась взглянуть на Линду, боялась, потому что не знала, какое выражение может увидеть на ее лице.

Тибодо заглянул в миску.

- Молока нет?

- Обойдется без молока, - сказала Джеки, плюя в миску с кашей «Спешл К»[347]. - Вот я только

еще добавлю влаги немножечко.

Юноши одобрительно захохотали. Кое-кто зааплодировал.

Джеки с Линдой уже были почти на ступеньках, когда их остановил голос Тибодо.

- А дайте-ка сюда.

Джеки на миг застыла. Увидела себя, как она швыряет миску ему в лицо и бросается наутек. Ее остановил простой факт: убегать им было некуда. Даже если бы получилось выбежать из участка, их схватили бы уже на полдороги через Мемориал-Плаза.

Линда взяла миску из рук Джеки и протянула Тибодо. Тибодо посмотрел вовнутрь, а потом, вместо того чтобы проверять кашу на присутствие скрытых посланий, он сам в нее плюнул.

- Мой взнос, - произнес он.

- Минуточку, минуточку, - переполошилась девушка Конри. Стройная, рыжеволосая, с фигурой топ-модели и буяющими прыщами на лице. Говорила она как-то гнусаво, потому что ковырялась в носу, засунув туда палец чуть ли не по вторую косточку. - Я тоф хошу тобавть. - Палец вынырнул из носа с большой козой на конце. Мисс Конри положила ее сверх каши под новый взрыв аплодисментов и восклицания: «Лори - повелительница приисков зеленого золота».

- Известно же, что в каждой коробке хлопьев есть какой-то сюрприз, - глуповато улыбнулась она. И положила ладонь на рукоять пистолета 45-го калибра у себя на бедре. У Джеки мелькнула мысль, что ее, такую худенькую, с катушек собьет отдачей, если ей придется из него выстрелить.

- Теперь готово, - произнес Тибодо. - Я с вами, за компанию.

- Хорошо, - сказала Джеки, похолодев от мысли, как близко она была от решения положить записку себе в карман и просто передать ее Барби из рук в руки. Неожиданно риск, на который они отважились, показался ей сумасшествием… однако отступать было уже поздно. - Впрочем, можешь просто возле ступенек постоять. А ты, Линда, держись у меня за спиной. Риска нет никакого.

Она думала, что Картер будет возражать, но этого не произошло.

24

Барби сидел на топчане. По другую сторону решетки стояла Джеки Веттингтон с пластиковой миской. А рядом с ней - Линда Эверетт, сжав обеими руками пистолет, нацеленный дулом в пол. Последним в линии, ближе к ступенькам, стоял Картер Тибодо с волосами, торчащими после сна, в синей форменной рубашке, расстегнутой на груди так, чтобы было видно повязку на его погрызенном псом плече.

- Поздравляю, офицер Веттингтон, - поздоровался Барби. Слабенький белый свет вползал через прорез, который служил здесь окошком. От этих первых лучей дня жизнь еще больше показалась ему похожей на идиотскую шутку. - Я невиновен, это все клевета. Я не могу их даже обвинениями назвать, потому что я не был…

- Заткни глотку, - рыкнула Линда из-за плеча Джеки. - Нас это не интересует.

- Сказано тебе, тупица, - зевнул Картер, чухая свой бандаж. - Молодчага, деваха.

- Сядь назад, - произнесла Джеки. - И не шевелёись.

Барби сел. Она продвинула миску через решетку. Миска была маленькая, как раз, чтобы пролезть. Он ее взял в руки. В ней было что-то похожее на «Спешл К». На поверхности сухих хлопьев блестел плевок. И еще что-то: большая зеленая сопля, сырая, вперемешку с кровью. И все равно в желудке у него заурчало. Он чувствовал себя очень голодным.

А также очень оскорбленным, несмотря ни на что. Потому что думал, что Джеки, в которой он, увидев ее впервые, сразу узнал бывшую военную (отчасти благодаря ее стрижке, но главным образом по тому, как она себя вела), все-таки человек получше. Отвращение к нему Генри Моррисона не так его задевало. А вот с этим было труднее. И также и другая женщина – которая замужем за Расти Эвереттом - смотрела на него, словно на какого-то редкого ядовитого паука. А он питал надежду, что хоть кто-то из регулярных офицеров участка…

- Жри, - сказал ему Тибодо от ступенек. - Мы тебе хорошенько сервировали. Правда же, девушки?

- Конечно, да, - поддакнула Линда. Опустив при этом уголки губ. Гримаса мелькнула менее короткая, чем разовый нервный тик, но на душе у Барби посветлело. Он решил, что она прикидывается. Возможно, это просто его пустые надежды, хотя неизвестно…

Она немного отступила, блокируя своим телом Джеки от взгляда Картера… хотя большой потребности в этом и не было. Тибодо сейчас был занят тем, что старался заглянуть себе под край повязки.

Джеки бросила взгляд назад, удостоверившись, что ее никто не видит, и тогда показала на миску, повернув руки ладонями кверху и сведя брови: «Извини». После этого показала двумя пальцами на Барби: «Обрати внимание».

Он кивнул.

- Смакуй, хуйло, - произнесла Джеки. - На обед принесем тебе чего-нибудь получше. Какой-нибудь писькобургер.

От ступенек, где уже успел отклеить себе краешек бандажа, проржал Картер Тибодо.

- Если у тебя к тому времени еще останутся зубы, чтобы ими жевать, - добавила Линда.

Барби хотелось, что бы она уже замолчала. Не было в ее тоне садизма, даже злости не слышалось. Голос звучал скорее испуганно, как у женщины, которая предпочитала бы оказаться по возможности подальше от этого места. Однако Тибодо, казалось, этого не замечал. Он так же восторженно исследовал свое плечо.

- Идем, - произнесла Джеки. - Не хочу я смотреть, как он будет есть.

- Не сильно сухая еда для тебя? - спросил Картер. Он выпрямился, когда женщины двинулись по коридору между камерами в сторону ступенек, Линда уже спрятала в кобуру пистолет. - Потому что, если так… - он прочистил горло харканьем.

mir-knigi.org

- Как-то переживу, - ответил Барби.

- Конечно да, - сказал Тибодо. – Какое-то время. А потом нет.

Они пошли вверх по ступенькам. Тибодо двинулся последним, ущипнув Джеки за жопу. Она засмеялась и слегка хлопнула его. Играла она чудесно, не то, что жена Эверетта. Но обе они проявили незаурядное мужество. Страшное мужество.

Барби подцепил соплю и бросил ее в тот угол, куда еще раньше помочился. Вытер руки об рубашку. Потом погрузил пальцы в хлопья. На дне миски нащупал бумажную полоску.

«Старайся продержаться до следующей ночи. Если мы сможем тебя освободить, попробуй придумать безопасное место. Что с этим делать, знаешь сам».

Барби знал.

25

Где-то через час после того, как он съел записку, а потом и кашу, на ступеньках послышались тяжелые шаги. Это был Большой Джим, в костюме и при галстуке, готовый к очередному дню управления под-купольной жизнью. За ним следовали Картер Тибодо и еще один парень – кто-то из Кильянов, судя по форме его головы. Этот мальчик нес стул и едва справлялся с такой деликатной работой; он был из тех парней, о которых прожженные янки говорят «недоделанный». Он передал стул Тибодо, и тот установил его напротив камеры в коридоре. Ренни сел, деликатно поправив брюки, чтобы не помять на них стрелки.

- Доброе утро, мистер Барбара, - сделал он едва слышное самодовольное ударение на гражданском обращении.

- Выборный Ренни, - произнес Барби. - Что я могу для вас сделать, кроме как назвать свое имя, звание и личный номер… за правильность которого я не поручусь, потому что точно не помню?

- Сознайтесь. Сэкономьте нам труд и облегчите собственную душу.

- Мистер Ширлз вчера вечером упоминал что-то о притоплении, - сказал Барби. - Спрашивал у меня, видел ли я что-то такое в Ираке.

Губы Ренни были собраны в легенькую улыбку, он словно проговаривал: «Скажи еще что-нибудь, говорящие животные такие интересные».

- Я и в самом деле видел. Не имею понятия, насколько часто этот метод применялся в полевых условиях - рапорта разнятся, - но сам я это видел дважды. Один человек сознался, хотя признание оказалось ложным. Тот, кого он назвал как бомбиста Аль-Каиды, оказался школьным учителем, который выехал из Ирака в Кувейт еще за четырнадцать месяцев до этого. Второй человек дотерпел до судорог и отека мозга, и признаний от него так и не получили. Хотя, я уверен, он сознался бы, если бы мог. Все сознаются, когда их начинают притапливать, обычно уже через несколько минут. Я тоже сознаюсь, не имею в этом сомнений.

- Тогда сэкономьте себе немного нервов, - сказал Большой Джим.

- У вас усталый вид, сэр. С вами все обстоит благополучно?

Легкая улыбка сменилась легкой пасмурностью. Ее выдала глубокая морщина, которая

пролегла у Ренни между бровей.

- Мое текущее состояние не является предметом вашей заботы. Мой вам совет, господин Барбара. Не гоните мне пургу, а я не буду гнать вам. Что вас должен действительно беспокоить, так это ваше собственное состояние. Сейчас оно может быть хорошим, но все легко изменить. За пару минут. Понимаете, я на самом деле думаю подвергнуть вас притоплению. Вполне серьезно склоняюсь к этому. Давайте, сознавайтесь в убийствах. Уберегите себя от страданий, сэкономьте нам время.

- Едва ли я соглашусь. А если начнете меня притапливать, я начну говорить о всяком разном. Вам, наверняка, следует заранее подумать, кому следует оставаться рядом со мной, когда я начну говорить.

Ренни размышлял. Хотя и опрятно разодетый, подтянутый, особенно как для такого раннего времени, лицо он имел желтоватое, а его крохотные глазки окружала припухшая, похожая на синяки плоть. Вид он действительно имел скверный. Если бы Большой Джим вдруг взял да и умер прямо тут, у него на глазах, Барби мог ожидать двух вариантов развития ситуации. Первая - это та, что плохой политический климат в Милле улучшится, не образовывая никаких избыточных торнадо. А вторая - хаотичная кровавая баня, в котором вслед за смертью Барби (скорее всего через линчевание, а не расстрел) начнется отлавливания его воображаемых соучастников. И первым в этом списке будет стоять имя Джулии. А вторым номером может идти Рози; напуганные люди очень склонны к ассоциативным поискам виновных.

Ренни обернулся к Тибодо.

- Отойди подальше, Картер. Туда, к ступенькам, будь любезен.

- Однако если он попробует вцепиться в вас…

- Тогда ты его застрелишь. И он это понимает. Разве не так, господин Барбара?

Барби кивнул.

- Кроме того, я отнюдь не собираюсь приближаться к нему. Вот потому и прошу тебя отступить подальше. У нас здесь будет частная беседа.

Тибодо отошел.

- Итак, господин Барбара, о каких это вещах вы начнете говорить?

- Я знаю все о метовой лаборатории, - Барби говорил тихонько. - Об этом знал Говард Перкинс и уже был готов вас арестовать. Бренда нашла ваше дело в его компьютере. Именно поэтому вы ее и убили.

Ренни улыбнулся:

- О, которая амбициозная у вас фантазия.

- Генеральный прокурор штата не будет считать это фантазией, помня о ваших мотивах. Мы же не просто о какой-то любительской скороварке в мобильном трейлере говорим, речь идет о «Дженерал Моторс» по производству метамфетамина.

- Еще до конца этого дня, - начал Ренни, - компьютер Перкинса будет уничтожен. И ее

компьютер тоже. Я подозреваю, какие-то бумаги могут лежать в домашнем сейфе Дюка - бессмысленные, конечно; злопыхательский, политически мотивированный мусор, рожденный мозгом человека, который всегда меня не любил - ну, если так, сейф будет открыт, а бумаги сожжены. Ради блага города, не моего блага. Сейчас у нас кризисная ситуация. Всем нам надо сплачиваться.

- Бренда перед смертью передала кое-кому папку тех документов, которые она распечатала с компьютера.

Большой Джим оскалился, показав оба ряда мелких зубов.

- Ваши фантазии, господин Барбара, заслуживают взаимности. Вы позволите?

Барби развел руками: «Ваша воля».

- В моей фантазии Бренда приходит ко мне и рассказывает то самое, что только что говорили вы. Говорит, что документы, о которых вы вспомнили, она передала Джулии Шамвей. Однако я знаю, что это вранье. Она могла хотеть это сделать, но не сделала. Да и даже если бы так… - он пожал плечами. - Прошлой ночью ваши соучастники сожгли газету госпожи Шамвей дотла. В данном случае, неразумная акция с их стороны. Или это была ваша идея?

Барбара ответил:

- Копия существует. И я знаю где. Если вы будете притапливать меня, я обнародую ее местонахождение. Громко.

Ренни рассмеялся:

- Весьма искренне произнесено, господин Барбара, но я всю жизнь провел в манипуляциях и могу узнать блеф, когда его слышу. Возможно, мне следует казнить вас по сокращенной процедуре. Город ответит аплодисментами.

- А такими ли уж громкими, если вы сначала не разоблачите моих соучастников? Даже Питер Рендольф может усомниться в законности такого решения, а он всего лишь идиот и подхалим.

Большой Джим встал. Его обвислые щеки приобрели цвет старого кирпича.

- Ты не знаешь, с кем затеял игру.

- Прекрасно знаю. Типов вашего вида я на каждом шагу встречал в Ираке. Вместо галстука они носят тюрбаны, но во всем другом точь-в-точь такие же. Вплоть до краснобайства о Боге.

- Ну, вы убедили меня отказаться от притопления, - сказал Большой Джим. - Просто стыд, я всегда мечтал посмотреть на это дело.

- Не имею сомнений.

- Пока что мы подержим вас в этой комфортабельной камере, хорошо? Я не думаю, что вы много будете есть, потому что пища мешает мышлению. Хотя неизвестно. Конструктивное мышление может помочь вам найти аргументы, которые убедят меня позволить вам и в дальнейшем жить. Имена тех в городе, кто против меня, например. Полный список. Я даю вам сорок восемь часов. А тогда, если вам не удастся убедить меня в противоположном, прикажу казнить вас на Мемориал-Плазе на глазах всего города. Вы прислужитесь в роли наглядного

mir-knigi.org

примера.

- Вы на самом деле неважно выглядите, господин выборный.

Ренни вперился в него тяжелым взглядом.

- Это от таких, как ты, все неприятности в этом мире. Если бы я не считал, что твоя смертная казнь на площади в память павших в войнах послужит для консолидации нашего города и станет средством для такого необходимого нам сейчас катарсиса, я приказал бы мистеру Тибодо застрелить тебя прямо здесь.

- Сделайте это, и все откроется, - ответил Барби. - Люди из конца в конец города будут знать о ваших аферах. И попробуйте тогда найти консенсус на вашем сраном общегородском собрании, вы, опереточный тиран.

Жилы надулись по бокам шеи Большого Джима; еще одна начала пульсировать у него посреди лба. В какой-то миг он находился на границе взрыва. И тогда улыбнулся.

- Оцениваю на «отлично» ваши старания, господин Барбара. Но вы все врёте.

Он ушел. Они ушли. Барби сидел на топчане весь вспотевший. Он понимал, что почти приблизился к самому краю. У Ренни были причины, чтобы оставлять его живым, но не настолько сильные. И была еще записка, переданная ему Джеки Веттингтон и Линдой Эверетт. Выражение на лице миссис Эверетт ясно давало понять, что она знает достаточно, чтобы находиться в ужасе, и не только за себя. Для него было бы безопаснее попробовать вырваться отсюда своими силами, с помощью ножа. Принимая во внимание настоящий уровень профессионализма в департаменте полиции Честер Милла, ему казалось это осуществимым. Понадобится удача, но это вполне возможно сделать.

Однако у него не было никакой возможности сообщить им, что он попробует убежать самостоятельно.

Барби лег, заложив себе руки за голову. Один вопрос перекрывал в нем остаток других: что же произошло с печатной копией документов из папки ВЕЙДЕР, которая должна была попасть к Джулии? Потому что эти бумаги к ней не попали; он не сомневался, что тут Ренни говорил правду.

Нет способа узнать, и нечего делать, кроме как ждать.

Лежать на спине, смотря в потолок, именно этим Барби и занялся.

ЗАИГРАЙ-КА ТУ ПЕСНЮ МЕРТВОЙ ГРУППЫ

1

Вернувшись из полицейского участка, Линда с Джеки увидели Расти с девочками, они сидели на крыльце, ждали на них. Обе Джей-Джей все еще были в ночных рубашках - легких хлопчатобумажных, а не фланелевых, которые по обыкновению на них уже одевали в эту пору года. Хотя еще не было даже семи утра, термометр с надворной стороны кухонного окна показывал шестьдесят шесть градусов[348].

По обыкновению, девочки подбегали первыми, намного опередив Расти, чтобы обнять маму, но

в это утро он обогнал их на несколько ярдов. Обхватил Линду за талию, а она обвила руками его шею чуть ли не с болезненным прижимом - это были не объятия-приветствия, а сцепление утопленников.

- У тебя все хорошо? - шепнул он ей в ухо.

Волосы колыхнулся возле ее щеки, это она кивнула. И уже тогда отстранилась. Глаза ее сияли.

- Я была уверена, что Тибодо пороется в миске, но Джеки догадалась плюнуть в хлопья, это было гениально, хотя я была уверена…

- Почему мама плачет? - спросила Джуди голосом, в котором чувствовалось, что она сама на грани того, чтобы заплакать.

- Я не плачу, - сказала Линда, вытирая глаза. - Ну, разве что немножко. Потому что я так рада видеть вашего отца.

- Мы все рады его видеть! - воскликнула Дженнилл. - Потому что мой отец - ОН БОСС!

- Это для меня новость, - удивился Расти и поцеловал Линду в раскрытые губы, крепко так ее поцеловал.

- Ой, они раскрытыми ртами целуются! - восторженно воскликнула Дженнилл, а Джуди прикрыла себе ладошкой глаза и захихикала.

- Идем, девочки, айда на качели, - позвала Джеки. - А потом переоденетесь, и пойдем в школу.

- Я ХОЧУ СДЕЛАТЬ СОЛНЦЕ! - заверещала Дженнилл, побежав первой.

- Школа? - переспросил Расти. - На самом деле?

- На самом деле, - кивнула Линда. - Занятие в классах начальной школы на Ист-Стрит. Будут продолжаться до полудня. Вэнди Голдстон и Эллен Вандестайн согласились проводить уроки. В одной комнате дети от дошкольников до третьеклассников, в другой четырех-шестиклассники. Не знаю; будет ли там какое-то обучение, но дети, по крайней мере, должны куда-то ходить, это добавит им какого-то ощущения нормальности. Вероятно. - Она посмотрела в небо, где не было ни тучки, однако желтоватый оттенок все равно присутствовал. «Словно голубой глаз с разрастающейся катарактой». - Мне бы самой немного нормальности. Взгляни на небо.

Расти на секунду задрал голову, а потом отстранил жену на расстояние своих рук, чтобы рассмотреть ее внимательнее.

- Так у вас получилось все там сделать чисто? Ты уверена?

- Да. Но мы были на грани. Когда смотришь на такое в каком-то шпионском фильме, можно получить удовольствие, но в реальной жизни - это ужас. Я не буду принимать участие в его освобождении. Из-за наших девочек.

- Диктаторы всегда делают заложниками детей, - сказал Расти. - В какой-то момент люди должны сказать, что это больше не действует.

- Но не здесь и не сейчас. Это идея Джеки, так пусть она ее и воплощает. Я сама не буду брать в этом участия и тебе не позволю. - Однако она знала, если он будет требовать, она сделает все, что он попросит; смысл сказанного ею не соответствовал выражению ее лица. Если именно это

делало его боссом, он не хотел им быть.

- Ты пойдешь на работу? - спросил он.

- Конечно. Детей к Марте, Марта и отведет их в школу, а Линда с Джеки, как штык, появятся на свою очередную полицейскую смену под Куполом. Иначе бы это просто удивительно выглядело. Ненавижу даже об этом думать, - она перевела дух. - Я чувствую себя такой разбитой. - Она осмотрелась, чтобы убедиться, что ее не услышат дети. - Ох, сука, как же я утомлена. Почти не спала. А ты собираешься в госпиталь?

Расти покачал головой.

- Джинни с Твичем побудут сами, по крайней мере, до полудня… хотя с тем новым парнем, который пришел нам помогать, думаю, у них все будет хорошо. Терстон такой, немного словно нью-эйджер, но очень ловкий. Я посещу Клэр Макклечи. Хочу поговорить с теми детьми, а еще мне надо съездить туда, где счетчик Гейгера зафиксировал у них скачок радиации.

- Что мне говорить людям, если кто-то будет спрашивать, где ты?

Расти подумал.

- Правду, думаю я. Частичную, по крайней мере. Говори, что я ищу вероятный генератор Купола. Это заставит Ренни дважды подумать, прежде чем предпринимать какие-то последующие шаги.

- А если меня спросят о конкретном месте? Потому что наверняка будут спрашивать.

- Отвечай, что не знаешь, но говори, что, думаешь, это где-то в западной части города.

- Черная Гряда на севере.

- Вот-вот. Если Ренни прикажет Рендольфу послать нескольких его гончих, я хочу, чтобы они отправились не в мою сторону. Если кто-то тебе позже что-то будут предъявлять, будешь говорить, что была очень утомлена, перепутала. Слушай-ка, дорогуша, прежде чем пойдешь на работу, составь список людей, которые способны поверить, что Барби не виновен в тех убийствах. - И вновь у него промелькнуло: «Наши и не наши». - Надо нам будет поболтать с этими людьми, до завтрашнего городского собрания. И очень осторожно.

- Расти, ты точно в этом уверен? Потому что после вчерашнего пожара весь наш город будет остерегаться «друзей Дейла Барбары».

- Уверен ли я? Да. Нравится ли это мне? Абсолютно нет.

Она вновь посмотрела на желтоватого оттенка небо, перевела взгляд на два дуба, которые росли у них перед домом, листва висела неподвижно, безвольно, яркие перед тем цвета теперь выцвели до однообразной серости. Она вздохнула.

- Если Ренни загнал в ловушку Барбару, возможно, это и газету он сжег. Ты же это понимаешь, так?

- Да.

- И если Джеки сумеет освободить Барбару из тюрьмы, где она его спрячет? Где в нашем городе есть безопасное место?

- Мне надо об этом подумать.

- Если ты найдешь генератор и выключишь его, вся эта херня типа я шпионю[349] превратится в дерьмо.

- Молись, чтобы так и случилось.

- Буду. А что если там радиация? Я не хочу, чтобы ты заболел лейкемией или еще чем-то.

- У меня в отношении этого есть идея.

- Можно мне поинтересоваться?

- Лучше не надо, - улыбнулся он. - Она довольно сумасшедшая. Она переплела его пальцы со своими.

- Береги себя. Он поцеловал ее.

- Ты себя тоже.

Они посмотрели туда, где Джеки раскачивала девочек на качелях. Не только самих себя им надо беречь. И все-таки, подумал Расти, ему никуда не деться от того, что риск становится мощным фактором его жизни. То есть, если он хочет оставаться способным смотреть себе в глаза в зеркале во время утреннего бритья.

2

Корги Горесу нравилась человеческая пища.

Фактически корги Горес обожествлял человеческую пищу. Поскольку он был немного толстоватым (не говоря уже о некоторой седоватости, которая обозначила ему морду в последние года), есть ее ему было запрещено, и Джулия послушно прекратила подкармливание пса со своего стола после того, как ветеринар ясно дал ей понять, что такой щедростью она укорачивает жизнь своего ближайшего друга. Разговор этот состоялся шестнадцать месяцев назад, и с того времени Горес был ограничен «Бил-Джеком»[350] и диетическим собачьим кормом. Этот корм по виду напоминал упаковочный полиэстироловый попкорн, и, судя по тому, как укоризненно Горес смотрел на нее, прежде чем их съесть, на вкус они тоже были, как тот самый пенопласт. Но Джулия не сдавала позиций: никаких больше шкурок жареных цыплят, ни «Чиздудлов»[351], ни кусочка от ее утреннего пончика.

Таким образом, потребления Горесом «верботен продуктен» было ограниченно, однако полностью не прекращено; навязанная диета просто заставила его обратиться к самообеспечению интересующей его едой, что вместе с тем дарило псу незаурядное удовольствие, возрождая в нем охотничью натуру, присущую его лисьим предкам. Утренние и вечерние прогулки были особенно богаты на кулинарные изыски. Просто удивительно, что люди выбрасывают в канавы вдоль Мэйн-стрит и Вест-стрит, по которым по обыкновению пролегал его прогулочный маршрут. Там находились стружки картофеля-фри, чипсы и крекеры с арахисовым маслом, а иногда и обертка от мороженого с прилипшими к ней остатками шоколада. Однажды он натолкнулся на целый пирожок «Застольной болтовни»[352]. Тот перепрыгнул с тарелочки ему в желудок быстрее, чем вы успели бы произнести слово холестерин.

mir-knigi.org

Не всегда ему удавалось проглотить все им подмеченное, иногда Джулия раньше времени замечала добычу, на которую он нацелился, и одергивала его за поводок. Но все равно доставалось ему много, потому что Джулия часто выгуливала его, держа в одной руке раскрытую книжку или «Нью-Йорк Таймс». Игнорирование его в пользу «Таймс» не всегда шло ему на пользу - например, когда Горесу хотелось, чтобы ему основательно почесали живот, - но во время прогулок такое игнорирование было счастьем. Для маленьких желтых корги игнорирование означает - вкуснятину.

В это утро его игнорировали. Джулия и другая женщина - хозяйка дома, потому что это ее запахом здесь все пропахало, особенно в окраинах той комнаты, где люди выбрасывают из себя кизяки и метят свою территорию - были заняты болтовней. Эта другая женщина плакала, и теперь Джулия обнимала ее.

- Мне лучше, но не так чтобы совсем, - сказала Эндрия. Они сидели в кухне. Горес слышал запах кофе, который они пили. Холодного, не горячего кофе. Также он слышал запах пончиков. Тех, что с глазурью. - Мне все еще их хочется. - Если она сказала это о пончиках, то Горесу их тоже хотелось.

- Тяга к лекарству может продолжаться еще очень долго, - сказала Джулия. - И это не самое важное. Я склоняю голову перед твоей отважностью, Эндрия, но Расти был прав: ломка - глупая и опасная вещь. Тебе, к черту, повезло, что обошлось без судорожных припадков.

- Похоже, они у меня были. - Эндрия глотнула кофе. Горес услышал сербанье. - Я видела очень яркие сны. В одном из них бушевал пожар. Большой. На Хэллоуин.

- Но тебе же уже лучше?

- Чуточку. Мне начинает казаться, что я справлюсь. Джулия, ты можешь сколько тебе угодно оставаться у меня, но, думаю, лучше тебе найти себе какое-то более здоровое место. Этот смрад...

- Мы могли бы что-то сделать с этим запахом. Достанем батареечный вентилятор в Бэрпи. Если твое предложение погостить сделано мне серьезно - мне вместе с Горесом, - я принимаю твое предложение. Никому не следует в одиночестве лишаться наркозависимости.

- Не было другого способа, дорогуша.

- Ты знаешь, что я имею в виду. Почему ты решила это сделать?

- Потому что, кажется, впервые с того дня, как меня выбрали, во мне нуждается наш город. А еще потому, что Джим Ренни пригрозил лишить меня пилюль, если я буду мешать воплощению его планов.

Дальше Горес не слушал. Его больше интересовал запах, который достигал его чувствительного носа из того промежутка, над которым один из торцов дивана соприкасался со стеной. Именно на этом диване любила сидеть Эндрия в свои лучшие (если так можно назвать медикаментозные) дни, иногда смотря программы на подобие «Преследуемых»[353] (весьма удачное продолжение «Утерянных») или «Танцы со звездами» или какой-нибудь фильм по Эйч-Би-О[354]. Перед киновечерами она по обыкновению жарила себе в микроволновке попкорн. И миску с ним ставила на край стола. А поскольку наркоши редко бывают аккуратистами, много попкорна падало под стол. Именно его запах теперь и чувствовал Горес.

Оставив женщин при их разговоре, он пробрался в уголок под столиком. Место было узенькое,

но край стола создавал естественный мостик, а он был худенькой собачкой, особенно после того, как был посажен на собачью версию программы «Надзирающие весы»[355]. Первые ядрышки лежали сразу за документами из папки ВЕЙДЕР, запечатанными в конверте из коричневой манильской бумаги. Горес стоял как раз на имени своей хозяйки (написанному печатными буквами аккуратным почерком теперь уже покойной Бренды Перкинс) и подчищал первые вкусняшки из очень богатой россыпи сокровищ, когда Эндрия и Джулия вернулись в гостиную.

Какая-то женщина произнесла:

- Передай это ей.

Насторожив уши, Горес взглянул вверх. Голос не Джулии и не этой другой женщины; это был голос мертвой. Как и все собаки, Горес довольно часто слышал голоса мертвых, а иногда и видел их владельцев. Мертвые были повсюду, но живые люди их не могли видеть так же, как они не могли почувствовать десятки тысяч ароматов, которые окружали их каждую минуту ежедневно.

- Передай это Джулии, ей это нужно, это принадлежит ей.

Ну, это уже было смешно. Джулия никогда не будет есть ничего из того, что побывало в его рте, Горес знал это по собственному богатому опыту. Даже, если он запихнет это в нее своим носом, она не будет есть. Да, это человеческая пища, но теперь это также испорченная пища.

- Не попкорн. Это…

- Горес? - резко позвала Джулия голосом, который означал, что он ошибся, как вот «Ох, какая нехорошая собачка, как же ты можешь» и всякое такое бла-бла-бла. - Что ты там делаешь? Ну-ка вылазь.

Горес включил заднюю передачу. И подарил ей самую очаровательную из своих улыбок «Ангел, Джулия, как я тебя люблю», надеясь, что попкорн не прилип к его носу. Кое-что он успел заглотнуть, но ощущал, что главные россыпи сокровищ остались недосягаемыми.

- Ты что, подкармливался там?

Горес сел, смотря на нее с выражением искреннего обожествления. Которое на самом деле ощущал, потому что любил он Джулию очень-очень.

- Однако более интересный вопрос, чем именно ты там подкармливался, - наклонилась она с намерением заглянуть в промежуток между диваном и стеной.

И тут другая женщина начала выдавать горлом звуки, словно собралась сблевать. Она обхватила себя руками, стараясь прекратить припадок дрожи, но безуспешно. Изменился ее запах, и Горес понял, что она сейчас начнет рыгать. Он внимательно смотрел. Иногда в человеческой блевотине находились хорошие вещи.

- Эндрия? - спросила Джулия. - С тобой все хорошо?

«Глупый вопрос, - подумал Горес. - Разве ты не слышишь, как она запахла?»

Впрочем, этот вопрос тоже был дурацкий. Джулия едва слышала собственный запах, даже когда ей случалось вспотеть.

mir-knigi.org

- Да. Нет. Не надо было мне есть ту булочку с изюмом. Меня сейчас…

Она поспешила из комнаты. Добавить к тем запахам, которые уже живут в комнатке мочи-и-кизяков, думал Горес. Вслед за ней пошла Джулия. Какое-то мгновение Горес решал, не нырнуть ли ему вновь под стол, но он унюхал тревогу у Джулии и вместо этого тоже побежал за ней по пятам.

О мертвом голосе он напрочь забыл.

3

Расти позвонил по телефону Клэр Макклечи из машины. Хотя было еще рано, она ответила сразу же, и он этому не удивился. В Честер Милле теперь никто не мог долго спать, по крайней мере, без фармацевтических средств.

Она пообещала, что Джо с друзьями будут в ее доме готов не позже восьми, если надо, она сама их соберет. Понизив голос, Клэр сообщила:

- Кажется мне, что Джо запал на девочку Келвертов.

- Дурачком бы был, если бы не запал, - ответил Расти.

- Вы сами их повезете туда?

- Да, но не в зону опасной радиации. Обещаю вам, миссис Макклечи.

- Зовите меня Клэр. Если я позволяю моему сыну ехать с вами в такое место, где, как они говорят, звери покончили жизнь самоубийством, думаю, нам следует обращаться один к одному просто по имени.

- Вы вызовете Бэнни и Норри к себе, а я обещаю проявлять заботу о них всех в нашей экспедиции. Годится?

Клэр сказала - да. Через пять минут после разговора с ней Расти уже сворачивал с жутко пустой Моттонской дороги на Драммонд-Лейн, короткую улочку, на которой стояли наиболее красивые в Восточном Честере дома. Самый красивый из самых красивых имел на почтовом ящике надпись: БЭРПИ. Уже в скором времени Расти оказался в кухне господина Бэрпи, сидел, пил кофе (горячее, у Бэрпи генератор все еще работал) с Ромео и его женой по имени Мишель. Ромео и Мишель были бледными и пасмурными на вид. Он полностью одет, она все еще в домашнем халате.

- Вы думаете, этот парень Багби действительно убил Бгенду? - спросил Ромми. - Потому что, если он это сдеал, я убью его собственными гуками.

- Я так не думаю, - ответил Расти. - Думаю, его подставили. Но, если вы начнете кому-то рассказывать, что я вам такое говорил, у нас обоих будут неприятности.

- Ромми всегда любил ту женщину, - Мишель улыбалась, но в голосе ее звенели льдинки. - Сильнее, чем меня, иногда мне кажется.

Ромми этого ни подтвердил, ни опровергнул - казалось, он этих ее слов даже не услышал. Он наклонился к Расти, карие глаза смотрели придирчиво.

- Пго что это вы говорите, док? Подставили, каким обгазом?

- Не хочу сейчас вдаваться в детали. Я здесь по другому делу. Боюсь, тоже секретному.

- Тогда я ничего не желаю слышать, - заявила Мишель. И покинула кухню, забрав с собой свою чашку.

- Эта женщина не подагит мне никакой любви этой ночью, - произнес Ромми.

- Сочувствую.

Ромми пожал плечами.

- Имею дгугую, на дгугом конце города. Миша знает, хотя не подает вида. Говорите мне, что там у вас за дело, док.

- Есть дети, которые считают, что они, вероятно, нашли то, что генерирует этот Купол. Они совсем юные, но умные. Я им верю. У них есть счетчик Гейгера, и на Черной Гряде они зафиксировали скачок радиации. Не смертельный, но ближе они не приближались.

- Не приближались к чему? Что они там видели?

- Проблески пурпурного света. Вы знаете, где тот старый сад?

- Конечно, черт побеги. Фегма Маккоя. Я любил возить туда девушек. Видно весь город. У меня был старый «Виллис»… - замечтавшееся выражение промелькнуло на его лице. - Впрочем, это неважно. Так, говогите, пгоблесковый маяк?

- Они также видели много мертвых животных - нескольких оленей, медведя. Дети считают, что те животные покончили жизнь самоубийством.

Ромми посмотрел на него серьезно.

- Я отправляюсь с вами.

- Это было бы очень хорошо… до какого-то момента. Один из нас должен пройти весь путь, и этим одним буду я. Но мне нужен защитный костюм против радиации.

- Что вы имеете в виду, док?

Расти начал объяснять. Когда он закончил, Ромми достал пачку «Уинстона» и продвинул ее по столу.

- Мой любимый яд, - сказал Расти, беря себе сигарету. - Итак, что вы об этом думаете?

- О, я могу вам помочь, - сказал Ромми, давая ему и себе подкурить. - У себя, в моем магазине, я имею все, как каждому пго это известно в нашем гогоде. - Он нацелился сигаретой на Расти. - Но навгяд ли вам понравится ваше фото в газете, потому что вид вы будете иметь очень смешной, это факт.

- Да мне по хер, вот какой факт, - ответил Расти. - Газета сгорела вчера ночью.

- Я слышал, - кивнул Ромми. - Снова этот пагень Багбага. Его друзья.

- Вы в это верите?

- О, мое довегчивое сердце. Когда Буш говорил, что в Игаке есть атомные гакети, я и этому вегил. И говорил людям: «Это человек, который знает точно». Я также вегил, что Освальд[356] действовал сам, факт.

Из другой комнаты отозвалась Мишель.

- Перестань уже из себя вымучивать этот твой фальшивый французский прононс.

Ромми наградил Расти улыбкой, словно проговаривая: «Вот видите, с кем мне приходится жить».

- Конечно, дорогая моя, - позвал он, и это уже без акцента Счастливчика Пьера[357]. И тогда вновь обратился к Расти. - Оставьте вашу машину здесь. Поедем в моем фургоне. Больше места. Высадите меня возле магазина, и тогда заберете этих ребятишек. Я соберу для вас противорадиационный костюм. Вот только как быть с перчатками… не знаю…

- Перчатки со свинцовыми вставками лежат в шкафу в рентгенкабинете, у нас в больнице. Длинные, до локтей. Я могу и фартук прихватить…

- Хорошая идея, гадко было бы смотреть, как вы рискуете количеством собственных сперматозоидов…

- Там также могут быть защитные освинцованные очки, которыми в семидесятых пользовались техники и радиологи. Хотя их могли и выбросить. У меня есть надежда, что уровень радиации там не поднимется намного выше того последнего, который увидели на счетчике дети, когда стрелка оставалась еще на зеленом секторе.

- Вы же только что сами говорили, что они не приближались совсем вплотную…

Расти вздохнул.

- Если стрелка покажет восемьсот или тысячу импульсов в секунду, сохранение плодовитости будет самыми малыми моими хлопотами.

Они еще не успели уйти, как Мишель - теперь одетая в короткую юбку, и подчеркнуто зрелищный свитер - вновь оказалась на кухне и насела на своего мужа, упрекая его глупостью. Вычитывала ему, что он втянет их в переплет. Раньше уже такое случалось, и вот теперь вновь. Только теперь переплет будет хуже, чем он способен себе представить.

Ромми обнял ее и быстро что-то заговорил по-французски. Она отвечала на том же языке, выплевывая слова. Он не замолкал. Она дважды ударила его кулачком в плечо, потом заплакала и поцеловала его. На дворе Ромми извинительно посмотрел на Расти и пожал плечами.

- Такой у нее характер, - произнес он. - Душа поэта и эмоциональный макияж собаки с мусорной свалки.

Когда Расти с Ромео Бэрпи приехали к универмагу, там уже сидел Тоби Меннинг, готовый к открытию, обслуживанию покупателей, если таким будет желание Ромми. Компанию ему составляла Петра Ширлз, которая работала через дорогу в аптеке. Они сидели в шезлонгах, с поручней которых свисали таблички: КОНЕЦ ЛЕТА – НЕМЫСЛИМАЯ РАСПРОДАЖА.

mir-knigi.org

- Думаю, что о противорадиационном костюме, который вы мне будете строить, я не услышу от вас раньше… - Расти взглянул себе на часы, - десяти?

- Навряд ли, - ответил Ромми. - Иначе бы вы считали меня сумасшедшим. Идите, док. Найдите те перчатки, очки и фартук. Поболтайте с детьми. Дайте мне какое-то время.

- Босс, мы открываемся? - спросил Тоби, когда Ромми вышел из машины.

- Не знаю. Может, после обеда. Немного буду занят.

Расти уехал. И только когда он уже был на холме рядом с общественной площадью, к нему пришло осознание того, что и у Тоби, и у Петры на руках были голубые повязки.

5

Он нашел перчатки, фартук и освинцованные очки в глубине шкафа в рентгенкабинете за две секунды до того, как был готов прекратить поиски. Ремешок очков был порван, но Расти не сомневался, что Ромми сумеет его как-то починить. Как бонус ему не пришлось никому объяснять, чем он занимается. Весь госпиталь, казалось, спал.

Он вышел вновь во двор, втянул ноздрями воздух - затхлый, с неприятным угарным привкусом - и посмотрел на запад, на черное пятно, зависшее там, куда попали ракеты. Оно было похоже на какую-то кожную язву. Он понял, что мысли его все время крутятся вокруг Барби и Большого Джима и убийств, потому что это было человеческое, это было то, что он понимал. Но было бы ошибкой игнорировать Купол - потенциально катастрофичную вещь. Он должен исчезнуть, и как можно скорее, иначе у его пациентов с астмой и хроническими обструктивными заболеваниями легких начнутся проблемы. А эти люди - они же, как канарейки в шахте.

Это никотиновое небо.

- Хорошего мало, - пробурчал Расти и закинул свои трофеи в фургон. - Очень мало, считай, что совсем нет.

6

Когда он добрался до дома семьи Макклечи, все трое детей были уже там, сидели удивительно подавленные, как для тех, кого могут объявить национальными героями еще до конца этой среды, если этим октябрем фортуна выбрала именно их.

- Ну что, друзья, вы готовы? - спросил Расти бодро, более залихватски, чем он на самом деле себя чувствовал. - Перед тем как отправляться туда, нам еще надо заехать к Бэрпи, но это не займет много вре…

- Они хотят вам сначала кое-что рассказать, - сказала Клэр. - Видит Бог, мне хотелось бы, чтобы этого не было. Но все хуже и хуже. Хотите апельсинового сока? Мы хотим его выпить весь, пока не забродил.

Расти сложенными вместе большим и указательным пальцами показал, чтобы ему налили немножко. Он никогда не был большим любителем апельсинового сока, но хотел, чтобы Клэр вышла из комнаты, и чувствовал, что ей тоже этого хочется. Она была бледной, и голос ее

mir-knigi.org

звучал тревожно. Ему подумалось, что едва ли это связано с тем, что дети нашли на Черной Гряде; тут было что-то другое.

«Этого мне только не хватало», - подумал он.

Когда Клэр вышла с комнаты, Расти произнес:

- Говорите.

Бэнни и Норри посмотрели на Джо. Он вздохнул, смахнул себе со лба волосы и вновь вздохнул. Мало общего виделось сейчас между этим серьезным юношей и тем мальчиком, который три дня тому назад размахивал плакатами, поднимая бучу на Динсморовском поле. Лицо у него было таким же бледным, как и у его матери, а на лбу появилось несколько прыщиков - вероятно, его первые. Расти и раньше сталкивался с такими внезапными вспышками акне. У него это были спровоцированные стрессом прыщи.

- Что случилось, Джо?

- Люди говорят, я умный, - произнес Джо, и Расти встревожился, осознав, что тот вот-вот может удариться в слезы. - Наверное, я умный, но иногда мне хочется, чтобы было наоборот.

- Не волнуйся, - встрял Бэнни. - Есть много важных дел, где ты дурак дураком.

- Закройся, Бэнни, - произнесла Норри кротко.

Джо не обращал внимания.

- Я начал выигрывать у отца в шахматы, когда мне было шесть лет, а у мамы, когда мне исполнилось восемь. В школе все оценки - отлично. Всегда побеждал на научных олимпиадах. Уже два года, как пишу собственные компьютерные программы. Я не хвалюсь. Я знаю, что я чудаковатый вундеркинд.

Норри улыбнулась, накрыв его ладонь своей. Он ее сжал.

- Но я же просто вижу связи, понимаете? Это и все. Если есть «А», за ним должно идти «Б». Если нет «А», тогда «Б» пусть себе идет где-то гуляет. А может, и вся азбука полностью.

- Джо, о чем мы вообще говорим?

- Я не верю, что повар совершил все эти убийства. Точнее, мы не верим.

Ему явно стало легче, когда на эти его слова Норри с Бэнни согласно закивали головами. Но это было ничто по сравнению с радостью (вместе с недоверием), которой он вспыхнул, когда Расти произнес:

- Я тоже не верю.

- Я ж вам говорил, как он круто режет, - воскликнул Бэнни. - А швы какие накладывает.

Вернулась Клэр с крохотным стаканом сока. Расти хлебнул. Теплый, но пить можно. Без генератора до завтра он бы уже скис.

- А вы почему не верите, что это он сделал? - спросила Норри.

mir-knigi.org

- Сначала вы сами скажите.

Генератор на дороге Черная Гряда вдруг сдвинулся в дальний уголок ума Расти.

- Мы видели миссис Перкинс вчера утром, - сказал Джо. - Мы были на площади, едва только начали работать со счетчиком Гейгера. Она шла вверх по городскому холму.

Расти поставил стакан на стол рядом с собой и, сидя на стуле, наклонился, зажав руки между колен.

- В котором часу это было?

- Мои часы остановились в воскресенье возле Купола, поэтому точно сказать не могу, но побоище в супермаркете еще продолжалось, когда мы ее увидели. И, было это, наверное, где-то в четверть десятого. Не позже.

- И не раньше. Потому что передряга еще продолжалась. Вы же ее слышали.

- Конечно, - кивнула Норри. - Очень громко.

- И вы вполне уверены, что это была именно Бренда Перкинс? Не могла ли это быть какая-то другая женщина?

У Расти бухало сердце. Если ее видели живой во время потасовки в маркете, тогда значит, что Барби действительно чист.

- Мы все ее знаем, - сказала Норри. - Она была у меня даже матерью нашей стаи в герлскаутах, но потом я перестала туда ходить.

Тот факт, что на самом деле ее исключили из организации за курение, казался ей неважным, поэтому его она обошла.

- От мамы я знаю, что говорят люди об этих убийствах, - продолжил Джо. - Она рассказала мне все, что сама знает. Ну, и о тех армейских жетонах.

- Мама не хотела рассказывать все, что ей известно, - приобщилась Клэр. - Но мой сын может быть очень настойчивым, к тому же это казалось мне важным.

- Так оно и есть, - кивнул Расти. - Куда шла миссис Перкинс?

На это ответил Бэнни:

- Сначала пошла к миссис Гриннел, но она, вероятно, сказала ей что-то не очень хорошее, потому что миссис Гриннел захлопнула двери у нее прямо перед носом.

Расти нахмурился.

- Это правда, - подтвердила Норри. - Я думаю, миссис Перкинс принесла ей почту или что-то такое. Она отдала миссис Гриннел какой-то конверт. Миссис Гриннел его взяла, а потом хлопнула дверьми. Как и сказал Бэнни.

- Ха, - произнес Расти. Можно подумать, словно что-то доставлялось, в Честер Милл с прошлой пятницы. Однако важнее виделось то, что Бренда была живой и здоровой в то время, на которое Барби имел алиби. - А куда потом она пошла?

- Перешла через Мэйн-стрит и пошла по Милл-Стрит, - ответил Джо.

- По вашей улице то есть.

- Именно так.

Расти переключил свое внимание на Клэр.

- А она не…

- К нам она не приходила, - сказала Клэр. - Разве что, когда я была в погребе, выясняла, какие у нас еще остались запасы консервов. Где-то с полчаса я там пробыла. Может, минут сорок. Я… я хотела спрятаться от того шума в маркете.

Бэнни повторил то же самое, что говорил предыдущим днем:

- Милл-Стрит тянется на четыре квартала. Там так много усадеб.

- Мне это кажется не очень важным, - произнес Джо. - Я звонил Энсону Вилеру. Он тоже был когда-то крутым бордером, да и сейчас иногда ездит со своей доской на скейтодром в Оксфорде. Я спросил его, был ли мистер Барбара на работе вчера утром, и он ответил - да. Он сказал, что мистер Барбара пошел оттуда в «Фуд-Сити» уже после того, как там началась передряга. С того времени он оставался с Энсоном и миссис Твичел. Итак, мистер Барбара имеет алиби в отношении мисс Перкинс, и помните, я говорил о том, что если нет «А», то не может быть и «Б»? И об остальной азбуке?

Расти эта метафора казалась немного слишком алгебраической, когда речь идет о сугубо человеческих делах, но он понял, что имеет в виду Джо. Есть другие жертвы, по отношению к которым Барби алиби не имеет, но то, что тела были спрятаны в одном месте, указывает, что убивал их тоже кто-то один. А если, по крайней мере, за одну из жертв ответственность лежит на Большом Джиме (как на это указывают следы швов от мячика на лице Коггинса), скорее всего, этим одним и был именно он.

Или это мог сделать Джуниор. Джуниор, который теперь носит полицейский значок, а заодно и пистолет.

- Мы должны обратиться в полицию, правда же? - спросила Норри.

- Меня это пугает, - сказала Клэр. - Меня это очень-очень пугает. А что, как Бренду Перкинс убил Ренни? Он тоже живет на нашей улице.

- Именно про это я и говорила еще вчера, - добавила Норри.

- И разве не логично, если она пришла к одному выборному лицу, а та захлопнула перед ней двери, то дальше она могла пойти увидеться с другим выборным лицом, которое живет по соседству?

- Ма, я не усматриваю здесь никакой связи, - произнес (с явным образом извиняющей интонацией) Джо.

- Может, и так, но она все равно могла пойти к Ренни. А Питер Рендольф… - она покачала головой. - Когда Большой Джим говорит прыгай, тот лишь переспрашивает, на какую высоту.

- Классно сказано, миссис Макклечи! - воскликнул Бэнни. - Это так рульно, о мать моего…

- Благодарю, Бэнни, но в нашем городе рулит Джим Ренни.

- Что же нам делать? - посмотрел Джо тревожно на Расти.

Расти вновь припомнилось то пятно. Пожелтелое небо. Угарный запах в воздухе. Он также не забыл вспомнить об упрямом намерении Джеки Веттингтон освободить Барби. Пусть это опасно, но все же ему, таким образом, светит больше шансов, чем из-за свидетельства троих детей, особенно когда начальник полиции, который их будет выслушивать, несостоятелен сраку себе подтереть без инструкций свыше.

- Пока что ничего. Дейлу Барбаре сейчас самое безопасное оставаться именно там, где он есть, - Расти надеялся, что не ошибается относительно этого. - Сейчас мы должны заниматься другим. Если вы действительно нашли генератор Купола и нам удастся его выключить…

- Остальные проблемы решатся сами собой, - закончила за него Норри. На ее лице читалось явное облегчение.

- Именно так может и произойти, - согласился Расти.

7

После того как Петра Ширлз пошла назад к аптеке (делать учет, сказала она), Тоби Меннинг спросил у Ромми, нужна ли ему какая-нибудь помощь. Ромми покачал головой.

- Иди домой. Спроси там, чем ты можешь помочь своим отцу и маме.

- Дома только отец, - сказал Тоби. - Мать поехала в супермаркет в Касл Рок утром в субботу. Она говорит, что цены в «Фуд-Сити» слишком кусачие. А что вы собираетесь делать?

- Да ничего особенного, - туманно ответил Ромми. - А скажи-ка мне, Тоб, зачем вы с Петрой носите эти голубые тряпки у себя на руках?

Тебе глянул на свою повязку так, словно совсем забыл о ней.

- Просто из солидарности, - сказал он. - После того, что случилось в госпитале вчера ночью… после всего, что случилось в последнее время…

Ромми кивнул.

- Ты еще не в помощниках, ничего такого?

- К черту, нет. Это просто… ну, вы помните, как после одиннадцатого сентября едва ли не все ходили кто не в кепке, тот в рубашке нью-йоркского полицейского или пожарного? Ну, и я это теперь где-то так же. - Он помолчал. - Думаю, если бы им потребовалась помощь, я бы радушно согласился, но они, кажется, и так чудесно справляются. А вы уверены, что вам не нужна моя помощь?

- Конечно. А теперь катись. Я тебе позвоню, если надумаю открыться сегодня после обеда.

- Хорошо, - у Тоби просияли глаза. - Может, нам устроить Купольную распродажу? Помните, как говорят: если жизнь подбрасывает тебе лимоны, делай лимонад.

- Может, может, - закивал Ромми, сомневаясь, что в ближайшем будущем у него вообще

состоится хоть какая-нибудь распродажа. С сегодняшнего утра проблема избавления от всякого хлама по ценам, которые только казались заниженными, интересовала его меньше всего. Он чувствовал, что очень изменился за последние три дня - не так его характер, как мировоззрение. Отчасти это состоялось благодаря гашению того пожара и духа общности, который властвовал там тогда. Тогда там проявилась истинная община в общей работе, думал он. Лучшее из всего, что есть в натуре этого города. Но более всего изменения в его душе были обусловлены убийством Бренды Перкинс… его давней возлюбленной, которую Ромми, как и когда-то давно, мысленно называл Брендой Морс. Горячей штучкой она была, и если Ромми узнает, кто заставил ее оледенеть (принимая во внимание, что Расти прав относительно невиновности Дейла Барбары), тот негодяй заплатит полную цену. Ромми Бэрпи лично позаботится об этом.

В глубинах его универмага находилась секция «Строительство и ремонт», и, конечно, рядом соседствовала «Сделай сам». В последней, Ромми прихватил тяжелые ножницы по металлу, потом направился к первому и самому дальнему, самому темному и самому запыленному уголку своего королевства, нашел пару дюжин пятидесятифунтовых рулонов свинцового полотна фирмы «Санта Роза»[358], которое по обыкновению используют для покрытия и гидроизоляции крыш и для экранирования дымовых труб. Он загрузил пару рулонов (и ножницы по металлу) в тележку и толкал ее по магазину, пока не добрался до спортивной секции. Здесь он задержался, выбирая и откладывая нужное. Не раз прыскал при этом смехом. Похоже, что-то выйдет, но, нет сомнения, Расти Эверетт в такой одежке будет выглядеть trus amusant[359].

Закончив, он выпрямился и потянулся, аж в спине хрустнуло, и тут на глаза ему попался плакат на дальней стене спортивной секции: олень в перекрестке прицела. Выше оленя прописными буквами были напечатаны напоминания: ОХОТНИЧИЙ СЕЗОН УЖЕ БЛИЗКО - ВРЕМЯ ВООРУЖАТЬСЯ!

Учитывая текущие события, Ромми подумал, что вооружение - неплохая идея. Особенно, если Ренни или Рендольфу придет в голову новая идея - идея конфискации всего оружия, которое принадлежит не копам.

Он покатил другую тележку к запертой витрине, одновременно ощупью перебирая существенную связку ключей, которая висела у него на поясе. Универмаг Бэрпи продавал эксклюзивно продукцию компании «Винчестер» и, поскольку до охотничьего сезона оставалась лишь неделя, Ромми думал, что легко объяснит несколько пробелов в своем оружейном ассортименте, если его об этом спросят. Он выбрал Wildcat 22-го калибра, скорострельную помповую винтовку «Black Shadow» и две «Black Defender», также с помповыми механизмами быстрого действия. К ним он добавил модель 70 «Extreme Weather» (с оптическим прицелом) и легенькую семидесятку «Featherweight» (без)[360]. Набрал патронов для всех ружей и тогда покатил тележку в свой кабинет, где составил оружие в свой старый зеленый сейф- шкаф «Дефендер».

«Это же уже паранойя, пойми», - подумал он, вращая диск.

Но параноиком он себя не чувствовал. А вернувшись во двор ожидать Расти с детьми, подумал, что следует и себе повязать на руку голубую тряпку. И Расти посоветовать это сделать. Камуфляж - полезная вещь.

Любой охотник на оленей вам это скажет.

8

Этим утром в восемь часов Большой Джим уже сидел у себя в домашнем кабинете. Картер Тибодо - который теперь, как решил Большой Джим, стал его персональным охранником - погрузился в чтение сравнительного анализа гибридного «BMW» 2012 года и «Ford Vesper R/T» 2011-го в «Машине и водителе»[361]. Выглядело так, будто бы обе машины классные, но каждый, кто не понимал, что рулит здесь «BMW», был полным идиотом. То же самое касается каждого, подумал Картер, кто не понимает, что мистер Ренни - это единственный BMW - гибрид в городе Честер Милл.

Большой Джим чувствовал себя вполне хорошо, большей частью благодаря тому, что после визита к Барбаре он еще часок поспал. В следующие дни ему надо будет чаще ложиться ненадолго отдыхать днем. Он должен оставаться прытким, полным энергии. Ренни сам себе не признавался в том, что беспокоят его и возможные новые нападения аритмии.

Когда на подхвате у него появился Тибодо, ему значительно стало легче на душе, особенно принимая во внимание то, как удивительно («Чтобы не сказать резче», - подумал он) начал вести себя Джуниор. У Тибодо лицо головореза, но, похоже, он имеет естественный дар к адъютантству. Большой Джим пока что не был в этом полностью уверен, но думал, что Тибодо может оказаться более умным, чем Рендольф.

Он решил это проверить.

- Сколько людей охраняют супермаркет, сынок? Ты знаешь?

Картер отложил автомобильный журнал и извлек из заднего кармана потрепанную записную книжку. Большому Джиму это понравилось.

Недолго полистав блокнот, Картер объявил:

- Пятеро прошлой ночью, три штатных офицера и двое новичков. Никаких проблем. Сегодня там будут только трое. Все новички. Абри Таул, брат хозяина книжного магазина, вы его знаете, Тодд Вендлештат и Лорен Конри.

- И ты акцептируешь, что их будет достаточно?

- А?

- Ты соглашаешься, Картер? Акцептировать означает соглашаться.

- Конечно, почему нет. Белый день и все такое.

Без паузы на предположение - какой ответ больше может понравиться босу? Ренни это нравилось, и очень.

- Хорошо. А теперь слушай. Я хочу, чтобы ты сейчас же связался со Стэйси Моггин. Скажешь ей, чтобы позвонила каждому офицеру - всем, которые только у нас имеются. Я хочу, чтобы все они собрались сегодня вечером в семь часов в «Фуд-Сити». Хочу поболтать с ними.

На деле он собирался объявить очередную речь, на этот раз, выключив все предохранители. Накрутить их, как те дедовы карманные часы.

- О'кей, - Картер делал заметки в своем адъютантском записничке.

mir-knigi.org

- И скажи, чтобы каждый попробовал найти и привести с собой еще одного кандидата.

Картер пробежался обгрызанным с одного конца карандашом по списку в своем блокноте.

- Мы сейчас уже имеем… я лишь сосчитаю… двадцать шесть.

- Этого количества все еще может не хватить. Вспомни вчерашний день, что случилось в супермаркете утром и с редакцией Шамвей ночью. Вопрос стоит ребром: или мы, или хреноверть. Картер, а ты, кстати, знаешь значение этого слова?

- Ну-у, да, сэр.

Картер Тибодо был уверен, что Большой Джим имеет ввиду оргию со стрельбой, в Милле могут начаться погромы или что-то такое, если его босс не зажмет город в крепких тисках.

- Так, может, нам подмести все частное оружие, или что-нибудь такое.

Большой Джим оскалился. О, да этот парень просто находка.

- У меня уже это есть в моем списке. Начнем где-то на будущей неделе.

- Если Купол все еще будет стоять. Вы думаете, он еще будет стоять?

- Считаю, да.

Он должен стоять. Ему еще так много надо сделать. Надо проследить за тем, чтобы пропан из тайного склада было вновь рассредоточен по городу. Все следы метовой лаборатории за радиостанцией должны быть уничтожены. А также - и это ключевой вопрос - он пока что не достиг персонального величия. Хотя уже приблизился.

- А пока что возьми пару офицеров - регулярных офицеров, - пойдите к Бэрпи и конфискуйте оружие, все, которое у него есть. Если Ромео Бэрпи будет стараться как-то опротестовывать эти действия, пусть офицеры скажут, что наша единственная цель - не позволить оружию попасть в руки друзей Дейла Барбары. Записал?

- Эй, - Картер сделал очередную заметку. - Дентон и Веттингтон? О'кей?

Большой Джим нахмурился. Веттингтон, эта девица с большими сиськами. Он ей не доверял. Едва ли ему мог понравиться любой коп с сиськами, женщинам не место в правоохранительных органах, но здесь было кое-что большее. То, каким образом она обычно смотрела на него.

- Фрэдди Дентон - да. Веттингтон - нет. И не Генри Моррисон тоже. Пошли Дентона с Джорджем Фредериком. Скажи им, чтобы спрятали ружья в комнате-сейфе в полицейском участке.

- Записал.

Отозвался телефон Ренни, и его пасмурность увеличилась. Он ответил на звонок:

- Алло, выборный Ренни слушает.

- Приветствую, выборный. Говорит полковник Джеймс О. Кокс. Я руководитель того, что у нас здесь получило название «Проект Купол». Решил, что настало время нам с вами поговорить.

Большой Джим развалился в своем кресле, он улыбался.

- Ну что же, тогда говорите, полковник, пусть благословит вас Бог.

- По моей информации, вы арестовали человека, которому Президент Соединенных Штатов поручил руководить делами в Честер Милле.

- Это отвечает истине, сэр. Мистеру Барбаре предъявлено обвинение в убийстве. В четырех убийствах. Мне не верится, что Президент желал бы видеть руководителем серийного убийцу. Его рейтингу это не добавит плюсов.

- И таким образом руководителем остаетесь вы.

- О, нет, - возразил Ренни, еще шире улыбаясь. - Я всего лишь скромный второй выборный. Руководитель у нас Энди Сендерс, а непосредственно арестовывал подозреваемого Питер Рендольф - наш новый шеф полиции, как вам, возможно, известно.

- Ваши руки чисты, иными словами. Такой будет ваша позиция, когда вдруг исчезнет Купол и начнется расследование.

Большой Джим наслаждался нервозностью, которую он расслышал в голосе этого никчемы. Этот придурок из Пентагона привык кататься верхом, самому обернуться конем для него новый опыт.

- А почему бы им быть грязными, полковник Кокс? Армейские жетоны Барбары были найдены у одной из жертв. Что может быть более банальным, чем это?

- Удобно.

- Называйте это, как вам захочется.

- Если вы включите новостные каналы, - произнес Кокс, - то увидите, насколько серьезные вопросы там вызывает арест Барбары, особенно в свете его послужного списка, образцового, между прочим. Вопрос также вызывает ваша собственная деятельность, отнюдь не образцовая.

- И вы думаете, что можете меня этим удивить? Ваша фирма славится манипулированием новостями. Вы занимаетесь этим со времен Вьетнама.

- У Си-Эн-Эн есть материал о расследовании вашей подозрительной торговой практики с использованием недобросовестной рекламы в конце девяностых. По Эн-Би-Си передают, что против вас велось следствие в связи с неэтичной кредитной практикой в 2008 году. Насколько я помню, вам предъявляли обвинение в незаконном завышении процентной ставки? Где-то около сорока процентов? И тогда вы возвращали себе автомобили и грузовики, за которые вам клиентами уже было переплачено вдвое, а иногда и втрое больше? Думаю, ваши избиратели все это увидят собственными глазами.

(Все те обвинения были сняты. Он тогда уплатил хорошие деньги за то, чтобы они были сняты.)

- Люди в моем городе хорошо знают, что эти новостные программы представят любой смехотворный бред, если заодно можно удачно продать рекламное время под новые телевизоры, или геморройный крем, или лепестки со снотворными таблетками.

- Там есть и кое-что другое. По данным генерального прокурора штата Мэн, предыдущий шеф

полиции - тот, что умер в прошлую субботу - вел расследование в отношении вас в связи с неуплатой налогов, незаконным завладением городскими средствами и собственностью, а также организацией незаконной торговли наркотиками. Мы не предоставляли этих материалов печати, и не имеем намерения их предоставлять… если вы согласитесь на компромисс. Оставьте пост городского выборного. Мистер Сендерс тоже должен уйти в отставку. Номинируйте Эндрию Гриннел, третью выборную, на должность руководителя, а Джеклин Веттингтон станет представителем Президента в Честер Милле.

Большой Джим потерял последние остатки своего благодушия.

- Дружище, а вы часом не сдурели? Эндрия Гриннел наркотически зависимое лицо, присажена на оксиконтин, а у Веттингтон нет и крупицы ума в голове!

- Уверяю вас, что вы неправы, Ренни. - Никакого тебе больше «мистер»: похоже на то, что период доброжелательности прошел. - Веттингтон получила официальную благодарность за участие в изобличении нелегальной сети по распространению наркотиков в шестьдесят седьмом госпитале боевого обеспечения в Вюрцбурге, в Германии, и была лично рекомендована человеком по имени Джек Ричер, к черту, самым крутым копом изо всех, которые только служили в армейской полиции, по моему скромному мнению.

- Ничего скромного у вас я не усматриваю, сэр, а ваши богохульные слова для меня неприемлемы. Я христианин.

- Христианин, который торгует наркотиками, согласно информации, которую я имею.

- Хлопайте языком вволю, а рукам волю не давайте. - «Особенно с той стороны Купола», - подумал Большой Джим и улыбнулся. – У Вас есть какие-то доказательства?

- Попуститесь, Ренни, я вам это говорю, как один крутой другому. Разве это имеет значение? Купол для печати большее событие, чем одиннадцатое сентября. И это симпатизирующая нам пресса. Если вы не пойдете на компромисс, я так вымажу вас дегтем, что вы никогда не отмоетесь. Как только исчезнет Купол, я увижу вас перед сенатским подкомитетом, перед судом присяжных, а дальше в тюрьме. Я вам это обещаю. Но следует вам уйти в сторону, и все испарится. И это я вам тоже обещаю.

- Как только исчезнет Купол, - насмешливо повторил Ренни. - И когда же это будет?

- Возможно, быстрее, чем вы думаете. Я собираюсь первым добраться до вас и первым моим официальным распоряжением будет приказ надеть на вас наручники, эскортировать к самолету и направить в Форт Ливенворт[362] в Канзасе, где вы будете гостить под стражей в ожидании суда.

Большой Джим на мгновение онемел от такой наглой откровенности. Но тут же расхохотался.

- Если бы вы действительно хотели добра городу, Ренни, вы бы сами ушли в отставку. Взгляните, что произошло под вашим управлением: шесть убийств - два в больнице прошлой ночью, это же надо такое представить, - плюс самоубийство и драка за еду. Вы не на своем месте.

Пальцы Большого Джима сжались на золотом мячике. На него встревожено смотрел Картер Тибодо.

«Если бы вы были здесь, полковник Кокс, я вас накормил бы тем, вкус чего ощутил на себе

Коггинс. Бог мне свидетель, я бы это сделал».

- Ренни?

- Я здесь, - пауза. - А вы там, - вновь пауза. - И Купол остается на месте. Думаю, нам обоим это понятно. Скиньте на него самую большую из ваших атомных бомб, сделайте ближайшие города непригодными для жизни на двести следующих лет, убейте всех в Честер Милле радиацией, если она проникает, а он так же будет стоять на своем месте. - Он уже закашлялся, но сердце в его груди билось ровно, мощно. - Потому что Купол - это воля Божья.

В глубине души он действительно в это верил. Как верил, что воля Божья заключается в том, чтобы он захватил этот город и управлял им еще длинные недели, месяцы, годы.

- Что?

- То, что слышали.

Понимая, что ставит на кон все, полагается всем своим будущим на стойкость Купола. Понимая, что кое-кто подумает о нем - взбесился. И также понимая, что те, кто так думает, - погань-язычники. Такие же, как этот полковник Джеймс О. Никчема Кокс.

- Ренни, будьте здравомыслящим. Я вас прошу.

Большому Джиму понравилось это его «прошу»; к нему моментально вернулось хорошее настроение.

- Давайте подытожим, самое время, не так ли, полковник Кокс? Руководитель здесь Энди Сендерс, не я. Хотя, естественно, я признателен за такую любезность, как этот звонок, со стороны такого языческого говноеда, как вы. Тогда как я уверен, что Энди согласился бы с вашей моделью управления - дистанцировано, как же иначе, - однако, думаю, я могу говорить от его имени, когда сейчас говорю вам: возьмите ваше предложение и засуньте себе в то место, где никогда не восходит солнце. Мы здесь сами по себе и будем управляться так, как нам это нравится.

- Вы сумасшедший, - произнес полковник Кокс удивленно.

- Так неверующие всегда называют религиозных людей. Это их последний аргумент против веры. Мы привыкли к этому, и на вас я не обижаюсь. - В этом он солгал. - Могу я задать вам вопрос?

- Говорите.

- Не собираетесь ли вы заблокировать нашу телефонную и компьютерную связь?

- Вам бы понравилось такое решение, не правда ли?

- Конечно, нет, - очередное вранье.

- Телефоны и интернет останутся. Также и запланированная на пятницу пресс-конференция. На которой вам поставят много трудных вопросов, уверяю.

- Полковник, я не планирую посещений никаких пресс-конференция в ближайшем будущем. Энди также. А у миссис Гриннел, вот такая она бедняга, голова едва варит. Итак, запросто можете отменять свою…

mir-knigi.org

- О, нет. Совсем наоборот. - Тем временем, не улыбка ли нарисовалась в голосе Кокса? - Пресс-конференция состоится в полдень в пятницу, обеспечив достаточно рекламного времени для его продажи в вечерних новостях.

- Интересно, кто же будет брать в ней участие с нашей стороны, как вы думаете?

- Все, Ренни. Абсолютно все. Потому что мы позволим родственникам жителей города подойти к Куполу с Моттонской стороны - там, где об него разбился самолет, в котором погибла жена мистера Сендерса, смею вам напомнить. Там также будет присутствовать пресса, будет освещать это событие. Это будет похоже на день посещения в тюрьме, хотя, без виноватых. Кроме вас, наверняка.

Ренни вновь пришел в неистовство.

- Вы не имеете на это права!

- О, наоборот, как раз имею. - Там действительно присутствовала улыбка. - Можете усесться со своей стороны Купола и против меня курносый нос гнуть, а я со своей стороны буду делать то же самое. Посетители расположатся цепочкой, и все, кто согласится, будут иметь на себе майки с надписями «ДЕЙЛ БАРБАРА НЕ ВИНОВЕН. ОСВОБОДИТЕ ДЕЙЛА БАРБАРУ» и «ИМПИЧМЕНТ ДЖИМУ РЕННИ». Будет много слез, разделенные Куполом люди будут прижимать ладони к ладоням, кто-то даже будет стараться так поцеловаться. Красивая картинка для телевидения, и прекрасная пропаганда. Главное, это заставит людей в вашем городе призадуматься: почему ими руководит такое некомпетентное лицо, как вы?

Голос Большого Джима опустился до низкого рычания:

- Я этого не позволю.

- А каким это образом вы собираетесь это предотвратить? Больше тысячи людей. Не пострелляете же вы их всех. - Когда полковник заговорил вновь, голос его звучал спокойно, взвешено. - Хорошо, выборный, давайте, наконец, решим. У вас все еще есть шанс выйти изо всего этого чистым. Вам всего лишь надо отойти от управления.

Большой Джим заметил Джуниора - тот, словно какой-то призрак, дрейфовал по коридору в направлении входных дверей, все еще в пижамных штанах и тапках, - но не пошевелился. Джуниор мог упасть мертвым посреди коридора, а Большой Джим так бы и остался сидеть сгорбленным за своим столом, сжимая золотой мячик в одной руке и телефонную трубку во второй. Единственная мысль пульсировала в его голове: поставить Эндрию Гриннел властвовать и Офицера Сиськи ее советницей.

Да это же шутка.

Совсем глупая шутка.

- Полковник Кокс, оттрахайте себя в рот.

Он выключил телефон, крутнулся на стуле и кинул золотой мячик. Тот попал в фото Тайгера Вудса. Стекло рассыпалось, рамка упала на пол, и Картер Тибодо, который всегда умел нагнать жути на других, но сам пугался редко, подскочил на ноги.

- Мистер Ренни? С вами все хорошо?

Не выглядел он на хорошо. На щеках пылали хаотичные пурпурные пятна. Маленькие глазки выпучились, едва не вываливаясь из толстых жировых складок. Жила билась у него на лбу.

- Им никогда не отобрать у меня мой город, - прошептал Большой Джим.

- Конечно, никогда, - подтвердил Картер. - Без вас нам хана.

Эти слова принесли Большому Джиму некоторое облегчение. Он потянулся за телефоном, потом вспомнил, что Рендольф пошел домой, чтобы немного отдохнуть. У нового шефа полиции оставалось совсем мало времени на сон с того дня, как начался этот кризис, и он сказал Картеру, что собирается проспать, по крайней мере, до обеда. Да и пусть. Все равно от него почти никакой пользы.

- Картер, записывай. Покажешь это Моррисону, если он сейчас дежурит в участке, а потом положишь Рендольфу на стол. После этого сразу же возвращайся сюда. - Он на минутку задумался, хмурясь. - И посмотри, не туда ли направился Джуниор. Он как раз выходил, когда я говорил по телефону с этим полковником Что-Я-Говорю. Не иди искать Джуниора, если его там нет, но если он там, убедись, что с ним все в порядке.

- Конечно. А что записывать?

- Дорогой шеф Рендольф, Джеклин Веттингтон должна быть срочно дестituирована из департамента полиции Честер Милла.

- Это означает изгнана?

- Именно так.

Картер медленно писал в своем блокноте, и Большой Джим его не подгонял. Он вновь овладел собой. Ему стало значительно лучше, и даже больше того. Он ощутил драйв.

- Добавь: дорогой офицер Моррисон, когда Веттингтон появится в участке, пожалуйста, проинформируйте ее, что она уволена, и прикажите ей очистить свой шкафчик. Если она спросит у вас о причине, скажите, что происходит реорганизация департамента, и в ее услугах потребности больше нет.

- Мистер Ренни, а в слове «существует» после «с» есть «т»?

- Грамматика не важна. Важен смысл.

- О'кей. Готово.

- Если ей захочется дальнейших объяснений, пусть увидится со мной.

- Записал. Это все?

- Нет. Передай, чтобы первый, кто ее увидит, забрал у нее значок и личное оружие. Если она будет пердеть, что это ее частная собственность, пусть напишут ей расписку, где отметят, что пистолет ей или будет возвращен, или будет уплачена за него компенсация после завершения кризиса.

Картер дописал, потом поднял глаза.

- А что творится с Джунсом, как вы думаете, мистер Ренни?

- Не знаю. Просто мигрень, мне кажется. Что бы оно там не было, сейчас я не имею времени этим заниматься. Есть более спешные проблемы. - Он показал пальцем на блокнот. – Дай-ка сюда.

Картер отдал. Каракули третьеклассника, но все, что было приказано, записано точно. Ренни поставил свою подпись.

9

Картер понес плоды своего секретарства в полицейский участок. Там Генри Моррисон встретил их с недоверием, которое тут же, после короткого внутреннего бунта, затихло. Картер также посмотрел, нет ли там где-то Джуниора, и убедился, что его нет, и никто его здесь не видел. Попросил Генри проследить, если тот появится.

Потом, спонтанно, он спустился вниз посетить Барби, который, заложив руки за голову, лежал на своем топчане.

- Звонил твой босс, - сказал Картер. - Тот, что Кокс. Мистер Ренни называет его Что-Я-Говорю.

- Конечно, он такой.

- Мистер Ренни послал его на хер. И знаешь, что еще? Твой армейский дружбан проглотил это и не подавился. Что ты на это скажешь?

- Меня это не удивляет, - Барби не сводил глаз с потолка. Слова проговаривал лениво. Это раздражало. - Картер, ты не задумывался, к чему все это ведет? Ты хоть немного старался представить себе перспективу?

- Нет никакой перспективы, Бааарби. Ее больше не существует.

Барби так же смотрел в потолок, лишь легкая улыбка затронула краешки его губ. Так, словно он знал что-то неизвестное Картеру. Картеру захотелось открыть двери камеры и отбить у этого говноеда охоту так здесь лежать, прохлаждаться. Тогда он вспомнил, что случилось на парковке возле «Диппера». Увидим, как Барбара со своими грязными трюками будет отбиваться от расстрельной команды. Пусть попробует.

- До скорого, Бааарби.

- Да уж, до скорого, - ответил Барбара, так ни раза на него и не взглянув. - Это маленький город, сынок, и мы одна команда.

10

Когда прозвучал звонок в двери пасторского дома, Пайпер Либби все еще была в майке «Бостонских мишек» и шортах - своей обычной ночной одежде. Она открыла двери, уверенная, что там Хелен Руа, которая пришла пораньше, потому что обсуждать приготовление к похоронам Джорджии они с ней договаривались в десять. Но на крыльце стояла Джеки Веттингтон. Она была в форме, но над левой грудью у нее не было значка, а на бедре пистолета. Вид она имела ошарашенный.

- Джеки? Что случилось?

- Меня выгнали. Этот ублюдок держал на меня зуб еще с рождественской вечеринки в участке, когда он попробовал помацать меня между ног, и получил по руке, но наврядли, чтобы причина состояла только в этом или даже отчасти в этом…

- Заходи, - махнула ей Пайпер. - Я нашла маленькую газовую плитку в шкафчике в амбаре (осталась от предыдущего пастора, я думаю), и она, о чудо, работает. Чашка горячего чая не помешает, правда?

- Прекрасно звучит, - согласилась Джеки. Слезы, которые переполняли ее глаза, наконец-то пролились. Она чуть ли не сердито вытерла их со своих щек.

Пайпер провела ее в кухню и зажгла в углу одноконфорочную плитку «Бринкманн».

- Расскажи мне теперь все сначала.

Джеки рассказала, не забыв упомянуть о высказанном Генри Моррисоном сочувствии, хотя и недалеком, зато искреннем.

- Он мне это прошептал, - подчеркнула она, беря из рук Пайпер чашку. - У нас теперь, как в гестапо, черт их побери. Извините за бранное слово.

Пайпер отмахнулась.

- Генри говорит, если я буду протестовать завтра на городском собрании, будет хуже - Ренни объявит ряд сфабрикованных против меня обвинений в некомпетентности. Наверняка, он прав. Но самым некомпетентным на сегодня в участке является тот, кто им руководит. А что касается Ренни… он концентрирует в полиции тех, кто будет верен ему в случае любых организованных протестов против его действий.

- Конечно, он такой, - кивнула Пайпер.

- Большинство из вновь принятых еще крайне молоды, чтобы легально покупать себе пиво, но они уже носят оружие. Я хотела сказать Генри, что он следующий на выход… но догадалась по его лицу, что он и сам это понимает.

- Хотите, я пойду, поговорю с Ренни?

- Никакой пользы от этого не будет. Я вообще и не переживаю, что теперь свободна, но меня просто бесит, что меня выгнали. Теперь самая большая проблема - хорошо подумать о том, что состоится завтра ночью. Мне, вероятно, придется исчезнуть вместе с Барби. Остается надеяться, что найдется такое место, где мы сможем исчезнуть.

- Я не понимаю, о чем это вы говорите.

- Конечно, но я вам расскажу. Тут-то и начинаются риски. Если вы где-то, хоть словом об этом обмолвитесь, я тоже окажусь в подвальной клетке. Возможно, буду стоять рядом с Барбарой, когда Ренни будет строить расстрельную команду.

Пайпер внимательно на нее смотрела.

- У меня есть сорок пять минут, прежде чем придет мать Джорджии Руа. Вам хватит этого времени, чтобы рассказать все, что вы захотите мне рассказать?

- Вполне.

Джеки начала с осмотра тел в похоронном салоне. Описала следы от швов бейсбольного мяча на лице у Коггинса и рассказала о золотом мяче, который видел Расти. Набрав полную грудь воздуха, она рассказала о своем плане освобождения Барби во время общего городского собрания на следующий вечер.

- Хотя я понятие не имею, где мы можем его спрятать, если у нас получится его оттуда вытянуть. - Она отхлебнула чай. - Итак, что вы на это скажете?

- Скажу, что надо еще выпить по чашечке. Вы будете?

- Мне достаточно, благодарю.

Пайпер произнесла, наливая себе из чайника:

- То, что вы запланировали, страшно опасно (хотя сомневаюсь, что вас интересуют мои мысли по этому поводу), но, наверное, нет другого способа спасти невинную человеческую душу. Я и на секунду не имела веры в то, что Барбара виновен в тех убийствах, а после моего собственного близкого знакомства с местными правоохранителями мысль о том, что они могут казнить его, чтобы не допустить до власти, мне не очень удивляет. - А тогда, сама того не подозревая, она озвучила мысли Барби. - Ренни не смотрит на перспективу, и никто из копов также не думает наперед. Их беспокоит только, кто будет королем в нашем шалаше. Такой тип мышления прямо ведет к катастрофе.

Она вернулась к столу.

- Я поняла чуть ли не с первого дня, когда вернулась сюда, чтобы занять пасторат, - это было моей мечтой еще с тех времен, как я была маленькой девочкой, - что Джим Ренни монстр в эмбриональной стадии. Теперь, если вы извините мне такой мелодраматизм, этот монстр родился.

- Слава Богу, - отозвалась Джеки.

- Слава Богу за то, что родился монстр? - улыбнулась Пайпер, изумленно поднимая вверх брови.

- Нет… слава Богу, что вы это определили.

- Вы хотите еще что-нибудь сказать, разве не так?

- Да. Правда, если вы не желаете брать в этом участие…

- Дорогуша, я уже беру в этом участие. Если вас могут подвергнуть заключению за подготовку заговора, то меня за то, что я вас выслушала и не донесла. Мы с вами теперь те, кого наше правительство жалует называть «доморощенными террористами».

Джеки отреагировала на это определение безрадостным молчанием.

- Вы же имеете в виду не только освобождение Дейла Барбары, не так ли? Вы хотите организовать активное движение сопротивления.

- Наверное, да, - ответила Джеки, и прыснула беспомощным смехом. - Никогда не подумала бы, что я на такое способна после шести лет в армии США… я же всегда была девушкой того типа, который «всегда за мою страну, права она или не права»… А вам никогда не приходило в

mir-knigi.org

голову, что Купол может никогда не исчезнуть? Ни этой осенью, ни зимой? И в следующем году будет стоять, а может, и до конца нашей жизни?

- Да, - Пайпер оставалась спокойной, хотя с ее щек стерлись почти все цвета. - И такое может быть. Думаю, эта мысль посещала каждого в Милле, пусть хоть бы и подсознательно.

- Тогда подумайте о таком. Вам бы хотелось прожить год, или даже пять лет под диктатурой готового на убийства идиота? Конечно, если у нас есть впереди эти пять лет.

- Конечно, нет.

- Тогда единственное время, когда его можно остановить, - это сейчас. Пусть он уже вышел из эмбриональной стадии, но то, что он строит, эта машина, пока что не имеет силы. Сейчас самое лучшее время. - Джеки сделала паузу. - Он в любой миг может приказать полиции отобрать личное оружие у обычных граждан, поэтому сейчас - единственное возможное время.

- Что я могу сделать для вас?

- Позвольте нам провести встречу здесь, в пасторате. Сегодня вечером. Будут эти люди, если все из них придут. - Она добыла из заднего кармана список, который они долго составляли вместе с Линдой.

Пайпер развернула блокнотный лист и внимательно прочитала. Там было восемь имен. Она подняла глаза.

- Лисса Джеймисон, библиотекарша с хрустальным шаром? Эрни Келверт? Вы уверены в отношении этих двоих?

- Разве есть лучшая кандидатура, чем библиотекарша, когда речь идет о противостоянии вновь созданной диктатуре? А что касается Эрни… в моем понимании, после того, что случилось вчера в супермаркете, если бы он увидел, что посреди улицы горит Джим Ренни, он даже не помочился бы на него, чтобы погасить.

- В препозитивном смысле сомнительно, но живописно.

- Я хотела, чтобы Джулия Шамвей прощупала Лиссу и Эрни, но теперь, наверное, займусь этим сама. Похоже, теперь у меня будет много свободного времени.

Забренчал дверной звонок.

- Наверное, это осиротевшая мать, - произнесла, привставая со стула, Пайпер. - Боюсь, она уже успела хорошенько зарядиться. Обожает кофейный бренди, правда, я сомневаюсь, что он способен унять такую боль.

- Вы не сказали мне ничего о нашей встрече, - напомнила Джеки.

Пайпер Либби улыбнулась.

- Перескажите нашим доморощенным террористам, пусть приходят сегодня между девятью и десятью тридцать. Пешком, и по одному - это стандартное правило Французского движения сопротивления. Рекламировать то, чем мы занимаемся, нет потребности.

- Благодарю вас, - произнесла Джеки. - Очень.

- Не за что. Этот и мой город. Могу я предложить вам выйти через задние двери?

11

В углу кузова фургона Ромми Бэрпи лежалая куча чистых тряпок. Расти связал вместе две штуки, вышла бандана, которой он и прикрыл себе рот и нижнюю часть лица, хотя нос, горло и легкие все равно слышали смрад мертвого медведя. В его глазах, разинутой пасти и мясе раскроенного мозга уже поселились первые черви.

Расти встал в полный рост, отступил назад, немного покачнулся. Ромми подхватил его под локоть.

- Если он упадет в обморок, ловите, чтобы не упал, - нервно сказал Джо. - Возможно, эта штука на взрослых действует сильнее.

- Это просто запах, - произнес Расти. - Я уже в порядке.

Но даже дальше от медведя мир пах скверно: тяжелой копотью, так, словно весь Честер Милл превратился в большую запертую комнату. Вдобавок к запаху дыма и гниющих животных, он ощущал тленный аромат растительной жизни и болотный дух, который, вне всяких сомнений, поднимался с высыхающего ложа Престил. «Если бы это развеял ветер», - подумал он, но в воздухе, лишь изредка слышался слабенький порыв, с которым доносились те самые запахи падали. Издалека, с запада, двигались тучи – сильный дождь, наверняка, идет в Нью-Хэмпшире, - но, достигнув Купола, тучи расходились в разные стороны, словно река, которая натолкнулась на большую скалу посреди русла. Расти овладели еще большие сомнения в отношении возможности дождя под Куполом. Он напомнил себе не забыть заглянуть на метеорологические сайты, если когда-нибудь выпадет свободная минутка. Жизнь стала ужасно хлопотливой и неуправляемо беспорядочной.

- А не может ли так быть, док, чтобы братец мишка умер от бешенства? - спросил Ромми.

- Сомневаюсь. Думаю, здесь как раз то, о чем нам и говорили дети: чистое самоубийство.

Все залезли в фургон, Ромми медленно повез их по дороге Черная Гряда. Расти держал на коленях счетчик Гейгера. Тот равномерно жужжал. Он увидел, как стрелка поднялась до отметки +200.

- Остановите здесь, мистер Бэрпи! - вскрикнула Норри. - Не выезжайте из рощи! Если вам придется упасть в обморок, мне честно не хочется, чтобы это случилось, когда вы управляете машиной, пусть даже и со скоростью десять миль в час.

Ромми послушно затормозил.

- Выскакивайте, дети, я буду вас нянчить. Док дальше поедет сам. - Он обернулся к Расти. - Садитесь за руль, но отправляйтесь потихоньку и моментально останавливайтесь, как только стрелка радиации перескочить безопасный уровень. Или если почувствуете, обморочное состояние. Мы пойдем за вами следом.

- Будьте осторожны, мистер Эверетт, - сказал Джо, а Бэнни добавил: - Не волнуйтесь, если вилсонетесь вместе с фургоном. Мы вытолкнем вас назад на дорогу, когда вы очухаетесь.

- Спасибо тебе, мой искренний друг, - откликнулся Расти. - Возвеселимся все праведным

сердцем.

- Чего?

- Да ничего.

Расти сел за руль и громыхнул водительской дверцей. На пассажирском сидении цокотал счетчик Гейгера. Тронулся - очень медленно - из рощи. Отсюда дорога Черная Гряда шла вверх к саду. Сначала он не замечал ничего чрезвычайного, на мгновение его даже укололо глубоким разочарованием. И вдруг яркая пурпурная вспышка резанула ему по глазам, и он поспешно ударил по тормозам. Конечно, что-то там есть, наверху, яркое что-то посреди зарослей заброшенного яблоневого сада. Сразу позади себя, в боковом зеркальце фургона, он увидел, как остановилась его пешая команда.

- Расти! - позвал Ромми. - Что там?

- Я вижу его.

Он сосчитал до пятнадцати, и пурпурный огонек вновь проблеснул. Он наклонился в сторону, чтобы взглянуть на счетчик Гейгера, когда через окошко с водительской стороны к нему заглянул Джо. Новые прыщи набухали у него на коже, словно стигматы.

- Вы что-то почувствовали? Обморок? Шум в голове?

- Нет, - ответил Расти.

Джо показал рукой вперед.

- Вот там это место, где мы потеряли сознание. Прямо там.

На левой обочине Расти заметил в пыли следы, словно от лежбища.

- Пройдите туда, - предложил Расти. - Все вчетвером. Давайте посмотрим, потеряете ли вы вновь сознание.

- Иисусе, - пробормотал Бэнни, присоединяясь к Джо, - разве я лабораторная крыса?

- Мне кажется, что это Ромми сейчас выступает в роли лабораторной крысы. Вы не против, Ромми?

- Эй. - Ромми обратился к детям. - Если я упаду в обморок, оттянете меня оттуда сюда. Кажется, сюда оно не достает.

Квартет отправился к тому месту, Расти внимательно следил за ними из-за руля фургона. Они уже почти дошли, когда Ромми вдруг сначала замедлил ход, а потом покачнулся. Норри с Бэнни подперли его с одной стороны, чтобы поддержать, а Джо с другой. Однако Ромми не упал. Через минуту он вновь выпрямился.

- Не пойму, или это на самом деле что-то было, или только… как вы это называете… самовнушение, но сейчас со мной все хорошо. На секунду словно одурманилось в голове. А вы, детки, ощутили что-нибудь?

Они помотали головами. Расти это не удивило. Это похоже на ветряную оспу: кратковременная болезнь, которую переживают в основном дети, и только раз.

- Езжайте вперед, док, - посоветовал Ромми. - Зачем вам тянуть вверх все то свинцовое дерьмо на себе, если можно обойтись без этого, только осторожно.

Расти потихоньку тронулся. Он слышал, как ускорился цокот счетчика Гейгера, но в себе ничего особенного не ощущал. С верхушки холма с пятнадцатисекундным интервалом проблескивал «маяк». Он сравнялся с Ромми и детьми, потом обогнал их.

- Я не чувствую ничегошеньки … - начал он, но тут оно и навалилось: нет, не умопомрачение, а чувство причудливости и странной ясности. Пока оно продолжалось, собственная голова казалась ему телескопом, через который он мог увидеть все, что ему могло почудиться, каким бы далеким оно не было. Если бы захотел, он мог бы увидеть своего брата в Сан-Диего, как тот едет утром на работу[363]. Рядом, в соседней вселенной, он слышал, как вскрикивает Бэнни.

- Ой, доктор Расти вырубается!

Но он не вырубился; дорогу перед собой, как и вначале, он видел абсолютно ясно. Божественно ясно. Каждый камешек и чешую слюды. Если он и вильнул машиной, - а ему показалось, что да, - то только лишь для того, чтобы объехать человека, который стоял посреди дороги. Мужчина был долговязый, более того, ему добавлял роста совсем абсурдный красно-сине-белый колпак, еще и комично искривленный. На нем были джинсы и майка с надписью: МИЛАЯ РОДИНА АЛАБАМА, ЗАИГРАЙ-КА ТУ ПЕСНЮ МЕРТВОЙ ГРУППЫ[364]. «Да это же не человек, это же хэллоуиновское пугало». Да уж, конечно. Разве что-то другое могло стоять так, с зелеными садовыми лопатками вместо рук, головой из мешковины и глазами-крестиками, нашитыми белыми нитками?

- Док! Док! - это был голос Ромми. Хэллоуиновское чучело занялось пламенем.

А через мгновение исчезло. Теперь перед ним была только дорога, холм и пурпурный огонек, который проблескивал через каждые пятнадцать секунд, словно приговаривая: «Иди сюда, Иди сюда, Иди сюда».

12

Ромми рванул на себя водительскую дверцу.

- Док… Расти… как вы?

- Хорошо. Навеяло и прошло. Думаю, с вами было то же. Ромми, а вы что-нибудь видели?

- Нет. На минутку я подумал, что откуда-то тянет огнем. И думаю, это от того, что в воздухе смердит этим угарным парфюмом.

- Я видел костер из тыкв, - сказал Джо. - Я же вам об этом уже рассказывал, правда?

- Да.

Расти тогда не придал значение его рассказу, несмотря на то, что слышал что-то подобное раньше от собственной дочери. Вместо этого теперь он призадумался.

- Я слышал вопли, - сказал Бэнни. - Но остальное все забыл.

- Я тоже слышала, - сказала Норри. - Там был день, но стояла тьма. И эти вопли. А еще, кажется, сажа падала мне на лицо.

- Док, может, нам лучше повернуть назад? - усомнился Ромми.

- Ни за что, - возразил Расти. - Когда у меня есть шанс вывести моих и всех других детей из-под Купола.

- Спорим, кое-кто со взрослых тоже были бы не против пойти, - заметил Бэнни, получив при этом локтем в бок от Джо.

Расти посмотрел на счетчик Гейгера. Стрелка держалась на +200.

- Оставайтесь здесь, - сказал он.

- Док, - спросил Джо, - а что, если радиация усилится, и вы упадете в обморок? Что нам тогда делать?

Расти поразмыслил.

- Если я отъеду еще недалеко, вытянете меня оттуда. Только чтобы без Норри. Одни только ребята.

- А чему без меня? - спросила девочка.

- Потому что тебе когда-то может захотеться иметь детей. И таких, которые имеют только по два глаза и чтобы конечности росли у них из надлежащих мест.

- Хорошо. Я отсюда ни на шаг, - пообещала Норри.

- Остальным из вас кратковременное облучение не угрожает. Я подчеркиваю - очень кратковременное облучение. Если я потеряю сознание на полдороги к вершине холма или уже в саду, не старайтесь меня спасать.

- Это вагвагство, док.

- Я имею ввиду сразу, - объяснил Расти. - У вас же есть еще запасы свинца в магазине, так?

- А то. Надо было больше привезти.

- Согласен. Но все предусмотреть невозможно. Однако если случится самое плохое, заберете остатки свинцового полотна, завесите им окна той машины, в которой будете ехать, и вытянете меня оттуда. Черт, я к тому времени, возможно, уже и сам приду в чувство и буду идти вам навстречу.

- Чудесно. Или будете лежать без памяти после летальной дозы.

- Послушайте, Ромми, мы с вами сейчас, возможно, вообще спорим о ерунде. Я подозреваю, что обморок (а если вы ребенок, то и настоящая потеря сознания) - это лишь очередной, связанный с Куполом, феномен. Вы его переживаете один раз, а дальше все в порядке.

- Вы хотите подтвегдить это, гизкуя собственной жизнью?

- В какой-либо момент приходится начинать рисковать.

- Удачи вам, - произнес Джо и протянул через окно руку со сжатым кулаком. Расти легонько стукнулся с ним, а потом и с Норри, и с Бэнни. И с Ромми тоже, когда тот протянул ему свой

mir-knigi.org

кулак.

- Что детям хорошо, то и мне.

13

В двадцати ярдах от того места, где Расти увидел пугало в колпаке, цокот счетчика Гейгера превратился в грохочущую трескотню. Он увидел, что стрелка двинулась на +400, дойдя до красного поля.

Он затормозил и вытянул костюм, который предпочел бы не одевать. Посмотрел назад, на товарищей.

- Предупреждаю. В частности вас, мистер Бэнни Дрэйк. Если начнете смеяться, немедленно пойдете отсюда домой.

- Я не буду смеяться, - пообещал Бэнни, но вскоре смеялись они все, включая самого Расти. Он снял джинсы, потом поверх своих трусов натянул тренировочные футбольные панталоны[365]. В специальные карманы на бедрах и попе, где раньше лежали вынутые из них защитные пластиковые пластинки, он вставил заранее вырезанные куски свинцового полотна. Потом нацепил себе на голени кетчерские защитные щитки и их тоже обмотал свинцовым полотном. Дальше наступила очередь свинцового ворота для защиты щитовидной железы и свинцового фартука для прикрытия гениталий. Он выбрал самый большой из тех, что нашлись, и тот свисал у него до ярко-оранжевых щитков. Сначала Расти собирался повесить на себя еще один фартук, сзади (смешно выглядеть - это одно, а умереть от рака легких - совсем другое, думал он), но теперь передумал. Он и так уже добавил к собственному весу лишних триста фунтов. Да и радиация все же лупит прямо, без отклонений. Если он все время будет оставаться обращенным к ее источнику лицом, все будет хорошо.

Ну, наверное.

До этого момента у Ромми с детьми получалось ограничиваться хмыканьем и, изредка, сдавленным хихиканьем. Терпение лопнуло, когда Расти достал купальную шапочку размера XL с двумя кусками свинцового полотна и нацепил ее себе на голову, но только после натянутых им предлинных, по локоть, перчаток и нацепленных на нос пучеглазых очков контроль было утрачен полностью.

- Оно живое! - завопил Бэнни, похаживая с растопыренными, как у Франкенштейновского монстра, руками. - Хозяин, оно живое!

Ромми качнуло на обочину, где он и упал на камень, захлебываясь от смеха. Джо с Норри и сами попадали на дорогу, катаясь, словно цыплята, в пыли.

- Прочь домой, вы, все, - завопил Расти, однако, залезая назад в кабину фургона, он улыбался.

Огонек вдали перед ним проблескивал, словно маяк.

14

Генри Моррисон пошел из участка, когда радостная возня новых рекрутов в помещении для дежурных офицеров стала совсем невыносимой. Все здесь покатилось коту под хвост, совсем

все. Ему казалось, он понял это еще до того, как Тибодо, этот головорез, который теперь стал охранником Джима Ренни, появился с подписанным им приказом выгнать Джеки Веттингтон - замечательную полицейскую, и еще более замечательную женщину.

Генри воспринял это как первый шаг к тому, что воплотится в поголовном освобождении из полиции старших офицеров, тех, которых Ренни, вероятно, считает партизанами Дюка Перкинса. Следующим может стать он. Фрэдди Дентон и Руперт Либби, скорее всего, останутся; Руп умеренного уровня засранец, Дентон - конченный. Линду Эверетт освободят. И, скорее всего, Стэйси Моггин тоже. И тогда, если не принимать во внимание эту безмозглую Лорен Конри, департамент полиции Честер Милла вновь превратится в сугубо мужской клуб.

Он медленно ехал по почти полностью пустой Мэйн-стрит, похожей на улицу города-привидения в каком-то вестерне. Под козырьком «Глобуса» сидел Неряха Сэм Вердро, и бутылка, которая торчала у него между колен, едва ли содержала пепси-колу, но Генри не остановился. Пусть старый пьянчуга сосет свою дозу.

Джонни с Керри Карвер забивали досками передние витрины «Топлива & Бакалеи». Оба с голубыми повязками на руках, которых все больше начало всплывать по городу. У Генри от этого мурашки поползли по телу.

Лучше бы он принял тогда предложение перевестись в полицию Ороно[366], когда его туда звали в прошлом году. В смысле карьеры это не было шагом наверх, да и управляться с обдолбанными или пьяными студентами - он это хорошо знал - говно работа, но зарплату там обещали повыше, и Фрида говорила, что школы в Ороно самые лучшие.

А завершилось все тем, что остаться Генри уговорил Дюк, пообещав на следующем городском собрании пробить ему повышение ставки на пять тысяч и. поведав (абсолютно конфиденциально), что собирается выгнать Питера Рендольфа, если Рендольф не подаст в отставку сам: «Ты станешь моим заместителем, а это еще дополнительных десять тысяч в год, - говорил Дюк. - А когда в отставку пойду я, ты подымишься на самый верх, если захочешь. Конечно, есть альтернатива - развозить обрыганных студентов УШМ по их общежитиям. Посуди хорошенько».

Ему понравилась такая перспектива, и Фриде эта перспектива показалась, ну, очень уж хорошей и, конечно, это сняло напряжение у детей, которым самая мысль о переезде казалась ненавистной. Вот только теперь Дюк был мертвым и Честер Милл оказался под Куполом, а местная полиция превратилась во что-то такое, что выглядело неважно, а пахло еще хуже.

Он повернул на Престил-Стрит и увидел Джуниора, который стоял перед желтой полицейской лентой, натянутой вокруг дома Маккейнов. На Джуниоре были пижамные штаны и домашние тапки и больше ничего. Его сильно качало, и первое, что подумал Генри: между Джуниором и Неряхой Сэмом сегодня много общего.

Вторая мысль была о (и за) репутацию городской полиции. Пусть он еще недолго будет оставаться в ее рядах, однако же, сейчас он еще офицер, а одним из главных правил Дюка Перкинса было: Чтобы я никогда не видел имени офицера из департамента полиции Честер Милла в колонке «Правонарушители» в «Демократе». А Джуниор, нравилось это Генри или нет, все-таки был офицером.

Он остановил экипаж № 3 возле бордюра и пошел туда, где стоял и раскачивался вперед-назад Джуниор.

- Эй, Джунс, поехали, я подвезу тебя в участок, налью тебе кофе и... - «ты отрезвеешь», хотел

он закончить предложение, и вдруг обратил внимание на мокрые пижамные штаны парня. Джуниор обмочился.

Встревоженный не менее чем напуганный (никто не должен этого увидеть, Дюк в своей могиле будет переворачиваться), Генри положил руку Джуниору на плечо.

- Идем, сынок. Не делай из себя посмешища.

- Они были моими потрушками, - произнес Джуниор, не оборачиваясь. Он начал раскачиваться еще быстрее. Его лицо - та часть, которую было видно Генри, - было восхищенно-замечтавшимся. - Я их полюпил, и мог в них спускать. Не противно. По-французски. - Он хохотнул, потом сплюнул. То есть попробовал. Ряд густой белой слюны повис на его подбородке, раскачиваясь, словно маятник.

- Все, довольно. Я отвезу тебя домой.

При этих словах Джуниор обернулся, и Генри увидел, что тот не пьян. Левый глаз у него было ярко-красным. И зрачок был очень увеличенный. Левая сторона рта опустилась книзу, даже было видно несколько зубов. Эта застывшая гримаса на мгновение заставила Генри вспомнить «Мистера Сардоникса»[367], фильм, который когда-то, в детстве, ужасно его напугал.

Джуниор не нуждался в кофе в участке полиции, и домой ехать, чтобы отоспаться, ему было лишним. Джуниору надо было срочно в больницу.

- Идем, мальчик, - позвал Генри. - Пошли.

Сначала Джуниор повел себя достаточно послушно. Генри довел его уже почти до машины, и вдруг тот вновь остановился.

- Они пахли одинаково, и мне это нравилось, - произнес он. - Горе, горе, горе, скоро пойдет снег.

- Ты прав, абсолютно.

Генри хотел было обвести его вокруг капота машины, чтобы посадить на переднее сидение, но тут ему показалось, что это было бы непрактично. Назад уместнее, хотя задние отсеки их патрульных крузеров пахнут довольно специфично. Джуниор оглянулся через плечо на дом Маккейнов, и его перекошенное лицо прониклось печалью.

- Потрушки! - всхлипнул он. - Мы кончили! Не противно, по-французски! Только по-французски, трах-бах! - Он высунул язык и начал быстро им телепать себе между губами. Издавая звук, похожий на тот, который воспроизводил Марафонец прежде чем, поднимая тучу пыли, броситься наутек от Увальня Койота[368]. После этого Джуниор рассмеялся и вновь отправился к дому.

- Нет, Джуниор, - позвал Генри, хватая его за пояс пижамных штанов. - Мы должны…

Джуниор с удивительной скоростью развернулся назад. Куда и девался тот смех; его лицо стало сгустком ненависти и злости. Размахивая кулаками, он бросился на Генри. Закусив клацающими зубами высунутый язык. Из его горла вырывались звуки какого-то странного языка, в котором не существовало гласных.

Генри сделал первое, что ему пришло на ум: отступил в сторону. Джуниор пропер мимо него и

mir-knigi.org

начал лупить кулаками по мигалке на крыше крузера, разбил один фонарь, разодрав себе костяшки пальцев. Уже и люди начали выходить из соседних домов, посмотреть, что здесь происходит.

- Гтхн бннт мнт! - говорил Джуниор. - Мнт! Мнг! Гтхн! Гтхн!

Он отступил от бровки и попал одной ногой в водосток. Покачнулся, но на ногах удержался. С подбородка у него теперь вместе со слюной стекала кровь; обе руки были сильно разбиты и тоже кровоточили.

- Она просто бесила меня своим бла-бла-бла, - заверещал Джуниор. - Я ударил ее коленом, шоп заткнуть, а она откинула копыта! Обосрала все кругом! Я… я… - Он замолчал. Словно задумался. Произнес: - Помогите мне. - А потом сделал губами громкий звук, похожий на выстрел посреди тишины из пистолета 22-го калибра и упал ничком между припаркованным полицейским автомобилем и тротуаром.

Генри с мигалкой и сиреной отвез его в больницу. Чего он не сделал, так не позволил себе думать о последних словах, сказанных Джуниором, в которых явным образом просматривался смысл. Туда он не желал заглядывать.

Ему и без этого хватало проблем.

15

Расти медленно ехал вверх по холму, частенько посматривая на счетчик Гейгера, который теперь ревел, словно средневолновой радиоприемник со сбитой настройкой. Стрелка поднялась от +400 до отметки +1000. Расти мог поспорить, что, когда он достигнет вершины, она залезет на +4000. Он понимал, что хорошего в этом мало - его «антирадиационный костюм» - всего лишь самодельное произведение, - но не останавливался, напоминая себе, что радиация имеет кумулятивный эффект; если он будет ехать быстро, летальной дозы не наберется. «Возможно, я потеряю на некоторое время волосы, но летальной дозы я не наберу. Думай об этом, как об авианалете: прилетел, сделал свое дело и назад, на базу».

Он включил радио, поймал «Мощные тучи радости»[369] на РНГХ и сразу же выключил. Пот заливал ему глаза, а он его смаргивал. Даже с кондиционером, включенным на полную мощность в кабине фургона, было к чертям жарко. Он взглянул в зеркало заднего вида и увидел своих друзей, которые стояли тесной кучкой. Очень маленькие отсюда.

Рев Гейгера стих. Он поглядел туда. Стрелка упала до нуля.

Расти едва не остановился, и своевременно понял, что тогда Ромми с детьми подумают, что с ним беда. Кроме того, возможно, это лишь проблема с батарейками. Но, взглянув вновь, увидел, что огонек питания на счетчике горит так же ярко.

На верхушке холма дорога заканчивалась разворотной площадкой перед длинным красным сараем. Перед ним стоял старый грузовик и еще более старый трактор, последний опирался только на одно колесо. На вид сарай сохранился в довольно хорошем состоянии, хотя несколько окон были разбиты. За ним стоял покинутый фермерский дом, часть крыши которого провалилась вовнутрь, вероятно, зимой под весом снега.

С торца сарая зияли раскрытые настежь ворота, и даже с закрытыми окнами и мощным кондиционером Расти ощутил пьянящий аромат сгнивших яблок. Он остановил машину возле

крыльца. Поперек ступенек висела цепь с табличкой, на которой было написано: ВТОРГНУВШИЕСЯ БУДУТ НАКАЗАНЫ. Табличка была старой, ржавой и, очевидно, неэффективной. Жестянки из-под пива валялись по всему крыльцу, где когда-то, вероятно, любило организовывать посиделки семейство Маккоя летними вечерами, подставляясь ветру, созерцая широкие панорамы: полностью город Честер Милл по правую сторону, и все направление вплоть до Нью-Хэмпшира, если посмотреть налево. Кто-то аэрозолем написал на стене: УАЙЛДКЕТС РУЛЯТ, краска, которая когда-то была красной, выцвела до розовой. На дверях краской другого цвета было выведено: ДЕПО ОРГИЙ. Расти подумал, что так, вероятно, была высказана неосуществленная мечта какого-то сексуально озабоченного тинэйджера. А может, это было название какой-то хэви-металл группы.

Он взял в руки счетчик Гейгера и постучал по нему. Стрелка подпрыгнула, и аппарат несколько раз щелкнул. Похоже было, что он полностью работоспособен; просто никакой радиации здесь нет.

Расти вылез из фургона и - после короткой внутренней дискуссии - сорвал с себя большинство защитного костюма, оставив только фартук, варежки и пучеглазые очки. Потом он пошел вдоль сарая, выставив перед собой сенсорную трубку счетчика и обещая себе, что побежит назад, за остальной частью своего «антирадиационного костюма», если стрелка лишь немного вновь вздрогнет.

Но, когда он вынырнул из-за угла сарая и увидел ярдов в сорока перед собой проблеск того огонька, стрелка даже не шелохнулась. Это казалось невероятным, если радиация, - а как еще иначе? - связана с этим огоньком. Расти нашел единственно возможное объяснение: генератор создает радиационный пояс, чтобы отпугивать от себя таких исследователей, как он. Для самозащиты. Тоже самое касается прочувствованного им обморочного состояния и полной потери сознания детьми. Это самозащита, как иглы дикобраза или «духи» скунса.

«Впрочем, не похоже ли это все же на неполадки со счетчиком? Именно в эту секунду ты можешь получать летальную дозу гамма-излучения. Этот чертов счетчик всего лишь наследие холодной войны».

Однако, продвигаясь к краю сада, Расти увидел белку, которая стрелой метнулась по траве и взлетела на дерево. Задержавшись на отягощенных несобранными плодами ветвях, она, распушив хвост, смотрела ясными глазами на непрошеного гостя внизу. Для Расти это было хорошее доказательство, как ни что, тем более ни в траве под деревьями, ни на заросших междурядьях он не увидел трупов животных: ни самоубийц, ни возможных жертв радиации.

Он уже приблизился к огоньку, чьи регулярные проблески вспыхивали так ярко, что Расти каждый раз чуть ли не полностью зажмуривался. По правую сторону, казалось, прямо у него под ногами лежал целый мир. На расстоянии четырех миль он видел город, абсолютно игрушечный на вид. Сетка улиц, шпиль церкви Конго, блеск нескольких автомобилей в движении. Он видел невысокое кирпичное здание больницы «Кэти Рассел», а далеко на западе то черное пятно на месте ракетной атаки. Оно так и висело там, темная искусственная родинка на щеке белого дня. Небо над головой было бледно-голубым, почти нормального цвета, однако на горизонте голубизна уступала отравляющей желтизне. Он был почти уверен, что это результат загрязнения воздуха - то самое дерьмо, из-за которого стали розовыми звезды, - но подозревал, что большей частью там нет ничего более зловещего, чем осенняя пыльца растений, которая налипла на невидимую поверхность Купола.

Расти двинулся дальше. Чем дольше он будет оставаться здесь, особенно вне пределов видимости, тем сильнее будут нервничать его друзья. Он передумал идти прямо к источнику

проблесков, вместо этого, вышел из сада, сначала приблизился к краю косогора. Отсюда ему было видно остальных, хотя они и казались лишь пятнышками. Расти положил на землю счетчик Гейгера и начал медленно махать задранными вверх руками, чтобы сообщить, что с ним все хорошо. Они замахали ему в ответ.

- О'кей, - произнес он. Руки его внутри тяжелых перчаток были скользкими от пота. - Теперь посмотрим, что мы тут имеем.

16

В начальной школе на Ист-Стрит настало время перерыва. Джуди и Дженнилл Эверетт сидели в дальнем конце игровой площадки со своей подружкой Дианой Карвер, которой было шесть лет, и таким образом по возрасту, она чудесно вписывалась между малышками Джей-Джей. Поверх левого рукава Дианиного свитера была повязана голубая ленточка. Прежде чем идти в школу, она сама настояла, чтобы Керри завязала ей эту вещь, чтобы быть похожей на своих родителей.

- А это для чего? - спросила ее Дженнилл.

- Это означает, что я люблю полицию, - ответила Диана, откусывая от своего фруктового батончика.

- Я тоже себе хочу, - сказала Джуди. - Только желтую. Это слово она выговорила очень аккуратно. Раньше, совсем маленькой, вместо «желтый», она говорила «вовтый», и Дженни смеялась над ней.

- Желтых нельзя, - сказала Диана, - только голубые. Какой вкусный батончик. Я бы их миллион съела.

- Ты станешь толстой, - сказала Дженнилл. - И лопнешь.

Представив это, они захохотали, потом ненадолго замолчали, глядя на более старших детей, пока обе Джей-Джей грызли домашнее печенье с арахисовым маслом. Несколько девочек играли в классы. Ребята лазили по лесенкам, мисс Голдсхон толкала качели, где сидели близнецы Пруит. Мисс Вандестайн организовала игру в кикболл[370].

На вид все будто бы нормально, думала Дженнилл, но на самом деле ненормально. Никто не кричит, никто не скулит над расцарапанным коленом, Майнди и Мэнди Пруит не умоляют мисс Голдстон похвалить их одинаковые прически. Все они здесь ведут себя так, словно прикидываются, что вышли на большой перерыв, даже взрослые. И каждый, включая ее, втайне посматривает на небо, которое должно было быть голубым, а таковым совсем не является.

Но и это не самое плохое. Самое худшее - после тех ее припадков - эта удушающая уверенность, что должно произойти что-то плохое.

Диана произнесла:

- Я хотела нарядиться Русалкой на Хэллоуин. Но сейчас уже нет. Совсем никем не хочу. И из дома ни ногой. Я боюсь Хэллоуина.

- У тебя были кошмары? - спросила Дженнилл.

- Да, - Диана протянула ей свой фруктовый батончик. - Хочешь доесть? Я совсем не такая голодная, как думала.

- Нет, - отказалась Дженнилл. Ей не хотелось уже даже доедать печенье с арахисовым маслом, а это так не было похоже на нее. И Джуди съела только половинку одного печенья. Дженнилл вспомнила, как Одри залаяв, кидалась на мышку, которая беспомощно старалась убежать из угла, в котором оказалась. Ей тогда стало грустно, и она позвала мать, чтобы та оттянула Одри, не дала собаке съесть мышку. Мамуля рассмеялась, но собаку убрала.

Теперь они сами стали мышками. Дженни забыла большинство снов, которые видела во время своих судорог, но помнила достаточно, чтобы понимать.

Теперь они оказались загнанными в угол.

- Я хочу просто остаться дома, - повторила Диана. В ее левом глазу застыла слезинка, яркая, прозрачная, идеальная. - Буду сидеть дома на Хэллоуин. И даже в школу не пойду. Нет. Никто меня не принудит.

Миссис Вандестайн бросила играть в кикболл и начала телепать звонком, созывая всех, однако ни одна из трех девочек не спешила привставать.

- Хэллоуин уже начался, - произнесла Джуди. - Вон, посмотрите, - она показала через улицу, где на крыльце в Вилеров стояла тыква. – И вот туда посмотрите. - На этот раз она показала на парочку вырезанных из картона призраков по бокам дверей почтового отделения. - И еще, смотрите.

Последней, на что она показала, была лужайка перед библиотекой. Там стояло большое пугало, установленное Лиссой Джеймисон. Она, безусловно, старалась сделать его забавным, но то, что забавляет взрослых, часто пугает детей, и Дженнилл подумала, что пугало с библиотечной лужайки запросто может прийти с визитом к ней этой ночью, когда она будет лежать в темноте в своей кровати, стараясь заснуть.

Голова у него была из набитой чем-то мешковины, с глазами-крестиками из белых нитей. Шляпа похожа на ту, которую носил на голове кот в истории Доктора Суза[371]. Вместо рук у него были садовые лопатки (мерзко-загребущие ручки, подумала Дженнилл) и майка с какой-то надписью. Она не поняла, что она означает, хотя слова прочитала: МИЛАЯ РОДИНА АЛАБАМА, ЗАИГРАЙ-КА ТУ ПЕСНЮ МЕРТВОЙ ГРУППЫ

- Видите? - Джуди не плакала, но глаза у нее были расширенные, серьезные, преисполненные какого-то знания, слишком сложного, слишком темного, чтобы его можно было высказать. - Хэллоуин уже начался.

Дженнилл взяла сестричку за руку и потянула, чтобы та встала.

- Нет, еще нет, - возразила она… хотя боялась, что это не так. Что-то плохое должно произойти, что-то такое, с огнем. Без лакомства, только с кознями. Подлыми кознями. Злыми.

- Идем во внутрь, - сказала она Джуди и Диане. - Будем Петь песни и всякое такое разное. Будет хорошо.

Так по обыкновению и было, однако, не в этот день. Даже еще до большого бабаха в небе уже не было хорошо. Дженнилл не переставала думать о пугале с белыми глазами-крестиками. И о той, почему-то пугающей надписи: ЗАИГРАЙ-КА ТУ ПЕСНЮ МЕРТВОЙ ГРУППЫ.

17

За четыре года до того, как опустился Купол, умер дед Линды Эверетт, оставив каждому из своих внуков небольшую, но приличную сумму денег. Линда получила чек на 17232 доллара и четыре цента. Большинство из этой суммы было отложено на колледжные счета обоих Джей-Джей, но она ощущала, что имеет полное право израсходовать несколько сотен на Расти. Приближался день его рождения, а ему давно хотелось иметь устройство Apple TV, с того времени, как они появились в продаже несколько лет тому назад.

Она дарила ему и более дорогие подарки с того времени, как они поженились, но еще никакому он не радовался так сильно. Возможность скачивать фильмы с и-нета, а потом смотреть их на большом телеэкране, вместо того, чтобы оставаться привязанным к маленькому дисплею компьютера, услаждала его до смерти. Устройство имело вид белого квадрата из пластика, приблизительно семь дюймов в длину и толщиной три четверти дюйма. Вещь, найденная Расти на Черной Гряде, выглядела очень похожей на Apple TV, он даже сначала подумал, что это и есть такое устройство… немного модифицированное, конечно, чтобы держать в заточении целый город, а не ретранслировать вам в телевизор «Русалочку» через Wi-Fi с высоким уровнем разрешения.

Вещь, которая находилась на краю сада Маккоя, была не белой, а темно-серой, а вместо знакомого логотипа компании «Apple» Расти увидел на ней такой, тревожный, символ.

?

Выше этого символа выступала шишка размером, с костяшку его мизинца. Под ее колпачком находилась сделанная то ли из стекла, то ли из хрусталя линза. Оттуда и проблескивал тот пурпурный огонек.

Расти наклонился, дотронулся до поверхности генератора - если это действительно был генератор. В тот же миг мощный разряд ударил его в руку, пронзив все тело. Он хотел отскочить, но не смог. Ему крепко свело мышцы. Счетчик Гейгера всхлипнул одиночным треском и замолчал. Расти не имел понятия, отклонилась ли стрелка в опасную зону, потому что и глазом не мог пошевелить. Свет вытекал из мира, словно вода через сток ванной, и с внезапно спокойной ясностью он подумал: «Я умираю. Какой иидиотский способ уме…»

И тогда из этой тьмы всплыли лица - только это были не человеческие лица, а позже он не был даже уверен, были ли это лица вообще. Это были геометрической формы сплошные монолиты, как ему показалось, обтянутые кожей. Единственное в них, что хоть немного напоминало человеческое, были ромбовидные выступы по бокам. Это могли быть уши. Головы - если это были головы - повернулись одна к другой, разговаривая, или, может, это просто так обманчиво выглядело. Ему показалось, что он услышал смех. Он подумал, что почувствовал их волнение. Ему представились дети на игровой площадке начальной школы на Ист-Стрит - его девочки, наверное, с их подружкой Дианой Карвер - они обменивались лакомствами во время перерыва.

Все это происходило на протяжении секунд, не дольше пяти-шести секунд. А потом исчезло. Напряжение исчезло так же внезапно, как было, когда люди дотрагивались до поверхности Купола; так же, как его полуобморочное состояние и сопутствующее ему видение пугала в искривленном колпаке. Он очухался упавшим на колени на верхушке господствующего над городом холма, вспотевший в своей свинцовой амуниции.

Однако образ тех кожаных голов остался. Склоненные вместе, хохочут от неприличной детской

затеи.

«А другие там, внизу, наблюдают за мной. Помаши. Скажи им, что с тобой все хорошо».

Он воздел обе руки над головой - теперь они двигались легко - и медленно помахал туда-сюда так, словно сердце у него в груди не прыгало чернохвостым зайцем, словно грудь ему не заливало жгучими ручьями пахучего пота.

Снизу, с дороги, в ответ ему помахали Ромми с детьми.

Расти сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, потом протянул колбу счетчика Гейгера к маленькому серому квадратику, который лежал на упругой травяной подстилке. Стрелка колыхнулась, не доходя до отметки +5. Фоновое излучение, не больше.

Расти почти не сомневался, что эта квадратная плоская вещь и является источником их неприятностей. Существа - нечеловеческой природы, совсем чужой - использовали эту вещь, чтобы держать их в заточении, но и это было не все. Они использовали ее также для наблюдения.

И для забавы. Эти мерзавцы смеялись. Он это ясно расслышал.

Расти снял с себя фартук, набросил его на коробочку с выпуклой шишкой-линзой, вскочил на ноги и пошел на попятную. Какое-то мгновение ничего не происходило. А потом фартук вспыхнул. Запах был резким и мерзким. Он видел, как напухает, пузырится лоснящаяся поверхность, как прорывается пламя. И тогда фартук, который был всего лишь запаянным в пластик листом свинца, просто распался. Какую-то минуту еще горели его куски, самый большой из них все еще лежал поверх коробочки. А через миг уже весь фартук - или то, что от него оставалось - напрочь исчез. Осталось несколько комочков пепла и запах, но все вообще… фу. Исчезло.

«Я это на самом деле видел?» - спросил Расти у самого себя, а потом произнес то же самое вслух, спрашиваясь у целого света. Он чувствовал запах горелого пластика и более тяжелый запах, как он полагал, расплавленного свинца - безумие, это невозможно, но сам фартук исчез.

- Я это на самом деле видел?

Словно отвечая ему, из-под колпачка на коробочке проблеснул пурпурный огонек. Эти ли пульсации поддерживают Купол, как прикосновение к компьютерной клавиатуре возобновляет экран? Или благодаря ним кожеголовые могут осматривать город? Или и то и другое? Или ни то и ни то?

Он приказал себе больше не приближаться к плоскому квадратику. Он сказал себе, что самое разумное, что он может сейчас сделать, это вернуться бегом к фургону (лишенный тяжелого фартука он сможет бежать) и помчать, словно бешеный, притормозив только для того, чтобы подобрать своих компаньонов, которые ждут внизу.

Вместо этого он вновь приблизился к коробочке и упал перед ней на колени, в позе, слишком похожей на молитвенную, чтобы ему это нравилось.

Содрал с себя одну перчатку, дотронулся до земли рядом с этой штукой и сразу отдернул руку. Горячо. Кусочки горящего фартука немного обожгли траву. Потом он дотронулся до самой коробочки, напряженно приготовившись к новому ожогу или новому шоку… хотя больше всего боялся совсем другого - вновь увидеть те обтянутые кожей формы, те не-совсем-головы,

склоненные одна к другой, услышать их заговорщицкий смех.

Однако ничего не происходило. Ни видения, ни ожога. Серая коробочка на прикосновенье была холодной, вопреки тому, что он только что видел, как на ней пузырился и горел его фартук.

Проблеснул пурпурный огонек, Расти хватило осторожности не прикрывать его рукой. Вместо этого он схватил эту штуку за бока, мысленно прощаясь со своей женой и дочерьми и извиняясь перед ними за то, что оказался таким конченным дураком. Он ожидал, что сейчас вспыхнет и сгорит. Когда этого не произошло, он попробовал поднять коробочку. Хотя площадь ее поверхности была не большей, чем обеденная тарелка и сама она не была не намного толще, он не смог ее пошевелить. Эта коробочка была все равно, что прикованная к верху какой-то колонны, погруженной на девяносто футов вглубь коренной породы Новой Англии - хотя этого не могло быть. Она лежала поверх травяного ковра, и, продвинув глубже под нее пальцы рук, он сам до себя дотронулся. Сплетя пальцы вместе, он попробовал вновь поднять чертову штуку. Ни шока, ни видений, ни жара; и ни сдвига тоже. Коробочка даже не пошевелилась.

Он подумал: «Я держу в руках своего рода чужеродный артефакт. Машину из другого мира. Я могу даже поглазеть на тех, кто ей руководит».

Самая эта идея была интеллектуально прекрасная - даже ошеломляющая, но она не имела эмоционального измерения, возможно, потому, что он был очень ошарашен и переполнен информацией, которая не обрабатывалась.

«Ну, и что дальше? Что, черт меня побери, дальше?»

Он не знал. А еще оказалось, что после всего этого он не потерял способности к эмоциональным переживаниям, потому что его накрыло волной отчаяния, и он едва удержался от того, чтобы не вокализовать это отчаяние в рыдании. Четверо людей внизу могут его услышать и подумают, что он в беде. Да так оно и есть, он в беде. И не только он.

Он встал, ноги под ним дрожали, угрожая подломиться. Горячий, плотный воздух, казалось, приставал ему к лицу, словно масло. Он неспешно побрел сквозь отягощенный яблоками сад назад к фургону. Единственное, что ему было вполне ясно - о существовании этого генератора ни при которых обстоятельствах не должен узнать Большой Джим Ренни. Не потому, что ему может захотеться его уничтожить, а потому, что он, скорее всего, установит вокруг него охрану, чтобы предотвратить его уничтожение. Чтобы генератор продолжал делать то, что делает, и таким образом Ренни мог продолжать делать свое. По крайней мере, пока что Большого Джима полностью устраивало текущее положение вещей.

Расти открыл дверцу фургона, и именно тогда, менее чем в миле от Черной Гряды, мощный взрыв всколыхнул день. Это прозвучало так, словно Бог наклонился и выстрелил вниз из небесного дробовика.

Расти от неожиданности вскрикнул и посмотрел вверх. И тут же ему пришлось прикрыть себе глаза рукой от злых лучей мгновенного солнца, которое вспыхнуло в небе выше границы между Честер Миллом и ТР-90. В Купол врезался очередной самолет. Только на этот раз это был не скромный «Сенека-V». Черный дым поднимался от точки контакта, которую Расти определил приблизительно на высоте двадцати тысяч футов. Если черное пятнышко, оставленное ракетными ударами, казалось мушкой на щеке дня, то новое пятно было язвой кожи. Такой, которая готова была бурно разрастись.

Расти забыл о генераторе. Забыл о четырех друзьях, которые его ждут. Забыл о собственных

детях, ради которых он только что подвергал себя риску сожжения живьем и испепеления. На протяжении двух минут не было места ни для чего в его мозге, кроме ледяного ужаса.

По ту сторону Купола на землю падали обломки. Вслед за носовой частью реактивного лайнера полетел горящий двигатель; за двигателем посыпался дождь из синих авиационных кресел, многие с пристегнутыми к ним пассажирами; вслед за креслами наступила очередь огромного блестящего крыла, которое парило, покачиваясь, словно лист бумаги на сквозняке; за крылом пошел хвост, похоже, что это «Боинг-767». Хвост был темно-зеленого цвета. На нем был зеленый символ более светлого оттенка. Расти показалось, что тот похож на клевер.

«Нет, это не клевер, а трехлистник».

И тогда на землю обвалился, словно сломанная стрела, фюзеляж самолета, и вокруг загорелся лес.

18

Город вздрагивает от взрыва, и все выходят посмотреть. По всему Честер Миллу жители выходят смотреть. Они стоят перед своими домиками, на подъездных аллеях, на тротуарах, посреди Мэйн-стрит. И хотя небо на север от их тюрьмы большей частью затянуто тучами, им приходится прикрывать глаза от сияния - того, что Расти со своего места на вершине Черной Гряды увидел, как второе солнце.

Конечно, они видят все, как оно есть: самые остроглазые даже могут прочитать название на фюзеляже падающего самолета, пока он не исчезает ниже линии деревьев. В этом нет ничего сверхъестественного; такое уже случалось и раньше, не далее, как на неделе (хотя не так грандиозно, надо признать). Однако в жителях Честер Милла поселяется гнетущий страх, который будет властвовать в городе с того времени и до самого конца.

Тот, кто досматривал неизлечимого больного, скажет вам, что наступает момент ломки, когда сопротивление умирает и вползает покорность. Для большинства жителей Честер Милла точкой ломки стало позднее утро двадцать пятого октября, когда они стояли, кто сам, а кто вместе с соседями, и смотрели, как более трех сотен людей падают сверху в лес ТР-90.

В начале этого утра приблизительно процентов пятнадцать здешних имели на рукавах голубые повязки «солидарности»; под закат солнца этой среды в октябре их количество увеличилось вдвое. Когда солнце взойдет завтра утром, таких станет больше половины всего населения.

Сопротивление уступает покорности; покорность рождает зависимость. Кто угодно, кто досматривал неизлечимого больного, скажет вам это. Больные люди нуждаются в ком-то, кто будет подавать им таблетки и стакан с прохладным сладким соком, чтобы их было легче глотать. Они нуждаются в ком-то, кто мазью из арники разотрет им болезненные суставы. Они нуждаются в ком-то, кто будет сидеть рядом темной ночью, когда часы тянутся так долго. Они нуждаются в ком-то, кто скажет: «А теперь спи, завтра будет лучше, я здесь, спи, я обо всем позабочусь».

Спи.

19

Офицер Генри Моррисон привез Джуниора в больницу - к тому времени парень пришел в

сознание, хотя все так же бормотал какую-то бессмыслицу - а дальше уже Твич повез его куда-то на каталке. Моррисон смотрел ему вслед с облегчением.

В справочной службе Генри узнал домашний номер Большого Джима и номер городского совета, но, ни там, ни там никто не отвечал - это были номера проводной сети. Он как раз слушал работа, который сообщал ему, что номер мобильного телефона Джима Ренни не значится в реестре, когда взорвался лайнер. Вместе со всеми ходячими в госпитале он выбежал во двор и стоял на разворотной площадке, смотря на новую черную метку на невидимой поверхности Купола. Еще падали последние обломки.

Большой Джим действительно находился в городском совете, но телефон он выключил, чтобы никто ему не мешал доработать обе его речи - одна для копов в этот вечер, а вторая перед всем городом завтра вечером. Услышав взрыв, он бросился наружу. Первой мыслью у него промелькнуло: Кокс подорвал атомный заряд. Никчемный полковник! Если он пробьется через Купол - все полетит кувырком!

Он оказался рядом с Элом Тиммонсом, сторожем здания горсовета. Эл показал на север, высоко в небо, где еще поднимался дым. Большому Джиму это напомнило взрыв зенитного снаряда из какого-то фильма времен Второй мировой войны.

- Там был самолет! - кричал Эл. - Огромный! Господи! Разве они не предупредили всех?

Большой Джим с облегчением выдохнул, его взволнованное сердце немного замедлило свой темп. Если это был самолет… просто самолет, а не ядерный взрыв или какая-то суперракета…

У него зазвенел мобильный. Он достал телефон из кармана и открыл:

- Пит, ты?

- Нет, мистер Ренни, это полковник Кокс.

- Что вы наделали? - завопил Ренни. - Что это вы, люди, ради Бога, теперь наделали?

- Ничего, - в голосе Кокса не было и следа бывшего холодного превосходства, он звучал смущенно. - Мы не имеем к этому никакого отношения. Это было… подождите минутку.

Ренни ждал. На Мэйн-стрит было полно людей, разинув рты, они смотрели в небо. Ренни они показались наряженными в человеческую одежду овцами. Завтра вечером они столпятся в зале горсовета, и начнется их бе-е-е, бе-е-е, бе-е-е когда же нам станет лучше? И бе-е-е, бе-е-е, бе-е-е - позаботьтесь о нас, пока не станет лучше. И он будет заботиться. Не потому, что ему так хочется, а потому, что на то воля Божья.

Снова отозвался Кокс. Теперь вдобавок к волнению, в его голосе звучала паника. Это уже был не тот человек, который брал на испуг Большого Джима, требуя подать в отставку. «Именно таким тоном и говори в дальнейшем, дружок, - подумал Ренни, - и только так».

- По имеющейся информации, рейс №179 авиакомпании «Эйр Айрленд» наткнулся на Купол и взорвался. Самолет направлялся из Шеннона в Бостон. У нас уже есть два независимых свидетеля, которые сообщили, что видели трехлистник на хвосте, какой-то материал также может иметь съемочная группа Эй-Би-Си, которая работала сразу за границей карантинной зоны возле Харлоу… одну секундочку.

Минула не секунда, и не минута, а намного больше времени. Сердце Большого Джима уже

замедлилось до его нормального темпа (если таким можно назвать сто двадцать ударов за минуту), но теперь оно вновь ускорилось, и вновь с теми же одиночными циклическими толчками. Он закашлялся и ударил себя кулаком в грудь. Сердце почти успокоилось, и тогда перешло в режим тотальной аритмии. Пот выступил у него на лбу. День, который сначала был серым, моментально показался ему слишком ярким.

- Джим? - это был Эл Тиммонс, и хотя он стоял рядом с Большим Джимом, голос его слышался словно из какой-то далекой-далекой галактики. - С вами все в порядке?

- Все хорошо, - произнес Большой Джим. - Оставайся здесь. Ты мне можешь понадобиться.

Вернулся Кокс.

- Да, действительно это был самолет ирландской авиакомпании. Я только что посмотрел свежий материал, снятый командой Эй-Би-Си. Там как раз одна из телевизионщиц вела репортаж, и это случилось прямо за ее спиной. Они отсняли всю катастрофу.

- Я уверен, их рейтинги взлетят вверх.

- Мистер Ренни, между нами могут быть некоторые разногласия, но я надеюсь, вы донесете до ваших избирателей, что по этому поводу у них нет никаких причин волноваться.

- Вы мне лучше скажите, каким образом это…

Сердце вновь стукнуло. Дыхания оборвалось, потом восстановилось. Он во второй раз ударил себя кулаком в грудь, теперь еще сильнее, и сел на скамейку возле вымощенной кирпичом дорожки, которая вела от горсовета до тротуара. Вместо свежего шрама на Куполе, Эл теперь смотрел на него, обеспокоенно хмуря брови и, как думал Большой Джим, со страхом. Даже сейчас, в таком состоянии, ему радостно было это видеть, радостно знать, что его считают незаменимым. Овцы нуждаются в чабане.

- Ренни? Вы слушаете? Вы в порядке?

- Слушаю. - Вместе с тем он прислушивался к своему сердцу, которое оставалось далеко не в порядке. - Каким образом это случилось? Как такое вообще могло случиться? Я-то думал, ваши люди предупредили всех.

- Я еще не уверен и не буду знать точно, пока мы не откроем черный ящик, но мысли на этот счет у нас есть. Мы разослали директиву во все коммерческие авиакомпании, чтобы держались подальше от Купола, но для рейса №179 это обычный полетный курс. Мы думаем, кто-то забыл перепрограммировать автопилот. Так просто. Я сообщу вам детали, как только мы их получим, однако сейчас самое важно предотвратить начало паники в городе.

Однако при некоторых обстоятельствах паника хорошая вещь. При некоторых обстоятельствах, а именно пищевой бунт или поджог, это весьма полезная вещь.

- По большому счету это результат глупости, но также и досадная случайность, - продолжал гнуть свое Кокс. - Донесите эту информацию до ваших людей.

«Они будут знать то, что я им скажу, и будут верить в то, что мне нужно», - подумал Ренни.

Сердце у него затанцевало, как кусок жира на горячей сковородке, потом взяло ненадолго более нормальный ритм и вновь задергалось. Не прощаясь с Коксом, он нажал красную кнопку

КОНЕЦ ЗВ. и опустил телефон назад в карман. Потом посмотрел на Эла.

- Я хочу, чтобы ты отвез меня в госпиталь, - произнес он по возможности спокойнее. - Что-то мне немного плохо стало.

Эл, с «солидарной» повязкой на руке, встревожился еще сильнее.

- Ой, конечно же, Джим. Сидите здесь, пока я сбегаю за моей машиной. Мы не можем позволить, чтобы с вами что-то случилось. Вы нужны городу.

«А то я этого не знаю», - подумал Большой Джим, сидя на скамейке, смотря на большое черное пятно в небе.

- Найди Картера Тибодо, скажи ему, чтобы встречал меня там. Он мне нужен под рукой.

Были и другие инструкции, которые он хотел дать, но тут уже его сердце остановилось полностью. На мгновение вечность разверзлась у него под ногами, открытая темная бездна. Ренни вздохнул и ударил себя в грудь. Сердце сорвалось на бешеный галоп. Он на это подумал: «Не предавай меня сейчас, мне так много надо сделать; не смей, ты, никчема, не смей».

20

- Что это было? - спросила Норри тонким, детским голоском, а потом сама же на это и ответила. - Это был самолет, правда? Самолет, полный людей.

Она ударилась в слезы. Ребята старались удержаться от плача, но не смогли. Ромми почувствовал, что и сам плачет.

- Эй, - сказал он. - Думаю, да, самолет.

Джо обернулся и посмотрел на фургон, который уже ехал в их сторону. Добравшись до подножия холма, он увеличил скорость, словно Расти ужас как не терпелось вернуться. Когда он подъехал и выскочил из кабины, Джо увидел также другую причину его поспешности - свинцовый фартук пропал.

Не успел Расти произнести и слова, как зазвонил его телефон. Он резко открыл его, глянул на номер и принял звонок. Ожидал услышать Джинни, но заговорил тот новый парень, Терстон Маршалл.

- Да, что? Если это касается самолета, то я видел… - он послушал, нахмурился, потом кивнул. - Хорошо, так. Правильно. Я еду. Передайте Джинни и Твичу, чтобы вкололи ему два миллиграмма валиума, внутривенно. Нет, лучше пусть будет три. И скажите ему, чтобы вел себя спокойно. Это чуждо его натуре, но пусть приложит силы. Его сыну дайте пять миллиграммов.

Закрыв телефон, он посмотрел на них.

- Оба Ренни попали в больницу, старший с сердечной аритмией, у него она проявлялась и раньше. Чертовому дураку надо было еще два года назад поставить кардиостимулятор. Терстон сказал, что у молодого симптомы, которые показались ему похожими на глиому. Надеюсь, он ошибся.

Норри подняла покрытое слезами лицо к Расти. Одной рукой она обнимала Бэнни Дрэйка,

mir-knigi.org

который бешено тер себе глаза. Когда подошел и стал возле нее Джо, свободной рукой она обняла и его.

- Это же опухоль мозга, да? - спросила она. - Очень опасная.

- Когда это случается у юношей возраста Джуниора Ренни, это почти всегда крайне опасно.

- Что вы нашли там? - спросил Ромми.

- И что случилось с вашим фартуком? - добавил Бэнни.

- Я нашел то, что Джо и думал.

- Генератор, - произнес Ромми. - Док, а вы уверены в этом?

- Конечно. Он не похож ни на что из того, что мне приходилось видеть до сих пор. Я вполне уверен, что никто на Земле не видел прежде ничего подобного.

- Что-то с другой планеты, - произнес Джо голосом таким низким, что прозвучал он у него, как шепот. - Я так и знал.

Расти сурово посмотрел на него.

- Не тебе нужно об этом говорить. Никто из нас не должен. Если нас будут спрашивать, отвечаем, что искали, но ничего не нашли.

- Даже моей маме? - спросил Джо печально.

Расти едва не расслабился в эту сторону, но взял себя в руки. Сейчас эта тайна принадлежала пятерым людям, это и так уже было многовато. Но дети заслужили того, чтобы знать, а Джо Макклечи и сам догадался.

- Даже ей, по крайней мере, пока что.

- Я ей не могу врать, - сказал Джо. - Это не подействует. Она все насквозь видит своим Материнским взглядом.

- Тогда просто скажи ей, что я взял с тебя клятву хранить тайну и ей тебя лучше не спрашивать. Если будет настаивать, скажи ей, чтобы поболтала со мной. Поехали, мне надо возвращаться в больницу. Ромми, вы за рулем. У меня нервы на пределе.

- А вы не хотите… - начал Ромми.

- Я расскажу вам все. По дороге. Возможно, у нас даже получится придумать, что с этим делать.

21

Через час после того, как «Боинг-767» «Ирландских авиалиний» врезался в Купол, в полицейский участок Честер Милла храбро вступила Рози Твичел, держа в руках накрытую салфеткой тарелку. Стэйси Моггин вновь сидела за стойкой, храня на лице выражение такой же усталости и волнения, которое Рози чувствовала в своей душе.

mir-knigi.org

- Что это? - спросила Стэйси.

- Ланч. Для моего повара. Два поджаренных сэндвича с беконом, латуком и помидорами.

- Рози, едва ли я могу пропустить тебя к нему. Я вообще не могу туда кого-то пускать.

Мэл Ширлз рассказывал двум новобранцам о шоу автомобилей-монстров, которое он видел прошлой весной в Портлендском спортивном центре. Теперь он оглянулся.

- Я ему отнесу, мисс Твичел.

- Ты - нет, - отрезала Рози.

Мэл удивился. На его лице отразилась обида. Ему всегда нравилась Рози, он думал, что и она хорошо относится к нему.

- Я не могу доверить тебе тарелку, потому что ты ее разобьешь, - объяснила она, хотя правда состояла не совсем в том, правда заключалась в том, что она ему совсем не доверяла. - Я видела, как ты в футбол играешь, Мэлвин.

- Да довольно вам, не такой уж я и неуклюжий.

- А еще я хочу убедиться, что с ним там все обстоит благополучно.

- Ему не разрешено принимать посетителей, - сказал Мэл. - Это приказ шефа Рендольфа, а он его получил прямо от выборного Ренни.

- Пусть, а я иду вниз. Тебе придется воспользоваться электрошокером, чтобы остановить меня, а если отважишься, я больше никогда не приготовлю тебе вафель с земляникой именно таких, как ты любишь, чтобы соус пропитывал их прямо до середины. - Она осмотрелась вокруг и фыркнула. - Кроме того, я не заметила здесь никого из тех приказчиков. Или я чего-то не вижу?

Мэл думал было продемонстрировать новичкам собственную крутизну, но потом решил, что не следует. Ему на самом деле нравилась Рози. И вафли ее нравились, особенно, когда они были немного подогреты. Он поддернул на себе пояс и произнес:

- О'кей. Только я тоже пойду с вами, и вы не понесете ему ничего, пока я не загляну под ту салфетку.

Она подняла салфетку. Под ней лежало два сэндвича и короткая записка, нацарапанная на обороте чекового бланка из «Розы- Шиповника». «Держись, - было написано в ней. - Мы верим в тебя».

Мэл взял записку, смял и бросил в сторону мусорной корзины. Промазал, и один из новобранцев впопыхах бросился ее подбирать.

- Пошли, - двинулся Мэл, но тут же остановился, взял половинку одного сэндвича и оторвал хороший кусок. - Он все равно все не съест, - объяснил он Рози.

Она промолчала, но, когда он впереди ее начал спускаться по ступенькам, у Рози возникло острое желание разбить тарелку ему об голову.

Она уже прошла половину подвального коридора, как Мэл вдруг сказал:

- Дальше вам нельзя, мисс Твичел. Дальше я сам понесу.

Она отдала ему тарелку и печально смотрела, как он наклоняется и со словами: «Ланч подан, говновоз» просовывает ее через решетку.

Барби его проигнорировал. Он смотрел на Розу.

- Благодарю, но если это готовил Энсон, не знаю, останусь ли я так же признательным после первого куска.

- Я сама готовила, - ответила она. - Барби, почему они тебя побили? Разве ты пытался убежать? Вид у тебя ужасный.

- Я никуда не убегал, сопротивления при аресте не оказывал. Разве не так, Мэл?

- Ты вот лучше бы прекратил юродствовать, потому что иначе я войду в клетку и заберу у тебя эти сэндвичи на хер.

- Конечно, можешь попробовать, - кивнул Барби. - Посоревнуемся за пищу, - поскольку Мэл не изъявил желание принять это предложение, Барби вновь обратился к Рози. - Там был самолет? По звуку, похоже, что самолет. Какой-то большой.

- По Эй-Би-Си сказали, это был ирландский авиалайнер. Полный пассажиров.

- Попробую угадать. Он летел курсом на Бостон или Нью-Йорк, а какой-то лентяюга забыл перепрограммировать автопилот.

- Не знаю. По телевизору о таких подробностях еще ничего не рассказывали.

- Идем, - подошел к ней Мэл и взял за руку. - Довольно уже лясы точить. Вам надо уйти отсюда, пока у меня не начались неприятности.

- Как ты чувствуешь себя? - спросила Рози у Барби, недолго препятствуя молодому полисмену.

- Нормально, - сказал Барби. - А у тебя как дела? Ты уже уладила то дело с Джеки Веттингтон?

Ну, и какой, спрашивается, должен прозвучать ответ на этот вопрос? Тем более, насколько помнила Рози, она не имела никакого дела, которое должна была бы уладить с Джеки. Ей показалось, что она заметила, как Барби легонько кивнул головой, и надеялась, что это не игра ее воображения.

- Пока еще нет, - ответила она.

- А следовало бы. Скажи ей, чтобы перестала сучиться.

- Если бы, - пробурчал Мэл. Он крепче вцепился в руку Рози. - Идем уже, не заставляйте меня вас тянуть.

- Передай ей, что я сказал, что ты достойный человек, - сказал Барби, когда она уже поднималась по ступенькам в сопровождении Мэла, который теперь шел за ней по пятам. - Вам с ней, в самом деле, следует поболтать. И благодарю тебя за сэндвичи.

«Передай ей, что я сказал, что ты достойный человек».

mir-knigi.org

Это было послание, она не имела в этом сомнений. Мэл этого не понял, думала она; он всегда был туповатым, и, похоже, что жизнь под Куполом нисколечко не добавила ему масла в голове. Вот потому Барби и рискнул об этом заговорить.

Рози решила разыскать Джеки как можно скорее и передать послание: «Барби говорит, что я достойный человек. Барби передает, что ты можешь говорить со мной откровенно».

- Благодарю тебя, Мэлет, - сказала она, вновь оказавшись в комнате дежурных. - С твоей стороны это хороший шаг, что ты позволил мне это сделать.

Мэл осмотрелся вокруг, не увидел нигде начальства, большего, чем сам, и расслабился.

- Без проблем, но не думайте, что вы сможете вновь спуститься туда с ужином, потому что этого не будет. - Он подумал и философски завершил: - Он сейчас заслуживает чего-то приятного, я думаю. Потому что если придете на следующей неделе в эту пору, он уже будет поджарен не хуже, чем те сэндвичи, которые вы ему приготовили.

«Это мы еще увидим», - подумала Рози.

22

Энди Сендерс и Мастер Буши сидели рядом со складским помещением РНГХ и курили кристаллы. Прямо перед ними, в поле, посреди которого высилась радиобашня, виднелась кучка земли, обозначенная крестом, сделанным из дощечек. Под тем бугорком лежала Сэмми Буши, мучительница кукол «Братц» и мать Малыша Уолтера. Мастер сказал, что позже он украдет на кладбище возле Честерского озера для нее настоящий крест. Если хватит времени. А может так произойти, что его не будет.

Словно подтверждая свою последнюю фразу, он взмахнул гаражным пультом.

Энди было жаль Сэмми, так же, как было жаль Клодетт и Доди, но теперь его печаль уже перешла в клиническую фазу, находясь в безопасности, плотно накрытая его внутренним Куполом: ее можно было видеть, соглашаться с ее существованием, но добраться до нее уже не было никакой возможности. И это было хорошо. Он попробовал объяснить это Мастеру Буши, но запутался где-то посредине - концепция оказалась слишком сложной. Правда, Мастер кивнул, и тогда передал Энди свою большую кристальную трубку с высеченной на ее боку надписью: ЭТИМ ЗАПРЕЩЕНО ТОРГОВАТЬ.

- Хороший дым, правда же? - произнес Мастер.

- Да! - подтвердил Энди.

Потом они немного поговорили на две серьезные темы, присущие дискуссиям заново рожденных торчков: какая же торчковая эта гадость и как им классно под ней торчать. Посреди этого диалога где-то севернее прозвучал мощный взрыв. Энди прикрыл себе пылающие от всего этого дыма глаза. При этом едва не выпустил трубку, но Мастер успел ее спасти.

- Господи, дерьмо какое, там же самолет. - Энди старался встать, но ноги, хотя они у него гудели от энергии, тела не держали. Он вновь сел.

- Нет, Сендерс, - произнес Мастер. И дунул кристаллы. Сидя на полу со скрещенными ногами,

он смотрел на Энди, словно какой-то индеец с трубкой мира.

Припертые к стене склада, между Энди и Мастером стояли четыре автомата АК-47 российского производства, но импортированные - как и много других полезных вещей в этом складском помещении - из Китая. Стояли там также пять полных ящиков с тридцатизарядными магазинами к ним и коробка гранат РГД-5. Мастер предложил Энди свой перевод иероглифов на коробке с гранатами: «Не впусти их, мазефакер».

Теперь Мастер взял один из автоматов и положил себе поперек колен.

- Это был не самолет, - провозгласил он.

- Нет? А что тогда?

- Божий знак. - Мастер посмотрел на то, что он нарисовал на стене склада: две цитаты (свободно интерпретированные) из «Откровения» с умышленно вставленным в них числом 31. Потом вновь перевел взгляд на Энди. На севере по небу расползался дымовой плюмаж. Под ним поднимался свежий дым с того места, где обломки самолета попадали в лес. - Я неправильно определил дату, - произнес он задумчиво. - На самом деле в этом году Хэллоуин настанет раньше. Может, уже и сегодня, может, завтра, может, послезавтра.

- Или послепослезавтра, - добавил, помогая ему, Энди.

- Возможно, - великодушно согласился Мастер. - Хотя, я думаю, раньше. Сендерс!

- Что, Мастер?

- Возьми себе автомат. Теперь ты боец армии Господа. Ты теперь христианский Солдат. Кончились дни лизания тобой сраки этого сукиного сына, супостата.

Энди взял в руки АК и положил автомат себе поперек голых бедер. Ему понравился его вес, понравилась его теплота. Он проверил, включен ли на автомате предохранитель. Включен.

- О каком сукином сыне и супостате ты говоришь, Мастер?

Мастер вперился в него крайне пренебрежительным взглядом, но, когда Энди потянулся за трубкой, он передал ее ему довольно дружелюбно. Запасов было полно, им обоим хватит от теперь и до самого конца и, воистину, конца ждать уже недолго.

- Ренни, об этом вероотступнике и сукином сыне я говорю.

- Он мой друг, мой товарищ, но действительно, он бывает плутом, - признал Энди. - Бооожественно, какая же замечательная эта гадость.

- А то, - согласился Мастер задумчиво и забрал назад трубку (которую Энди теперь мысленно называл Дымотворной Колыбелью Мира). - Это самый долгоиграющий из самых долгоиграющих кристаллов, чистейший с чистейших, и что это еще, Сендерс?

- Лекарство от меланхолии, - мигом откликнулся Энди.

- А это что? - показал Мастер на новое черное пятно на Куполе.

- Знак! Божий знак!

- Да, - произнес Мастер, мягче. - Именно так и есть. Мы теперь с тобой на Божьем торче, Сендерс. Ты знаешь, что случилось, когда Бог открыл седьмую печать? Ты читал Апокалипсис?

Энди что-то припоминалось, еще с тех времен, когда он подростком посещал христианский лагерь: об ангелах, которые выныривают из-под седьмой печати, словно клоуны из маленького автомобильчика в цирке, но ему не хотелось говорить об этом в таких образах. Мастер может воспринять это за богохульство. Поэтому он лишь помотал головой.

- Так я и знал, - сказал Мастер. - Ты наверное слушал проповеди о Святом Спасителе, но проповедь не заменит образования. Проповедь - это, сука, не настоящее писание. Хоть это ты понимаешь?

Что понимал Энди, так это то, что ему хочется еще дунуть, но он лишь кивнул.

- Когда открылась седьмая печать, появились семь ангелов с семью трубами. И каждый раз, когда один из них дул в дудку, мор приходил на землю. Вот, хапни еще дыма, это тебе поможет сконцентрироваться.

Сколько уже времени они так сидели, курили? Казалось, продолжительное время. А действительно, видели ли они авиакатастрофу? Энди сначала думал, что вероятно да, но теперь уже не был полностью в этом уверен. Все казалось ужасно неправдоподобным. Может, ему следует вздремнуть. С другой стороны, это было так чудесно, прямо до исступления хорошо, просто находиться здесь, с Мастером, дымить, слушать мудрости.

- Я себя чуть не убил, но Бог меня спас, - поведал он Мастеру.

Эта мысль была такой благолепной, что слезы нахлынули ему на глаза.

- Эй, эй, это само собой ясно. А вот это наоборот. Сиди и слушай.

- Я слушаю.

- Первый ангел подул, и пролилась на землю кровь. Второй ангел подул, и огненная гора упала в море. Вот тебе и вулканы, и прочее всякое такое дерьмо.

- Именно так! - воскликнул Энди, ненароком нажав курок автомата, который лежал у него на коленях.

- Будь более внимательным с этим, - предостерег его Мастер. - Если бы он не стоял на предохранителе, ты бы отстрелил мне пипиську аж туда, под сосны. Лучше хапни еще немного дыма. - Он вручил Энди трубку. Энди даже не помнил, когда он успел ему ее передать, однако, очевидно, отдавал. А все-таки, который сейчас может быть час? Похоже на то, что уже после полудня, однако разве это возможно? Он совсем не проголодался, а он же всегда чувствовал себя голодным во время ланча, это был его главный обед.

- Слушай сюда, Сендерс, потому что это самая важная часть.

Мастер мог выдавать длинные цитаты по памяти, потому что, с тех пор, как перебрался сюда, на радиостанцию, он все время штудировал книгу «Откровение»; страстно читал ее и перечитывал, иногда до первых рассветных лучей на горизонте.

- И когда подул третий ангел, огромная звезда упала с неба! Горящая, словно светильник!

mir-knigi.org

- Мы же это только что ее видели!

Мастер кивнул. Глаза его неотрывно смотрели на то черное пятно, где нашел свой конец «Боинг-767» компании «Эйр Айрленд». - И имя той звезды Полынь, и много людей умерло, потому что создавали они горечь. Сендерс, а ты горький?

- Нет! - уверил его Энди.

- Нет. Потому что мы зрелые. Но теперь, когда звезда Полынь вспыхнула в небе, придут горькие люди. Господь поведал мне это, Сендерс, и это не какое-то там дерьмо. Проверь мне, и ты увидишь, что во мне ноль дерьма. Они захотят все это у нас забрать. Ренни со своими говноротыми приспешниками.

- Никогда! - вскрикнул Энди.

Вдруг его охватил ужасно мощный приступ паранойи. Они уже могут быть где-то рядом! Говноротые приспешники ползут там между деревьев! Говноротые приспешники едут колонной грузовиков по Малой Суке! Теперь, когда Мастер напомнил об этом, ему даже стало ясно, зачем Ренни это нужно. Он называет это «уничтожением доказательств».

- Мастер! - схватил он за плечо своего нового друга.

- Не дави так, Сендерс. Больно.

Тот ослабил руку.

- Большой Джим уже говорил о том, что надо сюда приехать, забрать баллоны с пропаном - это только первый шаг!

Мастер кивнул.

- Они уже раз приезжали. Забрали два баллона. Я им позволил, - он сделал паузу, похлопав по гранатам. - В следующий раз уже не позволю. Ты понимаешь, о чем я, ты со мной?

Энди подумал о килограммах дыма внутри здания, на стену, которой они опирались, и дал Мастеру ответ, которого тот и ожидал.

- Брат мой, - произнес он и обнял Мастера.

Мастер был горячим, и смердел, но Энди обнимал его искренне. Слезы катились по его лицу, которое он впервые за двадцать лет не обременил себя побрить в не выходной день. Это было прекрасно. Это было… это была…

Преданность!

- Брат мой, - рыдал он в ухо Мастеру.

Тот отстранил его и взглянул торжественно.

- Мы с тобой агенты Господа - теперь единственные в мире, если не считать того сухореброго пророка, который сидит возле него, скажи «аминь».

23

Джеки нашла Эрни Келверта позади его дома, он работал в саду, вырывал сорняки. Вопреки тому, что она говорила Пайпер, ей было страшновато обращаться к нему, но что-то долго объяснять ей не понадобилось. Он сам схватил ее за плечи на удивление крепкими, как для такого приземистого человечка, руками. Глаза у него сияли.

- Слава Богу, хоть кто-то понимает, к чему ведет этот шут гороховый! - он убрал руки. - Извините, я испачкал вам блузу.

- Да ничего.

- Он опасен, офицер Веттингтон. Вы же это и сами понимаете, не так ли?

- Да.

- И хитер. Он подстроил эту передрягу за еду, как террористы подкладывают бомбы.

- У меня тоже нет в этом сомнений.

- Но он вместе с тем и тупой. Хитрый и тупой - это ужасная комбинация. Такой может убедить людей идти за ним, понимаете. Аж до самого ада. Вспомните о том мальчике, Джиме Джонсе[372], помните такого?

- Конечно, это тот, что подговорил своих последователей отравиться. Вы придете на встречу?

- Обязательно. И рот буду держать на замке, разве что вы не против, что бы я поговорил с Лиссой Джеймисон, так-вот. Я бы с удовольствием это сделал.

Прежде чем Джеки успела ответить, зазвонил ее телефон. Личный, потому что тот, что ей когда-то выдали в полиции, она возвратила назад вместе со значком и пистолетом.

- Алло, Джеки слушает.

- Mihi portatoe vuleratos, сержант Веттингтон, - произнес незнакомый голос.

Это был лозунг ее бывшего подразделения в Вюрцбурге: «Доставляйте нам ваших раненых». И Джеки, даже не задумываясь, ответила:

- На носилках, на костылях или в мешках, мы их соберем вместе в живую цепь. Кто это к черту звонит по телефону?

- Полковник Джеймс Кокс, сержант.

Джеки убрала телефонную трубку подальше от губ:

- Извините, на минуточку, Эрни?

Тот кивнул и пошел вглубь своего сада. Джеки побрела в конец двора, под забор из жердей.

- Чем я могу вам помочь, полковник? И безопасная ли эта линия?

- Сержант, если этот ваш Ренни способен перехватывать сотовые звонки из-за Купола, мы живем в неправедном мире.

- Он не мой.

- Приятно слышать.

- И я уже не служу в армии. Шестьдесят седьмой сейчас даже не видится в моем зеркальце заднего вида, сэр.

- Ну, я бы не сказал, что это совсем правда, сержант. По приказу Президента Соединенных Штатов вы вновь зачислены на службу. Рад вас поздравить.

- Сэр, я даже не знаю, или мне вас поблагодарить, или со всей искренностью послать на хер.

Кокс рассмеялся, однако не очень весело.

- Джек Ричер передает вам привет.

- Это у него вы добыли мой номер?

- И номер, и рекомендации. Рекомендация Ричера дорого стоит. Вы спрашивали, чем можете мне помочь. Ответа будет два и оба коротких. Первое: вытянуть Дейла Барбару из того дерьма, в котором он оказался. Или, может, вы считаете, что те обвинения против него корректны?

- Нет, сэр, я уверена, что нет. Скажем так, мы считаем. Нас здесь таких несколько.

- Хорошо. Это очень хорошо, - в его голосе прозвучало явное облегчение. - И номер второй: вы можете сбить этого ублюдка Ренни с его насеста.

- Эта задача скорее подошла бы самому Барби. А вы… вы полностью уверены, что эта линия безопасная?

- Уверен.

- Если у нас получится его освободить оттуда.

- Вы уже этим занимаетесь, не так ли?

- Да, сэр, похоже на то.

- Прекрасно. Сколько людей в коричневых рубашках уже имеет Ренни?

- Сейчас около тридцати, но еще набирает. И здесь, в Милле, штурмовики ходят в голубых рубашках, но я поняла ваш намек. Не недооценивайте его, полковник. Большинство города сидит в его кармане. Мы попробуем вытянуть Барби, и вам остается лишь надеяться, что у нас это получится, потому что сама я мало что могу противопоставить Ренни. Свержение диктатора без внешней помощи миль на шесть превышает мой уровень зарплаты. И, к вашему сведению, моя служба в департаменте полиции Честер Милла тоже подошла к концу. Ренни дал мне под зад.

- Не прекращайте меня информировать, когда и где только будете иметь возможность. Выдерните оттуда Барбару, и пусть он возглавит действия вашего движения сопротивления. Увидим тогда, кто, наконец-то, получит под зад.

- Сэр, вам, вероятно, хотелось бы самому быть здесь, рядом с нами?

- Всей душой. - Это было проронено без следа нерешительности. - Не прошло бы и полусуток, как я раздавил бы этого сукиного сына со всей его сральней так, что чавкнуло.

Джеки в отношении этого имела сомнения; здесь, под Куполом все выглядело иначе. Внешним наблюдателям этого не понять. Даже время двигалось иначе. Пять дней тому назад все было нормальным. А сейчас стоит лишь взглянуть.

- И вот еще кое-что, - сказал полковник Кокс. - Найдите время среди вашего напряженного графика, чтобы посмотреть телевизор. Мы здесь собираемся серьезно постараться, чтобы жизнь Ренни не казалась такой комфортной.

Джеки простилась и прервала связь. Пошла назад в сад, где работал Эрни.

- Генератор есть? - спросила она.

- Сдох прошлой ночью, - ответил он бодро, но с искренней горечью в голосе.

- Давайте тогда пойдем куда-то, где работает телевизор. Мой друг сказал, что нам надо посмотреть новости.

Они направились к «Розе-Шиповнику». Встретили по дороге Джулию Шамвей и прихватили ее с собой.

СЛОМЛЕННЫЕ

1

«Шиповник» был закрыт до пяти вечера, в настоящее время Рози планировала подавать легкие закуски, большей частью из того, что у нее не распродалось перед этим. Поглядывая на телевизор над баром, она делала картофельный салат, когда послышался стук в двери. Пришли Джеки Веттингтон, Эрни Келверт и Джулия Шамвей. Вытирая руки о фартук, Рози пересекла пустой ресторан и открыла двери. По пятам Джулии чимчиковал пес-корги Горес, уши навострены, улыбка дружеская. Рози удостоверилась, что табличка ЗАКРЫТО на своем месте, и вновь заперла двери за ними.

- Благодарю, - произнесла Джулия.

- Не за что, - ответила Рози. - Я вас сама хотела видеть.

- Мы пришли ради этого, - показала Джеки на телевизор. - Я была у Эрни, а Джулию мы встретили по дороге сюда. Она сидела напротив пепелища, горевала о своем доме.

- Я не горевала, - возразила Джулия. - Мы с Горесом старались придумать, как нам восстановить выпуск газеты после городского собрания. Она должна быть маленькой, несомненно, лишь две страницы, но все равно это будет газета. Я в это всем своим сердцем верю.

Рози вновь взглянула на экран телевизора. Там миловидная молодая женщина провозглашала анонс к прямому репортажу. Внизу экрана светилась надпись: СЕГОДНЯ: С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ Эй-Би-Си. Вдруг прозвучал взрыв и в небе расцвел огненный шар. Репортерша вздрогнула, вскрикнула, крутнулась на месте. В следующий миг оператор уже выпустил ее из кадра, делая наплыв на падающие на землю обломки лайнера «Эйр Айрленд».

- Там нет ничего нового, только и делают, что повторяют кадры авиакатастрофы, - сказала Рози. - Если вы не видели этого раньше, смотрите, пожалуйста. Джеки, я виделась с Барби

сегодня, понесла ему пару сэндвичей, и меня пустили в подвал, туда, где камеры. Мэл Ширлз был мне гидом.

- Посчастливилось вам, - сказала Джулия. - Как он там, в порядке?

- Он выглядит, как гнев Господний, но, как по мне, то совсем не плохо. Он сказал… Джеки, может, мне лучше поговорить с тобой один на один.

- Что бы там ни было, мне кажется, вы можете говорить обо всем при Эрни и Джулии.

Рози задумалась, однако ненадолго. Если не доверять Эрни Келверту и Джулии Шамвей, то больше вообще никому нельзя.

- Он сказал, что мне надо поболтать с тобой. Представил это так, словно между нами была какая-то ссора и мне нужно помириться с тобой. Он приказал передать тебе, что я достойный человек.

Джеки обернулась к Эрни с Джулией. Рози показалось, что между ними состоялся обмен вопросами и ответами.

- Если Барби так говорит, значит, так оно и есть, - произнесла Джеки, а Эрни утвердительно кивнул. - Дорогуша, у нас сегодня вечером будет встреча. В пасторате Конго. Это своего рода тайная встреча…

- Не своего рода, а действительно тайная, - уточнила Джулия. - И, принимая во внимание то, как развиваются сейчас события в городе, эту тайну лучше не разглашать.

- Если речь там будет идти о том, о чем я думаю, я с вами, - а дальше Рози понизила голос. - Я, но не Энсон. Он нацепил на себе эту проклятую повязку.

И как раз в этот миг на телеэкране появился логотип Си-Эн-Эн СВЕЖИЕ НОВОСТИ в сопровождении катастрофически раздражающей минорной музыки, которая теперь служила на этом канале аккомпанементом для каждого их сообщения о Куполе. Рози ожидала, что появятся или Андерсон Купер, или ее любимец Вульфи - оба теперь базировались в Касл Роке, - но вместо этого показали Барбару Старр, постоянную корреспондентку канала в Пентагоне. Она стояла перед лагерем из палаток и трейлеров, который служил передовой армейской базой в Харлоу.

- Дон, Кайра[373]… полковник Джеймс О. Кокс, ключевая фигура Пентагона с того момента, как мы узнали о беспрецедентном явлении, которое теперь известное под названием Купол, собирается выступить перед печатью - это будет всего второе его публичное появление после того, как начался этот кризис. Об этом было сообщено печати каких-то пару минут тому назад, и, конечно же, эта новость наэлектризовала десятки тысяч американцев, чьи родные и близкие оказались в осажденном городке Честер Милл. Нам сказали… - она услышала какое-то сообщение в своем наушнике. - А вот уже и Джеймс Кокс.

Четверка в ресторане уселась на стульях перед барной стойкой, смотря, как кадр сменился другим - изображением интерьера большой палатки. Человек сорок журналистов сидели там, на складных стульях, а еще больше их стояло позади. Пока что они переговаривались между собой. В одном конце палатки была установлена временная сцена. На ней, между американских флагов, стояла облепленная микрофонами трибуна. Позади ее висел белый экран.

- Довольно профессионально, как для импровизированной акции, - заметил Эрни.

- О, я думаю, к этому готовились, - сказала Джеки. Она припомнила свой разговор с Коксом. «Мы здесь собираемся серьезно постараться, чтобы жизнь Ренни не казалась такой комфортной», - предупреждал он.

С левой стороны в палатке открылась завеса и низенький, спортивного вида мужчина с седеющими волосами быстро сошел на импровизированную сцену. Никто не догадался приставить к ней пару ступенек или хоть какой-то ящик, чтобы можно было по ходу на него вступить, но это не оказалось проблемой для тренированного докладчика; он легко туда заскочил, даже не сбив шаг. Одетый он был в простую полевую форму-хаки. Если он и имел какие-то награды, на это ничего не намекало. Ничего не было на его рубашке, кроме ленты со словами «полк. Дж. Кокс». Никаких заметок при себе он тоже не имел. Журналисты моментально притихли, и Кокс подарил им легкую улыбку.

- Этот парень наверно уже проводил не одну пресс-конференцию, - заметила Джулия. - Он выглядит хорошо.

- Тише, Джулия, - цыкнула Рози.

- Леди и джентльмены, благодарю вас за то, что пришли, - начал Кокс. - Моя речь не займет много времени, а потом я отвечу на несколько вопросов. Ситуация касающаяся Честер Милла и того, что мы теперь называем Куполом, выглядит такой же, как и раньше: город остается заблокированным, мы до сих пор не имеем представления, что послужило причиной такой ситуации или что ее поддерживает, и также мы пока что не имеем успеха в преодолении этого барьера. Конечно, если бы мы с этим управились, вы бы об этом знали. Наилучшие научные работники Америки - наилучшие умы мира - занимаются этой проблемой, и мы рассматриваем огромное количество вариантов. Не спрашивайте меня о деталях, потому что сейчас ответов вы не получите.

Журналисты недовольно загудели. Кокс им не мешал. Под ним высветились титры Си-Эн-Эн: НЕТ ОТВЕТОВ СЕЙЧАС. Когда бормотание стихло, Кокс продолжил.

- Как вам известно, мы установили вокруг Купола запретную зону, сначала радиусом в милю, которая была расширена до двух миль в воскресенье и четырех во вторник. Для этого существует несколько причин, самая важная из них та, что Купол представляет опасность для людей с имплантатами, например с сердечными стимуляторами. Вторая причина состоит в том, что мы опасались, что поле, которое поддерживает Купол, может иметь какое-то другое, менее заметное, негативное влияние на человека.

- Не радиацию ли вы имеете в виду, господин полковник? - спросил кто-то.

Кокс посмотрел на того ледяным глазом, и, решив спустя некоторое время, что журналист наказан достаточно (на радость Рози, это был не Вульфи, а тот полулысый, пустопорожний болтун[374] из «Фокс-Ньюс»), он продолжил:

- Теперь мы считаем, что опасности нет, по крайней мере, на данное время, и потому определили пятницу, двадцать седьмое октября, то есть послезавтра, днем свиданий возле Купола.

Реакцией на это стал град вопросов. Кокс ждал, пока она сойдет на нет, и когда аудитория немного успокоилась, он достал с полки под трибуной пульт и нажал кнопку. На белом экране вынырнул снимок высокого разрешения (на взгляд Джулии, он едва ли был просто загружен с

Google Earth[375]). На снимке было видно Честер Милл и оба соседних города от него на юг - Моттон и Касл Рок. Кокс положил пульт и взял лазерную указку.

Внизу телевизионного экрана уже появились титры: НА ПЯТНИЦУ НАЗНАЧЕН ДЕНЬ СВИДАНИЙ ВОЗЛЕ КУПОЛА. Джулия улыбнулась. У Кокса получилось застать корректора титров Си-Эн-Эн неожиданно…

- Мы считаем, что сможем принять и разместить двенадцать сотен визитеров, - решительно произнес Кокс. - Это число ограничено близкими родственниками, по крайней мере, на этот раз… хотя мы все надеемся и молимся, чтобы следующего раза никогда не случилось. Место сбора будет здесь, на ярмарочном поле Касл Рока, и здесь, на треке Оксфорд-Плейнз, - отметил указкой он обе локации. - Мы подадим две дюжины автобусов, по двенадцать на каждое место сбора. Их нам предоставляют шесть соседних школьных округов, которые, помогая нам в наших усилиях, на этот день отменяют занятия, и мы высказываем им большую за это благодарность. Двадцать пятый автобус будет подан к магазину «Наживка и оружие» в Моттоне для прессы. - И дальше сухо: - Поскольку это заведение также является лицензированным местом продажи алкоголя, я уверен, большинство из вас его хорошо знают. В этом путешествии будет также разрешено принять участие одной, я повторяю - одной, машине для видеофиксации события. Вы сами организуете репортерский пул, леди и джентльмены, компания, которая будет транслировать событие, будет выбрана лотерейным розыгрышем.

В ответ на это послышался общий стон, однако, лучше чем раньше, скорее рефлекторный.

- В автобусе для прессы сорок восемь мест, хотя очевидно, что здесь присутствуют сотни представителей медиа со всего мира…

- Тысячи! - прокричал какой-то седовласый молодчик, чем вызвал общий смех.

- Смотрите-ка, я счастлив, что хоть кому-то радостно, - горько произнес Эрни Келверт.

Кокс позволил себе улыбку.

- Уточняю, мистер Грегори[376]. Места в автобусе будет распределено между разными информационными организациями: телеканалами, агентствами «Рейтерс», «Тасс», «Эй-Пи» и т.п.… и от самих этих организаций будет зависеть, кого они выберут своими представителями.

- Лучше бы был Вульфи с Си-Эн-Эн, вот и все, что я здесь могу сказать, - объявила Рози.

Журналисты возбужденно забормотали,

- Если позволите, я продолжу? - спросил Кокс. - А тем из вас, которые сейчас рассылают текстовые сообщения, советую прекратить.

- Ого, мне нравится его напористость, - сказала Джеки.

- Господа, надеюсь, вы вспомните, что центральными фигурами этого события являетесь не вы? Разве вы бы вели себя таким образом, если бы здесь речь шла о людях, которых засыпало в шахте, или тех, которые попали в ловушку под домом, разрушенным в результате землетрясения?

После этих его слов упала тишина того типа, который парализует четвероклассников, когда у их учителя, наконец-то заканчивается терпение. Он действительно имеет напор, подумала

Джулия, и на миг ей всей душой захотелось, чтобы Кокс был сейчас здесь, под Куполом, и взял власть в свои руки. Но, конечно же, если бы свиньи имели крылья, сало сыпалось бы с неба.

- Ваша работа, леди и джентльмены, имеет два направления: помочь нам распространить это сообщение и обеспечить, чтобы в день свиданий возле Купола все происходило по возможности более деликатно.

Титры Си-Эн-Эн объявили: ПРЕССА БУДЕТ ПОМОГАТЬ УЧАСТНИКАМ ДНЯ СВИДАНИЙ В ПЯТНИЦУ.

- Последнее, чего бы нам хотелось, это внезапного массового наплыва в Западный Мэн родственников со всей страны. У нас и так здесь, вокруг, уже собралось около десяти тысяч родных тех, кто оказался в ловушке под Куполом. Отели, мотели и кемпинги переполнены, едва ли не разрываются. Мое послание родственникам из других регионов страны такое: «Если вы еще не здесь, не приезжайте». Вам не только не будет предоставлен пропуск для участия в дне свиданий, вас остановят и возвратят назад на пропускных пунктах здесь, здесь, здесь и тут. - Он высветил указкой Льюистон, Оберн, Норт-Уиндем и Конвей в Нью-Хэмпшире.

- Родственники, которые уже находятся рядом, должны обратиться к офицерам-регистраторам, которые уже находятся на ярмарочном поле и Спидвей-Треке. Если вы думаете, что можете в эту же секунду вскочить в свою машину и примчать, не надейтесь. Это не «Белая распродажа» у Филена[377], итак даже если кто-то окажется первым в очереди, ему это еще ничего не гарантирует. Посетители будут выбираться по лотерее, и для участия в ней нужно зарегистрироваться. Кандидатам на свидание нужны будут идентификационные карточки с двумя фотографиями. Мы будем стараться отдавать преимущество тем, кто имеет двух или больше родственников в Милле, но никаких гарантий предоставить не можем. И, предупреждаю, те из вас, кто появится на посадку в автобус в пятницу без пропуска или с фальшивым пропуском - другими словами, если кто-то будет создавать препятствия нашей операции - окажутся в тюрьме. Не старайтесь проверить на себе серьезность моих слов.

- Посадка утром в пятницу начнется в восемь часов ровно. Если все будет идти гладко, вы будете иметь, по крайней мере, четыре часа общения с вашими близкими, а может, и больше. Будете создавать помехи, значит, время свидания будет сокращено для всех. Автобусы будут отправляться от Купола в семнадцать ноль-ноль.

- В каком самом месте будет происходить свидание? - спросила какая-то женщина.

- Я как раз приблизился к этому, Эндрия[378].

Кокс взял пульт и увеличил картинку, сфокусировавшись на шоссе 119. Джеки хорошо запомнила эту местность; именно там она чуть не сломала себе нос о Купол. Она узнала крыши фермы Динсмора, хозяйского дома, сараев и коровников.

- На Моттонской стороне Купола есть базарчик, - показал Кокс указкой. - Автобусы станут там. Посетители высадятся и пройдут к Куполу пешком. По сторонам дороги свободные поля, там достаточно места, где люди смогут пообщаться. Все остатки аварии оттуда уже убраны.

- Будет ли разрешено посетителям подходить к Куполу вплотную? - спросил кто-то из репортеров.

Кокс еще раз посмотрел прямо в камеру, обращаясь к потенциальным посетителям. Рози могла себе представить, какие сейчас надежды и страхи чувствуют те люди, которые смотрят телевизор в мотелях и барах, слушают эту передачу по радио в своих машинах. Она сама их

сейчас ощущала.

- Посетителям будет разрешено стоять на расстоянии два ярда от Купола, - сказал Кокс. - Мы считаем такую дистанцию безопасной, хотя гарантий предоставить не можем. Это не сертифицированная специалистами по безопасности поездка на скоростных горках в парке развлечений. Люди с электронными имплантатами должны воздержаться от посещения. Здесь каждый отвечает за себя сам, мы не в состоянии проверить каждую грудь на присутствие там шрамов от операций на сердце. Посетители также оставят все электронные приборы, включая «Ай-Поды», сотовые телефоны, «Блэкберри» и тому подобные дивайсы в автобусах. Репортеры с камерами и микрофонами должны держаться подальше. Ближнее пространство только для посетителей, то, что будет происходить между ними и их родными, касается только их и больше никого. Граждане, все у нас получится, если вы поможете нам, чтобы оно получилось. Если позволите, я выскажусь фразой из «Стар Трека»: «Помогите нам сделать это надлежащим образом». - Он положил указку. - Теперь я готов ответить на несколько вопросов. Всего несколько. Мистер Блицер.

Лицо Рози расцвело. Она подняла чашку со свеженалитым кофе и подняла ее к экрану телевизора.

- Хорошо выглядишь, Вульфи! Я бы не выгнала тебя из моей кровати, даже если бы ты в нем печенье ел.

- Полковник Кокс, существуют ли какие-то планы на проведение пресс-конференции при участии официальных лиц города? Насколько нам понятно, настоящим руководителем там сейчас второй выборный Ренни. Что делается по этому поводу?

- Мы прилагаем наши усилия, чтобы пресс-конференция состоялась при участии выборного Ренни и кого-нибудь из других официальных лиц города, которые могут присутствовать. Она состоится в полдень, если все будет идти согласно запланированного нами графика.

Прозвучал спонтанный шквал аплодисментов от журналистов, которые приветствовали эту новость. Больше всего им нравятся пресс-конференции, по любопытству они занимают второе место после вылавливания высокооплачиваемых бюрократов в кровати с высокооплачиваемыми проститутками.

Кокс кивнул.

- В идеале, конференция будет происходить прямо там, на шоссе, представители города, кто бы они не были, на их стороне, а вы, леди и джентльмены, на этой.

Взволнованная болтовня. Им понравились визуальные возможности.

Кокс показал пальцем: «Мистер Голт».

Лестер Голт из Эн-Би-Си вскочил на ноги.

- Насколько вы уверены в том, что мистер Ренни примет участие в конференции? Я спрашиваю, потому что есть сведения о том, что с его стороны были допущены финансовые нарушения, а также о том, что в отношении него проводится какое-то криминальное расследование генеральным прокурором штата.

- Я знаю об этих сведениях, - ответил Кокс. - Но я не готов их сейчас комментировать, хотя сам мистер Ренни, возможно, может что-то рассказать по этому поводу. - Он замолчал, чуть ли не

улыбаясь, и тогда завершил: - Я искренне этого хотел бы.

- Рита Брейвер, полковник Кокс, Си-Би-Эс. Правда ли то, что Дейл Барбара, человек, которого вы продвигали на должность чрезвычайного руководителя Честер Милла, арестован за убийство? Что полиция Честер Милла фактически считает его серийным убийцей?

Среди прессы упавшая полная тишина; одни лишь внимательные глаза. Такой же выражение лиц имели те четверо, которые сидели перед телевизором в «Розе-Шиповнике».

- Правда, - ответил Кокс. Его непосредственная репортерская аудитория отреагировала приглушенным бормотанием. - Однако мы не имеем возможности проверить обвинение или доказательства обвинения, если такие существуют. Что мы имеем, так только те самые телефонные сообщения и интернет-болтовню в чатах, которая и вам, леди и джентльмены, несомненно, известна. Дейл Барбара отмеченный наградами офицер. Никогда ни за что не арестовывался. Я знаю его много лет и ручался за него перед Президентом Соединенных Штатов. На основании того, что мне известно на данное время, не вижу причин говорить, словно я сделал ошибку.

- Рей Суарес, полковник, Пи-Би-Эс. Считаете ли вы, что обвинение, выдвинутые лейтенанту Барбаре (теперь полковник Барбара), могут быть по политическим мотивам? Что Джеймс Ренни мог подвергнуть его заключению, чтобы отстранить от принятия им на себя управления, как это было приказано ему Президентом?

«Это-то и есть то, ради чего была устроена другая часть этого агитационного цирка, - поняла Джулия. - Кокс превратил новостные медиа в «Голос Америки»,[379]а мы, словно те люди за Берлинской стеной».

Она находилась в полнейшем восторге.

- Если вам посчастливится в пятницу увидеть выборного Ренни, мистер Суарес, не забудьте задать этот вопрос непосредственно ему. - Голос Кокса звучал бесстыдно спокойно. - Леди и джентльмены, это все, что я хотел вам сегодня сообщить.

Быстро, как и зашел перед тем, он двинулся прочь, репортеры не успели даже начать выкрикивать новые вопросы, как он уже исчез.

- Вот это да, - пробурчал Эрни.

- Эй, - откликнулась Джеки.

Рози выключила телевизор. Она вся светилась энергией.

- В котором часу эта встреча? Мне нечего добавить к тому, что наговорил полковник Кокс, но после этого выступления жизнь у Барби может значительно ухудшиться.

2

Барби узнал о данной Коксом пресс-конференции после того, как в подвал спустился Мануэль Ортэга и сообщил ему эту новость. Ортэга, в недалеком прошлом наемный рабочий Динсмора, щеголял теперь жестяным значком - похоже, что самодельным, - пришпиленным к его синей рабочей рубашке, и револьвером 45-го калибра, который висел у него на дополнительном ремне, спущенным на бедра в стиле какого-то крутого стрелка из вестерна. Барби знал его как

размеренного человека с редеющими волосами и всегда загоревшей кожей, который любил заказывать себе завтрак размером как обед: блины, бекон, поджаренную с обеих сторон яичницу - и говорил большей частью о коровах, его любимой породой были «опоясанные Хелловеи»[380], подбить на покупку которых ему никак не удавалось мистера Динсмора. Вопреки фамилии, он был янки до мозга своих костей и имел присущее невозмутимому янки хорошее чувство юмора. Барби он всегда нравился. Но теперь это был другой Мануэль, чужой человек, чье хорошее чувство юмора выгорело дотла. Принеся новости о последних событиях, он большинство этих новостей прокричал через решетку, не экономя на брызгах слюны. Лицо его пылало какой-то чуть ли не радиоактивной злостью.

- И ни слова о том, что у бедной девочки в руке нашли твои армейские жетоны, ни одного, сука, об этом слова не сказал! А вместо того этот сука-брезент-голенище нападает на Джима Ренни, который своими силами сплачивает наш город вместе, с тех пор, как все это началось! Один-одинешенек! КНУТОМ и ДОБРЫМ СЛОВОМ!

- Не кипятись так, Мануэль, - произнес Барби.

- Для тебя, мазефакер, я офицер Ортэга!

- Прекрасно. Офицер Ортэга. - Барби сидел на топчане, думая, легко ли будет Ортэге расстегнуть кобуру с его античным «Шеффилдом»[381]и начать здесь стрельбу. - Я здесь, Ренни там, на свободе. И, я уверен, он считает, что все идет прекрасно.

- ЗАТКНИСЬ! - прокричал Мануэль. - Мы все здесь! Все под этим долбаным Куполом! Алден ничего не делает, только пьет, а миссис Динсмор без остановки плачет за Рори. Джек Эванс выстрелил себе в голову, ты знаешь, что он высадил себе мозг? А те армейские блевотники снаружи не могут придумать ничего лучшего, чем закидывать сюда дерьмо. Многовато вранья и сфабрикованных фактов, тогда как именно ты спровоцировал передрягу в супермаркете и сжег газету. Наверняка, чтобы мисс Шамвей не напечатала, КТО ТЫ ЕСТЬ НА САМОМ ДЕЛЕ!

Барби молчал. Одно-единственное слово, пророниенное им в свою защиту, опасался он, вероятно, гарантирует ему смертельный выстрел.

- Так они и позорят каждого политика, который им не нравится, - продолжал Мануэль. - Им больше по душе серийный убийца и насильник - тот, который насилует мертвых! - при власти, чем христианин? Таков новый порядок.

Мануэль извлек револьвер, продвинул дуло сквозь решетку и прицелился. Дырочка на конце дула показалась Барби большой, словно вход в какой-то туннель.

- Если Купол упадет раньше, чем тебя поставят к ближайшей стенке и провентилируют, - гнул своё Мануэль, - я найду минутку, чтобы самому сделать эту работу. Я первый в очереди, а сейчас очередь в Милле из тех, кто желает с тобой покончить, очень длинная.

Барби молчал, ожидая, что дальше: смерть или новый вдох и выдох? Сэндвичи Рози Твичел старались все вместе віползти ему в горло и задушить.

- Мы здесь стараемся выжить, а все, что они делают, это поливают грязью человека, который удерживает этот город от хаоса. - Вдруг он вструмил свой огромный револьвер назад в кобуру. - Хер с тобой. Не достоин ты этого.

Развернувшись, Мануэль направился по коридору назад к ступенькам, голова опущенная, плечи склонены.

Барби оперся об стену и выдохнул. Пот собрался у него на лбу. Рука, которую он поднял, чтобы его вытереть, дрожала.

3

Когда фургон Ромео Бэрпи вернулся на подъездную аллею усадьбы Макклечи, ему навстречу выбежала Клэр. Она рыдала.

- Мама! - закричал Джо, выскакивая из фургона раньше, чем Ромми успел его остановить. Вслед за ним во двор посыпались и другие. - Мама, что случилось?

- Ничего, - проливала слезы Клэр, хватая его в объятия. - У нас здесь будет день свиданий! В пятницу! Джой, возможно, мы сможем увидеться с твоим папой.

Джо выдал триумфальный вопль и затанцевал вокруг матери. Бэнни обнял Норри… и тут же воспользовался возможностью втайне ее поцеловать, как заметил Расти. Прыткий чертенок.

- Подбросьте меня к госпиталю, Ромми, - попросил Расти. Пока Ромми сдавал назад по аллее, Расти успел помахать детям рукой. Он радовался, что у него получилось убраться от миссис Макклечи без того, чтобы иметь с ней беседу; Материнский взгляд может действовать на фельдшеров не хуже, чем на детей. - И не могли бы вы оказать мне милость и говорить по-английски, вместо этого комиксового парле, которое вы практикуете?

- Кое-кто не имеет никакого культурного наследия, на которое мог бы опираться, - ответил Ромми, - и таким образом завидует тем, кто его имеет.

- А ваша мать, конечно же, ходит в калошах, - прокинул Расти.

- Гозумеется да, но только в дождь ходит она.

У Расти один раз прозвонил телефон: текстовое сообщение. Он открыл его и прочитал: ВСТРЕЧА В 21:30 ПАСТОРАТ КОНГО ПРИХОДИ ИЛИ СМИРИСЬ Дж. В.

- Ромми, - произнес он, закрывая телефон. - Если мне посчастливится пережить обоих Ренни, вы не желаете сегодня вечером посетить со мной одну встречу?

4

Джинни встретила его в фойе больницы.

- Сегодня в «Кэти Рассел» День Ренни, - объявила она с таким видом, что, казалось, ей это дарит удовлетворение. - Обоих их пришлось осматривать Терси Маршаллу, этого человека нам послал Бог. Он не скрывает своей ненависти к Джуниору - это он вместе с Фрэнки побил и унизил Маршалла на озере, - но действует он вполне профессионально. Этот парень просиживает штаны на английском факультете в каком-то колледже, а должен был бы заниматься медициной, - она понизила голос. - Он работает лучше меня. И намного лучше Твича.

- Где он сейчас?

- Пошел туда, где сейчас живет, увидеться со своей подружкой и детками, которых они опекают. Похоже на то, что с детьми он также ведет себя вполне прекрасно.

- О Боже правый, Джинни влюбилась, - засмеялся Расти.

- Не веди себя, как какой-то малолетка, - кинула она на него взгляд.

- В каких палатах разместили Ренни?

- Джуниор в седьмой, старший в девятнадцатой. Старший прибыл с тем парнем, Тибодо, но вынужден был уже послать его куда-то с поручениями, потому что только что лично ходил посмотреть, как там его сын, - она цинично улыбнулась. - У сына он недолго пробыл. В основном болтал по своему мобильнику. Его мальчик теперь просто сидит, хотя уже пришел в сознание. А когда Генри Моррисон его к нам привез, он был совсем потерянным.

- У Большого Джима аритмия? Какого уровня?

- Терстон ее успокоил.

«На пока что, - подумал Расти, не без удовольствия. - Когда закончится действие валиума, он вновь запаникует на полную силу».

- Сходи, осмотри в первую очередь сына, - сказала Джинни. В фойе они стояли одни, но она говорила тем же тихим голосом. - Он мне не нравится, никогда он мне не нравился, но сейчас мне его жаль. Не думаю, чтобы ему осталось много времени.

- А Терстон говорил что-то Ренни о состоянии Джуниора?

- Да. Что проблема у него потенциально серьезная. Но, очевидно, не настолько серьезная, как все те звонки, которые старший делал в это время. Наверняка, кто-то ему сообщил о дне свиданий в пятницу. А Ренни и распсиховался.

Расти вспомнил коробочку на Черной Гряде, просто тоненький прямоугольник, площадью едва ли пятьдесят квадратных дюймов, и все-таки он не смог ее поднять. Даже сдвинуть с места не смог. И еще ему припомнились те хохочущие кожеголовые, которых он также там видел.

- Есть люди, которые неодобрительно относятся к свиданиям.

5

- Как ты чувствуешь себя, Джуниор?

- О'кей. Лучше, - голос у него звучал бесцветно. Одетый в госпитальные кальсоны, он сидел возле окна. Безжалостный свет бил ему в измученное лицо. Он выглядел обессиленной жизнью сорокалетним дядей.

- Расскажи мне, что случилось, прежде чем ты потерял сознание.

- Я шел в школу, но вместо этого пошел к дому Энджи. Я хотел ей сказать, чтобы помирилась с Фрэнком. Он запал в крутой депрессняк.

Расти подумал, может, ему спросить, знает ли Джуниор, что и Фрэнк, и Энджи мертвы, однако потом решил, что не следует - какой смысл? Вместо єтого он спросил:

- Ты шел в школу? А что насчет Купола?

- О, точно, - тот же самый бесцветный, безэмоциональный голос. - Я о нем совсем забыл.

- Сколько тебе лет, сынок?

- Двадцать… один?

- Как звали твою мать?

Джуниор на это задумался.

- Джейсон Джиамби[382], - наконец произнес он, а затем пронзительно рассмеялся.

Но апатическое, безэмоциональное выражение на его лице нисколечко не изменилось.

- Когда опустился Купол?

- В субботу.

- А сколько дней тому назад это было?

Джуниор насупился.

- Неделя? - наконец произнес он. - Две недели? Он уже как-то долго стоит, это точно. - Наконец он обратился к Расти. Глаза у него сияли благодаря валиуму, который ему вколол Терстон Маршалл. - Это тебя Бааарби подговорил задать все эти вопросы? Он их поубивал, ты это знаешь? - Он кивнул. - Мы нашли его марийские погоны. - И после паузы: - Армейские жетоны.

- Барби меня ни на что не подговаривал, - сказал Расти. - Он в тюрьме.

- А очень скоро он окажется еще и в аду, - произнес Джуниор с равнодушной отстраненностью. - Мы его осудим и казним. Так сказал мой отец. В Мэне нет смертной казни, но он говорит, сейчас у нас военное положение. В яичном салате многовато калорий.

- Это точно, - кивнул Расти. Он принес с собой стетоскоп, аппарат для измерения кровяного давления и офтальмоскоп. Теперь он обматывал манжету вокруг руки Джуниора. - Ты можешь назвать по порядку трех последних президентов, Джуниор?

- Конечно. Буш, Туш и Пунш, - он дико захохотал, но так же без изменения выражения на лице.

Давление у него было 147 на 120. Расти был готов к худшему.

- Ты помнишь, кто приходил к тебе передо мною?

- Эй. Тот старикан, которого мы с Фрэнки нашли на озере как раз прежде чем найти ребятишек. Я надеюсь, эти дети сейчас в порядке. Они были такие симпотные.

- Ты помнишь их имена?

- Эйден и Алиса Эпплтон. Мы ходили в клуб, и та рыжая девка подрочила мне под столом. Думала, если будет так ублажать меня, то не надоест. - Пауза. - Проехали.

- Ага, - кивал Расти, настраивая офтальмоскоп.

Правый глаз Джуниора был в норме. Оптический диск левого глаза был набухшим, в том

состоянии, которое носит название папиледема. Обычный синдром прогрессирующих опухолей в мозге и отеков, которые их сопровождают.

- Считаешь меня простаком-деревенщиной?

- Нисколько. - Расти отложил офтальмоскоп и поднял перед лицом Джуниора указательный палец. - Я хочу, чтобы ты дотронулся своим пальцем до моего. А потом дотронулся до своего носа.

Джуниор это выполнил. Расти начал медленно водить пальцем вперед и назад.

- Продолжай.

У Джуниора получилось движущимся пальцем коснуться своего носа только один раз. Потом он попал в палец, но себе дотронулся до щеки. На третий раз он и в палец не попал и дотронулся до своей брови.

- Оба-на. Хочешь еще? Я могу это делать целый день, знаешь ли.

Расти отодвинул свой стул и встал.

- Я пришлю к тебе Джинни Томлинсон с назначениями.

- А после того, как я их получу, могу я уже пойти момой? Домой, то есть.

- Останешься ночевать у нас, Джуниор. Надо за тобой понаблюдать.

- Но я же в порядке, разве нет? У меня вновь болела голова перед этим… то есть ужасно болела… но все уже прошло. Я же в порядке, правда?

- Сейчас я тебе ничего еще не могу сказать, - ответил Расти. - Мне надо поговорить с Терстоном Маршаллом и просмотреть кое-какие книги.

- Чувак, тот мужик никакой не доктор. Он преподаватель английского.

- Может, и так, но тебе он все сделал надлежащим образом. Лучше, чем вы ему с Фрэнком, насколько мне известно.

- Да мы просто немного поиграли, - махнул небрежно рукой Джуниор. - Кроме того, для тех детей мы все сделали хорошо, разве нет?

- Тут я тебе не могу возразить. А теперь, Джуниор, просто расслабься, отдыхай. Почему бы тебе не посмотреть немного телевизор?

Джуниор подумал-подумал и спросил:

- А что на ужин?

6

При данных обстоятельствах единственное, что Расти мог придумать для уменьшения отека в том, во что превратился мозг Джуниора, были инъекции манитола. Он извлек из дверей карточку и увидел прицепленную к ней написанную незнакомым петлястым почерком записку:

mir-knigi.org

Дорогой д-р Эверетт. Что относительно манитола для этого пациента? Я не могу прописывать, не имею понятия о правильном количестве.

Терси.

Расти дописал внизу нужную дозу. Джинни права: Терстон Маршалл ценное приобретение.

7

Двери в палату Большого Джима были приоткрыты, но комната стояла пустой. Его голос доносился из любимой дремальни покойного доктора Гаскелла, и Расти направился в комнату отдыха. Он и не подумал взглянуть на карточку Большого Джима, небрежность, о которой он вскоре пожалеет.

Большой Джим, полностью одетый, сидел возле окна, держа возле уха телефонную трубку, вопреки тому, что плакат на стене изображал большой ярко-красный мобильный телефон, перечеркнутый большим и также красным X, чтобы поняли даже малограмотные. Расти подумал, что получит большое удовольствие, приказав Большому Джиму прекратить телефонный разговор. Конечно, это политически некорректный способ начинать процесс, который должен стать одновременно медосмотром и дискуссией, но именно это он и собирался сделать. Он уже сделал шаг вперед, но тут же остановился. Похолодел.

В памяти ясно всплыло: он не может заснуть, поднимается, чтобы пойти съесть Линдиного пирога с клюквой и апельсинами, слышит тихий скулеж Одри, который доносится из спальни девочек. Идет туда посмотреть на своих Джей-Джей. Сидит на кровати Дженни под плакатом ее ангела-хранителя - Анны Монтани.

Почему эти воспоминания пришли так поздно? Почему все это не припомнилось ему во время его визита к Большому Джиму, в его домашнем кабинете?

«Потому что я тогда не знал об убийствах; тогда я переживал только за пропан. А также потому, что у Дженнилл не было никакой эпилепсии, она просто находилась в стадии быстрого сна. Просто говорила во сне».

«У него золотой бейсбольный мяч, папа. Это плохой мяч».

Даже в прошлую ночь, в морге, у него не всплыли эти воспоминания. Только теперь, когда уже совсем поздно.

«Но подумай же, что это означает: устройство на вершине Черной Гряды, возможно, транслирует не только радиацию, а также еще что-то другое. Назовем это навеянным предвидением, назовем это чем-то, для чего пока что даже не существует названия, но как бы мы это не назвали, оно есть. Таким образом, если Дженни права относительно золотого мяча, тогда все дети, которые в обморочном состоянии объявляли об ужасах Хэллоуина, также правы. Но означает ли это, что все должно произойти точно в этот день? Или, может, раньше?»

Расти склонялся к последнему. Для кучи городских детей, возбужденных ожиданием игры в «козни и лакомства», Хэллоуин уже начался.

- Меня не интересует, что там у тебя, Стюарт, - проговаривал Большой Джим. Похоже, что три миллиграмма валиума не добавили ему благоразумия; он был безоговорочно наглым, как

всегда. - Вы с Ферналдом должны поехать туда, возьмете с собой Роджера… а? Что? - Он послушал. - Я еще должен тебе что-то объяснять? А то ты сам не смотрел никчемный телевизор? Если у него хватит наглости тебе возражать, ты…

Он поднял голову и увидел в двери Расти. Лишь на короткий миг лицо Большого Джима приобрело оробелый вид человека, который прокручивает в голове только что состоявшийся разговор, стараясь угадать, сколько из него мог услышать новый свидетель.

- Стюарт, я здесь сейчас не один. Я тебя потом наберу, и будет лучше, если ты тогда скажешь мне то, что я хочу услышать. - Он прервал связь, не простившись, и, оскаля в улыбке свои мелкие верхние зубы, протянул телефон Расти со словами: - Знаю, знаю, это наглость, но городские дела не могут ждать. - Вздохнул. - Нелегко быть тем одним, от которого все зависит, особенно, когда сам не очень хорошо себя чувствуешь.

- Вероятно, тяжело, - согласился Расти.

- Бог мне помогает. Желаете услышать, какой философией я пользуюсь в жизни, друг?

«Нет».

- Конечно.

- Когда Господь закрывает двери, Он открывает окно.

- Вы так думаете?

- Я это знаю. И еще одна вещь, о которой я стараюсь всегда помнить: когда вы молиться о том, чего вы желаете, Бог становится глухим. Но когда вы молитесь о том, в чем нуждаетесь, Он весь во внимании.

- Да-да.

Расти вошел в ординаторскую. Телевизор на стене транслировал канал Си-Эн-Эн. Звук был отключен, но позади говорящих голов маячило фото Джеймса Ренни-Старшого, черно-белое, непрезентабельное. Большой Джим на нем был с задранным вверх пальцем, а также с задранной верхней губой. Не в улыбке, а в подлинно собачьем оскале. Титры внизу спрашивали: БЫЛ ЛИ ГОРОД ПОД КУПОЛОМ ПРИСТАНИЩЕМ НАРКОДИЛЕРОВ? Картинка сменилась рекламным клипом салона «Подержанные автомобили Джима Ренни», тем надоедливым, который заканчивался восклицанием кого-то из продавцов (но никогда в исполнении самого Большого Джима): УПРАВЛЯЙТЕ в лучшем стиле, Большой Джим в ДЕЛЕ!

Большой Джим махнул в сторону телевизора и горько улыбнулся.

- Видите, что внешние дружки Барбары делают против меня? И разве удивительно? Когда Христос пришел спасать людей, они заставили Его нести Его собственный крест на Голгофу, где Он умер в крови и пыли.

Расти отметил мысленно - и не впервые, - что за странное лекарство, этот валиум. Когда даешь их кому-то, особенно внутривенно, почти всегда услышишь, кем именно эти люди себя считают.

Расти пододвинул стул и приготовил стетоскоп.

mir-knigi.org

- Задерите рубашку, - едва только Большой Джим отложил в сторону свой красный телефон и начал это делать, как Расти тут же опустил телефон себе в нагрудный карман. - Я пока что заберу аппарат, вы не против? Он будет лежать в столе в фойе. Там у нас как раз место для разговоров по мобильным. Стулья не такие мягкие, как здесь, но все равно неплохие.

Он ожидал протеста со стороны Большого Джима, вероятно, даже взрыва, но тот только зыркнул, демонстрируя выпяченный, как у Будды, живот с нависающими на него сверху большими сиськами. Расти наклонился вперед и начал слушать. Дела выглядели намного лучше, чем он ожидал. Его бы удовлетворили сто десять ударов в минуту и экстрасистолярная вентрикуляция. Вместо этого помпа Большого Джима держалась на девяноста ударах и без всякой аритмии.

- Я чувствую себя намного лучше, - сказал Большой Джим. - Это все стресс. Я находился в ужасно стрессовом состоянии. Я отдохну еще часок или несколько, прямо здесь. Вы хоть осознаете, что из этого окна видно весь центр города, дружище? Посещу еще раз Джуниора. А после этого я просто выписываюсь и…

- Это не просто стресс. У вас много лишнего веса, вы в плохой физической форме.

Большой Джим оскалил верхние зубы в той своей фальшивой улыбке.

- Я руковожу своим бизнесом и всем городом, друг, и оба дела безубыточны, кстати. С такой нагрузкой немного времени остается для всяких тренажеров, шведских стенок и всего другого.

- Ренни, два года назад вам поставили диагноз ПЖТ. Это означает: пароксизмальная желудочковая тахикардия.

- Я знаю, что это означает. Я заходил на сайт Webmd, прочитал там, что здоровые люди часто сталкиваются с…

- Рон Гаскелл говорил вам абсолютно однозначно, вы должны сбросить вес, чтобы на вашу аритмию повлияло медикаментозное лечение, а если оно окажется неэффективным, эту проблему можно скорректировать операционным вмешательством.

Большой Джим стал похожим на несчастного, заключенного в высоком стуле малыша.

- Бог приказал мне не делать этого! Бог сказал: никаких кардиостимуляторов! И, Боже правый! У Дюка Перкинса был кардиостимулятор, и вспомните, что с ним произошло!

- Не говоря уже о его вдове, - кротко произнес Расти. - Несчастная женщина. Наверное, оказалась в плохом месте в плохое время.

Большой Джим изучал его, что-то вычисляли его поросячие глазища. И тогда он поднял глаза к потолку.

- Снова есть свет, не так ли? Я обеспечил вас пропаном, как вы и просили. У некоторых людей нет чувства признательности. И конечно, кто-нибудь на моем месте к этому привык бы.

- Он у нас закончится уже завтра вечером.

Большой Джим покачал головой.

- К завтрашнему вечеру вы будете иметь достаточно пропана, чтобы это заведение работало на

нем, если понадобится, хотя бы и до Рождества. Это мое вам обещание за то, что вы так обходительны с пациентами и вообще такой замечательный парень.

- Мне тяжело демонстрировать большую признательность, когда мне возвращают то, что мне и так принадлежало, начнем с этого. Вот такой я забавный.

- О, так вы теперь отождествляете себя с госпиталем? - фыркнул Большой Джим.

- А почему бы и нет? Вы только что отождествляли себя с Христом. Давайте лучше вернемся к вашему диагнозу, вы не против?

Большой Джим небрежно отмахнулся своей большой толстопалой рукой.

- Валиум - не панацея. Если вы уйдете отсюда, еще до пяти вечера вас вновь может догнать аритмия. Или совсем взять в блокаду. Приятная сторона в этой ситуации то, что вы можете встретиться с вашим Спасителем еще до наступления тьмы.

- Так что бы вы мне рекомендовали? - Ренни говорил спокойно. Он уже полностью собой овладел.

- Я мог бы дать вам кое-что, что, скорее всего, поможет проблеме, по крайней мере, на некоторое время. Кое-какие лекарства.

- Какие лекарства?

- За них надо заплатить цену.

- Я так и знал, - благодушно произнес Большой Джим. - Я знал, что вы сторонник Барбары, еще с того дня, когда вы появились в моем кабинете со своими требованиями: дайте мне то, дайте мне это.

Единственным, о чем тогда спрашивал Расти, был пропан, но он не обратил внимания на эти слова Ренни.

- Откуда вы тогда могли знать, что у Барби есть какие-то сторонники? Об убийствах тогда еще не было ничего известно, и как вы могли знать, что он имеет сторонников?

Большой Джим хлопнул глазами от удивления, или от паранойи, или от того и другого вместе.

- У меня есть свои методы, друг. Ну, так какова же цена? Что бы вы хотели получить от меня за лекарство, которое уберегло бы меня от инфаркта? - И прежде чем Расти успел что-то сказать, произнес: - Дайте, я угадаю. Вы хотите, чтобы Барби оказался на свободе, не так ли?

- Нет. Город линчует его, как только он выйдет на улицу.

Большой Джим рассмеялся.

- Вы то и дело демонстрируете проблески ума.

- Я хочу, чтобы вы ушли в отставку. И Сендерс тоже. Пусть город возглавит Эндрия Гриннел, а пока она полностью не освободиться от своей зависимости от лекарства, ей будет помогать Джулия Шамвей.

На этот раз Большой Джим расхохотался еще громче, от искреннего восторга он даже хлопал

себе по бедрам.

- Я думал, это Кокс дурак, он мечтал, чтобы Эндрии помогала та, с большими сиськами, но вы еще больший придурок. Шамвей! Эта, прости Господи, что скажешь, лахудра, которая рифмуется с «пядь», несостоятельная даже сама себе помочь.

- Я знаю, что это вы убили Коггинса.

Он не собирался этого говорить, но эта фраза выскочила из него словно сама собой. Да и что за беда? Они здесь лишь вдвоем, если не считать комментатора Си-Эн-Эн Джона Робертса, который смотрел на них из телеэкрана на стене. И результат стоил этих слов. Впервые с того момента, как он согласился с реальностью Купола, Большой Джим покачнулся. Он старался сохранить у себя на лице равнодушие, но не сумел.

- Вы сумасшедший.

- Вы сами знаете, что это не так. Прошлой ночью я был в похоронном салоне Бови и осмотрел тела четырех жертв убийства.

- Вы не имели права этого делать! Вы не патологоанатом! Вы даже не какой-то там никчемный доктор!

- Расслабьтесь, Ренни. Сосчитайте до десяти. Не забывайте, у вас сердце. - Расти сделал паузу. - Хотя, если подумать, до сраки ваше сердце. После того беспредела, который вы уже успели натворить, и того, что творите сейчас, до сраки ваше сердце. Все лицо, вся голова Коггинса имеют определенные отметины. Весьма атипичные, но они подвергаются четкой идентификации. Следы от швов. У меня нет сомнений, что они соответствуют тому сувенирному бейсбольному мячику, который я видел на вашем столе.

- Это ничего не значит, - тут Ренни взглянул в сторону приоткрытых дверей ванной комнаты.

- Это означает многое. Особенно, если учитывать то, что все трупы были спрятаны в одном месте. Для меня это означает, что убийца Коггинса является также убийцей и остальных жертв. И я думаю, этот убийца - вы. Или, возможно, вы вместе с Джуниором. Вы в этом деле - семейная команда? Не так ли?

- Я не желаю этого выслушивать! - начал привставать Ренни. Расти толкнул его ладонью назад. Это у него вышло на удивление легко.

- Вот дерьмо, оставайтесь на месте! - крикнул Ренни. - Оставайтесь там, где стоите!

- Зачем вы его убили? - спросил Расти. - Он грозился положить конец вашим операциям с наркотиками? Он также брал в этом участие?

- Оставайтесь, где стоите! - повторил Ренни, хотя Расти уже успел сесть. До него не дошло тогда, что Ренни может кричать кому-то другому.

- Я могу об этом промолчать, - произнес Расти. - И могу дать вам кое-что, что поможет вашей ПЖТ лучше, чем валиум. Услуга за услугу при условии, что вы уйдете со сцены. Объявите о вашей отставке - по медицинским причинам - в пользу Эндрии завтра вечером на большом городском собрании. Вы уйдете как герой.

Он просто не имел другого выхода, никак не мог отказаться, думал Расти, был загнан в глухой

угол.

Ренни вновь обернулся к приоткрытым дверям ванной и позвал:

- Теперь можете выйти.

Из ванной выплыли Картер Тибодо и Фрэдди Дентон, которые прятались там и все слышали.

8

- Черт побери, - произнес Стюарт Бови.

Он вместе со своим братом находился в подвале похоронного салона. Стюарт как раз доводил до похоронной кондиции Арлетту Кум, самую свежую в Честер Милле самоубийцу и последнюю клиентку похоронного салона Бови.

- Черт его побери, сукиного сына, долбаную обезьяну сраную.

Он бросил мобильный телефон на стол и достал из широкого переднего кармана своего прорезиненного фартука пачку крекеров «Риц-Биц» с арахисовым ароматом. Стюарт всегда ел, когда приходил в раздражение, и всегда неаккуратно («Здесь жрали свиньи», - имел привычку приговаривать их отец после того, как юный Стюи вставал из-за стола), и теперь крошки крекеров посыпались на задранное лицо Арлетты, чье выражение было очень далеким до умиротворения; если она думала, что залпом выпить жидкость для прочищения канализационных стоков «Ликвид-Пламр», это безболезненный способ вырваться из-под Купола, она жестоко ошибалась. Проклятый растворитель проел ей весь желудок и вытек со спины.

- Что там случилось? - спросил Ферн.

- Зачем я вообще связался с этим долбанным Ренни?

- Ради денег?

- Какая сейчас польза от денег? - кипел Стюарт. - Что мне, долбодятлу, теперь с ними делать, пойти по-богатому скупиться в универмаге Бэрпи? Конечно, от этого у меня гарантированно встанет! - Резко дернув за подбородок, он всунул пожилой вдове в рот надгрызенный крекер. - Жуй, сука, обеденное время настало.

Стюарт вновь схватил свой мобильный, нажал клавишу КОНТАКТЫ и выбрал номер.

- Если его там нет, - произнес он то ли Ферну, или, скорее, самому себе, - я поеду туда, найду его и влеплю ему какой-нибудь из его же собственных кур прямо в…

Роджер Кильян ответил на звонок. Как раз со своего чертового курятника. Стюарт слышал кудахтанье. А еще он слышал каскадные скрипки Мантовани[383], которые распространялись по звуковой системе курятника. Когда возле кур работали сыны Кильяна, там играли «Металлика» или «Пантера»[384].

- Лё?

- Роджер. Это Стюи. Ты сейчас чистый, братан?

mir-knigi.org

- Вполне, - сказал Роджер, что, скорее всего, означало, что он все-таки только что курил кристаллы, но кого это ебёт.

- Дуй сюда, в город. Мы с Ферном встретим тебя в городском гараже. Нам надо взять два больших грузовика - те, что с подъемниками, - и поехать к РНГХ. Весь пропан должен быть переброшен назад в город. Мы не можем все сделать за один день, но Большой Джим сказал, что мы должны начать уже сейчас. Завтра я подберу человек шесть - семь ребят, которым можно доверять (кого-то с этой чертовой Джимовой частной армии, если он ими поделится), и мы закончим это дело.

- Да нет, Стюарт, никак не могу, мне кур надо кормить! А мои ребята, которые еще дома живут, все пошли в копы!

«Что означает, - подумал Стюарт, - ты предпочитаешь так и сидеть в своем кабинетике, курить кристаллы, слушать эту сраную музыку и смотреть лесбийские лизь-видео на компьютере». Он не мог понять, как у кого-то может вставать посреди запаха куриного дерьма такого плотного, что хоть ножом его режь, однако Роджеру Кильяну это удавалось.

- Это не волонтерская миссия, брат. Я получил приказ и в свою очередь приказываю тебе. Через полчаса. И если тебе где-то встретится кто-то из твоих сыновей, цепляй и их с собой.

Он отключился, чтобы Роджер не успел вновь завести это свое плаксивое дерьмо, и минутку просто стоял, паруя. Меньше всего в мире ему хотелось убивать остаток светового дня этой среды на подавание газовых баллонов к кузовам грузовиков… но именно это ему придется делать, конечно. Именно это.

Он выхватил из раковины шланг и вставил его конец между зубных протезов Арлетты Кум и нажал рычаг. Шланг был высокого давления, и труп подпрыгнул на столе.

- Надо запить крекер, бабуля, - буркнул он. - Не хочу, чтобы ты подавилась.

- Стой! - закричал Ферн. - Все же вытечет сквозь дыру в ее…

Поздно.

9

«Видишь, каким боком это тебе вылезло», - улыбнулся Расти Большой Джим. И тогда обратился к Картеру и Фрэдди Дентону.

- Господа, вы слышали, как мистер Эверетт пытался меня взять на испуг?

- Да, конечно, - ответил Фрэдди.

- Вы слышали, как он угрожал не дать мне каких-то жизненно необходимых медикаментов, если я не подам в отставку?

- Конечно, - бросил Картер, послав Расти злой взгляд.

Расти сам себе удивлялся, каким же он оказался дурачком.

«Длинный день у тебя был - спиши на это».

- Медикаменты, которыми он меня шантажировал, это, скорее всего, верапамил, лекарство, которое мне выписал внутривенно тот длинноволосый парень, - вновь показал в неприятной улыбке свои мелкие верхние зубы Большой Джим.

Верапамил. Впервые Расти обругал себя за то, что не извлек, не прочитал карточку Большого Джима из пазов на дверях его палаты. Этот раз был не последним.

- Какого рода преступление мы имеем сейчас, как вы считаете? - задал вопрос Большой Джим. - Уголовные угрозы?

- Конечно, и еще вымогательство, - поддакнул Фрэдди.

- К черту это, - вмешался Картер. - Здесь было покушение на убийство.

- И кто его до этого вразумил, как вы думаете?

- Барби, - кивнул Картер и съездил Расти кулаком прямо в губы. Расти отнюдь не ждал такого развития событий и потому даже не сделал попытки защититься. Он откинулся назад, ударился о стул и упал на него боком, изо рта у него хлынула кровь.

- Это у тебя из-за сопротивления во время ареста, - заметил Большой Джим. - Но этого недостаточно. Положите его на пол, ребята. Я хочу, чтобы он лежал на полу.

Расти попробовал убежать, но успел только оторваться от стула, как Картер схватил его за руку и крутанул. Фрэдди поставил сзади ему подножку. Картер толкнул.

«Словно дети на школьной перемене», - падая, подумал Расти.

Картер завалился рядом. Расти был способен на один удар. Попал Картеру по левой щеке. Тот раздражительно отмахнулся, словно от обнаглевшей мухи. Через секунду он уже сидел верхом на груди у Расти и лыбился ему в лицо. Конечно, точь-в-точь как на школьном дворе, вот только нет старшего дежурного, который бы их разнял.

Он повернул голову в сторону Ренни, который уже встал на ноги.

- Не следует вам этого делать, - произнес Расти запыханно. Сердце бешено колотилось.

Он не мог вдохнуть воздуха достаточно, чтобы его поддержать. Тибодо был очень тяжелым. Рядом с ними стоял на коленях Фред Дентон. Расти подумал, что он похож на рефери в какой-то из тех инсценировок, которые носят название матчи по реслингу.

- Но я это сделаю, Эверетт, - заверил Большой Джим. - Фактически, благослови тебя Бог, мне нужно это сделать. Фрэдди, достань мой мобильный телефон. Он у него в нагрудном кармане, не хотелось бы, чтобы его сломали. Этот никчема стибрил его у меня. Можете добавить этот факт на его счет, когда доставите его в участок.

- Есть люди, которые знают, - сказал Расти. Никогда он не чувствовал себя таким беспомощным. И таким глупым. Уверение себя в том, что не он первый недооценил Джеймса Ренни-Старшего, не помогало. - Люди, которые знают, что вы наделали.

- Возможно, - кивнул Большой Джим. - Но кто они? Очередные Дружки Дейла Барбары, вот кто. Те, которые подбили людей на продуктовый бунт, те, которые сожгли редакцию газеты. Те, которые, я в этом не сомневаюсь, первым делом установили этот Купол. Какой-то

правительственный эксперимент, я думаю. Но разве мы крысы в клетке? Разве мы крысы, Картер?

- Нет.

- Фрэдди, чего ты ждешь?

Фрэдди слушал Большого Джима с лицом, которое словно проговаривало: «О, наконец-то я все понял». Он добыл телефон Большого Джима из нагрудного кармана Расти и бросил на ближайший диван. И вновь обратился к Расти. - Ты это давно задумал? Давно ты планировал запереть нас в городе, чтобы посмотреть, что с нами произойдет?

- Фрэдди, послушай, что ты несешь, - сказал Расти. Слова вырывались из него с хрипами. Боже, какой же тяжеленный этот Тибодо. - Это сумасшествие. Где здесь смысл? Разве ты сам не понимаешь, что…

- Прижми его руку к полу, - приказал Большой Джим. - Левую.

Фрэдди выполнил приказ. Расти старался упираться, но Тибодо крепко пришпилил его плечи, и ничего из этого не вышло.

- Мне жаль, друг, что придется это сделать, но люди в нашем городе должны понимать, что все террористические элементы у нас под контролем.

Ренни сколько угодно мог говорить, что ему жаль, но за мгновение до того, как он опустил каблук своего ботинка - и заодно все двести тридцать фунтов своего веса - на прижатую ладонь Расти, Расти заметил другой мотив второго выборного, которым натянуло мотню его габардиновых штанов. Ренни получал наслаждение, и наслаждение не просто ментального уровня.

И тогда каблук наступил и начал давить и ерзать: тяжело, тяжелее, ужас как тяжело. От натуги у Большого Джима скривилось лицо. Пот тек под глазами. Закушенный зубами, изо рта у него торчал язык.

«Не кричать, - думал Расти. - На вопль прибежит Джинни и тоже попадет в переплет. Ему же хочется, чтобы я закричал. Не подарить ему такого наслаждения».

Но, услышав из-под подошвы Большого Джима первый треск, он закричал. Просто не мог удержаться.

Далее прозвучал второй треск. А за тем и третий.

Большой Джим отступил, удовлетворенный.

- Поставьте его на ноги и отправьте в камеру. Пусть посетит своего дружка.

Фрэдди рассматривал руку Расти, она распухала на глазах. Три из четырех пальцев торчали дико искривленные.

- Сломаны, - произнес он с очевидным удовольствием.

В двери ординаторской появилась Джинни, глаза огромные.

- Что это вы, ради Бога, здесь такое делаете?

mir-knigi.org

- Арестовываем этого сукиного сына за шантаж, за уголовное не предоставление помощи и покушение на убийство, - объявил Фрэдди Дейтон, тем временем как Картер поднимал Эверетта, чтобы поставить его на ноги. - И это лишь для начала. Он оказывал сопротивление, и мы его уняли. Прошу, дайте дорогу, мэм.

- Вы взбесились! - завопила Джинни. - Расти, твоя рука!

- Со мной все хорошо. Позвони Линде. Скажи, что эти бандиты…

Продолжить он не успел. Картер схватил его за шею и вытолкнул за двери с наклоненной головой. А в ухо Картер ему шепнул:

- Если бы у меня была полная уверенность, что тот старикан знает толк в лекарствах не хуже тебя, я бы тебя собственными руками задушил.

«Каких-то четыре дня - и уже такие перемены, - удивлялся, спотыкаясь, Расти, пока Картер волочил его по коридору, согнутого почти пополам под давлением тяжелой руки на шее. Его собственная левая рука перестала быть рукой, превратившись в ревущий болью обрубок ниже запястья. - Всего четыре дня, а столько перемен».

Он подумал, кожеголовые - кем бы или чем бы они не были - наслаждаются этим зрелищем?

10

Было уже далеко за полдень, когда Линда, наконец, натолкнулась на городскую библиотекаршу. Лисса на велосипеде возвращалась в город по шоссе 117. Она сказала, что говорила с дежурными возле Купола, старалась вытянуть из них какую-нибудь дополнительную информацию о дне свиданий в пятницу.

- Им не разрешено точить лясы с городскими, но кое-кто из них поддается, - сказала она.

- Особенно, если подойти с расстегнутыми тремя верхними пуговицами на блузке. Похоже, что это действительно действенный стартер для разговора. С армейскими, по крайней мере. А вот морская пехота… Думаю, я могла бы с себя все снять и станцевать макарену, а они даже и ухом не повелели бы. Эти ребята, наверное, имеют иммунитет против сексапильности. - Она улыбнулась. - Правда, и меня тяжело спутать с Кейт Уинслетт[385].

- Так ты разузнала какие-нибудь интересные слухи?

- Никаких, - расставив ноги, Лисса сидела на своем велосипеде и через окошко со стороны пассажирского сидения заглядывала к Линде. - Они и предположения ни о чем не имеют. Но очень переживают за нас. Один спросил меня, правда ли, что уже больше сотни людей покончили жизнь самоубийством.

- Ты можешь пересесть на минутку ко мне в машину?

Улыбка Лиссы расширилась.

- Я буду арестована?

- Я хочу кое о чем поболтать с тобой.

Лисса откинула ногой сошку, поставила велосипед и села в машину, сначала отодвинув с

сидения блокнот штрафных квитанций и бездействующий ручной радар. Линда рассказала ей о тайном визите в похоронную контору и о том, что они там нашли, а потом о запланированной встрече в пасторате. Ответ Лисси был моментальным, безапелляционным.

- Я буду там, попробовали бы вы меня не впустить…

Тут ожило радио, прокашлялось, и послышался голос Стэйси.

- Экипаж четыре. Экипаж четыре. Быстро, быстро, быстро.

Линда схватила микрофон. Не о Расти она в этот миг подумала; подумала она о девочках.

- Четверка слушает, Стэйси. Говори.

То, что ей сообщила, вновь включившись, Стэйси Моггин, сменило Линдину тревогу на сплошной ужас.

- Имею плохую новость для тебя, Лин. Посоветовала бы тебе крепиться, но не думаю, что ты сможешь крепиться перед такой вестью. Арестован Расти.

- Что? - чуть ли не воплем переспросила Линда, но услышала ее лишь Лисса; Линда забыла нажать кнопку «отбой» на боку микрофона.

- Они посадили его в клетку, в подвале, где уже сидит Барби. С ним все хорошо, хотя мне показалось, что у него сломана рука - она распухла, и он прижимал ее себе к груди. - Стэйси понизила голос. - Это случилось во время сопротивления при аресте, так они говорят. Прием.

На этот раз Линда припомнила, что надо нажать кнопку на микрофоне.

- Я сейчас же буду там. Передай ему, что я еду. Прием.

- Я не могу, - ответила Стэйси. - Никому больше не разрешено спускаться вниз, кроме офицеров из специального списка… и я к ним не принадлежу. Здесь целая куча обвинений, включая покушение на убийство и соучастие в убийстве. Не гони, как бешенная, возвращаясь в город. Тебе все равно не дадут с ними увидеться, и нет смысла тебе перевернуться где-то вместе с тачкой по дороге…

Линда трижды подряд нажала на микрофоне: быстро, быстро, быстро. И тогда произнесла:

- Я увижу его, обязательно.

Однако нет. Посвежевший на вид после дневного сна, на крыльце полицейского участка ее встретил шеф Рендольф и сразу же захотел, чтобы она сдала ему свой значок и пистолет; как жена Расти, она тоже оказалась под подозрением в подрывной деятельности против законного правительства города и подстрекательстве к сопротивлению.

«Чудесно, - хотела было она ему сказать. - Арестуйте и меня, посадите в камеру к моему мужу». Но тут же вспомнила о девочках, которые сейчас должны быть у Марты, ждут, когда их заберут, не терпится рассказать ей, как прошел день в школе. Также она упомянула о встрече, назначенной на этот вечер в пасторате. Ей туда не попасть, если она будет сидеть в камере, а эта встреча теперь казалась ей важнее, чем раньше.

Потому что если они собирались завтра вечером освобождать из тюрьмы одного, то почему бы теперь заодно не двоих?

mir-knigi.org

- Передайте ему, что я его люблю, - сказала Линда, расцепляя пряжку своего ремня, стягивая с него кобуру. Все равно весомость оружия на самом деле никогда ее не привлекала. Переводить малышей через дорогу в школу, напоминать старшеклассникам, чтобы выбросили окурки и грязные бранные слова из ртов… такие вещи больше были ей по душе.

- Я передам ваши слова, миссис Эверетт.

- Кто-нибудь осматривал его руку? Я слышала от кого-то, что у него будто бы сломана рука.

Рендольф нахмурился.

- Кто вам такое сказал?

- Не знаю, кто мне звонил. Он не назвался. Кто-то из наших ребят, я думаю, но радиосвязь там, на шоссе 117, всегда не очень хорошая.

Рендольф подумал и решил не развивать дальше эту тему.

- С рукой у Расти все обстоит благополучно, - сказал он. - А наши ребята больше уже не ваши. Идите домой. Я уверен, у нас к вам позже возникнут кое-какие вопросы.

Она почувствовала, что вот-вот заплачет, и подавила слезы.

- А что я скажу своим дочерям? Сообщу, что их отец сидит в тюрьме? Вы сами знаете Расти как хорошего человека; вы это хорошо знаете. Боже, это же он в прошлом году диагностировал у вас острое воспаление желчного пузыря!

- Ничем не могу вам сейчас помочь, миссис Эверетт, - произнес Рендольф; времена, когда он называл ее Линдой, похоже, остались далеко позади. - Но я не советовал бы вам сообщать детям, что их отец подготовил вместе с Дейлом Барбарой убийство Бренды Перкинс и Лестера Коггинса - относительно других мы еще не уверены, те убийства явным образом сексуального характера, и Расти о них мог не знать.

- Это бред!

Рендольф словно и не услышал.

- Также он старался убить выборного Ренни, не предоставив ему жизненно необходимого лекарства. К счастью, Большой Джим предусмотрительно спрятал рядом двух офицеров. - Он покачал головой. - Угрожать тем, что не предоставит жизненно необходимые лекарства человеку, который подорвал собственное здоровье, заботясь о нашем городе. Такой вот ваш хороший муж, ваш чертовски хороший муж.

Она здесь может напроситься на неприятности, поняла Линда. И ушла оттуда, чтобы не ухудшать дела. Пять часов до встречи в пасторате Конго пролегли перед ней предлинным сроком. Она не могла придумать, куда бы ей пойти, что ей делать.

А потом придумала.

11

С рукой у Расти было далеко не хорошо. Даже Барби это было видно, а между ними лежали три пустые камеры.

- Расти, я могу чем-нибудь помочь?

Расти был способен на улыбку.

- Разве что у тебя есть пара таблеток аспирина, которые ты мог бы мне перебросить. А еще лучше, если бы был дарвоцет[386].

- Только что все закончилось. А они тебе ничего не дали?

- Нет, но боль немного спала. Я выживу, - говорил он намного более бодрым тоном, чем действительно чувствовал себя; боль была очень-очень сильной, и он готов был к ее увеличению.

- Впрочем, мне надо что-то делать с этими пальцами.

- Удачи тебе.

Это просто чудо, что ни один из пальцев не был сломан, хотя кость ладони - да. Пятая плюсневая кость. Ей он мог помочь разве что фиксацией, для чего ему надо разорвать на полосы майку. Но сначала…

Он схватился за левый указательный палец, вывихнутый в проксимальном междуфаланговом суставе. В кинофильмах этот трюк всегда делается быстро. Скорость добавляет драматизма. К сожалению, скорость, вместо улучшения, может ухудшить дело. Он применил медленное, равномерное, с постепенным усилением, давление. Боль была страшная; он ощущал ее всем телом и даже в суставах челюстей. Услышал, как скрипит его палец, словно навес дверей, которые давно никто не отворял. Где-то, совсем рядом, и вместе с тем словно в другой стране, краем глаза он заметил Барби, который стоял возле дверей своей камеры и смотрел.

И тогда вдруг палец магическим образом выпрямился и боль ослабла. Но только в этом пальце, правда. Расти сел на топчан, запыхавшийся, словно после продолжительного бега.

- Справился? - спросил Барби.

- Не полностью. Надо еще починить палец, которым я показываю факи. Он мне может понадобиться…

Расти ухватился за второй палец и начал все сначала. И вновь, когда уже казалось, что боль не может быть большей, вывихнутый сустав скользнул на свое место. Теперь остался только безымянный, который торчал у него так, словно Расти готовился поднять тост.

«И я таки выпью, если получится, - подумал он. - За самый сраный день в истории. По крайней мере, в истории Эрика Эверетта».

Он начал крутить этот палец. Тут тоже сидела боль, и тоже не существовало быстрого способа ее унять.

- Что ты наделал? - спросил Барби, при этом дважды резко щелкнув пальцами. Он показал на потолок, и тогда, сложив ладонь чашечкой, приложил ее себе к уху. Знал ли он на самом деле, что подвал прослушивается, или только подозревал? Расти решил, что это все равно. Лучше вести себя так, словно их действительно слушают, хотя тяжело было поверить, чтобы кто-то в этой безмозглой халабуде успел до такого додуматься.

- Сделал ошибку, стараясь убедить Большого Джима добровольно уйти в отставку, - сообщил Расти. - Не сомневаюсь, они накинут мне с десяток других обвинений, но по сути меня подвергли заключению за то, что я посоветовал ему перестать переть так жестко, потому, что случится инфаркт.

О теме Коггинса Расти не вспомнил, но так, ему казалось, будет лучше для сохранности собственного здоровья.

- Как здесь с питанием?

- Неплохо, - ответил Барби. - Рози приносила мне завтрак. Хотя следует быть осмотрительным с водой. Она может оказаться пересоленной.

Он растопырил два пальца правой руки, показал ими себе на глаза, а потом на рот: смотри.

Расти кивнул.

«Завтра вечером», - артикулировал губами Барби.

«Я знаю», - ответил ему так же губами Расти. От такого усиленного шевеления раны на его губах потрескались, из них вновь начала сочиться кровь.

Барби выартикулировал: «Нам… надо… какое-то… безопасное… место».

Благодарить Джо Макклечи и его друзей, Расти думал, что эту проблему он сможет решить.

12

У Энди Сендерса начались судороги.

Да и как иначе, если посмотреть на это серьезно; он не был привыкшим к кристаллам, а выкурил их уже достаточно. Он находился в студии РНГХ, прослушивал небесную симфонию «Хлеб наш насущный» в гимне «Большой Бог» и дирижировал музыканту в такт. Самого себя он видел в полете вдоль бесконечных скрипичных струн.

Мастер куда-то завеялся вместе с трубкой, но он оставил Энди запас толстых сигарет, которые сам называл «дым-дочурками».

- Тебе следует быть с ними осторожным, Сендерс, - предупредил он. - Они сущий динамит. «Кто не привык к питью, должен быть смирным» - первое послание к Тимофею. Это же касается и дым-дочурок.

Энди послушно кивнул, но только Мастер ушел, он начал курить, как демон: за раз дунул две дым-дочурки подряд. Затягивался, пока от них не оставались только лишь угольки, которые обжигали ему пальцы. Запах жареной кошачьей мочи от горящих кристаллов уже занимал верхнюю ступеньку в его хит-параде аромотерапии. Он уже почти выкурил половину третьей дым-дочурки, продолжая дирижировать, как Леонард Бернстайн, когда сделал особенно глубокую затяжку, на полную грудь, и тут же отключился. Упал на пол и дрыгался там посреди реки священной музыки. Пена полезла из его крепко сцепленных зубов. Полуоткрытые глаза вращались в своих глазницах, видели то, чего здесь не было. По крайней мере, пока что.

Через десять минут он вновь был при памяти и достаточно бодр, чтобы перепорхнуть по тропинке от студии до длинного красного складского здания.

- Мастер, - завопил он. - Мастер, где ты? ОНИ ЕДУТ!

Мастер Буши выпорхнул из боковых дверей склада. Волосы у него на голове торчали какими-то жирными перьями. Одет он был в грязные пижамные штаны с зассанной мотней и позеленевшими от травы брючинами. Украшенные веселыми лягушками и надписями ква-ква штаны едва не спадали с его костлявых бедер, лобковые волосы кучерявились впереди и изобиловали у Мастера сзади, вылезая из щели между его худых ягодиц. В одной руке он держал АК-47. По прикладу было выведено аккуратными буквами: БОЖИЙ ВОИН. Во второй его руке был гаражный пульт. Мастер положил вниз БОЖЬЕГО ВОИНА, но не пульт. Он схватил Энди за плечо и хорошенько встряхнул, чтобы привести в сознание.

- Перестань, Сендерс, у тебя истерика.

- Они едут сюда! Горькие люди! Точно, как ты и говорил!

Мастер подумал.

- Кто-то позвонил тебе и предупредил?

- Нет, у меня было видение! Я упал в обморок и у меня было видение!

У Мастера вспыхнули глаза. Недоверие уступило место уважению. Он перевел взгляд с Энди на дорогу Малая Сука, а потом вновь на Энди:

- Что именно ты видел? Сколько их? Там все кодло или только несколько, как прошлый раз?

- Я…я…я…

Мастер вновь его встряхнул, но намного деликатнее, чем перед этим.

- Успокойся, Сендерс. Ты теперь боец Божьей армии, а, следовательно…

- Христианский солдат!

- Правильно, правильно, правильно. А я твой командир. Итак, докладывай.

- Они едут двумя грузовиками.

- Только двумя?

- Да.

- Оранжевыми?

- Да!

Мастер поддернул на себе пижамные штаны (они чуть ли не моментально сползли на предыдущую позицию) и кивнул.

- Городские грузовики. Наверное, троица тех самых долбодятлов - братья Бови и мистер Курятник.

- Мистер кто?

mir-knigi.org

- Кильян, Сендерс, кто же еще. Он курит кристаллы, но не понимает в этом смысла. Он дурак. Они едут вновь за пропаном.

- Нам лучше спрятаться? Просто спрятаться, пока они его будут забирать?

- Так я делал раньше. Но на этот раз - нет. Хватит с меня прятаться, довольно позволять им брать отсюда все, что захочется. Звезда Полынь вспыхнула. Настало время Божьим воинам поднять свой флаг. Ты со мной?

И Энди, который под Куполом потерял все, что хоть что-то значило для него, долго не колебался.

- Да!

- До конца, Сендерс?

- До конца!

- Так куда же ты тогда девал свое оружие?

Насколько Энди мог припомнить, его автомат остался стоять в студии, прислоненный к плакату, на котором Пет Робертсон[387] обнимал Лестера Коггинса.

- Давай-ка катись и возьми автомат, - произнес Мастер, беря в руки своего БОЖЬЕГО ВОИНА и проверь магазин. - И отныне и всегда держи его при себе, тебе это ясно?

- Конечно.

- Ящик с боеприпасами там?

- Да.

Энди затянул один из ящиков туда лишь час тому назад. По крайней мере он думал, что с того времени прошел час; дым-дочуркам было свойственно искривлять время по краям.

- Минуточку, - остановил его Мастер. Он пошел вдоль стены складского здания к коробке с китайскими гранатами и достал три штуки. Две он вручил Энди, приказав положить их в карманы. Третью гранату Мастер подвесил за кольцо на ствол своего БОЖЬЕГО ВОИНА.

- Сендерс, мне говорили, что после того, как выдернешь чеку, у тебя есть семь секунд для того, чтобы избавиться от этой сучечки, но, когда я подверг испытанию одну там, позади, в гравийном карьере, она взорвалась не больше, чем через четыре. Ты не тебе нужно доверять людям восточной расы. Запомни это.

Энди ответил, что запомнит.

- Хорошо, пошли. Заберем твое оружие.

Колеблясь, Энди спросил:

- Мы должны их застрелить?

Мастер явно удивился.

mir-knigi.org

- Если будем вынуждены, а так - нет.

- Хорошо, - кивнул Энди. Вопреки всему, ему совсем не хотелось делать кому-то больно.

- Но если они обнаглеют, мы сделаем все, что необходимо. Тебе это понятно?

- Да, - ответил Энди.

Мастер хлопнул его по плечу.

13

Джо спросил у матери, можно ли, чтобы Бэнни и Норри остались ночевать у них. Клэр сказала, что конечно, она не против, если не будут против их родители. Для нее это было бы, фактически, даже утешение. После их приключений на Черной Гряде ей нравилась сама мысль держать их всех рядом, у себя перед глазами. Они могут нажарить себе попкорна на дровяной печи и продолжить суетливую игру в Монополию, которую начали час тому назад. На самом деле игра была слишком уж говорливой; их возбужденные восклицания и дикие вопли звучали постоянно, но ей это было безразлично.

Мать Бэнни согласилась и, на удивление Клэр, не против была и мать Норри.

- Хорошее дельце, - сообщила Джоуни Келверт. - Я хотела хорошенько нализаться с того времени, как все это началось. Похоже на то, что сегодня мне выпал шанс. И вот еще что, Клэр. Скажите этой девочке, чтобы нашла завтра утром своего деда и передала ему поцелуи.

- А кто ее дед?

- Эрни. Вы же знаете Эрни, разве нет? Все знают Эрни. Он беспокоится за нее. И я тоже, иногда. Этот ее скейтборд, - голос Джоуни дрожал.

- Я ей передам.

Едва лишь Клэр завершила этот разговор, как послышался стук в двери. Сначала она не узнала, кто эта женщина среднего возраста с бледным, напряженным лицом. Потом догадалась, что это Линда Эверетт, которая по обыкновению работала регулировщицей движения возле школы и выписывала штрафы водителям, которые перестояли два разрешенных часа в парковочной зоне Мэйн-стрит. Да и совсем не среднего возраста она была. Просто сейчас почему-то такой выглядела.

- Линда! - произнесла Клэр. - Что случилось? Что-то с Расти? Что-то плохое с Расти? - Она подумала о радиации… по крайней мере, на поверхности сознания это мелькнуло. В глубине копошились намного худшие предположения.

- Его арестовали.

Монополия в столовой моментально остановилась. Игроки теперь стояли вместе в дверях гостиной, потемневшими глазами смотрели на Линду.

- Там целый список обвинений, включая уголовное соучастие в убийствах Лестера Коггинса и Бренды Перкинс.

- Нет! - вскрикнула Норри.

Клэр подумала, не приказать ли им оставить комнату, но решила, что это безнадежное дело. Ей казалось, она догадывается, почему именно здесь оказалась Линда, и понимала ее, но вместе с тем и ненавидела за то, что та пришла. Ее и Расти - за то, что впутал в это дело детей. Хотя они все теперь соучастники, разве нет? Под Куполом уже не зависит от собственного выбора вопрос соучастия в чем-то.

- Он перешел дорогу Ренни, - сказала Линда. - Теперь все упирается только в эту проблему, как ее понимает Большой Джим; есть только те, кто ему прекословит, и те, кто повинуется. Он абсолютно забыл о том, в какой ужасной ситуации мы оказались. Нет, даже хуже. Он использует эту ситуацию.

Джо мрачно спросил у Линды:

- Мисс Эверетт, а мистер Ренни знает, где мы были сегодня утром? Он знает о коробочке? Мне кажется, не надо было бы ему знать о коробочке.

- Какой коробочке?

- Той, которую мы нашли на Черной Гряде, - сказала Норри. - Мы видели только свет, который она выдает, а Расти туда поднялся и посмотрел на нее.

- Это генератор, - сказал Бэнни. - Только он его не смог выключить. Он его даже поднять не смог, хотя сказал, что тот совсем маленький.

- Я об этом ничего не знаю, - ответила Линда.

- Значит, и Ренни не знает, - произнес Джо. У него словно гора упала с плеч.

- Почему ты уверен?

- Потому что иначе он прислал бы копов, чтобы нас допросили, - объяснил Джо. - А если бы мы не ответили на их вопросы, они бы и нас упекли в тюрьму.

Где-то поодаль прозвучала серия чуть слышных звуков, похожих на выстрелы. Клэр наклонила набок голову и нахмурилась.

- Это фейерверк или выстрелы из оружия?

Линда не знала, а поскольку прозвучали они не из города, то и не переживала.

- Дети, расскажите мне, что там такое на Черной Гряде. Расскажите все, что вы видели и что видел Расти. А позже, сегодня вечером, будут также другие люди, которые захотят вас выслушать. Настало время собрать вместе все, что мы знаем. Фактически, мы даже запоздали с этим.

Клэр открыла, было, рот, чтобы сказать, что не желает впутываться в эти дела, и сразу его и закрыла, ничего не произнеся. Потому что выбора не существовало. По крайней мере, такого, который бы ей нравился.

14

Студия РНГХ располагалась довольно далеко от дороги Малая Сука, и подъездная аллея, которая вела к радиостанции (мощенная и в намного лучшем состоянии, чем сама дорога),

была длиной не менее чем четверть мили. Там, где аллея выходила на Малую Суку, по обе ее стороны росла пара вековых дубов. Их листва, которая в нормальный сезон была такой яркой, что хоть на картинку в календаре или туристическом буклете снимай, висела безвольная, коричневая. За одним из стволов этих крепостных дубов стоял Энди Сендерс. За вторым - Мастер. Они слушали, как приближается рев дизельных двигателей больших машин. В глаза Энди стекал пот, и он его то и дело смахивал.

- Сендерс!

- А?

- Ты выключил предохранитель?

Энди проверил:

- Да.

- Хорошо. Слушай, чтобы у тебя все вышло с первого же раза. Если я прикажу тебе начать стрелять, поливай огнем этих уебанов! От головы до пят, вдоль и поперек! Если я не прикажу тебе стрелять, просто стой, где стоишь. Тебе ясно?

- Д-да.

- Я думаю, что никого мы сегодня не убьем.

«Слава Богу», - подумал Энди.

- Не убьем, если там вновь только братья Бови и мистер Курятник. Но я в этом не уверен. Если мне придется организовать веселье, ты меня поддержишь?

- Да, - без нерешительностей сказал Энди.

- И держи палец подальше от этого чертового курка, потому что можешь сам себе голову отстрелить.

Энди посмотрел вниз, увидел, что его палец действительно вцепился в спусковой крючок АК, и поспешно убрал его оттуда.

Они ждали. Энди слышал битье собственного сердца внутри своей головы. Он убеждал себя, что глупо бояться: если бы не тот случайный телефонный звонок, он уже был бы мертвым, но это не помогало. Потому что перед ним открылся новый мир. Он понимал, что этот мир может оказаться фальшивым (разве он не видел, что наделали наркотики с Эндрией Гринелл), но все равно он был лучше, чем этот говенный мир, в котором он жил до сих пор.

«Господи, пусть они просто уедут прочь, - молился он. - Прошу Тебя».

Показались грузовики, они катились медленно, дуя темным дымом в притаившийся остаток проходящего дня. Выглянув из-за дерева, Энди заметил в передней машине две фигуры. Наверное, Бови.

Мастер долго стоял и не шевелился. Энди уже было начал надеяться, что тот передумал, наконец, решив позволить им забрать пропан. И тогда Мастер вышел из-за дерева и дал две коротких очереди.

mir-knigi.org

Обдолбанный там или нет, но стрелком он оказался исправным. Оба передних ската первой машины начали сдуваться. Раза три-четыре грузовик кивнул передком и наконец, встал. Чуть не врезалась в нее та машина, что шла позади. Энди расслышал звуки музыки, какой-то гимн, и догадался, что тот, кто сидел за рулем второго грузовика из-за своего радио не услышал выстрелов. Тем временем, кабина передней машины теперь выглядела пустой. Те двое, что в ней ехали, пригнулись и исчезли из вида.

Мастер Буши, такой же босый и голый, если не считать его пижамных штанов КВА-КВА (гаражный пульт прицеплен к обвисшему поясу, словно бипер) выступил из-за дерева.

- Стюарт Бови! - позвал он. - Ферн Бови! Вылезайте оттуда и будем говорить. - Он поставил БОЖЬЕГО ВОИНА под дуб.

Тишина из кабины передней машины, но открылась дверца второй, и оттуда вылез Роджер Кильян.

- Что за остановки, - завопил он. - Мне нужно скорее возвращаться домой, мне еще кур кормить. - И тогда он увидел Мастера. - Эй, там, Филли, что случилось?

- Падай на землю! - закричал кто-то из братьев Бови. - Этот сукин сын стреляет!

Роджер посмотрел на Мастера, потом перевел взгляд на АК-47, прислоненный к дереву.

- Может, он и стрелял, но сейчас отставил оружие. К тому же это не кто-то, а он. В чем дело, Филли?

- Я теперь Мастер. Зови меня Мастером.

- О'кей, Мастер, в чем дело?

- Вылезай, давай, Стюарт, - позвал Мастер. - И ты тоже, Ферн. Никто здесь не пострадает, как мне кажется.

Открылась дверца переднего грузовика. Не поворачивая назад головы, Мастер произнес:

- Сендерс! Если увидишь у кого-то из этих двух дураков оружие, открывай огонь. Не траться на одиночные, сделай из них тако-сыр.

Но, ни у одного из Бови не было оружия. А Ферн выплыл с поднятыми вверх руками.

- С кем ты говоришь, приятель? - спросил Стюарт.

- Покажись, Сендерс, - позвал Мастер.

Энди вышел из-за дуба. Теперь, когда моментальная угроза кровопролития прошла, он получал наслаждение. Если бы он додумался захватить сюда с собой, хоть одну из Мастеровых дым-дочурок, наслаждение было бы еще лучше.

- Энди? - ошеломленно пробурчал Стюарт. - А ты здесь что делаешь?

- Я призван в ряды Божьей армии. А вы горькие люди. Мы все о вас знаем, и вам здесь не место.

- Чего? - не понял Ферн. Он уже опустил руки. Нос главного грузовика медленно наклонялся к

дороге, поскольку большие передние колеса еще продолжали сдуваться.

- Хорошо сказано, Сендерс, - похвалил его Мастер. И тогда к Стюарту: - Вы, все трое, садитесь во вторую машину. Разворачивайтесь и везите свои жалкие сраки назад в город. Когда туда доберетесь, скажите этому сыну дьявола, супостату, что РНГХ теперь наша. Сюда принадлежит также лаборатория и все запасы.

- Что ты за херню такую мелешь, Фил?

- Я Мастер!

Стюарт сделал рукой небрежный жест, словно отмахивается.

- Называй себя, как тебе захочется, а только объясни мне, что это ты здесь…

- Я знаю, что твой брат идиот, - оборвал его Мастер. - А этот мистер Курятник, вероятно, не способен без печатной схемы себе шнурки завязать…

- Эй! - закричал Роджер. - Фильтруй базар!

Энди поднял свой АК. Он подумал, когда выпадет возможность, он напишет на его прикладе КЛОДЕТТ.

- Нет, это вы фильтруйте.

Роджер Кильян побледнел и сделал шаг назад. Никогда ничего подобного не случалось с Энди, когда он выступал на городском собрании, и ему теперь было очень приятно.

Мастер продолжал говорить так, словно никакой заминки и не было.

- Но ты, Стюарт, имеешь, по крайней мере, половину мозга, итак используй ее. Оставьте этот грузовик здесь, где он стоит, и возвращайтесь в город на той, второй машине. Передай Ренни, что все, что здесь есть, ему больше не принадлежит, оно принадлежит Богу. Передай ему, что звезда Полынь вспыхнула и если он не желает, чтобы Апокалипсис начался раньше времени, пусть лучше оставит нас в покое. - Он ненадолго призадумался. - Можешь ему также передать, что музыку мы будем передавать. Я сомневаюсь, чтобы он об этом переживал, но кого-то в городе, она, возможно, утешает.

- А ты знаешь, сколько у него теперь копов? - спросил Стюарт.

- Мне на это тонко насрать.

- Я думаю, уже не менее тридцати. А завтра уже может быть и пятьдесят. И половина города уже носят голубые повязки на рукавах. Если он прикажет им выступить, хлопот у тебя будет достаточно.

- Ему это все равно не поможет, - ответил Мастер. - Мы уповаем на Господа, и сила наша большая, чем его сила вдесятеро.

- Хорошо, - сказал Роджер, демонстрируя свои математические таланты. - Это будет двадцать, но вы все равно проиграете по численности.

- Заткни глотку, Роджер, - произнес Ферн.

mir-knigi.org

Стюарт завел свое вновь:

- Фил… то есть Мастер… ты бы лучше попустился, смотал этот кипиш, потому что это же говно проблема. Ему не нужен дым, а только пропан. Половина генеров в городе голодные. На уик-энд их станет уже три четверти. Дай нам забрать пропан.

- Мне он нужен для варки. На этом извините.

Стюарт смотрел на Фила так, словно тот взбесился. «Наверно, так оно и есть, - подумал Энди. - Наверное, мы оба взбесились». Однако бесспорно, Джим Ренни также был сумасшедшим, и тут они квиты.

- А теперь уезжайте прочь, - завершил Мастер. - И передайте ему: если он надумает послать против нас вооруженные силы, он об этом пожалеет.

Стюарт обдумал услышанное, и пожал плечами:

- Ну и пусть, не моего пениса это розовогубые заботы. Поехали, Ферн. Я сяду за руль, Роджер.

- Что до меня, то и хорошо, - сказал Роджер. - Ненавижу их коробку передач.

Он окинул Мастера и Энди прощальным, преисполненным недоверия взглядом и отправился к задней машине.

- Благослови вас Бог, друзья, - сказал им вслед Энди.

Стюарт кисло зыркнул через плечо:

- И тебя пусть Бог благословит. Потому что знает Бог, как сильно ты в этом нуждаешься.

Новые хозяева самой большой в Северной Америке метамфетаминовой лаборатории стояли бок обок и смотрели, как большой оранжевый грузовик развернулся и отправился в обратный путь.

- Сендерс!

- Что, Мастер?

- Я хочу догнаться бодрой музыкой, и срочно. Этот город нуждается в Мейвс Стейплз. А также в сестричках Кларк[388]. А как только я поставлю в эфир этих девах, мы с тобой покурим.

Глаза Энди наполнились слезами. Он обхватил руками костлявые плечи бывшего Фила Буши и сжал его в объятиях:

- Я люблю тебя, Мастер.

- Благодарю, Сендерс. Взаимно. Только не забывай держать оружие заряженным. Отныне мы поочередно будем дежурить.

15

Закатное солнце разрисовало вечер в оранжевый цвет, когда Большой Джим уже наконец-то сидел возле кровати своего сына. Вошел Даглас Твичел, чтобы сделать Джуниору укол. Сам парень в это время крепко спал. В определенной мере Большой Джим понимал, что было бы

лучше, если бы его сын умер; что он будет делать или будет говорить живым, да еще и с опухолью, которая давит ему на мозг, предусмотреть невозможно. Конечно, он его дитя, его плоть и кровь, но есть вещи поважнее, о которых он должен заботиться: благо города. Одна из тех запасных подушек, которые лежат в шкафу, могла бы тут помочь…

В этот момент зазвонил телефон. Взглянув по имени на экранчике, он насупился. Что-то там пошло не так. Если бы все было хорошо, Стюарт так быстро не позвонил бы.

- Что?

Он слушал, и удивление его нарастало. Там Энди? Энди с автоматом?

Стюарт ждал, что он ему скажет. Ждал, что ему будет приказано делать дальше.

«Дойдет и до тебя очередь, друг», - подумал Большой Джим и вздохнул, произнеся:

- Дай мне минутку. Мне надо подумать. Я тебе перезвоню.

Он дал отбой и задумался над этой новой проблемой. Можно сегодня же вечером снарядить туда отряд копов. Беспрекословно, привлекательная идея: сначала накрутить их в «Фуд-Сити», и тогда самому возглавить рейд. Если Энди погибнет, тем лучше. Таким образом, Джеймс Ренни - старший станет единолично править городом.

С другой стороны, на завтрашний вечер назначено чрезвычайное городское собрание. Туда придут все, и будет много вопросов. У него не было сомнений, что он сможет накинуть метовую лабораторию на счет Барбары и «Друзей Барбары» (в воображении Большого Джима Энди Сендерс теперь официально стал другом Барбары), однако все-таки… нет.

Нет.

Он действительно хотел напугать свое стадо, но никак не посеять сплошную панику. Паника не послужит его цели, которая состояла в установлении тотального контроля над городом. А если он позволит Энди и Буши какое-то время спокойно посидеть там, где они сейчас находятся, то, что за беда? В этом может быть даже какой-то плюс. Тем временем они расслабятся. Убедят себя, что о них забыли, потому что в наркотиках полно витамина глупости.

С другой стороны, на пятницу, то есть это послезавтра, этот никчема Кокс назначил день свиданий. Толпа валом повалит на ферму Динсмора. Вне всяких сомнений, вновь развернет свою торговлю хот-догами Бэрпи. Пока там будет продолжаться эта хреноверть, пока этот Кокс будет вести свою единоличную пресс-конференцию, Большой Джим лично возглавит отряд из шестнадцати- восемнадцати полицейских, поведет их на радиостанцию и выкурит оттуда прочь этих двух угоревших идиотов.

Да. Это правильное решение.

Он перезвонил Стюарту и сказал, чтобы тот пока что бросил заниматься этой проблемой.

- Но я же думал, вам нужен пропан, - удивился Стюарт.

- Мы его заберем, - заверил Большой Джим. - И ты так же поможешь нам укротить эту парочку, если захочешь.

- Пусть меня черти возьмут, если я не хочу. Этот сукин сын, извиняюсь, Большой Джим, этот

придурок Буши заслужил расплату.

- Он ее получит. В пятницу под вечер. Сделай отметку в своем календаре.

Большой Джим вновь чувствовал себя хорошо, сердце в его груди билось медленно и равномерно, без сбоя или трепета. И это было хорошо, потому, что так много нужно было еще сделать, начиная с ободряющей речи перед полицейскими в «Фуд-Сити»: прекрасный интерьер для того, чтобы поразить стаю новобранцев идеей важности порядка. Безусловно, нет лучшего места, чем разрушенная окружающая среда, чтобы заставить людей сыграть в игру «следуй за лидером».

Он уже было отправился к дверям палаты, но остановился, вернулся и поцеловал в щеку своего спящего сына. Необходимость лишиться Джуниора скоро может возникнуть, но пока что это также может подождать.

16

Очередной вечер спадает на маленький город Честер Милл, впереди очередная ночь под Куполом. Но нет для нас отдыха; мы должны побывать на двух встречах, а еще, прежде чем нам заснуть, надо проверить, как там наш корги Горес. В этот вечер Горес составляет компанию Эндрии Гринелл и, хотя именно сейчас он бьет баклуши, пес не забыл о попкорне между диваном и стеной.

Итак, идем вместе, ты и я, пока вечер уплывает под небесами, словно пациент на столе под эфирным наркозом. Идем, пока первые, бледные звезды только начинают сиять над головой. Это единственный город на все соседние четыре штата, где их видно сегодня. Дождем заволокло север Новой Англии, и зрители новостей на кабельных телеканалах вскоре получат удовольствие от созерцания замечательных сателитных фотоснимков, где среди туч будет зиять дыра, форма которой идеально отвечает контурам того носка, который носит название Честер Милл. Да, в этом городе светят звезды, но сейчас это грязные звезды, потому что сам Купол грязный.

Мощные ливни омыли Таркер Милл и часть Касл Рока, известную под названием Вью; метеоролог Си-Эн-Эн Рейнолдс Вульф (не родственник любимого Вульфи Рози Твичел) говорит, что, хотя пока что никто не может полностью быть в этом уверен, очень похоже на то, что воздушные потоки, которые двигаются с запада на восток, прижимают тучи к западной стороне Купола и отжимают их, словно губки, прежде чем те успевают выскользнуть на север или на юг. Он называет это «волшебным феноменом».

Ведущая программы Сьюзен Мэлво спрашивает у него, какой может быть погода под Куполом, если кризис затянется на длительное время.

- Сьюзен, - говорит Рейнолдс Вульф, - это хороший вопрос. Все, что нам известно наверняка, это то, что в Честер Милле сегодня не выпадет ни капли дождя, хотя поверхность Купола достаточно проницаема, и какое-то количество влаги туда попадет, там, где ливни будут мощными. Метеорологи из Национального управления проблем океана и атмосферы говорили мне, что долгосрочные перспективы осадков под Куполом весьма неутешительны. И мы также знаем, что их главная водная артерия, река Престил, почти пересохла. - Он улыбается, показывая прекрасный комплект телевизионных зубов. - Поблагодарим Бога за артезианские колодцы!

- Ваша правда, Рейнолдс! - говорит Сьюзен, и на телеэкранах Америки появляется гекон

Гейко[389]. Довольно с нас кабельных новостей; давай-ка проплывем вдоль полупустых улиц, мимо церкви Конго и пастората (встреча там еще не началась, но Пайпер уже наладила большую кофеварку, а Джулия готовит сэндвичи при свете газового фонаря Коулмена), мимо дома Маккейнов, окруженного печальными желтыми полицейскими лентами, вниз по городскому холму и мимо городской совета, где его сторож Эл Тиммонс с парой своих приятелей наводит лоск перед завтрашним чрезвычайным собранием, мимо Мемориал-Плаза, где статуя Люсьена Келверта (прадеда Норри; хотя я, наверное, даже не должен был бы тебе этого объяснять) осуществляет свой длительный караул.

Сделаем короткую остановку, взглянем, как там Барби и Расти, ты не против? Проблем со спуском в подвал не возникнет, в комнате дежурных сейчас всего три копа и еще Стэйси Моггин спит за диспетчерской стойкой, примостив, вместо подушки, руку себе под голову. Остальные офицеры сейчас в «Фуд-Сити», слушают свежую накрутку Большого Джима, но хоть бы и все они сейчас находились здесь, нам это без разницы, потому что мы невидимы. Они бы почувствовали бы разве что легкое дуновение, когда мы будем проскальзывать мимо них.

В клетке не на что смотреть, потому что надежда невидима так же, как и мы. Двум арестантам нечего делать, кроме как ждать завтрашнего вечера и надеяться, что все рванет в правильном направлении. Рука у Расти болит, но боль не такая страшная, как он ожидал, и опухоль не такая сильная, как он боялся. К тому же Стэйси Моггин, Господи, благослови ее душу, где-то около пяти, втайне подкинула ему пару таблеток экседрина.

Итак, пока что эти двое мужчин - наших героев, я так думаю - сидят на своих топчанах и играют в «двадцать вопросов». Сейчас очередь Расти спрашивать.

- Животное, растение или минерал? - спрашивает он.

- Ничего из этого, - отвечает Барби.

- Как такое может быть, чтобы ничего? Оно должен быть чем-то этаким.

- А вот и нет, - говорит Барби. Он загадал Папу Смерфа[390].

- Ты меня обманываешь.

- Вовсе нет.

- Ты же должен.

- Перестань каверзничать и начинай задавать вопрос.

- А подсказку можно?

- Нет. Это мое первое тебе «нет». Осталось еще девятнадцать.

- И подожди еще хотя бы минутку. Так нечестно.

Мы оставим их самих тянуть лямку следующих двадцати четырех часов, хорошо? Давай проложим наш маршрут мимо все еще теплой кучи пепла там, где еще недавно была редакция «Демократа» (та, что уже не служит «Маленькому городу, похожему на сапожок»), мимо семейной аптеки Сендерса (задымленной, однако все еще на своем месте, хотя сам Энди Сендерс никогда больше не войдет в ее двери), мимо книжного магазина и «Maison des Fleurs» Леклерка, где вся флора умирает или уже умерла. Давай пролетим под мертвым светофором,

который висит над перекрестком шоссе 117 и 119 (мы его чуточку зацепили, он легонько качается и вновь застывает), а дальше через автостоянку «Фуд-Сити». Мы бесшумны, как дыхание спящего ребенка.

Большие передние витрины «Фуд-Сити» заслонены экспроприированными с лесосклада Тебби Моррела щитами, Джек Кэйл с Эрни Келвертом посмывали с пола самые грязные лужи, однако в супермаркете все еще властвует мерзкий беспорядок, коробки и пакеты с сухими продуктами позакиданны повсюду способом «от забора до обеда». Остатки товара (то есть то, что не вывезли тележками в разные кладовки или в гараж позади полицейского участка) кое-как валяются на полках. Пивной автомат и автомат безалкогольных напитков, а также холодильник для мороженого стоят разрушеные. Резко воняет разлитым вином. Именно этот хаос и есть то, что Большой Джим хочет, чтобы увидели его новые - и преимущественно очень молодые - кадры надзирателей за правопорядком. Он хочет, что бы они себе представили, что весь город может стать похожим на этот маркет, и он достаточно опытен, чтобы понимать, что ему не надо об этом говорить вслух. Они сами поймут суть: вот что случается, когда пастух не выполняет своих обязанностей и стадо охватывает паника.

Надо ли нам слушать его речь? Да нет. Мы послушаем Большого Джима завтра вечером, и этого будет достаточно. Кроме того, каждый, и мы также, хорошо знает, как это происходит; две больших специальности Америки - демагогия и рок-н-ролл, и все мы этого добра понаслушались в свое время предостаточно.

А впрочем, прежде чем уйти отсюда, мы рассмотрим лица его слушателей. Заметь, какие они приподнятые, а потом припомни, что многие из них (скажем, Картер Тибодо, Мики Вордло, Тодд Вендлештат и прочие) - это хулиганы, у которых в школе недели не проходило без наказания оставлением после занятий за нарушение порядка на уроках или потасовке в туалете. Но Ренни их гипнотизирует. Никогда он не был достаточно убедительным тет-а-тет, вместо того перед толпой… это возбуждает, как горячее ча-ча-ча, как любил говорить Клейтон Бресси в те дни, когда в его мозгу еще оставалось несколько работающих клеток. Большой Джим говорит им «тонкая голубая линия полиции на страже закона» и «гордость стоять бок обок с коллегами-офицерами» и «город полагается на вас». И всякие другие вещи. Хорошие вещи, которые никогда не теряют своего обаяния.

Большой Джим переключается на Барби. Он говорит им, что друзья Барби все еще действуют, сеют распри, подстрекают к раздору ради их злых целей. Понизив голос, он говорит: «Они будут стараться дискредитировать меня. Их вранье бездонно».

Эти его слова встречает гневный гул.

- Станете ли вы слушать это вранье? Будете ли потворствовать им в моей дискредитации? Позволите ли нашему городу страдать без сильного лидера в то время, когда он нам так нужен?

Конечно, в ответ звучит громкое НЕТ! И, хотя Большой Джим продолжает (как большинство политиков, он верит не только в надувание шариков, но и в то, что их надо раскрашивать), на этом мы можем его оставить.

Айда этими безлюдными улицами к пасторату Конго. Взгляни-ка! Вон кое-кто, с кем мы можем прогуляться рядом: тринадцатилетняя девочка, одетая в выцвевшие джинсы и олдскульную майку скейтеров «Крылатый Призрак»[391]. Куда и делась в этот вечер с лица Норри Келверт пренебрежительная гримаса крутой бунтовщицы, постоянный источник отчаяния ее матери. Ее место уступило удивленному выражению, которое делает Норри похожей на восьмилетнюю

девочку, которой она и была совсем недавно. Мы следуем за ее взглядом и видим огромную полную луну, которая взбирается вверх из-за туч на восточном горизонте города. По форме и цвету она - точно как свежеразрезанный розовый грейпфрут.

- Ох… Бог… мой, - шепчет Норри.

Смотря на эту розовую уродливую луну, кулак одной руки она прижимает к груди между пока еще хилыми шишечками своих сисечек. И тогда идет дальше, не настолько удивленная, чтобы забыть то и дело оглядываться вокруг, удостоверяясь, что за ней никто не наблюдает. Это приказ Линды Эверетт: они должны идти поодиночке, должны не попадаться на глаза и должны быть абсолютно уверенными, что никто не идет за ними.

- Это не игра, - говорила им Линда. На Норри большее впечатление оказало ее бледное, настороженное лицо, чем эти слова. - Если нас схватят, с нас не просто снимут баллы или отодвинут назад в очереди. Вы понимаете это, дети?

- А можно, я приду вместе с Джо? - спросила миссис Макклечи, бледная почти так же, как и миссис Эверетт.

Миссис Эверетт покачала головой.

- Плохая идея.

И это оказало на Норри самое большое впечатление. Нет, это не игра, возможно, это вопрос жизни и смерти.

Ага, вот и церковь, а пасторат расположен рядом с ней. Норри уже видит ярко белый свет фонарей Коулмена, которые сияют из задних окон, где должна быть кухня. Скоро она окажется внутри, спрячется от взгляда этого ужасной розовой луны. Скоро она окажется в безопасности.

Так она думает, когда какая-то тень отделяется от еще более густой тени и хватает ее за руку.

17

Норри слишком испугалась, чтобы еще и закричать, и это было к лучшему, потому что когда розовая луна высветила своим сиянием лицо того человека, который ее зацепил, она узнала в нем Ромео Бэрпи.

- Вы меня напугали до усирачки, - прошептала она.

- Извиняюсь. Просто встречаю, я, - отпустил Ромми ее руку и осмотрелся вокруг. - А где твои бой-френды?

Норри не удержалась от улыбки.

- Не знаю. Нам было сказано приходить по одному и разными путями. Так приказала миссис Эверетт. - Она посмотрела в сторону подножия холма. - Мне кажется, там идет мама Джои. Нам лучше зайти вовнутрь.

Они отправились на свет фонарей. Внутренние двери пастората были распахнуты. Ромми деликатно постучал по косяку сетки и произнес:

- Ромми Бэрпи с подругой. Если надо какой-то пароль, то мы его не знаем.

Пайпер Либби отворила сетчатые двери и впустила их. Она изумленно посмотрела на Норри.

- Ты кто?

- Черт меня побери, если это не моя внучка, - воскликнул Эрни, входя в комнату. В руке у него был стакан лимонада, улыбка на лице. - Лети-ка ко мне, пчелка. Я за тобой соскучился.

Норри, как и приказывала ей мать, крепко его обняла и поцеловала. Она не собиралась покорно выполнять ее инструкции, но сейчас сделала это с радостью. И ему она могла сказать ту правду, которой даже под пыткой невозможно было бы вытянуть из нее перед лицом ребят, с которыми она дружила.

- Дедушка, мне так страшно.

- Нам всем страшно, пчелка моя. - Он обнял ее еще крепче, а потом заглянул в ее задранное к нему лицо. - Я не знаю, что ты здесь делаешь, но, поскольку ты уже здесь, как ты относишься к стакану лимонада?

Норри увидела кофейник и ответила. - Я бы лучше выпила кофе.

- Я бы тоже хотела, - сказала Пайпер. - Я его зарядила наилучшим кофе и только потом вспомнила, что у меня нет электричества. - Она встряхнула головой так, словно ее прочищала. - Меня это догоняет разными способами.

Новый стук послышался от задних дверей, и вошла Лисса Джеймисон, щеки ее ярко пылали.

- Я спрятала свой велосипед в вашем гараже, преподобная Либби. Надеюсь, вы не против.

- Прекрасно. Но если мы здесь замешаны в криминальном заговоре - как это, вне всяких сомнений, оценили бы Ренни с Рендольфом, - вы лучше называйте меня Пайпер.

18

Все пришли рано, и уже около девяти Пайпер открыла собрание Революционного комитета Честер Милла. Сначала ее поразило неравное представительство полов: присутствовали восемь женщин и только четыре мужчины. И из этих четверых один был пенсионного возраста, а двое такие, которых не пустили бы в к кинотеатр без сопровождения взрослых на фильм категории R. Ей пришлось напомнить себе, что сотни партизанских армий в разных уголках мира вкладывают оружие в руки женщин и детей, не старше этих, что пришли к ней этим вечером, но не всегда то, что выглядит правильным и то, что кажется необходимым, находятся в конфликте между собой.

- Я хотела бы, чтобы мы на минутку склонили свои головы, - сказала Пайпер. - Я не собираюсь молиться, потому что больше не уверена, с кем я говорю, когда это делаю. Но вы, возможно, захотите обратиться со словом к тому Богу, которого вы воспринимаете, потому что сегодня нам нужна вся помощь, которую мы только сможем получить.

Все сделали, как она просила. Кое-кто все еще оставался со склоненными головами и закрытыми глазами, когда Пайпер подняла свою голову и обвела взглядом присутствующих: две только что изгнанных из полиции леди-офицера, директор супермаркета на пенсии, газетная редакторша, у которой нет больше газеты, библиотекарша, хозяйка местного ресторана, подкупольная «вдова», которая непрестанно крутит обручальное кольцо у себя на

пальце, местный универсально-торговый барон и трое детей с неестественно серьезными лицами сидят на диване, тесно прислоняясь один к другому.

- Хорошо, аминь, - объявила Пайпер. - Я хочу передать ведение нашего собрания Джеки Веттингтон, которая знает, что надо делать.

- Наверное, это слишком оптимистичное предположение, - улыбнулась Джеки. - Не говоря уже, что скороспешное. Потому что я хочу передать слово Джо Макклечи.

- Мне? - оторопел Джо.

- Но прежде чем он начнет, - продолжала Джеки, - я хочу попросить его друзей побыть дежурными. Норри с фасада дома, а Бэнни с задней стороны. - Джеки заметила несогласие на их лицах и подняла руку, чтобы упредить протесты. - Это не для того, чтобы убрать вас отсюда, это важная задача. Нет потребности вас убеждать, какие могут случиться неприятности, если, скажем, нас застанут во время тайного собрания. Вы двое самые младшие. Найдите себе самые темные места, и притаитесь там. Если увидите приближение кого-то подозрительного или полицейскую машину, похлопайте в ладони. - Она всплеснула раз, потом дважды, потом еще раз. - Обо всем, что здесь будет происходить, вам расскажут позже, я обещаю. Спешная повестка дня - накопление информации, а не секретов.

Когда дети ушли, Джеки обратилась к Джо.

- Та коробочка, о какой ты рассказывал Линде. Расскажи теперь всем. С начала до конца.

Джо делал это стоя, словно отвечал на уроке в школе.

- И тогда мы вернулись в город, - закончил он. - И этот сученок Ренни арестовал Расти.

Он вытер со лба пот и вновь сел на диван. Клэр обняла сына рукой за плечи и добавила:

- Джо считает, что об этой коробочке не должен узнать Ренни. Вместо того, чтобы попробовать ее выключить или разрушить, Ренни захочет, чтобы она продолжала работать.

- Думаю, Джо прав, - согласилась Джеки. - Итак, ее существование и местонахождение - наш секрет номер один.

- Ну, я не знаю… - начал Джо.

- Что, - перебила его Джулия, - ты хочешь сказать, что Ренни должен о ней узнать?

- Возможно. Типа того. Мне еще надо подумать.

Джеки, не допытываясь больше ничего у мальчика, продолжила дальше.

- Второй вопрос нашего совещания. Я хочу попробовать освободить Барби и Расти из тюрьмы. Завтра вечером, во время общего городского собрания. Барби - тот человек, которому Президент приказал возглавить городскую администрацию…

- Да кто угодно, лишь бы не Ренни, - грохнул Эрни. - Этот некомпетентный сукин сын считает себя властителем всего города.

- Он мастер в одном, - добросила Линда. - Заваривать кашу, когда это ему выгодно. Продуктовый бунт и поджог газеты… мне кажется, эти события были спланированы им.

mir-knigi.org

- Да, конечно же так, - подхватила Джеки. - Человек, который способен убить собственного пастора…

Рози на это даже рот разинула.

- Ты хочешь сказать, что это Ренни убил Коггинса?

Джеки рассказала им о подвальном морге в похоронном салоне и о том, что следы на лице у Коггинса соответствуют золотому бейсбольному мячику, который Расти видел в кабинете Ренни. Ее слушали с отвращением, но без недоверия.

- Так и девушек он? - спросила Лисса Джеймисон тоненьким, оробевшим голоском.

- А вот это, я уверена, работа его сына, - произнесла Джеки, словно прозрев. - И эти убийства, скорее всего, не связаны с политическими махинациями Большого Джима. Сегодня утром у Джуниора произошел приступ. Перед домом Маккейнов, между прочим, где были найдены трупы. Им найдены.

- Какое стечение обстоятельств, - заметил Эрни.

- Он в госпитале. Джинни Томлинсон говорит, там скорее всего опухоль мозга, которая и может приводить к насильственным действиям.

- Семейная команда убийц из отца и сына? - Клэр прижала еще крепче Джо к себе.

- Навряд ли, чтобы настоящая команда, - уточнила Джеки. - Назовем это одинаковой дикой склонностью к насилию - что-то такое, генетическое, - которая проявляется при стрессовых обстоятельствах.

Здесь свою мысль высказала Линда.

- Но то, что тела находились в одном месте, явным образом говорит: если убийц было двое, действовали они вместе. Речь идет о том, что моего мужа и Дейла Барбару держит сейчас в заключении убийца, используя их для развития теории грандиозного заговора. Единственная причина, почему их уже не убили в тюрьме, состоит в том, что Ренни желает использовать их как пример. Он хочет казнить их публично. - Лицо Линды на миг скривилось, видно было, что она перебарывает слезы.

- Я поверить не могу, что он зашел так далеко, - произнесла Лисса, крутя туда-сюда анкх у себя на шее. - Он же всего лишь торговец подержанными машинами.

Ответом на эти ее слова была тишина.

- А теперь подумайте, - сказала Джеки, когда все немного попритихли. - Рассказав вам о том, что собираемся сделать мы с Линдой, я начала настоящий заговор. И потому хочу просить вас проголосовать. Кто хочет оставаться с нами, пусть подымет руку. Те, кто рук не подымут, могут отсюда уйти, при условии, если дадут обещание не говорить о том, что мы здесь обсуждали. Чего, впрочем, едва ли кому-то захочется делать; если не рассказывать, кто здесь был, и что здесь обсуждалось, не появится потребности объяснять, каким образом вы это услышали. Это опасно. Мы можем оказаться в тюрьме или с нами произойдет что-то еще худшее. Итак, давайте посмотрим, сколько поднимется рук. Кто хочет остаться?

Первым руку поднял Джо, не промедлили вслед за ним и Пайпер, Джулия, Рози и Эрни

Келверт. Одновременно подняли руки Линда и Ромми. Лисса посмотрела на Клэр Макклечи. Клэр вздохнула, кивая. Обе женщины подняли руки.

- Ты молодчага, ма, - улыбнулся Джо.

- Если ты хоть когда-нибудь расскажешь своему отцу, во что я тебе позволила вляпаться, - начала она, - никакого Джима Ренни не понадобится, чтобы подвергнуть тебя наказанию. Я сделаю это собственноручно.

19

- Линда не может идти в департамент полиции, - заговорил Ромми. Обращался он к Джеки.

- А кто же тогда?

- Вы и я, милочка. Линда пойдет на большое собрание. Где шестьсот-восемьсот свидетелей могут потом сказать, что там ее видели.

- Почему это я не могу? - не согласилась Линда. - Это моего мужа они схватили.

- Вот именно поэтому и не можете, - просто сказала Джулия.

- Как вы думаете это сделать? - спросил Ромми у Джеки.

- Ну, я предлагаю одеть маски…

- Вот и все дела, - произнесла Рози, скорчив гримасу. Все рассмеялись.

- Нам повезло, - сказал Ромми. - У меня в магазине огромный выбор хэллоуиновских масок.

- Может, я буду Русалочкой - произнесла Джеки, замечтавшись. Поняла, что все на нее смотрят и зарделась. - Да все равно кем. В любом случае нам нужно оружие. У меня есть дома запасной пистолет - «Беретта». А у вас есть что-нибудь, Ромми?

- Я отложил несколько винтовок в сейф в кабинете. Минимум одна там с оптическим прицелом. Не скажу, что я предугадывал, что приближается что-то такое, но я чувствовал, что что-то такое приближается.

Заговорил Джо:

- Вам также понадобится транспорт для отхода. Но не ваш фургон, Ромми, потому что его каждый знает.

- У меня есть идея относительно этого, - сказал Эрни. - давайте возьмем какую-нибудь машину со стоянки салона «Подержанные автомобили Джима Ренни». Там у него есть с полдюжины фургонов с большим пробегом, которые он еще весной прикупил у телефонной компании. Они стоят поодаль, позади всех других. Воспользоваться машиной, которая принадлежит ему, это была бы, как вы это называете - высшая справедливость.

- А каким это образом вы собираетесь достать ключ? - спросил Ромми. - Залезть в его кабинет в том салоне?

- Если у той машины, которую мы выберем, не электронная система зажигания, я ее и без

ключа заведу, - заверил Эрни. И добавил, хмурясь, глядя на Джо: - Я предпочел бы, чтобы ты не рассказывал об этом моей внучке, юноша.

Джо отреагировал на это пантомимой, показывая, словно он застегнул себе рот на молнию, что вызвало новый взрыв общего хохота.

- Начало чрезвычайного городского собрания назначено завтра на семь вечера, - сказала Джеки. - Если мы войдем в полицейский участок где-то около восьми…

- Можно сделать лучше, - перебила ее Линда. - Если мне нужно идти на это проклятое собрание, пусть с этого будет хоть какая-то польза. Я надену платье с большими карманами и возьму с собой полицейскую рацию - ту, запасную, которую я всегда вожу в моей собственной машине. Вы двое будете сидеть в фургоне наготове.

В комнате, словно зазвенело напряжение, все это вдруг ощутили. Дело начало приобретать реальную картину.

- Возле дебаркадера позади моего магазина, - кивнул Ромми. - Чтобы оставаться незамеченными.

- Едва только Ренни примется за свою речь, - продолжила Линда. - Я дам вам тройным клацаньем вызов по радио. Это будет сигнал отправляться.

- А сколько полицейских может быть в участке? - спросила Лисса.

- Возможно, мне получится об этом узнать у Стэйси Моггин, - сказала Джеки. - А впрочем, много людей там не должно быть. Зачем им там сидеть? Насколько Большому Джиму известно, не существует никаких подпольных «друзей Барби» - есть только созданные им самым соломенные пугала, которыми он всех пугает.

- Кроме того, он побеспокоится, чтобы его нежная срака хорошо охранялась, - добавила Джулия.

На это тоже кое-кто засмеялся, но очень встревоженной выглядела мать Джо.

- Однако же в полицейском участке все равно кто-то останется, не важно, сколько именно их там будет. Что вы собираетесь делать, если они начнут вам сопротивляться?

- Не начнут, - заверила Джеки. - Мы их самых позамыкаем в камерах раньше, чем они поймут, что происходит.

- А если они все-таки будут сопротивляться?

- Тогда мы будем стараться никого не убить, - голос Линды звучал спокойно, но глаза у нее были, словно у существа, которое последним усилием воли собрало всю свою храбрость для того, чтобы спастись - Хотя убийства, наверняка, все равно будут, если Купол останется стоять еще некоторое время. Смертная казнь Барби и моего мужа на Мемориал-Плазе станет в этом деле лишь началом.

- Ну вот, скажем, вы их оттуда вытянули, - произнесла Джулия. - Куда вы их денете? Привезете сюда?

- Нельзя, - возразила Пайпер и дотронулась до своих все еще припухших губ. - Я уже в черном

списке Ренни. Не говоря уже о том парне, который теперь выступает в роли его персонального охранника, Картера Тибодо. Мой пес его погрыз.

- Ни одно место вблизи центра города не годится, - сказала Рози. - Они могут обыскивать все дома подряд. Видит Бог, копов у них теперь достаточно.

- Плюс все те, кто теперь носят на руках голубые повязки, - добавил Ромми.

- А если в какой-нибудь домик на озере Честер? - спросила Джулия.

- Возможно, - согласился Эрни, - Но они до этого тоже могут додуматься.

- И все равно это, наверняка самый лучший вариант, - сказала Лисса.

- Мистер Бэрпи, - спросил Джо. - А у вас есть еще рулоны свинцового полотна?

- Конечно, тонны. И зови меня Ромми.

- Если мистер Келверт сумеет завтра вывести фургон, и вы спрячете его за универмагом, вы же можете туда загрузить порезанные куски свинцового полотна? Такого размера, чтобы прикрыть им окна?

- Думаю, да…

Джо перевел взгляд на Джеки:

- А вы можете связаться с полковником Коксом, когда возникнет необходимость?

- Да, - одновременно ответили Джеки и Джулия, изумленно переглянувшись.

У Ромми прояснело лицо.

- Ты думаешь о старой ферме Маккоя, правда же? О Черной Гряде? О ее вершине, где та коробочка?

- Конечно. Может, это и не очень хорошая идея, но если нам всем придется убегать… если мы все соберемся там… мы сможем защитить генератор. Я понимаю, это звучит безумно по отношению к штуке, которая породила все наши проблемы, но мы не можем позволить Ренни завладеть той коробочкой.

- Я надеюсь, до воспроизведения осады Аламо[392] в яблоневом саду не дойдет, - сказал Ромми, - но смысл в твоей идее есть.

- Есть и еще кое-что, что мы можем сделать, - продолжал Джо. - Это немного рискованная операция, и вообще, возможно, не нужная, однако…

- Давай, говори, - поощрила его Джулия. Она смотрела на Джо Макклечи с благоговейным трепетом.

- Ну… Ромми, счетчик Гейгера все еще лежит в вашем фургоне?

- И думаю, что так.

- Может, кто-то смог бы вернуть его в противоатомное убежище, туда, где он лежал раньше. -

mir-knigi.org

Джо обратился к Джеки с Линдой. - Кто-то из вас мог бы это сделать? То есть я понимаю, вас обеих освободили.

- Думаю, Эл Тиммонс мог бы нас туда пустить, - сказала Линда. - А Стэйси Моггин он запустит без проблем. Она с нами. Она не здесь только потому, что сейчас у нее очередная смена. Но зачем такой риск, Джо?

- Потому что… - он говорил с нехарактерной для него медлительностью, подбирая слова. - Ну… там есть радиация, так? Опасная радиация. Она там, как пояс… я могу поспорить, через этот пояс можно проехать вообще без всякой защиты и не пострадать, если ездить быстро и не часто… но они же об этом не знают. Проблема заключается в том, что они вообще не знают о радиации. И не узнают, если не будут иметь счетчик Гейгера.

Джеки насупилась.

- Сама по себе это крутая идея, мальчик, но мне в этой идее не нравится то, что Ренни прямо указывается на место, куда мы собираемся. Это противоречит моей идее безопасного укрытия.

- Это не обязательно делать, - сказал Джо. Он говорил так же медленно, нащупывая слабые места. - По крайней мере, не совсем так. Одна из вас может связаться с полковником Коксом, правильно? Сказать ему, чтобы позвонил по телефону Ренни и сообщил, что они зафиксировали присутствие радиации. Кокс может ему сказать что-то на подобие: «Мы не можем ее определить точно, потому что она то появляется, то исчезает, но уровень довольно высокий, возможно, даже летальный, будьте осторожны; у вас там часом нет счетчика Гейгера?»

Запала продолжительная тишина, пока обдумывались его слова. И тогда Ромми произнес:

- Мы доставим Барбару и Расти на ферму Маккоя. И сами переберемся туда, если придется… а так оно, наверно, и произойдет. А если они попробуют туда добраться…

- Увидят на шкале Гейгера такой прыжок, что будут убегать назад в город, прикрыв руками свои никчемные семенники, - проскрипел Эрни. - Клэр Макклечи, а у тебя сынок гений.

Клэр крепко обняла Джо, на этот раз обеими руками.

- Если бы мне еще как-то приучить его убирать в своей комнате.

20

Горес лежал на коврике в гостиной Эндрии Гриннел, положив морду себе на лапы, а глаза на женщину, с которой его оставила его хозяйка. По обыкновению Джулия всюду брала его с собой; характер у него был спокойный и никогда не создавал хлопот даже там, где были коты, которых он игнорировал из-за их, как у мусора, запаха. Но этим вечером Джулии подумалось, что Пайпер Либби, наверняка, будет больно видеть живого Гореса в то время, когда ее собака погибла. Также она заметила, что Горес нравится Эндрии, и вместе с этим подумала, что корги поможет ее подруге отвлекаться от абстинентного синдрома, который немного ослабел, но совсем еще не пропал.

Некоторое время так и было. Эндрия нашла резиновый мячик в коробке с игрушками, которые она держала для своего единственного внука (который давно уже вышел из игрушечного возраста). Горес послушно гонялся за мячиком и приносил его назад, хотя не усматривал в

этом большого для себя смысла; ему больше нравились мячики, которые можно было ловить в воздухе. Но работа является работой, и он продолжал ее выполнять, пока Эндрия не задергалась так, словно ей вдруг стало холодно.

- Ох, ох же сука, вновь нашло.

Она легла на диван, полностью сосредоточившись на конвульсиях. Одну из диванных подушек она прижала себе к груди, а глазами вперилась в потолок. Скоро у нее начали клацать зубы – очень раздражающий звук, по мнению Гореса.

Он поднял ей мячик, надеясь ее утешить, но она его оттолкнула.

- Нет, миленький, не сейчас. Дай мне пережить это.

Горес положил мячик перед отключенным телевизором и сам лег. Дрожание женщины немного ослабло, и вместе с этим ослаб ее болезненный запах. Руки, которые сжимали подушку, расслабились, когда она сначала начала кунять, а вскоре и захрапела.

Что значило - настало время жратвы.

Горес вновь нырнул под стол, прошел по конверту из коричневой манильской бумаги, где лежали материалы дела ВЕЙДЕР. За конвертом лежала попкорновая Нирвана. О, блаженный пес!

Горес все еще обжирался, виляя бесхвостым задом от наслаждения, которое почти равнялось экстазу (рассыпанные там бубки были чрезвычайно маслянистые, фантастически солененькие и - что лучше всего - идеально выдержанные), когда вновь заговорил мертвый голос.

«Передай ей это».

Но он же не мог, его хозяйка ушла.

«Другой передай».

Мертвый голос не терпел отказов, да и все равно попкорн уже почти весь закончился. Горес себе отметил несколько последних бубок на будущее, и тогда начал идти на попятную, пока конверт не оказался перед его носом. На мгновение он забыл, что должен был сделать. Но тут же вспомнил и ухватил конверт зубами.

«Хорошая собака».

21

Что-то холодное лизнуло Эндрии щеку. Она отпихнула его прочь и перевернулась на бок. На пару секунд она вновь почти впала назад в целебный сон, но затем прозвучал лай.

- Замолкни, Горес, - накрыла она себе голову подушкой.

Снова лай, а следом тридцатичетырёхфунтовый корги плюхнулся ей на ноги.

- Ах, - вскрикнула Эндрия, садясь. Перед ней была пара сияющих светло-карих глаз и хитро улыбающаяся морда. Вот только что-то торчало на помеху его улыбке. Конверт из коричневой манильской бумаги. Горес опустил его ей на живот и соскочил на пол. Ему не разрешалось

mir-knigi.org

залазить на мебель, кроме его собственной, но похоже на то, что требование мертвого голоса нуждалось в спешном исполнении.

Эндрия подобрала конверт с вмятинами от зубов Гореса и едва заметными следами его лап. Увидела прилипшее к конверту ядрышко попкорна и смахнула его прочь. Неизвестно, что там внутри, но прощупывалось что-то довольно грубое. На лицевой стороне конверта шла надпись большими печатными буквами: ДЕЛО ВЕЙДЕР. Ниже, тоже печатным письмом: ДЛЯ ДЖУЛИИ ШАМВЕЙ.

- Горес? Где ты это взял?

Конечно, Горес не мог ответить на этот вопрос, но ответа и не требовалось. Ядрышко попкорна подсказало ей место. И тогда и память включилась, воспоминание, мерцающее и призрачное, словно сновидение. Это было во сне, или Бренда Перкинс действительно приходила к ее дверям в тот день, после первой ночи ее ужасной ломки? Когда пищевая передряга бушевала на другом конце города?

«Ты можешь это подержать у себя для меня, милая? Только какое-то время? У меня спешные дела, а я не хочу брать это с собой».

- Она была здесь, - сказала Эндрия Горесу, - потому что это ее конверт. Я его у нее взяла… по крайней мере, так мне кажется… но потом меня потянуло блевать. Наверно, я его швырнула на стол, когда бежала к унитазу. А он завалился вниз? Ты нашел его на полу?

Горес гавкнул один раз. Это могло быть утверждением, и так же это могло быть сообщением: я готов вновь играться в мяч, если хочешь.

- Премного благодарна, - произнесла Эндрия. - Хорошая собачка. Я отдам это Джулии, как только она сюда вернется.

Где и делась ее сонливость, а также - сейчас - и судороги. Вместо этого ей завладело любопытство. Потому что Бренда была мертва. Убита. И случиться это с ней могло вскоре после того, как она передала ей этот конверт. Из чего вытекало, что он мог быть очень важным.

- Я только взгляну краешком глаза, разве нельзя? - произнесла она.

Горес вновь гавкнул. Для Эндрии Гриннел это прозвучало: почему бы и нет?

Эндрия распечатала конверт, и большая часть секретов Большого Джима Ренни высыпалась ей на колени.

22

Первой вернулась домой Клэр. Следом пришел Бэнни, потом Норри. Они втроем сидели на крыльце дома Макклечи, когда, идя напрямик через лужайки, держась в тени, прибыл наконец-то Джо. Бэнни и Норри пили теплую крем-соду доктора Брауна[393]. Клэр, медленно катаясь вверх-вниз на дворовых диване-качелях, ласкала в руках бутылку пива из запасов своего мужа. Джо сел рядом с ней, Клэр положила руку на его костлявые плечи. «Он такой хрупкий, - подумала она. - Он этого сам не понимает, однако так и есть. Он, словно птенец».

- Чувак, - сказал Бэнни, передавая Джо жестянку содовой, которая его ждала. - А мы здесь уже

начали волноваться.

- Мисс Шамвей хотела еще кое-что узнать о той коробочке, - объяснил Джо. - Вообще, вопросов у нее было больше, чем у меня ответов. Вот же тепло сейчас, правда? Тепло, как летней ночью. - Он перевел взгляд вверх. - А посмотрите только на эту луну.

- Я не хочу, - произнесла Норри. – Она страшная.

- Ты в порядке, дорогой? - спросила Клэр.

- Эй, ма. А ты?

Она улыбнулась.

- Сама не знаю. Будет ли из этого толк? Как вы, дети, думаете? Я имею в виду, что вы на самом деле обо всем этом думаете?

Никто не был в состоянии моментально ответить, и это пугало ее больше всего. А потом Джо поцеловал ее в щеку и сказал:

- Все будет хорошо.

- Ты уверен?

- Конечно.

Она всегда могла угадать, когда он говорит неправду - хотя понимала, что этот дар может ее покинуть, когда он станет старше, - но не пристыдила его на этот раз. Лишь поцеловала его в ответ, дыхание ее было теплым и по-отцовски немного пахло пивом.

- Только бы не было кровопролития.

- Никакой крови, - заверил Джо.

Она улыбнулась.

- Хорошо, это для меня главное.

Они сидели там, в темноте еще долго, говорили мало. Потом зашли в дом, оставив город спать под розовой луной.

Перевалило за полночь.

ПОВСЮДУ КРОВЬ

1

Уже началось двадцать шестое октября, когда в половине первого ночи Джулия вернулась в дом Эндрии. Она старалась заходить тихо, но необходимости в этом не было, в доме звучала музыка, работал портативный радиоприемник, оттуда «Стейпелз Сингерс»[394] на всю мощь исполняли «Выбирай истинную церковь и возвращайся домой».

В коридор поприветствовать ее вышел Горес, он вилял своим гузном, улыбаясь той немного

mir-knigi.org

сумасшедшей улыбкой, на которую способны только корги. Он склонился, распластав передние лапы, и Джулия чуточку почесала его за ухом - в самом сладком для собачки месте. Эндрия сидела на диване с чашкой чая в руках.

- Извиняюсь за музыку, - произнесла она, уменьшая звук. - Я никак не могла заснуть.

- Это твой дом, дорогуша, - ответила Джулия. - А для РНГХ это настоящий рок.

- И это как раз началось сегодня днем, с того времени и передают одни только заводные госпелы, - улыбнулась Эндрия. - У меня такое ощущение, словно я выиграла джек-пот. Как прошла ваша встреча?

- Хорошо. - Джулия села.

- Хочешь что-то рассказать?

- Тебе не следует волноваться. Надо концентрироваться на выздоровлении. И знаешь что? Ты уже выглядишь немного лучше.

И в самом деле, очень отощавшая Эндрия оставалась бледной, но темные круги у нее под глазами немного посветлели и сами глаза начали искриться.

- Благодарю на добром слове.

- Горес пристойно себя вел?

- Очень хорошо. Мы играли в мяч, а потом оба чуточку поспали. Если на вид я уже не такая страшная, то, наверное, это благодаря сну. Ничего лучше сна не сохраняет девичью красу.

- Как твоя спина?

Эндрия улыбнулась. На удивление просветленной улыбкой, впрочем, без особого в ней юмора.

- Спина не болит совсем. Ни кольнет, даже когда я наклоняюсь. Знаешь, что я думаю?

Джулия покачала головой.

- Я думаю, что, когда речь идет о наркотиках, тело с мозгом действуют в заговоре. Если мозг желает наркотика, тело ему подыгрывает. Оно говорит: «Не волнуйся, не обвиняй себя, все обстоит благополучно, мне действительно больно». То, о чем я говорю, это не совсем ипохондрия. Это просто!.. Она замерла с отсутствующими глазами, словно отлетела куда-то далеко.

«Куда?» - удивлялась Джулия.

Но Эндрия вскоре вернулась.

- Человек по своей природе бывает деструктивным. Скажи мне, как ты думаешь, похож ли город на человеческое тело?

- Да, - моментально согласилась Джулия.

- Итак, тело может уверять, что ему больно, только бы мозг получил наркотик, которого желает он?

mir-knigi.org

Джулия подумала минутку, и тогда кивнула:

- Да.

- А сейчас мозг нашего города Джим Ренни, не так ли?

- Так, дорогуша. Я соглашаюсь, именно он им и есть.

Эндрия сидела на диване со склоненной слегка головой. Вдруг она выключила радиоприемник и встала на ноги.

- Думаю, мне время идти в кровать. И знаешь, мне кажется, я наконец-то смогу по-настоящему выспаться.

- Это хорошо, - а следом, без всякой причины, которую бы она сама могла понять, Джулия спросила: - Эндрия, что-нибудь случилось, пока меня не было?

Эндрия сделала удивленный вид.

- Конечно, да. Мы с Горесом игрались в мяч, - она резко наклонилась без признаков боли, чего, по ее словам, не способна была сделать еще неделю назад, и протянула руку. Горес подошел к ней, позволив себя погладить. - Он замечательный подносчик снарядов.

2

У себя в комнате Эндрия села на кровать, открыла конверт ВЕЙДЕР и начала вновь все перечитывать с самого сначала. Теперь еще внимательнее. Когда она наконец-то засунула бумаги назад в коричневый конверт, было уже около двух утра. Конверт она положила в ящик столика, который стоял возле ее кровати. В том же ящичке лежал револьвер 38-го калибра, подаренный Эндрии на день рождения два года назад ее братом Дагласом. Тогда ее это взволновало, но Даг убедил ее, что женщина, которая живет одна, должна держать в доме что-то, чем сможет себя защитить.

Теперь она вытянула револьвер, откинула барабан и проверила патронные гнезда. Согласно инструкциям Твича, то гнездо, которое при возведении курка подкатывалось под боек, было пустым. Остальные пять были заряжены. В шкафу на верхней полке лежали еще патроны, но ей не подарят шанса перезарядить. Ее расстреляют на месте копы из его скромной частной армии.

А если она не сумеет убить Ренни пятью выстрелами, тогда, вероятно, и сама не заслуживает жизни.

- Наконец, - пробормотала Эндрия, пряча револьвер назад в ящик, - ради чего я очистилась от наркотика?

Теперь, когда ее мозг очистился от «окси», с ответом самой себе она не ошиблась: «Ради того, чтобы стрелять метко».

- Аминь с этим, - произнесла она.

Через пять минут она уже спала.

mir-knigi.org

3

Джуниор вовсе не спал. Он сидел на единственном в госпитальной палате стуле возле окна, смотря, как чудный розовый месяц садится, прячась за черным пятном на Куполе, что оказалось для Джуниора новостью. Это пятно было большим и висело намного выше того, что осталась после неудачного ракетного обстрела. Может, пока он был без сознания, происходила очередная попытка пробить Купол? Он этого не знал, да и не переживал. Значение имело только то, что Купол еще держится. Если бы не так, город сейчас был бы освещен, как Лас-Вегас, и заполнен солдатами. Конечно, в нем и теперь кое-где светится - в домах тех, кто страдает бессонницей, - но в целом, Честер Милл спит. И это хорошо, потому, что ему надо кое-что обдумать.

А если точнее: Бааарби и друзей Барби.

Сидя возле окна, Джуниор не ощущал боли в голове, и память к нему вернулась, но парень осознавал, что он очень болен. Всю левую половину тела охватывала какая-то подозрительная слабость, а время от времени из левого угла его рта и слюна выплывала. Вытирая ее левой ладонью, он иногда ощущал прикосновение кожи к коже, а иногда и нет. В дополнение к этому, довольно большое черное пятно в форме щели для ключа от замка плавало у него перед левым глазом. Словно что-то порвалось внутри его глазного яблока. Он предполагал, что так оно и есть.

Джуниор вспомнил ту дикую злость, которую он чувствовал в День Купола; вспомнил, как гнался за Энджи по коридору к кухне, как швырнул ее на холодильник и врезал коленом ей в лицо. Вспомнил тот звук, который услышал тогда: словно у нее в голове за глазами находилось фарфоровое блюдо и он разбил его ударом колена. Теперь та ярость прошла. Его место заняла новая, какая-то словно шелковистая, злость, которая плыла через его тело из неизвестного бездонного источника внутри его головы; этот поток вместе с тем охлаждал и очищал.

Перед этим, вечером, заходил его осмотреть тот старый хер, которого они с Фрэнки потрясли на озере Честер. Этот старый хер действовал профессионально, померил ему температуру и кровяное давление, расспрашивал о головной боли, даже проверил у него коленные рефлексы маленьким резиновым молоточком. А потом, когда он ушел, Джуниор услышал болтовню и смех. Прозвучало имя Барби. Джуниор украдкой подошел к дверям.

Там стоял тот старый хер и одна из юных волонтерок, хорошенькая латинос, которую еще звали то ли Буффало, то ли как-то похоже на Буффало. Старый хер расстегнул на ней блузку и щупал сиськи. Она раскрыла молнию у него на штанах и дрочила ему штык. Их обвивало ядовитое зеленое марево.

- Джуниор со своим другом меня побили, - говорил старый хер, - но теперь его друг мертвый и этот тоже скоро умрет. Так приказал Барби.

- Я мечтаю пососать у Барби его слоника, как мятного коника, - произнесла девка Буффало, а старый хер сказал, что он бы тоже это радушно сделал. Потом Джуниор сморгнул и увидел, что они просто идут по коридору. Никакой зеленой ауры, никакой грязной болтовни. Это у него, наверняка, была галлюцинация. А с другой стороны, возможно, и нет. Единственное точно: все они здесь заодно. Все носятся с Бааарби. Он в тюрьме, но это лишь временно. Наверняка, чтобы набраться к себе сочувствия. Это часть плаааана Бааарби. К тому же он думает, что в тюрьме защищен от Джуниора.

- Ошибаешься, - прошептал он, сидя возле окна, вперившись в ночь своим дефектным зрением.

- Очень ошибаешься.

Джуниор действительно знал, что с ним произошло, это была вспышка понимания, логичность которой находилась вне всяких сомнений. Он отравлен талием так же, как тот российский парень в Лондоне. Армейские жетоны Барби были присыпаны порошком талия, а Джуниор вертел их в руках и вот теперь умирает. А поскольку в квартиру Барби его послал отец, значит, он тоже принимает участие в этом заговоре. Он тоже тот… что и рядом с Барби… как же их называют, тех ребят…

- Фавориты, - прошептал Джуниор. - Очередной филейный фаворит Большого Джима Ренни.

Едва только он об этом подумал, едва лишь ум прочистился, как ему все стало ясно. Отец хотел, чтобы он навеки замолчал о Коггинсе и Перкинс. Отсюда отравление его талием. Все сходится.

На дворе, по парковке, которая лежала за лужайкой, медленной рысью протелепался волк. На самой лужайке возились в позиции 69 две голые женщины. «Шестьдесят девять, лижущее племя!» - любили детьми скандировать они с Фрэнки, когда видели двух девушек, которые прогуливались вместе, сами не зная, что означают эти слова, зная только, что в них есть что-то грубое. Одна из лизуний была похожа на Сэмми Буши. Медичка - Джинни ее имя - сказала ему, что Сэмми мертва, однако же, это явное вранье и означает это, что и Джинни также принимает участие в заговоре; она тоже с Баарби.

А хоть кто-то в этом городе не с ним? Кому здесь можно верить?

Ага, понял он, есть таких двое. Это дети, которых они с Фрэнком нашли возле озера, Алиса и Эйден Эпплтоны. Он помнил их испуганные глаза, и как девочка обняла его, когда он подхватил ее на руки. Когда сказал ей, что теперь они в безопасности, она спросила: «Вы обещаете?» И Джуниор ответил ей: «Да». Ему тогда стало так хорошо от своего обещания. И вес ее доверия тоже дарил ему утешение.

Вдруг Джуниор решил: он убьет Дейла Барбару. Если кто-то попробует перейти ему дорогу, он убьет и их тоже. Потом найдет своего отца и его убьет… об этом он мечтал много лет, хотя до сих пор никогда не признавался себе в этом абсолютно честно.

А когда все будет сделано, разыщет Эйдена и Алису. Если кто-то попробует его остановить, он и их убьет тоже. Детей он заберет на озеро Честер и будет за ними присматривать. Он будет соблюдать обещание, которое дал Алисе. Если он так сделает, тогда не умрет. Бог не даст ему умереть от отравления талием, в то время как он будет досматривать двух маленьких детей.

А теперь Доди Сендерс с Энджи Маккейн дефилировали по парковке, обе в коротких юбочках черлидерш и свитерах с большими W Милловских «Уайлдкетс» на груди. Заметили, что он за ними наблюдает, и начали вертеть бедрами, задрав юбочки. Их лица набухли от гниения. Они скандировали: «Отворяй быстрей кладовку! Снова трахнемся мы ловко! Айда… КОМАНДА!»

Джуниор закрыл глаза. Раскрыл. Его подружки исчезли. Очередная галлюцинация, как и тот волк. Что касается девушек в позе 69 он не чувствовал себя таким уверенным.

А может, думал он, ему совсем и не надо забирать детей на озеро. Это довольно далековато от города. Может, он вместо этого заберет их в кладовку Маккейнов. Это близко. И там полно пищи.

И еще, конечно, там тьма.

- Я буду проявлять заботу о вас, детки, - произнес Джуниор. - Со мной вы будете в безопасности. Едва только Барби станет мертвым, развалится весь заговор.

Вскоре он прислонился лбом к оконному стеклу, и тогда наконец-то и сам заснул.

4

Пусть срака у Генриетты Клевард и не была сломана, а лишь побита, болела она, словно та аспидская паразитка - в восемьдесят четыре года, как выяснила Генриетта, любое расстройство в организме заявляет о себе аспидской болью, - и сначала эта госпожа подумала, что это именно срака разбудила ее на рассвете в тот вторник. Однако похоже на то, что парацетамол, который она приняла в три часа утра, все еще действовал. К тому же она нашла подушку-бублик своего покойного мужа (Джон Клевард страдал геморроем) и эта штука тоже помогала ей в значительной мере. Нет, разбудило ее что-то другое, и вскоре после того, как проснулась, она поняла причину.

Вил Бадьи, ирландский сеттер Фримэнов. Бадьи, который до этого никогда не выл. Он был самым воспитанным псом на всей Бетл-Стрит, короткой улочке, которая шла сразу после подъездной аллеи больницы имени Катрин Рассел. Вместо этого генератор Фримэнов молчал. Генриетта подумала, что, наверняка, именно это, а не вытье пса, могло ее разбудить. Потому что прошлым вечером как раз гудение их генератора помогло ей погрузиться в сон. Их генератор не принадлежал к породе тех скрежещущих чудовищ, которые выбрасывают в воздух синий дым, генератор Фримэнов выдавал низкое, мягкое урчание, которое действительно действовало успокоительно. Генриетта думала, что машина эта дорогая, но Фримэны могли ее себе позволить. Уилл владел эксклюзивным в их городе дилерским центром «Тойоты», право на открытие которого когда-то так хотел получить Большой Джим Ренни, и, хотя времена теперь для всех автодилеров были не самыми лучшими, Уилл всегда был исключением из правил. Только в прошлом году они с Лоис возвели очень красивую и элегантную надстройку над своим домом.

Но это вытье. Голос собаки звучал так, словно ей было больно. Раненный или больной зверь никогда бы не остался без внимания таких людей, как Фримэны, они должны были бы отреагировать немедленно… Так почему же этого не случилось?

Генриетта слезла с кровати (немного кривясь, когда ее гузно покинуло утешительную ямку в поролоновом бублике) и подошла к окну. Она очень хорошо видела верхний этаж дома Фримэнов, хотя свет во дворе было серым, мертвенным, а не ярко-резким, как полагалось бы утром в конце октября. Со своего места возле окна она еще лучше услышала Бадьи, но не видела, чтобы хоть кто-то там двигался. Дом оставался совсем темным, ни в одном окне не светилось даже простейшего фонаря Коулмена. Она подумала, что они могли куда-то поехать, но обе их машины стояли на подъездной аллее. Да и вообще, куда теперь здесь можно поехать?

Бадьи не переставал выть.

Генриетта набросила домашний халат, обула тапки и вышла во двор. Стоя уже на тротуаре, она увидела машину, которая подъезжала. В ней сидел Даглас Твичел, который, конечно же, направлялся в больницу. Он вышел из машины с пластиковым кофейным стаканом, на котором был логотип «Розы- Шиповника», и она увидела, какие у него припухшие глаза.

- С вами все хорошо, миссис Клевард?

- Да, но что-то с Фримэнами нехорошо. Слышишь это?

- Конечно.

- Вот, значит, и они должны были бы. Машины их стоят здесь, так почему они не реагируют?

- Я пойду, взгляну. - Твич отхлебнул кофе и поставил стакан на капот своего авто. - Вы постойте здесь.

- Херня, - возразила Генриетта Клевард.

Они прошли ярдов двадцать по тротуару, а потом по подъездной аллее Фримэнов. А пес все выл и выл. От этого звука у Генриетты, несмотря на дряблое утреннее тепло, морозом бралась кожа.

- Воздух какой-то мерзкий, - произнесла она. - Пахнет, как было в Рамфорде[395], когда я только вышла замуж и все бумажные фабрики еще работали. Нехорошо это для людей.

Твич крякнул и позвонил Фримэнам. Не дождавшись ответа, он сначала постучал, а потом уже начал и громыхать в двери.

- Попробуй, может, они незаперты, - посоветовала Генриетта.

- Я не уверен, что мне следует это…

- Вот еще россказни. - Она оттолкнула его и взялась за щеколду. Та повернулась. Она приоткрыла двери. Дом за дверьми был наполнен тишиной и глубокими предрассветными тенями. - Уилл? - позвала Генриетта. - Лоис? Вы дома?

Не ответил никто, только вой так и продолжал звучать.

- Собака на заднем дворе, - сказал Твич.

Быстрее было бы пройти туда напрямик через дом, но, ни ему, ни ей этого не хотелось, и они отправились по подъездной аллее, а дальше по крытой галерее между домом и гаражом, в котором Уилл держал не машины, а свои игрушки: пара снегомобилей, вездеход-квадроцикл и два мотоцикла - внедорожник «Ямаха» и турер «Хонда Золотое Крыло».

Задний двор Фримэнов окружала непроглядно высокая изгородь. Туда вела калитка в конце галереи. Едва только Твич ее приоткрыл, в тот же миг на груди у него оказалось семьдесят фунтов веса ошалевшего ирландского сеттера. Испуганно крикнув, Твич задрал руки, но пес не собирался его кусать; настроение у Бадьи был однозначным: умоляю-прошу-спасите-меня-люди. Положив лапы на грудь Твичу, вымазывая грязью его последнюю чистую рабочую рубашку, пес принялся слюнявить ему лицо.

- Прекрати! - завопил Твич и оттолкнул собаку. Бадьи упал, но тут же вскочил и, оставляя свежие следы лап на рубашке Твича, вновь начал лизать ему лицо своим длинным розовым языком.

- Бадьи, фу! - скомандовала Генриетта, и пес моментально присел на задние лапы, заскулил, забегал глазами, не зная, на ком из них остановить взгляд. Позади его начала растекаться лужа мочи.

- Миссис Клевард, что-то здесь нехорошо.

- Вот-вот, - кивнула Генриетта.

- Наверное, вам лучше остаться с соба…

Генриетта вновь произнесла свое «вот еще россказни» и промаршировала на задний двор Фримэнов, позволив Твичу следовать за ней в кильватере. Бадьи крался позади их - голова опущена, хвост поджат - и безутешно скулил.

Им открылось мощенное каменной плиткой патио с барбекю посредине. Мангал было аккуратно накрыт зеленым брезентовым чехлом с надписью: КУХНЯ ЗАКРЫТА. За ним, на краю лужайки, стоял сосновый помост. А на помосте - джакузи Фримэнов. Твич решил, что высокий забор вокруг дворика был возведен специально, чтобы им можно было спокойно посидеть в джакузи голыми, а то и трахнуться, если очень захочется.

Вилл с Лоис именно там и сидели сейчас, но времена их любовных утех прошли навсегда. На головах у обоих были прозрачные пластиковые пакеты. Пакеты эти были затянуты у них на шеях то ли шнурами, то ли коричневыми резиновыми жгутами. Изнутри они затуманились, однако не так чтобы очень, не так, чтобы Твич не мог рассмотреть их опухшие лица. Между бренными останками Вилла и Лоис Фримэнов стояли на сосновой полочке бутылка виски и маленький медицинский флакончик.

- Стоп, - произнес он, сам не зная к кому обращается: к себе, или к миссис Клевард, или, может, к Бадьи, который как раз вновь начал свое сиротливое вытье. Конечно же, не Фримэнам он это сказал.

Генриетта не остановилась. Она пошла прямо к джакузи, с прямой, как у солдата, спиной поднялась на две ступеньки и посмотрела в лицо своих абсолютно приличных (и абсолютно нормальных, сказала бы она) соседей, бросила взгляд на бутылку виски, увидела, что это «Гленливетт»[396] (отошли они, по крайней мере, стильно), и тогда уже подобрала флакончик с этикеткой семейной аптеки Сендерса.

- Амбьен или лунеста?[397] - спросил угнетенно Твич.

- Амбьен, - ответила она, признательная уже за то, что ее пересохшие гортань и рот были в состоянии выговорить эти слова нормальным голосом. – Лекарства, выписаны на нее. Хотя, думаю, напоследок она с ним поделилась.

- Там есть какая-то записка?

- Здесь нет, - ответила Генриетта. - Может, в доме.

Но и там ничего не нашлось, по крайней мере, нигде на видных местах, да и тяжело им было представить причину, которая бы побуждала кого-то прятать такую вещь, как предсмертная записка. Бадьи следовал за ними из комнаты в комнату, он не выл, лишь тихий скулеж доносился из глубины его горла.

- Наверное, я заберу его домой, к себе, - сказала Генриетта.

- Придется вам. Я не могу взять его с собой в госпиталь. Я позвоню Стюарту Бови, чтобы приехал и забрал… их, - кивнул он большим пальцем себе за плечо. У Твича бурлило в желудке, но не это было плохим; плохим было то, что депрессия, которая прокралась в него, омрачила его по обыкновению солнечную душу.

- Не понимаю, зачем им вздумалось это сделать, - произнесла Генриетта. - Конечно, если бы мы уже целый год просидели под Куполом… или даже месяц… тогда да, возможно. Но меньше

недели? Не годится стойким людям отвечать таким образом на неприятности.

Твичу казалось, что он их понимает, но ему не хотелось говорить об этом Генриетте: впереди у них, вероятно, тот самый месяц, а то и год. А может, еще больше. Без дождей, с все меньшими ресурсами и ухудшением воздуха. Если самая мощная в технологическом плане страна в мире до сих пор не была в состоянии понять, что же именно случилось в Честер Милле (не говоря уже о решении проблемы), значит едва ли это произойдет скоро. Уилл Фримэн, наверное, это понял. А может, это была идея Лоис. Может, когда остановился генератор, она сказала: «Дорогой, давай это сделаем, пока вода в джакузи еще горячая. Давай выберемся из-под Купола, пока мы не голодаем. Что ты на это скажешь? Посидим напоследок в ванной и немного выпьем на прощание».

- Может, это тот самолет подтолкнул их к концу, - отозвался Твич. - Тот ирландский лайнер, который врезался вчера в Купол.

Генриетта ничего не произнесла на эти его слова, она отхаркнула и сплюнула в кухонную раковину. Довольно шокирующая демонстрация непринятия. Они вышли во двор.

- Будут еще и другие люди, которые так будут делать, не так ли? - спросила она, когда они уже дошли до конца подъездной аллеи. - Потому что иногда самоубийство просто витает в воздухе. Как вирус какого-то гриппа.

- Кое-кто уже успел, - Твич не знал, действительно ли самоубийство безболезненное[398], как поется в той песне, но, безусловно, при некоторых обстоятельствах оно может быть заразным. Наверное, особенно заразным, когда ситуация беспрецедентная, а в воздухе начинает вонять так, как в это безветренное, неестественно теплое утро.

- Самоубийцы - трусы, - заявила Генриетта. - Это правило, в котором нет исключений, Даглас.

Твич, чей отец долго и тяжело умирал от затяжного рака желудка, имел в отношении этого сомнения, но ничего не сказал.

Генриетта, уперев руки себе в костлявые колени, наклонилась к Бадьи. Тот вытянул вверх шею, принюхиваясь к ней.

- Идем, здесь рядом, мой мохнатый друг. У меня есть три яичка. Ты можешь их съесть, пока они не испортились.

Она уже было отправилась, и потом вновь обратилась к Твичу.

- Самоубийцы - это трусы, - повторила она, делая особое ударение на каждом слове.

5

Выписавшись из «Кэти Рассел», Джим Ренни хорошо выспался в собственной кровати и проснулся освеженным. Хотя он ни за что никому в этом не сознался бы, отчасти причина состояла в том, что дома не было Джуниора.

Теперь, в восемь часов, его черный «Хаммер» стоял неподалеку ресторана Рози (прямо перед пожарным гидрантом, да какая к чертям собачим разница, пожарного департамента сейчас не существовало). Он завтракал с Питером Рендольфом, Мэлом Ширлзом, Фрэдди Дейтоном и Картером Тибодо. Картер занимал уже обычное для обоих место по правую руку от Большого

Джима. Этим утром он имел при себе два пистолета: собственный на бедре и недавно возвращенный Линдой «Беретта Таурус» в подмышечной кобуре.

Квинтет занимал лясоточильный стол в дальнем уголке ресторана, без всяких угрызений совести вытурив оттуда завсегдатаев. Рози к ним не подходила, послала Энсона обслуживать.

Большой Джим заказал три жаренных яйца, двойную порцию колбасы и домашних тостов, поджаренных на свином сале, как их когда-то готовила его мать. Он помнил, что ему рекомендовано сократить потребление холестерина, но сегодня хотел набраться как можно больше так нужной ему сейчас энергии. Не только сегодня, он будет нуждаться в ней еще несколько дней; а уже после все будет под контролем. Тогда он и займется своим холестерином (сказка, которой он кормил себя в течение последних десяти лет).

- Где Бови? - спросил он у Картера. - Я желал видеть этих проклятых Бови здесь, а они где?

- Вынуждены были поехать на Бетл-Стрит. Там мистер и миссис Фримэн покончили жизнь самоубийством, - доложил Картер.

- Этот никчема себя укокошил? - воскликнул Большой Джим. Несколько клиентов, которые сосредоточились главным образом у стойки бара, смотря Си-Эн-Эн, оглянулись на него, но тут же поотворачивались. - Это так хорошо! Я и на цент не удивлен! - В голове у него мелькнуло, что дилерство «Тойоты» теперь будет легко прибрать к рукам… Но зачем оно ему? Намного более сладкий кусок упал ему прямо в подол: целый город. Он уже начал составлять список чрезвычайных декретов, которые начнет внедрять, как только получит чрезвычайные полномочия. Это произойдет уже сегодня вечером. Но вопреки всему, он так много лет ненавидел того бычьего сына Фримэна и эту его сисястую, чье имя рифмуется со словом «пядь».

- Ребята, они с Лоис сейчас завтракают на небесах, - он сделал паузу, и тогда взорвался смехом; не совсем политкорректно, но не было сил сдержаться. - В столовой для прислуги, я не имею в этом никаких сомнений.

- Когда Бови уже туда приехали, они получили еще звонок, - дальше сообщал Картер. - С фермы Динсмора. Там тоже самоубийство.

- Кто? - спросил Рендольф. - Арлен?

- Нет. Его жена. Шелли.

Тут уже на самом деле стало немного стыдно.

- Давайте склоним наши головы на минуту, - произнес Большой Джим и протянул вперед руки. За одну его руку взялся Картер, за другую Ширлз; подключились Рендольф с Дейтоном.

- Обоже прошублагословибедныедуши, радиииусусааминь, - протарахтел Большой Джим и поднял голову. - Питер, небольшое дело для тебя.

Питер добыл свою записную книжку. Записная книжка Картера уже лежала рядом с его тарелкой.

Парень все больше и больше нравился Большому Джиму.

- Я нашел пропавший пропан, - объявил Большой Джим. - Он на РНГХ.

- Господи Иисусе! - воскликнул Рендольф. - Надо послать туда несколько грузовиков и привезти его в город!

- Да, но не сегодня, - сказал Большой Джим. - Завтра, когда все будут встречаться со своими родственниками. Я уже начал над этим работать. Снова поедут Бови и Роджер, но нам также нужно несколько офицеров. Итак, ты, Фред, и ты, Мэлет. Плюс, я думаю, еще человек пять. Но без тебя, Картер, ты мне нужен рядом.

- Зачем нужны копы, чтобы забрать несколько баллонов с газом? - удивился Рендольф.

- Ну, - начал Большой Джим, макая кусочек жареного хлеба в яичный желток, - это дело касается нашего приятеля Дейла Барбары и его планов по дестабилизации города. Там находится пара вооруженных людей, которые, похоже на то, охраняют какую-то лабораторию по производству наркотиков. Я думаю, Барбара организовал ее там задолго до того, как он появился здесь сам; все было очень хитро спланировано. Один из тамошних охранников - это Фил Буши.

- Этот лузер, - фыркнул Рендольф.

- А второй, как мне не грустно это говорить, Энди Сендерс.

Рендольф как раз накалывал жареный картофель. Загремела вилка, выпавшая из пальцев.

- Энди!?

- Такова печальная правда. Это Барбара затянул его в этот бизнес - я имею достоверные данные, но не спрашивайте меня, откуда, мой источник нуждается в анонимности. - Большой Джим вздохнул, и уже тогда запихнул пропитанный желтком кусок жареного хлеба себе в глотку. Святой Боже, как же хорошо он чувствует себя этим утром! - Я догадываюсь, что Энди очень нужны были деньги. Я так понимаю, что банк был уже в шаге от того, чтобы забрать у него аптеку. У него никогда не было достаточно ума для бизнеса.

- Да и для управления городом, - добавил Фрэдди Дентон.

По обыкновению Большому Джиму очень не нравилось, когда его перебивали подчиненные, но этим утром ему нравилось все.

- К сожалению, это правда, - сказал он, далеко наклоняясь через стол, насколько ему это позволял грузный живот. - Они с Буши обстреляли один грузовик из тех, которые я послал туда вчера. Попробивали передние колеса. Это опасные никчемы.

- Вооруженные наркоши, - произнес Рендольф. - Кошмар для полиции. Людям, которые туда поедут, надо одеть жилеты.

- Хорошая идея.

- И я не поставил бы на то, что у Энди получится выкрутиться.

- Господь любит тебя, я знаю. Делай, что тебе нужно делать. Нам нужен пропан. Город плачет без него, и я собираюсь объявить сегодня на собрании, что мы нашли новые запасы.

- Мистер Ренни, вы окончательно решили, что мне нельзя туда поехать? - спросил Картер.

- Я понимаю, какое это для тебя разочарование, но ты мне завтра будешь нужен, и не там, где

у них будет происходить гулянка с родственниками. И Рендольф, думаю, тоже. Кто-то должен координировать это дело, которое наверно обернется хреновертью. Нам надо приложить все силы, чтобы люди не подавили друг друга. Хотя без этого, скорее всего, не обойдется, потому что люди не умеют пристойно себя вести. Лучше приказать Твичелу подогнать туда санитарную машину.

Картер все это записывал.

Тем временем Большой Джим вновь обратился к Рендольфу. С грустным лицом.

- Мне неприятно это говорить, Пит, но мой информатор предполагает, что Джуниор тоже принимал участие в деятельности той нарколаборатории.

- Джуниор? - вытаращился Мэл. - Да нет, только не Джуниор.

Большой Джим кивнул и вытер себе сухие глаза тыльной стороной ладони.

- Мне тоже было тяжело в это поверить. Я не хочу в это верить, но вы же знаете, что он сейчас в больнице?

Они закивали головами.

- Передозировка наркотиков, - прошептал Ренни, наклоняясь еще ниже над столом. - Это и есть наиболее вероятное объяснение того, что с ним происходит, - он выпрямился, вновь вперившись в Рендольфа. - Не пытайтесь заехать туда с главной дороги. Приблизительно за милю восточнее от станции есть проселок…

- Я знаю ту просеку, - сказал Фрэдди. - Там когда-то был лесной участок, он принадлежал Неряхе Сэму Вердро, пока банк его у него не забрал. Думаю, теперь и вся земля принадлежит Святому Спасителю.

Большой Джим улыбнулся и кивнул, хотя в действительности земля принадлежала одной корпорации в Неваде, президентом которой был он сам.

- Подъедете оттуда, а потом подберетесь к станции сзади. Там преимущественно старый густой лес, и проблем у вас не будет.

Зазвонил телефон Большого Джима. Он взглянул на дисплей, почти уже решил, что пусть вызов переключится на голосовую почту, а потом передумал. И что за тля? С таким ощущением, как у него этим утром, послушать, как пенится Кокс, это будет чистое удовольствие.

- Ренни слушает. Что вам нужно, полковник Кокс?

Он послушал, улыбка у него немного увяла.

- Откуда мне знать, что вы говорите правду?

- Он еще послушал, а потом, не простившись, выключил телефон. Какую-то минуту сидел нахмуренный, переваривая только что услышанное. Потом поднял голову и сказал Рендольфу.

- У нас есть счетчик Гейгера? Может, в противоатомном убежище?

- Может быть, я не знаю. Эл Тиммонс, наверняка, знает.

- Найди его и пусть поищет.

- Это важно? - спросил Рендольф, и одновременно с ним Картер. - Это радиация, босс?

- Беспокоиться не о чем, - ответил Большой Джим. - Как сказал бы Джуниор, он просто старается меня дурануть. Я в этом уверен. Но все равно поищите тот счетчик Гейгера. Если он у нас есть - и до сих пор работает! - принесите его мне.

- О'кей, - сказал Рендольф, вид он имел оробелый.

Теперь Большой Джим уже жалел, что не дал этому звонку переключиться на голосовую почту. И не удержал язык за зубами. Ширлз такой, что может начать об этом сплетничать, пойдут слухи. Может быть, да и Рендольф точь-в-точь такое же трепло. А это, наверняка, всего лишь, таким образом, этот медноголовый никчема старался испортить ему такой замечательный день. Самый важный день его жизни, возможно.

Фрэдди Дентон, какой бы он там не имел ум, по крайней мере, не забыл о текущем вопросе.

- Мистер Ренни, в котором часу вы хотите, чтобы мы ударили по студии?

Большой Джим мысленно пробежался по тому, что ему было известно о графике Дня свиданий, и улыбнулся. Улыбка вышла натуральной, его немного задумчивая рожа растянулась от искреннего удовлетворения, показав мелкие зубы.

- В двенадцать. К тому времени все как раз будут трепать языками на шоссе 119, и город будет стоять пустым. Итак, вы атакуете и выкурите тех ничтожеств, которые сидят на нашем пропане, в полдень. Точно, как в каком-нибудь старом добром вестерне.

6

В четверть одиннадцатого в тот четверг на юг по шоссе 119 катился фургон «Розы-Шиповника». Завтра здесь все будет забито автомобилями, воздух будет пахнуть выхлопами, но сегодня эта дорога была трусливо пуста. За рулем находилась лично Рози.

Эрни Келверт ехал пассажиром. Между ними на капоте моторного отсека примостилась Норри, крепко сжимая в руках свой скейтборд, усеянный наклейками с логотипами давно забытых панк-групп на подобие «Мертвых молочников» или «Шталаг-17»[399].

- Воздух такой мерзкий, - сказала Норри.

- Это Престил, дорогуша, - откликнулась Рози. - Возле границы с Моттоном река превратилась в какое-то большое вонючее болото. - Она понимала, что причина не только в испарениях умирающей реки, но вслух ничего об этом не сказала. Они должны дышать, и нет им смысла переживать, что именно они вдыхают. - Ты говорила с матерью?

- Ага, - кивнула мрачно Норри. - Она приедет, но не в восторге от этой идеи.

- Она привезет все пищевые запасы, которые имеет, когда поступит время?

- Да, в багажнике нашей машины. - Норри не уточнила, что в первую очередь Джоуни Келверт загрузит свои запасы пойла, продукты будут играть вторую скрипку. - А как нам быть с радиацией, Рози? Мы же не можем оборачивать каждую машину, которая туда будет ехать, свинцовым полотном?

- Если кто-то проедет там раз или два, с ними все будет хорошо, - Рози лично нашла и прочитала информацию на эту тему в интернете. Также она узнала, что безопасность зависит от мощности излучения, но не считала нужным смущать их сведениями о вещах, проконтролировать какие они все равно не в состоянии. - Важно ограничивать время пребывания под воздействием… и Джо говорит, что радиационный пояс там не широкий.

- Мама Джои не захотела ехать, - сказала Норри.

Рози вздохнула. Она об этом знала. День свиданий - неоднозначное благо. Он облегчает им отход, но те из них, у кого есть родные на другой стороне, очень хотят с ними увидеться. «А может, мистер Макклечи проиграет в лотерее», - подумала она.

Прямо впереди виднелся салон «Подержанные автомобили Джима Ренни», сразу за большим щитом с надписью: «САМ ВОСПОЛЬЗУЙСЯ И КАЖДОМУ РАССКАЖИ - ЛУЧШЕ ВСЕГО ОБСЛУЖИВАЕТ БОЛЬШОЙ ДЖИМ! ОБЕ$ПЕЧИМ ХОРОШИЙ КРЕДИТ!»

- Помните… - начал Эрни.

- Знаю, - перебила Рози, - если там есть кто-то, я разворачиваюсь прямо перед фасадом и едем назад в город.

Но на стоянке возле бизнеса Ренни все секции, обозначенные надписями ДЛЯ РАБОТНИКОВ были пустые, пустым также был демонстрационный зал, и на входных дверях на белой табличке висело объявление «ЗАКРЫТО ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ». Рози поспешно поехала кругом, к задней части салона. Здесь рядами стояли легковушки и грузовики с ценниками и лозунгами на их лобовых стеклах, типа: «ЦЕННАЯ РЕЧЬ, ЧИСТЕНЬКАЯ, КАК СВИСТОК» и «НУ-КА, ОСМОТРИ МЕНЯ» (где буква «О! была прорисована в виде сексуальных девичьих глаз с длинными ресницами). Здесь содержались истрепанные боевые лошадки конюшни Большого Джима, ничего похожего на тех чистокровных кобыл из Детройта или Германии, которые красовались перед фасадом. На дальнем конце паркинга, выстроенные под цепной изгородью, которая отмежевывала частную территорию Большого Джима от изгаженной мусором лесной полосы, стоял ряд фургонов, на некоторых все еще виднелись логотипы телефонной компании AT &T.

- Вот они, - произнес Эрни, копошась рукой сзади своего сидения и доставая длинную тонкую металлическую полоску.

- Это же отмычка, - не смотря на свои напряженные нервы, удивилась Рози. - Откуда у тебя отмычка, Эрни?

- Это еще с того времени, как я работал в «Фуд-Сити». Ты бы удивилась, если бы узнала, сколько людей закрывают ключи в собственных машинах.

- А как ты заставишь его завестись, дедушка? - спросила Норри.

Эрни слегка улыбнулся:

- Что-то придумаю. Останови здесь, Рози.

Он вылез из кабины и пошлепал к первому фургону, двигаясь, как для почти семидесятилетнего мужчины, на удивление проворно. Заглянул в окно, покачал головой и перешел к следующему. Потом к третьему, но у этого было спущено колесо. После четвертого он оглянулся на Розу и показал ей большой палец.

- Уезжай, Рози. Убирайся отсюда.

У Рози было предположение, что Эрни не желает, чтобы его внучка видела, как он орудует отмычкой. Ее это растрогало, и она без лишних разговоров вновь поехала вокруг к фасаду салона. И встала там.

- Нормально тебе здесь, девочка?

- Да, - ответила Норри, вылезая из машины. - Если он не сможет завести тот фургон, мы просто вернемся в город пешком.

- Это же почти три мили, он осилит такое расстояние?

Лицо у Норри было бледное, но она была в состоянии на улыбку.

- Дедушка меня саму может напрочь заморить. Он каждый день делает по четыре мили, говорит, что таким образом смазка в суставах обновляется. Вы сами уезжайте, пока никто сюда не подъехал и вас не увидел.

- Ты храбрая девочка, - сказала Рози.

- Я не чувствую себя храброй.

- А храбрые никогда такими себя не чувствуют.

Рози поехала назад в город. Норри смотрела ей вслед, пока она не исчезла из вида, а потом, став на свою доску, начала делать ленивые ромбы и рэйлы. Фасадный паркинг имел небольшой уклон, и ей приходилось немного отталкиваться лишь в одну сторону… хотя с тем напряжением, которое ее переполняло, она думала, что сможет проехать на скейтборде отсюда и вплоть до городской площади на вершину холма, даже не закашлявшись. Черт, сейчас она, даже если бы хлопнулась промежностью на доску, ничего бы не почувствовала. А если кто-то сюда нагрянет? Ну, они с дедушкой пришли, потому что он хотел посмотреть, какие есть в продаже фургоны. Она просто ждет его, а потом они пойдут в город. Дедушка любит гулять пешком, всем это известно. Смазывает, таким образом, суставы. Вот только Норри думала, что не ради этого он так много ходит или не только из-за этого. Его длинные прогулки начались после того, как бабушка начала все путать (никто не проговаривал вслух, что это болезнь Альцгеймера, хотя все понимали). Норри думала, что он, таким образом, выхаживает свою печаль. Возможно такое? Она думала, что да. Она знала, что, когда сама в скейт-парке в Оксфорде съезжает на доске по трубе с двойным изгибом, в ней нет места не на что, кроме радости и страха, и радость тогда властвует в доме. Страх ныкается где-то в дальней комнате.

После короткого ожидания, которое показалось длинным, из-за угла выехал бывший фургон телефонной компании, за рулем которого сидел дедушка. Подхватив доску подмышку, Норри заскочила в кабину. Первая в ее жизни поездка на краденой машине.

- Дедушка, ты такой офигительный, - поведала она и поцеловала его.

7

Джо Макклечи направлялся в кухню, где хотел достать из безжизненного холодильника одну из последних жестянок яблочного сока, но тут услышал, как его мать произнесла: «Бамп», и замер.

Он знал, что его родители познакомились в колледже, в университете штата Мэн, и что тогда друзья Сэма Макклечи называли его Бамп, но мама сама почти никогда так его не называла, а когда такое случалось, она краснела и смеялась так, словно в этом прозвище присутствовал какой-то неприличный подтекст[400]. Этого Джо не знал. Зато он знал, что, если у нее это проговорилось - если такое соскользнуло с языка - это означает, что она взволнована.

Он приблизился к кухонным дверям. Они были немного приоткрыты, и он увидел там свою мать и Джеки Веттингтон, которая была сегодня одета не в униформу, а в выцветшие джинсы и блузку. Они бы его тоже увидели, если бы подняли головы. Он совсем не имел намерения подсматривать; это было бы совсем не круто, особенно когда его мама так расстроена, но сейчас они смотрели только друг на друга. Женщины сидели за кухонным столом, Джеки держала ладони Клэр в своих ладонях. Джо увидел, что глаза у его матери увлажнены, и почувствовал, что сам вот-вот может заплакать.

- Вам нельзя, - приговаривала Джеки. - Я понимаю, как вам хочется, но вам этого делать просто нельзя. Ни за что, если сегодня вечером все пойдет так, как запланировано.

- Ну, могу я ему хотя бы позвонить и объяснить, почему меня там не будет? Или послать ему майл! Я могла бы это сделать!

Джеки покачала головой. Лицо имела кроткое, но не уступчивое.

- Он может проговориться словом, и слово это может дойти до Ренни. Если Ренни что-то учует в воздухе раньше, чем мы освободим Барби и Расти, для нас это обернется сплошной катастрофой.

- Если я скажу ему, чтобы он никому, ни за что…

- Послушайте меня, Клэр, неужели вы не понимаете? Ставки слишком высоки. Жизнь двух людей. И наши также. - Она сделала паузу. - Вашего сына.

Плечи Клэр наклонились, но вновь распрямились.

- Тогда забирайте Джо. Я прибуду после Дня свиданий. Ренни не заподозрит меня; я сроду не знала Дейла Барбары, и с Расти я тоже не знакома, разве что кивали друг другу, встретившись на улице. Я лечусь у доктора Гартвела в Касл Роке.

- Но Джо знает Барби, - терпеливо объяснила Джеки. - Это Джо организовывал прямую видеотрансляцию, когда Купол обстреливали ракетами. И Большой Джим об этом помнит. Вы можете себе представить, что он способен посадить вас в камеру и прессовать, пока вы ему не расскажете, куда мы подевались?

- Никогда! - ответила Клэр. - Я никогда не расскажу!

Джо вошел в кухню. Клэр вытерла себе щеки, стараясь улыбнуться.

- О, привет, сынок. А мы только что говорили о Дне свиданий и…

- Мам, он может на тебя не просто давить, - произнес Джо. - Он может тебя подвергнуть пыткам.

Клэр была шокирована.

- Ох, на такое он не способен. Я знаю, он нехороший человек, но он выборный нашего города, наконец, и…

- Он был выборным, - вмешалась Джеки. - А сейчас он выдвигается на императора. А говорить рано или поздно начинают все. Неужели вам хочется, чтобы Джо прятался где-то и представлял себе, как вам выдергивают ногти?

- Прекратите! - вскрикнула Клэр. - Это ужасно.

Джеки не отпустила ее руки, когда Клэр хотела их высвободить.

- Речь идет либо все, либо ничего, и для ничего уже слишком поздно. Все находится в движении, и мы должны двигаться соответственно. Если бы речь шла только о бегстве Барбары своими силами, без нашей помощи, Большой Джим мог бы с этим согласиться. Потому что каждый диктатор нуждается в каком-нибудь пугале. Однако же там не только он, так? И это означает, что он будет стараться найти нас и уничтожить.

- Как бы мне хотелось, чтобы я никогда в это не впутывалась. Не ходила сама на ту встречу, не позволяла пойти туда Джо.

- Но мы должны остановить его! - возразил Джо. - Мистер Ренни старается превратить Честер Милл в… ну понимаешь, в полицейское государство!

- Я никого не способна остановить! - едва не рыдала Клэр. - Я к чертям всего лишь простая домохозяйка!

- Если вас это как-то утешит, - сказала Джеки, - вы получили билет на это путешествие в то мгновение, как дети нашли ту коробочку.

- Никак меня это не утешит. Никак.

- В каком-то смысле нам даже везет, - продолжала Джеки. - Мы не затянули в наше дело много невиновных людей, пока что, по крайней мере.

- Ренни с его полицейскими силами все равно нас найдут, - сказала Клэр. - Разве вам это не ясно? Сколько здесь того города?

- К тому времени, - улыбнулась Джеки безрадостно, - нас будет больше. Вооруженных. И Ренни об этом будет знать.

- Нам надо как можно скорее захватить радиостанцию, - сказал Джо. - Люди должны услышать другую точку зрения на события. Мы должны передавать в эфир правду.

- Джо, это замечательная идея, - вспыхнули глаза у Джеки.

- Боже правый, - произнесла Клэр, заслоняя себе ладонями лицо.

8

Эрни припарковал фургон телефонной компании к грузовому дебаркадеру Бэрпи. «Теперь я уголовник, - думал он, - а моя двенадцатилетняя внучка моя союзница. Или ей уже тринадцать?» Да какая разница; он не думал, что Джим Ренни отнесся бы к ней как к несовершеннолетней, если бы их схватили.

Ромми приоткрыл задние двери, увидел, что это они, и вышел на дебаркадер с винтовками в обеих руках.

- Были какие-то проблемы?

- Гладко, как по шелку, - ответил Эрни, вылезая по ступенькам на дебаркадер. - На дорогах никого. Есть еще ружья?

- Да! Немного. Внутри, за дверьми. Вы тоже помогайте, мисс Норри.

Норри подхватила пару ружей и передала их в руки дедушке, который положил их в кузов фургона. Ромми выкатил на дебаркадер тележку. В ней лежало с десяток рулонов свинцового полотна.

- Нам не надо их сейчас разворачивать, - сказал он. - Я только отрежу несколько кусков для окон. А щит на лобовое стекло, мы сделаем, когда уже подъедем туда. Оставим щель для просмотра, как в старом танке «Шерман»[401], и покатим прямо вверх. Норри, пока мы с Эрни управимся здесь, попробуй, сможешь ли ты выкатить другую тележку оттуда. Если не сможешь, брось ее там, мы потом ее заберем.

Другая тележка была нагружена картонными ящиками с едой, большей частью там были жестянки или пакеты концентратов для туристов. Один из ящиков был доверху набит конвертиками с дисконтными растворимыми напитками. Тележка оказалась тяжелой, но стоило ей ее сдвинуть, как тот покатился дальше очень легко. Другое дело остановить; если бы не Ромми, который бросился от кузова фургона с протянутыми руками, тележка бы наверняка перекинулась с дебаркадера.

Эрни закончил блокировать маленькие задние окошки краденого фургона кусками свинцового полотна, которые держались там благодаря беспощадному использованию липкой ленты. Теперь он вытер себе лоб и сказал:

- Это чертовски рискованное дело, Бэрпи… То, что мы задумали отправляться такой, к черту, огромной колонной в сад Маккоя.

Ромми пожал плечами и начал загружать ящики с припасами, нагромождая их под стенками, чтобы середина фургона оставалась свободной для пассажиров, которые, как они надеялись, появятся позже. На спине его рубашки разрасталось потное дерево.

- Мы можем только надеяться, что большое собрание нас прикроет, если будем делать все быстро и по-тихому. Выбор имеем не большой.

- А Джулии и миссис Макклечи хватит свинца на окон их машин? - спросила Норри.

- Эй. После полудня. Я им помогу. Позже они должны оставить свои машины здесь, позади магазина. Не могут же они кататься по городу с завешанными свинцом окнами, у людей появятся вопросы, не так ли.

- А ваш «Эскалейд»[402]? - спросил Эрни. - Он заглотнет остаток припасов и не подавится. Ваша жена может подогнать его сию…

- Миша не поедет, - сказал Ромми. - Не желает иметь ничего общего с этим. Я просил, по-всякому, разве что на коленях не умолял, но для нее это было все равно, что если бы я выл ветром, который носится вокруг дома. Насколько сильно я могу догадываться, это потому, что

я рассказал ей не больше того, что она и так уже знала… хотя там совсем немного, это не спасет ее от беды, если Ренни на нее насядет. Но она не хочет этого признавать, сама.

- Почему нет? - спросила Норри с расширенными глазами, поняв, что это ее вопрос, вероятно, негодный, только после того, как эти слова уже скатились с ее языка, и дедушка насупился.

- Потому что она вот такая упрямая, дорогуша. Я ей объяснял, что ее могут обидеть. «Пусть только попробуют», - ответила она. Вуаля, такая моя Миша. Черт. Если мне дастся шанс позже, я проберусь сюда, посмотрю, не передумала ли она. Говорят, это такая женская логика. Слышь, давай загрузим еще несколько ящиков. Только не заложите ими ружья, Эрни. Нам они могут понадобиться.

- Я сам себе поверить не могу, что втянул тебя в это, детка, - произнес Эрни.

- Все хорошо, дедушка. Мне больше не понравилось бы быть не втянутой, чем наоборот.

И вот это, по крайней мере, было истинной правдой.

9

БАХ. Тишина.

БАХ. Тишина.

БАХ. Тишина.

Скрестив ноги, Олли Динсмор сидел в четырех футах от Купола, а рядом с ним стоял его бойскаутский рюкзак. Рюкзак был полон камней, которые он насобирал в палисаднике… рюкзак был, по правде говоря, такой полный, что Олли сюда скорее доволокся, чем пришел, опасаясь, что брезент на дне прорвется, и вывалятся все его боеприпасы. Но рюкзак выдержал и мальчик тоже. Он выбрал очередной камень - гладенький, хорошо отполированный каким-то из древних ледников - и с замаха метнул его в Купол, где камень ударился, словно о чистый воздух и отскочил назад. Он его подобрал и запустил вновь.

БАХ. Тишина.

Купол имеет одно привлекательное качество, думал мальчик. Хоть он и является причиной того, что умерли его брат и мать, но, видит бог, одного заряда боеприпасов достаточно на целый день.

«Каменные бумеранги», - подумал он и улыбнулся. Искренне улыбнулся, но на его весьма похудевшем лице эта улыбка выглядела какой-то ужасной. В последнее время он почти не ел и думал, что есть ему вновь захочется очень нескоро. Услышать выстрел, а потом найти на полу возле кухонного стола собственную мать с задранным подолом, когда из-под платья у нее виднеются трусы, а пол головы отстрелено… такие впечатления отнюдь не содействуют аппетиту.

БАХ. Тишина.

По другую сторону Купола находился растревоженный улей; там вырос палаточный городок. Сюда шныряли джипы и грузовики и сотни военных суетились там под ливнем команд и бранные слова их начальников, проговаривались часто на одном дыхании.

mir-knigi.org

В дополнение к уже установленным палаткам там сейчас натягивали еще три длинных. На вкопанных перед ними щитах были надписи: «1 ПУНКТ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ», «2 ПУНКТ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ» и «ПУНКТ МЕДПОМОЩИ». А знак перед другой, еще более длинной палаткой сообщал: «ЛЕГКИЕ ЗАКУСКИ И НАПИТКИ». Немного спустя, как Олли сел и начал швырять камешки в Купол, прибыли еще два грузовика, на платформах которых приехали туалетные кабинки. Теперь эти сральники уже стояли радушными голубыми рядами немного поодаль от ареала, вдоль которого расположатся и будут говорить родные с родными, видя друг друга, но не в состоянии дотронуться.

То, что выплеснулось из головы его матери, было похожим на заплесневевшее варенье, но чего не мог понять Олли: зачем она сделала это таким образом и в том месте? Почему именно там, где они по обыкновению ели все вместе? Или она так уже запарилась, что не осознавала, что у нее есть еще и другой сын, который, вероятно, вновь там будет есть (если до того не заморит себя голодом), но никогда не сможет забыть ужаса созерцания того, что лежало на полу?

«Эй, - подумал он. - Да, совсем запарилась. Потому что Рори всегда был ее любимцем, ее любимчиком. Она обо мне почти не вспоминала, разве что когда я забывал накормить коров или почистить хлев, пока они на пастбище. Или если я приносил домой оценку D в табеле. Потому что тот никогда не приносил ничего другого, кроме как А».

Он бросил камень.

БАХ. Тишина.

Несколько армейских ребят устанавливали еще пару дополнительных щитов возле самого Купола. Тот, что можно было прочитать со стороны Милла, сообщал:

ВНИМАНИЕ!

РАДИ ВАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ!

ДЕРЖИТЕСЬ В 2 ЯРДАХ (6 ФУТОВ) ОТ КУПОЛА!

Олли подумал, что объявления, которые смотрят в другую сторону, вероятно, содержат такие же надписи, и на той стороне от них может быть какая-то польза, потому что там достаточно службы, чтобы поддерживать порядок. Вместо этого, здесь будет толпиться человек восемьсот городских жителей и, вероятно, пара дюжин копов, большинство из которых бестолковые новички. Удерживать людей здесь от приближения к Куполу - все равно, что стараться защитить замок из песка от морского прилива.

Трусы у нее были влажными, и лужа натекла между ее растопыренных ног. Она уписалась или прежде чем нажать на курок, или сразу же после. Олли думал, что, наверное, после.

БАХ. Тишина.

Вблизи работал молодчик в армейской форме. Совсем юный. На рукавах не имел никаких нашивок, и Олли догадался, что тот, вероятно, рядовой. На вид ему было лет шестнадцать, однако Олли думал, что тот должен быть старше. Он слышал о ребятах, которые прибавляли себе возраст, только бы попасть на службу, но думал, что такое случалось до того, как повсюду завелись компьютеры, чтобы отслеживать такие вещи.

mir-knigi.org

Армейский молодчик огляделся вокруг, увидел, что на него никто не обращает внимания, и заговорил потихоньку. С южным акцентом.

- Парень! А не прекратил бы ты бросать свой камень? Сдуреть можно.

- Так уйди куда-нибудь, - ответил Олли.

БАХ. Тишина.

- Не моогу. Приказ.

Олли промолчал. Вместо этого вновь бросил камень.

БАХ. Тишина.

- Зачем ты это делаешь? - спросил армеец. Сейчас он уже только делал вид, что все еще занят щитами, а на самом деле ему хотелось поболтать с Олли.

- Потому что рано или поздно какой-то из них не отскочит. А когда это случится, я встану и пойду отсюда, чтобы никогда больше не видеть этой фермы. Не доить никогда никаких коров. Какой там воздух, с вашей стороны?

- Хороший. Прохладный, правда. Я сам из Южной Каролины. У нас в Южной Каролине совсем не так в октябре, я тебе говорю.

Там, где находился Олли, в трех ярдах от юноши с юга, было жарко. Да еще и пахло.

Армеец показал рукой мимо Олли.

- Почему бы тебе не закоончить бросать камни и не заняться теми коровами? - Последнее слово у него прозвучало как коуовами. - Завести их в коровник, подоить их или повтирать им «лесной мазюки» в дойки, или что-нибудь такое.

- Нам нет потребности их загонять, они сами знают, куда идти. Но теперь нет и нужды их доить, и бальзама втирать нет смысла тоже. Дойки у них сухие.

- Эй?

- Эй. Мой отец говорит, что-то не то с травой. Он говорит, что трава плохая, потому что плохой воздух. Знаешь, тут не очень приятно пахнет. Пахнет дерьмом.

- Эй? - армейский юноша выглядел растроганным. Он еще пару раз ударил молотком по забитым в землю столбам двух противоположных щитов, хотя те и без этого уже довольно надежно стояли.

- Эй. Моя мать убила себя сегодня утром.

Армейский юноша как раз поднял молоток для очередного удара. Теперь рука, в которой он его держал, просто упала, повиснув вдоль его тела.

- Ты смеешься надо мной, мальчик?

- Нет. Она застрелилась на кухне прямо возле стола. Я ее там и нашел.

mir-knigi.org

- Ох, сука, как это гадко, - сделал шаг к Куполу армеец.

- Мы отвезли моего брата в город, когда он умер в прошлое воскресенье, потому что он еще был жив, чуточку жив, но моя мама была уже мертвее мертвой, и мы похоронили ее там, на холме. Мы с моим отцом. Ей там нравилось. Там красиво было, пока все здесь так не испортилось.

- Господи Иисусе, мальчик! Так ты же там пережил такое, словно в аду побывал!

- Я и сейчас здесь, - сказал Олли, и вместе с этими словами словно какой-то кран открылся в нем и мальчик начал плакать. Он встал и направился к Куполу. Они с юным солдатом стояли друг напротив друга на расстоянии меньше фута. Солдат поднял руку, скривившись чуточку от энергетического импульса, который пробил его насквозь и утих. Тогда он положил на Купол ладонь с растопыренными пальцами. Олли тоже поднял руку и прижал ее к куполу со своей стороны. Их ладони, казалось, касаются одна другой, палец пальца, но на самом деле они оставались разделенными. Это был напрасный жест, который вновь и вновь будет дублироваться на следующий день: сотни, нет, тысячи раз.

- Мальчик…

- Рядовой Эймс! - гаркнул кто-то. - Ну-ка, хватай свою сраку в руки и прочь оттуда!

Рядовой Эймс вздрогнул, словно застигнутый во время поедания запрещенного варенья ребенок.

- Отправляйся сюда! Бегом!

- Держись, мальчик, - бросил рядовой Эймс и побежал получать выговор.

Олли сообразил, что тому светит разве что выговор, потому что разжаловать рядового некуда. Ну, не посадят же его на гауптвахту за то, что разговаривал с каким-то животным из зоопарка. «Я даже не получил никаких орешков», - подумал Олли.

На миг он остановился взглядом на коровах, которые больше не давали молока, которые даже траву почти перестали щипать, и вновь сел возле своего рюкзака. Поискал в нем и выбрал хороший круглый камень. Вспомнил облупленный лак на ногтях матери, на той ее руке, возле которой еще дымился пистолет. А потом бросил камень. Тот ударился о Купол и отскочил.

БАХ. Тишина.

10

В четыре часа дня в тот четверг, когда север Новой Англии находился в полумраке, а в Честер Милле сквозь похожую на носок прореху в тучах сияло, словно какой-то туманный прожектор, солнце, Джинни Томлинсон пошла проверить, как чувствует себя Джуниор. Спросила у него, не нужно ли ему какое-то лекарство против головной боли. Он ответил, что не нужно, потом передумал и попросил тайленола или адвила[403]. Когда она вернулась, он направился через комнату ей навстречу, чтобы взять лекарство. Она записала в его карточке: «Хромота еще присутствует, но, похоже, что исправляется».

Когда через сорок пять минут туда заглянул Терстон Маршалл, палата была пустой. Он решил, что Джуниор пошел в холл, но, поискав его там, он не нашел никого, кроме Эмили Вайтхаус,

инфарктной пациентки. Эмили выздоравливала чудесно. Терстон спросил у нее, не видела ли она русого юноши, который прихрамывает. Она ответила, что нет. Терстон вернулся к палате Джуниора и заглянул в шкаф. Там было пусто. Юноша, вероятно с опухолью в мозге, оделся и сам себя выписал из больницы, не переживая за бумажную волокиту.

11

Джуниор шел домой. Похоже на то, что его хромота почти полностью выправилась, как только у него разогрелись мышцы. И темная замковая щель, которая плавала перед его левым глазом, уменьшилась до размера бисеринки. Может, он все-таки получил только небольшую дозу талия? Судить тяжело. Да хоть там как, но он должен выполнить свое обещание Богу. Если он позаботится о детях Эпплтонов, Бог позаботится о нем.

Когда он покинул госпиталь (через задние двери), убийство отца стояло на первом месте в его списке спешных дел. Но когда он наконец-то подошел к своему дому - дому, в котором умерла его мать, того дома, где умерли Лестер Коггинс и Бренда Перкинс, - планы у него изменились. Если он убьет отца сейчас, отменит чрезвычайное городское собрание. Джуниор этого не хотел, потому что городское собрание обеспечило хорошее прикрытие для выполнения его главной миссии. Большинство копов будут находиться там, и таким образом добраться до подвала будет легче. Вот только жаль, не будет у него с собой отравленных армейских жетонов. С какой радостью он забил бы их в глотку сдыхающему Бааарби.

А впрочем, Большого Джима все равно не было дома. Единственным живым существом в доме был тот самый волк, которого он видел на рассвете, когда тот бежал через госпитальный паркинг. Теперь волк стоял на середине ступенек, смотрел на него и утробно рычал. Мех у него встал дыбом. Глаза желтые. На шее у него висели жетоны Дейла Барбары.

Джуниор закрыл глаза и сосчитал до десяти. Раскрыв глаза, он увидел, что волк исчез.

- Я теперь волк, - прошептал он пустому, горячему дому. - Я вурдалак, я видел, как Лон Черни[404] танцует с королевой.

Вверх по ступенькам он поднимался, прихрамывая, но сам этого не замечал. Его униформа висела в шкафу, там же лежалое и казенное оружие - «Беретта-92 Таурус»[405]. В полицейском участке было с десяток этих пистолетов, купленных в основном на деньги федерального агентства Национальной безопасности. Он проверил пятнадцатизарядный магазин и убедился, что тот полон. Засунул пистолет в кобуру, затянул ремень на своей похудевшей талии, вышел из комнаты.

На верхней площадке ступенек Джуниор задержался, колеблясь - куда бы ему пойти, подождать, чтобы взяться за выполнение своей задачи уже тогда, когда городское собрание буде идти полным ходом. Говорить ни с кем ему не хотелось, он даже видеть никого не хотел. А потом у него вынырнуло: хорошее тайное место, к тому же неподалеку от места действия. По ступенькам он спустился осторожно - проклятая хромота вернулась в полном объеме, плюс левая половина лица у него занемела, словно обмороженная, - и пошкандыбал по коридору. Он ненадолго остановился возле дверей отцовского кабинета, размышляя, не следует ли открыть сейф и сжечь там все деньги. Потом решил, что этим не следует париться. Неясно ему припомнился анекдот о банкирах, оставленных на безлюдном острове, которые обогатились, перепродавая друг другу одежду, и он противно рассмеялся, хотя и не смог припомнить финал, да и вообще никогда не понимал полностью смысла этого анекдота.

Солнце спряталось за тучами на западном горизонте Купола, и день помрачнел. Джуниор

вышел из дома и растворился в сумерках.

12

В четверть пятого с заднего двора зашли в их временный дом Эйден и Алиса Эпплтоны. Алиса спросила:

- Кара, я пойду с Эйденом… то есть ты возьмешь меня и Эйдена… на большое собрание?

Каролин Стерджес, которая как раз готовила на ужин сэндвичи с арахисовым маслом и джемом на кухонной стойке Корали Думаген, из хлеба Корали Думаген, черствого, но вполне съедобного, изумленно посмотрела на детей. Она никогда в жизни не слышала о детях, которым захотелось пойти на какое-то взрослое собрание; если бы ее спросили, она бы ответила, что дети, вероятно, будут убегать в противоположном направлении, лишь бы избежать такого скучного события. Это был соблазн. Потому что если пойдут дети, тогда и она может туда сходить.

- А вы в этом уверены? - переспросила она, наклоняясь к детям. - Оба хотите пойти?

До этих последних дней Каролин была уверена, что не заинтересована иметь детей, что ее интересует скорее карьера преподавателя и писателя. Возможно, романистки, хотя ей казалось, что писание романов занятие рискованное; вдруг убьешь кучу времени на написание тысячестраничного произведения, а оно окажется провальным? Вместо этого поэзия… ездить по стране (скажем, на мотоцикле)… проводить авторские чтения и семинары, быть свободной птичкой… это было бы круто. А еще возможны знакомства с интересными мужчинами, вино и дискуссии о Сильвии Плат[406], лежа в кровати. Алиса и Эйден перевернули ее представление. Она влюбилась в них. Она желала уничтожения Купола - конечно, желала, - но возвращать парочку этих детей их маме… для нее это обернется раненным сердцем. Она втихую себе надеялась, что им тоже от этого будет немножечко горько. Наверняка, это были нехорошие надежды, но уж какие были.

- Эйд? Ты на самом деле этого хочешь? Потому что взрослые собрания бывают ужасно длинными и скучными.

- Я хочу пойти, - ответил Эйден. - Я хочу увидеть всех людей.

И тут Каролин Стерджес поняла. Не дебаты относительно ресурсов города и как их в дальнейшем использовать интересовали их. С какого такого чуда это должно их интересовать? Алисе было девять, а Эйдену пять лет. А вот увидеть всех людей вместе, как большую семью? В этом был смысл.

- Вы сможете хорошо себя вести? Без игр и без лишнего шепота?

- Конечно, - заверила Алиса с чувством собственного достоинства.

- И вы оба, перед тем как мы пойдем, хорошенько выписяетесь досуха?

- Да! - тут уже девочка подкатила глаза, словно говоря, что за глупенький ум эта Кара имеет… и Каре это почему-то даже нравилось.

- Тогда я только запакую эти сэндвичи, и пойдем, - сказала Каролин. - А еще мы возьмем с собой две жестянки содовой для деток, которые хорошо будут себя вести и будут пить через

соломинки. Это если обозначенные детки хорошенько пописают, прежде чем увлажнять себе горло водой с пузырьками, вот так.

- Я буду сосать соломинку охотно, как бешеный, - сказал Эйден. - А есть квасольки?

- Он имеет в виду пирожное «вупи», - объяснила Алиса.

- Я знаю, что он имеет в виду, но у нас их нет, хотя, кажется, есть гремовские крекеры[407], посыпанные цинамоновым сахаром.

- Цинамоновые гремовские крекеры - это круто, - объявил Эйден. - Я тебя люблю, Кара.

Каролин улыбнулась. Ей подумалось, что это прозвучало красивее, чем любой из прочитанных ею стихов. Даже красивее чем тот, о холодных сливах, Вильямса[408].

13

Джулия удивленно смотрела, как медленно, а впрочем, уверенно спускается по ступеньками Эндрия Гриннел. С Эндрией произошла трансформация. Макияж и прическа на месте расхристанных еще вчера волос сделали свое дело, но не это было главным. Глядя на нее, Джулия осознала, как давно она видела третью выборную города преисполненной уверенности в себе. Этим вечером она одела умереть какое красивое красное платье, опоясанное пояском на талии - похоже, от «Энн Тейлор»[409], - а в руке держала большую плетеную сумку. Даже Горес засмотрелся на нее, разинув пасть.

- Как я выгляжу? - спросила Эндрия, достигнув подножия ступенек. - Так, что могла бы полететь на городское собрание на метле?

- Ты выглядишь ошеломительно хорошо. Младше на двадцать лет.

- Благодарю, дорогуша, но у меня наверху есть зеркало.

- Если тамошнее тебе не показало, насколько ты теперь лучше выглядишь, посмотри в зеркало здесь, где лучшее освещение.

Эндрия перебросила сумку в другую руку так, словно в ней лежало что-то тяжелое.

- Ну, наверное, все- таки выгляжу неплохо, немного, по крайней мере.

- Ты уверена, что имеешь для этого уже достаточно сил?

- Думаю, да, а если даже меня начнет вновь трясти, я тихонько смогу выскользнуть через боковые двери. - Эндрия не имела намерения выскальзывать, хоть бы как ее там не начало колотить.

- А что в сумке?

«Ланч для Джима Ренни, - подумала Эндрия. - Которым я собираюсь его накормить на глазах всего города».

- Я всегда беру с собой вязание на городское собрание. Иногда там так долго и скучно тянется время.

mir-knigi.org

- Не думаю, чтобы это было скучным, - заметила Джулия.

- А ты сама пойдешь, не так ли?

- О, я пока что думаю, - с сомнением произнесла Джулия. Она надеялась быть уже далеко от центра Честер Милла к тому времени, как собрание закончится. - Мне сначала надо сделать кое-какие дела. Ты сможешь дойти туда сама?

Эндрия послала ей юмористический взгляд «мама, я вас умоляю».

- Вдоль улочки и вниз по холму - и я уже там. Маршрут, наработанный годами.

Джулия посмотрела на часы у себя на запястье. Было уже четверть шестого.

- А ты не очень рано отправляешься?

- Эл откроет двери в шесть часов, если не ошибаюсь, а я хочу занять себе удобное место.

- Как выборной тебе следовало бы сидеть прямо на сцене, - сказала Джулия. - Если имеешь такое желание.

- Нет, не имею. - Эндрия вновь перекинула сумку в другую руку. Ее вязание лежало в сумке, вместе с материалами дела ВЕЙДЕР и револьвером 38-го калибра, подаренным ей братом Твичем для самозащиты. Не хуже он послужит для защиты города, думала она. Каждый город похож на человеческий организм, но имеет одно значительное преимущество, если у города неважно с мозгом, трансплантация может быть успешной. Возможно, до убийства не дойдет. Она молилась, чтобы не дошло.

Джулия смотрела на нее вопросительно. Эндрия осознала, что улетела куда-то далеко вслед за своими мыслями.

- Я хотела бы сегодня посидеть среди жителей города. Но скажу свое слово, когда придет время. Можешь быть уверена.

14

Энди был прав относительно Эла Тиммонса, который откроет двери в шесть часов. К тому времени Мэйн-стрит, едва ли не абсолютно пустую днем, заполнили люди, которые направлялись в сторону городского совета. Другие небольшими группами спускались по городскому холму, идя с жилых кварталов. Начали подъезжать машины с Восточного и Северного Честера, большинство из них переполненные пассажирами. Похоже на то, что никто не желал этим вечером оставаться в одиночестве.

Она прибыла довольно рано, в связи с чем имела достаточно свободных мест на выбор и остановилась на третьем от сцены ряду, возле прохода. Прямо перед ней во втором ряду сидела Каролин Стерджес и дети Эпплтоны. Дети заинтересованно рассматривали все и всех. Малыш держал что-то зажатое в кулаке, что оказалось гремовским крекером.

Среди тех, кто пришли раньше времени, была также Линда Эверетт. Джулия рассказывала Эндрии об аресте Расти - чрезвычайно циничном - и знала, что его жена крайне этим подавлена, но сейчас она искусно это скрывала под эффектным гримом и хорошим платьем с большими накладными карманами. Сравнивая ее вид с собственным по состоянию (сухость во

mir-knigi.org

рту, головная боль, желудок крутит), Эндрия была в восторге от отваги Линды.

- Садитесь возле меня, Линда, - предлагала она, похлопывая ладонью по соседнему месту. - Как там Расти?

- Я не знаю, - ответила Линда, проскальзывая мимо Эндрии и садясь рядом. Что-то, что лежало в одной из ее забавных карманов звякнуло об дерево. - Они не позволяют мне с ним увидеться.

- Эта ситуация должна быть исправлена, - произнесла Эндрия.

- Да. И она будет исправлена, - сурово согласилась Линда, а потом наклонилась вперед: - Привет, детки, как вас зовут?

- Это Эйден, - сказала Кара, - а это…

- Я Алиса, - девочка протянула руку в королевском жесте… так, словно подавала ее с трона. - Я и Эйден… мы с Эйденом… Купротки. Это слово означает «Купольные сиротки». Это Терстон придумал. Он знает всякие магические трюки, вот как вытянуть у человека из уха монету и еще много других.

- Ну, у тебя, похоже, все идет прекрасно, - сказала Линда, улыбаясь. Отнюдь не чувствовала себя она веселой; никогда в жизни она не была такой напряженной. Вот только напряженная здесь неуместное слово. Ей было страшно до усирачки.

15

В шесть часов тридцать минут паркинг позади городского совета был полон. Дальше занимали места уже вдоль Мэйн-стрит, Вест-стрит и Ист-Стрит.

Без четверти семь даже стоянка возле почты и полицейского участка была заставлена машинами и в зале горсовета едва не все места были заняты.

Большой Джим предусматривал возможность большого наплыва народа, поэтому Эл Тиммонс, которому ассистировали несколько молодых копов, расставил на лужайке взятые из клуба Американского легиона[410] дополнительные скамейки. «ПОДДЕРЖИВАЙТЕ НАШИ ВОЙСКА» - призывали надписи на некоторых из них; «БОЛЬШЕ ИГРАЙТЕ В БИНГО!» на других. По бокам входных дверей горсовета установили большие звуковые колонки «Ямаха».

Для соблюдения порядка было задействовано большинство офицеров городской полиции - в частности, все копы-ветераны, кроме одной персоны. Когда опоздавшие брюзжали на то, что им приходится сидеть во дворе (или стоять, когда даже на скамейках не осталось свободных мест), шеф Рендольф говорил, что надо было приходить пораньше: кто своевременно приходит, тому Господь угождает. А еще, добавлял он, вечер сегодня замечательный, теплый, хороший, а вскоре еще и взойдет та большая розовая луна.

- Вечер замечательный, если не учитывать запах, - заметил Джо Боксер. Дантист находился в бессменно скверном настроении со времени конфронтации в госпитале из-за прихватизованных им вафель. - Я надеюсь, хоть слышимость будет нормальная через эти штуки, - показал он на аудиоколонки.

- Вы будете слышать все прекрасно, - заверил его шеф Рендольф. - Мы взяли их в «Диппере». Томми Андерсон говорит, что это наиболее современная аппаратура, он сам их и подключал.

Представьте себе, словно сидите в автомобильном кинотеатре без экрана.

- Я представляю себе эту скуку, - ответил Джо Боксер, кладя ногу на ногу и привередливо подщипывая складку на своих наутюженных штанах.

Джуниор смотрел, как собираются люди, из своего тайника внутри моста Мира, следил через трещину в стене. Его поразило это зрелище - столько жителей одновременно в одном месте, а еще понравилось качество звука. Со своего места он хорошо все слышал. Вот когда его отец уже хорошенько разогреется, тогда он и отправится.

«К Богу каждого, кто станет мне поперек дороги», - подумал он.

Даже в сумерке, который все более сгущался, невозможно было не узнать пивного живота его отца. К тому же этим вечером в городском совете не жалели электричества и длинная полоса света из одного ее окна тянулась вплоть до того места полностью забитой машинами парковки, где стоял Большой Джим. А рядом с ним Картер Тибодо.

Большой Джим не ощущал, что за ним наблюдают, или, скорее, он ощущал, что на него сейчас смотрят все вместе, а это то же самое. Взглянув на свои часы, он увидел, что уже перевалило за семь. Отточенные многими годами в политике чувства напоминали ему, что важное собрание всегда должно начинаться с опозданием на десять минут, не больше и не меньше. Это означало, что ему уже надо выруливать на взлетную полосу. В руке он держал папку со своей речью, но следует ему начать говорить, как потребность в заготовленном тексте отпадала. Он знал, что хочет сказать. Ему словно припоминалось, что он проговаривал эту речь во сне прошлой ночью, и не один раз, а несколько, и с каждым разом она становилась лучше.

Он легонько толкнул Картера.

- Время запускать шоу в работу.

- О'кей, - Картер побежал туда, где на ступеньках горсовета стоял Рендольф («Представляет, вероятно, себя похожим на какого-то Юлия-Никчему-Цезаря», - подумал Большой Джим), и привел шефа к Ренни.

- Мы зайдем через боковой вход, - сказал Большой Джим и взглянул на часы, - через пять, нет, через четыре минуты. Ты первый, Питер, я буду идти вторым, Картер, ты за мной. Мы идем прямо на сцену, понятно? Идем уверенно - никакой никчемной неловкости-сутулости. Будут аплодисменты. Стоим стройно, пока они не начнут затихать. Тогда садимся. Питер, ты по левую руку от меня, Картер по правую. Я подойду к трибуне. Сначала молитва, потом все встанут петь Национальный гимн. После этого я начну речь, дальше все будет лететь быстро, по пунктам, как говно с гуся. Они проголосуют «за» за все предложения. Все ясно?

- Я нервничаю, словно какой-то сученок, - сознался Рендольф.

- Не следует. Все должно пройти прекрасно.

Конечно, он ошибался относительно этого.

16

В те минуты, когда Большой Джим со своей свитой отправлялся к боковым дверям городского совета, Рози в своем ресторанном фургоне как раз заворачивала на подъездную аллею усадьбы

Макклечи. Вслед за ней ехал скромный седан «Шевроле» Джоуни Келверт.

Клэр вышла из дома с чемоданом в одной руке и брезентовой сумкой с продуктами во второй. Джо и Бэнни Дрэйк тоже держали чемоданы, хотя большинство одежды в чемодане Бэнни походило из ящиков Джо. Бэнни также держал еще одну, меньшую сумку, набитую продуктами из кладовой Макклечи.

Снизу холма донеслись усиленные звуковой аппаратурой аплодисменты.

- Спешим, там уже начинают. Время нам смываться отсюда, и притопом.

С ней была Лисса Джеймисон. Она отодвинула боковые двери фургона и начала изнутри принимать вещи.

- А свинцовое полотно, чтобы окна прикрыть, есть? - спросил Джо у Рози.

- Да, и несколько кусков для машины Джоуни тоже. Мы доедем туда, где, как ты говоришь, еще безопасно, и там уже завесим окна. Подай-ка мне тот чемодан.

- А это все-таки безумие, знаете, - произнесла Джоуни Келверт. Она довольно прямо прошла по щели между своей машиной и фургоном «Розы-Шиповника», чем подвигла Рози во мнении, что взбодрилась она сегодня всего лишь парой рюмочек. И это уже было хорошо.

- Наверное, ты права, - кивнула Рози. - Ты готова?

Джоуни вздохнула и обняла свою дочь за хрупкие плечи.

- К чему? Ехать к черту вслепую? Почему бы и нет? Сколько нам придется там сидеть?

- Неизвестно, - ответила Рози.

Джоуни вздохнула вновь.

- Ну, так хоть тепло сейчас.

- А где твой дед? - Джо спросил у Норри.

- Он сейчас с Джеки и мистером Бэрпи. Он будет ждать их в украденном у Ренни фургоне, пока они сходят туда и выведут Расти и мистера Барбару, - подарила она ему улыбку насмерть испуганной девочки. - Он сегодня их гангста-драйвер.

- Нет дурака, самого дурного, чем старый дурак, - заметила Джоуни Келверт. Рози страшно захотелось ей съездить наотмашь, взглянув на Лиссу, она поняла, что и та была бы не прочь это сделать. Но не тот был сейчас момент, чтобы затевать ссору, не говоря уже о кулачных разборках.

«Или вместе тянем одну лямку, или поодиночке нас на ней повесят», - подумала Рози.

- А Джулия где? - спросила Клэр.

- Она приедет с Пайпер. И своим псом.

От центра города, усиленная микрофонами (и голосами тех, кто сидел на скамейках во дворе), полетела в выполнении сводного хора Честер Милла мелодия «Сияющего звездами флага».

mir-knigi.org

- Отправляемся, - сказала Рози. - Я поеду впереди.

Джоуни Келверт повторила с какой-то скорбной веселостью:

- По крайней мере, сейчас хотя бы тепло. Поехали, Норри, будешь направлять свою старенькую мамку.

17

Под южной стеной «Maison des Fleurs» Леклерка лежал закоулок для подъезда поставщиков, именно здесь, носом наружу, стоял краденый фургон телефонной компании. Эрни, Джеки и Ромми Бэрпи сидели в нем и слушали, как совсем неподалеку поют Национальный гимн. У Джеки зачесались глаза, она заметила, что не только ее трогают эти звуки; Эрни, сидя за рулем, достал из заднего кармана носовой платок и вытер себе глаза.

- Я думаю, нам нет потребности ждать сигнала от Линды, - произнес Ромми. - Я не ожидал, что они выставят колонки. Они их достали не у меня, вот так.

- Все равно хорошо, что ее там будут видеть люди, - сказала Джеки. - Где ваша маска, Ромми?

Он показал штампованное из пластика лицо Дика Черни[411]. Вопреки огромным запасам у него на складе, Ромми не смог найти для Джеки маски Ариэль[412]; пришлось ей согласиться на Гермиону, приятельницу Гарри Поттера. Позади сидения Эрни лежалая маска Дарта Вейдера, но Джеки опасалась, что они могут подвергнуть себя опасности, если старику вздумается ее сейчас одеть. Вслух она этого не произнесла.

«А на самом деле, какая разница? Если нас вдруг не станет в городе, у каждого хватит ума догадаться, почему мы исчезли».

Но подозревать - совсем не означает знать, и если Ренни с Питером Рендольфом придется обходиться только подозрениями, их друзей и родственников, которых они тут оставят, могут подвергнуть разве что придирчивым допросам.

«Могут». При таких обстоятельствах, как сейчас, осознала Джеки, это слово нагружено весьма мощными возможностями.

Гимн закончился. Дальше вновь прозвучали аплодисменты, и тогда уже начал говорить второй выборный. Джеки проверила свой пистолет - запасной, домашний - и подумала, что следующие несколько минут станут самыми длинными в ее жизни.

18

Барби и Расти стояли каждый перед дверьми своей камеры, слушая, как Большой Джим начинает свою тронную речь. Благодаря громкоговорителям перед главным входом городского совета слышать им было все довольно хорошо.

«Благодарю вас! Благодарю всех и каждого из вас! Благодарю за то, что пришли! Я благодарю вас за то, что вы храбрые, сильные, самые-самые непоколебимые люди в наших Соединенных Штатах Америки».

Приподнятые аплодисменты.

«Леди и джентльмены… а также дети. Я вижу несколько детей среди аудитории…»

Добродушный смех.

«Мы с вами оказались в опасном положении. Вы сами это знаете. Сегодня я хочу рассказать вам, как мы в нем оказались. Я не знаю всего, но поделюсь с вами тем, что знаю, потому что вы этого заслужили. Когда я закончу вводить вас в курс дела, мы должны коротко рассмотреть несколько очень важных вопросов. Но первое и главное, что я хочу сказать вам, это то, как я ГОРЖУСЬ вами, каким ПРИЗНАТЕЛЬНЫМ я чувствую себя за то, что Бог - и вы - избрали меня вашим проводником в этот критический момент, и хочу ЗАВЕРИТЬ вас, что вместе мы пройдем через эти испытания, вместе и с Божьей помощью мы выйдем из них БОЛЕЕ СИЛЬНЫМИ, и БОЛЕЕ ПРАВДИВЫМИ, и ЛУЧШЕ, чем мы были раньше! Пусть мы с вами, словно дети Израиля посреди пустыни сейчас…»

Барби подкатил вверх глаза, а Расти сделал кулаком жест, словно дрочит.

«… но скоро мы достигнем ХАНААНЫ и будем пировать молоком и медом, которые Бог и наши соотечественники-американцы беспрекословно приготовили для нас!»

Неистовые аплодисменты. На слух, похоже, там стоячая овация. Никаких сомнений, если даже здесь, внизу, где-то устроено подслушивающее устройство, те три-четыре копа наверху сейчас столпились в дверях полицейского участка, и слушают Большого Джима.

Барби сказал:

- Будь наготове, друг.

- Я готов, - откликнулся Расти. - Поверь, я весь готов.

«Правда, только не к тому, чтобы увидеть среди тех, кто ворвется сюда, Линду», - подумал он. Он не желал, чтобы она вдруг кого-то убила, а еще больше ему не хотелось, чтобы она наткнулась на риск быть убитой. Не ради него. «Пусть она остается там, где есть. Он сумасшедший, но, по крайней мере, если она сейчас вместе с остальной частью города, она в безопасности».

Так он подумал за мгновение до того, как началась стрельба.

19

Большой Джим торжествовал. Он завел их именно туда, куда хотел завести: себе на ладонь. Сотни людей, тех, которые голосовали за него, и тех, которые голосовали против. Никогда он не видел их так много в этом зале, даже когда обсуждались молитва[413] в школе или школьный бюджет. Они сидели плотно, плечо к плечу и бедро к бедру, как внутри, так и во дворе, и больше, чем просто его слушали. Без беглеца Сендерса и без Гриннел, которая сидит себе в зале (тяжело было не заметить красное платье в третьем ряду), он сам владел этой толпой. Глаза их умоляли его охранять их. Спасти их. Довершением его радостного триумфа был личный охранник рядом с ним и ряды копов - его копов, - выстроенные вдоль стен этого зала. Не все из них пока что были обмундированы в форму, но все вооружены. И еще не менее чем сотня людей в аудитории имели при себе голубые нарукавные повязки. Это выглядело так, словно он создал себе частную армию.

- Друзья мои, сограждане, большинство из вас знают, что мы арестовали человека по имени

Дейл Барбара…

Поднялся вихрь восклицаний и свиста. Большой Джим ждал, пока они утихнут, пасмурный снаружи, улыбающийся внутри.

- …за убийство Бренды Перкинс, Лестера Коггинса и двух чудесных девушек, которых мы все знали и любили: Энджи Маккейн и Доди Сендерс.

Возмущенный свист и шиканье вместе с восклицаниями «Повесить его!» и «Террорист!»

Голос, который кричал «террорист», похож на голос Велмы Винтер, дневного менеджера из магазина «Брауни».

- Но чего вы не знаете, - продолжил Большой Джим, - так это того, что Купол - результат учиненной группой элитных научных работников-негодяев заговора, который втайне финансируется определенной правительственной фракцией. Мы морские свинки в их эксперименте, дорогие мои сограждане, а Дейл Барбара - это человек, которого назначили прокладывать и направлять курс этого эксперимента изнутри!

Реакцией на это была оглушительная тишина. Затем она взорвалась гневным ревом.

Когда толпа немного успокоилась, Большой Джим продолжил, упираясь руками в борта трибуны, его упитанное лицо сияло от искренности (а еще, наверное, от высокой давления). Текст его речи лежал перед ним, но он так ни разу его и не открыл. Не было потребности туда заглядывать. Бог играл на его голосовых струнах и двигал его языком.

- Когда я говорю о тайном финансировании, вы можете поинтересоваться, что именно это означает. Ответ ужасный, но простой. Дейл Барбара, с помощью пока еще невыясненного количества жителей нашего города, создал лабораторию по производству наркотиков, которая поставляла огромные объемы кристаллического метамфетамина наркобаронам, кое-кто из которых связан с ЦРУ, по всему восточному побережью страны. И, хотя он пока что не назвал нам имена всех своих соучастников, один из них – у меня душа болит от того, что я вам сейчас скажу, - оказался Энди Сендерсом.

Шум-гам и восклицания удивления в аудитории. Большой Джим заметил, как со своего места начала привставать Эндрия Гриннел, но потом вновь села. «Так будет правильно, - подумал он, - просто сиди себе там. Если ты такая скудоумная, что отважишься задавать мне вопросы, я тебя живьем съем. А потом они тебя съедят живьем».

По правде, он действительно чувствовал себя на это способным.

- Босс Барбары, его руководитель - это тот человек, которого все вы видели по телевизору. Он строит из себя полковника армии США, но фактически он входит в наивысший конклав тех научных работников и правительственных чиновников, на которых лежит вина за этот сатанинский эксперимент. У меня есть признания Барбары относительно этого вот здесь, - он похлопал себя по груди, где во внутреннем кармане его спортивного пиджака лежал кошелек и компактное издание Нового Завета, в котором слова Христа были напечатаны красным цветом.

Тем временем увеличивалось количество восклицаний «Повесить его!» Большой Джим воздел вверх руку и стоял со склоненной головой, с пасмурным лицом, пока вопли наконец-то не стихли.

- Мы проголосуем относительно наказания Барбары всем городом - как целостный организм,

который служит причиной и источником свободы. Все в ваших руках, леди и джентльмены. Если вы проголосуете за смертную казнь, он будет казнен. Но пока я ваш лидер, повешения у нас не будет. Он будет казнен через расстрел отрядом полиции…

Бешеные аплодисменты перебили его слова, и большинство людей вскочили на ноги. Большой Джим наклонился к микрофону…

- …но только после того, как мы получим всю, до последнего кусочка, информацию, которая еще остается скрытой в его ЖАЛКОЙ ДУШЕ ПРЕДАТЕЛЯ!

Теперь уже почти вся аудитория была на ногах. Однако не Эндрия; она так и сидела в третьем ряду рядом с центральным проходом, смотря прямо на него глазами, которые должны были бы быть смирными, затуманенными, взволнованными, но таковыми не были.

«Смотри на меня, как тебе хочется, - думал он, - пока ты сидишь там тихо, как воспитанная девочка».

А тем временем он купался в ливне аплодисментов.

20

- Сейчас? - спросил Ромми. - Как вы думаете, Джеки?

- Подождем еще немножко, - сказала она.

Просто инстинкт, ничего другого, а по обыкновению ее инстинкты стоили доверия.

Потом ей оставалось только удивляться, сколько жизней было бы спасено, если бы она ответила Ромми: «О'кей, вперед».

21

Глядя через щель в стене моста Мира, Джуниор увидел, что даже люди, которые сидели на скамейках, вскочили на ноги, и тот самый инстинкт, который подсказал Джеки еще немножко подождать, приказал ему двигаться. Он вынырнул из-под моста на край общественной площади и побрел напрямик к тротуару. Когда существо, которое его породило, вновь продолжило свою речь, он уже направлялся к полицейскому участку. Темное пятно в его левом глазу выросло вновь, но ум у него был ясным.

«Я иду к тебе, Баарби. Я уже иду за тобой».

22

- Эти люди мастера дезинформации, - продолжил Большой Джим. - И когда вы пойдете к Куполу увидеться со своими милыми родственниками, начатая против меня кампания наберет полный оборот. Кокс и его приспешники не остановятся ни перед чем, чтобы очернить меня. Они будут называть меня лжецом и вором, они даже могут говорить, что это я лично вел операции с наркотиками…

- Именно ты и вел, - прозвучал чистый приподнятый голос.

mir-knigi.org

Это был голос Эндрии Гриннел. Все взгляды сосредоточились на ней, когда она встала, живой восклицательный знак в красном платье. Какое-то мгновение она смотрела на Большого Джима с выражением холодного пренебрежения, а потом обратилась к людям, которые ее выбрали третьей выборной, когда старик Билли Кэйл, отец Джека Кэйла, умер от инсульта четыре года назад.

- Люди, отложите пока что ваши страхи куда-нибудь в сторону, - произнесла она. - Когда вы это сделаете, то увидите, что история, которую он нам здесь рассказывает, это смехотворный бред. Джим Ренни считает, что вас можно взять на испуг, как скот громом. Я прожила вместе с вами всю мою жизнь и считаю, что он ошибается.

Большой Джим ожидал протестующих восклицаний. Не прозвучало ни одного. Нет, не обязательно потому, что горожане вдруг поверили ей; просто они были ошарашены резкой сменой событий. Алиса с Эйденом полностью развернулись назад и стояли на коленях на скамейке, удивленно смотря на леди в красном платье. Кара была ошарашена не меньше.

- Тайный эксперимент? Что за ерунда! За последние пятьдесят лет наше правительство отметилось многими паршивыми делами, и я первая готова это признать, но держать в плену целый город с помощью какого-то силового поля? Просто, чтобы посмотреть, что мы будем делать? Это идиотизм. В такое способны поверить только запуганные, затерроризированные люди. Ренни это знает, вот потому он и оркеструет весь этот террор.

Большой Джим ненадолго потерял драйв, но теперь опомнился, нашел свой голос. И, конечно, в его распоряжении оставался микрофон.

- Леди и джентльмены, Эндрия Гриннел хорошая женщина, но сегодня она сама не своя. Конечно, как и все мы, она шокирована, но больше того, как не грустно мне об этом говорить, у нее большие проблемы с наркотической зависимостью, которая появилась в результате травмы и последующего употребления ей весьма цепкого лекарства, которое называлось…

- Я не принимала ничего более сильного, чем аспирин в последнее время, - заявила Эндрия ясным, сильным голосом. - И у меня оказались документы, которые показывают…

- Мэлвин Ширлз! - прогудел Большой Джим. - Не могли бы вы вместе с несколькими вашими коллегами-офицерами деликатно, но решительно вывести госпожу выборную Гриннел из помещения и сопроводить ее домой? Или, лучше, в больницу на обследование. Она не контролирует себя.

Несколько голосов пробурчали что-то в его поддержку, однако общего шумного одобрения, которого он ожидал, не прозвучало. Да и Мэл Ширлз успел сделать только один шаг вперед, когда Генри Моррисон, взмахнув рукой, толкнул его в грудь и откинул назад к стене, о которую того ощутимо стукнуло.

- Давайте выслушаем ее до конца, - произнес Генри. - Она в нашем городе тоже официальное лицо, так пусть договорит.

Мэл посмотрел вверх на Большого Джима, но Большой Джим не отрывал глаз от Эндрии, едва не загипнотизировано смотря, как она вынимает со своей большой сумки коричневый конверт. Он понял, что это такое, как только его увидел.

«Бренда Перкинс, - подумал он, - ох, какая же ты сука, даже мертвая ты не перестаешь улыбаться мне».

Едва только Эндрия подняла конверт у себя над головой, как тут же он начал колебаться взад-вперед. Возвращались ее судороги, этот ее чертов кумар. Худшего момента тяжело было представить, но ее это не удивило, она даже ожидала, что так может произойти. Это все от стресса.

- Документы, которые содержатся в этом конверте, мне передала Бренда Перкинс, - произнесла она, и, по крайней мере, хоть голос у нее остался ровным. - Они были собраны ее мужем и генеральным прокурором нашего штата. Дюк Перкинс расследовал предлинный ряд больших и малых преступлений Джеймса Ренни.

Мэл, ища совет, бросил взгляд на своего друга Картера. И Картер встретил его взгляд собственным: ясным, острым, почти удивленным. Он показал на Эндрию, потом схватил рукой себя за горло: «Заткни ее». На этот раз, когда Мэл выступил вперед, Генри Моррисон не остановил его - как почти каждый в этом зале, он вытаращился на Эндрию.

Вслед за Мэлом, который, пригибаясь, словно перед экраном в кинотеатре, поспешил вдоль сцены, отправились Марти Арсенолт и Фрэдди Дентон. С другой стороны большого зала городского совета двинулись Тодд Вендлештат и Лорен Конри. Вендлештат держал руку на обрезке ореховой палки, который он носил при себе вместо полицейской дубинки; рука Конри лежала на рукояти его пистолета.

Эндрия заметила их приближение, но не замолчала.

- Доказательства находятся в этом конверте, и я считаю, что именно эти доказательства... - «стали причиной гибели Бренды Перкинс», хотела она завершить фразу, но в этот миг ее дрожащие, скользкие от пота пальцы не удержали веревки, которая служила петлей ее сумки. Сумка хлопнулась посреди прохода, и из ее разинутого верха, словно перископ, высунулось дуло револьвера 38-го калибра, подаренного когда-то Эндрии для самозащиты.

Выразительно, так что бы было слышно всем в занемевшем зале, прозвучал голос Эйдена Эпплтона:

- Ух ты! У этой леди есть левольвер!

Снова запала мертвая тишина. И тогда вскочил со своего стула Картер Тибодо и, выскочив вперед, прикрывая собой своего босса, завопил:

- Револьвер! Револьвер! РЕВОЛЬВЕР!

Эйден сполз со скамейки в проход, чтобы лучше рассмотреть.

- Нет, Эйд! - закричала Кара, наклоняясь, чтобы схватить мальчика, и тут же Мэл сделал первый выстрел.

Пуля пробил дыру в полированном деревянном полу прямо перед носом у Каролин Стерджес. Взлетели щепки. Одна застряла у нее под правым глазом, кровь хлынула по лицу. Она едва заметила, что кричат теперь все. Наклонилась в проход, схватила Эйдена за плечи и, словно баскетболистка, кинула его себе между расставленных ног назад. Он влетел в тот ряд, где они сидели, ошарашенный, однако невредимый.

- РЕВОЛЬВЕР! У НЕЕ РЕВОЛЬВЕР! - закричал Фрэдди Дентон, отпихивая со своей дороги Мэла. Позже он будет божиться, что молодая женщина тянулась за оружием и он, конечно, хотел ее только ранить.

23

Благодаря громкоговорителям трое людей в краденом фургоне слышали изменения, которые происходили в зале городского совета. Торжественную речь Большого Джима и то, как последующие за ней аплодисменты были прерваны какой-то женщиной, которая говорила громко, однако стояла очень далеко от микрофона, и ее слов они не расслышали. Дальше ее голос утонул в общем реве толпы, пронизанном визгами. И тогда прозвучал выстрел.

- Что за черт? - воскликнул Ромми.

Снова выстрелы. Кажется, два, а может, и три. И визг.

- Не имеет значения, - сказала Джеки. - Вперед, Эрни, и быстро. Если мы собираемся сделать эту работу, мы должны сделать ее сейчас.

24

- Нет! - закричала Линда, вскакивая на ноги. - Не стреляйте! Здесь дети! ЗДЕСЬ ДЕТИ!

В городском совете воцарился хаос. Еще, может, пару секунд они оставались не быдлом, но теперь им стали. Толпа ринулась к передним дверям. Несколько первых успели проскочить, а остальные застряли. Несколько человек, у которых сохранилась капля здравого смысла, побежали по центральным и боковым проходам к запасным дверям по бокам сцены, но таких было меньшинство.

Линда протянула руки к Каролине Стерджес, чтобы оттянуть ее в сравнительно безопасное место между скамейками, когда на нее налетел Тоби Меннинг, который как раз несся по центральному проходу. Его колено встретилось с Линдиным затылком, и она упала ничком, без сознания.

- Кара! - где-то далеко рыдала Алиса Эпплтон. - Кара, вставай! Вставай, Кара! Кара, вставай!

Каролин начала привставать, и вот тогда-то Фрэдди Дентон выстрелил ей прямо между глаз, моментально убив наповал. Пронзительно закричали дети. Их лица были забрызганы ее кровью.

Линда едва осознавала, что ее ударили, пробежали по ней. Она привстала на карачки (встать прямо сейчас она не смогла бы) и заползла между скамеек с противоположного от того, где перед тем сидела, бока прохода, хлюпая рукой по свежей крови Каролин.

Алиса с Эйденом старались добраться до Кары. Понимая, что детей могут жестоко ранить, если они окажутся в проходе (и, не желая, что бы они видели, что случилось с женщиной, которая, как считала она, была их матерью), Эндрия потянулась руками выше скамейки впереди себя, чтобы их удержать. Она упустила вниз конверт ВЕЙДЕР.

Картер Тибодо ожидал этого. Он так и стоял перед Большим Джимом, заслоняя его собственным телом, но уже держал в руке пистолет, положив его себе не предплечье. Теперь он нажал курок, и наглая женщина в красном платье - та, которая привела к этому бедламу, - полетела кувырком.

В горсовете господствовал хаос, но Картер его игнорировал. Он сошел по ступенькам со сцены и спокойно пошел туда, где упала женщина в красном платье. Когда по центральному проходу

ему навстречу бежали какие-то люди, он отбрасывал их со своего пути налево и направо. Маленькая девочка, плача, старалась вцепиться ему в ногу, и Картер отпихнул ее в сторону, даже не взглянув.

Сначала он не увидел конверт. Потом заметил его. Тот лежал возле одной из протянутых рук той женщины, Гриннел. Кровавый низ чьей-то большой подошвы отпечатался поперек надписи ВЕЙДЕР. Так же невозмутимый среди хаоса, Картер осмотрелся и увидел, что Ренни засмотрелся на передрягу в аудитории с лицом, на котором читался шок и недоверие. Хорошо.

Картер выдернул из-за пояса на себе рубашку. Какая-то женщина с визгом - это была Карла Венциано - налетела на него, он оттолкнул ее прочь. Потом он запихнул конверт ВЕЙДЕР себе сзади за пояс и завесил его рубашкой.

Немного обезопаситься никогда не помешает.

Назад к сцене он отходил, пятясь, потому что не желал неожиданно получить от кого-то удар. Достигнув ступенек, развернулся и бегом поднялся. Рендольф, бесстрашный шеф городской полиции, так и оставался сидеть на стуле, с руками, сложенными на своих мясистых бедрах. Он был бы похож на статую, если бы не единственная жилка, которая билась в центре его лба.

Картер взял за руку Большого Джима.

- Идем, босс.

Большой Джим посмотрел на него так, словно не совсем понимал, где он или кто он. Потом его глаза немного прояснились.

- Гриннел?

Картер показал на распластанное в центральном проходе женское тело, лужа, которая расплывалась вокруг ее головы, была в тон ее платья.

- О'кей, хорошо, - кивнул Большой Джим. - Давай выбираться отсюда. Вниз. Ты тоже, Питер. Вставай. - А поскольку Рендольф так и продолжал сидеть, вылупившись на осатанелую толпу, Большой Джим ударил его по голени. - Шевелись.

Среди этого хаоса никто не услышал тех выстрелов, которые прозвучали неподалеку отсюда.

25

Барби с Расти смотрели друг на друга.

- Что там к черту такое происходит? - произнес Расти.

- Неизвестно, - пожал плечами Барби, - но что-то нехорошее, судя по звукам.

От городского совета долетели звуки новых выстрелов, а потом еще один шарахнул намного ближе: прямо у них над головами. Барби надеялся, что это их освободители… и тут услышал чей-то вопль: «Нет, Джуниор! Ты что, взбесился? Вордло, прикрой меня!» Дальше вновь загремели выстрелы. Четыре или, может, пять.

- О Боже, - сказал Расти. - У нас неприятности.

mir-knigi.org

- Слышу, - согласился Барби.

26

Джуниор задержался на крыльце полицейского участка, оглянувшись через плечо на новый взрыв шума в горсовете. Люди, которые сидели во дворе, теперь стояли, вытянув шеи, но смотреть там было не на что. Ни им, ни ему. Вероятно, кто-то застрелил его отца - надеялся Джуниор, таким образом, самому ему будет меньше работы, - но сейчас его цель была здесь, в полиции. В подвале, если точнее.

Джуниор пропихнулся сквозь двери с надписью прописными буквами: «РАБОТАЕМ ВМЕСТЕ: ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ РОДНОГО ГОРОДА И ВЫ». Ему навстречу поспешила Стэйси Моггин. А за ней и Руп Либби. В комнате дежурных, перед плакатом «КОФЕ И ПОНЧИКИ НЕ БЕСПЛАТНЫЕ», стоял Мики Вордло. Какой он был не качок, а выглядел оробевшим, не уверенным в себе.

- Тебе нельзя сюда, Джуниор, - запротестовала Стэйси.

- Конечно, можно. - «Конечно» прозвучало как «кофефно». Половина рта у него занемела. Отравление талием! Барби! - Я тоже офицер. «Фья фофе офифев».

- Ты пьян, вот и все. Что там такое происходит? - но тут же, вероятно решив, что он не способен на связный ответ, эта сучка толкнула его прямо в грудь. От этого толчка он припал на свою больную ногу и едва не завалился. - Иди прочь отсюда, Джуниор. - Она осмотрелась через плечо и произнесла свои последние в этой жизни слова: - Стой, где стоишь, Вордло. Никто не спускается в подвал.

Обернувшись вновь к Джуниору с намерением тут же вытолкнуть его из участка, она увидела, что смотрит в дуло казенной полицейской «Беретты». Времени ей хватило только на одну мысль: «О, нет, он не может», - и тогда болезненная боксерская рукавчика ударила ей между грудей, откинув назад. Забрасывая голову, она увидела вверх ногами удивленное лицо Рупа Либби. И умерла.

- Нет, Джуниор! Ты что, взбесился? - закричал Руп, хватаясь за свой пистолет. - Вордло, прикрой меня!

Но Мики Вордло так и стоял, разинув рот, в то время, как Джуниор выстрелил пять раз подряд в кузена Пайпер Либби. Левая рука у него занемела, но с правой все было о'кей; он не должен был даже быть каким-то выдающимся стрелком, когда его цель стояла неподвижно на расстоянии каких-то семи футов. Первые две пули он влепил Рупу в живот, откинув его на стойку Стэйси Моггин, та перевернулась. Руп преломился пополам, но удержался на ногах. Третьим выстрелом Джуниор промахнулся, но две следующих пули попали Рупу в темя. Тот осел в гротескно балетной позе, ноги раскинуты, а между ними голова - то, что от нее осталось, - упирается в пол, словно в каком-то финальном глубоком поклоне.

Держа перед собой раскаленную «Беретту», Джуниор заковылял в комнату дежурных. Он не помнил, сколько уже сделал выстрелов, думал, что семь. Может, восемь. Или одиннадцать, кто может знать наверняка? Снова боль вернулась ему в голову.

Мики Вордло поднял руку. На его большом лице застыла оробелая, примирительная улыбка.

- Я тебе не препятствую, братан, - произнес он. - Делай все, что тебе нужно. - И показал

пальцами знак мира[414].

- Сделаю, - ответил Джуниор, - братан.

Он выстрелил в Мики. Большой паренек завалился, знак мира теперь обрамлял дыру в голове там, где лишь только что у него был глаз.

Подкаченный целый глаз смотрел на Джуниора с тупой смиренностью овцы в загоне стригуна. Джуниор еще раз выстрелил в него, просто для надежности. А потом оглянулся. Похоже на то, что помещение было в его полнейшем распоряжении.

- О'кей, - произнес он. - Ох… кей.

Он уже было отправился к ступенькам, как вдруг вернулся к телу Стэйси Моггин. Убедился, что у нее точно такая же «Беретта Таурус», как и у него, и вытянул магазин со своего пистолета. Заменил полным, снятым с ее пояса.

Разворачиваясь, Джуниор покачнулся, упал на одно колено и вновь встал. Черное пятно перед его левым глазом теперь казалась большим, как крышка уличного люка, и он догадывался, что это признак того, что с левым глазом у него действительно какая-то херня. Но ничего страшного; если ему нужно больше одного глаза, чтобы застрелить человека, запертого в камере, он и ломанного петушиного гребня не стоит. Он направился через комнату дежурных, поскользнувшись на крови Мики Вордло, и вновь едва не упал. Однако сумел удержаться на ногах. В голове у него стучало, но Джуниор поздравлял это бамканье. «Оно держит меня в тонусе», - подумал он.

- Привет, Бааарби, - позвал он вниз со ступенек. - Я знаю, что ты мне сделал, и иду за тобой. Если хочешь помолиться, молись скорее.

27

Расти увидел, как по ступенькам вниз захромали ноги. Он ощутил запах порохового дыма и крови, и понял, что приближается время его смерти. Тот, кто сюда ковыляет, идет за Барби, но он почти вероятно не презрит фельдшером, который попадется ему по дороге. Никогда ему больше не увидеть Линду и своих Джей-Джей.

Показалась грудь Джуниора, дальше шея, а потом и голова. Расти хватило одного взгляда на его перекошенный рот, левая часть которого была оттянута вниз в хищной улыбке, и на левый, заплывший кровью глаз, чтобы подумать: «Далеко болезнь зашла. Даже удивительно, что он еще на ногах, и очень жаль, что он не подождал где-то хоть немножко дольше. Еще бы чуточку времени, и он уже и улицу не способен был бы перейти».

Чуть-чуть, словно из иного мира, он услышал усиленный мегафоном голос из городского совета: «НЕ БЕГИТЕ! НЕ ПАНИКУЙТЕ! ОПАСНОСТЬ МИНОВАЛА! ГОВОРИТ ОФИЦЕР ГЕНРИ МОРРИСОН, Я ПОВТОРЯЮ - ОПАСНОСТЬ МИНОВАЛА!»

Джуниор оступился, но к этому времени он уже достиг нижней ступеньки. Вместо того чтобы грохнуться и свернуть себе шею, он лишь припал на одно колено. Отдохнул в этой позе несколько секунд, похожий на боксера, который пережидает обязательный счет до восьми, чтобы встать и продолжить бой. Расти видел и переживал все это ясно, вблизи и очень стремительно. Драгоценный мир вдруг утончился и стал неустойчивым, один тоненький пласт марли остался прокладкой между ним и тем, что будет дальше. Если будет.

«Падай, - послал он мысль Джуниору. - Падай ничком на пол. Упади в обморок, ты, мазефакер».

Но Джуниор тяжело встал, вытаращился на пистолет у себя в руке так, словно впервые его видел, а потом направил взгляд вдоль коридора, на дальнюю камеру, где, уцепившись руками в решетку, стоял и смотрел на него Барби.

- Бааарби, - пропел шепотом Джуниор и двинулся вперед.

Расти отступил назад, думая, что так Джуниор, возможно, минует его, не заметив. А еще, может, сам застрелится, покончив с Барби. Он понимал, что это малодушные мысли, но также понимал, что они практичные. Барби он ничем помочь не может, но может поспособствовать собственному выживанию.

И это могло бы сработать, сидел бы он в какой-то из камер слева по коридору, потому что на эту сторону Джуниор был слеп. Но его заперли в камере справа, и Джуниор заметил его движение. Он остановился и вперился в Расти, на его искривленном лице застыло удивление пополам с лукавством.

- Фасти, - прошептал он, - так твое имя? Или Беррик? Не могу вспомнить.

Расти хотел было умолять о пощаде, но его язык прилип к небу. Да и что за смысл в мольбах? Юноша уже поднимал пистолет. Джуниор собирался его застрелить. Никакая сила на земле не состоятельна была его остановить.

В крайнем отчаянии ум Расти бросился на поиски выхода, найденного многими умами в их последние мгновения сознания – прежде чем щелкнет выключатель, прежде чем распахнется погреб под ногами, прежде чем дуло, прижатое к виску, плюнет огнем. «Это сон, - подумал он. - Это все сон. И Купол, и тот дикий случай на Динсморовском поле, и потасовка за еду, и этот юноша также. Вот он нажмет курок, и этот сон кончится, и я проснусь в своей кровати посреди прохладного, свежего, осеннего утра. Повернусь к Линде и скажу: «Я только что такой кошмар видел, ты не поверишь».

- Заклой глаза, Фасти, - произнес Джуниор. - Так будет луфше.

28

Первой мыслью Джеки Веттингтон, когда она вошла в приемную полицейского участка, была: «О, Боже правый, здесь повсюду кровь».

Стэйси Моггин лежала против стены под доской приказов и объявлений, копна ее белокурых волос рассыпалась вокруг нее, а пустые глаза смотрели в потолок. Второй коп - она не могла узнать, кто именно - распластался ничком перед диспетчерской стойкой, с ногами, раскинутыми вширь под невозможным углом. За ним, в комнате дежурных, боком, лежал третий коп. Им должен был быть Вордло, один из новобранцев их конюшни. Крупнее его просто не существовало. Плакат над кофеварочным аппаратом заляпало мальчишеской кровью и мозгом. Теперь надпись на нем выглядела так: «К ФЕ И ПО НЕ ПЛАТНЫЕ».

Сзади послышалось тихое потрескивание. Она порывисто обернулась, не осознавая, что одновременно поднимает пистолет, пока не увидела на мушке Ромми Бэрпи. Ромми ее даже не заметил; он смотрел на тела трех мертвых копов. Потрескивала его маска Дика Черни. Он снял ее, кинул на пол.

- Господи, что здесь случилось? - спросил он. - Это не…

Не успел он завершить предложение, как снизу, из клетки, долетел вопль: «Эгей! Сракоротый! Я тебя достал, не так ли? Я тебя хорошенько достал!»

А за тем, невероятно, смех. На высоких тонах, маниакальный смех. Какой-то миг Джеки и Ромми просто смотрели один на другого, не в состоянии пошевелиться.

Наконец Ромми опомнился:

- Я думаю, это Барбара, да.

29

Эрни Келверт сидел в фургоне телефонной компании, который стоял с работающим на холостых оборотах двигателем возле бордюра, вдоль которого шла трафаретная надпись: «ТОЛЬКО 10 МИНУТ ПО ПОЛИЦЕЙСКИМ ДЕЛАМ». Он запер все двери, опасаясь, чтобы, стремясь захватить машину, к нему не ворвался никто из тех людей, которые в панике бежали по Мэйн-стрит от городского совета. В руках он держал ружье, которое Ромми перед тем спрятал позади его сидения, хотя не был уверен, что сможет выстрелить в кого-то, если кто-то захочет к нему ворваться; он знал этих людей, много лет продавал им продукты. От страха их лица сделались чужими, однако, не нераспознаваемыми.

Он увидел, как по лужайке перед горсоветом носится туда-сюда Генри Моррисон, словно охотничий пес в поисках утраченного следа. Он кричал в мегафон, стараясь призвать народ хоть к какому-то порядку посреди хаоса. Кто-то его толкнул, и Генри завалился навзничь. Благослови его Господь.

А вот и другие: Джордж Фредерик, Марти Арсенолт, сынок Ширлзов (опознанный из-за повязки, которую он все еще носил на голове), оба брата Бови, Роджер Кильян и пара других новобранцев. По широким ступенькам здания городского совета грозно спускался Фрэдди Дентон с оружием наголо. Эрни нигде не видел Рендольфа, хотя каждый, кто не имел о нем понятия, должен был бы ожидать, что именно шеф полиции возглавит операцию по установлению контроля над ситуацией, которая качалась на границе хаоса.

Эрни имел о нем понятие. Питер Рендольф всегда был беспомощным бахвалом, и его отсутствие посреди этого небудничного циркового шоу рядового Снафу[415] нисколечко не удивило Эрни Келверта. И не встревожило. Беспокоился он только за то, что до сих пор никто не вышел из полицейского участка, внутри которого прозвучало еще несколько выстрелов. Звучали они приглушено, так, словно из того подвала, где держали заключенных.

Не расположенный по обыкновению к молитвам, Эрни начал молиться. Чтобы никто из людей, которые потоками прут от горсовета, не заметил старика за рулем фургона, который почему-то стоит здесь с включенным двигателем. Чтобы Джеки и Ромми вышли оттуда неповрежденными, с Барбарой и Эвереттом, или без них. У него промелькнула мысль, что он может просто уехать отсюда прочь, и он испугался, насколько эта мысль привлекательная.

У него зазвонил телефон.

На мгновение он застыл, не уверенный в том, что на самом деле это слышит, и тогда сорвал с пояса телефонную трубку. Открыв телефон, увидел на экранчике имя ДЖОУНИ. Но звонила по телефону не его невестка; звонила по телефону Норри.

- Дедушка! Ты там в порядке?

- Конечно, да, - ответил он, смотря на хаос перед собой.

- Вы их оттуда освободили?

- Именно сейчас все происходит, пчелка, - произнес он, надеясь, что говорит правду. - Я не могу говорить. Ты в безопасности? Вы уже в… в том месте?

- Да! Дедушка, он ночью светится! Этот радиационный пояс! И машины тоже светились, а потом перестали! Джулия говорит, что это вряд ли опасно! Она говорит, что это фальшивое предостережение, вероятно, просто для того, чтобы отпугивать людей!

«Лучше бы вам не полагаться на это», - подумал Эрни.

Еще два приглушенных выстрела донеслось из полицейского участка. Кого-то убили в подвале, почти наверняка.

- Норри, я не могу сейчас говорить.

- Все будет хорошо, дедушка?

- Да, да. Я тебя люблю, Норри.

Он сложил телефон. Подумал: «Он светится» - и удивился, увидит ли он то свечение собственными глазами. Черная Гряда совсем рядом (в маленьком городке все рядом), но именно теперь она казалась такой далекой. Он взглянул на двери полицейского участка, предпочитая мыслью ускорить своих друзей. А когда они не вышли, он выбрался из фургона. Не мог он больше просто так здесь сидеть. Он должен был зайти вовнутрь и сам увидеть, что там происходит.

30

Барби увидел, как Джуниор поднимает пистолет. Услышал, как Джуниор говорит Расти, чтобы тот закрыл глаза. Он закричал, не думая, без всякого предположения, что именно собирается сказать, слова сами собой выскочили у него из глотки: «Эгей! Сракоротый! Я тебя достал, не так ли? Я тебя хорошенько достал!» Смех, который прозвучал вслед за этим, похож был на смех безумца, которого лишили обычного лекарства.

«Это так я смеюсь перед смертью! - подумал Барби. - Надо это запомнить». И от этой мысли расхохотался еще сильнее.

Джуниор повернулся к нему. На правой стороне его лица отразилось удивление; левая сторона оставалась застывшей в оскале.

Это его выражение напомнило Барби какого-то супернегодяя, книжку о котором он читал в детстве, хотя какого именно, он вспомнить не мог. Вероятно, кого-то из врагов Бэтмена, они всегда были самыми страшными. Потом ему вспомнилось, как его младший брат Уенделл старался выговорить слово «враги», а у него всякий раз выходило «вовоги». Это заставило его расхохотаться еще сильнее, чем вначале.

«Это не самый плохой из тех финалов, которые могли бы произойти, - подумал он, просовывая руки через решетку и тыкая Джуниору одновременно два хорошеньких «фака». - Вспомни

Стабба из «Моби Дика»: «Какая не выпадет мне судьба, я буду встречать ее смеясь»[416].

Джуниор увидел, что Барби показывает ему аж два средних пальца, синхронно, и напрочь забыл о Расти. Выставив вперед руку с пистолетом, он бросился по коридору. Ум у Барби сейчас работал очень ясно, но он ему не доверял. Люди, которые, как он слышал, ходили наверху и говорили, были, скорее всего, плодом его воображения. Но, вопреки всему, тебе нужно доиграть свою роль до конца. Не имея ничего другого, он может подарить Расти несколько вдохов воздуха, немного времени жизни.

- А вот и ты, сракоротый, - позвал он. - Помнишь, как я начистил тебе морду той ночью возле «Диппера»? Ты еще скулил, как сучий щенок.

- Я не скулил.

У него это прозвучало, как название чего-то экзотического блюда в уже и без того напрочь китайского меню. Лицо Джуниора выглядело сплошной маской. Кровь из левого глаза капала ему на темную от щетины щеку. И только теперь у Барби промелькнула мысль, что у него здесь есть пусть небольшой, но шанс. Пусть не прекрасный, но плохой шанс все равно лучше, чем никакой. Он пришел в движение со стороны в сторону перед своим топчаном и туалетом, сначала медленно, потом быстрее. «Вот теперь ты знаешь, что чувствует механическая утка в тире, - подумал он. - Это тоже надо запомнить».

Джуниор следил за его движениями своим единственным целым глазом.

- Ты ее трахал? Ты трахал Энджи? - «Фи-и-твафау? Фи твафау Ейньи?»

Барби захохотал. Это был смех бешеного, такой смех, который он не признавал как свой собственный, но в нем не было ничего фальшивого.

- Трахал ли я ее? Джуниор, я трахал ее сверху и снизу, впереди и сзади, вдоль и поперек. Я трахал ее, пока она не начала петь «Слава командиру» и «Восход злой луны»[417], я трахал ее, пока она не начала трястись на полу и взывать: «Еще-Еще-Еще». Я…

Джуниор перевел взгляд на свой пистолет. Барби это заметил и немедленно прыгнул влево. Джуниор выстрелил. Пуля ударила в кирпичную стену в глубине камеры. Разлетелись темно-красные обломки. Некоторые из них ударились о прутья - Барби услышал металлический звон, словно горох в жестяной кружке, даже вопреки тому, что от выстрела у него зазвенело в ушах, - но ни один из них не достал Джуниора. Сука. Дальше по коридору что-то кричал Расти, вероятно, стараясь отвлечь Джуниора, но Джуниор уже покончил с отвлечениями. Джуниор имел на мушке свою главную цель.

«Отнюдь, ничего ты не имеешь, - подумал Барби. Он не переставал смеяться. Абсурд, сумасшествие, но уж как есть. - Я не твой, ты, жалкий одноглазый мазефакер».

- Она говорила, что у тебя не стоит, Джуниор. Она тебя называла Эль Мягкое Херотто. И мы с ней с этого смеялись во время наших…

Он прыгнул вправо одновременно с выстрелом Джуниора. На этот раз он услышал, как пуля свистнула у него мимо головы, с таким звуком: зззззз. Снова брызнули кирпичные осколки. Один ужалил Барби в шею.

- Давай, Джуниор, ты, часом, не неважно чувствуешь себя? Что-то из тебя стрелок, как из сурка математик. Ты действительно тупица? Так тебя по обыкновению называли Энджи с

Фрэнки…

Барби сделал фальшивое движение вправо, но вместо этого бросился к левой стене камеры. Джуниор выстрелил трижды, грохот был оглушительным, запах пороха густым и резким. Две пули зарылись в кирпич, третья попала в металлическую основу туалета со звуком: «дзиннн». Начала вытекать вода. Барби так ударился об дальнюю стену камеры, что зубы у него клацнули.

- Теперь я тебя достану, - запыхавшись, произнес Джуниор. «Фефев фефя фифану».

Но в глубине того, что осталось от его перегретого думающего двигателя, он удивлялся. Левый глаз у него ослеп, а в правом мерцало. Он видел не одного Барби, а трех.

Ненавистный сукин сын упал вниз, когда Джуниор выстрелил, и эта пуля также пролетела мимо. Только крохотный черный дверной глазок открылся в центре подушки в изголовье топчана. Но он наконец-то лежал неподвижно. Уже не прыгал, не трепыхался. «Слава Богу, я вставил новый магазин», - подумал Джуниор.

- Ты отравил меня, Бааарби.

Барби не имел понятия, о чем он лепечет, но сразу же согласился.

- Правильно, проклятый ссыкодрыстунчик, именно это я и сделал.

Джуниор продвинул «Беретту» через решетку и прищурил свой негодный левый глаз; таким образом, количество Барби уменьшилась всего до двух. Язык у него залип между зубами. Его лицо заплыло потом и кровью.

- Увидим, как ты теперь побегаешь, Бааарби.

Барби не мог бегать, но мог ползти и сделал это, резко двинувшись прямо в сторону Джуниора. У него свистнуло над головой, и он ощутил легкий ожог вдоль одной из половинок гузна, когда пуля распорола ему джинсы и трусы, заодно счесав верхний пласт кожи под ними.

Джуниор отшатнулся назад, попятился, едва не упал, схватился за решетку камеры по правую сторону и так удержался на ногах.

- Не двигайся, мазефакер.

Барби перекатился к топчану и потрогал под ним, надеясь схватить нож. Он совсем забыл об этом долбаном ноже.

- Хочешь получить в спину? - спросил Джуниор позади его. - О'кей, мне это годится.

- Стреляй! - закричал Расти. - Стреляй в него. СТРЕЛЯЙ!

Прежде, чем прозвучал следующий выстрел, Барби успел подумать: «Господи Иисусе, на чьей ты стороне, Эверетт?»

31

Джеки спускалась по ступенькам, и Ромми шел вслед за ней. Она успела заметить дым, который плавал вокруг обернутых в сетку верхних светильников, и пороховой смрад, и тогда

Расти закричал: «Стреляй, стреляй в него».

Она увидела в конце коридора Джуниора, тот прижимался к решетке камеры в самом конце, той камеры, которую копы иногда называли «Риц». Он что-то горланил, но разобрать было невозможно.

Она не размышляла. И не приказывала Джуниору поднять руки и повернуться. Она просто сделала два выстрела ему в спину. Одна пуля вошла в правое легкое, а вторая пробила сердце. Джуниор умер раньше, чем сполз наземь с лицом, зажатым между двух прутьев решетки, и глаза ему так сильно оттянуло вверх, что лицо его было похоже на какую-то посмертную японскую маску.

Позади трупа Джуниора нашелся сам Барбара, припавший к топчану с так тщательно скрываемым там ножом. Ножом, которого у него так и не выпало шанса раскрыть.

32

Фрэдди Дентон схватил офицера Генри Моррисона за плечо. Дентон не принадлежал к самым приятным ему личностям этим вечером, и никогда не будет принадлежать вновь. «Да и никогда он мне не нравился», - скривился мысленно Генри.

Дентон показал рукой:

- Чего это тот старый дурак Келверт заходит в полицейский участок?

- Откуда, черт побери, мне это знать? - спросил Генри, тем временем перехватывая Донни Барибо, который как раз пробегал мимо них, выкрикивая какую-то бессмысленную хуйню о террористах.

- Тормози! - гаркнул Генри прямо в лицо Донни. - Все кончилось! Все классно!

Донни подстригал Генри регулярно, дважды в месяц, в течение десяти лет, пересказывая одни и те же затхлые анекдоты, но сейчас он смотрел на Генри, словно на абсолютно незнакомого человека. И тогда с силой вырвался и побежал в направлении Ист-Стрит, где находилась его парикмахерская. Возможно, хотел спрятаться там.

- Нечего гражданским делать в полицейском департаменте этой ночью, - сказал Фрэдди.

Притащился и встал рядом с ними запыхавшийся Мэл Ширлз.

- Так почему бы тебе не пойти и не выгнать его оттуда, ты, убийца? - кинул Генри. - И этого идиота можешь с собой забирать. Все равно от вас ничего, к черту, хотя бы на цент хорошего, здесь нет.

- Она потянулась, чтобы схватить револьвер, - произнес Фрэдди впервые то, что потом он будет повторять еще не раз. - И я не собирался ее убивать. Только ранить, ну, типа того.

Генри не имел охоты обсуждать эту тему.

- Иди туда и скажи старику, чтобы уходил оттуда прочь. Можешь также убедиться, что никто не старался освободить арестованных, пока мы здесь носимся, как стадо кур с отрубленными головами.

mir-knigi.org

В очуманевших глазах Фрэдди Дентона что-то вспыхнуло.

- Арестанты! Мэлет, идем!

Они уже было отправились, когда их заставило замереть оглушительный, усиленный мегафоном рев Генри в трех ярдах позади: «И СПРЯЧЬТЕ ОРУЖИЕ, ВЫ, ИДИОТЫ».

Фрэдди выполнил приказ мегафонного голоса. Мэл тоже. Они перешли Мемориал-Плаза и затопотали вверх по ступенькам полицейского участка с пистолетами уже в кобурах, что, вероятно, было сильно хорошо для дедушки Норри.

33

«Повсюду кровь», - подумал Эрни, точно как Джеки. Он засмотрелся на бойню, ошарашенный, а потом заставил себя двигаться. Все рассыпалось с диспетчерской стойки, когда об нее ударился Руп Либби. Среди того беспорядка лежал красный пластиковый прямоугольник, который, дай Бог, люди внизу могут еще использовать в деле.

Он наклонился его подобрать (приказывая себе не вырыгать, напоминая себе, что здесь все равно намного легче, чем было в долине А-Шау[418] во Вьетнаме), когда кто-то позади его произнес:

- Святой, сука, Боже, доброе утро! Вставай Келверт, медленно. Подыми руки вверх.

Но Фрэдди с Мэлом все еще тянулись за своими пистолетами, когда вверх по ступенькам поднялся Ромми, чтобы поискать то, что Эрни уже успел найти. У Ромми в руках была скорострельная «Черная тень», ранее припрятанная им в сейфе, и он без секунды нерешительности нацелился ей на двух копов.

- Эй, классные парни, заходите, чувствуйте сия, как дома, - произнес он. - И стойте рядом. Бок обок. Только увижу просвет между вами, я стреляю. И я вам тут не парю черта лысого, я сказал, да.

- Опусти оружие, - сказал Фрэдди. - Мы полицейские.

- Поли-гандоны, вот вы кто. Ну-ка, стой там, под той, доской объявлений. И плечо к плечу впритирку, там, где стоите. Эрни, что вы, чегт вас побери, делаете здесь?

- Я услышал стрельбу. Забеспокоился, - он показал красную ключ-карту, которой открывались камеры в подвале. - Вам это нужно, я думаю. Если… если, конечно, они там не мертвые.

- Они не мертвые, но были к этому очень близко. Отнеси это Джеки. Я присмотрю за этими пейзанами.

- Вы не можете их выпустить, они арестованы, - сказал Мэл. - Барби убийца. А второй старался шантажировать мистера Ренни какими-то бумагами… или что-то такое.

Ромми поленился ответить, лишь подогнал старика:

- Идите-ка, Эрни, спешите.

- А что будет с нами? - спросил Фрэдди. - Вы же нас не убьете, правда?

- Почему бы это я вас убивал, Фрэдди? Вы еще не уплатили мне долг за тот мотоблок, которые купили у меня прошлой весною. И график регулярных платежей нарушили, насколько я припоминаю. Нет, мы вас просто запрем в клетки. Увидим, как вам там, внизу, понравится. Немного пахнет ссыкушками, но вам, может, будет приятно.

- Зачем вам надо было убивать Мики? - спросил Мэл. - Он же был никто, просто дурачок.

- Никого из них мы не убивали, - ответил Ромми. - Ваш добрый приятель Джуниор это сделал. «Никто в это не будет верить уже завтра», - подумал он сам себе.

- Джуниор! - вскрикнул Мэл. - Где он?

- Откалывает уголь лопатой в аду, я так думаю, - произнес Ромми. - Именно туда-вот и приставляют новых помощников.

34

Барби, Расти, Джеки и Эрни поднялись вверх. Двое недавних арестантов имели выражение лиц такое, будто бы не совсем верили в то, что они еще живы. Ромми с Джеки эскортировали Фрэдди с Мэлом вниз в подвал. Увидев скрюченное тело Джуниора, Мэл произнес:

- Вы об этом пожалеете!

Ему ответил Ромми:

- Сомкни свою дырку и занимай место в новом жилье. Оба в одной камере. Вы же напарники, в конце концов.

Как только Ромми и Джеки вернулись на верхний этаж, оба новых заключенных начали вопить.

- Давайте убираться отсюда, пока еще есть возможность, - сказал Эрни.

35

На крыльце Расти посмотрел вверх на розовые звезды и вдохнул вонючий и одновременно невероятно сладкий воздух. Потом обернулся к Барби.

- Я уже не верил, что когда-нибудь вновь увижу небо.

- Я тоже. Давай убираться из города, пока еще есть шанс. Как ты относительно Маями-Бич?

Расти все еще смеялся, садясь в фургон. Несколько копов суетились на лужайке против горсовета, и один из них - Тодд Вендлештат - посмотрел в их сторону. Эрни помахал ему рукой, за ним, то же самое сделали Джеки и Ромми. Вендлештат махнул в ответ и наклонился помочь женщине, которая растянулась на траве, преданная своими высокими каблуками.

Эрни скользнул за руль и нащупал электрические провода, которые свисали из-под приборной панели. Двигатель завелся, боковые двери задвинулись, и фургон отчалил от бордюра. Сначала медленно покатил вверх по холму, иногда объезжая ошарашенных участников городского собрания, которые брели по улице. А потом они выехали за границы центра города и, набирая скорость, взяли курс на Черную Гряду.

mir-knigi.org

МУРАВЬИ

1

Сияние они увидели с противоположной стороны старого ржавого моста, который теперь висел всего лишь над жиденьким ручейком грязи. Барби наклонился вперед между передними сидениями фургона.

- Что это? На вид - словно самые большие в мире наручные часы «Индиглоу»[419].

- Это радиация, - объяснил Эрни.

- Не волнуйтесь, - успокоил Ромми. - У нас полно свинцового полотна.

- Мне с материнского телефона звонила Норри, пока я вас ждал, - начал Эрни. - Она мне рассказала об этом свечении. Она сказала, что Джулия считает это всего лишь что-то… ну, наподобие пугала, если можно так выразиться.

- Я всегда считала, что Джулия имеет диплом по журналистике, а не физике, - заметила Джеки. - Она очень приятная леди и умная, конечно, но мы же все равно прикроемся от этой штуки, так? Потому что мне было бы мало радости получить рак яичников или груди в подарок на мой сороковой день рождения.

- Мы будем быстро ехать, - сказал Ромми. - Вы можете даже натянуть кусок того свинцового полотна впереди себе на джинсы, если от этого вам будет легче.

- Это так забавно, что я забыла засмеяться, - добавила она… а потом, представив себя в свинцовых трусиках с модными высокими вырезами по бокам, сделала именно так, как он говорил.

Они подъехали к мертвому медведю под телефонным столбом. Его было видно даже с отключенными фарами, потому что к тому времени розовый месяц и радиационный пояс вместе светили так мощно, что тут чуть ли не газету уже можно было читать.

Пока Ромми с Джеки завешивали окна фургона свинцовыми полотнами, остальные стояли полукругом возле гниющего медведя.

- Это не радиация, - задумчиво произнес Барби.

- Конечно, - кивнул Расти. - Самоубийство.

- Значит, должны быть и другие.

- Да. Но маленькие животные, похоже, в безопасности. Мы с детьми видели много птиц, а я в саду даже белку. Живую-живехоньку.

- Тогда Джулия почти наверняка права, - подытожил Барби. - Световой пояс - это действительно один элемент устрашения, а мертвые животные - другой. Это старый трюк, который называется - «пояс и подтяжки».

- Друг мой, я не успеваю за вашей мыслью, - сказал Эрни.

Вместо этого Расти, который еще студентом медицинского колледжа ознакомился с понятием

«пояса и подтяжек», вполне понимал, о чем речь идет.

- Это система сверхдостаточности, - объяснил он. - Двух предостережений должно полностью хватить. Мертвые животные днем, и световой радиационный пояс ночью.

- Насколько мне известно, - приобщился к их компании около дороги Ромми, - радиация светится только в научно-фантастических фильмах.

Расти хотел было сказать ему, что они сейчас наяву переживают такой научно-фантастический фильм, и Ромми сам в этом убедится, увидев ту коробочку на вершине холма. Однако Ромми действительно был прав.

- Это специально, чтобы мы ее увидели, - сказал он. - То же самое и с мертвыми животными. Допускается, что мы подумаем: «Ого, если здесь какие-то смертоносные лучи, которые побуждают к самоубийству больших млекопитающих, нам лучше держаться отсюда подальше». Наконец, что я такое, как не большое млекопитающее.

- А вот дети не отступились, - напомнил Барби.

- Потому что они же дети, - сказал Эрни, а секунду подумав, добавил: - Да еще и скейтбордеры. Они другой породы.

- Мне это все равно не нравится, - объявила Джеки, - но поскольку нам действительно больше некуда деваться, может, мы скоренько проедем через этот пояс Ван Аллена[420], прежде чем я совсем не потеряла решительность. После того, что состоялось в полицейской конюшне, я чувствую себя какой-то неуверенной.

- Одну минуточку, - произнес Барби. - Здесь что-то не в порядке. Я это вижу, но позвольте мне секунду подумать, чтобы я смог объяснить это словами.

Они ждали. Лунное сияние и радиация освещали останки медведя. Барби вглядывался в него. В конце концов, он поднял голову.

- Хорошо, вот что меня беспокоило. Здесь присутствуют они. Нам это известно, потому что коробочка, которую нашел Расти, не естественный феномен.

- Черт побери, здесь никаких сомнений, это безусловно созданная разумом вещь, - подтвердил Расти. - Но не на Земле. Я на это готов поставить свою жизнь. - Вдруг, вспомнив, как близко он находился менее чем час тому назад от потери своей жизни, Расти передернуло. Джеки сжала ему плечо.

- Не переживай за это сейчас, - возвратил их к своему Барби. - Итак, существуют какие-то они, и если бы эти они на самом деле желали не допустить нас туда, им это было бы легко сделать. Они целый мир не допускают к Честер Миллу и наоборот. Если бы они хотели удержать нас подальше от своей коробочки, почему бы им не создать вокруг нее мини-купол?

- Или какие-нибудь звуковые обертоны, от которых наши мозги испеклись бы, словно куриные окорочка в микроволновке, - добавил Расти, начиная въезжать в тему. - Черт, или просто настоящую радиацию.

- Так она и есть настоящая, - сказал Эрни. - Счетчик Гейгера, который вы сюда приносили, это подтвердил наглядно.

mir-knigi.org

- Да, - согласился Барби, - но означает ли это, что ее уровень, зарегистрированный счетчиком, действительно опасный? Ни Расти, ни дети не получили никаких явных поражений, у них не повыпадали волосы, они не выблевали свои внутренности.

- Пока что, по крайней мере, - заметила Джеки.

- Звучит обнадеживающе, да, - хмыкнул Ромми.

Барби игнорировал его реплику.

- Безусловно, если они смогли создать барьер такой крепкий, что отбивает наилучшие ракеты из тех, которыми только могут его обстрелять Соединенные Штаты, они смогли бы и радиационный пояс установить такой, что убивал бы быстро, практически мгновенно. Сделать именно так было бы в их интересах. Пара ужасных людских смертей намного лучше отпугивала бы возможных исследователей, чем несколько трупов животных. Нет, я думаю, Джулия права и так называемый радиационный пояс окажется безопасным сиянием, которое просто придает пикантности тому, что показывают наши технические средства. Которые им кажутся, наверное, к черту, крайне примитивными, если они действительно инопланетяне.

- И зачем? - взорвался Расти. - Зачем им какой-либо барьер? Я не смог поднять эту проклятую коробочку, да я даже покачнуть ее не смог! А когда набросил на нее свинцовый фартук, фартук вспыхнул. Хотя сама коробочка осталась на прикосновение холодной!

- Если они ее защищают, значит, должен быть какой-то способ, которым ее можно уничтожить или выключить, - сказала Джеки. - Если только...

Барби улыбался ей. Он удивительно чувствовал себя, так, словно едва не витал сейчас где-то вверху, у себя над головой.

- Давайте, продолжайте, Джеки. Говорите.

- Если только они ее совсем не защищают, так? По крайней мере, не от людей, у которых получится к ней приблизиться.

- Более того, - уточнил Барби. - Не кажется ли вам, что они на самом деле указывают на эту коробочку? Можно сказать, что Джо Макклечи с друзьями сюда буквально привела тропинка с посыпанными по ней хлебными крошками.

- Вот она, хлипкий Землянин, - провозгласил Расти. - Что ты можешь с ней сделать, ты, который набрался достаточно храбрости, чтобы приблизиться к ней?

- Это ближе к истине, - кивнул Барби. - Айда. Давайте подниматься вверх.

2

- Давайте уже я отсюда поведу машину, - обратился Расти к Эрни. - Недалеко впереди то место, где упали в обморок дети. А Ромми почти упал в обморок. Я тоже ощутил это. Видел галлюцинацию. Хэллоуиновское чучело, которое вспыхнуло огнем.

- Еще одно предупреждение? - спросил Эрни.

- Не знаю.

Расти доехал туда, где заканчивался лес и приоткрывался голый, каменистый подъем, который вел к саду Маккоя наверху. Прямо впереди было такое яркое сияние, что им пришлось на него смотреть, прищурившись и искоса, но нигде не было видно источника этого сияния; яркий свет плавал просто посреди воздуха. Барби он показался похожим на то сияние, которое выдают светлячки, но усиленное в миллион раз. На глаз этот пояс был шириною в пятьдесят ярдов. Вне его вновь лежала тьма, освещаемая лишь розовым светом луны.

- Вы уверены, что не упадете в обморок вновь? - спросил Барби.

- Здесь, похоже, так же, как и тогда, когда впервые трогаешь Купол: происходит вакцинация, - произнес Расти, выгоднее умащиваясь за рулем и переключая трансмиссию. - Держите руками ваши вставные зубы, леди и джентры.

Он утопил педаль газа так резко, что задние колеса провернулись. Фургон рванул в сияние. Они были слишком плотно заслонены свинцовыми занавесками, чтобы самим видеть, что происходило дальше, а вот те несколько человек, которые уже находился на холме, на краю сада, видели - с нарастающей тревогой - все. Какое-то мгновение фургон было видно четко, он словно находился в луче прожектора. Вырвавшись со светового пояса, он еще сам сиял несколько секунд, словно перед тем его погрузили в радий. А вслед за ним, словно ракетный выхлоп, тянулся кометный хвост.

- Сраный-драный, - пробурчал Бэнни. - Это самый крутой спецэффект из всех, которые я видел.

Потом сияние вокруг фургона потухло, а дальше и шлейф исчез.

3

Когда они мчались сквозь лучезарный пояс, Барби ощутил что-то наподобие короткого умопомрачения, и не более того. У Эрни реальный мир этого фургона и этих людей вдруг заменила гостиничная комната, наполненная запахом сосен и ревом Ниагарского водопада. И в ней была женщина, которая стала его женой всего двенадцать часов тому назад, она подошла к нему, одетая в ночную рубашку, не более тяжелую, чем дыхание лавандовой кисеи, взяла его за руки и положила их себе на грудь со словами: «На этот раз нам не надо перерываться, любимый».

А потом он услышал вопль Барби, и это вернуло его к реальности.

- Расти! Ее трясет! Стой!

Эрни осмотрелся и увидел, что Джеки Веттингтон бьется в конвульсиях, глаза у нее закатились, а пальцы судорожно скрючены.

- Он держит крест, и все горит! - кричала она, из губ у нее брызгала слюна. - Весь мир горит! ЛЮДИ ПЫЛАЮТ! - выдала она визг на всю машину.

Расти едва не перевернул фургон, загнав его в канаву, потом сдал задом на середину дороги, выскочил из кабины и бросился вокруг к боковым дверям. Тем временем их уже отодвинул Барби, и Джеки вытирала слюну себе из подбородка собранной в форме чашечки ладонью. Ромми ее держал за талию.

- С вами все хорошо? - спросил ее Расти.

mir-knigi.org

- Теперь нормально, да. Я просто видела… это было… там все было охвачено огнем. Белый день, но вокруг тьма. Люди п-п-пылали… - она начала плакать.

- Вы что-то говорили о ком-то с крестом, - произнес Барби.

- Большой белый крест. На веревке или на ремешке из холщовки. Он висел у него на груди. На голой груди. А потом он взял его рукой и поднял перед лицом. - Она сделала глубокий вдох, и теперь воздух выходил из нее короткими толчками. - Уже все туманится. Но… оох.

Расти выставил перед ней два пальца и спросил, сколько она видит. Джеки дала правильный ответ и проследила глазами за его пальцем, пока он двигал им влево-вправо и вверх-вниз. Он похлопал ее по плечу, а потом недоверчиво посмотрел назад, на лучезарный пояс. Как там Голлум сказал Бильбо Беггинсу[421]: «Это обман, моя драгоценная».

- Как ты сам, Барби. В порядке?

- Эй. Немного запаморочилось в голове на пару секунд, и все. Эрни?

- Я видел мою жену. И номер в отеле, где мы жили в наш медовый месяц. Ясно как днем видел.

Он вновь вспомнил, как она подходила к нему. Он много лет об этом не вспоминал, какой же это стыд, пренебрегать таким замечательным воспоминанием. Белизна ее бедер под коротенькой ночной рубашкой; тень треугольника волос между ее ногами; твердые соски натягивают шелк, чуть ли не прокалывая подушки его ладоней, когда она вводит свой язык ему сквозь губы и вылизывает внутреннюю сторону щеки.

«На этот раз нам не надо перерываться, любимый».

Эрни откинулся назад и закрыл глаза.

4

Расти выехал вверх по холму, теперь уже медленно - и остановил фургон между сараем и обветшалым фермерским домом. Там уже стояли фургоны «Розы- Шиповника» и универсального магазина Бэрпи, а также чей-то «Шевроле Малибу». Джулия загнала свой «Приус» внутрь сарая. Возле заднего бампера ее машины сидел корги Горес, он ее словно охранял. Вид у него был не очень счастливого пса и не подошел их поздравить. Внутри дома светились несколько коулменовских фонарей.

Джеки показала пальцем на фургон с надписью по борту «КАЖДЫЙ ДЕНЬ РАСПРОДАЖА В БЭРПИ».

- А он как здесь оказался? Ваша жена передумала?

Ромми оскалился.

- Вы не знаете мою Мишу, если смеете такое о ней подумать. Нет, мне нужно благодарить Джулию. Она завербовала двух своих лучших репортеров. Вот те-то ребята…

Он замолчал, увидев Джулию, Пайпер и Лиссу Джеймисон, которые появились из темного, кое-где пронизанного лунным сиянием сада. Они брели рядышком, держась за руки, и втроем вместе плакали.

mir-knigi.org

Подбежав к Джулии, Барби схватил ее за плечи. Она была крайней в их маленькой шеренге, и фонарь, который она держала в руке, упал на землю поросшего сорняками двора перед дверями фермы. Она подняла на него глаза, стараясь улыбнуться.

- Итак, вас освободили, полковник Барбара. Один ноль в пользу нашей команды.

- Что случилось с вами? - спросил Барби у нее.

Тут же сзади к ним, весело подпрыгивая, подбежали Джо, Норри и Бэнни со своими матерями. Вскрики детей резко оборвались, когда они увидели, в каком состоянии женщины. К своей хозяйке с лаем подбежал Горес. Опустившись на колени, Джулия лицом зарылась в его мех. Горес понюхал ее и вдруг пошел на попятную. А потом сел и завыл. Джулия посмотрела на него и закрыла себе лицо ладонями, словно от стыда. Норри ухватила за правую руку Джо, а Бэнни за левую. Лица детей помрачнели, стали испуганными. Из фермерского дома вышли Пит Фримэн, Тони Гай и Рози Твичел, но не приближались, так и стояли тесной кучкой возле кухонных дверей.

- Мы пошли туда посмотреть, - глухо произнесла Джулия, куда-то делась ее обычная жизнеутверждающая интонация к-черту-все-ибо-мир-прекрасен. - Мы встали на колени вокруг той коробочки. На ней там еще такой символ, я такого никогда раньше не видела… это не кабалистика…

- Это ужасно, - включилась Пайпер, вытирая себе глаза. - А потом Джулия коснулась этой штуки. Одна она, но… но мы все вместе…

- Вы их видели? - спросил Расти.

У Джулии опустились руки, она посмотрела на него с каким-то удивленным выражением.

- Да. Я увидела, мы все видели. ИХ. Это ужас.

- Кожеголовые, - подсказал Расти.

- Что? - переспросила Пайпер. А затем кивнула. - Да. Думаю, их так можно назвать. Лица без лиц. Каменные лица.

«Каменные лица», - подумал Расти. Он не знал, что это означает, но понимал, что это истинно так. Снова вспомнил о своих дочерях и их подружке Диане, с которой они обменивались секретами и вкусняшками. А потом вспомнил своего наилучшего друга детства - они были друзьями, по крайней мере, на протяжении какого-то времени, но уже во втором классе Джордж как-то отпал - и волна ужаса вдруг накатилась на него.

Его обхватил руками Барби.

- Что? - он едва не кричал. - Что с тобой?

- Ничего. Просто… когда я был маленьким, у меня был один друг. Джордж Летроп. Как-то ему подарили на день рождения увеличительное стекло, такую линзу. И иногда… мы на перерывах…

Расти помог Джулии встать. Горес вновь подошел к ней так, словно то, чего он испугался, теперь развеялось, как развеялось внизу то сияние на фургоне.

- Что вы делали? - спросила Джулия. Голос у нее вновь звучал почти спокойно. - Расскажите.

- Это было в старой средней школе на Мэйн-стрит. Там было только две комнаты, одна для учеников первого- четвертого классов, а вторая для пяти-восьмиклассников. Игровая площадка там была не мощенная. Боже, там даже проточной воды не было, только нужник, который дети называли…

- Медовый домик, - подсказала Джулия. - Я тоже туда ходила.

- Мы с Джорджем ходили за спортивные лесенки на край площадки, к забору. Там были муравейники, и мы производили поджог муравьев.

- Не обвиняйте себя так уж сильно, док, - произнес Эрни, - многие люди занимались подобными вещами в детстве, а то и еще что похуже делали.

Эрни тоже когда-то вместе с парочкой друзей облили бродячему коту хвост керосином и подожгли спичкой. Это было такое воспоминание, о котором ему с кем-то поделиться было бы не легче, чем воспоминаниями о своей брачной ночи.

«Главным образом из-за того, как мы тогда хохотали, когда тот кот от нас драпанул, - подумал он. - Боже, как мы тогда хохотали».

- Продолжайте, - попросила Джулия.

- Я все рассказал.

- Нет, не все.

- Послушайте, - произнесла Джоуни Келверт. - Я понимаю, все это весьма интересно в психологическом смысле, но думаю, сейчас не время…

- Помолчите, Джоуни, - перебила ее Клэр.

Джулия так и не отрывалась глазами от лица Расти.

- Почему для вас это так важно? - спросил Расти. В тот миг он чувствовал себя так, словно кругом нет никого, кроме них двоих. Словно за ними никто не наблюдает.

- Просто расскажите мне.

- В один прекрасный день, когда мы делали… это… до меня вдруг дошло, что муравь тоже имеют свои собственные жизни. Я понимаю, это звучит как какой-то сентиментальный расс…

Вмешался Барби:

- Миллионы людей в мире в это верят. Они постоянно живут с осознанием этого.

- Ну, словом, я тогда подумал: «Мы делаем им больно. Сжигаем их на земле и, возможно, запекаем их живьем в их подземных жилищах». Нечего и говорить о тех, которые попадались прямо под линзу Джорджа. Некоторые из них просто застывали, а большинство буквально вспыхивали пламенем.

- Это ужасно, - произнесла Лисса, вновь крутя в пальцах свой анкх.

- Да, мэм. И вот в один день я сказал Джорджу, что надо перестать это делать. Он не перестал. Он сказал: «Это ядрена война». Я точно запомнил, именно так, не ядерная, а ядрена. Я хотел забрать у него увеличительное стекло. Ну, а что было дальше, думаю, вам достаточно знать о том, что между нами началась драка и его линза разбилась.

Он замолчал.

- Но это неправда, хотя именно так я рассказывал в то время, и даже отец, который меня хорошенько тогда отхлестал, не услышал от меня ничего другого. Джордж своим родителям рассказал, как оно было на самом деле. Я разбил эту чертову линзу умышленно, - он показал рукой во тьму. - Так же, как я разбил бы ту штуку, если бы мог. Потому что сейчас муравьи - мы, а эта штука - это увеличительное стекло.

Эрни вновь подумал о том коте с горящим хвостом. Клэр Макклечи припомнила, как она со своей тогда наилучшей подругой в третьем классе жестоко дразнили девушку, которую они обе терпеть не могли. Она была новенький в их школе, и у нее был такой смешной южный акцент, словно она говорила сквозь картофельное пюре. Чем больше та девочка плакала, тем сильнее они смеялись. Ромео Бэрпи вспомнил, как он напился в ту ночь, когда Хиллари Клинтон[422]плакала в Нью-Хэмпшире, а он поднимал тосты к экрану телевизора, приговаривая: «Так тебе и надо, проклятая куколка, прочь с дороги и пусть мужчины занимаются мужским делом».

Барби вспомнил тот самый спортивный зал: пустынную жару, запах дерьма и хохот.

- Я хочу собственными глазами увидеть эту вещь, - сказал он. - Кто со мной?

- Я пойду, - вздохнул Расти.

5

В то время, как Барби с Расти приближались к коробочке с ее странным символом и ослепительно пульсирующим огоньком, выборный Джеймс Ренни находился в той камере, где еще недавно в этот же вечер был заключен Барби.

Картер Тибодо помог ему положить на топчан тело Джуниора.

- Оставь меня с ним сейчас, - приказал ему Большой Джим.

- Босс, я понимаю, как вам должно быть тяжело, но есть сотни дел, где нужно ваше участие именно сейчас.

- Я об этом помню. И займусь ими. Но сначала мне нужно побыть в одиночестве с моим сыном. Пять минут. Потом ты можешь привести сюда пару ребят, чтобы забрать его в похоронный салон.

- Хорошо. Я вам сочувствую, такая потеря. Джуниор был хорошим человеком.

- Нет, не был, - возразил Большой Джим, проговаривая слова спокойно, с интонацией беспристрастного оценщика фактов. - Но он был моим сыном и я его любил. А вообще, знаешь, не так уже все и важно.

Картер подумал и кивнул:

mir-knigi.org

- Понимаю.

Большой Джим улыбнулся.

- Я понимаю, что ты понимаешь. Мне начинает казаться, это ты тот сын, которого я хотел бы иметь.

Картер с расцветшим от удовольствия лицом отправился к ступенькам и вверх, в комнату дежурных.

Когда он исчез, Большой Джим сел на топчан и положил голову Джуниора себе на колени. Лицо у мальчика осталось совсем неповрежденным, а Картер закрыл ему глаза. Если не обращать внимания на пропитанную кровью рубашку, можно было подумать, что он спит.

«Он был моим сыном, и я его любил».

Это правда. Он был готов принести Джуниора в жертву, это так, но уже существовал прецедент: стоит лишь вспомнить, что случилось на Голгофском холме. И так же, как Христос, его сын умер не нелепо. Весь тот вред, который наделала своей болтовней Эндрия Гриннел, будет исправлен, когда жители города узнают, что Барби убил несколько честных офицеров полиции, включая единственного сына их лидера. Барби где-то на свободе, Барби, который, вероятно, готовит какие-то новые дьявольские козни - это политический плюс.

Большой Джим просидел так довольно долго, он расчесывал пальцами Джуниору волосы и зачарованно вглядывался в его умиротворенное лицо. Потом начал очень потихоньку, едва слышно ему напевать, как когда-то Джуниору пела его мать, когда он малышом лежал в колыбели, смотря на мир широко раскрытыми, удивленными глазенками. «Серебряная лодочка-луна польется, в ней малыш плывет в небе, плывет в небе высоком, и тучки мимо плывут… плыви, мальчик мой, плыви… плыви в широкое море…»

Замолчал. Забыл, какие там дальше слова. Убрал со своих коленей голову Джуниора и встал. Порывисто зателепалось, затряслось сердце, он затаил дыхание… и сердце выровнялось. Потом, чуть позже, надо поискать себе среди фармацевтических запасов Энди еще того верапа-как-его, подумал Большой Джим, но сейчас многовато срочной работы.

6

Оставив Джуниора, он, держась за перила, медленно тронулся вверх по ступенькам. Картер ждал в комнате дежурных. Трупы оттуда уже были убраны, и двойной слой газет впитывал в себя кровь Мики Вордло.

- Идем в городской совет, пока сюда не набежала целая толпа копов, - позвал он Картера. - Официально День свиданий начинается… - он взглянул на свои часы. - Через двенадцать часов. Нам надо успеть сделать много дел до этого.

- Понимаю.

- И не забудь о моем сыне. Я хочу, чтобы Бови сделали ему все, как полагается. Достойный вид тела и хороший гроб. Скажи Стюарту, если я увижу Джуниора в каком-то из тех дешевых гробов, которые он у себя всегда держит на подхвате, я его убью.

Картер все записывал в своем блокноте.

- Я все проконтролирую.

- И еще скажи Стюарту, что скоро я с ним сам поболтаю. - Сквозь двери участка вовнутрь протиснулись несколько офицеров. Вид у них был подавленный немного испуганный, все юные, буквально зеленые. Большой Джим поднял себя из кресла, в которое ненадолго присел, чтобы перевести дух. - Время идти.

- Хорошо, я готов, - кивнул Картер. Но почему-то заколебался.

Большой Джим оглянулся.

- Ты о чем-то думаешь, сынок?

«Сынок». Картеру нравилось, как звучит это «сынок». Его родной отец пять лет тому назад разбился, врезавшись на своем пикапе в один из мостов-близнецов в Лидсе[423], да и не большая потеря. Он издевался над своей женой и обоими сыновьями (старший брат Картера сейчас служил в военно-морских силах), но Картер за это не очень переживал; его мать отупляла себя кофейным бренди, и Картер тоже всегда мог сделать несколько глотков из ее бутылки. Больше всего в своем отце он ненавидел то, что тот был плакса, а более того - еще и тупица. Люди считали, что и Картер такой же самый тупица, черт побери, даже Джунс так считал, но никаким тупицей он не был. Мистер Ренни это понял, и, конечно же, мистер Ренни отнюдь не был плаксой.

Картер осознал, что уже не колеблется относительно своего следующего шага.

- У меня есть кое-что, что вам, наверное, нужно.

- И что это?

До этого Большой Джим впереди Картера было спустился в подвал, тем самым предоставив возможность Картеру заглянуть в свой шкафчик. Теперь он его открыл и вытянул оттуда коричневый пакет с написанным на нем печатными буквами, словом ВЕЙДЕР. Он протянул конверт Большому Джиму. Кровавый отпечаток подошвы на нем, казалось, горел.

Большой Джим открыл клапан.

- Джим, - произнес Питер Рендольф. Он вошел незамеченным и теперь стоял возле перекинутой диспетчерской стойки с обездоленным видом. - Мне кажется, сейчас все уже улеглось, но я не могу найти нескольких новых офицеров. Боюсь, они посмывались.

- Этого надо было ожидать, - сказал Большой Джим. - Но это временно. Вернутся, когда все успокоится и они поймут, что Дейл Барбара не собирается нападать на город во главе банды кровожадных каннибалов, чтобы сожрать их живьем.

- Однако же этот чертов День свиданий…

- Пит, большинство людей завтра будут вести себя как можно лучше, и я уверен, у нас хватит офицеров, чтобы управиться с теми, кто будет вести себя иначе.

- А как нам быть с той пресс-конфе…

- Ты что, не видишь, что я сейчас занят? Пит, ты видишь это или нет? Боже правый! Приходи через полчаса в горсовет в комнату заседаний, и мы обсудим там все, что ты захочешь. Но

сейчас оставь меня, к демонам, в покое.

- Конечно. Извиняюсь, - произнес Пит оскорбленным голосом и пошел на попятную с не менее оскорбленным, застывшим лицом,

- Стой, - приказал ему Ренни.

Рендольф остановился.

- Ты совсем не высказал мне сочувствия в связи с моим сыном.

- Я… я… мне очень жаль.

Большой Джим измерил Рендольфа взглядом.

- Конечно, жаль.

Рендольф ушел, и уже тогда Ренни извлек из конверта бумаги, наскоро их просмотрел и затолкал назад в конверт. Посмотрел на Картера с неподдельным любопытством.

- Почему ты сразу же не отдал мне это? Ты хотел придержать эти бумаги?

Теперь, уже отдав конверт, Картер не усматривал другого для себя выбора, кроме как говорить правду.

- Эй. По крайней мере, какое-то время. На всякий случай.

- Какой случай?

Картер пожал плечами.

Большой Джим не настаивал на ответе. Как человек, который сам собирал компромат на любого и всякого, кто мог бы перейти ему дорогу, он это и так понимал. Был другой вопрос, который интересовал его намного больше.

- Почему ты передумал?

И вновь Картер сделал выбор в пользу правды.

- Потому что я хочу быть вашим человеком, босс.

Большой Джим поднял вверх свои кустистые брови.

- Хочешь. Человеком, более близким, чем он? - он кивнул головой в сторону дверей, за которыми только что исчез Рендольф.

- Чем он? Да он же просто посмешище.

- Да, - положил руку на плечо Картеру Большой Джим. - Так оно и есть. Идем. А как только придем в городской совет, сожжение в печи комнаты заседаний этих бумаг будет первый вопросом, который мы решим в сегодняшней повестке дня.

7

mir-knigi.org

Они были действительно каменные. И ужасно нечеловеческие.

Барби увидел их сразу же после того, как шоковый импульс пронзил ему руки и развеялся. Его первым, мощным порывом было убрать руки с коробочки, но он пересилил себя и держался за нее, смотря на существ, которые захватили их в плен. Держали в заключении и издевались над ними ради забавы, если Расти был прав.

Их лица - если это действительно лица – состояли из углов, но эти углы были все выпуклыми и, как казалось, время от времени они менялись так, словно реальность вне их не имела сложившейся формы. Он не мог определить, сколько их там или где они там. Сначала он думал, что их четверо, потом восемь, а потом только двое. Они вызвали в нем глубокое чувство отвращения, наверное, потому, что были настолько инородными, что на самом деле он абсолютно не мог их воспринимать. Та часть его мозга, которая отвечала за интерпретацию сигналов органов чувств, не могла декодировать информацию, которую присылали ей глаза.

«Мои глаза несостоятельны их увидеть, даже в телескоп. Эти существа находятся в какой-то далекой-далекой галактике».

Для понимания этого не существовало оснований - ум говорил ему, что властители коробочки могли бы иметь базу где-то под ледяным покровом на Южном полюсе или находиться на орбите Луны в какой-то их собственной версии космического корабля «Энтерпрайз»[424] - но все-таки он понимал. Они у себя дома… какой бы ни был этот дом. Они наблюдают. И они наслаждаются.

Конечно, не иначе, потому что эти сукины дети смеются.

А затем он вновь оказался в том спортзале в Фаллудже. Было жарко, потому что там не было кондиционеров, только вентиляторы вверху перемешивали и перемешивали густой суп воздуха, насыщенный смрадом немытых людских тел. После допроса они отпустили всех подозреваемых, кроме двух Абдулл, которые оказались недостаточно прыткими, чтобы убежать и где-то затаиться после того, как взрывы двух самодельных бомб забрали жизни шести американцев, а снайпер застрелил еще одного - Карстерза, парня из Кентукки, которого все любили. И они стали пинками гонять тех Абдулл по спортивному залу, еще и посдирали с них одежду, и Барби хотел было сказать, что лучше ему уйти оттуда, но не сказал. По крайней мере, ему хотелось бы сказать, что он не брал в этом участия, но ведь брал же. Они тогда хорошенько распалились. Он вспомнил, как пнул какого-то из Абдулл прямо в его костлявую, заляпанную дерьмом сраку, вспомнил то красное пятно, которое на ней оставил его солдатский ботинок. Оба Абдуллы тогда уже были совсем голые. Он вспомнил, как Эмерсон ударил ногой второго прямо под его обвислые мудя так сильно, что яйца у того подлетели вверх, а Эмерсон кричал: «Это тебе за Карстерза, траханый песчаный нигер». И его матери также вскоре будут вручать флаг, в то время как она будет сидеть на складном стульчике перед могилой, вновь та же самая старая-престарая история. И тогда, как раз когда Барби вдруг осознал, что в техническом смысле именно он сейчас является командиром этих людей, сержант Гакермеер дернул одного из них за размотанный хиджаб - единственное, что оставалось на том из одежды, приставил его к стенке и упер в лоб Абдулле ствол пистолета, запала пауза, и никто не произнес «стоп» в этой тишине, и никто не сказал «не надо» в той немоте, и сержант Гакермеер нажал на курок, и кровь брызнула на стену, так же, как она брызжет на стену уже в течение трех тысяч лет и дольше, так было всегда, прощай, Абдулла, не забывай писать, когда будешь иметь свободную минутку между пусканием вишневого сока с тамошних девственниц.

Барби оторвал руки от коробочки и хотел встать, но ноги его предали. Его подхватил Расти и держал, пока он не опомнился.

- Господи, - прошептал Барби.

- Ты их видел, да?

- Да.

- Они дети? Как ты думаешь?

- Возможно, - но это был неправильный ответ, не то, во что он сам верил в глубине души. - Вероятно.

Они побрели туда, где их друзья толпились перед фермерским домом.

- Вы в порядке? - спросил Ромми.

- Да, - ответил Барби. Он должен поболтать с детьми. И с Джеки. А также с Расти. Но не сейчас. Сначала ему надо собой овладеть.

- Вы уверены?

- Да.

- Ромми, а у тебя есть еще рулоны свинцового полотна в магазине? - спросил Расти.

- Эй. Я оставил кое-что на грузовом дебаркадере.

- Это хорошо, - кивнул Расти и попросил у Джулии ее мобильный телефон. Он надеялся, что Линда сейчас дома, а не в комнате для допросов в полицейском участке, но ожидание было единственным, на что он мог сейчас полагаться.

8

В сложившихся обстоятельствах, разговор у Расти вышел коротким, менее чем тридцать секунд, но для Линды Эверетт он оказался достаточно длинным, чтобы развернуть этот ужасный четверг на сто восемьдесят градусов - в сторону солнечного света. Она присела за кухонный стол, заслонила лицо руками и заплакала. По возможности тише, потому что наверху у нее теперь спало не двое, а четверо детей. Она забрала домой брата и сестру Эпплтонов, и теперь у нее, кроме Джей-Джей, появились еще и Ал-Эй.

Алиса и Эйден были ужасно подавленными - Боже правый, а как иначе, - однако рядом с Дженни и Джуди их немного отпустило. Помог также бенадрил[425], каждый ребенок получил свою дозу. По требованию ее девочек Линда постелила спальники в их комнате, и теперь они все вчетвером без задних ног спали вповалку на полу между кроватями; Джуди и Эйден обнявшись.

Едва лишь она начала успокаиваться, как кто-то постучал в двери кухни. Первое, что пришло ей на ум, - полиция, хотя, принимая во внимание кровавую бойню и сплошной беспорядок в центре города, она не ожидала полицейских так скоро. Да и в этом деликатном постукивании не слышалось ничего властного.

Она пошла к дверям, задержавшись только для того, чтобы снять с крюка над раковиной полотенце для посуды и вытереть себе лицо. Сначала она не узнала своего гостя, в частности потому, что он имел другую прическу. Волосы у него больше не были связаны в хвост на

затылке, они рассыпались по плечам Терстона Маршалла, обрамляя его лицо, делая его похожим на старую прачку, которая после длинного трудового дня получила плохую весть - ужасную новость.

Линда приоткрыла двери. Еще какое-то мгновение Терси оставался стоять на пороге.

- Кара мертва? - голос у него звучал низко, хрипло. «Да, словно он сорвал свой голос еще на Вудстоке, скандируя «Речевку» вместе с «Рыбой», и голос так никогда больше к нему и не вернулся»[426] - подумала Линда. - Она на самом деле умерла?

- Боюсь, что так, - тоже низким голосом ответила Линда, помня о детях. - Мистер Маршалл, мне так жаль.

Еще какой-то миг он так и стоял там, застывший. А потом схватился за свои свисающие по бокам лица седые кудри и начал раскачиваться взад-вперед. Линда не верила в подлинность любви между «Весной» и «Декабрем», в этом смысле Линда была старомодной. Каре Стерджес и Маршаллу она могла дать, скорее всего, два следующих года, а может, всего лишь полгода - сколько понадобится на то, чтобы утих жар в их половых органах, - но этим вечером у нее не возникало никаких сомнений в том, что любовь этого мужчины была настоящей. И его потеря.

«Неизвестно, что там между ними было, но эти дети углубили их чувства, - подумала она, - и Купол тоже». Жизнь под Куполом все интенсифицировала. Уже сейчас Линде казалось, что они живут под ним не несколько дней, а годы. Внешний мир выветривался из памяти, словно увиденный сон после пробуждения.

- Заходите, - пригласила она. - Но ведите себя тихонько, мистер Маршалл. Дети спят. Мои и ваши.

9

Она налила ему настоянного на солнце чая, ничуть не прохладного, но это было лучшее из всего, что она могла предложить при данных обстоятельствах. Он отпил половину, поставил стакан на стол и начал тереть себе кулаками глаза, словно ребенок, которому давно уже время лежать в кровати, спать. Линда правильно угадала, так он старался взять себя в руки, и сидела тихонько, ждала.

Он сделал глубокий вдох, выдохнул, а потом полез рукой себе в нагрудный карман старой синей рабочей блузы. Достал сыромятный ремешок и завязал волосы на затылке. Она решила, что это хороший знак.

- Расскажите мне, что там случилось, - произнес Терстон. - И как это случилось.

- Я не все видела. Кто-то сильно ударил меня в затылок, когда я старалась оттянуть вашу… Кару… с прохода.

- Но ее же застрелил кто-то из копов, это правда? Какой-то проклятый коп в этом проклятом, напрочь полицейском, расположенном к расстрелам городке.

- Да. - Она потянулась через стол и взяла его за руку. - Кто-то крикнул «револьвер». И там действительно был револьвер. Это был револьвер Эндрии Гриннел. Она могла принести его на собрание с намерением застрелить Ренни.

- Вы думаете, это оправдывает то, что случилось с Карой?

- Господи, да нет же. А то, что случилось с Эндрией, было откровенным убийством.

- Кара погибла, стараясь защитить детей, не так ли?

- Так.

- Детей, которые не являются ее родными детьми.

На это Линда не сказала ничего.

- И все-таки, они были ее детьми. Ее и моими. Назовите это прихотями войны или прихотями Купола, но они были нашими, эти дети, которых иначе мы с ней никогда бы не смогли иметь. И пока не будет разрушен Купол - если он вообще когда-нибудь исчезнет, - они останутся моими детьми.

Линда лихорадочно думала. Можно ли довериться этому мужчине? Она думала, что да. Расти же ему наверняка доверял; говорил, что этот парниша просто чертовски ловкий медик, особенно если помнить, как давно он не принимал участие в этих их игрищах. И еще Терстон ненавидел тех, кто властвовал здесь, под Куполом. Он имел на это причины.

- Миссис Эверетт…

- Пожалуйста, зовите меня Линдой.

- Линда, можно, я переночую у вас, здесь на диване? Мне хотелось бы быть здесь, если они проснутся среди ночи. А если нет - я надеюсь, они спокойно будут спать, - я хотел бы, чтобы они меня увидели, когда спустятся сюда утром.

- Вот и хорошо. Мы все вместе позавтракаем. Хлопьями. Молоко пока что не скисло, хотя ему уже недолго осталось.

- Хорошо звучит. А когда поем, мы мигом освободим вас от нашего присутствия. Извините меня за то, что я скажу, особенно если вы патриотка вашего города, но Честер Милл у меня уже в печени сидит. Я не могу совсем из него убежать, но хочу убраться от него по возможности дальше. Единственный пациент в госпитале с серьезными проблемами - это сын Ренни, но он сам покинул больницу сегодня днем. Он все равно вернется, тот беспорядок, который происходит в его голове, заставит его вернуться, однако сейчас…

- Он мертв.

Терстон не выказал никакого удивления.

- Инсульт, я думаю.

- Нет, застрелен. В тюрьме.

- Я должен был бы сказать, что мне жаль, но на самом деле нет.

- Мне тоже, - сказала Линда. Она не знала наверняка, что там делал Джуниор, но хорошо себе представляла, каким образом это обернет в свою пользу его отец.

- Я переберусь с детьми на озеро, туда, где мы были с Карой, когда это началось. Там спокойно,

и я уверен, что смогу найти достаточно пищевых запасов, чтобы какое-то время продержаться. Возможно, даже довольно долго. Может, у меня даже получится найти домик с генератором. Но среди того, что происходит в этой общине, - он предоставил своим словам сатирический оттенок, - я существовать не желаю и отдаляюсь. И забираю Эйдена с Алисой.

- Предположим, я смогу вам предложить лучшее место.

- Правда? - И когда Линда ничего дальше не произнесла, он протянул руку над столом и дотронулся до нее. - Вы должны хоть кому-то доверять. Например, мне.

Таким образом, Линда рассказала ему обо всем, включая то, что прежде чем подниматься на Черную Гряду, им надо заехать к Бэрпи за свинцовым полотном. Говорили они почти до полуночи.

10

Северная часть дома Маккоя была непригодна для жизни - после очень снежной прошлой зимы, крыша там оказалась внутри проваленной, - но с западной стороны сохранилась столовая, сугубо фермерская по стилю, длинная, почти как железнодорожный вагон, вот там-то и собрались беглецы из Честер Милла. Барби сначала расспросил Джо, Норри и Бэнни, что они видели или, что им мерещилось, когда они потеряли сознание на краю того, что теперь между ними называлось лучезарным поясом.

Джо вспомнил горящие тыквы. Норри сказала, что все стало черным и солнце пропало. Бэнни сначала заявил, что ничего не помнит. А потом ладонью хлопнул себе по губам, вспомнил.

- Вопли, - произнес он. - Я слышал вопли. Такое что-то там было, очень плохое.

Сначала все молчали, осмысливая услышанное. Первым отозвался Эрни.

- Горящие тыквы не очень суживают диапазон поисков, если это то, что вы стараетесь делать, полковник Барбара. Груду тыкв с солнечной стороны сарая можно увидеть чуть ли не под каждой стеной в городе. Урожайный сезон на них был, - он помолчал, а потом добавил: - И когда такой вновь будет?

- Расти, а твои девочки?

- Да почти тоже самое, - и дальше Расти рассказал им все, что смог вспомнить.

- «Остановите Хэллоуин, остановите Большую Тыкву», - удивленно повторил Ромми.

- Чуваки, здесь конкретно есть какая-то схема, я ощущаю, - воскликнул Бэнни.

- Нет базара, чувачок, - поддержала его Рози, и все рассмеялись.

- Твоя очередь, Расти, - сказал Барби. - Может, стоит о том, как ты упал в обморок, когда сюда поднимался?

- Уточняю, я тогда не совсем упал в обморок, - сказал Расти. - А все эти вещи легко объясняются общим стрессом. Массовый психоз включительно с групповыми галлюцинациями - обычное дело у тех, кто находится в подавленном состоянии.

- Премного благодарен, доктор Фрейд, - уклонился Барби. - А теперь расскажи нам, что именно

ты видел.

Расти уже дошел до фигуры в полосатом колпаке патриотических цветов, и тут воскликнула Лисса Джеймисон:

- Да это же то чучело, которое стоит на лужайке перед библиотекой. На нем еще одетая моя старая майка с фразой из песни Воррена Зевона…

- «Милая родина Алабама, заиграй-ка ту песню мертвой группы», - продолжил ее фразу Расти. – И садовые лопатки вместо рук. Ну, словом, оно загорелось. А потом «полыхнуло» - и исчезло. Вместе с моим обмороком.

Он обвел присутствующих взглядом. Удивился, какими расширенными глазами они на него смотрят.

- Расслабьтесь, друзья, наверное, я видел это чучело раньше, прежде чем это со мной случилось, а мое подсознание потом вытолкало его вверх, - он нацелил палец на Барби. - А если ты вновь назовешь меня доктором Фрейдом, получишь рябчика.

- А вы на самом деле видели его раньше? - спросила Пайпер. - Возможно, когда забирали своих дочек со школы или еще когда-то? Потому что библиотечная лужайка прямо напротив игровой площадки.

- Да я не помню вообще, нет, не могу припомнить.

Расти не уточнил, что последний раз он забирал девочек со школы еще в начале месяца, а тогда навряд ли чтобы где-то в городе уже делались какие-то хэллоуиновские постановки.

- А теперь вы, Джеки, - обратился Барби.

Она вытерла свои губы.

- Вы считаете, что это действительно важно?

- Да, именно так я и считаю.

- Люди горят, - произнесла она. - И дым, а сквозь него в тех местах, где разрывы в дымовой завесе, полыхает огонь. Кажется, словно пылает весь мир.

- Эй, - подхватил Бэнни. - Люди кричали, потому что они горели. Теперь и я свое припомнил. - Он вдруг спрятал лицо на плече у Элвы Дрэйк. Она его обняла.

- До Хэллоуина пока что целых пять дней, - сказала Клэр.

- Я так не думаю, - возразил Барби.

11

Дровяная печь в уголке комнаты заседаний в городском совете стояла давно никому не нужная, покрытая пылью, но все еще оставалась в рабочем состоянии. Большой Джим проверил, открыт ли дымоход (скрипнула ржавая задвижка), дальше извлек накопленные Дюком Перкинсом материалы из конверта с кровавым отпечатком подошвы. Полистал, кривясь от прочитанного, а потом вкинул бумаги в печь. Конверт оставил.

Картер был на телефоне, говорил со Стюартом Бови, пересказывал ему, что желает Большой Джим для своего сына, говорил, чтобы тот сейчас же принимался за работу. «Хороший мальчик, - думал Большой Джим. - Далеко может пойти. Пока будет помнить, с какой стороны ему мажется хлеб маслом, то есть». Тем, кто об этом забывает, приходится платить высокую цену. Эндрия Гриннел об этом узнала только лишь этим вечером.

На полке рядом с печью лежалая коробка спичек. Большой Джим чиркнул и дотронулся пламенем спички краешка «доказательств» Дюка Перкинса. Заслонку он оставил открытой, чтобы видеть, как они горят. Это дарило ему незаурядное удовлетворение.

Подошел Картер.

- Стюарт Бови на связи. Сказать, что вы позвоните по телефону ему позже?

- Дай мне его, - протянул руку за телефонной трубкой Большой Джим.

Картер показал на конверт.

- Вы хотите, чтобы я это также вбросил в печь?

- Нет. Я хочу, чтобы ты взял несколько чистых листов из принтера и положил их в этот конверт.

Картеру хватило мгновения, чтобы постигнуть идею.

- У нее были просто торчковые галлюцинации, наркоманский бред, так?

- Бедная женщина, - согласился Большой Джим. - Спустись в противоатомное убежище, сынок, это там. - Он кивнул большим пальцем мимо печи, в сторону вполне обычных дверей, если не обращать внимания на табличку с черными треугольниками на желтом фоне. - Там две комнаты. В конце второй стоит маленький генератор.

- О'кей…

- Перед генератором располагается люк. Его тяжело заметить, но если присмотришься, то увидишь. Подыми его и посмотри. Там, внизу, должно быть спрятано толи восемь, или десять небольших баллонов с пропаном. По крайней мере, в последний раз, когда я туда заглядывал, они там лежали. Проверь и доложишь мне, сколько их там.

Ему стало интересно, спросит ли Картер, зачем это, но Картер промолчал. Просто отвернулся и отправился выполнять приказ. Поэтому Большой Джим добавил ему вслед:

- Одно замечание, сынок. Не забывай всегда ставить точки над «и» и в конце предложения, в этом кроется секрет успеха. И в Божьей помощи, конечно.

Когда Картер ушел, Большой Джим нажал на телефоне кнопку восстановления разговора, и если Стюарт уже отключился, его сраке будут светить крутые неприятности.

Стюарт ждал.

- Джим, я соболезную, такая потеря, - произнес он сначала, и это уже был ему плюс. - Мы сделаем все, как полагается, я думаю, лучше всего подойдет гроб модели «Вечный покой», это дуб, хранится тысячу лет.

mir-knigi.org

«Продолжай и быстрее переходи к главному», - молча, подумал Большой Джим.

- Это будет наилучшая наша работа. Он будет как живой, вот-вот встанет и улыбнется.

- Благодарю тебя, друг, - произнес Большой Джим, мысленно себе отмечая: «А он, к черту, поумнел».

- Теперь о том рейде, который назначен на завтра, - начал Стюарт.

- Я тебе и сам как раз собирался позвонить относительно этого. Тебя интересует, остается ли он в повестке дня? Да, остается.

- Однако же со всем этим, что случилось…

- Ничего не случилось, - перебил его Большой Джим. - Мы можем только поблагодарить за Божью ласку. Я могу ожидать от тебя «аминь» за это, Стюарт?

- Аминь, - угодливо произнес Стюарт.

- Всего лишь хреноверть, спровоцированная ментально нездоровой женщиной с револьвером. Она сейчас уже ужинает с Христом и всеми святыми, я не имею относительно этого никаких сомнений, потому что не ее вина в том, что здесь такое случилось.

- Однако же, Джим…

- Не перебивай меня, когда я говорю, Стюарт. Это все наркотики. Это все проклятые лекарства, они разъели ей мозг. Люди все поймут, когда понемногу успокоятся. В Честер Милле народ благословенно рассудительный, мужественный. Я верю в наших людей, они с честью пройдут сквозь все неурядицы, я в них всегда верил, и буду верить. К тому же сейчас в их головах нет других мыслей, кроме единственной: увидеться со своими родными и близкими. Наша операция состоится, как запланировано, в полдень. Ты, Ферн, Роджер, Мэлвин Ширлз. Возглавит вас Фред Дентон. Он же подберет еще человек пять-шесть, если будет считать, что они пригодятся.

- Он лучший, кого ты можешь на это поставить?

- Фред полностью в порядке.

- А как относительно Тибодо? Того мальчика, которое все время ошивается возле тебя…

- Стюарт Бови, каждый раз, как ты раскрываешь свой рот, вместе с запахом у тебя оттуда пахнет твоей неуверенностью. Сейчас же заткни пасть и слушай. Мы говорим о чахлом наркомане и фармацевте, который гуся не способен напугать. Ты дашь мне на это «аминь»?

- Эй, аминь.

- Поедете двумя городскими грузовиками. Свяжись с Фредом, как только мы закончим этот разговор, он еще должен быть где-то здесь неподалеку, и расскажи ему, что к чему. Скажи ему, что завтра вам всем надо позаботиться о собственной безопасности. Там, в задней кладовке, в полицейском участке полно всякого дерьма, которое нам когда-то поставила Служба нацбезопасности - пуленепробиваемые жилеты и бронекуртки и еще неизвестно что - и хотя бы теперь оно понадобится нам. И тогда поедете туда и выкурите оттуда ту парочку. Нам нужен этот пропан.

mir-knigi.org

- А что касается лаборатории? Я думал, может, нам ее следует сжечь…

- Ты ополоумел? - Картер, который именно в этот миг вернулся в комнату, посмотрел на него изумленно. - Со всеми теми химикатами, которые там складированы? Одно дело газета Шамвей; а тут котел с абсолютно другим варевом. Тебе следует быть более рассудительным, потому что я начну думать, что ты такой же идиот, как Роджер Кильян.

- Хорошо, - Стюарт произнес понуро, но Большой Джим был уверен, что тот сделает все правильно. Да и все равно он больше не мог тратить на него время; в любую минуту может прийти Рендольф.

«Воистину, парад дураков пожизненно бесконечный», - подумал он.

- Ну, а теперь восхвалим Бога великого, - произнес Большой Джим. Внутренним зрением он увидел себя верхом на спине у Стюарта, как он топчет его лицом в грязь. Увлекающая вышла картинка.

- Восхвалим Бога, - пробормотал Стюарт.

- Аминь, брат, - откликнулся Большой Джим и откинулся.

12

Вскоре после этого пришел и шеф Рендольф, с уставшим, но удовлетворенным лицом.

- Кажется мне, что нескольких наиболее молодых новобранцев мы потеряли насовсем, Додсон, Роклифф и сынок Ричардсонов ушли, но большинство других держатся. И я нашел нескольких новых. Это Джо Боксер… Стабби Норман, Обри Таул… тот, у которого брат, ну, ты знаешь, держит книжный магазин…

Большой Джим довольно терпеливо слушал эту тираду, правда, лишь краем уха.

Когда Рендольф наконец-то заглох, Большой Джим пододвинул к нему по полированной столешнице конверт с надписью ВЕЙДЕР.

- Вот то, чем вымахивала наша бедная Эндрия. Взгляни-ка сам.

Рендольф поколебался, потом открыл клапан и извлек оттуда кипу листов.

- Но здесь нет ничего, только чистая бумага.

- Твоя правда, правдивая и истинная. Когда соберешь завтра свой личный состав - в полицейском участке, ровно в семь часов утра, потому что наши муравьи должны начать суетиться очень рано, ты слушай внимательно, когда дядя Джим тебе что-то говорит, - можешь им разъяснить, что бедная женщина была просто не в себе, как тот анархист, который застрелил президента Маккинли.

- А разве это не гора?[427]

Большой Джим потратил минутку на удивление, с какого такого дуба упал сыночек миссис Рендольф, когда был маленьким. И тогда продолжил, предпочитая быстрее закончить. Ему не светит этой ночью хороший восьмичасовой сон, с Божьего благословения получится поспать хотя бы пять часов. А ему так надо выспаться. Этого так надо его утомленному сердцу.

- Нужно задействовать все полицейские машины. По два офицера на экипаж. Проверь, чтобы у каждого был газовый баллончик и шокер. Но если кто-то выстрелит из огнестрельного оружия на глазах у репортеров, перед камерами, перед тем никчемным внешним миром… Я сам у того вырву кишки на подтяжки к штанам.

- Да, сссэр.

- Пусть они едут по обочинам шоссе 119, сопровождают толпу. Никаких сирен, но мигалки чтобы блымали.

- Как на параде, - заметил Рендольф.

- Конечно, Пит, как на параде. Дорожное полотно пусть остается свободным для людей. Кто будет подъезжать на своих машинах, приказывайте им оставить их и дальше идти пешком. Объявляйте это через громкоговорители. Я хочу, чтобы они были уже хорошенько утомленными, когда туда доберутся. Утомленные люди - это люди, более склонные к покорности.

- А как ты думаешь, может, нам следует откомандировать несколько отрядов на поиски арестантов, беглецов? - Он увидел, как при этих его словах вспыхнули глаза Большого Джима, и поднял ладонь. - Я просто спросил, просто спросил.

- Хорошо, ты заслужил ответ. Ты же, в конце концов, у нас шеф. Правда, Картер?

- Йес, - сказал Картер.

- Ответ будет однозначный - нет. И это поэтому, шеф Рендольф… слушай меня внимательно… потому что они не могут убежать. Кругом Честер Милла стоит Купол, и они абсолютно… безоговорочно… не имеют никакой возможности куда-то убежать. Теперь ты понял, как делаются умозаключения? - Он заметил, как покраснели щеки у Рендольфа, и добавил: - Будь осторожен с ответом. Я тебе советую.

- Я понимаю.

- А тогда пойми еще и другое: пока Дейл Барбара будет находиться где-то на свободе, не говоря уже о его соучастнике Эверетте, люди еще ревностнее будут искать защиты у своих членов правительства. И как бы нам не хотелось закручивать гайки, но мы вынуждены будем среагировать на такие обстоятельства.

Рендольф понял. Пусть он и не имел понятия, что есть и президент и также есть гора по имени Маккинли, однако он, в конце концов, докумекал-таки, что Барби в чистом поле для них может быть намного более выгодным, чем Барби в кулаке.

- Да, - сказал он. - Будем вынуждены. Черт, а точно же. А что касается пресс-конференции? Если ты на нее не пойдешь, то, может, захочешь послать…

- Нет, не захочу. Я буду здесь, на своем посту, где мое законное место, мониторить развитие событий. А пресса пусть себе ведет конференцию с тысячей или больше тех людей, которые припрутся туда, к южной границе города, и будут лупить там глаза, словно те бараны на новые ворота. Удачи им в интерпретации той болтовни, которую они там наслушиваются.

- Кое-кто там может рассказать не очень похвальные вещи о нас, - произнес Рендольф.

Большой Джим сверкнул ледяной улыбкой.

- На то и дал нам Бог крепкие плечи, друг. Кроме того, что сможет сделать тот наглый никчема Кокс? Въедет сюда верхом на коне и вытурит нас из кабинетов?

Рендольф угождающее захохотал, отправился к дверям, но вдруг о чем-то еще вспомнил.

- Там соберется очень много людей, и они там будут находиться продолжительное время. Военные на своей стороне установили передвижные туалеты. Не надо ли нам сделать что-то подобное и со своей стороны? У нас, кажется, было несколько таких кабинок на складе. Для дорожных рабочих их использовали. Может, Эл Тиммонс мог бы…

Большой Джим послал выразительный взгляд, в котором ясно читалась его мысль: он считает, что новый шеф полиции вдруг обезумел.

- Если бы моя воля, наши люди завтра сидели бы в безопасности по своим собственным домам, вместо того чтобы выходить из города, словно какие-то израильтяне из Египта. - Он выдержал паузу для ударения на следующем. - Если кому-то припечет, позволишь им пойти и покакать там, где-то в проклятых кустарниках.

13

Когда Рендольф наконец-то ушел прочь, Картер произнес:

- Если я побожусь, что не имею намерения лезть не в свои дела, могу ли я вам кое-что сказать?

- Да, конечно.

- Я люблю смотреть, как вы действуете, мистер Ренни.

Большой Джим оскалился - в широкой солнечной улыбке, которая ярко осветила все его лицо.

- Ну, ты имеешь свой шанс, сынок; учился чему-то у других, поучись теперь у лучшего.

- Я так и думаю сделать.

- А сейчас от тебя мне лишь нужно, чтобы ты подвез меня домой. Будь у меня завтра ровно в девять часов утра. Мы приедем сюда и будем смотреть шоу по Си-Эн-Эн. Но сначала мы посидим на городском холме, посмотрим, как будет выходить народ из города. Грустно это, на самом деле; израильтяне без Моисея.

- Муравьи без муравейника, - подхватил Картер. - Пчелы без улья.

- Но, прежде чем забрать меня, я хочу, чтобы ты с кое с кем увиделся. Или попробовал, по крайней мере. Могу поспорить сам с собой, что они окажутся без вести пропавшими.

- Кто это?

- Рози Твичел и Линда Эверетт. Жена медика.

- Я знаю.

- Можешь также проверить, где Шамвей. Я слышал, что она может сейчас жить у Либби, у той

mir-knigi.org

проповедницы с плохо воспитанной собакой. Если хоть кого-то из них увидишь, допроси их о местопребывании наших беглецов.

- Жестко или мягко?

- Средне. Мне не очень нужно, чтобы Барбару или Эверетта поймали именно сейчас, но я бы не отказался знать, где они прячутся.

Выйдя на крыльцо, Большой Джим набрал полную грудь вонючего воздуха, а затем выдохнул с хмыканьем, в котором чувствовалось удовлетворение. Картер тоже чувствовал себя весьма удовлетворенным собой. Еще на прошлой неделе, в лупатых очках, чтобы уберечь себе глаза от ржавой стружки, которая сыпалась с изъеденных солью выхлопных систем, он менял глушители. Сегодня он влиятельный человек с положением. Легкий смрад в воздухе казался небольшой ценой за это.

- У меня есть к тебе один вопрос, - произнес Большой Джим. - Как она тебе понравилась? Ничего была?

Картер немного поколебался, а потом ответил:

- Немного суховата сначала, но дальше все поехало, как по базарному маслу.

Большой Джим расхохотался. С каким-то металлическим призвуком, словно монеты посыпались в лоток торгового автомата.

14

Полночь, и розовая луна спускается к горизонту, за которым лежит Таркер Милл, там луна может себе висеть, пока не наступит свет дня и, прежде чем ей совсем исчезнуть, превратит его в призрак.

Джулия осторожно ступала сквозь темный сад туда, где ферма Маккоя переходила в западный склон Черной Гряды, и не удивилась, заметив темную тень человека, который сидел под одним из деревьев. Справа от себя она каждые пятнадцать секунд видела проблески, которые посылала коробочка с вычеканенным на ней чужеродным символом: самый маленький, самый удивительный в мире маяк.

- Барби? - позвала она, стараясь делать это по возможности тише. - Как там Кен?

- Поехал в Сан-Франциско принять участие в юбилейном гей-параде. Я всегда знал, что он мальчик не простой.

Джулия рассмеялась, а потом взяла его руку и поцеловала.

- Друг мой, я ужасно рада, что вы теперь в безопасности.

Он обхватил ее руками, расцеловал в обе щеки и только потом отпустил. Затяжные поцелуи. Настоящие.

- Я тоже, друг мой, Джулия.

Она засмеялась, но внутри нее возник внезапный трепет, которым ее пронзило от шеи до колен. Знакомый трепет, хотя ей давно не случалось его ощущать. «Расслабься, девочка, -

убеждала она себя. - Он же тебе в сыновья годится».

Ну да, конечно… если бы она забеременела тринадцатилетней.

- Все уже спят, - сказала Джулия. - Даже Горес. Он в доме вместе с детьми. Они бросали ему ветки, и он их приносил, пока язык у него буквально не начал стелиться по земле. Он думает, что уже умер и попал в рай, я уверена.

- Я тоже старался заснуть. Но не смог.

Он дважды уже почти засыпал и оба раза вновь оказывался в камере, видел перед собой Джуниора Ренни. Первый раз Барби ошибся и, вместо того, чтобы броситься вправо, распластался на топчане, превратившись в идеальную цель. Второй раз Джуниор протянул сквозь решетку невероятную длинную резиновую руку, схватил его и удерживал достаточно долго для того, чтобы лишить жизни. После этого Барби покинул сарай, где легли спать мужчины, и пришел сюда. Здесь тоже стоял запах комнаты, в которой полгода назад умер пожизненный курильщик, но все равно воздух здесь был лучше, чем в городе.

- Так мало огней там, внизу, - произнесла она. - Обычной ночью их было бы раз в десять больше, чем сейчас, даже в этом часу. Уличные фонари были бы похожи на двойной ряд жемчужин.

- Зато здесь есть это, - левой рукой Барби обнимал Джулию, и сейчас он показал свободной правой на лучезарный пояс внизу. Если бы не Купол, против которого свечение внезапно обрывалось, она бы признала этот пояс за идеальный круг. А так он был похожим на подкову.

- Конечно. А как вы думаете, почему Кокс не говорил об этом? Они должны были бы его зафиксировать на спутниковых фото. - Она задумалась. - Мне он, по крайней мере, ни словом не проговорился. Может, вам что-то говорил?

- Нет, а должен был бы. Что означает - они его не видят.

- Вы считаете, что Купол… как это? Фильтрует картинку?

- Что-то такое, наверняка. Кокс, новостные телеканалы, весь внешний мир, они этого не видят, потому что им его не нужно видеть. Так мне кажется.

- А Расти прав, как вы думаете? Мы те муравьи, которых подвергают пытке жестокие дети, играясь с линзой? Какая же это разумная раса могла бы позволить своим детям делать такое с другой разумной расой?

- Это мы сами себя считаем умными, а они нас? Мы знаем, что муравьи - это существа, которые имеют собственное сообщество, они строят жилье, создают целые колонии, они замечательные архитекторы. Они настойчиво трудятся, как и мы. Они хоронят своих умерших, как и мы. У них даже происходят межрасовые войны, когда черные бьются с рыжими. Все это мы знаем, но не считаем муравьев умными.

Она теснее прижалась ему под руку, хотя на дворе не было холодно.

- Умные или нет, все равно это неправильно.

- Согласен. Большинство людей с этим согласятся. Расти понял это еще в детстве. Но большинство детей не воспринимают мир в координатах морали. Нужны годы, чтобы развить

это ощущение. Став взрослыми, большинство из нас забывает свои детские развлечения, такие как сжигание муравьев лупой или отрывание крылышек мухам. Возможно, их родители когда-то делали так же. То есть если вообще когда-нибудь замечали нас. Когда вы последний раз наклонялись к муравейнику, чтобы его рассмотреть?

- Однако же… если бы мы нашли муравьев на Марсе или даже микробов, мы бы их не уничтожали. Потому что жизнь во Вселенной - такая бесценная вещь. Боже мой, любая из планет в нашей системе - сплошная пустыня.

Барби подумал, что, если бы спецы НАСА нашли то, что живет на Марсе, они уничтожили бы это без угрызений совести, только бы положить его под микроскоп и изучать, но не произнес этого.

- Если бы мы были более продвинутыми научно или духовно, потому что, возможно, именно это нужно, чтобы путешествовать в той бескрайности протянувшейся вокруг нас - мы, вероятно, убедились бы, что жизнь существует везде. Заселенных миров, умных форм жизни там не меньше, чем муравейников на территории этого города.

Не его ли это рука теперь покоится сбоку на выпуклости ее груди? Именно так, согласилась с собой она. Давно там не лежала мужская рука, а чувство это действительно было приятным.

- Единственное, в чем я уверен, это то, что существуют и иные миры, кроме тех, которые мы можем увидеть сквозь наши слабенькие телескопы здесь, на Земле. Или даже с помощью «Габбла»[428]. И эти… они… совсем не здесь сейчас, понимаете. Это не вторжение. Они просто смотрят. И еще… наверное… играются.

- Я знаю, как оно, - сказала она. - Когда с тобой играются, как с игрушкой.

Он посмотрел ей в лицо. На поцелуечном расстоянии. Она была не против, чтобы ее поцеловали, совсем не против.

- Что вы имеете в виду? Ренни?

- Вы верите, что в жизни человека бывают особые, определяющие моменты? Рубежные моменты, которые как раз и меняют нас?

- Да, - ответил он, думая о том пятне в форме улыбки, пропечатанном его ботинком на ягодице у Абдуллы. Обычная ягодица мужчины, который проживал свою обычную маленькую жизнь. - Абсолютно.

- Со мной это случилось в четвертом классе. В начальной школе на Мэйн-стрит.

- Расскажите.

- История короткая. Это был самый длинный день в моей жизни, но рассказ займет совсем мало времени.

Он ждал.

- Я была довольно видным ребенком. Мой отец владел местной газетой - держал пару репортеров и одного рекламного агента, но все остальное он делал сам, такой себе человек-оркестр, именно так ему нравилось вести дела. Никогда не возникало вопроса, чем займусь я, когда он отойдет от дел. Он верил в это, моя мать в это верила, мои учителя также верили, и,

mir-knigi.org

конечно, верила в это я сама. Детально было распланировано мое дальнейшее высшее образование. Конечно, и речи не могло идти о каком-то провинциальном колледже, типа университета штата Мэн, потому что это было не для доченьки Эла Шамвея. Дочь Эла Шамвея будет учиться в Принстоне. Уже в четвертом классе у меня над кроватью висел Принстонский флажок, я уже тогда жила буквально на чемоданах. - Все кругом, включая меня, чуть ли не молились на каждый мой шаг. То есть все, кроме моих одноклассников. Я в то время не понимала причин, это теперь я удивляюсь, как я могла этого не замечать. Я сидела за первой парте и всегда тянула руку, когда миссис Коннот задавала какой-то вопрос, и всегда я давала на него правильный ответ. Если бы можно было, я бы заранее выполнила все задания, я жаждала дополнительных баллов. Я была неустанной соискательницей оценок и подлизой. Однажды, когда миссис Коннот на несколько минут оставила нас самих, вернувшись в класс, она увидела окровавленный нос Джесси Вашона. Миссис Коннот объявила, что весь класс останется после уроков, если никто не скажет, кто это сделал. Я подняла руку и доложила, что это сделал Энди Меннинг. Энди ударил по носу Джесси, когда тот отказался дать ему свою резинку-стирачку. И я не усматривала в этом ничего неправильного, потому что я же сказала правду. Вы представляете себе эту картину?

- Вы ее обрисовали на чистую пятерку.

- Этот эпизод оказался последней соломинкой. В один день, вскоре после этого случая, когда я шла домой через городскую площадь, на меня напала стая девушек, которые прятались, ожидая меня, в мосте Мира. Их было шестеро. Их возглавляла Лила Страут, которая теперь носит фамилию Кильян - она вышла замуж за Роджера Кильяна, который ей абсолютно подходящая пара. Никогда не верьте, если кто-то начнет вас убеждать, что дети не тянут за собой во взрослую жизнь свои детские образы. Они затянули меня на парковую сцену. Я сначала сопротивлялась, но потом две из них - одной была Лила, а второй Синди Коллинз, теперь мать Тоби Меннинга - начали бить меня кулаками. Не в плечо, куда, знаете, по обыкновению целят дети. Синди ударила меня в челюсть, а Лила прямо в правую грудь. Как же это было больно! У меня только начали тогда расти груди, и они сами по себе, даже без всякого к ним прикосновения, очень болели. Я начала плакать. По обыкновению это ясный сигнал - по крайней мере, среди детей, - что дело зашло слишком далеко. Но не в этот день. Когда я зарыдала, Лила сказала: «Заткнись, потому что хуже будет». Рядом не было никого, кто мог бы их остановить. Было холодно, такой туманный день, и на площади не было ни души, кроме нас. Лила хлопнула мне по лицу так сильно, что из носа у меня пошла кровь, и произнесла: «Доносчица-Задавака! Пусть сожрет тебя собака!» И все девушки начали смеяться. Они говорили, что это за то, что я выдала Энди, и тогда я и сама так думала, но теперь понимаю, что это была расплата со мной за все, даже за то, как подходили ленточки в волосах к моим блузкам и юбочкам. Они носили одежду, а я наряды. Энди просто послужил последней соломинкой.

- Очень жестоко били?

- Хлопали по лицу. Дергали за косы. А еще… они плевали на меня. Все вместе. Вот тогда-то меня предали ноги, и я упала на ту сцену. Я плакала, как никогда раньше, закрывала себе лицо ладонями, но все ощущала. Слюна, она же теплая, знаете?

- Эй.

- Они произносили всякие такие вещи: «учительский щенок» и «ой-куколка-молю-бога» и «сэр-не-воняет». А тогда, когда я уже подумала, что они угомонились, Корри Макинтош крикнула: «Давайте с нее штаны снимем!» Потому что я в тот день была одета в слаксы, красивые такие брюки, мама мне их выбрала по каталогу. Я их любила. В таких слаксах легко было себя

представить студенткой, которая идет в «Квод»[429] в Принстоне. Так мне тогда, по крайней мере, казалось. Тут я уже начала отбиваться сильнее, но они победили, конечно. Четверо держали меня, пока Лила и Кори снимали с меня слаксы. А затем Синди Коллинз начала смеяться и показывать пальцем: «Ой, смотрите, у нее на трусах этот глуповатый Винни-Пух нарисован!» Да, у меня там были и ослик Иа, и кенгуренок Ру. Тогда они все начали хохотать, а я… Барби… я начала уменьшаться… и уменьшаться… и уменьшаться. Пока сцена стала огромной, словно бескрайняя плоская пустыня, а я превратилась в муравья посреди нее. Погибала посреди нее.

- Как муравей под увеличительным стеклом, другими словами.

- О, нет! Нет! Барби! Мне было холодно, не горячо. Я обледенела. У меня гусиная кожа повыступала на ногах. Корри сказала: «Давайте и трусы с нее снимем!» Но это уже было слишком даже для них. Как последний лакомый кусочек, Лила взяла и закинула мои хорошие слаксы на крышу сцены. После этого они ушли. Лила шла последней. Она еще сказала мне: «Если ты на этот раз настучишь, я возьму у своего брата нож и отрежу тебе твой сучий нос».

- Что было дальше? - спросил Барби. Однако же действительно, его рука покоилась у нее на груди.

- Далее было то, что маленькая испуганная девочка съежилась там, на сцене, не ведая, как ей дойти домой без того, чтобы половина города не увидела ее в тех идиотских детских трусиках. Я ощущала себя самым мелким, самым никчемным семенем на земле. Наконец я решила, что дождусь тьмы. Мои отец с матерью, конечно, будут волноваться, могут даже вызвать копов, но мне это было безразлично. Я собиралась дождаться тьмы, и тогда добираться до своего дома боковыми улочками. Прятаться за деревьями, если кто-то попадется мне навстречу. Я, наверное, даже задремала там, потому что вдруг вижу, а надо мною стоит Кэйла Бевинс. Она была вместе со всеми, била меня по лицу и плевала и таскала за косы. Она не так много ругала меня, как остальные, но все равно принимала полноценное участие. Она была среди тех, кто меня держал, когда Лила и Корри снимали с меня штаны, и когда они увидели, что одна их брючина свисает с крыши сцены, Кэйла вылезла на перила и подбросила повыше брючину, чтобы та зацепилась на крыше и я не могла достать свои слаксы. Я начала ее умолять, чтобы больше не мучила меня. У меня уже не осталось тогда ни гордости, ни достоинства. Я умоляла не снимать с меня трусики. Потом начала умолять ее помочь мне. А она просто стояла и слушала, словно я была для нее ничто. А я и была ничем для нее. Я понимала это тогда. С годами я об этом как-то забыла, но каким-то образом во мне восстановилась связь с этой голой правдой, в результате опыта жизни под Куполом. В конце концов, я устала и просто лежала там, всхлипывала. Она еще какое-то время смотрела на меня, а потом сняла с себя свитер. Это был старый, растянутый коричневый свитер, ей почти до колен. Она была рослая девочка, и свитер на ней был на вырост. Она набросила его на меня и сказала: «Бери и иди домой, это будет тебе как платье». Так она сказала. И хотя в дальнейшем я ходила вместе с ней в школу еще в течение восьми лет - вплоть до самого выпуска - мы больше никогда с ней не говорили. Но иногда я все еще слышу во сне те ее слова «Бери и иди домой, это будет тебе как платье». И вижу ее лицо. На нем ни ненависти, ни злости, но и сожаления тоже нет. Она сделала это не из сожаления и не ради того, чтобы я ее не сдала. Я не понимаю, почему она это сделала. Я не понимаю даже, почему она вернулась ко мне. А вы?

- Нет, - произнес он и поцеловал ее в губы. Поцелуй вышел быстрым, но теплым, и влажным, и довольно трусливым.

- Почему вы это сделали?

- Потому что у вас был такой вид, что вам это нужно, вот я это и сделал. А что было дальше, Джулия?

- Я надела свитер и пошла домой - что же еще? А родители меня ждали. - Она гордо задрала подбородок. - Я так никогда и не рассказала им, что тогда случилось, и они сами никогда не узнали. Где-то на протяжении недели по дороге к школе я каждый раз видела свои брюки на круглой крыше над сценой. И каждый раза я ощущала стыд и обиду - боль, как ножом в сердце. А потом в один день они исчезли. Боль после этого никуда не делась, но все равно стало немного легче. Вместо острой боли осталась тупая. Я не сдала тех девушек, хотя мой отец буквально пенился и давил на меня вплоть до июня - я могла только ходить в школу и никуда больше. Он запретил мне даже поехать с классом в Портленд в Музей искусств на экскурсию, которую я ждала целый год. Он сказал, что я смогу поехать и все мои привилегии мне будет возвращены, если я назову имена детей, которые надо мной «издевались». Это его слово. Но я молчала, и не просто потому, что была адептом детского варианта «Апостольского символа веры».

- Вы повели себя так, потому что в глубине души считали, что заслужили то, что с вами тогда случилось.

- Заслужила здесь неправильное слово. Я считала, что приобрела кое-что и заплатила за это настоящую цену. Моя жизнь изменилась после того случая. Я продолжала получать хорошие оценки, но перестала так уж часто тянуть руку. Я не перестала приобретать оценки, но уже не хотела их любой ценой. В старших классах я могла бы стать официальным лидером, но попустилась под конец выпускного года. Как раз настолько, чтобы вместо меня выиграла Карлин Пламмер. Я не хотела быть первой. Ни объявлять выпускную речь, ни того внимания, которое вызывает эта речь. У меня появилось несколько друзей, самые близкие из них те, кто курил на площадке за зданием школы. Самой большой переменой стало то, что я решила продолжить образование в Мэне, вместо Принстона… где меня действительно ждали. Отец метал громы и молнии: как это так, почему это его дочь будет учиться в каком-то убогом провинциальном колледже, но я гнула свое. - Она улыбнулась. - Твердо стояла на своем. Однако секретным ингредиентом любви является компромисс, а я отца очень любила. Обоих любила, и его, и маму. Я планировала учиться в Университете штата Мэн в Ороно, но летом после окончания школы в последний момент подала заявление в Бейтс[430] - это у них называется «представлением при особых обстоятельствах» - и меня приняли. Отец заставил меня заплатить пеню за опоздание с моего собственного банковского счета, что я радушно сделала, потому что в семье наконец-то установился хрупкий мир после шестнадцати месяцев пограничного вооруженного конфликта между государством Родительский Контроль и маленьким, но хорошо укрепленным княжеством Упрямая Девушка. Специальностью я выбрала журналистику, и таким образом была залатана та пробоина, которая образовалась с того дня на парковой сцене. Мои родители так никогда и не узнали об этом. Не из-за того дня я осталась в Милле - мое будущее в «Демократе» было определено заведомо с давних пор, - но я являюсь той, кем я есть, в основном, благодаря тому дню.

Она вновь подняла на него глаза, они сияли слезами и вызовом:

- И все-таки я не муравей. Я не муравей.

Он вновь ее поцеловал. Она крепко обхватила его руками и ответила на его поцелуй искренне, как только могла. И когда его рука вытянула низ ее блузки из-за пояса слаксов, а потом скользнула по животу к груди, она начала целовать его взасос. Дыхание ее было отрывистым, когда они отклонились одно от одного.

- Хотите? - спросил он.

- Да. А вы?

Он взял ее руку и положил себе на джинсы, туда, где вполне ясно ощущалась сила его желания.

Через минуту он уже опирался локтями, балансируя над ней. Она взялась рукой за него и направила в себя.

- Будьте нежны со мной, полковник Барбара. Я немного подзабыла, как это делается.

- Это - как езда на велосипеде, - произнес Барбара. Оказалось, что он таки был прав.

15

Когда все закончилось, Джулия откинулась головой ему на руку, так она и лежала, смотрела на розовые звезды, а потом спросила, о чем он сейчас думает.

Он вздохнул:

- О снах. Видениях. Обо всем том, не знаю что. У вас мобильный телефон с собой?

- Всегда. И заряд он держит чудесно, хотя, сколько еще будет в рабочем состоянии, сказать не могу. Кому вы собираетесь звонить по телефону? Наверно, Коксу, я думаю.

- Правильно думаете. Его номер есть в памяти?

- Да.

Джулия потянулась рукой к своим слаксам, которые лежали неподалеку, и сняла с пояса телефон. Нашла КОКС и подала телефонную трубку Барби, тот почти моментально начал в нее говорить. Наверное, Кокс сразу же отреагировал на звонок.

- Алло, полковник. Это Барби. Я на свободе. Рискну, сообщу вам наше местонахождение. Это Черная Гряда. Старый сад Маккоя. Есть он у вас на вашей… о'кей, итак, есть. Конечно, должен быть. И вы имеете возле себя спутниковые снимки города, так?

Он послушал, потом спросил у Кокса, есть ли на снимках световая дуга в форме подковы, которая охватывает гряду и заканчивается возле границы с ТР-90. Кокс ответил отрицательно, и тогда, судя по выражению на лице Барби, сам спросил о деталях.

- Не сейчас, - сказал Барби. - Сейчас мне нужно, чтобы вы кое-что сделали для меня, Джим, и чем быстрее, тем лучше. Вам для этого нужна пара «Чинуков».

Он объяснил, что надо сделать, Кокс выслушал, потом что-то ответил.

- Именно сейчас я не могу вдаваться в детали, - сказал Барби. - И если бы и смог, вряд ли, чтобы от этого что-то прояснилось. Просто поверьте мне: какое-то очень вонючее дельце здесь заваривается, и, я уверен, самое плохое еще впереди. Возможно, если нам посчастливится, ничего не случится до Хэллоуина. Но мне не верится, что нам посчастливится.

mir-knigi.org

16

В то время, как Барби говорил с полковником Коксом, Энди Сендерс сидел под стеной склада позади здания РНГХ и смотрел в небо на неестественного цвета звезды. Он тоже витал сейчас где-то вверху, как тот воздушный змей, счастливый, как устрица, беззаботный, как огурец… другие сравнения добавь сам. И одновременно глубокая печаль - удивительно успокоительная, чуть ли не утешительная, - мощная, словно подземная река, текла через него. Он никогда не знал предчувствий в своем прозаичной, практичной, заполненной повседневными трудами жизни. Но теперь у него было предчувствие. Это его последняя ночь на земле. Когда горькие люди придут, он с Мастером Буши уйдет. Это было так просто и совсем не плохо.

- Все равно я задержался здесь случайно, - произнес он. - Принял бы те таблетки, и уже не был бы.

- Что с тобой, брат Сендерс?

Мастер неспешно шел по дорожке от задних дверей радиостанции, светя себе фонариком перед босыми ступнями. Обтруханные пижамные штаны так же едва держались на костлявых крыльях его таза, но в его образе добавилось кое-что новое: большой белый крест. Он висел у него на шее на сыромятном ремешке. На плече у него висел БОЖИЙ ВОИН. С приклада, прицепленные на другом ремешке, свисали, пошатываясь, две гранаты. В свободной от фонаря руке он держал гаражный пульт.

- Добрый вечер, Мастер, - поздоровался Энди. - Я просто говорил сам с собой. Похоже, что теперь только сам я и могу себя послушать.

- Это туфта, Сендерс. Полная, несусветная, заквашенная на дерьме туфта. Бог всегда слушает. Он подключен к нашим душам, как ФБР к телефонам. И я слушаю также.

Красота этой идеи - вместе с ее утешительностью - наполнила душу Энди признательностью. Он протянул трубку.

- Хапни вот дыма. Сразу в башке развиднеется.

Мастер хрипловато засмеялся, взял трубку и, сделав длинную затяжку, задержал дым в легких, и уже потом прокашлялся.

- Страшная сила! - сказал он. - Божественная сила. Прет, как корабельная турбина «Роллс-Ройс», Сендерс!

- Я вкурил тему, - кивнул Энди. Так всегда говорила Доди, и от упоминания о ней у него вновь оборвалось сердце. Он привычно смахнул с глаза слезинку. - Где ты взял этот крест?

Мастер махнул фонарем в сторону радиостанции.

- Там есть кабинет Коггинса. Этот крест лежал у него в столе. Верхний ящик был заперт, но я ее выломал. А знаешь, что там еще лежало, Сендерс? Такие гадостные дрочильные журнальчики, которых даже я раньше не видел.

- Дети? - спросил Энди. Его это не удивило. Если сатана схватит священника, тот может упасть так низко, что ой-ой. Так низко, что может в цилиндре на голове проползти под гремучей змеей.

mir-knigi.org

- Хуже, Сендерс, - он понизил голос до шепота, - ориенталки.

Мастер взял у Энди АК-47, который лежал у того поперек колен. Присветил фонарем приклад, на котором Энди взятым в студии маркером уже успел аккуратно написать КЛОДЕТТ.

- Моя жена, - объяснил он. - Она стала первой жертвой Купола.

Мастер сжал ему плечо.

- Ты хороший человек, Сендерс, раз помнишь о ней. Я рад, что Бог свел нас вместе.

- Я тоже, - взял у него из руки трубку Энди. - Я тоже, Мастер.

- Ты понимаешь, что должно произойти завтра, нет?

Энди вцепился в приклад КЛОДЕТТ. Сейчас это был достаточно выразительный ответ.

- Скорее всего, они прибудут одетые в бронежилеты, и если нам придется воевать, целься в головы. Никаких там одиночных, поливай их во всю прыть. А если дойдет до того, что они начнут нас побеждать… ты же знаешь, что тогда произойдет, так?

- Да.

- До конца, Сендерс? - Мастер поднял себе на уровень глаз гаражный пульт и присветил его фонарем.

- До конца, - согласился Энди, дотронувшись до пульта дулом КЛОДЕТТ.

17

Олли Динсмор неожиданно проснулся посреди плохого сна, понимая, что случилось что-то плохое. Он лежал в кровати, смотря в серость, создаваемую первым, и потому немного грязноватым светом, который полился сквозь окно, и старался убедить себя, что это был просто неприятный сон, просто обычный кошмар, которого он теперь не мог надлежащим образом припомнить. Огонь и вопли, вот и все, что он запомнил.

«Не просто вопли. Визжание».

На столике рядом с его кроватью тикал дешевый будильник. Он схватил его в руки. Без четверти шесть, а никакого звука от отца, который должен был бы уже ходить по кухне. Еще более выразительное - не слышать запаха кофе. Отец всегда был уже на ногах и полностью одетый самое позднее в четверть шестого («Коровы ждать не могут» - любимая поговорка Алдена Динсмора), а в половине шестого у него уже кипел кофе.

Но не этим утром.

Олли встал и натянул вчерашние джинсы.

- Папа?

Ответа не было. Тишина, лишь тиканье будильника и - издалека - мычание одной, чем-то недовольной коровы. Страхом ему сковало тело. Он убеждал себя, что для этого нет никаких причин, что его семья - полная и полностью счастливая еще неделю назад - выдерживала все

трагедии, предназначенные им Богом, по крайней мере, пока что. Он себя убеждал, но сам себе не верил.

- Папа?

Генератор позади дома все еще работал и, зайдя в кухню, он увидел зеленые индикаторы и на микроволновке, и на плите, но кофеварка «Мистер Коффи»[431] стояла темная, пустая. И в гостиной также было пусто. Когда прошлым вечером Олли шел спать, отец смотрел телевизор, телевизор работал и сейчас, правда, с отключенным звуком. Какой-то круто парень демонстрировал новую, улучшенную тряпку «Шемвау»[432]: «Вы тратите по сорок баксов ежемесячно на бумажные полотенца и выбрасываете, таким образом, деньги на ветер», - тарахтел тот крутой на вид парень с какого-то иного мира, где такие вещи что-то значили.

«Он ушел из дома. Кормит коров, вот и все».

Но разве он не выключил бы телевизор, чтобы экономить электричество? Газовый баллон у них стоял большой, однако же, и он не вечный.

- Папа?

Так и нет ответа. Олли подошел к окну и посмотрел на коровник. И там никого. Тревога его нарастала, он прошел по коридору в заднюю половину дома, в комнату родителей, собираясь с духом, чтобы постучать в двери, однако в этом не было нужды. Двери были распахнуты настежь. Большая двуспальная кровать стояла неубранной (отцовские глаза были устроены так, что переставали замечать беспорядок, как только он выходил из коровника), но пустой. Олли уже чуть ли не отвернулся, и вдруг заметил что-то, что его напугало. Свадебный портрет Алдена и Шелли висел здесь, на стене, сколько себя помнил Олли. Теперь его там не было, лишь светлый прямоугольник обоев остался на том месте, где он висел.

«Ничего страшного в этом нет».

Но было же.

Олли прошел по коридору дальше. Там были еще одни двери, и они, которые еще в прошлом году стояли всегда приоткрытые, теперь были закрыты. К ним было прикреплено что-то желтое. Записка. Еще до того, как достаточно приблизиться, чтобы ее прочитать, Олли узнал родительский почерк. А как же иначе; много записок, написанных этими извилистыми прописными буквами, ждало его и Рори, когда они возвращались домой со школы, и все те записки заканчивались одинаково.

«Подмести в коровнике, и тогда уже играть. Прополоть помидоры, и тогда уже играть. Снять белье, которое мать выстирала, и не вывалять в пыли. И тогда уже играть».

«Игры закончились», - подумал Олли понуро.

А потом надежда проблеснула в его мозгу: может, он смотрит сон? Почему бы и нет? После гибели брата от рикошета и самоубийства матери разве не могло ему присниться, словно он проснулся в пустом доме?

Снова замычала корова, и даже это ее мычание прозвучало, словно во сне.

Комната, на дверях которой была прилеплена записка, принадлежала дедушке Тому. Страдая застойной сердечной недостаточностью, он переехал жить к ним, когда уже совсем не мог

обслуживать себя сам. Какое-то время он еще мог доковылять до кухни, чтобы пообедать вместе со всей семьей, но под конец уже не оставлял кровати, сначала с пластиковой трубкой, прищепленной в носу - она называлась персипатор, или как-то так, - а потом уже большей частью с пластиковой маской на все лицо. Рори как-то сказал, что деда похож на самого старого в мире астронавта, и мама тогда хлопнула ему по щеке.

Под конец они все поочередно меняли ему кислородные баллоны, а однажды мама нашла его мертвым, на полу, словно он старался встать с кровати и от того умер. Она закричала, выкрикивая Алдена, тот пришел, посмотрел, послушал грудь старого, а затем отключил подачу кислорода. Шелли Динсмор начала плакать. С того времени эта комната почти всегда стояла закрытой.

«Извини, - было написано на прилепленной к дверям бумажке. - Олли, иди в город. Морганы или Дентоны или преп. Либби тебя примут».

Олли долго смотрел на записку, а потом повернул щеколду словно чужой, не своей рукой, надеясь, что там не будет месива.

Ничего такого не было. Отец лежал на дедушкиной кровати со сложенными на груди руками. Волосы у него были зачесаны так, как он их по обыкновению причесывал, перед тем как поехать в город. В пальцах он держал свадебную фотографию. Один из дедушкиных баллонов с кислородом все еще стоял в углу; отец повесил на его вентиль свою кепку «Рэд Сокс», ту, на которой еще была надпись «ЧЕМПИОНЫ МИРОВОЙ СЕРИИ».

Олли потряс отца за плечо. Он услышал запах алкоголя, и на несколько секунд надежда (штука всегда упрямая, иногда сумасбродная) вновь ожила у него в душе. Может, он просто пьяный.

- Папа? Папочка? Просыпайся!

Олли не чувствовал у себя на щеке его дыхания, а теперь еще и заметил, что отцовские глаза не полностью закрыты; тоненькие полумесяцы его белков сквозили между верхними и нижними веками. Стоял запах того, что мать Олли называла одеко-ссаками.

Отец причесался, но, когда умирал, он, как и его покойная жена, обмочился. Олли подумал, не могло бы остановить его знание, что такое может случиться.

Он медленно пошел на попятную от кровати. Ему бы хотелось вновь ощутить, словно он проснулся от кошмарного сна, но хрена. Перед ним была кошмарная действительность, а это та штука, от которой невозможно проснуться. У него свело судорогой желудок, и колонна мерзкой жидкости поднялась ему в горло. Он побежал в ванную комнату, где его встретил какой-то сумасшедший с горящими глазами. Он не успел закричать, потому что узнал себя в зеркале над рукомойником.

Ухватившись за дедушкины калеч-поручни, как они с Рори их когда-то прозвали, он упал на колени перед унитазом и вырвал. Когда все из него вышло, он смыл (благодарить генер и добротный глубокий колодец, он хотя бы смывать мог), прикрыл унитаз крышкой и сел на него, его трясло. Рядом, в раковине, лежало два лепестка из-под таблеток дедушки Тома и бутылка «Джек Дениэлс». Все пустые. Олли взял один из дедушкиных лепестков. Прочитал название: ПЕРКОЦЕТ. Другой даже трогать не стал.

- Теперь я остался сам, - произнес он.

«Морганы или Дентоны или преподобная Либби тебя примут».

Но он не хотел в приймы - это ему напоминало слово схватки, которое он когда-то слышал в разговоре матери с отцом по какому-то другому, однако явным образом неприятному поводу. Иногда он ненавидел эту ферму, но все равно любил ее всегда больше. Он ей принадлежал. Ферма с ее коровами и дровами его держала. Они были его, а он их. Он это знал так же, как знал, что Рори уедет прочь и сделает блестящую карьеру, сначала в колледже, а потом в каком-нибудь городе далеко отсюда, где он будет ходить в театры и в галереи и все такое другое. Его меньший брат был достаточно умен, чтобы сотворить из себя что-то в большом мире; а сам Олли был достаточно умен, чтобы не просрочивать уплату процентов по банковским кредитам и кредитным карточкам, но не более того.

Он решил пойти накормить коров. Он даст им двойные порции мешанины, если они будут есть. Может, даже найдется пара таких, что захотят, чтобы их подоили. Если так, он сможет немного пососать прямо с дойки, как делал это когда-то маленьким.

После этого он пойдет в большое поле, зайдет по возможности дальше и будет бросать камни в Купол, пока не начнут подходить люди на свидание со своими родственниками. Твое дело, сказал бы его отец. Но не было ни одного человека, которого Олли хотел бы видеть, наверное, кроме рядового Эймса из Южной Каролины. Он понимал, что могут приехать Тетка Луиза и дядя Скутер - они жили неподалеку, в Нью-Глостере, - но что он им скажет, если они приедут? «Эй, дядя, они все умерли, остался только я, благодарю, что посетили»?

Нет, едва лишь начнут прибывать люди из-за Купола, он пойдет туда, где похоронил маму, и выкопает рядом новую яму. Работа лишит его мыслей, и когда поступит ночь, возможно, он сможет заснуть.

Кислородная маска дедушки Тома висела на крюке на дверях ванной комнаты. Это мать ее хорошо выстирала и повесила здесь зачем-то. Засмотревшись на маску, он вдруг все полностью осознал, и это было так, словно на мраморный пол перевернули пианино. Олли хлопнул ладонями, заслонил себе лицо и, сидя на крышке унитаза, начал раскачиваться туда- сюда, наконец-то он зарыдал.

18

Линда Эверетт распаковала две больших сумки консервов, хотела было их выставить за двери кухни, но потом решила оставить в кладовке, пока она, Терси и дети не будут полностью готовыми. И очень обрадовалась этому, увидев, как по подъездной аллее к дому приближается этот Тибодо. Этот молодчик пугал ее не на шутку, но на настоящий ужас она могла ожидать, если бы он увидел две сумки, доверху заполненные супами, бобами и жестянками тунца.

«Куда-то собрались, миссис Эверетт? Ну-ка давайте-ка, рассказывайте». Проблема заключалась в том, что из всех новичков, которых понабирал Рендольф, Тибодо был единственным умным.

«Ну почему Ренни не мог прислать сюда Ширлза?» Потому что Мэлвин Ширлз идиот. Элементарно, мой дорогой Ватсон. Она взглянула через кухонное окно на задний двор и увидела, что Терстон там раскачивает качели, на которых сидят Алиса и Дженни. Положив морду себе на лапы, рядом лежит Одри. Джуди с Эйденом играются в песочнице. Джуди обнимает Эйдена, похоже, она его утешает. Линда мысленно похвалила за это свою дочурку. Она надеялась, что у ней получится сделать так, чтобы мистер Тибодо пошел отсюда удовлетворенный раньше, чем те пятеро на заднем дворе узнают, что он вообще сюда приходил. Она не актерствовала с того времени, как на первом курсе колледжа играла Стеллу

в «Трамвае Желаний»[433], но этим утром собиралась вновь выйти на сцену. Единственной положительной рецензией, которой она хотела, была ее свобода, и тех людей, которые сейчас находились на заднем дворе ее усадьбы.

Она поспешила через гостиную, принимая выражение лица, которое, как она надеялась, излучает тревогу, и открыла двери. Картер стоял на коврике с надписью ПРОСИМ К ГОСПОДУ и уже поднял руку, чтобы постучать. Ей пришлось на него смотреть снизу вверх; в ней самой было роста под метр восемьдесят, но он был на целых полфута выше.

- Ты смотри какая, - улыбнулся Тибодо. - Еще и полвосьмого не пробило, а она вся сияет, полная энергии.

На самом деле ему было не до смеха, утро выдалось непроизводительным. Проповедница куда-то исчезла, сучка газетчица тоже исчезла, оба ее репортера, похоже, тоже, а в дополнение также и Рози Твичел исчезла. Ресторан был открыт, в заведении хозяйничал тот мальчик Вилер, но на вопрос, где может находиться Рози, он ответил, что не имеет понятия. Картер ему поверил. Энс Вилер был похож на собаку, которая забыла, где закопала свою любимую кость. Судя по ужасным запахам, которые долетали из кухни, в приготовлении пищи он тоже не соображал. Картер обошел «Розу-Шиповник» посмотреть, стоит ли там ресторанный фургон. Нет. Его это не удивило.

После ресторана он проверил универмаг, сначала постучав в передние двери, потом в задние, возле которых кто-то из бестолковых рабочих магазина оставил кровельный материал для крыши - бери, кто захочет, и неси себе. А впрочем, если подумать, кто станет морочить себе голову кровельным полотном в городе, где больше не идет дождь?

Картер думал, что у Эвереттов тоже окажется пустая нора, пошел сюда лишь ради того, чтобы потом иметь возможность отрапортовать босу, что выполнил все его инструкции до последнего пункта, но, уже подходя к дому, услышал голоса детей, которые долетали с заднего двора. И ее машина стояла на месте. Именно ее машина, без всякого сомнения; на приборной панели он увидел портативную мигалку. Босс говорил о воздержанном обращении, но, поскольку Линда Эверетт оказалась единственной, кого он нашел, Картер решил, что может добавить к той мере немного жесткости. Понравится это кому-то или нет - а ей самой это явным образом не понравится - эта Эверетт должен ответить и за себя, и за тех, кого ему не посчастливилось разыскать. Однако не успел он раскрыть рот, как она сама заговорила. И не просто заговорила, а и схватила его за руку, буквально затянула в дом.

- Вы нашли его? Прошу, Картер, с Расти все обстоит благополучно? Если, храни Боже… - она отпустила его руку. - Если, храни Боже, с ним что-то случилось, говорите тише, дети рядом, во дворе, они уже и так обеспокоены, я не хочу, чтобы они еще больше волновались.

Картер прошел мимо нее к кухне и посмотрел через окно над мойкой.

- А что это тот хиппи-доктор здесь делает?

- Он привел детей, которых опекает. Кара повела их на собрание вчера и… ну, вы сами знаете, что там с ней произошло.

Такой скорострельной болтовни Картер ожидал от нее услышать менее всего. Она, вероятно, ничего не знает. Тот факт, что вчера вечером она была на собрании, а сегодня утром еще остается здесь, очевидно говорит в пользу такого предположения. А может, она просто старается сбить его с толка. Делает, как это говорят, упреждающий наезд. Вполне может быть, она башковитая. Это ясно, достаточно лишь взглянуть на нее. А также довольно миловидная,

как для престарелой бэби.

- Вы нашли его? Барбара его не… - у ней легко получилось подпустить дрожь себе в голос. - Барбара его не обидел? Подранил и где-то бросил? Вы можете сказать мне правду.

Он обернулся к ней, слегка улыбаясь в разреженном свете, который полился сквозь окно.

- Сначала вы.

- Что?

- Сначала вы, я сказал. Вы мне скажите правду.

- Я знаю лишь то, что он исчез, - она позволила своим плечам съежиться. - И вы не знаете, куда он делся. Я вижу, что не знаете. А если Барбара его убил? Если он уже его в…

Картер обхватил ее руками, крутанул, как крутанул бы партнершу в кантри-танце, и завернул ей руку за спину, аж в плече у нее хрустнуло. Это было сделано с такой неистовой, сверхчеловеческой скоростью, что она не могла себе представить, что мысль об этом движении пришла ему в голову раньше, чем он его выполнил.

«Он знает! Он знает и сейчас начнет меня подвергать пытке! Будет подвергать пытке, пока я все не расскажу».

Он горячо дышал ей в ухо. А когда заговорил, ее щеке стало щекотно от прикосновения его щетины, и Линда вся задрожала.

- Не гони пургу, мамаша шепнул он едва слышно. - Вы с Веттингтон всегда были не разлей вода - бедро к бедру, сиська к сиське. И теперь ты хочешь мне сказать, ты не знала, что она собирается выручать твоего мужа?

Он еще выше поддернул ее руку, и Линде пришлось закусить губу, чтобы подавить вскрик. Дети были рядом, Дженни кричала через плечо Терстону, чтобы тот раскачивал их сильнее. Если они услышат вопль из дома…

- Если бы она мне сказала, я рассказала бы Рендольфу, - выдохнула она. - Неужели вы думаете, что я позволила бы рисковать жизнью Расти, когда он ни в чем не виновен?

- Виновен он много в чем. Грозился не дать лекарства босу, если тот не уйдет в отставку. Блядский шантажист. Я сам это слышал. - Он вновь поддернул ей руку. Она позволила себе негромкий стон. - Есть что сказать по этому поводу? А, мамаша?

- Может, это и правда. Я его лично не видела, не говорила с ним, откуда мне об этом знать? Но все равно он единственный, кто больше всего похож на настоящего врача изо всех, кого мы сейчас имеем в городе. Ренни никогда его бы не казнил, Барби да, возможно, но не Расти. Я это понимала, и вы должны были бы понимать это. А теперь отпустите меня.

Он ее чуть ли не отпустил. Все лепилось вместе. И вдруг у него вынырнула лучшая мысль, и он подтолкнул ее к мойке.

- Наклонись, мамаша.

- Нет!

Он вновь дернул вверх ее руку. Ощущение было такое, словно та вот-вот вывернется из плечевого сустава.

- Наклоняйся. Воображай, что моешь свои красивые белокурые волосы.

- Линда? - позвал Терси. - Как вы там?

«Господи, хоть бы он не спросил, собрала ли я уже продукты. Прошу, Господи, убереги нас от этого».

А следом ее пронзила другая мысль: «Где детские чемоданчики? Девочки уже упаковали каждая себе дорожный чемоданчик. А если они составлены в гостиной?»

- Отвечай ему, скажи, что у тебя все хорошо, - приказал Картер. - Нам же не нужен здесь этот хиппи. Или дети. Не так ли?

Боже, нет. Но где же они поставили свои чемоданчики?

- Нормально! - позвала она.

- Скоро уже? - переспросил Терстон.

«Ох, Терси, замолчи».

- Еще пять минут.

Терстон минутку постоял с таким выражением, словно хотел еще о чем-то спросить, но потом вновь взялся качать девочек.

- Хорошо управилась. - Теперь Картер навалился на нее, у него встал. Она ощутила его задом сквозь ткань джинсов. По ощущению, тот был большой, как разводной ключ. И вдруг Картер отступил.

- Скоро что?

Она едва не сказала «готовить завтрак», но грязные тарелки лежали в мойке. На какой-то миг ее ум ослепило оглушительной пустотой, и она даже чуть ли не умоляла, чтобы он вновь прижался к ней своим колом, потому что, когда у мужчин включаются их малые головки, большие выключаются на профилактику.

Вместо этого он вновь дернул ее руку.

- Говори мне, мамаша. Порадуй папу.

- Печенье! - выдохнула она. - Я им пообещала сделать печенье. Дети просили!

- Печенье без электричества, - хмыкнул он. - Лучшая шутка недели.

- Это то печенье, которое не надо печь! Загляни в кладовку, ты, сукин сын!

Если бы заглянул, он действительно увидел бы там, на полке коробку со смесью для быстрого приготовления овсяного печенья. Но, посмотрев вниз, также увидел бы набитые продуктами сумки. Скорее всего, так бы он и сделал, если бы ему бросилось в глаза, сколько в кладовке совсем пустых или полупустых полок.

mir-knigi.org

- Ты не знаешь, где он. - Снова Картер навалился на нее со своей эрекцией. Она этого уже почти не ощущала из-за пульсирующей боли в плече. - Так ты уверяешь.

- Да, я думала, это ты знаешь. Думала, ты пришел ко мне сообщить, что он ранен или уби…

- А я думаю, твоя хорошенькая круглая срака врет. - Руку ей поддернули еще выше, боль стала совсем бешеной, потребность закричать невыносимой. Но она как-то удержалась.

- Я думаю, ты многое знаешь, мамаша. И если мне сейчас не расскажешь, я выверну тебе руку из сустава. Последний раз спрашиваю. Где он?

Линда смирилась с тем, что ей сейчас вывихнут руку. А может, и обе. Вопрос в том, удержится ли она, не закричит, потому что иначе сюда прибежит Терстон и обе Джей-Джей. С понурой головой, с волосами, свисающими в раковину, она произнесла:

- Моя срака. Почему бы тебе ее не поцеловать, долбанный выблядок? Может, она раскроется и скажет тебе «привет».

Вместо того чтобы выломать ей руку, Картер рассмеялся. Хорошо сказанула. И он ей поверил. Она бы никогда не отважилась говорить с ним таким тоном, если бы не говорила правду. Вот только, если бы она была не в «Ливайсах». Трахнуть ее, возможно, все равно не выгорело бы, но если бы на ней была юбка, он мог бы приблизиться к этому вплотную. А впрочем, сухотерка тоже не самый плохой способ начать День свиданий, пусть даже не о мягонькие трусики, а о плотный джинсовый коттон.

- Не дергайся и держи язык за зубами, - шепнул он. - Тогда сможешь остаться целой и невредимой.

Она услышала лязг его пряжки и скрип молнии. Тогда об нее начало тереться то самое, что и перед этим, только теперь между ними было намного меньше ткани. Где-то в закоулке мозга ее утешала радость от того, что она надела сегодня почти совсем новые джинсы; Линда имела надежду, он об них натрет себе хорошую болячку.

«Только бы Джей-Джей не забежали в дом, не увидели меня такой».

Вдруг он прижался к ней сильнее, тверже. Рукой, которая не выкручивал ее руку, ухватил ее за грудь.

- О-вау, мамаша, - пробурчал он. – Ай-ай, давай-манай.

Она ощутила его спазматичное дерганье, а влажности, которая по обыкновению следует за ним, как день за ночью - нет. Джинсы, слава Богу, для этого были слишком плотными. Через какой-то миг после этого наконец-то отпустили ее завернутую за спину руку. Она могла бы заплакать от облегчения, но стерпела. Не должна была. Обернулась. Он уже застегивал на себе ремень.

- Мать, тебе следует переодеть джинсы, прежде чем печеньем заниматься. Я бы на твоем месте так и сделал. - Он пожал плечами. - Но неизвестно, может тебе так больше нравится. Как кому по вкусу.

- Это вы так теперь поддерживаете правопорядок? Так ваш босс теперь приказывает вам охранять законность?

mir-knigi.org

- Он человек большой, большей частью по общим вопросам. - Картер обернулся к кладовке, и ее запыхавшееся сердце едва не остановилось. Потом он взглянул на свои часы и еще раз поддернул молнию. - Позвонишь мистеру Ренни или мне, если твой муж нарисуется. Так будет лучше всего, поверь мне. Если не сообщишь, а я узнаю, в следующий раз трахну тебя прямо в твое стареющее влагалище. Хоть бы и на глазах твоих детей. Публика мне не помешает.

- Убирайся отсюда, пока они не пришли.

- Скажи «пожалуйста», мамаша.

Ей схватило горло, но она поняла, что Терстон вот-вот вновь ее позовет, и пересилила себя:

- Пожалуйста.

Он двинулся к дверям, но, заглянув в гостиную, остановился. Увидел маленькие чемоданчики. Она не имела в этом сомнений.

Но он кое-что другое имел в мыслях.

- И верни мигалку, я видел ее в твоей машине. Если забыла, я тебе напоминаю: из полиции тебя уволили.

19

Когда через минуту в дом зашел Терстон с детьми, она была наверху. Первым делом зашла в детскую комнату. Их чемоданчики лежали на кроватях. Из одной торчал мишка Джуди.

- Эй, детки, - весело позвала она на нижний этаж. Toujours gai[434], вот она какая. - Полистайте пока что книжечки, там есть с картинками, я спущусь через минутку!

К подножию ступенек подошел Терстон.

- Нам надо уже спеш… - Увидел ее лицо и осекся. Она позвала его кивком.

- Мама, - позвала ее Дженни, - можно мы выпьем последнюю «Пепси», если я со всеми поделюсь?

В обычное время и речи не могло бы идти о содовой так рано, но теперь она позволила.

- Можно, только не обрызгайтесь там.

Терси поднялся до половины ступенек.

- Что случилось?

- Говорите тише. Здесь был коп. Картер Тибодо.

- Большой, высокий, с широкими плечами?

- Да, он. Приходил меня допрашивать…

Терси побледнел, и Линда поняла: он вспомнил, что позвал ее со двора, считая, что она в доме сама.

mir-knigi.org

- Думаю, у нас все хорошо, - сказала она. - Но я хотела бы, чтобы вы проверили, в действительности ли он ушел. Он приходил пешком. Посмотрите на улице и на заднем дворе за забор загляните к нашим соседям Эдмандсам. Мне надо переодеть брюки.

- Что он с вами делал?

- Ничего! - прошипела она. - Пойдите убедитесь, что он ушел, и если так, мы, к черту, ушиваемся отсюда.

20

Пайпер Либби отпустила коробочку и села здесь же, смотря на город с полными слез глазами. Она думала обо всех тех ночных молитвах к Неотмирасегодняшнему. Она поняла, что это было не что иное, как неумелая, ученическая шутка, и та шутка, как теперь выяснилось, обернулась против нее. Не от мира сего было рядом. Вот только оно не было Богом.

- Вы их видели?

Она вздрогнула. Рядом с ней стояла Норри Келверт. Такая утонченная на вид. Подросла уже, и Пайпер заметила, что девочка вырастает красоткой. Для мальчиков, с которыми дружит, она, вероятно, уже красавица.

- Да, дорогуша, видела.

- Значит, Барби с Расти правы? Люди, которые нас рассматривают, это дети?

Пайпер задумалась: «Может, малый малого узнает».

- Я не уверена на все сто процентов, дорогуша. Попробуй сама.

- Эй? - взглянула на нее Норри.

И Пайпер, сама не ведая, хорошо или плохо делает, кивнула ей: «Да».

- Если я… ну, удивительно буду вести себя, там ли что-то такое, вы меня оттянете?

- Да. Но не надо, если не хочешь. Не воспринимай это как вызов.

Но для Норри это был именно вызов. А еще ей было интересно. Она опустилась на колени среди высокой травы и крепко ухватилась с обеих сторон за коробочку. Ее моментально пронзило. Голова Норри откинулась назад так резко, что Пайпер услышала, как с костяным треском хрустнули шейные позвонки девочки. Она хотела было ее схватить, но тут же опустила руки, увидев, что Норри расслабилась. Подбородком она уперлась себе в грудь, а глаза, которые закрылись, когда ее пронизало шоком, вновь раскрылись. Затуманенные, нездешние.

- Зачем вы это делаете? - произнесла она. - Зачем?

По рукам в Пайпер побежали мурашки.

- Скажите мне! - из глаз у Норри выкатилась слезинка, упала на коробочку, зашипела и испарилась. - Скажите!

Потянулась тишина. Она показалась очень длинной. А потом девочка оторвалась и

наклонилась назад, пока не уперлась ягодицами себе в пятки.

- Дети.

- Точно?

- Точно. Сколько их там - сказать не могу. Там все меняется. На них кожаные шлемы. Они сквернословят. На них специальные очки и они сквозь них смотрят в свою коробочку. Только их похожа на телевизор. Они видят повсюду, по всему городу.

- Как ты это узнала?

Норри беспомощно покачала головой.

- Сама не знаю, только знаю, что это правда. Они плохие дети, со сквернословной, грязной болтовней. Я ни за что больше не притронусь к этой штуке. Меня словно в грязи вываляли, - начала она плакать.

Пайпер обняла девочку.

- Когда ты спрашивала их, зачем они это делают, они тебе что-то ответили?

- Ничего.

- А они тебя слышали, как ты думаешь?

- Слышали. Просто им безразлично.

Из-за их спин послышалось равномерное, пульсирующее тарахтение, оно усиливалось. С севера, едва не касаясь верхушек деревьев на стороне ТР-90, приближались два транспортных вертолета.

- Зачем они так приближаются к Куполу, они же могут разбиться, как тот самолет! - вскрикнула Норри.

Вертушки не разбились. Достигнув определенного безопасного для полетов расстояния двух миль, они начали снижаться.

21

Кокс рассказал Барби о старой заброшенной дороге, которая вела от сада Маккоя к границе с ТР-90, и высказал мысль, что она еще годится для проезда. В ту пятницы, где-то в семь тридцать утра, Барби, Расти, Ромми, Джулия и Пит Фримэн отправились по ней на машине. Барби верил Коксу, но не настолько, чтобы полностью доверять снимкам старой, разбитой тракторами и тяжеловозами проселочной дороги, сделанным с высоты двести миль, поэтому они взяли фургон, украденный Эрни Келвертом со стоянки Большого Джима Ренни. От этой машины, если она где-то застрянет, Барби был не против избавиться. Пит был без камеры; его цифровой «Никон» перестал работать после того, как он приблизился к коробочке.

- Инопланетяне не любят папарацци, братец, - улыбнулся Барби. Он думал, что замечание прозвучит скромной шуткой, но, когда речь шла о его фотоаппаратуре, Пит совсем терял чувство юмора.

mir-knigi.org

Бывший фургон телефонной компании довез их до Купола и теперь они все впятером смотрели, как два больших СН-47 заруливают на посадку на густо поросший травой луг на территории ТР-90. Грунтовая дорога продолжалась аж до туда, и роторы «Чинуков» поднимали огромные тучи пыли. Барби и остальные прикрывали себе глаза ладонями, но инстинкт оказался лишним, ненужным сейчас; пылища достигала только Купола, а там уже разлеталась во все стороны.

Вертолеты приземлялись с медленной грацией отяжелевших леди, которые стараются примостить свои великоватые ягодицы в театральные кресла. Барби услышал бешенное вжжжи металла по камню, и тот вертолет, который был слева, отбросило футов на тридцать в сторону, прежде чем попробовать сесть вновь.

Кто-то выпрыгнул из люка первого вертолета и поспешил сквозь тучу поднятой пыли и мелких камешков, раздраженно отмахиваясь. Барби где бы то ни было узнал бы деловитую походку этой похожей на пожарный гидрант фигуры. Приблизившись, Кокс повел себя, словно слепец в персональной тьме: вытянул вперед руку, нащупывая преграду. А потом вытер на ней пыль со своей стороны.

- Приятно видеть вас дышащим воздухом свободы, полковник Барбара.

- Да, сэр.

Кокс перевел взгляд.

- Поздравляю, мисс Шамвей. Поздравляю вас всех, друзья Барбары. Я хочу услышать все, но все должно происходить быстро, у меня назначен небольшой цирковой спектакль на другой стороне города, и мне не хотелось бы туда опоздать.

Кокс кивнул пальцем себе за плечо, где уже началась разгрузка: несколько десятков вентиляторов «Эйр Макс» и генераторы к ним. Большие, с облегчением подумал Барби, того типа, которым сушат теннисные корты и ипподромные дорожки после сильных ливней. Каждый болтами прикручен к собственной передвижной двухколесной платформе. Генераторы на вид были, скорее всего, двадцатисильными. Он надеялся, что они потянут.

- Сначала я хотел бы услышать от вас уверение, что в этих штуках не возникнет необходимости.

- Наверняка я не знаю, - ответил Барби. - Однако боюсь, что они могут понадобиться. Возможно, вам следовало бы поставить еще этих штуковин там, где шоссе 119, где жители города будут встречаться с родственниками.

- Вечером, - сказал Кокс. - Раньше нам никак не управиться.

- Возьмите часть этих, - предложил Расти. - Если нам понадобятся все из них, это будет означать, что мы по уши в дерьме.

- Невозможно, сынок, другое дело, если бы мы могли пролететь напрямик через Честер Милл, но, если бы это было возможно, в них не было бы потребности, правда? К тому же монтирование линии мощных вентиляторов с генераторами в таком месте, где сойдутся люди, лишь ухудшит дело. Никто ничего не будет слышать. Эти малыши так ревут. - Он взглянул на свои часы. - Ну, начинаем, рассказывайте мне, сколько успеете за пятнадцать минут.

mir-knigi.org

ХЭЛЛОУИН НАСТУПАЕТ РАНЬШЕ

1

В четверть восьмого минивен Линды Эверетт «Хонда Одиссей Зеленый»[435]подкатил к грузовому дебаркадеру позади универсального магазина Бэрпи. Терси ехал рядом с водителем. Дети (непривычно притихшие для малышни, которая отправилась в приключенческое путешествие) сидели позади. Эйден обнимал за шею Одри. Собака, несомненно, ощущая подавленность мальчика, относилась к этому терпеливо.

Не смотря на три таблетки аспирина, плечо у Линды все еще ныло, к тому же она не могла выбросить из памяти лицо Картера Тибодо. И его запаха: смесь пота и одеколона. Она все еще ожидала, что он вдруг может объявиться позади в полицейском «крузере», блокируя возможность бегства. «В следующий раз трахну тебя прямо в твое стареющее влагалище. Хоть бы и на глазах твоих детей».

Он на это способен. Он такой. Итак, пока у ней не получится выбраться из города, она предпочитала выдерживать между собой и новым Пятницей Джима Ренни по возможности большую дистанцию.

- Хватайте целый рулон и ножницы для металла, - сказала она Терстону, - они под тем молочным ящиком. Расти мне сказал.

Терстон уже приотворил двери, но теперь задержался.

- Я этого не могу сделать. Что, если они еще кому-то понадобятся?

Она не собиралась спорить; в таком случае она бы просто заверещала, перепугав детей.

- Берите, что хотите. Только быстрее. Мы здесь как в ловушке.

- Я постараюсь.

Однако казалось, пройдет целая вечность, пока он настрижет достаточное количество кусков свинцового полотна, она едва удерживала себя, чтобы не высунуть голову из окна машины, не спросить: он сам в себе воспитал привычки манерной престарелой леди, или таким и родился?

«Прикуси язык. Он вчера потерял любимого человека».

Конечно, но если они не будут спешить, она может потерять все. Вон уже и люди начали появляться на Мэйн-стрит, направляются на шоссе 119, к молочной ферме Динсмора, надеясь занять самые лучшие места. Линда вздрагивала каждый раз, когда слышался голос через полицейский громкоговоритель: «МАШИНАМИ ЗАПРЕЩЕНО ДВИГАТЬСЯ ПО ЦЕТРАЛЬНОЙ ДОРОГЕ! ВСЕ, КРОМЕ ИНВАЛИДОВ, ДОЛЖНЫ ИДТИ ПЕШКОМ».

Тибодо прыткий парень, и что-то он унюхал. Что, если он вернется и увидит, что ее машина исчезла? Станет ли он ее искать? Тем временем Терси продолжал откусывать куски свинца от кровельного рулона. Обернулся, она решила, что он уже закончил, но это он только прикидывал на глаз размер лобового стекла. Снова начал резать. Вгрызся в очередной кусок. Может, он специально старается свести ее с ума? Глупая мысль, но стоило ей вынырнуть в голове, как избавиться от нее не было сил.

mir-knigi.org

Она все еще переживала то ощущение, как Тибодо трется об ее зад. Щекочущее прикосновенье его стояка. Пальцы, которые мнут ей грудь. Она приказала себе не смотреть на то, что он оставил на ягодицах ее джинс, когда их снимала, но не смогла удержаться. Определение, которое выросло в ее мозгу, было таким - мужские отбросы, и она выдержала короткую, противную борьбу с тем, чтобы завтрак не покинул ее желудка. Что также подарило бы ему удовлетворение, если бы он об этом узнал.

Пот стекал у нее со лба.

- Мама? - это Джуди сказала ей прямо в ухо. Линда подскочила, вскрикнув. - Извини, я не хотела тебя напугать. Можно мне чего-нибудь съесть?

- Не теперь.

- А почему там все говорят и говорят в громкоговоритель?

- Дорогуша, я не могу сейчас с тобой говорить.

- У тебя депрессия?

- Да. Небольшая. А сейчас сиди тихо.

- А мы увидим отца?

- Да. - «Если нас не схватят, а меня еще и изнасилуют на ваших глазах». - Сиди тихо теперь.

Наконец Терси отправился к машине. Благодарить Бога за маленькую радость. Он нес квадратные и прямоугольные куски свинцового полотна, которых, казалось, могло хватить для бронирования танка.

- Видите? Не так уже и дол… ох, сука.

Дети захохотали, у Линды в мозгу этот смех превратился в звук рашпиля.

- С вас четвертак[436] в бранную кружку[437], мистер Маршалл, - произнесла Дженни.

Терси изумленно смотрел вниз. У него из-за пояса торчали ножницы для металла.

- Я только положу их назад под молочный ящик…

Линда выхватила у него ножницы раньше, чем он успел закончить, подавляя мгновенное желание погрузить их по самые рукоятки в его чахлую грудь - фантастическая выдержка, подумала она - и побежала сама, чтобы положить их на место.

Только она это сделала, из-за угла выскользнула машина, заблокировав им выезд на Вест-стрит, единственный путь из этого глухого угла.

2

На верхушке городского холма, прямо под Y- подобным перекрестком, где от Мэйн-стрит ответвлялась Гайленд-авеню, стоял, работая на холостых оборотах, «Хаммер» Джима Ренни. Снизу доносились усиленные громкоговорителями призывы к гражданам оставлять их автомобили и идти дальше пешком, если только они не инвалиды. Народ полился вниз по

mir-knigi.org

тротуарам, много кто с рюкзаками на плечах. Большой Джим смотрел на них с тем долготерпеливым пренебрежением, которое присуще только надсмотрщикам, которые делают свою работу не из любви, а по обязанности.

Идя против течения, появился Картер Тибодо. Он стремительно шагал посреди дороги, время от времени отталкивая кого-то прочь со своего пути. Приблизился к «Хаммеру», сел на пассажирское место и смахнул рукой пот со лба.

- Ты смотри, как климат-контроль хорошо работает. Еще и восьми нет, а на улице уже, вероятно, градусов семьдесят пять[438]. И воздух воняет, как обгаженная тлей капуста. Извиняюсь, босс.

- Какой у тебя улов?

- Плохой. Я говорил с офицером Эверетт. Экс-офицером Эверетт. Остальные сбежали.

- Она что-нибудь знает?

- Нет. Она не получала вестей от дока. А Веттингтон водила ее за нос, отводила глаза, говоря туфту.

- Ты уверен?

- Да.

- А ее дети при ней?

- Ага. И тот хиппи также. Тот, что уладил перебои с вашим сердцем. Плюс те двое детей, которых Джуниор с Фрэнки нашли возле озера. - Картер подумал. - Теперь, когда его телка мертва, а ее муж сбежал, теперь, я думаю, этот хиппан с Эвересттою еще до конца этой недели будут трахаться, аж гай будет шуметь. Босс, если хотите, чтобы я вновь на нее наехал, я готов.

Большой Джим шевельнул одним пальцем, едва оторвав его от руля, и так показал, что в этом нет необходимости. Он был искренне восхищен другим.

- Посмотри на них, Картер.

Картер и сам не мог не обращать на это внимания. Толпа, которая шла из города, сгущалась с каждой минутой.

- Большинство из них будут возле Купола около девяти, а их никчемные родственники подъедут туда не раньше десяти. А то и позже. К тому времени эти уже натопчутся там и будут страдать от жажды. В полдень те, что не догадались прихватить с собой воды, начнут пить из зассанного коровами Динсморовского пруда, пусть их Бог любит. Бог должен их любить, потому что большинство из них слишком тупы, чтобы работать, и слишком пугливы, чтобы воровать.

Картер взорвался хохотом.

- Вот с чем нам приходится работать, - подчеркнул Ренни. - Толпа. Никчемный лохотрат. В чем они нуждаются в, Картер?

- Я не знаю, босс.

- Знаешь, ты хорошо это знаешь. В еде они нуждаются, Опре[439], музыке кантри и теплой

постели, чтобы, когда садится солнце, заваливать в нее своих телок. Таким образом, они могут плодить новых подобных себе существ. Ага, вот идет показательный экземпляр этого племени.

Это был Питер Рендольф, вытирая платочком свое ярко-красное лицо, он волочился вверх по холму.

Большой Джим находился теперь в лекторском режиме.

- Наша работа, Картер, - о них заботиться. Нам это может не нравиться, мы можем не всегда думать, что они этого достойны, но это та работа, которую нам поручил Господь. Впрочем, занимаясь ею, сначала мы должны думать о себе, и именно поэтому большую часть свежих фруктов и овощей из «Фуд-Сити» складировано в помещении секретариата городского совета еще два дня назад. Ты же об этом не знал, не так ли? Ну, и не удивительно. Ты на шаг опережаешь их, а я на шаг впереди тебя, и так оно и должно быть. Наука простая: Господь тем помогает, кто сам себе помогает.

- Конечно, сэр.

Подошел Рендольф. Он закашлялся, под глазами у него были темные круги, и, казалось, он похудел. Большой Джим нажал кнопку, которой опускалось окно.

- Садись сюда, шеф, подыши немного в климат-контроле, - а когда Рендольф взялся за ручку дверей переднего пассажирского сидения, сказал: - Да не туда. Здесь сидит Картер. - Он улыбнулся. - Садись назад.

3

Сзади под «Одиссей» подъехала не полицейская машина; это был санитарный автомобиль из госпиталя. За рулем сидел Даги Твичел. Рядом с ним, на пассажирском сидении, со спящим грудным ребенком на руках сидела Джинни Томлинсон. Открылись задние двери, и оттуда вылезла Джина Буффалино. Все еще в своей униформе санитарки-волонтерки. А вслед за ней другая девушка - Гарриэт Бигелоу в джинсах и майке с надписью: ОЛИМПИЙСКАЯ СБОРНАЯ США ПО ПОЦЕЛУЯМ.

- Что… что… - это, наверное, было и все, на что была способная Линда. Сердце у нее едва не выскакивало, кровь так сильно била ей в голову, что ей казалось, даже ушные перепонки у нее трясутся.

Твич произнес:

- Нам позвонил Расти и приказал выезжать в сад на Черной Гряде. Я даже не подозревал, что там есть какой-то сад, зато Джинни о нем знает, и… что это? Линда, ты белая как призрак.

- Со мной все нормально, - ответила Линда, понимая, что вот-вот может упасть в обморок.

Она ущипнула себя за мочки ушей, трюк, которому когда-то давно ее научил Расти. Как и большинство из его народных методов самолечения (прибивание жировиков корешком тяжелой книги, например), это подействовало. Когда она вновь заговорила, голос у нее, как ей показалось, уже звучал и ближе, и более реальнее.

- Он вам сказал, чтобы вы сначала заехали сюда?

mir-knigi.org

- Да. Забрать кое-что из того. - Он показал на рулоны свинца на грузовом дебаркадере. - Просто, чтобы подстраховаться, так он сказал. Но мне нужны эти ножницы.

- Дядюшка Твич! - закричала Дженни и бросилась к нему.

- Как дела, Тигровая Лилия? - он обнял ее, подхватил на руки, и тогда поставил на землю. Дженни заглянула через пассажирское окно, посмотрела на малыша. - А как ее зовут?

- Это он, - ответила Джинни. - Его имя Малыш Уолтер.

- Классно.

- Дженни, возвращайся на свое место, нам уже надо ехать, - позвала Линда.

Терси спросил:

- А кто в лавке остался, что скажете?

Джинни смутилась:

- Никого. Но Расти сказал, что это не беда, пока нет никого, кто нуждался бы в постоянном уходе. А таких, кроме Малыша Уолтера, там нет. И поэтому я схватила мальчика, и мы драпанули. Позже мы сможем вновь туда вернуться, так сказал Твич.

- Хорошо, чтобы хоть у кого-то это получилось, - грустно заметил Терси. Печаль, как это наконец-то заметила Линда, стала постоянным настроением Терстона Маршалла. - Три четверти населения города поперлись по шоссе 119 к Куполу. Воздух нездоровый, и температура в десять утра поднимется до восьмидесяти пяти[440], как раз когда должны прибыть визитеры. Если Ренни с его подручными и обеспечили какое-то укрытие, я об этом ничего не слышал. Еще до заката солнца в Честер Милле появится много обессиленных людей.

- Друзья, может, нам лучше вернуться? - произнесла Джина. - Потому что я чувствую себя, как та крыса, которая убегает с корабля.

- Нет! - вдруг воскликнула Линда так резко, что все посмотрели на нее, даже Одри. - Расти сказал, что должно произойти что-то плохое. Может, не сегодня еще … но он сказал, что должно. Набирайте свинца для окон вашей машины и уезжайте. Я не отважусь здесь долго ждать. Один из прихвостней Ренни уже приходил ко мне сегодня утром, а если он вновь окажется возле усадьбы и увидит что нет моей машины…

- Поезжай тогда, - сказал Твич. - Я сейчас сдам назад, чтобы ты могла выехать. Только не пробуй по Мэйн-стрит, там сейчас настоящая пробка.

- По Мэйн-стрит, мимо полицейского участка? - Линду передернуло. - Нет, благодарю. Маменькино такси везет только по Вест-стрит и дальше на горную долину.

Твич сел за руль санитарной машины, и обе юных медсестрички-новобранки тоже вновь полезли на свои места. Джина бросила через плечо на Линду последний, преисполненный сомнений взгляд.

Линда задержалась, сначала посмотрев на спящего, вспотевшего грудного ребенка, потом на Джинни.

- Может, вы с Твичем сможете вернуться в госпиталь сегодня вечером, посмотреть, как там

дела. Скажете, что были на вызове где-то, в Северном Честере, еще ли где-то. Только, что бы там не случилось, нигде не упоминайте о Черной Гряде.

- Конечно.

«Легко тебе говорить, - подумала Линда. - А легко ли тебе было бы прикидываться, если бы тебя Картер нагнул к мойке».

Она затолкнула Одри в минивен, закрыла раздвижные двери и скользнула за руль своего «Одиссея».

- Давайте убираться отсюда, - сказал, садясь рядом с ней, Терси. - Я не ощущал такой паранойи с тех времен, когда скандировал «кончай свинью»[441].

- Хорошо, - кивнула она. - Потому что идеальная паранойя - это оптимальная осмотрительность.

Она сдала задом, объехав санитарную машину, и направила минивен на Вест-стрит.

4

- Джим, - обратился Рендольф с заднего сидения «Хаммера». - Вот я размышлял о том рейде.

- О, наконец. Так почему бы тебе не поделиться с нами плодами твоих соображений, Питер?

- Я шеф полиции. Если речь идет о разгоне толпы на ферме Динсмора или командовании рейдом на нарколабораторию, где нелегальные вещества могут охранять вооруженные наркоманы… ну, я понимаю, где мне следует выполнять свои обязанности. Ну, скажем, так.

Большой Джим понял, что ему совсем не хочется обсуждать эту тему. Дискутировать с дураком контрпродуктивно. Рендольф понятия не имел, какие виды оружия могут храниться на радиостанции. По правде, и сам Большой Джим тоже (неизвестно, что Буши мог повписывать в их бланк-заказ), но он, по крайней мере, мог себе представить самое худшее, это тот подвиг, на который не был способен этот болтун в униформе. А если что-то случится с Рендольфом… ну, разве он уже не решил, что Картер будет ему вполне адекватной заменой.

- Хорошо, Пит, - произнес он. - Я был бы не я, если бы старался встать между тобой и твоими обязанностями. И ты теперь новый командующий операции, а Фред Дентон твой заместитель. Ты удовлетворен?

- Вполне и полностью, на все сто! - выпятил грудь Рендольф. Став похожим на дородного петуха, готового вот-вот закукарекать. Большому Джиму, хотя с чувством юмора у него и было слабенько, пришлось прятать улыбку.

- Тогда отправляйся к участку и начинай собирать свой отряд. Городские грузовики, запомни.

- Правильно! Мы ударим в полдень! - потряс кулаком Рендольф.

- Подбирайтесь через лес.

- И еще, Джим. Я вот о чем хотел с тобой поговорить. Вопрос немного сложноват. Тот лес позади радиостанции, он довольно захламленный… там может расти ядовитый плющ… а также и ядовитый дуб, или еще что ни будь по-ху…

- Там есть проселок, - перебил его Джим. Терпение у него заканчивалось. - Я хочу, чтобы вы воспользовались им. Ударьте по ним с той стороны, откуда они не ожидают.

- Но…

«Пуля в голову может наделать намного больших хлопот, чем ядовитый плющ».

- Пит, приятно было с тобой поболтать. Увидеться также было приятно…

«И как же его определить, кто он есть на самом деле? Дебил? Идиот? Посмешище?»

- Это такое легкомыслие, - произнес Картер.

- Благодарю, Картер, ты высказал мою мысль. Пит, скажи Генри Моррисону, что теперь он отвечает за толпу на шоссе 119. И воспользуйся тем проселком.

- Я вот что себе думаю…

- Картер, открой ему двери.

5

- О, Боже мой, - произнесла Линда, резко поворачивая машину влево. Минивен прыгнул на бордюр за сотню ярдов от перекрестка Мэйн-стрит с Гайленд-авеню. Все три девочки на этот прыжок откликнулись смехом, но маленький Эйден, бедняга, лишь посмотрел испуганно и вновь обхватил руками голову терпеливой Одри.

- Что? - вскрикнул Терси. - Что?

Она остановилась на лужайке под деревом. Под большим дубом, но минивен тоже был немаленькой машиной, да и дуб уже сбросил почти всю свою увядшую листву.

- Там «Хаммер» Джима Ренни торчит посреди той чертовой развилки.

- Ты многовато ругаешься, - заметила Джуди. - Два четвертака в бранную кружку.

Терси вытянул шею:

- Вы уверены?

- Вы думаете, в городе еще кто-то имеет такой монструозный экипаж?

- Иисус правый, - пробормотал Терси.

- Бранная кружка, - на этот раз в унисон прокричали Джуди и Дженни.

У Линды пересохло во рту, язык пристал к небу. С переднего пассажирского сидения там вылезал Тибодо, и если он сейчас посмотрит в эту сторону…

«Если он увидит нас, я его перееду», - подумала она. Эта мысль ее каким-то странным образом успокоила.

Тибодо открыл задние двери «Хаммера». Оттуда вылез Питер Рендольф.

mir-knigi.org

- Тот мужчина ковыряется у себя в жопе, - сообщила всей компании Алиса Эпплтон. - Моя мама говорит, это значит, что он собирается сходить в кино.

Терстон Маршалл взорвался хохотом, и Линда, которая честно считала, что в ней больше не осталось ни капли смеха, присоединилась к нему. Вскоре смеялись уже все, даже Эйден, который не очень-то себе представлял, что их так рассмешило. Как и Линда, между прочим.

Рендольф пешком отправился вниз по холму, все еще теребя себя за зад форменных штанов. Ничего особенно забавного в этом не было, но при этом это становилось еще более смешным.

Не желая отставать от остальных, залаяла Одри.

6

Где-то лаяла собака.

Большой Джим услышал, но не пожелал обернуться на этот звук. Созерцание того, как Питер Рендольф широкими шагами спускается по холму, подарило ему ощущение полноты жизни.

- Только посмотрите, как он выковыривает штаны у себя из сраки, - произнес Картер. - Мой отец говорил, это значит, что человек собирается сходить в кино.

- Единственное место, куда он собирается сходить, это РНГХ, - заметил Большой Джим, - а если он настолько туп, что решит атаковать в лоб, это место будет последним, куда он сходит. Поехали к горсовету, посмотрим там по телевизору этот карнавал. Когда совсем надоест, я хочу, чтобы ты нашел того хиппи-доктора и сказал ему, что, если он попробует куда-то ушиться, мы его догоним и упечем в тюрьму.

- Да, сэр, - это было для него совсем легкая задача. Можно будет попробовать вновь наехать на экс-полицейскую Эверетт и на этот раз уже содрать с нее штаны.

Большой Джим нажал на газ, и большой «Хаммер» медленно поехал вниз по холму, сигналя тем людям, которые недостаточно быстро убирались с его пути.

Когда он заворачивал на подъездную аллею городского совета, минивен «Одиссей», уже проехав перекресток, взял курс прочь из города. На Верхней Гайленд-стрит пешеходов не было, и Линда резко увеличила скорость. Терси Маршалл начал напевать «Колеса на автобусе»[442], а вскоре вместе с ним пели уже все дети.

Наконец и Линда, которая ощущала, как с каждой отмеченной спидометром десятой частью мили ее покидает очередной клочок страха, тоже начала подпевать.

7

День свиданий настал в Честер Милле, и большие ожидания наполняют люд, который нетерпеливо двигается по шоссе 119 к ферме Динсмора, где всего каких-то пять дней тому назад так неудачно закончилась устроенная Джо Макклечи демонстрация. Несмотря на воспоминания об этом, люди преисполнены надежды (если не чистым счастьем), несмотря на жару и смрад в воздухе. Горизонт вне Купола теперь виднеется, словно сквозь туман, а небо выше деревьев выглядит потемневшим, благодаря налипшим там твердым частичкам. Лучше всего смотреть прямо вверх, хотя и там неправильный цвет; голубизна набралась желтизны,

mir-knigi.org

будто небо, словно старческий глаз, затянуло пленкой катаракты.

- Так выглядело небо в семидесятые над бумажными фабриками, когда все они еще работали полным ходом, - говорит Генриетта Клевард - та, что с не совсем сломанной сракой. Она предлагает Петре Ширлз, которая идет рядом с ней, глотнуть имбирного эля из своей бутылки.

- Нет, благодарю, - отказывается Петра. - У меня есть вода.

- Приправленная водкой? - интересуется Генриетта. - Потому что в моей бутылке так, дорогуша. Пополам, если точнее. Я называю эту смесь «Канадская сухая ракета».

Петра берет у нее бутылку и делает хороший глоток.

- Э-ге-гей! - выдыхает она.

Генриетта деловито кивает.

- Эй, мэм, голову эта штука не обманывает, но день в глазах делается более ярким.

Многие из богомольцев несут самодельные плакаты, которые они собираются показать своим визитерам из внешнего мира (и телеоператорам, конечно), словно приглашенная публика какого-то утреннего телешоу в прямом эфире. Но плакаты на утренних телешоу всегда монотонно бодрые. А большинство здешних - наоборот. На некоторых, которые остались с той воскресной демонстрации, можно прочитать: «БОРИСЬ С СИСТЕМОЙ» и «ПОЗОР! ВЫПУСТИТЕ НАС НА СВОБОДУ!» Но есть и новые: «ЭКСПЕРИМЕНТ ПРАВИТЕЛЬСТВА? ЗАЧЕМ???», «НЕТ ТАЙНЫМ ОПЕРАЦИЯМ» и «МЫ ЛЮДИ, А НЕ МОРСКИЕ СВИНКИ». У Джонни Карвера написано: «ЧТО БЫ ВЫ НЕ ДЕЛАЛИ СЕЙЧАС С НАМИ, ПРЕКРАТИТЕ ЭТО ВО ИМЯ БОГА! ПОКА НЕ ПОЗДНО!» А у Фриды Моррисон плакат спрашивает, неграмотно, однако страстно: «ЗА ЧЕИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЫ ГИБНЕМ?» Только Брюс Ярдли несет полностью положительного сорта лозунг. Прицепленный к семифутовой палке, обрамленный рюшами из голубой бумаги его плакат (возле Купола он будет возвышаться выше всех) извещает: «ПРИВЕТ, МАМА & ПАПА В КЛИВЛЕНДЕ! ЛЮБЛЮ ВАС ОЧЕНЬ, МОИ ДОРОГИЕ!»

Где-то с десяток надписей - это закодированные послания. Бонни Моррел, жена хозяина городского лесосклада несет один из таких плакатов, на котором предупреждение: «НЕ ПРОЩАЙ ИМ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО ДЕЛАЮТ!» У Трины Кэйл под рисунком, который, вероятно, должен изображать ягненка, хотя тяжело судить наверняка, написано просто «БОГ - МОЙ ПАСТЫРЬ».

Донна Барибо своей надписью призывает: «МОЛИТЕСЬ ЗА НАС».

Марты Эдмандс, которая иногда присматривает девочек Эвереттов, нет среди богомольцев. Ее бывший муж живет в Южном Портленде, но она сомневается, чтобы он приехал, да если бы и так, что она ему скажет? «Ты задолжал мне алименты, членосос?» Вместо шоссе 119, она отправилась на Малую Суку. Сюда хотя бы пешком не надо плестись. Она поехала на своей «Акуре»[443] (с кондиционером, включенным на полную катушку). Ее цель - уютный домик, в котором доживает свои осенние года Клейтон Бресси. Он ее четырехюродный дедушка, с которым давно перестали родниться (или неизвестно, что там было), и, хотя она не уверена относительно степени их родства или уровня отторжения, Марта знает, что у него есть генератор. Если тот все еще работает, она сможет посмотреть телевизор. Также ей хочется убедиться, что дед Клэйт в порядке - или в порядке настолько, насколько это возможно, когда тебе стукнуло сто пять, и мозг у тебя превратился на квакерскую овсяную кашку.

Он не в порядке. Он устал от короны самого старого из живых жителей Честер Милла. Он сидит в гостиной, в своем любимом фотеле, со своим любимым облупленным эмалированным лотком для ссыкла на коленях и тростью «Бостон Пост», прислоненной рядом к стене, но уже совсем окоченевший, как закаменелый крекер. Нигде не видно Нелл Туми, его прапраправнучки и главной сиделки; она со своим братом и невесткой пошла к Куполу.

Марта скажет:

- Ох, дедушка, мне так жаль, но, наверное, уже время пришло.

Она идет в спальню, берет из шкафа свежую простыню и набрасывает ее на старого. В результате он делается похожим на зачехленный элемент мебели какого-то покинутого дома. Скажем, на высокий комод. Марта слышит гудение генера позади дома и думает: «Какого черта». Она включает телевизор, находит Си-Эн-Эн и садится на диван. Изображение на экране заставляет ее почти забыть о том, что компанию ей составляет труп.

Это кадр свыше, взятый сквозь мощный объектив с вертолета, который барражирует над Моттонским блошиным рынком, где вскоре будут стоять автобусы визитеров. А первые богомольцы внутри Купола уже прибыли. Позади их тянется хадж: двухполосное асфальтированное шоссе, заполненное от края до края людьми аж до «Фуд-Сити». Похожесть граждан города на муравьев в движении весьма очевидна.

Кто-то из телекомментаторов тарахтит в микрофон, используя слова на подобие чудесно и удивления достойно. Дальше он говорит: «Я никогда в жизни не видел ничего подобного». Марта приглушает звук с мыслью: «Никто такого не видел, дурья твоя башка». Она хочет встать и поискать, может, есть что-нибудь съедобное в кухне (может, это и недостойно, с трупом в комнате, но она же проголодалась, черт побери), но тут экран разделяется пополам. Слева выныривает дополнительная картинка, на которой с другого вертолета снимается вереница автобусов, которые выезжают из Касл Рока, и титры внизу экрана сообщают: ВИЗИТЕРЫ ПРИБУДУТ СКОРО, В 10:00.

Есть время что-то перехватить, наконец. Марта находит крекеры, арахисовое масло и - что лучше всего - три бутылки холодного «Бада». Несет все на блюде в гостиную и умащивается.

- Спасибки, дедушка, - говорит она.

Даже с отключенным звуком (особенно с отключенным звуком) два разных, демонстрируемых одновременно кадра захватывают, буквально гипнотизируют. Когда первая бутылка пива ее разбирает (радостью!), Марта понимает, что это словно ожидание того, что какая-то неотвратимая сила натолкнется на незыблемый объект, и загадывает, произойдет ли взрыв, когда они встретятся.

Неподалеку от прибывающего люда, на бугорке, где он копает могилу своему отцу, опирается на лопату Олли Динсмор, он смотрит на возрастающую толпу: двести, потом четыреста, потом восемьсот человек. Поменьшей мере, восемьсот. Он видит женщину, у которой на спине в рюкзачке сидит грудной ребенок, и удивляется, не взбесилась ли она, принеся такого крохотного ребеночка в такую жару, даже не прикрыв ему голову хоть какой-нибудь шапочкой. Прибывающие граждане застывают под палящим солнцем и нетерпеливо ждут, вглядываются, когда же наконец-то прибудут те автобусы. Олли думает, какую же длинную, печальную дорогую им придется преодолеть, когда эта сутолока закончится. Снова пешком к городу, в печной духоте послеобеденной жары. А потом он вновь возвращается к своей работе.

Позади возрастающей толпы, по обочинам шоссе 119 полиция - где-то с дюжину большей

частью новых офицеров под предводительством Генри Моррисона - поставила свои автомобили с включенными мигалками. Два последних полицейских автомобиля подъезжают позже, потому что Генри приказал им привезти полные багажники канистр с водой, набранной из крана в пожарной части, где, как он выяснил, генератор не только еще работает, но и, похоже, будет работать еще пару недель. Этой воды отнюдь не хватит - фактически, ее плачевно мало для такой толпы, - но они и так сделали все, что могли. Они будут держать ее для тех граждан, которые будут падать в обморок на солнце. Генри надеется, что таких будет не очень много, но точно знает, что они будут, и проклинает Джима Ренни за отсутствие подготовки. Он понимает: это потому, что Ренни на это наплевать, и в представлении Генри это делает такое равнодушие еще худшим.

Он приехал сюда с Памелой Чен, единственной из новых «внештатных помощников», кому он полностью доверяет, и, увидев размеры толпы, приказал ей позвонить по телефону в больницу. Ему нужно, чтобы сюда прибыла санитарная машина. Она возвращается через пять минут с новостью, которую Генри воспринимает как невероятную и вместе с тем как абсолютно предвиденную. На телефонный звонок ей ответила какая-то пациентка, которая сняла телефонную трубку в регистратуре, говорит Памела, - молодая женщина, которая пришла туда сегодня утром со сломанным запястьем. Она сказала, что никого из медицинского персонала там нет и санитарной машины нет тоже.

- Ну, это просто чудесно, - говорит Генри. - Я надеюсь, с навыками первой помощи у тебя все обстоит благополучно, Памми, потому что сегодня они тебе могут понадобиться.

- Я умею делать искусственное дыхание, - отвечает она.

- Хорошо, - он показывает на Джо Боксера, дантиста и почитателя «Эгго». У Боксера на рукаве голубая повязка, он машет руками, напыщенно показывая людям, чтобы держались ближе к обочинам дороги (большинство не обращают на него внимания). - А если у кого-то разболится зуб, его сможет вырвать тот напыщенный мудак.

- Если они будут иметь наличные, чтобы ему заплатить, - кивает Памела. Она сталкивалась с Джо Боксером, когда у нее полез зуб мудрости. Он ей тогда еще что-то бубнил об «обмене одной услуги на другую», сверля глазами ее грудь так, что ей это отнюдь не понравилось.

- Кажется, у меня в машине сзади лежит чья-то кепка «Рэд Сокс», - говорит Генри. - Посмотри, и если найдешь, ты можешь отнести ее вон туда? - Он показывает на женщину, которую уже раньше заприметил Олли, ту, что с простоволосым ребенком. - Надень его на голову ребенку, а этой женщине скажи, что она идиотка.

- Кепку-то я отнесу, но слов таких не буду говорить, - отвечает Памела спокойно. - Это Мери Лу Костас. Ей семнадцать, она уже год как жена водителя-дальнебойщика, чуть ли не вдвое старше ее, и, наверняка, надеется, что он приедет сюда увидеться с ней.

Генри вздыхает.

- Все равно она идиотка, хотя, я думаю, в семнадцать лет все мы такие.

А они все еще прибывают. Вот мужчина, воды он с собой явным образом не взял, зато несет большой бумбокс, из которого на волне РНГХ кто-то зычно орет госпел. Двое его спутников разворачивают транспарант. Надпись на нем по краям обрамляют гигантские, топорно нарисованные палочки для чистки ушей: «!УМОЛЯЕМ, СПАСИТЕ НАС!»

- Плохие впереди у нас дела, - говорит Генри, и, бесспорно, он прав, но сам не представляет,

насколько впереди в них плохие дела.

Толпа все более нагромождается и ждет на солнце. Люди со слабыми мочевыми пузырями исчезают в низком кустарнике на западной стороне дороги, мочатся. Большинство терпит до последнего, прежде чем искать облегчения. Одна слишком упитанная женщина (Мейбел Олстен, она еще страдает болезнью, которую самая называет диа-бетти) вывихнула себе щиколотку и лежит, галдит, пока двое мужчин не подходят, поднимают ее на целую ногу. Ленни Мичем, городской почтмейстер (по крайней мере, до прошлой недели, когда доставка отправлений почтовой службы США прекратилась на неопределенный срок), одалживает ей свою трость. А потом он говорит Генри, что Мейбел необходимо отвезти назад в город. Генри отвечает, что не может поделиться машиной. Пусть она отдохнет в холодке, говорит он.

Ленни разводит руки, показывая по обе стороны дороги.

- Может, вы вдруг не заметили, здесь коровье пастбище с одной стороны, и заросли ежевики с другой. Тени, достойной внимания, нигде нет.

Генри показывает на ферму Динсмора:

- Там полно тени.

- Отсюда туда четверть мили! - негодующе говорит Ленни.

Туда, по крайней мере, наполовину ближе, но Генри не спорит:

- Посадите ее на переднее сидение моей машины.

- Ужасно жарко на солнце, - говорит Ленни. - Ей надо искусственный воздух.

Да, Генри понимает, что ей бы под кондиционер, что означает, надо заводить мотор, что означает жечь бензин. Бензина пока что вдоволь - то есть, если учитывать то, что они могут выкачать его из цистерн в «Топливе & Бакалее» - и он думает, что беспокоиться об этом придется позже.

- Ключ в замке зажигания, - говорит он. - Включишь на слабый холод, тебе понятно?

Ленни отвечает «да» и направляется назад к Мейбел, но Мейбел не готова двигаться, хотя по щекам у нее стекает пот, а лицо совсем красное:

- Я еще не сходила! - ревет она. - Мне надо сходить!

Лео Ламойн, один из новых офицеров, вперевалочку подходит к Генри. Генри радушно обошелся бы без общения с ним; у Лео мозг - как у брюквы.

- Как она сюда добралась, дружище? - спрашивает он. Лео Ламойн принадлежит к тому сорту людей, которые всех подряд называют «дружищами».

- Я не знаю, она знает, - утомлено отвечает Генри. У него болит голова. - Организуй несколько женщин, чтобы донесли ее в мою машину и подержали, пока она помочится.

- Каких, дружище?

- Больших, - говорит Генри и поспешно идет прочь, чтобы вдруг возникшее у него сильное желание съездить Лео прямо в нос не реализовалось в действии.

- Что это за полиция у нас такая? - спрашивает какая-то женщина, которая вместе с еще четырьмя другими эскортирует Мейбел за экипаж №3, где Мейбел пописает, держась за бампер, пока женщины ее будут прикрывать, ради благопристойности.

«Поблагодарите Ренни и Рендольфа, ваших бесстрашных вождей, за такую подготовку», - хочется ответить Генри, но он молчит. Он помнит, как его собственный язык принес ему неприятности вчера, когда он высказался в пользу того, что Эндрию Гриннел следует послушать. Он говорит другое:

- Такая, какая есть, другой нет.

По правде говоря, большинство людей так же, как и тот почетный караул из женщин вокруг Мейбел, искренне стараются помогать друг другу.

Те, кто не забыл принести с собой воду, делятся ею с теми, кто не догадался, и пьют большей частью экономно. Впрочем, в каждой толпе всегда присутствуют идиоты; тут такие глохчат воду, не думая о потом. Иные наминают печенье и крекеры, от которых почувствуют жажду позже. Ребенок Мери Лу Костас начинает капризно плакать под великоватой для нее кепкой «Рэд Сокс». Мери Лу принесла с собой бутылку воды и теперь начинает смачивать своей дочурке раскрасневшиеся щечки и шейку. Скоро бутылка опустеет.

Генри вновь дергает Памелу Чен, показывая на Мэри Лу.

- Возьми у нее бутылку, долей ей из того запаса, что мы привезли, - говорит он. - Старайся, чтобы тебя увидело поменьше людей, потому что так у нас еще до полудня все закончится.

Она выполняет приказ, и Генри думает: «По крайней мере, хоть одна есть, из которой может выйти хороший провинциальный коп, если ей захочется удержаться на этой работе».

Никого не интересует, куда направляется Памела. Это хорошо. Когда приедут автобусы, эти люди забудут о жаре и жажде на некоторое время. А вот когда визитеры уедут… а перед ними появится длинный путь назад к городу…

Его пронзает мысль. Генри осматривает своих «офицеров» и видит много долбоебов, но мало таких, на кого он может положиться. Большинство хотя бы полупригодных забрал на какую-то секретную операцию Рендольф. Генри думает, это как-то связано с наркотиками, в манипуляциях с которыми Эндрия обвиняла Ренни, но его это не касается. Единственное, что его беспокоит: их здесь нет, а сам он управиться с задачей не в состоянии.

Однако он знает, кто смог бы, и зовет его.

- Чего тебе, Генри? - спрашивает Билл Оллнат.

- Ключи от школы при тебе?

Оллнат, который уже тридцать лет проработал школьным сторожем, кивает:

- Тут. - Связка ключей висит у него на поясе, блестя в лучах мутного солнца. – Всегда имею их при себе, а что?

- Возьми экипаж №4, - говорит Генри. - И катись к городу как можно скорее, только не задави никого по дороге. Возьми любой из школьных автобусов и пригони его сюда. Тот, что на сорок четыре места.

Оллнату это явно не по душе. Нижняя челюсть у него выпячивается чисто по-янковски, Генри - сам сущий янки - много раз видел в своей жизни это выражение, хорошо его знает и люто ненавидит. Это выражение скупости словно проговаривает: «Я и сам способен за себя решить, парень».

- Ты не рассадишь всех этих людей в одном школьном автобусе, или ты сошел с ума?

- Отнюдь, - говорит Генри, - только тех, кто будет не способен вернуться в город своими силами.

Он думает о Мейбел и перегретом ребенке девушки Корсо, и, конечно, к третей после полудня здесь значительно увеличится количество тех, которые не будут иметь возможность преодолеть пешком весь путь к городу. А то и вообще двигаться.

Челюсть Билли Оллната выпячивается еще круче; подбородок у него уже торчит, словно корабельный бушприт.

- Нет, сэр. Мои оба сына с женами должны приехать, они мне пообещали. Привезут своих детей. Я не желаю разминуться с ними. И не брошу здесь мою жену. Она и так расстроена.

Генри радушно бы двинул этому дяде за его тупость (и буквально удавил бы его за эгоизм). Вместо этого он требует у Оллната ключи и просит показать, какими открывается гараж. И тогда говорит Оллнату, что тот может возвращаться к своей жене.

- Извини, Генри, - говорит Оллнат, - но мне нужно увидеться со своими детьми и внуками. Я это заслужил. Я не призывал кривых, убогих и слепых сюда приходить и я не собираюсь платить за их тупость.

- Конечно-конечно, ты настоящий американец, нет вопросов, - говорит Генри. - Убирайся прочь с моих глаз.

Оллнат открывает рот, собираясь протестовать, но передумывает (наверное, что-то заметил в выражении лица офицера Моррисона) и плетется прочь. Генри громко зовет Памелу, которая не выказывает недовольства, когда он говорит ей, что она должен вернуться в город, только спрашивает куда, что и почему. Генри ей объясняет.

- Хорошо, но… в тех школьных автобусах стандартное переключение передач? Потому что я не умею на стандартном…

Генри громко переспрашивает об этом у Оллната, который стоит возле Купола со своей женой Саррой, оба неотрывно смотрят на пустое шоссе по другую сторону городской границы.

- Шестнадцатый номер имеет стандартную коробку, - кричит в ответ Оллнат. - Все остальные - автоматические! И скажи ей, чтобы не забыла о блокировке! Те автобусы не заводятся, если водитель не захлопнул на себе ремни безопасности!

Генри отсылает Памелу на задание, прося быть здравомыслящей, но вернуться как можно скорее. Автобус ему нужен срочно.

Сначала люди возле Купола стоят, нетерпеливо смотря на дорогу. Потом большинство из них садятся. Кто принес с собой одеяла, те их расстилают. Другие прикрывают себе головы от палящего солнца принесенными плакатами. Стихает вялая болтовня, и поэтому ясно слышно голос Вэнди Голдстон, когда она спрашивает у своей подружки Эллен, куда подевались

mir-knigi.org

сверчки - не слышно их пения в высокой траве.

- Или это я оглохла? - спрашивается она.

Нет, она не глухая. Сверчки тоже или замолчали, или умерли.

В студии РНГХ полное воздуха (свежего, прохладного) пространство центрального помещения оглашается голосом Эрни «Барила» Келлога[444], который со своим трио «Утеха», исполняет ежегодный псалом «Я получил телефонный звонок с Небес, и на линии был Иисус». Двое мужчин не слушают музыку; они смотрят телевизор, удивленно втупившись в разделенный пополам экран, как и Марта Эдмандс (которая уже допивает вторую бутылку пива «Будвайзер», совсем забыв о накрытом простыней трупе Клэйтона Бресси рядом с собой). Удивленно, как и вся Америка и - факт - как остальной мир.

- Взгляни на них, Сендерс, - выдыхает Мастер.

- Я смотрю, - говорит Энди. На коленях у него лежит КЛОДЕТТ. Мастер предложил ему еще пару гранат, но на этот раз Энди отклонил предложение. Он боится, что выдернет чеку, а сам застынет. Он такое видел как-то в кино. - Это удивительно, но не считаешь ли ты, что лучше бы нам было организовать охрану перед визитом наших гостей.

Мастер понимает, что Энди прав, но тяжело оторвать глаза от той стороны экрана, где камера из вертолета сопровождает автобусы и большой фургон с видеооборудованием, который возглавляет весь этот парад. Он знает каждое пятнышко на том пути, где они проезжают; он все там узнает даже сверху. Визитеры неуклонно приближаются.

«Все мы неуклонно приближаемся», - думает он.

- Сендерс!

- Что, Мастер?

Мастер подает ему коробочку леденцов «Сакретс»[445].

- Их не спрячет скала, мертвое дерево не даст укрытия, ни сверчок не утешит. Вот только, где именно это в Книге сказано, вылетело у меня из головы.

Энди открывает коробочку, видит там впритирку прислоненные одна до одной шесть штук толстых самокруток и думает: «Солдаты экстаза». Это самая поэтичная мысль за всю его жизнь, и он от этого едва ли не плачет.

- Ты можешь подарить мне «аминь», Сендерс?

- Аминь.

Мастер нажимает кнопку на телевизионном пульте, и экран гаснет. Ему бы хотелось увидеть, как подъедут автобусы - хоть какой он не обдолбанный, или там, параноик, однако, как и кто-то другой, он любит истории со счастливым воссоединением до этого разлученных людей, - но горькие люди могут появиться в любую минуту.

- Сендерс!

- Здесь, Мастер.

mir-knigi.org

- Я выведу из гаража фургон «Христианские обеды на колесах» и поставлю его под дальним торцом склада. Там я за ним засяду, и хорошо буду видеть лес. - Он берет в руки БОЖЬЕГО ВОИНА. Подвешенные к автомату гранаты раскачиваются, стучась одна об одну. - Чем больше я об этом думаю, тем более уверен, что именно оттуда они и полезут. Там есть подъездная просека. Они, возможно, думают, что я о ней не знаю, но… - красные глаза Мастера вспыхивают. - Мастер знает больше, чем об этом думают люди.

- Я знаю. Я люблю тебя, Мастер.

- Благодарю тебя, Сендерс. Я тебя тоже люблю. Если они появятся из леса, я дам им выйти на открытое пространство, и тогда положу, как пшеницу в жатву. Но мы не можем класть все наши яйца в одну корзину. Поэтому я хочу, чтобы ты пошел, занял место там, где мы их встретили в прошлый раз. Если кто-то из них появится с той стороны…

Энди поднял вверх КЛОДЕТТ.

- Именно так, Сендерс. Но не спеши. Подпусти их по возможности ближе и лишь тогда начинай стрелять.

- Так я и сделаю. - Иногда Энди охватывает сомнение, что это все ему снится; и сейчас именно такой момент. - Как пшеницу в жатву.

- Эй, аллилуйя. Но послушай-ка меня внимательно, потому что это важно, Сендерс. Не иди сразу, как услышишь, что я начал стрелять. И я не приду сразу, если услышу, что ты начал стрелять. Они могут догадаться, что мы разделились, и я достаточно мудрый для таких трюков. Ты умеешь свистеть?

Энди засовывает в рот два пальца и выдает пронзительный свист.

- Хорошо, Сендерс. Чудесно, на самом деле.

- Я научился этому в начальной школе, - он не продолжает своей дальнейшей мысли вслух: «Когда жизнь была более простой».

- Засвистишь только, если увидишь, что ты не справляешься. Тогда я приду. А если услышишь, что свищу я, беги стремглав усиливать мою позицию.

- О'кей.

- Давай курнем за это, Сендерс, что ты на такое скажешь?

Энди поддерживает предложение.

На Черной Гряде, на краю сада Маккоя, семнадцать беглецов стоят на фоне чумазого небосклона, словно индейцы в каком-то вестерне Джона Форда[446]. Большинство из них в молчаливом очаровании смотрят на процессию, которая движется по шоссе 119. Они стоят почти за шесть миль оттуда, но размеры толпы не позволяют ее не заметить.

Один лишь Расти смотрит на кое-что поближе, и это наполняет его такой радостью, что хоть пой. Серебристый фургон «Одиссей» мчится по дороге Черная Гряда. У него перехватывает дыхание, когда тот приближается к выезду из рощи, к лучезарному поясу, который вновь теперь стал невидимым. Ему хватает времени, что бы подумать о том, как ужасно все может обернуться, если тот, кто там сидит за рулем - а это Линда, предполагает он, - упадет в обморок

и фургон перевернется, но вот тот уже минул опасную точку. Показалось, его там немножечко повело, однако Расти понимает, что даже это может быть лишь его воображением. Вскоре его семья уже будет здесь.

Они стоят за сто ярдов слева от коробочки, но Джо Макклечи кажется, что он ее ощущает: эта легкая пульсация, которая отдается в его мозгу всякий раз, как вспыхивает пурпурный огонек. Впрочем, это могут быть просто трюки его собственного ума, но он так не думает.

Барби стоит рядом с ним, обнимая мисс Шамвей. Джо дотрагивается до его плеча и говорит:

- Во всем этом чувствуется что-то плохое, мистер Барбара. Все те люди вместе. Что-то ужасное в этом чувствуется.

- Да, - соглашается Барбара.

- Они смотрят. Кожеголовые. Я их ощущаю.

- Я тоже, - говорит Барбара.

- И я, - говорит Джулия голосом тихим таким, что ее едва слышно.

В комнате заседаний в горсовете Большой Джим и Картер Тибодо молча смотрят на телеэкран, где два разных кадра сверху уступают изображению, которое транслируется с уровня земли. Сначала изображение дрожит, как будто вовремя приближения торнадо или сразу после взрыва автомобиля. Они видят небо, гравий и ноги, которые бегут. Кто-то бормочет:

- Давай, поторапливайся.

Голос Вульфа Блицера:

- Прибыл транспорт с видеооборудованием. Они, очевидно, спешат, и, я уверен, где-то через минуту мы… Да. О, царь небесный, вы только посмотрите на это.

Камера панорамирует сотни жителей Честер Милла под Куполом в тот момент, когда они привстают на ноги. Это выглядит так, словно большая толпа паломников вместе встает после общей молитвы где-то на открытом воздухе. Тех, что впереди, прижимают к Куполу те, что за ними; Большой Джим видит расплющенные носы, щеки и губы, так, словно граждан прижимают к какой-то стеклянной стене. На миг у него немного дурманится в голове, и он понимает почему: это он впервые смотрит сюда извне. Это впервые им осознается монструозность и вместе с тем реальность этого явления. Впервые он на самом деле пугается.

Едва слышные, приглушенные Куполом, долетают звуки пистолетных выстрелов.

- Мне кажется, я слышу выстрелы из огнестрельного оружия, - говорит Вульф. - Андерсон, вы слышите выстрелы? Что случилось?

Едва слышно, словно через спутниковую телефонную связь с кем-то затерянным в трущобе австралийской пустыни, долетает голос Андерсона Купера.

- Вульф, мы пока еще не там, но передо мною малый монитор и там что-то похоже на…

- Я уже вижу, - говорит Вульф. - Похоже, что там…

- Это Моррисон, - говорит Картер. - Он все-таки имеет яйца, нечего и говорить.

- С завтрашнего дня он уволен, - бросает Большой Джим.

Картер смотрит на него, сведя вверх брови:

- За то, что он сказал на собрании вчера?

Большой Джим наставляет на него палец:

- Я знал, что ты соображопый парень.

Сам Генри Моррисон возле Купола не думает о вчерашних сборах, ни о храбрости он не думает, ни об исполнении обязанностей; он думает, что людей сейчас раздавит об Купол, если он что-то не сделает, и срочно. Поэтому он стреляет из пистолета вверх. По его примеру несколько копов - Тодд Вендлештат, Ренс Конрой и Джо Боксер - делают тоже самое.

Шум (и вопли боли тех людей впереди, которых прижали к Куполу) уступает местом шокирующей тишине, и Генри взывает в мегафон: «РАССРЕДОТАЧИВАЙТЕСЬ! РАССРЕДОТАЧИВАЙТЕСЬ, ЧЕРТ ВАС ПОБЕРИ! МЕСТА ХВАТИТ ВСЕМ, ЕСЛИ ВЫ ПРОСТО РАЗОЙДЕТЕСЬ НА ХЕР ПО СТОРОНАМ!»

Бранное слово действует на них еще более отрезвляюще, чем пистолетная стрельба и, хотя самые большие упрямцы остаются на шоссе (Билл и Сарра Оллнаты самые упертые среди них, а также Джонни и Керри Карвер), другие начинают продвигаться вдоль Купола. Кое-кто направляется по правую сторону, но подавляющее большинство двигается влево, на поле Алдена Динсмора, куда идти легче. Среди них и Петра с Генриеттой, немного пошатываясь после щедрых глотков «Канадской сухой ракеты».

Генри прячет оружие в кобуру и приказывает сделать так же другим офицерам. Вендлештат и Конрой слушаются, но Джо Боксер продолжает держать в руке свой тупорылый - наиболее дешевого базарного вида изо всех, какие когда-нибудь приходилось видеть Генри, - пистолет 38 калибра.

- А заставь меня, - фыркает он, и Генри думает: «Это все глупый сон. Скоро я проснусь у себя в кровати, и подойду к окну, и увижу там свежий, хороший осенний день».

Многие из тех, кто решил не ходить к Куполу (тревожно большое количество людей осталось в городе потому, что они начали ощущать проблемы с дыханием), могут все это видеть по телевизору. Человек сорок засели в «Диппере». Томми и Вилла Андерсоны сами сейчас возле Купола, но свое заведение они оставили открытым и телевизор включенным. Люди, которые столпились на деревянном полу салуна перед большим экраном, ведут себя очень тихо, разве что слышатся чьи-то всхлипы. Изображение высокого разрешения хрустально четкое. Оно рвет душу.

Не только они поражены зрелищем восьми сотен людей, которые выстроились вдоль невидимого барьера, кое-кто, распластав ладони на том, что кажется просто воздухом. Вульф Блицер говорит:

- Я никогда не видел такой тоски на человеческих лицах. Я… - он замолкает, - я лучше помолчу, пусть изображение говорит само за себя.

Он замолкает, и это хорошо. Это та картина, которая не нуждается в разъяснении.

На своей пресс-конференции Кокс предупреждал: «Посетители высадятся и пройдут…

Посетителям будет разрешено стоять на расстоянии двух ярдов от Купола, мы считаем такую дистанцию безопасной». Ясное дело, все происходит иначе. Едва только отворились двери автобусов, как тут же люди хлынули оттуда потоками, выкрикивая имена своих родных и близких. Некоторые из них падают, и толпа галопом бежит по ним (одного человека в этой передряге затопчут насмерть, а четырнадцать будут ранены, полдюжины серьезно). Солдат, которые стараются обеспечить неприступную полосу перед самим Куполом, сметают прочь. Оборванные желтые ленты с надписями ПРОХОДА НЕТ исчезают в пыли, сорванные подошвами поторапливающихся ног. Масса новоприбывших рвется вперед и рассыпается по своей стороне вдоль Купола, большинство людей плачут, и все выкрикивают имена своих жен, мужей, дедов и баб, сыновей и дочерей, своих возлюбленных. Четверо или солгали о наличии у них разных электронных медицинских устройств, или сами о них забыли. Трое из них умирают мгновенно; четвертый, который не нашел своего питающегося от батареи ушного имплантата в списке запрещенных устройств, пролежит в коме неделю, прежде чем скончаться от кровоизлияния в мозг.

Мало-помалу они разбираются между собой, и все это видят телекамеры съемочной команды. Они наблюдают, как жители города и визитеры прижимают ладони к ладоням с невидимым барьером между ними; они следят за тем, как плачут женщины и мужчины, вглядываясь друг другу в глаза; они замечают тех, кто падает в обморок, как внутри Купола, так и снаружи, и тех, что падают на колени и молятся, сцепив задранные кверху руки; они фиксируют мужчину на внешнем стороне, который начинает бить кулаками по той перегородке, которая не пускает его к его беременной жене, он бьет, пока у него не трескается кожа и капли крови мерцают в воздухе; они показывают старушку, которая старается дотронуться пальцами - гладкие побелевшие руки прижаты к невидимой поверхности – до лба своей заплаканной внучки.

Снова взлетает в воздух телевизионный вертолет и шныряет вверху, передавая вид двойной человеческой змеи, которая растянулась на четверть мили. На моттонской стороне листва горит яркими октябрьскими цветами; на стороне Честер Милла она безвольно свисает. Позади городских жителей - на дороге, по полям, застрявшие в кустарнике - десятки брошенных плакатов. В этот миг воссоединения (почти воссоединения) политика и протесты забыты.

Кэнди Кроули[447] говорит:

- Вульф, вне всяких сомнений, это наиболее печальное, наиболее удивительное событие изо всех, которые я видела за годы моей репортерской работы.

Не смотря на это, никто лучше не адаптируется, чем человеческое существо, и мало-помалу возбуждение и чувство необычности начинают развеиваться. Аффект воссоединения уступает место настроению посещения. А за людской линией - с обеих сторон Купола - оттягивают назад тех, которым уже стало плохо. На Милловской стороне нет палатки Красного Креста, куда бы их можно было доставить. Полиция собирает их там, где убогую тень отбрасывают полицейские автомобили, пусть здесь подождут Памелу Чен со школьным автобусом.

Рейдовая команда перед нападением на РНГХ смотрит в полицейском участке на все это с таким же молчаливым удовольствием, как и люди повсюду. Рендольф им позволяет; хотя скоро уже надо отправляться. Он проверяет имена по списку в своей папке, а потом жестом зовет Фрэдди Дентона за собой на крыльцо. Он ожидал, что Фрэдди огорчится, узнав, что его лишили роли главнокомандующего (Питер Рендольф всю жизнь судит людей по себе), но этого нет. Здесь дело намного серьезнее, чем вытягивания из бакалейного магазина какого-то засаленного старика пропойцы, и Фрэдди наоборот рад спихнуть с себя ответственность. Конечно, он был бы не против, если бы ему поставили это в заслугу, если все пойдет как надо, а если нет? Рендольф таких сомнений не имеет. Один вредитель-бездельник и еще аптекарь,

который не произнесет слова «говно», даже если увидит его у себя в тарелке? Что там может пойти не так?

Но, стоя на ступеньках, откуда не так давно кувырком катилась Пайпер Либби, Фрэдди узнает, что ему не удалось полностью избежать роли командира. Рендольф вручает Фрэдди бумажку. На ней семь имен. Одно из них его собственное. Остальные шесть принадлежат Мэлу Ширлзу, Джорджу Фредерику, Марти Арсенолту, Обри Таулу, Стабби Норману и Лорен Конри.

- Ты поведешь эту группу тем проселком, - говорит Рендольф. - Ты знаешь ту дорогу?

- Конечно, она ответвляется от Малой Суки неподалеку города. Отец Неряхи Сэма проложил ее там…

- Меня не интересует, кто ее проложил, - обрывает его Рендольф, - просто доедешь по ней до конца. А в полдень проведешь там своих людей через лес. И выйдешь на задворки радиостанции. В полдень, Фрэдди. Это означает ни минутой раньше, ни минутой позже.

- Я думал, мы все вместе должны отправляться по этой дороге, Пит.

- Планы изменились.

- А Большой Джим знает, что они изменились?

- Фрэдди, Большой Джим выборный. Шеф полиции здесь я. И это я твой начальник, поэтому, будь так любезен, заткни свою глотку и слушай.

- Извиняюсь, - мямлит Фрэдди, прикладывая ладони чашечками себе к ушам дерзким, если не сказать больше, способом.

- Я подъеду и стану на дороге, которая проходит мимо фасада станции. Со мной будут Стюарт и Ферн. А также Роджер Кильян. Если Буши с Сендерсом настолько глупы, что будут оказывать тебе сопротивление - другими словами, если мы услышим выстрелы из-за радиостанции, - мы втроем нападем на них сзади. Ты все понял?

- Эй, - Фрэдди этот план кажется на самом деле мудрым.

- Чудесно, давай теперь синхронизируем часы.

- Эеей… извиняюсь?

Рендольф вздыхает:

- Нам надо проверить, что они идут одинаково, таким образом, полдень у нас обоих настанет в одно и то же время.

Лицо у Фрэдди остается удивленным, но он послушно делает, что ему сказано.

Кто-то - по голосу вроде бы Стабби - кричит в помещении участка: «Ух ты, еще один отбросил копыта! Тех упавших в обморок уже поналожено под «крузерами», как колод под дрова!» В ответ ему звучит смех и аплодисменты. Они там наполнены адреналином, возбуждены причастностью к тому, что Мэл Ширлз назвал «служебной командировкой с вероятностью стрельбы».

- Отправимся в поход в одиннадцать пятнадцать, - обращается Рендольф к Фрэдди. - Таким

образом, сейчас мы имеем еще почти сорок пять минут на то, чтобы дальше смотреть это шоу по телевизору.

- Хочешь попкорна? - спрашивает Фрэдди. - У нас его видимо-невидимо, там, в шкафчике над микроволновкой.

- А чего же, можно, я охотно.

А там, возле Купола, Генри Моррисон идет к своей машине и щедро угощается прохладной водой. Форма на нем пропиталась потом, он не может припомнить, был ли еще когда-нибудь настолько уставшим (это главным образом из-за тяжелого воздуха, думает он - он запыхался и, похоже, никак не может отдышаться), но в целом он удовлетворен собой и своими подчиненными. У них получилось предотвратить массовую давку под Куполом, на их стороне никто не умер - пока что - и народ успокоился. С полдюжины телеоператоров снуют туда-сюда на моттонской стороне, стараясь снять как можно больше эпизодов воссоединения близких. Генри понимает, что это нарушения частной собственности, но он думает, что Америка и мир вне нее имеют право это видеть. А, в общем, людям, кажется, это безразлично. Кое-кому это даже нравится; получают «свои пятнадцать минут»[448]. У Генри есть время, чтобы поискать своих мать и отца, хотя он не удивляется, когда не видит их; они живут невесть где, у черта на куличках, в Дерри[449], и уже в годах. Он сомневается, чтобы они вообще принимали участие в лотерее для посетителей.

Новый вертолет плещет лопастями, приближаясь с запада, и, хотя Генри об этом неизвестно, внутри этого вертолета сидит полковник Джеймс Кокс. Кокс тоже не может сетовать на то, как вообще проходит День свиданий. Ему доложили, что на честер-милловской стороне не видно никаких приготовлений к пресс-конференции, однако это его ни удивляет, ни беспокоит. Принимая во внимание тот богатый материал, который он уже собрал, его больше удивило бы появление Ренни. Кокс отдавал честь многим лицам за годы своей карьеры, но бздуна при власти он чувствует за милю.

Наконец Кокс видит длинную вереницу визитеров и напротив их - жителей города, которые попали в ловушку. Это отвлекает Кокса от его мыслей.

-Не самое ли это ужасное зрелище, - бормочет он. - Не самое ли это ужасное зрелище изо всех, когда – либо кем-то виданных?

Под Куполом внештатный помощник Тоби Меннинг кричит: «Вон едет автобус!»

Хотя гражданские едва это замечают - они или озабочены общением со своими родственниками, или еще ищут их, - копы поднимают радостный шум.

Генри обходит свой «крузер», и действительно, большой желтый школьный автобус уже проезжает мимо салона «Подержанные автомобили Джима Ренни». Пусть Памела Чен и весит не более ста пяти фунтов[450] в намоченном состоянии, но сейчас она звезда этого шоу, да еще и за рулем большого автобуса.

Генри смотрит на свои часы и видит, что уже двадцать минут одиннадцатого. «Мы справимся, - думает он. - Мы справимся со всем этим просто чудесно».

По Мэйн-стрит три больших оранжевых грузовика катят по городскому холму. В третьем Питер Рендольф теснится вместе со Стью, Ферном и Роджером (душистый аромат кур). И лишь когда они съезжают с северного шоссе 119, беря курс на Малую Суку и радиостанцию, Рендольфа поражает одна мысль, и он едва сдерживается, чтобы не стукнуть себя кулаком по лбу.

Они запаслись кучей огнестрельного оружия, но забыли шлемы и кевларовые[451] жилеты.

Вернуться и взять? Если так, они смогут успеть на позицию не раньше двенадцати пятнадцати, а то и еще позже. Да и бронежилеты почти наверно окажутся лишними. Одиннадцать против двоих, кроме того, те двое, наверняка, обдолбаны в хлам. Это должна быть легкая прогулка, не иначе.

8

Энди Сендерс расположился за тем же дубом, где он стоял в прошлый раз, когда приезжали горькие люди. Не взяв гранат, впереди себе за ремень он запихнул шесть полных магазинов, плюс еще четыре торчало у него сзади за поясом. А в деревянном ящике возле его ног лежало еще две дюжины. Достаточно, чтобы отбиться от армии… хотя, он думал, если Большой Джим на самом деле пришлет сюда целую армию, его самого моментально укокошат. Потому что, наконец, он всего лишь какой-то «аптекаришка».

Отчасти ему было тяжело поверить в то, что он этим сейчас занимается, но другая часть его души - тот аспект его характера, о существовании которого он никогда бы не догадался без метамфетамина - находилась в пасмурном удовлетворении. А также в негодовании.

Большие Джимы всего мира не должны владеть всем на свете, и отсюда они также ничего не вывезут. На этот раз никаких переговоров не будет, никаких политических компромиссов, никаких уступок. Он будет стоять до конца со своим другом. Со своим душевным другом. Энди понимал, что мыслит нигилистично, но это было хорошо. Всю жизнь он высчитывал цену, которую надо платить за то или другое, но обдолбанное состояние «на-все-насрать» стало для него опьяняющей переменой к лучшему.

Он услышал гудение грузовиков, которые приближались, и посмотрел на свои часы. Те остановились. Энди посмотрел на небо и по положению желто-белого сияния, которое было когда-то солнцем, решил, что сейчас должно быть где-то около полудня.

Он слушал гудение дизельных двигателей, а когда этот звук отклонился в сторону, понял, что его compadre[452] нюхом угадал игру - унюхал все точно, как какой-то мудрый форвард-ветеран во время обеденного футбольного матча в воскресенье. Часть их завернула к проселку позади радиостанции.

Энди глубоко затянулся дымом своей очередной дым-дочурки, задержал дыхание на по возможности дольше время и спустя выдохнул. С сожалением бросил окурок косяка на землю и затоптал. Больше он не будет курить (пусть там как не просветляет его этот приятный процесс), чтобы не выдать своей позиции.

«Я люблю тебя, Мастер», - подумал Энди и снял «Калашников» с предохранителя.

9

Поперек въезда на просеку висела легкая цепь. Фрэдди, который сидел за рулем переднего грузовика, не колеблясь, просто поехал вперед и разорвал цепь радиаторной решеткой. Передняя машина и вторая за ней (пилотируемая Мэлом Ширлзом) углубились в лес.

Третьим грузовиком управлял Стюарт Бови. Он остановился посреди Малой Суки, показал рукой на радиобашню РНГХ и взглянул на прижатого к дверям кабины Рендольфа с

полуавтоматическим «ГК»[453] у него между ногами.

- Проезжай еще с полмили, - проинструктировал его Рендольф, - и тогда съезжай на обочину и выключи двигатель.

Было лишь одиннадцать тридцать пять. Прекрасно. Времени еще полно.

- Какой у нас план? - спросил Ферн.

- План такой, что мы ждем до полудня. Когда услышим выстрелы, сразу едем и захватываем их сзади.

- Эти грузовики довольно шумные, - заметил Роджер Кильян. - Что, если те ребята услышат наше приближение? Мы потеряем, как-это-вы-называете - алимент неожиданности.

- Они нас не услышат, - ответил Рендольф. - Они сидят в радиостудии и там, в полном комфорте, с кондиционером, смотрят телевизор. Они даже не поймут, что они попали.

- А мы взяли с собой пуленепробиваемые жилеты или что-нибудь такое? - спросил Стюарт.

- Зачем таскать на себе те тяжеленные штуки в такой знойный день? О чем волноваться? Наши Чич с Чонгом[454] окажутся в аду раньше, чем догадаются, что они уже мертвые.

10

Незадолго до двенадцати дня, оглянувшись вокруг, Джулия заметила, что куда-то подевался Барби. Вернувшись к фермерскому дому, она увидела, что он загружает консервированную еду в фургон «Розы- Шиповника». Несколько сумок он также положил в краденый фургон телефонной компании.

- Что это вы делаете? Мы же только ночью все это выгружали.

Барби обернулся к ней с напряженным, без следа улыбки, лицом.

- Знаю. И думаю, мы хоть это сделали. Не знаю, или это от близости к коробочке, или нет, но, похоже на то, что я вдруг начал ощущать прямо над головой ту линзу, о которой говорил Расти, я ощущаю, что очень скоро должно выйти солнце и начнет сквозь нее нас печь. Мне хотелось бы ошибаться.

Она присмотрелась к нему внимательнее.

- Что-то еще осталось? Давайте, я вам помогу. Назад привезти мы всегда сможем.

- Да, - напряженно улыбнулся Барби. - Мы всегда сможем все привезти назад.

11

В конце просеки лежала небольшая лужайка, на которой стоял давно покинутый дом. Здесь и остановились два оранжевых грузовика и из них начал выгружаться карательный отряд. Берясь по двое за длинные, тяжелые мешки с надписями СЛУЖБА НАЦБЕЗОПАСНОСТИ, они, расшатав их, кидали наземь. На одном из мешков какой-то умник маркером дописал «ПОМНИ ОБ АЛАМО». В мешках содержались автоматы «ГК», два помповых восьмизарядных ружья

mir-knigi.org

«Моссберг»[455] и боеприпасы, боеприпасы, боеприпасы.

- Эй, Фрэд, - это позвал Стабби Норман, - а у нас разве нет жилеток или чего-то такого?

- Мы ударим на них с тыла, Стабби. Не переживай за это.

Фрэдди надеялся, что голос у него звучит увереннее, чем он сам на самом деле чувствует себя. В желудке у него порхали бабочки.

- Мы дадим им шанс сдаться? - спросил Мэл. - То есть мистер Сендерс все-таки выборный, как не как.

Фрэдди и сам думал об этом. Также он думал о Стене Славы, где висели фотографии трех копов из Честер Милла, которые погибли, выполняя свою боевой долг, во время Второй мировой войны. Фрэдди не имел ни малейшего желания, чтобы и его фото висело на той стене, поэтому, поскольку шеф Рендольф не дал ему на этот счет никаких конкретных указаний, Фрэдди решил, что имеет право издавать собственные.

- Если подымут руки, будут жить, - объявил он. - Если будут без оружия, будут жить. Во всяком другом случае, сука, они будут убиты. Кто-то из вас усматривает здесь проблему?

Не откликнулся никто. Было одиннадцать пятьдесят шесть. Шоу вот-вот должно начаться.

Он обвел взглядом своих ребят (плюс Лорен Конри, которая с ее закаменелым лицом и маленькими сисечками почти не отличалась от остальных бойцов), набрал полную грудь воздуха и крикнул:

- За мной. По одному. Остановимся на краю леса и рассмотрим обстановку.

Опасения Рендольфа относительно ядовитого плюща и ядовитого дуба оказались безосновательными, и простору между деревьями хватало для того, чтобы поход для них оказался довольно легким, даже с полной боевой загрузкой. Фрэдди порадовался, как его небольшой отряд удивительно тихо, украдкой преодолел заросли можжевельника, которые им было неудобно обходить. Он начал думать, что все должно пройти гладко. Фактически, он уже с нетерпением ожидал начала. Теперь, когда они уже двигались, бабочки из его желудка разлетелись прочь.

«Легко идем, - думал он. - Легко и тихо. И тогда - бах! Они даже не поймут, что их убило».

12

Лежа за припаркованным позади здания склада панельным фургоном, Мастер услышал их почти сразу, как только они минули лужайку, на которой исподволь увязла в землю старая усадьба Вердро. Для возбужденного наркотиками слуха, для его мозга в «красном состоянии» готовности их продвижение звучало так, словно сюда продирается в поисках водопоя стадо бизонов.

Он полуприсядом двинулся к передку фургона и упал там на колени, уперев автомат в бампер. Гранаты, которые свисали с дула его БОЖЬЕГО ВОИНА, теперь лежали рядом, на траве. Пот блестел на его худой, усеянной угрями спине. Гаражный пульт был заткнут за пояс его пижамных штанов КВА-КВА.

mir-knigi.org

«Терпеливо жди, - напоминал он себе. - Ты не знаешь, сколько их там. Дай им выйти на открытое место и только тогда начинай косить их вхлам».

Он разложил перед собой еще несколько рожков для БОЖЬЕГО ВОИНА и ждал, надеясь на Христа, что Энди не придется свистеть. И ему самому тоже. Вполне возможно, что у них таки получится выбраться из этой катавасии и дожить до следующего боевого дня.

13

Фрэдди Дентон остановился перед опушкой, отклонил дулом винтовки ветви ели и выглянул. Увидел перед собой заросшее некошеной травой поле, а посреди него радиобашню, чье низкое дрожание, как ему показалось, он чувствует пломбами в собственных зубах. Башню окружала изгородь с табличками ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ. Поодаль, слева от его позиции, виднелось одноэтажное кирпичное здание радиостудии. Между ними стоял большой красный сарай. Он предположил, что именно в этом сарае и находится склад. Или там производятся наркотики. Или и то, и другое.

Рядом с ним возник Марти Арсенолт. Форменная рубашка на нем потемнела кругами от пота. В глазах был заметен страх…

- Что там делает этот фургон? - спросил он, показывая дулом автомата.

- Это фургон «Обеды на колесах», - объяснил Фрэдди. - Для лежачих больных и всяких таких, которые не выходят из дома. Ты разве никогда не видел его в городе?

- Видел, и сам нагружать его помогал. Я перешел из католичества к Святому Спасителю в прошлом году. Но почему это он не на паркинге? - Слово «паркинг» он выговорил на янковский манер, и оно у него прозвучало, как блеяние неудовлетворенной овцы.

- Откуда мне знать и почему бы я должен был за это переживать? - спросил Фрэдди. - Они все равно в студии.

- А откуда ты об этом знаешь?

- Потому что именно там у них телевизор, где сейчас по всем каналам идет большое шоу из-под Купола.

Марти поднял свой «ГК»:

- Позволь, я выпущу пару очередей по фургону, просто для уверенности. Он может быть заминирован. Или они как раз в нем и сидят.

Фрэдди толкнул дуло его автомата книзу.

- Храни нас, Иисус, да ты обезумел? Они не знают, что мы здесь, а ты хочешь так, сразу, нас выказать? У твоей матери хотя бы один ребенок рождался с мозгом?

- Пошел ты на хер, - огрызнулся Марти. - И твоя мать тоже, - добавил он следом.

Фрэдди осмотрелся через плечо:

- Айда, ребята. Пойдем наискосок через поле к студии. Заглянем через задние окна, рассмотрим, где они там сидят. - Он оскалился. - В добрый путь.

Обри Таул, немногословный человек, буркнул на это:

- Увидим.

14

В грузовике, который стоял на Малой Суке, Ферн Бови произнес:

- Что-то я ничего не слышу.

- Скоро услышишь, - заверил Рендольф. - Вот только подожди.

Было двенадцать ноль две.

15

Мастер увидел, как горькие люди вынырнули из леса и отправились по диагонали через поле в направлении радиостудии. Трое были одеты в настоящую полицейскую форму, остальные четверо имели на себе голубые рубашки, которые, как догадался Мастер, должны были заменять форменные. Он узнал Лорен Конри (давнюю свою клиентку со времен его торговли травой) и Стабби Нормана, местного скупщика лома и барахла. И Мэла Ширлза он узнал, еще одного своего старого клиента и друга Джуниора. А также друга покойного Делессепса, что означало, что и этот, наверняка, был среди тех ребят, которые насиловали Сэмми. Ну что же, больше ему никого насиловать не придется - после сегодняшней встречи.

Семеро. По крайней мере, с этой стороны. А против Сендерса сколько, неизвестно?

Он еще немножко подождал, а когда это немножко прошло, вскочил на ноги, оперся локтями о капот панельного фургона и завопил:

«ПОЛУЧИТЕ, Это день Господний приходит, суровый, и зло, и пламя гнева, чтобы землю сделать опустошенной!»[456]

Резко повернув головы, они застыли на какой-то миг, не сделав попытки ни поднять свое оружие, ни броситься врассыпную. Никакие они не полицейские, решил Мастер; всего лишь птенцы на земле, весьма глупые, чтобы взлететь.

«а грешных ее поистреблять с нее! ИСАЙЯ ТРИНАДЦАТАЯ! АЛЛИЛУЙЯ, МАЗЕФАКЕРЫ!»

С этой моральной установкой и призывом к суду Мастер открыл огонь, снимая их слева направо. Двух настоящих копов и Стабби Нормана сломанными куклами откинуло назад, и дикую высокую траву забрызгало их кровью. У тех, которые остались живы, прекратился паралич. Двое развернулись и бросились наутек к лесу. Конри и последний из настоящих копов побежали к студии. Мастер прицелился и вновь открыл огонь. «Калашников» рыгнул короткой очередью, магазин кончился.

Конри, словно ужаленная, хлопнула себя сзади по шее, ничком упала в траву, дважды дернулась и затихла. Второй - лысый дядя - добежал до студии. Мастер не переживал за ту парочку, которая убежала к лесу, но Лысого отпускать он не желал. Если Лысый обойдет здание, он может увидеть Сендерса и расстрелять его сзади.

Мастер подхватил свежий рожок и забил его на место тылом ладони.

16

Фредерик Говард Дентон, он же Лысый, достиг задней стены студии РНГХ без мыслей в голове. Он видел, как завалилась девушка Конри с вырванной глоткой, и это был конец его рационального мышления. Все, что он сейчас знал, - ему не хочется, чтобы его портрет висел на Стене Славы. Он должен спрятаться, а это означает - внутри. Вот двери. За ними какая-то госпел-группа поет «Соединим руки вокруг Престола».

Фрэдди ухватился за щеколду. Двери отказались открываться.

Он бросил винтовку, поднял освобожденные от оружия руки и заверещал: «Я сдаюсь! Не стреляйте, я сдаю...»

Тремя тяжелыми толчками его ударило в поясницу. Он увидел красный всплеск на дверях и успел подумать: «Вот, если бы мы не забыли о бронежилетах». И упал, все еще держась за дверную щеколду, пока свет уплывал у него из глаз. Все, чем он был, и все, что он знал, уменьшилось до единственной огненно-яркой точки света. Потом все погасло. Рука его соскользнула со щеколды. Он умер на коленях, скорчившись под дверьми.

17

Мэлвин Ширлз тоже ни о чем не думал. Мэл увидел, как перед ним скосило Марти Арсенолта, Джорджа Фредерика и Стабби Нормана, он ощутил, как, по крайней мере, одна пуля вжикнула, сука, прямо у него перед глазами, а такие вещи не очень способствуют мышлению.

Мэл просто побежал.

Он продирался назад, сквозь деревья, не чувствуя, как ветви раздирают ему лицо, один раз он упал и, вскочив, выбежал наконец-то на лужайку, где стояли их грузовики. Завести первый, и погнать отсюда было самым тем, что необходимо бы сейчас сделать, однако Мэл и рассудок разошлись дорогами. Скорее всего, он побежал бы прямо по просеке вплоть до Малой Суки, если бы второй из них двоих, которые выжили, не схватил его за плечо, не припечатал его к стволу большой сосны.

Это был Обри Таул, брат хозяина книжного магазина. Упитанный, неуклюжий человек с выцветшими глазами, который иногда помогал своему брату в магазине, но редко проговаривал хотя бы одно лишнее слово. Кое-кто в городе считал, что Обри тупица, но сейчас он не выглядел тупым. И паники в нем не было заметно.

- Я хочу вернуться назад и достать этого сукиного сына, - сообщил он Мэлвину.

- Удачи тебе, друг, - ответил Мэл. Он оттолкнулся от дерева и вновь развернулся в сторону просеки.

Обри вновь толкнул его на ствол, на этот раз жестче. Смахнув рукой волосы со своих глаз, он показал на «Гекл & Кох», который висел у Мэла поперек живота.

- Ты никуда не пойдешь.

Сзади послышалась новая автоматная очередь. И визг.

- Ты это слышал? - спросил Мэл. - Ты хочешь вернуться к этому? Обри посмотрел на него

пренебрежительно.

- Тебе не надо идти вместе со мной, но ты меня прикроешь. Тебе это понятно? Ты сделаешь, что тебе сказано, или я сам тебя пристрелю.

18

Лицо шефа Рендольфа расплылось в улыбке.

- Противник связан боем позади нашей цели. Все идет согласно плана. Поехали, Стюарт. Прямо по подъездной аллее. Там высадимся и пройдем напрямик через студию.

- А если они в сарае? - спросил Стюарт.

- Мы и тогда сможем ударить на них сзади. Давай уже, поехали! Пока мы все не пропустили.

Стюарт Бови тронул.

19

Энди услышал стрельбу из-за складского здания, но Мастер не засвистел, и он остался на месте, под прикрытием своего дерева. Он надеялся, что там, у Мастера, все благополучно, потому что сейчас перед ним возникали собственные проблемы: городской грузовик как раз заворачивал на подъездную аллею радиостанции.

С его приближением Энди понемногу обходил дуб, все время держа дерево между собой и машиной. Грузовик остановился. Открылись двери, и вылезли четверо мужчин. Энди был почти уверен, что трое из них - это те самые, которые приезжали и в прошлый раз… по крайней мере, относительно мистера Курятника он точно не имел сомнений. Энди где бы то ни было, узнал бы те его зеленые, заляпанные куриным дерьмом резиновые сапоги. Горькие люди. Энди не собирался позволить им напасть на Мастера с тыла.

Он вынырнул из-за дерева и пошел прямо посреди дороги. КЛОДЕТТ висел на нем, словно по уставной команде «оружие на грудь». Под его подошвами скрипел гравий, но вокруг было полно звукового прикрытия: Стюарт оставил двигатель грузовика включенным, а со станции громко звучала музыка госпел.

Он поднял «Калашников», но заставил себя подождать. «Дай им сбиться в кучу, если у них до этого дойдет». Приближаясь к дверям студии, они действительно сбились в кучу.

-Эй, это же мистер Курятник со своими приятелями, - произнес Энди, растягивая слова, с довольно похожей на Джона Уэйна интонацией. - Как дела, ребятки?

Они начали разворачиваться. «За тебя, Мастер», - подумал Энди и открыл огонь.

Братьев Бови и мистера Курятника он убил первой же длинной очередью. Рендольфа только ранил. Энди отщелкнул магазин, как научил его Мастер Буши, и, выхватив из-за ремня брюк новый, загнал его на место. Шеф Рендольф полз к дверям радиостанции, и кровь текла у него из правой руки и ноги. Он оглянулся через плечо, огромные глаза блестели на залитом потом лице.

- Прошу вас, Энди, - прошептал он. - Нам было приказано не наносить вам ущерба только

привезти назад, чтобы вы могли и дальше работать с Джимом.

- Конечно, - произнес Энди и рассмеялся. - Не мети пургу. Вы приехали, чтобы забрать все, что…

Длинная, прерывистая стрельба взорвалась за студией. У Мастера там, наверняка, неприятности, наверняка, ему там нужна срочная помощь. Энди поднял КЛОДЕТТ.

- Умоляю, не убивайте меня, - вскрикнул Рендольф, закрывая себе рукой лицо.

- Да ты просто думай о ростбифе, который будешь есть с Иисусом, - произнес Энди. - Что здесь такого, через каких-то три секунды ты уже будешь расправлять салфетку.

Следующая очередь из «Калашникова» подкатила Рендольфа чуть ли не к самим дверям студии. Энди, не медля, побежал вокруг здания, отбрасывая по дороге полупустой рожок и вставляя на его место новый.

С поля донесся резкий, пронзительный свист.

- Я сейчас, Мастер! - прокричал Энди. - Держись, я сейчас буду!

Что-то взорвалось.

20

- Прикрывай меня, - мрачно произнес Обри с опушки. Он снял из себя рубашку, разорвал ее пополам и повязал половину себе на голову, очевидно стараясь выглядеть, как Рембо. - А если ты надумаешь сам меня замочить, лучше сделай это с первого раза, потому что, если ты этого не сделаешь, я вернусь и перережу тебе горлянку.

- Я буду тебя прикрывать, - пообещал Мэл. Так он и будет делать. По крайней мере, отсюда, с края леса, где сам остается в безопасности.

Возможно.

- Этому бешеному метамфетаминщику это так просто не пройдет, - сказал Обри. Он быстро дышал, накручивая себя. - Этому лузеру. Этому обдолбанному уёбку. - И далее, повысив голос: - Я иду за тобой, ты, бешеный обдолбанный уёбок!

Мастер выпорхнул из-за фургона «Обеды на колесах» посмотреть на жертв устроенного им побоища. Его внимание переключилось на Обри Таула, как только тот, вереща во все горло, выскочил из леса.

А потом начал стрелять Мэл и, хотя пули ложились и близко не около него, Мастер инстинктивно присел. Вместе с этим из-за плохонького пояса его пижамных штанов вывалился в траву гаражный пульт. Мастер наклонился за ним, и вот тогда-то Обри открыл огонь со своего автомата. Щелкая металлической пустотой, пулевые пробоины прошили безумными стежками бок фургона «Обеды на колесах», на блестящие осколки разлетелось окно со стороны пассажирского сидения. Одна пуля с завыванием срикошетила от металлической полоски лобового стекла.

Мастер бросил гаражный пульт и ответил на огонь. Но элемент неожиданности уже бездействовал и Обри не торчал на одном месте подсадной уткой. Он качался туда-сюда и пер

напрямик к радиобашне. Она ему не обеспечивала прикрытия, но таким образом он расчищал линию огня для Ширлза.

Магазин Обри опустел, но его последняя пуля успела прорыть канавку с левой стороны головы Мастера. Брызнула кровь, и кусок кожи упал на его худющее плечо, где и залип в поту. Мастер плюхнулся на задницу, на мгновение выпустив из рук БОЖЬЕГО ВОИНА, но сразу же вновь схватил автомат. Он не думал, что серьезно ранен, но сейчас было время появиться Сендерсу, если тот еще на это способен. Мастер Буши заложил в рот два пальца и засвистел.

Обри Таул добрался до изгороди радиобашни как раз тогда, когда Мэл с опушки вновь открыл огонь. Его целью теперь была задняя часть фургона «Обеды на колесах». Пули прорывали обшивку кузова, создавая металлические крюки и цветы. Взорвался топливный бак, и заднюю часть фургона подняло вверх на огненной подушке.

Мастер ощутил, как диким жаром ему поджарило спину, и успел подумать о гранатах. Взорвутся или нет? Увидел, что в него целится мужчина под радиобашней, и вдруг в голове у него вынырнула простая дилемма: стрелять в ответ или схватить гаражный пульт. Он выбрал гаражный пульт и, как только его палец сомкнулись на пульте, воздух вокруг наполнился невидимыми пчелами. Одна ужалила его в плечо, другая вгрызлась в бок и смешала ему внутренности. Мастер Буши перевернулся и покатился, вновь выпустив из рук гаражный пульт. Он потянулся за ним, и новый рой пчел наполнил воздух кругом. Он заполз в высокую траву, бросил пульт там, где тот упал, надеясь теперь только на Сендерса. Мужчина от радиобашни («Единственный сорвиголова из семи, - подумал Мастер, - конечно, аминь») направился к нему. БОЖИЙ ВОИН стал очень тяжелым, все его тело стало теперь очень тяжелым, однако Мастер был в состоянии встать на колени и нажать на курок.

Ничего не случилось.

Магазин был либо пустым, либо его заклинило.

- Ты, тупой уебан, - произнес Обри Таул. - Ты, шизанутый нарик. Сейчас я тебе дам прикурить, держи уе…

- Клодетт! - завопил Сендерс.

Таул крутнулся на месте, но опоздал. Автомат коротко, жестко рыгнул огнем, и четыре китайских куска свинца калибра 7.62 оторвали большую часть головы Обри ему с плеч.

- Мастер! - вскрикнул Энди и побежал туда, где в траве упал на колени его друг, кровь вытекала у того из плеча, с бока и с виска. Вся левая половина лица Мастера была красной, мокрой. - Мастер! Мастер! - он сам упал на колени рядом и обнял Мастера. Ни один из этих двоих не заметил Мэла Ширлза, последнего, кто остался на ногах, когда тот вынырнул из леса и начал, крадучись, приближаться к ним.

- Возьми и нажми, - прошептал Мастер.

- Что? - Энди бросил взгляд на курок КЛОДЕТТ, но очевидно Мастер не его имел в виду.

- Гаражный пульт, - шепнул Мастер. Левый глаз у него заплыл кровью; второй смотрел на Энди живо, ярко, настойчиво. - Гаражный пульт, Сендерс.

Энди увидел в траве гаражный пульт. Поднял и подал Мастеру. Мастер вцепился в него рукой.

mir-knigi.org

- Ты… тоже… Сендерс.

Энди положил свою ладонь поверх Мастеровой.

- Я люблю тебя, Мастер, - произнес он и поцеловал Фила Буши в пересохшие, забрызганные кровью губы.

- Сендерс… я… тебя… тоже… люблю…

- Эй, пидары! - крикнул Мэл с какой-то психованной веселостью. Он стоял в каких-то десяти ярдах от них. - Снимите себе комнатушку и катитесь в кровать! Нет, у меня есть идея получше! Катитесь в кровать в ад!

- Давай… Сендерс… давай.

Мэл открыл огонь.

Энди и Мастера откинуло выстрелами в разные стороны, но еще до того, как их разорвало в клочья, соединенными в одно руками они успели нажать кнопку ОТКРЫТЬ.

Взрыв вышел белым и объемным.

21

Беглецы из Честер Милла сидят возле сада, у них здесь пикник, когда начинают звучать выстрелы - нет, не с шоссе 119, где продолжается День свиданий, а откуда-то с юго-запада.

- Это где-то на дороге Малая Сука, - говорит Пайпер. - Боже, если бы у нас был бинокль.

А впрочем, им не нужен бинокль, чтобы увидеть тот желтый цветок, который расцветает со взрывом фургона «Обеды на колесах». Твич ест пластиковой ложкой тушеную со специями курятину.

- Я не знаю, что оно там такое, внизу, происходит, но это рядом с радиобашней, точно, - говорит он.

Расти хватает Барби за плечо.

- Так вот где пропан! Они свезли весь газ туда, чтобы вырабатывать наркотики! Именно там весь пропан!

Барби переживает один ясный миг преждевременного ужаса; один миг, что все наихудшее еще впереди. И тогда на расстоянии четырех миль яркая белая искра жалит мглистое небо, словно молния, которая, вместо того, чтобы вонзится в землю, ширяет вверх. В следующее мгновение титанический взрыв проламывает дыру в самом центре дня. Красный клуб огня сначала сносит радиобашню РНГХ, потом деревья вне нее, и уже тогда весь горизонт, распространяясь на север и юг.

Люди на Черной Гряде кричат, но сами себя не слышат под нашествием скрежещущего, грандиозно нарастающего грохота, который распространяется после взрыва восьмидесяти фунтов пластиковой взрывчатки и сдетонированных ей десяти тысячах галлонов пропана. Они прикрывают себе глаза и пятятся назад, наступая на сэндвичи и расплескивая напитки. Терстон обхватывает руками Алису и Эйдена и против чернеющего неба Барби на мгновение

видит его лицо - удлиненное, испуганное лицо человека, который вживую видит, как отворяются Ворота Ада и сразу за ними его ожидает океан огня.

- Нам надо возвращаться назад, к фермерскому дому! - кричит Барби. На нем повисает Джулия, она плачет. Позади ее Джо Макклечи старается помочь встать на ноги своей матери. Эти люди не идут никуда, сейчас, по крайней мере.

На юго-запад, где большая часть дороги Малая Сука на протяжении следующих трех минут прекратит свое существование, желто-голубое небо превращается в черное, и Барби успевает подумать, причем абсолютно спокойно: «Вот мы и оказались под палящей линзой».

Взрывная волна крушит все окна в почти пустом сейчас центре города, поднимает в воздух жалюзи, оставляет за собой наклоненные телефонные столбы, срывает двери с навесов, плющит почтовые ящики. В автомобилях, припаркованных вдоль Мэйн-стрит, надрывается сигнализация. Большой Джим Ренни и Картер Тибодо воспринимают это так, словно здание горсовета сдвинуло землетрясением.

Телевизор все еще работает. Вульф Блицер нескрываемо тревожным тоном спрашивает:

- Что это было? Андерсон Купер? Кэнди Кроули? Чед Маерс? Соледад О'брайен?[457] Кто-нибудь из вас знает, что это к черту такое? Что это происходит?

Возле Купола наиболее актуальные телезвезды Америки оглядываются, показывая камерам свои спины, и, прикрывая ладонями глаза, вглядываются в город. Одна из камер быстро панорамирует, на мгновение, показывая монструозную колонну черного дыма и завихрения обломков на горизонте.

Картер вскакивает на ноги. Большой Джим хватает его за запястье.

- Одним глазком, - говорит Большой Джим. - Только чтобы увидеть, насколько все плохо. И сразу же возвращай свою сраку назад, сюда. Нам, возможно, придется спуститься в противоатомное убежище.

- О'кей.

Картер мчится вверх по ступенькам. Он бежит по коридору, и под его подошвами трещат обломки стекла из передних дверей, которые совсем испарились. Увиденное им с крыльца настолько не отвечает всему, что он мог себе представить, что его словно забрасывает назад в детство, и на миг он застывает на месте, думая: «Это как самая большая, самая ужасная пурга изо всех, которые когда-нибудь случались, только еще хуже».

В небе на западе бурлит красно-оранжевый ад в осаде волнистых туч глубочайшего черного цвета. В воздухе уже воняет горелым сжиженным газом. Грохот такой, словно на полную мощность работает с десяток прокатных станов.

Прямо над ним в небе темно от вспугнутых птиц.

Взгляд на птиц - животных, которым не куда убегать, - освобождает Картера от паралича. Это, а еще и тот ветер, который дует ему в лицо. Ветра в Честер Милле не было уже шесть дней, а этот горячий и одновременно жестокий, он воняет газом и горелым лесом.

На Мэйн-стрит с треском рушится большой дуб, тянет за собой вниз петли мертвых электрических проводов.

Картер убегает назад по коридору. Большой Джим встречает его уже на ступеньках, на тяжелом, побледневшем лице у него заметен испуг и, впервые, растерянность.

- Вниз, - гремит Картер. - В противоатомное убежище. Он приближается. Огонь приближается. А как сюда дойдет, он сожрет весь наш город живьем.

Большой Джим стонет:

- Что те идиоты там наделали?

Картеру это не интересно. Что они там наделали, этому уже конец. Если они не поспешат, им здесь тоже придет конец.

- Босс, внизу есть аппарат очищения воздуха?

- Да.

- Подключенный к генеру?

- Да, конечно.

- Благодарить Иисуса за это. Может, у нас есть шанс.

Помогая Большому Джиму спускаться по ступенькам, чтобы тот двигался быстрее, Картер очень надеется, что они там, внизу, не зажарятся живьем.

Двери придорожного ресторана «Диппер» стояли настежь открытыми, подпертые клиньями, но силой взрыва клинья выбивает, и двери с хлопком закрываются. Стекло харкает вглубь, и несколько человек, которые стоял позади танцевальной площадки, получают порезы. У Вита, брата Генри Моррисона, распорота яремная вена.

Толпа бросается к дверям, напрочь позабыв о большом телеэкране. Они топчут бедного Вита Моррисона, который лежит, умирает в разрастающейся луже собственной крови. Они бьются в двери, и еще несколько человек получают порезы, прорываясь сквозь зазубренные отверстия.

- Птицы! - вскрикивает кто-то. - Ох, ты ж, Господи, взгляните на птиц!

Однако большинство из них смотрят на запад, а не вверх - на запад, откуда под небом, которое теперь стало гибельно-черным и преисполненным отравленного воздуха, на них катится горящий фатум.

Те из них, кто еще способен бежать, подражают птицам и начинают трусцой, рысью или вскачь галопом мчаться прямо по середе шоссе 117. Несколько человек заскакивают в свои машины и сразу же многочисленные столкновенья бамперами происходят на гравийной стоянке, где в незапамятные теперь уже времена принял бой Дейл Барбара. Велма Винтер оказывается в своем старом пикапе «Датсун»[458] и, избежав разрушительного авторалли на стоянке, видит, что проезд по дороге заблокирован убегающими пешеходами. Она смотрит направо - на огненную бурю, которая метется к ним, словно какое-то горящее платье, пожирая лес между Малой Сукой и центром города - и вслепую гонит вперед, не обращая внимания на пешеходов на своем пути. Она сбивает Карлу Венциано, которая убегает со своим грудным ребенком на руках. Велма ощущает, как подпрыгивает ее пикап, переезжая через их тела, и решительно заслоняет себе уши, чтобы не услышать воплей Карлы, когда у той ломается позвоночник, и ее сыночка Стивена, задавленного насмерть собственной матерью. Все, что знает Велма, это то,

что ей надо убраться отсюда. Она должна, во что бы то ни стало убраться.

С внезапным появлением на празднике этого незваного гостя, обрывается День свиданий возле Купола. Те, что внутри, теперь имеют перед собой кое-что важнее родственников: гигантскую грибовидную тучу, которая вырастает на северо-западе, поднимаясь вверх на огненном пенисе уже почти с милю в высоту. Первое дуновение ветра, который погнал Картера и Большого Джима в противорадиационное убежище - ударяет их, и они щурятся, прижатые к Куполу, большей частью игнорируя людей у себя за спинами. Инстинктивно люди за их спинами откатывается назад. На их счастье, они могут ретироваться.

Генриетта Клевард ощущает, как ее обнимает чья-то холодная рука. Она оборачивается и видит Петру Ширлз. Волосы Петры освободились от шпилек, которые их удерживали, и теперь развеваются, хлопая ее по щекам.

- А того веселящего сока больше не осталось? - спрашивает Петра, выжимая из себя страждущую улыбку типа «гуляем дальше».

- К сожалению, все уже кончилось, - отвечает Генриетта.

- Ну… наверное, это уже и неважно.

- Держись меня, дорогуша, - скажет Генриетта. - Просто держись возле меня. Мы как-то выкарабкаемся.

Но, посмотрев в глаза старой женщины, Петра не видит там ни веры, ни надежды. Праздник уже почти подошел к концу.

Смотрите же. Смотрите и ужасайтесь. Восемь сотен людей прижало к Куполу, головы у них задранные, глаза широко раскрыты, они смотрят на собственный неминуемый конец, который мчится на них.

Здесь Джонни и Керри Карверы, и Брюс Ярдли, который работал в «Фуд-Сити». Здесь и Тебби Моррел, владелец лесосклада, который вскоре будет растерт в пепел, и его жена Бонни; Тоби Меннинг, который служил кассиром в универмаге; Трина Коул и Донна Барибо; Вэнди Голдстон со своей подругой и коллегой по учительствованию Эллен Вандестайн; Билл Оллнат, который отказался ехать за автобусом, и его жена Сарра, которая видит приближение огня и взывает к Иисусу, чтобы тот спас ее от него. Здесь Тодд Вендлештат и Мануэль Ортэга с лицами, бессмысленно задранными к западному горизонту, где мир исчезает в дыме. Томми и Вилла Андерсоны, которые никогда больше не пригласят в свой ресторан очередную группу прямо из Бостона. Увидьте их всех, весь город, который стоит спинами к невидимой стене.

А за ними визитеры от пячения переходят к отступлению, а от отступления к откровенному бегству. Автобусы они игнорируют и несутся прямо по дороге в сторону Моттона. Своих позиций держатся несколько солдат, но большинство из них тоже побросали оружие и рвут когти вслед за толпой, оглядываясь назад не больше, чем Лот оглядывался на Содом.

Кокс не убегает. Кокс приближается к Куполу и кричит:

- Вы! Офицер, командир!

Генри Моррисон оборачивается, подходит туда, где стоит Кокс и упирается руками в твердую, загадочную поверхность, видеть которой не может. Дышать стало тяжелее; хотя поднятый огненной пургой ветер бьется о Купол, завихряется, и тогда откидывается назад, навстречу

тому голодному чему-то, что наступает: черному волку с красными глазами. Здесь, на Моттонской границе, его ожидает отара овец, которой он насытится.

- Помогите нам, - говорит Генри.

Кокс смотрит на огненную бурю и предполагает, что та достигнет местоположения этой толпы где-то минут через пятнадцать, возможно, плюс-минус три. Это не просто пожар, и не просто взрыв, в запертом и уже загрязненном пространстве это настоящий катаклизм.

- Сэр, я не могу.

Генри не успевает на это ничего сказать, как его хватает за руку Джо Боксер. Он что-то лепечет.

- Оставь, Джо, - говорит Генри. - Здесь не куда убегать и нечего делать, кроме как молиться.

Но Джо Боксер не молится. Он все еще держит в руке свой идиотский пистолетик и, бросив последний сумасшедший взгляд на приближающийся ад, приставляет его себе к виску, словно игрок в русскую рулетку. Генри делает движение, чтобы выхватить у него оружие, но не успевает. Боксер нажимает курок. Однако сразу он не умирает, хотя сгусток крови и вылетает из его головы. Он пятится назад, размахивая идиотским пистолетиком, словно платочком, и визжит. Потом падает на колени, подбрасывает руки вверх к темнеющему небу, словно человек в восторге от полученного свыше откровения, и падает ничком на белую разделительную полосу шоссе.

Генри поворачивается своим ошарашенным лицом к полковнику Коксу, который находится от него на расстоянии трех футов и вместе с тем за миллион миль.

- Мне так жаль, друг мой, - говорит Кокс.

Подходит, спотыкаясь, Памела Чен.

- Автобус! - кричит она, стараясь перекрыть нарастающий грохот. - Нам надо в автобус и проехать эту штуку прямо насквозь! Это наш единственный шанс!

Генри понимает, что шанса нет никакого, но кивает, бросает на Кокса последний взгляд (Кокс никогда не забудет бесшабашные глаза этого копа), берет за руку Памелу Чен и ведет ее к автобусу №19, тем временем как дымная чернота мчится к ним.

Огонь достигает центра города и летает с шумом вдоль Мэйн-стрит, как пламя паяльной лампы в трубе. Исчез мост Мира. Большой Джим с Картером щурятся в противоатомном убежище, когда над ними взрывается здание городского совета. Департамент полиции всасывает в себя собственные кирпичные стены, и выплевывает их высоко в небо. Статую Люсьена Келверта вырвало с фундамента на Мемориал-Плазе. Люсьен взлетает в горящий мрак, храбро держа наготове свою винтовку. На библиотечной лужайке хэллоуиновское чучело в веселом колпаке и с садовыми лопатками вместо ладоней, поднимается вверх в вихре пламени.

Оглушительный свист с шипением - он звучит, как пылесос Бога - поднимается, когда голодный на кислород огонь всасывает свежий воздух в свое единственное, ядовитое легкое. Здания вдоль Мэйн-стрит взрываются одно за другим, подбрасывая в воздух свои вывески и вещи, и стекло, словно конфетти в новогодний вечер: брошенный кинотеатр, семейная аптека Сендерса, универсальный магазин Бэрпи, «Топливо & Бакалея», книжный магазин, цветочный магазин, парикмахерская. В похоронном салоне самые свежие новобранцы, призванные в

строй мертвых, начинают запекаться в своих металлических секциях, как цыплята в голландской печи. Огонь завершает свой триумфальный рывок вдоль Мэйн-стрит, заглатывая «Фуд-Сити», и тогда катится к «Дипперу», где те люди, которые все еще находятся на парковке, кричат и хватаются руками один за другого. Последнее их зрелище на земле - это огненный шар в сто ярдов высоты, который мчится, словно Альбион[459] на встречу со своими детьми. Теперь пламя катится по всем главным дорогам, превращая их асфальт на закипающий суп. В то же время огонь распространяется на Восточный Честер, закусывая там усадьбами зажиточных яппи, а также и лично несколькими яппи, которые перепугано щурятся внутри своих домов. Скоро Мишель Бэрпи побежит к погребу, но все равно слишком поздно; ее кухня взорвется вокруг нее, и последним, что она увидит на земле, будет ее холодильник «Амана»[460], как он будет плавиться.

Солдаты, которые стоят на границе Таркер-Честер – ближе всего к месту зарождения катастрофы - отскакивают назад, когда огонь бессильно лупит кулаками по Куполу, оставляя его почерневшим. Солдаты ощущают печной жар, который полыхает сквозь барьер, за какие-то секунды, поднимая температуру снаружи на двадцать градусов, делая совсем сухой листву на ближайших деревьях. Один из них потом скажет: «Это было так, словно стоишь возле стеклянного шара, внутри которого произошел атомный взрыв».

Теперь на людей, которые съежились напротив Купола, сверху начинают сыпаться мертвые и умирающие птицы, несчастные в бегстве дрозды, воробьи, скворцы, вороны, чайки и даже гуси разбиваются о Купол, которого они так быстро научились избегать. А через Динсморовское поле мчится стая городских котов и собак. Бегут также скунсы, и сурки, и дикобразы. Между ними скачет олень и несколько галопирующих лосей и, конечно же, прет молочное стадо Алдена Динсмора, глаза у коров выпячены, они смущенно мычат. Достигая Купола, звери бьются об него. Счастливые животные умирают. Несчастливые лежат распластанные на полных колющих, сломанных костей подушках, они лают и скулят, мявчат и ревут.

Олли Динсмор видит Долли, хорошую бурую швейцарку[461], которая однажды завоевала для него на выставке «4-Н»[462] призовую синюю ленту (это его мать дала ей такое имя, думая, что Олли и Долли будет звучать очень круто). Долли тяжелым галопом бежит в сторону Купола, а за ней чей-то веймаранер[463] гонится по пятам, и задние ноги у коровы уже окровавлены. Она врезается в барьер с хрустом, которого Олли не может услышать из-за рева огня… Вот только в своем мозгу он его слышит, и непостижимым образом от зрелища, которое он сейчас видит - когда так же, как и все здесь, обреченный пес прыгает на бедную Долли и начинает рвать на клочья ее беззащитное вымя, - ему делается еще хуже, чем тогда, когда он нашел мертвым своего отца.

Вид погибающей коровы, которая когда-то была его любимицей, освобождает мальчика от паралича. Олли не знает, существует ли пусть самое малое время выжить в этот ужасный день, но вдруг он с абсолютной ясностью понимает две вещи. Одна из них - баллон с кислородом, на кранике которого висит кепка его отца. Вторая - дыхательная маска его дедушки Тома, которая висит на крюке на дверях ванной комнаты. Пустившись бегом к ферме, где он прожил всю свою жизнь - ферме, которая скоро перестанет существовать, - Олли держит в голове единственную связную мысль: погреб для картофеля. Запрятанный под коровником, вырытый глубоко в холме картофельный погреб может стать безопасным местом.

Беглецы все еще стоят на краю сада. Барби не смог их заставить услышать его, где уже говорить о том, чтобы сдвинуть их с места. Однако он должен отвести их к фермерскому дому, к машинам. И быстрее.

Отсюда перед ними приоткрывается панорамный вид на весь город, и Барби может судить о

курсе распространения огня, как генерал может судить по аэрофотографиям о наиболее достоверном направлении движения армии противника. Огонь метется на юго-восток и, возможно, остановится на западном берегу Престил. Речушка, хотя и пересохшая, все равно может послужить естественным брандмауэром. Рожденный пожаром взрывной ураган также может предотвратить распространение огня на северный квадрант территории города. Если огнем выпалит все дотла к границе Купола с Касл Роком и Моттоном, тогда та часть Честер Милла, которая граничит с ТР-90, и северный Харлоу могут спастись. От огня, по крайней мере. Но не огонь его беспокоит более всего.

Ветер его беспокоит.

Он чувствует его сейчас, как тот хватает его за плечи, дует между его расставленных ног, достаточно мощный, чтобы срывать на нем одежду и мотылять волосы Джулии у нее перед лицом. Ветер летит из-за их спин, чтобы кормить тот огонь, а поскольку Честер Милл сейчас находится в почти полностью запертом пространстве, скоро здесь останется очень мало свежего воздуха, который мог бы заместить утраченный. Перед Барби возникает кошмарное видение мертвой золотой рыбки, которая плавает на поверхности аквариума, из которого высосали весь кислород.

Он не успевает схватить за руку Джулию, как она сама обращается к нему и показывает на что-то внизу: какая-то фигурка бредет по Черной Гряде, тянет по дороге за собой что-то на колесах. С такого расстояния Барби не может распознать, мужчина это или женщина, и это и не имеет значения. Кто бы ни был этот человек, он умрет от недостатка кислорода задолго до того, как достигнет вершины холма.

Он берет Джулию за руки и прислоняется губами к ее уху:

- Мы должны идти. Хватай Пайпер, а она пусть цепляет того, кто стоит дальше за ней. Все друг друга…

- А как же он? - кричит она, не переставая показывать на медленную фигурку.

Возможно, там детская коляска, та вещь, которую тянет этот мужчина или женщина. Она нагружена чем-то тяжелым, потому что тот человек согнут и движется очень медленно.

Барби должен убедить Джулию, потому что времени осталось очень мало.

- Не думай о нем. Мы возвращаемся домой. Сейчас же. Всем сомкнуть руки, чтобы никто не остался здесь.

Она старается обернуться, посмотреть на него, но Барби держит ее крепко.

Ему нужно ее ухо - буквально, - потому что он хочет, чтобы она все наконец-то поняла.

- Если мы не пойдем сейчас, потом может уже быть поздно. У нас закончится воздух.

По шоссе 117 в голове колонны убегающих автомобилей мчится Велма Винтер в своем пикапе «Датсун». Она не способна думать о чем-то другом, кроме дыма, который заполняет ее зеркало заднего вида. На спидометре у нее семьдесят миль, когда она врезается в Купол, о котором в своем паническом состоянии Велма абсолютно забыла (словом, очередная птичка, только эта наземная). Столкновение происходит там же, где Билли и Ванда Дебек, а потом Нора Робишо и Эльза Эндрюс попали в беду неделю назад, немного погодя, как опустился Купол. Двигатель Велминого пикапа прыгает назад и разрывает ее пополам. Верхняя ее часть катапультируется

через лобовое стекло, тянет за собой праздничный серпантин кишок, и расплющивается об Купол, словно сочное насекомое. Это начало скопления двенадцати машин, в котором несколько человек гибнут сразу. Большинство получают лишь ранения, но долго страдать им не придется.

Генриетта с Петрою ощущают, как их омывает жаром. Тоже самое чувствуют и сотни прижатых к Куполу людей. Ветром им поднимает волосы, ветер дергает их за одежду, которая вскоре сгорит.

- Возьми мою руку, дорогуша, - говорит Генриетта, и Петра берет ее за руку.

Они видят, как большой желтый автобус делает широкий, пьяный разворот. Он едва не заваливается в канаву, чудом не наезжая на Ричи Кильяна, который сначала уклоняется в сторону, а потом проворно бросается вперед, к проходящему его автобусу, и хватается за задние двери. Ричи подбирает ноги и уже наприсядки сидит на бампере.

- Я надеюсь, у них получится, - скажет Петра.

- Я тоже, дорогуща.

- Но мне в это не верится.

Теперь некоторые олени из пожарища, который надвигается, выскакивают, уже охваченные огнем.

Генри перехватывает руль автобуса. Памела стоит рядом с ним, держась за хромированный стояк. Пассажиры - это около дюжины тех жителей города, которые сели в автобус раньше, потому, что имели какие-то физические проблемы. Среди них Мейбел Олстен и Мери Лу Костас со своим ребенком, на голове у которой все еще бейсбольный кепка Генри. Грозный Джо Ламойн тоже забрался на борт, хотя у него проблемы, похоже, не физического, а скорее психологического порядка; он скулит от страха.

- Топи педаль и газуй на север! - кричит Памела. Огонь уже почти добрался до них, он меньше чем за пятьсот ярдов впереди, и от его рева трясется мир. - Гони как мазефакер, ни за что не останавливайся!

Генри понимает, что это безнадежно, но поскольку он также понимает, что лучше уж такой выход, чем также безнадежно прижиматься спиной к Куполу, он моргает передними фарами и резко рвет вперед. Памелу бросает назад, на колени Чеза Бендера, учителя - Чезу помогли залезть в автобус, когда у него начало учащаться сердцебиение. Он обхватывает Памми руками, чтобы не дать ей упасть. Звучат вопли и испуганные вскрики, но Генри их едва слышит. Он знает, что, не смотря на фары, скоро перестанет видеть дорогу, ну то и что? Он коп, он ездил по этому участку шоссе тысячи раз.

«Используй силу, Люк»[464], - думает он и вслух смеется, вдавливая педаль акселератора в пол, направляя автобус в горящую тьму. Ричи Кильян, который держится за задние двери автобуса, вдруг не может дышать. Времени ему хватает только на то, чтобы увидеть, как вспыхивают его руки. Через миг температура за бортом автобуса подскакивает до восьмисот градусов[465] и его сметает с бампера, словно мясной уголек с раскаленного гриля.

Светильники вдоль центра автобуса включены, в их слабом мерцании «полуночного кабака» проблескивают испуганные, орошенные потом лица пассажиров, но мир снаружи автобуса превратился в мертвенную черноту. Курчавится смерчами пепел в радикально сокращенных

лучах фар. Генри управляет по памяти, удивляясь, что шины под ним до сих пор не взорвались. Он все еще смеется, хотя сам себя не слышит из-за визжания ошпаренного кота, который издает двигатель 19-го. Он держится дороги; этого уже достаточно. Сколько еще осталось, пока они вырвутся с другой стороны огненной стены? Если это вообще возможно, что они смогут через нее прорваться? Он начинает думать, что да, такая возможность существует. Боже милостивый, насколько же она реальна?

- Ты прорвешься! - кричит Памела. - Ты уже прорываешься!

«Может быть, - думает Генри. - Может, я вывезу нас».

Но, Господи, какое же пекло! Он тянется рукой к регулятору кондиционера, собираясь провернуть его до конца, на максимальный холод, и именно в это мгновение внутрь вваливаются окна и автобус затапливает огнем. Генри думает: «Нет! Нет! Не теперь, когда мы так близко».

Но когда из обугленного автобуса выветривается дым, впереди он не видит ничего, кроме черной пустыни. Деревья выгорели до тлеющих пней, и сама дорога превратилась в кипящую канаву. А затем сзади его накрывает огненным покрывалом и Генри Моррисон больше не помнит ничего. Автобус № 19 соскакивает с останков шоссе и перекидывается, и из каждого его разбитого окна полыхает огонь. Быстро чернеющий лозунг позади автобуса призывает: «НЕ СПЕШИ, ДРУГ! МЫ ЛЮБИМ НАШИХ ДЕТЕЙ!»

Олли Динсмор мчится к коровнику. Дыхательная маска дедушки Тома висит у него на шее, а в руках он тянет два кислородных баллона с силой, о которой он у себя никогда не подозревал (второй баллон он заметил, когда бежал через гараж), мальчик бежит по ступенькам, которые ведут его вниз, к картофельному погребу. Сверху что-то тяжело скрипит, это загорелась крыша. С западной стороны коровника начинают гореть еще и тыквы, запах такой насыщенный, питательный, как на День благодарения[466] в аду.

Пожар движется к южной границе Купола, пробегая последнюю сотню ярдов; на ферме Динсмора разрушаются коровники и что-то взрывается. Генриетта Клевард засмотрелась на огонь, который наступает, и думает: «Ну, я уже старая. Я прожила целую жизнь. Ее у меня больше, чем могла бы себе представить эта бедная девушка».

- Отвернись, дорогуша, - говорит она Петре, - и положи голову мне на грудь.

Петра Ширлз поднимает свое заплаканное и очень юное лицо к Генриетте.

- Мне будет больно?

- Лишь одну секунду, дорогуша. Закрой глаза, а когда их раскроешь, ты уже будешь омывать ноги в прохладном ручье.

Петра проговаривает свои последние слова:

- Красиво звучит.

Она закрывается. То же самое делает и Генриетта. Огонь охватывает их. Вот только что они были здесь, а через секунду… исчезли.

Кокс все еще вблизи, по другую сторону Купола, и камеры все еще снимают с безопасного расстояния на территории блошиного рынка. Вся Америка смотрит на это в шокированном

очаровании. Ошарашенные комментаторы занемели, и единственным звуковым сопровождением остается сам огонь, у которого есть чего сказать.

Еще какое-то мгновение Кокс видит длинную человеческую змею, хотя фигуры, из которых она составляется, виднеются лишь силуэтами на фоне огня. Большинство их - как и беглецы на Черной Гряде, которые наконец-то отправились к зданиям фермы и своим автомобилям - держатся за руки. А потом огонь накатывается на Купол и закипает, и все они скрываются. Словно ради компенсации их исчезновения становится видимым сам Купол: грандиозная закопченная стена, которая возвышается к небу. Большую часть жара она задерживает внутри, но и наружу его прорывается достаточно, чтобы заставить Кокса развернуться и убежать. На бегу, он срывает с себя задымленную рубашку.

Пожар выпалил ту диагональ, которую и предусматривал Барби, огонь прочесал Честер Милл с северо-запада на юго-восток. Когда начнет гаснуть, пожар сделает это с невероятной скоростью. Что огонь забирает - так это кислород; что он оставляет за собой - это метан, формальдегид, хлороводород, углекислый газ, угарный газ и остатки не менее токсичных газовых смесей. А также удушающие тучи твердых частичек: сгоревших зданий, деревьев и, естественно, людей.

За собой огонь оставляет яд.

22

Двадцать восемь людей и две собаки отправились караваном туда, где Купол отмежевал Честер Милл от ТР-90, поселение, известное старожилам также под другим названием - Кантон. Они поместились в трех фургонах, двух легковых автомобилях и санитарной машине. К тому времени, как они прибыли к своему месту назначения, день потемнел, а воздух стал невероятно тяжелым для дыхания.

Барби нажал на тормоза «Приуса» Джулии и побежал к Куполу, где, поздравляя его, подступили ближе обеспокоенный армейский подполковник и с полдюжины других солдат. Пробежка была короткой, но, достигнув нарисованной на Куполе красной полосы, Барби уже успел закашляться. Пригодный для дыхания воздух исчезал, как вода, которая стекает в рукомойник.

- Вентиляторы! - задыхаясь, крикнул он подполковнику. - Включайте вентиляторы.

Из фургона Бэрпи вывалились Клэр Макклечи и Джо, оба качались, хватая ртами воздух. Следом подъехал фургон телефонной компании. Вылез Эрни Келверт, сделал два шага и опустился на колени. Норри с матерью старались помочь ему встать. Обе плакали.

- Полковник Барбара, что случилось? - спросил подполковник. Согласно именной нашивке на его робе, фамилия у него была СПРИНГФЕЛЛОУ - Докладывайте.

- В сгаку себе запхай свое «докладывайте»! - закричал Ромми. Он держал на руках бессознательного ребенка, Эйдена Эпплтона. За ним следом брел Терси Маршалл, обнимая рукой Алису, чья испещренная искрами блузка прилипла ей к телу; она вырвала себе на грудь. - В сгаку твое «докладывайте», включай, давай, те вентиляторы, ты!

Спрингфеллоу отдал приказ, и беженцы упали на колени, руками упираясь в Купол, жадно вдыхая легенький ветерок чистого воздуха, сколько его были способны прогнать через барьер огромные вентиляторы.

mir-knigi.org

Позади них бушевал огонь.

УЦЕЛЕВШИЕ

1

Только триста девяносто семь из двух тысяч жителей Честер Милла переживают катастрофу, большинство из них в северо-восточной части города. Когда падает ночь, доводя закопченную тьму внутри Купола до непроглядного состояния, их остается лишь сто шесть.

К тому времени, когда субботним утром восходит солнце, хило светя через единственную не до сплошной черноты закопченную часть Купола, население Честер Милла составляет только тридцать два человека.

2

Прежде чем сбежать вниз по ступенькам, Олли захлопнул за собой двери. А также щелкнул выключателем, еще не зная, будет ли работать здесь электричество. Свет вспыхнул. Ковыляя вниз к погребу (пока еще холодному, но ненадолго; он уже чувствовал, как позади его и даже сюда начинает полыхать жаром), Олли вспомнил, как четыре года назад грузчики из «Айвз Электрик» в Касл Роке, пятясь, затягивали в коровник новенький генератор «Хонда».

- Очень дорогой сукин сын, да только бы работал хорошо, - жуя травинку, произнес тогда Алден, - потому что я влез в долги из-за него по самую макушку.

Работал генератор хорошо. Он и сейчас работает надлежащим образом, хотя Олли понимает, что это ненадолго. Генератор так же станет добычей огня, как уже стало все другое. Если у Олли впереди остается еще хотя бы одна минута света, его это весьма удивит.

«Я через минуту уже и живым, возможно, перестану быть».

Посреди помещения на грязном бетонном полу находилась калибровочная установка для сортировки картофеля, пучок ремней, цепей и рычагов, который был похож на какое-то древнее устройство для пытки. За этим аппаратом возвышалась большая куча картошки. Урожайной выдалась эта осень на картофель, и Динсморы закончили ее сбор лишь за три дня до того, как опустился Купол. В обычный год Алден с сыновьями калибровали бы урожай весь ноябрь, чтобы продавать перебранный картофель на кооперативном рынке в Касл Роке и на разных базарчиках в Моттоне, Харлоу и Таркер Милле. В этом году никаких картофельных прибылей уже не светит. Зато Олли думал, что картошка может спасти ему жизнь.

Он отправился бегом к куче, задержавшись лишь, чтобы проверить баллоны. Счетчик на том, который он взял в доме, показывал только половину, вместо этого стрелка на баллоне из гаража держалась на зеленом поле. Олли со звоном бросил полупустой баллон на бетонный пол, и присоединив маску к баллону, взятому в гараже. Эту операцию он делал много раз, пока дедушка Том был живой, и она отняла у него лишь несколько секунд.

Как только он успел вновь повесить маску себе на шею, как тут же выключилось электричество.

Воздух в подвале явно потеплел. Олли упал на колени и начал зарываться в тяжелый холодный

картофель, подталкивая себя ступнями, прикрывая длинный баллон собственным телом, подтягивая его под собой одной рукой. Второй он делал какие-то неуклюжие, похожие на плавательные, движения.

Он услышал, как картофель лавиной обваливается позади него, и подавил в себе паническое желание немедленно вернуться назад. Ощущение было, словно тебя похоронили живьем, и уверение себя в том, что, если бы тебя живьем не похоронили, ты бы точно умер, помогали мало. Он кашлял, ему казалось, что картофельного земляного пороха он вдыхает не меньше, чем воздуха. Олли приставил кислородную маску себе к лицу и… ничего не случилось.

Баллон он ощупывал, как ему казалось, целую вечность, сердце у него в груди билось, словно зверек в клетке. В темноте внутри его глаз начали раскрываться красные цветы. На него давил холодный вес картофеля. Да он обезумел, что залез сюда, ополоумел, как Рори, когда тот выстрелил из винтовки в Купол, и цену он теперь тоже заплатит высокую. Он умрет.

И тут его пальцы нащупали вентиль. Тот сначала не поддавался, и Олли понял, что крутит его в не правильную сторону. Он изменил направление движения, и волна прохладного, благословенного кислорода ринулась ему в маску.

Олли лежал под картофелем и переводил дух. Он вздрогнул разок, когда огонь высадил двери наверху ступенек в погреб; на мгновение он буквально увидел полностью эту свою грязную подземную колыбель, в которой сейчас лежит. Теплело, и он задумался, взорвется ли тот, брошенный им, полупустой баллон. Также он думал, сколько дополнительного времени жизни он выторговал себе с этим, полным, баллоном и ради чего эта афера.

Однако это происходило лишь в его мозгу. Тело руководствовалось другим, и тем другим была жизнь. Олли начал еще глубже зарываться в картофельную кучу, тянуть к себе баллон, поправляя на лице маску, когда ту перекашивало.

3

Если бы букмекеры в Лас-Вегас принимали ставки на то, кто какие имеет перспективы пережить катастрофу Дня свиданий, Сэм Вердро получил бы один шанс против тысячи. Но большие ставки слаще бьются - именно это беспрерывно притягивает людей к игровым столам, - и именно Сэм Вердро был тем человеком, который тянулся по дороге Черная Гряда, это его заметила Джулия, прежде чем беглецы побежали к своим машинам, которые стояли возле зданий фермы.

Неряха Сэм, Человек Консервированный Жар[467], выжил по той же причине, что и Олли Динсмор: у него был кислород.

Четыре года назад он появился с визитом к доктору Гаскеллу (Чудотворец - вы же его помните). Когда Сэм сказал доку Гаскеллу, что в последнее время ему стало тяжело дышать, тот выслушал осипшую грудь старого пьяницы и спросил, много ли тот курит.

- Ну, - начал Сэм, - когда я работал в лесу, мне хватало четыре пачки на день, но теперь, когда я на инвалидности и живу на социальную пенсию, я немного уменьшил обороты.

Доктор Гаскелл спросил его, сколько это означает в конкретном смысле актуального потребления. Сэм ответил, что сократил курение до двух пачек на день. Дескать, теперь это всего лишь «Американские Орлы»[468].

- Когда-то я курил «Честерфиги»[469], однако теперь их делают только с фильтром. К тому же они дорогие, а «Орлы» дешевые. А фильтр можно и оторвать. Просто и мило, - объяснил он и закашлял.

Доктор Гаскелл не нашел у него рака (даже удивился), но рентгеноскопия будто бы показала довольно живописную эмфизему, и он сообщил Сэму, что поэтому, наверняка, придется весь остаток жизни провести на кислороде. Диагноз был ошибочным, но оставим в покое диагностику. Как это говорят врачи: «Когда слышишь стук копыт, меньше всего думаешь о зебре». А еще эти мастаки имеют тенденцию находить как раз то, что они перед этим взялись искать, разве не так? И, хотя доктор Гаскелл, можно сказать, умер героической смертью, никто, включая Расти Эверетта, никогда не воспринимал его за Грегори Хауса[470]. Что было у Сэма на самом деле, так это бронхит, и он у него прошел вскоре после того, как Чудотворец поставил ему свой диагноз.

Однако к тому времени Сэм уже зарегистрировался на еженедельное снабжение кислородом из «Воздушного замка» (компании расположенной, конечно же, в Касл Роке[471]) и так никогда и не отменил этот сервис. А зачем? Так же, как и его лекарство от гипертонии, кислород оплачивался из того, что он сам называл МЕДИКАЛ. Сэм совсем не понимал принципов действия этого МЕДИКАЛ, зато хорошо понимал, что кислород ничего не стоит его карману. Также он для себя открыл, что хапнуть несколько глотков чистого кислорода - хороший способ немного развеселить себе душу и повысить тонус тела.

Правда, иногда проплывали целые недели, прежде чем Сэму в голову попадала мысль наведаться в тот сарай, который он сам для себя называл «кислородным баром». И иногда, когда ребята из «Воздушного замка» приезжали за пустыми баллонами (работа, к которой они часто относились небрежно), Сэму приходилось идти в свой кислородный бар, открывать краники, осушать баллоны, грузить их на старую красную тележку своего сына и катить его к ярко-синему фургону с нарисованными на нем воздушными пузырьками.

Если бы он все еще жил возле дороги Малая Сука, в старой усадьбе семьи Вердро, Сэм превратился бы в пепел (как это случилось с Мартой Эдмандс) уже через пару минут после взрыва. Но родовое гнездо и лес, который его когда-то окружал, были забраны у него за неуплаченные налоги давным-давно (и выкуплены в 2008-м одной из подставных корпораций Джима Ренни… по весьма дешевой цене). Но его младшая сестричка владела небольшим участком земли на Божьем Ручье, и там и проживал Сэм на тот день, когда мир взорвался. Лачуга была крохотной, и нужду он справлял в сливную канаву во дворе (проточную воду можно было накачать только с помощью старой ручной помпы в кухне), зато бесовские налоги платились, младшая сестричка за этим следила… и он имел свой МЕДИКАЛ.

Сэм не гордился своим участием в организации передряги в «Фуд-Сити». В течение многих лет он выпил много порций виски и пива с отцом Джорджии Руа и теперь плохо чувствовал себя из-за того, что попал камнем в лицо его дочери. Он вспоминал звук, с которым в нее врезался тот кусок кварца, и как у Джорджи отвислая сломанная челюсть, сделав ее похожей на куклу чревовещателя с разинутым ртом. Господи Иисусе, он же мог убить ее. Это просто чудо, что он ее не убил… правда, долго она потом все равно не прожила. А потом еще более грустная мысль промелькнула в его голове: если бы он ее не трогал, она бы не оказалась в госпитале. А если бы не оказалась в госпитале, она, возможно, и теперь бы еще была жива.

Если посмотреть на дело под таким углом зрения, это именно он ее и убил.

Взрыв на радиостанции заставил его подскочить из пьяного сна, он сел столбиком, ухватился за грудь и дико оглядывался вокруг. Окно над его кроватью выбило напрочь. Фактически, все

окна в доме повылетали, а входные двери его лачуги, которые выходили на запад, начисто сорвало с навесов.

Переступив через них, он застыл в своем заросшем сорняками, захламленном автомобильными скатами дворе и тупился на запад, где, казалось, целый мир зашелся огнем.

4

В противоатомном убежище, над которым еще недавно стояло здание городского совета, равномерно гудел генератор - маленький, старомодный, он был единственной вещью, которая теперь отделяла жителей этого подвала от большого потустороння. Из углов большей комнаты желтовато светили питающиеся от батареек лампочки. На единственном здесь стуле сидел Картер, Большой Джим занимал большую часть старого двухместного дивана и ел из жестянки сардины, беря их по одной своими толстыми пальцами и кладя на соленые крекеры.

Этим двоим почти нечего было сказать друг другу; портативный телевизор, который нашел Картер, когда вытирал пыль в кубрике, приковал к себе все их внимание. Принималась единая станция - WMTW[472] из Поланд Спринга, - но и одной ее хватало. На самом деле, даже слишком; разрушения были тяжелыми для осознания. Центр города уничтожен. Судя по спутниковым снимкам, леса вокруг озера Честер сгорели вхлам и сотни людей, которые прошли по шоссе 119 на День свиданий, превратились в пепел, который был развеян теперь уже затухающим ветром. На высоту двадцати тысяч футов стал видимым Купол: бесконечная, укрытая сажей тюремная стена вокруг на семьдесят процентов сожженного города.

Вскоре после взрыва температура в подвале начала заметно повышаться. Большой Джим сказал Картеру, чтобы тот включил кондиционер.

- А генератор его потянет? - переспросил Картер.

- Если нет, мы здесь испечемся, - раздраженно бросил Большой Джим, - так какая разница?

«Не вызверяйся на меня, - подумал Картер, - не вызверяйся на меня, когда именно из-за тебя все это и случилось. Именно ты в этом виновен».

Он встал, чтобы поискать пульт кондиционера, и, пока искал, другая мысль промелькнула у него в голове: и эти сардины, они так воняют. Он подумал, что ответил бы ему босс, если бы ему сказать, что то, что он кладет себе в рот, пахнет старым мертвым влагалищем.

Но Большой Джим называл его сынком, и это, казалось, искренне, и Картер придержал язык за зубами. А когда он включил кондиционер, тот сразу завелся. Гудение генератора, правда, немного потяжелело, так, словно ему на спину подкинули дополнительную ношу. Так он сожжет их запас пропана намного быстрее.

«Это неважно, он прав, нам это необходимо», - сказал себе Картер, смотря в телевизоре на картины сокрушительного разрушения. Большинство кадров было снято со спутников или высотных самолетов-разведчиков. Ниже почти весь Купол стал непрозрачным.

Впрочем, кроме северо-восточной границы, как выяснили они с Большим Джимом. Около трех часов дня репортаж вдруг переключился туда, трансляция пошла из суматошного армейского аванпоста в лесу.

- Это Джейк Теппер[473], я на территории ТР-90, загородного поселения, на север от Честер

Милла. Мы приблизились к самому краю разрешенного нам расстояния, но, как вы уже сами можете видеть, там есть люди, которые выжили. Я повторяю: здесь есть те, кто выжили.

- Тупица, и здесь тоже есть такие, которые выжили, - произнес Картер.

- Заткнись, - грохнул Большой Джим. Его тяжелые щеки налились кровью, волнистыми полосами она бросалась ему в лоб. Глаза выпятились в глазницах, и руки он держал сцепленными. - Там Барбара. Там этот бычий сын Дейл Барбара!

Теперь и Картер увидел его среди других. Изображение передавалось с камеры с чрезвычайно длиннофокусным объективом, от чего изображение дрожало - словно смотришь на людей сквозь знойное марево, - но было достаточно ясным. Барбара. Ротатая проповедница. Хиппи-Док. Кучка детей. Жена Эверетта.

«Эта сука меня обманула, - подумал он. - Она врала, а глупый Картер ей поверил».

- Рев, который вы слышите, не от вертолетов, - тем временем рассказывал Джейк Теппер. - Если нам отъехать немного назад…

Камера сдала назад, показывая ряд огромных вентиляторов на платформах, каждый из них был подключен к отдельному генератору. От вида всей этой потуги всего за несколько миль отсюда на Картера нагнало печаль от зависти.

- Теперь вы видите, - продолжал Теппер. - Не вертолеты гудят, а вентиляторы промышленного типа. А сейчас… если мы вновь наедем на тех, кто спасся…

Камера его послушалась. Люди там упали на колени или сидели перед Куполом прямо напротив вентиляторов. Картер видел, как под ветерком шевелятся их волосы. Не развеваются, нет, однако все же шевелятся. Словно водоросли в такт подводному течению.

- Вон Джулия Шамвей, - удивлялся Большой Джим. - Надо было мне убить эту тварь, которая рифмуется с «пядью», когда была такая возможность.

Картер не обращал внимания. Он не сводил глаз с телевизора.

- Чарли[474], общего ветра от этих вентиляторов хватило бы, чтобы повалить с ног тех людей, - говорил Джейк Теппер, - но отсюда это выглядит так, что до них доходит воздух достаточный лишь для того, чтобы оставаться живыми в атмосфере, которая превратилась в отравляющий бульон из углекислого газа, метана и неизвестно еще чего. Наши эксперты говорят, что и без этого, ограниченный запас кислорода в Честер Милле израсходовался на подпитку огня. Один из экспертов, профессор химии из Принстона Доналд Ирвинг, сказал мне по телефону, что состав воздуха внутри Купола сейчас может не очень отличаться от атмосферы на Венере.

Кадр изменился, на экране появился Чарльз Гибсон с серьезным лицом, который сидел в безопасном Нью-Йорке (счастливый сученок, подумал Картер).

- Есть какая-то информация о том, от чего начался пожар?

Камера вновь показала Джека Теппера… а потом беженцев в том их маленьком анклаве, где можно было хоть как-то дышать.

- Никакой, Чарли. Произошел какой-то взрыв, это очевидно, но никакого сообщения не поступало ни от военных, ни из Честер Милла. Некоторые из людей, которых вы видите на

экране, должны были бы иметь телефоны, но единственный, с кем они общаются, это полковник Кокс, который приземлился здесь приблизительно минут сорок пять тому назад и моментально начал совещаться с теми людьми, которые уцелели. Пока камера показывает вам эту пасмурную картину с нашего, признаем это, довольно отдаленного местоположения, позвольте мне объявить для всех взволнованных граждан Америки - и всего мира, конечно - имена людей, которых мы сейчас видим в Куполе, тех из них, которые были идентифицированы. Я думаю, у вас есть фотографии других, и вы могли бы показывать их на экране, в то время как я буду объявлять список. Я думаю, они идут у меня в азбучном порядке, однако не очень полагайтесь на это.

- Не будем, Джейк. Фотографии некоторых из них мы действительно имеем, но читайте медленно, пожалуйста.

- Полковник Дейл Барбара, бывший лейтенант Барбара, Армия Соединенных Штатов. - На экране появилось фото Барби в пустынном камуфляже. Он обнимал улыбающегося парня-иракца. - Заслуженный ветеран, а в совсем недавнем прошлом повар в городском ресторане.

- Анджелина Буффалино… у нас есть ее фотография?… Нет?… О'кей.

- Ромео Бэрпи, владелец местного универсального магазина. - Показали фото Ромми. Он стоял вместе со своей женой возле барбекю, на нем была майка с надписью: ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ, Я ФРАНЦУЗ.

- Эрнест Келверт, его дочь Джоун и ее дочь Элеонора Келверт. - Здесь фотография была словно сделанная во время какого-то семейного праздника: повсюду одни лишь Келверты. Норри, на вид одновременно грустная и хорошенькая, держала в руке скейтборд.

- Элва Дрэйк… ее сын Бенджамин Дрэйк…

- Выключи это, - прорычал Большой Джим.

- Они хотя бы на свободе, - тоскливо произнес Картер, - а не застряли в какой-то дыре. Я чувствую себя, как тот Саддам, сука, Хусейн, когда он перепрятывался.

- Эрик Эверетт, его жена Линда и их двое дочерей…

- Еще одна семья! - произнес Чарли Гибсон одобрительным, почти мормоновским, тоном.

Большому Джиму этого уже было предостаточно; он встал и, резко крутанув запястьем, сам выключил телевизор. При этом он держал во второй руке жестянку с сардинами, и немного масла выплеснулось ему на штаны.

«Тебе никогда их не выстирать», - подумал Картер, но промолчал.

«Я хотел смотреть эту передачу», - подумал Картер, но промолчал.

- Та газетчица, - пробурчал себе под нос Большой Джим, садясь назад на диван. Зашипели подушки, сжимаясь под его весом. - Всегда она действовала против меня. Каждым словом, Картер. Каждым словом в ее никчемной газетке. Подай-ка мне еще жестянку сардин, сделай одолжение.

«Сам возьми», - подумал Картер, но промолчал. Он встал и достал банку консервов.

mir-knigi.org

Вместо озвучивания возникшей у него ассоциации между смрадом сардин и покойных женских половых органов, он поставил самый логичный из возможных вопросов.

- Как нам быть дальше, босс?

Большой Джим сорвал с низа жестянки ключ, вставил его в паз и откатил крышку, показав очередной эскадрон мертвых рыбок. Они маслянисто блестели в неярком сиянии автономных светильников.

- Подождем, пока очистится воздух, сынок, потом поднимемся вверх и начнем собирать все до кучи. - Он вздохнул и положил капающую маслом сардинку на крекер. - Как это всегда делают такие люди, как мы. Ответственные люди. Люди, которые тянут плуг.

- А если воздух не очистится? По телевизору сказали…

- Ой-Ой, небо рушится, ой-ой, небо падает! - пропел Большой Джим странным (и удивительно фальшивым) фальцетом. - Они это твердят годами, разве не так? Ученые и малодушные либералы. Третья мировая война! Ядерные реакторы расплавят почву прямо до центра земли! В двухтысячном году остановятся все компьютеры! Озоновый слой исчезает неотвратимо! Тают полярные ледовые шапки! Убийственные ураганы! Глобальное потепление! Обосранные слабодушные атеисты, которые не верят в волю любящего, сочувствующего Бога! Которые отказываются верить, что существует такая вещь, как сочувствующий, любящий Бог!

Большой Джим наставил свой жирный, непоколебимый палец на юношу.

- Вопреки верованию безбожных гуманистов, небо не рушится. Они не способны угомонить собственный страх, который обсыпает морозом их спины, сынок - «и виновный убегает туда, где никто за ним не гонится», как это и сказано в книге «Левит», - но ничто не отменит Божьей правды: «Те, кто надежду возлагают на Господа, силу восстановят, крылья подымут, словно те орлы» - книга Исайя. На дворе густой смог. Просто требуется какое-то время, чтобы он развеялся.

Но через два часа, когда перевалило за четыре дня той пятницы, из ниши, где хранились механизмы системы жизнеобеспечения противоатомного бункера, начало звучать навязчивое «пи-пи-пи».

- Что это? - спросил Картер.

Большой Джим, который теперь лежал на диване с полуприкрытыми глазами (и блестящими от сардинового масла челюстями), сел и прислушался.

- Очиститель воздуха, - сказал он. - Типа большого ионизатора. У меня в автосалоне, в демонстрационном зале тоже такой стоит. Хороший прибор. Не только делает приятным воздух на вкус и запах, а и предотвращает те электростатические заряды, которые зимой по обыкновению…

- Если воздух в городе очищается, почему тогда завелся этот очиститель?

- Почему бы тебе не подняться вверх, Картер? Приоткрыл бы двери немного и поглядел, что там и как. Может, тогда тебя немного попустит?

Картер не мог знать, попустит или нет, но сидеть здесь, как на иглах, ему было уже не под силу. Он поднялся по ступенькам.

Едва лишь он исчез, Большой Джим тут же встал и поспешил к шкафчикам между плитой и маленьким холодильником. Для такого упитанного мужчины двигался он удивительно быстро и беззвучно. Нашел то, что искал, в третьем ящике. Бросил взгляд через плечо, убедился, что он здесь еще сам, и спрятал.

На дверях наверху ступенек Картера встретил довольно зловещую надпись:

МОЖЕТ, НАДО ПРОВЕРИТЬ УРОВЕНЬ РАДИАЦИИ?

ПОДУМАЙ!!!

Картер подумал. И пришел к выводу, что Большой Джим почти наверняка наговорил кучу дерьма о том, что воздух очищается. По тем людям, которые стояли шеренгой перед вентиляторами, было явно видно, что обмен воздухом между Честер Миллом и внешним миром был почти нулевым.

И все равно самому убедиться не помешает.

Сначала двери не поддались. Вспышка паники от мысли о погребении живьем заставила его толкнуть сильнее. На этот раз двери двинулись, хотя всего лишь немножко. Он услышал стук падающих кирпичин, скрип деревьев. Наверняка, он мог бы их приоткрыть и шире, но нужды в этом не было. Воздух, который полился через приоткрытую им дюймовую щель, оказалось никаким не воздухом, а чем-то, что воняло, как из выхлопной трубы, присоединенной к работающему двигателю. Ему не надо было никаких точных приборов для понимания того, что всего лишь каких-то две-три минуты на дворе его убьют.

Вопрос лишь в том, что сказать Ренни?

«Ничего, - подсказал ему холодный внутренний голос направленной на выживание личности. - Услышав что-то такое, он сделается еще худшим. Еще более тяжелым для сосуществования».

А впрочем, имеет ли это какое-то значение? Имеет ли это значение, если они все равно умрут в этом бункере, когда генератор сожрет все горючее? Если вопрос стоит только так, что другое может иметь хоть какое-то значение?

Он спустился по ступенькам назад. Большой Джим сидел на диване.

- Ну?

- Довольно гадко, - сообщил Картер.

- Но дышать же можно, правильно?

- Ну, да. Но может, к черту, сильно замутить. Нам лучше переждать, босс.

- Конечно, нам лучше переждать, - произнес Большой Джим так, словно Картер только что ему предложил что-то другое. Так, словно

Картер самый большой в целом мире тупица. - Но с нами все будет хорошо, это главное. Господь о нас позаботится. Как Он это делает всегда. А сейчас здесь, внизу, мы имеем хороший воздух, здесь не жарко и пищи достаточно. Не поищешь ли, что там у нас есть сладкого, сынок? Может, шоколадные батончики или еще что-то такое? Что-то я чувствую себя все еще

mir-knigi.org

голодным.

«Я тебе не сын, твой сын мертв», - подумал Картер… но промолчал. Вместо этого пошел к кубрику, посмотреть, нет ли там на полках каких-то батончиков.

5

Около десяти этим вечером Барби впал в беспокойный сон и Джулия у него под боком, они лежали, тесно прижимаясь один к другому. Джуниор Ренни маячил в его сновидениях: Джуниор напротив его камеры в подвальной «клети». Джуниор с пистолетом. И на этот раз спасения не будет, потому что воздух наверху превратился в яд и все там погибли.

Эти видения наконец-то развеялись, и он заснул крепче, с лицом (и Джулия тоже), обращенным к Куполу, к свежему воздуху, который цедился сквозь него. Его хватало для поддержания жизни, но было недостаточно для умиротворения.

Что-то разбудило его около двух утра. Он посмотрел сквозь закопченный Купол на тот бок, на приглушенные огни армейского лагеря. И тогда вновь послышался тот звук. Кашлянье - низкое, хриплое, отчаянное.

Справа от него блеснул луч фонарика. Барби по возможности тише встал, стараясь не потревожить Джулию, и отправился в сторону того света, переступая через спящих на траве людей. Большинство из них разделись до нижнего белья. Дежурные по другую сторону Купола стояли в варежках, кутались в суконные шинели, но здесь было жарче, чем по обыкновению.

Расти и Джинни упали на колени возле Эрни Келверта. У Расти на шее висел стетоскоп, в руке он держал кислородную маску. Маска была подсоединена к маленькому красному баллону, маркированному: БНЦ. САНИТАРНАЯ МАШИНА. НЕ ЗАБИРАТЬ. ВСЕГДА ЗАМЕЩАТЬ. На них тревожно, обнимая друг друга, смотрели Норри и ее мать.

- Извините, что он вас разбудил, - произнесла Джоуни. - Ему плохо.

- Очень ослаб? - спросил Барби.

Расти покачал головой.

- Не знаю. По звуку похоже на бронхит или сильную простуду, но, конечно же, это совсем не то. Это от плохого воздуха. Я дал ему подышать кислородом со «скорой», ему ненадолго полегчало, но теперь вновь… - Он пожал плечами. - А еще мне не нравится его сердце. Так долго под этим стрессом, а он же уже далеко не юный.

- А кислорода у вас больше нет? - спросил Барби, показывая на красный баллончик, очень похожий на те огнетушители, которые люди держат у себя в кухонных амбарах, всегда забывая перезаправлять. - Это и все?

К ним присоединился Терси Маршалл. В луче фонаря он выглядел пасмурным, изнеможденным.

- Есть еще один, но мы согласились - Расти, Джинни и я, - держать его для маленьких детей. Эйден тоже начал кашлять. Я его пододвинул по возможности ближе к Куполу, к вентиляторам, но он все равно кашляет. Когда Эйден, Алиса, Джуди и Дженнилл проснутся, мы начнем давать им по глотку кислорода поочередно. Возможно, если бы бюрократы

привезли больше вентиляторов…

- Это не имеет значения, сколько на нас дует свежего воздуха, - заметила Джинни. - Сюда проходит столько, сколько проходит. И насколько близко расположены мы к Куполу, тоже не имеет значения, мы все равно вдыхаем это дерьмо. И пострадали уже именно те люди, от которых и надо было этого ожидать.

- Старые и малые, - произнес Барби.

- Барби, возвращайся назад и ложись спать дальше, - сказал Расти. - Экономь силы. Здесь ты ничем не можешь помочь.

- А ты?

- Возможно. В санитарной машине есть также деконгестанты, противозастойные средства для слизистой, эпинефрин, если точнее…

Барби пробирался назад вдоль Купола с лицом, обращенным к вентиляторам - все они сейчас так вели себя, сугубо автоматически, - а добравшись до Джулии, пришел в ужас тому, каким изнуренным он чувствует себя. Сердце у него колотилось, он закашлялся.

Джулия не спала.

- Ему очень плохо?

- Не знаю, - сознался Барби, - но нехорошо, это точно. Ему давали кислород из запасов в санитарной машине, но он не проснулся.

- Кислород! А там еще есть? Сколько?

Он рассказал, с печалью смотря, как погас огонек у нее в глазах.

Она взяла его за руку. Пальцы у нее были вспотевшие, но холодные.

- Мы сейчас, словно те горняки, которых завалило в шахте.

Они теперь уже сидели, лицом один к другому, опираясь плечами на Купол.

Между ними веял легкий ветерок. Упрямый рев вентиляторов «Эйр Макс» превратился в постоянный фон; разговаривая, надо было кричать, но вообще его уже совсем не замечали.

«Мы обратим внимание, если этот рев прекратится, - думал Барби. - На несколько минут, по крайней мере. А потом вновь перестанем что-то замечать, навсегда».

Она хило улыбнулась.

- Перестаньте беспокоиться обо мне, если именно за это вы сейчас переживаете. Я в порядке, как для леди среднего возраста и республиканских взглядов, которая никак не может вдоволь надышаться. По крайней мере, я вновь получила опыт совокупления. Настоящего и правильного, и приятного, между прочим.

Барби ответил ей также с улыбкой.

- Не следует благодарить, я тоже получил большое удовольствие, поверьте мне.

mir-knigi.org

- А тот точечный ядерный взрыв, который они хотят применить в воскресенье? Что вы об этом думаете?

- Я об этом не думаю, я просто надеюсь.

- Ну, и высокого уровня ваши надежды?

Ему бы не хотелось говорить ей правду, но она заслуживала именно правды.

- Основываясь на том, что уже успело случиться, и, судя по той малости, которая нам известная о существах, которые руководят коробочкой, не очень…

- Скажите мне, что вы еще не сдались.

- Это я могу. Я еще даже не испуган, как, вероятно, должен был бы быть. Думаю, это потому… потому что все идет постепенно. Я даже начинаю привыкать к этому смраду.

- Правда?

Он рассмеялся.

- Да нет. А вы как? Боитесь?

- Да. Однако большей частью сокрушаюсь. Так заканчивается этот мир: не во взрыве, а в духоте. - Она, прижимая ко рту кулак, вновь закашляла. Барби слышал, что и другие делают то же самое. Один из них, тот малыш, который стал теперь малышом Терстона Маршалла. «Утром он получит чуточку лучшего воздуха», - подумал Барби, и тут же вспомнил, как сказал об этом Расти: по глотку кислорода поочередно. Навряд ли, чтобы таким образом малышу хватило вдоволь надышаться.

Никому так не хватит надышаться.

Джулия сплюнула в траву и вновь обратилась к нему.

- Мне тяжело поверить, что мы сами все это себе наделали. Те, которые руководят коробочкой - кожеголовые, - подстроили эту ситуацию, но я думаю, они просто стая ребятишек, это у них такая игрушка. Что-то наподобие видеоигры, наверное. Они снаружи. А мы внутри, и сами себе все это наделали.

- У вас и так довольно проблем, даже без того, чтобы обвинять в этом себя, - заметил Барби. - Если кто-то и виноват, так это Ренни. Это он организовал нарколабораторию, он начал украдкой собирать туда пропан со всего города. И он же послал туда людей и этим спровоцировал конфронтацию, я уверен.

- Но кто же его выбирал? - спросила Джулия. - Кто наделил его властью все это делать?

- Не вы. Ваша газета выступала против него. Или я не прав?

- Правы, - кивнула она, - Но только относительно последних лет восьми или около того. Сначала «Демократ» - то есть, иначе говоря, я - я думала, что он наше наиболее ценное достояние после изобретения паровой машины. Но к тому времени, как я разобралась, кем он есть на самом деле, он уже угнездился. Кроме того, перед собой он держал, как щит, того беднягу, улыбающегося дурочка Энди Сендерса.

- И все равно вы не можете обвинять…

- Могу и буду. Если бы я понимала, что этот сварливый, некомпетентный сукин сын во время реального кризиса может довести нас своим управлением до такого, я бы… я бы утопила его, как котенка в мешке.

Он рассмеялся, а затем начал кашлять.

- Вы становитесь все менее и менее похожей на республиканку с такими ба… - начал он, и вдруг замолчал.

- Что это? - перебила она, и он тогда тоже услышал. Что-то скрипело и тарахтело во тьме. Звук приблизился, и они увидели какую-то фигуру - человека, который, спотыкаясь, тянул детскую тележку.

- Кто там? - позвал Даги Твичел.

Когда бурлак-пришелец ответил, голос его прозвучал так, словно был чем-то приглушен. Как оказалось, он был приглушен кислородной маской.

- Ух, слава Богу, - выдохнул Неряха Сэм. - Я немного задремал на краю дороги и уже боялся, что мне не хватит кислорода сюда добрести. Однако, вот и я. И как раз своевременно, потому что у меня уже почти весь запас кончился.

6

Армейский лагерь при шоссе 119 в Моттоне был печальным местом в то субботнее утро.

Здесь осталось только три дюжины военных и один «Чинук». С десяток или больше солдат занимались сбором больших палаток и разборкой нескольких больших вентиляторов «Эйр Макс», которые полковник Кокс приказал немедленно сюда доставить, как только поступила информация о взрыве. Эти вентиляторы так и не включались. К тому времени, как они прибыли, не осталось уже никого, кто мог бы уловить тот мизерный ветерок, который они способны были протолкнуть через барьер. Огонь потух около шести вечера, задушенный отсутствием топлива и кислорода, но на стороне Честер Милла все были уже мертвы.

Десяток солдат опустили и скатывали медицинскую палатку. Не занятые этим, занимались традиционной армейской работой - убирали территорию. Занятие, очевидно, было бессмысленным, но никто из членов мусорного патруля за это не переживал. Ничто не могло заставить их забыть тот кошмар, свидетелями которого они стали прошлым полуднем, однако подбирание жестянок, оберток, бутылок и окурков сигарет немного отвлекало. Скоро совсем развиднеется и заведется большой «Чинук». Они залезут на борт и полетят куда-нибудь. Члены этой задолбанной команды никак не могли дождаться, когда же это наконец-то произойдет.

Одним из них был рядовой Клинт Эймс, родом из Гикори Гроув[475] в Южной Каролине. С зеленым мешком для мусора в одной руке, он медленно брел по вытоптанной траве, изредка поднимая брошенный плакат или раздавленную жестянку из-под колы, только и того, если сюда бросит взгляд маньяк всяких правил сержант Грох, было видно, что он работает. Он чуть ли не спал на ходу, поэтому, сначала ему показалось, что стук, который он услышал (такой звук, словно костяшками пальцев по сосуду из термостойкого стекла), ему пригрезился. И почти наверно так и есть, потому что стук поступал с той стороны Купола.

Он зевнул и разогнулся, упершись рукой себе в поясницу. При этом стук возобновился. Он действительно поступал с той стороны закопченного до черноты Купола.

А тогда и голос. Слабенький, словно бестелесный, как голос духа. Эймса гусиной кожей проняло.

- Здесь есть кто-нибудь? Хоть кто-то меня слышит? Умоляю… я умираю.

Господи, неужели это знакомый ему голос? Он похож на…

Эймс бросил свой мусорный мешок и побежал к Куполу. Положил ладони на его черную, все еще теплую поверхность.

- Коровий мальчик? Это ты?

«Я сошел с ума, - подумал он. - Этого быть не может. Никто не мог пережить тот огненный ураган».

- ЭЙМС! - гаркнул сержант Грох. - Что это ты, к черту, там делаешь?

Он уже чуть ли не отвернулся, как вновь послышался голос из-за угольно черной стены.

- Это я. Не над… - затем длинный, тяжелый кашель. - Не уходи. Если ты там, рядовой Эймс, не уходи от меня.

А вот и ладонь появилась. Призрачная, как и этот голос, пальцы измазаны в саже. Ладонь изнутри протирала поверхность Купола. А через мгновение показалось и лицо. Сначала Эймс не узнал фермерского мальчика. И тогда понял, что у того на лице кислородная маска.

- У меня уже почти закончился воздух, - заспешил мальчик. - Стрелка уже на красном… Уже последние полчаса она на красном.

Эймс засмотрелся в нездешние глаза маленького фермера, а маленький фермер смотрел в глаза ему. И тогда в мозгу Эймса появилась одна цель: он не может позволить умереть этому мальчику. После того, что тот пережил, ни за что… хотя каким образом у него получилось выжить, Эймс не способен был себе представить.

- Мальчик, слушай меня. Опустись сейчас на колени и…

- Эймс, ты, непутевый долбоеб! - проревел, отправляясь к нему, сержант Грох. - Ну-ка, прекращай бить баклуши и принимайся за работу! Мера моего терпения дошла до нуля, ты уже заработал неприятности на свою сраку!

Рядовой Эймс будто и не слышал. Он полностью сосредоточился на лице, которое смотрело на него словно из-за мутной стеклянной стены.

- Падай на колени и оттирай эту херню с низа! Давай быстрей, мальчик, начинай сейчас же!

Лицо пропало из вида, оставив Эймса надеяться, что коровий мальчуган начал делать, как ему было сказано, а не просто упал в обморок.

На плечо рядовому упала ладонь сержанта.

- Ты оглох? Я тебе приказал…

mir-knigi.org

- Вентиляторы сюда, сержант! Сюда надо поставить вентиляторы!

- О чем это ты база…

Эймс завопил сержанту Гроху прямо в лицо:

- Там есть живой!

7

В красной тележке оставался один-единственный баллон, когда Неряха Сэм добрел до лагеря беженцев возле Купола, и стрелка на его датчике стояла лишь чуточку выше нуля. Он не возражал, когда Расти взял его маску и приложил к лицу Эрни Келверту, лишь подполз к Куполу рядом с тем местом, где сидели Барби и Джулия, и начал глубоко вдыхать. На него с любопытством посмотрел корги Горес, который тоже сидел возле Джулии.

Сэм перевернулся на спину.

- Пусть его и маловато, но все равно это лучше того, что я имел. Останки в тех баллонах всегда на вкус мерзки, совсем не то, что свеженькие сливки в начале.

И тогда, невероятно, он взял и зажег сигарету.

- Погасите, а не сошли ли вы с ума? - позвала Джулия.

- И я едва не умер без курева, - ответил Сэм, затягиваясь с явным наслаждением. - Возле кислорода же не мог закурить, сами понимаете. Мог сам себя подорвать, вероятно. Хотя кое-кто курит и ничего.

- Да пусть уже, - произнес Ромми. - Оно нисколько не хуже, чем то дерьмо, которым мы сейчас дышим. Я так понимаю, что смола с никотином в его легких служат ему защитой.

Подошел и сел рядом с ними Расти.

- Этот баллон - уже убитый солдат, - сообщил он, - но Эрни сделал из него несколько вдохов. Сейчас ему будто бы немного стало легче. Благодарю, Сэм.

Сэм отмахнулся:

- Мой кислород - ваш кислород, док. Был таким, по крайней мере. Слушайте, а вы не можете его наделать из чего-то в вашей санитарной карете? Ребята, которые подвозят мне баллоны - которые подвозили, то есть, пока здесь говно не попало в вентилятор, - так они могли его делать прямо в своей будке. У них там стояла какая-то хреновина, черт-его-знает какое она носит название, короче, какая-то такая помпа.

- Концентратор кислорода, - кивнул Расти, - И ты прав, в санитарном фургоне есть такой. На наше несчастье, он поломан. - Он оскалился, что, несомненно, означало улыбку. - И поломан уже месяца три.

- Четыре, - уточнил, подходя, Твич. Он не отводил глаз от Сэмовой сигареты. - Я так понимаю, что у вас больше нет ни одной, или я ошибаюсь?

- Даже не думай, - вмешалась Джинни.

mir-knigi.org

- Боишься, чтобы я не загрязнил атмосферу в этом тропическом рае, принудив тебя к пассивному курению, милочка? - спросил Твич, но, когда Неряха Сэм протянул ему помятую пачку «Американских Орлов», Твич покачал головой.

- Я лично подавал заявку на замену концентратора кислорода, - продолжил Расти. - В наблюдательный совет больницы. Они сказали, что госпитальный бюджет весь исчерпан, но я могу попробовать обратиться к городу, может оттуда помогут. И я подал запрос в совет выборных.

- К Ренни, - произнесла Пайпер.

- К Ренни, - кивнул Расти. - Получил ответ по всей форме, что мой вопрос будет рассмотрен на посвященном бюджету заседании совета в ноябре. Ну, и увидим тогда. - Он воздел руки к небу и засмеялся.

Теперь уже и остальные беженцы собрались вокруг, с любопытством смотря на Сэма. И с ужасом на его сигарету.

- Как вы добрались сюда, Сэм? - спросил Барби.

Сэм более чем охотно готов был повествовать свою историю. Начал он с того, как благодаря диагнозу «эмфизема» и своему МЕДИКАЛУ, он начал получать регулярное снабжение кислородом, и как у него иногда скапливались полные баллоны. Рассказал, как услышал взрыв и что увидел, выйдя во двор.

- Я понял, что будет дальше, как только увидел, какой силы этот взрыв, - вел он. Теперь к его аудитории добавились и военные с той стороны. Среди них и Кокс в длинных трусах и нижней рубашке хаки. - Я видел большие пожары и раньше, давно, когда еще работал в лесу. Пару раз приходилось бросать все, как есть, и просто драпать во весь дух, только бы опередить огонь, да даже если застревал в болоте какой-то из тех пикапов «Интернэшнл Харвестер»[476], на которых мы тогда ездили, нам на то было начхать, бросали и давай драпать. Наиболее плохие пожары те, которые верху, потому что они сами создают свой собственный ветер. Я увидел, что и здесь будет то же самое. Что-то весьма мощное взорвалось. Что это было?

- Пропан, - сказал Расти.

Сэм почесал себе седую щетину.

- Еб твою мать, да не только пропан. Еще какие-то химикаты тоже, потому что некоторые языки пламени там были зелеными. Если бы оно двинулось в мою сторону, мне был бы гаплык. И вам, народ, также. Но его засосало на юг. Здесь сыграл какую-то свою роль еще и рельеф, мне-то оно и не удивительно. И русло реки, конечно. Ну, словом, я понял, что должно произойти, и извлек баллоны из кислородного бара…

- Откуда? - переспросил Барби.

Сэм сделал последнюю затяжку, затоптал окурок сигареты.

- А, это я просто так называл то сараишко, где хранил кислородные баллоны. Ну, словом, у меня их было полных пять штук.

- Пять! - буквально простонал Терстон Маршалл.

- Конечно, - удовлетворенно подтвердил Сэм, - но пять штук я бы никак не потянул. Старею, сами понимаете.

- А вы не могли себе найти легковое авто или пикап? - спросила Лисса Джеймисон.

- Мэм, у меня водительские права забрали еще семь лет тому назад. Или, может, уже восемь прошло. Многовато набралось штрафов за вождение в нетрезвом состоянии. Если бы меня поймали за рулем чего-то большего, чем ручная тачка, меня бы заперли в окружной тюрьме и выбросили ключ.

Барби было думал указать на фундаментальную погрешность в таком его предположении, но зачем было лишний раз выдыхать, когда вдох сейчас давался с таким трудом.

- Ну, словом, четыре баллона в этой коляске я решил, что осилю, и еще не прошел и четверти мили, как начал уже тянуть из первого. Должен был - потому что, вы же понимаете...

Джеки Веттингтон спросила:

- А вы знали, что мы здесь?

- Нет, мэм. Здесь просто возвышенность, вот и все, и я понимал, что мои воздушные консервы не протянут долго. О вас я даже не догадывался и об этих вентиляторах тоже. Это просто тот случай, когда некуда больше было прятаться.

- А почему вы добирались так долго? - спросил Питер Фримэн. - Отсюда же до Божьего Ручья не больше трех миль.

- Ну, тут такая смешная штука, - начал Сэм. - Я шел себе по дороге, по дороге Черная Гряда, знаете, ну, мост перешел, все путем... и сосал себе еще из первого баллона, хотя он уже был горячий, как черт, и тогда... о! Народ, а вы видели того мертвого медведя? Того, что, похоже, развалил себе мозг, убившись об телефонный столб?

- Мы видели его, - кивнул Расти. - Дайте-ка, я попробую угадать. Немного дальше, после того медведя вы упали в обморок.

- А откуда вы об этом узнали?

- Мы сюда тоже добирались этим путем, - объяснил Расти, - и там действует какая-то специфическая сила. Похоже на то, что на детей и стариков она действует сильнее всего.

- Не такой я уже и старый, - возразил Сэм, явным образом обидевшись. - Я просто поседел рано, как и моя мамаша.

- Вы долго лежали в беспамятстве? - спросил Барби.

- Ну, часов я не ношу, но, когда я наконец-то очухался, было уже темно, значит, вероятно, долго. Один раз я проснулся, потому что ощутил, что мне не хватает воздуха дышать, и переключился на другой баллон и вновь заснул. С ума сойти можно, не так ли? А какие сны мне снились! Чисто тебе трехаренный цирк[477]! Потом я проснулся уже по-настоящему. Было уже темно, и я переключился на другой баллон. Перебрасывать шланг было совсем легко, потому, что тьма там не была полной. А должна была же быть, должно было быть темно, как у негра в жопе, со всей той сажей, которую огонь понакидывал на Купол, но там, где я лежал, что-то такое светилось. Днем его увидеть нельзя, а вот ночью там словно собрался миллиард

светляков вместе.

- Лучезарный пояс, мы так его называем, - произнес Джо. Дети стояли тесной кучкой - он, Норри и Бэнни. Бэнни кашлял себе в кулак.

- Хорошее название для той штуки, - одобрительно кивнул Сэм. - Ну, словом, я понял, что здесь кто-то есть, потому что тогда уже услышал эти вентиляторы и увидел огни прожекторов. - Он мотнул головой на лагерь по другую сторону Купола. - Не знал только, успею ли добраться, пока не кончится мой воздух, этот пидарский холм меня едва не доконал, я сосал и кашлял, как черт его знает кто… но справился.

Он с интересом посмотрел на Кокса.

- Эй, там, полковник Клинк[478], я вижу, у вас изо рта пар идет. Вы или шинель на себя набросьте, или идите сюда, к нам, у нас здесь тепло. - Сэм захохотал, показывая небогатые остатки своих зубов.

- Моя фамилия не Клинк, а Кокс, и со мной все обстоит благополучно.

Джулия спросила:

- А что вам снилось, Сэм?

- Удивительно, что вы спрашиваетесь, - произнес он, - потому что я запомнил только один кусок из всего ряда, и он был как раз о вас. Вы лежали на сцене, на площади, вы там лежали и плакали.

Джулия сжала руку Барби, и сильно, но, не отводя глаз от Сэма.

- Откуда вы знали, что это была я?

- Потому что вы была накрыты газетами, - ответил Сэм. - Номерами «Демократа». Вы их на себя тянули так, словно под низом вы были голой, прошу пардона, но вы сами спрашиваете. Разве это не самый смешной сон, о котором вы когда-нибудь слышали?

Трижды пропикала рация Кокса: фить-фить-фить. Он снял ее с пояса.

- Что там? Говорите быстро, потому что я здесь как раз занят.

Все услышали голос, который произнес из рации:

- У нас здесь, на южной стороне, есть один человек, который выжил, полковник. Повторяю: человек, который выжил.

8

Когда утром двадцать восьмого октября восходит солнце, последний из семьи Динсморов не претендует ни на что другое, кроме как «выжить». Прижимаясь всем телом к низу Купола, Олли лежит и глотает воздух, который ему с противоположной стороны вдувают большие вентиляторы, и мальчику его достаточно лишь для того, чтобы оставаться живым.

Успеть расчистить достаточный кусок поверхности Купола со своей стороны, пока у него в баллоне совсем не закончились остатки кислорода, - это была еще та гонка. Баллон был тот,

который он бросил на поле, прежде чем заползти под картофель. Он помнил, как загадывал, не взорвется ли он. Не взорвался, и это оказалось большим счастьем для Оливера Г. Динсмора. Если бы он рванул, Олли лежал бы сейчас мертвый, под погребальным курганом из картофеля сортов Рассет и Белая длинная[479].

Он упал на колени на своей стороне Купола, отбрасывая на все бока запеченные комья черной грязи, понимая, что кое-что из этого - все, что осталось от недавно еще живых людей. Да и как об этом можно было забыть, когда тебя все время колет обломками костей. Он был уверен, что сдался бы без постоянного подбадривания рядового Эймса. Но Эймс не сдался, он беспрерывно побуждал его рыть, черт побери, отбрасывать ту херню, давай-давай, делай, коровий мальчик, чтобы от вентиляторов была какая-то польза.

Олли думал, что он не сдался потому, что Эймс на знал его имени. В школе ребята обзывали Олли не иначе, как навозокопом и дойкодером, но пусть его черти заберут, если какой-то деревенщина из Южной Каролины запомнит его как коровьего мальчика.

Вентиляторы с ревом завелись, и его распаленная кожа ощутила первый порыв воздуха. Он сорвал с лица маску и прижался ртом и носом к грязной поверхности Купола. И тогда, хекая и кашляя от сажи, продолжил оттирать накипевшую гарь. На другой стороне он увидел Эймса, тот стоял на карачках, склонив набок голову, словно человек, который заглядывает в мышиную норку.

- Молодчага! - закричал он. - Тут у нас еще два вентилятора подвезли. Теперь ты только не предай меня, коровий мальчик! Не сдавайся!

- Олли, - хекнул тот.

- Что?

- Имя… меня зовут Олли. Перестань называть меня… коровьим мальчиком.

- Ой-ой-ой, я буду звать тебя Олли отныне и вплоть до судного дня, лишь бы не прекращал расчищать место, чтобы тем вентиляторам было куда дуть.

Как-то еще легкие Олли примудрялись втягивать в себя достаточно того, что просачивалось сквозь Купол, чтобы поддерживать его при жизни и сознании. Сквозь свою щель в садке он видел, как рассветает в мире. Свет помогал тоже, хотя сердце у него болело от того, что розовое сияние рассвета скрывает та пленка грязи, которая все еще оставалась на его стороне поверхности Купола. Свет, это хорошо, потому что здесь, вокруг него, все было темное, и выжженное, и жестокое, и безмолвное.

Эймса хотели было убрать с его поста в пять часов утра, но Олли закричал отчаянно, чтобы тот остался, и Эймс отказался оттуда идти. Командир, каким бы он там ни был, уступил. Мало-помалу, с паузами на то, чтобы прижаться губами к Куполу, втянуть глоток воздуха, Олли рассказал, как он все пережил.

- Я знал, что должен ждать, пока не утихнет пожар, - рассказывал он. - Поэтому экономил кислород. Дедушка Том как-то мне говорил, что одного баллона ему хватает на целую ночь, если он спит, и я лежал там себе тихо, не шевелился. Некоторое время у меня совсем не было потребности им пользоваться, потому что под картофелем еще оставался воздух, вот я им и дышал.

Он прижимался губами к Куполу, ощущая вкус сажи, понимая, что это могут быть останки

человека, который был живой еще каких-то двадцать четыре часа тому назад, но не переживал. Жадно вдыхал и сплевывал черные плевки перед следующим вдохом.

- Под картофелем сначала было холодно, но потом она потеплела, а дальше стала горячей. Я думал, что запекусь живьем. У меня над головой горел коровник. Все горело. Но там было так горячо и так быстро, что долго это не продлилось, и, вероятно, это меня и спасло. Не знаю. Я оставался на месте, пока не закончился первый баллон. Вот тогда-то уже мне пришлось вылезать. Я боялся, что второй баллон мог взорваться, но нет, он уцелел. Хотя я бы поклялся, что он был очень близок к тому.

Эймс кивнул. Олли вовлек в себя сквозь Купол новую порцию воздуха. Это было похоже на дыхание сквозь плотную, грязную тряпку.

- Ну, и еще ступеньки. Если бы они были деревянными, а не из бетонных блоков, я бы оттуда никак не выбрался. И сначала я и не старался. Я просто заполз назад под картошку, потому что в погребе было так горячо. Верхние картофелины в куче испеклись в мундирах - я слышал их запах. Потом стало тяжело втягивать воздух, и я понял, что и второй баллон также на исходе.

Рассказ прервался, мальчик затрясся в пароксизме кашля. Овладев собой, он продолжил.

- Мне, в основном, хотелось просто услышать чей-то человеческий голос прежде чем умереть. Я рад, что это был ты, рядовой Эймс.

- Олли, меня зовут Клинт. И ты не умрешь.

Но глаза, которые смотрели сквозь грязную щель на низ Купола, словно глаза кого-то, кто созерцает из-за стеклышка сквозь крышку гроба, казалось, знают другую, самую правдивую правду.

9

Когда зуммер завелся в следующий раз, Картер уже знал, что это такое, хотя этот звук пробудил его от лишенного сновидений сна. Потому что в его душе притаилось намерение больше не спать на самом деле, пока все это не закончится или он не умрет. Это действует инстинкт выживания, думал он: бессонный дежурный в глубине мозга.

Этот второй раз случился приблизительно в семь тридцать субботним утром! Он это знал, потому что имел часы того типа, который освещается, если на нем нажать кнопку. Автономные светильники потухли посреди ночи, и в противоатомном убежище властвовала сплошная тьма.

Он сел и ощутил, как что-то толкнуло его в затылок. Ствол фонарика, которым он пользовался прошлым вечером, решил Картер. Он потянулся в ту сторону, нащупал его и включил. Он располагался на полу. Большой Джим на диване. Это Большой Джим и толкнул его фонарем.

«Конечно, он занял себе диван, - подумал Картер оскорблено. - Но он же босс, наконец».

- Давай, сынок, - произнес Большой Джим. - Катись как можно скорее.

«Почему это я? - подумал Картер… но промолчал. Потому что так оно и годилось, все делать должен был он, потому что босс был старым, босс был толстым, у босса было больное сердце. И, конечно же, потому, что он был боссом. Джеймсом Ренни, императором Честер Милла.

«Император подержанных машин, вот ты кто и ничего больше, - подумал Картер. – И смердишь ты потом и сардиновым маслом».

- Катись, - раздраженно. И испуганно. - Чего ты еще ждешь?

Картер встал, луч фонарика затанцевал по доверху набитым полкам бункера (видимо-невидимо жестянок сардин!), и отправился к кубрику. Один автономный светильник там еще работал, но уже чуть-чуть, вот-вот совсем потухнет. Зуммер теперь слышался громче, беспрерывным «ААААААААААА». Звук приближения фатума.

«Нам никогда отсюда не выбраться», - подумал Картер.

Он нацелил луч фонарика на ляду люка перед генератором, который продолжал выдавать монотонное гудение, которое почему-то напомнило ему его босса во время боссовского ораторства. Наверное, из-за того, что оба этих звука сводились к одинаковому тупому приказу: «Накорми меня, накорми меня, накорми меня! дай мне пропана, дай мне сардин, дай мне неэтилированного премиум бензина для моего «Хаммера». Накорми меня. Все равно я умру, а тогда и ты умрешь, но кого это волнует? Кого это к херам даже немного интересует? Накорми меня, накорми меня, накорми меня».

В укрытии под лядой теперь оставалось лишь шесть баллонов пропана. Вот он заменит тот, что уже почти опустел, и их останется пять. Пять сраных маленьких баллончика, не больших чем те, которыми питаются «Голубые носороги», останутся между ними и гибелью от удушья, когда откажется работать очиститель воздуха.

Картер извлек один баллон из укрытия, но только поставил его возле генера.

Несмотря на это отчаянное «ААААААААААА», он не собирался заменять текущий баллон, пока тот не опустеет полностью. Отнюдь. Нет. Как вот говорят в рекламе кофе «Максвелл Хаус», смакуй до последней капли.

Но этот зуммер умел-таки действовать человеку на нервы. Картер подумал, не поискать ли выключатель и заглушить его, но как тогда они узнают, что у генера на исходе топливо?

«Точно пара крыс, которые попались под перевернутым ведром, вот мы кто».

В голове у него заскакали цифры. Шесть баллонов осталось, каждого хватает на одиннадцать часов. Они могли бы выключить кондиционер, и тогда действие одного баллона увеличится до двенадцати или тринадцати часов. Будем осмотрительнее, остановимся на двенадцати. Двенадцать умножить на шесть… ага, сосчитаем…

Это «ААААААААААА» делало математические упражнения более тяжелыми, чем они должны были бы быть, однако он наконец-то вычислил. Семьдесят два часа между ними и жалкой смертью от удушения здесь, среди тьмы. А почему тьма? Потому что никто не позаботился заменить батарейки в автономных светильниках, вот почему. Их, вероятно, не меняли уже лет двадцать, если не больше. Наш босс экономит деньги. И почему здесь только семь маленьких сраных баллона, в подвале, когда на РНГХ их было нагромождено едва не биллион, только и ждали, чтобы взорваться? Потому что наш босс любит, чтобы все было именно там, где он приказал.

Так, сидя здесь, слушая то «ААААААААААА», Картер припомнил одну из прибауток своего отца: «Пожалеешь пенни, потеряешь доллар». Это как раз о Ренни. Ренни - императора подержанных машин. Ренни - крупного политика. Ренни - наркобарона. Сколько он заработал

на своих операциях с наркотой? Миллион долларов? Два? И они что-то сейчас стоят?

«Он, наверное, их никогда бы не начал тратить, - подумал Картер, - и сейчас он, толстая срака, их не тратил бы. Нет на что их здесь, в бункере, тратить. У него здесь сардин больше, чем он способен сожрать, и все даром».

- Картер? - донесся сквозь тьму голос Большого Джима. - Ты там собираешься менять баллон, или мы так и будем слушать это вытье?

Картер уже было открыл рот, чтобы крикнуть, что им следует еще подождать, что дорога каждая минута, но вдруг это «АААААААААА» наконец-то прекратилось. А также и «пи-пи-пи» очистителя воздуха.

- Картер?

- Я как раз этим и занимаюсь, босс.

Зажав фонарик под подмышкой, Картер оттянул пустой баллон и поставил новый на металлическую платформу, где хватило бы места для баллона, вдесятеро большего, и подключил редуктор.

Каждая минута дорога… а так ли оно? Почему это так, если все равно в конце концов это приведет к удушению?

Но конвоир на пути к выживанию внутри его решил, что это говно-вопрос. Конвоир выживания решил, что семьдесят два часа большой срок. Потому что неизвестно, что может случиться? Военные ребята могут наконец-то вычислить, как им расколоть этот Купол. Он может даже сам собой исчезнуть, так же неожиданно и непостижимо, как появился.

- Картер? Что ты там делаешь? Моя никчемная бабка двигалась быстрее, а она же уже мертвая!

- Уже почти закончил.

Он проверил, плотно ли прилегает редуктор, и положил большой палец на кнопку стартера (думая, что если стартерный аккумулятор маленького генератора такой же старый, как и те батарейки, которые питали автономное освещение, им не поздоровится) и вдруг застыл.

Семьдесят два часа, это если их здесь двое. Но если бы здесь сидел он сам, этот срок можно было бы удлинить до девяноста, а то и сотни часов, особенно, если выключить очиститель, пока воздух не станет совсем спертым. Он предлагал эту идею Большому Джиму, но тот сразу ее отверг.

- У меня слабое сердце, - напомнил он Картеру. - Чем более затхлый воздух, тем большая вероятность того, что это во мне откликнется.

- Картер? - громко, требовательно. Этот голос лез ему в ушу так же, как смрад тех сардин в нос. - Что там такое происходит?

- Все готово, босс! - сказал он и нажал кнопку. Стартер застрекотал, и генер тут же завелся.

«Надо мне подумать над этим», - подумал Картер, но конвоир выживания считал иначе. Конвоир выживания считал, что каждая утраченная минута - потерянная минута.

mir-knigi.org

«Он был добр ко мне, - напомнил себе Картер, - наделил меня должностью».

«Грязной работой, которой сам не желал выполнять, вот чем он тебя наделил. И норой в земле, где осталось только умереть. Это тоже».

Картер принял решение. Перед тем как войти в главную комнату, он извлек из кобуры «Беретту». Подумал, не спрятать ли пистолет у себя за спиной, чтобы босс ничего не понял, но решил, что не следует. Наконец, этот мужчина называл его сынком и, может, он даже делал это искренне. Он заслуживает лучшего, чем нежданный выстрел в затылок и отход совсем неподготовленным.

10

В дальнем северо-восточном уголке города не было темно; Купол здесь был очень грязный, но далекий от непрозрачности. Вовнутрь проникало солнце, делая все здесь болезненно-розовым.

К Барби с Джулией подбежала Норри. Девочка кашляла, она закашлялась, но все равно бегала.

- У моего дедушки инфаркт! - успела крикнуть она, прежде чем упасть на колени, задыхаясь, отхаркиваясь.

Джулия обняла девушку и повернула ее лицом к ревущим вентиляторам. Барби подполз туда, где беженцы окружили Эрни Келверта, Расти Эверетта, Джинни Томлинсон и Даги Твичела.

- Освободите пространство, люди! - сказал Барби. - Дайте человеку воздуха!

- Вот в этом то и проблема, - заметил Тони Гай. - Ему отдалили все, что оставалось… запас, который берегли для детей… но…

- Эпинефрин, - произнес Расти, и Твич подал ему шприц. Расти ввел лекарство. - Джинни, начинай массаж сердца. Когда устанешь, тебя сменит Твич. Потом я.

- Я тоже могу, - сказала Джоуни. По ее щекам текли слезы, но вообще она держала себя в руках. - Я закончила курсы.

- Я тоже ходила, - сказала Клэр. - И я помогу.

- И я, - тихо отозвалась Линда. - Я только этим летом отбыла повышение квалификации.

«Это маленький город, мы одна команда», - подумал Барби. Джинни с лицом, все еще опухшим после собственных травм, начала закрытый массаж сердца. Когда она уступила место Твичу, к Барби как раз присоединились Джулия и Норри.

- Они смогут его спасти? - спросила Норри.

- Не знаю, - ответил Барби. На самом деле он знал; это беда.

После Джинни на грудь старику начал нажимать Твич. Барби смотрел, как капли пота со лба Твича падают на рубашку Эрни, как она темнеет в тех местах. Минут через пять он остановился, беспомощно закашляв. Его место хотел было занять Расти, но Твич покачал головой.

- Он отошел. - И, обернувшись к Джоуни, Твич произнес: - Мне так жаль, миссис Келверт.

Лицо у Джоуни задрожало и сразу расплылось. Она так отчаянно зарыдала, что этот ее плач перешел в затяжной кашель. Ее обняла Норри и сама вновь закашляла.

- Барби, - позвал чей-то голос. - На одно слово.

Это был Кокс, одетый теперь, согласно погоде на его стороне, в коричневый камуфляж и суконную куртку. Барби не понравился его очень уж пасмурное выражение лица. Вместе с Барби пошла и Джулия. Они склонились к Куполу, стараясь дышать медленно, равномерно.

- Произошло происшествие на военно-воздушной базе Кертленд[480] в Нью-Мексике, - стараясь говорить тихо, начал Кокс. - Проводились последние испытания точечного ядерного заряда, который мы планировали использовать, и… к черту.

- Он взорвался? - с ужасом переспросила Джулия.

- Нет, мэм, расплавился. Погибло двое людей, еще с полдесятка, вероятно, умрут от радиационных ожогов или от лучевой болезни. Но проблема в том, что мы потеряли бомбу. Мы потеряли этот сраный заряд.

- Какие-то технические неполадки? - спросил Барби. Надеясь, что именно это и было причиной, потому что это означало, что заряд все равно не сработал бы.

- Нет, полковник, как раз нет. Вот потому я и назвал это «происшествием». Они случаются, когда люди спешат, а мы в этом деле спешили, все вместе, как бешеные.

- Мне так жаль тех людей, - произнесла Джулия. - Их родные уже знают?

- Весьма порядочно с вашей стороны, принимая во внимание вашу собственную ситуацию. Родственников вскоре будет проинформировано. Авария случилась сегодня в час. Сейчас уже началась работа по «Малышу» номер два. Этот заряд будет готов через три дня. Скорее всего, через четыре.

Барби кивнул:

- Благодарю вас, сэр, но я не думаю, что мы продержимся так долго.

Длинный пронзительный вопль - тоскующий детский плач - долетел сзади до них. Когда Барби с Джулией обернулись, стон уже перешел в кашель, вперемешку со звуками отчаянного хватания ртом воздуха. Они увидели Линду, которая стояла на коленях возле своей старшей дочери и обнимала девочку.

- Она не умерла! - рыдала Дженнилл. - Одри не может умереть!

Но собака уже остыла. Золотистая ретриверша Эвереттов умерла ночью, тихо, без шума, в то время, как обе Джей-Джей спали, прижимаясь к ее бокам.

11

Когда Картер вошел в главную комнату, второй выборный Честер Милла ел хлопья из коробки с нарисованным на ней веселым попугаем. Картер узнал эту мифическую птицу, знакомую ему с детства по многим завтракам - тукан Сэм, святой заместитель «Фруктовых колечек»[481].

«Они уже, мать его, залежалые, как невесть что», - подумал Картер, ощущая мгновенное

сожаление к своему боссу. И тогда вспомнил, какое большое различие между семьюдесятью-с-чем-то и сотней часов годного для дыхания воздуха, и сердце его укрепилось.

Большой Джим с удовлетворением зачерпнул очередную порцию хлопьев из коробки, и тогда заметил «Беретту» в руке Картера.

- Ого, - удивился он.

- Мне жаль, босс, - произнес Картер.

Большой Джим открыл кулак, позволив хлопьям каскадом сыпаться назад в коробку, но на его липкой ладони и пальцах осталось несколько ярких колечек. Пот блестел у него на лбу, натекая из-под залысин.

- Сынок, не делай этого.

- Мне нужно, мистер Ренни. Ничего личного.

Картер действительно так думал. Никаких личных причин здесь не было. Просто они попали в ловушку, вот и все. А поскольку это стало следствием тех решений, которые принимал Большой Джим, то заплатить за это должен именно Большой Джим.

Большой Джим поставил коробку «Фруктовых колечек» на пол. Он сделал это осторожно, так, словно, если бы он бросил ее небрежно, она бы раскололась.

- Ну, а почему же тогда?

- Только и того… из-за воздуха.

- Понимаю, воздух.

- Я мог бы войти сюда, спрятав пистолет за спиной, и просто вогнать вам пулю в голову, но такого делать я не хочу. Я хочу дать вам возможность подготовиться. Потому что вы были ко мне добры.

- Тогда сделай так, чтобы я не страдал, сынок. Если в этом нет ничего личного, ты не позволишь мне страдать.

- Если будете вести себя спокойно, вы не будете страдать. Все будет сделано быстро. Как пристрелить раненного оленя в лесу.

- Может, обсудим это?

- Нет, сэр. Я уже все решил.

Большой Джим кивнул:

- Тогда хорошо. Могу ли я перед этим произнести молитву? Ты мне это позволишь?

- Да, сэр, молитесь, если вам так хочется. Но делайте это быстрее. Для меня тоже это нелегкая ситуация, понимаете.

- Верю. Ты хороший мальчик, сынок.

mir-knigi.org

Картер, который последний раз плакал еще четырнадцатилетним, ощутил, как у него зачесалось в уголках глаз.

- Вам не поможет то, что вы зовете меня сынком.

- Мне это уже помогает. И то, что я вижу твое потрясение… это мне помогает тоже.

Туша Большого Джима сдвинулась с дивана, выборный упал на колени. В процессе опускания на колени он перекинул «Фруктовые колечки», безрадостно улыбнувшись:

- Небогатый у меня вышел последний ужин, должен тебе сказать.

- Вероятно так. Извиняйте.

Большой Джим, теперь повернувшись спиной к Картеру, вздохнул:

- Но через какую-то минуту я уже буду есть ростбиф у Господа за столом, итак, с этим все обстоит благополучно. - Он поднял приземистый палец и прижал его себе к голове на верхушке затылка. - Вот сюда. Где мозговой ствол. Хорошо?

Картер ощутил у себя в горле что-то наподобие клубка нитей и вздохнул:

- Да, сэр.

- Хочешь постоять на коленях рядом со мной, сынок?

Картер, который без молитв обходился еще дольше, чем без слез, чуть не ответил «да». Но своевременно вспомнил, какой коварный его босс. Возможно, сейчас он был далек от ухищрений, был, вероятно, вне этого, но Картер видел этого человека в действии и рисковать не желал. Он покачал головой:

- Молитесь сами. И если желаете произнести свою молитву до самого «аминь», делайте это быстрее.

Стоя на коленях, Большой Джим хлопнул ладонями по диванной подушке, на которой все еще оставалась вмятина от его весьма существенной жопы.

- Бог милостивый, это я, раб Твой Джеймс Ренни. Похоже, что я иду к Тебе, хочу я сам этого или нет. Чаша уже представлена мне к губам, и я не могу…

Громкий сухой всхлип вырвался у него изо рта.

- Выключи свет, Картер. Не хочу я плакать у тебя на глазах. Это негодное для мужчины поведение.

Картер протянул вперед руку с пистолетом так, что тот коснулся затылка.

- О'кей, но это будет ваша последняя просьба. - И выключил свет. То, что это ошибка, он понял в тот же миг, когда ее сделал, но уже было поздно. Почувствовал движение босса и, черт побери, тот двигался чрезвычайно быстро для такого тяжелого человека, да еще и с больным сердцем. Картер выстрелил и во вспышке из пистолетного дула увидел дырку от пули в продавленной диванной подушке. Большого Джима на коленях уже перед ней не было, однако далеко отскочить он не мог, пусть там какой он не быстрый. Когда Картер нажал кнопку на фонарике, Большой Джим прыгнул вперед с кухонным ножом, который он раньше втайне

mir-knigi.org

достал из шкафчика возле плитки, и шесть дюймов стали вогнались Картеру в живот.

Тот закричал от боли и вновь выстрелил. Большой Джим ощутил, как пуля вжикнула ему мимо уха, но не отступился. В нем тоже жил конвоир выживания, и еще такой, который хорошо ему служил в течение многих лет, и сейчас он ему подсказал, что шаг назад будет означать для него смерть. Он встал, качаясь, одновременно двигая вверх нож, выпуская требуху из глупого пацана, который думал, что может взять верх над Большим Джимом Ренни.

Картер, теперь уже распанаханный, закричал вновь. Капли крови брызнули Большому Джиму в лицо с последним уже, как он искренне надеялся, вздохом мальчика. Он оттолкнул Картера. В луче оброненного фонаря, Картер откинулся, с хрустом давя рассыпанные «Фруктовые колечки», держась за живот. Сквозь его пальцы струилась кровь. Он ухватился за полки и упал под ливнем жестянок сардин «Виго», супов «Кемпбелл»[482] и «Моллюсков Сноу». Какой-то миг Картер продолжал стоять на коленях, словно, передумав, наконец-то собрался сотворить молитву. Волосы упали ему на лицо. А потом пальцы его разжались, и он завалился наземь.

Большой Джим подумал, не достать ли нож, но это была весьма трудоемкая работа для человека, у которого проблемы с сердцем (он вновь себе пообещал, что займется своим здоровьем, как только завершится этот кризис). Вместо этого он подобрал пистолет Картера и подошел к глупому пацану.

- Картер? Ты все еще с нами?

Картер простонал, стараясь перевернуться, но не осилил.

- Я здесь собираюсь выстрелить тебе в затылок, именно так, как ты мне предлагал. Но сначала хочу подарить тебе один, последний, совет. Ты слушаешь?

Картер вновь простонал. Большой Джим воспринял это за утверждение.

- Совет таков: ловкому политику никогда не оставляй времени на молитву.

Большой Джим нажал курок.

12

- Мальчик умирает! - закричал рядовой Эймс. - Мне кажется, мальчик умирает!

Рядом с Эймсом встал на колени сержант Грох и заглянул в грязную щель внизу Купола. Олли Динсмор лежал на боку, буквально прижавшись губами к теперь уже проявленной, благодаря налипшей на ней грязи, стене. Наилучшей из своих командных интонаций Грох рявкнул:

- Эй! Олли Динсмор! Поднимайся, шагом марш!

Медленно, мальчик раскрыл глаза и посмотрел на двух мужчин, которые упали в двух футах от него, однако в более прохладном, чистом мире.

- Что? - шепнул он.

- Ничего, сынок, - сказал Грох. - Спи себе дальше.

Грох обратился к Эймса:

- Поберегите нервы, рядовой. С ним все обстоит благополучно.

- Да не очень хорошо. Вы на него только посмотрите.

Грох взял Эймса за руку и потянул его вверх - довольно деликатно, - когда они встали, он согласился с рядовым тихим голосом.

- Конечно. Дела у него отнюдь не хороши, но он живой и спит, а это лучше всего, чего мы сейчас можем ждать. Так он теряет из организма меньше кислорода. А вы идите, найдите себе что-то поесть. Вы завтракали вообще?

Эймс покачал головой. Завтрак ему даже на ум не приходил.

- Я хочу остаться здесь, вдруг он очухается, - рядовой поколебался, и вдруг выпалил: - Я хочу быть здесь, если он умрет.

- Он не умрет, по крайней мере, не сейчас, - возразил Грох, сам не имея понятия, прав он или нет. - Пойдите, возьмите себе хоть что-то в фургоне, хотя бы кусок колбасы с куском хлеба. Вы уже едва не на дерьмо изошли, солдат.

Эймс мотнул головой в сторону мальчика, который спал на обугленной земле, прислонившись носом и ртом к Куполу. Лицо у него было все в грязи, едва заметно поднималась и опускалась его грудь.

- Сколько ему еще жить, как вы думаете, сержант?

Грох покачал головой:

- Наверняка, уже недолго. В той группе, которая на противоположном стороне, кто-то уже умер этой ночью, и еще несколько человек там также в плохом состоянии. А там все-таки лучше. Чище. Вам надо быть готовым.

Эймс ощутил, что вот-вот заплачет.

- Мальчик потерял всю свою семью.

- Пойдите и поешьте. Я здесь постерегу, пока вы вернетесь.

- Но после того я смогу здесь оставаться?

- Рядовой, мальчик хочет, чтобы рядом были вы, значит, вы и будете. Будете до конца.

Грох смотрел, как Эймс бегом отправился к столу возле вертолета, где была разложена пища. Вокруг стояло хорошее утро, как и годится для поздней осени. Сияло солнце, растапливая остатки следов заморозка. А в каких-то нескольких футах лежал мир-в-пузыре, где властвовал постоянный мрак, мир, в котором воздух был непригоден для дыхания, а время остановилось и не имело никакого значения. Грох припомнил ставок в Коннектикуте, в городе Вилтон[483], где прошло его детство. В том пруду жили золотые карпы, большие, старые рыбины. Дети их часто кормили. То есть до того дня, когда у какого-то из надсмотрщиков не случилась какая-то авария с распределителем удобрений. Прощайте, рыбы. Все десять или двенадцать штук плавали мертвыми на поверхности пруда.

Смотря на грязного мальчика, который спал по другую сторону Купола, невозможно было не вспомнить о тех карпах… вот только мальчик - не какая-то там рыба.

mir-knigi.org

Вернулся назад Эймс, дожевывая что-то явно через силу. Довольно никудышный солдат, по мнению Гроха, но хороший парень, с добрым сердцем.

Рядовой Эймс сел. И сержант Грох тоже присел рядом с ним. Близко полудня они получили сообщение с другой стороны Купола о том, что среди людей, которые спаслись там, умер еще один человек. Маленький мальчик по имени Эйден Эпплтон. Тоже мальчик. Грох припомнил, что лишь вчера ему здесь, кажется, попалась на глаза мать того малыша. Ему хотелось бы ошибаться относительно этого, но, наверное, ошибки не было.

- Кто это сделал? - спросил его Эймс. - Кто навернул здесь эту кучу дерьма, сержант?

Грох покачал головой:

- Без понятия.

- Никакого же смысла в этом нет! - вскрикнул Эймс. Позади их, потеряв доступ воздуха, пошевелился Олли и, так и не просыпаясь, пододвинулся ближе лицом к мизерному ветерку, который проникал сквозь стену.

- Не разбуди его, - сказал Грох, сам думая при этом: «Если он отойдет во сне, так будет лучше и нам, и ему самому».

13

В два часа дня уже все беженцы кашляли, кроме (как не тяжело в такое поверить, но, правда же) Сэма Вердро, который в этой мерзкой атмосфере чувствовал себя, похоже, просто прекрасно, и Малыша Уолтера Буши, который только то и делал, что спал, засасывая изредка данную ему порцию молока или сока. Барби, обнимая Джулию, сидел против Купола. Неподалеку, возле накрытого тела Эйдена Эпплтона, который умер так ужасно внезапно, сидел Терстон Маршалл. Терси, который и сам теперь уже кашлял постоянно, держал у себя на коленах Алису. Девочка рыдала беспрестанно, но наконец, так и заснула, посреди плача. Еще немного дальше, футов за двадцать, сидел Расти, прижав к себе жену и обеих дочек, которые тоже доплакались до забвения во сне. Тело Одри он отнес к санитарной машине, подальше от глаз своих девочек. Для этого ему пришлось задержать дыхание; даже в пятнадцати ярдах от Купола вглубь территории города воздух становился смертельно удушливым. Вернувшись назад и отдышавшись, он решил сделать тоже самое и с телом мальчика. Одри будет ему доброй компаньонкой, она всегда любила детей.

Возле Барби упал Джо Макклечи. Он теперь действительно стал похожим на чучело. Его бледное лицо было усеяно прыщами, а кожа под глазами превратилась в темно-пурпурные синяки.

- Моя мама спит, - сказал Джо.

- Джулия тоже, - ответил Барби, - разговаривай тише.

Джулия открыла один глаз.

- Ничего я не сплю, - пробурчала она, сразу же вновь закрывшись. Закашлялась, немного успокоилась, и тогда вновь закашлялась.

- Бэнни очень плохо, - сказал Джо. - У него горячка, точно, как было с малышом, прежде чем

тот умер. - Джо помолчал. – И у мамы моей тоже температура довольно высокая. Возможно, это просто из-за того, что здесь такая жара, однако… мне кажется, причина не только в этом. А если и она умрет? Если мы все умрем?

- Не умрем, - откликнулся Барби. - Там что-то придумают.

Джо покачал головой.

- Нет, Барби, и вы сами это понимаете. Ничего они оттуда не сделают, потому, что они не здесь. Снаружи никто нам не сможет помочь. - Он окинул взглядом почерневшую пустошь, то пространство, где еще вчера лежал город, и рассмеялся; хриплым, скрипучим смехом, который звучал особенно горьким от того, что в нем действительно слышался юмор. - Честер Милл имел статус города с 1803 года, мы изучали это в школе. Свыше двухсот лет. И понадобилась всего лишь неделя, чтобы стереть его с лица земли. Хватило одной сраной недели. Что вы на это скажете, полковник Барбара?

Никакого ответа на это Барби придумать не мог.

Джо, прикрыв себе ладонью рот, закашлял. Позади их ревели и ревели вентиляторы.

- Я умный юноша. Вам же об этом известно? То есть я не хвастаюсь, просто… я прыткий.

Барби вспомнил, как мальчик устроил видеотрансляцию с того места, куда стреляли ракетами.

- Никаких сомнений, Джо.

- В фильмах Спилберга по обыкновению именно прыткие дети в последнюю минуту находят правильное решение, не так ли?

Барби ощутил, как Джулия вновь пошевелилась. Теперь уже оба глаза у нее были раскрыты и внимательно смотрели на Джо.

В мальчика по щекам текли слезы.

- Никудышный из меня персонаж Спилберга. Если бы мы были сейчас в «Парке Юрского периода»[484], динозавры бы нас уже сожрали стопроцентно.

- Если бы они устали, - сонно произнесла Джулия.

- А? - изумленно посмотрел на нее Джо.

- Кожеголовые. Дети-кожеголовые. Дети по обыкновению устают от игр и начинают заниматься чем-то другим. Или… - она тяжело закашляла, - родители их зовут домой, обедать.

- А может, они не едят, - мрачно заметил Джо. - Может, у них и родителей никаких нет.

- А возможно, у них совсем по-другому течет время, - добавил Барби. - Может, они это только что присели возле своего варианта коробочки. Для них эта игра, возможно, только началась. Мы даже не можем быть точно уверены, что они дети.

К ним присоединилась Пайпер Либби. Вся раскрасневшаяся, с волосами, прилипшими к щекам.

- Они дети, - объявила она.

mir-knigi.org

- Откуда вы можете это знать? - спросил Барби.

- Просто знаю, - улыбнулась она. - Они - это тот Бог, в которого я перестала верить три года назад. Бог, который оказался стайкой нехороших ребятишек, которые играются с межгалактическим «Иксбоксом»[485]. Разве это не забавно? - Улыбка ее расплылась еще шире, и Пайпер зашлась плачем.

Джулия смотрела в ту сторону, где пурпурным маячком вспыхивала коробочка. Лицо у нее было задумчивое, как-то сонно-замечтавшимся.

14

В Честер Милле субботний вечер. Тот вечер, когда по обыкновению устраивали свои заседания леди из «Восточной Звезды» (а после тех заседаний чаще всего шли домой к Генриетте Клевард, чтобы выпить у нее вина, обменяться наилучшими из самых свежих неприличных анекдотов). Это тот вечер, когда Питер Рендольф и его приятели по обыкновению играли в покер (также рассказывая друг другу неприличные анекдоты). Вечер, когда Стюарт и Ферн Бови по обыкновению ездили в Льюистон, чтобы снять там парочку шлюх в трах-салоне на Нижней Лиссабонской улице. Вечер, когда преподобный Лестер Коггинс по обыкновению устраивал общие молитвы подростков в гостиной пастората Святого Спасителя, а Пайпер Либби танцы в цокольном помещении церкви Конго. Вечер, когда в «Диппере» гудело до часу ночи (а где-то в половине первого толпа пьяниц имела привычку скандировать, чтобы включили их любимый гимн «Грязная вода»[486], песню, которую хорошо знали все бэнды «прямо из Бостона»). Вечер, когда Гови и Бренда Перкинс любили прогуливаться, взявшись за руки, на общественной площади города, здороваясь с другими знакомыми парами. Вечер, когда Алден Динсмор, его жена Шелли и их двое сыновей охотно играли в мяч при свете полной луны. В Честер Милле (как и в любом другом городке, где все жители одна команда) субботние вечера - вечера наилучшие, созданные для танцев, совокуплений и мечтаний.

Но этот другой. Этот вечер черный и, очевидно, бесконечный. Ветер спал. Отравленный воздух висит неподвижной жарой. Там, поодаль, где пролегало когда-то шоссе 119, пока его не выварило печным жаром, лежит Олли Динсмор, прижавшись к щели в нагаре, он все еще упрямо цепляется за жизнь, а всего в полутора футах от него терпеливо продолжает отбывать свою вахту рядовой Клинт Эймс. Какой-то умник хотел было посветить фонарем на мальчика; Эймс (при поддержке сержанта Гроха, не такого уже и монстра, как оказалось) сумел это предотвратить, доказав, что фонарями освещают только спящих террористов, а не юного подростка, который вполне вероятно умрет раньше, чем взойдет солнце. Но у самого Эймса тоже есть фонарик, и он изредка присвечивает им на мальчика, чтобы удостовериться, что тот еще дышит. Тот дышит, но каждого раз, как Эймс вновь включает фонарик, он ожидает, что его луч покажет ему, что те утлые вдохи и выдохи прекратились. Какой-то частицей своей души он уже этого даже хочет. Частью души он уже начал соглашаться с правдой: не имеет значения, насколько находчивым оказался Олли Динсмор или как героически он боролся, будущего он не имеет. Смотреть, как он продолжает свою борьбу, невыразимо тяжело. Незадолго до полночи засыпает и сам рядовой Эймс, сидя прямо, с крепко зажатым в кулаке фонариком.

«Спишь ты? - говорят, Иисус спросил у Петра. - Одного часа не смог посторожить?»[487]

К чему Мастер Буши, наверняка, добавил бы: «Евангелие от Марка, Сендерс».

Ровно в половине второго Рози Твичел трясет за плечо Барби:

- Терстон Маршалл умер, - говорит она. - Расти с моим братом понесли положить его тело под

санитарную машину, чтобы, когда девочка проснется, она не так сильно расстроилась. - Немного погодя она прибавляет: - Если она проснется. Алиса тоже очень больна.

- Мы здесь все сейчас больные, - говорит Джулия. - Все, кроме Сэма и этого завсегда обкуренного малыша.

От машин спешат Расти и Твич, падают перед одним из вентиляторов, хекая, начинают большими глотками хватать воздух. Твич кашляет, и Расти толкает его еще ближе к притоку воздуха так сильно, что Твич бьется лбом об Купол. Все они слышат этот звон.

Рози еще не полностью завершила свое сообщение:

- Бэнни Дрэйк тоже плохой, - она понижает голос до шепота. - Джинни говорит, что он может не дожить до рассвета. Ох, если бы было хоть что-то, что мы могли бы здесь сделать.

Барби не отвечает. И Джулия тоже молчит, только вновь бросает взгляд в сторону той коробочки, которая не больше дюйма толщиной, и площадь имеет каких-то пятнадцать квадратных дюймов, а пошевелить ее невозможно. Глаза Джулии отсутствуют, задумчивые.

Наконец красная луна сквозит через наслоение грязи на восточной стене Купола, сияя вниз своим кровавым светом. Конец октября, а в Честер Милле октябрь - жесточайший месяц, который смешивает воспоминания и желания. Нет на этой мертвой земле ни сирени, ни деревьев, ни травы[488]. А месяц смотрит на руины и мало ли еще на что другое.

15

Большой Джим проснулся в темноте, держась за грудь. Снова с перебоями колотилось сердце. Он ударил по нему. А следом сигнализатор включился на генераторе, когда запас пропана в очередном баллоне приблизился к опасному уровню: «АААААААААААА. Накорми меня, накорми меня».

Большой Джим шевельнулся и вскрикнул. Его бедное, измученное сердце резко рванулось в сторону, сбилось с ритма, прыгнуло, а потом застучало, снова найдя само себя. Он ощутил себя старым автомобилем со скверным карбюратором, драндулетом, который можно выставить на продажу, но продать никогда невозможно, тем, что годится только на кучу лома. Он встрепенулся судорожно, хватая ртом воздух. Ему сейчас неважно, как тогда, когда пришлось обратиться в больницу. А может, даже хуже.

«АААААААААААА» - жужжание какого-то огромного, мерзкого насекомого - наверняка, цикады - здесь, в темноте, рядом с ним. Неизвестно, что могло заползти сюда, пока он спал?

Большой Джим начал нащупывать фонарь. Продолжая второй рукой стучать себя в грудь, тереть ее, он уговаривал сердце успокоиться, не вести себя, словно какой-то никчемный грудной ребенок, не для того он прошел через все это, чтобы умереть тут, в этой тьме.

Налапав фонарик, он тяжело стал на ноги и перецепился через труп своего покойного ординарца. Снова вскрикнув, упал на колени. Фонарик остался целым, однако откатился далеко от него, освещая подвижным лучом нижнюю полку слева, заставленную коробками спагетти и банками томатной пасты.

Большой Джим пополз за фонарем. И в это же мгновение открытые глаза Картера Тибодо шевельнулись.

- Картер? - Пот стекал по лицу Большого Джима; он ощущал, как его щеки словно покрываются тонкой, жирной, вонючей пленкой. Сердце у него вновь сделало очередной трепещущий бросок, и тогда, как это ни удивительно, вновь забилось в нормальном ритме.

То есть, нет. Не совсем. Но, по крайней мере, близко к нормальному ритму.

- Картер? Сынок? Ты живой?

Глупость, конечно; Большой Джим распорол ему живот, как большой рыбине где-то на берегу реки, а потом еще и выстрелил в затылок. Он лежал мертвый не хуже Адольфа Гитлера. Однако он мог бы поклясться… ну, почти поклясться,… что глаза мальчика…

Он боролся с мыслью, что Картер сейчас протянет руку и схватит его за глотку. Уверял себя, что это нормально, чувствовать себя немного (напуганным) нервно, потому что, наконец, этот мальчик его едва не убил. И все еще ожидал, что Картер вдруг вскочит сам и схватит его, притянет к себе, и вгрызется своими проголодавшимися зубами ему прямо в горло.

Большой Джим помацал пальцами у Картера под нижней челюстью. Забрызганная кровью плоть была холодной, без пульса. Конечно, откуда же? Мальчик мертвый. Мертвый уже полусуток, если не дольше.

- Ты сейчас обедаешь со своим Спасителем, сынок, - прошептал Большой Джим. - Ростбиф с картофельным пюре. А на десерт яблочный пирог…

От этих слов ему полегчало. Он пополз за фонариком, а когда ему показалось, словно что-то шевелится позади него - может, шелест руки, которая тянется по бетонному полу, нащупывая вслепую, - он не оглянулся. Он должен накормить генератор. Заткнуть то его «АААААА».

Когда он вытягивал один из тех четырех баллонов, которые еще оставались в погребке, сердце у него вновь сбилось на аритмию. Он сел рядом с открытым люком, хватая ртом воздух, стараясь кашлем вернуть сердце к регулярному ритму. И молясь, без осознания того, что его молитвы - это, главным образом, ряд требований и стандартных обоснований: успокой его; здесь нет моей вины; вызволи меня отсюда; я делал все, что мог, как можно лучше; меня подвела чужая некомпетентность; исцели мое сердце.

- Во имя Иисуса, аминь, - произнес он. Но звук собственного голоса его, скорее напугал, чем успокоил. Слова протарахтели, словно кости в могиле.

К тому времени, когда его сердцебиение чуточку выровнялось, хриплый вопль цикады уже стих. Баллон генератора опустел. Только луч фонарика остался в этой комнате, которая стала теперь такой же темной, как и другая; последний из автономных светильников отмигал свое еще семь часов тому назад. Силясь убрать с платформы при генераторе пустой баллон, чтобы установить на его место новый, Большой Джим неясно припомнил, как проштамповал БЕЗ ДЕЙСТВИЙ на заявке, которая попала на его стол где-то год или два тому назад; в ней речь шла об обновлении оборудования в этом убежище. В ту заявку, наверно, были вписаны и новые батареи для автономного освещения. Но как он мог себя винить? Денег в городском бюджете всегда было мало, а люди не переставали тянуть руки: «Накорми меня, накорми меня».

«Это должен был бы сделать Эл Тиммонс по собственной инициативе, - сказал он сам себе. - Ради Бога, разве ждать от кого инициативы, это много? Разве не за это мы платим обслуживающему персоналу? Видит небо, он мог бы обратиться к тому жабоеду Бэрпи и попросить у него спонсорской помощи. Сам я именно так бы и сделал».

Он подключил баллон к генератору. И тут вновь споткнулось его сердце. Рука дернулась, и фонарик упал в погребок, где ударился о какой-то из еще полных баллонов. Звякнуло стекло, и он вновь оказался в сплошной тьме.

- Нет! - завопил он. - Нет, черт его побери. НЕТ!

Но ответа от Бога не поступило. Тишина и темнота давили на него снаружи, а его перенапряженное сердце запыхалось и тряслось внутри. Предательская мышца!

«Не переживай. В той комнате есть другой фонарь. И спички. Мне лишь надо их найти. По правде говоря, если бы Картер ими запасся, я бы прямо на них и наткнулся». И так оно и есть. Он переоценил этого мальчика. Думал, что Картер завтрашний, а он, оказался вчерашним. Большой Джим рассмеялся, однако тут же заставил себя замолчать. Смех в сплошной тьме звучал как-то трусливо.

«Не переживай. Заводи генератор».

Так. Правильно. Генератор - задача номер один. Он сможет вновь проверить надежность подключения, как только тот заведется и очиститель воздуха вновь затарахтит. К тому времени он уже найдет другой фонарик, а может, даже коулменовскую лампу. Следующая замена баллона будет происходить уже при полном свете.

- Это общий принцип, - произнес он. - Если хочешь, чтобы что-то делалось в этом мире надлежащим образом, тебе нужно делать это самому. Если бы спросить об этом Коггинса, или ту Перкинс, что рифмуется с «пядью». Они-то знают. - Он вновь рассмеялся. Невозможно было удержаться, потому что это было великолепно. - Они познакомились с этим принципом лично. Не следует дразнить большую собаку, когда имеешь только маленькую отвертку. Ни в коем случае.

Он поискал рукой кнопку стартера, нащупал и нажал ее. Ничего не произошло. Вдруг воздух в бункере показался еще более густым.

«Просто я нажал не ту кнопку, вот и все».

Сам понимая неправду, но веря в это, потому что есть вещи, в которые тебе нужно верить, он дунул себе на пальцы, как это делают азартные игроки в кости, надеясь выбросить горячее число. А тогда вновь начал нащупывать вокруг, пока его пальцы не нашли кнопку.

- Бог, - произнес он. - Это Твой слуга, Джеймс Ренни. Пожалуйста, сделай так, чтобы этот старый, никчемный драндулет завелся. Во имя Твоего Сына, Иисуса Христа, я прошу Тебя.

Он нажал кнопку стартера.

Ноль.

Он сел в темноте, свесив ноги в погребок с баллонами, стараясь загнать назад панический страх, который хотел было появиться и сожрать его живьем. Он должен думать. Это единственный путь к выживанию. Но думалось тяжело. Когда ты в темноте, когда твое сердце в любой момент угрожает бунтом, думать тяжело.

И что в этом самое плохое? Все, что он сделал, ради чего работал в течение последних тридцати лет своей жизни, казалось призрачным. Как те люди, которые остались по другую сторону Купола. Они ходили, говорили, ездили в машинах, даже летали на самолетах и

вертолетах. Но ничто из этого не имело значения, под Куполом ничто не имело значения.

«Возьми себя в руки. Если Бог тебе не помогает, помоги себе сам».

- Хорошо. Первым делом свет. Даже коробка спичек - уже дело. Должно же что-то лежать на какой-то из полок в другой комнате. Ему надо лишь пощупать там - не спеша, очень методично, - пока не найдет. А уже потом он найдет батарею для этого никчемного стартера. Батареи там должны быть, он был в этом уверен, потому что ему нужен был генератор. Без генератора он погибнет.

«Предположим, ты вновь заведешь стартер. А что дальше, когда закончится пропан?»

Да ну, что-то тогда вмешается в его судьбу. Он не собирался умереть здесь. Ростбиф с Иисусом? Фактически, он не спешит на тот обед. Если он не может сидеть в голове стола, он просто избегает любых банкетов.

Эта мысль заставила его засмеяться вновь. Он очень медленно, очень осторожно продвигался к дверям, которые вели в большую комнату. Держа руки перед собой, как слепой. Через семь шагов дотронулся ими до стены. Отправился направо, ведя пальцами по деревянной панели, и… вот! Пустота. Приоткрытые двери. Хорошо.

Он прополз через косяк, двигаясь теперь увереннее, несмотря на черноту. Размещение вещей в этой комнате он помнил хорошо: по бокам полки, прямо впереди дива…

И вновь он перецепился об того никчемного мальчика и упал пластом. Ударился лбом об пол и закричал - больше от неожиданности и досады, чем от боли, потому что ковер на полу смягчил удар. Однако же, о Господи, между ногами у него была мертвая рука. Казалось, сейчас она ухватит его за яйца.

Большой Джим вскочил на колени, двинулся вперед и вновь ударился головой, на этот раз об диван. Снова выдал вскрик, потом залез на диван, быстро подобрав за собой ноги, как делает человек, выскакивая из моря, где, как он вдруг понял, полно акул.

Он лежал и дрожал, приказывая себе успокоиться, он должен успокоиться, потому что иначе у него действительно может произойти инфаркт.

«Когда начинается аритмия, вы должны сконцентрироваться и делать длинные, глубокие вдохи», - говорил ему тот хиппи-доктор. Тогда Большой Джим отнесся к этим словам, как к обычной нью-эйджевской глупости, однако сейчас ему не оставалось ничего другого - обычного верапамила у него не было – и он должен был попробовать этот рецепт.

И он, похоже, действовал. Сделав двадцать глубоких вдохов, каждый раз выдыхая медленно, он ощутил, что сердце у него нормализовалось. И во рту уменьшилось медного привкуса. Вот только грудь ему сдавило. В левую руку вползала боль. Он знал, что это симптомы инфаркта, но думал, что это может быть также и от несварения желудка после всех тех съеденных им сардин. Самое вероятное, что от последнего. Длинные глубокие вдохи чудесно помогают его сердцу (но все равно, когда выберется из этого кавардака, ему надо показаться врачам, возможно, он даже согласится на сердечную хирургию). Жара - вот главная проблема. Жара и затхлый воздух. Он должен найти фонарь и вновь завести тот генер. Вот только еще минуточку, ну, может, пару…

Здесь слышно чье-то дыхание.

«Да уж, конечно. Это же я сам здесь и дышу».

И все-таки он был уверен, что слышит еще кого-то. Больше, чем кого-то одного. Ему показалось, что с ним здесь теперь несколько человек. И он подумал, что знает, кто они.

«Да это же просто смешно».

Так, но кто-то из тех, кто сейчас здесь дышит, находится вне дивана. Кто-то притаился в уголке. А кто-то стоит в трех футах перед ним.

«Нет. Прекратите!»

За диваном Бренда Перкинс. В уголке Лестер Коггинс, с отвисшей нижней челюстью.

А прямо перед ним стоит…

- Нет, - произнес Большой Джим. - Это сущее дерьмо. Чистая дурка это.

Он закрыл глаза, стараясь сконцентрироваться на тех длинных медленных вдохах.

- А тут так хорошо пахнет, отец, - впереди его прогудел Джуниор. - Пахнет, как в том амбаре. Как мои девочки.

Большой Джим заверещал.

- Помоги мне встать, братан, - отозвался с пола Картер. - Он меня так сильно порезал. Да еще и стрельнул в меня…

- Перестаньте, - прошептал Большой Джим, - ничего такого я не слышу, сейчас же прекратите. Я считаю вдохи. Я поправляю себе сердце.

- Все документы у меня сохранились, - произнесла Бренда Перкинс. - И копий у меня достаточно. Скоро они будут развешены на каждом телефонном столбе в городе, как развешивала Джулия последний номер своей газеты. «Готовься, твои грехи найдут тебя» - книга «Числа», раздел тридцать второй.

- Тебя нет здесь!

Но вдруг что-то - на прикосновенье, палец, - деликатно проехалось ему по щеке.

Большой Джим вновь заверещал. В противоатомном убежище было полно мертвых людей, которые все же дышали этим невероятно затхлым воздухом. Даже во тьме он видел их бледные лица. Видел глаза своего мертвого сына.

Большой Джим вскочил с дивана, размахивая в черном воздухе сжатыми кулаками.

- Прочь пошли отсюда! Все вы, прочь от меня!

Он бросился к ступенькам и перецепился об нижнюю. На этот раз не было ковра, чтобы смягчить удар. В глаза ему начала капать кровь. Мертвая рука ласкала ему шею сзади.

- Ты меня убил, - приговаривал Лестер Коггинс, но с его поломанной челюстью это у него звучало, как «ы ея уиу».

mir-knigi.org

Большой Джим рванул вверх по ступенькам и наверху ударился в двери всем своим значительным весом. Двери скрипнули и приотворились, отгребая собой в сторону обугленное дерево и наваленный кирпич.

«Нет! - гаркнул он. - Нет, не трогай меня! Вы, никто меня не трогайте!»

Среди руин комнаты заседаний стояла почти такая же тьма, как и в бункере, но было и существенное различие: воздух здесь совсем не годился для дыхания.

Большой Джим понял это уже после третьего вдоха. Напряженное выше границ выносливости этим последним рывком хозяина, его сердце вновь прыгнуло ему в горло. И на этот раз там оно и застряло.

Большой Джим вдруг ощутил, что от горла до пупа в нем провалилось что-то невероятно тяжелое: длинный мешок из дерюги, набитый камнями. Он сделал движение назад к дверям, словно человек, который силится пробрести сквозь ил. Попробовал протиснуться сквозь щель, но на этот раз глухо застрял. С его разинутого, хапающего воздух рта, с забитого горла начал рождаться ужасный звук, и звук этот был: «АААААААААААА. Накорми меня, накорми меня».

Он молотнул кулаком раз, второй, и тогда еще раз: потянулся рукой вперед, стремясь к какому-то последнему спасению.

Кто-то ласково погладил ему руку изнутри. «Папочка», - пропел чей-то голос.

16

Кто-то потряс Барби, разбудив его утром в воскресенье, перед рассветом. Он неохотно приходил в сознание, кашляя, инстинктивно обернувшись к Куполу, к вентиляторам вне его. Когда наконец-то прокашлялся, он посмотрел, кто же это его разбудил. Увидел Джулию. Волосы у нее развились и висели, щеки пылали горячкой, но глаза были ясными. Она произнесла:

- Бэнни Дрэйк умер час тому назад.

- Ох, Джулия. Боже правый, мне так жаль, - голос у него был надорванный, скрипучий, совсем не его голос.

- Мне нужно добраться до коробочки, которая генерирует Купол, - сказала она. - Как мне добраться до коробочки?

Барби покачал головой.

- Это невозможно. Если бы вы даже могли с ней что-то сделать, она находится на холме, почти в полмили отсюда. Мы здесь даже к машинам подойти не можем, не затаив дыхания, а к ним отсюда всего каких-то пятьдесят футов.

- Есть один способ, - произнес кто-то рядом с ними.

Они осмотрелись и увидели Сэма Вердро. Тот докуривал последнюю из своих сигарет и смотрел на них трезвыми глазами.

Он был трезв, полностью трезв, впервые за последних восемь лет.

mir-knigi.org

Сэм повторил:

- Есть один способ. Я могу вам показать.

БЕРИ И ИДИ ДОМОЙ, ЭТО ТЕБЕ БУДЕТ КАК ПЛАТЬЕ

1

Было семь тридцать утра. Все собрались вместе, даже несчастная, осунувшаяся мать покойного Бэнни Дрэйка. Элва обнимала за плечи Алису Эпплтон. Бывшая бодрая дерзость напрочь уплыла из девочки, а теперь еще и хрипы звучали за каждым дыханием ее щуплой груди.

Когда высказал все, что Сэм должен был сказать, запала минута тишины… если, конечно, не иметь в виду вездесущего рева вентиляторов. И тогда уже сказал Расти:

- Это безумие. Вы погибнете.

- А если мы останемся здесь, выживем? - спросил Барби.

- Но зачем это нужно вообще делать? - спросила Линда. - Даже если Сэм прав и его идея сработает, зачем это делать?

- О, я считаю, эта идея практичная, - сказал Ромми.

- Конечно, практичная, - подтвердил Сэм. - Один мужчина, по имени Питер Бергерон, рассказывал мне о таком вскоре после большого пожара в Бар Харборе[489] в сорок седьмом. Пит был еще тот черт, но никак не лжец.

- Ну, если даже все так, - не утихала Линда, - все равно зачем?

- Потому что есть еще одна вещь, которой мы делать не пробовали, - ответила Джулия. Теперь, уже приняв решение, и после того, как Барби сказал, что пойдет вместе с ней, она успокоилась. - Мы не пробовали умолять.

- Да ты сошла с ума, Джулия, - произнес Тони Гай. - Думаешь, они вообще способны что-то слышать? Выслушают ли тебя, даже если услышат?

Джулия обернулась с серьезным лицом к Расти:

- Когда ваш друг Джордж Летроп жег линзой муравьев, вы слышали их мольбы?

- Муравьи не могут умолять, Джулия.

- Я запомнила ваши слова: «До меня вдруг дошло, что у муравьев тоже есть их собственные жизни». Почему до вас это дошло?

- Потому что… - начал он, но лишь пожал плечами.

- Возможно, вы их услышали, - подсказала Лисса Джеймисон.

- Со всем моим уважением, но это полная дурка, - произнес Пит Фримэн. - Муравьи это всего

лишь муравьи. Они ни о чем не могут умолять.

- Зато люди могут, - сказала Джулия. - И разве мы также не имеем наши собственные жизни?

На эти ее слова не откликнулся никто.

- И разве у нас есть что-то другое, что могли бы попробовать сделать?

Послышался голос полковника Кокса, который стоял неподалеку. Они о нем совсем забыли. Внешний мир с его населением теперь казался чем-то несущественным.

- Я, бы на вашем месте, попробовал бы. Не ссылайтесь на мои слова… однако да, я бы попробовал. Барби?

- Я уже с этим согласился, - сказал Барби. - Она права. Другого выбора у нас нет.

2

- Ну-ка, давайте посмотрим те мешки, - сказал Сэм.

Линда подала ему три зеленых пакета для мусора фирмы «Гефти». В два из них она напаковала одежду для себя и Расти и несколько книжек для девочек (рубашки, брюки, носки, нижнее белье теперь валялись, кое-как брошенные перед группой беженцев). Третий мешок предоставил Ромми, до этого в нем лежали два ружья на оленей. Сэм осмотрел все три, нашел дырочку в том, где лежали винтовки, и отодвинул его в сторону. Два других были целыми.

- Хорошо, - произнес он, - слушайте сюда. К коробочке поедет минивен миссис Эверетт, но сначала его надо подогнать сюда, - он показал на «Одиссей». - Миссис, вы уверены, что стекла оставили поднятыми? Надо, чтобы вы точно знали, потому что от этого зависят жизни.

- Они были поднятыми, - сказала Линда. - Мы ехали с включенным кондиционером.

Сэм взглянул на Расти.

- Док, вы подгоните его сюда, но первое, что вы сделаете, выключите тот искусственный воздух. Вы же понимаете зачем, не так ли?

- Чтобы сохранить атмосферу в кабине.

- Ясно, что немного плохого воздуха попадет в машину, когда вы откроете дверцы, но немного, если вы будете действовать быстро. В кабине еще будет пригодный воздух, городской. Люди внутри смогут легко им дышать всю дорогу к коробочке. Старый фургон не годится, и не только потому, что в нем окна открыты…

- Мы должны были, - заметила Норри, глядя на краденый фургон телефонной компании. - Кондиционер был поломан. Д-дедушка сказал. - С левого глаза у нее выкатилась медленная слезинка и прочертила линию вниз по ее грязной щеке. Грязь теперь была повсюду, и сажа, такая мелкая, что ее было почти не видно, сеялась с мышиных небес.

- Все так, дорогуша, - сказал Сэм. - Но на нем все равно такие скаты, что дерьма достойные. Достаточно одного взгляда, чтобы понять, с чьей стоянки подержанных машин взят этот ублюдок.

mir-knigi.org

- Догадываюсь я, это означает, что нужен мой автомобиль как вторая машина, - произнес Ромми. - Я его подгоню.

Но Сэм затряс головой:

- Лучше пусть будет машина миссис Шамвей, потому что у нее скаты меньше, и с ними будет легче управиться. И они у нее совсем новенькие. Воздух внутри их свежее.

Джо Макклечи вдруг расцвел улыбкой.

- Воздух из шин! Воздухом из шин заправить мусорные мешки! Самодельные акваланги! Мистер Вердро, это же просто гениально!

Неряха Сэм тоже оскалился, показывая все имеющиеся у него шесть зубов.

- Не могу претендовать на патент, сынок. Все претензии к Питу Бергерону. Он рассказывал о двух лесорубах, которые оказались за фронтом того пожара в Бар Харборе, когда огонь над ними пронесся верхом. С ними самыми все было о'кей, но воздух для дыхания там стал непригодным. И что они сделали, так это сорвали колпачок вентиля на скате лесовоза и поочередно дышали прямо с пиптика, пока ветром не нагнало свежего воздуха. Пит рассказывал, они говорили ему, что на вкус тот воздух с шины был ужас каким мерзким, как дохлая рыба, но именно благодаря нему они и выжили.

- А хватит ли одной шины? - задала вопрос Джулия.

- Должно, но нам не следует доверять запаскам, если это те аварийные таблетки, которые придумали только для того, чтобы на них можно было проехать миль двадцать по хорошей трассе и не больше.

- У меня не такая, - сообщила Джулия. - Те я терпеть не могу. Я попросила Джонни Карвера оборудовать мою машину нормальной шиной, и так он и сделал. - Она посмотрела в сторону города. - Думаю, Джонни погиб. И Керри также.

- Нам лучше снять также еще одно колесо с машины, просто, чтобы обезопаситься, - сказал Барби. - Инструменты у вас есть?

Джулия кивнула.

Не так чтобы уж очень весело улыбнулся Ромми.

- Я вызываю вас на гонку, док. Ваш минивен против гибрида Джулии.

- Нет, «Приус» поведу я, - сказала Пайпер. - А вы оставайтесь здесь, Ромми. Потому что вид у вас очень скверный, дерьмо дерьмом.

- Ничего себе разговорчики от проповедницы, - пробурчал Ромми.

- Вы должны были бы быть признательными за то, что я чувствую себя еще немного бодро и могу подкинуть пару бранных слов.

На самом деле преподобная Либби сама имела вид далекий от бодрости, однако Джулия все равно вручила ключи ей. Никто здесь не выглядел способным на попойку с неприличными танцами, но Пайпер была в лучшей форме, чем большинство из них; Клэр Макклечи была белее, чем молоко.

- О'кей, - сказал Сэм. - Есть у нас еще и другая проблемка, но сначала…

- Что? - перебила Линда. - Какая это еще другая проблемка?

- Не переживайте сейчас за это. Сначала давайте перегоним сюда наше железо. Когда желаете начать?

Расти посмотрел на пасторшу Конгрегационной церкви Честер Милла. Пайпер кивнула.

- Прямо сейчас, - сказал Расти.

3

Последние из местных жителей только смотрели, но не только они. На своей стороне Купола вместе с Коксом собралось около сотни солдат, они созерцали на это с безмолвным вниманием, как зрители на теннисном матче.

Расти и Пайпер провели гипервентиляцию возле Купола, нагрузив себе легкие по возможности большим количеством кислорода. А тогда, рука в руку, побежали к машинам. Добравшись туда, разделились. Пайпер упала на колено, выпустила из руки ключи от «Приуса», и все зрители вместе издали стон.

Затем она подняла из травы ключи и вновь вскочила на ноги. Расти уже сидел в «Одиссее» с работающим двигателем, когда она открыла двери маленького зеленого автомобиля и запрыгнула вглубь.

- Надеюсь, они не забыли повыключать кондиционеры, - проговорил Сэм.

Машины тронулись почти абсолютным тандемом, «Приус» тенью вслед за намного большим минивеном, как терьер по пятам за овцой. Они быстро приближались к Куполу, подскакивая на неровностях почвы. Беженцы бросились врассыпную перед ними, Элва с Алисой Эпплтон на руках, а Линда с кашляющими Джей-Джей подмышками.

«Приус» остановился меньше чем за фут от грязного барьера, зато Расти круто развернул «Одиссей» и стал к Куполу задом.

- У вашего мужа крутые яйца, и еще более крутой набор легких, - произнес Сэм, не смотря на Линду.

- Это потому, что он бросил курить, - заметила Линда, при этом фыркнул, подавив смех, Твич, но те двое, то ли его действительно не услышали, то ли не захотели.

Какие не хорошие у него легкие, но Расти не медлил. Захлопнув за собой двери, он бегом бросился к Куполу.

- Как мило, - сказал он… и начал кашлять.

- А воздухом в кабине дышать можно, как говорил Сэм?

- Он там лучше того, что здесь, - безумно хохотнул он. - Но он был прав относительно другого: каждый раз, когда открываешь двери, немного хорошего воздуха вылетает прочь, а немного плохого попадает в кабину. Возможно, до коробочки вы сможете добраться и без воздуха из шины, но я сомневаюсь, чтобы вы сумели без него вернуться назад.

- Они не будут управлять, ни он, ни она, - объявил Сэм. - Я поведу машину.

Барби ощутил, как его губы сложились в первую за все последние дни по-настоящему искреннюю улыбку:

- А я думал, что вас лишили прав.

- Да как-то я не наблюдаю здесь ни одного копа, - ответил Сэм. Он обернулся к Коксу. - А вы как, кэп? Видите вокруг хоть одну деревенщину в форме или помощника окружного шерифа?

- Никогошечки, - сказал Кокс.

Джулия потянула Барби в сторону.

- Вы точно уверены, что желаете это сделать?

- Да.

- Вы понимаете, что шансы плавают где-то между мизерными и никакими, правильно?

- Да.

- А умолять вы умеете, полковник Барбара?

Ему на миг вспомнился тот спортзал в Фаллудже: Эмерсон бьет одного из арестантов снизу по яйцам так сильно, что те взлетают вверх перед ним, Гакермеер, приставив другому пистолет к голове, тянет его за хиджаб. Кровь брызжет на стену, как она всегда брызжет на стену, еще с тех времен, когда люди бились палками.

- Я не знаю, - говорит он. - Знаю лишь, что сейчас настала моя очередь.

4

Ромми, Пит Фримэн и Тони Гай подняли домкратом «Приус» и сняли одно рабочее колесо. В обычных обстоятельствах они могли бы поднять зад этой маленькой машины даже голыми руками. Но не теперь. Хотя машина и стояла близко к вентиляторам, пока они не закончили эту работу, им постоянно приходилось подбегать к Куполу, чтобы сделать по глотку воздуха. А в конце Рози даже пришлось заменить Тони, который уже кашлял так, что не мог работать дальше.

Впрочем, наконец, упертые об Купол, перед ними стояли две новых шины.

- Ну вот, пока что все идет нормально, - произнес Сэм. - А теперь о той другой проблемке. Я надеюсь, кто-то выдаст какую-то идею, потому что у меня нет никакой.

Все вперились взглядами в него.

- Мой друг Питер рассказывал, что те ребята сорвали колпачок и дышали прямо из шины, но здесь так не получится. Надо наполнить те мусорные мешки, а для этого нужна большая дырка. Можно пробить шину, но без чего-то такого, что можно было бы вставить в дыру - чего-то наподобие трубочки для коктейля - мы потеряем больше воздуха, чем поймаем. И… что бы это такое могло быть? - Он с надеждой осмотрелся вокруг. - Я так подозреваю, что никто не привез с собой палатки? Такие, что их натягивают на алюминиевые трубки?

mir-knigi.org

- У моих девочек есть игровая палатка, но она остался дома, в гараже, - сказала Линда. И сразу же вспомнила, что гараж исчез, исчез вместе с домом, возле которого стоял, и дико расхохоталась.

- А как относительно корпуса авторучки? - спросил Джо. - У меня есть…

- Размер маленький, - возразил Барби. - Расти, а в санитарной машине нет ничего такого?

-Может, трахейная трубка? - неуверенно произнес Расти и сам себе ответил: - Нет. Тоже недостаточного размера.

Барби обернулся к Коксу.

- Полковник, может, вы что-то посоветуете?

Кокс нехотя покачал головой.

- У нас здесь, вероятно, тысячи разных вещей, которые бы подошли, но мы вам ничем не можем помочь.

- Мы не можем позволить, чтобы это нас остановило, - заявила Джулия. Барби расслышал в ее голосе новую тревожность с зачатками паники. - Бросаем морочить себе головы теми мешками! Мы возьмем с собой шины, и будем дышать прямо из них!

Сэм уже мотал, возражая, головой:

- Нет, миссис, это никак не годится. Извините, но не годится.

Линда наклонилась ближе к Куполу, сделала несколько глубоких вдохов, задержав последний. И тогда пошла к своему «Одиссею», поскребла заднее окно, отчистив немного сажи, и заглянула вовнутрь:

- Пакет там так и лежит, - произнесла она. - Слава Богу.

- Что за пакет? - спросил, обнимая ее за плечи, Расти.

- Пакет с «Бест Бай»[490], в нем подарок тебе на день рождения. Восьмого ноября, или ты забыл?

- Забыл. Сознательно. Кому к черту нравится становиться сорокалетним? А что там?

- Я знала, что, если занесу в дом, ты его обязательно найдешь раньше, чем настанет время дарить… - она бросила взгляд на остальных людей, лицо имела уважительное и грязное, как у какой-то уличной замарашки. - Он такой любознательный, всюду заглянет. Я и оставила подарок в машине.

- А что ты купила ему, Линни? - спросила Джеки Веттингтон.

- Надеюсь, подарок для нас всех, - ответила Линда.

5

Когда все было готовы, Барби, Джулия и Неряха Сэм обнялись и поцеловались со всеми

mir-knigi.org

поочередно, включая детей. Мало надежды читалось на лицах почти двух десятков беженцев, которых они оставляли здесь. Барби старался убедить себя, что это от их изможденности, а теперь еще и от недостатка свежего воздуха, но понимал, что это не так. Это были прощальные поцелуи.

- Удачи вам, полковник Барбара, - произнес Кокс.

Барби ответил ему коротким кивком и обернулся к Расти. К Расти, который сейчас действительно был важной персоной, потому что находился под Куполом.

- Не теряй сам здесь надежду и никому не позволяй. Если у нас ничего не выйдет, проявляй заботу о них, сколько сможешь и как только сможешь.

- Я тебя понимаю, но… Ты уж приложи усилия.

Барби качнул головой на Джулию.

- Главные усилия лежат на ней, так мне кажется. И, черт побери, может, у нас получится вернуться сюда, даже если ничего и не сделаем там.

- Обязательно вернетесь, - сказал Расти. Произнес он это искренне, но то, во что он на самом деле верил, читалось в его глазах.

Барби хлопнул его по плечу, потом присоединился к Джулии и Сэму возле Купола, которые вновь стояли там, стараясь надышаться свежим воздухом, который едва сочился сквозь барьер. Сэму он сказал:

- Вы точно уверены, что хотите взять в этом участие?

- А то. Имею для этого причину.

- Какую именно, Сэм? - спросила Джулия.

- Лучше не буду говорить, - улыбнулся тот криво. - Тем более городской газетчице.

- Вы готовы? - спросил Барби у Джулии.

- Да, - взяла она его за руку, коротко пожав. - Вполне готова, насколько это возможно.

6

Ромми и Джеки Веттингтон заняли позиции возле задних дверей минивена. Когда Барби скомандовал: «Давай!», Джеки резко распахнула двери, а Ромми закинул внутрь два колеса от «Приуса». Следом в салон заскочили Барби с Джулией, и в ту же секунду двери за ними захлопнулись. Старый, разорванный алкоголем, но все еще прыткий, как конячка, Сэм Вердро уже сидел за рулем и заводил двигатель.

В машине теперь пахло так же, как и во внешнем мире: мерзким ароматом обугленного дерева на лако-скипидарной основе - но все равно воздух здесь был лучше того, которым они дышали возле Купола, даже стоя напротив нескольких десятков мощных вентиляторов.

«Долго он таким здесь не пробудет, - подумал Барби. - Втроем мы его быстро используем».

mir-knigi.org

Джулия ухватила довольно большой фирменный пакет магазина «Бест Бай» и перекинула его кверху низом. Оттуда выпал пластиковый цилиндр со словами АБСОЛЮТНОЕ ЗВУЧАНИЕ[491] на нем. А ниже шла надпись: «50 компакт-дисков для записи». Она начала подцеплять ногтем целлофан, в который был упакован тубус, но безуспешно. Барби полез рукой в карман за своим армейским ножичком, и сердце у него оборвалось. Ножа на месте не было. Да конечно же, и быть не могло. Теперь тот превратился в кусок шлака под тем, что осталось от полицейского участка.

- Сэм! Пожалуйста, у вас, часом, ножа нет?

Вместо ответа, Сэм просто подал назад нож.

- Это нож еще моего отца. Он со мной всю мою жизнь, и я желаю получить его назад.

Деревянные накладки на рукояти едва не полностью потеряли ребристость от возраста, но когда Барби открыл нож, его единственное лезвие оказалось остро отточенным. Им не только целлофан сдирать, этот нож прекрасно пригодится для прорезания аккуратных дырок в шинах.

- Быстрее там! - позвал Сэм, газуя двигателем «Одиссея». - Мы никуда не поедем, пока вы не скажете мне, что та штука годится для нашего дела, а я не уверен, что в этом воздухе мотор будет работать вечно!

Барби подцепил целлофан. Джулия содрала упаковку. Провернула немного влево пластиковый цилиндр, и тот снялся с основы. Нанизанные на пластиковый шпиндель виднелись пустые компакт-диски, которые должны были стать подарком ко дню рождения Расти Эверетта. Она ссыпала их на пол вена, а уже тогда сомкнула пальцы на шпинделе, сжав губы от усилия.

- Дайте я сделаю… - начал он, но она уже отломала тот штырь.

- Девушки тоже сильные создания. Особенно, когда они насмерть перепуганы.

- Он трубчатый? Если нет, мы загнали себя на скользкое место.

Она подняла шпиндель себе ближе к лицу. Барби заглянул в его другой торец и увидел на противоположном конце ее синий глаз.

- Поехали, Сэм, - произнес он. - Мы в деле.

- Вы уверены, что оно пригодится? - позвал назад Сэм, перебрасывая трансмиссию на полный ход.

- Могу поспорить! - откликнулся Барби, потому что слова «откуда я к черту могу это знать» никому бы не добавили бодрости. Прежде всего, ему самому.

7

Беженцы возле Купола смотрели, как вен сорвался с места и помчал по ухабистому проселку в сторону того, что Норри Келверт приспособилась называть «вспыхивалкой». «Одиссей» погрузился в нависающий смог, превратился в фантом, а потом и совсем исчез с глаз.

Расти и Линда стояли рядом, держа каждый на руках по ребенку.

- Что ты об этом думаешь, Расти? - спросила Линда.

- Я думаю, что нам надо надеяться на лучшее, - ответил он.

- А готовиться к худшему?

- И это тоже, - согласился он.

8

Они как раз миновали здание фермы, когда Сэм позвал их:

- Мы сейчас въедем в сад. Держитесь за петельки, детки, потому что я не собираюсь останавливать этого ублюдка, даже если ему сейчас ходовую оторвет.

- Гони, - откликнулся Барби, а следом жестокий удар подбросил его вверх с руками, сомкнутыми на одной из запасных шин. Джулия вцепилась в другую, словно жертва кораблекрушения в спасательный круг. По бокам мелькали яблони. Их грязная листва висела безвольно. Большинство яблок осыпались на землю, сбитые ветром, который, рожденный огнем после взрыва, пронесся по саду.

Еще один грандиозный удар. Барби с Джулией вместе подскочили и одновременно упали назад, Джулия распласталась у него на коленях, так и не выпуская из рук шину.

- Где вы приобрели водительские права, чертов убийца? - закричал Барби. - В «Сиерзе» или в «Робаке»?

- В «Уоллмарте»[492], - крикнул в ответ старый пьяница. - Все самое дешевое в мире в «Уолли»! - Но тут же перестал хохотать. - Я ее вижу. Я вижу эту сучью мигалку. Яркий пурпурный огонек. Подкачу и стану прямо вплотную. Подождите, пока я остановлюсь, и уже тогда начинайте резать те шины, если не хотите их совсем распанахать.

В следующий миг он ударил по тормозам и «Одиссей», скрипнув, так резко замер, что Барби с Джулией на заднем сидении соскользнули вниз. «Вот теперь я знаю, как чувствует себя бильярдный шар», - подумал Барби.

- Вы водите машину, как бостонские таксисты! - пришла в негодование Джулия.

- Тогда не забудьте о чаевых, - парировал Сэм, прерванный приступом тяжелого кашля. - Двадцать процентов. - Голос у него звучал подавлено.

- Сэм? - забеспокоилась Джулия. - С вами все хорошо?

- Наверное, нет, - проговорил тот небрежно. - Где-то во мне кровоточит. Может, в горле, но по ощущениям, так словно где-то глубже. - И он вновь закашлял.

- Что мы можем сделать? - спросила Джулия.

Сэм унял свой кашель:

- Уговорите их выключить этот их долбаный барьер, чтобы нам выбраться отсюда. У меня сигареты закончились.

9

- Я начинаю и действую сама, - сказала Джулия. - Просто, чтобы вы знали.

Барби кивнул:

- Да, мэм.

- Вы побудете возле меня сугубо подавальщиком воздуха. Если у меня не получится повлиять, мы поменяемся ролями.

- Если бы я знал точно, что вы задумали, это нам, вероятно, могло бы помочь.

- Ничего точного нет. Все, что я имею, - это лишь интуиция и немного надежды.

- Не будьте такой пессимисткой. У вас еще есть две шины, два мешка для мусора и трубка из шпинделя.

Она улыбнулась. Улыбка просветила ее напряженное, грязное лицо.

- Принято к вниманию.

Сэма вновь скрутил кашель, он скорчился за рулем. Потом что-то выплюнул за двери.

- Бог Отче и Сынок Иисус, ох и смрад здесь, - произнес он. - Спешите.

Барби проткнул свою шину ножом и едва только извлек лезвие, как послышалось фуууш. Джулия со сноровкой операционной сестры немедленно вложила ему в руки трубчатый шпиндель. Барби вонзил его в дыру, увидел, как его охватывает резина… и ощутил, как божественный ручей воздуха потек ему на вспотевшее лицо. Неспособный удержаться, он сделал один глубокий вдох. Воздух был намного лучше, гуще того, что им продували сквозь Купол вентиляторы. У него словно проснулся мозг, и он немедленно принял решение. Вместо того, чтобы одевать на их самодельный штуцер мешок для мусора, он вырезал из одного из них большую, с неровными краями заплатку.

- Что это вы делаете? - заверещала Джулия.

Времени не было, чтобы объяснять ей, что не только она имеет интуицию.

Он заткнул шпиндель куском пластика.

- Доверьтесь мне. Просто идите к коробочке и делайте, что задумали.

Она бросила на него последний взгляд, ее лицо, казалось, заполнили одни лишь глаза, и тогда отворила двери «Одиссея». Она буквально выпала с машины на траву, подобралась, переступила через порожек и упала на колени возле коробочки. Барби отправился вслед за ней с обеими шинами. В кармане у него лежал Сэмов нож. Он упал на колени и предложил Джулии шину, из которой торчал черный шпиндель.

Она выдернула затычку, сделала вдох - втягивая от усилия щеки - выдохнула в сторону, и тогда вновь вдохнула. По ее щекам, прорезая на них чистые дорожки, потекли слезы. И Барби тоже заплакал. Эмоции здесь были ни к чему; просто они здесь словно попали под самый паскудный в мире кислотный дождь. Здешняя атмосфера была намного хуже, чем возле Купола.

Джулия еще глотнула воздуха.

- Хорошо, - сказала она на выдохе, выпуская воздух едва ли не со свистом. – Какой же он хороший. Не безобразный. - Она вновь вдохнула и подтолкнула шину к нему.

Он покачал головой и оттолкнул ее назад, хотя в легких у него уже гудело. Он похлопал себя по груди, потом показал пальцем на нее.

Она вновь сделала глубокий вдох, потом еще раз присосалась. Барби надавил на шину, чтобы ей помочь. Издалека, слабо, словно из другого мира, он слышал, как кашляет Сэм, все кашляет и кашляет.

«Так он сам себя растерзает», - подумал Барби. Он ощутил, что и сам сейчас разорвется на куски, если скоро не сделает вдоха, и когда Джулия вторично подтолкнула к нему шину, он наклонился над самодельным соском и глубоко всосал, тянул в себя замечательный воздух, стараясь заполнить им себе легкие вплоть до самого дна. Не ощущал насыщения, его, насыщения, казалось, никогда не настанет, вместо этого настал миг, когда паника

(Господи, я тону)

чуть его не проглотила. Желание броситься назад в машину - его не волнует Джулия, пусть Джулия сама о себе заботится - было таким сильным, что довольно и упираться… но он уперся. Закрыл глаза, вдохнул и попробовал отыскать прохладный спокойный центр, который должен был быть где-то поблизости.

Легче. Медленнее. Легче.

Он в третий раз вдохнул в себя воздух, равномерно высасывая его с шины, и сердце у него начало понемногу замедлять свой неистовый галоп. Он увидел, как наклонилась Джулия, как она взялась за коробочку обеими руками. Не происходило ничего, и Барби этому не удивился. Она дотрагивалась до коробочки, когда они прибыли сюда впервые, и теперь имела иммунитет против шока.

И вдруг она дугой выгнула спину. Застонала. Барби попробовал подать ей шину с соском, но она его проигнорировала. Кровь хлынула у нее из носа, кровь начала сочиться из уголка ее правого глаза. Красные капли поползли по щеке.

- Что там происходит? - позвал Сэм. Голос у него звучал подавлено, запыхавшись.

«Я не знаю, - подумал Барби. - Я не знаю, что происходит». Но он знал одно: если она вскоре не сделает очередной вдох, она умрет. Он выдернул шпиндель с шины, зажал его зубами и вогнал Сэмов нож в другую шину. Вонзил шпиндель в дыру и заткнул его куском пластика. И ждал.

10

Это время, где времени нет.

Она в огромном белом помещении без крыши, лишь чужое зеленое небо вверху.

Это… что такое? Игровая комната? Да игровая комната. Их комната.

(Нет, она лежит на площадной сцене.)

Она женщина среднего возраста.

(Нет, она маленькая девочка.)

Здесь нет времени.

(Сейчас 1974 год и впереди все время всего мира.)

Она должна сделать вдох из шины.

(ей не надо.)

Что-то смотрит на нее. Что-то ужасное. Но и она ужасная для него также, потому что она больше, чем оно себе думало, и она здесь. Она не должна была бы быть здесь. Она должна была быть в коробочке. Однако она все еще безопасна. Оно это понимает, хотя оно всего лишь

(просто ребенок)

очень юное; фактически, еще недавно едва ли не грудной ребенок. Оно говорит.

- Ты ненастоящая, ты выдуманая.

- Нет, я реальная. Умоляю. Я реальная. Мы все реальные. Кожеголовый изучает ее лицом без глаз. Он хмурится. Углы его рта опускаются вниз, хотя оно и не имеет рта. И Джулия понимает, как ей повезло, что он здесь сейчас один. Их здесь по обыкновению больше, но они

(пошли домой обедать, завтракать, спать пошли, в школу поехали на каникулы, не важно, куда они пошли)

куда-то пошли. Если бы они здесь были сейчас все вместе, они бы загнали ее назад. Этот и сам может загнать ее назад, но ему интересно.

Ей?

Да.

Оно женского рода, как и она сама.

- Умоляю, выпусти нас. Молю, позволь нам жить нашими собственными жизнями.

Ответа нет. Ответа нет. Ответа нет. А потом:

- Вы не настоящие. Вы…

Что? Что она сказала? «Вы куклы из игрушечного магазина?» Нет, но что-то подобное этому. У Джулии коротко вспыхивает в памяти воспоминание о формикарии, который имел ее брат, когда они с ним были детьми. Воспоминание длится меньше секунды. Муравейник в стеклянной коробке это совсем не то, а вот, как куклы из игрушечного магазина - это ближе. Это уже истинно, как говорят.

- Как вы можете жить собственными жизнями, если вы не настоящие?

- МЫ ОЧЕНЬ НАСТОЯЩИЕ! - рыдает она, и это как раз тот стон, который слышит Барби. - МЫ ТАКИЕ ЖЕ РЕАЛЬНЫЕ, КАК И ВЫ!

Молчание. Существо с подвижным кожистым лицом в огромной белой комнате без крыши,

которая каким-то образом является одновременно и сценой в Честер Милле. И тогда:

- Докажи это.

- Дай мне свою руку.

- У меня нет руки. У меня нет тела. Тела не настоящие. Тела - это сны.

- Тогда дай мне твой ум!

Кожеголовая не дает. Не даст.

Поэтому Джулия берет сама.

11

Это место, где места нет.

Холодно на сцене, а она так испугана… Что еще хуже, она… унижена? Нет, это хуже, намного хуже унижения. Если бы она знала слово позорить, она бы сказала: «Да, так, именно это, я опозорена». Они содрали с нее брюки.

(А где-то солдаты бьют ногами голых людей в спортзале. Это кого-то другого стыд смешался с ее стыдом.)

Она плачет.

(Он ощущает, что вот-вот заплачет, но удерживается. Сейчас они должны это спрятать.)

Девушки уже ушли, но нос у нее еще кровоточит - Лила дала ей пощечину и пообещала отрезать нос, если она кому-то пожалуется, и все вместе они плевали на нее, и теперь она лежит здесь и, наверное, плакала она очень сильно, потому что ей кажется, что из глаза у нее идет кровь, и из носа тоже, и ей тяжело сделать вдох. Но ей безразлично, что из нее льется кровь, и откуда именно она льется, ей тоже безразлично. Лучше ей насмерть истечь кровью здесь, на сцене, чем идти домой в идиотских детских трусиках. Лучше кровь пусть течет у нее из сотен ран, пусть она лучше умрет, только бы не видеть того солдата,

(после этого Барби старается не думать о том солдате, но вместо этого думает: «Гакермеер - гакермонстр») который тянет голого мужчину за ту штуку,

(хиджаб)

что у того на голове, потому что она знает, что случится дальше. Это то, что случается дальше всегда, когда ты под Куполом.

Она видит, как одна из девушек возвращается назад. Кэйла Бевинс возвращается назад. Она там стоит и смотрит на землю, на глупенькую Джулию Шамвей, которая о себе думала, что она умная. Глупая Джулия Шамвей в детских трусиках. Или Кэйла вернулась, чтобы сорвать с нее остаток одежды и закинуть ее на крышу сцены, чтобы она вынужденная была возвращаться домой голой, прикрывая себе руками пизденку? Почему люди такие жестокие?

Она закрывает глаза, чтобы удержаться от слез, а когда раскрывает их вновь, Кэйла изменилась. Теперь у нее нет лица, только что-то похожее на подвижный кожаный шлем, на

mir-knigi.org

котором не видно ни сочувствия, ни любви, ни даже ненависти.

Только… любопытство. Да, именно так. А что будет с этим, если я сделаю ему… так?

Джулия Шамвей ничегошеньки больше не стоит. Джулия Шамвей ничего не значит; найдите самое непотребное ничтожество, загляните под него, и вот там-то сучит копытами она, Шамвей-муравей. Она также муравей-арестант; муравей-арестант в спортивном зале, совсем голый, на котором ничего не осталось, кроме развитого убора на голове, у которого виднеется последнее воспоминание - душистый, пухленький свежеиспеченный хубз[493], который держит в руках его жена.

Она и кот с горящим хвостом, и насекомое под микроскопом, и муха за мгновение до того, как в дождевой день язвительные пальцы какого-то интересующегося третьеклассника оторвут ей крылышки, игрушка для истосковавшихся бестелесых детей, и вся Вселенная лежит возле ее ног. Она Барби, она Сэм, который умирает в машине Линды Эверетт, она Олли, который умирает в пепле, она Элва Дрэйк в тоске по своему мертвому сыну.

Но, главное, она маленькая девочка, скукоженная на дощатом полу эстрады на общественной площади своего города, маленькая девочка, наказанная за свою наивную заносчивость, маленькая девочка, которая ошибалась, считая себя большой, тогда как она крохотная, считая себя значащей, тогда как она не значила ничегошеньки, считая, что мир к нее внимателен, тогда как в действительности мир - это огромный мертвый локомотив с двигателем, но без прожектора. И вкладывая в плач все свое сердце, и ум, и душу, она умоляет:

- ПРОШУ, ПОЗВОЛЬТЕ НАМ ЖИТЬ! Я ВАС УМОЛЯЮ, ПОЖАЛУЙСТА!

И какой-то крохотный миг она - кожеголовая в белой комнате; она девочка, которая вернулась (по причинам, которые самая себе объяснить не в состоянии) назад к парковой сцене. На один ужасный миг Джулия - та, которая это сделала, а не та, которой это было сделано. Она даже тот солдат с пистолетом, гакермонстр, который постоянно возвращается в сны Дейла Барбары, тот, которого он не остановил.

А потом она - просто она.

Смотрит вверх на Кэйлу Бевинс.

У Кэйли бедная семья. Ее отец валит лес в ТР-90 и выпивает в пабе во Фреше (заведении, которое в надлежащее время станет «Диппером»). У ее матери на щеке большое розовое пятно, поэтому дети зовут ее Вишневой Головкой или Земляничной Мордой. У Кэйли совсем нет хорошей одежды. Сегодня на ней старый коричневый свитер, и старая клетчатая юбочка, и стоптанные ботинки, и белые носки с растянутыми голенищами. Одно колено разбито, вероятно, сама упала или кто-то толкнул ее на игровой площадке. Это Кэйла Бевинс, хорошо, но сейчас лицо у нее кожаное. И хотя оно беспрерывно меняет формы, ни одно из них даже близко не похоже на человеческое.

Джулия думает: «Я вижу, как ребенок смотрит на муравья, когда муравей смотрит вверх со своей стороны увеличительного стекла. Когда она смотрит вверх за миг до того, как сгореть».

- УМОЛЯЮ, КЕЙЛИ! ПРОШУ! МЫ ЖИВЫЕ!

Кэйли смотрит на нее сверху и ничего не делает. И тогда скрещивает перед собой руки - это человеческие руки в этом видении - и через голову снимает с себя свитер. В голосе ее, когда она начинает говорить, нет любви, нет сочувствия, нет раскаяния.

Но в нем, возможно, есть жалость.

Она говорит.

12

Джулию откинуло от коробочки, словно чья-то рука ее отбросила. Последнее задержанное дыхание вылетело из нее прочь. Прежде чем она успела сделать вдох, за плечо ее схватил Барби, выдернул затычку со шпинделя и натолкнул ее ртом на него, с надеждой, что не поранит ей язык или - Бог избавь - не вгонит жесткую пластиковую трубку ей в нёбо. Он никак не мог позволить ей вдохнуть отравленного воздуха. С такой кислородной недостаточностью, как у нее сейчас, начнутся или судороги, или она просто напросто умрет.

Откуда бы не вернулась, но, похоже было, что она не потеряла голову. Вместо того чтобы отбиваться, она мертвой хваткой вцепилась руками в шину от «Приуса» и начала лихорадочно сосать со шпинделя. Он ощутил, как ее тело большими волнами пронизывает дрожь.

Сэм наконец-то перестал кашлять, но теперь родился какой-то другой звук. И Джулия тоже его услышала. Она еще раз присосалась к шине и подняла глаза вверх, большие, широко раскрытые в ее глубоких, притененных глазницах.

Лаяла собака. Это должен был быть Горес, потому что он - единственная собака, которая осталась. Он…

Барби схватил ее за руку, так крепко сжав, что она подумала: «Сейчас он ее мне сломает». На его лице застыло выражение простого удивления.

Коробочка со странным на ней символом зависла на высоте четыре фута над поверхностью земли.

13

Горес был первым, кто почувствовал свежий воздух, потому что он находился ближе всех к земле. Он начал лаять. Следом его почувствовал Джо: ощутил ветерок, трусливо холодное протяжение у себя на спине. Джо опирался на Купол, а Купол пришел в движение. Двигался вверх. Норри дремала, склонив голову с раскрасневшимся лицом на грудь Джо, и тут он заметил, как вдруг начала трепетаться кудряшка ее грязных, запутанных волос. Она раскрыла глаза.

- Что?… Джои, что случилось?

Джо понял, но сам был весьма пораженный, чтобы объяснять ей. Он ощущал спиной плавное скользкое движение, словно вне его двигается вверх бесконечный лист стекла.

Горес уже лаял, как бешеный, с выгнутой в дугу спиной, носом к земле. В его традиционной позе я-хочу-играться, однако, Горес не игрался. Он вонзил нос под всплывающий вверх Купол и нюхал свежий прохладный воздух.

Божественно!

14

Рядовой Клинт Эймс на южной стороне Купола также кунял. Он сидел, скрестив ноги на мягкой обочине шоссе 119, закутавшись в одеяло на индейский манер. Вдруг потемнело в воздухе, словно нехорошие сновидения выпорхнули из его головы и набрали физической формы. А затем он закашлялся и проснулся.

Сажа вихрилась над его обутыми в сапоги ногами и оседала ему на брючины форменных повседневных брюк хаки. Откуда, ради Бога, ее столько налетело? Пожар же внутри. И тогда он увидел. Купол подтягивался вверх, словно гигантское жалюзи. Это было невозможно - он же был погружен на много миль вглубь и настолько же поднятый вверх, всем это было известно, - но он поднимался.

Эймс не колебался. Он плашмя, на локтях и коленях, рванулся вперед и схватил Олли Динсмора за руки. Нырнув под Купол, он на мгновение ощутил спиной скольжение его твердого, стеклянного края и успел подумать: «Если сейчас он вновь опустится, он разрежет меня пополам». А в следующее мгновение он уже тянул мальчика наружу.

Сначала показалось, что он тянет труп. «Нет!» - крикнул Эймс. Он понес мальчика к ближайшему из ревущих вентиляторов. «Не вздумай умереть у меня на руках, коровий мальчик!»

Олли начал кашлять, потом наклонил голову и бессильно вырвал. Эймс его держал. Теперь и другие бежали к ним, с триумфальными восклицаниями, впереди сержант Грох.

Олли вновь рыгнул.

- Не называй меня коровьим мальчиком, - прошептал он.

- Подгоните санитарную машину! - закричал Эймс. - Нам нужны медики!

- Нет, мы доставим его в Госпиталь Центрального Мэна на вертолете, - сказал Грох. - Мальчик, ты когда-нибудь летал на вертолете?

Олли, глаза у него оставались затуманенными, покачал головой. И тут же вырыгал Гроху на ботинки.

Грох просиял и пожал Олли грязную руку.

- Поздравляю с возвращением в Соединенные Штаты, сынок. Поздравляю с возвращением в открытый мир.

Олли обнял рукой Эймса за шею. Он понимал, что теряет сознание. Он хотел продержаться еще чуточку, чтобы успеть сказать «благодарю», однако не смог. Последнее, что он осознал, прежде чем тьма поглотила его вновь, было то, что солдат целует его в щеку.

15

На северном конце первым на волю вырвался Горес. Он помчал прямо к полковнику Коксу и затанцевал вокруг его ног. Горес не имел хвоста, но он на это не обращал внимания; он мотылял всем своим гузном.

- А чтобы мне пропасть, - произнес Кокс.

Он подхватил пса на руки, и Горес начал ошалело облизывать полковнику лицо.

Беженцы стояли кучкой на своем стороне (демаркационную линию было ясно видно в траве, яркой по одну сторону и мертвенно-серой по другую), начиная понимать, но не решаясь полностью верить. Расти, Линда, маленькие Джей-Джей, Джо Макклечи и Норри Келверт и матери этих двоих у них по бокам. Джинни, Джина Буффалино и Гарриэт Бигелоу, обнявшись. Твич обнимал сестру свою Рози, которая плакала, качая на руках Малыша Уолтера. За руки держались Пайпер, Лисса и Джеки. Позади их стояли Тони Гай и Питер Фримэн, все, что осталось от персонала «Демократа». Элва Дрэйк наклонилась к Ромми Бэрпи, а тот держал на руках Алису Эпплтон. Они смотрели, как быстро поднималась вверх грязная стена Купола. Яркость осенней листвы на той стороне брала за душу.

Свежий, сладкий воздух поднимал им волосы, осушал пот с их кожи.

- Перед этим мы все видели словно сквозь закопченное стекло, - произнесла Пайпер Либби. - А теперь словно встретились лицом к лицу.

Горес спрыгнул с рук полковника Кокса и начал нарезать восьмерки по траве, тявкая, вынюхивая, стараясь поссать одновременно на все сразу.

Уцелевшие беженцы, не веря собственным глазам, смотрели на яркий небесный шатер, который возвышался вверху свежим осенним днем в Новой Англии. А над ними грязный барьер, который держал их в заточении, поднимался вверх все быстрее и быстрее, уменьшаясь до длинной линии, словно проведенной стремительным карандашом по листу голубой бумаги.

Какая-то птичка промелькнула над тем местом, где только что торчал Купол. Алиса Эпплтон, все еще сидя на руках у Ромми, увидела ее и весело засмеялась.

16

Барби и Джулия стояли на коленях и поочередно дышали со шпинделя, который торчал с шины, которая лежала между ними. Они видели, как коробочка вновь начала подниматься. Сначала медленно и, казалось, она вторично зависла на высоте восемьдесят футов, так, словно колебалась. И тогда она метнулась вверх со скоростью, невозможной для отслеживания человеческим глазом; это было, как пытаться увидеть пулю в полете. Купол или взлетал вверх, или каким-то образом сворачивался.

«Коробочка, - подумал Барби. - Она притягивает к себе Купол, как магнит притягивает железные опилки».

К ним пробивался сквозняк. Барби отмечал по шевелению травы, как тот крепчает. Он потряс Джулию за плечо и показал прямо на север. Грязное серое небо вновь стало синим, таким ярким, что глазам больно. Гипнотизировали своей яркостью деревья.

Джулия подняла голову от шпинделя и вдохнула.

- Я не уверен, что это настолько… - начал Барби, но тут уже наконец-то прилетел настоящий ветер. Он увидел, как тот поднимает волосы Джулии, ощутил, как тот высушивает пот на его глубоко пропитанном угольной пылью лице, нежно, словно ладонь возлюбленной.

Джулия вновь закашляла. Он постучал ее по спине, в то же время, делая свой первый вдох. Он еще смердел и царапал ему горло, но уже годился для дыхания. Плохой воздух отлетал на юг, а свежий вдувался с территории ТР-90 из-за Купола - оттуда, где только что был тот Купол. Следующий вдох был лучше, третий еще лучше, четвертый - даром Бога.

Или кожеголовой девочки.

Барби с Джулией обнялись возле черного квадратика на траве, где лежала коробочка. Там ничто не будет расти, никогда больше.

17

- Сэм! - вскрикнула Джулия. - Мы должны вытянуть Сэма!

Они побежали к «Одиссею», все еще хекая, а вот Сэм уже не кашлял. Он навалился на руль, глаза раскрыты, дыхание короткое. Нижняя часть лица у него была залита кровью, и когда Барби его отклонил, он увидел, что голубая рубашка старика стала грязно-пурпурной.

- Вы сможете его нести? - спросила Джулия. - Вы сможете его донести туда, где солдаты?

Ответ почти наверняка должен был быть негативным, но Барби произнес:

- Я постараюсь.

- Не надо, - прошептал Сэм. Глаза его шевельнулись в их сторону. - Очень больно. - С каждым словом изо рта у него текла свежая кровь. - Вы это сделали?

- Джулия сделала, - сказал Барби. - Я точно не знаю, как именно, но она сделала.

- Отчасти также и тот мужчина в спортивном зале, - сказала она. - Тот, которого гакермонстр застрелил.

У Барби отвисла челюсть, но она не заметила. Она обняла Сэма и поцеловала его в обе щеки.

- И вы это сделали, Сэм. Вы привезли нас сюда, и вы видели маленькую девочку на площадной сцене.

- Вы были не маленькой девочкой в моих снах, - произнес Сэм. - Вы были взрослая.

- Но маленькая девочка все равно была здесь, в глубине, - коснулась Джулия своей груди. - Она и сейчас там. Она живая.

- Помогите мне выбраться из кабины, - прошептал Сэм. - Хочу понюхать свежего воздуха, прежде чем умереть.

- Вы не умрете…

- Цыть, женщина. Мы оба знаем, что почем.

Они вдвоем взяли его под одну руку, деликатно вытянули из-за руля и положили на траву.

- Как воздух пахнет, - произнес он. - Бог ласковый. - Он глубоко вдохнул, закашлялся, брызгая кровью. - Я словно меда из соты пососал.

- И я тоже, - сказала она, убирая назад ему волосы со лба.

Он положил свою ладонь поверх ее.

- А им… им было стыдно?

mir-knigi.org

- Там была лишь одна, - ответила Джулия. - Если бы их было больше, ничего бы не вышло. Я не думаю, что можно отбиться от связанной жестокостью стаи. А что касается стыда, нет, ей не было стыдно. Она нас пожалела, но ей не было стыдно из-за сделанного ними.

- Они не такие, как мы, правда? - прошептал старик.

- Да, совсем не такие.

- Жаль - это для крепких людей, - произнес он и вздохнул. - А я могу лишь стыдиться. Что я наделал, это все из-за алкоголя, но мне все равно стыдно. Я бы ничего этого не сделал, если бы можно было вернуться назад.

- Что бы там ни было, вы возместили все, наконец, - сказал Барби, взяв Сэма за левую руку. На безымянном пальце у того висело обручальное кольцо, гротескно большое на этой щуплой плоти.

Сэм перевел на него свои - типично янковские, выцвевше-голубые - глаза и попробовал улыбнуться.

- Может, оно и так… за сделанное. Но я же радовался, когда это делал. Кажется мне, что это возместить никогда не… - он вновь начал кашлять, и вновь хлынула кровь из его почти совсем беззубого рта.

- Сейчас же перестаньте, - воскликнула Джулия. - Перестаньте говорить. - Они стояли на коленях по бокам Сэма. Она глянула на Барби. - Забудьте, что я говорила, чтобы его нести. Он у себя внутри что-то надорвал. Нам надо пойти за помощью.

- О, там небо! - произнес Сэм Вердро.

В последний раз. Он выдохнул, грудь его опала и уже больше не поднялись с очередным вдохом. Барби потянулся, чтобы прикрыть ему глаза, но Джулия перехватила его руку и остановила со словами:

- Пусть он смотрит. Хоть и мертвый, пусть смотрит, сколько это возможно.

Они сидели рядом с ним. Слышали голоса птичек. А где-то там все еще лаял Горес.

- Думаю, мне нужно пойти, найти свою собаку, - сказала Джулия.

- Да, - кивнул он. – На машине?

Она покачала головой.

- Давайте пешком. Я думаю, мы осилим полмили, если будем идти медленно, как вы?

Он помог ей встать.

- Давайте попробуем и увидим, - сказал он.

18

Пока они шли, сомкнув руки над травянистой серединой старого проселка, она рассказала ему, насколько сумела, о том, как «была внутри коробочки» - как она это назвала.

- Итак, - произнес он, когда она закончила, - вы рассказали ей о том ужасном, на что мы способны, показали ли ей такие наши действия, и она нас все равно выпустила?

- Они и сами все знают об ужасных действиях, - ответила она.

- Тот день в Фаллудже - наиболее плохое воспоминание в моей жизни. Что делает его наиболее плохим, так это то... - Он попробовал изложить это в тех сроках, которыми воспользовалась Джулия, - что я это делал, а не был тем, с кем это делали.

- Вы того не делали, - сказала она. - Это другой человек сделал.

- Не имеет значения, - возразил Барби. - Мальчик все равно мертвый, неважно, кто его убил.

- Это все равно случилось бы, если бы вас в спортзале было двое или трое? Или если бы вы там были сам?

- Нет. Конечно, нет.

- Тогда ропщите на судьбу. Или на Бога. Или на Вселенную. Только прекратите винить себя.

Он скорее всего никогда не смог бы этого постичь, но он понял то, что сказал в конце Сэм. Стыд за плохие деяния - лучше, чем ничего, думал Барби, но никакого стыда постфактум не хватит, чтобы перечеркнуть радость, полученную от уничтожения - хоть ты муравьев жег, хоть убивал арестантов.

В Фаллудже он не ощущал радости. Относительно этого он не чувствовал себя виноватым. И это уже было хорошо.

К ним бежали солдаты. Им осталась, вероятно, лишь минута в одиночестве. Скорее всего, две.

Он остановился и взял ее за руки.

- Я люблю вас за то, что вы сделали, Джулия.

- Я знаю, - спокойно ответила она.

- То, что вы сделали, это нуждалось в огромной отваге.

- Вы извините мне кражу из ваших воспоминаний? Я не специально, просто так вышло.

- Полностью извиняю.

Солдаты уже были близко. Вместе с ними бежал и Кокс, у него по пятам танцевал Горес. Скоро Кокс будет здесь, спросит, как полагается Кену, и с этими словами их вновь вернет себе этот мир.

Барби посмотрел вверх, на синее небо, глубоко вдохнул воздух, который становился все более чистым.

- Я не могу поверить, что все кончилось.

- А оно может когда-нибудь вернуться, как вы думаете?

- Возможно, не на этой планете и не из-за действия этой стаи. Они вырастут и покинут свою

mir-knigi.org

игровую комнату, но коробочка останется. Рано или поздно кровь всегда брызжет на стену.

- Это ужасно.

- Вероятно, но можно, я скажу вам кое-что, что любила повторять моя мать?

- Конечно.

Он поколебался:

- Если бы не ночи, дни были бы наполовину менее яркими.

Джулия рассмеялась. Так хорошо это звучало.

- Что кожеголовая девушка сказала вам напоследок? - спросил он. - Говорите быстрее, потому что они уже вот-вот будут рядом, а это принадлежит только нам двоим.

Джулия явным образом была удивлена тем, что он этого не знал.

- Она сказала слова, которые мне когда-то сказала Кэйла: «Бери и иди домой, это тебе будет как платье».

- Она имела в виду коричневый свитер?

Она вновь взяла его за руку:

- Нет, наши жизни. Наши маленькие жизни.

Он обдумал услышанное:

- Если она сделала вам такой дар, то воспользуемся.

Джулия махнула рукой:

- Смотрите, кто к нам мчится!

Горес ее тоже увидел. Он порывисто вышмыгнул среди бегущих людей, и, как только оторвался от толпы, пес припал к земле и включил четвертую передачу. Большая улыбка венчала его морду. Отброшенные назад уши были прижаты к голове. Тень пса летела рядом с ним по усыпанной пеплом траве. Джулия опустилась на колени, протянув вперед руки.

- Катись сюда, к мамочке, мой миленький! - закричала она. Горес прыгнул. Она поймала его и повалилась навзничь, хохоча. Барби помог ей встать.

Они возвращались в мир вместе, шли и несли на себе полученные ими дары: просто свои жизни.

Стыд - это не любовь, размышлял себе Барби… но если ты ребенок и ты даришь кому-то голому свою одежду - это уже шаг в правильном направлении.

22 ноября 2007 года - 14 марта 2009 года

АВТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

mir-knigi.org

Впервые я взялся писать «Под Куполом» в 1976 году, но отполз от этой идеи с поджатым хвостом после двух недель работы, результатом которой были приблизительно семьдесят пять страниц. На тот день, когда я в 2007 году решил начать вновь, та старая рукопись уже давно было утрачена, но я достаточно хорошо помнил начальную часть - «Самолет и сурок» - и сумел почти точно ее воссоздать.

Меня обременяло не количество персонажей - я люблю густо заселенные романы, - а технические проблемы, которые ставила эта история, особенно экологические и метеорологические последствия появления Купола. Тот факт, что именно из-за этих сомнений книга казалась мне важной, заставлял меня чувствовать себя трусом - и лодырем, - но я боялся ее запартачить. И я занялся чем-то другим, однако идея Купола не покидала моего воображения.

Годами мой добрый друг Расс Дорр, помощник врача из Бриджтона в штате Мэн, помогал мне с медицинскими подробностями во многих книжках, особенно отмечу из них «Противостояние». В конце лета 2007-го я спросил у него, не желает ли он сыграть намного большую роль - главного исследователя тем предлинного романа, который носит название «Под Куполом». Он согласился, и благодаря Рассу, думаю, большинство деталей здесь правильные. Это Расс выяснил все о компьютерном управлении крылатыми ракетами, об эффектах сопла реактивного двигателя, о рецептуре метамфетамина, портативные генераторы, радиацию, возможные новации в технологии сотовой связи и сотни других вещей. А также именно Расс изобрел самодельный противорадиационный костюм Расти Эверетта, он же придумал, что люди могут дышать воздухом из автомобильных шин, по крайней мере, некоторое время. Наделали ли мы каких-нибудь ошибок? Конечно. Но большинство из них окажутся моими из-за того, что я или не правильно понял, или не правильно интерпретировал некоторые из его советов.

Первыми читателями этого романа были моя жена Табита и Линора Легранд[494], моя невестка. Обе проявили жесткость вместе с гуманностью, чем очень мне помогли.

Нен Греем[495] отредактировала текст, превратив его из оригинального динозавра в зверя немного более правильного размера; каждая страница рукописи имела отметки с предлагаемыми ею изменениями. Я ее неотплатный должник, несостоятельный полностью отблагодарить за все те дни, когда она вставала в шесть часов утра, с карандашом берясь за работу. Я старался написать книгу, которая от начала и до конца мчится на полном газу. Нен это поняла, и когда ощущала мою слабость, она нажимала на педаль своей ступней поверх моей и кричала (на берегах страниц, как заведено у редакторов): «Быстрее, Стивен! Быстрее!»

Сурендра Пател, которому посвящена эта книга, был нашим другом и неизменным источником утешения в течение тридцати лет. В июне 2008 года я получил весть, что он умер от инфаркта. Я сел у себя на крыльце и заплакал. Когда меня немного попустило, я вернулся к работе. Именно этого он от меня и ожидал бы.

И ты, мой Постоянный Читатель. Благодарю тебя, что прочитал эту историю. Если ты получил столько же удовлетворение, сколько имел его я, нам обоим посчастливилось.

С. К.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Куплет из песни Джеймса Макмертри «Разговор возле заправки Тексако» (1989); Джеймс Макмертри (р.1962г.) - техасский гитарист-певец, сын известного романиста Ларри Макмертри (р.1962г.), лауреат премии Пулитцера.

2

Офицер (буквально - «служащий») - титул рядового полицейского в органах правопорядка США.

3

Конго - неофициальное название Конгрегационной церкви основанной в 1639 году в Уэльсе независимого от Англиканской церкви объединения самостоятельных протестантских общин; Конгрегационная церковь особенно развилась в североамериканских колониях Британии, играя большую культурно-идеологическую роль в обретении независимости и становлении США, ликвидации рабства, борьбе женщин за равные права и т.п.

4

Легкие двухмоторные самолеты «Сенека» выпускаются компанией «Piper Aircraft» с 1971 года, модель «Seneca V» - с 1998 года.

5

Скорость самолета измеряется узлами, 120 узлов - 222 км/ч; 900 футов - 274 м.

6

«Ф-150» - модель легкого грузовика, который выпускается компанией «Форд» с 1975 года, популярнейший пикап в США.

7

Пунта-горда - главный город округа Шарлотт в штате Флорида.

8

Жареные устрицы - одно из популярнейших блюд Новой Англии (Северных штатов Атлантического побережья США): освобожденную от ракушки устрицу макают в несладкое сгущенное молоко, обкатывают в муке и жарят в масле или жире.

9

Месел Шоулз («Мускулистые пороги») - город в штате Алабама на реке Теннеси, которая стала судоходной в 1925 году после построения к тому времени самой большой в мире ГЭС им. президента Уилсона, ее строительством руководил инженер-полковник Хью Линкольн Купер, который позже стал соавтором конструкции плотины Днепрогэса, председателем американского инженерного корпуса «Днепростроя» и кавалером советского ордена Трудового красного знамени.

10

Планета Химера (Bizzaro World) - мир, которому Супермен дал форму куба, наивысшей добродетелью там считается уродливость; место действия многих популярных в 1960-е

mir-knigi.org

комиксов.

11

«Морские Псы» («Sea Dogs») - профессиональная бейсбольная команда из города Портленд, играет в Северном дивизионе Восточной лиги.

12

Модели легковых машин компании «Тойота»: «4Runner» - популярный полуджип; «Prius» - гибридный автомобиль с бензиновым и электродвигателем.

13

Имитрекс - торговое название суматриптана, препарата для облегчения приступов мигрени.

14

«Chiclets» - глазированная жевательная резинка, размером приблизительно как тыквенное семя, которую с 1906 года выпускает британская компания «Cadbury»; название бренда происходит от названия Центральноамериканского дерева чикль (Manilkara chicle), из сока которого до внедрения пищевой синтетики производилась жвачка.

15

«Колдспот» - одна из популярнейших в США марок холодильников, которые выпускаются с 1928 года.

16

«Allen's Coffee Brandy» - напиток крепостью 60%, выпускается в Массачусетсе, особой популярностью пользуется в штате Мэн, где каждый год продается свыше миллиона бутылок этого бренди.

17

Основанная в 1854 году активистами борьбы против рабства в США, республиканская партия считается более правой, чем демократическая, первым президентом-республиканцем был А. Линкольн.

18

Касл Рок - выдуманный Стивеном Кингом город в штате Мэн, который фигурирует во многих произведениях.

19

Слово «mill» по-английски означает - «фабрика»; отсюда названия населенных пунктов по градообразующим предприятиям: фабрика Честера, фабрика Таркера.

20

В День поминовения поминают всех американцев, которые погибли на военной службе

mir-knigi.org

(отмечается в последний понедельник мая); День труда (первый понедельник сентября) - национальный праздник с 1894 года.

21

Льюистон - второе по количеству населения (около 39 тыс. жителей) город штата Мэн, в округе Андроскоггин.

22

Норвей («Норвегия» - около 5 тыс. жителей), Саут-Перис («Южный Париж» - 2,4 тыс. жителей) - курортные города в округе Оксфорд, штат Мэн.

23

В 1909 году газета «Бостон Пост» (1831-1956) основала традицию вручения старейшему жителю города памятной резной трости с позолоченной головкой, после закрытия газеты традиция поддерживается местными муниципалитетами Новой Англии.

24

«Даймонд Матч» - основанная в 1881 году компания по производству спичек; «Континентал Пейпер» - основанная в 1899 году компания по производству бумажной упаковки; «Американ Тимбер» - лесозаготовительная компания.

25

«Дир» - основанная в 1837 году кузнецом Джоном Диром (1804-1886) компания по производству сельскохозяйственных машин, сегодня самая большая в мире.

26

«Ай-Под» - брэнд медиаплееров, которые с 2001 года выпускаются компьютерной компанией «Аппл».

27

James Blunt (нар. 1974 р.) - английский певец-гитарист; самый большой его хит - баллада «Ты красивая» (2005).

28

Blue Habbard - популярный в Новой Англии поздний сорт тыкв (диаметр до 30 см, вес - до 9 кг) грушевидной формы с очень твердой, голубоватого цвета, морщинистой (похожей на открытый мозг) кожурой и сочной оранжевой мякотью; собирают их по обыкновению с октября до января.

29

Фриттата - итальянский омлет, часто готовится с сыром, мясом, овощами и макаронами.

30

«LCD Soundsystem» - основанная в 2005 году продюсером Джеймсом Мерфи группа, которая

mir-knigi.org

играет смесь танцевальной и панк-музыки; «Североамериканский подонок» и остальные упоминавшиеся песни - с их альбома «Звук серебра» (2007).

31

«Стар Трек» - научно-фантастический телесериал, который дебютировал в 1966 году и продолжается поныне в разных модификациях.

32

Мет - сленговое название метамфетамина, впервые синтезированного в 1893 году в Японии препарата продолжительного эйфорично-возбуждающего действия; популярный «рабочий» наркотик.

33

60 миль/ч = 96 км/ч; 40 тыс. фунтов ~ 18 тонн.

34

«GMC» - бренд «Дженерал Моторс Компани»; модельный ряд их пикапов кардинально не обновлялся с 1991 года, последний - «Циклон».

35

ВВС Национальной гвардии - отдельные для каждого штата военно-воздушные подразделения Национальной гвардии США, которые подчиняются губернатору, и только во время войны или в случае больших катастроф - напрямую президенту и Конгрессу.

36

Бангор - третье по величине (32 тыс. жителей) город в штате Мэн, порт, столица округа Пенобскот.

37

«Додж» - основанная в 1900 году братьями Джоном и Горесом Доджами автомобильная компания, которая с 1928 года принадлежит корпорации «Крайслер».

38

Джон Уэйн, настоящее имя Мерион Моррисон (1907-1979) - киноактер, режиссер и продюсер, символ мужества, всю жизнь откликался на кличку Дюк («герцог» - англ.).

39

Вероятно, речь идет о рекламных роликах мичиганской компании «Счастливый Гови» («Happy Howie's Inc.»), которая позиционирует себя единственным в США производителем собачьей пищи с не импортированного, натурального мяса.

40

Норман Лубофф (1917-1987) - автор партитур десятков фильмов (имеет звезду на «Аллее славы» в Голливуде), основатель и руководитель одного из известнейших в мире хоров,

mir-knigi.org

выпустил 75 альбомов, в частности с религиозной музыкой; «Имеем в Иисусе друга» - христианский гимн, написанный в 1868 году американским юристом и церковным композитором Чарльзом Конверсом на слова ирландского поэта Джозефа Скрайвена.

41

«Большой Бог» - христианский гимн на мелодию шведской народной песни, стих Карла Густава Боберга (1859-1940).

42

Роджер - техническое слово, которое используется для обозначения конца связи.

43

Мортимер Снерд - кукла-персонаж популярного актера-чревовещателя Эдгара Бергена (1903-1978).

44

Пенсионный возраст в США - 66 лет, до и после наступления этого возраста по договоренности с работодателем рабочий может работать в режиме т.н. «фазовой пенсии» - неполный рабочий день или в отдельные дни недели, как это делает Дюк Перкинс.

45

«KC and the Sunshine Band» - популярная во второй половине 1970-х г.г. группа в стиле диско-фанк.

46

Пател - одно из наиболее распространенных индийских фамилий.

47

Надпись на свитере мальчика одновременно касается местной спортивной команды и созданного в 1992 году серийного комикса, по которому снимается мультсериал о фантастических приключениях команды супергероев «Дикие кошки».

48

Эйвон Парк - основанный в 1884 году город в штате Флорида; восточнее города находится одноименная авиабаза и полигон ВВС США

49

Эдвард Мунк (1863-1944) - норвежский художник-символист, предвестник экспрессионизма; разные версии картины «Крик» создавались автором в 1893-1910 г.г.

50

CBS – основанная в 1927 году в городе Нью-Йорке, сегодня одна из самых больших телерадиокомпаний США; благодаря логотипу американцы ее по обыкновению называют просто «Око».

mir-knigi.org

51

«Hummer H3 Alpha» - модель 2008 года, самая маленькая и, несомненно, последняя в семействе этих джипов, поскольку компания «Дженерал Моторз» объявила о прекращении выпуска «Хаммеров» после 2010 года.

52

Джек Бэнни (Бенджамин Кубельський, 1894-1974) - комик, один из популярнейших актеров американского радио, кино и телевидения XX ст.

53

Перри Мейсон - знаменитый выдуманный адвокат, персонаж свыше 80 детективных романов Эрла Стэнли Гарднера (1889-1970), а также сотен фильмов, театральных, телевизионных и радиоспектаклей по его произведениям.

54

«Край Света» - основанная в 1963 году в Чикаго компания по продаже яхтенного оборудования, стильной мебели и одежды; знаменитая своей торговой политикой: любую купленную вещь можно сдать назад или обменять на другую без какой-либо причины.

55

Razor - бритва (англ.).

56

Rusty - здесь: «дружище» (англ.).

57

Игра слов: «сделать вилсон» - потерпеть неудачу (сленг.) и копировать трюки Джерона Вилсона (р. 1977 г.) - известного профессионального скейтбордера.

58

Ксилокаин - лидокаин; эпинефрин - синтетический адреналин.

59

«Полная труба» - оборот-«солнце» на доске внутри большой бетонной или металлической трубы.

60

Радиостанция «гражданского диапазона» на частоте 27 Мгц, которая в США свободно используется любыми лицами, а также общественными и коммерческими предприятиями.

61

Twitch - здесь: «Трах».

mir-knigi.org

62

Форт Бэннинг – основанная в 1918 году военная база неподалеку от города Коламбус в штате Алабама; главный центр обучения пехотинцев, десантников и других родов войск армии США.

63

Джордж Харви Стрейт (нар. 1952 г.) - певец-гитарист, «живая легенда» музыки кантри, автор самого большого количества топ-хитов среди музыкантов всех жанров.

64

Популярнейшие профессиональные спортивные команды из региона Новой Англии: «Boston Red Sox» («Красные носки») - бейсбольная; «New England Patriots» - по американскому футболу; «Boston Celtics» («Кельты») - баскетбольная; «Boston Bruins» («Мишки») - хоккейная.

65

Андерсон Купер (р.1967 г.) - журналист, писатель и телеведущий авторской программы «360°».

66

«Mensa» - основанная в Англии, в Оксфорде, в 1946 году международная организация людей с наивысшим уровнем интеллекта (IQ); латынью название означает «стол», имеется в виду стол короля Артура, по которому сидели уровне между собой рыцари.

67

«Мостильщики» - поисково-боевые вертолеты дальнего радиуса действия «Sikorsky MH-53 Pave Low».

68

Вульф Блицер (р.1948 г.) - ведущий трехчасовой телепрограммы CNN «Ситуативное пространство», посвященной политике, безопасности и международным новостям.

69

Бюллетень национальной безопасности - внедренная с 2002 года шкала из 5 цветов (снизу вверх: зеленый, синий, желтый, оранжевый, красный) для обозначения уровня потенциальной опасности со стороны террористов для страны в целом или ее отдельных районов, публичных мест или бизнесов.

70

4 июля - День независимости США.

71

Оберн - город (24 тыс. жителей) в штате Мэн, столица округа Андроскоггин.

72

«Hobart» - основанная в 1897 году компания по производству электромоторов, которая с 1919

mir-knigi.org

года выпускает разное кухонное оборудование.

73

Максвелл Смарт - агент 86, герой комедийного шпионского телесериала «Отчаянно» (1965-1970), который во всякое время забывает, что дефектное средство для секретных разговоров Конус Тишины не работает.

74

Дерри, Касл Рок - фиктивные города в штате Мэн, выдуманные Кингом, где происходит действие многих его произведений.

75

Амбьен - одна из торговых названий популярного снотворного золпидем.

76

«Sysco» - компания по снабжению продуктами и кухонным оборудованием, которая обслуживает свыше 400 тыс. клиентов в США.

77

Шоушенк - прославленная Кингом в повести «Спасение из Шоушенка» и других его произведениях тюрьма, прототипом которой была главная тюрьма штата Мэн в городе Томастоне - одна из самых старых в США, которая существовала в 1824-2002 г.г.

78

«Убийца - буфетчик/дворецкий» - идиома, шутливое объяснение всякой таинственной смерти.

79

Джордж Смит Паттон (1885-1945) - офицер первого в американской армии танкового корпуса во время Первой мировой войны в Европе; во время Второй мировой - четырехзвездочный генерал, командующий армий на африканском и европейском театрах, сыграл ключевую роль в быстром освобождении Франции (где ему потом поставили памятник), погиб в автокатастрофе.

80

«Место преступления» (оригинальное название - CSI) - начатый каналом Си-Би-Эс в 2000 году телесериал о работе криминалистической службы Лас-Вегаса.

81

Самый большой в штате Мэн ежегодный (с 1851 года) сельскохозяйственный фестиваль-ярмарка в городе Фрайбург (3 тыс. жителей), на который съезжается до 300 тыс. человек.

82

«Ночь живых мертвецов» (1968) - фильм ужасов режиссера Джорджа Ромеро (р.1940г.), на который сделано несколько римейков.

mir-knigi.org

83

«Swiffer» - популярное чистящее средство, которое выпускает компания «Проктер & Гембл».

84

e-bay - популярный интернет-аукцион, на котором кто угодно может продать/купить любую вещь за произвольную цену.

85

«Bratz» - созданная 2001 года серия модно наряженных кукол в виде девушек-подростков (Джейд, Ясмин, Саша, Хлоя) и ребят с большими головами, глазами и губами.

86

«Deb Shops» - основанная в 1932 году сеть магазинов по продаже нижнего белья, одежды и аксессуаров для юных девушек и молодых женщин.

87

WCSH 6 – основанный в 1953 году старейший местный телеканал в штате Мэн.

88

Орден Восточной Звезды – основанная в 1850 году масонская ложа, в которой большую роль играют жены-благодетельницы.

89

«Doublemint» («Двойная мятная») - известная с 1914 года жевательная резинка компании «Wrigley», чья рекламная политика относительно этого популярного бренда с 1956 г. базируется на продолжительном участии какой-нибудь пары близнецов, которые по обыкновению сами со временем становятся звездами.

90

Клик и Клак - прозвища, под которыми выступают братья Том и Рей Малгоцци, авторы-ведущие популярной в США и других англоязычных странах интерактивной радиопередачи «Автобазар».

91

Первое послание апостола Павла к коринфянам.

92

Корги - порода миниатюрных овчарок.

93

Горес Грили (1811-1872) - сын бедного фермера, с 14 лет работал в типографии, позднее основал еженедельник «Нью-Йоркер», самую влиятельную во второй половине XIX столетия в США газету «Нью-Йорк Трибун» (европейским корреспондентом которой работал Карл Маркс)

mir-knigi.org

и либерально-республиканскую партию, в 1872 году баллотировался в президенты, проиграл и умер во время окончательного подсчета голосов; фраза «На Запад, юноша, и расти вместе с собственной страной» стала лозунгом переселенцев.

94

FUBAR - неформальный военный термин, аббревиатура, которая буквально расшифровывается: «засранно до невозможности».

95

Том Кленси (нар. 1947 г.) - автор многих бестселлеров на темы военно-технологического шпионажа и геополитики.

96

«Black Berry» - смартфон, который с 1999 года выпускается канадской компанией «RIM».

97

«Kelvinator» - основанная в 1914 году американская компания по выпуску холодильников и разного домашнего электромеханического оборудования; названная в честь британского физика лорда Кельвина.

98

Oxycontin - одна из самых новых версий оксикодона, опиоидного анальгетика, разработанного в 1916 году немецкой фирмой «Баер» на замену снятому с производства героину.

99

Рудольф Джулиани (р.1944 г.) - мэр Нью-Йорка в 1994-2001 г.г. имел неоднозначную репутацию, после атак террористов 11 сентября 2001г. организовал быстрое восстановление полноценной жизнедеятельности города, журналом «Тайм» был объявлен «Человеком года», получил почетный титул рыцаря от королевы Британии Елизаветы II.

100

Тако - популярное блюдо мексиканского происхождения.

101

Эндрю Уолстед (1860-1947) - конгрессмен, разработчик пакета юридических документов, которые позволили применить 18-ту поправку к Конституции, которой с 1920 года на территории США вводился «Сухой закон»; в 1933 году Конгрессом и Сенатом была принята 21-я поправка, которая аннулировала 18-тую.

102

Nasonex - мометазона фуроат, противоаллергическая мазь; Lyrica - прегабалин, противоэпилептический препарат.

103

mir-knigi.org

Ричард Никсон (1913-1994) - 37-и президент США, республиканец, был вынужден подать в отставку в 1974 году через громкий скандал в прессе, связанный с обнародованием записей организованного без ведома Никсона тайного подслушивания его политических конкурентов из демократической партии в отеле «Уотергейт».

104

Advair - препарат против астмы, смесь флутиказона и сальметерола в виде спреев, ингаляторов, мазей.

105

«Seattle Mariners» - бейсбольная команда из города Сиэтл в штате Вашингтон.

106

Вооруженные силы США делятся на пять боевых видов: Армия (сухопутные войска), Корпус морской пехоты, Военно-морские силы, Военно-воздушные силы, Береговая охрана; каждый вид имеет собственные спецподразделения, авиацию и т.п.

107

Разведывательные подразделения Корпуса морской пехоты и рейнджеры (спецподразделения сухопутных сил) традиционно конкурируют.

108

47 тыс. футов - 14325,6 г.

109

«F-15A» («Eagle» - «Орел») - тактический истребитель четвертого поколения, на вооружении с 1976 года.

110

Городок в штате Виржиния, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

111

Palm Springs («Пальмовые источники») – основанный в 1896 году город в Южной Калифорнии в горной пустыне Коачелла, в 1970-х г.г. перед тем почти опустевший город начал стремительно превращаться в модный курорт.

112

«Телепортируй меня, Скотти» - фраза, которую, часто говорит герой фантастического сериала «Стар Трек» капитан Кирк, обращаясь к главинженеру космического корабля Монтгомери Скотта, это выражение стало таким же популярным в реальной жизни, как прибаутка Шерлока Холмса «Элементарно, Ватсон»; вот только Барби вместо Скотти проговаривает Снотти, что означает «наглец», и «трюк» вместо «трек».

113

mir-knigi.org

Согласно подписанного в 2003 году президентом Бушем законом «О создании рабочих мест и увеличении налоговых льгот», в частности, приобретение и установка до 2005 года нового оборудования, также и генераторов, обеспечивало до 2010 года человеку общее ежегодное снижение налогов от 60 % до 30 %.

114

«На березе» - знаменитый роман (1957) британско-австралийского писателя Невила Шюта (1899-1960), в котором рассказывается о том, как жители мирного Мельбурна ожидают неотвратимой смерти от атмосферных последствий атомной войны, которая уже уничтожила все население северного полушария.

115

«Горе тебе, Вавилон» - фраза из Библии, которая дала название постапокалиптическому роману (1959) американского писателя Пета Фрэнка (1908-1964), в котором речь идет о жизни маленького города во Флориде после атомной войны.

116

Унитарианство - начатое во времена Реформации либеральное протестантское вероучение, которое отбрасывает идею Троицы, признавая единого Бога; в частности в XVI-XVII ст. унитарианские общины существовали также в Украине.

117

«Just For Men» - линия красок для разных типов седых волос (голова, усы, борода, грудь, пах и т.п.); благодаря рекламной стратегии компании «Combe», которая вырабатывает эти краски, бренд четко ассоциируется со спортом и здоровым стилем жизни.

118

«Золотые Орлы Орела Робертса» - общее название 16 команд по разным видам спорта университета христиан-харизматов, основанного в 1963 году проповедником Орелом Робертсом в городе Талсе, штат Оклахома.

119

Wha-wha - педаль звуковых эффектов (квакало), чаще всего используемая рок-гитаристами.

120

«Fender Stratocaster» - созданная в 1954 году Лео Фендером модель электрогитары со сплошным корпусом; «Страт» остается, чуть ли не самым популярным инструментом среди джазовых и рок-гитаристов.

121

Малая Лига по бейсболу и софтболу – основанная в 1939 году Карлом Штотцем в штате Пенсильвания неприбыльная организация, которая занимается организацией местных и международных турниров детских команд (от 5 до 18 лет).

122

mir-knigi.org

Принцесса Лея Органа - героиня сериала «Звездные войны».

123

«Fight the Power» - изданная в 1989 году песня политически заангажированной хип-хоп-группы «Public Enemy» («Враг общества»).

124

«Redneck Woman».- дебютная песня Гретхен Вилсон (р.1973 г.), которая принесла ей премию «Грэмми» в 2004 году за лучший вокал в стиле кантри.

125

Наполеон Динамит - герой одноименного комедийного фильма 2004 года, симпатичный школьник-неудачник, который по сюжету добывает в борьбе себе популярность исполнением танца на конкурсе талантов.

126

«Лунная река» - песня Джона Мерсера и Генри Манчини, написанная для фильма «Завтрак у Тиффани» (1961), где ее исполняет Одри Хепберн; авторам и исполнительнице песня принесла премии «Оскар» и «Грэмми».

127

You Tube - интернет-ресурс, где каждый может свободно излагать и комментировать любые короткие видеосюжеты.

128

Wi-Fi - система беспроводной интернет-связи.

129

Блог - персональный сайт в интернете, где его хозяин, блоггер, может размещать любую текстовую, аудио- или видеоинформацию.

130

«Туман» («The Mist») - снятый в 2007 году фильм по одноименной повести (1980) Стивена Кинга.

131

Намек на популярную компьютерную игру-стратегию «Восход наций: Престолы и Патриоты» («Rise of Nations: Thrones and Patriots»).

132

Кельнер Вилле - созданный в 1945 году рисованный персонаж из логотипа новозеландского светлого пива «Waikato Draught».

133

mir-knigi.org

Фаллуджа - древний город на реке Евфрат в 57 км от Багдада; хиджаб - головное покрывало мусульманских женщин, которого не имеют права надевать мужчины.

134

«Thunderbird» (American classic) - «Громобой», дешевое (крепость 18 %) вино, которое начало производиться и приобрело популярность сразу после отмены в 1933 году « Сухого закона».

135

5,5 футов = 1 м 68 см.

136

«Led Zeppelin» - самая влиятельная в истории хард-рока британская группа (1968-1980).

137

Deputy Dawg - главный персонаж одноименного анимационного телесериала (1959-1972), недалекий Пес-Заместитель-Шерифа, который вместе с другими антропоморфными зверятами живет и действует в болотном округе штата Миссисипи.

138

«Все, что постановляет мой Господь, все справедливо» - лютеранский гимн, написанный в 1676 году (слова Самуэля Родигаста, музыка Северуса Гасториуса), переведенный на английский в 1863 году Катрин Уинкворт.

139

«Burpee Seeds» - самая большая в Северной Америке компания по возделыванию и продаже семян овощей и цветов, которую в 1876 году основал сын врача, но агроном по призванию, 18-ти летний Вашингтон Олти Бэрпи (англ. burp - отрыжка).

140

«Slurpee» - популярный полузамороженный напиток, который продается порциями в стаканы (вкус выбирает покупатель) из автоматов в магазинах «7-eleven», сеть которых сейчас охватывает 18 стран мира.

141

«Голубые Носороги» - компактные газовые баллоны для гриля, которые выпускает (обменивает пустые на полные) основанная в 1994 году компания «Blue Rhino».

142

Заронтин - средство против небольшой эпилепсии и помутнения сознания; другие названия - этосуксимид, суксилеп.

143

«Могущественная твердыня наш Господь» - самый известный гимн, написанный Мартином Лютером (1483-1546).

mir-knigi.org

144

«Charmin» - популярный бренд туалетной бумаги, которая производится с 1928 года.

145

Христианский гимн-марш, написанный английским оперным композитором Артуром Салливаном (1842-1900) на слова романиста и фольклориста Сабина Беринг-Гулда (1834-1924).

146

«Bag Balm» - целебная мазь для уменьшения раздражения вымя у коров, рецепт которой в 1899 году купила у какого-то фермера Ассоциация молочников штата Вермонт; американцы также широко используют этот бальзам для лечения небольших ран и поражений кожи у людей.

147

Патрон калибра.30-.30 был разработан в 1895 году фирмой «Винчестер»; сегодня эти патроны с пулями калибра 7, 62 мм используются в разном охотничьем и спортивном оружии, но почти исключительно только в США.

148

«Винчестер Elitexp3» - высокотехнологическая высокоскоростная охотничья остроносая пуля нового поколения с двойным расширением.

149

«USA Today» - вторая по популярности (после «Wall Street Journal») ежедневная газета в США с тиражом около 2 млн.

150

Брайан Вильямс (р. 1959 г.) - ведущий и менеджер-редактор «Ежевечерних новостей» канала Эн-Би-Си, по версии журнала «Тайм» входит в 100 самых влиятельных персон мира.

151

Tennessee top hat mullet - стрижка волос, короткая на лбу и висках, но длинная на затылке.

152

«Повелитель мух» (1954) - роман-аллегория Нобелевского лауреата Уильяма Голдинга (1911-1993), где рассказывается, как цивилизованные британские школьники, оказавшись во время войны на безлюдном острове, становятся жестокими дикарями и, в частности, убивают своего товарища по прозвищу Поросенок.

153

«Natural American Spirit» - сигареты из натурального табака, которые производятся в городе Санта-Фе, штат Нью-Мексика.

154

mir-knigi.org

«Glock» - надежный, легкий пистолет в пластиковом корпусе австрийского производства, которым вооружены армии и полицейские силы многих стран.

155

«Porsche Boxster» - двухместный спортивный автомобиль-кабриолет.

156

Кертис Эмерсон Лемей (1900-1990) - сын бедного жестянщика, талантливый студент, гражданский инженер, стал пилотом-навигатором бомбардировщика «Летающая крепость», во время Второй мировой войны командовал военно-воздушными соединениями в Европе и на Тихом океане, автор концепции и организатор тотальных бомбардировок Германии и Японии, полный генерал, после войны служил в ВВС и Пентагоне, прославился как активный пропагандист «превентивных ядерных ударов».

157

«Nova» - автомобиль, который выпускался в США в 1962-1979 г.г. компанией «Шевроле» и в 1985-1988 г.г. общим предприятием «Дженерал Моторз» и «Тойота».

158

Рекламная фраза-клише, распространенная с времен газетного бума в конце XIX ст.

159

Sabattus - город (4,5 тыс. жителей) в округе Андроскоггин, в штате Мэн.

160

«Киа» - автомобиль южнокорейского производства.

161

Манит - препарат, который уменьшает внутричерепное давление.

162

Справочники по ремонту автомобилей «Тойота» отмечаются детальностью и простотой изложения.

163

Жозеф Бабинский (1857-1932) - французский невропатолог польского происхождения, разработал тесты для диагностирования повреждения нервной системы.

164

Грейс Металиос (1924-1964) - автор бестселлера «Пейтон плейс» (1956) о скрытом от публичного глаза стиле жизни в маленьком городе Новой Англии; Шервуд Андерсон (1876-1941) - романист, новеллист, чье творчество имело значительное влияние на Гемингвея, Фолкнера, Стейнбека и других выдающихся американских авторов.

mir-knigi.org

165

«Igloo» - компания, которая с 1947 года начала вырабатывать дешевые холодильники, а теперь является наибольшим производителем кулеров в США.

166

Poland - основанный в XVIII ст. в штате Мэн городок, название получил от лица убитого там индейского вождя по имени Поланд; «Poland Spring» - известная с 1845 года марка минеральной воды, которую добывают из разных источников на территории Мэна.

167

Джон Л. Салливан - профессиональный рестлер, который выступал под прозвищем Джонни Отважный.

168

«Slim Jim» - мясные палочки, выпускаются с конца 1940-х, популярная закуска.

169

Боинг «Стратокрепость» - бомбардировщик-ракетоносец, находится на службе с 1955 года; большой мерой созданию Б-52 содействовал тогдашний командующий стратегической авиации США генерал Лемей (см. выше).

170

Robitussin - лекарство от простуды и кашля, в состав которых входит кодеин; Sudafed - лекарство против насморка, в состав которых входит псевдоэфедрин.

171

Мгновение воссоединения - термин кино, телевидения, театра: сентиментальная и поучительная сцена встречи героев после длинной разлуки или недоразумения.

172

«Носики» - трюки, которые выполняются только на носовых колесиках скейтборда.

173

Имеется в виду сугубо арабское второе имя Барака Хусейна Обамы.

174

Зверинец втроем (фр.) - искаженное manage a trois (любовь втроем).

175

«Тебе придется давать объяснения» - неуклюжая фраза из популярнейшего в истории американского телевидения сериала «Я люблю Люси» (1951-1960), с которой к главной героине Люси Рикардо (актриса Люсиль Бойл, 1911-1989) регулярно обращается ее муж Рики

mir-knigi.org

(актер Деси Арнас, 1917-1986).

176

Ричард Никсон (1913-1994) - 36-й президент (1969-1974), за всю историю США единственный, который подал в отставку, во избежание импичмента.

177

«Sears» - современная сеть универмагов, которая была основана в конце XIX ст. как компания по продаже товаров по почте, знаменитая своими каталогами.

178

«Nutrisystem» - основанная в штате Пенсильвания компания, которая вырабатывает и продает разные продукты для похудения четырех категорий: общая, для старых, для вегетарианцев, для диабетиков.

179

Три Комика - популярное в первой половине XX ст. трио братьев-актеров Горвицев, которые выпустили множество короткометражных кинокомедий; под псевдонимом Кучерявчик выступал наиболее молодой брат Джером с характерным высоким пронзительным голосом.

180

Искаженные слова из песни «Высокие надежды», которую поет Фрэнк Синатра в комедийном фильме «Дыра в голове» (1959).

181

Фенциклидин («ангельская пыльца») - синтезированный в 1926 году хирургический анестетик, мощный галлюциноген, использовался как транквилизатор в ветеринарии, запрещен в 1960-х рр., в небольших количествах производится в подпольных лабораториях.

182

Nora Roberts (нар. 1950 р.), Sandra Brown (р. 1948 г.) - авторы многочисленных любовных романов-бестселлеров; Stephenie Meyer (р. 1973 г.) - автор серии романов о вампирах «Сумерки».

183

Американский галлон - мера объема редких и сыпучих тел, равняется 3,785 л.

184

«Lost» («Затерянные») - популярный телесериал о выживании жертв авиакатастрофы на безлюдном острове, который транслировался в 2004-2010 г.г.; цитируемую фразу проговаривают герой по имени Эко (в одной из серий второго сезона) и Джон Лок (в третьем сезоне).

185

mir-knigi.org

«American Family Physician» - специальный двухнедельник, выдается основанной в 1947 году американской академией семейных врачей.

186

Sarah Palin (1964) - губернаторша Аляски (2006-2009), в 2008 году баллотировалась на пост вице-президента от республиканской партии; Dale Earnhardt (1951-2001) - знаменитый автогонщик, который всегда выступал на машине под № 3.

187

Oxford Plains Speedway - построенный в 1950 году беговой трек около города Оксфорд, самая большая спортивная арена в штате Мэн; Crash-A-Rama - любительское автородео на старых машинах.

188

Eldrick Tiger Woods (р. 1975г.) - чемпион по гольфу.

189

William Francis Lee III (р. 1946 г.) - знаменитый бейсболист, питчер-левша с капризным характером рок-звезды.

190

Опра Уинфри (р. 1954 г.) - знаменитая телеведущая авторских ток-шоу.

191

Американская киноассоциация предоставляет R-Категорию фильмам, на которые дети, младше 17 лет, могут ходить лишь в сопровождении родителей.

192

«Ploughshares» («Лемехи») - основанный в 1971 году авторитетный литературный альманах, выходит трижды в год, с 1989 года редакция базируется в Эмерсон-колледже.

193

«1984» - опубликованный в 1949 году роман-антиутопия Джорджа Орвелла (1903-1950), в котором описана жизнь в тоталитарном обществе под властью партии с олигархично-коллективистской идеологией.

194

Одна из популярнейших фраз в американском жаргоне, которая впервые прозвучала в фильме «Сокровище Сьерра-Мадре» (1948), где ее проговаривает предводитель банды, которая маскируется под полицейский отряд.

195

Здесь - бурлескно обезображенное название романтической кинокомедии 1989 года «Когда Гарри встретил Салли».

mir-knigi.org

196

Gila monster (ядозуб, гила-монстр) – ядовитая ящерица на юго-западе США и Мексики.

197

«Сумеречная зона» («Twilight Zone») - по сей день транслируемый разными телеканалами научно-фантастический сериал (1959-1964), автором сценария, продюсером и ситуативным комментатором которого был Род Серлинг (1924-1975).

198

«Jordanaires» - сформированная в 1948 году известная вокальная группа, в частности, обеспечивала бек-вокал Элвису Пресли на его рок-н-рольных и христианских альбомах.

199

Аллюзия на фильм 2007 года в жанре черной комедии «Страхогород» («Weirdsville»).

200

Piano - северное предместье Далласа.

201

Whoopie pie – самое популярное в штате Мэн пирожное в виде двух больших мягких шоколадных печений, проложенных кремом; рецепт происходит от домашних «вупи», которые издавна изготовляют в семьях христиан менонитского учения амишей в штате Пенсильвания.

202

«Око его следит за воробьев» - название написанного 1905 года белого госпела, популярность которому принесло его исполнение черными певцами; тема базируется на евангельском стихе «Не два ли воробья продаются за грош? А на землю из них ни один не упадет без воли Отца вашего» (Матвея, 10:29).

203

Пасхальный заяц - языческий образ-символ наступления весны, который перешел в христианскую культуру германских народов; утром на Пасху дети находят корзины с пасхальными яйцами и конфетками, которые им ночью «принес» пасхальный заяц.

204

Perry Como (1912-2001) - популярный в 1970-х американский певец итальянского происхождения, романтический стиль которого отнюдь не соприкасался с агрессивно-сексуальной музыкой соул; песню «Good Night Sweet Jesus» (1909) написал известнейший в США исполнитель христианских гимнов и автор многих госпелов Джордж Беверли Ши.

205

«IN-A-GADDA-DA-VIDA» (1968) - знаменитая 17-минутная психоделическая композиция калифорнийской рок-группы «Iron Butterfly» («Железная бабочка») с длинными инструментальными соло; в оригинале песня должна была называться «In A Garden of Eden»

mir-knigi.org

(«В саду Эдема»), но пьяные, обкуренные музыканты группы запели эту фразу в студии неразборчиво и написали название неправильно, так она и осталась в истории.

206

Аллюзия на стих из книги Псалмов, 22 раздел: «Когда я пойду долиной смертной тьмы, не буду бояться злых, потому что Ты при мне, Твое жезл и Твой посох - они меня утешат!»

207

«Mary Celeste» - знаменитый корабль-призрак: найденный в 1872 году в Атлантическом океане абсолютно неповрежденная бригантина, которая при ясной погоде двигалась под полными парусами курсом из Нью-Йорка на Гибралтар с полным запасом пищи и воды и целым грузом, но без экипажа и пассажиров, которые неизвестно куда подевались.

208

Bar Harbor - расположенный на острове Маунт Дезерт курортный город (5 тыс. жителей) на территории Национального парка Акадия в штате Мэн.

209

Атман – мировой Дух или чей-то персональный метафизический дух в индийской философии.

210

Звезды черного блюза: B. B. King (1925) - певец и гитарист «блюзовый миллионер»; Koko Taylor (1928-2009) - «королева традиционного блюза»; Theodore Roosevelt «Hound Dog» Tqylor (1915-1975) - шестипалый гитарист; Muddy Waters (1915-1983) - «отец чикагского блюза»; Howlin' Wolf (1910-1976) - певец, гитарист, губной гармонист; Marion Walter Jacobs (1930-1968) - выдающийся губной гармонист.

211

«Dead River» - основанная в 1909 году в Западном Мэне газонефтяная компания, названная по имени притока реки Андроскоггин.

212

«Майор Барбара» (1905) - одна из известнейших пьес Бернарда Шоу (1856-1950).

213

5 °Cent - артистичный псевдоним известного гангста-репера ямайского происхождения, настоящее имя которого Кертис Джеймс Джексон (р. 1975 г.).

214

Joan Jett (нар. 1959 р.) - рок-гитаристка, певица в образе бунтарки, пик популярности которой прошел в 1980-е.

215

Игра слов: XSM-73 Goose - крылатая ракета без боеголовки, которая используется вместе с боевыми ракетами для дезориентации противоракетной обороны соперника.

216

Wi-Fi - система беспроволочной интернет-связи

217

isight - веб-камера, которая выпускается компанией «Apple» с 2003 года.

218

«Kenne Highland & The Vatican Sex Kittens» - сугубо местная бостонская группа в стиле гонзо-рок.

219

Carswell - ныне закрытая база стратегической авиации (действовала в 1942-1994 г.г.) в городе Форт-Уорт, штат Техас.

220

Burlington - самый большой город на озере Чемплейн в штате Вермонт, западнее штата Мэн.

221

«Fasthawk» - крылатая ракета нового поколения, может нести 5 разных типов боеголовок.

222

White Mountains - горный перевал, который частично заходит на территорию Мэна; Конвей - курортный город в Нью-Хэмпшире, расположенный на отрогах Белых гор.

223

«Settlers' Green Outlet Village» - построенный в 1988 году в Северном Конвее на месте бывшего аэропорта «Белые Горы» безналоговый торговый центр с многочисленными бутиками.

224

«Губка-Боб квадратные штанишки» - мультсериал о подводном мире, который демонстрируется с 1999 года.

225

«Nothin Matters And What If It Did» (1980) - пятый альбом певца/гитариста Джона Мэлленкемпа (р. 1951 г.), когда он еще выступал под псевдо Johnny Cougar (Пума).

226

«Donna the Buffalo» - основанная в штате Нью-Йорк фолк-роковая группа, популярная в северо-восточных штатах.

227

mir-knigi.org

Старинная рабочая песня на ирландский народный мотив, одна из немногих, которые были когда-то разрешены в Королевском флоте Англии.

228

«No Exit» («Безысходность») - английское название популярнейшей пьесы Жана-Поля Сартра (1905-1980) «За закрытыми дверями» («Huis Clos», 1944), по которой снято также много фильмов, написана опера и т.д.

229

Hotmail (горячая почта) - бесплатный сервис электронной почты компании «Майкрософт», один из многих, которые теперь действуют в интернете. «Была когда-то горячей женщиной» - игра слов: mail (почта) по-английски звучит одинаково с male (самец, мужчина).

230

«Snows Clam Fry-Ettes» - консервы, которые когда-то выпускались основанной в 1920 году компанией «Snow's».

231

C. W. Mccall (нар. 1928 г.) - певец, политик, автор социально ангажированных баллад; «Конвой» (1975) - песня о водителях-дальнебойщиках, по сюжету которой позже был снят известный одноименный фильм.

232

Civil Defense - Гражданская Оборона.

233

«Oasis» - британская группа, в 1990-х самая популярная в стиле брит-поп.

234

«Призрак оперы» (1986) - мюзикл британского композитора Эндрю Ллойда Уэббера (р. 1948 г.), написанный по мотивам мистического романа (1909) французского писателя Гастона Леру (1868-1927); наиболее успешный спектакль на Бродвее всех времен.

235

«Wal-Mart Stores» - основанная в 1962 году широчайшая сеть универмагов низких цен.

236

Red Ryder (Рыжий всадник) - персонаж долгоиграющего комикса-вестерна (1938-1964), который печатался одновременно в 700 американских газетах, сюжетные коллизии которого воспроизведены в множестве радиоспектаклей и 35 фильмах и сериалах.

237

Яичная лапша фетучинни с сыром пармезан, названная по имени римского ресторатора Альфредо; «Stouffer's» - основанная в 1922 году сеть семейных ресторанов, которая выросла в

mir-knigi.org

большую компанию по производству разных замороженных блюд.

238

Commie - пренебрежительная кличка коммунистов.

239

«Kyocera» - основанная в 1959 году в городе Киото японская корпорация по производству керамики и офисного оборудования.

240

47° F = 8,3 °C; 58° F = 14,4 °C.

241

«Fig Newton» - булочки-рулеты с инжирной пастой, которые серийно выпускаются с 1891 года.

242

«Outdoors» («На природе») - журнал, рассчитанный на охотников и рыбаков Восточного побережья США.

243

Цитата из сонета «Озимандиас» (1818) - о памятнике когда-то могущественному и теперь всеми забытому царю - английского поэта Перси Биши Шелли (1792-1822); перевод Ивана Франко.

244

«Mighty Bright» - основанная в 1985 году компания, которая вырабатывает миниатюрные осветительные приборы, в частности - автономные на прищепках для чтения книжек.

245

Eleanor Marie Robertson (нар. 1950 р.) - автор свыше 160 любовных романов, которые выпускает под псевдонимами: Нора Робертс, Джилл Марч, Джей Ди Робб, Сарра Гардести.

246

«Весь намоленный» («All prayed up») - песня популярного кантри-певца и мульти-инструменталиста Винса Гилла - Vince Gill (нар. 1957 р.).

247

«Schwinn» - основанная 1895 года в Чикаго компания, которая долго была самым большим производителем велосипедов в США.

248

Jimi Hendrix (1942-1970) - певец, композитор, «величайший электрогитарист в истории рок-музыки», культурно-эстетичный гуру эпохи хиппи.

mir-knigi.org

249

«Maine Black Bears» - название команд разных видов спорта в университете штата Мэн.

250

«Girls Gone Wild» - начатая 1998 года серия видеофильмов, которые снимаются в ночных клубах и отелях по добровольному участию молодых женщин, которые оголяются и занимаются сексом перед камерами; с 2003 года длится судебное преследование продюсера Джо Френсиса, который выпускает этот и параллельный сериал «Ребята взбесились».

251

Название хита 1946 года ритм-энд-блюзового певца Луиса Джордана (1908-1975); сама песня и эта фраза из нее остаются и теперь широко популярными.

252

30 тыс. футов = 9 тыс. 144 метра.

253

Пайпер перекручивает слова знаменитой песни «Какое замечательное утро» из мюзикла «Оклахома» (1943) композитора Ричарда Роджера на либретто Оскара Хаммерстайна.

254

Смешанные овощные соки, которые выпускает «Campbell Soup Company».

255

IQ - уровень интеллекта, умственного развития и знаний, который определяется комплексным тестированием; средний уровень 100, максимальный 200, ниже 80 - умственная отсталость, свыше 150 пунктов - признак гениальности.

256

Последняя фраза взята из элегии английского поэта Метью Арнолда (1822-1888) «Берег Дувра» (1867).

257

Популярная в Америке детская игрушка: установленная вертикально, наполовину заполненная водой пластиковая бутылка-ракета с приделанными к ней крыльями накачивается через насос воздухом и в результате зычно выстреливает на довольно большую высоту.

258

Lex Luthor - созданный в 1940 году герой комиксов и основанных на них фильмов, главный враг Супермена.

259

mir-knigi.org

Buckfield - основанный в 1776 году город (менее чем 2 тыс. жителей) в округе Оксфорд, в Западном Мэне.

260

На самом деле сенатор от республиканской партии Линси Греем в апреле 2007 года заявил, что экономика Ирака на подъеме, доказывая это тем, что он сам только что купил на Багдадском базаре пять натуральных ковров за пять долларов.

261

«Don't Shoot Me I'm Only the Piano Player» - название шестого студийного альбома (1973) Элтона Джона.

262

«Coby» - компания по производству электроники, основанная в 1994 году в Нью-Йорке корейским эмигрантом Янг Донг Ли.

263

«Facebook» - основанная в 2004 году, и сейчас популярнейшая социальная сеть в интернете.

264

Галлон содержит четыре кварты.

265

«Two Buck Chuck» - калифорнийское вино из виноградников Чарльза Шо, которое в фирменных магазинах продается по $1.99 за бутылку.

266

Sebago – самое глубокое (96 м) и второе по площади (117 кв. км) озеро в штате Мэн.

267

«Winnebago Vectra» - модель мобильного дома-трейлера класса «А», ценой свыше 300 тыс. долларов.

268

Цветковый салон (фр.).

269

«Foo Fighters» - рок-группа, основанная в 1995 году в Сиэтле бывшим барабанщиком трио «Nirvana» Дейвом Гролом.

270

75° F = 23,8 °C

271

mir-knigi.org

«Chevrolet Colorado/GMC Canyon» - пикап среднего размера, выпускается с 2004 года.

272

Bobby Darin (1936-1973) - разножанровый певец и киноактер; популярность получил на волне раннего рок-н-ролла, волосы причесывал сугубо по-мужскому: гладенько направо, с небольшим коком надо лбом.

273

В США было и есть очень много знаменитостей с такой фамилией; однако Кинг намекает на известную в конце 1970-х мобильную группировку воинствующих лесбиянок «Ван Дайки» и компанию «Van Dyke», которая специализируется на перевозках громоздких грузов.

274

«Grateful Dead» - основанная в середине 1960-х рок-группа, которая и сейцчас остается главным идеологическим мотором психоделического движения хиппи.

275

«Pepperidge Farm» - основанная в 1937 году на ферме Пепперидж в Коннектикуте семейная пекарня; теперь - бренд высококачественных, недешевых тортов и печенья, которым владеет «Campbell Soup Company».

276

«Domino» - название основанной в начале XIX столетия в Нью-Йорке сахароварни; теперь - самая большая сахарная компания в США.

277

«Texmati» - американский сорт длинного белого и желтого риса, гибрид техасского и индийского сорта басмати.

278

«Jamaica Blue Mountain» - сорт кофе, который выращивают на отрогах перевала Голубых гор на Ямайке.

279

«Adirondack chair» - сконструированные Джоном Ли в 1903 году кресла для отдыха на дворе, с широкими поручнями, чтобы ставить на них напитки или пищу.

280

Название компании - маскировочная, с намеком на реально существующую евангельскую организацию «Gideons International», которая с 1908 года распространяет по планете бесплатные Библии, переведенные на 80 языков мира.

281

Фраза «Спорим: попробуешь один - не остановишься» с 1932 до 2006 года была рекламным

mir-knigi.org

лозунгом фирмы «Lay's».

282

Wonder Woman - героиня комикс-сериала, который начал публиковаться с 1944 года и в дальнейшем его сюжеты используются в книжках, фильмах, видеоиграх и т.п.

283

«Veryfine» - основанная в 1865 году уксусная компания, которая с 1919 года выпускает также соки; их настоящие пластиковые бутылки имеют широкие крышки.

284

G.I. Joe - серия 12-дюймовых игрушечных солдат в образах и оборудовании разных родов войск США, которая выпускается с 1964 года.

285

«Home Box Office» - основанный в 1965 году кабельный телеканал, который теперь транслируется в 150 странах.

286

Brian K. Vaughan (нар. 1976 г.) - автор сюжетов комиксов и сценарист, в частности, многих эпизодов популярного и в Украине телесериала «Затерянные».

287

Старинное английское стихотвореньице-считалка.

288

Мери-Кэйт и Эшли Фуллер Ольсен (нар. 1986 г.) - популярные киноактрисы близняшки.

289

Bowdoin - основанный в 1794 году частный колледж, который сейчас занимает 6 место в рейтинге колледжей университетского типа, расположенный в приморском городе Брансуик в штате Мэн.

290

Mcgruff the Crime Dog - созданный в 1980 году антропоморфный графический образ собаки-детектива, который широко используется в социальной видео- и аудио- рекламе для разъяснения обществу (особенно детям) методов работы полиции.

291

Герои пятисерийной «боксерской киноэпопеи» Сильвестра Сталлоне «Рокки».

292

Титул, который получают победительницы конкурсов красоты на весенних фестивалях.

mir-knigi.org

293

Tom Petty (нар. 1950 р.) - певец, гитарист, композитор, лидер компании «Heartbreakers»; «Ожидание» («Waiting») - его хит 1981 года.

294

Большие страховые компании, которые также обеспечивают некоторым категориям граждан бесплатное медицинское обслуживание, покрывая свои расходы поступлениями из государственных социальных фондов.

295

«Eggo» - замороженные вафельные торты и пирожные с различной начинкой; выпускаются с 1930-х годов.

296

American Civil Liberties Union - основанная в 1920 году неприбыльная организация, которая обеспечивает юридическую, психологическую и любую другую законную защиту лицам, чьи конституционные права было нарушены.

297

«Snapple» - под этим брендом в бутылках выпускается 50 видов чая, разные соки и воды.

298

Названная по имени индейского племени большая река, которая течет через штаты Нью-Хэмпшир и Мэн и впадает в Атлантический океан.

299

Миранда - правило, по которому перед допросом подозреваемому обязательно объявляют его права, в частности: говорить со следователем лишь в присутствии адвоката или вообще молчать; название (и самая эта практика) происходит от процесса 1966 года, в котором уже осужденный за изнасилования и грабежи Эрнесто Миранда судился со штатом Аризона из-за того, что перед первым допросом ему не сообщили его конституционные права.

300

«Warhammer» - серия популярных настольных и видеоигр.

301

Восточный черный дуб - дерево, ареал которого тянется вдоль американского побережья Атлантики от юга Канады к Мексике.

302

«Starbucks» - самая большая в мире сеть кофеен, которая выросла из одного открытого в 1971 году в Сиэтле кафе.

mir-knigi.org

303

«Beggin' Strips» - собачья пища, которую выпускает компания «Nestle», видом и запахом напоминает полоски бекона.

304

«Ридерз Дайджест» («Читательский обзор») - основанный в 1922 году в Нью-Йорке журнал для семейного чтения, сегодня выходит на 35 языках; с 1950 года регулярно выдает антологии актуальных бестселлеров и классики, в каждом томе вмещается 4-5 кратких версий романов.

305

Аллюзия на Библию: книга Бытие, 32.

306

«Boeing CH-47 Chinook» - тяжелый двухроторный военно-транспортный вертолет, который выпускается с начала 1960-х . и по настоящий день.

307

«Baskin-Robbins» - основанная в 1945 году в Калифорнии компания по производству и продаже мороженого; теперь самая большая в мире сеть заведений, в которых базовый комплект мороженого составляется из 31 сорта оригинального бренда.

308

Персонаж мультсериала «Южный Парк» - черный школьный шеф-повар Джером (Мастер) Макелрой отличается от всех других взрослых героев своим трезвым умом и абсурдными фразами.

309

Разработанный в Швеции в 1980-х пистолет-пулемет (до 50 патронов), который не нашел официального применения ни в одной армии, зато стал популярным среди криминальных преступников во всем мире.

310

«Hefty» («Сильный» - англ.) - бренд пластиковых мешков для мусора, которые имеют вместительность от 8 до 30 галлонов.

311

Фонари с одной или и двумя горелками, которые питаются бензином, керосином, мазутом или пропаном и дают ослепительно-белый свет; традиционно выпускаются основанной в 1900 году Вильямом Коулменом компанией, которая специализируется на туристическом оборудовании.

312

Ибупрофен (адвил) - синтезированное в 1962 году в Британии противовоспалительное средство, анальгетик.

mir-knigi.org

313

Smith - основанный в 1871 году на деньги, завещанные Софией Смит, частный женский колледж в Массачусетсе; Vassar - основанный в 1861 году пивоваром Метью Вассаром колледж в штате Нью-Йорк, оба принадлежат к наилучшим высшим учебным заведениям США.

314

Timothy Leary (1920-1996) - профессор психологии в Гарварде, писатель, футуролог, по словам президента Никсона - «опаснейшее лицо в Америке»; прославился серьезными исследованиями влияния наркотиков на человеческую психику и пропагандой положительного действия ЛСД, многократно арестовывался, был осужден к 95 годам тюрьмы, успешно убегал из тюрьмы, был помилован, умер от рака простаты в собственном доме в созданной им же обстановке беспрерывного фестиваля.

315

Edith Nourse Rogers (1881-1960) - первая женщина член Конгресса США, где она прослужила 35 лет, автор и промотор многих социально значащих законов, в частности тех, что обеспечивают льготы ветеранам Второй мировой и других войн.

316

Герой шпионско-криминальных романов Роберта Ладлема (1927-2001) и поставленных по ним фильмов, в которых роль суперагента Борна выполняет популярный актер Метт Деймон.

317

Chilly Willy (Ледяной Вилли) - пингвин, созданный в 1953 году персонаж многих десятков мультфильмов.

318

e-bay - популярный интернет-аукцион, где каждый может выставить на продажу или приобрести любую не запрещенную законом вещь.

319

«Blind Boys of Alabama» - основанный в 1939 году вокально-инструментальный ансамбль слепых черных музыкантов, который и сейчас существует во главе с двумя еще живыми основателями-вокалистами.

320

Раз в год в штате Мэн лицензированные охотники могут принимать участие в лотерее, где разыгрываются билеты, которые дают право охотиться на лося; житель штата платит за выигранный билет $52, не житель - $484.

321

«Springfield XD» - бренд, под которым в США с 2002 года продаются несколько разнокалиберных моделей высококачественных компактных пистолетов HS 2000, которые разработаны и выпускаются хорватской компанией «Хрватскі самокрес продукт».

322

«Закрой глаза и трижды щелкни пятками, потому что нет места, лучшего чем дом» - заговор, которому Добрая фея Юга Глинда научила обутую в волшебные туфельки девочку Дороти, чтобы та могла перенестись из Страны Оз домой, в Канзас.

323

Джулия шутит над тем, что инициалы имен James Cox и Jesus Christ совпадают.

324

В американских школах свитерами (или куртками) с буквенной монограммой награждаются лучшие игроки спортивных команд; три буквы означают успехи в трех разных видах игр.

325

«Judge Judy» - популярное реалити-шоу, которое существует с 1996 года; прямая трансляция судебных процессов в рамках семейного права, которые ведет калифорнийская судья Джуди Шейндлин.

326

«Americas Most Wanted» - начатая в 1988 году документально-постановочная телепередача, посвященная розыску опасных преступников и исчезнувших детей; благодаря показу на экране фото и видео разыскиваемых, детальному описанию их привычек и характерных особенностей, многие из них арестовываются или находятся.

327

В конце 1960-х известнейшим человеком по имени Девид Перна был постановщик и исполнитель трюков в кино.

328

Роберт Кеннеди (1925-1968) - брат президента Джона Кеннеди, был генеральным прокурором, сенатором, кандидатом в президенты, застреленный в Лос-Анджелесе после того, как выиграл первичные выборы в Калифорнии.

329

Классический блюз, который в разных версиях входит в репертуар большинства артистов этого жанра.

330

Thorazine (хлорпромазин) - синтезированный в 1950 году первый антипсихотик, до сих пор широко используемый для угнетения возбуждения, ослабления страха и тревоги.

331

Персонаж мультсериала «Симпсоны», которого в оригинале озвучивает Дениэл Кастелланета; для предоставления голоса Гомера Симпсона комической «дурноватости» этот актер проговаривает реплики, прижимая подбородок к груди.

mir-knigi.org

332

Сумах ядовитый (Toxicodendron pubescens) - характерный для атлантического побережья США куст высотой 1 м, с пушистой листвой, которая размером и формой напоминает дубовое; все части растения содержат токсин урусиол, который вызывает у человека аллергическую реакцию, иногда очень тяжелую.

333

«Dasani» - питьевая вода, которую с 1993 года выпускает компания «Кока-Кола».

334

100° F = 37,7 °C.

335

«You're Beautiful» - хит 2004 года британского певца Джеймса Бланта.

336

«Field & Stream» - основанный в 1895 году журнал для охотников и рыбаков, одно из популярнейших в США изданий этого направления.

337

«Deb Shops» - основанная в 1932 году сеть магазинов брендовой одежды и белья, которая с 1960-х ориентируется на девушек-подростков и молодых женщин.

338

Miley Cyrus (р. 1992 г.) - дочь популярного кантри-певца Билли Рея Сайреса, киноактриса и поп-певица, которая еще ребенком прославилась главной ролью в музыкально-комедийном сериале «Анна Монтана».

339

Прозвище старейшей (с 1917 года) дивизии в современной армии США (на нарукавном шевроне большая единица красного цвета).

340

«Macy's» - основанная в 1858 году сеть универмагов, характерным признаком уличных парадов на День благодарения (четвертый четверг ноября), которые компания регулярно устраивает с 1924 года, являются большие воздушные шары в форме разных сказочных героев.

341

Рей Брэдбери (р. 1920 г.) - автор многих выдающихся произведений в жанре «спекулятивной фантастики»; «Лекарства от меланхолии» (1959) - рассказ, который дал название известному сборнику его новелл.

342

mir-knigi.org

«People» - основанный в 1974 году еженедельник, который пишет о жизни звезд; выдается тиражом свыше 3,5 млн. экземпляров.

343

Глинда (Добрая фея Юга) - персонаж знаменитой детской книжки «Страна Оз» американского писателя Фрэнка Баума (1856-1919).

344

«Converse» - основанная в 1908 году компания по производству спортивного обуви на резиновой подошве, многолетний официальный поставщик Национальной баскетбольной ассоциации, сейчас принадлежит корпорации «Nike»; оригинальные модели кед «Конверс» считаются культовыми.

345

Waterboarding (буквально - «водный пансион») - вид пытки, который практиковали американские войска в Ираке: связанного человека кладут навзничь, накрывают лицо тряпкой (губкой) и поливают водой; человек чувствует себя точно, как утопленник.

346

«Tupperware» - компания, которая разработала и с 1946 года выпускает популярную пластиковую посуду для пищи, которую можно герметически закрывать.

347

«Special K» - немного поджаренные рисово-пшеничные хлопья, которые с 1956 года выпускает компания «Kellogg», рекламируя как питательный диетический завтрак с низким содержимым жиров.

348

66° F = 18,8 °C.

349

«Я шпионю» - игра, в которую по обыкновению играют с маленькими детьми для развития у них внимательности и запоминания азбуки, начинают словами «Я своими глазками шпионю...», например, за машинами и всем, что на букву М; «Я шпионю» (2002) - кинокомедия по сюжету популярного в 1960-е одноименного телесериала.

350

«Bil-Jac» - основанная в 1947 году братьями Биллом и Джеком Келли компания по производству высококачественной пищи для собак, которая практически не рекламирует свои продукты в медиа, полагаясь на распространение доброй славы «от собаковода к собаководу».

351

«Cheez Doodles» - популярный на Восточном побережье бренд кукурузных палочек с вкусом сыра.

mir-knigi.org

352

Популярные готовые пирожные-пирожки с разной начинкой, которые продаются на тарелочках из фольги; с 1924 г. производятся компанией «Table Talk Pies».

353

«Преследуемые» - выдуманный Кингом сиквел популярного телесериала «Затерянные» («Lost»), который демонстрируется с 2004 года.

354

HBO - кабельный канал, который передает фильмы и сериалы на заказ; ретранслируется в 150 странах.

355

«Weight Watchers» - основанная в Нью-Йорке в 1963 году компания, которая предлагает разные продукты и личностно-групповые программы (проводятся встречи для обмена опытом, как у « Анонимных алкоголиков») для похудения; сейчас работает в 30 странах.

356

Ли Харви Освальд - убийца президента Кеннеди.

357

Герой первого легального в США фильма в жанре ню «Приключения Счастливчика Пьєра» (1961), сюжет которого состоит в том, что молодой француз, прибыв в Америку, всюду видит голыми красивых женщин, которые для других выглядят одетыми.

358

«Santa Rosa» - калифорнийская компания, которая также выпускает сугубо специальную строительно-монтажную продукцию для лабораторий и предприятий с высоким уровнем радиации.

359

Весело (фр.).

360

«Wildcat» - карабин, имеет много модификаций; «Black Shadow» - «наилучшая охотничья винтовка века», выпускается с 1936 года; «Black Defender» - мощнейшая винтовка фирмы; «Extreme Weather» - всепогодная винтовка облегченного веса; «Featherweight» - винтовка на большого зверя.

361

«Car and Driver» - основанный в 1955 году авторитетный автомобильный журнал; Кинг выдумал модель дорожно-трекового авто «Форд-Веспер», тогда как «BMW» с гибридным двигателем действительно запланирована к выпуску в конце 2011 года.

mir-knigi.org

362

Основанная в штате Канзас в первой половине XIX столетии военная база, «интеллектуальный центр армии СИЛКА» со многими военными исследовательскими учреждениями, где также находится единственная армейская тюрьма максимально строгого режима.

363

Сан-Диего - большой город в Южной Калифорнии; различие во времени между Восточным и Западным побережьями США - 3 часа.

364

Фраза из песни «Играй ее всю ночь» (1980) рок-менестреля Воррена Зевона (Warren Zevon, 1947-2003) - полуцитата из патриотического (в пользу конфедератов) хита «Милая родина Алабама» группы «Lynyrd Skynyrd», основные члены которой в 1977 году погибли в авиакатастрофе.

365

Речь идет об униформе для американского футбола и бейсбола.

366

Orono - основанный в 1774 году город в округе Пенобскот, где находится основанный в 1862 году Университет штата Мэн.

367

«Mr.Sardonicus» (1961) - фильм ужасов о юноше, которому навеки перекосило лицо, когда он выкапывал из могилы тело своего отца, чтобы забрать похороненный вместе с ним выигрышный лотерейный билет.

368

Смешной персонаж из начатой в 1949 году серии мультфильмов об Увальне Койоте и Марафонце (Road Runner), нарисованному по образу калифорнийской кукушки - самой большой птицы своего вида (60 см длиной, 25 в высоту), который не любит летать, но быстро бегает.

369

«Mighty Clouds of Joy» - основанный в 1960 году вокальный квартет, который главным образом поет музыку госпел.

370

Игра с мячом, похожая на футбол, но по бейсбольным правилам.

371

Theodor Seuss Geisel (1904-1991) - знаменитый детский писатель и иллюстратор (его фамилию также выговаривают: Сьюз, Зус, Сойс, Зойс); о Коте в шляпе им написано шесть книжек, по которым также снято несколько фильмов.

mir-knigi.org

372

Проповедник из штата Индиана, коммунист-христианин по взглядам, основатель церкви «Народный храм»; после того, как Москва отказала в эмиграции его секты в СССР, в 1977 переехал вместе со своими адептами из США в Гаяну, в 1978 году подговорил их на массовое самоубийство, в котором погибли 909 человек.

373

Имеются ввиду известный телепродюсер и режиссер Дон Миссчер (р. 1940 г.) и ведущая ежедневной программы новостей канала Си-Эн-Эн Кайра Филлипс (р. 1968 г.).

374

Имеется ввиду известный журналист и политический комментатор консервативных взглядов Билл О'Рейли (р. 1949 г.).

375

Интернет-ресурс, на котором можно увидеть довольно качественные космические снимки (а также карты) практически всей поверхности Земли.

376

Девид Иригори (р. 1970 г.) - политический журналист, модератор воскресного ток-шоу «Встреча с печатью» на канале Эн-Би-Си; имеет седую шевелюру.

377

«Погоня женихов» - традиция, которая существует с 1947 года в Бостонском магазине Филена, когда один день в году проводится распродажа очень дорогих свадебных платьев со скидками до 80 %; сотни женихов из всей страны с родителями и подружками занимают очередь под магазином с вечера, лишь бы утром по свистку администратора ворваться туда беспорядочной толпой.

378

Эндрия Макаррен - награжденная многими профессиональными отличиями тележурналистка, которая специализируется на политических расследованиях.

379

«Голос Америки» - основанная в 1942 году государственная радиотелевизионная служба для пропаганды позиции правительства США за границей; прямые трансляции программ «Голоса Америки» на территорию США запрещены законом.

380

Belted Galloway - редчайшая порода шотландского скота темного цвета с характерным широким белым ремнем вокруг туловища; Гелловеи приспособлены питаться бедными кормами в трудных климатических условиях.

381

mir-knigi.org

Модифицированный в 1873 году майором Шофилдом револьвер «Смит & Вессон-3».

382

Известный бейсболист, игрок команды «Колорадо Рокиз».

383

Аннунцио Паоло Мантовани (1905-1980) - британский дирижер итальянского происхождения, руководитель оркестра легкой музыки, который прославился характерным звучанием «каскадных струнных», которые имитируют естественную реверберацию, и существенным образом повлиял на таких дирижеров, как Джеймс Ласт и Поль Мориа.

384

«Metallica» - основанная в 1981 рок-группа из Лос-Анджелеса, самая влиятельная стиле трэш-металл; «Pantera» (1981-2003) - трэш-металл-группа из Техаса.

385

Кейт Уинслетт (р. 1975 г.) - британская киноактриса.

386

Dextropropoxyphene - анальгетик категории опиоидов, имеет торговые названия darvocet, darvon и т.п.

387

Известный телепроповедник крайних правых взглядов.

388

Весьма энергичные черные артистки в стилях ритм-энд-блюз и госпел: Mavis Staples (р. 1939 г.) - певица и активистка защиты гражданских прав; «Clark Sisters» - популярная в начале 1970-х семейная вокальная группа.

389

GEICO - автостраховая компания, одним из популярнейших рекламных образов которой является зеленый геккон.

390

Папа Смерф - похожий на гнома главный персонаж комикса бельгийского художника Пейо «Смерфи», по которому снимается много анимационных и художественных фильмов.

391

Winged Ripper - эмблема (скелет с крылышками) основанной 1978 года инжиниринговой компании «Powell Peralta», которая выпускала созданные по собственной технологии скейтборды и спонсировала команду, составленную из наилучших скейтеров 1980-х.

392

mir-knigi.org

Битва за Аламо (1836) - известнейшее событие во время Техасской революции, когда мексиканское войско после многодневной осады захватило миссию техасских поселенцев Аламо.

393

Созданный в XIX ст. в Нью-Йорке один из самых старых в Америке безалкогольных напитков, который теперь выпускает компания «Пепси-Кола»; бренд «Dr. Brown's» остается популярным в Новой Англии, но почти неизвестен в остальных штатах.

394

«Staples Singers» - семейный вокальный ансамбль (стили: госпел, блюз), сформированный в 1948 году Робаком Стейпелзом (1914-2000), который существует и в настоящее время; «Get Right Church And Let's Go Home» - традиционный госпел.

395

Рамфорд - основанный в 1779 году город в округе Оксфорд, который и сейчас остается центром современной бумажной промышленности штата Мэн.

396

«Glenlivet» - солодовый шотландский виски, который выпускается с 1824 года.

397

Популярное снотворное.

398

«Suicide Is Painless» - тематическая песня, которая звучит в знаменитом сериале «MASH» («Военно-полевой госпиталь») и одноименном фильме.

399

«Stalag 17» (1980-1987) североирландская анархо-панк-группа, которая позаимствовала название нацистского лагеря для военнопленных, который существовал на территории Австрии в годы Второй мировой войны. «Dead Milkmen» (1983-1995) - американская панк-группа из города Филадельфия.

400

Bump - «трах» в сексуальном контексте.

401

«M4 Sherman» - основной танк войск США во времена Второй мировой войны.

402

«Escalade» - название нескольких моделей джипов, которые производятся с 1999 года компанией «Cadillac».

mir-knigi.org

403

Tylenol - бренд, под которым в США производится парацетамол; Advil - ибупрофен.

404

Лон Чейни-Младший (1906-1973) - характерный актер, который после успеха фильма «Вурдалак» (1941), где он сыграл главную роль, и в последующие года часто выступал в том же амплуа, снявшись во множестве фильмов ужасов.

405

Разработанный в 1975 году итальянской компанией «Beretta» пистолет, который теперь также выпускается и в США.

406

Sylvia Plath (1932-1963) - американская писательница, чей поэтический и прозаический задел высоко ценится и часто обсуждается на фоне ее загадочной ранней смерти, которую многие считает самоубийством.

407

«Graham crackers» - популярное бисквитное печенье в форме галеты из пшеничной муки, придуманное священником и диетологом Сильвестром Гремом в 1826 году.

408

William Carlos Williams (1883-1963) - поэт-имажинист, врач-педиатр по специальности; его знаменитый короткий стих «Остается только сказать» (1934): Я съел все сливы, которые были в холодильнике, те, которые ты, наверное, берегла на завтрак, извини меня, они были вкусные, такие сладкие и такие холодные.

409

Основанный в 1954 году в Нью-Йорке бренд женской одежды, белья и аксессуаров.

410

Основанная в 1919 году добровольная организация ветеранов вооруженных сил США со штаб-квартирой в Индианаполисе, которая имеет отделения во всех штатах.

411

Ричард (Дик) Чейни (р. 1941 г.) - вице-президент США (2001-2009) в администрации президента Джорджа Буша-Младшего.

412

Принцесса Ариэль - главная героиня диснеевского мультфильма «Русалочка» (1989).

413

В государственных учебных заведениях США запрещено вести религиозные службы, хотя

mir-knigi.org

частная молитва разрешена; в муниципальных школах эти проблемы решает местная община, хотя последнее слово имеет суд.

414

Указательный и средний пальцы растопырены буквой V, ладонь торчит вертикально вверх.

415

Рядовой Снафу – недалекий юмористический персонаж учебных мультфильмов, которые в 1943-1945 г.г. на заказ армии США выпускала для солдат студия «Дисней».

416

«Моби Дик» (1851) - выдающийся роман американского писателя Германа Мэлвилла (1819-1891) о погоне за огромным белым китом по прозвищу Моби Дик; Стабб - второй помощник китобойного судна, естественный философ и резонер.

417

«Hail to the Chief» - песня, написанная в 1812 году английским композитором Джеймсом Сендерсоном на слова Вальтера Скотта, которая со временем стала музыкальной темой, которую играют во время почетных встреч президента США; «Bad Moon Rising» (1969) - хит рок-компании «Creedence Clearwater Revival».

418

Долина, где в 1960-те во время вьетнамской войны происходили жесточайшие бои.

419

«Indiglo» - популярный бренд электронных часов.

420

Джеймс Ван Аллен (1914-2006) - астрофизик, который в 1957 году практически доказал существование радиационных поясов вокруг Земли, которые затем были названы его именем.

421

Персонажи романа-эпопеи в жанре фентези «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена (1992-1973).

422

Во время партийных представлений 2008 года Хиллари Клинтон заплакала, отвечая на вопрос корреспондентки «тяжело ли женщине в политике?»; хотя госпожа Клинтон по результатам предыдущих голосований во многих штатах опережала своего конкурента Барака Обаму, в итоге, кандидатом от демократической партии, а потом и президентом стал таки он.

423

Город на реке Андроскоггин и одноименном озере, в районе Люистон-Оберн.

mir-knigi.org

424

«Enterprise» («Предприимчивый») - название космического корабля в телесериале «Стар Трек» и последующих за ним видеопроизведениях.

425

Атигистаминный, противоаллергический препарат, который применяется также как успокоительное средство.

426

«Cheer: fixin'-to-die Rag» («Речевка: я чувствую себя так, словно мне суждено умереть») - антивоенная песня компании «Country Joe and the Fish» («Кантри Джо и Рыба»), которую вместе с группой пела почти полумиллионная аудитория знаменитого рок-фестиваля Вудсток (1969).

427

Уильям Маккинли (1843-1901) - 25-и президент (1897-1901), был застрелен анархистом Леоном Чолгошем; самая высокая в Северной Америке гора Маккинли (6198 м) располагается на Аляске, сегодняшнее название ей дали золотоискатели, которые поддерживали тогда еще кандидата в президенты Уильяма Маккинли, потому что в его программе был пункт переведения денежной системы США с серебряного на золотой стандарт.

428

«Hubble Space Telescope» - телескоп, который с 1990 года работает на околоземной орбите; названный в честь американского астронома Эдвина Габбла (1889-1953).

429

Quadrangle Club - основанный в 1896 году один из десяти все еще существующих элитных «обеденных клубов» в Принстоне.

430

Bates College - частный колледж, основанный баптистами-аболиционистами 1855 года в городе Люистон, один из первых в США, где вместе учились девушки и ребята.

431

«Mr. Coffee» - одна из популярнейших в США домашних кофеварок капельного типа, которые с 1972 года выпускает компания «North American Systems».

432

«Shamwow» - кухонное полотенце-губка, реклама которого отмечается большой напористостью, которая граничит с наглостью.

433

Всемирно известная пьеса (1947) американского драматурга Теннесси Вильямса (1911-1983);

mir-knigi.org

Стелла Ковальски (в девичестве Дюбуа) - одна из главных героинь пьесы, верная жена своего беспутного мужа.

434

Всегда веселая (фр.).

435

«Green» («Зеленый») - брендовое название лаков «Хонда Одиссей» разных оттенков со сланцевым блеском, среди которых нет зеленого.

436

Четвертак - 25 центов.

437

Популярная традиция в американских семьях: уплата штрафа за любое бранное слово по заранее установленной таксе; деньги ложатся в специальную кружку, которая называется Swear Jar.

438

75° F = 23,8 °C.

439

Опра Уинфри (1954) - знаменитая телеведущая собственных ток-шоу.

440

85° F = 29,4 °C.

441

«Кончай свинью» - неофициальный лозунг радикальной афроамериканской Партии Черных Пантер, которая существовала в США с 1966 до начала 1970-х (в американском сленге «свинья» - полицейский).

442

«The Wheels on the Bus» - популярная в англоязычных странах детская дорожная песня.

443

«Acura» - североамериканский бренд японской компании «Хонда», под которым выпускаются автомобили класса люкс и спортивного типа.

444

Кинг выдумал певца Эрни Келлога, соединив имя Эрни Родригеса и фамилию Ричарда Келлога - музыкантов реальной блюз-роковой группы «Canned Heat» («Консервированная жара»).

445

mir-knigi.org

«Sucrets» - основанная 1931 года компания по выпуску леденцов от кашля.

446

Джон Форд (1894-1973) - один из самых уважаемых режиссеров в истории американского кино.

447

Главная политическая обозревательница телекомпании Си-Эн-Эн.

448

Знаменитая фраза художника Энди Ворхола, сказанная им 1968 года: «В будущем каждый будет иметь свои 15 минут мировой славы».

449

Выдуманный Кингом город в штате Мэн, который упоминается во многих его произведениях.

450

105 фунтов = 47,6 кг.

451

Кевлар - впятеро более стойкий, чем стали синтетический материал, разработанный в 1965 году компанией «Дюпон».

452

Compadre - кум, друг, приятель (исп.).

453

«Heckler & Koch MP5» - разработанный в Германии 1966 года пистолет-пулемет; сейчас один из наиболее распространенных в мире.

454

Ричард «Чич» Марин (р. 1946 г.) и Томми Чонг (р. 1938 г.) - актеры-комики, прославленные ролями «безбашенных» наркоманов-марихуанщиков в серии кинофильмов.

455

«O. F. Mossberg & Sons» - основанная в 1919 году фирма по производству ружей.

456

Исайя, 13:9.

457

Чед Маерс - ведущий-метеоролог телекомпании Си-Эн-Эн; Соледад О'брайан (р. 1966 г.) - известная тележурналистка каналов «Дискавери» и Си-Эн-Эн.

mir-knigi.org

458

«Datsun» - бренд японских автомобилей, который принадлежит корпорации «Nissan».

459

Альбион - великан, сын Посейдона, первозданный человек, отец многих сыновей и дочерей - сквозной персонаж произведений английского поэта Уильяма Блэйка (1757-1827).

460

«Атапи» - основанная в 1934 году электротехническая компания, чьи изделия отмечаются высоким качеством и модным дизайном.

461

Brown Swiss - швейцарская порода непритязательных к условиям содержания коров, которые дают свыше 9 тыс. л молока в год.

462

« 4-H»: Head, Heart, Hands, Health (Голова, Сердце, Руки, Здоровье) - добровольная детско-юношеская организация под эгидой Национального института сельского хозяйства, деятельность которой направлена на развитие профессиональных привычек и гражданского сознания среди молодежи.

463

Веймаранер - веймарская легавая, которую используют в охоте на больших копытных.

464

Фраза, которая часто звучит в фильмах киносаги «Звездные войны».

465

426,6 °C.

466

Один из главных праздников в США, который празднуется в четвертый четверг ноября; праздник отмечает первый урожай, собранный пилигримами 1621 года после голодной зимы.

467

Аллюзия на автобиографическую песню классика дельта-блюза Томми Джонсона (1896-1956) «Canned Heat Blues» о пытке алкоголика, который выпил денатурат для печей фирмы «Sterno», который так и называется: «Консервированный жар».

468

«Американские Орлы» - народное название сигарет «Natural American Spirit» из чистого табака.

mir-knigi.org

469

«Chesterfield» - до сих пор популярные в мире американские сигареты (единственные, которые еще производятся также и без фильтра), которые теперь почти не продаются в США.

470

Герой популярного телесериала «Доктор Хаус».

471

Castle Rock - «Замок на скале» (англ.).

472

Зарегистрированная в городе Поланд цифровая телестанция, высококачественный сигнал которой покрывает юг Мэна и северную часть штата Нью-Хэмпшир; аффилированная с телекорпорацией Эй-Би-Си

473

Джейкоб Теппер (р. 1969 г.) - известный газетный и тележурналист, старший корреспондент Эй-Би-Си при Белом доме.

474

Чарльз Гибсон (р. 1943 г.) - ведущий программы « Доброе утра, Америка» и международных новостей на канале «Эй-Би-Си Ньюз».

475

«Ореховый Гай» - городок с населением менее чем 400 жителей в округе Йорк, штат Южная Каролина.

476

«International Harvester» - начатая изобретателем конной жатки Сайресом Маккормиком в 1830-х годах фирма по производству сельхозмашин, которая позже также вырабатывала разные трактора, комбайны и рабочие автомобили; теперь имеет название «Navistar International Corporation».

477

Цирк, где разные номера одновременно показываются на трех разных манежах.

478

Оберст Вильгельм Клинк - персонаж телесериала «Герои Хогена» (1965-1971), начальник немецкого концлагеря для сбитых американских пилотов «Шталаг-13» во времена Второй мировой войны.

479

Russet Burbank - сорт, выведенный в 1870-х годах массачусетским фермером Лютером

mir-knigi.org

Бербанком, широко используется для картофельных чипсов; Long White - ранний сорт.

480

На авиабазе Кертленд в городе Альбукерки содержится Центр ядерных вооружений Управления материальных ресурсов ВВС США.

481

«Froot Loops» - разноцветные хлопья в форме колечек, которые с 1963 года выпускает компания «Kellogg»; рекламный образ продукта - тукан Сэм с длинным, полосатым клювом.

482

«Vigo» - испанская фирма, которая поставляет морепродукты из одноименного города - самого большого в Европе рыболовецкого порта; «Campbell Soup Company» - американская фирма, основанная в 1869 году.

483

Wilton - основанное на реке Норвок в 1640 году город в Западном Коннектикуте (население около 18 тыс. жителей), по данным 2000-х рр. - «один из наилучших для жизни и наиболее дорогих городов США».

484

«Парк Юрского периода» (1993) - фильм режиссера Стивена Спилберга.

485

«Xbox» - игровые приставки, которые производит компания «Майкрософт».

486

«Dirty Water» - хит (1966) существующей и теперь калифорнийской группы «The Standells».

487

От Марка, 14:37.

488

Аллюзия на поэму Т. С. Элиота (1888-1965) «Пустынная земля».

489

Бар Харбор – основанный в 1763 году курортный город (около 5 тыс. жителей) на океанском побережье штата Мэн; во время знаменитого пожара в октябре 1947 года, который длился 2 недели, выгорело около 7 тыс. гектаров окружающего заповедного леса и несколько сотен усадьб.

490

«Best Buy Co.» («Наилучшая покупка») - основанная в 1966 году сеть по продаже электроники,

mir-knigi.org

которая имеет тысячи магазинов в разных странах.

491

«Perfect Echo» - бренд основанной в 1977 году в штате Теннеси компании по производству радиоэлектроники «Wtsmedia».

492

«Sears», «Roebuck and Co.» - основанная в конце XIX ст. сеть универмагов; «Walmart» - основанная в 1962 году сеть наиболее дешевых универмагов.

493

Хубз - круглый плоский хлеб в арабских странах.

494

Жена второго сына Стивена Кинга - Джозефа Хиллстрома Кинга, также писателя, известного под псевдонимом Джо Хилл.

495

Главная редакторша издательства «Scribner» компании «Simon and Schuster», известная также работой с текстами таких знаемых авторов, как Нобелевская лауреатка Тони Моррисон, Салман Рушди, Эндрю Соломон и др.

mir-knigi.org